

ИСТОРІЯ
ПЕРВЫХЪ МЕДИЦИНСКИХЪ ШКОЛЪ
ВЪ РОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ
Профессора Якова Чистовича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ЯКОВА ГРЕЯ,
Разъѣзжая, № 51.
1883.

ИСТОРІЯ
ПЕРВЫХЪ МЕДИЦИНСКИХЪ ШКОЛЪ
ВЪ РОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ
Профессора Якова Чистовича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ЯКОВА ГРЕЯ,
Разъѣздъ, № 51.
1883.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русской литературѣ нѣтъ или почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній о нашихъ первыхъ медицинскихъ школахъ, такъ что большинство врачей нашихъ склонны думать, будто и въ самомъ дѣлѣ вся наша рациональная медицина ведетъ свое начало чуть ли не со вчерашняго дня. Между тѣмъ это совершенно несправедливо. Но чтобы доказать эту несправедливость, и въ тоже время пополнить существующій пробѣлъ русской медицинской исторіи, авторъ принялъ на себя трудъ собрать матеріалы для исторіи русской медицины XVIII столѣтія и въ особенности для исторіи первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи.

Источниками для этой работы предполагалось принять старыя «дѣла» медицинской коллегіи прошлаго столѣтія, до сихъ поръ хранящіяся въ архивѣ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Но уже при самомъ первомъ знакомствѣ съ этими источниками, обнимавшими цѣлое столѣтіе (1707—1799), количество заключающихся въ нихъ матеріаловъ, никогда не обнародованныхъ и большею частью неизвѣстныхъ, оказалось такъ велико, что собраніе и разборъ ихъ зтянулись на многіе годы. Въмѣстѣ съ этимъ, незамѣтнымъ образомъ распрылась первоначальная программа архивной работы.

Не смотря однако же на такое обиліе матеріаловъ, между ними встрѣтился весьма важный пробѣлъ, обнимавшій собою все царствованіе Петра Великаго. Старыя «дѣла» медицинской канце-

лярій прошлаго столѣтія начпнались въ медицинскомъ архивѣ только съ 1737 года, такъ какъ 25 іюня этого года случился большой пожаръ въ медицинской канцеляріи и всѣ «дѣла» ея сгорѣли. Послѣ этого можно бы было бояться, что всѣ «дѣла», предшествовавшія пожару, пропали и свѣдѣнія о самой первой и самой любопытной госпитальной (московской) школѣ не сохранились. Къ счастью, однакоже, эти опасенія оказались напрасными и вотъ какою случайностью. Первая госпитальная школа учреждена была и содержалась на средства Монастырскаго Приказа и потому многочисленныя свѣдѣнія о ней сохранились не въ медицинской канцеляріи, а въ архивѣ Св. Синода, гдѣ авторъ и имѣлъ возможность воспользоваться ими.

Предлагаемая «Исторія медицинскихъ школъ въ Россіи» не ограничивается изложеніемъ фактовъ одного только школьнаго дѣла. Рядомъ съ ними по возможности указаны тѣ учрежденія и тѣ стороны тогдашняго медицинскаго быта, которыя имѣли большее или меньшее отношеніе къ школамъ. Автору казалось, что очеркомъ среды, въ которой развивались школы, разъяснялись и положеніе школъ и постепенный ростъ ихъ.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ добавить, что по разнымъ, личнымъ и служебнымъ, обстоятельствамъ книга его писалась долго: на собраніе матеріаловъ и окончательное приведеніе ихъ въ порядокъ прошло болѣе двадцати пяти лѣтъ. Но она писалась не безпрерывно, такъ что иногда между одною и другою главами проходили цѣлые годы. Результатомъ этого выходили иногда небольшія повторенія въ подробностяхъ разсказа, которыя, впрочемъ, всегда неизбежны при обширной и продолжительной работѣ.

Я. Чистовичъ.

17 декабря 1882 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе. . .	1
Глава I. Постройка и учрежденіе московскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя . . .	
II. Содержаніе московскаго госпиталя и его хозяйственныя сѣрества въ первыя пятьдесятъ лѣтъ существованія его . . .	31
III. Первая медико-хирургическая школа при московскомъ генеральномъ госпиталѣ. Николай Бурлоо. 1707—1735 . . .	42
IV. Московская госпитальная школа послѣ Бурлоо. Учрежденіе трехъ новыхъ школъ по ея образцу. Архіатеръ Іоаннъ Бернгардтъ Фишеръ, 1735—1753.	82
V. Учители московской госпитальной школы въ дальнѣйшихъ періодахъ существованія ея. Учрежденіе доцентуръ и профессуръ	103
VI. Медицинскіе чины петербургскихъ и кронштадтскаго генеральныхъ госпиталей, какъ учителя въ школахъ ихъ. Отъ учрежденія этихъ школъ въ госпиталяхъ до отдѣленія ихъ отъ госпиталей.	150
VII. Медицинскіе чины адмиралтейскихъ генеральныхъ госпиталей (петербургскаго и кронштадтскаго)	192
VIII. Ученики петербургскихъ госпитальныхъ школъ. Первое время существованія этихъ школъ. 1733—1754.	217
IX. Переходное время московской госпитальной школы послѣ смерти Бурлоо	242
X. Объединеніе всѣхъ госпитальныхъ школъ. Учрежденіе доцентуръ	266

	СТРАН.
ГЛАВА XI. Состояніе госпитальныхъ школъ подъ управленіемъ Павла Захаровича Ковалова .	288
XII. Состояніе госпитальныхъ школъ при учрежденіи медицинской коллегии	318
XIII. Преобразование четырехъ госпитальныхъ школъ въ три медико-хирургическія училища. Опрежденіе профессоровъ и избраніе адъюнктовъ .	350
Учрежденіе вельщеровъ въ генеральныхъ госпиталяхъ.	365
XIV. Преподаваніе и экзамены по закону 15 іюля 1786 года. .	366
XV. Предварительное постановленіе о должностяхъ учащихся и учащихся (профессоровъ и адъюнктовъ). Указъ о постройкѣ здания для с.-петербургской медико-хирургической академіи .	380
XVI. Учрежденіе медико-хирургическихъ академій, первые академическіе курсы ученія и учебныя пособия .	405
XVII. Калнинское хирургическое училище или Императорскій Калнинскій медико-хирургическій институтъ	434
XVIII. Елизаветградская хирургическая школа .	460
XIX. Медицинское управленіе въ Россіи въ XVIII столѣтіи	466
XX. Медицинская практика и медицинскія учрежденія въ XVIII столѣтіи .	540
Законы противъ эмпириковъ и шарлатановъ.	—
Учрежденіе госпиталей	542
Военные инспекторы госпиталей	548
Городовые врачи и больницы.	554
Томъ упомянутаго въ С.-Петербургѣ	569
Аптеки и аптекари. Полевые и вольныя аптеки	570
Аптекарскіе огороды и ботаническіе сады	582
Хирургическіе инструменты	589
Хирургія и хирургическія операціи	595
Зубные врач.	598
Операція каменной болѣзни	603
Глазные болѣзни .	—
Оспенные дома	605
Минеральныя воды	611
Карантинъ .	614
Медицинскій бытъ	632
Экзамены для иностранныхъ докторовъ	640
Медицинскія степени и табели о рангахъ.	652 и 320
Пенсіи вдовамъ и сиротамъ врачей	656
Бадерскія баня	659

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I. Генеральный регламентъ о госпиталяхъ.	III
II. Два письма доктора Н. Вядлоо къ императору Петру Великому	XXVIII

	СТРАН.
Прилож. III. Цифирныя школы и первыя духовныя семинаріи въ Россіи.	XXX
IV. Дипломъ московской госпитальной школы на званіе подлѣкаря и лѣкаря, установленный докторомъ Н. Бидлоо, и русскій переводъ его, сдѣланный въ 1738 году при медицинскои канцеляріи	XLIV
V. Дипломъ московской госпитальной школы подъ управленіемъ доктора и директора Л. Блюментроста.	XLVI
VI. Свидѣтельство на званіе почетнаго члена медицинскои коллегіи 1794 года .	XLVII
VII. Указъ объ учрежденіи медицинскои коллегіи .	
VIII. Душевная болѣзнь царя Ивана IV Васильевича Грознаго .	LV
IX. Наставленіе архіатера Я. Ѳ. Монзеня служащимъ врачамъ	LX
X. Алфавитный списокъ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи .	LXVI
XI. Граммата Петра Великаго на пожалованіе лейбъ-медика Эрскина архіатеромъ и современный русскій переводъ ея	CCCLXVI
XII. Докесеніе архіатера Р. Эрскина Петру Великому.	CCCLXVII
XIII. Духовное завѣщаніе архіатера Р. Эрскина	CCCLXVIII
XIV. Указъ Петра Великаго о присылкѣ и уродахъ и рѣдкостей	CCCLXIX

ИСТОРИЯ

ПЕРВЫХЪ

МЕДИЦИНСКИХЪ ШКОЛЬ ВЪ РОССИИ.

Исторія медицинскихъ учрежденій въ Россіи обыкновенно начинается съ учрежденія Аптекарскаго Приказа, т. е. съ 1620 года. Но если взять во вниманіе во-первыхъ то, что кругъ дѣятельности этого Приказа ограничивался одной придворною медицинскою частью, не распространяясь на цѣлое государство, а во-вторыхъ и то еще, что при дворѣ почти вся его заботливость поглощена была устройствомъ, снабженіемъ и управленіемъ аптекъ для царскаго семейства, то возникаетъ невольное сомнѣніе: можно-ли считать его въ ту пору государственнымъ медицинскимъ учрежденіемъ? Учрежденіе аптеки при Московскомъ Дворѣ относится къ восьмидесятымъ годамъ XVI столѣтія, именно ко времени прибытія въ Москву англійскаго аптекаря Джемса Френчема (James Frencham), который присланъ былъ королевою Елисаветою по просьбѣ царя Іоанна Грознаго (1581). Стало бытъ со времени учрежденія аптеки до учрежденія Аптекарскаго Приказа прошло поменьшей мѣрѣ отъ 15 до 35 лѣтъ¹⁾. Но и тутъ едва ли можно придавать Ап-

¹⁾ Эта разниця въ указаніяхъ года его учрежденія происходитъ отъ недостатка точныхъ объ немъ свѣденій. Одни, слѣдуя Рихтеру, относятъ учрежденіе Аптекарскаго Приказа къ 1620 году; а другіе, вѣря Маржере будто въ его время «(1602) былъ при Дворѣ Aptecarsqui Bojar (Abtesqui Baiari), qui avait la survoiance des medecins et apoticairens и котораго онъ ставитъ вслѣдъ за конюшимъ (grand maistre de l'escurie ou conusney bajarj). пола-

теварскому Приказу значеніе государственнаго учрежденія. Приказъ завѣдывалъ придворною аптекою и врачами и первоначально былъ. кажется, исключительно принадлежностью Двора или лучше сказатъ особы царя и его семейства, безъ всякаго почти отношенія къ государству или народу. Этимъ только и можно объяснить, почему Мажере ставитъ начальника Аптекарскаго Приказа на второмъ мѣстѣ придворныхъ должностей, вторымъ лицомъ послѣ конюшаго боярина. Дѣйствительно этимъ Приказомъ завѣдывали лица самыя надежныя по своей преданности царю, самыя приближенныя къ особѣ его, въ руки которыхъ можно было поручить жизнь его. Они назначались лично самимъ царемъ и таковы были бояре Шереметевъ, Илья Даниловичъ Милославскій, Морозовъ, Арт. Матвѣевъ, Семень Никитичъ Годуновъ, три боярина князя Никита Ивановичъ Одоевскій (1678—1689), Василій Федоровичъ Одоевскій (1678) и Яковъ Никитичъ Одоевскій (1689) и др. Только въ послѣдствіи времени кругъ дѣйствій Апт. Приказа распространился отъ Двора на государство: ему позволено было отпускать лѣкарства изъ царской аптеки для больныхъ бояръ и стрѣльцовъ (1670) и приказано было прилагать стараніе о всеобщемъ здравіи согражданъ и о воспрепятствованіи распространенію прилипчивыхъ болѣзней. Такое первоначальное значеніе Аптекарскаго Приказа становится понятнымъ, если вспомнимъ, что и врачи иностранные вызываемы были въ Россію исключительно только для придворной службы, т. е. для наблюденія за здоровьемъ царя и его семейства, между тѣмъ какъ иноземные лѣкаря, вызванные не для Двора, состояли въ завѣдываніи Пушкарскаго Приказа и по распоряженію его распредѣлялись по полкамъ ¹⁾. Такъ было съ половины XV почти до самаго XVIII столѣтія. Да и не могло

гають, будто этотъ Приказъ существовалъ уже въ первые годы XVII столѣтія, а можетъ быть даже и раньше. Вотъ слова Мажере: *Le plus grand office de Russie est le Grand Maistre de l'Escuvie, qu'ils appellent Conusney Bajarj, puis celui qui a la survoiance des médecins et apoticaire, lequel ils nomment Abtesqui Bajarj (Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie, etc. par le capitaine Margeret, Paris, 1660, 2-е издание было напечат. въ 1607 году, какъ сказано въ концѣ этого 2 изданія *)*.

*) Въ *Древней Россійской Виблюиикъ* (ч. XX, изд. 2, Москва 1791, стр. 178) упоминается объ немъ только съ 1658 года по 1672 годъ, когда онъ переименованъ въ *Аптекарскую Палату*, и пересчитываются бояре и дѣяки, управлявшіе имъ по 1690 годъ.

¹⁾ Указъ 22 марта 1698 года.

быть иначе, потому что въ тѣ времена не только народъ, но многие и бояре не раздѣляли царской довѣренности къ иностраннымъ врачамъ и ѳченію ихъ, а напротивъ употребляли всѣ средства обойтись безъ ихъ «обія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда иностранцы присылаемы были чимъ по царскому приказанію ¹⁾). Только въ то время, когда Апт. Чазъ, названный въ 1672 году Аптекарскою Палатою, переименованъ въ Аптеч. Канцелярію (1707) и позже въ Медицинскую Канцелярію (1725), цѣль учрежденія совершенно измѣнилась и Россія увидѣла у себя настоящее центральное медицинское управленіе.

Но еще и въ началѣ XVIII столѣтія на аптекарскую канцелярію и на аптеки смотрѣли какъ на учрежденія служащія для выписки изъ за границы разныхъ рѣдкостей, диковинъ и дорогихъ товаровъ, не существовавшихъ въ народномъ обращеніи и пригодныхъ только для исключительныхъ случаевъ. Такъ, въ 1707 году генераль майоръ и оберъ-комендантъ Романъ Брюсъ потребовалъ изъ аптеки красокъ и лаку для окраски государевой яхты въ Воронежѣ. Изъ аптеки-же 22 марта 1709 года потребовано было 6 ведеръ двойнаго вина «на скорострѣльные трубки и на всякія лабораторныя дѣла». Очевидно, эти требованія обращены были къ аптекѣ по той причинѣ, что сказанныхъ матеріаловъ нельзя было добыть въ обыкновенной торговлѣ, и онѣ потому только не кажутся странными, что на аптеку смотрѣли тогда какъ на запасный магазинъ всего выписываемаго непосредственно изъ чужихъ краевъ. Доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующее гораздо позднѣйшее извѣстіе: 12 августа 1737 года Канцелярія Главной Артиллеріи требовала изъ Медич. Канцеляріи сулемы 5 фунтовъ для фейерверка, имѣющаго быть въ будущемъ 1738 году, при чемъ въ концѣ требованія прибавлено: «а оной купить нигдѣ не сысзано».

¹⁾ Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Margeret «Ils (russes) ne savent que c'est de médecines, si ce n'est l'empereur et quelques principaux seigneurs. Mesmes ils tiennent plusieurs choses souillées, desquelles on se sert en médecine, entr'autres ne prennent volontiers des pilules. Ils abhorrent le musc, la civete et autres telles choses. Mais si les simples sont malades, ils prennent constumierement un bon traict d'eau de vie et y mettent une charge de poudre d'arquebouze dedans, ou bien une teste d'ail pilée vement cela et le boivent, et vont à l'instant à une estuve, laquelle est si chaude, que l'on n'y sçaurait presque durer et y demeurent jusqu'à ce qu'ils ayent sué une heure ou deux, et en usent de mesme en toute sorte de maladies».

Съ половины XVI столѣтія въ исторіи упоминается о разныхъ административныхъ мѣрахъ къ учрежденію больницъ въ разныхъ городахъ Россіи: но эти больницы были не что иное какъ богадѣльни, благотворительныя пріюты столько же для больныхъ, сколько для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, и притомъ гораздо болѣе для послѣднихъ, чѣмъ для первыхъ: Тамъ ихъ призрѣвали, кормили, поили и— больше ничего. Это было тоже самое монастырское или церковное благотвореніе, примѣры котораго существовали еще при Владимірѣ Великомъ и дѣтяхъ его. Лѣчить было нѣкому, кромѣ развѣ бывалыхъ стариковъ и старухъ, собственнымъ опытомъ или наслѣдственнымъ преданіемъ убѣдившихся въ пользѣ нѣзвѣстнаго рода сподручныхъ зелій или снадобій и раздававшихъ ихъ знакомымъ своимъ. Больницы въ собственномъ смыслѣ, т. е. въ значеніи лѣчебныхъ заведеній, назначенныхъ не для одного только призрѣнія, но и для лѣченія больныхъ, едвали существовали въ Россіи до половины XVII столѣтія. По крайней мѣрѣ въ этомъ заставляеть сомнѣваться указъ царя Федора Алексѣевича 1682 года, данный Аптекарскому Приказу, т. е. князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому. Въ этомъ указѣ сказано, что главнымъ поводомъ къ учрежденію сихъ заведеній въ Москвѣ было доставить истинно бѣдному больному средства исцѣлить недугъ свой въ больницѣ, страждущаго болѣзнію неизлѣчимою и снискивающаго пропитаніе отъ состраданія подобныхъ себѣ опредѣлять по смерти въ богадѣльню, искоренять нищихъ, притворно больныхъ, занимая оныхъ какимъ либо полезнымъ дѣломъ. Замѣчено также касательно госпиталей, что по учрежденіи оныхъ молодые врачи будутъ имѣть случай усовершенствоваться въ искусствѣ своемъ чрезъ практику, тѣмъ болѣе, что многіе лѣзьяра получали отъ царя годовое жалованье *не бывъ совершенно заняты*. Сверхъ того, чрезъ сіе представится Аптекарскому Приказу случай знать того изъ нихъ, кто отлпчается особою ревностію къ службѣ. На послѣдокъ въ этомъ указѣ замѣчено, что *время уже искоренить нищизнъ* ¹⁾. На содержаніе больницы царь назначилъ имѣніе бывшихъ архіепископовъ архангельскихъ и кромѣ того кружечный сборъ по московскимъ церквамъ. Изъ этого указа видно, что правильно образованныхъ госпиталей до сего еще не было, а только желательно было имѣть ихъ, и что даже при учрежденіи этого госпиталя не знали еще, какъ разграничить его съ бога-

¹⁾ Рихтеръ, *Исторія медицины въ Россіи*, ч. II, стр. 284.

дѣльнею. При томъ неизвѣстно, долго ли существовала эта больница и даже была ли она открыта, потому что черезъ годъ царь Федоръ умеръ и въ слѣдующее царствованіе объ ней не упоминается.

Подобное же сомнѣніе наводитъ указъ Петра I, данный въ 1700 году. Въ этомъ указѣ предписано учредить по всѣмъ губерніямъ богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ и кромѣ того въ домовыя патриаршія богадѣльни принимать *больныхъ* и престарѣлыхъ *нищихъ* и для лѣченія больныхъ опредѣлить лѣкарей. Въ Москвѣ велѣно принимать въ богадѣльни раненыхъ и увѣчныхъ офицеровъ, урядниковъ и солдатъ, а на содержаніе богадѣленъ употреблять церковныя свѣчныя суммы. Такимъ же образомъ, только нѣсколько позднее (1712), при городскихъ церквахъ въ Москвѣ и другихъ городахъ построены были госпитали для приѣма и содержанія незаконнорожденныхъ дѣтей, по примѣру существовавшихъ уже въ Новгородѣ и основанныхъ митрополитомъ Іовомъ въ 1706 году при Колжовѣ монастырѣ ¹⁾. Очевидно, что всѣ эти госпитали и больницы, нося это названіе, въ сущности были не болѣе какъ богадѣльни или пріюты, въ которыхъ лѣченіе больныхъ было только случайностью, а не цѣлью учрежденія.

Въ концѣ XVII вѣка при Московскомъ Дворѣ существовали двѣ аптеки: старая и новая. Первая называлась также *верхнею* или *главною* государевою и служила исключительно для снабженія Двора лѣкарствами, а послѣдняя—*нижнею* и служила также для снабженія, кромѣ Двора, и войскъ лѣкарствами. Указомъ 22 ноября 1701 года предписано учредить въ Москвѣ восемь аптекъ, съ подчиненіемъ ихъ Посольскому Приказу (вѣроятно потому, что аптекарями исключительно были иностранцы) и запрещено торговать лѣкарствами внѣ аптекъ. Позднѣе (1713) заведена полевая аптека, вольныя аптеки въ Кіевѣ, Воронежѣ, при всѣхъ семпваріяхъ, въ С. Петербургѣ, въ Астрахани, въ Архангельскѣ, въ Селенгинскѣ и наконецъ во всѣхъ городахъ имперіи (1767). Главная придворная аптека съ 1706 года находилась въ непосредственномъ вѣденіи архіатера Эрскина, а городскія аптеки съ 1721 года подчинены были Медицинской Канцеляріи,

¹⁾ *Исторія рос. іеррр.сін.* іерохонаха Амвросія Орнатскаго Москва 1812, ч. IV, стр. 571.

а въ губерніяхъ врачебнымъ управамъ, кромѣ аптекъ при морскихъ госпиталяхъ, оставшихся въ подчиненіи архіатеру ¹⁾).

ГЛАВА I.

Постройка и учрежденіе московскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя.

Первымъ госпиталемъ въ Россіи, въ настоящемъ и полномъ значеніи этого слова, былъ Московскій «гофшпиталь», построенный по указу Петра I, данному 25 мая 1706 года, «за Яузкою рѣвою, противъ Нѣмецкой слободы, въ пристойномъ мѣстѣ, для лѣченія болящихъ людей». Далѣе въ указѣ сказано: «А у того лѣченія быть доктору Николаю Бидлоо, да двумъ лѣкарямъ, Андрею Рыбкину (Hendrich Rerken), а другому, кто присланъ будетъ; да изъ иноземцевъ и изъ русскихъ, изъ всякихъ чиновъ людей, набрать для аптекарской науки 50 человекъ; а на строеніе и на покупку лѣкарствъ, и на всякія къ тому дѣлу принадлежащія вещи, и доктору, и лѣкарямъ, и ученикамъ на жалованье деньги держать въ расходъ изъ сборовъ Монастырскаго Приказа». Указъ этотъ сѣрѣпленъ былъ подписью боярина (въ послѣдствіи графа) Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, управлявшаго Монастырскимъ Приказомъ.

И такъ это былъ первый госпиталь (устроенный, какъ думаетъ Рихтеръ, по примѣру Гринвичскаго, видѣннаго Петромъ I въ 1698 году) не только по специальности назначенія, «для лѣченія болящихъ людей», но и по другой цѣли, тѣсно связанной съ первою: онъ былъ первою медицинскою школою или медико-хирургическимъ училищемъ въ Россіи. ²⁾

Постройка госпиталя начата въ 1706 и кончена въ 1707 году, по плану доктора Бидлоо, рассмотрѣнному и утвержденному Петромъ I, и на деньги Монастырскаго Приказа. Госпиталь былъ деревянный и состоялъ изъ нѣсколькихъ двухъэтажныхъ флигелей или «домовъ

¹⁾ Полное собраніе законовъ, VI, 3937.

съ свѣтлицами.» Но 10 апрѣля 1721 года онъ почти весь сгорѣлъ, и по представленію Бидлоо Св. Синодъ входилъ съ докладомъ къ императору Петру I слѣдующаго содержанія:

«Докторъ Бидлоо требуетъ, чтобъ вмѣсто погорѣлой госпитали построить носовою каменную, а буде всей невозможно, хотябъ и деревянную, однакожъ на каменномъ фундаментѣ, а особливо-бъ на поклажу всякой казны и лѣварствъ построить двѣ палаты съ погребами и съ сѣнями, чему и рисунокъ подалъ, по которому на оное строеніе имѣеть быть употреблена не малая денегъ сумма. Онъ жѣ предлагалъ, чтобъ къ будущему году достать изъ разныхъ государствъ инструментовъ и матеріаловъ потребное число, на что дать ему денегъ 3000 рублей. И толикое число ему давать ли, и строеніе какое строить и изъ какихъ доходовъ, а особенно положенныя съ вѣчныхъ памятей на содержаніе лазаретовъ собираемыя деньги на то строеніе употреблять ли?»

На этомъ докладѣ Петръ I собственноручно написалъ: «давать и строить».

Госпиталь дѣйствительно выстроенъ былъ по рисунку Бидлоо, но не весь каменный. На постройку его и на покупку инструментовъ послѣ пожара, вмѣсто погорѣлыхъ, употреблено:

въ 1722 году	7000 р.
> 1723 >	6301 > 60 к.
> 1724 >	6000 > — >
> 1725 >	4000 > — >
> 1726 >	1047 > 30 к.
> 1727 >	2652 > 70 >
> 1728 >	1463 > 93 >
<hr/>	
Итого .	28465 > 53 >

изъ суммъ Московской синод. канцеляріи. Для постройки, закупокъ и присмотра, къ Бидлоо прикомандированъ былъ комисаромъ изъ дворянъ синодальнаго дома Афанасій Сурминъ, а архитекторомъ служить по контракту Иванъ Мичуринъ.

Постройка госпиталя окончена въ 1727 году, послѣ чего, въ этомъ же году, по просьбѣ Бидлоо, пристроено было къ госпиталю и нѣскольکو жилыхъ строеній, тоже каменныхъ. Затѣмъ цѣлыя 10 лѣтъ не упоминается ни о какихъ починкахъ въ госпиталѣ до 1736 года, когда на разныя поправки и починки въ немъ потребовано было 1000

рублей. Деньги были выданы, но съ этихъ поръ начались неудовольствія Синода на тягость издержекъ для госпиталя.

Вскорѣ потомъ. 29 мая 1737 года, весь госпиталь опять сгорѣлъ. Осенью того же года (17 сентября 1737) приказано было Синодальной Коллегіи Экономіи ¹⁾ весь госпиталь тотчасъ покрыть и вычинить, а деньги на это употребить изъ наличной въ той коллегіи суммы, въ счетъ положенныхъ на госпиталь доходовъ. Но Коллегія Экономіи отказалась взять на себя эти издержки, отговариваясь неимѣніемъ денегъ, по причинѣ большихъ убытковъ причиненныхъ пожаромъ, а также и потому, что ей предстояло еще много расходовъ на починку погорѣлыхъ 28 богадѣленъ и на починку зданій греколатинской академіи. При этомъ она донесла Кабинету (19 сентября), что въ этотъ годъ, «за дороговизною матеріаловъ и за умаленіемъ работныхъ людей, госпиталя исправить невозможно, а вмѣсто того можно развѣ построить для больныхъ деревянныя свѣтлицы». На всѣ эти поправки, по распоряженію Кабинета, отпущено было изъ штатсъ-бонторы 5000 рублей, но и то не казенныхъ денегъ, а въ зачетъ долга (15000 рублей), сдѣланнаго штатсъ-бонторою изъ Коллегіи Экономіи «въ управленію адмиралтейскихъ дѣлъ». Вмѣстѣ съ этимъ Кабинетъ согласился на постройку деревянныхъ временныхъ зданій, но съ тѣмъ, чтобы каменный госпиталь былъ непременно исправленъ. Починки начались; но когда онѣ были кончены (въ 1738 году)—при чемъ половина сдѣлана деревянная, а другая каменная,—то оказалось, что сумма расходовъ на нихъ (ассигнованная въ 6000 р.) дошла до 11,151 р. 44 к. и эту передержку должна была дополнить синодальная Коллегія Экономіи. Она дѣйствительно дополнила ее; но эта непредвидѣнная и насильственная уплата сдѣлалась первымъ зерномъ, нарушившимъ равновѣсіе ея терпѣнія и заставившимъ ее быть на будущее время осмотрительнѣе въ своихъ денежныхъ сношеніяхъ съ военною коллегіею по поводу госпиталя. Кажется съ этого только времени Синод. Коллегія Экономіи начала тяготиться содержаніемъ

¹⁾ 15 іюля 1726 года Св. Синодъ раздѣленъ на два департамента, по призыву прежде бывшаго Патріаршаго Разряда, причемъ второму департаменту, названному Синодальною Коллегіею Экономіи, предшсано было заведывать всеми денежными сборами и экономіею и доносить о своихъ дѣйствіяхъ высокому Сенату. Коллегія Экономіи управлена указомъ Елизаветы Петровны 15 іюля 1744 года и все, состоящее въ ея ведомствѣ, передано въ управленіе С. Синода (въ Синодал. Канцелярію Экономическаго Правленія).

Московского госпиталя, ничѣмъ не вознаграждавшаго ее за всѣ издержки и хлопоты, и только съ этого времени явилась у нея мысль отдѣлаться подъ какиъ-бы то ни было предлогомъ отъ госпиталя и сложить съ себя всѣ заботы объ его содержаніи и управленіи.

Случай въ этомъ представился не очень скоро. Въ концѣ 1740 года главный докторъ госпиталя донесъ Коллегіи Экономіи, а она донесла Сенату, что за ветхостью госпитальныхъ строеній не возможно умѣстить въ госпиталь всѣхъ поступающихъ въ него солдатъ и больныхъ иррегулярныхъ войскъ и что въ распоряженіи Коллегіи Экономіи нѣтъ средствъ устранить это неудобство. Въ отвѣтъ на это, контора сената сообщила Коллегіи Экономіи 2 іюля 1741 года, что «для содержанія солдатъ и иррегулярныхъ войскъ больныхъ, которыхъ ежели въ Московскомъ госпиталѣ умѣстить будетъ невозможно, отдать въ вѣдомство военной конторы васильевскій домъ съ описью и что надлежитъ въ томъ домѣ починить—оное исправить отъ военной конторы изъ остаточной отъ денежнаго комплекта суммы, а о довольствіи вышеобъявленныхъ прибавочныхъ больныхъ пищею и прочимъ военной коллегіи имѣть сношеніе съ коллегіею экономіи, и ежели на то положенной на госпиталь суммы не достанетъ, то для солдатъ и прочихъ военныхъ людей деньги надлежитъ держать отъ военной конторы, ибо отъ полковъ за то вычетъ изъ жалованья бываетъ, и во всемъ такъ поступать, какъ въ регламентѣ о госпиталяхъ положено». Коллегія экономіи воспользовалась этимъ случаемъ, ассигновала на госпитальные мелочные расходы по 1826 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ другія деньги, «колико потребно бываетъ», госпиталь требовалъ изъ главнаго комиссаріата. Мѣра однакожь не удалась: изъ комиссаріата отпускались деньги годъ или два, притомъ медленно и трудно, и потому большая часть издержекъ на госпиталь все-таки лежала на коллегіи экономіи.

Госпиталь состоялъ въ это время изъ одного большого деревяннаго двухэтажнаго зданія на каменномъ фундаментѣ, обложенномъ плитою, съ нѣсколькими меньшими зданіями, назначенными для службъ. Нижний этажъ былъ длиною въ 50, шириною въ 8 сажень, и въ немъ было 75 оконъ, а въ верхнемъ этажѣ 81 окно. Кровля была тесовая, выкрашенная красною краскою. Стѣны по фасаду также выкрашены были охрою, а внутри выбѣлены известью. Въ госпитальномъ зданіи помѣщались аптека, столовая и между ними учени-

чекія бурсы, числомъ 32, съ 32 печами и 53 дверями. На верху были 2 жилыя свѣтлицы съ сѣнями въ промежѣхъ ихъ и съ чуланами. Эти свѣтлицы тоже были съ печами. 3 другія свѣтлицы назначены были для одержимыхъ французскою болѣзнію.

Каменное зданіе назначено было собственно для больныхъ и для храненія аптечныхъ и больничныхъ матеріаловъ и припасовъ. Подъ нимъ были также погреба для храненія припасовъ, не портившихся отъ сырости.

Госпитальныя службы составляли: приспѣшная, поварня, пивоварня и архимисеть, баня и караульная изба.

Госпиталь окруженъ былъ деревяннымъ заборомъ, впереди котораго находились деревянные ворота съ калитками. Подлѣ него разведенъ былъ садъ, обращенный въ Лефортовской слободѣ, обнесенный тыномъ или городьбою. Тутъ же находились и огороды для посадки овощей, нужныхъ для госпиталя.

Починки и поправки госпитального зданія, сдѣланныя въ 1737 и 1738 годахъ, держались недолго и съ весны 1743 года опять явилась надобность въ новыхъ починкахъ и поправкахъ. Госпитальный докторъ Блюментростъ и комиссаръ Василій Согольниковъ донесли коллегіи экономіи, что госпитальныя деревянныя строенія пришли въ ветхость, а на каменномъ зданіи при дождяхъ течетъ кровля и что все это надобно починить или вновь перестроить. По этому донесенію, 20 іюля 1743, года посланъ коллегію архитекторъ Иванъ Мичуринъ «осмотрѣть ветхость въ госпиталѣ и описать, что изъ того ветхаго надлежитъ починить и вновь построить, также и надъ каменнымъ строеніемъ въ крышкахъ теча отъ чего имѣется и для того какого исправленія требуетъ безъ дальняго казеннаго убытку, и учиня обстоятельную опись и смѣту съ цѣною представить въ Коллегію Экономіи».

Въ теченіе августа мѣсяца, архитекторъ съ госпитальнымъ докторомъ и комиссаромъ подробно осмотрѣли всѣ госпитальныя строенія и 7 сентября 1743 года архитекторъ подалъ въ коллегію экономіи донесеніе со смѣтою издержекъ на починки, всего на 6326 рублей 54¹/₂ копѣйки.

На это донесеніе не послѣдовало однакоже отвѣта. Коллегія экономіи не давала денегъ, отговариваясь неимѣніемъ ихъ и явно высказывая, что ей наскучили всѣ эти напрасныя траты денегъ для чуждаго и ненужнаго ей учрежденія, потому что госпиталь наполнялся почти исключительно военными больными. Она завязала переписку

чрезъ Св. Синодъ съ Сенатомъ, прося разрѣшенія не отсылать лазаретныхъ денегъ въ военную коллегію, а употреблять ихъ на госпитальныя нужды, такъ какъ онѣ и собиравлись собственно для этой цѣли.

Между тѣмъ госпиталь обходился все какъ своими собственными средствами, хотя ихъ было очень недостаточно. Въ слѣдующемъ 1744 году госпитальный докторъ Блюментростъ потребовалъ починки госпитальныхъ зданій: но канцелярія синод. эконом. правленія отказала въ требованія, за неимѣніемъ лишнихъ на это денегъ, однакоже донесла Синоду и просила особливой на это суммы или разрѣшенія употребить лазаретныя деньги и сборы съ вѣчныхъ памятей, не отсылая ихъ въ военную коллегію. Св. Синодъ написалъ объ этомъ въ Сенатъ (13 сентября 1744 года), но не получилъ никакого отвѣта.

Прошелъ еще годъ. Блюментростъ писалъ донесеніе за донесеніемъ, такъ что наконецъ (1 февраля 1745 года) синод. канцелярія эконом. правленія принуждена была отнестись въ контору комиссаріата, что до будущаго года ей нечѣмъ содержать госпиталь (всѣ ассигнованныя на него суммы шли на однѣ починки) и починокъ въ немъ она больше не будетъ дѣлать. Тоже самое отвѣчала она, когда (24 апрѣля 1745 года) Блюментростъ потребовалъ, чтобы госпитальный огорокъ (ботаническій или аптекарскій садъ) и садъ обнесены были новымъ заборомъ, на мѣсто сгнившаго и обрушившагося. Комиссаріатъ отвѣчалъ, что и у него нѣтъ «на эту городьбу» опредѣленной суммы. Что было дѣлать? Синодъ опять отнесся (4 іюня 1745) въ Сенатъ, а доктору Блюментросту далъ указъ, чтобы онъ впредь съ требованіями о починкахъ и поправкахъ госпиталя относился въ сенатъ прямо отъ себя. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Блюментростъ написалъ (17 іюня 1745) о плохомъ состояніи госпитальныхъ зданій въ медицинскую канцелярію, хотя она и не вмѣшивалась прежде въ хозяйственную часть Московскаго госпиталя, и архіатеръ графъ Лестокъ передалъ (21 іюня) донесеніе Блюментроста св. синоду, такъ какъ госпиталь находился все еще въ непосредственномъ его управленіи. На это синодъ отвѣчалъ тоже, что и прежде, т. е. что на госпитальныя починки у него нѣтъ денегъ и притомъ эти починки и поправки не его дѣло, а слѣдуетъ отнестись съ ними въ прав. сенатъ. Медицинская Канцелярія не могла не согласиться съ его доводами и написала въ сенатъ какъ о дѣлѣ не терпящемъ отлагательства, потому что съ наступленіемъ осени и зимы госпитальныя зданія сдѣлаются необитаемыми и больныхъ будетъ помѣстить нѣгдѣ. Сенатъ

потребовалъ справки о ветхостяхъ госпиталя и ему послана выше-приведенная смѣта и справка архитектора Мичурина 1743 года. Дѣло на томъ и остановилось.

Ровно черезъ годъ (17 июня 1746 года) прав. сенатъ отвѣтилъ, что такъ какъ Московскій госпиталь построенъ и содержался на суммы Монастырскаго Приказа (указъ 1706 года), названнаго въ послѣдствіи коллегіею экономин, а при передачѣ этой послѣдней въ вѣденіе Св. Синода (1744) съ тѣмъ вмѣстѣ передавались и всѣ учрежденія ей подчиненныя, съ тѣмъ чтобы Св. Синодъ содержалъ ихъ по прежнему, то и теперь всѣ починки и поправки въ Московскомъ госпиталѣ обязанъ дѣлать Св. Синодъ изъ суммъ синодал. конторы экономическаго правленія. Тоже самое сообщилъ онъ и медицинскою канцеляріи.

Св. Синодъ опять отвѣтилъ, что у него нѣтъ денегъ на исправленіе госпиталя и что починки въ немъ нужно дѣлать изъ сборовъ съ вѣчныхъ памятей и лазаретныхъ денегъ, установленныхъ именно для этой, а не для какой либо другой цѣли и между тѣмъ отсылаемыхъ въ военную коллегію.

Дѣло не подвигалось впередъ. Между тѣмъ 20 января 1747 года госпитальный комиссаръ Василій Соболевъ донесъ синод. канцеляріи экономическаго правленія, что 15 января во 2 часу ночи у госпитальнаго аптекаря Вестова отъ трубы потолокъ загорѣлся, «печки печи худы и топить ихъ опасно, ибо 2 года уже печей не починяли». Подобное же донесеніе отправлено и въ пр. сенатъ чрезъ медицинскую канцелярію. Боясь новаго и полнаго пожара въ госпиталѣ пр. сенатъ понуждалъ (19 марта 1747 года) св. синодъ произвести починки госпитальныхъ зданій, грозя въ случаѣ отказа доложить императрицѣ. Дѣлать было нечего и 29 апрѣля 1747 года св. синодъ наконецъ предписалъ починить «самонужнѣйшія ветхости въ госпиталѣ, безъ которыхъ пробыть не возможно, и печи, и обонницы исправить подрядомъ или покупными припасами, дабы той госпитали вѣщаго разрушенія не послѣдовало».

Контрактъ на эти починки заключили купцы 2 гильдіи братья Кондратій и Александръ Бузнецовы, за 3300 рублей, съ придачею 200 четвертей ржи и 50 четвертей гороха.

При этомъ признано необходимымъ построить новыя свѣтлицы, вмѣсто обветшалыхъ. и на это куплено дѣса разныхъ мѣръ на Москвѣ-рвѣ 11558 деревъ, цѣною на 708 рублей 27 коп.

Надзоръ за постройками и починками поручень архитектору Ивану Мичурину и двумъ синодальнымъ дворьянамъ.

На всѣ эти передѣлки и починки употреблено денегъ 5137 рублей 7¹/₂ коп. и 274 четверти разнаго хлѣба (именно 200 четвертей ржи и 50 четвертей гороха, цѣною: рожь по 67 коп., а горохъ по 1 рублю за четверть), цѣною на 181 рубль, слѣдовательно всего на 5318 рублей 7¹/₂ копѣевъ.

Представляя счетъ этимъ расходамъ и передержкѣ, синод. канцелярія экономическаго правленія спрашивала св. синодъ (14 сентября 1748 года), не угодно ли будетъ вычесть эти деньги изъ вѣчныхъ и лазаретныхъ суммъ, которыхъ накопилось уже 12911 рублей 71³/₄ копѣекъ? И вѣроятно это разрѣшеніе дано было, по надлежащемъ сношеніи съ военною коллегіею, потому что въ началѣ 1749 года въ Московскомъ госпиталѣ стали завѣдывать денежными расходами уже два комиссара: одинъ отъ синод. канцеляріи экономич. правленія, а другой отъ комиссаріата.

Отъ этого госпиталя, повидимому, много выигралъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго. Выше сказано, что св. синодъ разрѣшилъ починить въ госпиталѣ только «самонужнѣйшія ветхости». Дѣйствительно, 21 іюня 1749 года докторъ Блюментростъ просилъ опять произвести нѣсколько поправокъ въ госпиталѣ, говоря, что починена была въ прошломъ году только одна сторона его, а другая осталась непочиненною. Въ особенности онъ указывалъ на необходимость починить покои служащихъ при госпиталѣ чиновъ. И исполненіе этого представленія не встрѣтило уже никакого затрудненія: всѣ починки тотчасъ же произведены были.

Въ слѣдующемъ году (20 февраля 1749 г.) синодальная канцелярія экономич. правленія принуждена была опять дѣлать разныя починки и постройки въ госпиталѣ на свой собственный счетъ. Такъ она должна была починить и перестроить деревянный мостъ на Яузѣ, который велъ отъ Ново-Нѣмецкой слободы въ госпиталь и исполнила это чрезъ подрядчика крестьянина ярославской губерніи села Захарьина Петра Никулина. Эти работы обошлись канцеляріи въ 1180 р. деньгами и 100 четвертей ржи. Но запасныхъ денегъ у нея повидимому не было, потому что на вознагражденіе этой суммы положено было собрать деньги съ синодальныхъ вотчинъ раскладкою, т. е. увеличеніемъ налоговъ, а между тѣмъ этотъ мостъ отданъ былъ на откупъ, для того чтобы сборами съ прохожихъ и проезжихъ чрезъ

него покрыть хоть немного издержекъ, употребленныхъ на его постройку.

Всего синодальная канцелярія изстратила своихъ собственныхъ денегъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (1747, 1748 и 1749). на разныя мелочныя постройки и починки въ госпиталѣ 6120 рублей 67¹/₂ коп. и 274 четверти хлѣба. Что издержки эти были тягостны для нея, тѣмъ болѣе что почти всегда вынуждаемы были насильно и дѣлались для заведенія не исключительно синоду принадлежавшаго, видно изъ того, что на покрытіе нѣкоторыхъ послѣднихъ издержекъ она принуждена была прибѣгать къ чрезвычайнымъ источникамъ доходовъ, т. е. къ увеличенію налоговъ на синодальныя вотчины, между тѣмъ какъ военная коллегія очень мало заботилась объ уплатѣ ей долговъ своихъ или о раздѣлѣ издержекъ на учрежденіе, исключительно почти приносившее пользу ей одной.

Все это поддерживало въ синодальной канцелярії мысль — избавиться во что бы ни стало отъ содержанія Московскаго госпиталя и передать его въ вѣденіе военной коллегіи или комисаріата. Въ настоящее время мысль эта не могла уже казаться странною, потому что въ Петербургѣ давно уже построенъ былъ и содержался сухопутный генеральный госпиталь подъ вѣдѣніемъ военной коллегіи на счетъ главнаго комисаріата. Оставалось преодолѣть одно только затрудненіе — со стороны военной коллегіи, не желавшей взять Московскій госпиталь на свое исключительное попеченіе и содержаніе. Но и это затрудненіе перестало быть непреодолимымъ. Синодъ не благосклонно смотрѣлъ, что въ госпиталь поступали преимущественно военные чины, между тѣмъ какъ на содержаніе ихъ не отпускалось суммъ определенныхъ регламентомъ и собранныхъ ежегодными вычетами изъ жалованья. Еще менѣе благосклонно смотрѣлъ онъ на то, что всѣ медицинскіе чины госпиталя получали содержаніе исключительно отъ него, а опредѣлялись и зависѣли исключительно отъ медицинской канцелярії, не дававшей себѣ труда испрашивать на это хотя несомнѣннаго, но предварительнаго согласія синода. Очевидно, что госпиталь становился чуждъ синоду: за что же онъ сталъ бы продолжать содержать его и тратить деньги и терпѣніе, нужныя для другихъ, болѣе близкихъ ему учрежденій?

Мысль эта созрѣвала болѣе 10 лѣтъ и наконецъ вполне созрѣла. Постепенно и понемногу Синодъ отказывался удовлетворять нуждамъ госпиталя и наконецъ рѣшительно отказался отъ содержанія его.

21 января 1753 года главный доктор госпиталя Блюментростъ пожаловался медицинской канцеляріи уже не въ первый разъ, что синодальная канцелярія экономич. правленія не удовлетворяетъ просьбѣ его, а именно не покупаетъ анатомическихъ и хирургическихъ инструментовъ: не строить новой бани при госпиталѣ на мѣсто старой, развалившейся; не строить квартиры для новаго доктора, опредѣленнаго въ госпиталь медіц. канцеляріею (Ягана Шарлота Рейхенова); не дѣлаетъ пожарной трубы для госпиталя и проч. Медицинская канцелярія, которою управлялъ въ то время Каау Бургаувъ, довела объ этомъ до свѣденія св. синода, который и распорядился удовлетворить вышеозначеннымъ требованіямъ, но съ вычетомъ израсходованныхъ суммъ изъ лазаретныхъ денегъ, равно какъ и за всѣ прежніе расходы, «потому-де, что еще въ 1721 году былъ высочайшій указъ давать и строить все въ госпиталѣ изъ лазаретныхъ денегъ»; а за тѣмъ, 30 марта 1753 года, св. синодъ опредѣлилъ требовать отъ военной коллегіи, чтобъ она приняла Московскій госпиталь въ полное и единственное свое содержаніе и вѣдомство, такъ какъ въ немъ постоянно принимаются почти исключительно одни военные люди. При этомъ Синодъ опредѣлилъ, что, съ передачею госпиталя, изъ канцеляріи экономическаго правленія будутъ ежегодно отпускаемы въ военную коллегію суммы, опредѣленныя указами 1706 и 1710 годовъ, равно какъ и сборы съ вѣчныхъ намятей.

Военная Коллегія на этотъ разъ не желала, или не могла уже отказать отъ удовлетворенія справедливаго требованія св. синода. Она передала предложеніе синода на обсужденіе комиссаріату, который и возбудилъ слѣдующіе вопросы: 1) сколько всего издерживается на госпиталь и изъ какихъ суммъ? 2) Приписанныя къ госпиталю вотчины будутъ ли переданы вмѣстѣ съ нимъ изъ синодальнаго вѣдомства въ военную коллегію или нѣтъ?

Синодъ соглашался на все, чего бы ни потребовали, лишь бы избавиться отъ содержанія госпиталя и отвѣчалъ (8 марта 1754 года) на вопросы комиссаріата, что Московскій госпиталь будетъ ему передавъ съ тѣмъ, что

1) послѣ передачи госпиталя въ комиссаріатъ, послѣднему будетъ ежегодно отпускаема изъ экономическихъ синодальныхъ доходовъ денежная сумма, положенная на госпиталь по табели 1710 года (т. е., по 4487 руб.);

2) приписанныя въ госпиталю вотчины съ крестьянами и со всёми собираемыми съ нихъ доходами и угодами отданы будутъ въ полное вѣдомство комиссаріата, а изъ синодальнаго вѣдомства исключены;

3) въ вѣдомство того же комиссаріата отданъ будетъ яузскій мостъ отъ нѣмецкой слободы до госпиталя, съ платнымъ отъ него откупомъ;

4) за тѣмъ хлѣбной разныхъ родовъ суммы 1318 четвертей изъ синодальныхъ житницъ отпускаемо уже не будетъ, потому что отпускъ этого хлѣба изъ синодальныхъ житницъ производимъ былъ въ замѣнъ табельной денежной суммы, слѣдовавшей за хлѣбъ получавшейся съ симбирской госпитальной вотчины и еще съ излишествомъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время эта вотчина обложена оброкомъ по 610 рублей въ годъ. Впрочемъ комиссаріату предоставляется самому рѣшить: брать ли отъ тѣхъ симбирскихъ вотчинъ натурою или выписказаннымъ денежнымъ оброкомъ;

5) производящихся сверхъ табельной суммы изъ экономическихъ доходовъ 690 рублей, и работныхъ людей и лошадей отпускаемо также не будетъ, ибо какъ эти деньги, такъ работные люди и лошади собираемы были въ счетъ денежнаго оброка съ приписанныхъ въ госпиталю въ трехъ уѣздахъ состоящихъ вотчинъ, коего уже въ экономическую синод. канцелярію въ сборѣ быть не имѣеть;

6) наконецъ содержаніе того Московскаго госпиталя до синодальнаго вѣдомства ничѣмъ уже касаться не будетъ, а будетъ онъ состоять въ полномъ и безраздѣльномъ вѣдомствѣ онаго главнаго комиссаріата.

8 декабря 1754 года прав. сенатъ увѣдомилъ св. синодъ, что военная коллегія согласна принять въ вѣденіе комиссаріата Московскій генеральный госпиталь на вышеприведенныхъ условіяхъ: «съ положенными доходами и приписанными къ нему вотчинами и прочими доволъствіями, токмо имѣющийся при томъ госпиталѣ мостъ, — для того что нынѣ, при сложеніи по именнымъ Ея Имп. В. указамъ таможенныхъ пошлинъ и мостовые сборы всё сложены — отдать для содержанія его изъ опредѣленныхъ на то доходовъ въ московскую губернскую канцелярію, ибо его отъ госпиталя, безъ сбора мостовыхъ денегъ, содержать нечѣмъ, а онъ не для одного госпиталя, но большую частію и общенародной пользѣ принадлежить».

Получивъ это увѣдомленіе, св. синодъ предписалъ синодальной канцеляріи экономическаго правленія немедленно сдать госпиталь въ полное и единственное содержаніе въ вѣдомство комиссаріата, смѣнивъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и служителей и назначивъ ежегодно посылать въ комиссаріатъ по 4457 рублей деньгами и больше ничего. Комиссаріатъ съ своей стороны предписалъ старшему доктору госпиталя Блюментросту завести въ госпиталь *контину* изъ доктора, главнаго лѣкаря, комиссара и писарей, на основаніи госпитальнаго регламента о госпиталяхъ, высочайше утвержденнаго 24 декабря 1735 года) (1); но при этомъ оставилъ до времени прежнихъ служителей въ госпиталь, до опредѣленія новыхъ, и сообщилъ объ этихъ распоряженіяхъ св. синоду (12 января 1755).

Но этимъ еще не кончился расчетъ. Въ синодальной канцеляріи экономическаго правленія находилось по 1-е января 1755 года изъ сборовъ съ вѣчныхъ памятей, изъ вычетовъ на лазаретъ изъ жалованья служащихъ людей и изъ штрафныхъ денегъ съ ежегодно не повиновавшихся 19989 рублей 35 коп. Комиссаріатъ потребовалъ эти деньги себѣ, вмѣстѣ со ссесами всѣхъ неповиновавшихся за послѣдній годъ, такъ какъ сборы съ вѣчныхъ памятей назначены были въ пользу госпиталей и лазаретовъ. Синодъ не отрицалъ справедливости того, что всѣ эти сборы денегъ назначены дѣйствительно на содержаніе госпиталей и лазаретовъ, но все-таки отказалъ комиссаріату въ присылкѣ уже собранныхъ денегъ, на томъ основаніи, что военная коллегія въ разные времена (именно въ 1738 году 15000 рублей, потомъ еще 225 рублей, въ 1741 году 6738 рублей, всего 21963 рубля) заимообразно взяла изъ синодальныхъ суммъ на военныя потребности и еще не уплатила ихъ, и что синодъ зачтетъ эти деньги за долгъ, ибо какъ военная контора, такъ и главный комиссаріатъ состоятъ по командѣ въ одномъ военной коллегіи вѣдомствѣ, почему они межъ собою въ той суммѣ и надлежашій расчетъ должны учинить». Что же касается до будущаго времени, то св. синодъ объявилъ, что по возвратѣ ему всего долга, онъ будетъ присылать неудержно всѣ деньги, имѣющія поступать съ вѣчныхъ памятей и вычетовъ изъ жалованья на содержаніе госпиталей и лазаретовъ.

✧ Такимъ образомъ Московскій генеральный госпиталь перешелъ изъ синодальнаго вѣдомства въ военное въ тотъ самый день, въ который подписанъ былъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ новаго и болѣе общирнаго, разносторонняго и могущественнаго разсаднища наукъ —

Императорскаго Московскаго университета съ медицинскимъ въ немъ факультетомъ.

Съ этого времени пошлн въ госпиталѣ новые порядки. Для ближайшаго надзора за нимъ назначенъ особый инспекторъ, генерал-майоръ Куммингъ (произведенный въ этотъ чинъ изъ бригадировъ 25 декабря 1755 года), которому дана особая на этотъ предметъ инструкція изъ военной коллегіи ¹⁾. Въ тоже время предположено увеличить помѣстительность госпиталя почти втрое или вчетверо противъ прежняго, сообразно съ явившимся въ томъ потребностями. Эти потребности выражены въ слѣдующей промеморіи медиц. канцелярїи, посланной въ военную коллегію 25 мая 1756 года:

«Понеже по указу Петра Великаго 1706 года построенъ въ Москвѣ за Яузю рѣвою въ нѣмецкой слободѣ госпиталь для лѣченія болящихъ, которые съ прежнихъ временъ, какъ изъ справки явствуетъ, принимаемы всякаго званія и убогіе люди, а именно монахи, студенты, подъячіе, школьннши, богодѣльные, отставные солдаты, изъ тайной канцелярїи колодннши и пр., но потомъ присылаются уже и военнослужащіе изъ полковъ и другихъ командъ, какъ и по апробованному въ 1735 году о госпиталяхъ регламенту въ 12 пунктѣ положено: въ госпитали принимать въ морскихъ ннкого, кромѣ адмиралтейскихъ служителей, военныхъ мастерскихъ и работныхъ больныхъ и раненыхъ въ бою или при работахъ, а въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ принимать унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; также и въ Московскомъ госпиталѣ сверхъ другихъ въ оной госпиталь указныхъ больныхъ, понеже военныхъ служителямъ на Москвѣ много госпиталя не имѣется (по силѣ адмиралтейскаго регламента п. 6); а по указу изъ прав. сената 1754 года та Московская госпиталь отъ св. правит. снвода съ положенными доходами, приписными вотчинами, отдана въ вѣдомство главнаго коммисарїата; она же госпиталь расположена строеніемъ на умѣщеніе больныхъ не болѣе какъ до 200 человекъ, а отъ полковъ состоящихъ въ Москвѣ и марширующихъ чрезъ оную, также изъ присылаемыхъ для приѣма мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, командированныхъ для набора рекрутъ и др. разныхъ командъ военнослужащихъ и принимаемыхъ рекрутъ, присылается въ

¹⁾ См. моп *Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII столѣтія*, Спб. 1870, стр. 242.

ту госпиталь больных весьма немалымъ числомъ, какъ въ прошломъ 1755 году уже съ крайнею нуждою и помѣститься могли, понеже въ оной же госпитали и медицинскаго чина служители жительствуютъ; отъ тѣснаго же помѣщенія, а паче болящихъ повосали и прочими тяжкими болѣзнями заражается воздухъ и слѣдуетъ смрадъ, почему вмѣсто желаемаго облегченія натурально больные въ болѣзняхъ своихъ не только продолжаютъ, но и пуще страдаютъ, и для того необходимо нужно медицинская канцелярія быть разсуждаетъ столько оную госпиталь увеличить, чтобъ не менѣе 1000 человекъ свободно умѣщать было можно. Того рода по Е. И. В. указу сего 1756 года мая 25 дня медицинская канцелярія приказали: о вышеписанномъ въ военную коллегію и въ главный комиссаріатъ сообщить промеморіями, не соблаговолено-ль будетъ, для лучшаго учрежденія упомянутого госпиталя учинить, по примѣру, какъ и о спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ въ разсмотрѣнію сообщено, слѣдующее:

1. Всѣмъ живущимъ въ томъ госпиталѣ медицинскаго чина служителямъ, вромѣ аптекаря съ подчиненными его, понеже безотлучно при аптекѣ жить должны, въ близости госпиталя построить особливые дворы, для прочности и безопасности отъ пожарнаго страха каменные, или на первый случай хотя деревянные, и тѣмъ госпитальные погон, въ концѣ до нынѣ живутъ оные служители, очистить и исправить для болящихъ, а еъ тому построить сколько понадобится покоевъ для свободнаго умѣщенія 1000 человекъ больныхъ, а для трудноболящихъ, воторыхъ на воздухъ выводить не должно, имѣтьнѣсколько столбчавовъ.

2. При добрѣ учрежденныхъ госпиталяхъ имѣется всегда особливый покой для чиненія надъ живыми хирургическихкихъ важныхъ операций, дабы врибу и жалости другіе больные не слышали и не видѣли, таковой покой особливый и въ оной госпитали имѣть надлежить.

3. Понеже въ ту госпиталь временно и сумасшедшіе присылаться имѣють, иногдажъ и офицеры, и для оныхъ имѣть надлежить особливый покой.

4. При всѣхъ госпиталяхъ, вромѣ анатомическаго театра, въ котормъ ученіе единственно быть должно, имѣется особливый покой для положенія мертвыхъ тѣлъ и дѣйствій анатомическихкихъ, почему и при оной Московской госпитали, въ добавокъ въ анатомическому театру, таковой покой учредить должно.

5. Понеже по госпитальному регламенту положено при генеральномъ

*

госпиталѣ содержать одного старшаго, другаго младшаго докторовъ, одного главнаго лѣбаря, 5 лѣбарей, 10 подлѣбарей, 20 учениковъ, а чтобъ на всякое двухсотое число больныхъ было по лѣбарю, да по два подлѣбаря и по четыре ученика; а при Московскомъ госпиталѣ состоять 1 докторъ, 1 главный лѣбарь, 2 лѣбаря, 2 подлѣбаря, а учениковъ по именному указу Петра Великаго 1710 года 50 человекъ; но когда по множественному числу больныхъ тотъ госпиталь требуется увеличить на 1000 человекъ, то на оное число, въ силѣ регламента, въ состоящихъ нынѣ надлежитъ въ добавокъ 1 младшаго доктора, 3 лѣбарей и 6 подлѣбарей, а учениковъ для прислуженія болящимъ въ госпиталь и во укомплектованію въ полкахъ достойными субъектами подлѣбарскихъ ваканцій содержать положенное силою же означенаго именнаго указа число 50 человекъ.»

По этому представленію военная коллегія поручила (11 іюля) главному канцеляріату составить смету всѣхъ предложенныхъ медп. канцелярію построевъ и представить въ разсмотрѣнію, который и отвѣтилъ, что имъ положено:

«1) Въ имѣющемся каменному флигелю построить другой таковойже, для чего въ архитектору князю Ухтомскому и планъ послать съ указомъ учинить исчисленіе, во что стать можетъ.

«2) А между тѣмъ, дабы для лѣченія больныхъ воинскихъ людей коеговъ было довольно, еще построить деревянные поземные покои три связи, въ которыхъ болѣе 200 человекъ помѣстить будетъ можно.

«3) Въ имѣющемся прежнимъ для медицинскихъ чиновъ покоямъ, а именно докторскому одному, аптекарскому одному, лѣбарскимъ двумъ, еще построить доктору да главному лѣбарю домъ.

«4) Для мытья про больныхъ бѣлья избушка.

«5) Прудъ предъ палатами въ Яузѣ рѣкѣ возобновить, изъ которыхъ, для больныхъ покои уже и строятся, а въ строенію прочаго надлежащіе матеріалы приготавливаются и мастера представляются по надлежащему, въ чему опредѣленъ особливый офицеръ (11 іюля 1756).»

Но съ увеличеніемъ комплекта врачей въ отвѣтъ военной коллегіи ничего не сказано, такъ что директоръ медицинской канцеляріи П. З. Бондонди принужденъ былъ войти въ сенатъ, который разрѣшилъ требуемое. А такъ какъ въ указѣ сената по этому предмету Москов-

снѣй госпиталь названъ «генеральнымъ». то Кондонди дажъ указъ изъ медицинской канцеляріи 20 февраля 1757 года называть всегда и вездѣ этотъ госпиталь «генеральнымъ сухопутнымъ Московскимъ госпиталемъ ¹⁾».

Вообще въ 1756 году въ Московскомъ госпиталѣ состояло 3 каменныхъ палаты и 2 салваціонныя связи, помѣщавшія всего до 300 человекъ и вновь построены комиссаріатомъ двѣ деревянныя связи, помѣщавшія 140 человекъ. Въ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса находились двѣ малыя бурсы, въ которыхъ жили: лѣбяръ, подлѣкарни и ученики, да аптекарскій подмастерье, которые переведены въ построенныя для оператора покои, исключая учениковъ и аптекарскаго подмастерья, коекакъ размѣщенныхъ въ госпитальныхъ покояхъ. Въ очищенныхъ такимъ образомъ бурсахъ помѣстилось, хоть и съ трудомъ, 698 больныхъ, такъ что госпиталь могъ содержать до 645 больныхъ. Къ счастью еще, исправлявшій должность оператора Ф. Елачичъ, лѣбяръ А. Сейкъ и учитель латинскаго языка Цвиккеръ жили на вольныхъ квартирахъ.

Такъ прошла зима. Но съ наступленіемъ весны тѣснота сдѣлалась невыносимою, потому что больныхъ не бывало меньше 600 человекъ. Госпитальная контора потребовала отъ комиссаріата шесть большихъ наметовъ, изъ коихъ въ каждомъ помѣщалось бы отъ 40 до 50 человекъ, и получила 2 малыя яричныя и 100 солдатскихъ палатокъ, въ которыхъ и размѣстила больныхъ, не смотря на холодъ, стоявшій въ теченіе всего мая мѣсяца.

Между тѣмъ обѣщанныя постройки остались одними обѣщаніями, которыхъ и не думали исполнять. Старшій докторъ госпиталя Анастасій Нига напоминалъ объ нихъ съ ранней весны, но бесполезно; потому онъ требовалъ построить хоть нѣсколько покоевъ (3-го мая 1757), но также не получилъ отвѣта. Тогда Кондонди написали въ сенатъ, который и разрѣшилъ (21 мая 1757 года), по умножившейся арміи, пристроить въ имѣющимся каменнымъ покоямъ, по тойже линіи, еще такую же часть и церковь, по плану архитектора князя Ухтомскаго, ассигновавъ на это 51,000 рублей и предоставивъ произвести постройку главному комиссаріату.

¹⁾ «Сухопутнымъ» названъ онъ, вѣроятно, для отличія отъ небольшого морскаго госпиталя, существовавшаго въ Москвѣ при канатной фабрикѣ.

Постройки эти тянулись очень долго и еще, кажется, не были окончены. Когда случилось обыкновенное московское несчастье—пожаръ. Вечеромъ 26 ноября 1763 года, въ анатомическомъ театрѣ, занимавшемъ верхній этажъ правой половины каменнаго госпитальнаго корпуса, загорѣлись полы, потолки и кровля, а оттуда пожаръ распространился на черковь и грозилъ аптекѣ. По набатному колоколу, подоспѣла полиція и 50 человекъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка и при ихъ помощи вывели людей, вынесли церковную утварь и отстояли аптеку, такъ что вся бѣда ограничилась уничтоженіемъ анатомическаго театра и потерю нѣсколькихъ инструментовъ¹⁾. Причина пожара приписана ветхости печныхъ трубъ, проходившихъ изъ нижняго этажа, отчего прежде всего и загорѣлся полъ. Но по слѣдствію оказалось, что поддѣваръ Ф. Керестури въ началѣ 5 часа по полудни занимался съ учениками въ анатомической залѣ будто бы безъ свѣчь, потомъ заперъ театръ и по обычаю отвесъ ключи въ оператору Ангелю.

Кажется впрочемъ, что въ госпиталѣ никто не жалѣлъ объ этомъ послѣднемъ пожарѣ. Старый анатомическій театръ былъ очень тѣсенъ и неудобенъ и имѣлъ только три окна, обращенныя на западъ. Когда его хотѣли возобновить послѣ пожара, то докторъ Даль воспротивился этому и предлагалъ одно изъ двухъ: или перенести его въ другое мѣсто, именно туда, гдѣ помѣщалась аптека (просторная зала съ окнами на три стороны), съ тѣмъ чтобы входъ въ него былъ совершенно особый, продѣланный чрезъ арестантскую палату, между тѣмъ какъ аптека могла бы быть перенесена въ столовую залу, что надъ церковью; или построить новое отдѣльное зданіе. Медицинская коллегія и комиссаріатъ предпочли послѣднее предложеніе и для анатомическихъ лекцій и работъ построено было деревянное зданіе близъ госпиталя, рядомъ съ квартирою оператора Ангеля, завѣдывавшаго анатомическими работами въ госпиталѣ. Постройка произведена подъ надзоромъ инспектора госпиталя генералъ-майора Фаминцына, а планъ новаго анатомическаго театра составленъ былъ (1765) старшимъ докторомъ госпиталя Б. Далеиъ.

¹⁾ Правда, въ Петербургѣ носились слухи о погребеніи нѣсколькихъ людей; но по донесенію старшаго доктора В. Ломана, изъ госпитальныхъ людей никто не погибъ, а только два пьяныхъ полицейскихъ солдата, взлезли на кровлю, для сломки ея, упали оттуда и ушиблись, но не до смерти.

Говоря объ этой послѣдней перестройкѣ госпиталя, не должно забывать, что рядомъ съ нимъ и въ зависимости отъ него находились еще такъ называемые «полевые покои» или лѣтнее отдѣленіе на Введенскихъ горахъ, отдѣлявшееся отъ каменнаго госпиталя грязныиъ ровомъ. Это лѣтнее отдѣленіе состояло изъ четырехъ деревянныхъ связей и нерѣдко даже и зимою занимаемо было больными, но было весьма неудобно, какъ по отдаленности отъ главнаго госпитальнаго корпуса, такъ и по чрезмѣрной обширности палатъ, помѣщавшихъ отъ 150 до 170 больныхъ и не дававшихъ возможности распределять ихъ по родамъ болѣзней.

Но всего тягостнѣе были проволочки въ постройкахъ. Пока онѣ готовились, старыя зданія ветшали болѣе и болѣе и приводили въ отчаяніе госпитальное начальство, такъ что явилась даже мысль совсѣмъ оставить старый полуразрушившійся госпиталь и выстроить новое зданіе, и на другомъ мѣстѣ, для его помѣщенія. Въ этомъ смыслѣ, вскорѣ послѣ пожара, по поводу починковъ и поправокъ въ госпиталь и постройки новыхъ сараевъ, старшій докторъ В. Ломанъ писалъ медиц. коллегіи 5 февраля 1764 года, что госпиталь стоитъ на неудобномъ мѣстѣ и непрерывныя починки и поправки въ немъ составляютъ напрасный расходъ, поправляя то, что уже большею частью неисправимо и даже совсѣмъ неудобно. Главнѣйшія неудобства, по донесенію Ломана, были слѣдующія: 1) Въ Яузѣ, на которой стоитъ госпиталь, мочится госпитальное бѣлье, а въ пріѣзды государыни оттуда же берется вода во дворецъ на разныя потребности. 2) Вода эта и для больныхъ не полезная, по болотистому мѣсту рѣки. 3) Больничныя палаты не въ одномъ мѣстѣ стоятъ: однѣ каменныя, а другія деревянныя на Введенскихъ горахъ, и послѣднія неудобныя, ибо въ нѣкоторыхъ палатахъ помѣщается по 150 и по 170 больныхъ, отчего при трудныхъ больныхъ и съ ранами легкіе больные отъ нихъ безпокойство имѣютъ, а по низости покоевъ воздухъ неполезный; а какъ для трудныхъ больныхъ нѣтъ особыхъ покоевъ, то и сдѣлать ничего нельзя. Деревянные покои отстоятъ отъ каменныхъ чрезъ немалый ровъ, въ которомъ весною отъ разлитія водъ и лѣтомъ отъ дождей бываетъ въ переходѣ медиц. чинамъ и даже работникамъ затрудненіе и невозможность, а равно и для больныхъ то вредительно; да и нынѣ дежурнымъ поддѣбарямъ и ученикамъ при переходѣ черезъ ровъ въ ночное время отъ непотребныхъ людей не безъ опасности, невоздержныхъ же нѣкоторыхъ учениковъ и работниковъ, по дальности Введенскаго

госпиталя (разстояніе въ оба конца версты полторы), нельзя надзирать, и въ томъ госпиталѣ нѣтъ покоевъ для медиц. чиновъ и они живутъ въ Лефортовомъ госпиталѣ. 4) Введенскій госпиталь далеко отъ жилья и отъ воды, которую надобно возить на гору на лошадахъ; а въ случаѣ пожара безъ воды бѣда, каковой случилась въ ноябрѣ 1763 года въ старомъ госпиталѣ каменномъ: еслибъ онъ случился въ деревянномъ, то всё бы погибли. 5) Всѣ жилые покои въ госпиталѣ крайне ветхи и требуютъ передѣлки и починки».

Исчисливъ эти неудобства, докторъ Ломанъ предложилъ даже отыскать удобное мѣсто близъ Москвы рѣки и построить тамъ каменный госпиталь, не съ низкими и не съ очень большими, какъ теперь въ деревянномъ госпиталѣ, покаями, такъ чтобъ въ нихъ не помѣщалось болѣе 50 человекъ и ихъ можно было размѣщать по различію болѣзней.

Медицинская коллегія представила это донесеніе сенату, который и предписалъ комиссаріату составить планъ и смѣту новаго госпиталя на 1000 больныхъ, съ тѣмъ чтобы подробности устройства анатомическаго театра и прочихъ специальностей предоставлены были медицинской коллегіи. О перенесеніи же госпиталя на другое мѣсто барономъ А. И. Черкасовымъ словесно доложено было императрицѣ: но не смотря на все это—дѣло затянулось. Комиссаріатъ медилъ и постоянно ссылался на то, что медицинская коллегія не доставляетъ ему плананаваго анатомическаго театра и наконецъ пожаловался на это даже сенату, который 5 ноября 1767 года формально предписалъ медицинской коллегіи доставить комиссаріату планъ анатомическаго театра и предположенія свои о выборѣ новаго мѣста для госпиталя.

Но переписка эта осталась безъ послѣдствій, по огромности предполагавшихся ею издержекъ, и госпиталь остался на цѣлыя тридцать лѣтъ послѣдующаго времени въ томъ видѣ, въ какомъ застало его учрежденіе медицинской коллегіи.

Всѣ историчи говорятъ, что вѣкъ Екатерины II поражалъ современниковъ блескомъ величія и славы Россіи. II дѣйствительно это былъ вѣкъ едва вѣроятной для насъ роскоши, блистательной растраты сотенъ милліоновъ рублей и безгранчной любви ко всякаго рода эффектамъ и парадности. Но въ административномъ отношеніи этотъ вѣкъ дѣлился на двѣ половины, діаметрально между собою противоположныя, и эта двуперіодность его ярко обозначилась и на медицинскихъ учрежденіяхъ. Отжившее архіатерство замѣнено при воца-

реніи Екатерины медицинскою коллегією; но эта коллегія при баронѣ Черкасовѣ столько-же похожа на коллегію при баронѣ Фитингофѣ, сколько день похожъ на ночь. Учрежденіе осталось тѣмъ-же чѣмъ и было, но духъ его, мысль и содержаніе исчезли надолго, замаскированные и задушенные вѣнностью и формальностью. При баронѣ Черкасовѣ, въ первые годы царствованія Екатерины, въ коллегіи происходили свободныя пренія, разногласія рѣшались большинствомъ голосовъ и члены коллегіи иногда позволяли себѣ не соглашаться съ президентомъ и пользовались даннымъ имъ правомъ представлять свои разногласныя постановленія на рѣшеніе императрицы. При Фитингофѣ даже одно воспоминаніе о коллегіальныхъ бывалыхъ преніяхъ считалось уже дерзостью и чуть не государственнымъ преступленіемъ, а потому никому и на мысль не приходило обсуживать то, что приказано исполнить его высокопревосходительствомъ главнымъ директоромъ. При Черкасовѣ медицинскія учрежденія, подвѣдомственныя коллегіи, начали улучшаться, безпорядки въ нихъ раскрывались, обсуживались и исправлялись. Сатира, каравшая пороки и злоупотребленія, господствовала всюду, начиная отъ дворца до батальонной гаубтвахты. При Фитингофѣ коллегіальность пещезла и замѣнилась безконтрольнымъ самоуправствомъ. Исполнительность безъ разсужденій сдѣлалась административнымъ принципомъ, подчиненные сложили руки и потупили глаза передъ грознымъ молчаніемъ начальниковъ, въ литературѣ появилась цензура, въ служебной жизни бездѣйствіе и канцелярская тайна, и подъ покровомъ всего этого—самыя невообразимыя злоупотребленія, лихоимство, расхищеніе казны и невключительная заботливость каждаго о себѣ-самомъ. Упадокъ медицинскихъ учреждений шелъ наравнѣ съ упадкомъ всѣхъ другихъ учреждений, которыя не предстояло надобности сберечь для показанія иностранцамъ. Правда изгнана была изъ оффиціального словаря и замѣнялась въ отчетахъ и донесеніяхъ громкими риторическими восклицаніями неусыпной бдительности и сверхъестественной мудрости высшихъ командировъ. Госпитали и больницы разрушались и превращались въ кучи развалинъ и гнилыхъ обломковъ, а ближайшіе начальники считали себя не обязанными говорить объ этомъ безъ воли и приказанія барона Фитингофа или секретарей его. И кончилось тѣмъ, что къ началу Павлова царствованія во всей Россіи не осталось ни одного госпиталя, въ которомъ бы можно было безопасно помѣстить 200 человекъ больныхъ! Въ Кронштадтѣ, въ Петербургѣ, въ

Москвѣ, въ Ригѣ, въ Елизаветградѣ, Херсонѣ, Кіевѣ и Крюковѣ не было ни одной госпитальной палаты, въ которой бы больные вполнѣ защищены были отъ сквознаго вѣтра и дождя. Но всѣхъ несчастіе были Кронштадтскій и Московскій госпитали: первый изъ нихъ со всѣмъ почти разрушился, а послѣдній грозилъ разрушиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Тѣснота въ Московскомъ госпиталѣ была такъ велика, а жилыхъ залъ осталось такъ мало, что ревизовавшіе его 31 января 1797 года штадт-физикъ Занденъ и ассесоръ мед. конторы Леманъ нашли во флигелѣ на Введенскихъ горахъ на одной кровати по два больныхъ или на двухъ кроватяхъ по трое больныхъ. Коммисаріатская Экспедиція отговаривалась ремонтомъ 2 и 3 палаты каменнаго корпуса: но во-первыхъ ремонтъ не бываетъ зимою, а во-вторыхъ стар. докторъ А. Франція обличилъ эту ложь и обнаружилъ истинное положеніе вещей. Медицинская коллегія испугалась перемѣны правленія и наряджала слѣдствіе за слѣдствіемъ: но результаты ихъ не приносили ничего кромѣ новаго страха и свидѣтельствъ о несправимости зла. Къ счастью, баронъ Фитингофъ сошелъ со сцены и преемникъ его, баронъ А. П. Васильевъ, не побоялся взглянуть бѣдѣ прямо въ глаза и исправить то, что могло еще быть исправлено. Но при этомъ оказалось, что большая часть зла уже несправима: то, что разрушалось цѣлые десяти лѣтъ, нельзя было поправить вдругъ, даже съ миллионными средствами. И онъ принужденъ былъ все передѣлать наново, но передѣлать постепенно и съ разумною отчетливостью.

Императоръ Павелъ Петровичъ посѣтилъ Московскій генеральный госпиталь вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ (весною 1797 г.) и былъ болѣзненно пораженъ зрѣлищемъ развалинъ его. Инспекторомъ госпиталя былъ тогда генераль-майоръ Григорій Хомутовъ, пользовавшійся довѣріемъ императора и государь тутъ же поручилъ ему составить планъ и смѣту для перестройки госпиталя на 1280 человекъ, а возвратившись въ Петербургъ далъ барону Васильеву слѣдующій рескриптъ:

«Г. тайный совѣтникъ и государственный казначей баронъ Васильевъ.

При семъ прилагаемъ вамъ планы съ фасадомъ и примѣрною смѣтою, генераль-майоромъ Хомутовымъ учиненные о построеніи въ Москвѣ каменнаго зданія для тамошней главной госпиталя съ при-

надлежащими къ оной для медицинскихъ чиновъ и для врачебнаго училища домами, которые мы, апробуя, повелѣваемъ:

1. Строеніе сіе, такъ какъ оно требуетъ не малой суммы, расположить по разсмотрѣнію вашему и по соображенію съ государственными доходами въ пять или шесть лѣтъ, дабы не причинить остановки въ другихъ, не менѣе нужныхъ, расходахъ.

2. Сколько потому въ каждый годъ на сіе строеніе изъ государственныхъ доходовъ удѣлить возможно и какое по мѣрѣ той суммы въ которомъ году одно послѣ другаго строеніе производить, о томъ имѣете нынѣ же учинить съ нимъ постановленіе и намъ представить, дабы мы объ отпускѣ той суммы повелѣнія наши дать могли.

3. Между тѣмъ генераль майора Хомутова отправьте немедленно въ Москву обратно и прикажите, чтобы онъ тамъ и дѣйствительные на оное торги произвелъ, стараясь, дабы оныя не токмо не превосходили смѣты, но еще бы изъ того остатка были, и какія послѣднія съ торговъ цѣны состоятся, васъ увѣдомляя, а вы имѣете доносить намъ.

4. Все оное строеніе препоручаемъ мы въ точное попеченіе и вѣдѣніе его, Хомутова, надѣясь по усердію его къ службѣ, что онъ все то исполнитъ лучшимъ и дешевлешимъ образомъ. **Павель».**

Еъ Павловскомъ,
іюня 30 дня 1797 года.

Въ этому рескрипту приложена была слѣдующая смѣта, составленная генераломъ Хомутовымъ:

«Какое строеніе и что будетъ стоить по примѣрной смѣтѣ генераль-майора и кавалера Хомутова, съ матеріалами и работою Московскаго генеральнаго госпиталя на 1280 человекъ. Іюня 27 дня 1797 года.

	Цѣна каждому строенію.	Итого.
Корпусъ каменный въ два этажа подъ н ^о 1, длиною на 175 саженьхъ, покрытъ желѣзомъ, для помѣщенія въ обонхъ этажахъ 1120 больныхъ	219,569,	289.216
На поправку церкви въ старомъ каменномъ корпусѣ и для помѣщенія больныхъ (подъ н ^о 2) 160 чел.	30,000	
На постройку заборовъ каменныхъ 186 сажень.	10,000	
На постройку деревянныхъ корпусовъ для помѣщенія госпитальныхъ служителей и учениковъ	29,647.	

Каменные 5 корпусовъ съ заборами каменными (подъ н ^о 3). длиною на саженьяхъ, для жительства медицинскихъ чиновъ	70,000	70,000
Полагая еще одинъ корпусъ въ добавокъ къ н ^о 3.	13,610	13,610
Корпусъ каменный въ полтора этажа со сводами, подъ н ^о 4, для кухни и пекарни, длиною 10 сажень, шириною 7 сажень, покрыть желѣзомъ	13,587	
Полагая два корпуса.		27,174
	<u>Итого</u>	<u>400,000</u>
На постройку по плану Медицинской Коллегіи корпуса длиною на 75 саж.	100,000	
	<u>Всего</u>	<u>500,000</u>

Генералъ-майоръ Григорій Хомутовъ.

На основаніи этого повелѣнія, баронъ А. П. Васильевъ составилъ слѣдующее распределеіе ежегодныхъ денежныхъ отпусковъ изъ государственнаго казначейства на означенныя постройки:

«Положеніе въ которомъ году, начиная съ 1797 года отпустить суммы на постройку въ Москвѣ госпиталя съ принадлежащими къ оному для медицинскихъ чиновъ и врачебнаго училища домами и что чего въ которомъ году построится.»

На постройку всего строенія по счѣтѣ полагается 500,000 рублей.

	Цена строеніе.	Итого въ годъ.
Въ 1797 году построить въ два этажа каменный корпусъ съ крышею отъ А до В, на 75 саженьяхъ, вчернѣ.		75,000
1798. Достроить тотъ же корпусъ вчернѣ отъ А до А и отъ В до В, на 50 саженьяхъ.	50,000	75,000
Построить два корпуса кухню, подъ н ^о .	25,000	
Въ 1799. На отдѣлу построенныхъ на 150 саж. корпусовъ	35,000	100,000
На отдѣлу кухню.	2,000	
На постройку врачебнаго училища дому съ театрами, вчернѣ.	50,000	100,000
На постройку деревянныхъ корпусовъ госпитальныхъ служителямъ и ученикамъ	13,000	

Въ 1800. На отдѣлку врачебнаго училища съ театрами	20,000	}	100,000
На дома для жительства медицинских чиновъ, принадлежащихъ врачебному училищу.	30,000		
На поправку стараго каменнаго корпуса, въ томъ числѣ и церкви	30,000		
Построить чернѣ медицинскіе дома госпитальнымъ служителямъ	20,000		
Въ 1801. Построить каменный корпусъ въ два этажа чернѣ, отъ С до С., на 50 сажняхъ.	50,000	}	80,000
На построение заборовъ	10,000		
Достроить медицинскіе дома госпитальнымъ служителямъ	20,000		
Въ 1802. На отдѣлку корпуса отъ С до С.	10,000	}	70,000
На отдѣлку медицинскихъ домовъ госпитальнымъ служителямъ	30,000		
На отдѣлку деревянныхъ корпусовъ госпитальнымъ служителямъ и ученикамъ.	16,500		
На окончаніе всѣхъ построекъ	13,500		

Итого въ шесть лѣтъ 500,000.

Баронъ *Алексѣй Васильевъ*.

Іюля 3 дня
1797 года.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ надворный совѣтникъ князь *Сергій Урусовъ*.

Императоръ Павелъ утвердилъ это росписаніе построекъ слѣдующимъ рескриптомъ:

«Г. тайный совѣтникъ и государственный бзначей баронъ *Васильевъ*.

Пчисленную по смѣтѣ на построение въ Москвѣ для главной госпитали каменнаго зданія съ принадлежащими къ оной для медицинскихъ чиновъ и для врачебнаго училища домами, сумму, пять сотъ тысячъ рублей, сходственно съ положеніемъ вашимъ, здѣсь прилагаемымъ, повелѣваемъ отпустить въ теченіи шести лѣтъ, раздѣляя оную по разсмотрѣнію вашему въ разные сроки, сколько когда по мѣрѣ надобности на то строение потребно будетъ.

Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павелъ».

Въ Петергофѣ,
іюля 4 дня 1797 года.

Вслѣдъ за тѣмъ, 14 іюля, баронъ Васильевъ предложилъ медицинско-й коллегіи «сдѣлать планъ зданію врачебнаго училища, распорядя казнымъ образомъ съ лучшею удобностію помѣщены быть могутъ въ томъ зданіи учебныя театры, комнаты для кабинетовъ, библіотеки и прочихъ въ такомъ зданіи принадлежностей» и представить ему, «взвѣсно съ своимъ мнѣніемъ». При этомъ онъ сообщилъ ей все планы и смету на постройку зданій Московскаго генеральнаго госпиталя, для снѣтія съ нихъ копій и храненія у себя подлинниковъ.

Коллегія представила свой планъ врачебнаго училища 30 іюля и баронъ Васильевъ утвердилъ его 1-го августа и отправилъ къ Хомутову для исполненія, предварительно приказавъ снять съ него копию и оставить подлинникъ въ коллегіи.

Въ сохранившуюся въ старыхъ дѣлахъ медицинской коллегіи не сохранился ни одинъ изъ этихъ плановъ, не сохранился также и въ архивѣ конторы Московскаго госпиталя. Единственною копию этихъ плановъ остался—самъ Московскій госпиталь, существующій и до настоящаго времени. Въ большой залъ этого госпиталя сохраняется портретъ Императора Павла Петровича, внесенный туда генераломъ Хомутовымъ по обвенчаніи всѣхъ выше описанныхъ построекъ. На этомъ портретѣ сдѣлана надпись самимъ Хомутовымъ слѣдующаго содержанія: «Московскій военный госпиталь вновь выстроенъ для военно-служащихъ, защищающихъ отечество. Стоящее 650,000 рублей. Начавшееся по высочайшему повелѣнію Павла Перваго 1797 года іюня 20 дня и кончено въ 1801 году, генераль-лейтенантомъ и кавалеромъ Хомутовымъ, который по постройкѣ всего зданія черезъ 25 лѣтъ всеподданнѣйше осмѣливается поднести сей портретъ въ незабвенную память на предъидущія времена. 1826 года іюля 18 дня».

Русскимъ врачамъ, въ которыхъ теплится сознательное чувство любви къ своему призванію, неосцѣненно долженъ быть дорогъ этотъ портретъ, не смотря на безграмотность существующей на немъ надписи, потому что это портретъ монарха, который въ высокой долѣ своей можетъ-быть не всегда былъ счастливъ, но всегда по достоинству цѣнилъ медицину и постоянно дѣлалъ все зависѣвшее отъ него добро ея представителямъ.

Въ заключеніе этого разсказа нельзя не упомянуть о случайномъ стеченіи обстоятельствъ, связавшихъ судьбу медико-хирургической академіи, основанной императоромъ Павломъ въ одно время съ преобразованиемъ Московскаго госпиталя, съ исторіею этого пос-

лѣднаго. Ассигновавъ полмилліона рублей на перестройку Московскаго госпиталя, Павелъ I ровно черезъ полтора года ассигновалъ болѣе четверти милліона на устройство медицинской академіи, и когда послѣдняя была готова, тогда госпиталь пересталъ быть учебнымъ заведеніемъ, передавъ своихъ учениковъ въ медико-хирургическую академію и изъ стараго «генеральнаго» превратился въ «военный», какому мы знаемъ его и въ настоящее время.

ГЛАВА II.

Содержаніе московскаго госпиталя и его хозяйственныя средства въ первыя пятьдесятъ лѣтъ существованія его.

Свѣденія о первоначальномъ обзаведеніи Московскаго генеральнаго госпиталя и о порядкахъ его хозяйственнаго содержанія не дошли до насъ. Извѣстно, только, что всѣ расходы на него дѣлаемы были изъ суммъ Монастырскаго Приказа, въ которыхъ въ послѣдствіи присоединены были нѣкоторыя новыя статьи доходовъ, опредѣленныя царскими указами. Упомянутая объ учрежденіи медицинской школы при Московскомъ госпиталѣ, Рихтеръ говоритъ ¹⁾, будто въ ней «содержались 50 питомцевъ на иждивеніи царскомъ и обучались медицинѣ, чтобы со временемъ быть лѣбярями»: но это не совсѣмъ справедливо.

Если подъ названіемъ царскаго иждивенія разумѣть штатсъ-кантору (государственное казначейство), то изъ нея только изрѣдка дополнялось содержаніе госпиталя со школою, и притомъ дополнялось не ранѣе 1744 года, т. е. съ того времени когда зашла уже рѣчь о передачѣ госпиталя въ вѣдомство коллегіата.

При первомъ же учрежденіи госпиталя, все хозяйственное содержаніе его возложено было на монастырскій приказъ, изъ котораго и выдаваемы были деньги какъ на жалованье чинамъ, служившимъ при госпиталѣ, такъ и на содержаніе больныхъ и ремонтъ зданій. Денеж-

¹⁾ *Исторія медицины въ Россіи*, ч. III, Москва, 1820, стр. 22.

ная сумма, расходовавшаяся монастырскимъ приказомъ на госпиталь, измѣнялась, смотря по числу больныхъ и по числу госпитальныхъ чиновъ. Но въ 1710 году составлена была табель госпитального содержанія, утвержденная императоромъ Петромъ I, по которой на всѣ издержки этого учрежденія опредѣлено 4487 рублей деньгами изъ суммъ монастырскаго приказа.

Въ послѣдствіи времени, при увеличеніи госпитальнаго штата, кменнымъ указомъ 15 іюля 1744 года табель эта подтверждена, но въ дополненіе ея назначено еще выдавать по 2887 рублей въ годъ изъ статей-конторы (государственнаго казначейства) добавочнаго жалованья чинамъ генеральнаго госпиталя, причемъ въ денежному жалованью предписано было (указомъ 3 сентября 1744 года) отпускать разнаго хлѣба натурою по 1318 четвертей въ годъ, частію на содержаніе больныхъ, а частію въ добавокъ къ жалованью нижнихъ госпитальныхъ чиновъ. Это довольствіе «натурою» было отпускаемо также изъ запасовъ экономической канцеляріи св. снуда.

Чѣмъ же, спрашивается, покрывали эти расходы сперва монастырскій приказъ, а потомъ экономическая канцелярія св. снуда? Они покрывали ихъ своими собственными церковными доходами, и отчасти также доходами съ вотчинъ, отказанныхъ по завѣщаніямъ и приписанныхъ въ духовное вѣдомство собственно на содержаніе госпиталя, какъ это видно изъ справокъ, данныхъ снудомъ комисаріату при передачѣ госпиталя.

Такъ, въ 1702 году, по смерти стольника Федора Федоровича Плещева, въ приписныхъ къ Московскому госпиталю вотчинахъ Симбирскаго уѣзда Кандарацкой (110 дворовъ) и Бивацкой слободы (24 двора), по свидѣтельству генералитета, написано мужскаго пола по ревизіи 658 душъ. По перепискѣ изъ монастырскаго приказа 1705 года въ этой вотчинѣ было крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 147, прибыло 13 дворовъ. Пашни было 4150 четвертей съ полудесятиною и съ получетвертью въ полѣ и въ дву потомужъ. На помѣщика хлѣба сѣвали на 100 десятинахъ. Тѣмъ крестьянамъ велѣно помѣщичьей пашни пахать по десятинѣ на дворъ въ полѣ, а въ дву потомужъ. Крестьяне этихъ слободъ по 1750 годъ пахали казенную пашню на 147 десятинахъ въ полѣ, да въ дву потомужъ. На той пашнѣ хлѣба въ посѣвѣ было: ржи 294 четверти, яроваго по 405 четвертей; а въ приплодѣ было напр. въ 1748 году ржи 1423 четверти 4 четверика. Съ той пашни приплодный хлѣбъ, за дальностію,

въ Москву не привозился, а продавался по настоящимъ цѣнамъ въ тѣхъ вотчинахъ и деньги присылался въ экономическую канцелярію снуд. правленія на содержаніе Московскаго госпиталя, но не по равному числу въ годъ, сверхъ положенной табелью суммы. Наконецъ въ 1750 году 28 мая, по прошенію врестьянъ и разрѣшенію снуда, та десятинная пашня отдана во владѣніе имъ, врестьянамъ, а вмѣсто нея велѣно брать съ нихъ оброку на содержаніе госпиталя по 610 рублей въ годъ. Да сверхъ того съ нихъ же назначалось собрать прикащику (на жалованье) денегъ 13 руб. 16 коп., ржи или ржаной муки 12 четвертей, солодовъ ячнаго и ржаного на квасъ и на пиво 12 четвертей, крупъ 3 четверти, гороху 1 четверть, масла коровьяго 2 пуда, постнаго 3 ведра, сѣна и овса на 2 лошади.

Другая вотчина того же завѣщателя, отбазанная на содержаніе госпиталя, находилась въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Потуйковѣ, въ которой по ревизіи 1750 года было 86 душъ, платившихъ оброку по 60 рублей ¹⁾).

Третья его же вотчина была въ Вологодскомъ уѣздѣ въ селѣ Новлянскомъ, съ 200 душами, платившими оброку по 54 руб. въ годъ ²⁾).

¹⁾ Въ селѣ Потуйковѣ съ деревнями по переписнымъ книгамъ 186 года врестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ показано 36. А по описнымъ книгамъ Монастырскаго Приказа, по записи снудальнаго дома дворянина Андрея Еазыкина, въ вышеописанной вотчинѣ крестьянскихъ дворовъ не написано, а написано: въ деревнѣ Заглушневъ съ деревнями жилыхъ 20 дворовъ, да пустыхъ 17; въ другой половинѣ деревни Марьи Семеновны дочери Плещеевой, въ деревнѣ Калишиѣ съ деревнями жилыхъ 10, да пустыхъ 9 дворовъ, итого жилыхъ 30, да пустыхъ 26 дворовъ. Въ 1704 году, по указу Е. И; В. и по опредѣленію Монастырскаго Приказа велѣно съ той вотчины съ врестьянъ оброчныхъ денегъ взимать въ тотъ Приказъ по означенной Базыкина перепискѣ съ 30 дворовъ по 2 рубля со двора, итого по 60 р. на годъ.

Въ 1716 году, по перепискѣ изъ Монастырскаго Приказа снудальнаго дворянина Данила Рагозина въ той вотчинѣ явлено жилыхъ 12 дворовъ. И въ томъ же 1716 году 30 декабря, по указу Е. И. В. и по опредѣленію Монастырскаго Приказа, съ той вотчины велѣно всякіе платежи имѣть съ жилыхъ 12 дворовъ, а съ пустыхъ до указа спрашивать не велѣно.

²⁾ Въ Вологодскомъ уѣздѣ село Новлянское съ деревнями 72 двора. Пашня тамъ 315 четвертей; тугла 12 вытей; хлѣба въ посѣвъ бываетъ: ржи 83 четверти съ осьминою, овса 149 четвертей безъ полусосьмины; ячменя 14 четвертей съ осминою и съ четверткою; пшеницы 2 четверти съ осьминою, итого сѣятся 249 четвертей 3 четверива. Съ врестьянъ денежнаго оброку по окладу по 108 рублей на годъ, да съ пустоши Темрякова 6 руб.

Итого въ вышеописанныхъ вотчинахъ 242 двора, денежныхъ доходовъ 138

А всего съ этихъ трехъ вотчинъ получалось оброку, кромѣ при-
кашичьяго дохода, по 724 рубля въ годъ. Деньги эти собирались
съ крестьянъ ежегодно и употреблялись на госпиталь сверхъ положен-
ныхъ 4487 рублей.

Синодальныя же вотчины исполняли и другія повинности по госпи-
талю. Такъ для разныхъ казенныхъ работъ въ госпиталѣ содержа-
лось 8 лошадей, которымъ на кормъ и на зимніе мѣсяцы отпускалось
фуражнаго овса 6¼ четверти и 6 четвериковъ и сѣна 1000 пудовъ.
Эти лошади и фуражъ для нихъ были собираемы изъ подмосковныхъ
синадальныхъ вотчинъ.

Надобно впрочемъ прибавить, что съ этихъ именно вотчинъ, при-
писанныхъ къ Московскому госпиталю при самомъ учрежденіи его,
собирались доходы исключительно на его содержаніе только до 1710
года; съ этого же времени монастырскія и синодальныя вотчины раз-
дѣлены были по губерніямъ и приписаны къ нимъ, съ тѣмъ чтобы
доходы съ нихъ употреблять на монастырскія и синодальныя надоб-
ности въ тѣхъ именно губерніяхъ, въ которыхъ находились самыя
вотчины. Съ этимъ вмѣстѣ постановлено, чтобы доходы, собираемые
съ этихъ вотчинъ, не были употребляемы исключительно на Москов-
скій госпиталь, а чтобы довольствовался тотъ госпиталь «монастыр-
скими заопредѣленными вотчинами и какъ денежными, такъ и хлѣб-
ными и великими доходами, по положенному о табельныхъ расходахъ
опредѣленію и по сенатскому разсмотрѣнію 1710 года, изъ (мо-
настырскихъ) доходовъ Московской губерніи». Только постанов-
леніе это не соблюдалось точно, какъ можно видѣть изъ тѣхъ ус-
ловій, на которыхъ госпиталь переданъ синодомъ въ комисаріатское
вѣдомство: синодъ постоянно считалъ эти, а не другія вотчины при-
писанными къ госпиталю, и на недостаточности доходовъ съ нихъ
основывалъ свои отказы къ поправленію и перестройкѣ госпиталя.

Кромѣ вотчинныхъ доходовъ, монастырскій приказъ, а потомъ и
синадальная коллегія экономіи имѣли въ своемъ распоряженіи и
другія денежные суммы, которыя могли быть употреблены на содер-
жаніе госпиталя, однакоже въ началѣ не были на это употребляемы.

рублевъ, пашни 4465 четвертей съ полуосьминою и съ получетвертиномъ въ
полѣ, и въ двухъ потомужъ (Выписка изъ дѣла о госпитально-синадальныхъ
вотчинахъ 1726 года).

Сюда относились сборы съ вѣчныхъ памятей и собственно госпитальные или лазаретные сборы.

Подъ названіемъ сбора *съ вѣчныхъ памятей* разумѣлись деньги, собиравшіяся епархіальнымъ духовенствомъ со всѣхъ лицъ православнаго исповѣданія, вступавшихъ въ бракъ. Сборы эти установлены Петромъ I и поступали отъ епархіальныхъ архіереевъ или консисторій въ синодальную коллегію экономіи, вмѣстѣ со списками вступившихъ въ бракъ, а оттуда отсылаемы были въ главный комиссаріатъ. Они опредѣлены были въ слѣдующихъ размѣрахъ: первобрачныя лица, т. е. женихъ и невѣста, вступающіе въ первый бракъ, платили каждое по 6 алтынъ; второбрачныя лица, т. е. вступающія въ бракъ во второй разъ, платили каждое по 12 алтынъ, а третьобрачныя—каждое по 18 алтынъ. Кабъ ни мала кажется эта сумма сама по себѣ и взятая съ одного лица, но изъ этихъ денегъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ набиралось въ теченіи года до 1000 рублей, слѣдовательно почти втрое больше нежели сколько монастырскій приказъ ежегодно получалъ деньгами со всѣхъ вотчинъ, приписанныхъ въ Московскому госпиталю. Само собою разумѣется, что эти сборы значительно различались, смотря по населенности епархій и по богатству жителей; потому что могло быть, что бѣдный крестьянинъ, ищущій въ женитьбѣ прибавленія рабочихъ рукъ, нерѣдко принуждаемъ былъ отказываться отъ брака за невозможностью сколотить 36 алтынъ непозбѣжнаго налога.

Лазаретными деньгами назывались существующіе до нынѣ вычеты изъ жалованья на медикаменты, производившіеся со всѣхъ состоявшихъ въ государственной службѣ. Замѣчательно, что по табели 1720 года вычетъ на медикаменты дѣлался по рангамъ, а не по количеству жалованья. Такъ напримѣръ у генералъ-фельдмаршала изъ жалованья въ 7000 рублей вычиталось въ годъ 50 рублей; у полковника-иноземца изъ 600 руб., а у русскаго полеваго изъ 300 руб. и у гарнизоннаго изъ 200 рублей вычиталось одинаково по 12 рублей у каждаго; соразмѣрно съ этимъ, неуравнительно, вычиталось и у другихъ чиновъ¹⁾. Вычетныя деньги отпускаемы были изъ военной

¹⁾ На основаніи этого правила вычетъ на медикаменты увеличивался въ военное время, когда увеличивалось число войскъ, и напротивъ уменьшался въ мирное время. Такъ въ 1737 году (по военному времени) собраны были отъ вычета на медикаменты слѣдующія суммы:

съ генералитетскихъ и штабныхъ чиновъ 1520 р. 10 коп.

коллегии по расчетнымъ табелямъ въ медицинскую канцелярію на приготовленіе и отпускъ медикаментовъ въ армию ¹⁾).

Этотъ ранговый порядокъ вычета на медикаменты замѣненъ процентнымъ по высочайшему указу 1737 года. Въ этомъ указѣ сказано, что «по табели 1720 года вычеты у военныхъ чиновъ производятся неуравнительно и отъ того имѣется одному передъ другимъ обидя; а по генералитетскому и полковому штатамъ противъ табели 1720 года генералитета и полковъ убавлено и въ опредѣленныхъ полкахъ нѣкоторые чины отставлены и на медикаменты сумма имѣеть быть съ убавкою-жь; того ради надлежитъ впредъ на оныя медикаменты вычеты опредѣлить съ числа жалованья съ каждаго рубля съ генералитета и штабъ и оберъ-офицеровъ и съ прочихъ, которые офицерскіе ранги имѣютъ, и съ поповъ, и съ дѣварей, и съ берейторовъ по 3 деньги (1¹/₂

-
- » 10 кирасирскихъ полковъ, съ каждаго по 222 р. 46 коп. всего 2224 р. 60 коп.
 - » 22 драгунскихъ полевыхъ полковъ, съ каждаго по 222 р. 41 к., всего 4893 руб. 2 коп.
 - » 4 драгунскихъ гарнизонныхъ полковъ, съ каждаго 126 р. 11⁴/₇ коп., 504 руб. 47 коп.
 - » Московскаго эскадрона 45 р. 26 коп.
 - » 38 полевыхъ пѣхот. полковъ съ каждаго по 245 р. 7 коп., всего 9312 р. 66 к. 20 гарнизон. Остзейскихъ полковъ (кромя гарнизонныхъ чиновъ) съ каждаго по 137 р. 58 к., всего 2781 р. 45 коп.
 - » 9 гарнизон. губернскихъ полковъ (съ гарниз. чинами) съ каждаго по 84 руб 75⁴/₂ коп. всего 2475 р. 82⁴/₂ к.
 - » Великолукскаго батальона 41 р. 20⁴/₂ к. (въ немъ было строев. вѣж. чин. 551 чел.).
 - » гарнизоннаго штата—Остзейскаго 69 р. 84 к.
въ губерніяхъ 27 р. 48 к.

А всего съ генералитета и отъ полковъ и съ прочихъ ¹⁾вышесказанныхъ чиновъ военнаго вѣдомства на медикаменты было вычтено въ годъ 23895 р. 91 коп. Тутъ не было только считаемъ лейбъ-регіментъ и конная гвардія.

¹⁾ По расчетнымъ табелямъ 1724 года на приготовленіе и отпускъ въ армию медикаментовъ изъ военной казны положено отпускать въ годъ въ медицинскую канцелярію:

- на полевые полки на 33 драгунскіе по 252 р. 36 коп.
 - на 38 пѣхотныхъ 8-ротныхъ по 277 р. 16¹/₂ коп.
 - на 1 полкъ 9-ротный (Астраханскій) 305 р. 66 коп.
 - на 1 > 13-ротный (Шерманландскій) 447 р. 93 коп.
 - на гарнизонные: на 4 полка драгунскіе и эскадронъ по 116 р. 31 коп.
 - пѣхотные 8-ротные: на 21 остзейск. по 159 р. 41¹/₂ коп.
 - на 28 полковъ прочихъ губ. и на батальонъ по 118 руб. 96 коп.
- А всего 26876 р. 53¹/₂ копейки.

коп.) съ рубля, съ урядниковъ и рядовыхъ и нестроевыхъ и съ другихъ, которые офицерскихъ ранговъ не имѣютъ (бромѣ извошниковъ и денщикомъ) по 1 коп. съ рубля; эти деньги присылать съ дистриктовъ въ генераль-крюгъ-коммисаріатъ, а въ медицинскую канцелярію отпускать изъ оной суммы по сношенію за принятые въ полки медикаменты по каталогамъ за истинныя цѣны, а остальные деньги содержать въ крюгъ-коммисаріатѣ, въ особой суммѣ, въ запасъ на такіе же медикаменты, съ вычетомъ же на госпиталь по копейкѣ съ рубля, у которыхъ чиновъ оныя опредѣлены, быть по прежнему».

Наконецъ въ синодальной коллегіи экономіи находились и еще суммы, которыя могли быть употреблены на содержаніе госпиталя: это—*штрафныя деньги*, собиравшіяся съ тѣхъ лицъ православнаго исповѣданія, которыя по какому либо причину не явились въ теченіи года на *духовную исповѣдь*. Только въ этихъ деньгахъ синоднику уже не давалъ отчета и права на полученіе ихъ не передалъ коммисаріату при передачѣ ему московскаго госпиталя. Когда эти сборы установлены и когда отменены—мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

Всѣхъ этихъ денежныхъ сборовъ было очень достаточно на содержаніе не только большаго госпиталя, но и всѣхъ другихъ благотворительныхъ заведеній въ имперіи, напр. богадѣленъ, странноприемныхъ домовъ и т. п. И съ одной стороны этотъ избытокъ средствъ, а съ другой мысль, что церковные сборы всего естественнѣе должны быть употребляемы на дѣло благотворительности, вѣроятно и были первыми причинами, по которымъ Петръ I приказалъ устроить и содержать московскій госпиталь на суммы монастырскаго приказа. Кажется даже, что подобное распоряженіе считалось до того обыкновеннымъ, что повторялось весьма нерѣдко и въ послѣдующія царствованія. Такъ напримѣръ, когда послѣдняя страшная чумная эпидемія застала Москву въ расцѣлохъ и унесла болѣе половины ея жителей, тогда московское управленіе спохватилось и пало на мысль, что вѣроятно эпидемія не была бы такъ безпощадна, еслибы встрѣчена была съ надлежащими предосторожностями и еслибы захворавшимъ жителямъ было гдѣ пріютиться и найти нужное пособіе: тогда рѣшено было завести городскую больницу въ Москвѣ и содержать ее подъ вѣдомствомъ городской полиціи. Но гдѣ было взять денегъ на учрежденіе и содержаніе ея? Обратились къ церковнымъ доходамъ и по представленію московскаго губернатора князя Михаила Никитича

Волковскаго состоялся 22 мая 1776 года высочайшій указъ объ отдачѣ денегъ, собираемыхъ въ Москвѣ при иконѣ Боголюбской Бого-родицы, что на Варварскихъ воротахъ, на содержаніе этой больницы, и изъ этого источника въ томъ же году выдано было на содержаніе больницы 1481 рубль 69³ , копѣйки. Кромѣ того, изъ этого же источника выдано и на первоначальное учрежденіе и устройство боль-ницы 5000 рублей.

Штатъ Московскаго генеральнаго госпиталя не всегда былъ одина-ковъ. Въ самомъ началѣ, по высочайшему указу 1706 года, въ немъ значились:

1 докторъ съ жалованьемъ по	800 р. въ годъ,
1 лѣкаръ > > >	300 > > >
1 аптекаръ > > >	300 > > >
1 подаптекаръ > > >	120 > > >
1 подлѣкаръ > > >	41 > > >
50 учениковъ на всѣхъ	894 > 25 коп.

Кромѣ того, на покупку суконъ для мундировъ ученикамъ, по 7 аршинъ каждому черезъ два года. Ученики раздѣлялись въ этомъ от-ношеніи на три статьи, по которымъ различалась и цѣнность сукна; такъ:

15 ученикамъ первой статьи сукно по 80 к. арш. всего	84 р. —
15 > второй > > > 70 > > >	73 > 50 к.
20 > третьей > > > 60 > > >	84 > —
а всего въ два года	241 р. 50 к., или ежегодно по 120 > 75 к.

Далѣе, на покупку лѣкарствъ, медикаментовъ, припасовъ и вина, а также инструментовъ 1826 руб.

Мастеровымъ и рабочимъ при госпиталѣ	41 р.
Попу съ дьячкомъ	14 >
Прикащику госпитальнаго двора (т. е. комисару). вертей хлѣба (половина ржи, половина овса).	15 р. и 30 чет-
Кописту хлѣба (тоже).	15 > и 10 четв.

На пищу и питье больнымъ хлѣба раз. рода 1278
четвертей (выходило иногда и больше).

Всего въ годъ .	4487 р. деньгами и
1318 четвертей хлѣба.	

Этотъ штатъ подтвержденъ былъ указомъ 2 мая 1710 г. и имѣлъ

силу закона до 1716 года. Когда новымъ генеральнымъ табельнымъ опредѣленіемъ былъ нѣсколькоувеличенъ въ однихъ пунктахъ и измѣненъ въ другихъ, а именно по этому табельному опредѣленію положено выдавать на госпиталь (все однакоже изъ суммъ коллегіи экономіи):

доктору на жалованье	1500 р. въ годъ.
лѣкарю и аптекарю по	300 р., всего 600 р.
подлѣкарю и подаптекарю по	120 р., > 240
лѣкарскихъ дѣлъ подмастерью по	70 >
50 ученикамъ.	89½ >
на сукна для мундировъ имъ, въ годъ.	120 р. 75 в.
госпитальному попу	13 > 33½ коп.
» дьячку	6 66½/2 >
коммисару госпитальному.	15 > и 30 четвер. хлѣба.
садовнику и работникамъ его	65 > 72 коп. и ржи 6½
четверти, овса 6½ четверти	
ячменя 20 четвертей, итого	
разнаго хлѣба 18½ четверти.	

на покупку медикаментовъ, инструментовъ и прочихъ принадлежностей 1826 р.

хлѣба на пищу больнымъ и на вареніе пивъ и квасовъ 616 четвертей,

а всего 5351 руб. 47 коп. и 800 четвертей ржаного хлѣба ¹⁾).

Наконецъ, по мѣрѣ развитія дѣятельности госпиталя, черезъ 18 лѣтъ, возникла потребность новаго увеличенія госпитального штата. Но синодальная канцелярія экономическаго правленія отказалась прибавлять свои деньги на его содержаніе, жалуясь на чрезмѣрность расходовъ по перестройбѣ и починкамъ госпиталя и въ тоже время ука-

¹⁾ Въ зготъ счетъ не входили наградныя суммы, выдававшіяся по времени глав. доктору госпиталя и начальнику медцвской при немъ школы. Хотя онѣ и были ассигнуемы изъ того же источника. Такъ именнымъ указомъ Петра I, даннымъ 13 марта 1718 года, докторъ Бидлоо «за всякаго обучившагося ученика и освидѣтельствованнаго быть лѣкаремъ» долженъ былъ получать одновременно по 100 рублей, а за всякаго поллѣваря по 50 рублей изъ суммъ Монастырскаго Приказа. Только въ 1727 году Синодъ отказалъ въ выдачу этихъ денегъ и по указу Петра II стѣ 31 октября 1728 года велѣно выдавать Бидлоо эти деньги изъ экономственной коллегіи. Когда прервалась выдача этихъ денегъ доктору Моск. госпиталя—не известно; вѣроятно однакоже, что со смертію Бидлоо.

зывая на другія свои надобности, напримѣръ учрежденіе и поддержку богадѣльнъ, а потому именнымъ указомъ 15 іюля 1744 года повелѣно отпускать дополнительную сумму изъ статсъ-конторы (изъ государственнаго казначейства), съ тѣмъ однакоже, чтобы содержаніе госпиталя оставалось по прежнему на обязанности синодальнаго управленія ¹⁾. по табели 1710 года (указъ 3 сентября 1744 года). Слѣдовательно этимъ указомъ отмѣнялось табельное опредѣленіе 1716 года и возстановлялся штатъ 1710 года съ слѣдующимъ дополненіемъ изъ суммъ статсъ-конторы:

доктору прибавлено изъ статсъ-конторы	1700 руб.
лѣбарю > > >	300 >
подлѣбарю > > >	43 >
вновь опредѣленнымъ лѣб. Андрею Скрымзору	240 >
> > Михаилу Пленшу.	180 >
> > подлѣбарю Никитѣ Ножев-	
щивову.	84
подаптекарю Томасу Возлуху	100 >
рисовальному мастеру Петру Михайлову	120 >
караульнымъ солдатамъ	120 >
<u>Итого прибавлено изъ статсъ-конторы .</u>	<u>2887 ></u>

Хлѣбныя дачи на больныхъ и на чиновниковъ, опредѣленныя табелью 1710 года, также подтверждены указомъ 3 сентября 1744 года, съ отмѣною табельнаго опредѣленія 1716 года.

Къ этому надобно еще прибавить, что коллегія экономіи, частію изъ любви къ Московскому госпиталю, какъ своему учрежденію, частію же изъ уваженія къ представленіямъ доктора Бидлоо, почти 29 лѣтъ безконтрольно и честно управлявшаго этимъ заведеніемъ, никогда не тяготилась передержками суммъ, опредѣленныхъ ею на содержаніе госпиталя и вовсе не жаловалась на нихъ. Табъ въ 1722 году Бидлоо вошелъ къ ней съ представленіемъ, что госпитальные ученики его не могутъ обойтись положеннымъ имъ жалованьемъ, и она безпрекословно отпустила имъ на прибавочное жалованье 554

¹⁾ Въ этотъ же день (15 іюля 1744) другимъ указомъ уничтожена была и самая Коллегія Экономіи, а всѣ дѣла ея переданы въ управленіе св. Синода, гдѣ и образовалась Синодальная Канцелярія Экономическаго Правленія.

рубля 25 копѣекъ—сумму по тогдашнему времени весьма значительную. Нечего и говорить уже, что ежегодныя передержки хлѣбныхъ дачъ были весьма велики и повидному не считались очень важными. Но она никогда не удовлетворяла такимъ требованіямъ для того же самаго госпиталя, который чрезъ постороннее вмѣшательство принуждала ее давать деньги или вымогали ихъ.

Этимъ объясняется, почему она ни въ чемъ не отказывала Бидлоо, обращавшемуся съ своими представленіями прямо къ ней, и напротивъ вела безконечныя и безплодныя переписки съ Блюментростомъ, высокоумно подрѣзывавшимъ свои требованія сношеніями съ медицинскою канцеляріею, сенатомъ и съ архіатерами. Есть даже вѣроятность думать, что это чуждое вмѣшательство въ хозяйственныя дѣла госпиталя было причиною, заставившею ее сложить съ себя во чтобы ни стало всякія сношенія съ нимъ и отказать отъ учрежденія, которымъ она гордилась цѣлыя 50 лѣтъ.

Этой же, вѣроятно, причинѣ надобно приписать и то, что въ 1741 году коллегія экономіи возбудила вопросъ, должна ли она принимать въ госпиталь солдатъ и больныхъ прегулярныхъ войскъ, прибывающихъ въ такомъ количествѣ, что ихъ даже и умѣстить въ госпиталѣ невозможно и не справедливо ли будетъ требовать деньги за содержаніе ихъ изъ военной конторы, такъ какъ съ военныхъ чиновъ вычитаются этою послѣднею госпитальныя деньги? Вопросъ этотъ возбуждаемъ былъ и прежде, и для рѣшенія его отпускаемо было изъ военной конторы «на мелочныя расходы» въ госпиталь по 1826 руб. въ годъ; но въ настоящее время коллегія экономіи считала эту сумму недостаточною и довела дѣло до сената, который и рѣшилъ указомъ 2 іюля 1741 года, что «для содержанія солдатъ и прегулярныхъ войскъ больныхъ, которыхъ ежели въ Московскомъ госпиталѣ умѣстити будетъ невозможно, отдать въ вѣдомство военной конторы Васильевскій домъ съ описью и что надлежитъ въ томъ домѣ починить—оное исправить отъ военной конторы изъ остаточной отъ денежнаго комплекта суммы, а о довольствіи вышеобъявленныхъ прибавочныхъ больныхъ пищею и прочимъ военной конторѣ имѣть сношеніе съ коллегіею экономіи, и ежели на то положенной на госпиталь суммы не достанетъ, то для солдатъ и прочихъ военныхъ людей деньги надлежитъ держать отъ военной конторы, ибо отъ полковъ за то вычета изъ жалованья бываетъ, и во всемъ такъ поступать, какъ въ регламентѣ о госпиталяхъ положено».

Затѣмъ вышензложенный штатъ Московскаго госпиталя не былъ измѣняемъ до самой передачи этого учрежденія въ полное вѣдѣніе комиссаріата. А послѣ этой передачи госпиталя въ военное вѣдомство штатъ его, указомъ сената 24 декабря 1756 года, увеличенъ «по увеличившемуся числу больныхъ въ немъ», прибавкою (въ 1 доктору, 1 главному лѣкарю, 2 лѣкарямъ, 2 подлѣварямъ и 50 ученикамъ) 1 оператора, 2 лѣкарей и 6 подлѣкарей. Затѣмъ содержаніе московскаго госпиталя опредѣлялось указаніями генеральнаго госпитальнаго регламента наравнѣ съ другими генеральными госпиталями.

ГЛАВА III.

Первая медико-хирургическая школа при Московскомъ генеральномъ госпиталѣ. Николай Бидлоо, 1707—1735.

Московскій «гофшпиталь» построенъ и открытъ ровно черезъ полтора года послѣ того, какъ объявленъ указъ объ его учрежденіи, а именно 21 ноября 1707 года. «Божіимъ благословеніемъ, попеченіемъ же его превосходительства графа Мусина-Пушкина, писалъ Бидлоо въ Петру Великому, гофшпиталь ноября въ 21 день 1707 году въ такое состояніе приведеиъ, что съ онымъ въ Божіе имя начало учинено и впервые нѣсколько больныхъ въ тотъ домъ приведеио» (II). Такимъ образомъ одна половина задачи была исполнена: «лѣченіе болящихъ людей» началось. Но оставалось приступить къ исполненію другой половины задачи—«набрать изъ иноземцевъ и изъ русскихъ изъ всякихъ чиновъ людей для аптекарской науки 50 человекъ». Откуда и какъ набрать ихъ—въ указѣ не опредѣлено; равно какъ не указано, кто долженъ былъ набирать ихъ. Весьма вѣроятно, что первоначально набралъ ихъ тотъ же Мусинъ-Пушкинъ, при содѣйствіи самаго Бидлоо, хотя послѣдній и не приписываетъ себѣ этой роли въ вышеприведенномъ письмѣ. Основаніемъ этого предположенія служить то, что главнымъ условіемъ пріема въ госпитальную хирургическую школу было, чтобы набираемые были люди молодые и чтобы они «искусны были» въ голландскомъ и латинскомъ языкахъ, такъ какъ предназначенные учителя ихъ были голландцы, не знакомые

еще съ русскимъ языкомъ, а хотя бы впоследствии и научившись говорить порусски, но не могшіе, по тогдашнимъ обычаямъ, отказаться отъ латинскаго преподаванія такихъ специальныхъ предметовъ какъ анатомія, ботаника, патологія и хирургія. Гдѣ же и кто могли бы отыскать такихъ молодыхъ людей, какъ не самъ Бидлоо? И прежде всего онъ, конечно, обратился къ иностранцамъ, проживавшимъ въ Москвѣ и въ разное время вызваннымъ въ Россію для занятія ремеслами и разнаго рода службами. Медицинская карьера была тогда очень прибыльна и довольно почетна, а потому родители и родственники, выходяцы изъ чужихъ краевъ и располагавшіе на всегда остаться въ Россіи, охотно могли отдавать Бидлоо подроставшихъ сыновей своихъ и довольно большое число такихъ иностранцевъ, конечно, на первыхъ порахъ и поступило въ Московскую госпитальную школу. Но нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ дѣтей иностранцевъ, въ нее набираемы были и русскіе молодые люди, дѣти подъячихъ, духовенства, приказныхъ, болѣе или менѣе помирившихся съ новыми порядками жизни и службъ или по крайней мѣрѣ не дичившихся служилыхъ иностранцевъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались царскими милостями. Незнаніе голландскаго языка едва ли могло служить большимъ затрудненіемъ, потому что преподаваніе въ госпиталь должно было производиться по латыни, а латинскій языкъ въ школахъ Петровскаго времени былъ уже распространенъ въ очень порядочной степени. Царь Алексѣй Михайловичъ понималъ латинскій языкъ и вѣроятно безъ переводчика читалъ меморіи лейбъ-медика своего Лаврентія Блюентроста, на латинскомъ языкѣ, объ уплатѣ его долговъ, простиравшихся до 600 р. и о защитѣ его отъ клеветы недоброжелателей (1674 года). Да едвали и много его требовали. Даже гораздо позднѣе медицинское преподаваніе состояло изъ однихъ логическихъ опредѣленій разныхъ усвоенныхъ терминовъ, безъ вниканія въ сущность дѣла, а въ тѣ времена оно могло ограничиваться просто только одною терминологіею на латинскомъ языкѣ, усвоимаемою обыкновенно безъ особеннаго труда. Поэтому требованія знанія латинскаго языка могли быть не очень обширны. При всемъ томъ, однакоже, наборъ учениковъ для госпитальной школы въ первое время былъ затруднителенъ и не всегда успѣшенъ, такъ что первый комплектъ 50 человекъ составилъ не раньше четырехъ лѣтъ по открытіи госпиталя (въ 1712 году), да и тутъ еще не могъ считаться надежнымъ, потому что одновременно съ прибываніемъ учениковъ они непрерывно убывали и

въ результатъ выходило, что въ тотъ же срокъ состояло на лицо только 33 ученика, а иногда бывало и меньше ¹⁾.

Но такъ было только въ первые годы, когда наборъ учениковъ въ госпитальную школу предоставленъ былъ личной находчивости и авторитету начальства школы и госпиталя. Въ послѣдствіи положеніе дѣлъ измѣнилось. Докторъ Н. Бидлоо былъ умный, образованный и уживчивый человекъ. Управляя госпиталемъ, состоявшимъ подъ вѣденіемъ синода и подъ ближайшимъ наблюденіемъ московской конторы его, онъ вошелъ въ сношеніе съ высшимъ мѣстнымъ духовенствомъ, сблизился съ нимъ, не скупился на мелочныя услуги и приобрѣлъ общую любовь и расположеніе. Духовенство и указало ему на источникъ, изъ котораго можно бы было комплектовать госпитальную школу учениками. Это были Славяно-греколатинскіе училища въ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, за Иконнымъ рядомъ, утвержденныя еще при патріархахъ, снабжавшія іерархію образованными епископами, архимандритами, игуменами, священниками, подьячими, учителями для математическихъ школъ въ губерніяхъ, типографскими справщиками, учителями для Сербіи и даже повдѣе адъюнктами для академіи наукъ въ Спб. (Ив. Горленскій). Въ этихъ школахъ обучали трехъ языкамъ: славяно-русскому, латинскому и греческому. А именно сперва учили русскому языку (въ школѣ русскаго языка: читать и писать по русски, псалтыри, часослову и грамматикѣ), потомъ греческому языку (въ греческой школѣ: читать и писать, грамматикѣ и синтаксису) и затѣмъ латинскому языку (въ латинской школѣ: читать, писать, грамматикѣ и синтаксису ²⁾), и кромѣ того риторикѣ, пѣніемъ, философій, богословію). Ученики переводились изъ греческой школы въ латинскую, смотря по успѣхамъ, или наоборотъ. Содержались школы насчетъ монастырскихъ и церковныхъ доходовъ, и нѣкоторое время состояли въ вѣдомствѣ штатсъ-конторы, а потомъ подчинены были св. синоду (Ш).

1) Въ томъ же письмѣ къ Петру Великому отъ 27 февраля 1712 года Бидлоо говоритъ: «Взялъ я въ разныхъ годахъ и числахъ 50 человекъ до науки хирургической, которыхъ 33 осталось, 6 умерли, 8 сбѣжали, 2 по указу взяты въ школу, 1 за невоздержаніе отданъ въ солдаты, итого 50 человекъ.»

2) Грамматика раздѣлена была на 8 частей, преподававшихся одна послѣ другой. Случалось, что ученики оканчивали курсъ и выходили изъ школы не пройдя всѣхъ частей грамматики, что и обозначалось въ выдававшихся имъ аттестатахъ.

Бидлоо не замедлил воспользоваться этимъ указаніемъ. Чрезъ личное сношеніе частію съ ближайшимъ начальствомъ этихъ школъ, частію съ мѣстнымъ высшимъ духовенствомъ, частію наконецъ съ родителями и родственниками учениковъ, онъ всегда успѣвалъ набрать себѣ для госпитальной школы нужное число учениковъ. Знала ли объ этомъ контора штатсъ-коллегіи, которой подчинены были славяно-греко-латинскія школы, или нѣтъ, но она долго смотрѣла съвозъ пальцы на это переманиваніе учениковъ изъ нихъ; но въ 1719 году, особымъ указомъ этой коллегіи, запрещено было принимать кого либо изъ этихъ школъ безъ подлиннаго ея указа, такъ что у Бидлоо осталось только 30 учениковъ. Чтоже ему было дѣлать? Онъ обратился въ синодъ съ просьбою позволить ему принимать къ ученію въ госпитальной школѣ только «желающихъ» изъ славяно-латинскихъ школъ, и чтобы позволено было всякому, «въ латинскомъ языкѣ искусному», свободно приходить къ ученію хирургическому по охотѣ, и ему не возбранено было принимать такихъ приходившихъ. Синодъ разрѣшилъ это ¹⁾. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ всѣ славяно-греко-латинскія школы, равно какъ школы заведенныя при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, изъяты изъ вѣдомства штатсъ-конторы и подчинены св. синоду. Это облегчило укомплектованіе госпитальной школы и Бидлоо прямо обращался уже въ коллегію экономіи синод. правленія за воспитанниками славяно-латинскихъ московскихъ школъ. На первыхъ порахъ это и производилось безпрекословно. Но въ началѣ 1723 года, когда онъ обратился къ начальству Чудовской славяно-латинской школы о присылкѣ ему 11 учениковъ для пополненія госпитальнаго комплекта, синодъ приказалъ отпустить ихъ, но съ тѣмъ, чтобы «впредь въ тотъ госпиталь

¹⁾ Надобно отдать справедливость тогдашнему высшему духовенству въ Россіи, что оно безъ предубѣжденій смотрѣло на медико-хирургическое ученіе и госпитальную московскую школу. Доказательствомъ можно привести то, что новгородскій архіепскопъ Феодосій, вице-президентъ синода, отправилъ въ 1718 году роднаго племянника своего Мартина Яновскаго въ Московскій госпиталь «для хирургической науки», и черезъ шесть лѣтъ (23 ноября 1724 года) просилъ объ увольненіи его изъ госпиталя, съ тѣмъ чтобы отправить его «для лучшей въ той хирургической наукѣ практики во Францію, на свой счетъ». Синодъ согласился, съ тѣмъ, чтобы Яновскій, по возвращеніи изъ Франціи опредѣленъ былъ въ русскую службу и для того явился бы въ синодъ неотложно.

изъ вышеозначенныхъ словено-латинскихъ школъ учениковъ не опредѣлять. того ради, что въ тѣхъ школахъ ученики имѣютъ обученіе не для исправленія госпитальныхъ нуждъ, но для произведенія во священство, отъ чего-бъ во святой восточной церкви распространялась глаголанная ими проповѣдь слова Божія благочестивымъ христіанамъ въ пользу душевную, а для имѣющихся въ оной госпитали въ ученикахъ нуждъ приписывать оному доктору кто пожелаетъ изъ малолѣтнихъ и тѣхъ отдавать для обученія въ вышеобъявленныя славяно-греко-латинскія школы, которыми по воспріятіи настоящихъ наукъ тому доктору и довольствоваться». Въ этомъ смыслѣ коллегію экономинъ данъ былъ Бидлоу въ 1724 году указъ: «отыскивать малолѣтнихъ учениковъ, желающихъ въ лѣкарскомъ ученіи быть, и отсылать въ латинскія школы въ Москвѣ», а потомъ, когда дойдутъ до надлежащихъ наукъ, принимать въ лѣкарское ученіе и сверстывать противъ ихъ братіи». Указъ этотъ не привелъ однакожь ни къ какимъ послѣдствіямъ и не могъ быть исполненъ, такъ какъ, по словамъ Бидлоу, хотя о семъ всенародно публикація была, но никто изъ такихъ не явился, а паче, что ниже такового обычая когда бывало». понеже достообразенныя и вѣчно достойныя памяти Е. П. В. указомъ повелѣно недостаточное число въ наукѣ хирургической учениковъ пополнять изъ славяно латинскихъ школъ» Поэтому, когда настояла необходимость, по прежнему обращались къ синоду съ просьбами объ отпускѣ учениковъ и онъ не дѣлалъ большихъ затрудненій. Такъ, еще въ томъ же году (28 февраля 1724), адмиралтействъ-коллегія по просьбѣ медицинскій канцеляріи, требовала отъ синода двухъ учениковъ въ Котлинскую адмиралтейскую аптеку, «которые бы умѣли латинскаго языка», изъ московскихъ славяно-латинскихъ школъ, и синодъ приказалъ отпустить ихъ. Такимъ же образомъ и самъ Бидлоу, въ 1727 году, выставляя на видъ невозможность укомплектовать госпитальную школу тѣмъ способомъ, который означенъ въ указѣ 1724 года, просилъ прислать ему 20 учениковъ изъ славяно-латинскихъ школъ, «которые были бы весьма въ латинскомъ языкѣ искусны», и синодъ приказалъ послать 20 человекъ, «если возжелаютъ въ той хирургической наукѣ охотою своею быть». Последнее указаніе («своею охотою быть») важно въ томъ отношеніи, что давало возможность обходить выше приведенный запретительный указъ синода. Пользуясь расположеніемъ коллегіи экономинъ и са-

мого синода, онъ не всегда прибѣгалъ къ канцелярскому требованію учениковъ изъ славяно-греко-латинскихъ школъ, а просто переманивалъ оттуда тѣхъ изъ нихъ, которые поумнѣе, не желали оставаться въ этихъ школахъ, не предназначали себя къ духовному званію и желали воспользоваться казеннымъ содержаніемъ (такъ какъ въ госпитальной школѣ ученики не только содержались и одѣвались на счетъ синода, но и получали ежегодное жалованье) на все время, пока приготовятся къ выгодной самостоятельной медицинскій дѣятельности. Выбравъ нѣсколько такихъ учениковъ въ славяно-латинскихъ школахъ, Бидлоо входилъ съ представленіемъ въ коллегію экономіи, прибавляя, что они дескать своею охотою желаютъ поступить въ госпитальную школу, и никогда не получалъ отказа въ отпускѣ ихъ въ госпитальную службу. Безъ всякаго сомнѣнія, коллегія экономіи видѣла хитрость, направленную противъ запретительнаго распоряженія синода, но, уважая личные достоинства и заслуги Бидлоо, смотрѣла сквозь пальцы и не только не мѣшала, но и содѣйствовала ему поддерживать созданную имъ госпитальную школу.

И вообще какъ ни надоедлива нынѣ кажется переписка Бидлоо съ синодомъ объ ученикахъ и какъ ни тягостны и обидны отказы ему въ дѣлѣ снабженія госпитальной школы учениками изъ славяно-латинскихъ школъ, но въ сущности онъ никогда не получалъ отказовъ. Переписка шла сама собою, а присылка учениковъ сама собою. На словахъ синодъ отказывалъ, а на дѣлѣ стпускалъ столько учениковъ, сколько требовалось. Сохранились именныя списки учениковъ, которыхъ синодъ отпускалъ въ госпитальную школу въ тѣ самые годы, къ которымъ относились его запретительные указы. Такъ въ 1722 году прислано изъ московскихъ славяно-латинскихъ школъ 19 учениковъ, въ 1724 году 11 учениковъ, въ 1726 году 11 человекъ, въ 1727 году 18 учениковъ. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока живъ былъ Бидлоо, т. е. въ теченіе всего перваго періода исторіи московской госпитальной медико-хирургической школы. Правда, и при этихъ условіяхъ нерѣдко случался некомплектъ учениковъ въ школѣ: но происходило это скорѣе отъ многочисленности занятій Бидлоо, какъ главнаго и даже единственнаго двигателя дѣла, неуспѣвавшаго все предусмотрѣть и исполнить, а такъ же можетъ быть и отъ того, что при малыхъ учебныхъ средствахъ школы онъ не надѣялся посвятить достаточно времени и вниманія каждому изъ учениковъ и потому не рѣшался набирать ихъ больше, чѣмъ сколько могъ образовать надле-

жизни образомъ. Какъ бы то ни было, но въ дальнѣйшіе періоды существованія госпитальной школы источники укомплектованія ея учениками расширились, а между тѣмъ затруднительность набора ихъ возрастала и не рѣдко вызывала раздражительную канцелярскую переписку съ преемниками Бидлоо.

Набранные ученики размѣщались на житье въ самомъ госпиталѣ, во второмъ этажѣ главнаго зданія, въ 32 свѣтлицахъ, называвшихся бурсами. По обѣимъ сторонамъ бурсъ помѣщались, съ одной стороны аптека, съ другой—столовая для учениковъ. Тутъ же были еще свѣтлицы съ сѣнями и чуланами для дѣкара и поддѣкара, служившихъ въ то же время учителями и надзирателями учениковъ. Въ послѣдствіи аптека была, кажется, выведена изъ этого зданія и вмѣсто нея устроена анатомическая зала (анатомическій театр).

Ученики раздѣлялись, по возрасту, продолжительности ученія въ школѣ и по успѣхамъ его, на три статьи: первую, вторую и третью.

Третья была младшая, а первая—старшая. По этимъ статьямъ выдавалось имъ сукно на одежду, а именно на кафтанъ, камзолъ и штаны, по 7 аршинъ каждому на два года, но неодинаковой цѣнности. Ученики 1 статьи получали по 26 алтынъ и 4 деньги за аршинъ, всего по 5 рублей 20 алтынъ каждый; ученики 2 статьи—по 23 алтына и 2 деньги за аршинъ и того 4 р. 30 алтынъ каждый; ученики же 3 статьи—по 20 алтынъ за аршинъ и того по 4 р. 26 алтынъ и 4 деньги каждый. Впрочемъ сукно не всегда было одинаковой цѣнности. Такъ въ 1722—1728 годахъ ученикамъ 1 статьи давали сукно по 80 к. за аршинъ, 2 статьи—по 70 коп., а 3-й статьи по 60 к. аршинъ; но количество сукна и срокъ службы его оставались одни и тѣже. Выдавалось оно по наличному числу учениковъ, «по докторскимъ росписямъ», и притомъ либо натурою, либо деньгами по расчету¹⁾. О снабженіи учениковъ бѣльемъ нигдѣ не говорится въ архивныхъ дѣлахъ того времени; но ученики получали жалованье, по рублю на мѣсяць, себѣ на руки и, при готовомъ содержаніи ихъ

¹⁾ По штатамъ 1710 и 1716 годовъ на этотъ предметъ назначалось по 120 р. 75 к. въ годъ или 241 р. 50 к. въ два года, и ни коллегія экономіи, ни синодъ, ни управлявшіе монастырскимъ приказомъ графъ П. А. Мусинъ-Пушкинъ или преемникъ его судья и вице-губернаторъ Вас. Сем. Ершовъ не допускали условія отъ штатнаго назначенія.

весьма вѣроятно эти деньги назначались на заготовленіе бѣлья и другія мелочныя какъ хозяйственныя, такъ и учебныя потребности.

Ученики госпитальной школы имѣли общій столъ въ самомъ госпиталѣ и продовольствіемъ ихъ, равно какъ и госпитальныхъ больныхъ, а также и всеми хозяйственными распоряженіями завѣдывали комиссары Борисъ Владыкинъ, а потомъ (съ 1729) Лаврентій Денисовъ. Хозяйственныя службы, какъ то поваровъ, хлѣбопековъ, квасоваровъ, ключниковъ, больничныхъ служителей, сторожей, огородниковъ, прислуги при аптекахъ и служащихъ лицахъ, исполняли штатныя крестьяне изъ приписанныхъ къ госпиталю волостей монастырскаго приѣзда. Нѣкоторые изъ нихъ поочередно смѣнялись одни другими; другіе же, привыкнувъ къ дѣлу и заслуживъ одобреніе умѣlostью и степенностью, оставались безсмѣнными, и не только не вносили никакихъ оброковъ, но и получали еще коекакую плату за службу при госпиталѣ.

Когда въ Московскій госпиталь введены были первые больные и въ госпитальную школу приняты первые ученики, то устроители госпиталя еще и сами не знали, какъ они будутъ содержать первыхъ и что будутъ дѣлать съ послѣдними. Бояринъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ очень смутное представленіе о госпитальной службѣ, и то потому только, что въ первомъ путешествіи Петра за границую посѣщаль нѣкоторые госпитали; но подробностей этой службы, такъ сказать внутренняго механизма ея, не зналъ, потому что въ Россіи до этой поры никогда не бывало правильно устроенныхъ госпиталей. Поэтому онъ, съ согласія государя, возложилъ все заботы объ устройствѣ и госпиталя и школы на Бидлоо, знакомаго съ госпитальными порядками въ голландскихъ госпиталяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предоставилъ ему полную власть надъ всемъ личнымъ составомъ госпиталя, какъ по медицинскій, такъ и по хозяйственной части. Безъ приказанія доктора, безъ его подписи, ни монастырскій приѣздъ, ни коллегія экономіи синода не отпускали въ госпиталь ни алтына денегъ, ни мѣшка гороха. Ни штатовъ, ни окладовъ не существовало: ихъ замѣняли репорты «за рукою» доктора. А какъ не было определено и число больныхъ, имѣвшихъ поступать въ госпиталь, то понятно, что докторскія требованія не могли быть однообразны. Впрочемъ съ хозяйственною частью затрудненія были не велики. Монастырскимъ приказомъ приставленъ къ госпиталю комиссаръ и ему даны приходо-расходныя книги для записки прихода и расхода де-

негъ и припасовъ, назначенныхъ въ госпиталь изъ этого приказа и изъ монастырскихъ вотчинъ. Оттуда же даны комиссару писцы для письменныхъ дѣлъ и штатные крестьяне для «работныхъ» дѣлъ. Всѣ продовольственные припасы доставлялись натурою и только лѣчебные материалы, хирургическіе инструменты и лѣкарства частію выписывались изъ за границы, а частію покупались изъ верхней московской аптеки на наличныя деньги. Такимъ образомъ хозяйственная часть уладилась скоро и дала материалы для установленія временнаго штата, окончательно утвержденнаго въ 1710 году.

Не такъ легко было устроить учебную часть въ госпитальной школѣ. Чему было учить и какъ учить набранныхъ въ школу учениковъ? Какое положеніе должны были занимать въ госпитальѣ эти послѣдніе? Кто будетъ учить ихъ? Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ лежало на одномъ Бидлоо.

Надобно замѣтить, что въ тѣ времена въ Россіи не было еще фельдшеровъ, а потому не было ихъ и въ ново-учрежденномъ Московскомъ госпитальѣ. Госпитальные ученики замѣняли нынѣшнихъ фельдшеровъ и вступали въ исполненіе этихъ обязанностей съ самаго поступленія въ госпиталь. Это и была первая наука. Вотъ какъ докторъ Детейльсъ, преемникъ Бидлоо, описываетъ первыя ихъ обязанности. «Какъ онъ, Де-Тейльсъ, взойдетъ въ госпиталь къ болящимъ, слѣдуютъ за нимъ оба лѣкаря, аптекарь и подмастерье, а потомъ всѣ ученики, и каждого болящаго самъ надсматриваетъ и предлагаетъ всякія разсужденія о состояніи оной болѣзни и силѣ лѣкарствъ вратѣ и написавъ рецепты, всѣмъ ученикамъ списываетъ приказываетъ, а лежащихъ въ ранахъ, надъ оными по разности ранъ и мѣста, биндажи (т. е. перевязку) учредитъ обоимъ лѣкарямъ приказываетъ, и ежели которая рана сѣченію повинна, при себѣ учинитъ надъ самими больными, а не надъ безчувственными чучелами, для лучшаго обученія ученикамъ». Описаніе визитаціи больныхъ, представленное здѣсь, во многомъ соответствуетъ обыкновенной клинической визитаціи, и мы едва ли ошибемся, если примемъ его за образецъ тогдашняго клиническаго преподаванія. Несомнѣнно также и то, что ученики школы, при такомъ клиническомъ преподаваніи, играли такую же роль (кураторовъ), какую исполняютъ нынѣшніе студенты въ современныхъ университетскихъ клиникахъ.

Однакожь обученіе учениковъ госпитальной школы не ограничивалось однимъ пассивнымъ записываніемъ рецептовъ и «учрежденіемъ

бандажей». Правда, до насъ не дошла подлинная программа ученія въ госпитальной школѣ въ этотъ періодъ ея существованія, установленная Бидлоо: но мы навѣрное знаемъ, что въ школѣ преподаваемы были анатомія, аптекарская наука или соединеніе фармагнозій (систематической ботаники) съ фармагологіею и фармагіею и хирургія, съ обученіемъ наблюдать бандажи, т. е. перевязь ранъ и язвъ.

Анатомія преподавалась по Блазіусу и Бланварду, а позднѣе по Гейстеру и Вияслоу ¹⁾). Впрочемъ и самъ Бидлоо былъ по наследству хорошій анатомъ и еще до пріѣзда въ Россію издалъ родъ учебника подъ заглавіемъ: Nicol. Bidloo, *Positionum anatomo-physiologicarum par. 1 et 2*. Lugd. Batav., 1695 et 1696. 4. Пріѣхавъ въ Москву, онъ привезъ съ собою превосходный анатомическій атласъ отца своего, гравированный на мѣди, въ большой листъ, подъ заглавіемъ: Godefridi Bidloo, medicinae doctoris et chirurgi, *Anatomia humani corporis centum et quinque tabulis, per artificiosiss. C. de Lairesse ad vicum delineatis, demonstrata, veterum recentiorumque inventis explicata, plurimisque hactenus non detectis illustrata*. Amstelodami, sumptibus viduae Joannis à Someren, haeredum Joannis à Dyk, Henrici et viduae Theodori Boom. MDCLXXXV. Атласъ посвященъ князю Генриху Казимпру, Dei gratia principi Nassoviae etc. Рисунки этого атласа и гравировка такъ превосходны въ художественномъ отношеніи и такъ вѣрны дѣйствительности, что вызывали восторгъ современниковъ, какъ способны вызвать его и въ наше время. Поэтому вслѣдъ за заглавными листами книги напечатаны въ честь автора похвальные латинскіе стихи, составленные тремя различными авторами (P. Francinus, J. Broekhusius, Lambertus Sylvius). Въ атласѣ изложены всѣ части описательной анатоміи, начиная съ разрѣзовъ кожи и (идя снаружи внутрь)

¹⁾ Blasius Gerard, *Anatome contracta, in gratiam discipulorum conscripta*. Amstelodami, 1616, 12.

Blancardus Steph., *Anatomia reformata, s. connotata corporis humani dissectio, ad neocriorem mentem adornata*. Lugd. Batavorum, 1695. 8.

Heisterus Laurent., *Compendium anatomicum*. Norinburgae, 1727. Было много другихъ изданій его. Одно напечатано въ Амстердамѣ полстѣни въ 1723 году. Другое въ Парижѣ, пофранцузски, въ 1739 году и переведено въ Спб. на русскій языкъ въ 1757 году.

Winslow Jac. Bev. *Exposition anatomique de la structure du corps humain*. Amsterdam 1732. 12. Въ слѣд. году переведено въ Берлинѣ на нѣмецкій языкъ.

ограничивая костями. Весьма вѣроятно, что, при недостаткѣ труповъ, анатомія изучалась по этимъ рисункамъ, хотя по цѣнности изданія нельзя предполагать, чтобы экземпляры этого атласа могли быть распространены въ Москвѣ.

Гораздо доступнѣе былъ обширный и превосходный учебникъ анатоміи Стеф. Бланкарда, посвященный Готфр. Бидлоо, въ 769 стран. не крупнаго шрифта, съ 67 таблицами рисунковъ и даже съ микроскопическими указаніями и особымъ трактатомъ о бальзамованіи.

Госпитальная школа повидимому не терпѣла недостатка въ трупахъ для изученія анатоміи, потому что въ Москвѣ существовало распоряженіе доставлять въ анатомическій театр (въ госпиталь) трупы «подлыхъ людей» поднятые на улицахъ. Бидлоо поручались даже судебно-медицинскія вскрытія и дворянскихъ труповъ ¹⁾. И трупы того и другаго рода доставлялись въ госпиталь и вскрывались или «разнимались» тамъ, хоть и не часто. Для изученія остеологіи имѣлись скелеты и отдѣльныя кости. О наливаніи труповъ и препаратовъ въ нынѣшнемъ ихъ значеніи не сохранилось однакоже точныхъ свѣдѣній.

Аптекарская наука (соединеніе ботаники и фармакогнозіи съ фармаціею и отчасти съ фармакологіею) преподавалась госпитальными аптекарями Эйхлеромъ, а потомъ Маакомъ. Для облегченія изученія ея устроенъ былъ при госпиталѣ, при самомъ учрежденіи его, «аптекарскій огородъ», а лѣтомъ аптекарь обязанъ былъ ходить съ учениками за городъ, по окрестностямъ Москвы, собирать и разбирать лѣкарственныя растенія. Въ лѣчебной практикѣ преимущественно и едва ли не исключительно употреблялись т. наз. галеновскіе препараты. Тинктуры, спирты, элексыры и весьма сложные decocty предпочитались простымъ лѣкарствамъ. Рецепты составлялись иногда изъ 20—30 разнообразныхъ ингредиентов и большею частію переходили въ готовой формѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Лѣкарственными веществами считались нерѣдко такіе предметы, значеніе которыхъ

¹⁾ Вскрытіе ихъ производилось либо въ госпиталѣ, либо въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ 1724 году въ Москвѣ отравился въ своей квартирѣ аптекарь Брейтингамъ, принявъ ядъ съ кашею. Тѣло его, по приказанію И. Л. Блюментроста, вскрыто было въ аптекѣ и потомъ, по царскому приказанію, объявленному Блюментростомъ полицеймейстерской канцеляріи, въ наказаніе за самоубійство, протащено было по улицамъ до позорнаго столба и повѣшено на этомъ столбѣ за ноги, при чемъ на столбѣ же прибита была надпись, объяснявшая преступленіе покойника.

никто никогда не определялъ рациональными испытаніями, а вѣрилось воображаемому дѣйствию ихъ по стариннымъ и большею частью алхимическимъ преданіямъ. Таковы напримѣръ жиры дикихъ животныхъ и змѣй, рога оленей, печени рыбъ и птицъ. По сложности рецептовъ трудно было заучивать ихъ на память и ученики принуждены были списывать ихъ себѣ и беречь для будущей самостоятельной практики, въ которой даже щеголяли ихъ сложностью, трудностью приготовления по нимъ лѣкарствъ и замысловатостью названій. Въ обыденной же и спѣшной практикѣ, какъ напр. въ войскахъ или у простаго народа, отдавали предпочтеніе элексирамъ, сложнымъ спиртамъ и тинктурамъ. Ботаника преподавалась, вѣжется, по Турнефорту ¹⁾ и ею пополнялись и отчасти исправлялись старинные «травники», а рецептура по Мервелю ²⁾. Были извѣстны и фармакопей, а особенно Лондонская.

Обученіе хирургіи, т. е. производству {хирургическихъ операций, лежало преимущественно на самомъ Бидлоо, а обученіе десмургіи или «учрежденію бандажей» — на помощникѣ его, лѣкарѣ.

Хирургическія операціи производились и на живыхъ людяхъ, въ госпиталѣ, и на трупахъ, въ анатомическомъ театрѣ. Послѣдніе производились большею частью лѣкаремъ, въ видѣ репетицій, «для натверженія учащихся». Черезъ это получалась возможность показать ученикамъ не только обыденныя малыя операціи, встрѣчавшіяся въ госпиталѣ, но и всѣ тѣ, которыя должны были входить въ бурсы хирургіи. Обученіе накладыванію повязокъ производилось не только на людяхъ, но и на фантомахъ или чучелахъ, на что не совсѣмъ умѣстно жаловался Де-Тейльсъ. Нѣтъ сомнѣнія, что производству каждой хирургической операціи предшествовало разъясненіе болѣзни, постановленіе хирургическихъ показаній и затѣмъ уже объяснялась оперативная техника. Между операціями стоить упомянуть о черепосверленіи (*trepanatio cranii*), производившемся въ тѣ времена повидимому гораздо чаще, чѣмъ въ наше время, какъ можно судить по тому, что въ теченіе почти всего прошлаго столѣтія трепанация стояла всегда на первомъ планѣ между взаимными хирургическими вопросами.

Преподаваніе исчисленныхъ здѣсь наукъ распределено было такимъ образомъ, что одно занятіе учениковъ не мѣшало другому. Прежде

¹⁾ Tournefort Jos., *Institutiones rei herbariae*. Parisiis, 1700. 8. 2 тома.

²⁾ Merckell Joh. Math., *Exercitatio medica, sistens ideam praescribendarum formularum*. Lipsiae, 1682. 4.

всего, раннимъ утромъ, визитація больныхъ, а за тѣмъ классы, называвшіяся «коллегіями» (*collegia*). Визитація производилась докторомъ, а въ отсутствіе его лѣкаремъ. Сущность ея и обстановка указаны выше. Въ классахъ преподавались науки, т. е. читались или лучше сказать диктовались по книгѣ или по тетради параграфъ за параграфомъ, и диктовка записывалась учениками, а потомъ записанный урокъ выучивался наизусть. На переписку уроковъ и ученіе ихъ назначались послѣобѣденные часы. Записываніе уроковъ имѣло величайшую важность, потому что учебныхъ книгъ не было, провѣрить продиктованный урокъ было не почему и въ ученическія записки нерѣдко вкрадывались пропуски, ошибки, нескладница и бессмыслица, крайне затруднявшія и учителей и учениковъ, а иногда изъ года въ годъ укоренявшіяся въ памяти учащихся, потому что разъ написанныя и переписанныя тетради переходили путемъ купли и продажи отъ однихъ учениковъ къ другимъ и даже отъ поколѣнія къ поколѣнію. Само собою разумѣется, что преподаваніе производилось преимущественно на латинскомъ языкѣ.

Нельзя однакожь не предположить, что всѣ науки преподавались въ госпитальной школѣ, въ первые годы существованія ея, въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ и не въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Потому что не было еще никакихъ, даже самыхъ элементарныхъ учебныхъ пособій, а въ тоже время не было ни рубль, ни средствъ для приготовленія ихъ. Все надобно было или готовить самимъ учителямъ, или выписывать изъ Голландіи или изъ Германіи. Не было при открытіи госпиталя не только ни одного полного скелета, но даже ни одной кости для обученія остеологій. Лѣкарь учитель (*chirurgus informator*) долженъ былъ служить въ одно время и прозекторомъ, и препараторомъ, и ординаторомъ госпиталя, и хирургомъ, и репетиторомъ всѣхъ специальныхъ медицинскихъ предметовъ, и главнымъ помощникомъ доктора и распорядителемъ госпиталя. Въ трупахъ могло не быть недостатка, потому что полицеймейстерской канцеляріи дано было приказаніе доставлять въ госпиталь трупы «подлыхъ людей», поднятые на московскихъ улицахъ: но вскрывать ихъ, «разнимать», препаровать и обрабатывать для уроковъ долженъ былъ все тотъ же лѣкарь-учитель, а онъ не имѣлъ ни малѣйшаго досуга, не говоря уже о чисто механической обременительности этой черной работы. По неволѣ приходилось довольствоваться въ преподаваніи анатоміи иностранными атласами и рисунками. Но такъ какъ атласы и рисунки

были дороги и вообще рѣдки, то учащимся лишь изрѣдка приходило взглянуть на нихъ, а потомъ заучивать на память продиктованную «въ коллегіи» остеологию и миологию. Тоже самое было и по всѣмъ другимъ предметамъ ученія. Госпитальный (клиническій) матеріалъ тоже былъ весьма незначителенъ. Число больныхъ въ госпиталѣ не было первоначально опредѣлено. Въ пные годы состояло ихъ въ госпиталѣ не болѣе 25—50 человекъ, да и тѣ съ однообразными и болѣею частью застарѣлыми болѣзнями, напримѣръ съ язвами на нижнихъ конечностяхъ, вовсе не представлявшими никакой учебной наставительности для учащихся, при тогдашнихъ скудныхъ патологическихкихъ знаніяхъ ихъ. Да и эти больные иногда залеживались въ госпиталѣ, какъ по неизлѣчимости болѣзней, такъ и потому, что докторъ и лѣкарь не имѣли достаточно досуга заниматься ими съ возможною тщательностію. Поступали въ госпиталь преимущественно монастырскіе служки, штатные госпитальные работники, уличные бродяги и нищіе, почему либо потерявшіе возможность бродяжничать, отставные и престарѣлые драгуны и т. п. Наконецъ въ числу затрудненій ученія не мало служила общая крайняя бѣдность въ учебныхъ пособіяхъ. Такъ, напримѣръ, единственнымъ источникомъ знаній для учениковъ были продиктованныя имъ лекціи («лекціоны»); но для записыванія и переписыванія ихъ нужна была бумага, а она была такъ дорога, такъ мало распространена въ торговлѣ, что приобрѣтеніе ея покупкою было очень обременительно для частныхъ лицъ и тѣмъ болѣе для небогатыхъ учениковъ госпитальной школы. Извѣстенъ указъ Петра Великаго (20 іюля 1720 года), вызванный дороговизною бумаги и потребностями ея для присутственныхъ мѣстъ, такъ какъ до Петра не много было въ ней надобности и потому едвали существовали бумажныя фабрики въ Россіи ¹⁾. Но если бумага дорога казалась для при-

¹⁾ Указомъ этимъ повелѣвалось во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ коллегіяхъ, въ канцеляріяхъ бумагу черную негодную и драную собирать сторожамъ въ кучи и хранить подъ карауломъ, а напрасно не тратить, какъ прежде дѣлалось, и когда наберется 10 кулей, тогда отсылать въ коммерцъ-коллегію по вѣсу, а на обмѣнъ брать чистою бумагою по указанной пропорціи. Указъ публикованъ и въ народъ, чтобы «гдѣ собрано будетъ, ту собранную бумагу отсылать въ новопостроенныя при С. Петербургѣ бумажныя мѣльницы въ передѣтъ, а имъ за оную выдавано будетъ годная бумага по пропорціи». Указъ этотъ, очевидно, имѣлъ въ виду потребность въ бумагѣ и невозможность скоро удовлетворить этой потребности подручными средствами.

назовъ и коллегій, то какою цѣнною должна была она казаться ученикамъ госпитальной школы, вообще бѣднымъ по происхожденію и не пріучившимся къ роскоши по избранной ими профессіи. Карандашей тогда еще не было, а они замѣнялись свинцовыми палочками, вытянутыми изъ расплющенной дроби. Гусиные перья для письма ученики собирали сами каждое лѣто (послѣ успеньева дня) по берегамъ московскихъ прудовъ и рѣчекъ, гдѣ разгуливали цѣлыя стада линяющихъ гусей.

Однимъ словомъ, куда ни обратиться, на что ни посмотрѣть въ этой школѣ, все въ ней надобно было устроить или создать по голландскимъ или германскимъ образцамъ, потому что своего, готоваго, ничего еще не было.

Послѣ перваго пожара въ госпиталѣ (бывшаго въ 1721 году) Бидлоо донесъ синоду (28 февраля 1722), что на возобновленіе сгорѣвшихъ и утраченныхъ при пожарѣ матеріаловъ, хирургическихъ инструментовъ и медикаментовъ необходимы деньги, до 3000 рублей, и просилъ о выдачѣ этихъ денегъ. Какъ медикаменты и инструменты, такъ и учебные матеріалы «для пользы болящихъ и информаціи учениковъ», предполагалъ онъ выписать изъ Франціи и изъ иныхъ государствъ. Синодъ далъ деньги и разрѣшилъ расходъ и въ слѣдующемъ году получены изъ Голландіи черезъ Архангельскъ медикаменты и матеріалы, всего съ провозомъ и укупоркою, но безъ счета пошлинь, на 1089

Въ послѣдствіи мысль Петра извратили и фабрикацію бумаги превратили въ монополію, со всеи ея нехорошими послѣдствіями. Такъ, въ сентябрѣ 1734 года, жплецъ гостинной сотни Иванъ Затрапезный съ братьями обратился къ правительству, чтобы ему, на вспоможеніе имѣющихся у нихъ въ Ярославлѣ полотняной, бумажной и другихъ мануфактуръ, выдано было изъ казны Е. И. В. изъ штатсъ-конторы денегъ 20/т. рублей; за которое отдавать имъ съ той своей фабрики въ ту штатсъ-контору доброю бумагою по настоящей цѣнѣ, для раздачи на расходы въ судебныя мѣста, въ каждый годъ на 4/т. рублей, а всего за плату тою бумагою исполнять ему въ пять лѣтъ, о чемъ 3 октября 1734 года изъ сената посланы всюду указы. Но въ началѣ 1738 года Затрапезный жаловался, что бумагу его хоть и берутъ, но не во все канцеляріи и присутственныя мѣста, и потому прежній указъ подтвержденъ сенатомъ 26 марта 1738 года и все обязаны были брать бумагу изъ штатсъ-конторы, а у другихъ ничего не покупать и ни на что не употреблять. Послѣ того, 14 января 1742 года, снова повторенъ изъ сената указъ Петра Великаго о возвратѣ черной негодной и рваной бумаги въ коммерцъ-коллегію, а въ слѣдъ затѣмъ, 26 марта 1742 года, предписано было бумагу для канцеляріи употреблять съ русской фабрики, получаемую чрезъ коммерцъ-коллегію, а нѣмецкой бумаги не употреблять, кромѣ экстренныхъ случаевъ.

рублей. Они приняты аптекаремъ Эйхлеромъ и повѣрены имъ. Между ними оказались слѣдующіе предметы:

100 фунтовъ сахару, цѣною на 17 рублей.	
50 фунтовъ нитовъ для завязыванія слянокъ	13 р. 28 к.
1 софтъ краснаго вина	16 »
Нѣсколько боченковъ уьсуса	12 »
» деревяннаго масла	22 »
Простыхъ аптечныхъ слянокъ .	20 »

Множество травъ, и между ними даже такихъ, которыя изобильно растутъ въ окрестностяхъ Москвы. Всѣ эти товары выписывались изъ за границы, стало быть не существовали въ продажѣ въ Москвѣ, и по этому образцу можно судить о затруднительности и дороговизнѣ пріобрѣтенія учебныхъ матеріаловъ и пособій для Московской госпитальной школы въ первый періодъ существованія ея. Только съ 1736 года медицинская канцелярія стала брать стеклянную посуду для аптекъ съ Ямбургскихъ и Жабинскихъ стеклянныхъ заводовъ, отъ арендатора Вильгельма Эльмзала, а до того выписывала ее изъ Гамбурга.

Докторъ Н. Бидлоо, правда, былъ какъ бы созданъ для этого рода изобрѣтеній. Безъ его участія не обходился въ Москвѣ ни одинъ фейерверкъ, ни одни триумфальные ворота, которые такъ любилъ Петръ Великій при своихъ импровизированныхъ для московскаго населенія торжествахъ. Устроивая торжественно-увеселительныя арки и эмблемы, Бидлоо вносилъ въ нихъ серьезныя мысли и раскрывалъ и раздѣчалъ ихъ атрибутами горячаго и вполне артистическаго воображенія. Но если здѣсь руководствовался онъ, кромѣ обширнаго своего образованія, вдохновеніемъ минуты, мимолетнымъ одушевленіемъ, то въ устройству школы и въ снабженію ея прочными, надежными и на долго пригодными принадлежностями и способами постоянного пользованія ими, нужно было глубоко вдумываться и какъ можно точнѣе предусматривать не только настоящія, но и будущія потребности училища. А такого рода изобрѣтенія и примѣненія могли дѣлаться только постепенно и съ настойчивою и почти непрерывною повѣрною цѣлесообразности ихъ. И естественно, что они не могли идти скоро.

Еще медленнѣе должно было идти дѣло ученія воспитанниковъ госпитальнаго училища. Ученики набирались въ школу случайно. Между ними не могло быть ни сортировки, ни различія. Знали бы грамоту, да умѣли читать и писать по латыни — вотъ и весь пріемный экзамень; а есть ли способности въ серьезному спеціальному уче-

нію—о томъ и не спрашивали. Но еслибы признать даже всѣхъ принятыхъ учениковъ талантливыми людьми, то и тогда, при полномъ отсутствіи учебныхъ пособій, при недостаткѣ учителей и наконецъ при множествѣ постороннихъ обязанностей, возложенныхъ на этихъ учителей, невозможно было бы требовать отъ нихъ постояннаго непрерывнаго преподаванія. Дни и часы занятій съ учениками могли быть назначены, но исполненіе занятій по необходимости должно было часто отмѣняться или измѣняться по случайнымъ и болѣе безотлагательнымъ требованіямъ, отъ чего по необходимости долженъ былъ продлиться и курсъ ученія. Къ тому же учителя—надобно отдать имъ справедливость—считали своей задачею не только преподавать и учить, но и выучить данныхъ имъ учениковъ, т. е. передать имъ всѣ тѣ знанія, все то искусство, какими сами они обладали, и заставить ихъ усвоить эти знанія.

Эта медленность ученія въ первые годы существованія школы была слабою стороною, на которую преимущественно нападали недоброжелатели Бидлоо, силешился уменьшить значеніе школы, очернить директора ея и даже вынудить ея закрытіе. Самымъ яростнымъ порицателемъ былъ докторъ при главной московск. аптекѣ, въ родѣ нынѣшняго штатдт-физика, А. Де-Тейльсъ, ненавидѣвшій Бидлоо и завидовавшій ему. Онъ собиралъ вокругъ себя иностранныхъ поддѣбарей, принятыхъ въ русскую службу и не всегда довольныхъ своимъ положеніемъ, и чрезъ нихъ распространялъ въ городѣ укору и порицанія на Бидлоо и его школу. По ихъ рассказамъ, ни госпиталь, ни школа вовсе ненужны и бесполезны, потому что никогда не научатъ тому, чему обучаются поддѣбари за границею; Бидлоо тратитъ деньги понапрасну, а изъ учениковъ его ничего не выйдетъ кромѣ буяновъ и неучей, такъ какъ русскіе вообще неспособны въ серьезному образованію; гораздо было бы лучше не затѣвать школы, а на деньги, назначенныя для ея устройства и содержанія, выписывать ежегодно необходимое число лѣбарей и поддѣбарей изъ за границы и платить имъ хорошее жалованье; съ поддѣбарями же изъ московской госпитальной школы они не хотятъ имѣть никакого дѣла и будутъ считать ихъ никуда негодными невѣждами, недостойными своего званія. Бидлоо терпѣлъ, пока порицанія и клеветы касались только его самаго; но когда нападки иностранцевъ и презрительные отзывы дошли до учениковъ и стали обезкураживать ихъ, онъ пожаловался царю. Донесеніе Бидлоо прочитано было Петромъ въ собраніи сената, въ февралѣ 1715 года, и

выслушано съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ сразу понялъ источникъ неудовольствія иностранцевъ, желавшихъ забрать въ свои руки всю медицину въ Россіи и стѣснявшихся новыми товарищами изъ русскихъ Бидловской школы, и тутъ же постановилъ резолюцію: «чтобъ никто изъ оныхъ (иностранныхъ лѣбарей и подлѣбарей) никакой обиды въ чести или въ повышеніи чина російскаго народа отъ него (Бидлоо) изученнымъ хирургамъ являть не дерзаль, но также противъ иностранныхъ хирурговъ (т. е. нарочно съ ними) хоть здѣшняго народа, аще точію явился доволенъ, Е. И. В. жалованье и чести могли получать», а Бидлоо чрезъ князя П. И. Прозоровскаго поручено было сказать, что «за всякаго ученика, которые у него хирургической науки изучатся и освидѣтельствованы будутъ, будетъ выдаваться ему по сту рублей» (за лѣбара по 100, а за подлѣбара по 50 р. ¹⁾). Бидлоо не скоро воспользовался этимъ предложеніемъ и не сокращалъ срока ученія, пока не убѣждался, что каждый изъ учениковъ его вполне приготовленъ къ самостоятельной дѣятельности. За то докторъ А. Детейльсъ, вовсе не ожидавшій такого исхода своей каверзы, прикусилъ языкъ и больше прежняго возненавидѣлъ Бидлоо, хоть и не высказывалъ уже своей ненависти до самой смерти его. Сроки ученія дѣйствительно были продолжительны, и къ тому же не всегда одинаковы. Продолжались они отъ 5 до 7 и до 10 лѣтъ. Но объяснялось это частію тѣми причинами, которыя приведены выше, именно новостью дѣла и недостаткомъ учебныхъ пособій, малочисленностью учителей, а частію тѣмъ, какъ говорилъ Бидлоо въ письмѣ къ царю, что «хотя мои труды (обученія) во всѣмъ симъ студентамъ равны были, однако они не всѣ равное понятіе имѣли оное научиться и отъ того пользу имѣли», между тѣмъ какъ онъ добивался именно того, чтобы студенты „искусны учивены были“.

Первый выпускъ сдѣланъ былъ, вѣжета, въ 1713 году, хотя и не большой. Старшіе ученики, приготовленные къ выпуску, подвергнуты были экзамену въ присутствіи всѣхъ учителей и постороннихъ

¹⁾ Именной указъ объ этомъ состоялся 13 марта 1718 года. Въ немъ сказано: за всякаго ученика обучившагося и освидѣтельствованнаго быть лѣбаремъ выдавать Бидлоо по 100 р., а за всякаго подлѣбаря по 50 р. изъ суммъ Монастырскаго приказа. Въ 1727 году Синодъ отказался выдавать эти награды и потому состоялся указъ Петра II отъ 31 октября 1728 года выдавать эти деньги Бидлоо изъ коллегии экономіи.

докторовъ. Бидлоо говоритъ, что «они во время отъ 4 до 5 лѣтъ то-лико во анатоміи и хирургіи обыкли, что я учшихъ изъ сихъ сту-дентовъ Вашего Царскаго Величества освященной особѣ, или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ зна-ніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежитъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ отъ главы даже до ногъ съ подлиннымъ обученіемъ, какъ ихъ лѣчить, такожь они приключаются язвы завязывать и ко онымъ завязываніе сочинять, гдѣ повседневно отъ ста до двусотъ больныхъ суть, зѣло успѣшно научились».

Какъ часто слѣдовали дальнѣйшіе выпуски за этимъ первымъ—сохранилось нѣсколько свѣдѣній. Такъ въ архивныхъ бумагахъ есть указанія, что подобные выпуски были произведены въ 1718, въ 1723 году ¹⁾, въ 1727 и въ 1730 годахъ. Въ 1727 году Бидлоо даже жаловался, что архіатеръ И. Л. Блюментростъ не беретъ въ распоряженіе медицинской канцеляріи 16 человекъ, произведенныхъ по экзамену въ московской госпитальной шволѣ въ лѣкари и подлѣкари, и тѣмъ стѣсняетъ и шволу и ихъ самихъ. Они должны были ѣхать въ Петербургъ на службу, а между тѣмъ не могли ѣхать, «понеже таковыя ученики весьма имѣются мизерны, дабы съ крайними своими нуждами въ мизерствѣ управиться. чѣмъ имѣ-либъ.» Когда онъ писалъ это, пришелъ указъ изъ синода дать одного изъ новопроизведенныхъ лѣкарей для пользованія рязанскаго и муромскаго епископа Гавріила и Бидлоо послалъ къ нему лѣкаря Фе-

¹⁾ Въ концѣ января 1723 года медицинская канцелярія потребовала отъ Бидлоо подлѣкарей и учениковъ для опредѣленія въ армію, въ Низовый корпусъ. Бидлоо отвѣчалъ (13 февраля), что «по рассмотрѣнію нашему достои-ства науки обрѣтается въ московскомъ госпиталѣ учениковъ пять человекъ, которые въ надеждѣ подлѣкарями быть достойны, да четыре человека учени-ковъ, которые упражнялись около перевязки ранъ и подлѣ хирургическихкихъ дѣлъ и за непрілежаніемъ своимъ регулярно промоцїи имѣть не будутъ. Того ради въ вспомоgetельство при гошпиталяхъ довольны быть могутъ и отъ насъ отправятся безъ ординарнаго объ нихъ аттестата. И ежели оны подлѣкари и ученики угодны, чтобъ резолюцію о томъ въ Московскую гошпиталь прислать немедленно». Медіц. канцелярія согласилась на условія Бидлоо и послѣдній выслалъ ей 5 человекъ подлѣкарей «съ дипломами» (именно Емельяна Монтова, Ивана Колюбна, Степана Олесова, Матвѣя Соловьева и Петра Крылова) и 4 человекъ учениковъ (Илью Хомутова, Игнатія Тара сова, Карпа Андреева и Василья Денжакова).

дора Журавскаго. Между тѣмъ и медицинская канцелярія сдѣлала распоряженіе. Она написала (20 мая 1727 года) чтобы всѣ новопроизведенные лѣбари и подлѣбари отправлены были въ Астрахань, въ Низовый корпусъ, для того чтобы въ каждомъ полку было по два человѣка. Въ числѣ ихъ долженъ былъ отправиться и лѣбарь Журавскій, отобранный отъ епископа Гавріила рязанскаго. При этомъ съ лѣбарей и подлѣбарей вычтено за производство въ чинъ (собственно въ званіе, такъ какъ чиновъ у лѣбарей еще не было) по полтинѣ съ каждаго, да на разные расходы по деньгѣ съ рубля ²⁾, и отправлены въ московскую рентерею.

Въ 1730 году, послѣ генеральнаго экзамена, сдѣланъ былъ большой выпускъ изъ московской госпитальной школы, а именно 7 человекъ признаны лѣбарями и 11 человекъ подлѣбарями и всѣмъ имъ выданы соответственные дипломы.

Кромѣ генеральнаго экзамена, о которомъ здѣсь упоминается, въ госпитальной школѣ съ самаго основанія ея производились правильные экзамены по третямъ года. Они производились наличными преподавателями и большею частію цѣлымъ составомъ ихъ. По результатамъ этихъ экзаменовъ производились переводы учениковъ изъ класса въ классъ, причемъ для перевода не требовалось чтобы ученикъ оставался въ классѣ определенное число годовъ, а необходимо было только выдержаніе экзамена изъ пройденныхъ въ классѣ предметовъ. Поэтому переводы производились чаще по третнимъ, чѣмъ по годичнымъ экзаменамъ. Генеральный экзаменъ, обыкновенно производившійся въ концѣ учебнаго года, тѣмъ только отличался отъ третнихъ, что на немъ отдавался отчетъ не въ томъ только, что пройдено въ послѣднюю треть, а и въ томъ, что пройдено въ теченіи всего истекшаго года. Особенно важенъ былъ генеральный экзаменъ для окончившихъ курсъ, такъ какъ производился изъ всѣхъ предметовъ ученія не за послѣдній только, но и за все предъидущіе годы ученія. На этотъ экзаменъ приглашались постороннія почетныя лица, какъ напр. московскій штатдт-физикъ (докторъ главной аптеки), доктора дивизій квартировавшихъ въ Москвѣ и т. п. Ученики, окончившіе полный курсъ ученія и удовлетворительно выдержавшіе генеральный экзаменъ, признавались въ званіи лѣбарей или подлѣбарей и получали

²⁾ Лѣбарь въ полку получалъ тогда по 10 р. въ мѣсяцъ, да по двѣ раціи

установленные на это званіе латинскіе дипломы, первые на пергаментѣ, а послѣдніе на полуалександрійской бумагѣ, за подписью доктора госпиталя и главнаго лѣкаря (учителей своихъ) и съ приложеніемъ большой госпитальной печати. Бидлоо просилъ даже коллегію экономіи въ 1730 году о ходатайствѣ, чтобы «для наилучшей чести и славы Е. И. В.», дозволено было припечатывать дипломы государственною печатью: но просьба эта осталась по видимому безъ послѣдствій. На дипломахъ Бидлоо подписывался: «*Ex nosocomio augustano Moscovitico N. Bidloo, S. Imperator. Majestatis archiater.*» (iv).

Въ этотъ періодъ существованія Московской госпитальной школы рѣдко, но однакожь случались послыжки подлѣкарей и лѣкарей за границу для усовершенствованія, но послыжки какъ бы случайныя и не всегда имѣвшія связь съ этой школою. Такъ, выше говорено уже объ архіепископѣ новгородскомъ Ѳеодосіѣ, который отдалъ своего племянника Мартина Яновскаго сперва въ Москов. госпитальную школу для изученія медицины и хирургіи, а потомъ отправилъ его во Францію для усовершенствованія на свой собственной счетъ. Почти въ тоже время, именно въ 1721 году, посланъ за границу лѣкарь Богданъ Штелигъ, «для лучшаго обученія лѣкарскаго художества», на казенный счетъ, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ, и этотъ окладъ давался ему по 1727 годъ, а потомъ (29 мая 1727), по именному повелѣнію императора Петра II, увеличенъ до 300 р. въ годъ. Что случилось съ этимъ лѣкаремъ въ послѣдствіи и куда дѣвался онъ по возвращеніи изъ за границы, и даже возвратился ли оттуда—не имѣется свѣдѣній. Затѣмъ въ 1727 году, по приговору медиц. канцеляріи, постановлено отпустить на три года въ нѣмецкіе краи аптекарскаго гезеля главной аптеки Эйхлера, «для лучшаго въ аптекарскомъ искусствѣ обученія, и давать ему денежнаго жалованья, пока будетъ въ нѣмецкихъ краяхъ, на пропитаніе по 120 р. годъ. А въ бытность его въ нѣмецкихъ краяхъ, гдѣ обрѣтаться будетъ, писать ему къ архіатеру для увѣдомленія, и по прошествіи 3 лѣтъ возвратиться ему въ отечество свое немедленно и тамъ не оставаться, чего ради въ томъ подписаться порукою кому надлежитъ.» Въ 1729 году къ содержанию его за границу прибавлено по 100 рублей въ годъ. Поруками за него могли быть либо аптекаръ Христ. Эйхлеръ, управлявшій въ то время верхнею аптекою, а въ 1731 году по приказанію Бирона отрѣшенный отъ должности, или старый лѣкарь Гейнрихъ Эйхлеръ, служившій иъбогда въ пользу и съ 1714 года вышедшій въ

отставку. Наконецъ въ 1731 году, по сенатскому указу и по опредѣленію медич. канцеляріи; «отпущено въ чужіе края въ Германію, для обученія докторской наукѣ. Андрей Мюнхсъ, съ жалованьемъ по 200 р., а потомъ по 300 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы «со свидѣтельствомъ учителей о своей наукѣ репортовалъ по третямъ года»: но онъ пропалъ безъ вѣсти.

Выше говорено уже, что учителями или преподавателями въ госпитальной московской школѣ, въ этотъ первый періодъ существованія ея, были докторъ Н. Бидлоо, главные лѣкаря А. Репкень, потомъ Матвѣй Кланге и Юг. Пагенгампфъ, аптекари Хр. Эйхлеръ, а потомъ Нв. Маагъ, лѣкарь Лор. Похертъ, помощникъ аптекаря Нв. Шмидтъ и подмастерье лѣкарскихъ дѣлъ (подлѣкарь) Фед. Богдановъ. Были наконецъ еще два иностранные подлѣкаря — Яковъ Лабандонъ и Иванъ Герменецъ: но они служили въ госпиталѣ не долго и дѣятельность ихъ осталась совсѣмъ неизвѣстною.

Докторъ Николай Бидлоо, родомъ голландецъ, принятъ въ русскую службу въ 1702, а прибылъ въ Москву въ 1703 году, по контракту на шесть лѣтъ, въ должность лейбъ-медика. Но вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ отказался отъ должности лейбъ-медика, по слабости будто бы здоровья, и получилъ приказаніе царя устроить въ Москвѣ большой госпиталь съ медицинскимъ въ немъ училищемъ, а потомъ былъ главнымъ докторомъ и директоромъ этого училища. Это назначеніе вполне соответствовало и характеру и наклонностямъ молодого доктора, а потому онъ съ жаромъ принялся за составленіе плановъ и чертежей госпитального зданія, самъ смотрѣлъ за исполненіемъ этихъ плановъ, въ чемъ много помогало ему знакомство съ механикою и архитектурою, и посвятилъ этому госпиталю всю жизнь свою: вмѣсто шести лѣтъ, опредѣленныхъ контрактомъ, онъ прожилъ въ Москвѣ 32 года, до самой смерти своей, послѣдовавшей 23 марта 1735 года. Современники называютъ Н. Бидлоо весьма искуснымъ врачомъ и хирургомъ, лучшимъ анатомомъ въ Россіи и вполне образованнымъ человекомъ. Но важнѣе всего было то, что онъ всей душою преданъ былъ своему госпиталю и училищу и полагалъ въ немъ всю свою гордость и всю свою славу. Уму его, настойчивости и терпѣнію, вмѣстѣ съ благороднымъ характеромъ, московская госпитальная школа обязана была даже и тѣми матеріальными средствами, которыя подобно было отыскать не только для обзаведенія и благосостоянія госпиталя, равно какъ и для снабженія его дорого стоимыми учеб-

ными пособіями, но дажс и для набора учениговъ въ небывалое до сихъ поръ училище. Иностранецъ, иновѣрецъ; вполне подчиненный синоду и зависимый отъ него, онъ умѣлъ приобрести такое расположеніе св. синода, что не только не получалъ отъказа ни на одну свою просьбу, но и находилъ въ немъ могущественную защиту противъ мелкихъ придирокъ архіатеровъ Блюментроста и Ригера. Велики были издержки на госпиталь и его школу, часто случались пожары, истреблявшіе строеніе и вынуждавшіе не только починки, но и полную перестройку зданій, наконецъ не маловажны были и ежегодныя требованія на постоянное улучшеніе преподаванія въ школахъ: но синодъ никогда не отказывалъ въ тѣхъ суммахъ, какъ бы онъ ни казался значительны, которыхъ требовалъ Бидлоо, потому что синодъ увѣренъ былъ, что Бидлоо никогда не потребуеетъ ни лишняго, ни бесполезнаго. Петръ Великій тоже уважалъ и любилъ его и, бывая въ Москвѣ, проводилъ иногда у него цѣлые вечера.

По отношенію къ ученикамъ госпитальной школы Бидлоо не былъ педантомъ и не давилъ ихъ авторитетомъ своего ума, учености и начальнической силы. Въ одно и тоже время онъ былъ и безконтрольнымъ ихъ начальникомъ, и учителемъ, и воспитателемъ; училъ ихъ всему, что было для нихъ необходимо и полезно знать, и въ тоже время предоставлялъ имъ самимъ учиться, самимъ образовывать себя, подражая его примѣру и исполняя его совѣты и наставленія.

Вмѣстѣ съ ученіемъ, по обычаямъ того времени, главному доктору предоставлялась почти безграничная дисциплинарная власть не только надъ учениками, но и надъ всѣми служащими въ госпиталѣ. Шалости и проступки учениговъ наказывались обыкновенно очень строго и даже жестоко. Наказанія имѣли свои степени и главнѣйшими изъ нихъ были: заключеніе въ карцеръ на хлѣбъ и водѣ, закованіе въ кандалы, битье плетью или батогами и сдача въ солдаты. Главнѣйшими же проступками были пьянство, буйство въ пьяномъ видѣ, «блудодѣяніе съ женками» за госпитальнымъ садомъ близъ рѣки Яузы и даже иногда въ самомъ госпитальномъ саду, иногда сказываніе «слова и дѣла». Бидлоо рѣдко прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но за то исключалъ изъ школы тавихъ, которые не исправлялись послѣ многократныхъ взысканій, и даже отдавалъ въ солдаты. За то смерть его искренно оплакана была какъ сослуживцами, такъ и многочисленными учениками его.

Лѣкарь Андрей Репкенъ (*Henrich Roerken*, русскіе называли его

Андр. Рыбкнымъ) былъ главнымъ помощникомъ Бидлоо при постройкѣ и первомъ обзаведеніи Московскаго госпиталя, а потомъ главнымъ лѣбаремъ госпиталя и учителемъ въ госпитальной школѣ. Время выбитія его изъ госпитальной службы съ положительностью неизвѣстно; кажется, однакоже, что оно должно было быть около 1722 года, т. е. около времени перваго большаго пожара въ госпиталѣ, истребившаго почти все его зданіе ¹⁾; потому что въ этому именно времени относится поступленіе въ госпиталь преемника его, лѣбаря М. Кланке, въ должность главнаго лѣбаря, т. е. помощника доктора Бидлоо ²⁾.

Главный лѣбарь Матвѣй Кланке (*Math. Klanke*, а по современному русскому произношенію—М. Коланко), по отзывамъ современниковъ, былъ именно такой человекъ, каковой нуженъ былъ для управленія большимъ учебно-лѣчебнымъ заведеніемъ, еще не приобрѣтшимъ ни прочныхъ обычаевъ, ни преданій, ни строго установленнаго порядка. Человекъ умный, образованный, терпѣливый и уважительный, онъ пользовался любовью подчиненныхъ и уваженіемъ св. синода, какъ и самъ Бидлоо. Даже докторъ Де-Тейльсъ, ненавидѣвшій Бидлоо и все Бидловское, отзывался о Кланке съ уваженіемъ и отдавалъ справедливость его административнымъ способностямъ и врачебному искусству. Происхожденіе его неизвѣстно. Когда госпиталь

1) У лѣбаря А. Репкена былъ сынъ Иванъ Андреевичъ (*Joh. Heinrich Roerker*), тоже лѣбарь, учившійся повидимому за границею. Онъ поступилъ въ русскую службу въ 1728 году, по контракту на два года съ генераломъ Генингомъ и опредѣленъ на Пермскіе жѣдноплавильные и желѣзные заводы, съ жалов. по 130 р. въ годъ. По истеченіи срока контракта, онъ по новому контракту (1730 года) принятъ на службу на три года въ Выборгскій драгунскій полкъ, съ жалов. по 180 р. и 3 раціонами. Но полкъ расформированъ и Репкенъ переведенъ въ ландмилиціонный Козловскій полкъ, а отсюда (1735) переведенъ въ Сибирскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ Динляндіи. Годъ за годомъ тутъ прожилъ онъ около 14 лѣтъ, а можетъ быть прожилъ бы и дольше, еслибы не представился случай переѣхать внутрь Россіи. Состоялъ этотъ случай въ томъ, что 13 іюня 1749 въ Переволочнѣ умеръ лѣбарь пограничнаго карантина Томасъ Энгель и это мѣсто предложено было П. Репкелю, который принялъ предложеніе и 20 октября 1749 года переведенъ въ Переволочну «пограничнымъ лѣбаремъ», подъ начальство къ д-ру Фабри.

2) Послѣ смерти Андр. Репкена Бидлоо пригласилъ было въ себя въ госпиталь лѣбаря Якова Лабандона, съ жалованьемъ по 108 рублей в годъ: но онъ весьма недолго пробылъ на мѣстѣ и «отпущенъ въ землю свою.» Въ одно время съ нимъ состоялъ при госпиталѣ лѣбарь Иванъ Гарменецъ съ жалованьемъ по 100 р., но также недолго тамъ служившій.

перестроивался послѣ перваго пожара, Бидлоо писалъ въ синодъ (23 ноября 1723), что у него одинъ только лѣкарь и одинъ подлѣкарь; а былъ еще лѣкарь, но отпущенъ въ землю свою (кого онъ разумѣлъ тутъ—неизвѣстно), и что Боже сохрани лѣкарь захвораетъ, тогда одному ему нельзя будетъ управиться съ госпиталемъ; а потому просилъ позволенія выписать изъ чужихъ земель двухъ лѣкарей—одного въ главные лѣкари, а другого въ ординарные—потому что здѣсь найти такихъ невозможно, а если и есть, то заняты разнаго рода службою. Св. Синодъ согласился на это представленіе (10 февраля 1724) и можетъ быть на основаніи этого разрѣшенія выписанъ былъ лѣкарь М. Кланке и занялъ должность главнаго лѣкаря и преподавателя въ Московскомъ госпиталѣ. На немъ лежала большая часть заботъ какъ по управленію госпиталемъ, такъ и по преподаванію въ школѣ и Бидлоо вполне довѣрялъ ему. Кланке, въ свою очередь, платилъ за это довѣріе самою искреннею къ нему привязанностью и неустаннымъ усердіемъ къ порученному ему дѣлу. Но со смертію Бидлоо измѣнились порядки, измѣнилось и положеніе служащихъ въ госпиталѣ. Кланке плакалъ объ умершемъ другѣ и начальникѣ, а были и такіе, которымъ эта смерть развязывала руки и обѣщала большія выгоды. Начался интриги. Мѣсто главнаго лѣкаря было выше и выгоднѣе должности сверхштатнаго оператора, которую занималъ Пагенкампфъ и не прошло пяти мѣсяцовъ со смерти Бидлоо, какъ М. Кланке командированъ медицинскою канцеляріею (13 сентября 1735) въ Воронежскую губернію, т. е. въ дѣйствующую армію, «для пользованія умножившихся тамъ больныхъ», и собрался уже ѣхать. Къ счастью, докторъ Де-Тейльсъ во время спохватился, что одному ему не справиться съ госпитальною школою и упросилъ отмѣнить эту командировку, что и исполнено. Спыхватился и Кланке, что положеніе его сдѣлалось крайне не прочно. Поэтому тотчасъ же сталъ просить о возобновленіи съ нимъ «капитуляціи» на два года, въ которой положительнo оговорилъ, что въ эти два года онъ нигдѣ не согласенъ служить, кромѣ Московскаго госпиталя, въ той же должности, какую занимаетъ теперь. Капитуляцію съ нимъ заключили, но прежняя благосклонность къ нему пропала навсегда. Мелкія обиды и неудовольствія, совершенно незаслуженныя и большею частію неотвратимыя, затрудняли его занятія и мѣшали имъ. Онъ видѣлъ, что его тѣснятъ, но не смѣлъ жаловаться. За то, какъ скоро окончится срокъ капитуляціи, и кажется даже не дождавшись его, подалъ

въ отставку, (14 декабря 1737) и на его мѣсто немедленно зачисленъ (16 января 1738) лѣкаръ Вильгельмъ Кларнеръ. Узнавъ о намѣреніи Кланке удалиться изъ госпиталя, collegiа экономіи синодальнаго правленія предложила ему взять просьбу свою назадъ и продолжать срокъ капитуляціи: но онъ отговорился невозможностью исполнить это. Тогда collegiа экономіи обратилась въ медицинскую канцелярію съ слѣдующею промеморіею: «Выше означенный лѣкаръ Матвѣй Кланке, какъ объ немъ collegiа экономіи извѣстно есть, въ той гофшпитали съ начала бытности его чрезъ многія лѣта служилъ безпорочно, и въ дѣлѣ своемъ, и въ порядкѣ, и около больныхъ въ лѣченіи весьма исправенъ, и имъ довольны, и положенное на немъ дѣло исполнялъ всегда съ ревностнымъ радѣніемъ; а въ прошломъ 1737 году, по отбытіи Московской гофшпитали доктора Аятона Делъзея и оператора Ивана Пагенкампа при полномочныхъ посланцахъ на конгрессъ, оный Кланке одинъ ту Московскую гофшпиталь всакимъ правленіемъ вмѣсто онаго доктора вѣдалъ, и исправлялъ все порядки съ наибольшимъ радѣніемъ и ревностію, какъ вѣрному и доброму человѣку принадлежитъ. И нынѣ, послѣ бывшаго маія 29 дня прошлаго 1737 года великаго пожара въ строеніи той гофшпитали, дабы противъ прежняго то строеніе исправлено было, имѣеть въ смотрѣніи доброе стараніе; понеже какъ та гофшпиталь при первомъ той гофшпиталѣ докторѣ Николаѣ Бидлоо была строена онъ, Кланке, при той гофшпиталѣ былъ же и о всякомъ обстроеніи и изрядствѣ, и какіе въ той гофшпитали находились до того пожара уборы, онъ Кланке извѣстенъ. За что за все оное надлежитъ немалого и награжденія. Того ради по Е. И. В. указу и по опредѣленію collegiа экономіи велѣно въ медицинскую канцелярію послать промеморію, которою требовать, чтобы оная медицинская канцелярія соблюдала выше означеннаго главнаго лѣкаря Кланке, по выше показанной его въ той гофшпитали многой и вѣрной службѣ, и что онъ въ положенномъ на немъ дѣлѣ радѣтельно поступаетъ и въ той гофшпитали находится давно, накіи въ гофшпиталь въ службу Е. И. В. пригласить и учинить съ нимъ контрактъ хотя на два года». Далѣе collegiа экономіи предлагаетъ медц. канцеляріи, что она охотно будетъ давать ему жалованье противъ штабъ лѣкаря изъ своихъ доходовъ, «чтобы былъ доволенъ» (Бумагу эту подписали: генераль лейтенантъ Волковъ, Иванъ Исуповъ, Иванъ Топильскій, Евсевій Ефимовъ и канцеляристъ Андрей Протопоповъ). На это архіатеръ І.

•

Б. Фишеръ отвѣчалъ (14 февраля 1736), что дѣло объ увольненіи Кланке уже кончено по его собственной просьбѣ отъ 14 декабря прошлаго года, въ которой онъ объявилъ, что онъ къ тому же боленъ ипохондрією и почечуемъ и вообще службы продолжать не намѣренъ. На его же мѣсто опредѣленъ лѣкаръ Вильг. Кларнеръ, 34 года служившій въ арміи и рекомендованный докторомъ Кондоцци.

Этотъ лѣкаръ Вильгельмъ Кларнеръ (*W. Klarner*), служившій передъ тѣмъ лѣкаремъ въ Нарвскомъ пѣхотномъ полку, опредѣленъ въ московскій госпиталь съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ; но онъ только числился въ московскомъ госпиталѣ и никогда не исполнялъ въ немъ никакихъ обязанностей. Онъ постоянно находился при войскахъ въ Финляндіи подъ командою генерала Левашова, и съ этимъ послѣднимъ иногда пріѣзжалъ въ Москву на время. Такимъ образомъ въ октябрѣ 1741 года онъ отправленъ былъ изъ Москвы въ Выборгъ для учрежденія тамъ полевой аптеки, съ инструментами и медикаментами заготовленными въ Москвѣ, и самъ назначенъ къ полкамъ тамъ находившимся. Съ нимъ поѣхалъ изъ Москвы аптекарскій ученикъ московской аптеки Максимъ Брискорпъ, въ помощь аптекарю Фермерену, назначенному управлять Выборгскою полевой аптекою ¹⁾. Лѣтомъ 1744 года видѣли В. Кларнера (уже съ званіемъ штабъ лѣкаря) опять въ Москвѣ, куда онъ отпущенъ былъ изъ дивизіи генерала Левашева, такъ какъ нужды въ немъ не было и самъ Левашевъ находился въ Москвѣ ²⁾.

¹⁾ Максимъ Брискорпъ состоялъ въ Московской главной аптекѣ ученикомъ съ 16 декабря 1735. Въ 1745 году онъ былъ уже гезелемъ той же аптеки. Въ этомъ году онъ, между прочимъ, подалъ донесеніе, что камердинеръ генералъ-маіора графа Александра Романовича Брюса Иванъ Добровольскій требовалъ у него отравы для умерщвленія человека. На допросъ камердинеръ сознался, что дѣйствительно просилъ отравы для умерщвленія младенца въ чревѣ одной дѣвicy; но при этомъ горько жаловался, что Брискорпъ поступилъ съ нимъ вѣроломно: сперва обѣщалъ дать средство, а потомъ, заввавъ къ себѣ, поставилъ за перегородкою двухъ работниковъ и при нихъ заговорилъ объ лѣкарствѣ, а когда Добровольскій попросилъ его у него, онъ вызвалъ мужиковъ и они были свидѣтелями преступной просьбы.

²⁾ Въ маѣ 1745 года появилась въ Твери спбирекая язва на скотѣ и стала переходить на людей. Въ Слб. очень было испугались «опасной болѣзни». Для опредѣленія ея посланъ былъ изъ Москвы шт. л. В. Кларнеръ и донесъ, что это — болѣзнь ординарная и не опасная (*fungiculus*). Подобныя же донесенія получены изъ Вологодской и Московской губерній; однакожъ сенатъ приказалъ провинціальнымъ канцеляріямъ (Вологодской и Коломенской) оцѣнить болыныя деревни и устроить вокругъ нихъ заставы съ караулами и огнями.

Однимъ словомъ. онъ только номинально назначенъ былъ въ Москов. госпиталь, но никогда не исполнял тамъ никакихъ обязанностей. Умеръ въ Москвѣ въ 1757 году.

По выходѣ въ отставку, лѣбкаръ М. Кланке остался на жительство въ Москвѣ и приготовлялъ сына своего Франца къ изученію медицины, но не опредѣлилъ его ученикомъ въ Московскую госпитальную школу, а въ 1745 году отправилъ въ Лейденъ. гдѣ онъ и пробылъ около девяти лѣтъ. Въ 1752 году молодой человекъ выдержалъ тамъ докторскій экзаменъ и напечаталъ диссертацию *De usu teparum*, L. B., 1752, а въ 1754 возвратился въ Москву съ докторскимъ дипломомъ. Здѣсь онъ подвергнутъ былъ экзамену (экзаминаторами были: Де-Тейльсъ изъ патологій, Гривъ изъ физиологій, Монзей изъ анатоміи и хирургіи, а присутствовавшій при экзаменѣ директоръ медич. канцеляріи Кондонди ex grahi medica) и выдержалъ его удовлетворительно, а потому получилъ право практики 21 марта 1754. Черезъ два года (22 августа 1756) онъ опредѣленъ на службу къ московской медицинской конторѣ и для командировокъ, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Но служба его была не продолжительна. 12 декабря того же года, по военному времени, докторъ Ф. М. Кланке назначенъ былъ въ дивизію генераль-аншефа Фермора, которая формировала въ Москвѣ observationalный корпусъ, и весною слѣдующаго 1757 года (29 апрѣля) захворалъ горячкою съ пятнами и умеръ отъ нея. Отецъ пережилъ его и самъ донесъ объ его смерти.

Юганъ Пагенкампфъ (*Joh. Pagenkampf*, русскіе называли его Ив. Паганковымъ) служилъ нѣкоторое время вторымъ помощникомъ доктора Н. Бидлоо въ послѣдніе годы его жизни, но не пользовался ничьимъ расположеніемъ, хотя былъ, кажется, московскій уроженецъ. Онъ назначенъ въ московскій госпиталь 3 іюля 1732 года, «для обученія учениковъ анатоміи и хирургическимъ операціямъ», а по смерти Бидлоо и по ходатайству доктора А. Де-Тейльса получилъ званіе госпитальнаго оператора (1737) и вслѣдъ за тѣмъ выбылъ изъ госпиталя. Краткій очеркъ службы его напечатанъ въ моихъ *Очеркахъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII столѣтія*. 1870, стр. 159—162.

Есть указаніе, что лѣбкаръ Пагенкампфъ тотчасъ по смерти Бидлоо, т. е. еще въ 1735 году, командированъ былъ въ армію и не присутствовалъ при вступленіи доктора А. Де-Тейльса въ должность глав-

наго распорядителя Московскаго госпиталя. Стало быть преподавателями въ школѣ оставались только самъ Де-Тейльсъ, да аптекаръ,

Въ виду этой недостаточности личнаго состава преподавателей въ госпитальной школѣ, архіагеръ Фишеръ писалъ синоду (21-го августа 1735 года) о мѣрахъ, какія слѣдовало бы принять для обезпеченія училища необходимыми преподавателями. Между этими мѣрами онъ говоритъ, что хотя Пагенкампфъ и не былъ довольствованъ жалованьемъ отъ синода, потому что мѣсто его въ госпиталѣ по штату не положено, но нынѣ, за отбытіемъ этого лѣкаря въ войскамъ, онъ (Фишеръ) считаетъ необходимымъ назначить на его мѣсто оператора сиб. адмиралтейскаго госпиталя Балтазара Гангарта, съ жалованьемъ такимъ же, какое онъ получалъ отъ адмиралтейскаго госпиталя, т. е. по 300 рублей въ годъ, а кромѣ того дать ему 3 подводы и прогоны для нихъ до Москвы (а прогоновъ то на три подводы было всего 7 р. 69 к.), а медиц. канцелярія дастъ ему инструкцію. Но предложеніе это осталось, кажется, безъ послѣдствій, и вѣроятно все потому, что синодъ вообще не жаловалъ ни Де-Тейльса, ни Пагенкампфа, да и вообще началъ уже тяготиться отношеніями своими къ госпиталю и къ медицинской канцеляріи. Однакоже для школы нуженъ былъ учитель анатоміи, и архіагеръ назначилъ въ эту должность—на время отсутствія Пагенкампфа—доктора Трауготта Гербера, состоявшаго при московскомъ ботаническомъ садѣ, назвавъ его операторомъ, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, «пока другіе операторы принсканы будутъ». Этотъ ботаникъ-операторъ вступилъ въ должность въ госпиталѣ въ то самое время, какъ и главный лѣкарь М. Кланке, освобожденный отъ командировки въ армію, съ приказаніемъ исполнять прежнюю свою должность до прибытія лѣк. Кларнера.

О лѣкарѣ Лоренцѣ Похертѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, кромѣ рихтерова извѣстія, что имя этого лѣкаря подписано на дипломѣ подлѣкаря фанъ-Слотена въ 1715 году.

Аптекарь Христіанъ Эйхлеръ принятъ въ русскую службу гезелемъ въ 1702 году, въ главную петербургскую аптеку. Въ 1703 году, послѣ основанія Петербурга и при устройствѣ Кроншлота, въ новую столицу переведена первая гарнизонная аптека, подъ управленіемъ аптекаря Ивана Левкина Болдуина Эйзиха, снабжавшаго между прочимъ артиллерію въ Кроншлотѣ какъ медикаментами, такъ и разными матеріалами собственно для артиллерійскихъ потребностей, напр. вин-

нымъ спиртомъ, сулемою и т. п. Между прочимъ 18 іюля 1704 года ему поручено было принять отъ земскихъ бурмистровъ изъ Новгорода 5 мѣдныхъ кубовъ съ трубами, присланныхъ специально для гарнизонной аптеки. Но еще раньше того, 9 апрѣля 1704, ему приказано сдѣлать опись всей аптеки и передать архіатеру Эрскину и дьяку Невѣжинну, а самому готовиться къ отъѣзду въ Смоленскъ «на царскую службу», при докторѣ Іоган. Глюсннгѣ, для лѣченія ратныхъ людей (въ войнѣ противъ шведовъ). На мѣсто же его назначенъ въ слѣб. гарнизонную аптеку провизоромъ Хр. Эйхлеръ. Здѣсь Петръ Великій лично узналъ его, оцѣнилъ его знанія и при открытіи московскаго госпиталя и школы при немъ назначилъ туда аптекаремъ и преподавателемъ ботаники и фармаціи. Сколько времени прослужилъ онъ въ госпиталь—не осталось свѣдѣній; но вѣроятно не мало. Въ 1730 году видимъ его уже управляющимъ главною аптекою въ С.Петербургѣ, а 13 мая 1731 года, по приказанію графа и оберъ-камергера Брона, онъ отрѣшенъ отъ всѣхъ аптекарскихъ дѣлъ и отъ управленія верхнею аптекою. Въ московскомъ госпиталь на его мѣсто опредѣленъ аптекаръ Иванъ Маакъ, человекъ весьма свѣдущій и усердный въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ пережилъ Бидлоо.

Помощникомъ его служилъ подъаптекарь Пв. Шмидтъ, о которомъ не сохранилось впрочемъ никакихъ свѣдѣній.

Въ какомъ же отношеніи находилась Московскій госпиталь и учрежденная при немъ медицинская школа къ государственной администраціи вообще и къ другимъ собственно-медицинскимъ или врачебнымъ учрежденіямъ въ особенности? Въ то время, когда учреждены эти госпиталь и школа, существовалъ еще Ближній Государевъ Аптекарскій Приказъ съ нижнею новою аптекою; но онъ уже отживалъ свой вѣкъ и Петръ I отстранилъ и госпиталь и школу отъ всякаго соприкосновенія съ нимъ. Аптекарскій приказъ былъ для Петра стариннымъ родовымъ наслѣдствомъ, но наслѣдствомъ такимъ дряхлымъ, такимъ запущеннымъ, что царь колебался распорядиться имъ и оставлявъ его въ сторонѣ, пока дойдетъ очередь поближе имъ заняться. Но очередь долго не приходила, вѣроятно потому, что и самый кругъ дѣятельности аптекарскаго приказа, самое назначеніе его, были не совсѣмъ опредѣлены, рѣдко попадалась на глаза и рѣдко напоминали о себѣ. Надобно полагать, что въ первое заграничное путешествіе свое Петръ ознакомился съ состояніемъ врачебныхъ учрежденій и способами образованія врачей въ посѣщенныхъ имъ и тщательно ос-

мощныхъ странахъ. Ознакомившись съ ними онъ не могъ не замѣтить, что дома у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Съ другой стороны учрежденіе постоянной арміи и начавшаяся шведская война и съ нею вмѣстѣ неизбежная необходимость все больше и больше увеличивать армію, все больше снабжать ее предметами боевой жизни и въ томъ числѣ лѣкарями и подлѣкарями, опять таки приводили его къ той же мысли, что дома у насъ ничего этого нѣтъ и никогда не было. Переходя за тѣмъ отъ мысли къ дѣлу, онъ очень былъ радъ встрѣчѣ съ такимъ человекомъ, какъ докторъ Н. Бидлоо и поручилъ ему проектировать и устроить госпиталь и при немъ врачебную школу по наилучшимъ иностраннымъ образцамъ. Но онъ устроилъ первый нашъ учебный госпиталь на суммы и подѣлѣніемъ монастырскаго, а не аптекарскаго приказа.

Въ послѣдствіи времени, когда аптекарскій приказъ переименованъ въ канцелярію главнѣйшей аптеки (1714) и въ царскую надворную канцелярію всего медицинскаго факультета въ имперіи, а первый лейбъ-медикъ Петра I возведенъ въ званіе архіатера (1716) и президента этой канцеляріи, Московскій госпиталь и его медицинская школа оставались по прежнему въ вѣдомствѣ монастырскаго приказа, переименованнаго въ коллегію экономін синодальнаго правленія, подчиненную съ одной стороны св. синоду, а съ другой прав. сенату. Архіатеръ Эрскинъ едвали даже и зналъ о существованіи московской госпитальной школы. Живя въ новостроющемся Петербургѣ, или непрерывно разъѣзжая съ императоромъ, онъ могъ не заботиться, да кажется и дѣйствительно не заботился объ училищѣ, не вышедшемъ еще изъ зародышеваго состоянія. Сношенія, конечно, могли быть, напримѣръ по поводу передачи произведенныхъ изъ школы подлѣкарей и лѣкарей въ армію и въ вѣдѣніе архіатера или его канцеляріи; но ни малѣйшаго не имѣется указанія на то, чтобы архіатеръ или его канцелярія въ эту пору интересовались ходомъ дѣла въ Московскомъ госпиталѣ и его училищѣ, а тѣмъ еще менѣе думали о подчиненіи его себѣ. Бидлоо, съ своей стороны, тоже не искалъ сношеній съ архіатерами. Онъ всегда сохранялъ добрыя отношенія къ коллегіи экономін, пользовался уваженіемъ Петра Великаго и св. синода и, кромѣ этихъ двухъ инстанцій своей подчиненности, не зналъ и не хотѣлъ знать никакой другой власти надъ собою. Не видно, чтобы онъ когда нибудь во всю свою жизнь обратился къ архіатеру съ какою либо пуждой своей, или съ какою либо просьбою.

Такъ, напримѣръ, когда иностранные полѣвкари, подчиненные архіатеру, оскорбили его насмѣшками надъ госпитальною московскою школою и позволили себѣ безславить ее, онъ обратился за защитою къ синоду, а не къ архіатеру. Тоже самое было, когда архіатеръ Ригеръ, воспользовавшись пзвѣтомъ лѣвара Пагенкампа, грозилъ надѣлать ему непріятностей. Бидлоо понималъ значеніе данной ему учебной задачи и высоко цѣнилъ свое призваніе, а потому не имѣлъ надобности ни въ искательствѣ, ни въ подслуживаніи передъ кѣмъ бы то ни было. Онъ любилъ свое дѣло, вѣрилъ въ будущность своей школы и черезъ двадцать лѣтъ службы гордился тѣмъ, что дѣлалъ свое дѣло по крайнему своему разумію и съ полнымъ радѣніемъ, но никогда не просилъ себѣ прибавки жалованья. Эта независимость характера выдвигала его далеко впередъ пзъ среды многочисленныхъ его современниковъ; но за то ставила иногда если не во враждебныя, то не въ очень дружелюбныя отношенія съ товарищами по профессіи. Всего яснѣе выразилось это въ столкновеніи его съ архіатеромъ И. А. Блюментростомъ, по поводу домогательствъ послѣдняго подчинить себѣ Московскій госпиталь и его училище. Въ этомъ дѣлѣ ясно выразился весь характеръ Бидлоо, равно какъ и полная картина тогдашнихъ отношеній его къ существовавшей администраціи. Дѣло состояло вотъ въ чемъ. После смерти Р. Эрскина, два года не было назначенія новаго архіатера. Исполнялъ его обязанности повидимому лейбъ-медикъ Петра, докторъ И. А. Блюментростъ, но не носилъ еще званія архіатера. Лѣтомъ 1721 года подалъ онъ императору Петру «пункты» (проектъ) учрежденія «медицинской коллегіи», въ которой бы сосредоточивались всѣ медицинскія дѣла въ государствѣ. Императоръ передалъ этотъ проектъ въ сенатъ, приказавъ «учинить рѣшеніе по пунктамъ», и сенатъ выбралъ пзъ нихъ два пункта—4 и 11—и узаконилъ ихъ по царскому повелѣнію, указомъ своимъ 14 августа (31 августа) 1721 года. Четвертый пунктъ изложенъ былъ въ проектѣ И. А. Блюментроста такъ: «Понеже во всѣхъ учрежденныхъ штатахъ (т. е. государствахъ) всегда усмотряется, яко всѣ привилегіумъ имѣющія аптеки подъ властію коллегіи медицинской суть и должны лѣкарства свои по уложенной цѣнѣ продавать; также аптеки свои нѣкоторымъ физикамъ, отъ нея Коллегіи Медицинской въ то время ко оному дѣлу приставленнымъ, допускать ежегодно осматривать, чгобъ подданные граждане не могли жалобы творить ради негодныхъ лѣкарствъ и не справедливой цѣны.

Такожде никакой докторъ или городской лѣкарь не дерзаетъ нигдѣ практику имѣть и лѣчить прежде свидѣтельствванія его достоинства отъ коллегіи медицинской, понеже иногда многіе неученые, скитающіеся, безъ всякаго наказанія дерзновенно лѣчатъ, въ чемъ великую вреду жителямъ учинить могутъ». Сенатъ по этому пункту постановилъ: «Для исправленія выше помянутыхъ нуждъ и лутчаго въ томъ способу въ С. Петербургѣ и въ губерніяхъ и провинціяхъ аптеки позволить содержать вольныя противъ того, какъ и въ Москвѣ таія аптеки обрѣтаются, и содержать оныя въ канцеляріи медицинской подъ смотрѣніемъ оной, токмо того престоергать, чтобъ за неимѣніемъ докторовъ или лѣкарей въ коихъ либо мѣстахъ обывателямъ безъ пользы время въ болѣзняхъ не продолжалось.» Одиннадцатый пунктъ изложенъ въ проектѣ такъ: «Въ губерніяхъ, въ удобныхъ мѣстахъ, можно изыскать многія лѣкарственныя вещи, и можетъ быть что иныя таія обрящутся, что можно посылать и въ другія государства, отъ которыхъ не безъ прибыли имѣть быть; и ежели таія вещи гдѣ изыщутся, дабы въ губерніяхъ и провинціяхъ медицинской канцеляріи въ тѣхъ нуждахъ, о которыхъ будутъ требовать, вспомошествовать могли.» Сенатъ по этому пункту постановилъ: «Ежели гдѣ въ губерніяхъ и провинціяхъ явятся какія лѣкарственныя вещи, и для пріиску или свидѣтельствванія изъ медицинской канцеляріи кто присланъ будетъ, и въ губерніяхъ и въ провинціяхъ генераламъ губернаторамъ, и губернаторамъ, и воеводамъ въ томъ имъ помогать и запрещенія никакого не чинить. За тѣмъ въ сенатскомъ указѣ, уже безъ обозначенія пункта въ проектѣ, прибавлено: «Госпиталямъ и аптекамъ, что нынѣ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ обрѣтаются, и впредь обрѣтаться будутъ, притомъ обрѣтающимся

*) Указы блаженныя и свѣчно достойныя памяти Госуд. Императора Петра Великаго, самодержавца всероссійскаго, состоявшіеся съ 1714 г. по кончину Е. И. В. января по 28 число 1725 году. Напечатаны по указу исепресв. державн. великой государыни Императрицы Анны Іоанновны. При Импер. Академіи наукъ въ С. Петербурѣ, 1759 года. 4°. Подъ 1721 годомъ, стр. 323. Въ печатномъ указѣ, въ этой книгѣ, не обозначено число августа, когда состоялся сенатскій указъ, и сказано только, что указъ этотъ издается по высочайшему повелѣнію отъ 14 августа; въ архивныхъ же рукописныхъ бумагахъ говорится, что этотъ указъ сената изданъ 31 августа и сообщенъ синоду «вѣдѣніемъ» отъ 7 сентября. Въ вѣдѣніи этомъ прямо говорится: «Е. И. В. указалъ по пунктамъ доктора Блюентроста, которые онъ подалъ Е. И. В. о учрежденіи коллегіумъ медицинумъ чинить рѣшеніе въ сенатѣ».

докторамъ, также и другимъ служителямъ и ученикамъ быть въ смотрѣніи и управленіи въ той медицинской канцеляріи, а содержать оныя откуда напередъ сего содержаны были.»

Этотъ сенатскій указъ сообщенъ былъ св. синоду съ слѣдующимъ дополненіемъ: «А въ Москвѣ обрѣтающаяся госпиталь за нѣмецкою слободою состоитъ во всемъ смотрѣніи и управленіи св. пр. синода, и что при оной госпитали содержится дохтуровъ, аптекарей, лѣбарей, учениковъ и прочихъ служителей, и по чемъ имъ овладнаго, денежнаго и хлѣбнаго, жалованья и кормовыхъ денегъ въ годъ въ дачѣ производится, также на сколько въ покупкѣ бываетъ въ годъ заморскихъ и аптекарскихъ матеріаловъ и російскихъ всякихъ надлежащихъ къ тому припасовъ, такого извѣстія въ медицинской канцеляріи не имѣется, а какимъ образомъ обрѣтающимся при госпитали служителямъ во всякихъ порядкахъ впредь поступать также и въ приуготовленіи всякихъ матеріаловъ и прочихъ припасовъ, и до сего времени какой они порядокъ во всемъ имѣли, о томъ пошлется къ нимъ указъ изъ медицинской канцеляріи, а потомъ въ дѣлахъ своихъ освидѣтельствованы будутъ и какъ во опредѣленіи вновь служителей, такъ и пребывающимъ нынѣ въ ученіи и повышеніи денежнаго жалованья и кормовыхъ денегъ и о приуготовленіи заморскихъ матеріаловъ чрезъ свидѣтельство отъ медц. канцеляріи объявлено будетъ доношеніемъ, понеже оное все подлежитъ разсматривать медицинской коллегіи, и таковогожъ извѣстія изъ св. синода въ медицинскую канцелярію не получено, а въ помянутомъ извѣстіи въ оной канцеляріи къ сочиненію медицинскаго регламента весьма подлежитъ нужда, и о присылкѣ онаго извѣстія требуется отъ св. синода извѣстіе».

Изъ этого дополненія къ сенатскому указу видно, что медицинская канцелярія и президентъ ея (будущій архіатеръ) П. Л. Блюментростъ не имѣли никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о состояніи и управленіи Московскаго госпиталя и потому, естественно, желали имѣть ихъ. Но вмѣсто того, чтобы потребовать себѣ «вѣдомость» или подробную справку прямо изъ госпиталя, они обратились къ св. синоду и требовали отъ него какъ бы отчета въ распоряженіяхъ его. Это была ошибка. Но еще большая ошибка состояла въ томъ, что въ указѣ предполагалось на будущее время не только вмѣшательство медц. канцеляріи во всѣ распоряженія по госпиталю, но и ревизія этихъ распоряженій, ревизія расходовъ, назначенія и повышенія жалованья

служащимъ, хотя всѣ расходы производились изъ суммъ синода и дѣлались по его распоряженіямъ. И не только всѣ расходы, но и всѣ заботы какъ объ учрежденіи госпиталя, объ укомплектованіи школы его, объ улучшеніяхъ и передѣлкахъ зданій послѣ пожаровъ, о снабженіи учебными и лѣчебными пособиями, все отъ начала до настоящаго времени лежало на заботахъ синода и ему одному обязано было своимъ существованіемъ. И все это предполагалось передать теперь на повѣрку, на обсужденіе, на одобреніе или неодобреніе медицинской канцеляріи, тогда какъ «содержать оныя» предназначалось «откуда напередъ сего содержаны были». Синодъ положительно обидѣлся и, передавъ указъ въ коллегію экономіи, ничего не отвѣчалъ на него. Да и не могъ отвѣчать, такъ какъ дѣло шло о подчиненіи его собственной дѣятельности контролю какой то канцеляріи, тогда какъ самъ онъ стоялъ наравнѣ съ сенатомъ и не признавалъ надъ собою ничего контроля кромѣ императорскаго величества. Синодъ потребовалъ однакоже мнѣнія Бидлоо и есть вѣроятность предполагать, что архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ, какъ первенствующій членъ синода, не пропустилъ случая доложить Петру Великому объ этой неловой заносчивости доктора Блюментроста и объ огорченіи, причиненномъ имъ Бидлоо и даже показать ему отвѣтные пункты послѣдняго. Думать это можно потому, что во всѣ остальные годы жизни Петра I, ни разу и ни слова не встрѣчается о приведеніи въ исполненіе выше означеннаго сенатскаго указа.

Напротивъ, мед. канцелярія сдѣлалась очень скромна и дружелюбна. Такъ напримѣръ 20 января 1723 года она обратилась къ св. Синоду, что «военная коллегія приговорила въ комплектъ Низоваго корпуса въ батальоны четырехъ полковыхъ лѣбарей и десять лѣбарскихихъ подмастерьевъ, такожъ и лѣбарствъ что надлежитъ, да особливо въ полевую аптеку для оставленія при лазаретахъ пять человекъ лѣбарей и десять подмастерьевъ отправить изъ мед. канцеляріи, а отъ медиц. канцеляріи, какъ изъ Петербурга, такъ изъ Москвы въ помянутый корпусъ отправить нѣкого. И въ С.-Петербургѣ хирургическая школа еще только заводится; а Москов. госпиталь, при которой имѣется хирургическая школа и она имѣется въ полной дирекціи св. пр. синода, и что въ оной учениковъ имѣется и колкое число изъ науки вышли, о томъ изъ оной госпиталя въ мед. канцелярію не репортуется, а изъ помянутой госпиталя о вышеписанномъ весьма надлежитъ ре-

портовать, понеже во всё мѣста требуются и отправляются лѣбарк, подлѣбарк и ученики отъ медицинской канцеляріи.»

Подобныя требованія синодъ всегда уважалъ. Дѣло тутъ шло о существенной точкѣ соприкосновенія между медии. канцелярією, обязанною снабжать армію лѣбарками и подлѣбарками, и школою, которая приготовляетъ этихъ лѣбарей и подлѣбарей. Рѣчь тутъ не о задорномъ самолюбіи, стремящемся повѣрять какъ вы живете, что вы дѣлаете, откуда у васъ деньги, куда ихъ тратите и зачѣмъ не ожидаете моихъ распоряженій и одобренія, а о государственной службѣ, о результатахъ дѣятельности учебнаго заведенія, предназначеннаго для нуждъ и потребностей, удовлетвореніе которыхъ должно идти чрезъ медии. канцелярію. Синодъ предписалъ Бидло исполнить требованіе мед. канцеляріи и послать свѣдѣніе о бончившихъ курсъ ученикахъ. Бидло назначилъ экзамень, произвелъ нѣсколькихъ учениковъ въ подлѣбарк и передалъ ихъ въ вѣдѣніе медии. канцеляріи.

Архіатеръ Блюментростъ не забылъ однакоже своихъ старыхъ притязаній на подчиненіе Московскаго госпиталя. Не представлялось только случая возобновить ихъ съ надеждою на лучший успѣхъ, чѣмъ въ 1721 году. Прошло четыре года. Петръ Великій умеръ. Наслѣдовавшая ему Екатерина I находилась на смертномъ одрѣ и жѣсяца за полтора до ея смерти, по поводу укомплектованія лѣбарками и подлѣбарками тогоже Низоваго корпуса, выводится изъ забвенія старый сенатскій указъ 1721 года. А именно, по представленію тогоже архіатера Блюментроста, верховный тайный совѣтъ послалъ синоду указъ отъ имени императрицы слѣдующаго содержанія: «Сего марта 13 дня 1727 года указали мы, по доношеніямъ нашего генерала князя Долгорукова да медицинской канцеляріи, въ Низовый корпусъ отправить нынѣ изъ Московской гошпитали отъ доктора Бидла изъ учениковъ лѣбарскаго искусства потребное число въ подлѣбарк, и опредѣлить имъ и обрѣтающимся нынѣ въ томъ корпусѣ подлѣбаркамъ по 10 р. на мѣсяць и по 2 раец, и быть тамъ при каждомъ полку тѣхъ чиновъ по два человекъ. А для чего оной Московскій госпиталь медицинской канцеляріи не подчиненъ, въ нашъ верховный тайный совѣтъ изъ синода взять вѣдомость и имѣется о томъ указъ. И повелѣваетъ св. синоду въ вышеописанномъ учинить по сему нашему указу. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ марта 31 дня 1727 года. Подписали д. с. с. Василій Степановъ и оберъ-секретарь Анисимъ Масловъ.» Что это были дѣйствительно придиры въ случаю, видно изъ медаен-

ности распоряженій и невниманія къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя повидимому вызвали возобновеніе забытаго сенатскаго указа. Медицинская канцелярія требовала изъ Москов. госпиталѣ новыхъ подлѣкарей и лѣкарей, а когда они были по экзамену назначены и готовы ѣхать на службу, архіаіеръ не дѣлалъ никакого распоряженія о распределеніи ихъ по мѣстамъ и вызвалъ жалобу Бидлоо касательно безпріютности ихъ по отчисленіи изъ госпитальной школы, какъ объ этомъ упомянуто выше.

И такъ указъ былъ возобновленъ послѣ 7-лѣтняго молчанія. Для отвѣта на него, отвѣта безъ сомнѣнія отрицательнаго, св. синодъ снова пересмотрѣлъ составленные когда то отвѣтные пункты доктора Н. Бидлоо, прописавъ ихъ цѣликомъ, равно какъ и подробныя справки о построеніи и содержаніи госпиталѣ, въ своей промеморіи на имя пр. сената и прибавилъ, что такъ какъ Моск. госпит. строенъ и содержится насчетъ Синода, то и не считалось нужнымъ подчинять его медиц. канцеляріи.

Вотъ что писалъ тогда докторъ Н. Бидлоо:

«1. Ниже въ 4, ниже въ 11 пунктахъ (проектъ учрежденія медицинской коллегіи), поданныхъ въ прав. сенатъ отъ доктора Блюментроста, не требуется ничего отъ Московской госпиталѣ, чтобъ быть подъ управленіемъ медиц. канцеляріи; только же на концѣ того указа, вромѣ его требованія, объ госпиталѣ Московской чего ради приложено?»

2. Зѣложе потребно и полезно есть предложеніе г-на архіаіера Блюментроста о сочиненіи коллегіумъ медикумъ для надсмотрѣнія и правленія медицинскыхъ дѣлъ: но сія коллегія состоитъ всегда изъ различныхъ медиковъ и медицины докторовъ, которые избраны и определены, а никогда же такая коллегія подъ произволеніемъ единого человѣка состоять можетъ.

3. А хотябъ сей коллегіи члены нѣкоторые и избраны и утверждены были, обаче безъ уставовъ медицинскыхъ, которые высочайшныя и вѣчно достойныя памяти отъ Е. И. В. постановлены и утверждены бѣ были, ничего невозможно ни разсуждать и рѣшеніе чинить, ниже что либо требовать.

4. Во всѣхъ государствахъ госпиталѣ царственныя и партикулярныя дома, отъ своего потентатора построенныя, вручаются въ сохраненіе и правленіе нѣкомпетимъ вѣрнымъ медикамъ и прочимъ правителямъ, кото-

рые нибогда не принуждены бываютъ, развѣ своему самому начальнѣйшему властителю, отъ кого опредѣлены, о чемъ либо отвѣтствовать оставляютъ, чтобъ партикулярному какому доктору и товарищу своему по его изволенію и требованію также подобныхъ и равный ему сатисфакціи показать угодно было Е. И. В-у по благохотной своей милости; въ тоже время когда дирекція сухопутныхъ и морскихъ медицинскихъ дѣлъ и при нихъ со служителями докторъ Арескинъ вручилъ ему уставленіе сей гошпиталя производить подъ призрѣніемъ г-на графа Мусина Пущкина повелѣнообъ и такимъ образомъ ихъ взаимно чрезъ различныя дѣла раздѣлить надѣялся что съ такой консидераціи дабы онъ лѣтами и практикою старѣйшій и въ тому дѣлу доволенъ (что де часть онъ отъ дѣлъ его и практики весьма ясно), у молодого же товарища его во власти не былъ.

5. Отъ двадцати лѣтъ уже прешедшихъ яко въ службу, чтобъ быть Е. И. В. архіатеромъ, изъ его отечества былъ позванъ и отъ того времени въ такомъ квалитетѣ донелѣже сила была служилъ по крайней своей возможности; послѣ же по Е. И. В. указу гошпиталь обстоятельно безъ помощи другихъ медиковъ уставилъ и въ совершенству привелъ во оной учащихся анатоміи и хирургіи и промовилъ въ службу Е. И. В. нѣсколько изучилъ, болящихъ тяжкими болѣзнями чрезъ операціи въ семь государствѣ неслыханныя вылѣчилъ, которое все въ Е. И. В. славѣ и народа пользѣ не точію здѣ, но и въ прочихъ націяхъ, во Франціи и Цесаріи, извѣстно и въ книгахъ напечатано. Притомъ не отлучался, какъ нѣкоторые ево товарищи (которые особливо въ такому дѣлу опредѣлены и жалованье получаютъ) императорской фамилии служить и по различнымъ указамъ изъ разныхъ канцелярій и мѣстъ присылаемыхъ все вѣрно отправлять.

6. Аще уже Е. И. В. указъ каковой не исполнилъ или въ ево дирекціи порокъ учинилъ, свободно будетъ всякому ево сіе презентовать и св. синоду и Е. И. В. о семъ разсуждать, которому разсужденію со всякою покорностію ево повергаю; аще же сего не обрѣтается дабы ево въ какомъ либо дѣлѣ якобы погрѣшенію повинна доказать, того ради объ ево дирекціи и дѣлахъ, которые отъ него единаго безъ помощи другаго уставлены нибому, развѣ самому потентатору, информацію о семъ отвѣтственное извѣстіе объявить желаетъ.

Протчее не можетъ того мыслить, чтобъ Е. И. В. позволеніе было дѣло, въ добромъ и ординальномъ градусѣ идущее, переменять и исправлять гораздо меньше что ево такихъ лѣтъ и практикѣ, пачеже

чрезъ двадцать лѣтъ вѣрной услуги, въ которой больше нежели кто иной изъ ево товарищей трудился, въ ево бы командѣ быть допустили и сіе что многымъ трудомъ ординавалъ въ ево дирекцію рекомендовалъ.

8. Хотя и до двадцати лѣтъ вѣрно Е. И. В. служилъ, гошпиталь въ славу его императорскую и народа пользѣ устроилъ, многія дѣла отъ ево товарищей показалъ, однако до сего времени никакой прибавки къ жалованью не имѣеть, ниже волость какую, какъ прочимъ ево товарищамъ, меньше служащимъ, пожаловано.

И такая ли за его вѣрную услугу и трудъ заплата будетъ, дабы у равнаго ему въ командѣ былъ и ево дѣла его дирекціи вручены былибъ. Никакоже не будетъ тако благоугодное Е. И. В. къ сему соизволеніе.

Изъ выше означенныхъ не можетъ разсмотрѣть, какую информацию по требованію г-ну архіатеру Блюментросту долженъ былъ, развѣ прежде ево въ худой дирекціи обвинить возможеть.

9. По поданному ево доношенію Е. И. В.-у въ 1715 году марта 10 о обидахъ, показанныхъ ему отъ иностранныхъ хирурговъ, которое ево доношеніе тогожъ марта въ день, самому Е. И. В. у присутствовавшу въ С. Петербургѣ, публично въ прав. синодѣ читано, на что именно милостивую свою резолюцію изволилъ дать, чтобъ никакой изъ иностранныхъ хирурговъ до интересовъ Е. И. В. не касались и чтобы никто изъ оныхъ никакой обиды въ чести или въ повышеніи чина російскаго народа отъ него изученнымъ хирургамъ являть не дерзавъ, но также противъ иностранныхъ хирурговъ хотъ здѣшняго народа, аще точію явится доволенъ, Е. И. В. жалованье и чести могли получать и отъ сей императорской сентенціи явно, что ево дѣло отъ иныхъ медиковъ и медицинскихъ дѣлъ весьма отдѣлено и точію отъ Е. И. В. и синодальнаго изволенія состоитъ, донелѣже угодно будетъ самому державнѣйшему императору сіе разординовать.

10. Чтоже пользы и добраго или государству или народу, аще г-нъ Блюментростъ о семъ будетъ извѣстенъ или нѣтъ, точію сего требуетъ вогда содержать въ сей гошпитали св. синоду позволяеть; что лучшаго будетъ дирекцію отъ одинаго доктора иному вручать, развѣ перваго якобы къ такому дѣлу недовольна присмотрѣли или паче обезчестить восхотять.

11. Аще и въ требованіи о семъ г-на архіатера Блюментроста что добраго будетъ, о семъ да покажетъ демонстрацію, чего бы ради сего

требовалъ; аще объявить не возможетъ, вся будутъ безъ всякой турбаціи и премѣны, какъ угодно было Е. И. В. самому сіе регулярно расположить.

И оное доношеніе и свою информацию и протестацію со всякимъ послушаніемъ Св. Синода разсужденію предлагаетъ и дабы о сихъ при нуждѣ высоко почтенному прав. сенату или самому всепресвѣтѣйшему Императору информацию учинить, прежде даже по требованію г-на архіатера Блюментроста (что какъ до сего времени видится больше для славы, нежели въ пользу народа) учинено будетъ.

Послѣ смерти Екатерины I и кажется во все царствованіе Петра II не было уже рѣчи о прямомъ подчиненіи Моск. госпиталя медп. канцеляріи, частію можетъ быть по политическимъ обстоятельствамъ, отвлекавшимъ вниманіе Блюментроста въ другую сторону и скоро низведшимъ его съ той высоты, на которой стоялъ онъ при Петрѣ Великомъ, а частію и по заступничеству синода лично за Бидлоо и въ тоже время за свои денежные интересы, связанные съ Московскимъ госпиталемъ. Какъ бы то ни было, но Бидлоо до конца жизни сохранилъ свою самостоятельность въ управленіи госпиталемъ и школою, безъ подчиненія медп. канцеляріи и архіатеру, а св. синодъ, съ прискорбіемъ слѣдя за угасаніемъ этой благородной жизни, принялъ рѣшеніе возможно скорѣе развязаться съ Московскимъ госпиталемъ.

✓ Докторъ Н. Бидлоо умеръ 23 марта 1735 г. послѣ продолжительной хворости. Со смертію его кончился первый періодъ Московскаго госпитального медицинскаго училища. Это былъ такъ сказать періодъ элементарный, зародышный: но тѣмъ не менѣе имъ рѣшенъ вопросъ—способны ли мы учиться и выйдетъ ли прокъ изъ нашихъ попытокъ посѣять и вырастить самостоятельную медицину на невоздѣланной русской почвѣ. Все содержаніе этого періода наполнено дѣятельностью одного человѣка, изъ за величественной фигуры котораго виднѣются блѣдныя, но мужественныя и почтенныя облики его помощниковъ и сотрудниковъ въ дѣлѣ организаціи первой русской медицинской школы. Человѣкъ этотъ—Н. Бидлоо, а сотрудники его—М. Вланке и Г. Репень, Хр. Эйхлеръ и И. Маазъ—первые наши медицинскіе учителя и первые работники при возведеніи величественнаго нынѣ зданія русской медицины. Никто не скажетъ, что Бидлоо сдѣлалъ не много, если подумаетъ, что этотъ неутомимый труженникъ создалъ свое училище изъ ничего, безъ готовыхъ образцовъ и безъ готовыхъ матеріаловъ; и надъ каждою вещью, надъ каждою мелчай-

шей подробностью учебнаго класса или ученической спальни, надъ способомъ и программю преподаванія каждой науки долженъ былъ думать и раздумывать, прежде чѣмъ постановитъ то или другое рѣшеніе. И это въ чужой странѣ, обычай и гражданственность которой были для него чужды, въ такой средѣ, которая предубѣждена была противъ иностранныхъ нововведеній, и въ такой отрасли знаній, которая даже и въ позднѣйшія времена не легко мирилась и мирится съ предразсудками. Просвѣщенные и безпристрастные современники отдавали справедливость заслугамъ Бидлоо и ставили его высоко между энергическими пионерами новыхъ путей къ распространенію свѣта знаній и образованія. Но были, конечно, и такіе, которые, не столько изъ любви къ дѣлу, сколько изъ мелочной зависти и озлобленнаго самолюбія стремились умалить эти заслуги и перетолковать самыя благородныя побужденія. Къ счастью, исторія слушаетъ обоими ушами и давно уже отвела достойное мѣсто Н. Бидлоо, какъ творцу и устройтелю первой медицинской школы въ Россіи.

ГЛАВА IV.

Московская госпитальная школа послѣ Бидлоо. Учрежденіе трехъ новыхъ школъ по ея образцу. Архіатеръ Іог. Берн. Фишеръ. 1735—1753.

Не видно, чтобы при жизни Бидлоо хоть одинъ изъ архіатеровъ навѣстилъ когда нибудь московскій госпиталь и поинтересовался существовавшею тамъ школою. О правильномъ начальственномъ надзорѣ можетъ быть уже и не думали, со времени протеста Бидлоо противъ единоличной бюментростовской коллегіи еще при жизни Петра Великаго; но нѣтъ никакихъ указаній и на то, чтобы кто либо изъ архіатеровъ хоть частнымъ образомъ заглянулъ въ госпиталь въ первый 30-лѣтній періодъ его существованія. Въ случаяхъ же или поводахъ къ тому не могло быть недостатка. Напримѣръ выпускные экзамены производилась въ госпитальной школѣ публично. Къ нимъ приглашались московскіе штатдт-физики и всѣ наличные докторы, практиковавшіе въ Москвѣ. Только архіатеры, часто и подолгу про-

живавшіе въ Москвѣ со дворомъ, никогда не заглядывали туда. Чему приписать это? Тому ли, что св. синодъ и воллегія экономіи его не допускали ни малѣйшихъ попытокъ надзора за собою, такъ какъ госпиталь и школа его была безраздѣльно ихъ принадлежностью; или тому что и самъ Бидлоо не потерялъ бы никакого чужаго вмешательства, наблюденій или замчаній со стороны его госпитально-учебной дѣятельности? Или наконецъ тому, что архіатеры ни вѣщо не ставили и не придавали никакого серьезнаго значенія маленькому госпиталю съ его маленькою школою, едва выходявшему изъ сародышнаго состоянія? По той или другой причинѣ, или по обѣимъ вмѣстѣ, но вѣрно то, что Петръ Великій часто бывалъ у Бидлоо и навѣщалъ госпиталь, а иногда даже присутствовалъ при вскрытіяхъ труповъ, о посѣщеніяхъ же архіатерскихъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Однакоже несомнѣнно и то, что архіатеры довольно подробно знали все, что дѣлается въ московскомъ госпиталѣ. Упрекая Бидлоо въ медленности учебной работы, въ томъ, что онъ долго держалъ у себя учениковъ, они отдавали ему однакоже справедливость въ правильной постановкѣ ученія и въ точной организаціи учебныхъ программъ и курсовъ. Упрекъ былъ можетъ быть справедливъ, но по обстоятельствамъ дѣла неизбеженъ. Причины медленности не вполне зависѣли отъ Бидлоо. Не надобно забывать, что онъ началъ свою работу ни съ чѣмъ и долженъ былъ создавать все изъ ничего. Раздѣливъ учениковъ своихъ на три класса, онъ составилъ точную программу для занятій каждаго класса и строго выполнялъ ее. Для преподаванія каждаго учебного предмета опредѣлены были объемы и сроки, а потомъ повѣрка сдѣланнаго. Забѣганіе впередъ, какъ и отсталость не позволялись. Ученикъ, не справившійся съ анатоміею или латинскимъ языкомъ, не шелъ дальше, а возвращался въ начало и снова проходилъ по тому же пути, который былъ уже отчасти знакомъ ему. Стучалось, что ученикъ сидѣлъ въ одномъ классѣ 5—6 лѣтъ, пока выдерживалъ установленный экзаменъ для перехода въ высшій классъ. Сначала винили въ этомъ Бидлоо, приписывали медленность его голландскому флегматизму и придумали возбуждательное средство. Петръ Великій назначилъ ему денежные преміи за каждаго лѣбара и подлѣбара, выпущеннаго на службу изъ московской госпитальной школы, Бидлоо благодарилъ, и все таки отвѣчалъ, что ученики его еще не готовы и не могутъ быть посланы на дѣйствительную службу, а когда будутъ готовы, то онъ самъ не будетъ напрасно держать ихъ. Очевидно,

*

такая честность правилъ и вѣрность принятой и установленной программѣ заслуживали скорѣе похвалы, чѣмъ порицанія. Иностранные ученые, смотрѣвшіе безпристрастно на возникновеніе и развитіе московской госпитальной школы и понимавшіе трудность дѣла, высоко ставили учебныя заслуги Бидлоо и дивились быстрымъ успѣхамъ его. Такъ же можетъ быть думать, но не высказывалъ своей мысли, и архіагеръ И. Л. Блюментростъ. Не могъ онъ не видѣть недостатка учебныхъ средствъ въ московскомъ госпиталѣ, извѣняющаго медленность учебнаго дѣла у Бидлоо, точно такъ какъ не могъ не видѣть и недостаточности одного учебнаго госпиталя для снабженія лѣкарями и подлѣкарями арміи и флота. Не проходило года, чтобъ не выписывали лѣкарей изъ за границы: но ихъ было все-таки мало, стоили они дорого и возобновленіе капитуляцій съ ними хлопотливо. А потребность въ лѣкаряхъ и подлѣкаряхъ все увеличивалась. Подъ влияніемъ этихъ то заботъ у него и созрѣла мысль, родившаяся еще при жизни Петра Великаго, объ учрежденіи медицинскихъ училищъ не въ одномъ московскомъ, а въ нѣсколькихъ и другихъ госпиталяхъ и объ установленіи точныхъ правилъ для общаго административнаго управленія ими. Училища должны были устроиться по образцу московскаго, но съ нѣкоторымъ расширеніемъ средствъ обученія. Въ то же время составленъ имъ и проектъ объединенія медицинскихъ госпитальныхъ училищъ, въ видѣ общаго регламента для учебныхъ госпиталей. Но судьба не дала ему возможности осуществить эти предположенія. Сперва не было у него досуга, среди придворныхъ волненій, продолжавшихся все время со смерти Петра I до воцаренія Анны Ивановны, а потомъ (въ концѣ 1731 года) онъ впалъ въ немилость, потерялъ свое мѣсто и удаленъ былъ отъ участія въ медицинскихъ дѣлахъ.

Мысль архіагера И. Л. Блюментроста такъ была зрѣла и исполненіе ея такъ необходимо, что осуществленію ея не помѣшало даже то, что она попала въ руки самаго дурнаго человѣка изъ всѣхъ медицинскихъ администраторовъ новой русской исторіи, а именно архіагера Іог. Христ. Ригера. Впрочемъ только первая половина ея. А именно 9 января 1733 года утверждень штатъ медицин. канцеляріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и штатъ спб. сухопутнаго госпиталя, названнаго «генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ.»¹ Въ то же время учреждены медико-хирургическія школы при госпиталяхъ сухопутномъ и адмиралтейскомъ (морскомъ) въ С.-Петербургѣ, въ первомъ на счетъ

вритсь-коммисаріата, во второмъ на счетъ адмиралтейской-коллегіи, въ каждомъ на 20 учениковъ и 10 подлѣбарей. Въ Кронштадтскомъ госпиталѣ до 1735 года содержалось 4 подлѣбаря и 8 лѣбарскихъ учениковъ, а съ этого года положено содержать 8 подлѣбарей и 15 учениковъ, насчетъ адмиралтействъ-коллегіи. Госпитали эти, какъ и московскій, названы по этому поводу «генеральными», т. е. учебными. Вторая половина мысли П. Л. Блюментроста, а именно объединеніе госпитальныхъ училищъ, не могла быть исполнена Ригеромъ, потому ли, что онъ не рѣшился на это по какимъ-либо внѣшнимъ соображеніямъ, или потому что не успѣлъ докончить дѣла, такъ какъ чрезъ полгода послѣ того (18 фев. 1734) бѣжалъ изъ Петербурга за границу. Задача эта выпала на долю архієтера Іог. Берн. Фишера, занявшаго мѣсто Ригера съ декабря 1734 года. Она состояла въ томъ, чтобы составить общее положеніе для всѣхъ существовавшихъ въ то время госпитальныхъ училищъ, увеличить учебныя ихъ средства, расширить программу преподаванія и по возможности возвысить уровень госпитальнаго образованія лѣбарей и подлѣбарей. Всѣхъ госпитальныхъ училищъ было уже четыре, но всѣ они различались между собою и программами ученія, и штатами, и источниками содержанія, и даже способами избранія учителей и преподавателей. Два изъ этихъ училищъ принадлежали морскому вѣдомству, одно — военно-сухопутному вѣдомству, или лучше сказать вритсь-коммисаріату, и наконецъ еще одно — святѣйшему синоду. При этой разрозненности училищъ не было опредѣленнаго центра, въ которомъ бы сосредоточивалось общее направленіе и руководство по самой главной и важной сторонѣ ихъ существованія, именно по части учебной. Устраненіе этой-то разрозненности, замедлявшей успѣхи школъ, и было одною изъ заботъ медицины, канцелярїи еще до архієтерства Фишера, хотя до его времени не могло бы достигнуто. Въ московской госпитальной школѣ ходъ дѣлъ и программа ученія, очевидно, приспособлены были къ наличнымъ средствамъ существовавшаго учебнаго персонала, весьма недостаточнаго и большію частію случайнаго. Особыхъ какихъ либо инструкцій для него или какихъ либо учебныхъ программъ, кромѣ программы Бидлоо и штата 1710 года, досихъ поръ не существовало. Почти также шло учебное дѣло и въ новыхъ петербургскихъ госпитальныхъ школахъ, учрежденныхъ по образцу московской школы. Но архієтеръ Фишеръ рѣшился измѣнить самыя основныя заведенныя училищъ, и если можно возвысить ихъ надъ московскою

госпитальною школою. Выяснивъ, чего слѣдуетъ отъ нихъ требовать, составивъ опредѣленную программу учебнаго курса, онъ уже по этой программѣ и для удовлетворенія всѣхъ ея частей и подробностей началъ подбирать исполнительныя средства. Но установленіе общирной программы медицинскаго ученія въ госпиталяхъ, равно какъ и выполненіе этой программы съ надлежащимъ успѣхомъ, требовали не только общирныхъ матеріальныхъ средствъ, но и единства дѣйствій, до сихъ поръ не существовавшаго. Для пріобрѣтенія первыхъ и установленія втораго необходимо было полное и однообразное преобразование всѣхъ госпитальныхъ школъ, равно какъ преобразование и расширеніе всѣхъ учебныхъ госпиталей, въ которыхъ учреждены были медицинскія школы и которыя до тѣхъ поръ не имѣли точно опредѣленныхъ уставовъ и штатовъ. Необходимость перемѣнъ въ московскомъ госпиталѣ по смерти Бидлоо послужила мотивомъ къ разработкѣ этого общирнаго плана и въ августѣ 1735 года архіатеръ Фишеръ вошелъ къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ съ слѣдующимъ докладомъ:

«Егда къ сохраненію В. П. В. подданныхъ, а паче войскъ на сухомъ пути и на морѣ, искусныхъ докторовъ и лѣкарей въ имперіи потребно, то что до первыхъ касается, число по опробованнымъ отъ В. П. В. штатамъ нынѣ еще размножить не надлежитъ; тоцію имѣется наивящій недостатокъ въ добрыхъ и довольныхъ лѣкаряхъ при войскахъ В. П. В. на морѣ и на сухомъ пути. Хотя къ полученію довольноаго числа добрыхъ лѣкарей уже за тридцать лѣтъ въ Москвѣ учреждена госпиталь, при которой опредѣлено содержать 50 лѣкарскихъ учениковъ, а для чего во всѣ оныя годы толь мало лѣкарей изъ помянутой госпитали произведено, того я рассмотреть не могу. А ежели В. П. В. всемилостивѣе повелитъ, чтобъ впредь при Московской госпитали такое опредѣленіе учинено было, дабы

1) въ оной два добрые оператора анатомическіе и хирургическіе, каждой по 300 рублевъ годоваго жалованья, содержаны были, изъ которыхъ каждой лѣтъ будетъ по двадцати по пяти лѣкарскихъ учениковъ обучать, и для того снымъ надлежитъ въ госпитали жить.

2) При оныхъ 50 ученикахъ (которымъ всѣмъ искуснымъ въ латинскомъ языкѣ быть надлежитъ) всегда двусотое число больныхъ въ госпитали содержать да будетъ, надъ которыми бы оныя ученики въ вышнихъ и необходимыхъ случаяхъ надлежащихъ операціевъ хирургическихъ видѣли и обучались, и надъ тѣлесами тѣхъ, которые умрутъ и раскрыты быть имѣютъ, они твердую практику получать. Напротивъ же того егда понынѣ во оной госпитали толь мало больныхъ находится и отъ прошедшаго мѣсяца токмо 24 человекъ осталось и такимъ образомъ два ученика наслу одного больнаго прислуживать имѣютъ.

То отъ оныхъ учениковъ въ хирургіи ничего твердаго ожидать не возможно и конечно къ великому ущербу В. М. В. войска, къ гулянію и беззаконіямъ предаться поводъ имѣють.

3) Если пріемъ оныхъ больныхъ въ госпиталь и отлукъ изъ госпиталя едно отъ госпитальнаго доктора, а не отъ эконома управлено да бюджетъ, и отъ больныхъ ни отъ кого какой платы за пріемъ въ госпиталь возметься, а докторъ и эконома могутъ точіюжъ списокъ больнымъ повседневно имѣть

Такожъ 4) козь часто возможно чрезъ зѣну изъ полиціи мертвыя тѣлеса или другихъ найденныхъ мертвыхъ тѣлесъ подлыхъ людей въ оную госпиталь ко анатеміи присыланы да будутъ.

5) Если докторъ и лѣкари оной госпитали не токмо надъ діетомъ или въ содержаніи въ пищѣ больныхъ безпрепятное учрежденіе чинить, но и надъ надзирательми больныхъ свободную команду и когда въ чемъ повинны явятся вольность ихъ наказывать имѣть будутъ.

6) Если оныя учрежденія учинены бытъ имѣють, дабы въ надлежащихъ медикаментахъ никогда недостатка не было.

7) И если два рисовальныя мастера, каждой по 150 рублей годового жалованья, при оной госпитали содержаны будутъ, которые бы лѣкарскихъ учениковъ внутреннихъ и вишнихъ частей человѣческихъ анатомическимъ порядкомъ срисовать обучали,

то если сіи пункты всея, коимъ оны подлежатъ, точно исполнати съ подтвержденіемъ и подъ штрафомъ повелѣно бытъ имѣеть, вредъ не токмо еще болѣе, но и большимъ искусствомъ лѣкари изъ Московской госпитали произведены да будутъ.

Здѣсь при сб. генеральныхъ госпиталяхъ хотя за два года такіе добрые учрежденія сдѣланы, въ ономъ времени отъ имѣющихся въ каждой госпитали по 26 учениковъ уже восемь человекъ въ подлѣкари произведены бытъ могли. А если В. П. В. подтвержденіемъ повелѣть, чтобы при каждой оныхъ госпиталей

1, чанъ и прочихъ посудъ мастеровые люди и надзиратели ради больныхъ подъ повелѣніемъ докторовъ и лѣкарей такъ стояли, дабы по приказу ихъ въ послушаніи при пользованіи больнымъ или многократнаго пьянства и отъ того иногда промешаемаго бѣлья лѣкарей помощью госпитальнаго караула того часа наказаны бытъ могли; такожъ въ таковыя надзиратели не пьяницы, но смиренныя и усердныя люди опредѣлены были, пбо въ противныхъ обстоятельствахъ и непорядкахъ добраго ничего получить невозможно и учителямъ и ученикамъ къ наукамъ охота исходить будетъ и отъ оныхъ надзирателей больныхъ доктору не токмо имяной си псомъ, но и число ихъ валицо представлено бытъ.

2) Если все умершіе въ госпитали противъ стараго регламента безъ

изыатія и когда гошпитальной докторъ усмотритъ, что надлежитъ да раскрыты будутъ и ученикамъ бывшая болѣзнь показана быть имѣеть.

3) Всѣ имѣющіеся при гошпиталяхъ медицинскаго чина служители по состоянію нуждъ безъ утѣсенія жить умѣщены бы были и при квартирахъ своихъ пищу свою себѣ варить могли.

4) Ежели при каждой оныхъ генеральныхъ гошпиталей, а именно въ адмиралтейской и сухопутной гошпиталяхъ, по доброму рисовальному мастеру, каждому по 150 рублей годоваго жалованія опредѣлены будутъ, которые бы лѣкарскихъ учениковъ въ анатомическомъ срисованіи тѣлесъ обучали, то уповать можно, что лѣкарскіе учрежденія при здѣшнихъ гошпиталяхъ желаемого происхожденія имѣть будутъ. Напротивъ же того въ томъ конечная остановка быть имѣеть. При Кронштадтской морской госпитали содержится по се число токмо четырехъ подлѣкарей да восемь лѣкарскихъ учениковъ, а больныхъ въ оной госпитали часто имѣется болѣе нежели въ питербургской адмиралтейской госпитали, въ которой содержатся 10 подлѣкарей да 20 лѣкарскихъ учениковъ, и ежели при такомъ числѣ больныхъ въ наименьшей мѣрѣ еще 4 подлѣкаря и 7 лѣкарскихъ учениковъ опредѣлены будутъ и для оныхъ при помянутой госпитали одинъ добрый операторъ и анатомикъ съ годовымъ жалованьемъ по 300 рублей, да одинъ же добрый рисовальный мастеръ съ годовымъ жалованьемъ по 150 рублей содержаны быть имѣютъ; да притомъ ежели отъ командировъ на доброй порядокъ и согласіе между госпитальными служителями къ пользѣ больныхъ смотрѣніе имѣться будетъ, то уповать можно, что изъ оныхъ трехъ лѣкарскихъ школъ впредь довольно запасъ искусныхъ лѣкарей къ сохраненію В. И. В. войскъ происходить будетъ, и ежели В. И. В. всемплотивѣйшими указами въ прав. сенатъ для московской госпитали, а въ адмиралтействѣ коллегію санктпитербургской и кронштадтской адмиралтейскихъ гошпиталей, также въ военную коллегію для санктпитербургской сухопутной госпитали о вышеписанномъ къ поправленію оныхъ гошпиталей, а именно противъ того прожекта, которой изъ кабинета В. И. В. въ прошломъ 1733 году медиц. канцел. объявленъ былъ, подтвердить соблаговолитъ и лѣкари по указомъ императора Петра I обхожденіе и содержаніе отъ командующихъ своихъ получать доброе и впредь для малаго жалованья, которое гораздо меньше того имѣеть быть, какъ лѣкари чужестранныхъ войскъ получаютъ, и чего ради лѣкари изъ чужихъ краевъ сюда болѣе почти и ѣхать не хотятъ, дабы имъ отняты денщики, для побужденія ихъ, паки даны были, то В. И. В. подданные всего государства сіе землематернее попеченіе получать будутъ, и оное по всеижайшей моей должности предлагаю и ожидаю всемплотивѣйшей В. И. В. резолюціи».

Докладъ этотъ рассмотрѣнъ былъ кабинетомъ министровъ и немедленно утвержденъ императрицею. И съ этого времени какъ москов-

скій, такъ и всѣ другіе госпитали подчинились по медицинско́й части всѣмъ распоряженіямъ медицинско́й канцеляріи. Правда, по временамъ возникали коегдѣ частныя сопротивленія и возраженія: но ровно черезъ годъ послѣ этого они окончательно устранены высочайшимъ указомъ 25 октября 1736 года «о бытіи въ послушаніи всѣмъ докторамъ, какой бы команды ни были, у архіатера и лейбъ-медика Фишера». Наконецъ результатомъ организаторскихъ усилій архіатера Фишера былъ *Генеральный регламентъ о госпиталяхъ*, составленный пріимчивительно къ адмиралтейскому регламенту Петра Великаго и утвержденный императрицею Анною 24 декабря 1735 года ¹⁾. |

«Генеральный регламентъ о госпиталяхъ» несправедливо забыть теперь, какъ старый госпитальный уставъ, замѣненный новыми постановленіями; а между тѣмъ по глубинѣ мыслей, положенныхъ въ основаніе его, это—одна изъ самыхъ монументальныхъ памятниконъ правильного госпитального благоустройства. Не надобно также забывать, что это—первый русскій госпитальный уставъ, составленный въ Россіи, по русскимъ опытамъ и по указаніямъ заимствованнымъ изъ нашей собственной жизни, а не перенесенный къ намъ изъ чужихъ странъ.

Получивъ утвержденіе доклада своего императрицею, архіатеръ Фишеръ 21 августа сообщилъ копию съ первой половины его, касающейся исключительно московскаго госпиталя, св. синоду и правит. сенату и просилъ ихъ исполнить тѣ предположенія, которыя относятся къ улучшенію госпитального порядка, а также ассигновать суммы на наемъ лицъ, недостававшихъ въ московскомъ госпиталѣ. И съ этого именно времени начинается второй періодъ жизни первой нашей госпитальной школы. А такъ какъ дѣятельность школы съ этого времени разчленилась на четыре вѣтви, по числу генеральныхъ госпиталей, то мы считаемъ наиболее удобнымъ прослѣдить учебное движеніе сперва по всѣмъ четыремъ вѣтвямъ въ отдѣльности, пока

¹⁾ Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ генеральномъ регламентѣ о госпиталяхъ говорится исключительно о трехъ новыхъ госпиталяхъ (двухъ петербургскихъ и кронштадтскомъ), но вовсе не упоминается о московскомъ госпиталѣ. Это первый проблескъ развившагося въ послѣдствіи антагонизма между московскою русскою госпитальною школою и послѣдующими параллельными ей петербургскими нѣмецкими школами. Проблескъ этотъ проглядываетъ и въ докладѣ архіатера Б. Фишера императрицѣ Аннѣ, не доброджелательно отзывавшагося о московской школѣ.

не установилось полное единство и единообразие его, а затѣмъ уже будемъ разсматривать дѣятельность всѣхъ четырехъ училищъ вмѣстѣ, какъ одну общую медицинскую школу, постепенно, но совокупно развивавшуюся изъ одного общаго корня. Начнемъ съ того, что дѣлалось въ московскомъ госпиталѣ по смерти Бидлоо.

Извѣстіе о смерти доктора Н. Бидлоо принято было съ глубокимъ огорченіемъ во всѣхъ образованныхъ классахъ Москвы. Онъ пользовался тамъ общимъ уваженіемъ и любовью, какъ за обширное образование и свѣтлый умъ, такъ и за услуги чисто врачебнаго свойства. Проживъ болѣе тридцати лѣтъ въ Москвѣ, онъ всеѣмъ обрусѣлъ, правильно и свободно говорилъ по русски и отличался удивительною уживчивостію. Какъ коллегія экономіи, никогда не отказывавшая ему ни въ одной просьбѣ по устройству и содержанію госпиталя, какъ бы ни велика казалась просямая сумма, такъ и наиболѣе дѣятельные и вліятельные члены св. синода искренно горевали объ этомъ иностранцѣ, точно онъ былъ родной имъ. Но болѣе всѣхъ оплакивали эту потерю подчиненные покойника въ госпиталѣ и ученики госпитальнаго училища. Онъ былъ строгъ и требователенъ по службѣ, но никогда не унывалъ до мелочныхъ придирокъ или пристрастнаго недоброжелательства. Власть его въ госпиталѣ была безгранична, и онъ зналъ это: но величіе души и человѣчность его были кажется еще безграничнѣе. Горе подчиненныхъ утѣшалось еще страхомъ за будущее. Незвѣстие было, кто поставленъ будетъ на мѣсто покойнаго Бидлоо. Каковъ будетъ онъ начальникъ и какъ поведетъ училище?

Эта тягостная невѣстность продолжалась не долго. Не прошло и двухъ недѣль со времени погребенія Бидлоо, какъ въ госпиталѣ явился докторъ Антонъ Детейльсъ (состоявшій на службѣ при московской медицинской канцеляріи и главной аптекѣ, по нынѣшнему—московскій штатдт-физикъ) и объявилъ, что медицинская канцелярія поручила ему навѣщать по два раза въ недѣлю госпиталь и смотрѣть за нимъ, пока опредѣленъ будетъ новый докторъ. Это было 8 апрѣля 1735 года. Обойдя госпиталь, д-ръ Детейльсъ никѣмъ и ничѣмъ не остался доволенъ, служащихъ разбранилъ за безпорядки, ученикамъ пригрозилъ наказаніемъ и даже попрекнулъ, что покойный Бидлоо избаловалъ и распустилъ ихъ.

Низко поклонившись онъ грозному ревизору и потихоньку вздохнули о своемъ добродушномъ, ласковомъ и снисходительномъ учителѣ.

Но это было только начало. Через недѣлю докторъ А. Детейльсъ опять прїѣхалъ въ госпиталь. нѣсколькихъ учениковъ въ своемъ присутствїи жестоко наказалъ батогами» будтобы за пьянство, а семерыхъ велѣлъ заковать въ кандалы и отправить для наказанія въ коллегію экономіи, за то что они будто бы «пойманы за госпитальнымъ садомъ, близъ Яузы рѣки, съ женками, съ коиими блудъ творили». Началось слѣдствіе. Ученики говорили на допросѣ въ коллегіи экономіи, что они не виноваты въ томъ, въ чемъ обвиняютъ ихъ; что они закованы единственно по навету доктора Детейльса и просили назначить имъ экзамень, въ доказательство прилежнаго ихъ ученія, или послать ихъ на экзамень въ Петербургъ, въ медицинскую канцелярію. Коллегія экономіи рѣшила подвергнуть ихъ экзамену, съ тѣмъ, что не выдержавшіе экзамена отданы будутъ въ солдаты, о чемъ и представила синоду. А вмѣстѣ съ тѣмъ посоветовала Детейльсу не отсылать изъ госпиталя виновныхъ учениковъ, а наказывать въ школѣ, по школьному, какъ бывало и при Бидлоо, взятіемъ подъ карауль, кованіемъ въ желѣза, наказаніемъ плетью».

И коллегія экономіи (состоявшая тогда подъ предсѣдательствомъ и управленіемъ генералъ-лейтенанта Волкова) и св. синодъ взглянули неблагоклонными глазами на своевольное вступленіе Детейльса въ управленіе московскимъ госпиталемъ. Коллегія экономіи прямо и открыто протестовала, что госпиталь и школа его находятся въ ея вѣдѣніи и потому д-ръ Детейльсъ не могъ быть назначенъ наблюдателемъ госпиталя безъ ея вѣдома и согласія. Въ этомъ смыслѣ послала она донесеніе и св. синоду, присоветуивъ, что московскій госпиталь никогда не бывалъ въ вѣдомствѣ медицинской канцеляріи. Синодъ тоже не былъ доволенъ, и особенно возмущало его самоуправство Детейльса и жестокое обращеніе съ учениками. Снесшись объ этомъ съ архіатеромъ Іог. Фишеромъ, онъ присудилъ наказать провинившихся учениковъ удержаніемъ у нихъ половины жалованья (примѣнительно къ высочайшему указу 16 мая 1726 года о чинахъ подвергшихся оштрафованію и арестантахъ), а между тѣмъ подвергнуть ихъ экзамену въ наукахъ ¹⁾.

¹⁾ Въ слѣдственномъ дѣлѣ объ этихъ ученикахъ значитъ, что всѣ они были уже совершеннолѣтніе, поступили въ госпитальное училище изъ славяно-реформат. академіи и долго учились въ госпиталѣ, а именно одинъ съ 1720

Какая возникла переписка изъ за этихъ протестовъ—не сохранилось свѣдѣній; но несомнѣнно, что если переписка и существовала, то касалась только формальной стороны дѣла, такъ какъ существенный вопросъ о сосредоточеніи всѣхъ госпиталей въ вѣдомствѣ архіате́ра или медиц. канцеляріи въ принципѣ давно уже былъ рѣшенъ, а теперь (именно со смертію Бидлоо) долженъ былъ рѣшиться и фактически. Возможное дѣло, что медицинская канцелярія поджидала смерти Бидлоо и заблаговременно распорядилась поручить временной надзоръ за московскимъ госпиталемъ доктору Детейльсу, частью потому, что онъ былъ подъ рукою, а частью потому, что можетъ быть архіате́ръ и не зналъ еще (такъ какъ и самъ онъ еще недавно вступилъ въ должность архіате́ра) личныхъ недостатковъ Де Тейльса и полной неспособности его къ учебному дѣлу. Притомъ же назначеніе его могло быть временнымъ, пробнымъ, вызваннымъ необходимостью замѣстить кѣмъ нибудь умершаго Бидлоо, пока будетъ присканъ лучший, такъ что объ этомъ временномъ распоряженіи казалось и не стоило сообщать ни синоду, ни коллегіи экономіи.

Но дѣло въ томъ, что коллегія экономіи очень хорошо знала д-ра Детейльса, и притомъ только съ дурной стороны, какъ человѣка завистливаго, неуживчиваго, вѣчно недовольнаго и лично ненавидѣшаго покойнаго Бидлоо.

Гораздо важнѣе былъ вопросъ о подчиненіи московскаго госпиталя вѣдѣнію медицинской канцеляріи, вмѣстѣ со всѣми другими госпиталями, и о сосредоточеніи всѣхъ врачебныхъ учрежденій въ рукахъ архіате́ра. Вопросъ этотъ поднять былъ давно, еще въ то время, когда архіате́ръ И. Л. Блюментростъ предполагалъ сосредоточить все медицинское управленіе въ одной коллегіи. Но тогда предположеніе это не осуществилось, частью по недостатку настойчивости у архіате́ровъ, а частью по недостатку денежныхъ средствъ, на случай если бы отдѣльныя вѣдомства, на содержаніи которыхъ состояли госпитали и другія врачебныя учрежденія, отказались содержать ихъ послѣ изыятія ихъ изъ подъ неограниченной власти этихъ вѣдомствъ. Примеръ этого видѣли мы на московскомъ госпиталѣ и на томъ,

года, а другіе поздне, но вообще стоили уже казны болѣе тысячи рублей. Всѣ они выдержали экзаменъ и въ слѣдующемъ 1736 году распределены подъярками въ армейскіе полки.

какъ Бидлоо отстаивалъ и дѣйствительно отстаивалъ свою независимость отъ архіатеровъ. Теперь обстоятельства переѣнились.

Со смертію Бидлоо рухнулись преграды отдѣлявшія московскій госпиталь отъ медицинской канцеляріи и задача состояла въ томъ, чтобы преемникъ его былъ возможно податливъ власти архіатера и не слишкомъ тѣсно связанъ съ синодомъ и коллегією экономіи. Въ докторѣ Детейльсѣ совмѣщались оба эти качества, такъ какъ онъ всю жизнь ненавидѣлъ Бидлоо и чрезъ это противень былъ покровителямъ покойнаго. Первые близкія сношенія его съ госпиталемъ и возникшіе изъ того протесты обнаружили это до очевидности, такъ что архіатеръ Фшперъ увѣренъ былъ, что онъ нашелъ именно такого человѣка, какой былъ нуженъ ему. и 1-го мая 1735 года исходатайствоваль «словесный указъ» ¹⁾ императрицы Анны объ опредѣленіи А. Детейльса докторомъ Московскаго госпиталя «за долговременную его службу», съ денежнымъ жалованьемъ по 800 рублей въ годъ «оттуда, откуда получалъ жалованье бывший докторъ Бидлоо», а на другой день подписалъ слѣдующую для него инструкцію.

Инструкція изъ медицинской канцеляріи опредѣленному при Московской гошпитали доктору Антону Детейльсу.

Понеже Московская гошпиталь послѣ умершаго доктора Бидлоо по сіе время безъ дирекціи докторской осталась, а оное мѣсто снабдить порядкомъ и нужа требуетъ, точію къ тому такого человѣка избрать надлежитъ, которой бы не токмо въ имперіи многое время добрыя медицинскія службы чинилъ, но и бы искусство имѣлъ въ добромъ порядкѣ и пользованіи больныхъ все въ гошпиталѣ управлять, притомъ же и молодыхъ учениковъ въ хирургіи и медицинѣ наставлятъ, и понеже докторъ Антониусъ Детейльсъ въ російской имперіи многіе годы служилъ и послѣдовательно о семъ надлежащее искусство имѣеть, того ради объ ономъ докторѣ докладывано было Ея Императорскому Величеству и Е. П. В. пмяннымъ своего П. В. пзустнымъ указомъ сего мая 1 дня всемплошнѣйше указала оному доктору Антонию Детейльсу,

¹⁾ Въ этомъ дѣлѣ архіатеръ Іог. Бернг. Фшперъ, кажется, въ первый и послѣдній разъ воспользовался «словеснымъ указомъ» императрицы, такъ какъ не могъ не знать общаго недовѣрія къ «словеснымъ указамъ». Чрезъ два съ половиною мѣсяца послѣ этого, именно 14 іюля 1735 года, состоялся заковъ о непринятіи и непризнаваніи именныхъ «словесныхъ указовъ», если они не подписаны всѣми тремя кабинетъ—министрами. Преджестянкъ его, архіатеръ Ригеръ, слывшій шпіономъ и клеветомъ Вирона, такъ злоупотребляя «словесными указами», что наводилъ ими ужасъ на подписанныхъ своихъ.

за долговременную его службу, быть при Московской гошпитали, которая состоит на доходах св. прав. синода, на место умершаго тѣя гошпиталѣ доктора Николая Видла съ денежнымъ годовымъ окладомъ по восьмисотъ руб. левъ на годъ, которой получать ему оттуда откуды помянутой докторъ Видла получать.

А должность оного доктора имѣть быть:

1. Имѣть дирекцію и смотрѣніе надъ аптекою, лѣкарями и учениками оной гошпитали и смотрѣть, дабы принятыя въ оную гошпиталь больные всею прилежностію и надлежащимъ стараніемъ пользованы, а ученики во анатоміи и хирургіи, такожъ въ терапіи генерали медицинѣ, какъ и въ специальныхъ методахъ при болѣзняхъ обучены были.

2. Смотрѣть на пристойное распредѣленіе больныхъ по ихъ болѣзнямъ, такожъ пищу по болѣзнямъ опредѣлять и на хожденіе около больныхъ смотрѣніе имѣть, и все что къ наилучшему больныхъ надлежитъ чинить и учредить.

3. По утрамъ и въ вечеру больныхъ посѣщать въ присутствіи лѣкарей и учениковъ, и когда медикаментовъ распредѣлять будетъ, то ученикамъ оныя записывать велѣть и причины оныхъ медикаментовъ крѣпкомъ толковать, такожъ оныхъ учениковъ въ признаваніи болѣзней истинныхъ знаковъ ихъ наставлятъ и ихъ къ тому принуждать, чтобъ каждый болѣзней и пользованіе оныхъ порядочно записывалъ, дабы они впредь къ пользѣ своей практикѣ оныхъ примѣчаній прислуживаться могли.

4. О числѣ больныхъ умершихъ и выздоровѣвшихъ присылать ему въ медицинскую канцелярію по прошествіи каждаго мѣсяца репорты противъ установленнаго во оной канцеляріи въ нѣмѣшномъ 1735 году новаго формулара, каковы отъ мед. канцеляріи отвсюду разосланы.

5. Особливо же не упущать примѣчанію достойныхъ случаевъ, по тѣлесъ у которыхъ оныя явились всегда анатомировать и репортовать о томъ архіатера по силѣ адмиралтейскаго регламента.

6. Въ принятіи учениковъ слѣдовать ему посланного изъ мед. канцеляріи марта 11 дня сего 1735 года бывшему доктору Видлу указа и на удобопонятіе молодыхъ людей въ первый годъ весьма смотрѣть, ибо въ противность того конечно многіе негодные люди къ ущербу Е. И. В. службы изъ таковой школы выходить имѣютъ.

7. Смотрѣніе имѣть, дабы опредѣленной ко оной гошпитали анатомікусь молодыхъ людей во анатоміи порядочно и тщательно обучалъ и чтобъ ученики иногда подъ дирекціей анатомика своеручно во анатоміи пизуралялися; крѣпкомъ же анатомікусь онымъ ученикамъ хирургическихъ дѣйствъ надлежащихъ курсомъ явственнo и порядочно показывать.

8. И дабы анатомія во оной гошпитали наилучшимъ образомъ упражнена была, то оному доктору стараніе имѣть, дабы всегда, особливо зимою, во оной гошпитали годные кадавры имѣлись и для того увѣдомляться ему о томъ

чаще въ полиціи и смотрѣть, чтобъ госпитальныя ученики въ непрестанной эвекерціи находились.

9. Равножъ и надъ лѣкарями ему смотрѣніе имѣть, при случающихся хирургическихкихъ операціяхъ самому присутствовать, надъ пользованіемъ хирургическихъ болѣзней дирекцію имѣть.

10. Ему предается же смотрѣніе надъ госпитальной аптекою и аптекаремъ, дабы во оной добрые матеріалы приуготовлены и изъ оныхъ медикаменты со всякою осторожностію составлены были, а мелкихъ или поврежденныхъ медикаментовъ, какъ изъ силъ живыхъ, такъ и изъ смочпонованныхъ во аптекъ отнюдь не содержать.

11. Смотрѣніе имѣть, чтобы аптекарь хирургическимъ ученикамъ мелкую цѣнскую матерію, мѣсто гдѣ надлежащее къ тому вести растутъ, натуру ихъ и составляемые изъ оныхъ надлежащіе медикаменты, особливо тѣ, которые про зрѣнію и во флотъ отпускаются, тщательно демонстрировалъ и ихъ приуготовленіе показывалъ, такожъ учениковъ въ лабораторіи въ фармацевтическыя лабораторіи съ прилежаніемъ навывалъ.

12. Въ огородѣ смотрѣть ему на произведеніе официальныхъ плантовъ, дабы оныхъ въ запасъ насѣяно и по надлежащему собрано было, а молодые бы люди притомъ званіе травъ изобрѣли.

13. По прошествіи каждой трети имѣть въ московской госпитали публичнай экзамень съ хирургическими учениками, въ которомъ достойнѣйшихъ записывать и отъ экзаминаторовъ атестовать и таковыхъ атестатовъ присылать въ мед. канцелярію, дабы при случившихся ваканціяхъ въ арміи и во флотъ по тѣмъ атестатамъ поступать было можно.

14. Что же сверхъ вышеписанныхъ пунктовъ въ пользѣ медицины во оной московской госпитали отъ него при дирекціи прибавлено и исправлено быть можетъ, то оное во свидѣтельство вѣрности и прилежанія своего чина въ не оставлять и о томъ въ мед. канц. предлагать.

Санктъ-Петербургъ, мая 2 дня 1785 года».

Замѣчательно, что въ этой «Иструкціи» подробно говорится съ отношеніяхъ доктора (директора) московскаго госпиталя къ медицинскій канцеляріи, которыхъ до сихъ поръ почти вовсе не бывало, и вовсе не упоминается съ отношеніяхъ его къ св. синоду, какъ бы съ тайною мыслью вовсе прервать ихъ, доказательствомъ чему служить даже нежеланіе называть синодъ по имени въ той фразѣ, гдѣ говорится о жалованьи новому доктору: «жалованье же получать сказано тамъ, ему *оттуды, оттуды* докторъ Бидло получалъ», хоть ихъ и нельзя было прервать, такъ какъ все содержаніе госпиталя и госпитальнаго училища получалось отъ коллегіи элевемій, т. е.

почти непосредственно отъ синода, да и самыя зданія госпиталя составляли неотъемлемую собственность духовнаго вѣдомства.

Первымъ донесеніемъ Де-Тейльса въ медицинскую канцелярію, по вступленіи въ должность госпитальнаго доктора, было объясненіе вѣрныхъ мѣръ, принятыхъ имъ, и желаніе оправдать эти вѣрныя мѣры благовидными побужденіями и служебнымъ рвеніемъ. «Я нашелъ оную госпиталь, писалъ онъ 20 мая 1735 года, въ великомъ непорядкѣ и конфузій, понеже покойный докторъ Бидлоо за полтретья года ни двадцати разъ въ оной госпитали не бывалъ и во оное время имѣлъ только двѣ коллегіи (двѣ лекціи), отчего около больныхъ было малое призрѣніе, нечистота, скудость въ постеляхъ, что многіе болящіе принуждены были на однихъ доскахъ лежать, во аптекѣ великой недостатокъ въ лекарствахъ; а напаче великая вольность ученикамъ, которыхъ большая часть пьяницъ и непотребныхъ, и во время пьянства нашлось, что важивали къ себѣ въ госпиталь бабъ непотребныхъ. Того ради съ великимъ прилежаніемъ и трудомъ принужденъ надъ ними самъ и другимъ приказалъ надсматривать и о винахъ ему того часу репортовать, какъ сего мая 15 числа нѣкоторые изъ оныхъ жестоко за пьянство наказаны, и для лучшаго ихъ содержанія выбравъ изъ оныхъ учениковъ, которые лучше и постояннѣе, семь человекъ и оныя учнены маэорами или старостами, и ученики по онымъ маэорамъ раздѣлены; сверхъ же того учиненъ регламентъ и *regulamentum*; онымъ же маэорамъ даны разныя книги для всякихъ записокъ о приключаящихся до оной госпитали всякихъ дѣлъ, и сколько сила допустить трудиться буду оную ихъ вольность и пьянство имъ отнять; которыхъ же впредь видѣть буду, что ни въ какую исправность не придуть, по силѣ данной мнѣ инструкціи и по указу присланному изъ медиц. канцеляріи къ упомянутому доктору Бидлоо марта 15 дня сегожь года, описавъ всю ихъ неисправность и негодность, при доношеніи въ коллегію экономіи отосланы будутъ, а вмѣсто оныхъ постоянныхъ требовать буду».

Весьма возможно, что старикъ Бидлоо, сдѣлавшись хворъ и слабъ въ послѣдній годъ жизни, не сохранилъ той энергіи, каковую постоянно прилагалъ къ управленію госпиталемъ: но онъ навѣрно не заслуживалъ такого озлобленнаго порицанія, какое брошено было въ этомъ донесеніи Де-Тейльсомъ на его свѣжую еще могилу. Въ госпиталѣ могли быть недостатки и безпорядки: но отъ одного ли Бидлоо они зависѣли? Въ обвиненіе ему поставлено, между прочимъ, малое при-

зрѣніе за больными: а между тѣмъ и въ послѣдніе годы жизни Бидлоо, и въ первое время управленія Де-Тейльса, за больными смотрѣлъ преимущественно и почти исключительно зѣварь Матвѣй Кланке, о которомъ самъ Де-Тейльсъ (какъ увидимъ ниже) отзывался съ большою похвалою, «ибо онъ въ оной гошпитали вдавнѣ живетъ и обыкновененъ къ дѣламъ гошпитальнымъ, къ томужъ человекъ трудолюбивъ».

Донесеніе это сообщено было въ копіи св. синоду (въ отвѣтъ на недавній протестъ его) и конечно не могло примирить и сгладить возникшія неудовольствія. Синодъ считалъ себя прямымъ и единственнымъ распорядителемъ и начальникомъ госпиталя и могъ бы самъ исправить безпорядки, еслибъ они дѣйствительно существовали и были ему извѣстны; порицаніе же побойнаго Бидлоо, всегда пользовавшагося уваженіемъ синода, считалъ онъ за косвенное порицаніе своего собственнаго нерадѣнія и беззаботности. Поэтому нерасположеніе его къ Детейльсу еще болѣе усилилось, а также возникло опасливое нерасположеніе и къ медиц. канцеляріи и впервые породило мысль о передачѣ Московскаго госпиталя въ какое либо другое вѣдомство.

Архіатеръ Фишеръ смотрѣлъ съ другой точки на всѣ эти донесенія и объясненія. Его интересовала не смѣна докторовъ въ Московскомъ госпиталѣ, не личные отношенія госпитальнаго персонала, а наступившая возможность объединить всѣ существовавшія въ это время госпитальныя училища, усилить учебныя ихъ средства и по возможности повысить общій уровень образованія учащихся въ этихъ училищахъ. Половину этого дѣла долженъ былъ сдѣлать госпитальный регламентъ, а другую половину надобно было еще выработать новыми успіями и новымъ подборомъ способныхъ къ тому дѣателей. Но если архіатеръ Фишеръ первоначально и рассчитывалъ на помощь д-ра Детейльса въ разрѣшеніи этой второй задачи, то долженъ былъ скоро разочароваться. Де-Тейльсъ оказался не только неспособнымъ къ дѣлу, но даже положительно вреднымъ для него. По недостатку образованія онъ незнакомъ былъ съ учебнымъ дѣломъ госпиталя и вовсе не умѣлъ и не могъ вести его, а по личному характеру своему—желчному, завистливому и сварливому—не умѣлъ и не могъ ладить съ коллегіею экономіи. Правда, послѣдняя не жаловалась на него, послѣ того какъ онъ законнымъ путемъ навязанъ былъ ей; но за то вовсе перестала думать объ его существованіи. Она обязана была

доставлять въ госпиталь известную сумму денегъ и известную сумму четвертей хлѣба по штату и доставляла ихъ; но больше не давала ничего, и весьма нерѣдко даже совѣзмъ не отвѣчала ни на одно сверхштатное требованіе. Въ большомъ госпитальномъ и школьномъ хозяйствѣ не все предусматривается штатомъ и не все можно поправить, подновить или вновь завести по смѣтамъ—передержки неизбѣжны: но коллегія экономіи сперва отказалась покрывать эти передержки, а потомъ либо совѣзмъ не отвѣчала на докторскія представленія, либо лаконописчески увѣдомляла, что у ней денегъ нѣтъ.

Де Тейльсъ жаловался архіатеру, архіатеръ обращался къ синоду: но синодъ оказывался также молчаливъ, какъ и коллегія экономіи. Оставалось жаловаться сенату, и архіатеръ дѣлалъ это, но рѣдко, потому что понималъ источникъ этихъ неудовольствій и отказовъ—въ сварливой и придирчивой неуживчивости Де Тейльса. Притомъ же синодъ и коллегія экономіи по закону были правы (они никогда не задерживали того, что обязаны были давать по штату), а что требовалось сверхъ закона, то могло быть получено только изъ личнаго уваженія къ доктору госпиталя, но уваженія-то къ нему никогда ни у кого и въ поминѣ не было.

Архіатеръ Фишеръ скоро замѣтилъ и оцѣнилъ положеніе вещей. Оцѣнилъ и Детейльса, его дурной характеръ, не уживавшійся не только съ коллегіею экономіи, но и ни съ кѣмъ въ госпиталѣ.

Съ величайшимъ сожалѣніемъ убѣдился онъ также, что всѣ эти личные свойства характера Детейльса не уравновѣшивались никакими хорошими качествами. Не нашелъ онъ въ немъ ни администратора, ни ученаго, ни преподавателя, ни даже медика-практика. Почему же онъ избралъ его и предпочелъ другимъ? Архіатеръ и самъ теперь предлагалъ себѣ этотъ вопросъ, но затруднялся отвѣтомъ. Правда, выбирать было трудно, потому что докторовъ на лицо было мало, да и тѣ, какіе были, либо очень уже были стары, либо занимали такія мѣста, съ которыми не пожелали бы разстаться. Вѣрнѣе же всего было то—архіатеръ повидимому сознавался и самъ въ душѣ—что Фишеръ избралъ Детейльса частію потому, что послѣдній былъ подъ рукою и среди кляузъ умѣлъ показаться дѣловымъ человекомъ, а частію и потому еще, что въ послѣдніе годы жизни Бидлоу очень не любилъ московскаго госпиталя съ его школою и желалъ, какъ говорится, подтянуть ихъ и прибрать къ рукамъ. Расчетъ оказался однакоже невѣрнымъ. Всѣ видѣли, что сдѣлана ошибка.

Архіатеръ призналъ ее чуть ли не прежде другихъ и сталъ исцѣлять случая благовиднымъ образомъ поправить ее, удаливъ Детейльса.

Случай къ тому скоро представился. Въ арміи понадобились доктора и 19 марта 1737 года отправленъ былъ въ Москву указъ изъ медицинской канцеляріи съ назначеніемъ Де-Тейльса съ однимъ лѣбаремъ и подлѣбаремъ и съ надлежащимъ количествомъ лѣбарствъ въ свиту чрезвычайныхъ полномочныхъ пословъ (д. тн. с. Шафпрова), отправлявшихся въ Константинополь на конгрессъ съ турками¹⁾. Детейльсъ поѣхалъ туда, но возвратился 25 декабря 1737 и опять вступилъ въ должность. Потомъ, 6 марта 1738 года, именнымъ высочайшимъ указомъ на имя медіц. канцеляріи, повелѣно «какъ отсюда, такъ и изъ Москвы отъ всякихъ командъ тѣхъ докторовъ и лѣбарей, безъ которыхъ обойтись можно по крайней возможности, немедленно къ арміи отправить, якоже на примѣръ въ Москвѣ въ докторѣ Тейльсѣ нужды нѣтъ». Вслѣдствіе сего онъ назначенъ былъ фельдмедикомъ въ арміи фельдмаршала Миниха, командовавшего войсками въ Бессарабіи. Однакожь это новое назначеніе не очень нравилось Де-Тейльсу и онъ не охотно поѣхалъ въ армію, ссылаясь на слабость здоровья, и тотчасъ по пріѣздѣ въ Переволочну, гдѣ былъ тогда фельдмаршалъ, сталъ просить архіатера о возвращеніи его въ Москву, въ домъ свой, ссылаясь на то, что онъ «хотя въ немалыхъ одержимъ былъ болѣзняхъ, однакожь поѣхалъ въ Переволочну, опасаясь гнѣва высокоблагороднаго и превосходительнѣйшаго господина архіатера». А какъ онъ слабъ—самъ фельдмаршалъ видѣлъ, когда Детейльсъ являлся въ нему «и подалъ ему самому всепокорнѣйшее доношеніе, въ которомъ объявилъ болѣзни свои и просилъ о милостивомъ его разсмотрѣніи, который, увидя меня въ великой слабости, сегоже мая 10 дня ордеромъ своимъ опредѣлить: не посылать его по слабости и старости въ дѣйствующей арміи, а оставить при пограничныхъ госпиталяхъ въ Переволочнѣ, «понеже де въ Устьсамарѣ нынѣ имѣется, такожь въ Переволочнѣ и въ Кобелякахъ отъ арміи оставлено быть имѣть не малое число больныхъ, того ради оныя поручаются въ вѣдомство мое и для того осматривать оныхъ во всѣхъ мѣстахъ самому почасту». Далѣе онъ исчисляеть какъ много больныхъ оставлено въ его вѣ-

¹⁾ Назначеніе это вызвано по всей вѣроятности тѣмъ, что Детейльсъ въ молодости жилъ въ Турціи и зналъ турецкій языкъ.

дѣни, а именно въ Переволочнѣ 1479, въ Кишенкахъ 1297, а сколько ихъ въ Кобелякахъ и въ Орликѣ—еще свидѣній не получено, «и немалое число больныхъ въ разсѣянїи по разнымъ городамъ; къ томужь въ оныхъ настоящихъ довольныхъ госпиталяхъ не имѣется, но отъ большой части принуждены лежать по разнымъ обывательскимъ квартирамъ по малому числу». На этотъ репортъ не послѣдовало никакого отвѣта. Поэтому дней десять спустя (5 іюня) Де-Тейльсъ написалъ другой репортъ, ссылаясь на свидѣтельство генераль-кригсъ-коммисара князя Никиты Юрьевича Трубецкаго (оставшагося въ Переволочнѣ по отъѣздѣ Миниха въ армію) и воспользовавшись бывшимъ въ Переволочнѣ землетрясеніемъ. Вотъ этотъ репортъ. «Пршедшаго мая 25 дня сего 1738 года посланъ былъ отъ меня нижеименованнаго репортъ къ вашему превосходительству съ объявленіемъ о всемъ состояніи пограничныхъ госпиталяхъ, также о моей болѣзни, и сколько возмогъ съ опредѣленія моего должность мою при пользованіи больныхъ и учрежденіи гошпиталей чинилъ неукоснительно; а сего мая 31 дня по полуночи въ 10 часу въ 35 минутъ (въ которое время было трясеніе земли свыше двухъ минутъ), при отправленіи письменныхъ дѣлъ гошпитальныхъ, и въ тотъ моментъ приключился мнѣ превеликой обморозъ, и отнялась правая рука и нога, у которой ни малаго чувствія и движенія не имѣлъ, и нѣсколько часовъ была холодна, чего ради его высококняжеская свѣтлость, повелительный господинъ генераль-лейтенантъ генераль-кригсъ-коммисаръ и лейбъ-гвардіи преображенскаго полка майоръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, слышавъ о болѣзни моей, самъ въ квартирѣ моей посѣщалъ и усмотря таковую тяжелую болѣзнь мою, до полегченія отъ моей болѣзни, для правленія и представленія всякаго велѣлъ мнѣ, чтобъ приказать одному лѣкарю, по которому приказу его свѣтлости для правленія касающихся до меня дѣлъ гошпитальныхъ приказалъ лѣкарю Шидловскому, понеже онъ къ тому обычаенъ. А хотя тою рукою моею отчасти и владѣю, однако оная весьма слаба и трясется. Да и въ ногѣ хотя чувствіе имѣю, однако не тогмо наступить, но и поднять и владѣть не могу. Да къ томужь и головою такъ слабъ часъ отъ часу сталъ быть, что ежели каковое представленіе о дѣлахъ гошпитальныхъ отъ лѣкаря Шидловскаго мнѣ объявляется, и по оному хотя мало чрезъ мочь мою стану въ резолюцію приказывать, то въ наивящую слабость и въ забвеніе рѣчей прихожу, и въ нынѣшнихъ конъюнктурахъ при адѣшнихъ гошпиталяхъ великаго отправления требуютъ.»

«Того ради вашего превосходительства со всенижайшею моею покорностию прошу не допустить въ безвременной моей смерти, за прежними и за вышереченными нынѣ вновь приключившимися мнѣ тяжелыми болѣзнями, пожаловать приказать для лучшаго пользованія, призражня и покоя во оной моей болѣзни, отпустить хотя на время въ домъ мой, ибо въ весьма маломъ призражніи нахожусь; а во время того отпуску чтобы повелѣно было никакими дѣлами меня нижеменова-наго не обвязывать, ибо реченная моя болѣзнь и нынѣ приключилась отъ всякаго труда и письменнаго правленія дѣлъ гошпитальныхъ, о чемъ свидѣтельствовать могутъ мои журнальныя записки, чрезъ которую бы данную мнѣ въ спокойность могъ ея полегченіе болѣзни моей имѣть и впредь Е. И. В. служить, какъ и по нынѣ уже 26 лѣтъ въ службѣ россійской имперіи безпорочно обрѣтаюсь. Чтоже касается до такого великаго и нужнаго правленія и учрежденія дѣлъ гошпитальныхъ, предается въ высокое разсужденіе вашего превосходительства.» Этотъ же рапортъ присланъ былъ въ медицинскую канцелярію во второй разъ (въ концѣ іюля), когда уже отправленъ былъ отвѣтъ на него. Архіатеръ не вполне повидимому довѣрялъ жалобамъ Де-Тейльса на тяжкую болѣзнь, зная его ипохондрической взглядъ на вещи и склонность къ преувелченіямъ. Къ тому же и самое это донесеніе не подтверждало увѣреній сочинителя о слабости головы его и недостаткѣ памяти. Поэтому (13 іюля) онъ велѣлъ написать Де-Тейльсу, что «понеже оной докторъ Де-Тейльсъ по именному Е. И. В. указу къ арміи Е. И. В. для пользованія больныхъ посланъ, того ради его въ домъ свой отпустить и отъ дѣлъ освободить невозможно, пока прочіе докторы изъ кампаніи возвратятся и затѣмъ оной докторъ, сколько болѣзнь его допустить, положенныя на его гошпитальныя дѣла отправлять и посылаемымъ нынѣ докторамъ добрымъ совѣтомъ помочествовать и о всякихъ касающихся дѣлахъ медицин. канцеляріи репортовать немедленно имѣть». Затѣмъ 3 августа 1738 архіатеръ внесъ въ журналъ медиц. канцеляріи, что докторъ Де-Тейльсъ по болѣзни въ кампанію съ полками не пошелъ, а остался въ Переволочнѣ. А хотя онъ просилъ о возвращеніи его въ домъ свой, но «какъ для слабаго здоровья его такую большую гошпиталь, какъ московская имѣть быть, уже управить будетъ трудно, ибо во оной гошпитали для произведенія добрыхъ лѣкарей содержится 50 лѣбарскихъ учениковъ и особливо въ нынѣшнемъ военномъ времени многое число лѣкарей въ арміи требуются, того ради архіатеръ пишетъ

кабинету объ опредѣленіи бывшаго лейбъ-лѣкаря царевны Екатерины Ивановны Лаврентія Блюментроста, который нынѣ въ Москвѣ безъ службы обрѣтается, а именно склонить его чтобъ принять московскую госпиталь «госпитальнымъ докторомъ». Императрица приказала спросить Блюментроста, приметъ ли онъ это мѣсто и онъ отвѣчалъ утвердительно (16 ноября), а за тѣмъ (23 ноября 1738) утвержденъ въ должности съ жалованьемъ по 1500 р. изъ суммъ коллегіи эконومی.

Такимъ образомъ докторъ Де-Тейльсъ отчисленъ отъ московскаго госпиталя, но послѣ того еще около года пробылъ въ Переволочнѣ. Онъ отказывался отъ полевой службы, но скорѣе изъ самолюбія и зависти, чѣмъ изъ за болѣзни. Это выразилось въ донесеніяхъ его медіц. канцеляріи, вызвавшихъ новыя для него непріятности. Такъ, въ рапортѣ отъ 7 августа, увѣдомля архіатера о полученіи разныхъ указовъ, онъ между прочимъ упоминаетъ и о томъ, въ которомъ дано ему извѣстіе о назначеніи доктора Кондойди генераль-штабъ докторомъ, и прибавляетъ что «вѣроятно тотъ указъ присланъ токмо для извѣстія и надѣюся: (что) должность моя къ оному доктору Кондойди никакого отношенія не имѣетъ, ибо я россійской имперіи имѣю служить безпорочно во многихъ случаяхъ съ прошлаго 1712 года». Архіатеръ отвѣчалъ ему на это строгимъ замѣчаніемъ и формальнымъ приказаніемъ «рапортовать Кондойди» (т. е. подчиняться ему) о всѣхъ служебныхъ дѣлахъ. «Еда онъ Де-Тейльсъ генеральнымъ штабъ-докторомъ быть не можетъ, а можетъ быть и не желаетъ, того ради надлежитъ дабы въ ономъ чинѣ другой былъ, и понеже оному вѣдать надлежитъ коликое число больныхъ при арміи Е. И. В. имѣется и выдорывѣютъ, то надлежитъ о томъ ему и отъ прочихъ докторовъ давать извѣстіе и въ томъ репутація репортующаго соболѣзнована не будетъ»

Только по окончаніи кампаніи Де-Тейльсъ (30 сентября 1739) возвратился въ Москву и опредѣленъ докторомъ въ московскую губернію и при тамошнемъ магистратѣ.

Такимъ образомъ третьимъ докторомъ Московскаго генеральнаго госпиталя и директоромъ м. х. школы его былъ Л. Л. Блюментростъ, назначенный на эту должность 23 ноября 1738 года.

Это тотъ самый Лаврентій Лаврентьевичъ Блюментростъ, который съ молодыхъ лѣтъ былъ лейбъ-медикомъ и всюду сопровождалъ Петра I, а во второй половинѣ жизни первымъ президентомъ С.-Петербург-

своей академіи наукъ и наконецъ первымъ кураторомъ Московскаго университета. Онъ былъ москвичъ по рожденію, но старательно воспитанный и весьма образованный человекъ. Кажется, что онъ съ самаго ранняго возраста предназначался въ лейбъ-медики, учился медициной въ Германіи и Голландіи насчетъ русскаго правительства и по полученіи въ Лейденѣ докторскаго диплома, на казенный же счетъ путешествовалъ болѣе трехъ лѣтъ по Италиі, Франціи и Англии, а по возвращеніи въ Россію (1716) опредѣленъ придворнымъ медикомъ и по смерти д-ра Р. Эрскина произведенъ въ лейбъ-медики и безотлучно состоялъ при Петрѣ, I, пользуясь неограниченною его довѣренностію. Переживъ Петра I, Екатерину I и Петра II, онъ впалъ въ немилость при дворѣ и по высочайшему повелѣнію призванъ былъ къ допросу, вмѣстѣ съ лѣкаремъ Кристоф. Паульсономъ, у генерала Ушакова касательно болѣзни и смерти герцогини Мекленбургъ—шверинской Екатерины Ивановны (племянницы Петра I и матери Анны Леопольдовны, бывшей въ послѣдствіи правительницы при малолѣтнемъ Іоаннѣ III Ульриховичѣ). Это мрачное слѣдствіе, съ угрозою застѣвка и пытокъ, открыло никакой вины за Блюментростомъ и Паульсономъ; но одинъ изъ нихъ, Паульсонъ, сохранилъ прежнее мѣсто (въ кавалергардскомъ корпусѣ) и жалованье, а для Блюментроста послужило поводомъ къ удаленію его отъ службы безъ пенсіи и къ лишенію недоплаченнаго жалованья за прошлое время, со ссылкой на житье въ Москву. Этого несправедливое обвиненіе съ еще болѣе несправедливыми послѣдствіями его и было повидимому поводомъ для архіатера Фишера искать средствъ къ облегченію участи Д. Блюментроста, съ удаленіемъ его отъ центра придворныхъ интригъ и опаснаго новаго столкновенія ихъ.

ГЛАВА V.

Учители московской госпитальной школы въ дальнѣйшихъ періодахъ существованія ея. Учрежденіе доцентуръ и профессоръ.

Старшіе доктора Московскаго генеральнаго госпиталя. Первыми, хоть и не единственными, учителями въ московской госпитальной школѣ были медицинскіе чины московскаго генеральнаго гос-

питая. Началось это съ Н. Бидзоо и продолжалось почти при всѣхъ преемникахъ его.

Когда Я. Л. Блюментростъ вступилъ въ управленіе Московскимъ генеральнымъ госпиталемъ и школою этого госпиталя ему было только 46 лѣтъ отъ роду: но различныя потрясенія и тревоги жизни ослабили уже энергію его. Кромѣ того, приготовляясь съ ранней молодости въ лейбъ-медики, онъ едва ли былъ готовъ и способенъ къ тѣмъ обязанностямъ, которыя неразлучны съ управленіемъ медико-хирургическимъ училищемъ. Самъ онъ, конечно, могъ и не учить своихъ воспитанниковъ, т. е. не брать на себя систематическаго преподаванія какой либо науки; но дисциплина школы и госпиталя, надзоръ за лѣченіемъ больныхъ (*praxis medica*), мелочныя и ежедневныя заботы и хлопоты о ходѣ преподаванія и средствахъ къ продолженію и расширенію его, но жизнь совсѣмъ не похожая на ту, какую онъ велъ при дворѣ почти двадцать лѣтъ, сперва уваженіе и почетъ среди самыхъ почетныхъ лицъ въ продолженіе трехъ царствованій, а потомъ ссылка и матеріальныя лишенія съ непрерывною угрозою безвозвратной гибели: всѣ эти обстоятельства не могли не отражаться на характерѣ директора школы и на самой школѣ. Онъ сдѣлался раздражителенъ, требователенъ и неподатливъ въ своихъ требованіяхъ, высокомеренъ и заносчивъ со всѣми, кого считалъ ниже себя. Всего замѣтнѣе выразалось это въ непрерывныхъ столкновеніяхъ его съ коллегіею экономіи и съ св. синодомъ, по поводу госпитальныхъ построекъ и снабженій, и въ постоянныхъ жалобахъ на недостатокъ матеріальныхъ средствъ для госпиталя и его училища. Нельзя однакожь не прибавить, что успѣхи московской госпитальной школы были весьма замѣтны и не только не ниже, но гораздо выше успѣховъ другихъ госпитальныхъ школъ. Можетъ быть это слѣдовало бы приписать постоянной и энергической помощи архіатера Фишера, никогда не терявшаго изъ виду этого первоначальнаго, но самаго прочнаго и надежнаго изъ госпитальныхъ медицинскихъ училищъ того времени.

Одновременно съ развитіемъ госпитальной школы, съ расширеніемъ преподаванія и потребностей въ учебныхъ пособіяхъ, естественно должны были возрасти и требованія преподавателей. Число учениковъ, положимъ, не измѣнялось, но укоротился курсъ ученія, увеличилось число преподавателей, увеличилось число больныхъ въ госпиталѣ, увеличилось количество учебной работы, и все это потребовало

увеличенія денежныхъ расходовъ и матеріальныхъ средствъ. Это была уже не притязательность доктора, а необходимая и постоянно возростающая потребность училища. Св. синодъ смотрѣлъ неблагоклонно на эти доводы, тѣмъ болѣе, что докторъ Д. Блюментростъ рѣдко бралъ на себя трудъ подробно развѣивать ихъ, ограничиваясь болѣею частію законическимъ и иногда надоедливымъ и высокоумнымъ требованіемъ денегъ и расходовъ. Съ теченіемъ времени св. синодъ высказывалъ не только недовольство лишними расходами, но и полное желаніе сложить съ себя всѣ заботы и обязанности по отношенію къ московскому госпиталю, т. е. передать его въ какое либо другое вѣдомство, и всего естественнѣе въ военное. Черезъ это мысль Петра Великаго, положенная въ основаніе московскаго госпиталя съ его медико-хирургическимъ училищемъ, т. е. та мысль, что монастыри и ихъ богатства должны существовать для призрѣнія и лѣченія больныхъ, конечно извращалась и упразднялась, а д-ръ Д. Д. Блюментростъ даже и не пробовалъ отстоять и защитить ее. Едва ли впрочемъ помогло бы чему нибудь его заступничество, такъ какъ передача московскаго госпиталя изъ вѣдомства синода въ вѣдомство комиссаріата понемножку, но старательно подготовленная комиссаріатскими чиновниками, сулила имъ слишкомъ очевидныя и большія выгоды, чтобы можно было рѣшиться пересиливать ихъ вліяніе и стараться вырвать у нихъ лакомый кусокъ, уже поднесенный ко рту. Докторъ Д. Д. Блюментростъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ съ самаго начала сблизился съ синодомъ, что ему и не трудно было исполнить, старательно обсудилъ возможные послѣдствія своего высокоумія и отказался бы отъ него, а чрезъ то избавилъ бы московскій госпиталь отъ комиссаріатской эксплуатаціи, превратившей его въ концѣ столѣтія въ груду развалинъ. Но онъ не предвидѣлъ этого, потому что едва ли много вдумывался въ обыденную жизнь и госпиталю и школы. Онъ не замѣчалъ, что во все время его управленія госпитальная школа годъ отъ году отодвигалась назадъ, а комиссаріатская часть госпиталя болѣе и болѣе выдвигалась впередъ. Понятно, чѣмъ больше госпиталь, чѣмъ больше контрактовъ и подрядовъ, тѣмъ больше въ магазинахъ его «усушки и утечки», тѣмъ больше попадетъ въ карманъ комиссаріатскимъ дѣльцамъ. При синодальномъ управленіи не бывало ни подрядовъ, ни контрактовъ. Коллегія экономіи считала госпиталь своимъ учрежденіемъ, снабжала его всѣмъ нужнымъ не по штатамъ, а всегда выше штатовъ и не тужила объ этомъ. Не всели ей было

равно истратить лишній десятокъ четвертей хлѣба на какую либо лавру или на госпиталь. Но такъ разсуждала она до тѣхъ только поръ. пока считала госпиталь своимъ учрежденіемъ. Совсѣмъ другія пошли разсужденія, когда вмѣшался въ дѣло комиссары критесъ-коммисариата. На сцену выдвинуть былъ законный штатъ и предложено довольствоваться тѣмъ, что въ немъ написано. Издержки вдругъ должны были собратиться и это почувствовали какъ комиссары отъ военнаго вѣдомства, такъ и старшій госпитальный докторъ (онъ же и директоръ школы). Столкновенія, неприятности посыпались какъ градъ, стуча и ушибая. и все это невольно отражалось на госпитальной школѣ.

Докторъ Л. Л. Блюментростъ не сдѣлалъ ни одного шага для удержанія госпиталя въ вѣдѣніи синода и предоставилъ дѣла естественному ходу ихъ. Но онъ все-таки не могъ оставаться безучастнымъ въ дѣлѣ, потому что не легко было высвободиться изъ подъ вліянія синода по учебной части, а именно по части укомплектованія госпитальной школы учениками. И вотъ въ этомъ то пунктѣ потерпѣлъ онъ много неудачъ и затрудненій. Впрочемъ только двумя мѣсяцами пережилъ онъ передачу московскаго госпиталя въ вѣдомство коммисариата: умеръ 27 марта 1755 въ С.-Петербургѣ и похороненъ на Выборгской сторонѣ подлѣ Самсоновской церкви.

На мѣсто умершаго Л. Блюментроста опредѣленъ старшимъ докторомъ грекъ изъ Эпира, учившійся въ Падуѣ и Болоньѣ, Анастасій Ника (*Anastasius Nica*), съ обязательствомъ «въ свободное время давать лекціоны на латинскомъ діалектѣ подлѣ варьями ученикамъ анатомическаго и хирургическаго курсовъ и при пользованіи обучать въ клинической практикѣ.» съ жалов. по 600 р. впредъ до усмотрѣнія и съ квартирою въ госпиталѣ (13 мая 1755). Въ послѣдствіи и служба его и преподаваніе въ школѣ очень одобрялись и за нихъ въ 1758 году прибавлено было 200 р. къ его жалованью. Но управлявшій дѣлами медицинской канцеляріи докторъ Лерхе не любилъ и тѣснилъ его. Поэтому онъ началъ проситься въ Васильковскій карантинъ и переведенъ туда (8 февраля 1761), а на его мѣсто, старшимъ докторомъ госпиталя, переведенъ изъ карантина докторъ Христ. Влад. Ломанъ.

Д-ръ Владиміръ Ломанъ (*Christian Woldemar Lohmann*), родомъ лифляндецъ, принятъ въ русскую службу 15 августа 1741 года дивизионнымъ докторомъ при разныхъ дивизіяхъ, а потомъ пограничнымъ карантиннымъ докторомъ въ Васильковѣ. Переведенъ старшимъ

докторомъ (17 июля 1761) въ московскій генеральный госпиталь, помѣнявшись мѣстами съ докторомъ Нибю. Онъ любилъ передѣлку и перестройку зданій. находившихся въ зависимости отъ него и предлагалъ перестройку карантинновъ и московскаго госпиталя: но предложенія его большею частью были напрасны и трудно исполнимы (напримѣръ перенесеніе московскаго госпиталя на другое мѣсто), а потому и не исполнялись. Не ладилъ съ инспекторомъ госпиталя генералъ майоромъ Андреемъ Фаминцинымъ, въживавшимся въ незнакомыя ему специально-медицинскія распоряженія. Наскучивъ этими вляузями, Ломанъ просилъ другого мѣста и переведенъ (13 декабря 1764 года) старшимъ докторомъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь.

На его мѣсто въ московскій госпиталь опредѣленъ (13 декабря 1764) младшій докторъ Спб. генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя Кондратій Даль (*Konrad Dahl*), преподававшій въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ анатомию и хирургию. Онъ былъ родомъ изъ Пернова, въ Лифляндіи, учился въ Галле и тамъ же получилъ докторскій дипломъ. Получивъ право практики въ Россіи, онъ далъ присягу на вѣрность русской службѣ 25 октября 1753 года.

Въ турецкую войну 1770 года докторъ К. Даль назначенъ былъ генераль-штабъ-докторомъ 2 арміи, подъ командою графа П. И. Панина, а на мѣсто его переведенъ бывшій генераль штабъ-докторъ (или по указу 28 февраля 1762 года, протомедикусъ арміи или главный полевой докторъ) Афанасій Филимоновичъ Шафонскій. Онъ назначенъ сперва исправляющимъ должность старшаго доктора московскаго генеральнаго госпиталя (27 июля 1769 года), а потомъ утвержденъ въ этой должности. Ему пришлось бороться съ страшною чумою въ Москвѣ, которая потомъ весьма подробно и описана имъ. Разумная заботливость о благоустройствѣ госпиталя и многія нововведенія, облегчившія внутреннюю госпитальную службу, сохранили память его въ Москвѣ до поздняго потомства.

Послѣ доктора А. Ф. Шафонскаго, переведеннаго штабъ-физикомъ въ Москву, старшимъ докторомъ московскаго генеральнаго госпиталя опредѣленъ (18 июля 1776 года) дивизионный докторъ Акимъ Раушертъ (*Joh. Joachim Rauscherl*), съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ. Умеръ 23 февраля 1796 года отъ воспаления легкихъ (*regipneumonia*).

На его мѣсто опредѣленъ проживавшій тогда въ Москвѣ докторъ

Альф. Франція (*Al. Francia*), родомъ изъ Болоньи и учившійся въ итальянскихъ университетахъ. Онъ участвовалъ во многихъ военныхъ походахъ подъ главною командою графа А. И. Румянцева и свѣтлѣйшаго князя Потемкина и пользовался расположеніемъ обоихъ.

Не долга впрочемъ была служба его въ этомъ госпиталѣ. Въ декабрѣ 1798 года онъ тяжело захворалъ водяною болѣзнію, отъ которой и умеръ (8 января 1799). Но еще при жизни его (14 января 1799 года) опредѣленъ старшимъ докторомъ московскаго генеральнаго госпиталя докторъ Иванъ Григорьевичъ Миндереръ (*Johann Martin Minderer*), бывшій тогда инспекторомъ Слободскоукраинской врачебной управы. Это назначеніе застало его въ Дубенскомъ и Кременецкомъ повѣтахъ, среди заботъ о прекращеніи чумы. Да и послѣ этого онъ долго еще переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто въ Подольской и Волынской губерніяхъ, гоняясь за чумою или за слухами объ ней, такъ что получилъ указъ коллегіи о своемъ новомъ назначеніи только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Миндереръ оставилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣтокъ о бытѣ, успѣхахъ и печаляхъ врачей нашихъ въ прошломъ столѣтіи.

Младшіе доктора Московскаго генеральнаго госпиталя. Въ Московскій госпиталь поздно вошли «младшіе доктора» (*doctores s. docens*), не смотря на то что онъ подчинился «Регламенту о госпиталяхъ» и долженъ былъ немедленно прискаты и принять ихъ. Причина въ томъ, что штатъ госпиталя и суммы къ выполненію его зависѣли все еще отъ св. синода, а синодъ неохотно смотрѣлъ на вмѣшательство комиссаріата въ госпитальныя дѣла и еще неохотнѣе давалъ деньги на увеличеніе штата, при составленіи котораго вовсе не спросили его мнѣнія. Стольновенія были непріятныя и архіатеръ Фишеръ старался избѣгать ихъ. Докторъ Л. Бюментростъ не умѣлъ или не хотѣлъ сглаживать ихъ, а только жаловался на свое затруднительное положеніе, что ни мало не улучшало дѣла. Между тѣмъ московская школа ослабѣвала отъ недостатка учебнаго личнаго состава и отъ малой подвижности и устарѣлости его. Это-то и заставило архіатера дополнить штатъ московскаго госпиталя своими собственными средствами, т. е. платить жалованье младшимъ докторамъ, какъ преподавателямъ школы, изъ медицинской канцеляріи, до тѣхъ поръ, пока начавшаяся переписка о передачѣ госпиталя въ комиссаріатъ не приведена еще была къ окончанію. Такимъ образомъ опредѣленъ былъ въ московскій госпиталь младшимъ докторомъ Иванъ Рейхенау (*Johann Val-*

roth Reichelau), родомъ пруссакъ, учившійся въ Галле и принятый по экзамену въ русскую службу 2 ноября 1751 года, «для показанія лѣкарскимъ ученикамъ анатоміи и для присмотру въ пользованіи больныхъ по приказаніямъ д. ст. с. Блюментроста». Но онъ не тотчасъ поѣхалъ въ Москву, — хотя тамъ и нуждались въ преподавателѣ, потому что не было ни младшаго доктора, ни оператора — а оставленъ на нѣкоторое время въ Петербургѣ, «съ тѣмъ чтобы надъ кадаверами секціи и демонстраціи чинилъ». Жалованье назначено ему изъ медицинской канцеляріи на счетъ статсъ-конторы (т. е. изъ суммы определенной указомъ сената 20 іюня 1750 года для сверхштатныхъ докторовъ, въ 2000 р.) по 300 р., съ казенною квартирою и прислугою. Уѣхалъ въ Москву 2 марта 1752 года и немедленно вступилъ тамъ въ должность.

Но онъ не зналъ ни одного слова порусски и это очень затрудняло преподаваніе и замедляло успѣхи его. Такъ, напримѣръ, въ первый же годъ службы въ Москвѣ Рейхенау получилъ приказаніе ѣхать въ Калугу и освидѣтельствовать тамъ бригадира Хомякова, отказавшагося по болѣзни командовать войсками посланными туда «для усмиренія крестьянскаго бунта». Онъ согласился ѣхать, но ссылаясь на незнаніе русскаго языка требовалъ переводчика и переводчикомъ поѣхалъ съ нимъ лѣкарь при московской аптекѣ Рудольфъ Фризе.

Въ февралѣ 1754 года утверждено правит. сенатомъ представленіе директора медіц. канцеляріи объ учрежденіи «доцентуръ» при учебныхъ госпиталяхъ, съ особою для нихъ инструкціею. Въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовало распредѣленіе наличнаго доцентскаго персонала и при этомъ докторъ Рейхенау переведенъ въ Бронштадтскій госпиталь, а на мѣсто его (въ московскій госп.) проживавшій въ Москвѣ докторъ Адольфъ Винклеръ (*Adolph Bernhard Winkler*) (18 февраля 1754). Но онъ не ужился въ госпиталѣ по буйному характеру и черезъ годъ удаленъ оттуда, подъ предлогомъ что «потребенъ къ опредѣленію въ другое мѣсто», и прикомандированъ въ медицинскую канцелярію, куда однакожь отказался ѣхать, такъ что принуждены были «требовать его чрезъ медицинскую контору».

На его мѣсто опредѣленъ состоявшій въ Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ безъ жалованья (22 іюля 1755) докторъ Иванъ Петаля а Брилъ (*Johannes Demetri Petala a Bryll*): но едва пріѣхавъ въ Москву, онъ захворалъ горячкою и умеръ отъ нея (17 сентября 1755 года).

На его мѣсто опредѣленъ (14 августа 1756) докторъ Каэтано Мира (*Sajetanus Mira*), уроженецъ изъ гор. Лукви, учившійся въ Падуанскомъ университетѣ и получившій тамъ дипломъ, а потомъ два года занимавшійся госпитальною практикою во Флоренціи. По экзамену получилъ право практикн (13 августа 1756) и на другой день опредѣленъ въ московскій госпиталь, съ жалов. по 300 р. и казенною квартирою. Однакожь онъ не прожилъ и года въ Москвѣ и назначенъ въ Рижскій полевой госпиталь, а на его мѣсто присланъ (22 мая 1757) докторъ Акимъ Раушертъ (*Joachim Rauschert*), рижскій уроженецъ.

Докторъ А. Раушертъ учился въ Тюбингенѣ (съ 1744 по 1751), а потомъ, пробывъ четыре года въ Лейденѣ, переѣхалъ въ Берлинъ и снова поѣхалъ въ Лейденъ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De carie ossium*, 1-го ноября 1756. По экзамену принять въ службу и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ московскій госпиталь.

Но и онъ прожилъ здѣсь не болѣе года по совершенно случайному обстоятельству. Въ ревелскомъ полевомъ госпиталѣ не ладилъ между собою докторъ Кноблохъ и комиссаръ поручикъ Фуксъ, ссылавшійся на маіора Йескуля, и этотъ разладъ вредилъ больнымъ. Кноблохъ жаловался сперва оберъ-коменданту генералъ-маіору фонъ-Паникау, но не получилъ никакого отвѣта; потомъ пожаловался медицинскою канцеляріи, донося, что поручикъ Фуксъ не даетъ нужныхъ вещей (ветоши, рубашекъ, портковъ, простынь) и больные лежатъ въ грязи и умираютъ; ордеровъ не принимаетъ и регламента знать не хочетъ, увѣряя что у него нѣтъ никакого регламента, кромѣ адмиралтейскаго. Больныхъ было 900 человекъ и Кноблохъ просилъ отставки «за третнюю лихорадкою» и за невозможностію улучшить положеніе больныхъ въ госпиталѣ. Медицинская канцелярія старалась успокоить его, послала экземпляръ «Регламента» и назначила въ помощь ему доктора Раушерта изъ Москвы (15 мая 1758), а между тѣмъ снеслась съ военною коллегіею и съ комиссаріатомъ.

На мѣсто Раушерта назначенъ въ Москву младшимъ докторомъ Мартинъ Кюнбаумъ (*Martin Kühnbaum*), уроженецъ изъ гор. Гарца въ Помераніи. Онъ и прежде былъ уже въ русской службѣ лѣкаремъ (съ 1749 по 1753), а потомъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Лейденъ для окончанія образованія. Пробывъ тамъ одинъ годъ, онъ представилъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Pausa circa respirationem*

istiusque usum experimenta и получил докторский дипломъ. Возвратившись въ С.-Петербургъ онъ былъ экзаменованъ, получилъ право практики и тотчасъ же назначенъ (23 октября 1758) младшимъ докторомъ въ московскій госпиталь. Но ему не хотѣлось ѣхать въ Москву. Онъ просилъ назначить его въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь и коллегія измѣнила свое опредѣленіе и оставила его въ этомъ послѣднемъ госпиталѣ (11 декабря 1758). Онъ страдалъ чахоткою и умеръ 5 июня 1759 года.

Здѣсь кажется былъ перерывъ въ ряду доцентовъ, но очень непродолжительный. Вакантное мѣсто предоставлено было доктору Константину Ивановичу Щепину и это былъ такой ученый человекъ и такой учитель, какого не вѣдывали еще госпитальные школы.

Б. Н. Щепинъ, уроженецъ изъ гор. Вятки, служилъ переводчикомъ при Спб. академіи наукъ и въ этомъ званіи отправленъ былъ въ 1753 году въ чужіе края и особенно въ Голландію, для усовершенствованія въ ботаникѣ и другихъ естественныхъ наукахъ. Пробывъ тамъ три года онъ приобрѣлъ репутацію ученаго и даровитаго человека. По этой репутаціи медицинская канцелярія придумала перенять его въ свою службу и внести чрезъ него преподаваніе естественныхъ наукъ въ госпитальные школы. Но отдастъ ли его академія наукъ? Медицинская канцелярія спросила объ этомъ, и академія отвѣчала, что охотно отдастъ, если только медпц. канцелярія уплатитъ ей ту сумму (1060 рублей), которая истрачена на его путешествіе и ученіе за границу. Сумма не большая, но ея не было. Поэтому Бондонди обратился къ сенату и представилъ, что денегъ у медицинской канцеляріи нѣтъ, «но въ разсужденіи представленныхъ резоновъ и добраго мед. канц. намѣренія, за недостаткомъ денежной суммы на заплату какъ въ академію наукъ вышеописаннаго числа денегъ, такъ и на содержаніе Щепина при Лейденской академіи еще два года для совершенія наукъ», просила сенатъ учинить ей вспоможеніе и отпустить до 2000 р. безвозвратно. Сенатъ приказалъ выдать просимыя деньги изъ штатсъ-конторы (27 августа 1756 года). Медпц. канцелярія тотчасъ же выслала академіи наукъ 1060 рублей и получила увѣдомленіе, что Щепинъ исключенъ изъ вѣдомства академіи. Увѣдомивъ объ этомъ Щепина, медицинская канцелярія рекомендовала ему «стараться получить совершенство въ медицинѣ по всякъ частямъ ея и особенно въ ботаникѣ, химіи, естественной исторіи вообще и въ аптекарскомъ искусствѣ, дабы докторскій градусъ

воспріять могъ, какъ скоро того удостоенъ будетъ и отъ времени до времени рапортами своими медиц. канцеляріи оказавъ опыты своихъ успѣховъ. Щепинъ получилъ наконецъ докторскій дипломъ въ Лейденѣ; напечатавъ и защитивъ диссертацию—*De acido vegetabili cum annotationibus botanicis* (19 мая 1758 года)—и посвятивъ ее имени императрицы Елизаветы Петровны. Получивъ это извѣстіе, медиц. канцелярія предложила Щепину поѣхать въ Парижъ и стараться прибыть туда въ концѣ апрѣля по новому стилю, «ибо обыкновенно тамъ всѣ годовыя операціи отъ каменной, отъ глазныхъ и отъ прочихъ болѣзней чинятся въ маѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, которыя ему видѣть и примѣчанія чинить тщатися, между тѣмъ и о обрядахъ и порядкахъ тамошнихъ госпиталей, аптекъ, ботаническихъ садовъ и всего что касаться можетъ до медицинскаго дѣла все прилежное и попечительное имѣть стараніе навѣдаться и учиться и тѣмъ свое приумножить знаніе и присовокупить искусство, также съ тамошними въ медицинѣ и ея частяхъ, въ физикѣ и вообще въ исторіи натуральной славными и учеными людьми учинить знакомство и съ ними имѣть бесѣды въ свою пользу, еще о обрядахъ и порядкахъ тамошнихъ въ рудокопномъ дѣлѣ стараться получить возможное извѣстіе». А чтобы онъ успѣлъ все это выполнить, медиц. канцелярія предложила ему остаться еще во Франціи до конца сентября 1758, и тогда, ежели будетъ возможно и безопасно, изъ какой либо ближайшей французской гавани переѣхать на нейтральномъ кораблѣ въ Лондонъ, а если этого нельзя будетъ сдѣлать, то опять возвратиться въ Голландію и обыкновенною дорогою переѣхать въ Лондонъ и прожить тамъ всю зиму для ознакомленія съ тѣми же предметами, какіе выше означены относительно Франціи. «Особенно же въ Англіи о тамошнихъ обрядахъ и порядкахъ въ рудокопномъ дѣлѣ всячески стараться вѣрныя получить извѣстія», и весною 1759 года отправиться на первовидущихъ корабляхъ въ С.-Петербургъ. Щепинъ исполнилъ все это. Получивъ въ Лейденѣ докторскій дипломъ, онъ поѣхалъ черезъ Амстердамъ въ Лондонъ, а оттуда опять возвратился въ Голландію и поѣхалъ въ Парижъ; оттуда опять черезъ Голландію хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, но на пути застигнутъ былъ бурей, прибылъ въ Еопенгагенъ, гдѣ корабль и бросилъ его. Поэтому взявъ отъ посланнина паспортъ, онъ поѣхалъ въ Эльзеноръ и не найдя ни одного корабля, который бы отплывалъ въ Россію, поѣхалъ сухимъ путемъ въ Христіанстадтъ и Стокгольмъ, а оттуда на кораблѣ въ Ревель,

куда и прибылъ 3 августа, а пзъ Ревеля въ С.-Петербургъ 10 августа 1759 года. Бывъ въ Стокгольмѣ онъ познакомился съ архіатеромъ Линнеусомъ, принять былъ имъ «такъ ласково, что жалъ было разставаться съ нимъ» и при прощаньи получилъ нѣсколько сочиненій его. Явившись по прїѣздѣ въ медицинскую канцелярію, онъ представилъ благодарственный рапортъ «за принятое ею объ успѣхахъ его стараніе и милостивое призрѣніе», подвергнутъ былъ экзамену, получилъ право практики (22 сентября 1759) и опредѣленъ состоять при медпцннской канцеляріи, съ жалованьемъ по 600 р. пзъ суммы «на изысканіе naturalium».

И здѣсь, какъ въ программѣ ученаго путешествія, П. З. Кондоиди старался выяснитъ новичку-доктору всѣ тѣ обязанности, которыя будутъ лежать на его заботѣ и отвѣтственности, а равно и способы выполненія ихъ. Въ данной ему *инструкціи* сказано, въ видѣ указа отъ медицинской канцеляріи:

1) дать Щепину одну палату въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ съ разными больными, которыхъ и лѣчить ему, живя въ согласіи съ старшимъ докторомъ и въ трудныхъ случаяхъ совѣтуясь съ нимъ. Бздитъ ему въ госпиталь по меньшей мѣрѣ трижды въ недѣлю, а когда нужда потребуетъ и чаще, какъ для пользованія больныхъ, такъ и для призыванія болѣзней и дѣйствія лѣкарствъ, о чемъ почасту репортовать главному директору медицинской канцеляріи. О выздоровѣвшихъ и умершихъ доносить старшему доктору и съ позволенія его „анатомить, единственно когда уповается найти что полезное къ познанію или изъясненію вины болѣзни и смерти или дѣйствія употребленныхъ способовъ лѣченія, каковое записывать обстоятельно“. 2) Для помощи дать ему одного подлѣкаря и нужное число учениковъ, которымъ ничего не дѣлать безъ его вѣдома, а при анатоміи помогать ему, и во всемъ прочемъ оставаться въ послушаніи госпитальнаго доктора и главнаго лѣкаря, а потому въ отсутствіи Щепина обращаться къ нимъ касательно больныхъ, еслибъ что съ ними случилось. 3) Присутствовать въ медицинской канцеляріи при экзаменахъ лѣкарей, подлѣкарей и учениковъ, равно аптекарей, гезелей и аптекарскихъ учениковъ и подписывать аттестаты ихъ. 4) Время отъ времени имѣть поличительное стараніе о приведеніи въ порядокъ и описаніи имѣющихся въ медицин. канцеляріи naturalium. 5) Самоприлежно стараться пріобрѣсти основательное знаніе государственныхъ правъ и приказнаго дѣла, «наипаче поколику принадлежитъ до медицинской канцеляріи».

К. И. Щепинъ старательно ознакомился со всѣми указанными ему обязанностями и онѣ не удовлетворили его. Онъ видѣлъ въ нихъ

только мелочи практической жизни, упражненіе природной сметливости, безъ глубокаго движенія мысли, и не чувствовалъ ни одной изъ тѣхъ внутреннихъ радостей, которыя даются учеными работами или примѣненіемъ научныхъ знаній къ ослзательнымъ цѣлямъ и потребностямъ. Очевидно, это было не то, къ чему онъ приготовлялъ себя. Онъ не находилъ въ себѣ ни малѣйшей склонности къ административнымъ занятіямъ. Но эти занятія указали ему еще одинъ родъ дѣятельности, который до сихъ поръ не былъ ему извѣстенъ. Это именно полевая медицинская служба, о которой не по чему ему было составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе. Поэтому, желая пополнить и этотъ пробѣлъ знаній и опыта, онъ сталъ проситься въ армію, приготовляющуюся къ заграничному походу, хоть на одну кампанію, съ цѣлью ознакомленія съ потребностями полевой медицинской службы и съ средствами къ удовлетворенію этихъ потребностей. Надобно же было случиться, что судьба подготовила и средства къ удовлетворенію желанія Щепина. Въ Москвѣ формировался въ это время (для 7 лѣтней войны) обсервационный корпусъ изъ Московской дивизіи и дивизионный докторъ ея Иванъ Люпсъ, по причинѣ болѣзненнаго состоянія, отказался идти въ заграничный походъ. Напрасно уговаривали его не отказываться отъ должности, напрасно ссылались на законъ, запрещающій отказываться отъ службы въ военное время: онъ стоялъ на своемъ и даже подалъ въ отставку.

На это-то мѣсто и опредѣленъ былъ Щепинъ, съ званіемъ дивизионнаго доктора московской дивизіи, съ жалов. по 600. При отправленіи его въ армію, ему дали, между прочимъ, приказаніе осмотрѣть при заграничномъ походѣ всѣ могущіе встрѣтиться иностранные госпитали и затѣмъ остаться тамъ, куда назначить его генераль-штаб-докторъ арміи докторъ Кулеманъ (8 іюня 1760).

Щепинъ уѣхалъ, а Люпсъ уволенъ отъ службы ¹⁾. Но Люпсъ вовсе не желалъ оставлять службы. Онъ только боялся заграничнаго

1) Докторъ Иванъ Люпсъ (*Johann Lups*), московскій уроженецъ, учился medicinѣ въ Лейденѣ съ 1739 по 1748 и получивъ тамъ докторскій дипломъ, прожилъ еще годъ въ голландской службѣ. Потомъ поѣхалъ въ Парижъ учиться акушерству и прожилъ тамъ тоже одинъ годъ. Возвратившись въ Москву принятъ на службу (19 мая 1752) при медиц. конторѣ для командировокъ, съ жалов. 300 р. Въ 1754 опредѣленъ въ армію дивизионнымъ докторомъ и переходилъ изъ одной дивизіи въ другую, пока не получилъ отставки въ 1760 году. Человѣкъ былъ хворый, мнительный и иногда болѣзненно самолюбивый.

похода, по причинѣ дѣйствительной хворости. Поэтому весной 1761 года онъ опять просился въ службу, и именно въ учебную службу, читать лекціи въ московскомъ госпиталѣ, и опредѣленъ (7 мая 1761) вторымъ лекціоннымъ докторомъ, «для преподаванія по компендію Шрейдера», съ жалованьемъ по 600 р. съ тѣмъ чтобы «препараты къ лекціямъ готовить оператору, равно и операции дѣлать». Люисъ обидѣлся этимъ назначеніемъ. Выставляя на видъ давность своей службы, онъ не желалъ быть младшимъ докторомъ подъ командою старшаго и просилъ опредѣлить его въ госпиталь съ такими же правами, какими пользовался покойный профессоръ Шрейберъ въ спб. госпиталяхъ, т. е. товарищемъ старшаго доктора, а не подъ командою его. Но управлявшій медицинскою канцеляріею докторъ Лерхе отвѣчалъ ему, что если Люисъ не хочетъ принять должность такъ, какъ ему предложено, то будетъ совсѣмъ уволенъ отъ службы. Люисъ повиновался, но не вынесъ обиды, захворалъ и 10 декабря 1761 года умеръ.

Между тѣмъ дивизионный докторъ К. И. Щепинъ пошелъ въ походъ, продвинулся съ войсками за границу и получалъ въ свое завѣдываніе въ Пруссіи Вишофъ-Вердерскій военно-походный госпиталь, въ которомъ лѣчились и русскіе и прусскіе больные и раненые. Такъ прошло болѣе года. Госпитальная заграничная служба такъ была однообразна, что не представляла уже никакого интереса. Щепинъ наконецъ соскучился ею и написалъ медиц. канцеляріи, что онъ тамъ бесполезенъ, что поѣхалъ въ армію съ единственною цѣлью узнать порядки службы, чего и достигнулъ, и что главная задача его жизни быть преподавателемъ, а не лѣчащимъ докторомъ, каковымъ можетъ быть и всякій учившійся медицинѣ, и что наконецъ онъ не для того всему учился и особенно естественной исторіи, а потому просилъ отозвать его изъ арміи и назначить куда либо преподавателемъ. Медицинская канцелярія не отказала въ просьбѣ; на мѣсто Щепина назначила дивизионнымъ докторомъ доктора Каэтано Мира, а госпиталь приказала сдать на время какому либо штабъ-лѣкарю и ѣхать въ С.-Петербургъ. Щепинъ сдалъ всѣ дѣла штабъ-лѣкарю Иог. Рудольфу Фризе и 6 фев. 1762 года уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь уже ожидало его назначеніе докторомъ преподавателемъ въ московскомъ госпиталѣ (8 марта 1762), съ обязательствомъ представить медиц. канцеляріи программу лекцій и распредѣленіе ихъ. Жалованье положено ему прежнее (по 600р.), но изъ особой суммы, специально назначенной сенатомъ 5 марта

*

1760 года на содержаніе преподавателей въ учебныхъ госпиталяхъ, и съ квартирою въ госпиталѣ.

Никогда еще ни одинъ лекціонный докторъ не преподавалъ такъ пространно и такъ много предметовъ, какъ Щепинъ. Предметами были: анатомія, физиологія, хирургія. Это были обязательные курсы съ утвержденными и постоянными росписаніями. Кроме того, въ свободное время преподавалъ онъ фармакологию (*materia medica*) и ботанику. Въ промежуткахъ читалъ патологию и клиническія лекціи. Для каждаго предмета составлена была имъ особая и весьма пространная программа. Наконецъ К. И. Щепинъ первый началъ знакомить учениковъ въ своихъ лекціяхъ съ естественными минеральными водами, привозившимися изъ за границы, и ему давали по одной бутылкѣ водъ для лекцій на счетъ особой учебной суммы.

Вообще онъ такъ заботился объ улучшеніи и расширеніи преподаванія, что давалъ лекціи даже по вечерамъ, чтобы не мѣшать другимъ дѣламъ. Ему очень хотѣлось описать московскую флору, но за краткостью времени не успѣлъ этого сдѣлать.

Заботился онъ также и о благосостояніи школы. Весною 1764 года вошелъ онъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ въ ней унизительныхъ тѣлесныхъ наказаній, хоть и безуспѣшно. «Ученики московскаго госпиталя (писалъ онъ 30 апрѣля 1764) наказываются за шалости иной стуломъ съ цѣпью, другой лозами, а иной палками, одинаково съ прочими подлаго состоянія людьми: нельзя ли отмѣнить таковыя наказанія и приказать учредить карцеръ, для содержанія ихъ тамъ за вины на хлѣбѣ и водѣ, но давать имъ туда книгу, чтобы не теряли времени втунѣ, а на лекціи выпускать и изъ карцера, а потомъ опять туда запираеть». Коллегія отвѣчала, что теперь ничего не можетъ сдѣлать, пока составлено будетъ новое медицинское учрежденіе и потому надо подождать ни чего не отмѣняя (17 мая 1764).

√ Преподаваніе его продолжалось ровно два года, а именно съ весны 1762 до лѣта 1764 года, когда онъ вытребованъ былъ въ С.-Петербургъ, для «опредѣленія при петербургскихъ госпиталяхъ».

Дѣйствительно, онъ причисленъ былъ къ слб. генеральному сухопутному госпиталю и получилъ порученіе преподавать тамъ анатомію и хирургию на русскомъ языкѣ. Программы его лекцій сохранились до настоящаго времени. Преподаваніе это было затруднительно по невыработанности анатомической номенклатуры. Щепинъ самъ говоритъ, увѣдомляя коллегію о томъ что онъ началъ уже преподаваніе (16 октября 1764),

что преподавать порусски весьма трудно, «ибо я на латинскомъ языкѣ десять коллегій прочитаю лучше, нежели на русскомъ одну». Это былъ послѣдній учебный годъ его преподавательской дѣятельности: по опредѣленію медц. коллегіи 10 апрѣля 1766 года онъ исключенъ изъ службы, съ лишеніемъ права врачебной практикы въ Россіи и съ запрещеніемъ выѣзда за границу—«за безпрерывное пьянство»!

На его мѣсто—младшимъ докторомъ въ московскій госпиталь—опредѣленъ (13 декабря 1764 года) докторъ Иог. Бишопфъ (*Johann Ernest Bischoff*), съ жалов. по 300 р. и съ казенною квартирою до смотрѣнія. Вступилъ въ должность 5-го марта 1765 года.

Докторъ Иог. Бишопфъ, уроженецъ изъ гор. Ильма Тюрингенскаго, учился въ Йенскомъ университетѣ съ 1742 по 1747, а въ 1750 представилъ диссертацию въ Эрфуртскій университетъ и получилъ докторскій дипломъ. Затѣмъ занимался десять лѣтъ въ гор. Чернигѣ въ Саксоніи. Принятъ въ русскую службу по экзамену, выдержанному однакоже посредственно, и получилъ право практикы въ госпиталѣ подъ надзоромъ старшаго доктора, а за тѣмъ опредѣленъ (8 декабря 1757 года) въ кронштадтскій госпиталь младшимъ докторомъ, въ помощь Миліусу, съ жалов. по 300 р. и съ обязательствомъ усовершенствоваться въ анатоміи, хирургіи и клинической медицинѣ. Потомъ служилъ нѣкоторое время въ Украинскомъ ландмилиціонномъ корпусѣ и остался за штатомъ, почему и перемѣненъ въ московскій госпиталь, гдѣ преподавалъ *materiam medicam* для нѣмцовъ (на нѣмецкомъ языкѣ) и бургаавовы афоризмы. Умеръ скоропостижно 6 апрѣля 1768 года.

Одновременно съ Бишопфомъ состоялъ преподавателемъ въ московскомъ госпиталѣ докторъ *Петръ Павловичъ Погорецкій*, только что возвратившійся изъ за границы и опредѣленный (6 октября 1765 года) для обученія подавкарей и учениковъ, съ жалов. по 400 и кварт. по 100 р. въ годъ.

П. Погорецкій, сынъ священника села Черногородка въ Хвостовскомъ повѣтѣ на польской границѣ, учился въ кievской академіи (съ 1749 года) латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и философіи и потомъ принятъ (30 сентября 1757 года) ученикомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь. Окончилъ курсъ и признанъ лѣкаремъ «за прилежность въ пользованіи больныхъ и хорошее искусство» 30 декабря 1759 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ переведенъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь и получилъ прибавку жалованья,

но это не удовлетворяло его. Онъ желалъ пополнить образованіе за границею, сталъ проситься въ Голландію, вмѣстѣ съ другими, на казенномъ содержаніи, и отпущень (27 апрѣля 1761) съ разрѣшенія сената, съ производствомъ изъ штатсъ-конторы двойнаго оклада жалованья (т. е. по 300 р. въ годъ). Пробылъ за границею около пяти лѣтъ; получилъ докторскій дипломъ въ Лейденѣ и возвратившись (7 сентября 1765) опредѣленъ по экзамену преподавателемъ въ московскій госпиталь.

Вступивъ въ должность и ознакомившись съ состояніемъ госпитальной школы, онъ послалъ 5 дек. 1765 года въ медицинскую коллегію обширный докладъ о необходимости улучшенія и расширенія преподаванія въ ней. Баронъ А. И. Черкасовъ поручилъ доктору Пеккену рассмотреть докладъ и представить свое о немъ мнѣніе. По его донесенію коллегія признала докладъ заслуживающимъ вниманія, но ничего не сказала о приобрѣтеніи учебниковъ, а вмѣсто этого опредѣлила предметы преподаванія самого Погорецкаго, а именно медицинскую практику и *materiam medicam*, о чемъ и положила увѣдомить его: однакожь почему-то не увѣдомила. Вмѣстѣ съ тѣмъ (по указанію Погорецкаго, что учениковъ нѣмцовъ въ школѣ больше чѣмъ русскихъ и при этомъ нѣмцы вовсе не знаютъ латинскаго языка) приказала отдѣлить нѣмцовъ отъ русскихъ и поручить доктору Бишофу преподавать имъ медицинскую практику и матерію медику на нѣмецкомъ языкѣ.

Погорецкій заботился объ учебникахъ и о необходимости снабжать ими не только учащихся, но и кончившихъ ученіе. Не получивъ никакого отвѣта на свой первый докладъ, онъ вошелъ со вторымъ докладомъ въ коллегію (28 августа 1766) о напечатаніи наиболѣе употребляемыхъ учебниковъ, чтобы не заставлятъ учениковъ тратить время на списываніе учебныхъ тетрадокъ и не давать повода ко внесенію въ тетрадки ошибокъ переписчиковъ и чрезъ то не увѣковѣчивать этихъ ошибокъ. Но и на это не получилъ отвѣта. Между тѣмъ въ госпитальномъ мірѣ начали обращаться съ нимъ заносчиво и дерзко, причинявъ ему мелкія обиды. Напримѣръ, въ часы его лекцій рассылали учениковъ по разнымъ госпитальнымъ надобностямъ и онъ не могъ читать лекціи, что очень огорчало его. Прослуживъ три года, онъ началъ просить прибавки жалованья (что было тогда самымъ обыкновеннымъ дѣломъ), но просьба его найдена дерзкою и оставлена безъ удовлетворенія. Погорецкій страдалъ и терпѣлъ, и старался

заглушилъ горе работою и занятіями. - Проникнутый мыслью о важности и необходимости печатныхъ учебниковъ, онъ предпринялъ печатаніе латинскаго учебника профессора І. Шрейбера и окончилъ его благополучно. Въ коротенькомъ предисловіи къ этой книгѣ онъ объяснилъ пользу учебника и придалъ неодобрительные эпитеты госпитальнымъ и школьнымъ сослуживцамъ своимъ, обозначеннымъ однакоже только начальными буквами. Это роковое предисловіе возбудило цѣлую бурю. Его хотѣли конфисковать до выпуска изъ университетской типографіи, но опоздали. Тогда медиц. коллегія предписала московской мед. канторѣ призвать Погорецкаго и требовать отъ него всѣ экземпляры язвительнаго предисловія и прежде его не отпускать, пока всѣ экземпляры отдастъ и дастъ подписку, что у него болѣе нѣтъ ни одного экземпляра (27 октября 1768). ✓

Но еще годъ назадъ (25 октября 1767) Погорецкій просилъ прибавки жалованья, снабженія его инструкціею и опредѣленіемъ казенной квартиры и тѣмъ «ободрить и способъ подать не только къ удобнѣйшему продолженію моихъ трудовъ, но и къ гораздо лучшимъ успѣхамъ учащихся. Въ противномъ же случаѣ, если медиц. коллегія какую во мнѣ неспособность вида, ничто не удостоиваетъ изъ прописаннаго, я съ большимъ удовольствіемъ приму другое мѣсто». Медиц. коллегія не дала и на это представленіе никакого отвѣта. Но она по видимому рѣшила уже удалить Погорецкаго изъ Москвы, какъ скоро представится случай, и чѣмъ дальше тѣмъ лучше. Случай скоро представился. Въ Ревелѣ умеръ докторъ адмиралтейскаго госпиталя Кноблохъ, и, замѣщая вакансію его, коллегія передвинула служащихъ докторовъ и назначила Погорецкаго докторомъ Сибирскаго корпуса съ жалов. по 750 р. Но Погорецкій не согласился принять это мѣсто и въ длинномъ рапортѣ выяснилъ, что онъ приготовлялъ себя къ учебной, а не къ военной службѣ, что онъ и на нынѣшнемъ мѣстѣ давно выслужилъ прибавку жалованья и если коллегія не признаетъ этого, то онъ готовъ служить въ настоящей должности вовсе безъ жалованья (4 августа 1768).

Въ отвѣтъ на это ему посланъ указъ непременно и неотложно ѣхать по назначенію въ Tobольскъ, а штатдт-физикъ Риндеру понудить его къ отъезду. Но Риндеръ увѣдомилъ, что Погорецкій ждетъ саннаго пути и не является въ комиссаріатъ за полученіемъ проговновъ и прежде заслуженнаго жалованья. Коллегія приказала «для

полученія имъ жалованья и прогоновъ проводить Погорецкаго отъ москов. медицинскоѣ конторы за карауломъ, съ тѣмъ чтобъ его повудить въ томъ росписаться, и когда онъ то получитъ, немедленно выслать изъ Москвы къ опредѣленному его мѣсту въ Спбѣрскій корпусъ, не принявъ отъ него болѣе никакихъ отговорокъ, за надлежащимъ отъ оной конторы на его счетъ карауломъ для препровожденія его въ путь отъ Москвы за 50 верстъ, и когда отправится въ коллегію рапортовать».

Базалось, больше нечего было дѣлать какъ ѣхать. Онъ и поѣхалъ, но не въ Спбѣрскъ, а въ Петербургъ, украдкою вырвавшись изъ Москвы. Приѣхавъ въ С -Петербургъ онъ явился въ медицинскую коллегію и потребовалъ или увольненія отъ службы, или формальнаго суда.

Служба его въ Московскомъ госпиталѣ прекратилась 21 іюня 1768 года. На его мѣсто назначенъ состоявшій при спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ докторъ Кассіанъ Осиповичъ Ягельскій. ✓

К. О. Ягельскій, уроженецъ польской украины, учился въ кievской академіи и оттуда поступилъ въ спб. генеральный сухоп. госпиталь. Окончилъ курсъ лѣкаремъ 16 февраля 1761 и назначенъ въ Новгородскій (Валдайскій) лазаретъ, на мѣсто лѣкаря Андрея Шлефохта, не ужившагося съ надзирателемъ больныхъ капитаномъ Горемыкинымъ и переведеннаго въ спб. адмиралтейскій госпиталь. Но пробылъ тамъ не больше двухъ или трехъ мѣсяцовъ. Изъ числа окончившихъ съ нимъ курсъ въ спб. госпитальныхъ школахъ товарищей восьмеро просили и получили позволеніе отправиться въ чужіе края для усовершенствованія на казенный счетъ и онъ примкнулъ къ нимъ девятымъ. Въ данной имъ инструкціи сказано, что они обязаны доносить чрезъ каждые полгода о своихъ занятіяхъ и слушаемыхъ ими лекціяхъ, а равно и о переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Возвратился изъ этого путешествія въ концѣ 1766 года, а оттуда поѣхалъ въ Спб. и экзаменованъ тамъ: но по немнѣнію вакаансіи оставался нѣкоторое время безъ должности. 31 марта 1767 года зачисленъ въ Спб. адмиралтейскій госпиталь доцентомъ, съ жалов. по 400 р., казенною квартирою и денщикомъ, а оттуда 25 іюля переведенъ въ московскій госпиталь. Умеръ отъ чахотки въ Москвѣ, 21 декабря 1774 года.

На его мѣсто учителя въ московскомъ госпиталѣ опредѣленъ (24 іюля 1775 года) докторъ Савва Алексѣевичъ Леонтовичъ, состояв-

шій въ Саратовѣ при опекуновѣ иностранныхъ колонистовъ ¹⁾. Но онъ не принялъ этого мѣста, ссылаясь на слабость здоровья и на послѣдствія мученій, которымъ подвергнуть былъ шайкою Пугачева, при чемъ пропало все имущество его и книги, а безъ книгъ какое уже преподаваніе!

Онъ просился остаться на своемъ мѣстѣ и оставленъ, а вмѣсто него, доцентомъ въ московскій госпиталь, назначенъ (28 декабря 1775) докторъ финляндской дивизіи Генрихъ Фрезе (*Heinr. Frese*), находившійся тогда въ моголевской губерніи, только что присоединенной отъ Польши.

Докторъ Г. Фрезе, родомъ изъ Ревеля, учился въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Лейденѣ по году и болѣе и получилъ въ Лейденѣ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De capite in partu praeternaturali excutiendo*, 26 іюня 1772. По экзамену въ мед. коллегіи опредѣленъ въ службу (6 марта 1774) въ моголевскую губернію, а оттуда въ финляндскую дивизію (24 іюля 1775). Прослуживъ семь лѣтъ въ московскомъ госпиталѣ, онъ просилъ и получилъ званіе профессора (въ августѣ 1783 года).

Почти въ одно время съ нимъ опредѣленъ въ московскій госпиталь (5 ноября 1775) докторъ Иванъ Гайль (*Johann Christophor Hail*), швейцарецъ изъ гор. Мемминга Римск. имперіи, учившійся въ Эрлангенѣ и получившій тамъ докторскій дипломъ. Диссертация его называлась *Specimen inaugurale medicum, miscellanea medico-chirurgica continens. Erlangae, ex officina Waltheriana, d. martis 1773. 4°*.

Явившійся въ Петербургъ онъ не выдержалъ экзамена въ мед. коллегіи (іюня 1773) и не получилъ права практики, но просилъ дозволить ему заниматься въ московскомъ госпиталѣ «для утверж-

¹⁾ С. А. Леонтовичъ, сынъ мещанина села Макашловки Миргородскаго полка, учился въ Киевской академіи и оттуда поступилъ ученикомъ въ слѣд. адмиралт. госпиталь (23 іюня 1758 года). Въ 1759 произведенъ подлѣкаремъ, а 16 сент. 1761 по экзамену лѣкаремъ въ Спб. полки сверхъ комплекта, для командировокъ. Вскорѣ однакоже, при отправленіи 9 лѣкарей въ заграничное путешествіе, и онъ назначенъ былъ въ число ихъ (13 іюля 1761). Въ Страсбургѣ получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De partu praeternaturali ex vitis trunci foetus orto. Argentorati, 1766*. Возвратился въ Спб. 2 іюля 1766 и по экзамену получилъ право практики 25 сентября 1767, а 21 іюня 1768 опредѣленъ въ Спб. адмиралтейскій госпиталь, съ жалов. по 400 р., квартирною и прислугою. Отсюда и переведенъ былъ къ опекунству саратовскихъ колонистовъ.

денія себя въ медицинско́й практикѣ». Коллегія разрѣшила это, съ тѣмъ чтобы онъ жилъ на своемъ коштѣ и лѣчилъ больныхъ подъ надзоромъ доктора Шафонскаго, которому приказано просматривать и рецепты его. Черезъ два года онъ опять явился на экзамень, но уже не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, выдержалъ его и получилъ право практики (29 сентября 1775). Въ этомъ помогло ему то, что онъ запасся аттестатами отъ двухъ московскихъ дамъ (Марьи Бутурлиной, урожденной Загряжской, и отъ Катерины Выродовой) въ томъ, что онъ помогъ имъ при родахъ лучше всѣхъ другихъ докторовъ. Опредѣленъ младшимъ докторомъ, съ жалов. по 300 р. и казенною квартирою. По свидѣтельству современниковъ это былъ дерзкій и невѣжественный человѣкъ, не отличавшійся совѣстью, за что медиц. коллегія дѣлала ему выговоры и наконецъ дѣтомъ 1777 года перемѣстила въ смоленскую дивизию.

На его мѣсто опредѣленъ, по собственной просьбѣ (10 октября 1779 года), докторъ Леонъ Мендель (*Leon Mendel*). Родомъ онъ былъ изъ Кенпсберга, учился въ Берлинѣ, Геттингенѣ и Стразбургѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (1765), напечаталъ диссертацию *De suffocatis*. Экзаминованъ въ медиц. коллегіи (16 ноября 1778), получилъ право практики и опредѣлился въ Ярославль губернскимъ докторомъ (въ январѣ 1779), откуда и перепросился въ Москву младшимъ докторомъ, съ жалов. по 300 р. и казенною квартирою. Однакоже, не прослуживъ здѣсь и года, перемѣщенъ въ Сибирскій корпусъ (іюнь 1780).

Преемникомъ его былъ старый штабъ-лѣкарь Юг. Виль (*Johann Peter Wiel*), по протекціи получившій сперва званіе доктора, а потомъ лекціоннаго доктора.

Исторія «доктора» І. Вилля не похожа на исторію всѣхъ другихъ докторовъ, составившихъ собою цѣлый рядъ учителей въ госпитальныхъ школахъ, но интересна въ томъ отношеніи, что характеризуетъ и время съ его понятіями, и людей съ ихъ видною дѣятельностью и невидимыми побужденіями. Она раскрываетъ изнанку той строгой и на взлядъ законной дѣятельности медиц. коллегіи, при разсмотрѣніи которой ясно обнаруживаются одни только личные своекорыстные расчеты, рабская угодливость внѣшней силѣ и отсутствіе всякаго вмѣшательства совѣсти и чести во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ личная выгода могла бы потерпѣть какой либо ущербъ.

Юг. Виль, родомъ изъ Ревеля, поступилъ въ 1736 году ученикомъ въ

адмиралт. ревельскую аптеку и через пять лѣтъ произведенъ гезелемъ въ спб. адмиралтейскую аптеку (1741). Но аптечная служба не поправилась ему и, прїѣхавъ въ Петербургъ, онъ перешелъ ученикомъ-волонтеромъ, на собственномъ содержаніи, въ м. х. школу спб. адмиралтейскаго госпиталя (1742), гдѣ черезъ годъ (1743) произведенъ въ подлѣкари въ тотъ же госпиталь. Кромѣ этого онъ нигдѣ ничему не учился. И этотъ то подлѣкаръ, въ теченіи 36 лѣтъ мыкавшійся съ своимъ подлѣкарствомъ и на корабляхъ, и въ полкахъ, и въ гражданской службѣ, дожилъ до званія штабъ-лѣкаря, а потомъ безъ экзамена получилъ званіе доктора и лекціоннаго доктора или преподавателя медицинскихъ наукъ въ московскомъ госпиталѣ.

Случилось это вотъ какъ. Живя въ Москвѣ, старикъ Виля имѣлъ по службѣ отношенія къ генералъ-кригсъ-комисару С. Дурново и пользовался покровительствомъ его. Опираясь на это, онъ упросилъ Дурново сдѣлать представленіе въ медиц. коллегію о производствѣ его въ доктора и о назначеніи вторымъ-докторомъ, т. е. преподавателемъ, въ московскій госпиталь, гдѣ онъ состоялъ на службѣ. Дурново исполнилъ просьбу, но правильно или неправильно это представленіе—не хотѣлъ и думать. За то сильно задумалась надъ нимъ медицинская коллегія. Будь это при баронѣ Черкасовѣ—дѣло окончилось бы въ одинъ часъ; но съ директоромъ Ржевскимъ ни откуда нельзя было ожидать ни руководства, ни поддержки. А между тѣмъ и отказать генералъ-кригсъ-комисару было не безопасно. Чтобы выйдти наконецъ изъ затрудненія, коллегія потребовала отъ самаго Виля, чтобы онъ мотивировалъ свою просьбу и вотъ какіе привелъ тотъ мотивы:

«Докторъ Погорецкій осрамилъ меня въ своемъ предисловіи. Еще въ 1776 году доносилъ я медицинской коллегіи, что лѣчилъ въ госпиталѣ хроническихъ больныхъ бѣлымъ купоросомъ и цѣлибухою и многихъ вылѣчилъ и просилъ себя за это награды. между тѣмъ какъ Погорецкій лишилъ его за то кредита въ практикѣ, увѣряя что я лѣчу ядамъ, и я потерялъ практику, и стали меня убѣгать. Чтобы разубѣдить въ этомъ я послалъ, въ 1771 году, свои опыты надъ этими лѣкарствами въ Винтербергскій университетъ, прося ихъ обсудить и его наградить. Тамъ ихъ напечатали въ 1772 году и мнѣ прислали докторскій дипломъ. Поэтому я тогда еще (1776) просилъ разрѣшенія именоваться докторомъ, ссылаясь на примѣры Татаринова и Гайля, а медиц. канцелярія ограничилась тѣмъ, что прибавила мнѣ

жалованья (назначила по 600 р.)». И вот теперь онъ просить о томъ-же.

Мотивы эти оказались такъ оригинальны, что медич. коллегія не задумалась воспользоваться ими для соблюденія обычной формы. Сперва потребовали справку о службѣ: но справка представляла дѣло совѣсмъ смѣшнымъ и потому отложили ее въ сторону. Затѣмъ предложили Виллю явиться на экзаменъ въ московскую медицинскую контору, подобно тому какъ являются дѣйствительные доктора съ иностранными дипломами. Тамъ ожидали его доктора Раушертъ, Фризе и Масъ, поговорили между собою о госпитальныхъ дѣлахъ и подписали одобрительный аттестатъ. По этому аттестату онъ получилъ право называться «докторомъ» и назначенъ въ тотъ-же госпиталь младшимъ-докторомъ (декабрь 1780), но, разумѣется, ничего ничему не училъ и до открытія вакансіи оставался на штабъ-лѣбарскомъ содержаніи. Вакансія открылась скоро, съ переводомъ Менделя въ Сибирскій корпусъ. Черезъ восемь лѣтъ Вилль повидному наскучилъ своимъ неловкимъ положеніемъ, сталъ проситься въ Курскъ и по приказанію барона Фитингофа переведенъ докторомъ (27 іюня 1789) въ курское намѣстничество.

Со введеніемъ штата 15 іюля 1786 года всѣ медико-хирургическія школы снабжены профессорами по числу предметовъ преподаванія. Впрочемъ московская школа была въ этомъ отношеніи бѣднѣе другихъ: если не считать старшаго доктора и оператора Энгеля, въ ней былъ одинъ только профессоръ—докторъ Фризе. Для пополненія этого недостатка въ Москву опредѣлены сперва докторъ Фридрихъ Стефанъ (*Friedrich Stephan*), для преподаванія ботаники, фармакологіи и химіи (27 декабря 1787) ¹⁾. Онъ завѣдывалъ также ботаническимъ садомъ въ Москвѣ, находившимся при главной аптекѣ. Напечаталъ «Московскую флору», «Enumeratio plantarum mosquensium» и описалъ растение «*Pedicularis comosa*» и за это избранъ въ почетные члены медич. коллегіи (23 апрѣля 1795).

Почти въ одно время съ нимъ назначенъ (21 января 1787) профессоромъ въ московскую школу докторъ Яковъ Андреевичъ Риндѣрь

¹⁾ Докторъ Ф. Стефанъ, саксонецъ изъ Лейпцига, учился сперва въ Лейденѣ, а потомъ въ Лейпцигѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (25 августа 1782). Пріѣхавъ въ Россію былъ экзаменованъ и получилъ право практики опредѣленъ во 2 дивизию, квартировавшую въ Польскъ. Шелъ въ Москвѣ собственную аптеку.

(*Jacob Andreas Rinder*), для преподаванія анатоміи, фізіологій и хирургіи. Это былъ сынъ московскаго штабтъ-физика А. Риндера. Два года занималъ это мѣсто и потомъ уволенъ отъ службы (14 мая 1789) по болѣзни, а преподаваніе предметовъ его предоставлено оператору госпиталя, штабтъ-лѣкарю Ив. Гильдебрандту, получившему званіе профессора, съ жалов. по 1000 р.

На мѣсто Риндера опредѣленъ былъ докторъ Юг. Конрадъ (*Johann Conrad*), состоявшій прежде въ Калининскомъ медико-хирургическомъ институтѣ ¹⁾. Онъ оставался впрочемъ при институтѣ только одинъ годъ и по личному приказанію Фитингофа переведенъ (5 марта 1789) въ спб. генеральный сухоп. госпиталь для пользованія боль-ныхъ, по контракту на 4 года, до открытія профессорской вакансіи, съ жалов. по 700 р. и по 10 р. въ мѣсяцъ кварт. денегъ. По истеченіи срока контракта онъ остался профессоромъ, отказавшись отъ возвращенія на родину.

Въ это же время другой преподаватель Калининскаго м. х. инсти-тута, докторъ К. Г. Брандау (*C. H. Brandau*), вошелъ съ просьбою о назначеніи его почетнымъ членомъ медицинскои коллегіи. Каби-нетъ послалъ его съ бумагою въ коллегію, а та отвѣтила, что онъ ничѣмъ еще не отличился, чтобы имѣть право на званіе почетнаго члена, а если желаетъ служить и быть полезнымъ, то она охотно приметъ его профессоромъ въ с.-петербургскій генеральный сухо-путный госпиталь для преподаванія акушерства и фізіологій, по 4 часа въ недѣлю, на латинскомъ языкѣ, съ жалов. по 1000 р. Коллегія предписала ему (8 марта 1789) такъ распредѣлить занятія, чтобы по окончаніи фізіологій читать повивальное искусство, съ тѣмъ чтобы потомъ достало времени на продолженіе фізіологій.

Но это обязывало его работать, а ему работать не хотѣлось. По-этому онъ опять бросился къ Фитингофу и тотъ приказалъ (2 августа 1789) перевести его, за слабостью здоровья, въ московскій госпи-таль, въ помощь старшему доктору, съ прежнимъ жалованьемъ, съ тѣмъ, чтобы лекціи его поручено было читать состоявшему при томъ

¹⁾ Докторъ П. Конрадъ (какъ онъ самъ себя называлъ и подписывался), родомъ изъ Страсбурга, гдѣ учился восемь лѣтъ и получилъ докторскій дипло-мъ. Приѣхавъ въ Россію, экзаменованъ въ мед. коллегіи, получилъ право практики (17 декабря 1787 года) и просилъ опредѣлить его на профессорское мѣсто. Его опредѣлили въ Калининскій м.-х. институтъ.

госпиталь доктору Ивану Конраду. Но видно и это показалось ему труднымъ, потому что чрезъ полтора года, по волѣ императрицы, словесно объявленной Фитингофомъ, онъ уволенъ отъ службы съ абшитою (13 января 1791 года), а на его мѣсто, «въ помощь старшему доктору Раушерту», а не преподавателемъ, опредѣленъ находившійся въ курскомъ намѣстничествѣ на жаловань отъ кабинета докторъ Антонъ Маркусъ (*Anthon Marcus*), съ тѣмъ же жалованьемъ отъ кабинета ²⁾.

Между тѣмъ докторъ Фрезе отказался по болѣзни отъ своей кафедры (29 апрѣля 1787) и на его мѣсто опредѣленъ профессоромъ

²⁾ Докторъ Антонъ Маркусъ, вовсе не имѣвшій права называться «докторомъ», принять въ русскую службу по рекомендаціи ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана и по высоч. повелѣнію опредѣленъ (1787) въ Курское намѣстничество губернскимъ лѣкаремъ, съ жалов. отъ кабинета по 500 р. Въ бумагахъ его значилось, что онъ учился въ Берлинѣ и получилъ тамъ дипломъ, но не представилъ диплома и не явился къ экзамену въ мед. коллегію, а потому и остался лѣкаремъ. Поддѣлавшись къ Фитингофу, онъ переведенъ по словесному будтобы повелѣнію въ москов. госпиталь (1 января 1791) въ помощь старшему доктору, но съ прежнимъ жалованьемъ отъ кабинета, т. е. сверхштатнымъ. Для госпиталя былъ бесполезенъ, рѣдко посѣщалъ его и даже не зналъ въ чемъ состоятъ его должность.

Въ это же время состояли при московскомъ госпиталѣ еще два доктора сверхъ комплекта, именно Иванъ Осиповичъ Тимковскій и Филиппъ Пфелеръ (*Philipp Friedrich Pfoeler*). Первый изъ нихъ, сынъ доктора Юсефа Тимковского, учился съ 28 августа 1781 года до 28 ноября 1791 года сперва въ дворянской гимназіи при московскомъ университетѣ, а потомъ въ медиц. факультетѣ университета и съ удовлетворительнымъ аттестатомъ отъ него пріѣхалъ въ Спб. и просилъ въ мед. коллегіи докторскаго экзамена. По выдержаніи экзамена (24 декабря 1791) получилъ приказаніе написать диссертацию на латинскомъ языкѣ, но захворалъ и цѣлые 1½ года былъ боленъ. Только 16 ноября 1793 года представилъ рукописную диссертацию подъ заглавіемъ: *Specimen anatomico-physiologicum de structura ventriculî ejusque functione*. Ее разсмотрѣли и одобрили Н. Карпинскій и С. Андреевскій и мед. коллегія признала его докторомъ медицины, 19 декабря 1793, а «для лучшаго натвержденія въ практикѣ» опредѣлила его въ московскій генеральный госпиталь, съ жалов. по 300 р.

Другой сверхкомплектный докторъ, Филиппъ Пфелеръ, принять въ русскую службу по экзамену (8-го августа 1784) и въ послѣдствіи опредѣленъ (18 января 1787) въ гор. Саранскъ Пензенскаго намѣстничества и черезъ два года (8 января 1789) уволенъ по прошенію отъ службы. Потомъ опять принять службу въ московскій госпиталь, въ помощь паралитичному старику (главному лѣварю) И. Штелину и за тѣмъ по собственной просьбѣ переведенъ въ Вятское намѣстничество (2 августа 1792). Имѣлъ въ Москвѣ собственную аптеку.

патологiи и терапiи докторъ Александръ Михайловичъ Шумлянскiй, занимавшiй передъ тѣмъ профессорское мѣсто въ Калшниковскомъ м. х. институтѣ. Первоначально онъ предназначалъ себя къ преподаванiю фiзiологiи и повивальнаго искусства, къ которымъ впрочемъ въ послѣдствiи и возвратился. Умеръ 25 iюля 1795 года.

На его мѣсто, для преподаванiя акушерства на русскомъ языкѣ, переведень (29 октября 1795) бывший профессоръ анатомiи, фiзiологiи и хирургiи въ кронштадтской госпитальной школѣ Карлъ Борнъ (*C. Born*), состоявшiй послѣднее время въ новгородской губернии. Въ это время онъ былъ уже почетнымъ членомъ коллегiи. Умеръ 8 апрѣля 1798.

Преподаванiе патологiи и терапiи лежало на профессорѣ Матвѣѣ Хрестіановичѣ Пеккенѣ (*Math. Crist. Paccken*), переведенномъ (1791) въ Москву изъ кронштадтской госпитальной школы.

М. Х. Пеккенъ, сынъ члена медиц. коллегiи доктора с. с. Хрест. Пеккена, учился въ Геттингенѣ четыре года и получилъ тамъ докторскiй дипломъ. Возвратившись въ Россiю былъ экзаменованъ въ мед. коллегiи и получилъ право практикi (3 сентября 1779 года), а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ (въ ноябрѣ 1779) въ службу младшимъ докторомъ въ спб. адмиралтейскiй госпиталь, съ жалов. по 300 р. и казенною квартирою. Черезъ годъ послѣ того (10 сентября 1780) предложилъ читать лекціи акушерства въ общихъ госпитальныхъ школахъ и медиц. коллегiя приняла это предложенiе (въ мартѣ 1781) и положила прибавить ему за то по 150 р. къ жалованью. Но это предположенiе не исполнялось, потому что въ маѣ тогоже 1781 года М. Пеккенъ назначень «лекціоннымъ докторомъ» въ кронштадтскую школу, на мѣсто доктора Н. М. Максимовича Амбодика, переведеннаго (10 мая 1781) въ С. Петербургъ къ повивальному дѣлу. Назначень онъ былъ преподавать тамъ сперва анатомiю, фiзiологiю и фармакологiю, а по введенiи новаго штата 1786 года— патологiю и медицинскую практику.

Въ бытность свою при кронштадтской школѣ докторъ М. Пеккенъ напечаталъ: *Начальныя основанiя фiзiологiи или науки о естественномъ человѣческомъ* Спб. 1787. Книга эта посвящена медиц. коллегiи и принята была ею очень благосклонно. Черезъ два съ половиною года онъ напечаталъ другое сочиненiе подъ заглавiемъ: *Начальныя основанiя врачебной науки. Часть I о лихорадкахъ*. Спб. 1790. Послѣ этого Пеккенъ переведень былъ въ рижскiй госпиталь, но не согла-

силея ѣхать туда, ссылаясь на то, что ему вреденъ приморскій климатъ и 24 марта 1793 уволенъ отъ службы съ абшитою и переѣхалъ въ Москву. Но онъ тяготился отставкою. Ему хотѣлось получить какое либо по прежнему видное мѣсто, но не было случая. Наконецъ случай представился. Въ Москвѣ умеръ докторъ «повивальнаго дѣла» Григорій Тимченко. Мѣсто это по праву принадлежало профессору А. Шумлянскому, такъ какъ онъ славился по всей Россіи какъ акушерская знаменитость. Его и перевели туда. Между тѣмъ на это мѣсто претендовалъ и М. Пеккенъ. Онъ подалъ даже просьбу объ опредѣленіи къ повивальному дѣлу (и въ этой просьбѣ отъ 15 сентября писалъ, что Тимченко уже умеръ, тогда какъ тотъ былъ еще живъ и умеръ ровно недѣлею позже того (21 сентября), выставляя на видъ, что московскій климатъ такъ хорошъ, что онъ никогда не разстанется съ нимъ. Вмѣсто того онъ опредѣленъ въ госпиталь на мѣсто А. Шумлянского, а именно къ преподаванію патологии и медицинской практики (11 ноября 1793), съ жалов. по 1000 р., между тѣмъ какъ Шумлянскому назначено только по 600 р.

Въ 1794 году профессора М. Пеккенъ и Александръ Шумлянскій, «по своимъ талантамъ, трудолюбію и учености и нѣкоторымъ сочиненіямъ прославившіеся», признаны почетными членами медицинской коллегіи (16 октября 1794).

Въ московскомъ м. х. училищѣ не было преподавателя физики и математики, какъ потому, что эти предметы не входили въ программу госпитальной школы, такъ и по недостатку лица, которому бы можно было поручить преподаваніе ихъ. Наконецъ такое лицо явилось. Это былъ иностранный докторъ Иог. Пфеллеръ (*Johann Pfoeller*), получившій право практики въ Россіи по экзамену 12 октября 1783 года. Когда онъ предложилъ себя къ этому преподаванію, мед. коллегія предписала московской мед. конторѣ сдѣлать ему испытаніе въ этихъ наукахъ. Контора предложила ему пробную лекцію, имѣвшую предметъ: 1) доказать извлеченіе куба геометрически и алгебраически; 2) доказать теорію тѣлъ относительно къ ихъ состоянію твердому, жидкому и воздушному; 3) истолковать теорію рычага съ обращеніемъ на врачебное искусство. Въ аттестатѣ объ ней, подписанномъ 7 ноября 1795 года Ив. Гильдебрандомъ, Фр. Стефаномъ и Мат. Пеккеномъ сказано, что «истолкованіе симъ тремя предложеніямъ, которое вышереченный докторъ далъ намъ, было очень достаточно, сколько хорошимъ объясненіемъ, столько же отличною точностью и

яностью его рѣчи». На основаніи этого атестата Іог. Пфеллеръ опредѣленъ (22 ноября 1795) экстраординарнымъ профессоромъ математики и физики въ московское мед. хир. училище, съ жалов. по 800 рубл.

Преподаваніе фармакологіи (*materiae medicae*) и хирургіи производилось докторомъ Павломъ Шумлянскимъ.

Онъ получилъ первоначальное образованіе въ спб. генерал. сухопутномъ госпиталѣ, куда поступилъ ученикомъ 22 апрѣля 1773 года и признанъ по экзамену лѣбаремъ (24 января 1779 года), съ назначеніемъ во 2 артиллерійскій канонирскій полкъ. Прослуживъ здѣсь четыре съ половиною года, онъ получилъ отставку (14 мая 1784) и поѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ учился пять лѣтъ и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись на родину, былъ экзаменованъ и опредѣленъ на службу младшимъ докторомъ сверхъ комплекта, до вакансіи, которой ждать пришлось однакоже очень долго. Когда уволенъ былъ отъ службы профессоръ анатоміи и хирургіи въ кронштадтскомъ госпиталѣ Карлъ Борнъ (14 января 1793), на его мѣсто опредѣленъ П. Шумлянскій, съ жалов. по 1000 рубл. Отсюда же переведенъ былъ въ московскій генерал. госпиталь на ту же кафедру профессоромъ, съ жалов. по 1400 р. и кварт. 200 рубл.

Операторы московскаго генеральнаго госпиталя. Изъ переписки доктора А. Де-Тейльса съ архіатеромъ послѣ смерти Н. Бидломы видѣли, что и лѣчебный и учебный персоналъ московскаго госпиталя былъ въ то время весьма невеликъ. Главнымъ лѣбаремъ былъ Матвѣй Кланье, а лѣбаремъ и сверхштатнымъ ¹⁾ операторомъ Іог. Пагенкампфъ, госпитальною аптекою управлялъ Іог. Маакъ, а лѣбарскимъ подмастерьемъ (подлѣбаремъ) служилъ Федоръ Богдановъ, воспитанникъ той же госпитальной школы. Наконецъ вся хозяйственная часть состояла въ завѣдываніи комисаровъ Абрама Иванова, а потомъ подполковника Ив. Богданова. Но Кланье подалъ въ отставку и уволенъ отъ службы, каждый день ожидая, что въ госпиталь явится штабъ-лѣбаръ В. Кларнеръ и смѣнитъ его. Однакоже Кларнеръ не являлся и, находясь въ финляндской дивизіи, вовсе не думалъ о московскомъ госпиталѣ. Остался лѣбаръ Іог. Пагенкампфъ, который

1) Потому сверхштатнымъ, что въ штатѣ московскаго госпиталя, до передача его въ вѣдѣніе комисаріата, не состояло оператора. Полагались только 1 докторъ, 1 главный лѣбаръ, 2 лѣбаря, 2 подлѣбаря и 50 учениковъ.

и принялъ на себя званіе и обязанности госпитальнаго оператора, т. е. учителя анатоміи и оперативной хирургіи, и исполнялъ ихъ. Но онъ тяготился имп и искалъ случая возвратиться къ первоначальной своей службѣ при дворѣ, въ званіи гофъ-хирурга. Исканія эти удались и 21 марта 1738 года Пагенкампфъ переведенъ ко двору гофъ-хирургою, съ увольненіемъ отъ госпитальной службы. На его мѣсто назначенъ былъ въ московскій госпиталь операторомъ бывший гофъ-хирургъ Льюисъ Кальдервудъ (*Lewis Caldervood*). Пагенкампфъ ждалъ пріѣзда его для передачи должности, но не дождавшись получилъ другое назначеніе. Тогда на южной границѣ нашей велась война съ Турціею и въ украинской арміи появилась моровая язва, вынудившая послать туда какъ можно болѣе лѣкарей и подлѣкарей. Въ числѣ другихъ командированы туда докторъ Детейльсъ, старшій докторъ московскаго госпиталя, и Пагенкампфъ, операторъ тогоже госпиталя. Остался опять одинъ главный лѣкарь Кланке, ожидавшій Бларнера. Но онъ его не дождался. А между тѣмъ пріѣхалъ Л. Кальдервудъ и принялъ на себя обязанности и главнаго лѣкаря, и госпитальнаго оператора. Этимъ воспользовался Кланке и получилъ полное увольненіе отъ службы по просьбѣ своей. Такимъ образомъ Л. Кальдервудъ остался въ московскомъ госпиталѣ однимъ и единственнымъ лицомъ для исполненія обязанностей главнаго лѣкаря, оператора, учителя по всѣмъ предметамъ учебнаго курса въ госпитальной школѣ и наконецъ госпитальнаго доктора.

Очевидно, одному человѣку невозможно было исполнять всѣ исключенныя обязанности. Но всего важнѣе было то, что не имѣлось въ виду знающаго и опытнаго оператора, т. е. преподавателя анатоміи и соединенной съ нею хирургіи. Архіатеръ Фишеръ, при такомъ учебномъ безлюдьи, очень боялся распаденія московской школы и употреблялъ всѣ усилія поддержать ее. Прежде всего необходимо было прислать оператора и архіатеръ придумалъ поручить должность его доктору московскаго медицинскаго огорода и хорошему ботанику и дистиллятору, доктору медицины Трауготу Герберу (*Traugott Gerber*), съ особою за то прибавкою жалованья. Основаніемъ этого рѣшенія, кромѣ крайняго недостатка въ учителяхъ, было то, что д-ръ Тр. Герберъ, по свидѣтельству профессора анатоміи Вальтера въ Лейпцигѣ, «въ анатоміи доброе искуство имѣеть.» Герберъ принялъ порученіе, училъ какъ умѣлъ анатоміи и оперативной хирургіи, «накладыванію бандажей,» а можетъ быть и лѣченію хирургическихъ

болѣзней, когда у Кальдервуда доставало времени. Мало того. Ему поручено также присутствовать въ медицинской конторѣ и рѣшать тамъ всѣ медицинскія дѣла, если д-ръ Шоберъ (которому поручена она) захвораетъ или почему либо не будетъ въ состояніи присутствовать въ конторѣ. (А онъ былъ такъ старъ и страдалъ подагрой, что даже по вонзатѣ не могъ ходить безъ помощи). Тр. Герберъ около года исполнялъ всѣ эти обязанности (съ 1 іюня 1738 по 1 апрѣля 1739), а потомъ анатомія и хирургія опять перешли къ Кальдервуду, до присканія оператора.

Необходимость въ особомъ операторѣ при московскомъ госпиталѣ чувствовалась всѣми. И архіатеръ Фишеръ не разъ обращался къ св. синоду съ просьбою назначить небольшую сумму изъ своихъ доходовъ на содержаніе госпитальнаго оператора, ссылаясь на регламентъ о госпиталяхъ: но представленія его оставались безъ исполненія и если Пагенгампфъ и Кальдервудъ исправляли должность операторовъ, то исправляли его по особому распоряженію архіатера и получали вознагражденіе за то не изъ штатныхъ положеній св. синода, а изъ собственныхъ суммъ медицинской канцеляріи. Синодъ и коллегія экономіи вѣрно держались этихъ положеній, даже и тогда, когда обнаружованъ былъ «Регламентъ о госпиталяхъ», въ которомъ прямо указана необходимость имѣть въ каждомъ генеральномъ госпиталѣ одного оператора. Коллегія экономіи не признавала обязательнымъ для себя «Регламентъ о госпиталяхъ», ссылаясь на то, что у нея есть свой госпитальный штатъ и этотъ штатъ не отлѣненъ никакимъ новымъ закономъ, а въ немъ вовсе не упоминается о должности оператора. Такимъ образомъ въ присканіи оператора для московской госпитальной школы встрѣчались два затрудненія: одно отъ неимѣнія лица для этой должности и другое отъ неимѣнія денежной суммы на содержаніе его. Для устранения этихъ затрудненій архіатеръ Фишеръ, въ одно время съ вышеприведенными распоряженіями, вошелъ въ кабинетъ министровъ съ представленіемъ о посылкѣ въ Парижъ нѣсколькихъ молодыхъ лѣкарей, «которые могли бы тамъ утвердиться, чтобы въ российскомъ государствѣ операторами быть и другихъ обучать могли, какъ въ томъ нужда настоятъ». Представленіе это одобрено кабинетомъ и сообщено резолюціею мед. канцеляріи 31 авг. 1738 года.

Кальдервудъ несъ на себѣ тяжелое бремя и подвѣрлялъ свою энергію только тѣмъ, что онъ работалъ усиленно «до присканія оператора». Но операторъ не отыскивался. Еще лѣтомъ 1740 года ди-

*

ректоръ московскаго госпиталя и училища писалъ архіатеру, что у него въ госпиталѣ до 300 больныхъ, а для лѣченія ихъ и для преподаванія въ госпитальной школѣ состоитъ всего одинъ главный лѣкарь (Кальдервудъ), одинъ подлѣкарь (Федоръ Богдановъ), и нѣтъ ни одного лѣкаря, не говоря уже объ операторѣ, такъ что «управиться невозможно». Поэтому просилъ разрѣшенія опредѣлить одного лѣкаря въ штатъ госпиталя, съ жалованьемъ по 15 р. въ мѣсяцъ. На это мѣсто предлагалъ онъ лѣкаря Андрея Скрымзора (*Andr. Scrymsour*), англичанина, съ означеннымъ жалованьемъ и казенною квартирою въ госпиталѣ (14 мая 1840). Архіатеръ Фишеръ согласился и послалъ въ коллегію экономіи промеморію съ требованьемъ, чтобы она приняла на себя, т. е. внесла въ штатъ госпиталя, содержаніе еще одного лѣкаря съ жалованьемъ по 15 р. въ мѣсяцъ и по прежнему содержанію оператора съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ.

Операторъ и главный лѣкарь московскаго госпиталя Л. Кальдервудъ былъ человекъ энергическій, дѣятельный, съ обширнымъ образованіемъ, строго понимавшій долгъ свой и никогда не отступавшій отъ него. Въ исполненіи учебныхъ обязанностей своихъ онъ былъ высоко добросовѣстенъ и всегда давалъ больше, чѣмъ можно было ожидать. Умеръ онъ въ Москвѣ 24 іюня 1755 года, немного переживши доктора Л. Л. Блюментроста и окончивъ передачу московскаго госпиталя въ комисариатское вѣдомство.

Почти два года прошло отъ смерти Л. Кальдервуда, а въ московскомъ госпиталѣ все не было оператора. Наконецъ назначенъ на эту должность лѣкарь Францъ Лука Елачичъ (*Franciscus Lucas Jacclatchitsch*) (25 января 1757), съ жалов. по 300 рублей. Назначеніе это важно не по лицу, которое получило это мѣсто, а потому, что по указу сената 24 декабря 1756 года предписано добавить въ штатъ московскаго госпиталя, по увеличившемуся числу больныхъ, къ имѣющимся чинамъ еще 1 оператора, 2 лѣкарей и 6 подлѣкарей. Значить, исполнилось то, о чемъ давно ходатайствовалъ архіатеръ Фишеръ, но безуспѣшно.

Ф. Л. Елачичъ давно состоялъ въ службѣ и до опредѣленія въ московскій госпиталь два раза ѣздилъ съ караванами въ Китай, такъ что считался опытнымъ въ этомъ дѣлѣ. Но, вѣжеться, самъ онъ не очень радовался, что его считаютъ опытнымъ для степныхъ путешествій. Онъ искалъ покойнаго, почетнаго и выгоднаго мѣста—должности госпитальнаго оператора—именно для того, чтобы уѣсться на немъ

и жить бабъ живутъ всё осѣдлые московскіе практикующіе врачи. И однакожь это не удалось. Въ Китай опять снаряжень былъ караванъ, подъ команду гвардіи капитана-поручика Кропотова, и именнымъ высочайшимъ указомъ 9 октября 1762 года операторъ Елаичъ назначенъ въ этотъ караванъ, съ двойнымъ жалованьемъ, но безъ опредѣленія срока командировки.

Операторомъ московскаго госпиталя, на его мѣсто, назначенъ (21 декабря 1762) исправлявшій эту должность въ вронштадтскомъ адмиралтейскомъ (морскомъ) госпиталѣ штабъ-лѣкаръ Ген. Гот. Энгель (*Heinrich Gottlieb Engel*), получившій въ послѣдствіи титулъ доктора и профессора.

Вступивши въ должность, Энгель потребовалъ себѣ помощника (*прозектора*) изъ числа лѣкарей госпиталя. Но въ госпиталѣ не оказалось способныхъ и въ помощь ему переведенъ, «за немаловременную службу» (16 апрѣля 1763) лѣкаръ рязанскаго конно-гренадерскаго полка Вил. Цемшъ (*William Christ. Zemsch*), съ тѣмъ чтобы онъ, сверхъ исполненія должности въ госпиталѣ по регламенту, помогаль Энгелю «въ изготовленіи анатомическихкихъ препаратовъ къ обученію учениковъ и въ прочемъ по операторской должности имѣть особый трудъ къ обученію учениковъ (съ жалованьемъ по штату 180 р. и за лишній трудъ по 40 р. изъ особыхъ суммъ, а всего по 220 р. въ годъ).

Помощниками прозектора назначались молодые подлѣкари. Такъ, подлѣкаръ московскаго госпиталя Федоръ Августовичъ Бетхеръ (*Friedrich Boettcher*), получивъ это званіе (подлѣкаря), съ назначеніемъ въ апшеронскій пѣхот. полкъ, сталъ проситься въ Москву, въ госпитальные прозекторы, и 15 октября 1767 опредѣленъ туда, на мѣсто вышедшаго Степана Михайловскаго. А Михайловскій, тоже изъ подлѣкарей тогоже госпиталя, произведенъ 6 февр. 1766 въ лѣкари по экзамену и назначенъ прозекторомъ анатоміи (съ подлѣкар. жалованьемъ до вакансіи по 24 р. въ годъ и съ прибавкою по 5 р. въ мѣсяцъ за прозекторство отъ медиц. конторы), но чрезъ годъ сталъ просить увольненія отъ прозекторской должности по слабости здоровья и переведенъ въ тегинскій пѣхотный полкъ (31 марта 1767).

Прозекторъ В. Цемшъ, не смотря на специальное положеніе свое въ госпиталѣ, не могъ избѣгнуть постороннихъ командировокъ. Въ самый годъ назначенія своего онъ командированъ былъ въ Сибирь, въ комисію для установленія ясака, и пробылъ тамъ боже года, пока не

сосредоточено было все сибирское управление въ Tobольскѣ. Тогда онъ сталъ проситься въ Москву, къ госпитальной и учебной должностямъ, и секундъ-майоръ гвардіи Щербачевъ склонился на его просьбы, «призналъ его ненужнымъ» и отпустилъ отъ себя. Въ послѣдствіи командированъ былъ на неопредѣленный срокъ (31 января 1769) въ Таганрогскую крѣпость въ должность штабъ-лѣкаря, а въ началѣ турецкой войны 1770 года и совсѣмъ отчисленъ отъ госпиталя, утверждень въ званіи штабъ-лѣкаря и назначень во вторую армію, въ крымскую степь, въ корпусъ генерала Магнуса Васильевича Берга, въ должность корпуснаго штабъ-лѣкаря.

Въ послѣдствіи В. Цемшъ пользовался особымъ расположеніемъ генераль-поручика Берга, командовавшаго 3 дивизіею 2 арміи, пріѣхалъ съ нимъ въ Москву и перешелъ на службу при московскомъ магистратѣ (21 марта 1773). Но при учрежденіи московскаго намѣстничества (1782) главный магистратъ упраздненъ и Цемшъ остался безъ мѣста. Однакоже черезъ годъ (августъ 1783) опредѣлился къ моск. медіц. конторѣ, въ помощь штабъ-лѣкарю, кол. ассессору Дм. Павловскому, но до ваканціи безъ жалованья.

Госпиталь оставался безъ прозектора и оператору Энгелю необходимо было прискаты человѣка, который бы принялъ на себя всѣ анатомическія работы и облегчалъ его собственныя занятія. Такого человѣка нашель онъ въ лицѣ подлѣкаря Власа Евсеевскаго, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія Энгеля 6 февраля 1770 года. «Находящійся при анатоміи съ 3 января 1768 года (т. е. съ безсрочной командировки Цемша), писалъ онъ, подлѣкарь Власъ Евсеевскій явился съ большимъ предъ прочими въ искусствѣ анатомическомъ успѣхомъ. А по словесному его прев-ства, президента медицинскои коллегіи, барона А. И. Черкасова, въ бытность въ 1767 году въ Москвѣ, приказу велѣно, буде кто изъ русскихъ учениковъ и подлѣкарей къ анатомическимъ дѣламъ способнѣйшимъ предъ прочими явится, о таковомъ представлять и при анатоміи удерживать. И понеже по его, Энгеля, усмотрѣнію подлѣкарь Евсеевскій предъ другими русскими болѣе желанія и охоты, такожь и прочія потребныя къ анатомическимъ работамъ качества имѣеть, то онъ проситъ въ медицинс. коллегію представить, если когда будетъ подлѣкарямъ въ полки командировка, то Евсеевскаго не командировать, но при госпиталѣ для анатомическихъ дѣлъ оставить, тагъ какъ при госпиталѣ нынѣ прозектора нѣтъ». По этому представленію Евсеевскій назначень исправляющимъ долж-

ность прозектора (1 марта 1770), а по экзамену (8 июля 1770) произведенъ въ лѣбари и утвержденъ прозекторомъ, съ жалованьемъ по 180 р. въ годъ.

Операторъ Энгель, дождавшись 40-лѣтняго термина своей службы, воспользовался примѣромъ сослуживца своего П. Вилля и обратился въ медицинскую коллегію съ просьбою позволить ему называться «докторомъ», съ оставленіемъ при тойже должности. Коллегія принуждена была исполнить просьбу и разрѣшила ему именоваться докторомъ (сентябрь 1781). Умеръ онъ въ Москвѣ, не оставяя должности, 11 февраля 1785 года.

На его мѣсто назначенъ операторомъ заштатный штабъ-лѣбаръ изъ Кіева (24 февраля 1785) Иванъ Гильдебрандтъ (*Joh. Hildebrandt*), служившій прежде въ арміи гр. Румянцова-Задунайскаго. Онъ избранъ былъ спѣшно конторою московскаго госпиталя, «дабы не упустить чрезъ продолженіе времени ученія», по извѣстному его искуству. Но когда дѣло дошло до утвержденія этого избранія, то членъ коллегіи Ф. Тихорскій представилъ возраженіе противъ торопливаго окончанія дѣла и предложилъ на эту должность прозектора Панковскаго, который по болѣзни покойнаго Энгеля исправлялъ уже операторскую должность. На это нѣмецкіе члены отвѣтили, что опредѣленіе уже состоялось, хотя указъ еще и не отосланъ. Тогда Тихорскій потребовалъ исполненія по крайней мѣрѣ того, что требуется отъ всякаго избираемаго на учебную должность и еще недавно потребовано отъ доктора Н. Карпинскаго, а именно потребовать приготовления анатомическаго препарата и публичной демонстраціи его. На это согласились и поручили московской медицинской конторѣ предложить Гильдебрандту, чтобы онъ самъ приготовилъ анатомическій препаратъ, какой захочетъ, и демонстрировалъ его въ присутствіи членовъ московской медицинской конторы и госпитальныхъ медицинскихъ чиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ докторъ Тимковскій (штадтъ-физикъ) донесъ коллегіи, что Гильдебрантъ 17 іюня «показалъ глазные нервы и мускулы съ ихъ толкованіемъ на латинскомъ діалектѣ добропорядочно». Коллегія этимъ удовольствовалась и утвердила избраніе.

Спустя четыре года операторъ Іог. Гильдебрандтъ назначенъ профессоромъ анатоміи, хирургіи и фізіологіи (вмѣсто уволеннаго отъ службы доктора и профессора Я. А. Риндера), съ исправленіемъ и операторской должности, до принсканія другаго оператора, съ жалов. 1000 рублей (май 1789). Черезъ полтора года послѣ этого, по при-

казанію Фитингофа, «по извѣстному отличному его знанію въ медицинѣ и по разнымъ полученнымъ отъ него обсерваціямъ», произведенъ безъ экзамена въ доктора медицины (13 февр. 1791).

По новому штату медицинской коллегіи 15 іюля 1786 года въ госпиталяхъ положены прозекторы, а въ московскомъ госпиталѣ существовала вакансія и занималъ ее временно лѣкарь Василій Андреевичъ Григоровскій, а потомъ, по новому штату, утвержденъ прозекторомъ при московск. хирургической школѣ, съ жалованьемъ по 250 рубл. Послѣ утвержденія оператора Іог. Гильдебранта профессоромъ, операторская вакансія занята была прозекторомъ В. А. Григоровскимъ (21 декабря 1789), но съ прежнимъ жалованьемъ по 250 рублей и съ обязанностью исправлять должность прозектора за особое вознагражденіе по 100 р. въ годъ.

На вакансію прозектора просился прозекторъ кронштадтскаго адмир. госпиталя Семень Успенскій и былъ опредѣленъ на нее (6 сентября 1792), съ жалованьемъ по 250 р.

Операторъ В. А. Григоровскій умеръ въ Москвѣ 8 сентября 1794 года и на его мѣсто явилось много кандидатовъ. Признано необходимымъ назначить между ними конкурсъ, дабы избрать достойнѣйшаго. Къ сожалѣнію конкурсъ возбудилъ страсти и вызвалъ такое пристрастіе къ иностранцамъ, что остался памятенъ на долгое время¹⁾. По конкурсу признанъ достойнѣйшимъ бывший прозекторъ Семень Успенскій, который и утвержденъ медицинской коллегіею *операторомъ* московскаго госпиталя (26 мая 1796), съ штатнымъ жалованьемъ по 300 р., а профессору Гильдебрандту предоставлено прискаты себѣ другаго прозектора. Но такъ какъ этого скоро сдѣлать было нельзя, то Гильдебрандтъ избралъ для исполненія прозекторскихъ обязанностей двухъ учениковъ госпитальной школы Ивана Книгина и Ивана Каменскаго. Черезъ годъ послѣ того профессоръ Гильдебрандтъ просилъ коллегію назначить при его кафедрѣ учениковъ 3 класса Ив. Книгина адъюнктомъ, а И. Каменскаго прозекторомъ. Дѣлая это представленіе, онъ очевидно не понималъ значенія адъюнктуры, тогда только что установленной. И коллегія отвѣчала ему, что «такъ какъ при спб. училищѣ сего 6 января опредѣленъ адъ-

¹⁾ Конкурсъ этотъ описанъ въ моихъ *Очеркахъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія*. Спб. 1870, стр. 375.

адьюнктомъ штабъ-лѣкарь Петръ Загорскій (т. е. лѣтъ 15 уже бывший операторомъ и преподавателемъ). то означенныхъ лѣкарскихъ учениковъ опредѣлить въ анатоміи. съ тѣмъ, что когда съ успѣхомъ будутъ исправлять свою должность, оставлены будутъ кандидатами» (8 июня 1797). Гильдебрандъ повидимому не зналъ тогда, что адьюнктомъ къ нему назначенъ именно штабъ-лѣкарь П. А. Загорскій, хотъ это назначеніе и не было исполнено. по нежеланію самаго Загорскаго.

Осенью тогоже (1797) года Книгинъ и Каменскій получили прибавку жалованья, «за представленную обсервацію» (объ *visus rotundus ventriculi*), по 70 рублей въ годъ. Вскорѣ однакожь И. Книгинъ опредѣленъ былъ лѣкаремъ въ кирасирскій генераль-маіора Цорна полкъ, и выѣхалъ изъ Москвы, но не на долго: въ февралѣ 1797 года медицинская коллегія вызвала его въ Петербургъ для испытанія, по намѣренію опредѣлить его адьюнктомъ анатоміи, и дѣйствительно, по строгому испытаніи, опредѣлила его (4 августа 1799) адьюнктъ-профессоромъ къ анатоміи и физиологіи въ Спб. медико-хирургическую академію, съ жалованьемъ по 350 р. въ годъ.

И. Каменскій тоже назначенъ былъ (27 ноября 1798) лѣкаремъ въ мушкетерскій графа Ивелича 1 полкъ; но по представленію московской медицинской конторы опять возвращенъ (4 апрѣля 1799) къ прозекторской должности при москов. медико-хирургическомъ училищѣ, съ жалов. по 250 р.

Операторъ С. Успенскій, бывъ въ Петербургѣ, подалъ просьбу объ увольненіи отъ службы по болѣзни и въ декабрѣ 1800 года уволенъ, причемъ операторская должность въ госпиталѣ поручена была профессору хирургіи въ московской медико-хирургической академіи доктору Павлу Шумлянскому (7 ноября 1801).

Въ заключеніе надобно упомянуть еще объ одномъ операторѣ, численномъ къ московскому госпиталю. но не принимавшемъ никакого участія въ учебной дѣятельности госпиталя. Это былъ операторъ *Nicolas Legros*, называвшій себя *eleve de Ms Louis, chirurgien de Paris, dr en médecine de l'université de Nancy*. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ принцомъ Нассау-Зигеномъ и принятъ въ русскую службу 23 мая 1789 года по контракту на три года, съ жалованьемъ по 700 рублей. Фитингофъ приказалъ зачислить его въ московскій госпиталь съ чиномъ штабъ-лѣкаря. но съ тѣмъ чтобы тотчасъ же отправить его на галерный флотъ къ Нассау Зигену. Въ контрактѣ сказано было, что по окончаніи войны или оставить его гдѣ либо на

службъ въ Петербургѣ, или причислять къ учебному персоналу хирургической школы. Въ послѣдствіи оставленъ за штатомъ, хоть и усиливался войти въ составъ медико-хирургической академіи.

Главные лѣкари московскаго генеральнаго госпиталя. По заведенному д-ромъ Бидлоо въ московскомъ госпиталѣ порядку, главнымъ, а во многихъ случаяхъ и единственнымъ надежнымъ помощникомъ директору госпитальной медико-хирургической школы, въ дѣлѣ обученія учениковъ, служилъ главный лѣкарь госпиталя. Эту должность исправлялъ въ послѣдніе годы жизни Бидлоо, а потомъ и послѣ смерти его лѣкарь Матвѣй Кланке. Но онъ тяготился въ послѣднее время своей должностію и никакъ не могъ ужиться съ Детейльсомъ. Съ нетерпѣніемъ поэтому ждалъ онъ конца своей капигуляціи и, какъ только истекъ срокъ ея, подалъ въ отставку. Просьба его принята была архіатеромъ неблагосклонно, потому что въ ней чувствовался косвенный протестъ противъ назначенія Детейльса; однакоже она была принята. Только при исполненіи ея оказалось, что немедленно отпустить Кланке нельзя: не на кого было оставить госпиталь. Дѣло потянулось и только черезъ годъ данъ ему абшить (16 января 1738).

На его мѣсто опредѣленъ (1738) лѣкарь нарвскаго пѣхотнаго полка (въ послѣдствіи штабъ лѣкарь сперва 3 арм. дивизіи Миниха, а потомъ финляндской дивизіи В. Я. Левашева) Вильгельмъ Кларнеръ: но онъ только считался на этой должності, и то очень не долго, а никогда не являлся къ исполненію ея и не былъ увольняемъ отъ прежней своей должності, потому что былъ тамъ необходимъ. Въ это время онъ считалъ уже 34 года службы и пользовался весьма хорошимъ мнѣніемъ военно-медицинской администраціи. Между прочимъ и въ госпитальную службу рекомендовалъ его полевой штаб-докторъ П. З. Кондонди. Умеръ въ Москвѣ, при московской дивизіи, 11 августа 1758 года.

А такъ какъ за отъѣздомъ Детейльса некому было управлять госпиталемъ, то пріѣхавшій изъ Петербурга гофъ-хирургъ Льюисъ Кальдервудъ (*Lewis Caldervood*) назначенъ былъ главнымъ лѣкаремъ, исполняя въ тоже время обязанности и старшаго доктора и оператора.

Въ помощь ему, года черезъ два, назначенъ былъ старый лѣкарь Андрей Ивановичъ Скрымзоръ (*H. Scrymsow*), англичанинъ по происхожденію, получившій въ 1741 году номинальное званіе главнаго

лѣкаря. Но и этотъ помощникъ Кальдервуда часто посылался въ командировки. Такъ, въ началѣ 1741 года посланъ былъ для сопровожденія турецкаго посольства съ граф. Брюсомъ изъ Москвы въ Петербургъ, и пробылъ тамъ до августа, а къ концу лѣта того же года командированъ былъ въ Астрахань, въ распоряженіе тайнаго совѣтника В. Н. Татищева, и пробылъ тамъ всю осень. Между тѣмъ былъ очень нуженъ въ госпиталѣ для исправленія обѣихъ должностей своихъ. Поэтому Татищеву написано, чтобъ онъ не держалъ его у себя и отпустилъ въ Москву, а если нуженъ лѣкарь для лѣченія больныхъ, то поручилъ бы это находящемуся тамъ главному лѣкарю Сильвестру Молоху; если же ему случится куда нибудь выѣхать изъ Астрахани, то изволилъ бы взять съ собою лѣкаря Клерка, который въ 1739 году назначенъ въ Калмыцкому хану Дондукъ-Омбо при полковникѣ Бабарыгинѣ и тамъ и теперь находится. Татищевъ склонился на эти представленія и отпустилъ Скрымзора, который и возвратился въ Москву 3 февраля 1742 года. Онъ прослужилъ въ московскомъ госпиталѣ десять лѣтъ, съ жалованьемъ сперва по 240, а потомъ по 300 р., получилъ званіе штабъ-лѣкаря и 28 марта 1751 года переведенъ, по собственному желанію, штабъ-лѣкаремъ въ полки лифляндской дивизіи графа П. П. Шувалова ¹⁾. На его мѣсто, лѣкаря, опредѣленъ изъ морскаго корабельнаго флота (26 июня 1751) лѣкарь Валентинъ Штеге (*Valentin Steege*), съ жалованьемъ по 240 р. въ годъ, и потомъ другой лѣкарь Михаилъ Плепшъ (*Mich. Ploepsch*).

¹⁾ Штабъ-лѣкарь Андрей Пвановичъ Скрымзоръ, англичанинъ, принятъ въ русскую службу въ маѣ 1740, по капитуляціи съ д-ромъ Блюментростомъ, только на шесть мѣсяцевъ, именно по февраль 1741 года, и опредѣленъ въ московскій генер. госпиталь лѣкаремъ. Но прибылъ онъ въ Россію еще въ 1737 году и жилъ въ частной службѣ у англійскаго купца и московскаго фабриканта Джона Темпса лѣкаремъ. После двухъ выше означенныхъ командировокъ прослужилъ при госпиталѣ до 1751 и перешелъ штабъ-лѣкаремъ въ сформировавшуюся близъ Риги ливонскую дивизію и оставался тамъ до 1757 года. Дивизія пошла въ походъ, а Скрымзоръ, страдая подагрой, отказался отъ заграничнаго похода и подалъ въ отставку, на которую согласны были и дивизионный докторъ Унгебауеръ и командовавшій дивизіею графъ С. Ф. Апраксинъ, помѣтившіе его при Рижскомъ полевомъ госпиталѣ. Получивъ его просьбу, медицинская канцелярія сперва попреянула ему нежеланіе идти на службу въ военное время, «по военному времени бросать службу не пристойно», тѣмъ болѣе что онъ сидитъ въ Ригѣ и стало бытъ не Богъ-знаетъ какъ обремененъ службою; а потомъ, когда онъ представилъ свидѣтельства о болѣзни отъ д-ровъ Биде, Штелиана и Графа, уволила его съ абштомъ (23 июля 1758).

Льюсь Кальдервудъ умеръ 24 іюня 1755 года ¹⁾, а недѣлю раньше (15 іюня) скончался лѣкарь В. Штееге ¹⁾. На мѣсто Кальдервуда, главнымъ лѣкаремъ московскаго госпиталя, назначенъ лѣкарь спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Іоганнъ Гольдманъ (*Ioh. Goldmann*), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, а на мѣсто Штееге опредѣленъ лѣкарь кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя Іог. Штелинь (*Ioh. Staehlin*), съ жалованьемъ по 180 р. въ годъ. Оба назначенія состоялись 29 іюля 1755 года, среди множества искателей этихъ мѣстъ.

Главный лѣкарь Іог. Гольдманъ умеръ въ Москвѣ 29 ноября 1757 года, оставивъ жену и трехъ малолѣтнихъ дочерей. Передъ смертью онъ долго хворалъ и обязанности его исполняли (болѣе полугода и бесплатно) лѣкарь тогоже госпиталя Миколай Ѳомиць Чубенскій, который потомъ и утвержденъ главнымъ лѣкаремъ московскаго госпиталя (1 апрѣля 1758 года). Чубенскій получилъ образованіе въ этомъ же госпиталѣ ³⁾ и былъ едвали не однимъ изъ первыхъ русскихъ, получившихъ видное мѣсто въ госпитальной администраціи. Мотивами къ избранію его на эту должность поставлено было то, что онъ назначается «по особливому знанію въ хирургическомъ дѣлѣ и госпитальныхъ обрядовъ, также по тихомірному въ житіи поведенію и достаточному знанію руссійскаго и латинскаго языковъ». Назначенъ онъ сперва «исправляющимъ должность на полгода», а окончательно утвержденъ въ ней 9 января 1759.

Лѣкарь Н. Ѳ. Чубенскій четыре года исполнялъ свою должность и

¹⁾ Первоначальная служба Л. Кальдервуда, одного изъ достойнѣйшихъ должателей дѣла начатаго д-ромъ Бидлоо, до 1730 года мало извѣстна. Онъ служилъ при преображенскомъ полку лѣкаремъ и отсюда 14 мая 1730, по высочайшему повелѣнію, назначенъ первымъ гофъ-хирургомъ, съ жалов. по 600 р. Въ мартѣ 1738, по именному указу, уволенъ отъ придворной службы и назначенъ (6 мая) главнымъ лѣкаремъ въ московскій госпиталь, съ жалов. по 500 р., на мѣсто оператора того госпиталя Іог. Пагенкампеа, переведеннаго ко двору гофъ-хирургомъ. 3 іюня 1742 прибавлено ему 100 рублей къ жалованью. Женатъ былъ на французкѣ Евѣ Евимовнѣ, которой по смерти его выдавалась пенсія—по $\frac{1}{2}$ долѣ его жалованья.

²⁾ Жена его Анна Магдалина еще въ 1751 году, по взамену въ медіц канцеляріи, утверждена повивальною бабкою и практиковала въ Москвѣ. Лѣкарь М. Пшепшъ умеръ еще раньше, именно въ 1754 году.

³⁾ Принятъ ученикомъ въ московскій генеральный госпиталь 1732 и изъ подлѣ карей впроваденъ лѣкаремъ въ тотъ же госпиталь 20 ноября 1756.

приобрѣлъ хорошую репутацію въ городѣ. Между прочимъ онъ часто былъ приглашаемъ въ Сергіевскую лавру для лѣченія монаховъ, семинаристовъ и штатныхъ служителей. Его полюбилъ тамъ и наконецъ предложили, чрезъ епископа Гедеона, перейти совсѣмъ на службу въ лавру, на мѣсто состоявшаго тамъ и умершаго (2 января 1762) штабъ-лѣкаря Ивана Зегера. Чубенскій принялъ предложеніе и заключилъ съ лаврою контрактъ на четыре года, съ тѣмъ что ему будетъ даваемо ежегодное жалованье по 400 р., съ готовою квартирою и экипажемъ. Отъ госпиталя отчисленъ онъ 16 декабря 1762 года ¹⁾. Умеръ 1 сентября 1768 года.

На мѣсто Чубенскаго главнымъ лѣкаремъ московскаго госпиталя назначенъ (16 дек. 1762) штабъ-лѣкарь Христ. Эгиди (*Christian Egidy*), временно состоявшій въ это время при артиллеріи, подъ командою генерала Вильбуа ²⁾. Но служба показала ему чрезмѣрно

¹⁾ При Троицкой Сергіевской лаврѣ, по указамъ 6 сентября и 14 октября императрицы Елисаветы Петровны, заведена семинарія и при ней положенъ былъ по штату лѣкарь «для пользованія при оной лаврѣ монашествующихъ и семинаристовъ медицинскими спомогательствами». На эту должность изъявилъ желаніе лѣкарь слб. адмиралтейскаго госпиталя Іоганъ Христіанъ Цуберъ и заключилъ съ лаврою контрактъ на четыре года, съ тѣмъ чтобы лѣкарства покупались на счетъ лавры, а ему даваемо было по 400 р. въ годъ и для прислуги два работника, съ готовою квартирою, съ дровами и свѣчами, и въ случаѣ повздокъ по дѣламъ лавры съ готовою коляскою и лошадью. Условія эти одобрены архіепископомъ Арсеніемъ переяславскимъ и дмитровскимъ и архимандритомъ лавры и Цуберъ опредѣленъ туда 4 ноября 1746 года. Въ послѣдствіи контрактъ продленъ еще на два года, причемъ прибавлено, чтобы учить семинаристовъ лѣкарскому искусству. Въ февралѣ 1752 года Цуберъ подалъ въ отставку, подъ предлогомъ отъѣзда въ отечество его (Ангальтбербургъ), но не повхалъ, а опредѣленъ главнымъ лѣкаремъ слб. адмиралтейскаго госпиталя, на мѣсто Роде, изъявившаго желаніе поступить въ лавру лѣкаремъ (4 марта 1752).

²⁾ Штабъ-лѣкарь Хр. Эгиди принятъ въ службу въ 1731 году лѣкаремъ и назначенъ въ полевые полки. Съ полками онъ участвовалъ въ военныхъ походахъ: польскомъ, турецкомъ и крымскомъ и считался однимъ изъ самыхъ образованныхъ и опытныхъ полковыхъ лѣкарей. По окончаніи турецкой войны 1738 года онъ представилъ подробное описаніе господствовавшей въ пограничныхъ войскахъ моровой язвы и переведенъ въ «физическимъ дѣламъ при медицинскои канцеляріи (1739). И здѣсь дѣятельность его была такъ разумна и усердна, что въ награжденіе ея, особымъ именнымъ указомъ императрицы Елисаветы Петровны, онъ пожалованъ штабъ-лѣкаремъ съ рангомъ арміи капитана и назначенъ на службу при лейбъ-компаніи (10 сентября 1747 года). Потомъ, по случаю отлучки штабъ-лѣкаря артиллеріи Бѣльхена, онъ

тяжелю и потому ровно через годъ онъ подалъ въ отставку, ссылаясь на свою старость (60 лѣтъ) и на желаніе уѣхать на родину, въ Кенигсбергъ, и уволенъ съ абшитою (18 декабря 1763) и съ дозволеніемъ отправиться на родину.

На его мѣсто въ московскій госпиталь назначенъ состоявшій при св. синодѣ штабъ-лѣкарь Петръ Виль (*Joh. Peter Wiel*), съ жалованьемъ по 450 р. въ годъ. Въ послѣдствіи (1777) жалованье его увеличено до 600 р. Но онъ этимъ не удовольствовался. Онъ изъясилъ желаніе получить званіе доктора медицины и обратился къ генералъ-бригсъ-коммисару С. Дурново съ просьбою исходатайствовать ему это званіе отъ медицинскон коллегіи, а потомъ опредѣлить при томъ же госпиталѣ младшимъ докторомъ. Дѣло было неловкое, но ходатайство Дурновс помогло и старый Виль, только одинъ годъ въ жизни учившійся въ размѣрахъ подлѣкарскаго курса, признавъ коллегіею докторомъ и опредѣленъ младшимъ докторомъ (декабрь 1780) въ тотъ же московскій госпиталь.

На мѣсто его, главнымъ лѣкаремъ госпиталя, назначенъ (іюнь 1780) штабъ-лѣкарь Иванъ Штелинь (*Joh. Stoehlin*), воспитанникъ того-же госпиталя, считавшій уже 39 лѣтъ непрерывной службы. Доживъ до глубокой старости, онъ сталъ хворать и по временамъ не въ состояніи уже былъ исправлять свою должность. Его однакожь щадили. Такъ прошло десять лѣтъ. Наконецъ въ помощь ему назначенъ былъ отставной докторъ Филиппъ Фр. Пфеллеръ (*Philipp Friedrich Pfoehler*) «и для исправленія должности штабъ-лѣкаря

назначенъ на его мѣсто, а когда Кельхенъ возвратился, то Эгвиди опредѣленъ главнымъ лѣкаремъ московскаго госпиталя, съ жалованьемъ по 600 рублей.

*) Штабъ-лѣкарь П. Виль вступилъ въ службу ученикомъ въ ревельскую адмиралтейскую аптеку (1736) и черезъ четыре года произведенъ гезелемъ (1741) въ Спб. адмиралтейскую аптеку. Но ему не понравилась фармацевтическая служба. Лѣкаремъ быть казалось лучше, а потому онъ поступилъ опять ученикомъ медицины въ Спб. адмир. госпиталь (1742) на своемъ содержаніи, произведенъ подлѣкаремъ въ тотъ же госпиталь (1743) и вскорѣ назначенъ на корабельный флотъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ кампаніяхъ, произведенъ лѣкаремъ (1746), былъ въ Астрахани при пѣхотныхъ полкахъ и оттуда опредѣленъ (1755) къ св. синоду съ жалов. по 450 р. и произведенъ въ штабъ-лѣкари. Въ 1763 составленъ былъ новый штатъ синодальнаго управленія, въ которомъ положенъ только одинъ лѣкарь съ окладомъ по 240 р. Убавки жалованья не хотѣлось, и Виль сталъ проситься въ Московскій госпиталь, ссылаясь на страданіе *fistula ani*, которая хоть и оперирована и зажила, но оставила янхондрію.

Ив. Штелина, поелику онъ находится въ престарѣлымъ лѣтахъ и въ слабости здоровья», младшимъ докторомъ до вагансін (30 января 1791), но безъ жалованья ¹. Впрочемъ ровно черезъ полгода ему назначено 300 р. жалованья и казенная квартира, и онъ зачисленъ въ госпиталь младшимъ докторомъ. Въ это время состоялъ въ московскомъ госпиталѣ штабъ-лѣкаръ, но на лѣкарскомъ обладѣ, Иог. Броунъ (*Joh. Brown*) и онъ-то именно и исправлялъ должность главнаго лѣкаря, когда со Штелиномъ случился параличъ. Поэтому при зачисленіи Пфелера «младшимъ докторомъ», Броунъ опредѣленъ главнымъ лѣкаремъ, съ прежнимъ жалованьемъ (т. е. по 180 р.) до открытія вагансін. Но спустя не долгое время онъ переведенъ главнымъ лѣкаремъ въ рижскій полевой госпиталь и на его мѣсто въ московскій госпиталь опредѣленъ главнымъ лѣкаремъ штабъ-лѣкаръ Григорій Мокренецъ. Послѣ открытія врачебныхъ управъ открылась вакансія инспектора управы въ Рязани и на нее опредѣленъ инспекторомъ Гр. Мокренецъ, съ жалованьемъ по 700 р. а на его мѣсто главнымъ лѣкаремъ московскаго госпиталя переведенъ бывшій операторъ орловской врачебной управы штабъ-лѣкаръ Михаилъ Рудановскій (1 февраля 1800 года), съ жалов. по 800 рублей.

Аптекари московскаго генеральнаго госпиталя. Въ послѣдніе годы жизни Н. Бидлоо и во все послѣдующее время, до передачи московскаго госпиталя въ вѣдомство комиссаріата, аптекою этого госпиталя управлялъ аптекаръ Иог. Маагъ (*Joh. Maak*), принятый въ службу по контракту докторомъ Бидлоо. Контрактъ былъ кратковременный, но вскорѣ былъ забытъ и не возобновлялся, такъ что Маагъ прослужилъ при госпиталѣ около 45 лѣтъ, въ томъ числѣ въ должности «подмастерья» около 18 лѣтъ, а потомъ «аптекаремъ». Въ госпиталѣ онъ и умеръ, 10 октября 1755 года. Помощникомъ ему служилъ въ то время гезельшванъ Павловичъ Вестгофъ (*Joh. Westhof*), состоявшій въ госпиталѣ съ 1732 года.

На мѣсто Маага назначенъ былъ аптекаръ Богданъ Андреевичъ Танненбергъ (*Gottfried Tannenberg*), временно управлявшій спб. адмиралтейскою аптекою, до прибытія изъ Астрахани аптекаря тамошней полевой аптеки Иог. Мадебурга (*Johann Friedrich Madeburg*).

¹) Жалованья потому нельзя было назначить, что по штату медиц. коллегіи 15 іюля 1786 года званіе и должность младшихъ докторовъ въ госпиталяхъ упразднены были.

Гот. Танненбергъ находился въ службѣ съ 1747 года и сперва состоялъ при петербургскихъ аптекахъ гезелемъ, а потомъ былъ экзаменованъ (1754) штатдт-физикомъ съ нѣсколькими аптекарями, признанъ достойнымъ повышенія, но не произведенъ въ аптекари по неимѣнью вакансіи и назначенъ провизоромъ въ Спб. главную аптеку. При назначеніи въ московскій госпиталь (1 мая 1756) ему опредѣлено 250 р. жалованья впредь до усмотрѣнія ¹⁾.

Это передвиженіе аптекарей вызвано было почти одновременною смертью двухъ старыхъ московскихъ аптекарей. Кромѣ Маака, въ Москвѣ умеръ (29 октября 1755) аптекарь главной аптеки Давидъ Лапентъ и исправленіе обязанностей его поручено временно провизору Матвѣю Николаю съ старшимъ гезелемъ Христофоромъ Тилемъ. На мѣсто Лапента назначенъ былъ (11 ноября 1755) аптекарь спб. адмиралтейской аптеки Петръ Нейгардтъ, передавшій временно управление ею Готф. Танненбергу. На мѣсто же Нейгардта переведенъ изъ астраханской полевой аптеки І. Мадебургъ. Должность гезеля въ спб. адмир. аптеку поручена была, то же временно, гезелю Ильѣ Экбауму. Аптекарь П. Нейгардтъ умеръ въ Москвѣ 9 апрѣля 1758 года и на его мѣсто переведенъ Гот. Танненбергъ, сдавъ госпитальную аптеку (24 марта 1758) провизору Христофору Тилю (*Christoph Thiel*).

Черезъ годъ послѣ того назначенъ въ госпитальную московскую

1) Въ маѣ 1764 года аптекарь Б. А. Танненбергъ, отказавшись отъ казенной службы, взялъ въ аренду партикулярную аптеку Говія Мейера въ Москвѣ (въ Бѣломъ городѣ, на Лубянкѣ, на Мясницкой улицѣ у Никольскихъ воротъ) на три года и самъ управлялъ ею. Но въ февралѣ 1765 онъ пожелалъ купить продававшуюся вольную аптеку Гавр. Гавриловича Саульса, со всею принадлежавшею къ ней землею (на Большой Покровкѣ, близъ Покровскихъ воротъ въ приходѣ церкви Успенія въ котельникахъ), которая заведена была отцомъ нынѣшняго владѣльца Гавр. Андр. Саульсомъ и просилъ дозволенія мецдц. канцеляріи. Дозволеніе дано было, но съ тѣмъ чтобы для управления арендованною аптекою прискалъ онъ способнаго провизора. Танненбергъ прискалъ гезеля Данила Люте (*Daniel Jochim Lühte*), выписаннаго въ Москву изъ Ревеля купцами Кондиковыми въ собственную ихъ вольную аптеку, и на свой счетъ послалъ его въ Петербургъ для выдержанія экзамена. Не мѣшаетъ прибавить, что арендованная Танненбергомъ аптека Мейера была опальная: она была закрыта «за безпорядки и обманства» ея владѣльца, лишенаго наконецъ права содержать аптеку и осужденнаго по суду, но избавившагося отъ уголовного наказанія лишь по личному благоволенію Екагерини II.

аптеку (1759) аптекарь Яковъ Тешнеръ (*Joh. Jacob Teschner*), а въ московскую главную аптеку Давидъ Танненбергъ, служившій прежде въ кронштадтской адмиралтейской аптекѣ.

Провизорами московской главной аптеки были сперва Михаилъ Юргенсонъ (*Mich. Jürgenson*), исполнявшій обязанности лаборанта, а потомъ Томасъ Нилусъ (*Th. Nilus*). Провизоромъ московской госпитальной аптеки оставался Иванъ Вестгофъ и ему поручено было (26 ноября 1761) преподаваніе въ зѣтніе мѣсяцы фармакогнозіи, «знанію травъ и кореньевъ официнальныхъ», на основаніи генеральнаго регламента, между тѣмъ какъ аптекарь Тешнеръ не принималъ на себя этой обязанности ¹⁾.

Аптекарь Юг. Тешнеръ, родомъ пруссакъ изъ Алленбурга, принятъ въ русскую службу гезелемъ при екатеринбургскихъ заводахъ (съ 1753); 20 февраля 1758 командированъ былъ въ Москву для истребованія матеріаловъ для екатеринбургской аптеки. Но въ это самое время заводы отданы въ частное владѣніе и Тешнеръ уволенъ бергъ-коллегіею отъ заводской службы по ненадобности. Онъ началъ искать мѣста и, за неимѣніемъ другихъ вакансій, опредѣленъ старшимъ гезелемъ при московской главной аптекѣ. Черезъ годъ (30 марта 1759) произведенъ въ аптекари и опредѣленъ въ аптеку московскаго госпиталя, съ жалов. 200 р. и казенною квартирою. Но дѣлу о пропажѣ ревеня онъ формально оправданъ; но по сущности дѣла повидимому не считался правымъ и не охотно оставался въ Москвѣ. Чтобы заглушить

¹⁾ Въ это время съ аптекаремъ Тешнеромъ случилась-было большая бѣда. Въ госпитальъ пропалъ 17 фунтовъ ревеня. Ревень былъ дорогъ и составлялъ предметъ секретной торговли, снабжавшей всю Европу этимъ корнемъ. Подозрѣніе пало на аптекаря и онъ смѣненъ и отставленъ отъ службы, съ преданіемъ суду. Должность аптекаря передава Вестгофу, съ производствомъ въ провизоры (7 марта 1761). Тешнеръ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, старался оправдаться, лично хлопоталъ, разумеется—тратился и наконецъ добился таки назначенія новаго слѣдствія, по которому, ровно черезъ годъ (9 марта 1762), опять назначенъ аптекаремъ въ тотъ же госпиталь. Но такъ какъ обвинителемъ или «доказчикомъ» предполагался Вестгофъ, то, по распоряженію управлявшаго медицинскою канцеляріею штатгъ-физика Дерхе, этотъ послѣдній, какъ клеветникъ, разжалованъ въ гезели, съ назначеніемъ въ московскій огородъ (ботаническій садъ), для помощи при лабораторныхъ дѣлахъ тамошнему аптекарю Гибсону. Онъ былъ хорошимъ фармацевтомъ и по представленію Гибсона штатгъ-физикъ Гевиттъ ходатайствовалъ о возвращеніи ему званія провизора; но Дерхе не исполнилъ этой просьбы и только прибавилъ жалованья, т. е. къ 140 р. прибавилъ еще 20 р. (15 июля 1763).

дѣло, онъ получилъ командировку въ Сибирь «для заготовленія тамъ надлежащихъ къ пользованію медикаментовъ и сыскать пристойныя травы для пользованія отъ оспы и тому подобныхъ сыпей, съ полученіемъ денежнаго жалованья 300 р. ³⁾», т. е. подъ самымъ неопредѣленнымъ и ничтожнымъ предлогомъ: но не принявъ ея и ссылаясь на письмо матери изъ Пруссіи подалъ въ отставку, чтобы ѣхать на родину, и 18 декабря 1763 года уволенъ съ абшитомъ и съ дозволеніемъ ѣхать на родину.

Провизоръ Яковъ Вестгофъ учился въ московской аптекѣ (съ 1732) и гезелемъ опредѣленъ въ лубенскую полевую аптеку (1739), а оттуда въ аптеку московскаго госпиталя (1745), гдѣ и произведенъ въ провизоры (1761).

На мѣсто Тешнера назначенъ къ аптекѣ московскаго госпиталя аптекаръ Павелъ Рунге (*Paul Runge*), состоявшій прежде въ Кяхтѣ для брака ревеня.

Гезелемъ опредѣленъ туда Іог. Шафратъ (*Johann Georg Schaffrath*), уроженецъ изъ гор. Брюгге въ Силезіи, учившійся у аптекаря Бергера, а потомъ въ Бреславлѣ у аптекаря Генр. Фердин. Закса. Въ медиц. коллегіи экзаменовали его аптекаръ Мадебургъ и штаб-лѣкаръ Виль и по атестату ихъ онъ произведенъ въ гезели и опредѣленъ въ московскую госпит. аптеку (30 сентября 1770). Но онъ не любилъ своего дѣла и черезъ три года зачисленъ волонтеромъ хирургич. госпитальной школы московскаго госпиталя (13 октября 1774). На его мѣсто опредѣленъ младшій гезель спб. главной аптеки Даниилъ Беккеръ (*Daniel Benjamin Becker*), учившійся одинъ годъ въ этой же аптекѣ. Прослуживъ въ госпиталѣ нѣсколько лѣтъ,

³⁾ По представленію сибирскаго губернатора, премьеръ-маіора гвардіи Чичерина и по представленію тайнаго совѣтника Соймонова правпт. сенатъ назначилъ въ Сибирь для *отращенія поибели отъ оспы* 2 лѣкарей, 4 подлѣкарей и 1 аптекаря, опытнаго съ медикаментами, который бы умѣлъ отыскивать тамъ травы, и съ ними отставныхъ оберъ офицеровъ и рядовыхъ. Назначеніе это высоч. утверждено 14 іюля 1763. Въ эту-то комиссію, снабженную особою инструкціею, и опредѣлены лѣкаря Эри. Авг. Гоэманъ и Иванъ Панаевъ и аптекаръ Тешнеръ, съ жал. по 300 р. каждому. Тешнеръ избранъ потому, что жилъ уже въ Екатеринбургѣ, стало быть знакомъ съ Сибирью. Но онъ не повѣхалъ, да и медикаменты не были отпущены, потому что въ Тобольскѣ учреждалась въ это время казенная аптека подъ управленіемъ аптекаря Слобовіуса, съ гезелемъ Магн. Бекманомъ и апт. ученикомъ Яковомъ Розаномъ, изъ которой и приказано брать лѣкарства для оспенныхъ больныхъ.

онъ просился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ московскую главную аптеку и перемѣщенъ туда, а на его мѣсто переведенъ изъ главной москов. аптеки (1781) гезель Адольфъ Диекъ (*A. Dieck*), уроженецъ изъ Стокгольма, учившійся у аптекаря Якова Бирка и принятый въ русскую службу въ 1778 году.

Въ мартѣ 1786 года медицинскою коллегіею постановлено было ввести въ госпитальныхъ школахъ методическое «преподаваніе химико-фармацевтическихъ опытовъ съ толкованіями происходящихъ при томъ процессовъ», подобно тому какъ производилось преподаваніе систематической ботаники, и опредѣлено поручить его госпитальнымъ аптекарямъ. Въ московскомъ госпиталѣ оно предложено аптекарю тамошняго медицинскаго сада Іоганну Александру: но онъ отказался, ссылаясь на то, что ему невозможно отлучаться отъ своего мѣста. Тогда преподаваніе поручено провизору московской главной аптеки Даниелю Беккеру, съ тѣмъ чтобы онъ для иноземцовъ преподавалъ на нѣмецкомъ, а для русскихъ на русскомъ языкѣ, и притомъ для тѣхъ и другихъ въ госпитальной аптекѣ (3 августа 1786). Вознагражденіемъ за этотъ трудъ назначена прибавка жалованья по 100 р., т. е. всего по 260 р. Но пока производилась переписка объ этомъ, состоялось утвержденіе новаго штата 15 іюля 1786, по которому въ госпитальныхъ школахъ предназначены и химико-фармацевтическія лекціи. По этому постановленію коллегіи отмѣнено, аптекари уволены отъ преподаванія и оставлены на прежнемъ жалованьи. вмѣстѣ съ тѣмъ аптекари вовсе устранены отъ школьнаго преподаванія въ госпиталяхъ, и замѣнены отдѣльными профессорами ботаники, химіи и матеріи медіци. Эту должность принялъ на себя въ московскоть м. х. училищѣ докторъ Фридрихъ Стефанъ (1786).

Аптекарь П. Рунге умеръ въ 1788 году и на его мѣсто назначенъ (22 мая 1788) сверхкомплектный провизоръ спб. главной аптеки Эрнестъ Вульфъ (*Ernest Gottlieb Wulff*), учившійся въ спб. главной аптекѣ (съ 1772—1776), гдѣ произведенъ гезелемъ, въ ревельскую госпит. адм. аптеку, а оттуда въ рижскую полевую аптеку (1780) и потомъ сверхкомплектнымъ провизоромъ (1782) спб. главной аптеки, гдѣ и произведенъ въ аптекарѣ (1788). Онъ былъ родомъ изъ Ростова и по окончаніи курса ѣздилъ на родину и пробылъ тамъ болѣе пяти лѣтъ, а по возвращеніи въ Петербургъ произведенъ по экзамену въ аптекари и назначенъ на службу въ московскую госпитальную аптеку, съ жалов. 180 рублей.

Прослуживъ здѣсь девять лѣтъ, Вульфъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ абшитою (2 ноября 1797).

На его мѣсто опредѣленъ находившійся тогда въ Петербургѣ аптекаръ нерчинскихъ горныхъ заводовъ (вѣдѣнія бергъ-коллегіи) Яковъ Роянъ, съ жалов. по 180 р. Это тотъ самый Роянъ, который тридцать три года назадъ, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Скубовіусомъ, присутствовалъ при учрежденіи Тобольской казенной аптеки. Съ тѣхъ поръ онъ кажется безвыѣздно жилъ въ Сибири, дожилъ до званія аптекаря и по видимому забылъ все, чему учился въ молодости. Бергъ-коллегія, по донесенію начальника нерчинскихъ горныхъ заводовъ кол. сов. Барбота де Марни, писала медицинской коллегіи (20 апрѣля 1797), что Роянъ «непримлемо исправляетъ должность, плохо видитъ и посредственное имѣеть въ дѣлѣ знаніе» и просила удалить его оттуда и прислать другаго на его мѣсто. Притомъ же начальникъ заводовъ принужденъ былъ еще въ іюлѣ 1795 года отрѣшнить его отъ должности. По смерти Барбота де Марни, преемникъ его бергъ-мейстеръ Черницынъ былъ не лучшаго мнѣнія и тоже не допустилъ его къ исправленію должности. Рояну не оставалось ничего больше какъ ѣхать въ Петербургъ, въ отпускъ, и искать мѣста. Онъ и поѣхалъ, просилъ мѣста въ московскомъ госпиталѣ и получилъ его (2 ноября 1797). Но онъ былъ дѣйствительно слабъ глазами отъ старости, по вечерамъ ничего не видѣлъ и неспособенъ былъ ли къ какому дѣлу, а потому въ помощь ему назначенъ гезель изъ московской главной аптеки Гаврило Смоленскій (25 февраля 1798), съ жалов. 120 р. Пользуясь этимъ назначеніемъ, Смоленскій поѣхалъ въ С. Петербургъ просить экзамена и доуищенъ былъ къ экзамену въ сиб. физикатѣ. Экзаминаторами были четыре аптекаря (Вогданъ Винтербергеръ, Иванъ Цамъ, Григорій Вунге и Тобіасъ Ловиць), подъ председательствомъ штатдт-физика Форштейна, и дали одобрителный аттестатъ, по которому Смоленскій произведенъ въ аптекаря (3 апрѣля 1800 года), но съ оставленіемъ въ томъ же госпиталѣ на гезельской вакансіи. По смерти Рояна аптекаръ Гаврило Смоленскій занялъ его мѣсто въ госпитальной аптекѣ.

Студіозусы или учителя латинскаго языка въ московской госпитальной школѣ. *Studiosus* Андрей Кальманъ (*Andreas Johann Culman*) опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ московскій госпиталь 11 ноября 1738, съ жалов. по 150 р. изъ коллегіиэкономіи, съ еквартирою, дровами и свѣчами, по каштитуляціи на три года. Умеръ 6

марта 1740 года. Онъ былъ саксонецъ, выписанный изъ Бопенгагена.

Послѣ него учителемъ латинскаго языка былъ Осипъ Фондигмансъ (*Joseph Vondikmans*), умершій 24 декабря 1755 года.

На его мѣсто опредѣленъ пруссакъ изъ Мемеля, Иванъ Цвицкертъ (*Johann Friedrich Zwicker*), имѣвшій аттестатъ изъ беннигсбергской академіи, въ которомъ значилось, что онъ можетъ учить латинскому и нѣмецкому языкамъ и математикѣ. По этому аттестату поступилъ онъ къ бѣлгородскому архіерею Іоасафу, для обученія школьниковъ архіерейской школы, и въ 1753 году уволенъ отъ него (пробывъ у него шесть лѣтъ). Опредѣленъ въ московскій госпиталь (12 іюля 1756 года учителемъ латинскаго языка, а уволенъ отъ должности 30 марта 1764 съ абшптомъ.

Объ открывшейся ваканціи латинскаго учителя объявлено было въ газетахъ и поэтому вызову явился кандидатъ Петръ Оттенталь (*Peter Otenthal*), пріѣхавшій изъ Вѣны съ профессоромъ Генрихомъ Дитлеемъ въ 1756 году. Онъ былъ одинъ годъ инспекторомъ въ казанской гимназіи, а потомъ училъ въ московскомъ университетѣ исторіи и географіи. Опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ московскій генеральный госпиталь 29 іюля 1764, съ жалов. по 120 р. въ годъ. Оказался однакоже неприлежнымъ и ровно черезъ два года уволенъ «за неприлежность» отъ службы (16 іюля 1767).

На мѣсто его явились два соискателя. Одинъ изъ нихъ былъ католическій патеръ въ Москвѣ по имени Ламбертъ, принявшій греческую религію и назвавшійся Петромъ Лаурини. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ отставнымъ майоромъ Вас. Алек. Лопухиннымъ, 29 октября 1760 перемѣнилъ религію и послѣ того былъ учителемъ у разныхъ помѣщиковъ, а наконецъ пріѣхалъ въ Москву съ конногвардейцомъ Сем. Пв. Каменевымъ, у котораго тоже училъ дѣтей. Другой соискатель былъ лютеранскій пасторъ *Лаврентій Зехтинъ*, состоявшій прежде латинскимъ учителемъ и пасторомъ въ Екатеринбургѣ, при собирскихъ казенныхъ заводахъ съ 1735 года, а оттуда пріѣхавшій въ Москву. Онъ и былъ опредѣленъ учителемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ при госпитальной школѣ (25 августа (1767), съ жалов. по 120 р. и казенною квартирою. Умеръ 28 марта 1772 года.

Послѣ его смерти *Оттенталь* опять просился на эту должность. Въ тоже время просился на это мѣсто магистръ философіи Альбертъ Вестфаль (*Albert Philipp Westfhal*), уроженецъ изъ города Грейфс-

вальда въ Помераніи, учившійся въ тамошнемъ и геттингенскомъ университетахъ юриспруденціи и съ 1754 года преподававшій тамъ философію и юридическія науки. Въ 1768 году пріѣхалъ въ Россію, училъ сыновей кол. сов. Шюллера и доктора Люпса, намѣревавшихся ѣхать въ чужіе края для изученія медицины.

Медицинская коллегія поручила отвѣтить на эти просьбы (14 мая 1772), что теперь принимаются въ московскій генеральный госпиталь только знающіе латинскій языкъ, а потому въ латинскомъ учителѣ и нужды нѣтъ и имъ слѣдуетъ отказать въ просьбѣ.

Однакожъ это не совсѣмъ было вѣрно. Латинскій учитель нуженъ былъ, но его негдѣ было взять, такъ что наконецъ коллегія поручила конторѣ московскаго госпиталя самой позаботиться о присканіи надежнаго учителя, тѣмъ болѣе что по штату 15 іюля 1786 года должность латинскаго учителя признала необходимою. Присканъ былъ отставной коллежскій регистраторъ Василій Семеновичъ Бѣляевъ, учившійся въ московской славяно-греко-латинской семинаріи и по окончаніи курса опредѣленный латинскимъ учителемъ въ крутицкую семинарію. Онъ принятъ и утвержденъ коллегією 25 февраля 1787 года, съ жалов. по 250 рублей.

Почти въ этоже самое время присканъ для преподаванія въ школахъ нѣмецкаго языка нѣкто Фаддей Аммонъ (*Thaddeus Ammon*) и опредѣленъ (15 апрѣля 1787), съ жалованьемъ по 250 р. съ тѣмъ однако, чтобы кромѣ нѣмецкаго языка преподавалъ еще ученикамъ «входящія въ медицину физическія и математическія науки», съ прибавкою за то особаго вознагражденія по 100 р. въ годъ.

Учитель В. С. Бѣляевъ умеръ 29 августа 1793 и мѣсто его осталось вакантнымъ. На него просился московскій лютеранскій пасторъ Яковъ Кромбергъ, но не былъ опредѣленъ, потому что штатная сумма на содержаніе учителя употреблена была на другую потребность.

ГЛАВА VI.

Медицинскіе чины петербургскихъ и кронштадтскаго генеральныхъ госпиталей, какъ учителя въ школахъ ихъ. Отъ учрежденія этихъ школъ въ госпиталяхъ до отдѣленія ихъ отъ госпиталей.

Учрежденіе С. -Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго (нынѣ Клиническаго) госпиталя обыкновенно относится къ 1717 году, хотя онъ не

имѣлъ еще въ то время опредѣленнаго штата. Каменное же зданіе его строилось въ 1732 году. Это видно изъ того, что въ указахъ военной коллегіи на имя главнаго комиссаріата 24 и 31 марта 1732 года предписывалось «для работы въ с.-петербургскій госпиталь къ достройкѣ фундамента и прочей подѣлкѣ командировать, мая къ первому числу, изъ полевыхъ или гарнизонныхъ полковъ солдатъ сколько надлежитъ, и для нихъ для присмотру оберъ- и унтеръ-офицеровъ по числу людей, по разсмотрѣнію генерала фельдцейхмейстера и кавалера графа фонъ-Миниха, и пока оныя солдаты при той работѣ будутъ, за тѣ дни давать имъ изъ городской канцеляріи заработныя деньги по указу, какъ и прежде сего дѣлано было». Въ указѣ оттуда же 22 апрѣля предписывалось «для достроенія и показыванія командированнымъ солдатамъ работы и опредѣленія къ тому подмастерьевъ, назначить инженера полковника Трезина, а материалы къ тому строенію отпускать надлежащія изъ канцеляріи отъ строеній».

Указомъ 22 мая предписывалось «имѣющіяся въ ономъ госпиталѣ недостроенныя каменные палаты достроить канцеляріи отъ строеній нынѣшнимъ лѣтомъ неотмѣнно, изъ положенной на то строеніе суммы, дабы за неимуществомъ покоевъ больные и другіе служители не претерпѣли никакой нужды».

Указомъ 8 сентября предписывалось «канцеляріи отъ строеній, въ подтвержденіе прежнихъ указовъ, непременно достроить каменные палаты этимъ лѣтомъ, дабы за неимѣніемъ покоевъ больные и прочіе служители не претерпѣли какой нужды, что взыщется на той канцеляріи, также и о командированіи для достройки при томъ госпиталѣ фундамента и прочихъ подѣлокъ, изъ здѣшнихъ командъ изъ полевыхъ или гарнизонныхъ полковъ солдатъ и къ нимъ для присмотру пристойнаго числа оберъ- и унтеръ-офицеровъ, сколько надлежитъ по разсмотрѣнію генерала-фельдмаршала и кавалера графа фонъ-Миниха».

9 ноября этотъ указъ опять повторенъ. Но переписка тянулась, а дѣло не дѣлалось. Госпиталь достраивался глубокою осенью и многія работы исполнены были кое-какъ, а слѣдствіемъ было то, что весною 1733 года, т. е. въ первый же годъ своего существованія, госпиталь сгорѣлъ и опять началась переписка о поправкѣ и починкѣ погорѣлыхъ палатъ и строеній.

Несмотря однакоже на недоконченность постройки госпиталя, 9 ян-

варя 1733 года утвержденъ штатъ медицинской канцеляріи, а съ нимъ и с.-петербургскаго госпиталя, названнаго «генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ». По этому штату положено содержать въ немъ: 1 доктора, 1 главнаго лѣкаря, 5 лѣкарей, 10 подлѣкарей, и 20 лѣкарскихъ учениковъ, 1 аптекарскаго гезеля и 1 работника въ аптекѣ. Въ послѣдствіи къ этому личному составу прибавленъ былъ 1 младшій докторъ. Всѣмъ этимъ чинамъ положено давать должное жалованье, по окладамъ ихъ, изъ суммъ медицинской канцеляріи, а ученикамъ пищу по регламенту отъ госпиталя, т. е. на счетъ комисаріата. Кромѣ того, всѣмъ чинамъ предписано дать въ госпиталѣ квартиры. Съ этихъ поръ всѣ учебные госпитали стали называться «генеральными», въ отличіе отъ полевыхъ и временныхъ госпиталей. Съ этихъ же поръ, а именно съ 28 мая 1733 года, открылись три новыя медико-хирургическія школы при трехъ новыхъ генеральныхъ госпиталяхъ (двухъ петербургскихъ и кронштадтскомъ).

Старшіе доктора сиб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Первые три главные доктора сиб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя (А. Ф. Севасто, Схендо-фанъ-деръ-Бехъ и Николай Энгелертъ), кажется, мало занимались систематическимъ преподаваніемъ медицинскихъ наукъ. Тоже самое можно сказать о докторахъ Як. Гривѣ и Абрагамѣ Ничѣ; но и въ ихъ время производилось ученіе другими лицами изъ госпитальнаго персонала.

Затѣмъ опредѣленъ въ госпиталь молодой докторъ Иванъ Андрей Унгебауръ (*oh. Andr. Ungebauer*), родомъ изъ Лейпцига, вступившій въ русскую службу по капитуляціи на три года, 1 июля 1741 года, младшимъ докторомъ, т. е. учителемъ въ сиб. генеральный сухопутный госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. По окончаніи контрактнаго срока онъ просилъ объ увольненіи его на родину, но вмѣсто того опредѣленъ былъ дивизионнымъ докторомъ въ украинскую дивизию, въ Лубны, въ команду генерала фонъ-Штафеля, съ жалованьемъ по 600 р. и 10 раціонами. Тамъ онъ оставался однакоже не долго и опять возвращенъ въ Петербургъ къ прежней должности, только не въ сухопутный, а въ адмиралтейскій генер. госпиталь (7 ноября 1747), на мѣсто перечисленнаго къ академіи наукъ Абрагама Кау Бургаава. Оттуда, когда умеръ докторъ Ничъ, Унгебауръ назначенъ (30 іюля 1750 года) старшимъ докторомъ въ генеральный сиб. сухопутный госпиталь, съ жалованьемъ по 800 р. Когда нача-

лись приготовленія къ семилѣтней войнѣ и русское войско значительно увеличено, возникала необходимость увеличить и численный составъ медицинскаго корпуса. Предвидя эту потребность, директоръ медицинской канцеляріи П. З. Кондоиди обратился въ сенату съ просьбою о разрѣшеніи опредѣлить въ армию одного главнаго доктора къ генераль-фельдмаршалу, съ званіемъ генеральнаго фельд-медикуса въ полковничьемъ рангѣ, по примѣру прочихъ европейскихъ государствъ, для управленія медицинскими дѣль и надзора за всѣми другими докторами и лѣкарями въ арміи, съ тѣмъ чтобы онъ получалъ жалованья по 1000 р. въ годъ, а раціоны и денщиковъ противъ полковника драгунскихъ полковъ. Сенатъ призналъ основательность этого представленія и принимая во вниманіе, что въ арміи прибавлено два полныхъ генерала, разрѣшилъ прибавить двухъ докторовъ, сверхъ шести положенныхъ по штату, а къ генераль-фельдмаршаламъ опредѣлить особыхъ двухъ старшихъ докторовъ, которыхъ и именовать *генеральными штабъ-докторами*, какъ было въ турецкую войну по именному указу 4 іюня 1738 года. При выборѣ лицъ на эти новыя должности, Кондоиди остановился на двухъ докторахъ, находившихся тогда въ Петербургѣ, именно въ армию генераль-фельдмаршала графа Степана Федоровича Апраксина назначилъ (30 сентября 1756) генеральнымъ штабъ-докторомъ (General Stabs Medicus) доктора генеральнаго спб. сухопутнаго госпиталя П. А. Унгебауера, съ жалованьемъ по 1000 р., 15-ю раціонами и 4 денщиками, а въ армию генераль-фельдмаршала А. Б. Бутурлина — доктора морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Георга Томаса Аша (*G. Th. Asch*), съ такимъ же содержаніемъ. А чтобы мѣста ихъ не остались вакантными, онъ опредѣлилъ въ генерал. сухопут. спб. госпиталь старшимъ докторомъ младшаго доктора того же госпиталя, профессора и доктора, Ив. Андр. Полетику, а въ морской шляхетный кадетскій корпусъ — помощника спб. штабъ-физика (25 сентября 1756) доктора Демьяна Петаля а Бриль.

Докторъ Иванъ Андреевичъ Полетика родился въ Малороссіи, въ городѣ Ромнахъ Лубенскаго полка, и первоначально учился 9 лѣтъ въ кievской академіи словеснымъ наукамъ, въ томъ числѣ греческому и латинскому языкамъ. Оттуда онъ поѣхалъ въ чужіе края учиться медицинѣ, какъ это видно изъ того, что въ 1750 году онъ подалъ въ Петербургъ прошеніе въ медицинскую канцелярію, въ которомъ говоритъ, что онъ былъ въ Голштиніи въ городѣ Килъ, 4 го-

да учился медицинѣ въ тамошней академіи (о чемъ и представилъ подлинное свидѣтельство), «но означенною наукою недоволенъ и для большаго утвержденія въ той наукѣ просить принять его въ спб. генеральный сухопутный госпиталь слушать медицинскіе лекціоны на своемъ коштѣ, но на казенной квартирѣ». Просьба эта была уважена и 31 декабря 1750 года онъ принятъ въ госпиталь подлѣбаремъ. Учителями его здѣсь были докторъ и профессоръ Шрейберъ, операторъ Я. фонъ-Мелленъ и докторъ Унгебауръ. Однакожь здѣшнимъ ученіемъ онъ еще меньше былъ доволенъ, чѣмъ кильскимъ, и потому не прошло года какъ онъ опять уѣхалъ за границу и началъ учиться сперва въ кильскомъ, а потомъ въ лейденскомъ университетахъ. На этотъ разъ ученіе шло хорошо и въ 1754 году онъ получилъ въ Лейденѣ докторскій дипломъ, напечатавъ и защитивъ публично диссертацию *De morbis hereditariis*. Но получивъ дипломъ онъ не тотчасъ возвратился въ Россію, а раздумывая о своемъ положеніи перѣѣхалъ изъ Лейдена въ Киль и тамъ удостоился чести, каковой вѣроятно не предвидѣлъ: въ томъ же 1754 году кильская медицинская академія избрала его въ свои профессеры и это избраніе утверждено было герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ и наследникомъ русскаго престола вел. княземъ Петромъ Федоровичемъ (который впоследствии назывался императоромъ Петромъ III). Итакъ И. А. Полетикъ досталась честь первому изъ русскихъ быть профессоромъ въ иностранномъ университетѣ. Два года занималъ онъ тамъ профессорскую кафедру, но потомъ, соскучившись по родинѣ, началъ просить объ увольненіи для возвращенія въ Россію и получилъ его, при чемъ данъ ему абшитъ, подписанный 8 июня 1756 года самимъ герцогомъ Петромъ и скрѣпленный фонъ-Пехлиномъ. Приѣхавъ въ Петербургъ онъ не былъ подвергнутъ экзамену на право практики, потому что хотя приѣхалъ и не по вызову (сказано въ указѣ медицинской канцеляріи 12 августа 1756 года), но «какъ природный русскій, а не чужестранецъ, при чемъ къ славѣ отечества, по прилежанію въ наукахъ, сверхъ докторской степени удостоился и произошелъ въ чинъ профессора, которымъ, какъ въ данномъ ему отъ Е. И. В. благовѣрнаго государя великаго князя Петра Феодоровича абшитѣ точно объявлено, въ Голштиніи при академіи кильской дѣйствительно находился.» Однакоже такъ какъ экзаменъ установленъ былъ закономъ, котораго обойти было нельзя, то директоръ медицинской канцеляріи Кондолди придумалъ сдѣлать съ приѣзжимъ профессоромъ и

докторомъ ученый разговоръ о медицинѣ и ея частяхъ. Разговоръ должны были вести съ нимъ профессоръ Шрейберъ и докторъ морскаго флота Синопеусъ, въ присутствіи самого Кондонди. Разговоръ происходилъ 11 сентября 1756 года, послѣ чего тотчасъ подписанъ одобрительный аттестатъ и Полетикѣ дано право свободной медицинскои практики въ имперіи, съ назначеніемъ младшимъ докторомъ въ генеральный спб. сухопутный госпиталь, при чемъ въ указѣ онъ названъ, какъ и съ самаго пріѣзда всегда назывался, «докторомъ и профессоромъ», а черезъ три недѣли послѣ того назначенъ старшимъ докторомъ тогоже госпиталя, на мѣсто Унгебауера. Онъ первый изъ природныхъ русскихъ получилъ въ управленіе большой госпиталь, если не считать русскимъ доктора Л. Блюментроста.

Какъ упрямый, задорный и крайне самолюбивый малороссъ, докторъ Н. А. Полетика ссорился непрерывно съ главнымъ лѣкаремъ госпиталя Ст. Вѣнчанскимъ, тоже малороссомъ, и наконецъ осенью 1759 года пожаловался на него за непокорность и неуваженіе къ нему. Разбиралъ ихъ самъ директоръ медц. канцеляріи П. З. Кондонди и убѣдился, что Полетика былъ неправъ и что эти два человека никакъ не могутъ ужиться вмѣстѣ. Поэтому, напрасно истощивъ все примирительныя средства, онъ перевелъ Полетика дивизионнымъ докторомъ въ Спб. дивизию генераль-аншефа графа Ал. И. Шувалова (31 декабря 1759), съ жалов. по 600 р. въ годъ, 10 раціонами и 2 денщиками изъ военной суммы, а Вѣнчанскаго приказалъ призвать въ медицинскую канцелярію и подтвердить ему, чтобы онъ былъ почтительнъ съ старшимъ докторомъ госпиталя, какъ съ главнымъ своимъ начальникомъ. Старшимъ же докторомъ назначилъ въ тотъ же день доктора Спб. дивизіи Христіана Пекена (*Christ. Paacken*), съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ.

Но ни то, ни другое назначеніе ихъ не исполнилось. Пекену очень хотѣлось занять мѣсто старшаго доктора и онъ очень хлопоталъ объ этомъ, тѣмъ болѣе что считался однимъ изъ полезныхъ преподавателей въ госпитальной школѣ. Медицинская канцелярія не могла наконецъ отказать его просьбѣ и дѣйствительно составила выше приведенное опредѣленіе. Но едва онъ вступилъ въ должность, получено приказаніе наследника престола Петра Федоровича (въ послѣдствіи Петра III) перевести Х. Пекена докторомъ въ шляхетный кадетскій корпусъ, на мѣсто взятаго ко двору доктора И. Шиллинга. Даже предложили было сдѣлку такого рода, что Пекенъ останется въ госпитальной службѣ,

по прежнему будет преподавать тамъ патологию и клиническую пр�ктику, и въ этомъ смыслѣ сдѣлано сношеніе съ начальствомъ кадетскаго корпуса, которое отвѣтило, что оно не находитъ препятствій къ совмѣщенію другихъ должностей, если только это не помѣшаетъ точному исправленію лежащихъ на немъ обязанностей по корпусу. Такъ и сдѣлано. Пеккену приказано явиться въ корпусъ, вступить тамъ въ должность и между тѣмъ продолжать управленіе госпиталемъ до пріисканія другого способнаго лица. Но сдѣлка эта не одобрена и 12 октября 1760 Пеккенъ окончательно уволенъ отъ госпитальной службы, а исправленіе должности старшаго доктора поручено на время младшему доктору Ив. Вандини (*Jog. Wandini*), съ прибавкою 100 р. къ годовому его жалованью.

Съ другой стороны измѣнилось положеніе и доктора Полетики, потому что главный лѣкарь С. А. Вѣнечанскій, не надѣясь ужиться съ Пеккеномъ, какъ не уживался съ предшественникомъ его, началъ хлопотать о перемѣлѣ мѣста службы. оставилъ госпиталь и перешелъ на службу къ московскому магистрату, гдѣ и утвержденъ 15 ноября 1760 года, а на его мѣсто главнымъ лѣкаремъ опредѣленъ штабъ-лѣкарь Александръ Сванвингъ.

Докторъ Н. А. Полетика воспользовался удаченіемъ задорнаго помощника, просилъ оставить его при управленіи госпиталемъ до пріисканія другаго мѣста и оставленъ. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ отпускъ на четыре мѣсяца въ Ромны, къ отцу своему, и замѣчательно, что управленіе госпиталемъ на время его отсутствія опять поручено тому же младшему доктору Вандини.

Въ промежутокъ времени между переводомъ Пеккена въ кадетскій корпусъ и между устройствомъ дѣла Полетики прошло больше года. Въ началѣ даже и не предвидѣлся такой исходъ дѣла. Поэтому какъ скоро исчезла надежда удержать Пеккена при госпиталѣ, на мѣсто старшаго доктора назначенъ былъ (27 октября 1760) дивизионный докторъ русской арміи за границу и спеціально докторъ русскаго кенигсбергскаго госпиталя Павелъ Паульсонъ (*Paul Paulsohn*). Онъ управлялъ имъ четыре года, и можетъ быть управлялъ бы и долѣе, еслибъ не встрѣтилось новое служебное передвиженіе. Дѣло въ томъ, что въ 1764, по представленію малороссійскаго губернатора и главнаго начальника украинскаго и малороссійскаго корпусовъ, графа П. А. Румянцева, въ штатѣ канцеляріи его положено содержать въ Глуховѣ одного доктора, одного штабъ-лѣкаря и одного лѣкаря. Въ

должность доктора по этому штату и назначень докторъ П. Паульсонъ (13 декабря 1764), съ отчисленіемъ отъ госпиталя.

Почти въ тоже время и Полетика нашель себѣ мѣсто, а именно мѣсто пограничнаго доктора въ Васильковскомъ карантинѣ, куда и опредѣленъ 30 октября 1763, на мѣсто доктора А. Никл, уволеннаго по прошенію отъ службы съ правомъ свободной практики въ Россіи.

На вакансію старшаго доктора С. Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, послѣ перевода д-ра Паульсона, переведень изъ Москвы (13 декабря 1764) старшій докторъ тамошняго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Владиміръ Ломанъ (*Christian Woldemar Lohmann*)), о которомъ говорено выше. Онъ умеръ 30 марта 1776 года.

На его мѣсто переведень (5 мая 1776) старшій докторъ Спб. адмиралтейскаго госпиталя Томъ Трофимовичъ Тихорскій и занималъ его съ честію до начала нынѣшняго столѣтія. Онъ получалъ жалованья по штату 1733 года по 650 р. отъ медицинскои коллегіи, по указу сената 29 марта 1755 и по плану 28 февраля 1762 г. по 350 р. отъ коммисаріата и за преподаваніе лекцій 300 р., а всего по 1300 р. въ годъ.

Младшіе доктора спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя.
Докторъ Юг. Цумпе (*Johann Georg Zumpfe*), иностранецъ, принятъ въ русскую службу ученикомъ въ спб. генер. сух. госпиталь. Повидимому былъ уже знакомъ съ латинскимъ языкомъ, потому что въ тоже время состоялъ кандидатомъ медицины, студіозомъ госпиталя, т. е. учителемъ латинскаго языка для учениковъ и подлѣкарей. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время, уѣхалъ за границу, для окончанія медицинскаго образованія, и защитивъ тезисы въ Копенгагенѣ получилъ докторскій дипломъ, съ которымъ и возвратился въ Петербургъ. Не сохранилось свѣдѣній, кто въ медіц. канцеляріи экзаменовалъ его, но 31 декабря 1739 года онъ опять принятъ въ службу и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь, съ жалов. по 300 р.

Объ учебныхъ его занятіяхъ въ госпиталѣ не сохранилось свѣдѣній. Кажется даже, что ихъ не было, потому что Цумпе командированъ былъ въ Шлиссельбургъ, въ распоряженіе Минника, и возвращень оттуда по болѣзни только 30 января 1741 года, а затѣмъ по прошенію уволенъ отъ службы (1 іюня 1741 года). Черезъ годъ однакожь онъ опять принятъ (17 іюня 1742), и опредѣленъ докторомъ

въ украинскій ландмилиціонный корпусъ, съ жалов. по 400 р., 6 раціонами и 2 деньщиками.

На его мѣсто опредѣленъ младшимъ докторомъ (*medicus adjunctus*, какъ онъ самъ себя называлъ) саксонецъ изъ Лейпцига Іог. Андрей Унгебауеръ, по контракту на три года (1 іюня 1741 года). Черезъ два года подалъ въ отставку, подъ предлогомъ поѣздки на родину, но не поѣхалъ, а переведенъ докторомъ въ украинскую дивизию, съ жалов. по 600р. (1744 года).

Въ это время состоялъ въ русской службѣ докторъ Ів. Шрейберъ (*Johann Friedrich Schreiber*), родомъ пруссакъ, отличавшійся съ одной стороны талантомъ, знаніями и увѣренностью учителя, и съ другой стороны высокомѣриемъ, гордостью и неуязвимостью раздражительнаго и капризнаго человѣка. Онъ принятъ въ русскую службу въ 1731 году, по капитуляціи на пять лѣтъ, для службы въ арміи, съ тѣмъ однакоже, что по истеченіи этого срока избавленъ будетъ отъ дальнѣйшей походной жизни. Между тѣмъ прослужилъ десять лѣтъ, притомъ въ самыхъ высшихъ должностяхъ (напр. генераль-штабъ доктора) и значеніе его все таки не опредѣлилось. Его призваніе было—профессура, а не администрація, объ которой онъ не заботился, да никогда и понятія не имѣлъ. Первый понялъ и оцѣнилъ его докторъ П. З. Кондоиди, когда вступилъ въ должность помощника при Лестока, и это одна изъ самыхъ важныхъ заслугъ его, потому что шрейберово преподаваніе и личный авторитетъ въ теченіи двадцати лѣтъ далеко подвинули госпитальныя школы и указали путь наиболѣе вѣрнаго успѣха ихъ. Указомъ медицинской канцеляріи (Лестока) 1742 года докторъ Іог. Шрейберъ, только что устроившійся штатдт-физикомъ въ Москвѣ, назначенъ былъ «для обученія въ снб. госпитальяхъ учениковъ и подлѣкарей анатоміи и хирургіи» съ жалов. по 800 р., и этотъ высокомѣрный и вспыльчивый человѣкъ принимаетъ новое назначеніе съ такою готовностью, какъ будто это награда за долгую и славную его службу. А три мѣсяца спустя, пріѣхавъ въ Петербургъ и съ боя завоевавъ себѣ казенную квартиру на Аптекарскомъ островѣ (оттуда буквально выгналъ доктора Сигезбека) требуетъ, чтобы ему приносили жалованье на квартиру съ книгою для росписки въ полученіи. Въ тоже самое время, въ другой бумагѣ, онъ пишетъ, что «важныя науки принужденъ ребятамъ читать, которыхъ лѣкари присылаютъ къ нему яко слушателей, а за день ихъ дозами сѣкли, ибо состояніе ученія его, которое слѣдуетъ къ

произведенію основательныхъ и искусныхъ лѣкарей, съ такимъ ребячьимъ и холопскимъ наказаніемъ общество не имѣтъ, которое у молодыхъ людей отымаетъ любовь къ чести, что ему не пристойно» (30 сентября 1742). Въ другой разъ, два года спустя Лестокъ присудилъ одному «лѣкарскому ученику, за показанныя облыжныя его на главнаго лѣкаря Риккера о взяткахъ слова и тѣмъ онаго Риккера поношеніе учинить, въ томъ госпиталѣ штрафъ — бить при собраніи того госпиталя лѣкарскихъ учениковъ плетьюми, дабы и прочіе на то смотря напрасныхъ словъ къ поношенію какъ приставленныхъ надъ ними командировъ, такожъ и другихъ не затѣвали, никакихъ дерзостей не чинили и быть ему у отправления своей должности по прежнему въ показанномъ госпиталѣ.».

Не прошло и мѣсяца какъ тотъ же ученикъ наговорилъ дерзостей лѣкарю Балку, который далъ ему оплеуху по щекѣ и еще пожаловался на него. Ученика опять высѣкли плетьюми и оставили въ госпиталѣ: но профессоръ Шрейберъ отказался считать его своимъ ученикомъ и не допустилъ къ слушанію анатомическихкихъ лекцій (донесеніе доктора Нича 26 января 1744). Такимъ образомъ онъ первый заботился объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ госпитальныхъ школахъ прошлаго столѣтія, а затѣмъ честь эта принадлежала тоже талантливому, по несчастному профессору К. Щепину.

При опредѣленіи на службу чисто учебную докторъ Юг. Шрейберъ получилъ титулъ «доктора и профессора» и очень дорожилъ этимъ послѣднимъ званіемъ. А какъ это званіе было очень ново въ Россіи, то Шрейберу дана была особая инструкція, а вмѣстѣ съ тѣмъ дано было право читать ученикамъ и подлѣкарямъ private уроки, съ увольненіемъ послѣднихъ на это время отъ госпитальныхъ обязанностей. Съ тѣмъ вмѣстѣ госпитальному оператору Я. фонъ-Меллену приказано препаровать для него и быть подъ его непосредственнымъ начальствомъ и повиновеніемъ, а еслибъ Шрейберъ пожелалъ имѣть въ госпиталѣ нѣсколько больныхъ, то дать ему сколько захочетъ и при производствѣ операций совѣтоваться съ нимъ. Преподавалъ онъ въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ.

Въ дисциплинарномъ отношеніи профессоръ Шрейберъ стоялъ въ довольно исключительномъ положеніи — наравнѣ съ старшими докторами и не зависимо отъ нихъ и выше всѣхъ остальныхъ медицинскихъ чиновъ госпиталя. Занявъ это положеніе, Шрейберъ не вспо-

миналъ уже о своей родинѣ и умеръ въ С.-Петербургѣ 28 января 1760 года.

Послѣ Унгебауера младшимъ докторомъ въ спб. генерал. сухопутный госпиталь опредѣленъ (1 марта 1745 года) докторъ Иог. Экелундъ (*Johann Eckelund*), съ обязательствомъ, кромѣ прямой своей должности, смотрѣть еще за медицинскимъ огородомъ и лѣтомъ читать лекціи ботаники молодымъ лѣкарямъ, по два раза въ недѣлю, съ жалов. по 300 р. и казенною квартирою (при чемъ обѣщана прибавка, если окажется достойнымъ).

Докторъ Экелундъ, родомъ шведъ, учился въ Абовской академіи, гдѣ и получилъ дипломъ. Принятъ въ службу по рекомендаціи генерала Балтазара Кампенгаузена, по капитуляціи на пять лѣтъ. Умеръ въ Петербургѣ 9 февраля 1746 года.

На его мѣсто поступилъ докторъ Иванъ Антоновичъ Детейльсъ (*Johann De-Theyls*), московскій уроженецъ, сынъ московскаго штадтъ-физика и старшаго доктора московскаго генеральнаго госпиталя Антона Детейльса (1 июля 1746 года). Учился въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Довольно хорошо писалъ по-русски. Перемѣненъ (3 іюня 1749 года) докторомъ въ ландмилиціонный корпусъ, которымъ командовалъ генераль Фонтъ-Бисмаркъ, а въ послѣдствіи былъ старшимъ докторомъ кіевскаго полевнаго госпиталя.

На его мѣсто опредѣленъ вновь принятый въ службу докторъ Норъ. Вигоръ (*North Vigor*), родомъ англичанинъ, учившійся въ Эдинбургѣ и тамъ получившій дипломъ. Принятъ по капитуляціи на 6 лѣтъ, съ жалованьемъ по 300 р. (26 іюня 1749). Прослуживъ четыре съ половиною года переведенъ, по собственной его просьбѣ, къ спб. дивизіи (10 февраля 1754), съ жалов. по 600 р. и немного спустя (10 іюня 1755 года) уволенъ отъ службы для возвращенія на родину.

Послѣ него опредѣленъ младшимъ докторомъ Фридрихъ Марграфъ (*Friedrich Nicolaus Marggraf*) (2 ноября 1751 года), уроженецъ изъ Митавы, учившійся въ лейденской академіи, гдѣ и получилъ дипломъ. По истеченіи нѣкотораго времени, а именно 2 августа 1754 года, ему предложили преподавать практическую медицину (клинику) и онъ такъ обидѣлся («сдѣлали меня учителемъ наравнѣ съ молодыми нигдѣ не служившими докторами»), что подалъ просьбу, о томъ, чтобъ его либо уволили отъ службы, либо перемѣстили въ какую

либо дивизию докторомъ. Кондонди уволилъ его отъ службы (1-го сентября 1754 года).

При открытіи этой вакансіи, въ сентябрѣ 1754 года, явились въ медицинскую канцелярію, для экзамена на право практики, два молодые человѣка, два родные брата, родомъ изъ Фессалии, учившіеся въ Галле и тамъ получившіе докторскіе дипломы, Демьянъ Дмитріевичъ Петаля а Бриль (*Diamantes Demetrii Petala à Bryll*) и Иванъ Дмитріевичъ Петаля а Бриль (*Joannes Demetrii Petala a Bryll*). Экзаменованы они были на латинскомъ языкѣ докторами Шрейберомъ, Лерхе, Энсомъ, Унгебауромъ и Гюнгиосси, въ присутствіи директора медицинской канцеляріи. Оказались слабы въ анатоміи и въ чтаніи ипократовыхъ, сейденгамовыхъ и бургаавовыхъ книгъ. Поэтому старшій братъ (Демьянъ) принятъ въ службу и опредѣленъ (1 октября 1754) младшимъ докторомъ въ сиб. генеральный сухопутный госпиталь «для занятій по инструкціи», съ правомъ имѣть въ госпиталѣ 6 больныхъ, но право общей свободной практики получилъ только 13 января 1756 года. Онъ прикомандированъ былъ для помощи доктору Лерхе «у физическихъ дѣлъ», а потомъ и совсѣмъ перечисленъ туда (18 ноября 1755). Младшій же братъ (Иванъ), за неимѣніемъ вакансій, оставленъ при томъ же госпиталѣ на своемъ коштѣ, съ позволеніемъ жить съ братомъ въ госпитальной квартирѣ. Онъ пробылъ здѣсь ровно годъ и затѣмъ назначенъ былъ младшимъ докторомъ въ московскій генеральный госпиталь. Но, едва пріѣхавъ въ Москву, захворалъ горячкою и 17 сентября 1755 года умеръ.

Мѣсто доктора Демьяна Петаля а Бриль въ сиб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ передано было доктору Христіану Пеккену (*Chrétien Paecten*).

/ Хр. Пеккенъ, венгерець изъ гор. Розенау, сперва учился математикѣ, а потомъ медицинѣ въ виртембергскомъ и галльскомъ университетахъ три съ половиною года и въ 1751 году получилъ въ Виртембергѣ дипломъ, напечатавъ диссертацию: *De causis et effectis plethorae, d. 25 septembr. 1751*. По возвращеніи на родину опредѣленъ физикомъ въ графствѣ Геммеръ, а въ 1754 г. уволенъ отъ службы.

Въ ноябрѣ 1755 г. пріѣхалъ въ С. Петербургъ, экзаменованъ и принятъ на службу (18 ноября 1755) младшимъ докторомъ, а черезъ годъ (17 сентября 1756) переведенъ въ московскую дивизию докторомъ.

Послѣ него младшимъ докторомъ былъ Фр. Баадъ (*Friedrich Det-*

loff Baad), курляндецъ изъ Бауска, учившійся въ Вѣнѣ 7 лѣтъ и въ 1757 получившій дипломъ. По экзамену въ медицинской канцеляріи получилъ право практики (22 декабря 1757) въ Россіи, а 15 января 1758 года опредѣленъ младшимъ докторомъ госпиталя. Но онъ не успѣлъ еще и вступить въ должность, какъ откомандированъ былъ въ рижскій полевой госпиталь (16 февраля 1758).

На его мѣсто поступилъ докторъ Март. Кюнбаумъ (*Martin Kühnbaum*), нѣмецъ изъ Помераніи, изъ гор. Гарца. Онъ предназначался для московскаго госпиталя, но просилъ оставить его въ Петербургѣ не посылая въ Москву, что (11 декабря 1758 года) и исполнено. Умеръ отъ чахотки 5 июня 1759 года.

На его мѣсто принять докторъ Иванъ Вандини (*Johann Baptista Vandini*), болонскій уроженецъ, учившійся въ тамошнемъ университетѣ и получившій докторскій дипломъ. По экзамену въ медицинской канцеляріи получилъ право практики и опредѣленъ въ службу (25 сентября 1759) младшимъ докторомъ госпиталя. Онъ считалъ госпитальныя свои обязанности не очень важными, но за то очень заботился о пріобрѣтеніи и расширеніи частной городской практики. Въ этихъ видахъ нанялъ себѣ квартиру на другой сторонѣ Невы (на адмиралтсейской сторонѣ) и не всякій день посѣщалъ госпиталь. Это и терпѣлось, пока исправлялъ его обязанности главный лѣкарь госпиталя штабъ-лѣкарь Сванвингъ; но когда этотъ послѣдній умеръ, доктору Вандини приказано было переѣхать на казенную квартиру и внимательнѣе относиться къ своему дѣлу, такъ какъ одному старшему доктору трудно было справляться съ нимъ. Вандини это приказаніе не понравилось: онъ подалъ въ отставку и уволенъ отъ службы (30 марта 1762) съ абшитою.

Мѣсто его занялъ докторъ Андрей Яковлевичъ Фонъ - Мелленъ (*Christoph Andreas von Mellen*), сынъ оператора обоихъ госпиталей.

Докторъ А. Я. фонъ Мелленъ еще въ ранніе годы (1752) отправленъ былъ отцомъ въ Кенигсбергъ и Берлинъ для первоначальнаго общаго образованія, и когда оно было окончено, то сынъ возвратился къ отцу учиться анатоміи. Наконецъ въ 1759 году поѣхалъ въ Лейденъ, слушалъ тамъ медицинскіе курсы и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись, былъ экзаменованъ, найденъ «in theoria bene versatus» и 22 ноября 1764 года получилъ право практики и позволеніе практиковать въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, а 20

апрѣля 1762 года назначенъ младшимъ докторомъ въ тотъ же госпиталь (а самъ себя называлъ доцентомъ).

Онъ преподавалъ анатомію и хирургію, ежедневно, сперва на нѣмецкомъ, съ 1765 года на латинскомъ языкѣ, а въ 1774 году по-русски. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ либеркиновымъ анатомическимъ кабинетомъ и держалъ одну палату въ госпиталь, за что и получалъ 650 р. жалованья.

Одновременно съ нимъ читалъ анатомію и хирургію на русскомъ языкѣ докторъ К. И. Щепинъ; но этотъ курсъ продолжался только два года, а именно съ 1764 по 1766 включительно, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ Щепина застигло его несчастье.

Въ тоже время преподавалъ практическую медицину докторъ Любимъ Маттеи (*Aimé Mattei*).

Л. Маттеи, швейцарецъ, родившійся въ Москвѣ, учился за границею, а именно побывалъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Копенгагенѣ и наконецъ въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ дипломъ, напечатавъ диссертацию *De nervis in genere*. По экзамену въ медицинскою канцелярію получилъ право практики 22 августа 1761 и опредѣленъ на службу къ медицинскою канцелярію, съ обязательствомъ имѣть постоянно больныхъ въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и навѣщать ихъ по меньшей мѣрѣ три раза въ недѣлю, но не вмѣшиваясь въ администрацію госпиталя. Жалов. положено 300 р., а черезъ годъ прибавлено еще 100 р. При распредѣленіи доцентскихъ курсовъ, весной 1764 года, онъ взялъ на себя еще физиологію и фармакологию на русскомъ языкѣ, за что получилъ еще прибавку жалованья въ 200 р.

Преподаваніе фармакологіи принялъ на себя докторъ Ѳома Трофимовичъ Тихорскій, получившій первоначальное образованіе въ этихъ же госпиталяхъ.

Ѳ. Т. Тихорскій, сынъ священника, учился въ кіевской академіи и оттуда въ 1756 году, съ четырьмя товарищами, отправился учиться медицинѣ. Добравшись до Москвы, они не пожелали остановиться въ тамошнемъ госпиталѣ, а хотѣли непремѣнно поступить въ петербургскіе госпитали и медицинскою конторою были туда отправлены. Тихорскій попалъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь, окончилъ полный курсъ, произведенъ въ лѣкари и весной 1761 года поѣхалъ на казенный счетъ въ Лейденъ, для довершенія образованія, и получилъ тамъ докторскій дипломъ. Возвратившись изъ за границы былъ экзаменованъ въ медицинскою коллегію, получилъ право практики и опредѣ-

*

лень на службу съ обязательствомъ (1765 года) преподавать въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ «*materiam medicam*» на русскомъ языкѣ, не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю. Черезъ годъ послѣ того опъ вошелъ съ представленіемъ въ коллегію, что «болѣе имѣеть склонности къ практикѣ медицинской, которая теперь никакимъ докторомъ не показывается» и коллегія постановила (19 октября 1767 года), чтобы Тихорскій преподавалъ въ обоихъ госпиталяхъ «практику медицинскую (клинику)», а «*materiam medicam*» докторъ Козьма Рожалинъ. За это онъ получилъ 500 р. жалов. и 100 р. квартирныхъ денегъ. И кромѣ того, въ 1770 году очистилась квартира младшаго доктора спб. адмиралтейскаго госпиталя (послѣ отъѣзда доктора Силы Митрофанова въ кievскій полевой госпиталь) и онъ занялъ ее. Оставался преподавателемъ болѣе 20 лѣтъ, даже послѣ назначенія его старшимъ докторомъ спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, а именно до 25 января 1787, когда былъ уволенъ будтобы по прошенію, а въ дѣйствительности по недоброжелательству иностранныхъ членовъ медицинской коллегіи.

Докторъ Козьма Федоровичъ Рожалинъ, сынъ казака дубепскаго полка, ученикъ кievской академіи и спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, а потомъ окончившій образованіе въ Лейденѣ и признанный докторомъ медицины съ правомъ практики въ Россіи (1 февраля 1767 года), получилъ назначеніе преподавать фармакологию (*materia medica*) поддѣкарямъ и ученикамъ въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ (19 октября 1767), съ жалов. по 300 р. Но пробылъ здѣсь недолго. При начавшихся приготовленіяхъ къ войнѣ съ турками назначенъ былъ дивизионнымъ докторомъ въ сѣвскую дивизию, откуда переведенъ въ украинскую и уже не возвращался къ учебно-госпитальной службѣ.

Почти въ одно время съ Рожалинымъ опредѣлены въ спб. адмиралтейскій госпиталь товарищи его по заграничному ученію, а именно Савва Алексѣевичъ Леонтовичъ и Сила Митрофановичъ Митрофановъ. Возвращаясь изъ за границы, они причислялись къ которому либо изъ петербургскихъ госпиталей сверхъ штата и потомъ уже распредѣлялись для занятій въ этихъ госпиталяхъ. Участіе въ школьномъ преподаваніи тоже распредѣлялось по мѣрѣ надобности, иногда по годовымъ курсамъ, а иногда даже по третимъ года, по усмотрѣнію старшихъ докторовъ госпиталей, которые и сами были преподавателями.

Докторъ Савва Алексѣевичъ Леонтовичъ, сынъ мѣщанина миргород-

скаго полка, села Максимовки, учился въ кіевской академіи, а потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ. Окончилъ медицинское образованіе въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. По возвращеніи въ Россію былъ экзаменованъ въ медицинской коллегіи, получилъ право практики (11 сентября 1767) и вскорѣ потомъ опредѣленъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь (1768) младшимъ добторомъ, или—какъ тогда говорили—лекціоннымъ докторомъ. Оттуда переведенъ былъ, по собственному желанію, въ саратовское опекунство иностранныхъ колонистовъ и уже никогда не возвращался къ учебнымъ занятіямъ.

Докторъ Сила Митрофановичъ Митрофановъ, воспитанникъ кіевской академіи, принятъ ученикомъ въ московскій генеральный госпиталь 21 іюня 1756 года и, получивъ по экзамену званіе подлѣбара (31 мая 1758), назначенъ на службу въ кабардинскій пѣхотный полкъ. Но сознавая недостаточность своихъ знаній, онъ просилъ разрѣшенія продолжать ученіе и переведенъ въ спб. генеральный госпиталь подлѣбаремъ, окончилъ тамъ полный курсъ, произведенъ лѣбаремъ (30 декабря 1759 года) и оставленъ на службу при томъ же госпиталѣ. Служба эта была замѣчена въ госпиталѣ и черезъ годъ, «за примѣрное и порядочное отправленіе должности», дана ему прибавка жалованья (къ 120 р. прибавлено еще 24 р.) начиная съ 1 января 1760 года. Весною 1761 года отправился онъ въ Голландію для продолженія ученія (на казенномъ содержаніи), болѣе 5 лѣтъ учился въ Лейденѣ, получилъ тамъ докторскій дипломъ, посѣтилъ Парижъ и въ 1769 возвратился въ Петербургъ. Здѣсь по экзамену получилъ право практики (20 августа 1769) и опредѣленъ на службу младшимъ докторомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь; но черезъ годъ переведенъ въ кіевскій полевой госпиталь, а оттуда въ армию, въ Букарешть, гдѣ и умеръ отъ чумы (27 іюня 1772).

Профессоръ и знаменитый ботаникъ докторъ Григорій Федоровичъ Соболевскій, родомъ изъ Глухова, сынъ значковаго товарища. Пріѣхалъ въ Москву придворнымъ пѣвчимъ и находился въ этомъ званіи съ 1749 по 1753. Потерявъ голосъ, поступилъ ученикомъ въ троїце-сергіевскую семинарію, а оттуда переѣхалъ въ Петербургъ (въ 1756 году) и 31 іюля 1757 принятъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь. Окончивъ тутъ курсъ, поѣхалъ (весною 1761) за границу учиться, побывалъ въ Парижѣ, и въ Лейденѣ получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись былъ экзаменованъ, признанъ докторомъ и 9 іюля 1775 года опредѣленъ «лекціоннымъ докторомъ» въ обоихъ петер-

бургскихъ госпиталяхъ для преподаванія ботаники и *materiae medicae* подлѣкарямъ и ученикамъ, при чемъ занимался и въ ботаническомъ саду, для обученія аптекарскихъ учениковъ ботаникѣ систематическимъ порядкомъ (23 октября 1775). Между тѣмъ не оставлялъ и врачебной практики въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (1776). Въ послѣдствіи вполне завѣдывалъ ботаническимъ садомъ и приготовилъ тѣ многочисленныя и прекрасныя ботаническія изданія, которыя прославили его. Въ ноябрѣ 1779 года получилъ званіе профессора ботаники. 15 марта 1782 избранъ императрицею докторомъ въ гвардейскіе полки и съ тѣхъ поръ (около 13 лѣтъ) не участвовалъ въ госпитальномъ преподаваніи. Только по смерти профессора Тереховскаго онъ занялъ его мѣсто—профессора ботаники и фармакологіи—съ прибавкою по 500 р. къ получаемому имъ отъ полковъ жалованью (23 іюня 1796 года). Уволенъ отъ службы по прошенію (15 мая 1797) съ пенсіею.

Докторъ Мартынъ Матвѣевичъ Тереховскій, сынъ священника въ гадячскомъ полку, ученикъ кievской академіи, приять ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь 22 октября 1763 года, окончилъ курсъ лѣкаремъ 23 сентября 1765 года и оставленъ на службѣ въ томъ же госпиталѣ. Онъ любилъ ботаническія занятія и для продолженія ихъ командированъ въ спб. ботаническій садъ, съ оставленіемъ на службѣ въ госпиталѣ. Въ май 1770 года поѣхалъ въ чужіе края на собственномъ содержаніи, учился 4½ года въ Страсбургѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ. По возвращеніи экзаменованъ въ медицинскую коллегію, получилъ право практики (29 мая 1777) и опредѣленъ въ кронштадтскій генеральный госпиталь «лекціоннымъ докторомъ», для преподаванія подлѣкарямъ и ученикамъ фармакологіи, патологіи и практической медицины, съ жалов. по 600 р. По смерти же доктора Хр. фонъ-Меллена переведенъ въ Петербургъ, на мѣсто этого послѣдняго (30 мая 1779), но уже для преподаванія анатоміи. Но повидимому эта кафедра не нравилась ему. Онъ подалъ въ отставку, подъ тѣмъ предлогомъ что ѣдетъ въ Малороссію для поправленія здоровья, и уволенъ 11 января 1781 года.

На его мѣсто назначенъ былъ докторъ Иванъ Діобольдъ (*Johann Michael Dioboldi*), родомъ изъ Страсбурга, гдѣ учился и получилъ докторскій дипломъ. По пріѣздѣ въ Россію экзаменованъ въ медицинскую коллегію и получилъ право практики (20 іюля 1780). Когда Тереховскій подалъ въ отставку, онъ воспользовался случаемъ и выпросилъ

себѣ мѣсто преподавателя анатоміи, фізіологіи, хирургіи и операцій бандажей, на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ обоихъ госпиталяхъ, съ жалованьемъ по 600 р. Но не прошло и года, какъ онъ, по заносчивости своей, наговорилъ дерзостей старшему доктору госпиталя Тихорскому и перемѣщенъ (24 февраля 1782) въ казанское намѣстничество.

Между тѣмъ докторъ Тереховскій, поѣхавъ въ Малороссію, оставился въ Москвѣ, ознакомился съ тамошнимъ госпиталемъ и послалъ просьбу въ коллегію, что онъ желалъ бы остаться въ московскомъ госпиталѣ и преподавать тамъ акушерство и ботанику, такъ какъ эти предметы не преподаются тамъ и имѣется всего одинъ доцентъ, между тѣмъ какъ въ слб. госпиталяхъ ихъ три, да еще четвертый (младшій докторъ адмиралтейскаго госпиталя) учить акушерству. Медицинская коллегія не давала отвѣта пока происходило разбирательство дѣла между Тихорскимъ и Діобольдомъ; но когда оно кончилось, Тереховскій назначенъ опять доцентомъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь съ жал. по 700 р. и съ казенною квартирою младшаго доктора госпиталя (24 февраля 1782 года). Онъ занялъ также должность профессора Соболевскаго и потому одновременно преподавалъ анатомію и ботанику съ фармакологію.

Спустя два года послѣ того (апрѣль 1784) Тереховскій сталъ жаловаться на хворость отъ анатомическихъ занятій и просилъ о переводѣ въ ботаническій садъ, съ тѣмъ что онъ будетъ тамъ преподавать ботанику и фармакологию, что и исполнено, съ прибавкою жалов. до 800 р., казенною квартирою и съ званіемъ профессора ботаники. Въ послѣдствіи къ кафедрѣ его причислена и химія, а лаборантомъ для химическихъ работъ назначенъ, въ помощь ему, лѣкаръ Левъ Максимовичъ Амбодійъ, бывший прежде аптекарскимъ гезелемъ. М. М. Тереховскій умеръ въ юнѣ 1796 года и на его мѣсто профессоромъ ботаники назначенъ опять Г. Ф. Соболевскій.

Докторъ Никонъ Карповичъ Карпинскій, сынъ казака въ селѣ Даниловкѣ лубенскаго полка, учился въ харьковской коллегіи и оттуда принять ученикомъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь 28 августа 1773 года и 27 июня 1776 окончилъ курсъ лѣкаремъ и опредѣленъ на службу въ тотъ же слб. генеральный сухопутный госпиталь. Любилъ анатомію и со втораго же года ученія занимался препарованіемъ къ лекціямъ доктора Ф. Мелена и по словамъ послѣдняго «особыя имѣлъ къ тому способности». При производствѣ въ подлѣбари исправлялъ

должность прозектора, но безъ жалованья (1775). Наконецъ д-ръ фонъ-Мелленъ написалъ медицинской коллегіи, что Карпинскому грозитъ чахотка, если онъ не броситъ анатомическихъ занятій, и просилъ уволить его отъ прозекторскихъ обязанностей. Коллегія исполнила это 21 сентября 1775 и поручила должность прозектора ученику Ивану Каминскому, который началъ уже повторять лекціи съ младшими учениками. Но Каминскій за что-то обидѣлся на профессора Тереховскаго, просилъ увольненія отъ этой должности и уволенъ (февр. 1780). Между тѣмъ Карпинскій, въ мартѣ 1777, уволенъ за границу для окончанія медицинскаго образованія, посѣтилъ разные университеты и прожилъ 2½ года въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ, по экзамену въ коллегіи получилъ право практики (11 сентября 1781). Въ мартѣ 1784 года опредѣленъ на службу младшимъ докторомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь, съ жалов. 300 р. и казенною квартирою, а въ августѣ того-же года назначенъ лекціоннымъ докторомъ анатоміи въ спб. генеральный сухопутный госпиталь (на мѣсто уволеннаго отъ анатомическихъ занятій профессора Тереховскаго), съ жалов. по 600 р. и казенною квартирою. Спустя годъ, когда Тереховскій съ А. Шумлянскимъ командированы были за границу по дѣлу преобразованія госпитальныхъ школъ, принялъ на себя преподаваніе фармакологіи отъ Тереховскаго и продолжалъ его около десяти лѣтъ (съ 1 марта 1785 до 29 октября 1795 г.). Съ 1 июня 1794 преподавалъ анатомію и физиологію въ спб. медико-хирургическомъ училищѣ.

Докторъ Петръ Гофманъ (*Peter Friedrich Hoffmann*), сынъ архитектора въ С.-Петербургѣ, учился въ Геттингенѣ и Галле, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. По возвращеніи въ Петербургъ экзаменовался въ медицинской коллегіи и утвержденъ докторомъ (29 мая 1778 года). Послѣ того жилъ нѣсколько времени въ Tobolskѣ; но при учрежденіи тамъ намѣстничества возвратился въ Петербургъ (1783). Поступивъ на службу, зачисленъ дивизионнымъ докторомъ 7 дивизіи, гдѣ и получилъ чинъ надворнаго совѣтника (1787). Опредѣленъ профессоромъ въ спб. медико-хирургическое училище, 28 января 1787 года, для преподаванія патологіи и врачебной практики по учебнику Гоме, который тогда печатался въ русскомъ переводѣ. Прежде эти предметы преподавались старшимъ докторомъ спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Ѳ. Т. Тихорскимъ и отняты у него не по собственному его желанію (какъ сказано въ указѣ), а по недоброжелательству ученаго секретаря и нѣ

мецкихъ членовъ медиц. коллегіи. Профессоръ Гофманъ перевелъ на русскій языкъ *Павологію* Гаубія и 22 мая 1791 получилъ позволеніе напечатать ее.

Докторъ Карлъ Брандау (*C. Heinrich Brandau*), состоявшій профессоромъ при императорскомъ медико-хирургическомъ (калиннинскомъ) институтѣ и весьма повидимому незастѣнчивый, обратился къ медицинской коллегіи съ просьбою о возведеніи его въ почетные члены коллегіи. Коллегія отказала въ этой просьбѣ, по неимѣнію будто бы вакансіи, а вмѣсто того опредѣлила его профессоромъ въ спб. медико-хирургическое училище (8 мая 1788) для преподаванія физиологіи и акушерства, съ обязательствомъ читать не менѣе 4 разъ въ недѣлю, на латинскомъ языкѣ, съ жалов. по 1000 р. Часть его былъ отъ 2 до 3 по полудни. Но Брандау не любилъ усидчивыхъ занятій, но любилъ казенное содержаніе. Онъ увѣрилъ барона Фитингофа, что болѣзнь мѣшаетъ ему заниматься преподаваніемъ въ школахъ, но не мѣшаетъ лѣченію больныхъ въ госпиталѣ. Въ слѣдствіе сего Фитингофъ приказалъ перевести его, за слабостью здоровья, въ московскій госпиталь «въ помощь старшему доктору», т. е. младшимъ докторомъ, но съ сохраненіемъ назначеннаго уже ему профессорскаго жалованья (2 августа 1789 года); а чтобы кафедра его не осталась безъ преподавателя, ее поручили состоявшему при спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ доктору Ивану Конраду.

Докторъ Иванъ Конрадъ (*Johann Conrad*), родомъ изъ Страсбурга, гдѣ учился 8 лѣтъ и получилъ докторскій дипломъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ экзаменованъ въ медицинской коллегіи и просилъ мѣста профессора; но ему дано право практики (17 декабря 1787), а просьба оставлена безъ послѣдствій, по неимѣнію вакансіи. Однакоже онъ нашелъ мѣсто преподавателя въ калинновскомъ медико-хирургическомъ институтѣ, но оно повидимому не нравилось ему. Онъ просилъ Фитингофа опредѣлить его по контракту на 4 года въ спб. генеральный сухопутный госпиталь «для пользованія больныхъ», и тотъ приказалъ исполнить его желаніе, съ тѣмъ чтобы «быть ему при той должности до открытія профессорскаго мѣста», съ жалов. по 700 р. и кварт. по 10 р. въ мѣсяць, если не будетъ казенной квартиры. Вакансія открылась съ переводомъ Брандау и докторъ Конрадъ назначенъ (2 августа 1789) профессоромъ физиологіи и акушерства въ спб. медико-хирургическомъ училищѣ, а потомъ переведенъ профессоромъ же въ московское медико-хирургическое училище.

✓ Профессоръ хирургіи Яковъ Осиповичъ Саполовичъ, сынъ посполитаго, прилуцкаго полка серебрянской сотни, учился въ кievской академіи и оттуда принять ученикомъ въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь (12 іюля 1778 года), но вскорѣ перепросился въ спб. генеральный сухопутный госпиталь и при производствѣ въ подлѣкари получилъ должность помощника прозектора; а съ производствомъ въ лѣкари, по предложенію профессора Тереховскаго, оставленъ въ томъ же госпиталѣ и утвержденъ въ званіи прозектора (августъ 1783), съ жалов. по 84 р. Въ 1785 году онъ сдѣлалъ три литотоміи съ полнымъ успѣхомъ и по представленію Тихорскаго произведенъ въ операторы (16 марта 1786) въ тотъ же госпиталь, съ жалов. 320 р.), на мѣсто уволеннаго по прошенію отъ этой должности члена медицинской коллегіи Георга Гамена). По предложенію барона Фитингофа, «за добропорядочную службу», произведенъ профессоромъ хирургіи въ обоихъ госпиталяхъ, но съ оставленіемъ въ должности оператора въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ (6 мая 1790), съ прибавкою 150 р. къ жалованью. Однакожъ это повышеніе обставлено было страннымъ ограниченіемъ. Профессору Саполовичу запрещено было входить въ экзамены наравнѣ съ прочими профессорами (Карпинскимъ и Гофмапомъ), «такъ какъ онъ считается операторомъ и операторское получаетъ жалованье, хотя и называется профессоромъ» (20 марта 1791). По это ограниченіе продолжалось только годъ, потому что Саполовичъ назначенъ былъ членомъ медицинской коллегіи (1792) и обязанъ былъ участвовать въ экзаменахъ не только учениковъ школы, но и иностранныхъ докторовъ медицины. Съ 1 іюня 1794 года обязанъ былъ преподавать всю теоретическую и практическую хирургію и завѣдывалъ казеннымъ инструментальнымъ заводомъ (1796).

Докторъ Фридрихъ Уденъ (*Friedrich Uhden*), по рожденію пруссакъ, учился медицинѣ въ берлинской медико-хирургической коллегіи и въ галльскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (2 сентября 1776). Имѣлъ право практики въ Берлинѣ, по одобренію тамошней медико-хирургической коллегіи (28 апрѣля 1780). Получилъ званіе горнаго совѣтника отъ герцога Саксенъ-Веймарскаго, дипломомъ 28 февраля 1783. Принятъ въ русскую службу по высочайшему повелѣнію на имя графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, объявленному 13 іюля 1786 года, съ чиномъ коллежскаго ассессора, по контракту и определенъ въ черниговское намѣстничество, съ жалов. отъ кабинета по 800 р. Фитингофъ назначилъ его профессоромъ патологіи и терапіи въ ка-

линковскій медико-хирургическій институтъ (15 марта 1792), съ обязанностию лѣчить больныхъ въ больницѣ, и общалъ прибавку жалованья: но предположеніе это не исполнилось за смертію барона Фитингофа. Да онъ и самъ не очень желалъ исполненія его. Вмѣсто того онъ просилъ коллегію объ опредѣленіи его преподавателемъ математики и физики при спб. медико-хирургическомъ училищѣ, что и исполнено (14 іюня 1793), съ тѣмъ, что онъ будетъ преподавать на латинскомъ или русскомъ языкѣ по 4 раза въ недѣлю, съ прежнимъ жалованьемъ отъ кабинета и съ прибавкою отъ коллегіи квартирныхъ денегъ по 300 р. При опредѣленіи его на эту кафедру оговорено, что «хотя сіи науки въ медицинскомъ штатѣ и не положены, но какъ въ именномъ указѣ при изданіи этого штата сказано: доводить въ докторскую степень природныхъ россіянь, и для достиженія сего достоинства математика и физика необходимо нужны». Но докторъ Удентъ, не явившись ни разу въ госпиталь, не прочитавъ ни одной лекціи въ теченіи двухъ полугодій и даже не принявъ отъ профессора Тереховскаго ни одного физическаго инструмента, прямо потребовалъ прибавки жалованья. Коллегія отказала и опять назначила его докторомъ въ черниговское намѣстничество, съ прежнимъ жалованьемъ.

Тогда онъ понявъ, что это уже не шутка и, не желая ѣхать въ Черниговъ, обратился къ коллегіи съ новою просьбою опредѣлить его въ московское медико-хирургическое училище профессоромъ «врачебнаго судебнаго искусства и благочинія»: но коллегія и въ этомъ отказала и по его просьбѣ уволила его отъ службы (1 іюня 1794).

Въ послѣдствіи времени онъ принятъ былъ опять въ службу и опредѣленъ профессоромъ патологии и терапіи въ калинговскій медико-хирургическій институтъ (18 сентября 1800), на мѣсто уволеннаго отъ службы профессора Гофмана, съ жал. 1000 р. Но еще прежде того принялъ русское подданство (1796) и избранъ почетнымъ членомъ медицинскій коллегіи (12 мая 1799).

Экстраординарный профессоръ Василій Владиміровичъ Петровъ, сынъ священника изъ гор. Обояни курскаго намѣстничества, учился въ харьковской коллегіи, оттуда перешелъ въ учительскую семинарію (1786) и за тѣмъ опредѣленъ былъ учителемъ на колывановоскресенскіе заводы, въ училище русскаго и латинскаго языковъ и математики (1789). Затѣмъ перешелъ учителемъ физики и російскаго стила въ инженерное училище при л.-гв. измайловскомъ полку. Принятъ учителемъ математики и физики въ спб. медико-хирургическое училище (30 сен-

тября 1793), съ жалов. по 250 р. Черезъ два года послѣ того читалъ пробную лекцію и опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ, съ жал. по 800 (23 января 1795). Произведенъ въ ординарные профессоры 30 августа 1800 г. съ жалов. 1000 р. и квартир. 200 рубл.

Докторъ Андрей Нудовъ (*Heinrich Nudow*) родился въ Данцигѣ въ 1756 году, учился въ лейпцигскомъ университетѣ и въ Берлинѣ, и получилъ въ Лейпцигѣ дипломы сперва доктора философіи (1775), а потомъ доктора медицины (19 мая 1776). Приѣхавъ въ Россію экзаменованъ въ мед. коллегіи и получилъ право практики (22 августа 1779), послѣ чего немедленно уѣхалъ въ Могилевъ для присканія мѣста въ намѣстничествѣ. Онъ вызванъ туда былъ генералъ губернаторомъ Петромъ Богдановичемъ Пасекомъ и по контракту остался на жительство въ Оршѣ, а съ 1782 до 1785 состоялъ могилевскимъ уѣзднымъ докторомъ. Въ мартѣ 1785 опредѣленъ въ новгородско-верское намѣстничество, въ гор. Мглинѣ, а потомъ въ пензенское намѣстничество (23 октября 1791). Въ декабрѣ 1786 года, по приглашенію медицинской коллегіи, читалъ пробную лекцію на латинскомъ языкѣ «О точности патологическаго ученія» и 20 февраля 1787 года опредѣленъ профессоромъ для преподаванія физиологіи, патологіи и терапіи въ спб. медико-хирургическомъ училищѣ. Но онъ очевидно не былъ способенъ къ этой должности и 14 января 1790 года, по прошенію, уволенъ отъ службы.

Докторъ Иванъ Рингебройгъ (*Johann Christian Ringebroig*), родомъ изъ Вестфалии, учился въ Геттингенѣ и получилъ докторскій дипломъ (6 ноября 1780). Потомъ написалъ двѣ брошюры: «Объ оспѣ и кори» и «О моровой язвѣ» и получилъ право практики въ Россіи (въ августѣ 1783 года). Поступилъ на службу въ Выборгское намѣстничество и оттуда, по постановленію медицинской коллегіи, «основанному на аттестациі членовъ ея» и въ исполненіе штата 15 іюля 1786 года, переведенъ профессоромъ въ кронштадтскую медико-хирургическую школу, для чтенія лекцій ботаники, матеріи медки и химіи, съ жалов. по 1000 р. (13 мая 1787 года). Двѣнадцать лѣтъ спустя кронштадтская медико-хирургическая школа упразднена (1799) и профессоръ Рингебройгъ остался безъ мѣста. Между тѣмъ въ спб. медико-хирургической академіи, по штату 12 февраля 1799, предстояло Соболевскому преподавать фармакологію, а Конради судную науку. Но какъ оба они были хворы и стары, то коллегія вызвала Рингебройга и поручила ему пре-

подавать оба эти предмета въ спб. медико-хирургической академіи, съ жалов. по 1200 р. въ годъ (22 августа 1799).

Докторъ и профессоръ Григорій Ивановичъ Базилевичъ, сынъ священника бѣлгородской епархіи ахтырскаго вѣдомста слободы Боромли, учился въ харьковскомъ коллегіумѣ и оттуда поступилъ волонтеромъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь, 9 февраля 1783 года. Произведенъ лѣкаремъ по экзамену 6 июня 1785 и опредѣленъ на службу въ тотъ же госпиталь. По прошенію уволенъ отъ службы 31 мая 1787 года и поѣхалъ въ Страсбургъ для дальнѣйшаго образованія, пробылъ тамъ три года и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись явился къ экзамену и произвелъ такое впечатлѣніе на экзаминаторовъ (Бахерахта, Валеріана и М. Амбодика), что они признали его достойнымъ не только званія доктора, но и званія профессора (29 октября 1795 года), почему коллегія и опредѣлила его тотчасъ же профессоромъ, для преподаванія патологіи съ частями ея, примѣнительно къ терапіи и съ клинкою, съ жалов. по 1000 р. При семъ преподаваніе фармакологіи (*materia medica*) отдѣлено отъ этой кафедры и передано профессору Гофману.

Г. И. Базилевичъ оставался профессоромъ до учрежденія спб. медико-хирургической академіи (1799), т. е. до изданія указа о запрещеніи одному лицу занимать двѣ или три отвѣтственные должности, такъ какъ Базилевичъ избранъ былъ въ должность ученаго секретаря медицинской коллегіи.

Академикъ и профессоръ химіи и минералогіи въ спб. академіи наукъ Василій Михайловичъ Севергинъ приглашенъ былъ тн. с. Зиновьевымъ къ преподаванію химіи въ спб. медико-хирургическомъ училищѣ (10 ноября 1796), съ жалов. по 500 р. Преподаваніе начиналось съ ноября и оканчивалось въ апрѣлѣ, по три раза въ недѣлю съ $1\frac{1}{2}$ 10 до 11 ч. утра. Учебникомъ служилъ русскій переводъ *Всеобщей и врачебной химіи* Юс. Франца Жакена.

Профессоръ Иванъ Федоровичъ Бушъ (*Johann Peter Busch*), ревельскій уроженецъ, учился медицинѣ и кончилъ курсъ лѣкаремъ въ спб. калинкинскомъ медико-хирургическомъ институтѣ (26 мая 1788 года) и опредѣленъ былъ на службу во флотъ. Затѣмъ поступилъ въ кропштадтскій адмиралтейскій госпиталь прозекторомъ и произведенъ операторомъ, съ жалов. 300 р. Состоя въ этой должности преподавалъ анатомію, по немѣнью профессора этой науки. Въ калиновскомъ институтѣ въ это время преподавалъ анатомію и физиологію профес-

соръ Іог. Шлейснеръ (*Johann Heinrich Schleussner*), но 17 сентября 1797 уволенъ отъ службы по прошенію и на его мѣсто переведенъ изъ Кронштадта И. Ф. Бушъ, съ жал. по 800 р., для преподаванія анатоміи и фізіологіи. Черезъ годъ, «во уваженіе долговременной ревностной его службы и дознанной его способности въ выполненіи по симъ двумъ и другимъ врачебнымъ учебнымъ предметамъ коллегскихъ ему порученій въ кронштадтскомъ госпиталѣ, а наимаче усмотрѣнныхъ приобрѣтенныхъ учащимися при императорскомъ медико-хирургическомъ институтѣ по предметамъ его тамо преподаваемыхъ отличныхъ успѣховъ, оказавшихся въ бытность нынѣшняго годичнаго испытанія, по засвидѣтельствованію присутствовавшихъ при ономъ двухъ сею коллегіею отряженныхъ сочленовъ, надв. сов. И. Віена и Бьюрберга, признанъ опредѣленіемъ коллегіи 13 сентяря 1798 года профессоромъ». Въ тоже время онъ назначенъ профессоромъ хирургіи при спб. медико-хирургическомъ училищѣ.)

Профессоръ Петръ Андреевичъ Загорскій, сынъ священника новгородсѣверскаго намѣстничества и уѣзда, мѣстечка Понорницы, учился въ черниговской коллегіи (съ 1776 по 1782) и по увольненіи отъ нея опредѣлился на службу ратманомъ при понорницкой ратушѣ (съ 11 іюля 1782 до 11 ноября 1783). Поступилъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь 20 января 1784. Черезъ два года, на генеральномъ экзаменѣ предложено ему было «*demonstratio cordis*» изъ анатоміи и «*operatio cataractae et fistulae lacrymalis*» изъ хирургіи и онъ исполнилъ ихъ съ отличнымъ успѣхомъ и получилъ званіе лѣкари (2 ноября 1786), но на подлѣкарскомъ жалованьи, за неимѣніемъ лѣкарской вакансіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ порученіе исправлять обязанности прозектора и черезъ годъ утверждень въ этой должности (11 января 1787), съ жал. 250 р. Произведенъ въ штабъ лѣкари 13 іюня 1790 года, съ оставленіемъ въ тойже должности. <Опредѣленъ адъюнктомъ анатоміи сперва въ московское, а потомъ въ спб. медико-хирургическое училище и операторомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь (6 января и 2 ноября 1797). Произведенъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи и фізіологіи 26 апрѣля 1799) замѣнилъ Карпинскаго. Утверждень ординарнымъ профессоромъ 18 іюня 1800, съ жалованьемъ по 1200 р. и кварт. 200 р.

Всѣ профессора, вошедшіе въ личный составъ преподавателей новоучрежденной спб. медико-хирургической академіи, имѣли адъюнктовъ, какъ дѣятельныхъ, образованныхъ и умѣлыхъ помощниковъ.

Адъюнкты избирались самими профессорами, каждый для своей кафедры, и основаніемъ къ избранію служило сперва предложеніе профессора, а потомъ родъ испытанія въ видѣ пробныхъ лекцій, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ профессоровъ и нѣсколькихъ членовъ медицинской коллегіи или московской медицинской конторы. ✓

Адъюнктъ Петръ Романовичъ Логиновъ, лѣкарь спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, по происхожденію сынъ священника екатеринославскаго намѣстничества александрійскаго уѣзда, селенія Голоковкл, принятъ ученикомъ въ спб. медико-хирургическое училище 25 ноября 1791 года. Предложенъ профессоромъ Я. О. Саполовичемъ въ помощь ему, въ адъюнкты при кафедрѣ хирургіи (24 октября 1795 года). Немедленно послѣ этого предложенія (27 октября) лѣкарь П. Логиновъ читалъ пробную лекцію въ учебномъ театрѣ спб. адмиралтейскаго госпиталя, въ присутствіи президента медицинской коллегіи В. Н. Зиновьева, членовъ ея и прочихъ медицинскихъ чиновъ обоихъ госпиталей, и въ атестатѣ объ этой лекціи сказано, что лѣкарь Логиновъ «оказался весьма хорошаго знанія и способности въ изъясненіи своихъ мыслей изустно», почему 9 ноября 1795 и утвержденъ медицинскою коллегіею адъюнктомъ хирургіи, съ жалов. по 300 р. Произведенъ штабъ лѣкаремъ 29 декабря 1798. Утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ и замѣнилъ (20 іюня 1799) проф. Саполовича.

Адъюнктъ Иванъ Смѣловскій учился въ медико-хирургической школѣ спб. адмиралтейскаго госпиталя и по полученіи званія лѣкаря определенъ на службу въ олонецкое намѣстничество, а оттуда опять возвращенъ (16 октября 1794) въ спб. адмиралтейскій госпиталь на вакансію. Предлагаемъ былъ въ адъюнкты профессоромъ Н. Карпинскимъ, который, передавая отъ себя преподаваніе патологии и терапіи молодому профессору Г. И. Базилевичу, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и на Смѣловскаго, какъ на способнаго и дѣльнаго врача. Базилевичъ принялъ эту рекомендацію и обратился къ медицинской коллегіи съ просьбою объ опредѣленіи его на должность адъюнкта. Назначена была пробная лекція (5 апрѣля 1796) «о болѣзненныхъ причинахъ вообще и о чахоткѣ», и по отзыву всѣхъ членовъ коллегіи лекторъ «оказалъ достаточное свѣдѣніе въ сихъ частяхъ (т. е. въ патологии и клинической терапіи) и имѣеть въ объясненіи мыслей хорошую способность», почему 8 мая 1796 и былъ утвержденъ адъюнктомъ патологии и терапіи, съ жал. 300 р., а черезъ полгода послѣ того (за присланную дѣльную observacію) награжденъ званіемъ штабъ лѣкаря (20 ноября 1796),

Произведенъ адъюнктъ-профессоромъ (20 іюня 1799) и замѣнилъ Базилевича.

Адъюнктъ Тимофей Смѣловскій, братъ предыдущаго, окончившій курсъ съ званіемъ лѣкаря въ медико-хирургической школѣ сиб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, по представленію профессора Рингебройга утвержденъ адъюнктомъ при кафедрѣ ботаники и химіи, съ жал. 460 р. и 40 кварт. Произведенъ штабъ-лѣкаремъ 15 января 1779 года. Издалъ *Ботаническую философію Линнея* (1779).

Профессоръ Н. Карпинскій избралъ адъюнктомъ себя по кафедрѣ анатоміи и фізіологіи въ сиб. медико-хирургическомъ училищѣ прозектора тойже школы, штабъ-лѣкаря Андрея Ивановича Федоровскаго.

Штабъ-лѣкарь А. И. Федоровскій, сынъ священника бѣлгородской епархіи мирополюскаго вѣдомства, слободы Нижней Сыроватки, первоначально учился въ харьковской коллегіи и оттуда принять ученикомъ сперва въ кронштадтскую, а потомъ въ сиб. адмиралтейскую медико-хирургическую школу (19 августа 1787 года), гдѣ и окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря. Определенъ на службу въ тотъ же госпиталь, съ порученіемъ исполнять обязанности прозектора при училищѣ и за усердную службу произведенъ штабъ-лѣкаремъ сверхъ штата.

Профессоръ И. Конради тоже избралъ себя адъюнкта для кафедры акушерства, лѣкаря сиб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя на подлѣкарской вакансіи Григорія Ивановича Сухарева.

Г. И. Сухаревъ, сынъ священника въ Харьковѣ, первоначально учился въ харьковской семинаріи и оттуда поступилъ ученикомъ въ медико-хирургическую школу сиб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, 22 ноября 1792 г. Окончивъ курсъ съ званіемъ лѣкаря, оставленъ при томъ же госпиталѣ, но сверхъ штата, на подлѣкарской вакансіи.

И Федоровскій и Сухаревъ читали пробныя лекціи въ одинъ и тотъ же день (31 января 1796 года) и по аттестату членовъ «оказались: первый анатомическую часть, къ показанію подлежащую, отработалъ превосходнымъ образомъ и изъяснилъ также весьма хорошо и основательно, а въ фізіологическомъ посредствѣ, а послѣдній по части акушерской науки весьма хорошо и впрочемъ имѣеть онъ достаточный даръ слова къ изъясненію своихъ мыслей». На основаніи этого аттестата, подписаннаго всѣми членами коллегіи, оба они утверждены, 13 февраля 1796 года, адъюнктами каждый по своей части.

Адъюнктъ А. И. Федоровскій оставался послѣ того въ Петербургѣ

не болѣе полутора года. Съ переводомъ оператора И. Ф. Буша изъ Кронштадта для занятія кафедры въ калинковскомъ медико-хирургическомъ институтѣ, въ кронштадтской медико-хирургической школѣ не оставалось преподавателя анатоміи и хирургіи и на эту должность перемѣщенъ адъюнктъ и прозекторъ Федоровскій, съ званіемъ адъюнкта и оператора, съ жалованьемъ по штату оператора, съ добавочною приплатою по 300 р. за преподаваніе и съ прочими довольствіями по регламенту (17 сентября 1797). Въ послѣдствіи онъ исправлялъ должность профессора и 6 сентября 1799 года произведенъ въ адъюнктъ-профессоры. Чтоже касается адъюнктовъ Г. Сухарева и Т. Смѣловскаго, то оба они (30 сентября 1799 года) произведены также въ адъюнктъ-профессоры медико-хирургической академіи. Кромѣ того, когда умеръ профессоръ Конради, должность его поручена (2 января 1800) адъюнктъ-профессору Сухареву.

Наконецъ между адъюнктами послѣдняго періода медико-хирургической московской школы былъ еще адъюнктъ математики и физики, въ помощь профессору Пфеллеру, Иванъ Скабовскій. Учился онъ первоначально въ суздальской семинаріи, а оттуда посланъ, по распоряженію владимірскаго и костромскаго генераль-губернатора графа Ивана Петровича Салтыкова, въ учительскую семинарію, для приготовленія въ учителя народнаго училища. Кажется, однакоже, что онъ въ народные учителя не пошелъ, а поступилъ въ московскій университетъ и по выходѣ оттуда поступилъ учителемъ въ инженерный и артиллерійскій шляхетный корпусъ. Его никто не кабиралъ и не приглашалъ въ учителя медико-хирургической московской школы, но онъ представилъ самъ себя, и медицинская коллегія назначила ему пробную лекцію, которая читана была 29 января 1796, подъ названіемъ «Объясненіе о рычагахъ и свойствѣ воздуха». Отзывъ трехъ членовъ коллегіи былъ такой, что лекторъ «объясненіе произвелъ съ подробнымъ и доказательнымъ объясненіемъ; чтоже касается до самаго выраженія его объясненій, то примѣтили въ немъ неспособность» (подписали: Ѳ. Тихорскій, Н. Карпинскій и С. Андреевскій). Но не смотря на этотъ отзывъ, медицинская коллегія опредѣлила его адъюнктомъ (11 февраля 1796) къ Пфеллеру, съ жалованьемъ по 150 р., и съ тѣмъ что когда болѣе усовершенствуется въ преподаваніи сихъ наукъ, тогда медицинская контора обязана донести объ этомъ, и 23 сентября того же года прибавила ему 50 р. жалованья.

Когда адъюнктъ анатоміи П. А. Загорскій переведенъ изъ москов-

ской медико-хирургической школы въ Петербургѣ, къ анатоміи и физиологіи, при профессорѣ Карпинскомъ (12 октября 1797), тудаже опредѣленъ на прозекторскую вакансію состоявшій уже при спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ «при анатоміи» Иванъ Энгель, съ производствомъ въ лѣкари и съ жалованьемъ по 250 р.

Но Энгель часто хворалъ и въ помощь ему исправлялъ должность помощника прозектора подлѣкаръ Василиій Ивановичъ Лимаревъ, получившій медицинское образованіе въ спб. медико-хирургической школѣ. До поступленія въ госпиталь онъ учился въ харьковской коллегіи, а потомъ былъ учителемъ суджанскаго народнаго училища въ курскомъ намѣстничествѣ и принятъ ученикомъ въ спб. медико-хирургическую школу 21 декабря 1789. Съ производствомъ въ подлѣкари назначенъ былъ исправлять должность прозектора, а съ утвержденіемъ въ ней произведенъ въ лѣкари (10 марта 1799). Но послѣ этого скоро переведенъ лѣкаремъ въ л. гв. семеновскій полкъ, на мѣсто уволеннаго оттуда штабъ-лѣкаря И. Орлая (30 сентября 1799), по особой рекомендаціи великаго князя цесаревича Александра Павловича.

Операторы спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Въ этомъ госпиталѣ существовали операторы за долго еще до учрежденія правильно организованной госпитальной школы и ставились очень высоко, такъ какъ были учителями самыхъ существенныхъ медицинскихъ наукъ—анатоміи и хирургіи. Но они существовали временно и случайно, по мѣрѣ того какъ встрѣчались способные между иностранцами, приглашенными въ русскую медицинскую службу, а также и по мѣрѣ накопленія лѣкарей и подлѣкарей, нуждавшихся въ практическомъ образованіи. Такъ, при самомъ учрежденіи спб. сухопутнаго госпиталя, въ 1717 году, принятъ въ службу операторъ Виллиамъ Горнъ, англичанинъ, «для показанія въ госпиталѣ лѣкарямъ операций бандажей, а временемъ и въ анатоміи». Онъ принятъ по контракту на одинъ годъ, за 250 рублей, а прослужилъ два года въ госпиталѣ. За тѣмъ контрактъ съ нимъ возобновленъ въ 1719 году, но уже не для преподаванія въ госпиталѣ, а для службы при дворѣ, «первымъ надворнымъ лѣкаремъ», съ жалованьемъ по 400 рублей. Эту послѣднюю должность исполнялъ онъ до 28 сентября 1732 года, когда, по распоряженію Бирона, приказано исключить его изъ службы и прекратить выдачу жалованья.

Послѣ него операторомъ госпиталя былъ лѣкаръ Іог. Гюйонъ (*Joh-Guyon*), поступившій въ эту должность уже при открытіи въ госпи-

талѣ хирургической школы. Онѣ считался опытнымъ хирургомъ и знающимъ лѣкаремъ. Въ 1736 году произведенъ въ штабъ-лѣкари и откомандированъ въ Азовъ, для занятія должности армейскаго штабъ-лѣкаря, сдѣлавшейся вакантною по смерти штабъ-лѣкаря Адамія, а потомъ уже не возвращался въ госпитальную школу.

Но еще за годъ до его отъѣзда, а именно въ сентябрѣ 1735 года, принять въ русскую службу лѣкаремъ и опредѣленъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь иностранный лѣкаръ Яковъ фонъ Мелленъ (*Jacob Cristoph von Mellen*), съ жалованьемъ по 180 р. въ годъ. Это былъ трудолюбивый и дѣятельный голландецъ, до увлеченія любившій анатомію и отдававшій весь свой трудъ и все свое время исключительно анатомическимъ занятіямъ. При поступленіи въ госпиталь онѣ добровольно принялъ на себя обязанности прозектора, но отказался отъ всякихъ другихъ госпитальныхъ занятій. Оказывалось однакоже, что онѣ наготовлялъ больше препаратовъ, чѣмъ сколько было нужно для преподаванія оператора Гюйона, и молодой лѣкаръ-прозекторъ незамѣтнымъ образомъ самъ дѣлался истолкователемъ приготовленныхъ препаратовъ и учителемъ. Докторъ Энгеллертъ справедливо цѣнилъ и трудолюбіе фонъ Меллена и приносимую имъ пользу школѣ и исходатайствовалъ ему званіе *учителя госпитальной школы* (*chirurgus informator*), не существовавшее ни въ какомъ другомъ госпиталѣ и совершенно отличавшее его отъ всѣхъ другихъ госпитальныхъ лѣкарей, съ прибавкою жалованья по 60 р. въ годъ (1736). По отъѣздѣ Гюйона въ армію, Я. ф. Мелленъ зачисленъ на штабъ-лѣкарскую вакансію, съ жалованьемъ по 250 р., и принялъ на себя всѣ обязанности прозектора и единственнаго учителя анатоміи въ госпиталѣ (1737), а черезъ годъ послѣ того просился на вакансію госпитальнаго оператора и утвержденъ въ этой должности (19 мая 1738), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Спустя двадцать четыре года преподавательской службы произведенъ онѣ (31 декабря 1758) въ штабъ-лѣкари, съ рангомъ капитанъ-поручика, и на старости лѣтъ дожилъ (1762) до счастья исполнять обязанности прозектора для роднаго сына своего, Христіана Яковлевича фонъ Меллена, поступившаго младшимъ докторомъ и учителемъ (доцентомъ) въ тотъ же госпиталь, гдѣ старый отецъ училъ его первымъ понятіямъ объ анатоміи. Умеръ 15 декабря 1765 года отъ грудной водянки, прослуживъ ровно тридцать лѣтъ въ одномъ и томъ же госпиталѣ.

По смерти Я. ф. Меллена, операторомъ спб. сухопутнаго госпиталя

назначенъ (22 декабря 1765) Фр. Лука Елаичъ, жившій тогда въ Москвѣ и не желавшій ѣхать въ Петербургъ. Но медицинская канцелярія приказала ему не отговариваться и онъ покорился. Тутъ однакоже оказалось, что онъ очень уже старъ и мало способенъ къ операторской должности. Докторъ Хр. Я. фонъ Мелленъ доносилъ медицинской канцеляріи, что Елаичъ «глазами слабъ и при обряженіи мертвыхъ тѣлъ обморокъ на него нашель.» Черезъ годъ послѣ того (февраль и мартъ 1766) самъ Елаичъ просилъ объ увольненіи отъ этой должности, по слабости зрѣнія и старости, и объ опредѣленіи его на мѣсто акушера въ Москвѣ, открывшееся по смерти Іог. Пагенкампа. Медицинская коллегія постановила подвергнуть его экзамену изъ акушерства: но онъ не выдержалъ экзамена и оказался полнымъ невѣждою даже и въ анатоміи, которой считался преподавателемъ. Поэтому преданъ былъ суду, по вопросу: какимъ образомъ достигъ онъ всѣхъ своихъ званій и чиновъ, и отставленъ отъ службы. Въ послѣдствіи впрочемъ оправданъ сенатомъ, съ возвратомъ недодапного жалованья¹⁾.

Операторъ Я. ф. Мелленъ исправлялъ до 1763 года эту должность въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ и отъ cadaго изъ нихъ получалъ по 300 рублей. Но 12 марта 1763 въ адмиралтѣйскій госпиталь назначенъ операторомъ штабъ-лѣкаръ Густавъ Орреусъ, между тѣмъ какъ Я. ф. Мелленъ остался при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ²⁾.

Послѣ удаленія Елаича въ спб. сухопутномъ госпиталѣ преподавалъ анатомію докторъ Х. ф. Мелленъ и при немъ служилъ *прозекторомъ* лѣкаръ Вильгельмъ Моръ (*Wilh. Mohr*), освобожденный отъ всѣхъ другихъ госпитальныхъ обязанностей (7 сентября 1767). Онъ былъ воспитанникъ тогоже сухопутнаго госпиталя.

Восемь лѣтъ спустя докторъ Х. ф. Мелленъ просилъ опредѣлить въ помощь ему при чтеніи анатоміи подлѣкаря спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Никона Карпинскаго, «который въ тому и способность имѣеть,» и медицинская коллегія исполнила эту просьбу (4 сентября

¹⁾ См. мои *Очерки изъ исторіи*, стр. 201.

²⁾ Кроме того, операторъ Я. ф. Мелленъ исправлялъ должность городского акушера въ Петербургѣ и служилъ репетиторомъ лекцій д-ра Линдемана въ повивальномъ институтѣ, не смотря на долгую службу въ Россіи не выучившагося порусски. По смерти Я. ф. Меллена должность городского акушера перешла къ штабъ-лѣкарю Іог. Вульфу (*Johann Georg Wulff*), бывшему въ то время членомъ медицинской коллегіи. Вульфъ умеръ 22 января 1776 и должность его «при бабичьемъ дѣлѣ» перешла къ оператору Ю. Гаммелу (16 мая 1776)

1774), но не назначила молодому подлѣварю никакого за это вознагражденія. Преподаватель угадалъ талантъ ученика своего: Н. Карпинскій былъ въ послѣдствіи знаменитымъ профессоромъ. Однакоже едва прошелъ годъ, какъ докторъ ф. Мелленъ испугался чрезмѣрной ревности Карпинскаго и 15 сентября 1775 писалъ медицинской коллегіи, что Карпинскому грозитъ чахотка и просилъ уволить его отъ должности прозектора. Коллегія согласилась, и на мѣсто Карпинскаго назначенъ былъ госпитальный ученикъ Каминскій (21 сентября 1775), въ послѣдствіи бывший адъюнктомъ при кафедрѣ анатоміи. Уволенъ отъ должности прозектора по прошенію въ февралѣ 1780 года.

Въ послѣдствіи были *прозекторами*: лѣкаръ Степанъ Андреевскій (5 мая 1783), вскорѣ уволенный отъ этой должности по болѣзни; подлѣкаръ Егоръ Фувсъ, переведенный переводчикомъ въ медицинскую коллегію, и лѣкаръ Яковъ Осиповичъ Саполовичъ (августъ 1783), избранный на эту должность профессоромъ Тереховскимъ.

Штабъ-лѣкаръ спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Дмитрій Павловичъ Моренковъ утвержденъ операторомъ тогоже госпиталя (1789).

Д. П. Моренковъ, родомъ изъ Харькова, сынъ священника, учился въ харьковской коллегіи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь 9 февраля 1783 года и признанъ лѣкаремъ въ декабрѣ 1786 года, при чемъ временно поручено ему исправлять должность оператора (на мѣсто уволеннаго отъ этой должности Гамена), съ переводомъ въ генеральный сухопутный госпиталь (11 января 1787).

Въ тотъ же день лѣкаръ Петръ Андреевичъ Загорскій утвержденъ прозекторомъ анатоміи при спб. хирургическомъ училищѣ, съ жалованьемъ 250 р. Но черезъ два съ половиною года перепросился на другой родъ службы (19 августа 1790) и почти ровно десять лѣтъ не возвращался къ учебной дѣятельности. Утвержденъ адъюнктомъ анатоміи 8 января 1797 года, съ назначеніемъ сперва въ московское, а потомъ въ спб. медико-хирургическое училище, гдѣ профессоромъ былъ Н. Карпинскій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сложилъ съ себя званіе прозектора и на эту должность назначенъ подлѣкаръ Иванъ Энгель (*Joh. Engel*), съ производствомъ въ лѣкари. Но Энгель часто хворалъ и потому профессоръ Карпинскій выбралъ въ помощники ему подлѣваря спб. адмиралтейскаго госпиталя Василія Лимарева, который и утвержденъ меди-

цинскою коллегією въ этой должности, съ производствомъ въ лѣкари (10 февраля 1799). Но онъ недолго исправлялъ эту должность: по приказанію цесаревича Александра Павловича онъ опредѣленъ (30-го сентября 1799) лѣкаремъ въ л. гв. семеновскій полкъ, на мѣсто уволеннаго отъ службы штабъ-лѣкаря Орлая.

Между тѣмъ операторъ Д. П. Моренковъ уволенъ по прошенію отъ службы съ полною пенсією (по 420 р.). Уволенъ онъ особымъ высочайшимъ рескриптомъ на имя барона Васильева отъ 24 октября 1797 года. Открывшаяся такимъ образомъ вакансія оператора въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ поручена адъютанту спб. медико-хирургическаго училища штабъ-лѣкарю П. А. Загорскому (2 ноября 1797), съ исправленіемъ должности адъютанта и съ жалованьемъ по 560 р. Наконецъ 20 іюня 1799 Загорскій утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ спб. медико-хирургической академіи.

Главные лѣкаря (*oberchirurgi*) спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Первымъ по времени считается Иванъ Эльснеръ (*Joh. Elsner*), принятый въ русскую службу въ 1704 году. Онъ долго служилъ въ полкахъ и по всей вѣроятности участвовалъ въ шведскомъ и персидскомъ походахъ. Въ 1722 году переведенъ лѣкаремъ на спокойное мѣсто, въ спб. сухопутный госпиталь, съ жалов. по 15 р. въ мѣсяць, а потомъ (19 декабря 1727 года) повышенъ въ званіе главнаго лѣкаря того же госпиталя, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ.

Послѣ него назначенъ на эту должность (14 мая 1730) бывшій гофъ-хирургъ Иванъ Пагенкампфъ (*Joh. Pagenkampp*), съ прежнимъ придворнымъ жалованьемъ. Это былъ родъ ссылки для него, вызванной какими-то неудовольствіями при дворѣ. Отсюда Пагенкампфъ переведенъ въ московскій генеральный госпиталь, «для обученія учениковъ анатоміи и хирургическимъ операціямъ» (3 іюля 1732), а должность главнаго лѣкаря поручена была лѣкарю Акиму Фетте (*Joach. Vette*).

Лѣкарь А. Фетте, иностранецъ, взятъ въ плѣнъ изъ шведскаго войска въ 1709 году и состоялъ лѣкаремъ при разныхъ полкахъ болѣе двадцати лѣтъ. Наконецъ, по собственной просьбѣ, «за долговременную службу и за старостью» назначенъ былъ (въ 1734 году) главнымъ лѣкаремъ спб. сухопутнаго госпиталя, гдѣ и умеръ (6 іюня 1736).

На его мѣсто опредѣленъ (12 февраля 1737 года) старшій лѣкарь

морского галерного флота Иванъ Бартизиусъ (*Joh. Joachim Barthysius*). Первоначально состоялъ лѣбаремъ въ Тавровскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ чуть ли не съ самаго основанія его, подъ командою вицеадмирала Змаевича (1724). Въ турецкую войну 1738 года и при появленіи чумы на границѣ Украйны онъ командированъ былъ въ Изюмъ, въ тамошнимъ военно-временнымъ госпиталямъ, но безъ отчисленія отъ постоянной его должности ¹⁾. Умеръ въ Петербургѣ 15 октября 1742 года, ех *anthraxe* на правой сторонѣ груди.

Послѣ него опредѣленъ на эту должность штабъ-лѣбаръ Даниилъ Рибкеръ (*Daniel Friedrich Rücker*), въ послѣдствіи переведенный (въ 1750 году) штабъ-лѣбаремъ въ украинскую дивизию. Умеръ въ Москвѣ, состоя въ должности штабъ-лѣбара московской дивизіи, 18 декабря 1762 года.

На его мѣсто опредѣленъ (28 августа 1750) лѣбаръ л. гв. преображенскаго полка Николай Линдвурмъ (*Nicolaus Martin Lindwurm*). Онъ умеръ отъ чахотки 18 марта 1758 года, оставивъ жену и троихъ дѣтей. Старшая дочь его, Марія, была замужемъ за актуаріемъ коллегии иностранныхъ дѣлъ Генрихомъ Данненбергомъ.

Тотчасъ по смерти Линдвурма, повидимому въ видѣ опыта, исправленіе должности главнаго лѣбара въ слб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ поручено было (1 апрѣля 1758) лѣбарю слб. адмиралтейскаго госпиталя Степану Алексѣевичу Вѣнечанскому, «по особливому знанію его въ хирургическомъ дѣлѣ и госпитальныхъ обрядахъ», а на его мѣсто въ адмиралтейскій госпиталь переведенъ лѣбаръ генеральнаго сухопутнаго госпиталя Генрихъ Вейтбрехтъ. Утвержденъ же онъ въ должности 30 декабря 1758 года.

С. А. Вѣнечанскій, сынъ грека изъ Македоніи, выѣхавшаго въ Россію и служившаго первоначально переводчикомъ съ греческаго, латинскаго, турецкаго и валахскаго языковъ при коллегии иностранныхъ дѣлъ, и дѣйствительнымъ коллегии юнгеромъ. Въ іюнѣ 1754 года сынъ его поступилъ ученикомъ въ слб. адмиралтейскій госпиталь и въ декабрѣ того же года произведенъ въ подлѣбари, а въ январѣ 1756 года въ лѣбари. Слѣдовательно, занявъ важную должность въ госпиталѣ, онъ не могъ похвалиться ни продолжительностію службы,

¹⁾ На время его отсутствія, исполненіе должности главнаго лѣбара въ госпиталѣ поручаемо было либо оператору Я. фонъ-Меллену, либо лѣбарю П. Паульсону, по усмотрѣнію старшаго госпитальнаго доктора.

ни особенными заслугами, и не смотря на то безпрерывно ссорился съ старшимъ докторомъ госпиталя И. А. Полетикою. Ссоры были такъ часты и такъ вредили правильному ходу госпитальной службы, что Полетика получилъ другое назначеніе, а Вѣнечанскому приказали внушить, что если и съ новымъ докторомъ онъ будетъ не уважителенъ, то будетъ отставленъ отъ службы. Но онъ не сталъ дожидаться новыхъ испытаній своего личнаго характера, перепросился на другой родъ службы—штабъ-лѣкаремъ при главномъ и московскомъ магистратѣ—и (15 ноября 1760 года) оставилъ госпиталь. Живя постоянно въ Москвѣ, онъ началъ страдать каменною болѣзною и по собственной просьбѣ уволенъ отъ службы съ абшитою (21 марта 1773 года).

Главнымъ лѣкаремъ спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя послѣ него опредѣленъ лѣкарь Александръ Сванвингъ (*Alex. Swanwing*), предназначенный на службу при московскомъ магистратѣ, но помѣнявшійся съ Вѣнечанскимъ мѣстами.

А. Сванвингъ принятъ въ службу въ 1744 году и первоначально состоялъ лѣкаремъ въ рижскомъ госпиталѣ, а потомъ въ петербургскомъ, оренбургскомъ, новгородскомъ госпиталяхъ и въ троицкомъ драгунскомъ полку. Онъ ревностно исполнялъ свои обязанности и черезъ годъ получилъ, за усердіе, званіе армейскаго штабъ-лѣкаря и прибавку 50 р.^к къ годовому жалованью. Умеръ 25 марта 1762 года.

Мѣсто его передано было (26 марта 1762) штабъ-лѣкарю Ивану Хемницеру (*Johann Georg Adam Chemnilzer*), походившемуся въ то время (по причинѣ семилѣтней войны) при русскихъ госпиталяхъ въ Пруссіи.

Иванъ Егоровичъ Хемницеръ, саксонецъ, принятъ въ русскую службу, по военному времени, русскимъ полномочнымъ министромъ въ Пруссіи Павломъ Ивановичемъ Ягужинскимъ въ апрѣлѣ 1734 года, по контракту (капитуляціи) на два года, съ званіемъ лѣкаря и съ жалованьемъ по 10 талеровъ въ мѣсяць (на русскія деньги по тогдашнему курсу по 8 р. 20 к.) и съ условіемъ получить со временемъ штатное мѣсто полковаго лѣкаря съ присвоеннымъ этому мѣсту содержаніемъ или, если захочетъ,—выйти изъ службы по окончаніи войны. Всѣ приглашенные такимъ образомъ лѣкаря и подлѣкаря (числомъ 9, изъ коихъ 3 приняты лѣкарями, а остальные 6 подлѣка-

¹⁾ С. А. Венечанскій оставилъ по себѣ добрую память изданіемъ *Лѣчебника о венерическихъ болѣзняхъ* для народнаго употребленія. Рукопись «Лѣ-

рями) обязаны были до отъезда въ Россію представить удостовѣреніе въ своихъ знаніяхъ и прежней службѣ въ отечествѣ если не отъ факультетскихъ профессоровъ, то отъ мѣстныхъ пасторовъ.

Тотчасъ по поступленіи въ русскую службу Хемницеръ опредѣленъ въ русскую армію, стоявшую подъ Лейпцигомъ, а оттуда пріѣхалъ съ большими и ранеными въ С.-Петербургъ и назначенъ въ закамскую линію, лѣкаремъ въ ландмилиціонный драгунскій Лярскій полкъ, въ которомъ оставался до 1739 года; потомъ переведенъ въ драгунскій полкъ астраханскаго гарнизона, находившійся въ оренбургско-башкирской экспедиціи. Въ 1741 году началъ разъѣзжать въ командировки по форпостамъ около Астрахани, Кизляра, въ Персіи (къ президенту Братищеву) и наконецъ причисленъ къ одному изъ карантинновъ, съ званіемъ астраханскаго губернскаго лѣкаря. Наконецъ 5 декабря 1755 года переведенъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь лѣкаремъ же. Но и тутъ встрѣтилось затрудненіе. Хемницеръ жилъ въ Астрахани и служилъ помощникомъ доктору Грегори «противъ опасныхъ болѣзней». Вдругъ умираетъ Грегори и мѣстное начальство не отпускаетъ Хемницера, пока назначать другаго на его мѣсто. Наконецъ назначенъ лѣкарь Детловъ Фуксъ, хотя по старости лѣтъ (76 лѣтъ) едва ли могъ нести какія либо обязанности. Это еще не все. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. И едва устроившись на покойномъ мѣстѣ, опять командированъ въ главную армію (16 сент. 1757) и по этому поводу произведенъ въ штабъ лѣкаря съ жалованьемъ по 400 р. и съ 4 раціонами и 1 деньщикомъ, и съ нею отправился за границу, гдѣ и узналъ о своемъ повышеніи. Кажется, однакожь, что это по-

чебника» представлена была черезъ А. А. Ржевскаго сенату (1775), который приказалъ медицинской коллегіи рассмотреть ее и представить съ своими замѣчаніями, съ тѣмъ чтобы напечатать, если окажется возможнымъ, а вмѣстѣ положить и награду автору. Разсматривали его Шафонскій, Скіаданъ, Эразмусъ и Ореусъ и одобрили къ печати, съ малыми поправками, а медицинская коллегія присудила наградить автора званіемъ штабъ-лѣкаря. Постановленіе это сдѣлано 25 февр. 1776, а Вѣнчанскій былъ уже въ отставкѣ съ 1773 года. Сенатъ приказалъ (23 марта 1776) напечатать «Лѣчебникъ» и разослать по губерніямъ для продажи. Между тѣмъ Вѣнчанскій сталъ просить мѣста и въ іюнь тогоже 1776 года опредѣленъ на службу при московскихъ департаментахъ сената, съ жалованьемъ по штату 15 декабря 1763 по 250 р., а 13 сентября тогоже года произведенъ въ коллежскіе ассесоры, «за принятой пмъ (какъ сказано въ представленіи медицинской коллегіи) въ сочиненіи «Лѣчебника» отъ венерическихъ болѣзней трудъ и усердіе къ общественной пользѣ и для поощренія прочихъ».

выпение не много принесло ему пользы и спокойствія. 12 января 1762 года онъ уволенъ отъ полевой службы, съ переводомъ въ пограничные госпитали. Но онъ былъ очень уже старъ и неспособенъ къ переѣздамъ съ мѣста на мѣсто; поэтому возвращень въ Петербургъ и умеръ въ 1780 году въ глубокой старости ¹⁾. Въ послѣдніе годы его жизни должность его поручаема была то штабъ-лѣкарю Фуксу, то штабъ-лѣкарю Бюрбергу.

На мѣсто Хемницера опредѣленъ, по приказанію барона Фитингофа, штабъ-лѣкарь, коллежскій ассессоръ Иванъ Максимовичъ Бюрбергъ (*Hans Heinrich Carl Biurberg*), финляндецъ, учившійся въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ ²⁾. Въ это время онъ считался на вакансіи оператора, хоть едва ли сдѣлалъ въ жизнь свою какую либо операцію, и былъ членомъ медицинской коллегіи съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Прослуживъ лѣтъ двѣнадцать въ должности главнаго лѣкаря госпиталя, онъ сталъ, кажется, тяготиться ею. По крайней мѣрѣ такъ можно думать по тому, какъ онъ сложилъ ее съ себя. Лѣтомъ 1797 года адмиралъ Крузе предпринялъ морскую кампанію и просилъ разрѣшенія взять съ собою доктора кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя В. Лаакмана для своей собственной особы. Разрѣшеніе это дано по высочайшему повелѣнію (8 іюня 1797), а на время отсутствія Лаакмана исправленіе должности его въ госпиталѣ поручено штабъ-лѣкарю и члену коллегіи И. Бюрбергу. Но отсутствіе Лаакмана было непреодолимительно: 20 іюля онъ уже возвратился въ Кронштадтъ и опять вступилъ въ свою должность, а Бюрбергъ возвратился въ Петербургъ, но не вступилъ въ должность главнаго лѣкаря госпиталя, а только считался въ ней, посвящая все свое время должности члена коллегіи. Должность же главнаго лѣкаря исправлялъ штабъ-лѣкарь Осипъ Кириловичъ Каменецкій (1797).

О. Каменецкій, сынъ мѣщанина въ мѣстечкѣ Семіоновкѣ старо-

¹⁾ Изъ числа дѣтей его, сынъ Иванъ Ивановичъ служилъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Смирнѣ, гдѣ и умеръ въ 1784 году. Это былъ извѣстный русскій баснописецъ. Одна дочь И. Е. Хемницера, Марья Ивановна, была замужемъ за старшимъ докторомъ спб. адмиралтейскаго госпиталя Е. К. Валеріаномъ, а другая дочь, Дарья Ивановна, была замужемъ за штабъ-лѣкаремъ И. И. Брозинимъ, первымъ по времени инспекторомъ кіевской врачебной управы.

²⁾ См. *Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII столѣтія*, стр. 317.

дубскаго полка, получилъ первоначальное образованіе въ черниговской коллегіи, а для изученія медицины поступилъ ученикомъ (8 марта 1778 года) въ спб. генеральный сухопутный госпиталь. Окончивъ здѣсь курсъ, онъ произведенъ лѣкаремъ и зачисленъ (8 августа 1793) на вакансію, открывшуюся переводомъ штабъ-лѣкаря на лѣкарской вакансіи Степана Андреевскаго въ члены медицинской коллегіи. По новому штату медицинской коллегіи 12 февраля 1799 года назначенъ младшимъ членомъ медицинской коллегіи, съ увольненіемъ отъ госпитальной службы, съ званіемъ штабъ-лѣкаря и съ чиномъ надворнаго совѣтника. Такъ же долженъ былъ поступить и штабъ-лѣкарь Бьюрбергъ, т. е. выйти изъ коллегіи и остаться при одной должности главнаго лѣкаря госпиталя, съ сохраненіемъ добавочнаго жалованья по 200 р. въ годъ: но къ нему не примѣнили этого закона. Каменецкій издалъ *Краткое наставленіе о льчкѣи простыми средствами болъзней отъ разныхъ ядовъ случающихся, для сельскихъ жителей и дръ нѣтъ врачей*, соч. Осипа Каменецкаго. Москва, 1806. 8°. Этотъ лѣчебникъ долгое время пользовался общимъ уваженіемъ и считался самою полезною домашнею книгою.

Въ послѣдствіи времени, въ царствованіе императора Александра I, О. Каменецкій былъ пожалованъ званіемъ лейбъ-медика и такимъ образомъ былъ первымъ лейбъ-медикомъ чисто русскаго происхожденія.

Аптекари спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Первымъ аптекаремъ въ этомъ госпиталѣ былъ Фридрихъ Диттерихъ (*Friedrich Ditterich*). Онъ принятъ въ русскую службу 13 февраля 1728 года гезелемъ въ московскую главную аптеку, съ жалованьемъ по 10 р. въ мѣсяцъ. Затѣмъ 10 марта 1731 года переведенъ гезелемъ же въ аптеку спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, съ жалованьемъ по 160 р. въ годъ. Въ послѣдствіи произведенъ въ аптекари и назначенъ управляющимъ спб. нижнею аптекою.

На его мѣсто поступилъ аптекарскій гезель Петръ Розингъ (*Peter Rosing*), управлявшій госпитальною аптекою въ 1735—1737. Отсюда переведенъ въ Иркутскъ, въ комиссію для брака ревеня, съ производствомъ въ аптекари (1737), а на его мѣсто, въ госпитальную аптеку, переведенъ изъ Москвы возвратившійся изъ арміи и управлявшій полевой аптекою подъ Азовомъ Гот. Ролофъ (*Gottfried Roloff*). Но и Ролофъ не долго оставался на мѣстѣ: 16 іюня 1737 года онъ командированъ въ Москву, а оттуда въ Воронежъ для управленія полевой аптекою. Послѣ него при госпитальной аптекѣ остался гезель Готфридъ

Юстинъ (*Gottfried Conrad Justin*), умершій 28 августа 1737 года. На гезелѣ Юстинѣ лежала, между прочимъ, обязанность знакомить госпитальныхъ учениковъ съ ботаникою и фармаціею. Послѣ его смерти на эту должность временно назначенъ (1 ноября 1737) Георгъ Модель (*Joh. Georg Mod. II*), съ жалованьемъ по 140 руб. Ему вмпнено въ обязанность преподавать госпитальнымъ подлѣкарямъ и ученикамъ курсъ фармаціи и химіи, съ правомъ требовать лабораторные матеріалы и инструменты изъ главной аптеки бесплатно. Гезелемъ при немъ былъ Іоганнъ Вернеръ (*Joh. Georg Werner*) и послѣ перевода Моделя аптекаремъ въ спб. адмиралтейскую аптеку занялъ его мѣсто (1740)¹⁾.

Послѣ него поступилъ гезель, а потомъ аптекарь Христ. Гебгардъ (*Christ Gebhardt*), (1744), умершій 24 апрѣля 1758. Должность его временно исправлялъ гезель спб. адмиралтейской аптеки Нилусъ, а потомъ на это мѣсто назначенъ гезель спб. адмиралтейскаго госпиталя Захаръ Цахертъ (8 мая 1758).

Прослуживъ тутъ три года, Захаръ Цахертъ (*Zaccharias Zachert*) по экзамену произведенъ (31 мая 1761) въ провизоры, съ оставленіемъ при той-же аптекѣ. Ему поручено было «учить госпитальныхъ подлѣкарей и учениковъ въ знаніи оффиціальныхъ травъ и кореньевъ, подъ управленіемъ старшаго госпитальнаго доктора», за что и положено 180 рублей жалованья. Но почти вслѣдъ затѣмъ (28 августа 1761) онъ переведенъ аптекаремъ къ Перчинскимъ горнымъ заводамъ, а на его мѣсто, въ госпитальную аптеку, опредѣленъ гезель Эрихъ Розе (*Erich Christiansen Rose*), съ тою-же учебною обязанностию.

Въ мартѣ 1763 года назначенъ къ управленію этою аптекою аптекарь Самуилъ К्लीберъ (*Samuel Bernhardt Klieber*), съ обязанностию обучать госпитальныхъ подлѣкарей и учениковъ знанію травъ и приготовленію изъ нихъ медикаментовъ. Онъ управлялъ госпитальною аптекою два года и потомъ переведенъ (18 апрѣля 1765) аптекаремъ къ спб. ботаническому саду, на мѣсто Лор. Давида Фриче, переведеннаго въ Астрахань.

¹⁾ Аптекарь Іог. Г. Модель, уроженецъ изъ Ротенбурга въ Германіи, принявъ въ русскую службу въ 1737 году гезелемъ въ спб. медицинскій огородъ (ботаническій садъ) и оттуда прикомандированъ къ аптекѣ спб. генерал. сухопутнаго госпиталя. Въ 1741 году произведенъ въ аптекари къ спб. адмиралтейской аптекѣ; въ 1750 переведенъ въ главную аптеку для управленія ею; въ 1758 избранъ въ члены спб. академіи наукъ и по учрежденіи медицинской коллегіи назначенъ членомъ ея. Умеръ 22 марта 1775 года.

Аптекарь С. К्लीберъ получилъ образованіе въ С.-Петербургѣ. Онъ поступилъ ученикомъ въ спб. адмиралтейскую аптеку 1744 года и по произведеніи въ гезели назначенъ въ Выборгскую аптеку, отсюда въ Астраханскую и потомъ возвращенъ въ Петербургъ, командированъ на флотъ, а отсюда къ главной аптекѣ. Состоя при этой аптекѣ онъ часто ѣзжалъ въ свитѣ Петра III въ Петербургъ и Ораніенбаумъ, такъ что былъ лично извѣстенъ ему. Когда, по приказанію наследника Петра Федоровича (будущаго Петра III) 13 февраля 1761 года учреждена была аптека при сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, то аптекаремъ туда назначенъ Sam. Bernhardt Klieber, безъ экзамена произведенный въ аптекари (25 февр. 1761), «сдѣлавъ нѣсколько вещей на пробу». Но эта аптека закрыта по указу сената 12 октября 1763 и К्लीберъ, оставшись за штатомъ, переведенъ былъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь аптекаремъ. Послѣ Клибера управленіе госпитальною аптекою опять поручено было провизору Христіану Розе, который тутъ и умеръ.

Послѣ смерти провизора Розе опредѣленъ на его мѣсто (26 іюля 1770) гезель Карлъ Цеттелеръ (*C. Zetteler*), состоявшій передъ тѣмъ гезелемъ при аптекѣ спб. адмиралтейскаго госпиталя. Пробывъ тутъ одинъ годъ и переведенъ провизоромъ въ Кронштадтскую адмиралтейскую аптеку на мѣсто умершаго аптекаря Скобовіуса. Въ то же время къ аптекѣ спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя назначенъ (24 марта 1771) гезель Іог. Бидерманъ (*Joh. Christ. Biedermann*). Но и этотъ пробывъ не долго: онъ командированъ былъ въ дѣйствующую армію, въ Молдавію, въ походную аптеку, подъ управленіемъ провизора М. Бирмана, для замѣны умершихъ отъ чумы двухъ гезелей (1772), а на его мѣсто назначенъ временно исправлять должность провизора въ госпитальной аптекѣ гезель спб. главной аптеки Фридрихъ Мюллеръ (*Friedr. Carl Ludwig Müller*).

Но Мюллеръ причисленъ былъ сюда только на время и послѣ откомандированія его должность провизора въ госпитальной аптекѣ исполнялъ гезель Іоганнъ Модель (*Johann Ludwig Modell*). Былъ ли этотъ Модель родственникъ знаменитому аптекарю и химикъ Георгію Моделю, или нѣтъ—неизвѣстно. Онъ числился тутъ до 13 іюня 1776 года, а потомъ переведенъ въ спб. адмиралтейскую аптеку. На его мѣсто перечисленъ изъ этой послѣдней аптеки гезель Александръ Михайловскій, получившій по экзамену званіе провизора. Въ январѣ

1783 Михайловскій переведенъ въ аптеку сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, на мѣсто умершаго аптекаря Винтербергера.

На мѣсто Михайловскаго опредѣленъ въ госпитальную аптеку (1783) аптекарскій гезель спб. нижней аптеки Иванъ Штендеръ (*Joh. Stender*), родомъ изъ Стральзунда, принять гезелемъ въ спб. главную аптеку (23 марта 1780), а оттуда въ госпитальную аптеку (12 января 1783), съ производствомъ въ провизоры и аптекари. Ему поручено было (12 марта 1786) «преподавать въ обоихъ госпиталяхъ химико-фармацевтическіе опыты съ толкованіемъ происходящихъ при томъ процессовъ», съ прибавкою за то жалованья. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ того, при открытіи въ госпитальныхъ школахъ химико-фармацевтическихъ лекцій особыми профессорами, преподаваніе аптекарей отмѣнено и онъ 29 ноября 1787 переведенъ аптекаремъ въ кievскій походный госпиталь, а на его мѣсто временно назначенъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь провизоръ с.-петербургской главной аптеки *Ешинъ*. Впрочемъ оставался онъ не долго: 24 іюля 1788 назначенъ въ госпитальную аптеку на гезельскую вакансію аптекарь Іоанн Штормъ (*Johan. Joachim Storm*). Передъ этимъ онъ состоялъ при елисаветградскомъ генеральномъ госпиталѣ и просилъ оставить его тамъ, и по этой просьбѣ дѣйствительно оставленъ (5 октября 1788), съ жалованьемъ 300 руб. и 6 раціонами.

На его мѣсто назначенъ провизоръ Магнусъ Арльтъ (*Magnus Arlt*). Родомъ лифляндець, принять аптекарскимъ гезелемъ въ с.-петербургскую нижнюю аптеку 6 апрѣля 1783, а оттуда въ херсонскую полевую аптеку, 25 августа 1791 опредѣленъ въ аптеку с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя и въ слѣдующемъ году произведенъ въ провизоры (23 февраля 1792), а потомъ въ аптекари (1793). Помощникомъ ему служилъ аптекарскій гезель Германъ Шильдкнехтъ (*Hermann Gustav Schildknecht*), родомъ изъ Гамбурга, принять гезелемъ въ с.-петербургскій сухопутный госпиталь (19 мая 1799) съ жалованьемъ 180 руб.

Учители латинскаго языка (studiosi) въ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ. Первымъ со времени учрежденія хирургической школы въ этомъ госпиталѣ учителемъ латинскаго языка упоминается studiosus medicinae *Johann Friedrich Hensold* (1736 года). Онъ получалъ 150 руб. жалованья въ годъ; но кто онъ былъ такой, когда поступилъ въ госпиталь и выбылъ изъ него—не имѣется свѣдѣній.

На его мѣсто опредѣленъ учителемъ латинскаго языка лѣкаръ *Johann Georg Zumppe*, въ послѣдствіи уѣхавшій за границу для докончанія медицинскаго образованія и возвратившійся оттуда докторомъ медицины копенгагенскаго университета. Кажется, онъ не очень долго исправлялъ эту должность, а послѣ отъѣзда его она тоже оставалась вакантною.

Вакансію эту занялъ (1740) кандидатъ медицины *Johann Ulrich Jaeger*, называвшій себя «*Informator der lateinischen Sprache*». Умеръ 10 декабря 1751 года.

На его мѣсто назначенъ бывшій ученикъ этого же самаго госпиталя, а потомъ провизоръ нарвской аптеки *Paul Friedrich Harmens*, зарекомендовавшій себя тѣмъ, что около этого же времени перевелъ съ латинскаго на нѣмецкій языкъ диссертацию доктора Іог. Шрейбера «О моровомъ повѣтріи», посланную медицинскою коллегіею въ академію наукъ для напечатанія. Опредѣленъ былъ въ должность 27 октября 1752, а уволенъ отъ службы 1 мая 1759 года. Послѣ того за цѣлыя 28 лѣтъ мы не нашли указаній на лица, коимъ поручаемо было преподаваніе латинскаго языка. Только со времени утвержденія штата 15 іюля 1786 года «медиико-хирургическихъ школъ» или «медиико-хирургическихъ училищъ» (какъ стали называть госпитальныя хирургическія школы) начинается новый рядъ преподавателей латинскаго языка, съ жалованьемъ по этому штату по 250 руб. Въ это время учителемъ назначенъ въ с.-петербургское медиико-хирургическое училище лѣкаръ того-же госпиталя Федоръ Еллинскій (22 февраля 1787).

Послѣ этого, можетъ быть отъ того, что конторамъ госпиталей предоставлено самимъ заботиться о прискааніи учителей латинскаго языка, если онѣ признаютъ это нужнымъ, обязанности латинскихъ учителей исполняли штатные госпитальные лѣкари, помимо своей главной должности, за извѣстное добавочное вознагражденіе.

Но Еллинскій скоро получилъ другое назначеніе и на мѣсто латинскаго учителя опредѣленъ ученикъ тойже школы Федосѣй Ивановичъ Отрошкевичъ (1789 года)—сынъ купца изъ города Невеля полоцкаго намѣстничества, принятый въ с.-петербургскую школу ученикомъ только 1 мая 1788—и занималъ эту должность до 21 іюля 1796 года, когда уволенъ былъ по прошенію.

Послѣ него учителемъ латинскаго языка принять (11 августа 1796)

пасторъ Людвигъ Эрнестъ Эммелиусъ, иностранецъ изъ Клевѣда въ герцогствѣ Клевскомъ, съ штатнымъ жалованьемъ по 250 рублей.

ГЛАВА VII.

Медицинскіе чины адмиралтейскихъ генеральныхъ госпиталей (петербургскаго и кронштадтскаго).

Петербургскій адмиралтейскій (морской) генеральный госпиталь открытъ съ особенною торжественностью Петромъ Великимъ въ 1716 году. Онъ находился на Выборгской сторонѣ, на правой сторонѣ Невы, близъ нынѣшняго Литейнаго моста. Старое зданіе его, каменное въ два этажа, впоследствии надстроено и передано въ военное вѣдомство. Въ немъ помѣщается цѣль военно-фельдшерская школа. Первымъ старшимъ докторомъ его былъ докторъ Матвѣй Миниать (*Math. Myneat* или *Myniatti*), родомъ грекъ, служившій прежде полковымъ врачомъ. Принятъ въ русскую службу въ 1707 году. Определенъ штатгъ-физикомъ при медицинской канцеляріи 22 сентября 1736 года. Умеръ 26 іюля 1746.

При немъ находился въ госпиталѣ докторъ Захаръ Захаровичъ фанъ-деръ Гульстъ младшій, сынъ доктора русской службы, родившійся въ Москвѣ и оттуда отправленный за границу учиться медицинѣ. По возвращеніи оттуда онъ имѣлъ порученіе преподавать въ госпиталѣ анатомію ученикамъ и подлѣкарямъ.

Въ одно время съ нимъ, или немного раньше, также обязанность возложена была на доктора Арунція Аццарити (*Aruntius Azzariti*), пріѣхавшаго въ Россію (1721) въ свитѣ графа Саввы Рагузинскаго. Онъ былъ родомъ изъ Апуліи въ неаполитанскомъ королевствѣ, учился въ Падуѣ и тамъ получилъ докторскій дипломъ. Онъ обязанъ былъ преподавать анатомію.

Операторомъ и учителемъ «накладыванія бандажей» служилъ въ госпиталѣ англичанинъ Виллимъ Горнъ (*William Horn*), учившійся въ Парижѣ и 20 лѣтъ служившій въ тамошнихъ госпиталяхъ. Принятъ въ русскую службу въ 1717 году «для подаванія лѣкарямъ операций бандажей, а временемъ и въ анатоміи».

Послѣ перевода Минята, старшимъ докторомъ госпиталя назначенъ (временно) докторъ при спб. медицинскомъ огородѣ Егоръ Сигезбекъ (*Georgius Siegesbeck*), хорошій ботаникъ, но едвали надежный медикъ (1736). Черезъ годъ послѣ полученія этого мѣста онъ напечаталъ въ Ригѣ *Primitiae Florae Petropolitanae*¹⁾. Онъ вообще не отказывался отъ занятій въ ботаническомъ саду, но развѣ только по военному времени могъ быть призванъ къ управленію госпиталемъ. Уволенъ отъ службы 14 апрѣля 1742 г. и на его мѣсто опредѣленъ (22 іюня 1742) докторъ изъ Москвы Іог. Грегори (*Johann Gottfried Gregory*), съ жалованьемъ по 400 р., «впредь до усмотрѣнія прилежности его и искусства». Черезъ три мѣсяца и дѣйствительно сдѣлана ему прибавка 100 р., но не оправдала ожиданій. За Грегори стали замѣчать дурныя привычки; да вѣроятно и самъ онъ тяготился ими. По этому, при встрѣтившемся случаѣ—очистить мѣсто для выписаннаго изъ Голландіи доктора К. Абрагама Бургаава младшаго—Грегори переведенъ (1 іюля 1746) въ московскую дивизию генерала Василія Яковлевича Левашева докторомъ. Вакансія же въ госпиталѣ оставлена вакантною, подъ наблюденіемъ младшаго доктора спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Ивана Детейльса, такъ какъ предназначена была К. Абраг. Бургааву.

Докторъ К. Абраг. Бургаавъ (*Kaau Abraham Boerhaave*) вступилъ въ должность 29 августа 1746 и ему назначили русскаго переводчика, доктора Ивана Детейльса, «пока російскаго языка не извыкнетъ». Но все это было напрасно. Во первыхъ Бургаавъ былъ очень глухъ и потому не въ состояніи былъ «извыкнуть російскаго языка». Во вторыхъ, ровно черезъ годъ по пріѣздѣ его въ Петербургъ спб. академія наукъ просила медицинскую канцелярію отпустить его изъ медицинской службы въ академическую, на мѣсто умершаго Вейтбрехта, «для распространенія науки анатомической и физиологической, какъ по штату и регламенту академіи положено». По этому предложенію онъ и уволенъ 7 ноября 1747, т. е. перечисленъ къ академіи наукъ, а на его мѣсто опредѣленъ старшимъ докторомъ спб. адмиралтей-

¹⁾ Книга печаталась въ типографіи Фрелиха въ Ригѣ. Печатаніе стоило по 2 альбрехтсталера за листъ, тогда какъ въ типографіи спб. академіи наукъ брали за тотъ же листъ (цицеро) по 1 р. 30 коп. При печатаніи первую корректуру читалъ въ Ригѣ д-ръ Граафъ, а вторую, приславшуюся по почтѣ въ Петербургъ, читали архіагеръ Фишеръ и самъ авторъ.

скаго госпиталя, докторъ украинскаго корпуса, Иванъ Унгебауеръ (*Joh. Andreas Ungebauer*).

Между тѣмъ открылась вакансія старшаго доктора въ генеральномъ спб. сухопутномъ госпиталѣ со смертію д-ра Пича. Унгебауеръ сталъ просить и получилъ назначеніе старшимъ докторомъ въ этотъ госпиталь (30 іюня 1750 года), съ жалованьемъ по 800 р.

На его мѣсто, старшаго врача спб. адмиралтейскаго генеральнаго госпиталя, опредѣленъ докторъ Карль Крузе (*Carl Friedrich Kruse*), голстинецъ изъ города Вилля, съ титуломъ «доктора и профессора», по контракту на три года, съ жалованьемъ по адмиралтейскому регламенту и съ уговоромъ нигуда не командировать безъ его собственнаго согласія (1750). Но онъ не очень заботился о госпиталѣ и большую часть времени отдавалъ частной практикѣ, а потомъ и совсѣмъ оставилъ его и по высочайшему повелѣнію 1 іюля 1753 года переведенъ въ полки лейбъ-гвардіи докторомъ, съ рангомъ капитана гвардіи и съ жалованьемъ и прочими довольствіями какъ получалъ предшественникъ его Шмидтъ.

На мѣсто Крузе, по рекомендаціи доктора К. Абраг. Бургаава, «по особливому въ медицинѣ и во всѣхъ принадлежащихъ до оной науки частяхъ искусству», выписанъ изъ лейденскаго университета докторъ медицины Павелъ Гюйонъ-Гюсси а Петтени (*Paulus Gyongyossi a Petteny*) и опредѣленъ (1 іюля 1753 года) старшимъ докторомъ спб. адмиралтейскаго госпиталя, по контракту на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 р. и съ обѣщаніемъ прибавки, и на проѣздъ 100 р. Прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1753 года, и повидимому былъ очень дѣятельный преподаватель въ госпитальной школѣ.

Прошло четыре года. 10 ноября 1757 года умеръ докторъ морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Демьянъ Петали а Бриль и на его мѣсто переведенъ докторъ Гюйонгюсси а Петтени, не отказывавшійся и послѣ того отъ преподавательскихъ занятій въ госпитальныхъ школахъ. Въ послѣдствіи времени, именнымъ указомъ Екатерины II, 12 сентября 1766 года, пожалованъ «придворнымъ докторомъ», съ жалованьемъ по 1000 р. и съ увольненіемъ отъ прежней должности.

Мѣсто его—старшаго доктора спб. адмиралтейскаго госпиталя—открывшееся послѣ перевода его въ морской кадетскій корпусъ, передано было доктору Іогану Штаелину (*Jo. Staehlin*); а теперь, когда освободилась вакансія въ кадетскомъ корпусѣ, ее занялъ опять-таки

Штелинь, между тѣмъ какъ на должность старшаго доктора сиб. адмиралтейскаго госпиталя опредѣленъ (26 сентября 1766) состоявшій при Балтійскомъ портѣ докторъ Акимъ Раушертъ (*Joach. Rauscherl*). Служба его въ это время была полна командировокъ по поводу безпрерывныхъ тревогъ за чуму. А именно въ 1769 онъ командированъ былъ въ Каргополь по поводу слуховъ о появленіи тамъ чумы. Въ 1771 году, по сенатскому указу, командированъ онъ съ генералъ-кригсъ-коммисаромъ Глѣбовымъ къ комиссаріатскимъ экспедиціямъ, открытымъ въ разныхъ городахъ, и по распоряженію князя Г. Г. Орлова принужденъ былъ жить въ Твери, потому что по окрестностямъ проскакивали вспышки чумы. Въ 1774 году посланъ былъ осмотрѣть старорусскій уѣздъ, коломенскій, холмскій и великолукскій. Наконецъ въ 1775 году вовсе отчисленъ отъ госпиталя и переведенъ дивизионнымъ докторомъ московской дивизіи.

На его мѣсто, старшимъ докторомъ с. петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя, опредѣленъ докторъ Тома Трофимовичъ Тихорскій, уже и прежде исполнявшій эту должность во время отсутствія или командировокъ Раушерта (24 іюня 1775 года). Но черезъ годъ онъ переведенъ въ с. петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (5 мая 1776 года), а старшимъ докторомъ с. петербургскаго адмиралтейскаго генеральнаго госпиталя опредѣленъ старшій докторъ ревельскаго полеваго госпиталя Любимъ Маттеи (*Aimé Mattei*), съ жалованьемъ отъ адмиралтейства по 612 р. 60 к. и съ прочими удовольствіями по регламенту. Онъ былъ швейцарецъ по рожденію и отличался весьма дѣятельною службою. Умеръ 23 января 1792 года, отъ горловаго кроветеченія.

Послѣ его смерти старшимъ докторомъ с. петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя назначенъ (9 февраля 1792 года) докторъ Егоръ Валеріанъ (*Joh. Georg Wallerian*), родомъ финляндецъ, исправлявшій такую же должность въ кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Онъ былъ не много косноязыченъ, но за доброту сердца пользовался общей любовью и управлялъ госпиталемъ до начала нынѣшняго столѣтія. Онъ первый ввелъ въ госпиталѣ электрическое лѣченіе.

Младшіе докторы и доценты с. петербургскаго адмиралтейскаго генеральнаго госпиталя. Первымъ младшимъ докторомъ с. петербургскаго адмиралтейскаго генеральнаго госпиталя, на основаніи сенатскаго указа 5 февраля 1754 года, принять былъ (18

февраля 1754) докторъ Кондратій Даль (*Conrad Dahl*), въ послѣдствіи бывшій старшимъ докторомъ московскаго генеральнаго госпиталя. Ему предписано читать лекціи на латинскомъ языкѣ и онъ началъ ихъ съ 17 августа 1754 года.

Вскорѣ послѣ того опредѣленъ младшимъ докторомъ (11 августа 1755) докторъ Юг. Штелинь (*Johann Staehlin*), уроженецъ изъ Цесарии, сынъ ратсгера, учившійся первоначально при с. петербургской академіи наукъ, а потомъ въ заграничныхъ университетахъ. Онъ принятъ безъ жалованья, но съ казенною квартирою до вакансіи, а чрезъ два мѣсяца (30 октября) переведенъ младшимъ же докторомъ въ кронштадтскій госпиталь на вакансію, съ жалованьемъ по 240 р. въ годъ.

Въ февралѣ 1758 года младшій докторъ с. петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя К. Даль переведенъ въ морской шляхетный кадетскій корпусъ докторомъ (на мѣсто умершаго д-ра Д. Петаля а-Бриль), а на оставленную имъ вакансію въ госпиталь опредѣленъ (18 іюля 1758) докторъ Иванъ Янишъ (*Johann Heinrich Jaenisch*).

Это былъ финляндецъ изъ города Выборга, но учился медицинѣ въ Германіи (съ 1752 по 1755) и въ Іенѣ получилъ докторскій дипломъ, путешествовалъ по Германіи, Голландіи и Англіи и въ іюлѣ 1758 пріѣхалъ въ Петербургъ для опредѣленія на службу. Онъ преподавалъ въ обоихъ госпиталяхъ анатомію, препарованіе и употребленіе бандажей, а потомъ практическую медицину на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, между тѣмъ какъ докторъ Л. Маттеи преподавалъ ее на русскомъ языкѣ. Уволенъ отъ преподаванія «*gravis medicinae*» въ обоихъ госпиталяхъ, по прошенію, 31 мая 1770 года, и оно поручено старшему доктору І. Раушерту. При этомъ оказалось, что Янишъ цѣлый годъ не читалъ ни одной лекціи.

Докторъ Савва Алексѣевичъ Леонтовичъ, получившій первоначальное медицинское образованіе въ этомъ же госпиталѣ. Онъ по происхожденію былъ сынъ мѣщанина въ селѣ Максимовкѣ миргородскаго полка, учился въ кievской академіи и оттуда поступилъ ученикомъ въ с. петербургскій адмиралтейскій госпиталь 23 іюня 1758, произведенъ подлѣкаремъ 1759 и лѣкаремъ по экзамену 16 февраля 1761 года, съ опредѣленіемъ въ с. петербургскіе полки сверхъ комплекта, для командировокъ. Поѣхалъ за границу 1761, учился въ Страсбургѣ и получилъ докторскій дипломъ. По возвращеніи экзаменовалъ, получилъ право практики (11 сентября 1767) и опредѣленъ млад-

шимъ докторомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь (1768). По смерти д-ра К. Ягельскаго въ Москвѣ переведенъ на его мѣсто, но отказался по болѣзни (1775).

Докторъ Сила Митрофановичъ Митрофановъ, учившійся сперва въ московскомъ, а потомъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталяхъ, гдѣ и произведенъ лѣкаремъ. Уволенъ за границу на казенномъ содержаніи весною 1761 года, учился въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Возвратился въ 1769 году, по экзамену получилъ право практикн 20 августа 1769 и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ с. петербургскій адмиралтейскій госпиталь, но черезъ годъ переведенъ старшимъ докторомъ въ кievскій полевой госпиталь (1770).

Докторъ Козьма Федоровичъ Рожалинъ, сынъ казака дубенскаго полка константиновской сотни, первоначально учился въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ ученикомъ (съ 23 июня 1758), подлѣкаремъ (1759) и признанъ по экзамену лѣкаремъ (1760), съ назначеніемъ въ фридрихсгамскій гарнизонный полкъ. Уволенъ за границу на казенный счетъ весною 1761 года, учился въ Голландіи, получилъ докторскій дипломъ въ Лейденѣ и по возвращеніи экзаменованъ и получилъ право практикн (1 февраля 1767), а потомъ опредѣленъ (19 октября 1767) младшимъ докторомъ, для преподаванія фармакологіи въ обоихъ госпиталяхъ. Въ послѣдствіи переведенъ дивизионнымъ докторомъ въ сѣвскую дивизию.

Докторъ Несторъ Максимовичъ Амбодикъ (*ambo dic*), сынъ священника въ гадячскомъ полку, учился въ кievской академіи (съ 1758 до 1768) и оттуда поступилъ волонтеромъ въ с. петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (14 декабря 1769). Черезъ годъ уволенъ для поѣздки за границу. Учился въ Страсбургѣ 4½ года, получилъ докторскій дипломъ и весьма лестный аттестатъ отъ профессора Шпильмана (*J. R. Spielmann*). По возвращеніи въ Петербургъ экзаменованъ въ медицинскую коллегію, получилъ право практики и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ с. петербургскій адмиралтейскій госпиталь для преподаванія фармакологіи и повивальнаго искусства въ обоихъ госпиталяхъ (19 сентября 1776). Потомъ переведенъ въ кронштадтскій госпиталь для преподаванія *materiae medicae, physiologiae et praxis medicae*, и наконецъ опять возвращенъ въ Петербургъ, исключительно для преподаванія акушерства.

Докторъ Никонъ Карповичъ Карпинскій, по возвращеніи изъ за

границы, первоначально опредѣленъ лекціоннымъ докторомъ въ с. петербургскій адмиралтейскій (въ мартѣ 1784), а потомъ уже перечисленъ (въ августѣ того же года) въ с. петербургскій сухопутный госпиталь для преподаванія анатоміи.

Докторъ Илья Васильевичъ Руцкій, воспитанникъ петербургскихъ госпиталей, лѣкарь, уволенъ по прошенію за границу (28 декабря 1778), учился въ Страсбургѣ и получилъ докторскій дипломъ. По экзамену въ медицинскоѣ коллегіи получилъ право практики и опредѣленъ (въ октябрѣ 1781) младшимъ докторомъ въ с. петербургскій адмиралтейскій госпиталь. Черезъ годъ послѣ этого умеръ въ Москвѣ докторъ «бабичьяго дѣла» Мартынъ Масъ и на его мѣсто перешелъ (въ маѣ 1782) И. Руцкій по собственному желанію.

Докторъ Денисъ Понырка учился медицинѣ въ госпитальныхъ школахъ и по окончаніи курса лѣкаремъ состоялъ на службѣ сперва въ вятскомъ намѣстничествѣ, а потомъ при московскоѣ медицинскоѣ конторѣ.

Въ августѣ 1774 года онъ просился за границу для усовершенствованія въ наукахъ на собственномъ содержаніи и уволенъ вовсе отъ службы. По возвращеніи былъ экзаменованъ и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ с. петербургскій адмиралтейскій госпиталь (30 іюня 1782); но ровно черезъ годъ сталъ проситься на мѣсто карантиннаго доктора въ Васильковъ, сдѣлавшееся вакантнымъ по смерти Полетики, и получилъ его (въ іюнѣ 1783).

Докторъ Федоръ Свенске (*Arvid Theodor Swenske*), финляндецъ, первоначально учился въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ на казенномъ содержаніи (съ 10 октября 1776 по 29 января 1778), потомъ одинъ годъ волонтеромъ, но не окончилъ курса и 30 мая 1779 уволенъ изъ школы по прошенію, для окончанія ученія за границу. Учился въ Берлинѣ и Геттингенѣ по два года и въ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ. Съ этимъ дипломомъ возвратился въ Петербургъ, получилъ право практики и опредѣленъ (въ августѣ 1783) на службу въ гдовскій уѣздъ (на мѣсто доктора Крока), а оттуда перемѣщенъ (черезъ мѣсяць) въ софійскій уѣздъ с.-петербургскоѣ губерніи. Жилъ большею частію въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Якобомъ Готлибомъ Свенске, депутатомъ при комисіи проекта новаго уложенія, а потомъ, по просьбѣ этого брата и по приказанію Фитингофа, переведенъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь младшимъ докторомъ: но едвали

исполнял какия либо обязанности въ госпиталѣ. Въ октябрѣ 1786 года, по собственной надобности, уволенъ на годъ въ отпускъ въ Москву, безъ исключенія изъ службы. Когда прошелъ годъ, братъ опять просилъ отпуска для него еще на годъ и получилъ его 30 сентября 1787. Послѣ этого уже не возвращался въ госпиталь.

Докторъ Иванъ Пвановичъ Оршаво-Чижевскій, сынъ отставнаго секундъ-маіора, учился въ новгородсѣверской семинаріи, а потомъ въ московскомъ университетѣ и по ходатайству университета отправленъ въ Голландію для изученія медицины. Получилъ докторскій дипломъ въ Лейденѣ; но при возвращеніи въ Россію потерялъ при кораблекрушеніи и дипломъ и печатную диссертацию. По экзамену въ медицинскую коллегію признанъ докторомъ (9 іюня 1789) и опредѣленъ на службу въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь на одинъ годъ «для пользованія больныхъ» (а не лекціоннымъ докторомъ). Весною слѣдующаго года (15 апрѣля 1790) переведенъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь; но почти тотчасъ же перечисленъ въ оренбургскій областной госпиталь, куда и отправился.

Докторъ Несторъ Григорьевичъ Квятковскій, уроженецъ изъ села Стодола кievской губерніи, учился въ Кенигсбергѣ 4 года и получилъ докторскій дипломъ (1784); но при испытаніи въ медицинскою коллегію не выдержалъ экзамена и «для лучшаго утвержденія» опредѣленъ (сентябрь 1784), въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь на вакансію младшаго доктоpa, съ жалованьемъ 300 руб. Вторично экзаменованъ 19 декабря 1784, признанъ докторомъ и опредѣленъ на службу въ курское намѣстничество (въ февралѣ 1785).

Докторъ Іоакъ Кюккенбергеръ, иностранецъ (*Joachim Kückenberger*), приглашенный въ русскую службу на срокъ, по капитуляціи, сперва состоялъ при с.-петербургской дивизіи, потомъ служилъ въ финляндской дивизіи. По окончаніи финляндской войны кабинетъ предлагалъ опредѣлить его опять въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь, въ помощь старшему доктору Л. Маттеи, сверхъ комплекта. Тоже самое предложилъ коллегію и главный директоръ Фптингофъ. Поэтому онъ опредѣленъ (28 сентября 1788) и исполнялъ госпитальныя обязанности два года. Затѣмъ назначенъ былъ къ физическимъ дѣламъ (19 августа 1790) въ помощь штадтъ-физику Крутта, становившемуся очень старымъ, съ госпитальнымъ жалованьемъ, но съ увольненіемъ отъ госпитальныхъ обязанностей.

Докторъ Жанъ Деляривьеръ (*Jean Nicolas Estienne De la Ri-*

vière), французъ изъ Лпмоза, учился въ Монпелье 4 года и получилъ докторскій дипломъ. По экзамену въ медицинскоѣ коллегіи получилъ право практикѣи и принятъ на службу (20 августа 1789) въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 400 р. и съ обязательствомъ прослужить три года.

Докторъ Самуиль Фогель (*Samuel Vogel*) изъ Мильгаузена, учился въ Базелѣ и Геттингенѣ, но не получилъ диплома. Экзаменованъ въ медицинскоѣ коллегіи письменно, написалъ задачу «*De metastasi lactis*», признанъ докторомъ и по приказанію Фитингофа опредѣленъ на службу «по надобности» въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь (9 декабря 1790), съ жалованьемъ 300 руб. Но 13 января 1791 года уволенъ по прошенію отъ службы съ абшитомя.

Докторъ Эрнестъ Мейннгаузень (*Ernst Meinshausen*) принятъ въ русскую службу по рекомендаціи ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана лѣбаремъ, по контракту на 5 лѣтъ (23 мая 1789), съ жалованьемъ по 600 руб. и назначень въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь. Черезъ три года, по приказанію барона Фитингофа, допущень къ докторскому экзамену и признанъ докторомъ (20 мая 1792) съ оставленіемъ въ томъ же госпиталѣ. Впослѣдствіи переведень, по прошенію (19 ноября 1795), въ херсонскій морской госпиталь.

Докторъ Иванъ Вихертъ (*Johann Jacob Wichert*), пруссакъ изъ города Бартепштейна, учился въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и Геттингенѣ по году и въ послѣднемъ получилъ дипломъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ экзаменовался въ медицинскоѣ коллегіи не совѣмъ удовлетворительно и «для лучшаго утвержденія въ медицинѣ» опредѣленъ (30 декабря 1797) въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь съ жалованьемъ 200 руб., а черезъ четыре мѣсяца прибавлено 60 руб. на квартиру. По вторичному экзамену утверждень докторомъ (27 января 1799) и назначень акушеромъ въ литовскую врачебную управу.

Такимъ же образомъ, «для лучшаго утвержденія въ знаніи» опредѣленъ (31 августа 1798) въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь докторъ Алексѣй Рюнингъ (*Alexius Rüning*), лифляндець изъ Дерпта, сынъ доктора, учившійся въ Іенѣ 4 и въ Эрфуртѣ 4 года и получившій въ послѣднемъ докторскій дипломъ. Не выдержалъ экзамена въ медицинскоѣ коллегіи и по прошенію помѣщенъ въ госпиталь съ жалованьемъ 260 руб.

Такимъ же образомъ опредѣленъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь (14 апрѣля 1799) докторъ М. Дюпаркъ (*M. Du*

Parcq), учившійся въ Англіи, по не выдержавшій экзамена въ коллегіи, а потомъ снова экзаменовавшійся и принятый въ службу съ жалованьемъ по 200 руб.

Госпиталь уже не считался тогда школою.

Операторы с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя. Со времени учрежденія школы въ этомъ госпиталѣ, т. е. съ 1733 года, первымъ операторомъ былъ тамъ лѣкарь Юг. Гангартъ (*Joh. Baltasar Hanhart*), исполнявшій въ тоже время обязанности члена с.-петербургскаго физиката. Но участіе его въ госпитальномъ преподаваніи едва ли было очень дѣятельно, по причинѣ сложности и требовательности, равно какъ и по причинѣ большей выгодности службы «у физическихъ дѣлъ». Умеръ онъ 17 ноября 1739 года *ex febre mitiari*. По смерти Гангарта архіатеръ Фишеръ далъ приказъ, чтобы ученики с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя ходили слушать анатомическія лекціи въ генеральный сухопутный госпиталь, къ оператору Якову фонъ-Меллену (6 іюня 1740). Последний не отказался отъ занятій съ чужими учениками, но потребовалъ прибавки жалованья. Архіатеръ обратился съ требованіемъ объ этомъ въ адмиралтейскую коллегію, предполагая выдавать фонъ-Меллену за двѣ анатомическія лекціи въ недѣлю ежегодно по 150 руб. добавочной платы, пока присланъ и опредѣленъ будетъ въ адмиралтейскій госпиталь особый оператор. Адмиралтейская коллегія дала деньги, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомила (13 апрѣля 1742), что, по донесенію старшаго доктора адмиралтейскаго госпиталя Спгезбекъ, фонъ-Меленъ не такъ прилежно обучаетъ учениковъ адмиралтейскаго госпиталя, чѣмъ сухопутнаго и что лучше бы было опредѣлить къ послѣднимъ особаго оператора. Медицинская канцелярія произвела дознаніе по этому укору. Спрошены были доктора Спгезбекъ, главный лѣкарь Зальцеръ и операторъ фонъ-Меленъ. Что они отвѣчали—неизвѣстно. Но 28 іюня постановлено перевести фонъ-Меллена операторомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь съ жалованьемъ отъ адмиралтейской коллегіи по 306 рублей, «за помощь его доктору Шрейберу въ обученіи лѣкарскихъ учениковъ и подлѣкарей генеральнаго сухопутнаго госпиталя, равно какъ за помощь при операціяхъ и за совѣщаніе объ нихъ». Это опредѣленіе канцеляріи послано въ Москву, къ Лестоку на утвержденіе; но онъ не утвердилъ его и приказалъ оставить дѣло какъ было прежде, т. е. фонъ-Меллену оставаться въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и получать оттуда по 306 руб., а въ адми-

ралтейскомъ госпиталѣ обучать вмѣстѣ съ Шрейберомъ и получать за это по 150 руб. изъ суммъ адмиралтейской коллегіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Лестокъ приказалъ опредѣлить исправляющимъ должность оператора въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь лѣкаря генеральнаго сухопутнаго госпиталя Іог. Цубера (*Johann Christian Zuber*), впредь до пріисканія лучшаго, къ обученію учениковъ подъ надзоромъ Шрейбера и фонъ-Меллена, съ жалованьемъ по лѣкарской вакансіи по 186 руб. (16 марта 1742) ¹⁾. Затѣмъ должность оператора осталась вакантною и обязанности ея исполняли въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ Я. фонъ-Мелленъ. Это продолжалось до 12 марта 1763 года, когда въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь назначенъ операторомъ докторъ Густавъ Максимовичъ Орреусъ (*Gust. Orroeus*), состоявшій (съ 21 іюня 1762 года) при медицинской канцеляріи «у физическихъ дѣлъ».

При этомъ назначеніи Орреусу вмѣнено въ обязанность не одно преподаваніе анатоміи и хирургіи, но обученіе подлѣкарей и учениковъ распознаванію оффициальныхъ травъ и кореньевъ, а также въ свободное время ходить съ ними въ госпитальные огороды и ближнія поля, а временемъ и на Аптекарскій островъ и въ аптекарскій садъ, изъ коего по требованію его по временамъ давать нужныя травы и растенія отпускать въ госпитали, причемъ толковать не только ихъ названія, но и лѣкарственное употребленіе и дѣйствіе» (17 октября 1763), а за это Орреусу положена прибавка къ жалованью по 60 рублей. Состоя въ этой должности, Орреусъ по экзамену въ медицинской коллегіи получилъ званіе доктора медицины (2 августа 1768) и наконецъ, при формированіи арміи для турецкой войны (1769 года), назначенъ главнымъ докторомъ полевыхъ госпиталей 1-й арміи подъ командою графа П. А. Румянцова.

Штабъ-лѣкаръ Юрій Даниловичъ Гаменъ (*Georg Hammen*) наз-

¹⁾ Лѣкарь Іог. Цуберъ получилъ образованіе въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (съ 1734 по 1735) и опредѣленъ подлѣкаремъ въ с.-петербургскій гарнизонъ, откуда переведенъ въ крѣпость св. Анны (Воронежской губерніи), былъ при атакѣ Азова съ азовскимъ драгунскимъ полкомъ на вакансіи лѣкаря и въ началѣ 1738 возвратился въ с.-петербургскій сухопутный госпиталь, но не надолго: по военному времени и по опасенію моровой язвы опять командированъ въ армію и состоялъ лѣкаремъ при кобелякскомъ госпиталѣ. Въ послѣдствіи служилъ при кабинетѣ, былъ главнымъ лѣкаремъ госпиталя и имѣлъ званіе штабъ-лѣкаря.

наченъ операторомъ 5 іюня 1769 года и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности репетитора при профессорѣ Линдеманѣ и городского акушера. Онъ очень гордился своей должностью оператора и даже возбудилъ длинную переписку о томъ, что операторъ долженъ подписывать экзаменные листы въ госпитальныхъ школахъ выше главнаго лѣкаря госпиталя. Въ послѣдствіи былъ членомъ медицинской коллегіи. Уволенъ отъ должности оператора по собственному прошенію (21 декабря 1786 года), съ оставленіемъ въ званіи городского акушера.

На его мѣсто назначенъ операторомъ 23 декабря 1786) лѣкарь с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Яковъ Опиловичъ Саполовичъ, впоследствии возведенный въ званіе профессора хирургіи и члена медицинской коллегіи.

Главные лѣкари (*oberchirurgi*) с. петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя. Христіанъ Эйвбротъ (*Christ. Einbrodt*), пруссакъ по происхожденію, умеръ въ С. Петербургѣ въ 1737 году.

Послѣ него опредѣленъ Христіанъ Зальцеръ (*Christian David Saltzer*), принятый въ русскую службу въ 1733 году лѣкаремъ. Въ послѣдствіи (1 сентября 1747) переведенъ ко двору для пользованія придворныхъ пѣвчихъ и прочихъ чиновъ лѣкаремъ, съ жалованьемъ по 600 р. отъ собственной Ея Императорскаго Величества вотчинной канцеляріи и съ пристойною квартирою. Умеръ 29 іюня 1756 года.

На его мѣсто опредѣленъ (1 сентября 1747) лѣкарь ростовскаго пѣхотнаго полка Христіанъ Ульрихъ (*Christian Ulrich*). Въ 1750 году пожалованъ гофъ-хирургомъ и на его мѣсто переведенъ лѣкарь Иванъ Саввичъ Роде (*Johann Georg Rodet*), состоявшій на службѣ при оренбургской комиссіи и искавшій постояннаго мѣста въ Москвѣ или вообще внутри Россіи. Поэтому когда штабъ-лѣкарь Юг. Христ. Цуберъ сталъ собираться въ отпускъ на родину, то Роде сталъ искать его мѣста въ троицко-сергіевской лаврѣ и получилъ его (14 марта 1752). Между тѣмъ Цуберъ не уѣхалъ въ этотъ разъ на родину, а только помѣнялся съ Роде мѣстами и утвержденъ главнымъ лѣкаремъ адмиралтейскаго госпиталя ¹⁾. Но черезъ годъ онъ все таки уѣзжалъ на полгода на родину, передавъ свою должность лѣ-

¹⁾ См. мои *Очерки изъ исторіи медицинскихъ учреждений*, стр. 168.

карю тогоже госпиталя Мартыну Шенну (1753). По возвращеніи изъ отпуска Цуберъ опредѣленъ къ кабинету Ея Императорскаго Величества и произведенъ въ штабъ-лѣкари.

Главный лѣкарь Мартынь Шеннъ получилъ первоначальное образование въ семинаріи Теофана Прокоповича и присланъ былъ въ медицинскую канцелярію для опредѣленія на службу. Онъ хорошо рисовалъ и потому опредѣленъ (1738) рисовальнымъ учителемъ сперва въ с.-петербургскій адмиралтейскій, а потомъ въ кронштадтскій госпиталі. Анатомическіе и ботаническіе рисунки такъ заинтересовали его, что онъ рѣшился учиться медицинѣ, и въ частности анатоміи, и занимался очень прилежно. Черезъ два года явился на экзаменъ и признанъ (1741) достойнымъ подлѣкарскаго званія, при чемъ экзаменаторы (докторъ Мннать и лѣкарь Эгиди) похвалили не только успѣхи, но и изящество въ анатомическихъ работахъ, что очень ободрило его. Въ 1745 году произведенъ онъ въ лѣкари и остался рисовальнымъ мастеромъ въ томъ же госпиталѣ. Отказавшись въ послѣдствіи отъ этой послѣдней должности, онъ обогатилъ русскую медицинскую литературу переводами учебниковъ разныхъ отраслей медицинскихъ наукъ ¹⁾. Умеръ штабъ-лѣкаремъ, 27 іюля 1762 года, оставивъ жену и двухъ сыновей, тоже медиковъ.

На его мѣсто назначенъ былъ штабъ-лѣкарь Михаилъ Геблеръ (*Michael Gebler*); но по именному высочайшему повелѣнію, объявленному генераль-прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ, 16 сентября 1780 года, переведенъ въ с. петербургской городской больницѣ.

На открывшуюся такимъ образомъ вакансію въ госпиталѣ перемѣщенъ состоявшій при святѣйшемъ синодѣ Иванъ Фуксъ (*Johann Fuchs*), получившій званіе штабъ-лѣкаря еще въ 1775 году ²⁾.

Когда Фуксъ состарѣлся и сталъ часто хворать, должность его поручена (11 іюня 1797) штабъ-лѣкарю того же госпиталя Осипу Матвѣевичу Статковскому, въ послѣдствіи утвержденному въ ней.

¹⁾ Переводы его: Барбе *Хирургія*, Джексона *Enchiridium medicum*. Оба эти перевода, кажется, не были напечатаны. Лаврен. Гейстера *Compendium anatomicum*, 1754. Переводъ посвященъ правительствующему сенату и Шеннъ получилъ за него званіе штабъ-лѣкаря; Платнера *Хирургія*, съ флгурами, 1762 года.

²⁾ И. Фуксъ, родомъ люфляндецъ, учился въ ревальскомъ морскомъ госпиталѣ (съ 1741 по 4 ноября 1746), опредѣленъ подлѣкаремъ на флотъ, а въ 1751 лѣкаремъ въ ростовскій драгузскій полкъ.

Учители латинскаго языка въ Спб. Адмиралтейскомъ госпиталѣ. Учитель латинскаго языка (*studiosus medicinae*) Николай Фернтромъ (*Nicolaus Vernström*) умеръ 13 января 1747 года.

На его мѣсто опредѣленъ шведъ Барль Тизень (*Carl Friedrich Thisen*), учившійся въ Іенѣ (31 января 1747). Но мѣсто не понравилось ему и черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ подалъ въ отставку и уволенъ, а на его мѣсто опредѣленъ (6 августа 1747) учитель арифметики, геометріи и латинскаго языка въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ П. Тоннерусъ (*Peter Tonnerus*), экзаменованный въ знаніи латинскаго языка докторомъ и профессоромъ Б. Абр. Бургаавомъ. За болѣзнію уволенъ отъ службы (21 марта 1754).

На его мѣсто опредѣленъ (24 мая 1754) Сигизмундъ Крохизиусъ (*Sigismundus Michael Krochisius*), экзаменованный въ знаніи латинскаго языка докторомъ Гюнгиосси.

Въ послѣдствіи ученики госпитальныхъ обѣихъ школъ учились у одного общаго латинскаго учителя или иногда у своихъ же поддѣзрей или лѣбарей, которымъ назначалось за это небольшое вознагражденіе въ видѣ прибавки жалованья.

Кронштадтскій генеральный адмиралтейскій госпиталь. Старшіе доктора въ немъ. Докторъ Демьянъ Петровичъ Синопеусъ (*Damianus Synopaemus*) принятъ въ русскую службу 26 февраля 1730 года, по контракту съ архіатеромъ П. Блюментростомъ на 4 года, для опредѣленія докторомъ на флотъ, съ жалованьемъ по 500 р., и опредѣленъ старшимъ докторомъ въ бронштадтскій адмиралтейскій госпиталь. Отсюда переведенъ въ московскую медицинскую конторъ, 25 марта 1736 года, съ жалованьемъ по 600 р.

Послѣ него старшимъ докторомъ былъ докторъ У. Гердингъ (*Ulrich Gerding*), но весьма не долго, такъ что дѣятельность его осталась незамѣченною. Онъ принятъ былъ въ русскую службу по контракту на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 р. (съ 21 августа 1731 года) и состоялъ при фельдмаршалѣ князѣ Трубецкомъ, а по истеченіи контрактнаго срока опредѣленъ былъ въ бронштадтскій госпиталь.

На его мѣсто опредѣленъ (въ 1737 году) докторъ Яковъ Милиусъ (*Friedrich Jacob Mylius*), принятый въ русскую службу въ іюнѣ 1725 года по контракту и опредѣленный «фельд-медикомъ» въ уваринскій корпусъ, съ жалованьемъ 600 р. Прослуживъ двадцать лѣтъ въ этой должности, онъ попросилъ (1757 года) отъ адмирал-

тейской коллегіи прибавки жалованья, ссылаясь на то, что, кромѣ управленія госпиталемъ, не отказывался отъ всѣхъ другихъ возлагавшихся на него обязанностей. Просьба была исполнена (жалованье его возвысили до 812 р. 60 к.), а въ слѣдующемъ году произвели его въ надворные совѣтники. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Докторъ Я. Миліусъ состарѣлся и началъ хворать. Въ помощь ему назначенъ (17 мая 1761) не совѣтъ уже молодой докторъ Иванъ Карпъ (*Johann Friedrich Carp*), который въ послѣдствіи, по смерти Миліуса, занялъ его мѣсто.

Докторъ І. Ф. Карпъ, уроженецъ изъ города Веттера въ графствѣ Марескомъ, учился въ Лейденѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ. Прежде былъ пасторомъ въ С. Петербургѣ при реформатской церкви и оттуда уѣхалъ учиться медицинѣ. Получивъ по возвращеніи право практики въ Россіи, онъ причисленъ къ медицинской канцеляріи (27 ноября 1759 года), съ жалованьемъ по 300 р., съ обязанностью имѣть одну палату больныхъ въ госпиталѣ (для чего даны въ его распоряженіе одинъ подлѣкаръ и одинъ ученикъ), быть при осмотрахъ инвалидовъ и экзаменахъ лѣкарей и подлѣкарей, «единственно для того чтобы привыкнутьъ къ тому», стараться учиться по русски и исполнять все что прикажутъ въ медицинской канцеляріи. Такъ прошло время до назначенія его въ кронштадтскій госпиталь. Умеръ онъ 12 декабря 1776 года.

На его мѣсто опредѣленъ дивизионный докторъ эстляндской дивизіи Егоръ Ивановичъ Валлеріанъ (*Johann Wallerian*) (19 января 1777 года), съ жалованьемъ по 612 р. 60 к., переведенный въ послѣдствіи въ с. петербургскій адмиралтейскій госпиталь.

Послѣ перевода доктора Валлеріана въ Петербургъ, старшимъ докторомъ кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя назначенъ (9 февраля 1792 года) докторъ карабельнаго флота Робертъ Симпсонъ (*R. Simpson*), англичанинъ, принятый въ русскую службу 1 февраля 1774 года.

Онъ принятъ въ службу въ Англіи командиромъ русской эскадры вицеадмираломъ Грейгомъ, лѣкаремъ на фрегатъ «Наталію». Прибывъ въ Кронштадтъ, онъ явился въ медицинскую коллегію для экзамена и по этому экзамену получилъ право лѣкарской практики (9 февраля 1777 года) и опредѣленъ лѣкаремъ на службу въ корабельный флотъ, съ которымъ ходилъ въ Средиземное море и въ Константинополь, а потомъ уволенъ отъ службы по прошенію. Но въ 1787

опять принять въ службу, на корабль «Ростиславъ» подъ командою Грейга. Признанъ, по приказанію главнаго директора медицинской коллегіи Фитингофа, докторомъ и возвратившись изъ похода переведенъ, по приказанію Фитингофа же, въ кронштадтскій госпиталь въ помощь Валлеріану, гдѣ и находился до мая 1791 года. Въ это время онъ назначенъ былъ по высочайшему повелѣнію сопровождать вице-президента адмиралтейской коллегіи графа И. Г. Чернышева въ Вѣну. По возвращеніи изъ этой командировки опредѣленъ старшимъ докторомъ кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя. Однакоже года черезъ полтора опять уволенъ отъ службы по прошенію (15 мая 1794) и должность его временно поручена состоявшему на вакансіи главнаго лѣкаря штабъ-лѣкарю, коллежскому ассесору Іоанну Мюллеру.

На отрывшуюся такимъ образомъ вакансію явилось два кандидата: со стороны медицинской коллегіи докторъ Доминико Спедикати, а со стороны адмиралтейской коллегіи докторъ Луи Дебу. Началась переписка. Каждая коллегія настаивала на своемъ, и состоялось даже высочайшее повелѣніе (14 августа 1794) объ опредѣленіи на эту вакансію доктора Спедикати. Но боясь неудовольствій со стороны адмиралтейской коллегіи, докторъ Спедикати самъ отказался отъ нея.

На основаніи этихъ данныхъ медицинская коллегія не взяла ни того, ни другаго кандидата, а опредѣлила старшимъ докторомъ кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя, находившагося въ Ригѣ, доктора надворнаго совѣтника Ивана Янеке (*Johann Gottfried Jaenécke*), съ жалованьемъ по 800 руб. (1 января 1795 года).

Докторъ Янеке, уроженецъ изъ Франкфурта на Майнѣ, въ молодые годы учился фармаціи въ главной петербургской аптекѣ (съ 6 іюня 1748), признанъ тамъ гезелемъ (4 апрѣля 1756) и затѣмъ уволенъ отъ службы. Поѣхалъ въ Геттингенъ, пробылъ въ тамошнемъ университетѣ три года и 9 мая 1770 получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ выдержалъ экзамень, признанъ докторомъ и опредѣленъ на службу при госпиталѣ въ крѣпости св. Дмитрія, вокругъ которой господствовало моровое повѣтріе, а оттуда командированъ въ Харьковъ для прекращенія чумы.

Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ кронштадтскомъ госпиталѣ открылись большіе безпорядки. Началось формальное разслѣдованіе ихъ и вина во многомъ падала на Янеке. Но онъ былъ очень уже старъ (72 лѣтъ), притомъ 48 лѣтъ состоялъ на службѣ, а по-

тому не передали его суду, а просто приказали подать въ отставку. На его мѣсто назначень (22 мая 1797 года) Вильгельмъ Лакманъ (*Ferdinand Wilhelm Laackmann*).

В. Лакманъ былъ ученикомъ госпитальной школы с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, съ 1772 по 1774 годъ, и произведенъ лѣкаремъ въ Васильковскій карантинъ. Прослуживъ тамъ два года уѣхалъ за границу, учился тамъ три года, по возвращеніи въ Петербургъ признанъ докторомъ (12 марта 1780) и опредѣленъ сперва въ с.-петербургскую губернію, а потомъ дивизионнымъ докторомъ въ армію графа П. А. Румянцова—Задунайскаго. Онъ повидимому распуталъ и устранилъ госпитальные безпорядки, потому что черезъ восемь мѣсяцовъ по вступленіи въ должность, «за рачительное исполненіе должности по тому госпиталю», пожалованъ въ коллежскіе совѣтники (18 января 1798) и получилъ прибавку 100 руб. къ годовому жалованью, т. е. въ 800 руб. (10 февраля 1798). При немъ упразднена госпитальная медико-хирургическая школа въ кронштадтскомъ морскомъ госпиталѣ (въ 1799 году); но онъ управлялъ госпиталемъ и по наступленіи XIX столѣтія.

Младшіе доктора кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя. До учрежденія доцентуръ при госпитальныхъ школахъ, т. е. до 1754 года, кажется не было въ кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ ни младшихъ докторовъ, ни доцентовъ или лекціонныхъ докторовъ. Вѣроятно потому, что и учениковъ съ подлѣкарями было не много. Со введеніемъ же доцентуры вакансія младшаго доктора почти никогда или весьма рѣдко оставалась не занятою. Первымъ доцентомъ былъ докторъ Иванъ Рейхенау (*Johann Reichenau*), переведенный изъ московскаго генеральнаго госпиталя (18 февраля 1754), гдѣ онъ состоялъ младшимъ докторомъ и обязанъ былъ исполнять по временамъ должность оператора. Но не прожилъ и полугода при госпиталѣ.

На его мѣсто опредѣленъ былъ (24 августа 1754) докторъ Иванъ Кулеманъ (*Johann Christoph Kulemann*), уроженецъ изъ Вестфалии и принятый въ русскую службу лѣкаремъ въ бѣлозерскій пѣхотный полкъ, а потомъ учившійся за границею и получившій въ Геттингенѣ докторскій дипломъ. Онъ тоже не долго оставался въ Кронштадтѣ и переведенъ дивизионнымъ докторомъ въ с.-петербургскую дивизию (10 іюня 1755).

Докторъ Иванъ Яковлевичъ Штелинъ (*Johann Staehlin*), уроженецъ

изъ Цесаріи, изъ города Меминга, сынъ ратсгера, учился сперва въ с.-петербургской академіи наукъ (анатоміи, ботаникѣ и физикѣ, 1741), а потомъ въ заграничныхъ университетахъ (1747) и въ Лейденѣ получилъ докторскій дипломъ. По экзамену опредѣленъ (30 октября 1755) младшимъ докторомъ въ бронштадтскій адмиралтейскій госпиталь.

Прослуживъ въ бронштадтскомъ госпиталѣ около двухъ лѣтъ, докторъ П. Штелинь переведенъ (22 мая 1757) въ рижскій полевой госпиталь, а на его мѣсто въ Бронштадтъ опредѣленъ докторъ Иванъ Бишофъ (*Johann Ernst Bischoff*), уроженецъ изъ города Ильма Тиринскаго. Бишофъ учился въ Іенѣ и Эрфуртѣ и, получивъ докторскій дипломъ, 10 лѣтъ практиковалъ въ саксонскомъ городѣ Черянгѣ. Приѣхавъ въ С.-Петербургъ былъ экзаменованъ въ медицинской канцеляріи, но оказался «in physiologia et chirurgia mediocriter versatus», а потому признанъ способнымъ къ практикѣ въ госпиталѣ подъ надзоромъ старшаго доктора и опредѣленъ (8 декабря 1759 года) младшимъ докторомъ въ бронштадтскій госпиталь, въ помощь доктору Я. Миліусу, съ жалованьемъ 300 руб. и съ обязательствомъ усовершенствоваться въ анатоміи, хирургіи и практической медицинѣ. Очевидно, что онъ смѣнилъ, но не замѣнилъ Штелина, и въ послѣдствіи, по собственной просьбѣ, переведенъ (13 сентября 1761) въ украинскій ландмилиціонный корпусъ дивизионнымъ докторомъ.

На его мѣсто поступилъ докторъ Іог. Карпъ (*Johann Friedrich Carp*), принятый въ службу 1759 года въ медицинской канцеляріи. Уроженецъ изъ города Веттера въ графствѣ Марескомъ, прежде былъ пасторомъ реформатской церкви въ С.-Петербургѣ. Учился медицинѣ въ Лейденѣ и признанъ тамъ докторомъ, а по экзамену въ медицинской канцеляріи получилъ право практикы въ Россіи (23 октября 1759). Переведенъ въ бронштадтскій госпиталь «вторымъ докторомъ», по собственной просьбѣ, 17 мая 1761, съ жалованьемъ по 400 руб. и оставался въ этомъ госпиталѣ около 15 лѣтъ, исполняя преподавательскія обязанности даже и тогда, когда утвержденъ былъ старшимъ докторомъ бронштадтскаго госпиталя. Умеръ 12 декабря 1776 года.

По смерти Карпа преподаваніе въ бронштадтской госпитальной школѣ очень ослабѣло, какъ доносилъ заступившій его мѣсто докторъ Валеріанъ. Преподавались только анатомія и хирургія, а остальные науки тогдашней программы (патологія, *materia medica et praxis medica*) вовсе не преподавались по неимѣнію преподавателей. Для вос-

полненія этого недостатка опредѣленъ туда (29 мая 1777) докторъ Мартынъ Матвѣевичъ Тереховскій «лекціоннымъ докторомъ» съ жалованьемъ 600 руб. Онъ служилъ тамъ два года и вѣроятно прослужилъ бы дольше, если бы не былъ потребованъ въ петербургскимъ госпиталемъ для надобности тамошнихъ школъ. А именно, въ Петербургѣ умеръ докторъ Христофоръ Яковлевичъ фонъ-Мелленъ (17 сентября 1778) и М. М. Тереховскій переведенъ на его мѣсто для преподаванія анатоміи (30 мая 1779).

‡ На мѣсто Тереховскаго назначенъ въ кронштадскую госпитальную школу докторъ Несторъ Максимовичъ Максимовичъ (Амбодикъ), состоявшій при с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, для преподаванія фیزیологіи, фармакологіи и медико-хирургической практики. Но Максимовичъ Амбодикъ считался и дѣйствительно былъ специалистомъ акушерства и женскихъ болѣзней, и этой специальности отдавалъ всю энергію и всю любовь свою, а потому тяготился тѣми занятіями, которыя лежали на немъ въ Кронштадтѣ. Понимала это и медицинская коллегія и въ маѣ 1781 года перевела его въ С.-Петербургъ для преподаванія акушерства какъ въ тамошнихъ госпиталяхъ, такъ и въ Повивальномъ институтѣ при Воспитательномъ Домѣ, и въ октябрѣ 1782 наименовала его профессоромъ повивальнаго искусства, а на мѣсто его въ Кронштадтѣ назначила младшаго доктора с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя Матвѣя Христофоровича Пеккена. Прослуживъ преподавателемъ десять лѣтъ и получивъ званіе профессора, М. Пеккенъ переведенъ старшимъ докторомъ въ рижскій полевой госпиталь, но отказался принять это мѣсто и уволенъ отъ службы съ абшитою (24 марта 1793) и немедленно уѣхалъ въ Москву.

Максимовичъ-Амбодикъ и въ петербургскихъ госпитальныхъ школахъ обязанъ былъ преподавать не одну акушерскую науку, но и матерію-медику, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока по высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ А. Безбородко 31 декабря 1786 года, приказано уволить его отъ преподаванія фармакологіи въ обоихъ госпиталяхъ, безъ уменьшенія его жалованья, дабы онъ могъ посвящать акушерству все свое время и всѣ свои способности. А такъ какъ въ новомъ штатѣ госпиталей 1786 года пропущено было акушерство, то коллегія постановила (11 января 1787) уволить Амбодика вовсе отъ службы при госпиталяхъ. √

Почти въ тоже время, для укомплектованія кронштадтской госпи-

тальной школы преподавателями, на основании штата 15 июля 1786 года, определены докторъ Выборгскаго намѣстничества Іог. Рингебройгъ (*Johann Christoph. Ringebraig*) профессоромъ ботаники, фармакологіи и химіи и докторъ рождественскаго уѣзда с.-петербургской губерніи Карлъ Борнъ (*Carl Born*) профессоромъ анатоміи, физиологіи и хирургіи (13 января 1787 года), съ тѣмъ чтобы профессоръ М. Пеккенъ преподавалъ патологию и медицинскую практику, съ жалованьемъ каждому по 1000 руб.

Профессоръ Б. Борнъ состоялъ въ этой должности 6 лѣтъ и преподавалъ не только анатомію, хирургію и физиологію, но и патологию и терапію на русскомъ языкѣ. Но онъ тяготился жизнью въ Кронштадтѣ, а можетъ быть тяготился и обширностью занятій при госпитальной школѣ. По крайней мѣрѣ такъ надобно думать на томъ основаніи, что онъ просилъ о переводѣ его въ новгородскую губернію докторомъ, вовсе не упоминая о давно истѣвшемъ срокѣ заключеннаго имъ контракта. Просьба его удовлетворена и онъ перемѣщенъ въ новгородскую губернію (въ январѣ 1793), какъ служилъ прежде въ рождественскій уѣздъ. Но и эта служба не удовлетворила его. Между тѣмъ открылась вакансія абшперства въ московской школѣ, на которую онъ и определенъ (27 августа 1795) профессоромъ съ жалованьемъ по 800 руб.

На мѣсто Борна определенъ (14 января 1793) въ бронштадтское училище состоявшій сверхъ комплекта при с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ докторъ Павелъ Михайловичъ Шумлянскій профессоромъ анатоміи и хирургіи, съ жалованьемъ 1000 руб. Но онъ не успѣлъ еще и поѣхать туда, какъ перемѣщенъ въ московское училище на кафедру хирургіи и фармакологіи, между тѣмъ какъ преподавателемъ анатоміи въ бронштадтской школѣ оставался операторъ того госпиталя П. Ф. Бушъ, за что и получалъ прибавочное жалованье. Это продолжалось до тѣхъ поръ пока П. Ф. Бушъ переведенъ (17 сентября 1797) въ с.-петербургскій казинковскій институтъ для преподаванія анатоміи и физиологіи, а на его мѣсто въ Кронштадтъ назначенъ, въ должность профессора, адъюнкта с.-петербургскаго училища, штабъ-лѣбваръ и прозекторъ Андрей Федоровскій, съ штатнымъ жалованьемъ по должности оператора и съ прибавочною платою за преподаваніе лекцій анатоміи и физиологіи : по 300 руб. отъ медицинской коллегіи), и сверхъ того съ содержаніемъ по регламенту. Въ послѣдствіи (6 сентября (1799) произведенъ адъюнктъ-профессоромъ.

Профессоръ Карлъ Рингебройгъ, по упраздненіи медико-хирургическаго училища въ Кронштадтѣ (1799 года), остался за штатомъ и переведенъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію для преподаванія фармакологіи и судной науки, съ жалованьемъ по 1200 руб. и квартирными деньгами. При открытіи конференціи академіи (въ сентябрѣ 1800) онъ былъ по старшинству первымъ предсѣдателемъ ея.

Операторы кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя. Въ первыя двадцать лѣтъ существованія кронштадтской госпитальной школы едва-ли существовали тамъ спеціальныя преподаватели анатоміи и хирургіи. Я не встрѣтилъ по крайней мѣрѣ за это время никакихъ указаній ни на операторовъ, ни на прозекторовъ. Кажется, обязанности прозекторовъ исполняли госпитальные подлѣкари, если не по очереди, то по назначенію учителей, т. е. по назначенію доктора и главнаго лѣкаря. При этомъ одни изъ подлѣкарей оказывали большіе успѣхи въ изученіи анатоміи, другіе меньшіе; одни чаще и прилежнѣ занимались и поэтому чаще приглашаемы были къ препарованію и приготовленію препаратовъ, а другіе менѣе и рѣже. Такъ въ 1740 году, испытательная коммисія для разбора молодыхъ людей рекомендованныхъ къ посылкѣ за границу для усовершенствованія указала, между прочимъ, на подлѣкаря кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя Ивана Бланка (*Johann. Blanck*), что онъ «явился въ анатоміи и хирургіи нарочито свѣдущъ», а между тѣмъ не имѣлъ въ госпиталѣ никакихъ спеціальныхъ занятій и назначенъ на службу во флотъ подлѣкаремъ, какъ самый заурядный подлѣкарь. И въ тоже время не видно никакихъ доказательствъ на то, чтобы въ кронштадтскомъ госпиталѣ существовали въ это время либо операторъ, либо спеціальныя прозекторы анатоміи.

Только подъ 6 мая 1758 значится, что лѣкарь кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя Генрихъ Энгель (*Heinrich Gottlieb Engel*) произведенъ въ операторы этого госпиталя.

Г. Энгель учился медицинѣ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (съ 1741 по 1743) и получивъ званіе лѣкаря, опредѣленъ въ астраханскій драгунскій полкъ, а черезъ десять лѣтъ переведенъ (1753) въ кронштадтскій госпиталь и, кромѣ анатомическихкихъ занятій, обучалъ учениковъ и подлѣкарей латинскому языку (съ 12 іюля 1754).

Въ московской госпитальной школѣ состоялъ въ это время опера-

торомъ Фр. Л. Елаичъ. Но ему приказано было ѣхать въ Китай съ капитаномъ-поручикомъ Кропотовымъ, такъ какъ онъ два раза уже ѣздилъ туда. Онъ и поѣхалъ, а на его мѣсто, операторомъ московскаго госпиталя, переведенъ изъ Бронштадта штабъ-лѣкаръ и операторъ Г. Г. Энгель (21 декабря 1762).

Послѣ него исправленіе должности оператора поручено лѣкарю Христ. Блоку (*Christian Ludwig Block*). Но онъ не долго исправлялъ ее. Въ началѣ 1763 вышелъ въ отставку «за старостію» лѣкаръ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Людвигъ Доровиусъ и премьеръ-майоръ графъ Брюсъ требовалъ на его мѣсто оператора Х. Блока, который 19 августа 1763 и былъ переведенъ туда.

Въ Кронштадтѣ же должность оператора временно поручена лѣкарю Юган. Форштейну (*Johann Forstein*). Утвержденъ онъ въ этой должности, «за долговременную службу», 24 февраля 1774 года, съ жалованьемъ 306 р. 30 коп.

Юг. Форштейнъ учился въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ (съ 1758 по 1760), а потомъ служилъ въ архангелогородскомъ пѣхотномъ полку лѣкаремъ. Исполнилъ обязанности оператора до перевода въ казанковскій хирургическій институтъ профессоромъ анатоміи.

Затѣмъ вакансія оператора долго оставалась праздною, «единственно потому, что не имѣлось достойнаго человѣка», какъ сказано въ опредѣленіи медицинскон коллегіи 18 сентября 1785 года, при назначеніи на нее лѣкаря морскаго корабельнаго флота Эммануэля Бая (*Emmanuel Louis Bay*). Онъ получилъ мѣсто по экзамену «въ анатомическихъ демонстраціяхъ» въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, въ присутствіи членовъ коллегіи. Родомъ былъ швейцарецъ изъ Берна. Въ июль 1789 года онъ уѣхалъ въ отпускъ на родину, на шесть мѣсяцовъ, чтобы привести въ порядокъ семейныя дѣла, разстроившіяся послѣ смерти отца его.

Исполненіе должности его поручено прозектору той же госпитальной школы лѣбарю Юг. Кернеру (*Johan. Benjamin Koerner*) (5 июля 1789).

Юг. Кернеръ, родомъ изъ Нарвы, сынъ слесаря, поступилъ очень молодымъ (15 лѣтъ) ученикомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь (2 октября 1780 года) и черезъ два съ половиною года произведенъ въ подлѣбари и назначенъ на службу въ корабельный

флотъ (8 июля 1783). 8 апрѣля 1787 опредѣленъ прозекторомъ при кронштадтской хирургической школѣ и затѣмъ на должность оператора. Въ 1790 году онъ избрѣлъ турникеть и послалъ рисунокъ его въ медицинскую коллегію, за что и произведенъ въ штабъ-лѣкари (10 февраля 1791 года).

Прозекторомъ при немъ былъ лѣкарь гребнаго флота Семень Успенскій, переведенный потомъ на эту же должность въ московскую хирургическую школу (6 сентября 1792) и по конкурсу получившій мѣсто оператора въ той школѣ.

Послѣ Кернера назначенъ операторомъ штабъ-лѣкарь Иванъ Федоровичъ Бушъ, получившій образованіе частію въ кронштадтской госпитальной школѣ, а частію въ хирургическомъ калинковскомъ институтѣ. Онъ исправлялъ должности и оператора и профессора въ Кронштадтѣ. Наконецъ переведенъ профессоромъ анатоміи и физиологіи (17 сентября 1797) въ калинковскій институтъ, а оттуда, по упраздненіи института, поступилъ профессоромъ хирургіи въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію.

Прозекторомъ при Бушѣ въ кронштадтской хирургической школѣ служилъ Исай Ивановичъ Моляревскій, по происхожденію изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, получившій образованіе въ кронштадтской хирургической школѣ (1788—1791) и исправлялъ должность прозектора (съ 18 ноября 1792), а потомъ, по рекомендаціи Буша, произведенъ въ лѣкари (9 марта 1794) и утвержденъ въ должности прозектора (18 сентября 1794).

Послѣ перевода Буша въ калинковскій институтъ ¹⁾, для преподаванія анатоміи въ кронштадтской школѣ назначенъ адъюнктъ анатоміи въ с.-петербургскомъ врачебномъ училищѣ, штабъ-лѣкарь и прозекторъ Андрей Федоровскій, «въ должность профессора», съ жалованьемъ по штату оператора и съ особою прибавкою за преподаваніе. При упраздненіи школы въ Кронштадтѣ (1799) онъ остался въ

¹⁾ Для прозекторскихъ работъ при преподаваніи анатоміи въ калинковскомъ институтѣ профессоръ И. Ф. Бушъ избралъ ученика 2 класса этого института Сигизмунда Калибе, «по склонности къ анатоміи и доброму прилежанію». Сигизмундъ Калибе, родомъ изъ прусской Помераніи, поступилъ въ институтъ волонтеромъ 5 мая 1797 и за анатомическія занятія получилъ прибавку жалованья (а именно къ получаемымъ 72 р. еще по 60 р. въ годъ, 3 мая 1798).

кронштадтскомъ госпиталѣ. въ штатной должности госпитальнаго штабъ-лѣкаря. Подобнымъ же образомъ упразднена и прозекторская должность и лѣкаръ П. Моляревскій остался госпитальнымъ ординаторомъ младшаго оклада, съ порученіемъ дѣлать пособіе при анатоміи (для фельдшеровъ и школьнико́въ) и за это постановлено давать ему прибавочное жалованье въ 100 р.

Главные лѣкари (oberchirurgi) кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя. Лѣкаръ Христіанъ Фалькъ (*Christian Falck*) переведенъ въ азовскій морской госпиталь, по случаю военныхъ дѣйствій противъ турокъ, 1738 года.

Штабъ-лѣкаръ Христофъ Нѣмицъ (*Heinrich Christoph Niemitz*), учившійся въ томъ же кронштадтскомъ госпиталѣ. Переведенъ 31 іюля 1751 въ московскую дивизию, а на его мѣсто назначенъ Д. Д. Фохтъ. Умеръ 21 декабря 1776 года.

Штабъ-лѣкаръ Давидъ Фохтъ (*Didrich David Vogt*), изъ Брауншвейга, принятый въ службу въ 1724 году лѣкаремъ въ казанскій пѣхотный полкъ, а въ 1738 произведенный въ штабъ-лѣкаря, определенъ (31 іюля 1751) «за слабымъ здоровьемъ и за долговременную службу» главнымъ лѣкаремъ; но черезъ три мѣсяца переведенъ 22 октября 1751) главнымъ лѣкаремъ въ московскую медицинскую контору, такъ что не успѣлъ даже пріѣхать въ Кронштадтъ.

Въ отсутствіе его должность главнаго лѣкаря исправлялъ попрежнему штабъ-лѣкаръ Хр. Нѣмицъ, опять оставшійся на своемъ мѣстѣ.

По смерти его главнымъ лѣкаремъ въ кронштадтскій госпиталь назначенъ лѣкаръ того же госпиталя Іог. Мёллеръ (*Joh. Moeller*), получившій образованіе въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ (ученикомъ съ 29 января 1748, подлѣкаремъ 17 октября 1751 и лѣкаремъ въ корабельный флотъ 30 апрѣля 1756). При упраздненіи кронштадтской медико-хирургической школы и открытіи медико-хирургической академіи имѣлъ чинъ 7 класса.

Аптекари кронштадтскаго генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя. Съ 1735 года аптекою этого госпиталя управлялъ аптекаръ Іог. Леонардъ Нилусъ (*Joh. Leonhard Nilus*). Онъ умеръ 5 іюля 1742 года. Вдова его вышла замужъ за опальнаго при Биронѣ аптекаря Хр. Эйхлера и принесла ему въ приданое должность управляющаго кронштадтскою адмиралтейскою аптекою. Но и второй мужъ ея умеръ (7 сентября 1751), оставивъ ей казенную пенсію по $\frac{1}{3}$ жалованья умершаго мужа ея. т. е. по 50 рублей въ годъ. Послѣ

него управленіе кронштадскою аптекою поручено было провизору Богдану Танненбергу, впоследствии переведенному въ Москву, къ тамошней главной аптекѣ, причемъ мѣсто его назначено было провизору Генриху Нилусу. Произошло это слѣдующимъ образомъ. У покойнаго Л. Нилуса были два сына, тоже фармацевты. Одинъ изъ нихъ, Томасъ Нилусъ, получилъ первое образованіе подъ руководствомъ отца, поступилъ на службу и назначенъ гезелемъ въ архангельскую адмиралтейскую аптеку (29 января 1748), а потомъ провизоромъ въ московскую главную аптеку (8 июня 1760). По прошенію уволенъ отъ службы (6 фев. 1761 г.) за слабостію зрѣнія, Другой сынъ, Генрихъ Нилусъ, учился въ петербургскихъ аптекахъ, произведенъ въ гезели въ с.-петербургскую главную аптеку, а оттуда переведенъ въ аптеку кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя (1758), на мѣсто Д. Танненберга, переведеннаго въ московскую главную аптеку. Приѣхавъ на время въ Москву, онъ выдержалъ экзаменъ и произведенъ провизоромъ въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь (24 апрѣля 1759 года).

Аптекарь Петръ Скубовіусъ (*Peter Scubovius*) не долго оставался въ Кронштадтѣ и назначенъ въ новоучреждавшуюся сибирскую аптеку въ Тобольскѣ (1763). Скубовіусъ считался въ командировкѣ и дѣйствительно возвращенъ былъ въ Кронштадтъ; но вскорѣ послѣ того умеръ. На его мѣсто переведенъ былъ изъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя провизоръ Карлъ Цеттлеръ (1771), вскорѣ произведенный въ аптекари и перемѣщенный въ астраханскую полевую аптеку (27 марта 1773), съ жалованьемъ по 400 р. на мѣсто аптекаря Лоренца Фриче, возвращеннаго оттуда въ Кронштадтъ.

Затѣмъ въ разныя времена управляли госпитальною аптекою провизоръ Яковъ Гилла (*Jacob Gilla*) (1752), Иоганъ Даніель Биганъ (*Johann Daniel Biegan*), переведенный въ Хотинъ, а на его мѣсто опредѣленъ былъ (2 августа 1770) Дитрихъ Саломонъ Бандель (*Ditrich Salomon Bandell*), Готлибъ Кондратій Бекеръ (*Gottlieb Conrad Becker*) 1779), Иоганнъ Вульффертъ (*Johann Wulfert*) (1786), аптекарь Карлъ Федоровичъ Андре (*Carl Adre*), принятый въ русскую службу (въ 1774 году) къ смоленской полевой аптекѣ, а оттуда переведенный въ Кронштадтъ (іюнь 1795) и другіе, не принимавшіе участія въ учебныхъ госпитальныхъ занятіяхъ.

Учители латинскаго языка въ кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Учитель латинскаго языка (*studiosus medicinae*) Яковъ Рудольфъ (*Jacob Johann Rudolph*) опредѣленъ 5 ноября

1749 года въ кронштадтскій госпиталь для обученія подлѣбарей и учениковъ латинскому языку, съ жалованьемъ по 120 рублей. По собственному желанію уволенъ отъ службы 10 мая 1754.

На его мѣсто, по рекомендаціи д-ра Миліуса, опредѣленъ къ преподаванію латинскаго языка, по собственной просьбѣ, лѣбарь того же госпиталя Генрихъ Энгель (*Heinrich Gottlieb Engel*) (12 іюля 1754), съ исправленіемъ и лѣбарской должности и съ прибавкою за то къ жалованью 100 р. въ годъ.

Затѣмъ вакансія часто оставалась незанятою или занималась тагъ сказать домашними лицами. Въмѣсто учителя со стороны, обученіе латинскому языку поручаемо было своимъ лѣбарямъ или подлѣбарямъ, съ небольшимъ вознагражденіемъ, т. е. съ небольшимъ прибавленіемъ къ штатному ихъ жалованью. Такимъ образомъ зачислялись латинскими учителями подлѣбарь Готлибъ Крафтъ (*Gottlieb Krafft*) и лѣбарь Иванъ Аракинъ (1792).

Наконецъ нельзя не упомянуть, что въ этомъ госпиталѣ иногда бывали учителя нѣмецкаго языка, для обученія подлѣбарей и учениковъ нѣмецкому языку, и назывались также *studiosi*, какъ напримѣръ подлѣбарь Іоганъ Мейеръ (*Johann Gottlieb Meyer*) (1792).

ГЛАВА VIII.

Ученики петербургскихъ госпитальныхъ школъ. Первое время существованія этихъ школъ. 1733—1754.

Ни число, ни происхожденіе учениковъ въ госпитальныхъ школахъ первоначальнаго періода исторіи этихъ школъ, не были одинаковы. Въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ, съ самаго учрежденія его, полагалось 50 учениковъ и эта цифра оставалась неизмѣнною во все время существованія этого училища. Въ петербургскихъ генеральныхъ госпиталяхъ (сухопутномъ и адмиралтейскомъ) число ихъ измѣнилось. По штату 9 января 1733 года, когда с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь сдѣлался учебнымъ и въ немъ учреждена такая же школа, какая существовала въ московскомъ госпиталѣ, положено имѣть въ немъ 5 лѣбарей, 10 подлѣбарей и 20 учениковъ.

Такое же число учениковъ опредѣлено и для генеральнаго с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя. Въ кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ состояло только 4 подлѣвара и 8 лѣварскихъ учениковъ, чего очевидно было недостаточно ни по числу больныхъ въ госпиталѣ, ни по намѣренію архіатера Фишера сдѣлать и этотъ госпиталь учебнымъ. Чтобы хоть немного уравнять его съ другими большими госпиталями, архіатеръ предполагалъ сперва увеличить въ немъ число подлѣварей и учениковъ, первыхъ на 4, а послѣднихъ на 7—какъ видно изъ доклада его императрицѣ Аннѣ въ августѣ 1735 года—но потомъ подвелъ кронштадтскій госпиталь подъ общее распоряженіе «генеральнаго регламента о госпиталяхъ».

Такимъ образомъ ко времени изданія «генеральнаго регламента о госпиталяхъ» во всѣхъ учебныхъ госпиталяхъ, а именно въ с.-петербургскомъ сухопутномъ, с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ (морскомъ) и кронштадтскомъ адмиралтейскомъ (морскомъ), состояло по 20 учениковъ въ каждомъ, а въ московскомъ генеральномъ 50 учениковъ. Эта цифра учениковъ въ первыхъ трехъ госпиталяхъ вошла и въ регламентъ.

Откуда же и какъ набирались ученики для госпитальныхъ хирургическихъ школъ? Докторъ Бидлоо, какъ мы видѣли, старался набирать учениковъ для московской школы изъ московскихъ славяно-греко-латинскихъ школъ (т. е. собственно изъ московской латинской школы), по сношенію съ синодальною коллегіею экономіи, либо по разѣ данному ему дозволенію принимать тѣхъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ, которые «сами пожелаютъ» поступить на службу въ госпиталь. А такъ какъ число духовныхъ семинарій быстро возрастало со времени изданія духовнаго регламента и установленія штатовъ архіерейскихъ школъ, и со времени развитія славяно-греколатинской академіи въ Москвѣ, то затрудненій къ приобрѣтенію учениковъ въ госпитальную школу почти не было. Этому содѣйствовало и то личное уваженіе, какое питали къ Бидлоо всѣ представители духовенства въ Москвѣ. Докторъ А. Де-Тейльсъ, къ сожалѣнію, не пользовался подобнымъ авторитетомъ, да и отношенія его къ коллегіи экономіи не такъ были благопріятны, чтобы можно было идти по бидловской дорогѣ, а потому московскій госпиталь во все время управленія его нуждался въ ученикахъ.

Мало того. Докторъ Де-Тейльсъ не пользовался привлекательностію и со стороны учениковъ. Грубые распорядки его въ гос-

питалъ, мелочныя придирки къ шалостямъ и ребяческимъ проступкамъ учениковъ разошлись по Москвѣ, и сразу отняли у учащейся молодежи всякую охоту къ поступленію въ госпитальную школу. Такихъ, которые «сами бы пожелали» поступить въ госпиталь изъ греко-латинской академіи, вовсе не оказалось. Де-Тейльсъ жаловался на это, требовалъ себѣ учениковъ: но коллегія экономіи иногда оставляла представленія его безъ отвѣта, иногда отписывалась, повторяя старый аргументъ, что духовные воспитанники назначаются для духовной службы, а не для госпитальныхъ надобностей, и только при настойчивомъ вмѣшательствѣ архіера присылали по нѣскольку человѣкъ въ годъ, да и тѣ впоследствии оказывались мало годными. Вомплетъ, и то неполный, поддерживался только тѣмъ, что большая часть старыхъ учениковъ оставалась въ госпитальной школѣ очень долго (до 11—12 лѣтъ). При преемникѣ его Блюментростѣ нѣсколько улучшились эти отношенія, но не очень. Въ сношеніяхъ съ коллегіею экономіи въ Блюментростѣ проглядываетъ какое то высокомеріе, чрезмѣрная требовательность и разладъ. Въ каждомъ требованіи Блюментроста выражается мысль, что онъ требуетъ учениковъ по праву и что коллегія экономіи обязана исполнить каждое его требованіе, а если оно не исполняется немедленно, то Блюментростъ сейчасъ же посылаетъ жалобу къ архіеру. И эти жалобы тѣмъ были неприятнѣе, что въ это именно время велась непрерывная переписка о передачѣ госпиталя въ вѣдѣніе кригсъ-коммисаріата, не изъятая отъ известной горечи. Докторъ Блюментростъ былъ строгъ при приѣмѣ учениковъ и браковалъ ихъ до безжалостности ¹⁾; но нельзя не замѣтить, что во

¹⁾ Докторъ Блюментростъ жаловался архіеру 30 іюля 1741 года на то, что въ московскомъ госпиталѣ «многіе изъ учениковъ въ латинскомъ языкѣ не искусны, а иные даже и натурального разсужденія не имѣютъ, понеже въ московской греко-латинской академіи при требованіи нашемъ искусныхъ въ латинскомъ діалектѣ удерживаютъ, а посылаютъ весьма негодныхъ». Понятно, чего онъ хотѣлъ. Онъ требовалъ учениковъ изъ латинской школы, а ему давали изъ славянорусской. Въ первой изъ нихъ ученики хорошо знали латинскій языкъ, а въ послѣдней вовсе не учились или могли неучиться ему. Но въ латинской школѣ всѣ ученики были дѣти духовныхъ лицъ, нужные для церковныхъ надобностей «въ надежду священства», а въ славянорусской учились дѣти всѣхъ сословій, кромѣ духовнаго, и латынь была не обязательна для нихъ. Этихъ то именно разночинческихъ дѣтей и давалъ сподобъ Блюментросту, предлагая даже учить ихъ предварительно латинскому языку въ латинской школѣ славяно-греко-латинской академіи.

все время его управленія, какъ и при Бидлоо, почти вовсе не встрѣчаются въ госпиталѣ ученики съ не русскими фамиліями. Слѣдовательно было гдѣ брать учениковъ. Фактъ этотъ находился въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, что замѣчалось въ петербургскихъ и кронштадтской госпитальныхъ школахъ: тамъ, наоборотъ, въ первые двадцать лѣтъ не было почти ни одного ученика съ русскою фамиліею. Ученики обѣихъ петербургскихъ и кронштадтской госпитальныхъ школъ комплектовались почти исключительно иностранцами. Это были либо дѣти иностранныхъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, подлѣкарей и лѣкарей, жившихъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, либо пришлые иностранцы, пріѣхавшіе въ Россію зарабатывать хлѣбъ насущный и избравшіе лѣкарское ремесло по его большей выгодности сравнительно съ другими ремеслами. Такимъ образомъ въ этихъ школахъ было все наоборотъ противъ московской школы: въ этой послѣдней все были русскіе ученики, а въ петербургскихъ ни одной русской фамиліи и все иностранцы. Сохранились именныя списки учениковъ за этотъ періодъ времени (именно съ 1733 по 1738 годъ) и въ нихъ наглядно можно видѣть подтвержденіе этого положенія. Только въ послѣдствіи, при П. З. Кондоиди, началъ измѣняться этотъ порядокъ вещей и въ петербургскихъ школахъ сталъ появляться русскій элементъ; но онъ входилъ очень медленно и весьма малыми количествами. Бывали даже случаи перехода учениковъ изъ одной госпитальной школы въ другую, либо по надобностямъ администраціи, либо по обстоятельствамъ и доброй волѣ самихъ учениковъ.

Существеннымъ условіемъ пріема въ госпитальныя школы было знаніе латинскаго языка. Соблюденіе этого условія вызывалось необходимостью, такъ какъ, съ одной стороны, большая часть учителей не знали русскаго языка, а съ другой стороны большая часть учебниковъ писана была на латинскомъ языкѣ.

Объемъ знаній латинскаго языка, требовавшійся отъ желавшихъ поступить въ ученики госпитальной школы, былъ не обширенъ и ограничивался самыми первоначальными правилами грамматики, знаніемъ склоненій и спряженій съ небольшими переводами съ латинскаго на русскій (или нѣмецкій) и съ русскаго (или нѣмецкаго) на латинскій. Экзамены производились либо въ госпиталяхъ, либо «у физическихъ дѣлъ» при медицинской канцеляріи. Въ Москвѣ экзамены были строже, чѣмъ въ Петербургѣ. Воспитанники московской греко-латинской академіи болѣе «искусны» были въ латинскомъ языкѣ,

чѣмъ дѣти петербургскихъ ремесленниковъ. Изъ послѣднихъ многіе и едвали не большая часть не умѣли даже подписать своей фамиліи на ученическій манеръ («discipulus chirurgiae»): но архіатеры не отталкивали ихъ отъ школы, а принимали въ приходящіе или сверхкомплектные («на своемъ коштѣ») на одинъ годъ, давая этотъ сребъ для ознакомленія ихъ съ латинскимъ языкомъ. Ученныя этого разряда направлялись въ латинскую гимназію при с.-петербургской академіи наукъ, черезъ годъ или два приносили оттуда аттестатъ о своихъ знаніяхъ отъ кого либо изъ учителей и зачислялись въ комплектъ базеннокоштныхъ госпитальныхъ учениковъ ¹⁾). Соро однакоже оказались неудобства чрезмѣрной снисходительности. Между принятыми учениками оказались такіе, которые не только ничего не знаютъ, но и не способны къ ученію по тупости и неразвитости. Содержаніе ихъ въ госпиталѣ истощало бюджетъ, не подавая никакихъ надеждъ на

¹⁾ Вотъ образцы «аттестатовъ», какіе получались этого разряда учениками отъ своихъ латинскихъ учителей.

«I. Объявитель сего Андрей Мурашкинъ, адмиралтейскаго вѣдомства плотничій сынъ, прошлаго 1737 года мая съ 19 дня обрѣтася въ латинской гимназіи и въ четвертомъ классѣ обучался фундаменты латинскаго языка, а именно деклинаціи, конъюгаціи, этимологіи, синтакса и нарочитое число вокабуловъ исправно, къ томужь и нѣкоторыхъ малыхъ переводовъ изъ нѣмецкаго на латинскій чинилъ, а въ латинской и нѣмецкой каллиграфіи уже довольно а въ арифметикѣ регулы три обучился и въ наукѣ своей содержалъ прилежно, въ поступкѣ своемъ безпорочно, о чемъ о всемъ по ево прошенію и свидѣтельству. 1739 года. Академіи де сіансъ учитель Крестьянъ Германъ.

«2. Иванъ Ивановъ сынъ Вареной обучился читать и писать, склоненіямъ именъ, спряженіямъ глаголовъ, о осьми частяхъ слова, малому сочиненію, правиламъ о родахъ, о склоненіяхъ, о прошедшихъ временахъ, о большемъ сочиненіи, такожъ отчасти переводить съ латинскаго на русскій языкъ. Подписалъ: морской академіи переводчикъ Иванъ Сатаровъ. 31 марта 1739 года.

3. Иоганъ Бушъ, изъ Ревеля, подалъ прошеніе 9 сентября 1737 года о приѣмъ его ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Архіатеръ послалъ его въ госпиталь для приѣмнаго экзамена и старшій докторъ Энгелертъ далъ свидѣтельство, что Бушъ слабъ въ латинскомъ языкѣ. По этому свидѣтельству его приняли сверхштата, безъ жалованья, и съ тѣмъ что когда выучится латинскому языку, тогда будетъ зачисленъ въ комплектъ. Прошелъ годъ. Учитель латинскаго языка при госпиталѣ (studiosus J. F. Hensold) далъ свидѣтельство, что «Johann Busch по прибытіи въ госпиталь, читать и прочаго почти ничего не зналъ, а тому около три мѣсяца (прочее время былъ онъ боленъ) въ читаніи, такожъ деклиновать и въ прочемъ нарочито утвердился». На основаніи этого свидѣтельства Бушъ зачисленъ (4 мая 1738 года) въ комплектъ лѣкарскихъ ученикомъ госпиталя, съ жалованьемъ по 24 руб. въ годъ и съ пищей отъ госпиталя.

будущее, не говоря о томъ, что они закрывали двери петербургскихъ школъ другимъ и болѣе даровитымъ молодымъ людямъ. Архіатеръ Фшперъ убѣдился въ этомъ въ первые же годы существованія петербургскихъ школъ и 4 марта 1735 года (т. е. черезъ два года послѣ учрежденія с.-петербургскихъ школъ) объявилъ высочайшій указъ о томъ, что когда родители будутъ представлять дѣтей своихъ къ обученію хирургіи въ госпитали, то объявлять имъ, что хотя дѣти ихъ и будутъ приняты, но подъ тѣмъ условіемъ чтобы въ первый же годъ оказали успѣхи ученія; «если же въ первый годъ ученія усмотрѣно будетъ, что оныя къ обученію неспособны или натуральныя удобопонятія къ оной не имѣютъ, то паки по прошествіи года изъ службы отпущены будутъ». Предупрежденіе это объявлялось родителямъ учениковъ и вводилось во всякое «опредѣленіе» медицинской канцеляріи о принятіи ихъ, съ роспискою въ томъ, что они знаютъ объ этомъ постановленіи. Подтверждалось оно наконецъ и тѣмъ, что съ этого времени новые ученики поступали въ школы на первый годъ сверхъ комплекта, т. е. должны были содержаться на своемъ коштѣ.

Послѣдствія этого распоряженія были весьма важны и привели съ собою полезную осмотрительность въ допущеніи къ ученію въ госпитальныхъ школахъ. Необходимость и раціональность его въ послѣдствіи становились тѣмъ явственнѣе, чѣмъ больше развивались хирургическія школы и возрастало число желающихъ учиться въ нихъ, какъ видно изъ слѣдующаго эпизода. Одинадцать лѣтъ спустя послѣ объявленія приведеннаго указа, директоръ московскаго госпиталя и школы его Блюментростъ исключилъ изъ этого госпиталя (1746 года) десятерыхъ учениковъ за незнаніе латинскаго языка и неспособность къ ученію, а также за предосудительныя отлучки и пьянство, и отослалъ ихъ въ коллегію экономіи, такъ какъ всѣ они поступили въ госпитальную школу изъ греко-латинской академіи. Въ замѣнъ ихъ онъ просилъ другихъ 10 учениковъ оттуда же, но болѣе свѣдущихъ и болѣе годныхъ къ ихъ будущему назначенію. Переписка производилась съ святѣйшимъ синодомъ и этотъ послѣдній не принявъ отосланныхъ изъ госпиталя—такъ какъ они не священническія дѣти—и не позволилъ отпускать учениковъ изъ славяно-греко-латинской академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ сказать госпиталю, чтобы онъ и впредь не имѣлъ надежды на полученіе духовныхъ воспитанниковъ академіи. За то онъ согласился, чтобы взяты были различныя дѣти по выбору самого Блюментроста и 8 человекъ дѣй-

ствительно взяты, хотя многие из них знали по латыни очень мало. Отвергнутые же и Блюментростомъ и синодомъ бывшіе ученики греко-латинской академіи переданы въ военную коллегію и назначены въ полки цирюльниками, съ тѣмъ что «если исправятся въ житіи и понаучатся, то могутъ впредь произвожденіе имѣть».

Настоящее частное дѣло такимъ образомъ уладилось. Но оставалось другое, общее дѣло объ ученіяхъ на будущее время. Синодъ положительно сказалъ, чтобы госпиталь «не имѣлъ надежды» получить духовныхъ воспитанниковъ изъ греко-латинской академіи (т. е. изъ латинской ея школы) на будущее время. Въ основаніи этого отказа лежало можетъ быть нерасположеніе къ самому Блюментросту, къ его высокомѣрію и неуживчивости. Но госпитальная школа страдала больше, чѣмъ онъ самъ, потому что не могла обойтись безъ помощи славяно-греко-латинской академіи. Медицинскою канцеляріею управлялъ тогда архіатеръ Германъ Лестоуъ и онъ-то взялся уладить это дѣло. Онъ написалъ въ сенатъ (20 октября 1747) весьма убѣдительное представленіе, что ученики нужны для московской госпитальной школы, и нужны именно такіе, которые способны, имѣютъ натуральную склонность къ медицинѣ, при добромъ воспитаніи; и чтобы они знали по латыни, а если можно, то и другой какой языкъ, «дабы не только слушаніемъ ординарныхъ лекціоновъ, но и чтаніемъ полезныхъ авторовъ способно разумѣть и въ наукѣ полезно успѣвать могли». Говоря потомъ о воспитанникахъ греко-латинской академіи, онъ прибавлялъ, что полезно бы было, еслибъ эти воспитанники, прежде чѣмъ поступить въ госпиталь, доходили бы до реторики и даже до философіи, знакомы были хотя съ первыми началами математики, такъ какъ все это необходимо чтобы изъ нихъ выходили добрые, искусные и благонравные лѣбара, въ которыхъ состоитъ не малая нужда, потому что въ полкахъ на нихъ однихъ надежда, такъ какъ по штатамъ на всю армію полагается только 6 докторовъ, да и тѣ состоятъ только при главныхъ командирахъ, а по городамъ еще и вовсе нѣтъ никого.

Сенатъ сочувствовалъ дѣлу и передалъ представленіе Лестоуа синоду, прося его отпустить церковническихъ дѣтей, которые сами пожелаютъ и имѣютъ натуральную склонность къ медико-хирургической наукѣ.

Но и Лестоуъ имѣлъ не больше успѣха, чѣмъ Блюментростъ. Потому что и онъ впалъ въ ту же ошибку: обратился не къ самому си-

ноду съ просьбою, а къ сенату съ жалобою, который пожалуй могъ дать и приказаніе. Какъ бы то ни было, синодъ черезъ два года (2 октября 1749) подтвердилъ свой упрямый отказъ давать священнослужительскихъ дѣтей изъ греко-латинской академіи, но согласился давать оттуда учениковъ всѣхъ другихъ сословій по выбору Блюментроста. При этомъ онъ сдѣлалъ еще другую уступку, а именно ежели медицинской канцеляріи или Блюментросту нужно чтобы разночинскія дѣти учились по латыни, то пусть они принирутъ таковыхъ, снабдятъ жалованьемъ и довольствіями и изъявятъ желаніе чтобы ихъ учили по латыни въ греко-латинской академіи, то ихъ будутъ учить тамъ.

Для насъ, хладнокровныхъ зрителей давно отжитаго времени, можетъ казаться странною эта неуступчивость синода; но если перенестись мыслью въ тѣ времена и событія, то дѣло окажется совершенно естественнымъ. Надобно помнить, во первыхъ, что въ это именно время синодъ велъ переговоры о передачѣ московскаго госпиталя изъ его вѣдѣнія въ вѣдѣніе критсѣ-коммисаріата. Переговоры были не всегда деликатны, особенно когда касались передачи госпитальныхъ суммъ и имущества. Госпиталь и устроенъ и содержался на счетъ синодальныхъ суммъ около пятидесяти лѣтъ и теперь, при передачѣ его, требуютъ подробнаго отчета въ каждой копѣйкѣ, въ каждой четверти хлѣба, истраченной на его содержаніе. Во вторыхъ, цѣлую четверть вѣка, пока живъ былъ Бидлоо, объ госпиталѣ не заботился ни одинъ архіеръ и ни разу медицинская канцелярія не помогла ему ни дѣломъ, ни совѣтомъ, и вдругъ, безъ вѣдома синода, назначается туда какой-то грубіанъ, который находитъ все не хорошимъ и самоуправно расправляется со всѣми, даже не предупредивъ о своемъ назначеніи настоящихъ хозяевъ учрежденія. Въ третьихъ, наконецъ, и дѣло объ ученикахъ славяно-греко-латинской академіи было близко къ сердцу синода. Образование народа было тогда весьма мало распространено. Наибольшая доля его сосредоточивалась въ сословіи духовенства. Синодъ дорожилъ этимъ, обучалъ священническихъ дѣтей для своихъ «надобностей священства», и вдругъ у него хотятъ отнять лучшихъ учениковъ, будущей надежды нужнаго ему сословія. Въ тѣ поры духовенство было самымъ образованнымъ сословіемъ, но въ то же время не самымъ богатымъ, а потому требовательнымъ. По самому образованію своему оно искало лучшей доли, чѣмъ какаа предоставлена была ему въ дѣйствительной жизни. Ме-

дицина, какъ «хлѣбная наука», казалась ему такою привлекательною, что не будь запрета, такъ можетъ быть всё священно-церковно-служительскіе воспитанники греко-латинской академіи, свободно владѣвшіе латинскимъ языкомъ, переселились бы въ госпиталь. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что большая часть академистовъ желала лучше быть лѣвாரями, чѣмъ попами. Что же удивительнаго, что синодъ понималъ это и старался ограничить миграцію изъ Чудова монастыря къ Лефортову. Основаніемъ этого запрета былъ не тотъ латинскій фанатизмъ, который считалъ всякаго врача атеистомъ и жертвою сатаны. Въ чести нашего высшаго духовенства надобно сказать, что оно никогда и ни въ чемъ не проявляло ни малѣйшаго фанатизма. Даже въ то самое время, къ которому относится разсказъ нашъ, многіе архіепископы сочувственно поощряли молодыхъ людей къ изученію медицины и изъ своихъ частныхъ средствъ помогали ихъ образованію. Но въ тоже время они очень заботились о сохраненіи лучшихъ умственныхъ силъ въ своемъ сословіи, какъ и не срывали того.

Какъ бы то ни было, но синодъ отказалъ въ безусловномъ выборѣ учениковъ изъ греко-латинской академіи. Сенатъ какъ будто предвидѣлъ этотъ отказъ и при самомъ началѣ переписки посовѣтовалъ медицинской канцеляріи принять мѣры къ пополненію госпитальныхъ школъ учениками. А именно онъ предложилъ завести въ госпиталь латинскаго учителя (*studiosus*), который бы дополнялъ первоначальное образованіе какъ тѣхъ учениковъ, которые поступаютъ съ недостаточнымъ знаніемъ латинскаго языка, такъ и тѣхъ, кои обзаются слабыми въ другихъ наукахъ (какъ это введено уже было въ петербургскихъ школахъ со времени изданія генеральнаго регламента о госпиталяхъ). Мѣра эта рекомендовалась впрочемъ только какъ приготовительная. Сенатъ не имѣлъ въ виду поуступить, чтобы въ московскую госпитальную школу принимались ученики безъ знанія латинскаго языка. Напротивъ онъ полагалъ устроить при госпиталь родъ приготовительнаго класса и въ этотъ классъ принимать мальчиковъ сверхъ бомшлефта, т. е. выше того числа, какое полагалось по штату, дабы всегда имѣть запасъ для замѣщенія выбывающихъ изъ госпитальной школы и чрезъ то не терпѣть недостатка въ ученикахъ. Къ тому же эта мѣра была и не новая. Самъ московскій госпиталь еще въ 1738 году просилъ опредѣлить учителя латинскаго языка и эта просьба была исполнена, вслѣдствіе чего и опредѣ-

лень былъ studiosus (учитель латинскаго языка) *Johann Andreas Kaltmann*, съ жалованьемъ по 150 р. и съ отопленіемъ и освѣщеніемъ отъ госпиталя. Но Кальманъ умеръ въ 1742 году, а на его мѣсто не было новаго назначенія. На чемъ же основывалась остановка въ назначеніи студіозуса по существовавшему уже примѣру? На томъ, что обстоятельства были не сходны. При опредѣленіи Кальмана латинскій учитель признавался необходимымъ для всѣхъ учениковъ, а теперь онъ признавался нужнымъ только для сверхкомплектныхъ. Между тѣмъ это былъ только предлогъ къ облегченію пріема учениковъ и сенатъ согласился допустить этотъ предлогъ и приказалъ составить штатъ сверхкомплектнаго класса учениковъ. Долго думать было нечего. Предположили содержать въ петербургскихъ госпиталяхъ по 5 сверхкомплектныхъ въ каждомъ, а въ московскомъ госпиталѣ 10 человекъ. На содержаніе ихъ, на мундиры и т. п. требовалось до 600 рублей въ годъ (немного меньше противъ стоимости содержанія комплектныхъ). Но откуда было взять эту сумму? не входить же къ синоду съ требованіемъ этого новаго расхода? Медицинская канцелярія рѣшилась дать деньги изъ своихъ суммъ и сенатъ одобрилъ это рѣшеніе (11 октября 1748 года). Въ это же время смягчился и синодъ. Узнавъ, что къ 1749 году въ московскомъ госпиталѣ состоитъ только 29 учениковъ (вмѣсто положенныхъ по штату 50), онъ предложилъ Блюментросту выбрать себѣ нужное число разночинническихъ учениковъ и прислать ихъ въ греко-латинскую академію, съ тѣмъ что тамъ бесплатно будутъ учить ихъ латинскому языку, но на собственномъ содержаніи медицинской канцелярія. Лестоба уже не было и преемникъ его Бургаавъ былъ порядочно безучастенъ къ состоянію госпитальныхъ школъ. Онъ постановилъ набирать въ школы «всякихъ свободныхъ людей» или потребовать учениковъ отъ военной коллегии, «изъ гарнизонныхъ школъ», и посылать ихъ учиться латинскому языку въ славяно-греко-латинскую академію, но не тратить денегъ медицинской канцелярія на содержаніе ихъ, а просить ихъ у сената (т. е. изъ штатсъ-конторы). Сенатъ разрѣшилъ только первую часть представленія (о наборѣ свободныхъ людей, 8 февраля 1750): но ни сенатъ, ни медицинская канцелярія повидимому не желали комплектовать госпитальные школы учениками изъ гарнизонныхъ школъ.

Мѣры эти были тягостны, хлопотливы и всетаки малонадежны. Къ счастью не долго настояла нужда прибѣгать къ нимъ. Послѣ ско-

ропостижной смерти директора медицинской канцелярии Бургаева, мѣсто его занялъ доктор П. З. Кондонди, одинъ изъ величайшихъ организаторовъ медицинскихъ учреждений и медицинскаго образованія въ Россіи. Онъ зналъ и любилъ Россію больше всѣхъ предѣшствующихъ его въ русскомъ медицинскомъ управленіи и на этомъ знаніи и любви основывалъ всю свою административную дѣятельность, которая была положительно безпримѣрна. По самому происхожденію своему, какъ воспитанникъ архіепископа, онъ былъ хорошо знакомъ со взглядами синода на значеніе и пользу медицинскихъ школъ въ Россіи и видѣлъ въ этихъ взглядахъ такое доброжелательство, которое готово было на всякую помощь. Къ тому же вопросъ о передачѣ московскаго госпиталя въ вѣдѣніе комиссаріата—вопросъ поддерживавшій раздраженіе и недовольство обѣихъ сторонъ—приведенъ былъ къ окончанію. Наконецъ зналъ и то, что высшія епархіальныя учебныя заведенія при архіерейскихъ кафедрахъ ничѣмъ не хуже московской греко-латинской академіи. Таковы были кіевская академія, харьковскій и черниговскій коллегіумы, содержавшіе и воспитывавшіе у себя гораздо больше учениковъ, чѣмъ московская духовная академія. Число это должно было возрастать, по мѣрѣ того какъ при архіерейскихъ кафедрахъ открывались епархіальныя семинаріи ¹⁾. Имѣя все это въ виду, равно какъ и то, что въ основаніе семинарскаго образованія вездѣ полагался латинскій языкъ, П. З. Кондонди обратился къ синоду съ просьбою опубликовать, не желаетъ ли это изъ учениковъ ихъ обучаться медико-хирургіи въ казенныхъ госпиталяхъ, а фармаціи въ казенныхъ же аптекахъ стѣбазнымъ жалованьемъ и прочими доволствами, и чтобы желающіе пріѣзжали въ Москву и явившись въ медицинскую канцелярію или контору объявили бы о своемъ желаніи приказнымъ порядкомъ и представили бы свои семинарскіе аттестаты. По успѣхамъ и достоинству, означеннымъ въ этихъ аттестатахъ, желающіе будутъ опредѣляемы къ той изъ означенныхъ наукъ, къ которой сами пожелаютъ наиболѣе склонности, и при томъ въ тотъ госпиталь или аптеку, въ которые сами пожелаютъ, а «впредь по успѣхамъ въ наукѣ и добропорядочному и похвальному въ житіи поведенію произведены и

¹⁾ Были уже и примѣры. Въ 1752 году принято въ московскій госпиталь нѣсколько семинаристовъ изъ тверской и владимірской семинарій. Въ отдаленныхъ отъ Москвы епархіяхъ повидимому просто не знали о возможности ученія въ госпитальныхъ школахъ.

удовольствованы будутъ безобидно и въ непродолжительномъ времени». Для приѣма въ школы требовались достовѣрные аттестаты отъ семинарскихъ ректоровъ и префектовъ въ томъ, что представляющіеся молодые люди, состоя въ тѣхъ семинаріяхъ «выучились уже грамматикѣ и частямъ ея, риторикѣ и хотя нѣсколько философіи» и чтобы имѣли уважный паспортъ откуда надлежитъ. Объ латинскомъ языкѣ уже не упоминалось, такъ какъ все ученіе въ семинаріяхъ и коллегіумахъ производилось полатыни.

Синодъ исполнилъ это предложеніе и осенью того же 1754 года явились въ Москву первые два ученика кievской академіи, изъ школы философіи (Андрей Везицкій и Григорій Макарьевскій), и зачислены въ московскую госпитальную школу ¹⁾.

Эта публикація привела съ собою еще одну мѣру, въ послѣдствіи оказавшуюся и необходимою и полезною. А именно. На сдѣланную публикацію отозвались очень сочувственно кievскій митрополитъ Тимофей Щербацкій ²⁾ и переяславскій епископъ Іоаннъ. Они увѣдомили Кондоиди, что желающихъ учиться медицинѣ оказалось много, но та бѣда, что всѣ они бѣдны и не могутъ доѣхать на свой счетъ ни до Москвы, ни до Петербурга. Медицинская канцелярія немедленно отвѣтила, что она будетъ платить каждому за проѣздъ, и съ тѣхъ поръ (22 октября 1754) стала выдавать каждому пріѣхавшему и принятому въ госпитальныя школы семинаристу или академисту по 10 рублей.

Публикаціи отъ синода повидному повторялись ежегодно. Такъ

¹⁾ Прибывъ въ Москву они явились къ Блюментросту и просили отправить ихъ въ С.-Петербургъ. Но на представленіе объ этомъ Кондоиди отвѣчалъ, что имъ не зачѣмъ ѣхать въ С.-Петербургъ, такъ какъ тамъ нѣтъ вакансій, а велѣлъ принять ихъ въ московскій госпиталь, тѣмъ болѣе что они русскіе и хорошо знаютъ латинскій языкъ. Вѣсть съ тѣмъ Кондоиди уполномочилъ Блюментроста самому принимать и опредѣлять подобныхъ молодыхъ людей въ московскій госпиталь, сообщая медицинскій канцеляріи только «во извѣстіе».

²⁾ Митрополитъ Тимофей переведенъ былъ съ кievской кафедры на московскую; но и здѣсь оказывалъ особую благосклонность медицинскимъ школамъ присылкою способныхъ студентовъ къ обученію медико-хирургической наукѣ изъ запорожской школы. Въ благодарность за это Кондоиди послалъ ему (14 февраля 1760) въ подарокъ экземпляръ *Сокращенной анатоміи* Гейстера въ рускомъ переводѣ, въ красномъ французскомъ переплетѣ. Это была первая анатомія на рускомъ языкѣ. Послана она была съ письмомъ Кондоиди, который впрочемъ и прежде переписывался съ нимъ.

въ іюлѣ 1757 святѣйшій синодъ увѣдомилъ медицинскую канцелярію, что имъ разрѣшено отпускать воспитанниковъ семинарій кievской, черниговской, переяславской, бѣлгородской, кои сами пожелаютъ учиться медицинѣ. И ежегодно стало поступать изъ нихъ большое число семинаристовъ.

Кромѣ того, предполагая расширить школы и имѣть хорошихъ запасъ своихъ лѣбарей и подлѣбарей, Кондоиди просилъ канцелярію с.-петербургской академіи наукъ, чтобы оставшіеся за укомплектованіемъ академическаго штата студенты (т. е. воспитанники академической гимназіи) отправляемы были для обученія медико-хирургіи и фармаціи. Въ просьбѣ этой онъ ссылался на 35 пунктъ академическаго регламента, въ которомъ академія наукъ выставялась самымъ компетентнымъ учрежденіемъ при выборѣ лицъ для ученыхъ занятій ¹⁾, и самымъ способнымъ предпочесть при равныхъ достоинствахъ русскаго иностранцу. Кондоиди добродушно вѣрилъ въ безпристрастіе с.-петербургской академіи наукъ, вѣрилъ въ ея назначеніе быть полезною Россіи, но никогда не видѣлъ подтвержденія этихъ вѣрованій на дѣлѣ.

Учениками въ госпитальныя школы могли поступать молодые люди всякаго званія, «всякіе свободные люди». Они могли быть какъ русскіе, такъ и иностранцы, лишь бы удовлетворяли условіямъ приѣма. Однакоже въ 1755 году, когда просился въ московскую школу одинъ салсонецъ, Кондоиди предписалъ отказать ему въ приѣмѣ, если не приметъ русскаго подданства. Приѣмъ утверждался медицинскою канцелярією по экзаменнымъ аттестатамъ, а приѣмные экзамены производились либо у физическихъ дѣлъ (при медицинскою канцеляріи или

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ сказано: «Когда потребуется какой нибудь человекъ ученый въ какое бы то мѣсто ни было, въ адмиралтейство, или въ какую иную коллегію въ службу государеву, то запрещается самимъ онаго выписывать, а сообщать о томъ порядкомъ канцелярскимъ въ канцелярію академическую, дабы не упущенъ былъ случай русскаго человека на то употребить, ежели при академіи находится, а ежели нѣтъ, то выписать изъвъ большее о томъ свѣдомство, нежели въ другія мѣста».

Директоръ медицинской канцеляріи П. Кондоиди могъ бы еще правильнѣе указать на двоякое значеніе с.-петербургской академіи наукъ. По мысли Петра Великаго, усвоенной имъ отъ Лейбница, наша академія наукъ имѣла двоякое назначеніе: дѣлать открытія и усовершенствованія въ наукахъ, и въ тоже время обучать юношество. На этомъ основаніи въ составъ ея входили съ одной стороны академики, а съ другой студенты, какъ и обозначено это въ первомъ ея уставѣ.

конторѣ), либо въ госпиталѣ. Только съ 1754 года пріемъ новыхъ учениковъ предоставленъ въ Москвѣ Блюментросту, какъ главному доктору госпиталя и директору школы его, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ утверждался все еще медицинскаго канцелярію. Тотчасъ послѣ пріема ученики приводились къ присягѣ на вѣрность службы и начинали пользоваться установленнымъ жалованьемъ, какъ состоявшіе на службѣ.

Ученики госпитальныхъ школъ, принятые въ комплектъ по штату госпиталя, жили всѣ вмѣстѣ въ казенныхъ госпитальныхъ зданіяхъ и пользовались содержаніемъ отъ госпиталя, и кромѣ того получали жалованье по 24 р. въ годъ, а въ московскомъ госпиталѣ еще и сукна на платье. Они подчинены были (кромѣ старшаго доктора, которому подчинены были по регламенту всѣ госпитальные чины) непосредственно главному лѣкарю, какъ представителю всѣхъ административныхъ порядковъ госпиталя. Всѣ они были уже не дѣти, потому что въ тѣ времена ученіе дѣтей начиналось поздно и продолжалось очень медленно и долго. Рѣдко, очень рѣдко попадались въ госпиталь мальчики до 15 и даже до 10 лѣтъ, и тогда только, когда оставались безпомощными сиротами. Такъ приняты напр. два сына штаб-лѣкаря Шейна, знаменитаго переводчика медицинскихъ учебниковъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Также очень молодыми приняты 15 января 1758 года дѣти умершаго студіоза с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Алексѣй Яковъ (13 лѣтъ) и Даниель Иванъ (11 лѣтъ) Еггеры. Большинство учащихся составляли молодые люди веселаго, беззаботнаго и бурливаго періода жизни. Нравы ихъ были грубы, буйны, хотя большею частію безобидны. Если вѣрить доктору Детейльсу, то при вступленіи его въ должность послѣ смерти Бидлоо онъ нашелъ «великую вольность ученикамъ, что большая ихъ часть пьяницы и непотребные и во время пьянства нашлось, что важивали къ себѣ въ госпиталь бабъ непотребныхъ, того ради съ великимъ прилежаніемъ и трудомъ принужденъ надъ ними самъ и другимъ приказалъ надсматривать и о винахъ ихъ ему того часу репортовать, и для лучшаго ихъ содержанія выбравъ изъ оныхъ учениковъ, которые лучше и постояннѣе, семь человекъ, и оныя учинены маэрами или старостами, и ученики по онымъ маэрамъ раздѣлены; сверхъ же того учиненъ регламентъ и *орега agendorum*, онымъ же маэрамъ далъ разныя книги для всякихъ записокъ о прилежających до оной госпиталя всякихъ дѣлъ, какъ пространно

можно видѣть въ *ореге agendogum*, и сколько сила допустить трудиться буду оную ихъ вольность и пьянство имъ отнять». Они требовали старательнаго надзора, строгой дисциплины, и эта дисциплина была дѣйствительно строга. На наказанья не скупились и по духу времени доводили ихъ иногда до жестокости, постепенно однакоже смягчавшейся. Мы уже видѣли, какъ докторъ Антонъ Детейльсъ, еще не вступивъ въ управленіе московскимъ госпиталемъ, а только предвкушая сладость власти надъ нимъ, сыпалъ батогами на право и налѣво на беззащитныхъ учениковъ. Святѣйшій синодъ протестовалъ противъ этой бесполезной жестокости, но не устранилъ ея на будущее время. Большинство мирилось съ нею, потому что тоже не могло устранить; за то рѣшилось отнять у тѣлесныхъ наказаній всю позорную и унижительную сторону, признавъ ихъ неизбѣжнымъ толчкомъ при встрѣчѣ силы съ безспіемъ. Да и не одни ученики въ госпиталѣ терпѣли отъ этого неизбѣжнаго толчка. Вотъ примѣръ. Въ генеральный с.-петербургскій сухопутный госпиталь ставилъ въ 1760 году по контракту мясо прикащикъ директора Лапшина Андреянъ Ивановъ. 6 августа онъ доставилъ туда 20 фунтовъ и оно пролежало два дня въ госпиталѣ. 8 августа одинъ изъ учениковъ принесъ въ госпитальную контору кусокъ мяса, съ заявленіемъ что оно не свѣжее и не годится въ пищу. Коммисаръ, подпоручикъ Растопчинъ, вздумалъ наказать подрядчика и пошелъ къ нему на домъ, но не засталъ его. На мѣсто него онъ нашелъ одного его работника Никиту Петрова, взявъ его съ собою, привелъ въ госпиталь и посадилъ подъ карауль, объявивъ домашнимъ, что тогда только выпустить работника, когда явится самъ подрядчикъ. 9 августа Андреянъ Ивановъ дѣйствительно явился и въ присутствіи доктора Юг. Вандина и подпоручика Растопчина «штрафованъ батогами». И нечего было дѣлать: перенесъ и не пожаловался.

А вотъ другой примѣръ. Архіатеру донесено было, что копіистъ медицинской канцеляріи Александръ Муравьевъ непрерывно пьянствуетъ, пропилъ все что у него было, пропилъ кафтанъ, камзолъ, сапоги и штаны, и не ходитъ въ канцелярію (а можетъ быть и ходить-то было уже не въ чемъ). Директоръ медицинской канцеляріи приказалъ наказать его: собрать всѣхъ канцелярскихъ служителей и при собраніи ихъ «бить Муравьева батогами» и затѣмъ объявить, что будетъ написанъ въ работники, «чтобы и другимъ было неповадно» (11 іюля 1758).

За госпитальныхъ учениговъ, за унижительность тѣлесныхъ наказаній для нихъ, протестовали знаменитые профессоры госпитальныхъ школъ и не безъ успѣха. Такъ профессоръ Юг. Шрейберъ, преподававшій анатомію и хурургію въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ, жаловался архіатеру Лестоку, что онъ «важныя науки принуждены ребятамъ читать, боторыхъ лѣкаря къ нему яко слушателей присылають, а за дещ ихъ лозами сѣкли; ибо состояніе ученія его, которое слѣдуетъ къ произведенію основательныхъ и искусныхъ лѣкарей съ такимъ ребячьимъ и холоцскимъ наказаніемъ общества не имѣеть, которое у молодыхъ людей отымаеть любовь къ чести, что ему непристойно, и въ самомъ томъ времени когда онъ обучалъ, съ такимъ наказаніемъ поступлено въ обоихъ госпиталяхъ. Онъ бы и не говорилъ о такихъ не порядкахъ въ госпиталѣ, еслибъ то его ученію не чинило остановку» (30 сентября 1742). Въ отвѣтъ на это графъ Лестокъ далъ приказаніе (22 октября 1742): 1) принимать въ госпитали хорошо знающихъ латинскій и нѣмецкій языки и со свидѣтельствомъ физика; 2) не порядки въ госпиталѣ исправить и препятствій къ слушанію лекцій профессора Шрейбера не дѣлать. Черезъ 22 года, другой знаменитый профессоръ, другъ Линнея, Константинъ Щепицъ писалъ медицинской канцеляріи (30 апрѣля 1764 года), что «ученики московскаго госпиталя, къ его прискорбію, наказываются за шалости иной стуломъ съ цѣпью, другой лозами, а иной палками, одинаково съ прочими поддаго состоянія людьми», и просилъ объ отмѣнѣ таковыхъ наказаній и о замѣнѣ ихъ карцеромъ «для содержанія ихъ тамъ за вины на хлѣбѣ и водѣ, но давать имъ туда книгу, чтобъ не теряли времени еще, а на лекціи выпускать и изъ карцера, а потомъ опять туда запираеть». Медицинская коллегія отвѣчала (17 мая 1764), что въ настоящее время она ничего сдѣлать не можетъ, пока не будетъ составлено общее медицинское учрежденіе, и потому надобно подождать ничего не отмѣняя.

Приводимые здѣсь официальные отвѣты на протесты, хоть и ничего повидимому не улучшившіе, показываютъ однакоже замѣтное, произведенное ими, дѣйствіе. Какая разница между взглядами Детейльса и Лестока на примѣненіе батоковъ къ госпитальной школѣ! И Детейльсъ и Вандини, перепоровши школьниковъ или госпитальнаго подрядчика, считаютъ себя героями, гордо поднимають голову и готовы передъ каждымъ хвастаться своими батожными подвигами и тотчасъ же начать ихъ снова. А архіатеръ Лестокъ, тотъ самый

графъ Германъ Лестоукъ, веселый кутила и безстыжій интриганъ, у котораго не предполагалось ни страха, ни совѣсти. конфузится въ отвѣтъ своему Шрейберу, прикидывается добродушнымъ простякомъ, не понимающимъ о чемъ его спрашиваютъ и обходить вопросъ, на который не смѣетъ отвѣчать. Больше впрочемъ и нечего было дѣлать, особенно со стороны высшихъ блюстителей и опору современныхъ административныхъ и политическихъ порядковъ. Остальное должно было направлять и подвигать само общество. И оно дѣлало свое дѣло, хотя бы руками тогоже профессора Шрейбера. Напримѣръ. Въ сентябрѣ 1743 года два ученика с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Joh. Jacob Parent и Carl Gustav Gerner поссорились и подралсь между собою и послѣдній пожаловался на перваго. Главный лѣкарь госпиталя Рикертъ призвалъ ихъ въ контору и хотѣлъ наказать виноватаго плетью; но тотъ былъ пьянъ и попрекнулъ Рикерту, будто онъ за фальшивое увольненіе унтеръ-офицера ингерманландскаго полка Петра Башева на годъ въ отпускъ по болѣзни (epilepsia) взялъ съ него 2 головы сахару и 5 руб. денегъ, а въ свидѣтели этого призвалъ другаго ученика Joh. Joachim Valleux. Рикертъ обидѣлся и потребовалъ сатисфакціи. Главный докторъ госпиталя Яковъ Грифъ ¹⁾ наказалъ обоихъ подравшихся линькомъ, продержавъ сутки подъ арестомъ. Началось слѣдствіе, при которомъ всѣ свидѣтели, разумѣется, отказались подтвердить показаніе Парана и 29 ноября 1743 архіатеръ Лестоукъ присудилъ: «означенному лѣкарскому ученику Паранту, за показанныя облыжныя его на главнаго лѣкаря Рикерта о взяткахъ слова и тѣмъ онаго Рикерта поношеніе, учинить въ томъ госпиталѣ штрафъ—бить при собраніи того госпиталя лѣкарскихъ учениковъ плетью, дабы и прочіе на то смотря напрасныхъ словъ къ поношенію какъ представленныхъ надъ ними командировъ, такожь и другихъ не затѣвали и никакыхъ продержостей не чинили, и быть ему у отправленія своей должности по прежнему въ показанномъ госпиталѣ».

Приговоръ исполненъ и дѣлу бы конецъ. Но нѣтъ. И судъ, и на-

1) Въ донесеніи по начальству Грифъ сознавался, что назначенное имъ наказаніе слишкомъ легко; но онъ не могъ назначить болѣе тяжелаго, потому что въ госпиталѣ очень много больныхъ, а учениковъ мало, и нѣтъ возможности отвлекать ихъ отъ службы наказаніемъ. Другими словами, онъ вынужденъ что не уложилъ ихъ наказаніемъ въ постель, какъ бы слѣдовало.

казаніе, и самое даже оставленіе при томъ же госпиталѣ ставили Парана въ неловкое и невыносимое положеніе. Товарищи смѣялись и подшучивали надъ нимъ; а начальники, начиная съ лѣкарей и оканчивая тѣмъ же главнымъ лѣкаремъ Рикертомъ, смотрѣли на него со злобою и опасеніемъ. А главное—попрекали его. Такимъ образомъ случилось разъ, что лѣкаръ Балкъ, отдавая приказаніе Парану, прекнулъ его прошлымъ и разумѣется вызвалъ отвѣтъ. Отвѣтъ показался Балку дерзкимъ и онъ влѣпилъ Парану пощечину, да еще на него же и пожаловался. Парана опять высѣкли плетью и оставили при госпиталѣ. Но профессоръ Шрейберъ послѣ этого отказался считать его своимъ ученикомъ и не допустилъ къ слушанію анатомическихъ лекцій (донесеніе доктора Нича 26 января 1744 года).

Изъ этого примѣра видно, что кулачное право шло параллельно съ правами госпитальныхъ медицинскихъ школъ. Отдѣльные протесты тутъ мало приносили пользы. Только время и расширеніе образованія въ цѣломъ обществѣ могли, и притомъ весьма постепенно, смягчить естественную и завѣтную грубость. И они дѣлали свое дѣло. Главный докторъ кронштадтскаго генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя Яковъ Мидліусъ донесъ медицинской канцеляріи (21 февраля 1755 года), что «многіе изъ подлѣкарей и учениковъ этого госпиталя весьма непріязненно посѣщаютъ классы, какъ анатомическіе, такъ и латинскіе, да и въ рисовальные классы не являются, хотя были уже многократно штрафованы и репримандованы безъ плода». Вслѣдствіе этого онъ просилъ разрѣшенія попробовать исправленіе учениковъ розгамп, а подлѣкарей стыдомъ, на примѣръ заставляя ихъ публично носить ружье и т. п., а если это не поможетъ, то вычитать у всѣхъ за каждый часъ прогульнаго лекціона деньги изъ жалованья, на примѣръ у ученика по 5, а у подлѣкаря по 10 к., и на эти деньги покупать школьныя книги. Директоръ медицинской канцеляріи П. Э. Кондоиди не согласился однакоже на эти мѣры. Онъ послалъ въ Кронштадтъ помощника своего, петербургскаго штатдт-физика Яв. Лерхе, и приказалъ, собравъ всѣхъ учениковъ и подлѣкарей госпиталя, сдѣлать публичный выговоръ именовъ медицинской канцеляріи и объявить имъ, что если и послѣ сего будутъ лѣнны, непослушны и отлучаться отъ лекціоновъ, то по донесенію доктора подлѣкари лишены будутъ подлѣкарскаго званія, а ученики въ первый разъ наказаны будутъ розгами, а во второй выгнаны будутъ изъ госпиталя.

Черезъ годъ послѣ того (4 января 1756) такая же жалоба пришла въ медицинскую канцелярію изъ московскаго госпиталя. Докторъ Ан. Ника писалъ, что 6 учениковъ этого госпиталя не могутъ быть терпимы по лѣности, дурному поведенію и дурному ученію. Кондонди приказалъ исключить ихъ изъ госпиталя и объявить объ этомъ во всѣхъ другихъ госпиталяхъ, «чтобы дурныхъ учениковъ не держали, а тотчасъ доносили о нихъ и они будутъ назначаемы въ простые работники». Двадцать лѣтъ назадъ было бы не такъ. Ихъ били бы батогами до тѣхъ поръ, пока не смируется старшій докторъ госпиталя. Но зато и результаты оказывались не тѣ. Между госпитальными учениками начало возникать чувство чести, сознание собственного достоинства и охраненіе себя отъ всякихъ проступковъ заслуживающихъ порицанія. Они стали наблюдать за самими собою и за товарищами. Они слѣдили за тѣми, которые дурно ведутъ себя, принимали мѣры къ ихъ исправленію и если мѣры эти не приводили къ цѣли, то сами удаляли ихъ изъ своего общества. Весною 1756 года въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь поступили учениками 11 студентовъ кіевской губерніи, всѣ малороссійскіе уроженцы. Двое изъ нихъ оказались пьяницами, гуляками и позволяли себѣ въ слободкахъ разныя безчинства. Товарищи пробовали унимать и образумливать ихъ, но напрасно. Тогда они обратились къ старшему доктору госпиталя (осенью 1756) съ просьбою объ исключеніи ихъ изъ школы, объясняя «что они не только не учатся, но пьянствуютъ съ матросами ежедневно и госпитальные слободы посѣщать не забываютъ, и хотя были уже нѣсколько разъ за безчинство наказаны, и мы ихъ уговаривали, просили и какъ возможно совѣтовали, чтобъ они безчинныя свои ухватки отбросили, однакоже они въ томъ исправности никакой не показываютъ, съ чего мы никакшій крайнее отъ всѣхъ терпимъ поруганіе». Они были исключены 9 марта 1758 и съ одного изъ нихъ взысканы тѣ деньги (10 рублей¹), которыя выданы были ему на проѣздъ изъ Кіева.

Число учениковъ въ госпитальныхъ школахъ, какъ выше было уже говорено, не во всѣхъ госпиталяхъ было одинаково. Въ московскомъ госпиталѣ оно опредѣлено было Петромъ Великимъ—въ 50 учениковъ—и оставалось неизмѣннымъ цѣлое столѣтіе. Въ обоихъ петербургскихъ генеральныхъ госпиталяхъ число учениковъ установлено регламентомъ, а именно по 20 въ каждомъ госпиталѣ. Въ послѣдствіи однакожь оно увеличилось, а именно въ сухопутномъ гос-

питалѣ до 50, а въ адмиралтейскомъ до 30. Наконецъ въ кронштадтскомъ госпиталѣ состояло, въ моментъ учрежденія тамъ школы, только 8 учениковъ, что не соответствовало ни количеству больныхъ въ госпиталѣ, ни учебнымъ цѣлямъ госпиталя. Поэтому архіатеръ Фишеръ, въ августѣ 1735 года, слѣдовательно за пять мѣсяцовъ до утвержденія регламента, вошелъ съ специальнымъ докладомъ о потребностяхъ съ одной стороны московскаго, а съ другой кронштадтскаго госпиталей, не вошедшихъ въ границы регламента и просилъ увеличить число подлѣкарей и учениковъ въ кронштадтскомъ госпиталѣ, первыхъ на 4, а послѣднихъ на 7 человекъ, такъ чтобы всего было въ немъ подлѣкарей 8 и учениковъ 15, что и утверждено.

Но преподаваніе въ госпитальныхъ школахъ такъ было организовано, что имъ пользовались не одни ученики, а и подлѣкари. Поэтому подлѣкари должны были считаться тоже въ числѣ учащихся, хотя число ихъ чаще измѣнялось, чѣмъ число учениковъ. Такъ, въ московскомъ госпиталѣ первоначально состояло только 2 подлѣкаря; за тѣмъ по указу сената 24 декабря 1756 года прибавлено еще 6; а потомъ, по указу сената 5 ноября 1759 года, прибавлено еще 2; такъ что всего въ концѣ этого періода было 10 подлѣкарей, т. е. столькоже, сколько положено было регламентомъ для петербургскихъ госпиталей.

Это число учащихся было штатное. Но въ госпитальныхъ школахъ могли быть, и дѣйствительно были, еще и сверхштатные, называвшіеся «волонтерами». Они принимались на тѣхъ же учебныхъ условіяхъ какъ и штатные, и утверждались также медицинскою канцеляріею, но отличались тѣмъ, что не получали ни жалованья, ни прочихъ довольтвій, за то и сами ничего не платили. Ими замѣщались всѣ открывавшіеся штатныя вакансіи. Допущеніе волонтеровъ къ ученію въ госпитальныхъ школахъ повело-было даже къ злоупотребленіямъ. На лекціи стали являться лица вовсе неизвѣстныя и нигдѣ не записанныя и неуполномоченныя, такъ что медицинская канцелярія принуждена была послать указы с.-петербургскимъ госпиталямъ и профессору Шрейберу (14 апрѣля 1750 года) «чтобы въ госпитали для обученія лѣкарской науки посторонніе люди безъ указа медицинской канцеляріи принимаемы не были». Въ концѣ этого періода волонтеры допускались даже на житье въ госпитальныхъ зданіяхъ, но съ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы они исполняли въ госпиталѣ всѣ ученическія служебныя обязанности, какія лежали на штатныхъ ученикахъ.

. Учившіеся въ госпитальныхъ школахъ, съ самаго основанія этихъ школъ и до кореннаго преобразованія ихъ, раздѣлялись на два большіе класса: на подлѣбарей и учениковъ. Это были двѣ послѣдовательныя степени школьнаго образованія, имѣвшія значеніе только въ учебномъ отношеніи. Ученикъ, пробывшій въ госпитальной школѣ опредѣленное число лѣтъ и выдержавшій опредѣленный экзамень, производился въ подлѣбаря и получалъ прибавку жалованья, но не считался окончившимъ полный медицинскій курсъ и не получалъ чрезъ то самостоятельной медицинской практики. Онъ долженъ былъ продолжать ученіе пока пріобрѣтетъ столько знаній и опыта, чтобы быть готовымъ къ самостоятельной дѣятельности. Докторъ Н. Бидлоо строго держался этого правила, не смотря на упреки въ чрезмѣрно продолжительномъ задержаніи въ школѣ воспитанниковъ своихъ. Онъ всячески избѣгалъ, чтобы подлѣбаря не были опредѣляемы въ полки или батальоны, гдѣ бы имъ предстояла самостоятельная дѣятельность, однакоже не могъ устранить этого. Но послѣ его смерти, когда учреждены были новыя госпитальныя медико-хирургическія школы и когда продолжительные заграничныя походы, увеличившіе численность русскихъ войскъ, требовали усиленія медицинскаго персонала въ арміи, архіаітеръ Фшшеръ призналъ самымъ удобнымъ выписывать изъ заграницы въ армію только лѣбарей, а подлѣбарей изъ четырехъ госпитальныхъ школъ назначать въ армейскіе полки въ помощь имъ, съ жалованьемъ по 7 р. въ мѣсяць, и дождавъ объ этомъ утвержденъ кабинетомъ императрицы Анны 2 сентября 1735 года. Съ тѣхъ поръ подлѣбарское званіе стало не учебнымъ, а служебнымъ званіемъ, но всетаки съ извѣстными ограниченіями и въ послѣдствіи съ обязательствомъ возвратиться въ госпитальную школу для окончанія образованія и производства въ лѣбаря.

Ученики госпитальныхъ школъ раздѣлялись, частью по возрасту, а еще болѣе по успѣхамъ ученія, на три статьи. Это было Бидлоовское раздѣленіе, сохранившееся въ Москвѣ и послѣ Бидлоо. Къ первой статьѣ причислялись (еще въ 1740 году) «старшіе или маоры съ употребленіемъ, если понадобится, къ подлѣбарской должности; но подлѣбарями ихъ дѣйствительно не производить отъ госпиталя, ибо оный чинъ показаннымъ ученикамъ опредѣляется по опредѣленіи ихъ въ полки» (указъ архіаітера Фшшера доктору Л. Блюментросту 19 апрѣля 1740).

И ученики и подлѣбаря госпитальныхъ школъ обучаемы были

практически т. е. болѣе или менѣе наглядно. За прочитанною лекціею слѣдовало практическое примѣненіе ея въ госпиталѣ. Всѣ распоряженія доктора или лѣкарей, всѣ лѣчебныя предписанія, исключая производства хирургическихъ операцій, производились и исполнялись подлѣкарями и учениками. Ими же производились всѣ малыя операціи (кровопусканіе, приставленіе пъявокъ, перевязки ранъ и язвъ, приготовленіе припарокъ и примочекъ, записываніе порцій и рецептовъ, раздача лѣкарствъ и т. п.). Они обязаны были присутствовать при визитаціяхъ, особенно въ высшихъ классахъ, и поочередно нести суточные дневанья для непрерывнаго «надзиранія больныхъ». При такомъ обиліи занятій и обязанностей, очевидно, должно было возникать столкновеніе между этими занятіями съ одной и учебными занятіями съ другой стороны. Какъ бы ни точно распредѣлены были часы работъ и занятій въ госпиталѣ и классахъ, но невозможно было избѣгнуть такихъ совпаденій, которыя нарушали правильный ходъ ученія. Въ одно и тоже время нельзя было послѣвать и на перевязку больныхъ, и въ классъ, и къ анатомическому препарованію. Затрудненія встрѣчались не только между учениками, но затрогивали и учителей, и чѣмъ больше было больныхъ въ госпиталѣ, тѣмъ эти затрудненія становились сложнѣе и неустранимѣе. Какъ было помочь дѣлу? Докторъ Энгеллертъ собралъ на совѣтъ въ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ преподавателей изъ обоихъ госпиталей и на этомъ совѣтѣ постановили привлечь въ госпиталь для исполненія ученическихъ обязанностей другаго рода учениковъ, изъ солдатскихъ дѣтей, умѣющихъ читать и писать и взрослыхъ, съ тѣмъ, чтобы они «упражнялись въ надзираніи больныхъ», а между тѣмъ обучались бы подлѣкарскому искуству, дабы впредь нѣкоторые изъ нихъ могли быть опредѣляемы не только цирюльниками въ полки, но и подлѣкарями. вмѣстѣ съ тѣмъ съ учениковъ госпиталя и подлѣкарей снималась обязанность непрерывнаго «надзиранія больныхъ». Архіатеръ Лестоукъ одобрилъ это предположеніе, и по его сношенію съ военною коллегіею, изъ с.-петербургской гарнизонной школы опредѣлено (въ августѣ 1741 года) въ с.-петербургскій сухопутный госпиталь 10 грамотныхъ школьниковъ «для обученія подлѣкарскому искуству». Это были—первые *фельдшера* въ нашихъ госпиталяхъ, съ жалованьемъ по 6 рублей въ годъ и съ провіантомъ по воинскому положенію. Это нововведеніе понравилось Энгеллертъ доволенъ былъ школьниками, похвалилъ ихъ предъ военною коллегіею и черезъ пол-

года послѣ перваго ихъ назначенія, ссылаясь на умноженіе больныхъ въ госпиталѣ, просилъ прислать ему еще 30 школьничковъ (27 марта 1742). Военная коллегія не отказала, но прислала только 20 школьничковъ (10 іюня 1742), «съ тѣмъ чтобы ихъ дѣйствительно учили, нигуда отъ госпиталя не отлучали и не употребляли въ тяжкія работы». Что ихъ дѣйствительно учили—видно изъ того, что первые 10 школьничковъ, ровно черезъ три года по поступленіи въ госпиталь, по представленію доктора Нича взяты изъ госпиталя (13 іюня 1744 года) и распределены по полкамъ цирюльничамъ. Затѣмъ въ 1754 году постановлено содержать въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ 40 школьничковъ (фельдшеровъ), а въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ и кронштадтскомъ госпиталяхъ по 20 школьничковъ, и съ этихъ поръ они сдѣлались необходимою принадлежностью каждаго госпиталя, пополняемою по мѣрѣ надобности.

Ровно черезъ двадцать лѣтъ таже причина вызвала просьбу и отъ московскаго госпиталя о назначеніи и присылкѣ 50 школьничковъ изъ гарнизонныхъ школъ, знающихъ грамотѣ, «кои вмѣсто учениковъ во время лекціоновъ, репетицій и упражненій въ анатоміи находились бы при больныхъ». Госпиталь обѣщаль обучать ихъ «пусканью крови, перевязкѣ ранъ, варенію клястировъ и припаровъ и употребленію оныхъ больнымъ; а сверхъ того не могутъ и впредь безпрочными быть, потому что 1) хорошо научившіеся изъ нихъ могутъ быть произведены въ подлѣбари и даже современемъ въ лѣбари, а 2) прочіе, пробывъ пять лѣтъ въ госпиталѣ, могутъ быть опредѣлены въ полки цирюльниками и служить съ пользою въ баталіяхъ при небытности лѣкарей и подлѣбарей (23 августа 1764)». Медицинская коллегія снеслась съ военною коллегіею и послѣдняя предпсала московскому оберъ-коменданту, генералъ-поручику царевичу Афанасію Моновичу Грузинскому, назначить изъ московской гарнизонной школы 20 человекъ, съ солдатскимъ провіантомъ, обмундированіемъ и жалованьемъ, которые въ декабрѣ того же 1764 года и присланы въ госпиталь. Это—первые *фельдшера* въ московскомъ госпиталѣ. Скоро ихъ обазалось мало и черезъ два года докторъ Б. Даль сталъ просить еще 20 школьничковъ, которые и были присланы (19 іюля 1766 года), «съ тѣмъ чтобы изъ нихъ приготовлялись цирюльники въ полки».

Ученики московскаго госпиталя пользовались пищею отъ госпиталя, на счетъ тѣхъ дачъ хлѣба, которыя опредѣлены были по шта-

тамъ. Пища, квасъ и пиво приготавливались въ госпиталѣ штатными же служителями и безъ всякаго сомнѣнія по монастырскому образцу. Такъ продолжалось до передачи госпиталя въ вѣдомство кригсъ-коммисаріата, а потомъ производилось по регламенту.

Въ петербургскихъ и кронштадтскомъ госпиталяхъ содержаніе ученикамъ производилось съ самаго открытія въ нихъ школъ по регламентамъ, сперва адмиралтейскому, а потомъ госпитальному. По госпитальному регламенту (гл. I пун. 6) постановлено «давать ученикамъ пищу дневную порцію противъ болящаго, по табели на стр. 6 сполна и пиво, а вино по докторскому разсужденію, кому надлежитъ давать». Другими словами каждый ученикъ долженъ былъ получать въ пищу—больничную порцію, а для питья чарку водки и кружку пива ежедневно. Такъ и давалось каждому ученику до 1 января 1745 года; но вино отнято было у нѣкоторыхъ за непотребство, а у другихъ за малолѣтство. 19 декабря 1745 года докторъ Ничъ вошелъ въ медицинскую канцелярію съ представленіемъ, что госпитальные ученики просятъ замѣнить винную порцію деньгами и выдавать имъ эти деньги на руки. Архіатеръ Лестоуъ вполне согласился съ этимъ представленіемъ и мотивировалъ свое опредѣленіе слѣдующими разсужденіями: «хотя по регламенту и положена винная порція ученикамъ, точію въ разсужденіи, что оныя ученики люди молодые и какъ по возрасту, такъ и особливо по дѣлу, къ которому прилежать имѣютъ, къ употребленію горячихъ напитковъ навываютъ весьма непристойно и за непотребство причитать должно, и для того къ ихъ пользѣ послѣдовать имѣетъ, ежели та винная порція производима будетъ по указной цѣнѣ деньгами, ибо тѣми деньгами могутъ они или книги или надлежащіе инструменты купить, или исправить себя въ одеждѣ: того ради и приказалъ написать въ адмиралтейскую коллегію и въ главный коммисаріатъ о выдачѣ винной порціи деньгами всѣмъ, и малымъ и большимъ, а пива натурою во всѣхъ госпиталяхъ» (28 мая 1746).

Госпитальная пища, дававшаяся больнымъ въ петербургскихъ госпиталяхъ, была очень плоха. Составъ порцій по табели приложенной къ регламенту былъ не скуденъ: по ней полагалось три дня въ недѣлю по $\frac{1}{2}$ ф. мяса на человека, три дня по 1 фунту и одинъ день (воскресенье) по $1\frac{1}{2}$ фунта, и пища все-таки была плоха и часто нельзя было ѣсть ея. Больные не жаловались изъ боязни, а поддѣкари и ученики громко жаловались и наконецъ отказались отъ госпиталь-

ныхъ порцій. Жалобы дошли до вѣдомствъ и адмиралтейской коллегіи и вызвали новую мѣру удовлетворенія недовольныхъ. Мѣра эта состояла въ учрежденіи въ госпиталѣ особаго трактира для поддѣжарей и учениковъ. Въ Петербургѣ жилъ тогда башмачнаго дѣла мастеръ, проземецъ австрійской націи, давно впрочемъ освоившійся съ русскими обычаями, по имени Іоаннъ Антонъ Тилькъ. Онъ былъ женатъ и жена его, Марія Барбара Тилькъ, пребойкая и изворотливая особа, рѣшилась принять на себя обязанности госпитальной трактирщицы, для чего и заключила контрактъ. Ей дана была въ госпиталѣ казенная квартира изъ трехъ покоевъ, кухни и чулана, кромѣ того теплый погребъ и небольшой особый ледникъ, а для сушенія столовыхъ скатертей и салфетокъ особый чердакъ. На отопленіе и освѣщеніе квартиры назначены дрова и свѣчи: дровъ сколько понадобится помѣсячно или понедѣльно, а свѣчь съ 1 октября по 1 мая по пуду въ мѣсяцъ и для прислуги одинъ казенный работникъ и одна работница. Мало того. Ей дана казенная посуда, кухонная и столовая, столовое казенное бѣлье и мебели въ комнатахъ (только для поддѣжарей посуда и бѣлье должны быть ея собственныя). При такихъ условіяхъ Барбара Тилькъ обязалась готовить кушанье поддѣжарямъ и ученикамъ, первымъ на ихъ счетъ, изъ ихъ собственныхъ припасовъ, а для учениковъ изъ положенныхъ для нихъ отъ казны припасовъ, съ прибавленіемъ въ этихъ припасахъ съ каждаго человѣка по 2 коп. въ день. Кромѣ этой приплаты, она получала еще «за трудъ» съ каждаго ученика по 2 р. 10 к. въ годъ, а съ поддѣжарей и своеобразныхъ учениковъ по личному съ ними соглашенію. За это трактирщица обязывалась готовить обѣдъ и ужинъ: обѣдъ изъ двухъ блюдъ, а на ужинъ кашу или что либо подобное. При этомъ постановлено опредѣлить часъ обѣда и ужина и кто не поспѣетъ къ этому часу по казенной или служебной задержкѣ (напримѣръ находится на дежурствѣ или на перевязкѣ больныхъ), для того обѣдъ сберегается, а кто опоздаетъ добровольно, тотъ лишается обѣда. Проектъ этого контракта посланъ былъ Лестоку 30 сентября 1743 года и утвержденъ имъ. Съ этого же времени началось и исполненіе его и продолжалось по 1 января 1751 года. Но еще съ конца 1750 года поддѣжари отказались обѣдать въ этомъ трактирѣ и медицинская канцелярія отказалась продлить дѣйствіе контракта на слѣдующій годъ.

Въ это самое время при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ работалъ вухмистеръ Христофоръ Гроссъ, присланный изъ главнаго вѣд-

мисаріата для продовольствія больныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ продовольствовавшей подлѣкарей и учениковъ. Къ нему и перешли теперь всѣ объѣдашіе у Барбары Тилькъ, на томъ же основаніи какъ довольствовались у этой послѣдней. Жалованья положено было ему 50 р. въ годъ. Но онъ требовалъ съ каждаго ученика, кромѣ казенной порціи, по 70 коп. въ мѣсяць (Барбара Тилькъ получала только по 60 к.) и отказался требовать по 70 к. въ треть за труды, такъ какъ сталъ получать жалованье. Но за то потребовалъ корову съ казеннымъ сѣномъ и суточный фуражъ на одну лошадь. Онъ предложилъ готовить для подлѣкарей обѣдъ изъ трехъ блюдъ, съ платою по 2 р. 50 к. въ мѣсяць; а если понадобится еще ужинъ, то по 3 р. къ мѣсяць. Условія его однакоже не приняты и по приказу К. Бургаава Гроссъ уволенъ изъ госпиталя (30 мая 1751 года).

Когда все это происходило въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь принять вухмистеръ Іоганнъ Дейхманъ, для продовольствія какъ больныхъ, такъ и подлѣкарей съ учениками. Онъ опредѣленъ былъ на время и получилъ все обзаведеніе Барбары Тилькъ (4 января 1751): но черезъ мѣсяць отказался. На мѣсто Гросса, по приказанію Бургаава, опредѣленъ былъ вухмистеромъ Јасов Јох. Лац, на условіяхъ 1743 года: но прослуживъ одинъ годъ отказался (7 сентября 1752) и на его мѣсто опредѣлена (15 сентября 1752) вдова отставнаго шведскаго капитана Гертруда Елизавета Бореціусъ на тѣхъ-же условіяхъ.

ГЛАВА ІХ.

Переходное время московской госпитальной школы послѣ смерти Бидлоо.

Первые три года послѣ смерти Н. Бидлоо были самымъ печальнымъ и самымъ критическимъ временемъ для московской госпитальной школы. Она готова была закрыться и нѣкоторое время дѣйствительно ничѣмъ не проявляла существованія своего. Преемникъ Бидлоо, докторъ Антонъ Детейльсъ, при самомъ вступленіи въ управленіе госпиталемъ, отказался отъ преподавательскихъ обязанностей, сознавая въ неспособности къ нимъ. Въ донесеніи медицинской канцеляріи 20

мая 1735 года онъ представилъ росписаніе учебныхъ занятій двухъ лѣкарей (Кланке и Пагенкампфа) и аптекаря Мзака, а о себѣ писалъ, что «ежели Господь Богъ изволить, по окончаніи всѣхъ обстоятельствъ и нуждъ въ оной госпитали, будетъ самъ держать collegium medicinae по понедѣльникамъ и четвергамъ, а хотя не въ скоромъ времени, ибо оное требуетъ не мало разсужденія и письменнаго труда». Такъ прошло почти два года, а объ «collegium medicinae» не было и слышно. Архіатеръ Фишеръ былъ недоволенъ его бездѣйствіемъ и неспособностью, но не могъ ни удалить, ни смѣнить его, вопервыхъ потому, что самъ его выбралъ, а во вторыхъ потому, что по военному времени не могъ прискаты другого на его мѣсто. Наконецъ терпѣніе его истощилось. 29 мая 1737 года въ московскомъ госпиталѣ случился пожаръ и до архіатера дошли слухи, что съ тѣхъ поръ тамъ вовсе нѣтъ для учениковъ никакихъ занятій. Онъ спросилъ Детейльса, укомплектованъ ли госпиталь учениками («ибо въ прежніе годы многіе subchirurgi оттуда поступили въ армию, что было бы и нынѣ желательно») и успѣшно ли продолжается ученіе въ школѣ? Детейльсъ отвѣтилъ 24 января 1738 года, что въ госпиталѣ состоитъ 46 учениковъ, а о присылкѣ недостающихъ 4 человекъ писано въ коллегію экономіи. «Чтоже надлежитъ обученія учениковъ въ диктованіи коллегіевъ, нынѣ въ госпиталѣ (послѣ пожара) никакова покою не имѣется и какъ скоро покои оправлены будутъ, то по прежнему коллегіи начаты быть могутъ». Архіатеръ приказалъ сдѣлать экзаменъ старшимъ ученикамъ и четверыхъ изъ нихъ утвердилъ подлѣбарями (6 марта 1738), съ выдачею дипломовъ и съ назначеніемъ въ армейскіе полки, и въ тотъ же день командировалъ и самого Детейльса въ армию Миниха, стоявшую по Дибру, «по умножившемуся числу больныхъ и по военнымъ обстоятельствамъ».

Управленіе московскимъ госпиталемъ на время отсутствія доктора Детейльса поручено было главному лѣкарю Матвѣю Кланке, уже подававшему въ отставку, но приглашенному «по военнымъ обстоятельствамъ» остаться на службѣ по баптиуляціи еще на два года.

При госпиталѣ состоялъ еще лѣбаръ Иванъ Пагенкампфъ на вакансіи оператора, т. е. преподавателя анатоміи и хирургіи: но послѣ откомандированія Детейльса командированъ былъ и Пагенкампфъ въ армию Ласи, стоящую на Дону. При отправленіи въ командировку онъ утверждень былъ въ званіи оператора.

Такимъ образомъ весь преподавательскій персоналъ госпиталя

*

выѣхалъ изъ Москвы. Остались только главный лѣкаръ Кланке, подлѣкаръ Федоръ Богдановъ и аптекаръ Маакъ. На нихъ легли и вся дѣятельность госпиталя, какъ лѣчебнаго заведенія, и вся дѣятельность учебная, какъ преподавателей въ школахъ. Вѣрнѣе сказать, что все это легко исключительно на одного Кланке. Безъ него, безъ его умѣнья, опытности и любви къ госпиталю этотъ послѣдній долженъ бы закрыться и ученики госпитальной школы разбрелись бы на всѣ четыре стороны. Между тѣмъ подошелъ срокъ его капигуляціи. Онъ долженъ былъ повторить просьбу объ отставкѣ и тутъ-то именно коллегія экономіи отдала ему полную справедливость и стала настаивать на удержаніе его на службѣ, предлагая отъ себя увеличенный окладъ жалованья, «чтобы былъ доволенъ». Усиливаясь удержать его, она обратилась къ медицинской канцеляріи съ слѣдующею промеморіею отъ 31 января 1738 года:

«Выше означенный лѣкаръ Матвѣй Кланке, какъ объ немъ коллегія экономіи извѣстно есть, въ той гошпитали сначала бытности ево чрезъ многія лѣта служилъ безпорочно и въ дѣлѣ своемъ, и въ порядкѣ, и около больныхъ въ лѣченіи весьма исправенъ и имъ довольны, и положенное на немъ дѣло исправлялъ всегда съ ревностнымъ радѣніемъ. А въ прошломъ 1737 году, по отбытіи изъ московскаго госпиталя доктора Антона Детейльса и оператора Ивана Пагенкампа при полномочныхъ послахъ на конгрессъ, оный Матвѣй Кланке одинъ ту московскую гошпиталь всякимъ правленіемъ вмѣсто онаго доктора вѣдалъ и исправлялъ всѣ порядки съ наибольшимъ радѣніемъ и ревностію, какъ вѣрному и доброму человѣку принадлежить. И нынѣ, послѣ бывшаго мая 29 дня 1737 года великаго пожара, въ строеніи той гошпитали, дабы противъ прежняго то строеніе исправлено было, имѣетъ въ смотрѣніи доброе стараніе, понеже какъ та гошпиталь при первомъ той гошпитали докторъ Николаѣ Видлоо была строена онъ, Кланке, при той гошпиталѣ былъ же и о всякомъ обстроеніи и изрядствѣ, и какіе въ той гошпиталѣ находились до того пожара уборы онъ Кланке извѣстенъ. За что за все оное надлежитъ не малаго и награжденія. Того ради по Е. И. В. указу и по опредѣленію коллегіи экономіи велѣно въ медицинскую канцелярію послать промеморію, которую требовать, чтобы оная медицинская канцелярія соблаговолила выше означеннаго главнаго лѣкаря Кланке, по выше показанной его въ той гошпитали многой и вѣрной службѣ, и что онъ въ положенномъ на немъ дѣлѣ радѣтельно поступаетъ и въ той гошпитали находится давно, паки въ гошпиталь въ службу Е. И. В. пригласить и учить съ нимъ контрактъ хотя на два года».

Далѣ коллегія экономіи предлагаетъ, что она охотно будетъ давать ему жалованье противъ штабъ-лѣкаря изъ своихъ доходовъ по 400 р. чтобъ бытъ доволенъ. (Бумагу подписали: генераль-лейтенантъ Волковъ, Иванъ Песуповъ, Иванъ Гонимскій, Евсевій Ефимовъ и канцелярскій Андрей Протопоповъ).

Архіатеръ отвѣчалъ на это (14 февраля 1738), что дѣло объ увольненіи Кланке уже сдѣлано по его собственной просьбѣ, въ которой онъ объявилъ, что онъ къ тому же боленъ прохондріею и почечуемъ и вообще службу продолжать не намѣренъ. А на его мѣсто опредѣленъ въ московскій госпиталь лѣкарь Вильгельмъ Кларнеръ (*Wilhelm Klarner*), 34 года служившій въ арміи и рекомендованный докторомъ Кондонди. Объ немъ было уже говорено, при перечисленіи главныхъ лѣкарей московскаго госпиталя; а теперь напомнимъ только, что назначеніе его было только номинальное, на дѣлѣ же Кларнеръ никогда не являлся на службу въ госпиталь и никогда не исправлялъ въ немъ никакихъ обязанностей.

Докторъ А. Детейльсъ оставался при арміи (въ Переволочнѣ) ровно годъ и по собственной просьбѣ возвращенъ въ Москву, такъ какъ война кончилась и боязнь чумы, прекратившись на югѣ, перешла въ Москву и ближайшія къ ней провинціи. Въ просьбѣ своей онъ, между прочимъ, говоритъ, что уже не можетъ и не хочетъ поступить въ московскій госпиталь, потому что по болѣзни своей и частымъ обморокамъ и прежде затруднялся этой должностію и часто не обанчивалъ уроковъ съ учениками по слабости головы. Возвратился онъ въ Москву въ маѣ 1739 года, когда докторомъ московскаго госпиталя и директоромъ тамошней школы назначенъ уже былъ докторъ Лаврентій Блюментростъ.

Въ тоже время долженъ бы былъ возвратиться въ московскій госпиталь и операторъ П. Пагенкампфъ; но онъ тоже уклонился отъ госпитальной службы. Отправляясь въ армію на неопредѣленное время, онъ сталъ хлопотать о переводѣ во дворъ, гдѣ онъ прежде служилъ еще при архіатерѣ Ригерѣ, и дѣйствительно добился назначенія гофъ-медикомъ (21 марта 1738), на мѣсто переведеннаго въ московскій госпиталь операторомъ лѣкаря Льюиса Кальдервуда. Получивъ это назначеніе, онъ медлилъ отъѣздомъ въ армію, подъ предлогомъ ожиданія Кальдервуда, и надѣясь авось отзвовать его въ Петербургъ и избавить отъ поѣздки въ командировку; но надежды не оправдались и

онъ все-таки принужденъ былъ ѣхать въ Изюмъ, откуда не возвратился уже въ московскій госпиталь.

Операторъ Л. Кальдервудъ, пріѣхавъ въ Москву, не нашелъ себѣ ни начальника, ни помощника. Въ госпиталь не было доктора, не было главнаго лѣкаря, не было оператора, не было наконецъ ни одного лѣкаря: онъ долженъ былъ принять на себя всѣ эти должности. Онъ и принялъ ихъ и повидимому исполнялъ ихъ самымъ рачительнымъ образомъ. Но все же одинъ не могъ всего исполнить. Въ госпиталь было много больныхъ и онъ долженъ былъ заняться какъ содержаніемъ, такъ и лѣченіемъ ихъ. Въ госпиталь было много учениковъ и необходимо было заняться не только содержаніемъ, но и занятіями ихъ. Все это какъ разъ совпадало съ обязанностями главнаго лѣкаря, которыя онъ и принялъ на себя, вмѣстѣ съ этимъ званіемъ. Кроме того, госпиталь былъ перестроенъ послѣ пожара и необходимо было снабдить его какъ лѣчебными, такъ и учебными принадлежностями, на мѣсто погорѣвшихъ, вновь приспособить госпитальные залы, однѣ для жилья ученикамъ, другія для преподаванія лекцій, не говоря уже о размѣщеніи больныхъ, однимъ словомъ возстановить прежніе «уборы» и позаботиться объ «изрядствѣ ихъ». Все это требовало времени, хлопотъ и непрерывнаго напряженія силъ, но не давало ни малѣйшей возможности сосредоточить мысли, какъ это было бы необходимо для исполненія преподавательской операторской должности. Между тѣмъ операторъ былъ необходимъ. Безъ анатоміи не могло идти ученіе въ госпитальной школѣ. Гдѣ же было взять оператора? Всѣ доктора изъ Москвы и Петербурга, всѣ лѣкаря разосланы были по городамъ на Дону и Днѣпру. Ихъ притянули туда турецкая война и турецкая моровая язва. Поэтому выбирать было не изъ чего; а между тѣмъ надобность въ операторѣ ощущалась каждый день: гдѣ же было взять его? Въ Москвѣ существовалъ тогда медицинскій огородъ (ботаническій садъ) и завѣдывалъ имъ докторъ Трауготтъ Герберъ (*Traugott Gerber*). Онъ былъ хорошій ботаникъ и дестилляторъ, училъ аптекарскихъ учениковъ «сидѣнью маслъ и перегонкѣ водъ» и, не смотря на докторскій дипломъ, вовсе не занимался медицинскою практикою, а потому и не назначался ни въ какія командировки. Учился онъ въ Лейпцигѣ и по свидѣтельству тамошняго профессора анатоміи Вальтера «въ анатоміи доброе искусство имѣлъ». На немъ то и остановилась мысль архіатера.

Л. Кальдервудъ получилъ приказаніе «склонить доктора Т. Гер-

бера принять на себя операторскую должность, т. е. учить въ госпитальной школѣ анатоміи, съ добавочнымъ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ, пока другой присканъ будетъ». Докторъ Т. Герберъ принялъ это порученіе и почти годъ (съ іюня 1738 по 1 апрѣля 1739 года) преподавалъ анатомію и хирургію, а можетъ быть продолжалъ бы и дольше, еслибъ коллегія экономіи не отказалась платить ему жалованье, такъ какъ въ штатѣ московской госпитальной школы вовсе не состояло оператора. Такимъ образомъ поддержана была дѣятельность школы и дѣла ея шли повидимому не очень дурно. Кальдервудъ съ Герберомъ сдѣлалъ даже экзаменъ ученикамъ и 6 изъ нихъ представили (1 августа 1738) къ производству въ подлѣбари, которое и утверждено архіатеромъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти молодые подлѣбари назначались на мѣста военныхъ дѣйствій и Кальдервуду предписано прочитать имъ особый курсъ «наблюдыванія бандажей», что онъ и исполнилъ предъ отправленіемъ ихъ.

По устраненіи доктора Т. Гербера отъ операторской должности, она возложена была на главнаго лѣкаря Л. Кальдервуда «до присканія оператора».

Печальное положеніе московскаго госпиталя не могло не обратить вниманія архіатера Фишера. Причины его лежали, очевидно, въ двухъ обстоятельствахъ. Первое изъ этихъ обстоятельствъ — скудный штатъ госпиталя, не соответствовавшій потребностямъ времени и безостановочному развитію школьнаго обученія, и невозможность уравнивать этотъ штатъ съ госпитальнымъ регламентомъ безъ доброй воли синода. Другое обстоятельство — недостатокъ людей, которые бы могли успешно и надежно вести дѣло школьнаго ученія не въ одномъ московскомъ, но и въ другихъ генеральныхъ госпиталяхъ. Стало быть улучшение дѣла могло быть достигнуто съ одной стороны чрезъ увеличеніе штата московскаго госпиталя, а съ другой — чрезъ присканіе людей способныхъ быть учителями въ госпитальныхъ школахъ. Архіатеръ рѣшился испытать поочередно оба эти средства и сперва обратился къ св. синоду, а потомъ въ кабинетъ министровъ.

Въ представленіи свитѣйшему синоду онъ пишетъ: Хотя докторъ Детельсъ и много трудится въ московскомъ госпиталѣ, но труда его недостаточно. Для того чтобы изъ 50 госпитальныхъ учениковъ образовать хорошихъ лѣкарей необходимо 1) опредѣлить, кромѣ нынѣшняго числа

служащих тамъ, еще двухъ хорошихъ операторовъ, одного для анатоміи, другаго для хирургіи, съ жалованьемъ каждому по 300 р. Каждый изъ нихъ будетъ обучать по 25 учениковъ и для того необходимо имъ жить въ госпиталѣ на казенной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. 2) При 50 ученикахъ (которые всѣ должны быть искусны въ латинскомъ языкѣ), всегда должно содержать въ госпиталѣ 200 больныхъ. Больные могутъ быть всѣхъ званій и возрастовъ и обоего пола, если по свидѣтельству доктора или главнаго лѣкаря окажутся дѣйствительно больными. На этихъ больныхъ ученики упражнялись бы въ хирургическихъ операціяхъ, а на умершихъ, тѣла которыхъ должны быть вскрываемы, «имѣютъ они твердую практику получить». Нынѣ въ госпиталѣ находится мало больныхъ и отъ прошлаго мѣсяца осталось только 24 человѣка, такъ что на каждого больного приходится по два ученика, и имъ нечему научиться при такомъ маломъ числѣ, а напротивъ подается поводъ къ гулянію и беззаконію. 3) Приемъ и выпускъ больныхъ должны зависѣть отъ доктора или главнаго лѣкаря, а не отъ эконома или комиссара, и отъ больныхъ ни подъ какимъ видомъ не должно быть требуемо никакой платы за приемъ въ госпиталь. 4) Зимю какъ можно чаще должны быть присылаемы въ госпиталь изъ полиціи мертвыя тѣла казенныхъ или другія найденныя тѣла простыхъ людей. 5) Докторъ и главный лѣкарь должны управлять не только діетою и содержаніемъ больныхъ пищею, но и надзирателями, такъ чтобы при виновности могли наказывать ихъ. 6) Необходимо такъ устроить, чтобы госпиталь никогда не терпѣлъ нужды въ лѣкарствахъ. 7) Для госпитальной школы необходимо содержать двухъ рисовальныхъ мастеровъ, съ жалованьемъ по 150 р. каждому. Они обязаны обучать учениковъ срисовывать внутреннія и наружныя части человѣческаго тѣла анатомическимъ порядкомъ. Въ заключеніе архіерей прибавляетъ, что ежели эти пункты повелѣно будетъ отъ святѣйшаго синода и отъ правительственнаго сената точно исполнить, то въ будущемъ не только увеличится число лѣкарей, но и лѣкаря эти будутъ обладать большими искусствомъ.

Всматриваясь въ это представленіе нельзя не замѣтить, что оно вполне взято изъ госпитальнаго регламента, который не распространялся на московскій госпиталь и не служилъ для него закономъ. Оно дѣйствительно могло бы служить хорошимъ руководствомъ для синода: но, къ сожалѣнію, св. синодъ не расположенъ былъ выслушивать наставленій съ той именно стороны, которая еще недавно самовольно вмѣшивалась въ его дѣла, пренебрегала его протестами и на каждомъ шагѣ, вовсе безъ надобности, старалась досаждала ему. Нечего поэтому удивляться, что это представленіе оставлено св. синодомъ безъ отвѣта, хоть и не безъ исполненія. А именно collegія эконо-

номіи согласилась давать содержаніе оператору Л. Кальдервуду и опредѣлила въ госпиталь рисовальнаго мастера Петра Михайлова (1738) и учителя латинскаго языка (*studiosus*) Андрея Іог. Кальмана (*Andreas Ioh. Calman*) (11 ноября 1738), по капитуляціи на три года съ жалованьемъ по 150 р. и казенною квартирою съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

✓ Въ донесеніи кабинету министровъ архіатеръ пишетъ (22 апрѣля 1738 года), что по генеральному регламенту предположено завести въ четырехъ госпиталяхъ — двухъ петербургскихъ, московскомъ и кронштадтскомъ — четыре медико-хирургическія школы, въ которыхъ необходимо содержать лѣкарей-учителей или операторовъ. Для петербургскихъ и московской операторы и найдены; но для кронштадтской школы невозможно было ни прискаты, ни выписать изъ чужихъ краевъ. Поэтому онъ проситъ дозволенія послать въ Парижъ 6 человекъ лѣкарей, по выбору медицинской канцеляріи, на годъ, съ годовымъ содержаніемъ по 300 р. каждому, чтобы тамъ «въ анатоміи и хирургіи такъ утвердились, дабы при вышеозначенныхъ четырехъ главныхъ госпиталяхъ въ российскомъ государствѣ для обученія подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ могли употреблены быть, изъ здѣшнихъ уроженцовъ искусныхъ молодыхъ лѣкарей или подлѣкарей, отъ которыхъ надѣяніе имѣть можно, что исправно обучатся и прочихъ обучать будутъ. А между тѣмъ пока оныя 6 лѣкарей въ Парижѣ выучатся, отъ оной канцеляріи стараніе приложено будетъ какъ наилучше возможно здѣшнихъ хирургическихъ школъ содержать, а изъ оныхъ лѣкарей, дабы двухъ для опредѣленія въ сухопутный госпиталь отъ доходовъ медицинской канцеляріи, а двухъ для опредѣленія въ с.-петербургскій и кронштадтскій адмиралтейскіе госпитали отъ адмиралтейской коллегии, а двухъ же отъ коллегии экономіи синодальнаго правленія содержать, и колпное число денегъ потребно на содержаніе тѣхъ лѣкарей въ Парижѣ отъ тѣхъ коллегіевъ въ медицинскую канцелярію присылаемо бы было повсягодно».

На этомъ донесеніи кабинетъ министровъ положилъ 31 августа 1738 года слѣдующую резолюцію: «По сему доношенію справиться: какіе лѣкари, иностранцы или русскіе, въ Парижъ посылаются; а буде иностранцы такіе, которые здѣсь въ Россіи породнились и фамиліи имѣютъ, таковыхъ яко природныхъ русскихъ посылать потребно, однакоже взявъ отъ отцовъ ихъ или отъ сродниковъ надлежащія съ подписками реверсы, что по окончанія наукъ имѣютъ они паки въ Рос-

сію возвратиться, дабы издержанных на нихъ денегъ напрасно не потерять. Подписали: Андрей Остерманъ, Артемій Волинскій».

По справкамъ, собраннымъ медицинскою канцеляріею, оказалось, что эта мѣра уже не новая. Докторъ Н. Бидлоо, еще при жизни Петра I, въ 1723 году, входилъ въ сенатъ съ представленіемъ штата, въ которомъ полагалось содержать въ московскомъ госпиталѣ *четыре* «студіозовъ хирургіи» и посылать ихъ учиться въ чужіе края, съ жалованьемъ по 300 рублей каждому. Но штатъ этотъ повидимому остался безъ рассмотрѣнія. Далѣе. Въ 1724 году отпущенъ былъ, по просьбѣ новгородскаго архіепископа Афанасія, находившійся въ московскомъ госпиталѣ ученикомъ племянникъ его Мартынъ Яновскій, «для лучшей въ хирургической наукѣ практики» во Францію, на своемъ коштѣ, съ тѣмъ чтобы по возвращеніи изъ Франціи онъ былъ опредѣленъ въ русскую службу и для того явился въ синодъ неотложно. Увольненіе дано синодомъ и увольнительный аттестатъ подписанъ докторомъ Н. Бидлоо. Въ 1721 году посланъ былъ въ инія государства лѣкарь Богданъ Штелинь, «для лучшаго обученія лѣкарскаго художества, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ и этотъ окладъ выдавался ему по 1727 годъ, а въ этомъ году 29 мая, по именному повелѣнію Петра II, приказано выдавать ему по 300 р. въ годъ. Что случилось потомъ съ Штелиномъ—неизвѣстно. Въ томъ же 1727 году указомъ 13 января гезель с.-петербургской главной аптеки Эйхлеръ командированъ былъ «въ нѣмецкіе края для лучшаго въ аптекарскомъ искусствѣ обученія, срокомъ на три года», съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ. «А въ бытность его въ нѣмецкихъ краяхъ, гдѣ обрѣтаться будетъ, писать ему къ архіатеру для увѣдомленія и по прошествіи трехъ лѣтъ возвратиться ему въ отечество свое неумедля и тамъ не остаться, чего ради въ томъ подписаться порукою кому надлежитъ». Въ 1729 году жалованье ему увеличено до 300 рублей. Въ 1731 году, по указу сената 23 ноября и опредѣленію медицинской канцеляріи, отпущенъ въ чужіе края, въ Германію, для обученія докторской науки Андрей Мюнксъ, съ жалованьемъ сперва по 200 р. а потомъ по 300 р., «и велѣно ему со свидѣтельствомъ учителей о своей наукѣ репортовать по третямъ года: но токмо онъ пропасть безъ вѣсти».

Получивъ резолюцію кабинета министровъ архіатеръ Фишеръ немедленно приступилъ къ исполненію ея, но встрѣтилъ множество затрудненій. Прежде всего касательно выбора молодыхъ людей, которыхъ

стоило бы послать во Францію для ученія. Онъ предписалъ полевымъ штабъ-докторамъ, госпитальнымъ и дивизионнымъ докторамъ избрать достойнѣйшихъ изъ днѣпровской флотиліи, изъ армейскихъ полковъ и изъ генеральныхъ госпиталей и послать ихъ въ февралѣ 1739 года въ особо учрежденную комисію при арміи для экзамена, съ тѣмъ чтобы выдержавшіе его отправлены были въ Петербургъ (на казенный счетъ¹, снова были бы испытаны и въ будущемъ маѣ отправлены были въ Парижъ. Но это распоряженіе, сдѣланное 17 октября 1738, въ ноябрѣ было отиѣнено и отложено на неопредѣленное время. Дѣло въ томъ, что хотя турецкая война была кончена, но армія остановлена на Украинѣ, потому что въ ней появилась моровая язва. Весь медицинскій персоналъ сосредоточенъ былъ въ арміи и большая часть военновременныхъ госпиталей расположены были въ Изюмѣ и по Украинѣ. О сборѣ лѣкарей и подлѣкарей для экзаменовъ въ такое время нечего было и думать, до прекращенія эпидеміи. Ждать пришлось очень долго, чуть не полтора года, и прежнее распоряженіе возобновлено только 29 февраля 1740 года. Съ другой стороны возникло затрудненіе отъ неопредѣленности, кого слѣдуетъ выбирать: лѣкарей, подлѣкарей или лѣкарскихъ учениковъ? Были предлагаемы лица всѣхъ трехъ категорій.

Да и многіе изъ избранныхъ смотрѣли на дѣло не благоразумно и отказывались отъ путешествія во Францію, частію потому что пожелались, а частію потому, что не хотѣли терять занимаемыхъ мѣстъ, либо рассчитывали на скорое повышеніе въ лѣкаря. Наконецъ многіе и не выдержали экзамена. Архіатеръ Фишеръ писалъ даже къ Блюментросту, прося выбрать достойнѣйшихъ изъ московскаго госпиталя, и еслибы отцы или родственники выбранныхъ стали мѣшать и отговаривать ихъ отъ ученія во Франціи, то уговаривать ихъ и разъяснять, что это дѣлается для ихъ же пользы.

Какъ бы то ни было, однакожъ въ Петербургъ доставлены были 19 человекъ, выбранные по рекомендаціи для посылки въ Парижъ. Ихъ подвергли экзамену изъ анатоміи и хирургіи и оказалось, что большая часть не только мало знаютъ, но и мало способны къ дальнѣйшему ученію. Нашлись впрочемъ и знающіе и способные люди, а именно предложенные докторомъ Кондопди лѣкарь адмиралтейскаго фурштата Андрей Вестманъ и лѣкарь нарвскаго пѣхотнаго полка Михаилъ Шидловскій; по рекомендаціи доктора Баенія подлѣкарь дербентскаго полка Яхонтовъ; по рекомендаціи доктора крон-

штадтскаго адмиралтейскаго госпиталя подлѣкарь Іоганнъ Бланкъ; изъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя по рекомендаціи Я. Миліуса ученикъ Христіанъ Міноу и наконецъ изъ московскаго госпиталя, по рекомендаціи доктора Блюментроста, Іосифъ Шумлянкій, Никита Ножевицковъ и Николай Цырольдъ.

Затѣмъ наступила еще одна и кажется послѣдняя забота: найти поручителей для предназначенныхъ къ посылкѣ во Францію. Многие не имѣли родныхъ, а потому должны были искать поручителей изъ числа знакомыхъ или покровителей. Такъ напримѣръ за Шумлянскаго поручился тобольскій митрополитъ Никодимъ, за Ножевицкова лейбъ-медикъ Блюментрость; за одного московскаго ученика далъ реверсъ фабрикантъ Игнатій Францовичъ Церманъ. Ученикъ Christian Міноу ни отъ кого не могъ представить реверса, но предложилъ дать свою собственную присягу и архіатеръ Фишеръ согласился и обѣщаль представить это на разрѣшеніе кабинета министровъ.

Всѣ эти заботы и распоряженія требовали переписки, требовали времени. А между тѣмъ и постороннія обстоятельства затягивали дѣло. Такъ напримѣръ докторъ и директоръ московскаго госпиталя Блюментрость, пользовавшійся авторитетомъ, долго былъ боленъ и только въ февралѣ 1741 года представилъ своихъ кандидатовъ къ посылкѣ во Францію для ученія. А въ концѣ этого-же года состоялся елизаветинскій дворцово-политическій переворотъ и архіатеръ Фишеръ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ и передать управленіе медицинскою канцеляріею лейбъ-медику и въ послѣдствіи архіатеру и графу Герману Лестоку. Съ этимъ вмѣстѣ на долго остановилось, а потомъ чуть-чуть и совсѣмъ не погасло дѣло о посылкѣ лѣкарей и подлѣкарей на казенный счетъ въ чужіе края для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, съ цѣлію приготовить изъ нихъ преподавателей и учителей для русскихъ госпитальныхъ школъ. Какъ увидимъ ниже, оно возобновилось въ послѣдствіи въ другой формѣ, на болѣе зрѣлыхъ началахъ и принесло больше пользы, чѣмъ можно было ожидать въ мрачную эпоху кровожадной бироновщины.

Въ такое смутное время, какое переживали госпитальныя школы въ турецкую войну и въ эпидемію моровой язвы (1735—1739), едва ли существовала какая либо опредѣленная и общая программа госпитальнаго обученія. Установленію ея препятствовали сначала недостатокъ учителей, а потомъ и въ особенности тѣ жгучія заботы о приисканіи средствъ къ прекращенію непосредственной опасности, кото-

рия отвлекали вниманіе архіатера далеко отъ шеоль, совѣтъ въ противоположную сторону. Все шло потому только, что прежде было заведено; а не будь этого заведеннаго порядка, все бы разрушилось. Шеолы обязаны сохраненіемъ ихъ съ одной стороны административному генію Бидлоо, ускореннѣшему твердый порядокъ въ московскомъ госпиталѣ, а съ другой прочнымъ основамъ госпитальнаго дѣла въ петербургскихъ госпиталяхъ, положеннымъ въ госпитальномъ регламентѣ. Не дошли до насъ ни программы ученія въ госпитальныхъ школахъ за это время, ни непосредственныя системы его. Только судя по экзаменамъ того времени можно догадываться, что и какъ преподавалось, тѣмъ болѣе что экзамены бывали очень подробныя и частыя.

✓ *Анатомія* преподавалась подробно, не по однимъ рисункамъ, но и по свѣжымъ препаратамъ. Вскрытія труповъ дѣлались часто и считались обязательными. Въ промеморіи на имя св. синода 21 августа 1736 года архіатеръ Фишеръ ставилъ однимъ изъ коренныхъ условій преуспѣянія московской школы то, чтобы въ зиму бозъ часто возможно изъ полиціи мертвыя тѣлеса казенныхъ или другихъ найденныхъ мертвыхъ тѣлесъ подлыхъ людей въ онную госпиталь ко анатоміи присланы были». Профессоръ Шрейберъ преподавалъ *остеологію* по Альбину, Винслоу и Монро, *міологію* по Альбинову порядку, *аніологію* по Винслоу. Но еще за долго до поступленія проф. Шрейбера, операторъ Я. ф.-Мелленъ пользовался обиліемъ труповъ и по истеченіи каждой трети года представлялъ въ экзамену нѣсколько анатомическихъ препаратовъ, и пополнялъ ими анатомическій кабинетъ шеолы ¹⁾. За представленіе ихъ по третямъ года архіатеръ Фишеръ по-

¹⁾ Вотъ образцы этихъ анатомическихъ препаратовъ. Specification derer praeparatorum anatomicorum so in diesem Tertial auf die anatomiae gebracht worden.

1. Ein Kerl woran sich die Myologie

das Cor

Diaphragma

die Renes

einiger Massen der Cursus

vasorum befindet.*

2. Die Haut von solchen Körper.

3. einig zur Demonstration des Gehörs praeparirte Knochen.

St. Petersburg den 27 Aug.

1737.

J. v. Mellén.

становилъ даже постоянное вознагражденіе по 20 р. каждый разъ. Лучшимъ учебникомъ служила книга Ст. Бланкарда *Anatomia reformatata*: но по электическому своему совершенству, по множеству рисунковъ, даже микроскопическихъ, она не могла быть доступна по цѣнѣ ученикамъ госпитальныхъ школъ и могла быть приобретениемъ только кабинетовъ или библиотекъ. Съ нея срисовывали анатомическія фигуры, для чего собственно и опредѣлялись въ школы рисовальные мастера. Даже и учебники меньшей цѣнности покупались только въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Такъ напр. *Compendium anatomicum* или *Tabulae anatomicae* Кульма выписаны въ числѣ 10 экземпляровъ и за каждый заплачено по 1½ рубля, что составляло тогда большую сумму. Для объясненія анатомическихъ и хирургическихъ терминовъ операторъ ф. Мелленъ потребовалъ три экземп-

Specification derer praeparatorum anatomicorum, welche in dem January Tertiale auf die Anatomiae geliefert worden.

1. Die Substantia Renum injicirt und in Spiritum geleet, dabey auf geschnitten und die innere Structur zu sehen.

2. Der ventriculus benebst die duplicatur des omenti eines in Jährigen Jungens schön injicirt und ausgetradnet.

3. Die Substantia hepatis, benebest die vesica fellea in Situ naturali, injicirt und ausgetradnet.

4. Das Hertz mit dem vasis Coronariis so injicirt, aufgeblasen und ausgetradnet um die innere Structure inniger erssen sehen zu können.

5. Das Pericranium schön injicirt und ausgetradnet.

6. 2 Polypi Cordis, so considerable, praeparirt und in Spiritu verwahrt sind.

7. Ein Penem injicirt und in die Mitten Salva Urethra aufgeschnitten um die structur der Corporum Carnosorum deuth. sehen zu können.

Es sind noch einige Theile von Thieren praeparirt und hinauf gestellt worden, so alhino nicht benambset wird.

St. Petersbourg den 11 april 1737.

J. v. Mellen.

Представляя эту послѣднюю спецификацію или самые приготовленные препараты, Мелленъ въ сентябрѣ 1737 года подалъ прошеніе на Высоч. пня въ медицинскую канцелярію (что впрочемъ дѣлалось всѣми при самыхъ ничтожныхъ просьбахъ) о томъ, что онъ съ мая 1737 года, послѣ отъѣзда въ армію оператора Гюйона, исправлялъ должность оператора въ сухопутномъ госпиталѣ «во обученіи подлѣкарей и учениковъ и во отправленіи операций лѣкарскихъ и въ заготовленіи разныхъ анатомическихъ препаратовъ со всякимъ прилежаніемъ», дабы за исправленіе операторской должности прибавлено было ему жалованья, а за препараты выдано было 20 рублей. По этому прошенію архіатеръ назначилъ увеличить ему жалованье 50-ю рублями въ годъ и выдать за препараты 20 рублей, и всегда выдавать эту сумму, по третямъ года, если онъ представить въ анатомическую камору приготовленные имъ препараты.

ляра греко-латинскаго словаря (*Castelli Lexicon medicum graeco latino*) и получили ихъ. Былъ еще въ употребленіи и словарь нѣмецко-латинскій Кирша (*Kirsch Cornu soriae*), стоившій 2¼ рубля за экземпляръ. Для библіотеки медицинской канцеляріи выписаны были *Frederici Ruischii Opera omnia anatomico-medico-chirurgica*, сдѣлавшіяся потомъ доступными для всякаго медика въ Петербургѣ.

Хирургія излагалась по Гейстеру, и учебникъ его вышелъ въ 1736 году новымъ изданіемъ. Большая часть хирургическихъ операций производилась учениками и поддѣжками на трупахъ, что и обозначалось въ выдававшихся имъ аттестатахъ. Кроме того, въ 1738. при выпускѣ окончившихъ курсъ учениковъ поддѣжками изъ московскаго госпиталя и направлявшихся въ армию (въ Переволочну) Кальдервудъ читалъ имъ особый курсъ «наблюданія биндажей». Въ томъ же году былъ выпускъ поддѣжарей и въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, по случаю открывшейся кампаніи, и о выпускныхъ сказано въ донесеніи доктора Энгеллерта, что они «сверхъ-ординарныхъ порядочныхъ наукъ до отъѣзда ихъ въ полки приватно обучаются, особливо тѣмъ болѣзнями, которыя при войскѣ и при флотѣ солдатамъ и матросамъ чаще случаются, хотя и прежде сего, при другихъ ученіяхъ, всегда толкованіе такихъ же увѣчій слушали и въ дѣйствѣ видѣли».

Листная патологія и терапія назывались вообще «медициною» и въ курсъ ея входили отдѣлы о разныхъ внутреннихъ болѣзняхъ, «а именно de morbis capitis, pleuritide, diarrhoea, dysenteria et de febris in genere», какъ доносилъ Де-Тейльсъ послѣ весенняго экзамена въ московскомъ госпиталѣ въ 1738 году. Въ подтвержденіе этой науки существовали патологическія вскрытія больныхъ умершихъ въ госпиталѣ, съ цѣлью провѣрки прижизненнаго распознаванія болѣзней ихъ. Архіатеры очень настаивали на производствѣ этихъ вскрытій и никогда не упускали случаевъ напомнить о важности и необходимости ихъ. Бывали впрочемъ и затрудненія. Докторъ Ничъ жаловался, что въ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ вообще мало труповъ, потому что родственники берутъ хоронить своихъ покойниковъ, да и госпитальный священникъ жаловался, что разобранныя тѣlesa хоронить не можно». Въ отвѣтъ на это архіатеръ Лестоукъ далъ указъ (18 марта 1745 года) профессору Шрейберу «вскрывать мертвыя тѣла умершихъ въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ и показывать и толковать поддѣжкамъ и ученикамъ по силѣ генеральнаго регламен-

та». Кстатн здѣсь прибавить, что образованные люди описываемаго времени вовсе не гнушались посмертнымъ вскрытіемъ тѣла. Вотъ примѣръ. Лѣкарь л.-гв преображеннаго полка Эшенъ вошелъ въ медицинскую канцелярію съ рапортомъ (5 іюня 1744 года), что онъ призванъ былъ въ Зачатейскій монастырь къ бѣлицѣ, вдовѣ столынича, Принцѣ Лудьяновнѣ Яковлевой, которой отъ роду 80 лѣтъ, и просила его дабы по смерти ея анатомить, понеже она нѣсколько лѣтъ животною болѣзнію скорбна, и потому прошенію онъ тѣло ея анатомилъ, у которой явилась внутри мола, которая превратилась въ камни и тѣ камни въ ту канцелярію при томъ рапортѣ предъявлены и сданы на храненіе въ московскую главную аптеку аптекарю Липольду». *√ Materia medica* преподавалась частію вмѣстѣ съ *фармакогнозію* и *фармацію* въ госпитальной аптекѣ, а частію вмѣстѣ съ *терапію*, при госпитальномъ лѣченіи больныхъ. Для практическаго обученія *фармаціи* лѣбарскіе ученики посылались помѣсячно, по два человѣка, въ главную аптеку, и отмѣнено это позднѣе, когда установилось систематическое преподаваніе *фармаціи* и *химіи* въ госпитальныхъ аптекахъ.

√ Наконецъ въ это же время какъ въ петербургскомъ сухопутномъ, такъ и въ московскомъ госпиталѣ началось практическое знакомство подлѣбарей и учениковъ съ *судебною медициною*. Въ госпитали присылались изъ полиціи мертвыя тѣла скоростижно умершихъ для опредѣленія и разъясненія причинъ смерти ихъ. Въ 1737 и 1739 годахъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь доставлялось такъ много труповъ, что въ госпиталѣ не успѣвали вскрывать ихъ. Это вызвало жалобу с.-петербургскаго полицеймейстера Василія Салтыкова (9 марта 1739). Архіатеръ Фишеръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы лѣтомъ, въ будень, если трупу доставленъ до полудня, то его осматривать и вскрывать въ тотъ же день, а на другой день посылать свидѣтельство въ полицію; зимою же (если тѣло мерзлое) вскрывать черезъ день, и всякій разъ доставлять о томъ свѣдѣніе въ медицинскую канцелярію. Докторъ Энгелертъ оправдывался тѣмъ, что либо тѣла были мерзлыя, либо пьяные были дни и невозможно было сыскать ни одного писаря, либо случались командировки или болѣзни лѣбарямъ, либо стекалось много дѣлъ не терпящихъ отлагательства, либо наконецъ случалось, что служитель посланный съ увѣдомленіемъ въ главную полицеймейстерскую канцелярію не сыщеть кому отдать его и приносилъ назадъ, отъ чего день за днемъ проходитъ. Далѣе

онъ продолжаетъ, что «напрасно полицеймейстерская канцелярія безпокоится и въ сужленіе приходитъ: ни на одномъ тѣлѣ не было до сихъ поръ знаковъ опасной болѣзни; если же бы и были, то пусть отведутъ поле, гдѣ поглубже хоронить ихъ, а тѣла вовсе безъ подобныхъ знаковъ пусть бы позволено было вовсе безъ анатоміи хоронить».

Но эта жалоба была не единственная. Мертвыхъ тѣлъ привозилось такъ много, что въ короткіе зимніе дни нельзя было управиться съ ними. Да и госпитальные чины жаловались, что это не ихъ дѣло и при физикатѣ есть для этихъ вскрытій особый операторъ и лѣкаря. Посему архіатеръ Фишеръ приказалъ (29 мая 1741 года), чтобы въ госпиталь доставлялись не всѣ мертвыя тѣла изъ полиціи, а только изъ частей Васильевской, Петербургской и Выборгской; равно какъ тѣла всѣхъ умершихъ въ госпиталяхъ до истеченія 24 часовъ по прибытіи; всѣ же тѣла по сю сторону Невы должны доставляться въ особый покой при главной полиціи и для вскрытія ихъ долженъ быть пригласаема штатдт-физикъ и лѣкарь Эгиди.

Кажется, однакоже, такое вѣдшее распредѣленіе не долго держалось. Дѣлу стали придавать такое значеніе, какового оно дѣйствительно заслуживало. Но какъ оно было затруднительно, то архіатеръ Лестоукъ подраздѣлилъ судебно-медицинскіе случаи и въ одной категоріи отнесъ тѣ, гдѣ можно обойтись безъ вскрытія тѣла, а въ другой всѣ тѣ, гдѣ безъ вскрытія тѣла обойтись невозможно и кромѣ того требуется достаточное время для обсужденія результатовъ вскрытія. Соотвѣтственно этому онъ и далъ указъ (11 апрѣля 1746), по которому всѣ судебно-медицинскія изслѣдованія въ госпиталѣ производились бы операторомъ Я. ф. Мелленомъ въ присутствіи доктора Нича. Они обязаны были «осматривать присылаемыя изъ полиціи мертвыя тѣла и о которыхъ по наружнымъ знакамъ о причинѣ смерти утвердиться можно, наипаче же о неподлежащихъ по медицинскому искусству ни какому сужленію сообщить въ главную полицеймейстерскую канцелярію въ тотъ же день; которымъ же о приключившейся смерти снаружи, безъ анатоміи узнать не можно, тѣхъ въ присутствіи доктора Нича оному оператору Меллену анатомить по надлежащему, въ чему такожъ для лучшаго и основательнаго разсужденія о причинѣ смерти и потребное время позволяется; а по учиненіи такой анатоміи и разсужденіе о изобрѣтенныхъ знакахъ смерти, и вышеписанныя извѣстія потомужь отсылать немедленно въ главную полицеймейстер-

скую канцелярію, а о всемъ примѣчанія достойномъ репортовать въ медицинскую канцелярію».

Такого-же рода распоряженіе послано было и въ московскій госпиталь, гдѣ все вскрытія мертвыхъ тѣлъ производились операторомъ Л. Кальдервудомъ ¹⁾.

Въ 1746 году распоряженіе это повторено и Блюментросту данъ подтвердительный указъ принимать мертвыя тѣла изъ полиціи для пользы учащимся. Поводомъ къ повторенію указа было пререканіе между госпиталемъ и московскою медицинскою конторою, по отношенію къ исполненію судебно-медицинскихъ освидѣтельствующихъ труповъ. Госпиталь тяготился ими и увѣрялъ, что они—дѣло медицинской конторы, у которой есть для того докторъ и лѣкарь, а его дѣло—призрѣвать и осматривать болящихъ. Архіатеръ Лестоукъ старался примирить разногласія — тѣмъ болѣе неприятныя, что спорившія стороны принадлежали разнымъ вѣдомствамъ: госпиталь синоду, а московская медицинская контора медицинской канцеляріи—опираясь въ особенности на то, что чрезъ это госпитальная школа приобрететъ много труповъ «для анатомическихъ и хирургическихъ демонстрацій и для экзерцированія самихъ въ той госпитали обучающихся медико-хирургіи». Не надобно забывать, что освидѣтельствованіе живыхъ людей, особенно по административнымъ поводамъ, производилось въ физикатѣ или въ медицинской конторѣ и приносило большіе доходы (чрезъ взяточничество), между тѣмъ какъ свидѣтельствованіе мертвыхъ тѣлъ отнимало много времени, налагало отвѣтственность, но не приносило ни гроша. Однакоже бывали случаи освидѣтельствованія въ госпиталяхъ и живыхъ людей, а именно солдатъ, подлежащихъ перечисленію въ неспособные по болѣзнямъ и находившихся для лѣченія въ госпиталяхъ. Такія освидѣтельствованія производились въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ съ 1738 года, а московскому госпиталю поставлены въ обязанность (Блюментросту съ Кальдервудомъ) указомъ медицинской канцеляріи 15 іюля 1742 года.

Перечисливъ здѣсь предметы школьнаго обученія въ московскомъ и петербургскихъ госпиталяхъ въ переходное и такъ сказать образовательное время этихъ школъ, нельзя не упомянуть о существовавшихъ

¹⁾ Образцы судебно-медицинскихъ актовъ Л. Кальдервуда напечатаны въ моихъ *Очеркахъ*, стр. 391. Все они относились къ 1744 году.

въ нихъ *учебныхъ пособіяхъ*. Школы не богаты были ими. Особенно онѣ бѣдны были печатными учебниками и большую часть «лекціоновъ» или «коллегій» принуждены были записывать подъ диктовку учителей. Черезъ это устанавлились тетради или «курсы», переписывавшіеся очень старательно и затѣмъ передававшіеся отъ одного къ другому и отъ курса въ курсъ за плату. Тяжело было собирать записки, требовалась большая потеря времени для составленія ихъ. Но главный недостатокъ ихъ состоялъ въ томъ, что при преемственной перепискѣ курсовъ въ нихъ вкрадывались ошибки переписчиковъ и эти ошибки переходили изъ рода въ родъ на цѣлые десятилетия годовъ. Для устраненія этого неудобства архіатеръ Фишеръ предполагалъ составить особый «компендіумъ» и обязалъ рисовальныхъ мастеровъ всѣхъ госпиталей готовить для него необходимые рисунки, какъ анатомическіе, такъ и ботаническіе (5 ноября 1740). По мысли Фишера еще прежде (въ 1737 году) изданы директоромъ петербургскаго медицинскаго огорода Георгіемъ Сигезбекомъ (*praefectus horti medici petropolitani*) *Primitiae Florae petropolitanae*, напечатанныя въ Ригѣ, но на счетъ медицинской канцеляріи. Предположеніе о составленіи и напечатаніи «компендіума» для госпитальныхъ школъ однакоже не состоялось. За то напечатано было: Jo. Fr. Schreiber *Manuductio ad cognoscendos et curandos morbos, cui accedit appendix de morbis sexus sequioris atque infantum*, доставившее автору очень большую извѣстность и прочное положеніе въ с.-петербургской госпитальной школѣ, хотя въ этой школѣ онъ преподавалъ не терапію, а анатомію съ хирургіею.

Съ самаго вступленія въ должность директора московскаго госпиталя докторъ Л. Л. Блюментростъ понялъ трудность своего положенія, но не видалъ возможности облегчить его. Число больныхъ въ госпиталѣ значительно возрасло, а у него было только два помощника (главный лѣббаръ Кальдервудъ и подлѣббаръ Богдановъ). Не было возможности даже осмотрѣть больныхъ каждый день. А тутъ еще необходимость обученія учениковъ. На помощь коллегіи экономіи онъ не рассчитывалъ, а потому и не обращался къ ней. Но онъ обратился къ архіатеру Фишеру. «Число больныхъ въ госпиталѣ, писалъ онъ 25 марта 1740 года, возрасло до 300 человекъ, а у меня только одинъ главный лѣббаръ и одинъ подлѣббаръ и управиться невозможно: великая нужда въ лѣббаряхъ и подлѣббаряхъ». Поэтому онъ просилъ разрѣшенія произвести трехъ старшихъ учениковъ (Логина Новикова, Якова По-

*

предухина и Андреяна Сѣдова) въ подлѣкари и впредь самому производить учениковъ въ подлѣкари по усмотрѣнію. Въ отвѣтъ на это Фпшеръ обратился къ коллегіи экономіи съ требованіемъ, чтобы она прислала и содержала еще одного лѣкаря въ жалованьемъ по 15 рублей въ мѣсяцъ, а пока такой отыщется пригласила бы въ госпиталь одного изъ находящихся безъ службы въ Москвѣ старыхъ лѣкарей, по усмотрѣнію Блюментроста, съ вышеозначеннымъ жалованьемъ, а также по прежнему содержала бы оператора съ жалованьемъ по 300 р. Коллегія согласилась и по указанію Блюментроста приняла на службу лѣкаря Андрея Скрымзора (*H. Scrymsour*). Что же касается до другой просьбы Блюментроста—производить по его усмотрѣнію учениковъ въ подлѣкари—то архіатеръ отказалъ въ этомъ, ссылаясь на то, что «онѣй чинъ опредѣляется ученикамъ по опредѣленію ихъ въ полки, а что если при с.-петербургскихъ госпиталяхъ по 10 подлѣкарей имѣется, то это для того, что въ онѣхъ всегда больше больныхъ бываетъ, а учениковъ при нихъ имѣется точію по 20, между тѣмъ какъ въ московскомъ госпиталѣ больныхъ, кромѣ случающейся эпидеміи, числомъ всегда менѣе бываетъ» (19 апрѣля 1740 года).

Съ этого времени началъ устанавливаться правильный ходъ учебныхъ занятій въ московскомъ госпиталѣ; но вполне установился онъ только тогда, когда помощникомъ Блюментросту по управленію госпиталемъ опредѣленъ новый главный лѣкарь, а помощникомъ по обученію въ школѣ явился рядъ доцентовъ.

Хирургическія школы въ с.-петербургскихъ и кронштадтскомъ госпиталяхъ учреждены штатомъ медицинской канцеляріи 9 января 1733 года. По этому штату въ генеральномъ сухопутномъ с.-петербургскомъ госпиталѣ положены: докторъ (Н. Энгелертъ), главный лѣкарь (Гюйонъ), два лѣкаря (В. Шульцъ и Я. фонъ-Мелленъ), студіозусъ (Joh. Fr. Hensold), рисовальный мастеръ (Густавъ Кроль), аптекарь (Г. Ролофъ), 10 подлѣкарей и 20 учениковъ. Но первое время преподаваніе шло вяло. Имъ занимались только двое: Гюйонъ училъ хирургию, а фонъ-Мелленъ анатомію. Но и изъ нихъ Гюйонъ получилъ другое назначеніе, а лѣкарь Шульцъ умеръ. Мѣсто главного лѣкаря занялъ Бартизіусъ, человекъ уже очень пожилой и мало способный къ учительской должности, а лѣкаремъ на вакансію Пауль

Паульсенъ. Такимъ образомъ обученіемъ занимался только лѣкарь Я. фонъ-Мелленъ, получившій спеціальный титулъ «*лѣкаря учителя*» (*chirurgus informator*). Это было еще до регламента, и какъ первая попытка ввести въ большихъ госпиталяхъ такія же школы, какая существовала въ Москвѣ. «Генеральный регламентъ» расширилъ этотъ штатъ, оказавшійся очевидно недостаточнымъ. По регламенту въ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ положенъ младшій докторъ, какъ помощникъ главному доктору собственно по учебной части (хоть это прямо и не высказано), а во всѣхъ другихъ госпиталяхъ по одному оператору !), но безъ младшихъ докторовъ, и по 5 лѣкарей. Опираясь на регламентъ, архіаітеръ переименовалъ Я. фонъ-Меллена въ операторы и поручилъ ему преподавать анатомію. Почти въ тоже время этотъ госпиталь приобрѣлъ себѣ и еще одного преподавателя, въ послѣдствіи сдѣлавшагося очень знаменитымъ, а именно химика и фармацевта Георга Моделя. Онъ поступилъ въ госпиталь на мѣсто умершаго (28 августа 1737 г.) гезеля Юстина, съ обязательствомъ преподавать *химию и фармацію* подлѣкарямъ и лѣкарскимъ ученикамъ, причѣмъ лабораторныя припасы и инструменты отпускались безденежно изъ главной аптеки.

Въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, во время издавія регламента, учебный персоналъ былъ очень не великъ: докторъ (І. Т. Спигзбекъ), главный лѣкарь (Хр. Эйбродтъ, а послѣ его смерти Гейлотъ), операторъ (Гангартъ), 3 подлѣкаря, 20 учениковъ и рисовальный мастеръ (G. E. Koch).

Въ кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ персоналъ тоже былъ не великъ: докторъ (Гердингъ, а потомъ Я. Миліусъ), главный лѣкарь (Хр. Фалькъ), аптекарь (Joh. Leonhardt Nilus), лѣкарь (Шлефохтъ), рисовальный мастеръ (Мартынъ Шенъ), 10 подлѣкарей и 20 учениковъ.

Война съ Турціею и моровая язва, ею вызванная (1738), не остались безъ вліянія и на петербургскіе госпитали. Всѣ медики, кого только можно было усадить въ тележку, командированы были въ Украйну или на Донъ. Въ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ, напримѣръ, остались только главный докторъ Энгелертъ, учитель Я.

1) Къ сожалѣнію до московскаго госпиталя не коснулись ни штатъ медицинской канцеляріи 9 января 1733 года, ни генеральный регламентъ, такъ какъ этотъ госпиталь находился въ вѣдѣніи св. синода, а не медицинской канцеляріи.

ф. Мелленъ, лѣкарь П. Паульсенъ, для исполненія должности главнаго лѣкаря, и одинъ подлѣкарь (І. Цуберъ) на вакансіи лѣкаря. Поѣхали всѣ, кто буквально могъ только двигаться съ мѣста на мѣсто, всѣ старики, дышавшіе на ладонь, всѣ отставные лѣкаря или подлѣкаря, остававшіеся не у дѣлъ, наконецъ всѣ тѣ, которые только что возвратились изъ арміи и по окончаніи войны считали себя свободными отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ по капитуляціямъ.

Съ прекращеніемъ моровой язвы обстоятельства быстро переменились. Въ с.-петербургскіе госпитали опредѣленъ для обученія подлѣкарей и учениковъ младшимъ докторомъ Юг. Андрей Унгебауеръ (1 іюня 1741), а черезъ годъ послѣ того тудаже опредѣленъ (1742) докторъ Юг. Фр. Шрейберъ съ званіемъ профессора, т. е. лица изъятаго отъ подчиненія главному доктору госпиталя. Онъ преподавалъ анатомію и хирургію въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ, а операторы обоихъ госпиталей раздѣляли его трудъ и постоянно служили для него прозекторами.

Послѣ пожара въ московскомъ госпиталѣ 29 мая 1737 года оказалось, что этотъ госпиталь обладалъ огромнымъ количествомъ анатомическихъ и хирургическихъ инструментовъ. По каталогамъ, составленнымъ Кальдервудомъ, они размѣщены были въ шести большихъ ящикахъ, не считая тѣхъ, которые находились въ ежедневномъ употребленіи. Инструменты классифицировались по хирургическимъ операціямъ, ими производимымъ. Такъ, напримѣръ, въ первомъ ящикѣ хранились *instrumenta*: a) *pro trepanatione*, b) *pro operationibus oculorum*, c) *pro operation. aurium*, d) *pro operatione polypi*, e) *instrumenta prothesialia*, f) *instr. ad operationem oris*, g) *istr. ad ceton*, h) *instr. gutturis*, i) *instr. ad bronchotomiam*, k) *pro paracentesi*, l) *pro excisione foetus*, m) *ad lithotomiam*. Въ четвертомъ ящикѣ хранились разнаго рода зеркала (*conicum, cylindricum, concavum et convexum*), *camoga obscura et microscopium cum quinque figuris*. Наконецъ въ особомъ каталогѣ перечислялись карманные инструменты (*instrumenta portatoria*) весьма обширнаго набора. Такъ какъ во время пожара многіе инструменты были попорчены, многіе сгорѣли, а иные растерялись, а между тѣмъ настала война, то медицинская канцелярія распорядилась починить и возобновить что нужнѣе, а между тѣмъ поручила доктору Энгелерту и операторамъ Гангарту и ф. Меллену пересмотрѣть каталоги инструментовъ, пополнить новыми и исключить не нужные или вышедшіе изъ употребленія (7 апрѣля 1738). При этомъ оказалось, что въ ар-

ми вѣтъ турникетовъ и не умѣють ихъ дѣлать. На это обратилъ вниманіе докторъ Ничъ и самъ придумалъ турникетъ, который по образцу устроенъ былъ въ Петербургѣ въ трехъ экземплярахъ и представленъ медицинской канцеляріи¹⁾. Сравнивъ новый инструментъ съ старыми медицинская канцелярія одобрила его и постановила помѣщать впредь въ медицинскій инструментальный ящикъ и турникеты.

Способы преподаванія и распредѣленія его между учителями въ госпитальныхъ школахъ очень мало охарактеризованы въ вышеупомянутомъ донесеніи Детейльса архіатеру Фишеру 20 мая 1735 года. Преподаваніе состояло въ томъ, что учитель диктовалъ, а ученики записывали и заучивали. При Бидлоо можно было замѣтить раздѣленіе ученія между терапевтическимъ и хирургическимъ отдѣлами, хотя раздѣленіе было не очень рѣзкое по недостаточности учителей. Главный лѣкарь Кланке завѣдывалъ лѣченіемъ больныхъ и училъ преподаванію болѣзней и назначенію лѣкарствъ. Операторъ училъ управленію вывиховъ и переломовъ, производству хирургическихъ операцій, накладыванію бандажей; а какъ хирургическихъ больныхъ было немного, то большая часть этихъ «хирургическихъ дѣйствій» по неволѣ должна была производиться на «человѣческомъ чучелѣ» или на рисункахъ. Самъ Бидлоо училъ и анатоміи, и хирургіи и клинической медицинѣ и все свое ученіе повѣрялъ на больныхъ или на трупахъ.

Детейльсъ не одобрялъ такого распредѣленія учебныхъ занятій. Онъ съ укоромъ писалъ въ архіатеру: «Во время дирекціи доктора Бидлоо въ оной госпитали допущенъ былъ къ лѣченію болящихъ токмо тойже госпитали лѣкарь Матвѣй Каланка, а лѣкарь Ягаль Пагенкампфъ ни до каковаго болящаго и надъ оными хирургическими операціями показывать для учениковъ допущенъ былъ; токмо оный докторъ Бидлоо приказалъ ему сдѣлать двѣ соломенные человѣческія чучелы, надъ которыми оный Пагенкампфъ принужденъ былъ операціи сѣченія ранъ и бандажей онымъ ученикамъ показывать».

1) Подушечка его сдѣлана сѣдельникомъ, а металлическій приборъ мастеромъ въ медицинскомъ петербургскомъ саду Иваномъ Носковымъ. Въ Москвѣ, при медицинскомъ огородахъ состоялъ тогда (1737) инструментальный мастеръ Степанъ Любатъ (*Estienne Loubatier*), на службѣ съ 1718 года. Лучшимъ подмастерьемъ у него были Савелій Новгородовъ въ Москвѣ, а въ Петербургѣ Иванъ Носковъ, состоявшій на службѣ при нижней аптекѣ (на Пресненскомъ островѣ) и Бетчеръ.

Детейльсъ измѣнилъ этотъ порядокъ. Оставивъ за собою клиническое лѣченіе внутреннихъ болѣзней, онъ поручилъ всѣ хирургическія операціи, равно какъ и накладываніе повязокъ оператору, подъ своимъ надзоромъ и вовсе устранилъ главнаго лѣкаря отъ лѣченія больныхъ, замѣнивъ для него эту работу канцелярскою перепискою по содержанію госпиталя, хотя не освободилъ его отъ безплоднаго присутствованія при палатныхъ визитаціяхъ и отъ происходившей отъ того потери времени. По его донесенію порядокъ госпитальныхъ занятій установленъ имъ слѣдующій: «Какъ онъ взойдетъ въ госпиталь къ болящимъ, слѣдуютъ за нимъ оба вышесказанные лѣкари (Кланке и Пагенкампфъ), аптекарь (Маакъ) и подмастерье (подлѣбарь Богдановъ), а потомъ всѣ ученики, и каждого болящаго самъ надсматриваетъ и предлагаетъ всякія разсужденія о состояніи оной болѣзни и силы лѣкарствъ вкратцѣ и написавъ рецепты, всѣмъ ученикамъ списывать приказываетъ, а лежащихъ въ ранахъ, надъ оными по разности ранъ и мѣста, бандажу учредитъ обоимъ лѣкарямъ приказываетъ при себѣ, учинитъ надъ самими больными, а не надъ безчувственными чучелами, для лучшаго обученія ученикамъ». «Оному же лѣкарю Каланку приказано, по приказу ево всякія экспедиціи въ непродолжительномъ времени осматривать, чтобъ отправлены были, ибо онъ въ оной госпитали вдавнѣ живетъ и обыкновенъ къ дѣламъ госпитальнымъ, къ тому же человѣкъ трудолюбивъ». Картина эта очень похожа на визитацію больныхъ въ клиникѣ какой либо медицинскои знаменитости; но у почтеннаго нашего Детейльса она выражала только тщеславіе властнаго человѣка, безъ надобности отнимавшее время у подчиненныхъ его.

Читая эти укору и критику на систему ученія Бидлоо можно подумать, что онъ изъ пристрастія не допускалъ Пагенкампфа къ лѣченію хирургическихъ больныхъ и что докторъ Детейльсъ устранилъ это пристрастіе. А между тѣмъ дѣло объясняется проще. Бидлоо былъ не только анатомъ, но и знаменитый хирургъ. Въ госпиталѣ онъ самъ дѣлалъ всѣ хирургическія операціи, особенно болѣе или менѣе важныя, и только маловажныя поручалъ своимъ помощникамъ, лѣкарямъ. Детейльсъ былъ не въ такомъ положеніи. Самъ онъ не занимался хирургіею, а можетъ быть и не умѣлъ сдѣлать большой операціи, тѣмъ болѣе что по прежней должности (штадтъ-физика) и не имѣлъ случая упражняться въ этомъ искусствѣ. Поэтому онъ и «приказывалъ» дѣлать операціи помощникамъ своимъ. Но и Пагенкампфъ тоже не счи-

тался надежнымъ хирургомъ, по крайней мѣрѣ не могъ идти въ сравненіе не только съ ф. Мелленомъ, но и съ Кальдервудомъ. — иначе архіатеръ не отпустилъ бы его отъ госпиталя, до крайности нуждавшагося въ операторѣ.

Затѣмъ въ донесеніи Детейльса перечисляются «ученія» или «коллегіи» госпитальныхъ учителей. «Во всякой недѣлѣ во вторникъ и пятницу приказано отъ меня, пишетъ онъ, лѣкарю Пагенкампу давать ученіе лѣкарскимъ ученикамъ, а въ среду и субботу аптекаръ Иванъ Маабъ, который въ аптекарскихъ дѣлахъ весьма искусенъ, повиненъ ученикамъ показывать всякія травы, корни и прочіе аптекарскіе матеріалы, такожде въ лабораторіи у составленія лѣкарствъ, а понедѣльникъ и четвертокъ оставить себѣ, и ежели Господь Богъ позволитъ, по окончаніи всѣхъ обстоятельствъ и нуждъ въ оной госпитали, будетъ самъ держать коллегію медицины, а хотя и не въ скоромъ времени, ибо оное требуетъ не малаго разсужденія и письменнаго труда».

✓Срокъ или *полный курсъ для обученія учениковъ* въ производствѣ въ подлѣкарн не былъ опредѣленъ. Если доктора Бидлоо обвиняли въ чрезмѣрной медлительности, то нельзя было похвалить и петербургскаго доктора Энгеллерта за хвастливую скорость. У Бидлоо ученики просиживали въ школѣ по 7—10—12 лѣтъ, а у Энгеллерта успѣвали окончивать полный курсъ въ 2 года, какъ выставлялъ архіатеръ Фшперъ въ докладѣ императрицѣ въ августѣ 1735 года, и выставлялъ съ какою то похвалюбою. При такой торопливости подлѣкарни оказывались плохими, что замѣтилъ и самъ Фшперъ, когда надобно было выбрать изъ нихъ достойныхъ людей къ послыскъ за границу въ 1738 году.

Сроки *экзаменовъ* въ эту переходную пору тоже не были установлены. Въ московскомъ госпиталѣ они были рѣдки, а въ петербургскихъ госпиталяхъ производились по третямъ года. Однакоже и тутъ и тамъ вызывались иногда необходимостью, т. е. назначеніемъ въ армию, и тогда производились просто по требованіямъ медицинскій канцеляріи. Такъ 9 іюля 1738 года докторъ Энгелертъ донеслъ медицинской канцеляріи, что по ея приказанію «7 учениковъ въ анатоміи и хирургіи экзаменованы и по экзамену хотя бы въ подлѣкарни произведены бы были по нуждѣ и могли, токмо лѣтами молоды и разсужденія еще младенческаго, оброчъ одного Пвана Эзиха, который не весьма прилеженъ являлся, токмо въ перевязаніи ранъ и въ услуге-

ни около больных много дѣйствовать и того ради при полномъ лѣкарѣ подлѣкарскую должность править можетъ, а достальные ученики весьма еще плохи; а сверхъ того экзаменованы подлѣкари (Гаге, Иберкампфъ и Нейзе) и усмотрѣно, что оныя при другихъ лѣкаряхъ подлѣкарскую должность править могутъ же». По сему архіаітеръ произвелъ одного только Эзиха въ подлѣкари и послалъ въ армію (въ Переволочню). Очевидно, это былъ вынужденный экзаменъ и не привелъ ни къ чему. Но онъ замѣчательнъ еще и тѣмъ, что вмѣстѣ съ учениками экзаменовались и три подлѣкаря, оказавшіеся невѣждами, нигуда не годными: когдаже и почему произведены они были въ подлѣкари? Такіе подлѣкари, произведенные повидимому только для счета, немного дѣлають чести школѣ и этого никакъ не случилось бы у Бидлоо.

ГЛАВА X.

Объединеніе всеѣхъ госпитальныхъ школъ. Учрежденіе доцентуръ.

Наконецъ миновало тяжелое переходное время, когда госпитальныя школы были близки къ погибели и однакоже не погибли, благодаря твердой, честной и разумной рукѣ архіаітера Юг. Бернг. Фишера. Мы нѣсколько остановились на этомъ переходномъ времени, потому что въ немъ заложены были тѣ маленькіе ростки, изъ которыхъ въ послѣдующія 50—60 лѣтъ выросло и развилось величественное дерево русской медицины. Поворотъ начался съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Фишеръ уже не участвовалъ въ немъ, но съ гордостью могъ любоваться на него изъ своего ученаго кабинета. Дѣло, имъ начатое, попало въ руки достойнаго дѣятеля, который, обладавъ устройственнымъ талантомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ горячей любовью къ устраиваемому имъ дѣлу. Это былъ докторъ Павелъ Захаровичъ Кондонди, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ администраторовъ медицинскаго дѣла въ Россіи. Устройство госпитальныхъ медицинскихъ школъ начато имъ отъ имени архіаітера Г. Лестока, когда онъ

былъ помощникомъ послѣдняго, а окончено отъ своего собственнаго имени, когда онъ самъ управлялъ медицинскою канцеляріею.

Выше было сказано, что съ назначеніемъ доктора Іог. Фр. Шрейбера «профессоромъ хирургіи» при обоихъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ, прочно установилось преподаваніе въ этихъ госпиталяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ установилось и положеніе госпитальныхъ школъ. Шрейберъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы (гдѣ былъ штатдтфизикомъ) 7 апрѣля 1742 года, а преподаваніе началъ съ слѣдующей осени и къ тому же времени получилъ особую инструкцію, опредѣлявшую его дѣятельность. Вотъ эта

«И Н С Т Р У К Ц І Я

профессору хирургіи въ обоихъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ доктору Шрейберу.

При учреждаемой хирургической школѣ есть для пользы службы Е. И. В. сіе намѣреніе знатнѣйшее, дабы при Е. И. В. арміи, какъ на сухожъ пути, такъ и на водѣ имѣть искусныхъ лѣкарей, которые бы не токмо разумѣли хирургію, но притомъ бы были обучены лѣчить тѣ болѣзни, которыя обыкновенно между солдатами и морскими людьми случаются и коимъ они подвержены.

На ономъ основаніи профессоръ хирургіи обязанъ употреблять всѣ способы, дабы оное намѣреніе подерѣпить: чего ради ему не токмо учениковъ и подлѣкарей обоихъ госпиталей наставлять, но и смотрѣть чтобы были прилежны и добраго поведенія, и въ томъ можетъ увѣряться всякимъ помоществованіемъ отъ медицинской канцеляріи.

Егдаже объ искусствѣ и знаніи сего профессора извѣстно со удостовѣреніемъ, то безъ сомнѣнія можно надѣяться, что онъ со всякою надлежащею вѣрностію будетъ наставлять учениковъ и подлѣкарей обоихъ госпиталей, дабы оныхъ учинить искусными лѣкарями. Точію къ тому требуется порядку методическаго ученія, дабы учащіяся то, что имъ толкуется, могли хорошо понимать и разумѣть: того ради профессору при своихъ наставленіяхъ взять въ разсужденіе понятіе его слушателей и ихъ способность въ ученію, и такъ наипаче на то смотрѣть, чтобы учащіяся получали понятіе о частяхъ человѣческаго тѣла, о медикаментахъ и хирургическихкихъ инструментахъ больше очнымъ опознаніемъ, нежели трудно понимаемыми описаніями. Того ради полезно будетъ, чтобы онъ въ своихъ лекціяхъ упоминаемыя тѣла человѣческаго части на скелетѣ показывалъ и потомъ надобное изъяснял; таковыя чтобы потребныя къ излѣченію на такихъ частяхъ случающихся болѣзней медика-

менты и хирургическіе инструменты положилъ на показъ со изъясненіемъ; понеже такимъ образомъ съ большею пользою можно надѣяться, нежели основательнѣйшими описаніями, которыя объ наукахъ возможно изображать.

И слѣдовательно профессору хирургіи поступать по слѣдующимъ регуламъ:

1.

Ему быть обязану обоимъ помянутыхъ госпиталей учениковъ и подлѣкарей наставлять ежедневно по два часа и въ наставленіяхъ учить *materiam medicam*, какъ и *chirurgiam, theoreticam et practice*. Лучшій способъ коиимъ можно понять хирургію теоретическую и практическую есть, когда профессоръ хирургіи то, что онъ въ своихъ лекціяхъ намѣренъ предложить, оноежь скажетъ для записанія и къ тому употребитъ четверть или полчаса и потомъ тотчасъ диктованное истолкуетъ, чѣмъ и недостатокъ хирургическихъ книгъ и авторовъ дополняется.

2.

Понеже хирургія безспорно не что иное какъ медицинская наука о наружныхъ болѣзняхъ, и равномѣрножь медицина не что иное какъ хирургическая наука о внутреннихъ болѣзняхъ, и вообще сказать обоего роду болѣзни имѣють тѣже начала и одиѣ причины въ основаніи, того ради за оными разными причинами не бесполезно будетъ, ежели профессоръ хирургіи послѣдуетъ тому порядку ученія, который Бургавъ въ своихъ афоризмахъ наблюдалъ, въ которыхъ онъ купно о внутреннихъ и наружныхъ болѣзняхъ писалъ. Напримѣръ, когда онъ говоритъ *de inflammatione, abscessu, scirrho, gangraena, atheromata, steatomata, erisypelas, sphacelus*, которыя приключаются на наружныхъ частяхъ, то онъ купноже толкуетъ о начальныхъ причинахъ и распознаваніи горячекъ съ ихъ *symptomata*, объ *abscessus interni*, каковы *phthisis et abscessus splenicus et renium; gangraena interna, carbunculi* съ ихъ симптоматами, хроническія болѣзни: *febres intermittentes, hydrops, scorbutus*, которыя болѣзни уже объ замѣчаются и разумѣются въ числѣ тѣхъ болѣзней, которыя лѣкарямъ надлежитъ знать; пзъ чего явствуетъ, что способомъ такова порядку въ ученіи профессору облегчится трудъ и учащимся отъ того ученіе бываетъ полезнѣе.

3.

Что касается до анатоміи, то оной въ надлежащее время обучать на мертвыхъ тѣлахъ; такимъ образомъ профессору хирургіи имѣть прозектора, которому по приказу профессорскому учинить *sectiones*, точю профессоръ долженъ оному всегда объявлять за 24 часа впередъ, чтобъ тѣ части, о которыхъ онъ, профессоръ, намѣренъ читать лекцію, приуготовлять. А профессору самому о томъ наблюдать такой порядокъ ученія: напримѣръ, учивъши демонстрацію *de seroto* и пользѣ онаго, ему купноже показывать, какимъ болѣзнямъ сія часть тѣла подвержена и сколько операций обыкновеннымъ образомъ при томъ дѣлаются, и такимъ же образомъ поступать въ разсужденіи прочихъ частей

тѣла человѣческаго. Въ наставленіе тому можетъ ему служить Палфинова анатомія (*Palfin's Anatomie*).

4.

Когда объ анатоміи и ея частяхъ будетъ толковаться, тогда не надлежитъ точно переставать по изшествіи двухъ часовъ, ибо въ иную пору нужда требуетъ, чтобъ продолжать чрезъ четыре рядомъ слѣдующіе часа, ежели по надлежашему и совершенно зачатую матерію къ концу привести. И тако профессоръ обязанъ смотрѣть больше на пользу, которую учащіеся могутъ имѣть, нежели чтобъ токмо ежедневно исправлять назначенное двучасовое ученіе.

5.

Операциі съ начала токмо производить на мертвыхъ тѣлахъ, дабы учащимся научиться, какимъ образомъ оныя учинить, и потомъ, ежели къ тому случай будетъ, дѣлать операциі и на живыхъ и наставлять учащихся, какіе при томъ *symptomata* могутъ приключаться и что надлежитъ дѣлать пока совершенное выздоровленіе воспослѣдуетъ. Сего ради профессору у него подъ команду состоящаго оператора за мѣсяцъ впередъ увѣдомлять, что онъ имѣетъ намѣреніе пройти объ операцияхъ цѣлый *cursum*, а когда то время придетъ и онъ будетъ возимѣть намѣреніе сдѣлать начало, то ему объявлять оператору за 24 часа впередъ, чтобъ онъ держалъ въ готовности все то, что къ предпринимаемой операциі потребно. Напримѣръ ежели быть операциі *paracentesis* или *trepanatio*, то операторъ долженъ приказать, чтобы къ тому времени всѣ инструменты, *cauteres*, биндажи, илюмассо, корпія и *suffumigationes* были готовы и все въ такомъ состояніи надлежитъ быть, якобы операциа имѣла производиться на самохъ живомъ. Когда операциа будетъ зачата операторомъ, то профессору толковать, какими образами такая операциа можетъ учиниться и при томъ ему объявлять препятствія структуры, различія, недостатокъ и доброту инструментовъ, какожде и дѣйствія тѣхъ медикаментовъ и какимъ образомъ употреблять такіе медикаменты, которые во время операциі и какъ скоро она окончена потребны, дабы *symptomata*, которыя такъ долго, пока рубецъ или смерть воспослѣдуетъ, бывають, отвратить и оныя вылѣчить. Сего ради сдѣлать деревянныхъ составныхъ корпусовъ человѣчьихъ, къ которымъ какъ биндажи прикладывать показывать оператору, а профессору хирургіи толковать употребленіе оныхъ биндажей. Ежели же случится, что на живыхъ людяхъ надобно будетъ предпріять операцию, то профессоръ долженъ будетъ учащимся при оной операциі привѣчаемое показывать и толковать, и ему всегда съ своими ученикамнъ быть при перевязкахъ и приказывать то дѣлать, что къ лѣченію разсудить полезно. Понеже медики обонихъ госпиталей по указу, который имъ данъ будетъ, будутъ обязаны давать всякую свободу и чинить всякое помоществованіе профессору хирургіи, ежели онъ для лучшаго наставленія учащихся нѣкоторыхъ больныхъ лѣчить заблагоразсудить.

6.

Профессору же хирургіи показывать въ саду растущія официальныя травы, когда время года то допустить; а ежели по досугу свободно может сдѣлаться, то и толковать композиціи, порціи и дѣйствія тѣхъ медикаментовъ, кои по ординарному каталогу въ полковыя ящики и про адмиралтейство отпускаются.

7.

Всѣ тѣ части, о которыхъ упомянуто, а именно *theoria et praxis* въ хирургіи, анатомія и хирургическія операціи, такжеже и наука *materia medica* имѣютъ быть окованы въ одинъ годъ. Егдаже всякому хирургическому ученику быть три рядомъ слѣдующіе года въ госпиталѣ, то профессору хирургіи можно въ одномъ году или другую матерію кратче или пространнѣе сочинять, и въ слѣдующихъ годахъ кратко сочиненное съ большимъ пространствомъ и понятностью излагать.

8.

Въ году позволяется празнствовать шесть недѣль, къ чему профессору можетъ выбирать то время, которое наиспособнѣйше ему покажется.

9.

Профессору читать лекціи пять разъ въ недѣлю и къ тому назначить ему дни и часы; но однако при читаніи лекцій взять въ разсужденіе время и нужду, и егда по большей части въ обоихъ госпиталихъ учащіеся время отъ утра до полудни провождаютъ перевязываніемъ и лѣченіемъ больныхъ, то кажется что время по полудни къ тому наиспособнѣйше. Однако профессору на волю отдается назначать время и мѣсто, смотря по обстоятельствамъ и потребности, лишь бы его трудами припятос намѣреніе было исполнено.

10.

Профессору хирургіи наставлятъ либо на латинскомъ, либо на нѣмецкомъ діалектѣ, потому какъ учащіеся въ состояніи его разумѣть.

11.

Ежели профессоръ хирургіи запотребно разсудитъ заводить въкоторыя новыя книги или новоизобрѣтенныя инструменты, или сдержать нѣсколько денегъ на корреспонденцію о дѣлахъ касающихся до хирургіи и представлять о неспособности и худомъ поведеніи нѣкоторыхъ изъ его учениковъ, какъ и лѣкарей, дабы оны поправились и способнѣе и полезнѣе были учинены къ службѣ Е. И. В., или и представлять о другихъ госпитальныхъ потребностяхъ, которые принадлежать къ его наукѣ, то въ такихъ случаяхъ представлять въ медицинскую канцелярію, гдѣ по надлежащей справедливости, какъ по указамъ Е. И. В. велѣно, потребное вспоможеніе ему будетъ учинено. Москва, 5 октября 1742 года. Подписалъ *Lestocq*. Переводилъ съ нѣмецкаго Яковъ Августъ Сигезбекъ.

Эта «Инструкція» составлена докторомъ П. З. Кондонди, помощникомъ Лестока, написана первоначально на нѣмецкомъ языкѣ и подписана архіатеромъ Лестокомъ. Въ историческомъ отношеніи она имѣетъ очень важное значеніе. Изъ нея видно, что, во первыхъ, полный курсъ ученія въ госпитальныхъ школахъ опредѣленъ былъ *тремя годами* и, во вторыхъ, что профессоръ хирургіи Шрейберъ принялъ на себя преподаваніе не одной хирургіи, но и анатоміи, и фармакологіи (*materia medica*), и ботаники съ фармаціею. Мало того. При производствѣ хирургическихъ операцій на живыхъ людяхъ ему предоставлялась полная свобода клиническаго преподаванія въ обонхъ госпиталяхъ, помимо распорядженій госпитальной администраціи и безъ малѣйшаго подчиненія его этой послѣдней. Это была никогда неоспорившаяся дань уваженія къ «профессору», всегда стоявшему выше старшаго «доктора» госпиталя. Шрейберъ очень дорожилъ званіемъ «профессора хирургіи» или «доктора и профессора», какъ предписано было официально называть его ¹⁾ и такое соотношеніе преподавателей, а въ послѣдствіи и профессоровъ съ госпитальными докторами, установившее независимость учебнаго дѣла отъ администраціи госпиталя, никогда съ этнхъ поръ не нарушалось и не подавало повода ни къ малѣйшимъ столкновеніямъ. Учебная часть всегда ставилась выше просто-врачебной или административной. И вотъ подтвержденіе этому. Разъ, по окончаніи третнаго экзамена, надобно было подписать экзаменный листъ въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ и его подписали старшій докторъ и главный лѣкарь, а операторъ отказался подписать на томъ основаніи, что ему не прилично и унижительно подписаться ниже главнаго лѣкаря. Какъ ни уговаривали его, однакоже согласія не послѣдовало. Тогда донесено медицинской канцеляріи и архіатеръ Лестокъ далъ слѣдующій указъ:

«Понеже вездѣ между учеными людьми, тѣ, кои для обученія какой либо

¹⁾ О званіи Шрейбера возбуждена была пимъ дѣлая переписка. Шрейберъ, пріѣхавъ изъ Москвы, просилъ себѣ казенной квартиры съ разными принадлежностями. Просьба его удовлетворена была, о чемъ и послано ему уведомленіе. Но онъ не принялъ пакета и не распечатавъ отослалъ назадъ, по той причинѣ, что на конвертѣ написано «доктору Шрейберу», между тѣмъ какъ онъ опредѣленъ и долженъ титуловаться не докторомъ, а профессоромъ хирургіи. Дошло дѣло до архіатера Лестока и тотъ приказалъ (7 іюля 1742) титуловать его «докторомъ и профессоромъ» и обязавъ дать ему въ послѣдствіи надлежащую инструкцію.

науки, предпочтеніе имѣютъ предъ тѣми, кои едино практикуютъ по тойже наукѣ, и потому профессора всякаго факультета преимущество и предпочтеніе вездѣ и всегда имѣютъ предъ практикующими докторами въ тѣхъ же факультетахъ; при госпиталяхъ же Е. И. В. находятся операторы для обученія подлѣбкарей и учениковъ въ анатоміи и хирургіи, по силѣ генеральнаго о госпиталяхъ регламента; того ради, по указу Е. И. В. дѣйствительный тайный совѣтникъ, первый лейбъ-медикъ, директоръ главный надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ рейхсъ-графъ господинъ Лестокъ приказалъ операторамъ имѣть преимущество и предпочтеніе предъ главными и прочими госпитальными лѣбкарями, точію имъ операторамъ затѣмъ въ дѣла главныхъ лѣбкарей не мѣшаться, но отправлять порученные имъ дѣла, и о томъ для вѣдома во всѣ госпитали послать указы. Марта 22 дня 1746 года. *Graf Léstocq*».

Успѣху школь въ эпоху Шрейбера содѣйствовало и то, что онъ не одинъ завѣдывалъ преподаваніемъ. Ему содѣйствовали частію госпитальные (старшіе) доктора и другіе медицинскіе служители госпиталей, а частію младшіе доктора, введенные въ госпитали еще по регламенту. Въ дополненіе къ § 5 главы I регламента сказано: «а въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ имѣть сверхъ того (т. е. сверхъ установленнаго штата) еще одного младшаго доктора для вспоможенія и случающейся нужной ваканціи». Обязанности «младшаго доктора» не были опредѣлены, да и положенъ онъ былъ только для одного с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя: но Кондонди такъ ясно видѣлъ важность и необходимость младшихъ докторовъ, какъ преподавателей, что не затруднился войти въ сенатъ съ особымъ представленіемъ о внесеніи въ штаты всѣхъ генеральныхъ госпиталей должности младшаго доктора на тѣхъ же условіяхъ, какъ значилось въ регламентѣ, но съ прямымъ назначеніемъ для обученія подлѣбкарей и учениковъ; а чтобы не встрѣтить затрудненія съ денежной стороны указалъ и источникъ, изъ котораго можетъ быть покрыта эта новая издержка. Вотъ какъ мотивировалъ онъ свое представленіе:

«20 іюня 1750 года правительствующій сенатъ опредѣлилъ выдавать медицинской канцеляріи 2000 рублей на содержаніе сверхкомплектныхъ докторовъ, которые и содержались. А нынѣ въ Москву прибыло много лифляндскихъ подданныхъ Е. И. В. докторовъ, учившихся за границею и желающихъ вступить въ службу. Но какъ вакансій нѣтъ, а оставить ихъ безъ опредѣленія, по разсужденію меди-

цинской канцеляріи, не надлежитъ, какъ для призрѣнія ихъ самихъ, егда своимъ коштомъ обучилися, такъ и для ободренія другихъ таковыхъ же Е. И. В. подданныхъ къ опредѣленію своихъ дѣтей въ обученіе медицинѣ; по мнѣнію же медицинской канцеляріи полезно будетъ нынѣ и впредь таковыхъ докторовъ, по изученіи медицины въ Россію пріѣзжающихъ и желающихъ поступить въ службу, принимать и употреблять для обученія подлѣкарей и учениковъ младшими докторами во всѣ госпитали, подобно тому какъ предписано имѣть младшихъ докторовъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ и адмиралтейскомъ госпиталяхъ), съ жалованьемъ по 300 р. съ начала, а потомъ прибавлять имъ до 400 р. и дать имъ инструкціи, по которымъ они будутъ поступать до опредѣленія на настоящія докторскія мѣста». Сенатъ утвердилъ это представленіе и приложенную къ нему инструкцію 5 февраля 1754 года, съ тѣмъ чтобы жалованье младшимъ докторамъ давалось изъ тѣхъ 2000 р. и кромѣ того по двѣ комнаты въ госпиталѣ съ отопленіемъ и денщиками для услугъ. Вотъ подлинная

И Н С Т Р У К Ц І Я,

данная младшимъ докторамъ генеральныхъ госпиталей, утвержденная правительствующимъ сенатомъ 5 февраля 1754 г.

1. Быть при N госпиталѣ и именоваться вамъ докторомъ медицины при ономъ госпиталѣ.
2. Быть вамъ въ совершенномъ и непрекословномъ во всемъ надлежщемъ послушаніи у тойже госпиталя госпитальнаго доктора.
3. Въ разсужденіи академическаго градуса, котораго вы имѣете, и что по экзамену отъ медицинской канцеляріи признаны вы настоящимъ медицины докторомъ, а медицинская прахисъ вамъ дозволена, имѣть вамъ вездѣ и всегда предпочтеніе и предсѣданіе предъ операторами, аптекарями, штабъ и главными лѣкарями и прочими лѣварскаго и аптекарскаго чина служителями, а съ докторами считаться старшинствомъ со вступленія въ службу Е. И. В.
4. Въ дѣлахъ касающихся до правленія и экономіи той госпиталя отнюдь ни въ чемъ не мѣшаться вамъ и не вступать.
5. Ежели госпитальному доктору случится болѣзнь или отлучка и онъ вамъ прикажетъ на то время имѣющихся въ госпитали больныхъ пользоваться, оное вамъ исполнять, принявъ въ томъ отъ него надлежащее наставленіе, по которому ежели по обстоятельствамъ какую важную отгѣну дѣлать за нужно разсудите, а съ онымъ госпитальнымъ докторомъ совѣтовать о томъ будетъ

невозможно, а по близости будетъ находиться другой старшій докторъ, то съ онымъ старшимъ докторомъ о той отъѣнѣ совѣтовать и общимъ согласіемъ такую отъѣну чинить; буде же такой старшій докторъ по близости находится не будетъ, то съ операторомъ и главнымъ лѣкаремъ и ежели потребно и съ старшими госпитальными лѣкарями имѣть о томъ же разсужденіе, и съ общаго разсужденія такую отъѣну чинить, а самому собой отъѣну, ниже важное что предпринять не дерзать, да и въ такомъ случаѣ въ госпитальныя дѣла, касающіяся до правленія и экономіи госпиталя, не мѣшаться вамъ и не вступать, ибо оно правитъ имѣеть въ небытность доктора госпитального главный лѣкаръ, въ силѣ генеральнаго о госпиталяхъ регламента гл. 3 пун. 1. Ежели же главный лѣкаръ въ какомъ либо дѣлѣ вашего совѣту требовать будетъ партикулярно—въ томъ ему вспомошествовать по сущей правдѣ.

6. Съ позволенія госпитального доктора выбирать вамъ и всегда пользоваться до шести человекъ больныхъ, которыхъ для того, кромѣ прилипчивыми болѣзнями одержимыхъ, въ одной палатѣ, и въ оной въ одной сторонѣ рядомъ и положить, и для вспоможенія вамъ давать одного или по важности болѣзней и болѣе изъ старшихъ подлѣкарей при дать къ каждому подлѣкарю по два школьничковъ; также тѣмъ больнымъ давать пищу, питье, лѣкарство и прочее что надлежать будетъ по предписанію вашему, а другому никому до тѣхъ больныхъ не касаться, развѣ будутъ хирургическія болѣзни и къ таковымъ болѣзнямъ призвать вамъ оператора и главнаго лѣкаря и ихъ совѣтомъ прислуживаться можно, такожъ къ таковымъ больнымъ лѣкаря или подлѣкаря требовать не возбранно, точію объ ономъ о всемъ должны вы представлять госпитальному доктору, а собою не командировать. Госпитальному же доктору надлежитъ чинить вамъ удовольствіе во всемъ по справедливости надлежащее.

7. Выбирать вамъ больныхъ разными, не всегда легкими, но и тяжкими болѣзнями одержимыхъ, чтобъ тѣмъ искусство ваше наилучше оказать.

8. Какою методою тѣхъ больныхъ лѣчить будете объявлять напередъ госпитальному доктору обстоятельно и съ его согласія тое лѣченіе производить, безъ его же согласія не дерзать, да въ продолженіи болѣзни и въ случаѣ опасныхъ припадковъ и обстоятельствъ его совѣтъ требовать непрежѣнно.

9. Ежели же какую либо болѣзнь особливою какою методою излѣчить уповаете или по учиненнымъ вами прежде сего опытамъ, или потому что случаемъ видали въ таковыхъ болѣзняхъ чинимо другими славными медиками, а на то госпитальный докторъ не согласится, позволяется вамъ о томъ медицинской канцеляріи для разсмотрѣнія и рѣшенія представить съ ясными той методы описаніемъ и обстоятельными доказательными аргументами по регуламъ медицинской науки о дѣйствительномъ ея превосходствѣ противъ ординарной и ожидать резолюцію, а между тѣмъ больнаго лѣчить по мнѣнію госпитального доктора.

10. Тѣхъ больныхъ, коихъ вы пользоваться будете, посѣщать вамъ сколько часто болѣзнь ихъ того требовать будетъ и съ крайнимъ прилежаніемъ съ самаго привода больнаго въ госпиталь по медицинскому искусству прижѣчать по натурѣ болѣзни отъ дѣйствія лѣкарствъ, пищи и питья, отъ воздуха и другихъ обстоятельствъ какія перемежны, припадки и послѣдствія день ото дня и отъ времени до времени оказываться будутъ и оныхъ тѣхъ акуратно и подробно не упущая ни малѣйшаго обстоятельства записывать и для того держать для каждаго больнаго особливый обстоятельный журналъ до совершеннаго окончанія болѣзни выздоровленіемъ или смертью.

11. А тѣхъ больныхъ, коихъ вы пользовали и умрутъ, съ доклада и дозволенія госпитальнаго доктора по прошествіи отъ смерти 30, а не меньше же 24 часовъ вамъ самому и своими руками въ присутствіи тѣхъ, которые при томъ быть пожелаютъ изъ докторовъ и лѣкарскаго чина служителей, анатомическп открывать тѣlesa или по крайней мѣрѣ часть въ жизни болѣзнию одержимую, для изысканія причины болѣзни, неуспѣшнаго лѣченія и смерти и что найдется показывать присутствующимъ и записывать подробно, обстоятельно и безъ утайки.

12. Понеже отъ анатоміи мертвыхъ тѣлесъ для изысканія причины болѣзни, неуспѣшнаго лѣченія и смерти великое бываетъ всей медицинѣ просвѣщеніе; егда такую анатомію часто являются скрытыя причины разныхъ болѣзней и при нихъ припадковъ, коихъ разсужденіемъ достигнуть до того было невозможно, такожь нерѣдко оказываются тѣмъ же способомъ скрытыя дѣйствія природы къ произведенію въ болѣзняхъ разныхъ, а иногда неясныхъ перемежнъ, отъ чего въ познаніи всего того въ разныхъ случаяхъ и для употребленія надлежащихъ потомъ способовъ къ излѣченію таковыхъ больныхъ и расширенію медицины и вамъ самому неоцѣненные успѣхи послѣдовать имѣють; того для изъ тѣхъ больныхъ, кои вамъ лѣченіемъ повѣрены будутъ и умрутъ, не пропускать ни одного безъ вышписанной анатоміи, въ силѣ адмиралтейскаго регламента гл. 50 и генеральнаго о госпитальныхъ регламента гл. 11 въ толкованіи 3 пункта, и въ томъ госпитальному доктору отнюдь не препятствовать вамъ.

13. Выше показанную анатомію чинить въ госпитальномъ анатомическомъ театрѣ и индѣ отнюдь нигдѣ.

14. Изъ вышепоказанныхъ журналовъ сочинять вамъ историческія описанія тѣхъ болѣзней (*historiae morborum*) по правиламъ даннымъ отъ славнаго Бургава въ 17. параграфѣ его афоризмовъ ¹⁾, и въ томъ всегѣрно вамъ тшцатися, ежели же больной умретъ и тѣло его анатомировано, приложить при томъ все то, что анатомію по вышписанному найдено и напослѣдокъ *epicrisis*

¹⁾ Н. Boerhaave, *Aphorismi*, 8° L. B., 1737.

или разсужденіе ваше, въ силѣ вышепоказаннаго Бургавова параграфа 4 пун. мера.

15. Таковыхъ *historias morborum* присылать вамъ въ медицинскую канцелярію въ каждый мѣсяцъ по меньшей мѣрѣ по одной, на латинскомъ діалектѣ, и ежели между тѣмъ случится вамъ опредѣленіе въ другое мѣсто, однакожь по журналамъ сколько тѣхъ собрали обсерваціевъ, сочиня потомужь *historias morborum*, должны вы прислать въ медицинскую канцелярію не отъѣбно и не позволяется ни единую такую *historiam morbi* издать въ печати, ниже въ Россіи, ниже въ чужіе края безъ позволенія медицинской канцеляріи.

16. Должны вы подлѣкарямъ и ученикамъ тойже госпитали давать каждый годъ три *collegia*, а именно *collegium anatomicum*, *coll. chirurgicum* и *coll. pharmaceuticum*, порядочными лекціонами по академическому обыкновенію и точно на латинскомъ діалектѣ.

17. И для того *cursum* начинать вамъ въ первый понедѣльникъ послѣ 16 числа августа мѣсяца, и ежели тое 16 число августа припадетъ въ понедѣльникъ, то на другой день.

18. Во первыхъ давать остеологію, потомъ міологію, послѣ спланхнологію ангиологію и неврологію рядомъ по академическому порядку.

19. Въ остеологіи толковать вамъ *Albinum De ossibus* ¹⁾ и притомъ показывать всякую толкуемую кость со всѣми обстоятельствами. Въ демонстраціяхъ мускуловъ слѣдовать Винслова и Альбина ²⁾; въ спланхнологіи и ангиологіи тогожь Винслова; егожь и въ неврологіи, присовокупляя Вьосана и Виллса и генерально по всѣмъ евстафіанскимъ и весальскимъ табуламъ ³⁾, изъ которыхъ, особливо евстафіанскихъ, при демонстраціяхъ имѣть всегда на столѣ, а которую часть демонстрируете на тѣлѣ, спую показывать и на оныхъ таблицахъ.

20. Совокуплять притомъ, что послѣ тѣхъ авторовъ другими вновь избобрѣтено, сколько вамъ извѣстно.

21. Когда случится женское мертвое тѣло, не упуская случаи показывать подлѣкарямъ однимъ, и при томъ быть желающимъ лѣкарямъ, частей до гене-

¹⁾ Bernh. Siegfr. Albini, *De ossibus corporis humani*. 8°.

» » *De musculis*, 4°. L. B. 1734.

²⁾ Winslow, *Exposition anatomique du corps humain*.

» 4° Paris. 1732. Idem liber latine editus.

» 8° Francf. 1753. 4 vol.

³⁾ Andreae Vesalii *Opera omnia, anatomica et chirurgica*, fol. L. B. 1725,

» 2 vol. charta minori.

Bartholomei Eustachii *Tabulae anatomicae cum notis Albini*. Lug. Bat. 1744. Fol.

раціи подлежащих и коиши разнствует мужскій съ женскимъ помошь съ благонавноу стыдливостью.

22. Въ толкованіи дѣйствія членовъ и частей челоувѣческаго тѣла не распространяться вамъ далѣе того, какъ анатомію принадлежить.

23. Всѣ къ демонстраціямъ анатомическимъ надлежащія препарации частей челоувѣческаго тѣла препаровать будетъ госпитальный операторъ, а гдѣ оператора нѣтъ—главный лѣбарь, и для того объявлять ему о томъ имѣете заблаговременно. причемъ и того вѣрно наблюдать вамъ, чтобъ одну часть за другою демонстрировать добпорядочно и по надлежащему, и лишняго труда оператору или главному лѣбарю не чинить и лишнихъ казаверовъ напрасно не портить.

24. Ежели при той анатоміи иногда въ какомъ либо челоувѣческомъ тѣлѣ или въ какой либо части изобрѣтется что необыкновенное, не натуральное или чрезвычайное, оператору или главному лѣбарю того не нарушивши объявлять вамъ немедленно, а вамъ, описавъ того обстоятельно, представлять медицинской канцеляріи на латинскомъ же діалектѣ.

25. Стараться обанчивать всегда анатомію всю прежде праздника Рождества Христова.

26. Послѣ новаго года начинать хирургию и толковать вамъ надлежитъ на латинскомъ же діалектѣ чинимыхъ надъ челоувѣкомъ операціевъ, грубыхъ же колико можно и субтильныхъ и каковыхъ ради причинъ и обстоятельствъ такая или такая операція чинима бываеъ, и какою учинить должно прежде операціи препарацію больнаго, сколько времени и какими способами, что прилѣчать надлежитъ доктору, что лѣбарю во время самаго дѣйствія или операціи, чего наипаче остерегать, какое лѣченіе, пищу и питье и прочее больному предписать надлежитъ для излѣченія послѣ операціи, какіе припадки могутъ быть опасные и проч., и въ томъ во всемъ слѣдовать *Гейстеровой хирургіи* ¹⁾.

27. Въ то самое время показывать и толковать инструменты всѣ, употребляемые для исполненія такой операціи, послѣ же операціи и прикладываемыя обыкновенныя перевязки или бандажи.

28. Самое же руководѣйствіе операціи и прикладыванія бандажей чинить въ присутствіи вашемъ оператору, а гдѣ нѣтъ оператора — главному лѣбарю на мертвыхъ челоувѣческихъ тѣлесахъ неотложно.

29. Въ демонстраціяхъ анатомическихъ и хирургическихъ, чего разомъ всемъ присутствующимъ ясно видѣть и потому внимать невозможно, поворота столъ

Laurent. Heisteri *Chirurgia*. Nurenberg, 1714. 4°

1) Laurent. Heisteri *Chirurgia*. 4°. Amst. 1750. 2 vol.
> > *Compendium anatomicum*.

на три или четыре стороны повторять и показывать, дабы демонстрація всёгъ равно была видима и внимаема.

30. Стараться всегда collegium chirurgicum оканчивать противъ праздника свѣтлаго Христова Воскресенія.

31. Послѣ того начинать collegium pharmaceuticum и нынѣ впредь до опредѣленія толковать pharmacopoeam lugdunensem ¹⁾).

32. Толковать по оной всё тѣ vegetabilia, animalia и mineralia, или части ихъ, въ лѣкарства и составы лѣкарственные въ медицинѣ употребляемыя, силу и дѣйствіе, preparato и dosis, наилучшее употребленіе каждаго по натурѣ его vehiculum, въ которомъ принимать сколькократно и до сколько которое давать безъ опасности можно, какое которому correctivum, въ которой официальной составъ которой входитъ или не входитъ, какіе изъ которыхъ официальные препараты дѣлаются и прочее подробно и обстоятельно ясно изъясняя.

33. Тоже разумѣется о галеническихъ composita и химическихъ продуктахъ, и въ томъ во всемъ рекомендуется вамъ славнаго Бургава *Materia medica* и *Chimia* ²⁾, *Pharmacopoea wirttembergensis*, Жофруа *Matière médicale*, Турнефорта о цвантахъ растущихъ около Парижа, послѣдней печати, и Паулі Нерманні *Materia medica* ³⁾).

34. При толкованіи каждаго simplex, compositi et producti chemici показывать того въ самой натурѣ, и для того все то даваться вамъ будетъ изъ госпитальной аптеки, откуда вамъ требовать; а дабы слушатели ваши могли тѣ лѣкарственные вещи сами экзамировать и познавать, по окончаніи лекціона оставлять ихъ на столѣ, точію о ядовитыхъ напомянать имъ, чтобы остерегались, а одному между ихъ старшему смотрѣніе имѣть приказывать, которому собрать опослѣ все отдавать обратно въ аптеку, дабы напрасная трата не послѣдовала.

35. Растущія свѣжія медицинскія травы въ госпитальномъ огородѣ показывать и толковать по тому же на мѣстѣ.

36. Наконецъ давать краткія регулы de praescribendis formulis, въ чемъ рекомендуется вамъ книга г. Гаубіуса.

37. Стараться сей collegium окончить около половины іюля.

38. Наиспособнѣйшее время для чтанія лекціоновъ вашихъ разсуждается быть поутру, по отправленіи больныхъ въ госпиталь, по полудни—прежде того; и потому поутру отъ 9 до 11 часовъ, по полудни отъ 3 до 5 часовъ же, одна-

¹⁾ *Pharmacopoea Lugdunensis*. 8°. L. B., 1751.

²⁾ Н. Boerhaave, *Materia medica*, 8o. Lugduni Batavorum, 1740.

Chemia. 4°. L. B., 1732. 2 vol.

³⁾ Pauli Hermanni *Cynosura Materia medica*. 4°, L. B. 1726.

Tournefortii *Institutiones rei herbariae*. Paris, 1719 3 vol.

кожъ болѣе или менѣе тѣхъ или другихъ часовъ къ тому употреблять—предается въ разсмотрѣнiе ваше и въ томъ имѣете согласиться наипаче съ госпитальнымъ докторомъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ порядочно и основательно показанныя три коллегiи давать и обончать каждый годъ.

39. Всѣ лекцiоны ваши, кромя тѣхъ о свѣжихъ травахъ, давать неотмѣнно въ анатомическомъ театрѣ, и всѣ на латинскомъ диалектѣ, какъ выше показано.

40. Вакацiи въ годъ да будутъ: 1) отъ 25 числа декабря по 7 число января и въ тое 7 число января наги начинать; 2) отъ вербнаго воскресенiя по фоминой понедѣльникъ; 3) съ окончанiя collegii pharmaceutici по 17 число августа и въ тое 17 число августа наги начинать; притомъ всѣ воскресенья, торжественныя и всѣ другiе праздники, въ табели о томъ и въ календарѣ показанныя, праздновать и для того въ свободныя дни лекцiоновъ производить съ прилежанiемъ.

41. Присутствовать вамъ въ третнихъ экзаменахъ и согласясь съ профессоромъ и съ госпитальнымъ докторомъ учинить кандидатамъ вопросы отъ физiологiи и патологiи.

42. По прилежанiю и искусству вашему въ обстоятельномъ описанiи и сочиненiи *historiarum morborum*, по успѣхамъ кои госпитальная юность оказати будетъ отъ вашихъ лекцiоновъ и по радѣтельной прилежности, которую вы въ томъ употреблять будете и по благонравнымъ и добропорядочнымъ въ житiи поступкамъ имѣете вы уповать въ награжденiе не тою прибавку нынѣшняго обкладнаго жалованья, но и опредѣленiемъ въ другое полезѣйшее мѣсто справедливое разсмотрѣнiе.

43. Ежели впредь, по усмотрѣнiю медицинской канцелярiи, къ сему что при бавлено или для наилучшаго успѣху какая отиѣна послѣдовать будетъ, и потому исполнять должень.

13 декабря 1753 года. Подписать «*Павелъ Рондоуди*».

Тотчасъ по утвержденiи сенатомъ представленiя о «младшихъ докторахъ», директоръ медицинской канцелярiи приазалъ нарочно собрать всѣхъ молодыхъ докторовъ, «остававшихся безъ дѣла», т. е. не принятыхъ еще въ службу и не опредѣленныхъ на мѣста, и велѣлъ прочесть имъ сенатское постановленiе и вышеприведенную инструкцiю и предложилъ желающимъ учительскiя мѣста, на предложенныхъ въ инструкцiи условiяхъ. Тоже самое сдѣлано было и въ московской медицинской конторѣ. Согласились всѣ безъ исключенiя и изъ нихъ тотчасъ же опредѣлены (18 февраля 1754 года) докторъ Конрадъ Даль въ с.-петербургскiй адмиралтѣйскiй госпиталь, докторъ Винь-

дерь въ московскій, докторъ Рейхенау въ Кронштадтскій ¹⁾, докторъ Фр. Маргграфъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный, всѣ младшими докторами, съ жалованьемъ по 300 р. Разумѣется, при гуртовомъ приемѣ молодыхъ учителей могли встрѣтиться и неудачи. Такъ доктору Маргграфу поручено было преподавать клиническую медицину въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, потому что прочіе предметы ученія распределены уже были между госпитальными учителями. Но онъ обидѣлся этимъ назначеніемъ, сталъ жаловаться, что «сдѣлали его учителемъ наравнѣ съ молодыми нигдѣ не служившими докторами» и просилъ либо дать ему отставку, либо опредѣлить дивизионнымъ докторомъ въ армию. Кондоиди уволилъ его въ отставку, а на его мѣсто, младшимъ докторомъ, опредѣлилъ доктора Демьяна Дмитриевича Петала а Брилля, только что пріѣхавшаго изъ Галле. Въ московскомъ госпиталѣ случилась еще худшая исторія. Черезъ полгода по опредѣленіи въ тотъ госпиталь докторъ Винклеръ обвиненъ былъ въ томъ, что засѣкъ до смерти одного изъ госпитальныхъ больныхъ своихъ, страдавшаго кровавымъ поносомъ, за то, что онъ ошибся въ разсказѣ о происшедшихъ со вчерашняго дня переменѣхъ въ состояніи здоровья его. Медицинская канцелярія замѣла это дикое дѣло и вскорѣ удалила Винклера изъ Москвы подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ «потребенъ къ опредѣленію въ другое мѣсто», а на его мѣсто перевела изъ Петербурга (22 іюля 1755) доктора Ивана Дмитриевича Петала а Брилля, который тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву умеръ.

Замѣчательно при этомъ то, что новая мѣра, увеличивавшая штаты госпиталей, не встрѣтила препятствій со стороны московскаго госпиталя, или лучше сказать со стороны св. синода, хотя этотъ госпиталь не былъ еще переданъ въ военную коллегію и не подчиненъ еще былъ госпитальному регламенту. Это объясняется тѣмъ, что синодъ очень любилъ госпиталь и заботился о немъ, но не любилъ выдавать на него деньги по чужимъ требованіямъ и настояніямъ. Здѣсь же, въ дѣлѣ назначенія младшихъ докторовъ, денегъ лишнихъ не требовалось, такъ какъ содержаніе младшаго доктора въ московскомъ гос-

¹⁾ Рейхенау не долго числился въ Кронштадтѣ и замѣненъ былъ, тоже на короткій срокъ, докторомъ Христофоромъ Кулеманомъ, тоже получившимъ вышеозначенную инструкцію и обязаннымъ быть въ полномъ подчиненіи у госпитальнаго доктора Фр. Ян. Миліуса.

питалѣ оплачивалось медицинскою канцеляріею. Другое было дѣло, когда потребовалось ввести въ штатъ московскаго госпиталя должность оператора и добавочныхъ лѣбарей. Денегъ не оказалось, а безъ оператора и лѣбарей невозможно было расширить въ госпитальной школѣ предположенное преподаваніе. Въ это время передача госпиталя въ комиссаріатъ уже состоялась, а этимъ очень облегчалось дѣло. На требованіе медицинской канцеляріи объ ассигнованіи суммы на оператора и комиссаріатъ отвѣчалъ тоже, что сподру, т. е. что въ штатѣ госпиталя нѣтъ такой суммы и не откуда взять ея. Но медицинская канцелярія вошла въ военную коллегію съ предложеніемъ увеличить московскій госпиталь до такой мѣры, чтобы въ немъ можно было содержать до 1000 больныхъ и коллегія на это согласилась и вошла въ сенатъ. Тогда медицинская канцелярія отдѣльно вошла о необходимости увеличить медицинскій штатъ госпиталя и этотъ докладъ тоже пошелъ въ сенатъ, которымъ и опредѣлено 24 декабря 1756 года опредѣлить въ московскій генеральный сухопутный госпиталь одного оператора, съ жалованьемъ по 300 рублей, 2 лѣбарей и 6 подлѣбарей съ казенными квартирами и прочими доводствіями на счетъ комиссаріата.

И такъ, судя по «Инструкціямъ» доктору и профессору Шрейберу и младшимъ докторамъ генеральныхъ госпиталей, программа преподаванія въ госпитальныхъ школахъ была довольно обширная. Она обнимала собою анатомію, хирургію (теоретическую и практическую), десмургію, медицину внутреннихъ болѣзней (частную патологию и терапію), фармакологию (*materiam medicam*), фармакогнозію и фармацію съ рецептурою. Рядомъ съ этими учебными предметами ученики обязаны были исполнять и всѣ лежавшія на нихъ госпитальныя обязанности, такъ какъ эти занятія, приучая ихъ къ самодѣтельности, служили вмѣстѣ съ тѣмъ практическою повѣркою приобрѣтенныхъ теоретическихъ знаній. Мало того. Инструкціями вѣнялось Шрейберу и младшимъ докторамъ имѣть въ госпиталяхъ опредѣленное число больныхъ разными болѣзнями въ одной или нѣсколькихъ палатахъ и завѣдывать ими по своему усмотрѣнію, т. е. независимо отъ госпитальнаго доктора. Эти палаты были первыми клиниками въ генеральныхъ госпиталяхъ, хоть и не носили этого названія. Посѣщеніе ихъ подлѣбарями и учениками при визитаціяхъ докторовъ было обязательно. Наконецъ нельзя упускать изъ вида и того еще, что если нѣкоторые госпитальные доктора и увлечались отъ учебныхъ занятій,

какъ напริมѣръ старый Энгеллертъ, то другіе весьма охотно брали на себя обязанности преподавателей, какъ напрімѣръ докторъ Ника въ Москвѣ и Раушертъ въ Петербургѣ, а чрезъ это учебный персоналъ въ госпитальныхъ школахъ могъ считаться весьма достаточнымъ.

Экзамены. Выше было уже говорено, что въ первый періодъ московской госпитальной школы, при Бидлоо, не было опредѣленныхъ сроковъ ни для прохожденія полного курса ученія, ни для экзаменовъ. Докторъ Бидлоо экзаменовалъ только тѣхъ, кого считалъ достаточно обучившимися. А случалось это не часто, потому что учитель строгъ былъ къ ученикамъ, а еще строже къ самому себѣ. Онъ считалъ экзамень нужнымъ для того только, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительномъ обученіи учениковъ своихъ. И напрасно упрекали его въ медленной оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ и въ безразличной разсрочкѣ публичныхъ экзаменовъ.

При наступленіи переходнаго времени строгость экзаменовъ стала ослабѣвать и они сдѣлались простою формальностью, по немного, но замѣтно понизившею общій уровень образованія въ госпитальныхъ школахъ. Производились они по третямъ года. И это бы ничего, если бы точно опредѣленъ былъ полный курсъ ученія. Но этого-то и не было. Успѣхи учениковъ цѣнились отъ трети до трети, а чему можно научить новичковъ въ теченіи одной трети? Поэтому совершенно непонятно, какимъ образомъ архіатеръ Фишеръ могъ съ гордостью выставлять въ докладѣ императрицѣ Аннѣ то, что въ новыхъ (петербургскихъ) госпитальныхъ школахъ въ теченіе одного года могли обучить и выпустить на службу нѣсколько учениковъ подлѣкарями. Такое послабленіе ученія, вызванное послабленіемъ экзаменовъ, обратило на себя вниманіе доктора П. З. Кондоиди, когда онъ призванъ былъ управлять дѣлами медицинской канцеляріи подъ главнымъ начальствомъ Лестока. Смотря на экзамень, съ одной стороны, какъ на средство повторить пройденное и ободрить учащихся, а съ другой стороны какъ на оцѣнку прилежанія и дѣйствительно достигнутыхъ успѣховъ, онъ раздѣлил ихъ на частные или домашніе и публичные или оцѣночные. Первые назывались еженедѣльными и мѣсячными или приватными (или репетиціонсь-экзаменами), а послѣдніе третними. Къ первымъ привлекаемы были всѣ ученики, а къ послѣднимъ только тѣ, которые пробыли въ госпитальной школѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Эти правила объ экзаменахъ изложены въ слѣдующей

«ИНСТРУКЦИИ ОБЪ ЭКЗАМЕНАХЪ».

Понеже усмотрѣно, что экзамены, которые прежде въ с.-петербургскихъ госпиталяхъ содержались надъ подлѣбками и учениками въ знаніи анатоміи и хирургіи и внутреннихъ болѣзней и прочаго чему обучаются, чрезъ нѣсколько время вовсе упущены и оставлены, а тѣхъ экзаменовъ не только оставлять не надлежитъ, но наилучшимъ тщаніемъ и прилежаніемъ содержать и производить должно, егда юность чрезъ оныхъ не малое поощреніе и побужденіе получить имѣетъ къ наиприлежнѣйшему обученію, притомъ же повторяя то что единожды слышала или въ дѣлѣ лучше и твердѣ въ памяти содержать можетъ и слѣдовательно экзамены частые обучающихся подлѣбкамъ и ученикамъ весьма полезны будутъ; того ради, по указу Е. И. В. дѣйствительный тайный совѣтникъ, первый лейбъ-медикъ, директоръ главный надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ, рейхсъ графъ господинъ Германъ Лестокъ приказалъ: экзамены надъ подлѣбками и дѣбарскими учениками въ знаніи анатоміи и хирургіи и внутреннихъ болѣзней и прочаго чему обучаются, отнынѣ впредь непременно производить въ с.-петербургскихъ генеральныхъ госпиталяхъ, въ московскомъ, кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталяхъ и въ содержаніи тѣхъ экзаменовъ поступать по ниже слѣдующему:

1. Во всякой недѣлѣ въ субботній день, по отправленіи больныхъ въ госпиталь, быть предъ полуднею повторительному или репетиціонсъ-экзамену, для котораго госпитальному оператору (а гдѣ оператора не имѣется, главному дѣкарю) одному собрать всѣхъ госпитальныхъ, а въ с.-петербургскихъ обоихъ госпиталяхъ подлѣбкарей и учениковъ, учинить имъ вопросы въ томъ только, чему они чрезъ недѣлю обучены были отъ профессора или госпитальнаго доктора, или отъ него оператора. Оные вопросы чинить велегласно, кратко и ясно, а не всѣмъ разомъ предлагать одинъ вопросъ, назвавъ именемъ одного объ одной, и по отвѣствіи другаго о другой матеріи вопрошивать и велѣть отвѣтствовать велегласно, дабы другіе слыша пользоваться могли; въ чемъ же отвѣтъ кого будетъ неисправенъ, того поправлять ласково, доказательно и сколько можно просто, и въ томъ поправленіи повѣрить и твердить только то, что имъ отъ профессора или госпитальнаго доктора или отъ него оператора прежде показано и толковано было, не мѣшая излишнихъ мнѣній или субтильных демонстрацій, дабы тѣмъ юность въ наипущую конфузію не привести. Сей экзамень продолжать по меньшей мѣрѣ чрезъ два часа и для того по субботнимъ днямъ лекціи не быть, и ежели въ субботній день случится указанный торжественный праздникъ, оный экзамень держать въ пятницу или въ иной день, а конечно никогда не упускать, крохъ недѣли вакаціевъ, такожъ и недѣли страстной и воскресенія Христова. При семъ экзаменѣ профессоръ, госпитальные доктора, главные и прочіе дѣкари быть не должны, а ежели кто изъ нихъ

быть пожелаетъ любопытя ради—позволяется, а вопросы и помѣшательства отнюдь никакихъ онымъ не чинить.

2. При исходѣ каждаго мѣсяца въ с.-петербургскихъ госпиталяхъ госпитальнымъ докторамъ, согласясь съ профессоромъ докторомъ Шрейберомъ, а въ прочихъ госпиталяхъ госпитальнымъ докторамъ однимъ назначивать за-благовременно день, не праздничный и не торжественный, для содержанія мѣсячнаго приватнаго экзамена предъ полуднемъ, и въ назначенный день по отпращиваніи больныхъ въ госпиталь; для того экзамена быть въ с.-петербургскихъ госпиталяхъ профессору д-ру Шрейберу, которому по чину его преимущество въ собраніи имѣть съ госпитальными докторами и операторомъ, главными и прочими госпитальными лѣкарями, а въ другихъ госпиталяхъ госпитальнымъ докторамъ съ операторомъ, главнымъ и прочими госпитальными лѣкарями и собрать всѣхъ госпитальныхъ подлѣкарей и учениковъ вскорѣ начать отъ молодшаго лѣкаря очередно до госпитальнаго доктора и профессора учинить вопросы тако:

а) Вопросы чинить кратко, ясно и велегласно и отвѣты получать велегласножъ, дабы другіе слыша пользовались.

б) Вопросы чинить подлѣкарямъ и обученымъ уже ученикамъ, наипаче же подлѣкарямъ.

в) Одинъ вопросъ чинить одному подлѣкарю или ученику, звавъ его на то именемъ, а не всѣмъ или многимъ разомъ, и получа отвѣтъ по надлежащему, т. е. окончивъ матерію, о которой вопросъ имѣлся, дать ему время и спросить другога, послѣ чего прежняго паки спросить можно или тому же вопросу или хотя другому.

г) Вопросы чинить разсуждая возможность и время обученія субъекта.

е) Вопросы чинить госпитальнымъ лѣкарямъ о анатоміи и хирургическихъ болѣзняхъ, оператору и главному лѣкарю объ операціяхъ хирургическихъ и о бандажахъ, госпитальнымъ докторамъ—о внутреннихъ и наружныхъ обыкновенныхъ болѣзняхъ, а профессору доктору Шрейберу—о чемъ заблагоразсудить.

ф) При вопросахъ объ анатоміи, напримѣръ о остеологіи, велѣтъ показывать ту кость, о которой рѣчь имѣется, ея раздѣленіе и части именовать, ея сложеніе съ другими и съ какими именно, и ея дѣйствіе или *usus* и прочее, а для того какъ можно, такъ и должно всѣхъ костей человѣческихъ имѣть при томъ на столѣ въ готовности разобранныхъ. При вопросахъ о міологіи спрашивать о началѣ, положеніи и концѣ мускуловъ и о дѣйствіи оныхъ, а гдѣ имѣется человѣческое тѣло съ бальзамированными мускулами, яко то въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ имѣется, велѣтъ имъ тѣхъ мускуловъ показывать на томъ тѣлѣ или въ таблицахъ напечатаннаго анатомическаго компендія, дабы тѣмъ лучше въ памяти содержать могли. Также разумѣется и о другихъ частяхъ анатоміи. При вопросахъ о хирургическихъ болѣзняхъ спрашивать притомъ и о пластыряхъ, мазяхъ и прочихъ употребляемыхъ на-

ружных лѣкарствахъ, и какой именно пластырь или какая мазь къ какой напримѣръ ранѣ потребенъ или непотребенъ и сколько часто прикладывать и пережѣнять должно и о прочемъ. При вопросахъ объ операціяхъ и бандажѣхъ велѣть показывать, какъ тѣ операція исправлять благоискусно надлежитъ и впервыхъ аппаратумъ готовить расположа порядочно потребные инструменты, корпію и бандажъ, одно послѣ другога, такъ какъ въ самомъ дѣйстви употребляться имѣть безъ помѣшательства; потомъ показывать на сдѣланномъ изъ соломы человѣческомъ подобіи; напослѣдокъ прикладывать дѣйствительно бандажъ, причемъ спрашивать и объ инструментахъ и о дѣйстви бандажей и для того потребныхъ къ обыкновеннымъ операціямъ инструментовъ и бандажевъ всегда въ готовности въ госпиталяхъ имѣть должно и бандажей чрезъ подлѣкарей и учениковъ готовить, дабы они заблаговременно обучались и привыкли ные благоискусно употреблять и ими дѣйствовать впредь. При вопросахъ о внутреннихъ и наружныхъ обыкновенныхъ болѣзняхъ спрашивать о знакахъ діагностическихъ и прогностическихъ оныхъ, о разныхъ времени тойже болѣзни, о дыханіи, пульсѣ, уринѣ, поту и эксъпериментахъ, о діетѣ надлежащей и о мѣрѣ оной, о потребныхъ лѣкарствахъ, о силѣ, дѣйстви, составленіи и пропорціи въ составленіи ихъ и сколько часто когда давать должно и сколько какого лѣкарства особенно продозировать надлежитъ, о воспослѣдующихъ послѣ болѣзней и о прочемъ.

г) Неискусныхъ отвѣтовъ поправлять вопрошающему благоискусно и ясно, притомъ же ласково и какъ возможно просто, не отдаляясь отъ настоящей рѣчи и не употребляя субтильных доказательствъ или демонстраціи, въ разсужденіи — что предъ собою имѣютъ неискусную юность, которую учить должно.

h) Когда въ одномъ экзаменѣ за краткостію времени всѣхъ подлѣкарей и обученныхъ учениковъ экзаминовать будетъ невозможно, не экзаминованныхъ экзаминовать въ будущемъ экзаменѣ.

i) И дабы оныя вопросы чинимы были порядочно и безъ помѣшательства, профессору д-ру Шрейберу согласаясь съ госпитальными докторами въ С.-Петербургѣ, съ госпитальнымъ докторомъ въ прочихъ госпиталяхъ давать тайно оператору, главному и прочимъ госпитальнымъ лѣкарямъ по цѣдугѣ, въ которой написать, о чемъ каждому особо вопросы учинить надлежитъ, а кому именно изъ подлѣкарей и учениковъ тѣ вопросы учинить—оставлять на ихъ волю.

3. При исходѣ каждой трети года быть третнимъ экзаменамъ и поступать какъ выше положено о мѣсячныхъ; тоцію третнимъ экзаменамъ быть публичными и допускать всѣхъ желающихъ при томъ быть, тоцію кромя профессора и госпитальныхъ докторовъ и прочихъ чиновъ, какъ выше показано, постороннимъ никому вопросы чинить не позволять, а для извѣстія объ оныхъ

третнихъ экзаменахъ разглашать между докторовъ и лѣкарей заранѣе, дабы о томъ могли вѣдать.

4. Мѣсячнымъ и третнымъ экзаменамъ быть въ с.-петербургскихъ госпиталяхъ въ особые дни, а не вкупѣ въ одинъ день; однакожь подлѣкарямъ и ученикамъ одного госпиталя не токмо позволять, но и вѣлѣть быть въ другомъ госпиталѣ, когда экзаменъ содержится, дабы слыша вопросы и отвѣты и тѣмъ пользоваться могли. Оные экзамены продолжать до меньшей мѣры чрезъ четыре часа.

5. Недѣльныхъ, и мѣсячныхъ, и третныхъ экзаменовъ держать въ анатомическомъ театружѣ, яко въ пристойномъ мѣстѣ, а не въ госпитальной конторѣ, и во дняхъ тѣхъ лекцій не быть, такожъ въ мѣсяцахъ тѣхъ, въ которыхъ третные экзамены держаться будутъ, мѣсячнымъ экзаменамъ не быть и ежели кому изъ вышеозначенныхъ къ содержанію экзамена особъ за болѣзнію быть невозможно, за то экзаменъ въ настоящее время не оставлять, но содержать прочимъ.

6. При содержаніи экзаменовъ мѣсячныхъ и третныхъ главнымъ лѣкарямъ при собраніи освидѣтельствовать ланцеты и карманные инструменты подлѣкарей и учениковъ, которыхъ они имѣть должны, и буде найдеть у кого который либо инструментъ не острый, нечистой и въ прочемъ по надлежащему неисправной, тому въ первый разъ напаматовать, чтобы онъ свои инструменты содержалъ по надлежащему исправнымъ, буде же въ другой разъ у того же найденъ какой либо инструментъ неисправной, доложить госпитальному доктору, который такому подлѣкарю или ученику учинить въ томъ выговоръ или репримандъ велегласно; ежели же и въ третій разъ у того же подлѣкаря или ученика найденъ какой либо инструментъ неисправной, то, доложась госпитального доктора, буде ланцетъ преломить вершинну, буде же будетъ другой инструментъ повредить легко въ штрафъ, а въ четвертый разъ представить медицинской канцеляріи.

7. При окончаніи мѣсячныхъ и третныхъ экзаменовъ учителю латинскаго языка при собраніи спрашивать ихъ, подлѣкарей и учениковъ, въ обученіи того языка, дабы усилѣть ихъ и въ томъ былъ извѣстенъ; такожъ рисовальному мастеру показать ихъ рисунки, именно каждаго и по общему согласію присутствующихъ о качествахъ ихъ трудовъ замѣчать на тѣже листы, которые медицинской канцеляріи представлять при окончаніи каждой трети года по прежнему.

8. При содержаніи мѣсячныхъ и третныхъ экзаменовъ главнымъ лѣкарямъ имѣть на листѣ бумаги реестръ подлѣкарямъ и лѣкарскимъ ученикамъ госпитальнымъ, записавъ имена ихъ въ одну половину листа и оставя противную другую половину бѣлую, въ которой по общему разсужденію и согласію госпитальныхъ докторовъ, оператора и главнаго лѣкаря, а въ с.-петербургскихъ госпиталяхъ и профессора, замѣчать противъ имени каждаго: искусство ли,

средственно ли или худо отвѣтствовали, который реестръ, подписавъ всѣмъ имъ, присылать въ медицинскую канцелярію неотменно; а при третнихъ экзаменахъ, выпуская подлѣкарей и учениковъ, имѣть сверхъ того между собою разсужденіе и буде по общему согласію избобрѣтуть кого по прилежности и успѣхамъ въ обученіи анатомико-хирургическомъ и по добропорядочнымъ поступкамъ, такожъ по старшинству достойнаго награжденія прибавкою жалованья или произвожденіемъ изъ учениковъ въ подлѣкари и изъ подлѣкарей въ лѣкари, о таковыхъ сочина аттестаты и закрѣпивъ оныя всѣмъ или присылать въ медицинскую канцелярію, и для того отнынѣ впредь о прибавкѣ жалованья и о произвожденіи подлѣкарей и учениковъ госпитальныхъ докторамъ безъ согласія съ профессоромъ, съ операторомъ и съ главнымъ лѣкаремъ въ здѣшнихъ, а въ другихъ госпиталяхъ такожъ безъ согласія съ операторомъ въ медицинскую канцелярію представлять и аттестаты присылать запрещается. Да и кромѣ того, что по содержанію третнихъ экзаменовъ, о томъ не представлять и аттестаты не присылать безъ особливаго на то, въ медицинскую канцелярію, повелѣнія, и въ дачѣ оныхъ аттестатовъ поступать по присяжной должности.

9. Вновь опредѣленныхъ госпитальныхъ учениковъ въ мѣсячные и третние экзамены допускать, тоцію вопросы имъ нечинить до прошествія двухъ годовъ, считая съ опредѣленія ихъ, развѣ по особливому ихъ искусству къ тому достойны избобрѣтены будутъ; однакожъ въ недѣльные экзамены сирашивать ихъ въ томъ, что училися.

10. Понеже весьма нужно потребно имѣть быть, чтобъ подлѣкари и достойные къ произвожденію ученики заблаговременно привыкали обстоятельно приимѣчать болѣзней и обучались оныя описать искусно, и для того госпитальнымъ докторамъ, по ихъ разсмотрѣнію, къ горячимъ внутреннимъ и другимъ приимѣчанія достойнымъ болѣзнямъ, особливожъ къ чрезвычайнымъ приставливать ихъ и наставлять съ самаго привоуду больнаго въ госпиталь до окончанія болѣзни приимѣчать и записывать акуратно наружный видъ больнаго, его дыханіе, пульсъ, урину, потъ и прочіе экскременты, дѣйствіе и успѣхъ лѣкарствъ употребленныхъ, случающіяся перемѣны и вновь припадки и что воспослѣдовать будетъ по выздоровленіи отъ болѣзни до выпуска изъ госпиталя, ежели же больной умретъ и тѣло анатомировано будетъ, то ему быть въ самой близости и тому кто анатомію творить особливо и акуратно ему показывать и толковать, что найдено будетъ противъ натурального, отъ чего причинилась болѣзнь и послѣдовала смерть, которое все подлѣкарю или ученику записывать акуратно и изъ того со всего составлять по своей возможности и искусству, на которомъ діалектъ ему лучше возможно—на латинскомъ или на германскомъ—исторію болѣзни и оную подавать госпитальному доктору для разсмотрѣнія и поправленія по настоящему медицинскому знанію, не мѣшая мнѣнія и толкованій, едино исторически описуя болѣзнь, и потомъ при первомъ мѣсячномъ

экзаменѣ прочитатъ ему жѣ подлѣкарю или ученику, при собраніи гисторію болѣзни велегласно и прочитавъ за собственноручнымъ подписаніемъ имени своего вручить госпитальному доктору для непремѣнной присылки въ медицинскую канцелярію; причеиъ для наилучшаго ихъ ободренія въ томъ госпиталѣ докторамъ имъ объявлять именемъ медицинской канцеляріи и обѣщать имъ, подлѣкарямъ и ученикамъ, что кто изъ нихъ предъ другими лучшимъ прилежаніемъ и успѣхомъ болѣзни примѣчатъ и описывать, такжежъ и исторіи болѣзней своимъ искусствомъ безъ поправленія докторскаго составлять будетъ, тому и отъ медицинской канцеляріи при произвожденіи особливое разсмотрѣніе въ награжденію учинено будетъ, и для того имъ же, госпитальнымъ докторамъ, при присылкѣ въ медицинскую канцелярію тѣхъ гисторіевъ болѣзней, прилагать свое мнѣніе объ успѣхѣ составляющихъ оныхъ письменно на тѣхъ же листахъ.

Октября 31 дня 1745 года. Подписаль *Gräf Lestocz.*

ГЛАВА XI.

Состояніе госпитальныхъ школъ подъ управленіемъ П. З. Кондонди.

Наборъ учениковъ. Въ началѣ этого періода, какъ было уже говорено, госпитальныя школы сильно нуждались въ ученикахъ. Однакоже петербургскіе госпитали нуждались въ нихъ больше московскаго. Въ 1741 году въ петербургскихъ госпиталяхъ была такая нужда въ ученикахъ, что архіатеръ Фишеръ вытребовалъ туда изъ московскаго госпиталя 6 учениковъ, съ выдачею по 4 рубля на подъемъ каждому и по одной ямской подводѣ ¹⁾). Московскій госпиталь получалъ ихъ изъ славяно-латинской московской академіи, но не безъ затрудненій, а затрудненіями служилъ латинскій языкъ. Блюментрость требовалъ учениковъ съ знаніемъ латинскаго языка; а св. синодъ предоставлялъ ему самому выбирать учениковъ изъ той академіи, но помимо латинскаго класса или латинской школы, въ которой обучались исключительно

¹⁾ Отъ Петербурга до Москвы считалось 754 версты и платилось прогоновъ отъ Москвы до Новгорода по деньгѣ на версту и лошадь и отъ Новгорода до Петербурга по копейкѣ на версту и лошадь.

дѣти духовенства, предназначавшіяся тоже въ духовное званіе. Синодъ былъ правъ. Но нельзя было винить и Блюментроста, отвергавшаго чрезмѣрно длинныя сроки къ приобрѣтенію учениковъ въ госпитальную школу ¹⁾). Къ счастью затрудненія эти повемногу сглаживались, а съ развитіемъ архіерейскихъ школъ или духовныхъ семинарій и совсѣмъ исчезли. 6 февраля 1754 года Кондонди обратился къ св. синоду съ просьбою распубликовать по семинаріямъ, не желаетъ ли кто изъ воспитанниковъ ихъ поступить въ ученіе въ казенныхъ госпиталяхъ и аптекахъ медико-хирургіи и фармаціи. Публикація сдѣлана и на нее преосвященный Тимофей, митрополитъ кіевскій, и Іоаннъ, епископъ переяславскій, отвѣтили, что желающихъ много, но они такъ бѣдны, что не имѣютъ средствъ на проѣздъ въ Москву или въ Петербургъ. Медицинская канцелярія отвѣчала, что она сама будетъ платить за проѣздъ ихъ. Въ слѣдствіе того въ этомъ же году поступило нѣсколько воспитанниковъ изъ кіевской и московской академій и имъ выдано на путевыя издержки по 10 р. каждому. Съ этого времени воспитанники духовныхъ семинарій и академій ежегодно поступали въ госпитали въ значительномъ числѣ и принимались безпрепятственно, такъ какъ въ семинаріяхъ почти все ученіе производилось на латинскомъ языкѣ и воспитанники ихъ были хорошіе латинисты ²⁾). Латинскіе учителя или студіозусы оставались однакоже въ госпиталяхъ, какъ для ученія мало знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ (а такихъ было не мало между учениками изъ нѣмцовъ), такъ и для того, чтобы знающіе этотъ языкъ не забывали его, тѣмъ болѣе что и самое преподаваніе въ госпиталяхъ происходило только на двухъ языкахъ—либо полатыни, либо понѣмецки.

Кромѣ того, дивизионнымъ докторамъ внѣ столицъ и городовымъ лѣбарямъ и штабъ-лѣбарямъ предписано было приглашать воспитан-

¹⁾ 2 октября 1749 года синодъ подтвердилъ отказъ давать въ госпиталь священнослужительскихъ дѣтей изъ славяно-латинской академіи, но предложилъ отпускать туда учениковъ другихъ сословій, по выбору Блюментроста; а ежели ему или медицинской канцеляріи нужно, чтобы тѣ развочныческія дѣти учились латинскому языку, то пусть они принимутъ такихъ, свадбать жалованьемъ и довольствіемъ и пришлютъ въ греко-латинскую академію, гдѣ и будутъ учить ихъ латинскому языку.

²⁾ Святѣйшій синодъ уведомилъ 23 іюля 1757 года, что имъ разрѣшено отпускать въ госпитальныя школы воспитанниковъ семинарій кіевской, черниговской, переяславской и бѣлгородской, которые сами пожелаютъ учиться медицинѣ.

никовъ мѣстныхъ духовныхъ семинарій къ поступленію въ госпиталѣ, съ платою за проѣздъ, и ихъ стало поступать очень много.

Пользуясь этимъ исходатайствовано было отъ сената (11 декабря 1756) увеличить число штатныхъ учениковъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ до 50 человекъ (вмѣсто прежнихъ 20, имѣя въ виду увеличеніе арміи и распоряженіе содержать въ каждомъ полку, вмѣсто одного, по два подлѣкаря. Для помѣщенія же этихъ добавочныхъ учениковъ, въ С.-Петербургѣ, при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, предписано комиссаріату построить помѣщеніе для нихъ вблизи госпиталя и снабдить его всѣмъ нужнымъ. Для этого построены были 6 деревянныхъ корпусовъ, существующихъ и донныѣ подъ названіемъ втораго или лѣтнаго отдѣленія клиническаго военнаго госпиталя.

Въ іюнѣ 1758 года канцелярія московскаго университета прислала въ медицинскую контору 6 учениковъ изъ его гимназіи, изъявившихъ желаніе учиться медицинѣ (медицинскаго факультета въ московскомъ университетѣ еще не было). Ихъ экзаминовали въ госпиталѣ изъ латинскаго языка, но они не выдержали экзамена у латинскаго учителя Квикера и не были приняты, «по малолѣтству и по незнанію латинскаго языка», исключая одного (Льва Вѣнечанскаго).

Въ слѣдствіе этихъ распоряженій въ школы являлось такъ много кандидатовъ въ госпитальные ученики, что число ихъ превышало число штатныхъ мѣстъ въ госпиталяхъ. Медицинская канцелярія не тяготилась однакоже этимъ и разрѣшила принимать новыхъ учениковъ сверхъ штата, т. е. безъ платы или жалованья и безъ содержанія отъ казны. Такіе ученики назывались «волонтерами». Принимались они по такимъ же экзаменамъ, какъ и прямо поступавшіе на штатныя мѣста. Одни изъ нихъ опредѣлялись на срокъ, до открытія штатныхъ вакансій; другіе же на цѣлый курсъ оставались волонтерами и поступали на службу по окончаніи курса наравнѣ съ казеннокоштными своими товарищами.

Бывали впрочемъ и такіе бѣдняки, которые не показавъ въ комплектъ, не имѣли однакоже возможности содержать себя. Такимъ разрѣшалось жить въ госпиталѣ и пользоваться казеннымъ столомъ, но съ условіемъ, чтобы они выполняли въ госпиталѣ всѣ ученическія обязанности наравнѣ съ казеннокоштными.

Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ профессоръ Шрейберъ сталъ принимать къ себѣ въ ученіе и допускать къ учебнымъ занятіямъ совер-

шенно постороннихъ людей, по своему личному соглашенію съ каждымъ изъ нихъ: но это было запрещено и данъ указъ (14 апрѣля 1750), «чтобъ въ госпиталяхъ для обученія лѣкарской наукѣ постороннихъ людей, безъ указа медицинской канцеляріи, принимаемо не было».

Съ другой стороны большой наплывъ желавшихъ учиться медицинѣ давалъ возможность поступать въ госпитали и такимъ ученикамъ, которые не всегда оправдывали возлагавшіяся на нихъ ожиданія. Госпитальные доктора не щадили такихъ учениковъ и за лѣность, дурное ученіе и др. поступки исключали ихъ изъ госпиталей. 21 февраля 1755 года докторъ браншадтскаго адмиралтейскаго госпиталя Я. Миліусъ донесъ медицинской канцеляріи, что многіе изъ подлѣкарей и учениковъ «весьма неприлежно посѣщаютъ классы, какъ анатомическіе, такъ и латинскіе, да и въ рисовальные классы не являются, хотя были уже многократно штрафованы и репримандированы безъ плода». Докторъ Я. Миліусъ просилъ разрѣшенія «попробовать исправлять учениковъ розгами, а подлѣкарей стыдомъ поправлять, напримѣръ заставляя ихъ публично ружье носить и т. п., а если это не поможетъ, то у всѣхъ вычитать за каждый часъ прогульнаго лекціона деньги изъ жалованья, напримѣръ у ученика по 5, а у подлѣкаря по 10 р., и на эти деньги покупать школьныя книги». Тѣлесное наказаніе, розги, считались, очевидно, маловажнымъ штрафомъ, и не пристыжали такъ, какъ напримѣръ ношеніе ружья, и гораздо легче переносились, чѣмъ денежные вычеты. П. З. Кондонди послалъ въ Кронштадтъ штатдт-физика Лерхе и поручилъ ему, «собрать всѣхъ подлѣкарей и учениковъ, объявить имъ публичный выговоръ отъ имени медицинской канцеляріи и объявить имъ, что если и послѣ того будутъ лѣнны, непослушны и отлучаться отъ лекціоновъ, то по донесенію доктора подлѣкари лишены будутъ подлѣкарскаго званія, а ученики въ первый разъ будутъ наказаны розгами, а во второй разъ выключены будутъ изъ госпиталя».

Учебныя пособія. И теперь, какъ двадцать лѣтъ назадъ, важнейшимъ учебнымъ пособіемъ были учебныя тетради, писанныя подъ диктовку преподавателей. Онѣ писались, переписывались и переходили изъ рукъ въ руки съ малыми измѣненіями. Съ ними вмѣстѣ переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе всѣ ошибки, опечатки и искаженія первыхъ составителей ихъ. А сколько терялось времени на переписку и какъ эта потеря времени и труда замедляла ученіе — трудно и представить себѣ. Архіатеръ Фишеръ выкинулъ въ это дѣло при

самомъ учрежденіи петербургскихъ госпитальныхъ школъ и сталъ искать средствъ къ устраненію этого затрудненія. Прежде всего онъ велѣлъ выписать въ 1737 году 10 экземпляровъ для с.-петербургскихъ госпиталей:

1) *Нѣмецко-латинскій лексиконъ* Кирша (*Kirsch Cornu coriæ*), по 2 р. 50 к. за экземпляръ,

2) *Kulm, Tabulae anatomicae* (по 1 р. 50 к. за экземпляръ) и

3) *Laurent. Heisteri Chirurgia*, новаго изданія. Это были, кажется, первые печатные учебники, введенные въ госпитальныхъ школахъ. Ученики обязаны были всегда имѣть ихъ при себѣ. Но, очевидно, по дороговизнѣ своей эти учебники не могли считаться удовлетворительными. Къ тому же они были и недостаточны, потому что не обнимали всѣхъ предметовъ школьнаго ученія. Это навело архіатера Фишера на другую мысль: издать «компендіи» собственными средствами. На первый разъ онъ ограничился приготовленіемъ двухъ только компендій: анатомическаго и ботаническаго. Для этого въ 1738 году приказалъ онъ рисовальнымъ мастерамъ при госпиталяхъ заготовить рисунки для нихъ. Въ помощь рисовальнымъ мастерамъ приглашены къ работѣ ученики госпитальныхъ школъ, поступившіе изъ новгородской архіерейской семинаріи (изъ семинаріи Ѳеофана Прокоповича). Такъ были приготовлены 50 таблицъ рисунковъ, а именно 30 для анатомическаго и 20 для ботаническаго компендія. Первые изъ нихъ гравировались потомъ рисовальнымъ мастеромъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Трофимомъ Ульяновымъ на мѣдныхъ доскахъ, а затѣмъ имъ же самимъ и печатались. Текстъ къ анатомическимъ таблицамъ составлялся операторомъ Гапгартомъ, а послѣ его смерти операторомъ Я. фонъ-Мелленомъ. Печатаніе шло медленно, потому что текстъ не поспѣвалъ за таблицами, такъ какъ долженъ былъ составляться по готовымъ уже таблицамъ. Къ тому же оно происходило не въ однихъ рукахъ: текстъ печатался въ типографіи академіи наукъ, а таблицы самимъ Ульяновымъ при госпиталѣ. Отпечатать 500 экземпляровъ (именно половину заказаннаго количества), Тр. Ульяновъ сослался на недосугъ и сталъ отказываться отъ продолженія печатанія, прося передать его въ академію наукъ: но архіатеръ Лестоць приказалъ ему не отказываться, а продолжать работу. Корректуру читалъ фонъ-Мелленъ, а заглавіе (титулъ) и предисловіе составлены профессоромъ Іог. Фр. Шрейберомъ. И все таки текстъ остался неоконченнымъ, хотя печатаніе продолжалось четыре года (съ

1741 по 1744 годъ) ¹⁾. «Compendium anatomicum» обязательнъ былъ для каждаго ученика и для каждаго подлѣкаря, производившагося въ лѣкари. Экземпляры его разосланы были и въ московскій госпиталь. Ученіе по немъ продолжалось около 10 лѣтъ, если не болѣе. Къ сожалѣнію, прибавимъ, архіатеръ Фипшеръ не дождался осуществленія задуманнаго имъ важнаго и благотѣтельнаго предпріятія.

Быль ли изданъ «Compendium botanicum», для котораго приготовлены уже были рисунки—не имѣется свѣдѣній. Но заботы объ немъ были. 5 ноября 1740 года дано специальное приказаніе рисовальному мастеру московскаго госпиталя Михайлову заботиться объ обученіи подлѣкарей и учениковъ рисованью ботаническихъ фигуръ для сочиненія ботаническаго компендія и о присылкѣ образцовъ ученическихъ рисунковъ, о чемъ и приказано Блюментросту войти въ сношеніе съ д-ромъ медицинскаго огорода Герберомъ. Въ отвѣтъ на это Блюментростъ донесъ, что ученики рисуютъ порядочно, но съ книгъ, а не съ натуры. Медицинская канцелярія предложила дѣлать на рисункахъ подписи нарисованныхъ частей.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда писалась инструкция профессору Шрейберу, «Compendium anatomicum» еще не существовалъ и потому о немъ вовсе не упоминалось, а ученіе анатоміи рекомендовалось по Пальфину. А въ концѣ этихъ годовъ, въ инструкціи младшимъ докторамъ, онъ тоже не упоминается и анатомія должна была преподаваться по Альбину, Вислову, Вьесану и Виллису. Но если эти современныя знаменитости были хорошими руководителями для учителей, то ни одинъ изъ нихъ не могъ служить сочиненіями своими какъ учебниками для учениковъ. Настоящимъ учебникомъ принять былъ въ это время «Compendium anatomicum» Лавр. Гейстера, переведенный въ 1754 году на русскій языкъ лѣкаремъ Мартыномъ Шейномъ и изданный въ двухъ томахъ съ 9 таблицами рисунковъ въ 1755 году на

¹⁾ «Compendium anatomicum» печатался въ числѣ 200 экз. на александрійской и въ числѣ 800 экземпляровъ на коментарной бумагѣ. Типографія взяла за напечатаніе 1000 экземпляровъ 300 р. (считая выѣздъ бумагу, наборъ и печатаніе), т. е. по 30 к. за экземпляръ. Ульяновъ истратилъ на печатаніе рисунковъ (считая съ бумагою) 614 р. 36 к. Стало быть каждый экземпляръ обошелся въ 61 $\frac{1}{4}$ коп. По этому разсчету, раздавалъ экземпляры подлѣкарямъ и ученикамъ съ вычетомъ по 30 к. за экземпляръ. Годъ спустя (въ 1745 г.) экземпляръ продавался по 1 р., а на александрійской бумагѣ по 1 р. 20 коп.

счетъ медицинской канцеляріи ¹⁾). Для хирургическаго курса принять былъ учебникъ Гейстера, а потомъ *хирургіи* Платнера ²⁾; та и другая книги тоже переведены были на русскій языкъ. Наконецъ для курса внутреннихъ болѣзней учебниками служила Югана Шрейбера книга *De cognoscendis et curandis morbis*, изданная въ Лейпцигѣ въ 1754 году и Гофманова *Praxis medica*. Впрочемъ съ увеличеніемъ числа преподавателей начали размножаться и учебники. Каждый предлагалъ руководство по собственному выбору. Такъ въ 1758 докторъ Гійонгюсси а Петтени предложилъ готовность преподавать въ обоихъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ афоризмы Бургаава, матерію медику ³⁾, физиологію на препаратахъ по методѣ Альбина и патологию по книгѣ Гаубія, съ тѣмъ чтобы въ одинъ годъ окончить эти науки, и медицинская канцелярія одобрила это предложеніе.

Кромѣ учебниковъ, въ генеральныхъ госпиталяхъ были маленькія бібліотеки, но весьма ограниченныя. Такъ, на примѣръ, въ іюль 1754 года операторъ фонъ-Мелленъ представилъ доктору Кюндонди списокъ книгъ хранившихся «въ анатомической каморѣ» с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Ихъ было не болѣе 12 авторовъ, частію нѣмецкихъ, а частію латинскихъ. Въ послѣдствіи эти бібліотеки пополнялись покупкою отъ иностранныхъ докторовъ, возвращавшихся на родину, или отъ наслѣдниковъ умершихъ докторовъ. Такъ, въ 1758 году, по смерти доктора морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Петаля а Бриль осталась маленькая, но вполне соответствовавшая

¹⁾ Изданіе этого учебника обошлось въ 2148 р. 62 к. Продавался онъ на коментарской бумагѣ по 2 р. 20 к. а на александрийской бумагѣ по 2 р. 55 к. за экземпляръ. Переводчикъ (Мартынъ Шейнъ) произведенъ за этотъ переводъ въ штабъ-лѣкари (25 февраля 1758 года), съ оставленіемъ въ томъ же госпиталѣ главнымъ лѣкаремъ.

²⁾ *Хирургія* Платнера переведена также М. Шейномъ и этотъ переводъ посвященъ имъ Правительствующему Сенату.

³⁾ Н. Boerhaave, *Materia medica* 8°. L. V. 1740 съ афоризмами.

• *Aphorismi*. 8°. L. V. 1737.

Institutiones medicae. 8° L. V. 1746 Въ 1762 обѣ эти книги, вновь отпечатанныя въ Кенигсбергѣ (1761), у типографа Дриса, по заказу и насчетъ медицинской канцеляріи и продававшіяся по дешевой цѣнѣ съ присоединеніемъ *Compendii anatomici*, напечатаннаго 2 изданіемъ по приказанію архіатера Монзея раздавались ученикамъ даромъ, чтобы пріохотить ихъ къ изученію латинскаго языка. Если же ученикъ исключался изъ школы, то книги отбирались у него. За прочіе учебники взималась плата вычетомъ изъ жалованья.

своему времени библиотека и Кондонди купить ее для медицинской канцелярии. Въ ней заключалось 12 классныхъ книгъ и 44 различныя диссертации и куплено все это за 46 р. 20 коп.

Вообще же книгъ было мало, а ученыхъ или спеціально медицинскихъ журналовъ или повременныхъ изданій и совѣтъ не было. При томъ книги были дороги, по самой рѣдкости своей, и мало доступны средствамъ частныхъ людей, а для лѣкарей или подлѣкарей и совѣтъ недоступны. Докторъ П. З. Кондонди обратилъ вниманіе на эту забытую сторону современной медицинской организации и рѣшился помочь дѣлу чрезъ посредство медицинской канцелярии. Пользуясь случаемъ, что переводчикъ с.-петербургской академіи наукъ К. И. Щепинъ (въ послѣдствіи профессоръ и знаменитый ученый находился въ Лейденѣ для собственнаго образованія, онъ написалъ ему (7 апрѣля 1754), чрезъ придворнаго гофъ-маклера Генр. Христ. Штегельмана, заключить условіе съ тамошнимъ книгопродавцомъ Потфлитомъ (*Potvliet*) о высылкѣ въ Петербургъ книгъ по требованіямъ медицинской канцелярии, со всеми издержками на ея счетъ и съ процентомъ для него, но съ тѣмъ, чтобы 1) книги покупались около августа мѣсяца, когда бываютъ аукционы и книги продаются дешевле; 2) чтобы онѣ были тѣхъ эдицій и формата, какъ требуются и 3) чтобы столько было экземпляровъ, сколько требуется, и чтобы онѣ были чистыя и полныя, но безъ переплета, а только брошюрованныя. На первый же разъ самимъ Кондонди выписаны сочиненія Весаля, Альбина, Бургаава, фанъ-Свитена, Винслова, Гейстера и др. въ различномъ количествѣ экземпляровъ—отъ 4 до 28—а *Pharmacopaea Lugdunensis*, 8° 1751. L. V. въ числѣ 60 экземпляровъ. Книги получены въ іюлѣ тогоже года чрезъ Пельса, Штегельманова корреспондента, и деньги за нихъ немедленно уплачены Штегельману въ Петербургъ ¹⁾. Немедленно по полученіи, книги переплетены въ Петербургѣ переплетчикомъ Штофомъ и разосланы въ петербургскіе и въ московскій госпиталь. По-

1) Замѣчательно, что получивъ эти книги Щепинъ выдалъ въ Лейденѣ Пельсу двѣ квитанціи: одну на голландскомъ, а другую на итальянскомъ языкахъ. Посылая книги, Щепинъ писалъ, что не могъ найти французскаго изданія Винслова болѣе одного экземпляра и потому посылаетъ три экземпляра латинскаго перевода его (*Winslow, Exposition anatomique du corps humain. 4° Paris, 1732. Idem liber latine editus 8o Francf 1733 4 vol.*) Равнымъ образомъ и *Albini De ossibus corporis humani. 8°* нельзя было достать болѣе 28 экземпляровъ, тогда какъ требовалось 60.

добныя же условія заключены были и съ нѣкоторыми германскими книгопродавцами.

Кондонди такъ былъ доволенъ скорою и безпрепятственною доставкою выписанныхъ иностранныхъ книгъ и такъ былъ увѣренъ въ дѣйствительной пользѣ полученія ихъ, что 29 ноября 1755 года разослалъ указы съ приглашеніемъ всѣхъ, кто пожелалъ бы выписать для себя изъ за границы книги анатомическія, медицинскія, химическія, хирургическія, фармацевтическія, физическія, математическія и другія, то прислалъ бы въ медицинскую канцелярію къ сентябрю мѣсяцу реестръ желаемыхъ книгъ и она немедленно выпишетъ ихъ для заказчиковъ.

Но Кондонди не остановился на этомъ. Онъ зналъ и былъ увѣренъ, что для образованнаго медика мало однѣхъ книгъ, какъ бы онѣ ни были совершенны; что книжныя понятія устарѣваютъ и быстро измѣняются, такъ что по однѣмъ книгамъ невозможно услѣдить за движеніемъ науки, и что единственное средство къ тому—ученыя періодическія изданія. Съ другой стороны не безызвѣстно ему было и то, что ученые журналы дороги, мало доступны средствамъ частныхъ людей и совершенно недоступны русскимъ лѣкарямъ съ ихъ малымъ жалованьемъ. Для устранения этихъ затрудненій онъ рѣшился на важный шагъ—устройство въ столицахъ публичныхъ медицинскихъ библіотекъ, началъ съ Петербурга. Обдумавъ это предположеніе, онъ внёсъ его въ сенатъ 21 марта 1754 года и получилъ благосклонную конфирмацію; къ представленію его приложена была инструкція для пользованія предполагаемою библіотекою, составленная имъ самимъ, и тоже утверждена сенатомъ. Объявлено все это слѣдующимъ указомъ медицинской канцеляріи:

«Понеже въ поданномъ въ Прав. Сенатъ прошлаго 1754 года марта 21 дня изъ медицинской канцеляріи доношеніи, между прочимъ представлено для конфирмаціи, что для приплоду ученія, для справки и рѣшенія криминальныхъ медицинскихъ и лѣкарскихъ казусовъ о ранахъ и тому подобныхъ случаевъ для извѣстія учиненныхъ и чинимыхъ въ чужихъ краяхъ порядочныхъ учрежденіяхъ въ случаѣ моровой язвы или народной прилипчивой болѣзни, сирѣчь эидеміи, и скотскаго падежа и тому подобныхъ другихъ надобностей и для общаго просвѣщенія обрѣтающихся въ столичныхъ городахъ докторовъ, лѣкарей и аптекарей, и противъ примѣру другихъ государствъ не токмо пристойно, но наипаче нужно потребно есть при медицинской канцеляріи имѣть достаточную библіотеку, къ чему изданныхъ книгъ по всѣмъ частямъ меди-

цены славнѣйшихъ авторовъ сокупить, и къ тому медицинской канцеляріи изъ своихъ доходовъ употребить въ каждый годъ до четырехъ сотъ рублей, а потребныя по усмотрѣнію онойже канцеляріи къ тому книги выписывать изъ за моря, откуда свободнѣе будетъ; что тогожь 1754 года мая 5 дня присланнымъ изъ Правительствующаго Сената указомъ и конфирмовано. И по силѣ оной конфирмаціи по выписыванію отъ медицинской канцеляріи къ бывшимъ въ количествѣ въ прошломъ 1754 и сего 1757 годахъ изъ Голландіи и изъ Германіи сокуплено на разныхъ языкахъ не малое число книгъ, въ томъ числѣ имѣются также изданныя въ разныхъ мѣстахъ на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ разныя періодическія сочиненія, и для полученія ихъ впредь повсегодно съ прочими, какъ старинныхъ такъ и новѣйшихъ авторовъ книгами отъ оной канцеляріи потребныя мѣры взяты, по которымъ впредь въ оной канцеляріи достаточныя во всѣхъ частяхъ медицины, физики экспериментальной и исторіи натуральной на разныхъ языкахъ бібліотека состоятъ будетъ; а понеже оное учинено притомъ и для общаго просвѣщенія обрѣтающихся въ службѣ Е. И. В. докторовъ, лѣкарей и аптекарей, подлѣкарей и гезелей аптекарскихъ и для подлежащихъ имъ въ потребныхъ случаяхъ справокъ, точію изъ бібліотеки оныя книги въ квартиру никому отдаваемы быть не имѣютъ и не должны; однакожь дабы и оныя напачеже медицинской канцеляріи подчиненныя чины тою совокупляемою бібліотекою пользоваться могли, во уваженіи чрезъ то не малаго ихъ успѣху къ службѣ Е. И. В. и общества: того рада слѣдую выше показанному въ другихъ государствахъ примѣру и желательно, стараясь о просвѣщеніи и успѣхахъ подчиненныхъ своихъ, сего 1755 года декабря 5 дня по указу Е. И. В. медицинская канцелярія приказала учинить слѣдующее:

1) По средахъ и субботахъ, отъ 3 до 6 часовъ пополудни, позволено докторамъ, лѣкарямъ, аптекарямъ и ихъ гезелямъ приходить въ медицинскую канцелярію, гдѣ въ опредѣленной каморѣ имъ можно читать книги, и для того въ эту камору поставить столовъ и стульевъ, сколько свободно умѣстить можно, и сему учредить начало въ первую среду послѣ 6 января 1756 года, о чемъ отъ канцеляріи заблаговременно извѣститъ всѣхъ докторовъ и лѣкарей и проч.

2) Ежели, кромѣ выше означенныхъ, какіе ученые или почтенные люди симъ учрежденіемъ пользоваться пожелаютъ и имъ позволается въ тѣ дни и времена приходить и къ тому ихъ равномѣрно допускать.

3) Въ оной каморѣ на столѣ имѣтъ по одному каталогу имѣющихся въ бібліотекѣ книгъ и по оному, которая кому надобна книга, требовать къ чтанію, и для того въ тѣ дни и времена быть притомъ опредѣленному на вспоможеніе штадъ физика доктору и ему на вспоможеніе студіозу Индебету съ нѣмецкимъ писчикомъ, а канцелярному сторожу и солдатамъ также чинять вспоможеніе.

4) Позволяется въ тѣ книги, что кому надобно читать, и себѣ списывать, однакожь съ тѣмъ чтобы въ тѣ книги ничего не вписывать, ничѣмъ тѣ книги не марать, переплеты не усиливать и единымъ словомъ отнюдь ничѣмъ тѣ книги не повреждать а по прочтеніи или по ишествіи опредѣленнаго времени тѣ книги пакы возвращать самимъ ономуже доктору, что онъ прилежно наблюдать и смотрѣть имѣеть, дабы тѣмъ книгамъ никакая трата послѣдовать не могла, а ежели кто, въ противность сего, попуститъ и которую книгу весьма повредитъ или замараетъ, такую книгу онъ заплатитъ, во что въ казну стала, долженъ.

5) Приходящіе имѣють тихо и благоприсойно обращаться и ничѣмъ другъ другу въ чтеніи не мѣшать, а ежели кто въ противность сего учинитъ, имѣеть опредѣленный докторъ въ томъ его учтиво увѣщевать, и ежели не уймется о томъ главному директору объявить, почему впредъ такой и впущенъ не будетъ.

6) Кто прежде пріѣхалъ, которое мѣсто занялъ, тое и удержитъ и уступить занятое мѣсто не долженъ другому, хотябы онъ его и чиномъ былъ выше.

7) Когда кто вновь приходитъ будетъ, другіе находящіеся встать и ему почтеніе оказать не должны и онъ того въ обиду себѣ почестъ не имѣеть, понеже чтенію ничѣмъ помѣшать не надлежитъ.

8) Ежели такимъ числомъ приходятъ будутъ, что умѣститься будетъ негдѣ, приходящимъ послѣднимъ возвращаться и въ другой опредѣленный день придти надлежитъ, а помѣшательства зато никакова не чинить.

9) По ишествіи опредѣленныхъ часовъ, въ чемъ положиться на канцелярскіе часы, докторъ объявляетъ находящимся, что время прошло; по чему должны встать и идти, ежели же кому крайне надобно окончить читаемое о томъ долженъ отъ него просить учтиво позволенія, по чему и позволить, однако не свыше получаса времени.

10) Бумагу, перо и чернила должны имѣть свои, кои что списать похотятъ.

11) Отъ 24 декабря по 6 января, отъ Вербнаго по Фомино воскресенье и по всѣмъ торжественнымъ и другимъ въ табели показаннымъ праздникамъ, когда припадуть въ опредѣленные дни, открываться не будетъ библіотека.

12) Никто да не оставляетъ порученное дѣло и должность свою подъ видомъ хожденія въ библіотеку; особливожь подлѣбари и гезели безъ позволенія начальниковъ своихъ да не дерзають отлучаться отъ своего мѣста и дѣла.

13) Ежели кто знаетъ автора, котораго изданные книги достойны имѣться въ библіотекѣ, позволяетъ ему подать письменно имя того автора и резстръ его изданныхъ книгъ, совокупля форматъ, годъ и мѣсто гдѣ печатаны.

Открытая такимъ образомъ медицинская библіотека стала быстро наполняться книгами. Самъ Кондонди передалъ въ нее множество своихъ собственныхъ книгъ. Туда же переданы были и всѣ тѣ книги, которыя были куплены для медицинской канцеляріи у выѣзжавшихъ изъ Россіи или умершихъ докторовъ. Наконецъ ежегодно выписывались новыя книги на вышеозначенную сумму, утвержденную сенатомъ въ 1754 году. Въ счетъ этойже суммы стали выписываться и ученые журналы. «Понеже, писалъ въ одномъ изъ своихъ указовъ Кондонди, для знанія о происходимыхъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ къ приращенію медицины и ея частей опытахъ и успѣхахъ и о томъ изданныхъ отъ ученыхъ людей въ печать книгъ, такожъ для сообщенія о томъ состоящемъ въ вѣдомствѣ медицинской канцеляріи въ Москвѣ и С.-Петербургѣ докторамъ и лѣкарямъ для извѣстія и просвѣщенія печатанные въ Голландіи на французскомъ языкѣ *Journal des savants* и въ Лейпцигѣ *Commentaria de rebus in scientia naturali et medicina gestis* медицинской канцеляріи необходимо содержать надлежитъ, и для того имъ, директоромъ медицинской канцеляріи, 13 декабря 1753 года писано въ Амстердамъ къ бушпамъ Реймонду и Теодору Десметовымъ, чтобы они *Journal des savants* съ января 1754 года помѣсячно или поштучно, когда изъ печати выйдутъ, въ реченную канцелярію присылали, а *Commentaria* съ самаго начала, т. е. съ 1752 года лѣтомъ на корабляхъ присылали. А деньги платиться будутъ изъ медицинской канцеляріи на особый счетъ». Въ апрѣлѣ 1754 года Кондонди предлагалъ читать ихъ всѣмъ, кто пожелаетъ, только съ тѣмъ, чтобы каждый держалъ у себя нумеръ журнала не болѣе 4 дней. Подобнымъ образомъ въ 1755 году выписаны были *Göttingische gelehrten Zeitungen*, съ начала изданія ихъ, т. е. съ 1753 по 1755 годъ включительно, съ тѣмъ чтобы потомъ постоянно получать ихъ. За экземпляры двухъ первыхъ годовъ заплачено было по 5 р. 25 к., а за послѣдній годъ 7 рублей. Выписывались онѣ чрезъ Вѣдомственную Экспедицію, состоявшую подъ управленіемъ почт-директора Аша. Кромѣ того Кондонди отъ себя подарилъ въ библіотеку: *Acta lipsiensia* съ 1682 по 1731 годъ (50 книгъ), *Supplementa* къ нимъ (9 томовъ) и къ нимъ же *Indices* (4 книги). *Miscellanea Academiae naturae curiosorum* съ 1670, decuriae I et II, съ ихъ indices, et decuriae III за первые четыре года (всего 8 томовъ въ пергаментномъ переплетѣ). *Acta physico-medica Academiae naturae curiosorum*, 9 томовъ.

Другимъ важнымъ учебнымъ пособіемъ служили *трупы*. Директоръ Бондоиди твердо настаивалъ на анатомическихъ демонстраціяхъ при школьномъ преподаваніи и не допускалъ отговорокъ недостаткомъ труповъ, «ибо не безызвѣстно, писалъ онъ, что славный Альбинусъ на четырехъ кадаверахъ всю анатомію и всѣхъ грубыхъ (т. е. большихъ) операций хирургическихъ ясно и совершенно показывалъ, да и славный Винсловъ не болѣе того употреблялъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень заботился о снабженіи госпитальныхъ школъ трупами, мотивируя необходимость ихъ во-первыхъ тѣмъ, что безъ нихъ невозможно правильное и успѣшное преподаваніе анатоміи, равно какъ и упражненіе учениковъ въ препарованіи; во вторыхъ тѣмъ, что при смертельномъ исходѣ болѣзни въ госпиталѣ вскрытіе трупа умершаго необходимо для опредѣленія дѣйствительной причины смерти его, равно какъ для повѣрки сдѣланнаго распознаванія предсмертной болѣзни и дѣйствія лѣкарствъ; въ третьихъ тѣмъ, что въ случаяхъ скоростязной или насильственной смерти только чрезъ осмотръ и вскрытіе мертвыхъ тѣлъ возможно указать дѣйствительную причину смерти и отличить насильственную смерть отъ естественной.

Для *анатомическихъ занятій въ госпиталѣхъ* прежде всего назначались тѣла умершихъ въ госпиталѣхъ, но съ двумя исключеніями: чтобы не назначались для этой цѣли тѣла умершихъ дворянъ и тѣла тѣхъ покойниковъ, у которыхъ есть родственники или свойственники, желающіе сами похоронить ихъ.

Годъ спустя указанъ еще источникъ изъ котораго можно было получать большое число труповъ, это—полиціймейстерская канцелярія. А именно 14 апрѣля 1746 года предписано профессору Шрейберу, «для обученія подлѣгателей и учениковъ въ анатоміи и хирургіи, употреблять изъ присылаемыхъ отъ главной полиціеймейстерской канцеляріи въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь для осмотра мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ, кои за осмотромъ доктора Нича и оператора фонъ-Меллена ¹⁾ цѣлы и къ такой анатоміи годными останутся, да къ тому изъ умершихъ въ тѣхъ госпиталѣхъ, а особливо некрещеныхъ татаръ, черемисъ и прочихъ въ силѣ регламента, кои будутъ потребны, а изъ русскихъ и прочихъ крещеныхъ, кромѣ дворянъ и имѣющихъ родственниковъ, которые такіа тѣла отъ себя по-

¹⁾ То есть за осмотромъ и вскрытіемъ судебно-медицинскимъ.

гребать пожелають, брать съ вѣдома и согласія госпитальныхъ священниковъ, коихъ для той анатоміи употребить можно, и въ томъ соглашаться съ тѣми священниками оператору фонъ-Меллену. А понеже съ кадаверами надлежитъ поступать бережно и осторожно и медицинскоі канцеляріи извѣстно есть, что къ исправленію пристойнымъ образомъ анатомическихкихъ и хирургическихкихъ лекціоновъ годовымъ курсамъ не весьма многихъ кадаверовъ потребно, того ради уповається, что не токмо къ анатомо-хирургической потребѣ, но и къ экзерцированію (т. е. препарованію) достойныхъ подлѣбарей и учениковъ въ силѣ регламента гл. 2 пун. 15, всегда довольное число кадаверовъ имѣться будетъ».

Почти въ тоже время пришла жалоба отъ доктора кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя Ф. Ян. Миліуса на недостатокъ труповъ для учебныхъ занятій. «Отъ командъ получить ихъ невозможно, а по регламенту изъ умершихъ больныхъ къ настоящей и цѣлой анатоміи никого брать не велѣно, а изъ татаръ или некрещеныхъ рѣдко кто умираеть, да изъ найденныхъ замерзлыхъ и утопшихъ и иною скоропостижною смертію умершихъ россійской націи къ цѣлой анатоміи брать не позволяютъ, то иногда цѣлый годъ проходитъ, что едва одного до дву человекъ къ цѣлой анатоміи получаютъ, также и казни тамъ рѣдко случаются, а кто изъ татаръ рѣдко когда умреть, то оные бывають одряхлелые и высохшіе люди, что при цѣлой анатоміи ими ничего исправить невозможно и тако какому при всемъ томъ въ анатоміи успѣху быть можно». Въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ тогдашній Кронштадтъ, населенный почти исключительно морскими командами, гдѣ каждый житель на виду, а каждое происшествіе быстро узнается всѣми, госпитальные распоряженія тотчасъ же узнавались всѣми и перетолковывались каждымъ по своему. Анатомированіе покойниковъ принималось неблагоклонно темными массаи народонаселенія и анатомическія работы должны были страдать отъ недостатка матеріала. Докторъ Миліусъ обратился въ контору надъ портомъ и получилъ позволеніе брать трупы татаръ: но позволеніе оказалось бесполезнымъ, потому что въ городѣ не было ни одного татарина. Съ тойже просьбою обратился онъ къ контръ-адмиралу Балмыкову: но тотъ накрѣпно заказалъ, чтобы тѣла ни замерзлыхъ ни утопшихъ, ни умершихъ отъ пьянства, ни убитыхъ, если они русскаго происхожденія, ни подъ какими вѣдомъ не брать для анатомическихкихъ занятій. Дѣло зависѣло, очевидно, отъ темнаго предразсудка

и архіатеръ Лестоку (т. е. опять-таки Кондоиди отъ имени Лестока) взять на себя трудъ разъяснить его. 22 мая 1746 года онъ приказалъ послать промеморію въ адмиралтействъ коллегію и требовать, чтобы конторѣ надъ портомъ приказано было, «для обученія въ анатоміи и хирургіи подлѣбареи и лѣкарскихъ учениковъ, тѣлеса умершихъ татаръ и другихъ иновѣрцовъ во флотѣ и кронштадтскомъ госпиталѣ отдавать въ тотъ госпиталь безпрепятственно, такожъ найденныя тѣлеса утопшихъ, убитыхъ или отъ пьянства и угару или какою иною скоропостижною смертію умершихъ посылать въ тотъ же госпиталь для осмотра и свидѣтельства, какъ то въ С.-Петербургѣ и Москвѣ отъ всѣхъ мѣстъ чинится и изъ тѣлесъ неизвѣстныхъ и родственниковъ не имѣющихъ, кромѣ дворянъ, съ согласія госпитальнаго священника, послѣ осмотра и свидѣтельства, для демонстрацій анатомико-хирургическихъ и для экзерцированія обучающихся подлѣбареи и учениковъ употреблять, умершихъ же при томъ госпиталѣ, особливо съ чрезвычайными и примѣчанія достойными болѣзнями одержимыхъ, самыхъ крещеныхъ, по требованію госпитальнаго доктора давать вскрывать едино для изысканія и познанія причины смерти безъ отрицанія, яко то не токмо въ другихъ госпиталяхъ, но и по требованію партибулярныхъ надъ самыми знатными чинится; а выше показанное согласіе госпитальнаго священника въ употребленіи тѣлесъ умершихъ для демонстрацій анатомико-хирургическихъ требовать оператору Мельцеру, яко на то дѣло при показанномъ госпиталѣ опредѣленному, и о томъ ему послать указъ и объявить, дабы онъ во вскрываніи анатомическомъ тѣлесъ чинилъ порядочно и осторожно, едино для изысканія познанія и истолкованія присутствующимъ и обучающимся причины смерти, въ произвожденіи въ настоящее время годоваго курса анатомико-хирургическихъ демонстрацій по своей должности возимѣлъ непремѣнное и неуспынное стараніе и прилежаніе, причемъ съ получаемыми на то кадаверами поступалъ осторожно и бережно, дабы отнюдѣ недостатокъ воспослѣдовать не могъ. Медицинская же канцелярія довольно вѣдаетъ, что къ произвожденію таковаго годоваго курса анатомико-хирургическихъ демонстрацій не весьма много кадаверовъ потребно. А въ главную полицеймейстерскую канцелярію послать промеморію и требовать, дабы повелѣно было кого надлежитъ опредѣлить указомъ, найденныя иногда полицією въ Кронштадтѣ мертвыя тѣла утопшихъ, убитыхъ, замерзлыхъ, отъ угару, пьянства или иною скоропостижною смертію и казенныхъ для ос-

жотра и анатоміи отсылать въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь». Адмиралтействъ коллегія убѣдилась этими доводами и 18 іюня 1746 сдѣлала распоряженія вполне согласныя съ предложеніемъ медицинскіи канцеляріи. Въ послѣдствіи эти распоряженія мало по малу вошли въ обычай и уже рѣдко оспаривались, хотя и нуждались иногда въ напоминаніяхъ, какъ напримѣръ это было въ ноябрѣ 1759 года. Въ непродолжительномъ послѣ того времени анатомическія занятія въ госпитальныхъ петербургскихъ школахъ такъ расширились, что операторъ Я. фонъ-Мелленъ просилъ себя помощника «въ демонстраціи анатоміи, препарованіи и употребленіи бандажей и въ присмотрѣ за анатомическими занятіями учениковъ». По этой просьбѣ опредѣленъ 22 декабря 1761 помощникомъ къ нему (прозекторомъ) лѣтварь с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя А. Р. Pfeffer, подъ главнымъ начальствомъ доктора Янша, читавшаго тогда лекціи въ обоихъ госпиталяхъ.

До сихъ поръ говорилось нами о полученіи труповъ исключительно для анатомо-хирургическихъ занятій. Но они необходимы были и для изученія патологій. Когда архіаітеръ Лестоукъ писалъ указъ (18 марта 1745 года) профессору Іог. Шрейберу, предлагая «вскрывать тѣла умершихъ въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ и показывать и толковать подабгарямъ и ученикамъ, по силѣ генеральнаго регламента», то онъ разумѣлъ исключительно патологическія вскрытія, а жалобу госпитальнаго священника, будто «разобранныя тѣла хоронить не можно» оставилъ безъ отвѣта.

Тоже самое распоряженіе, но въ болѣе ясной формѣ подтвердилъ главный директоръ Кондонди въ указѣ 24 октября 1758 года. Этимъ указомъ предписывалось, «чтобы послѣ смерти больныхъ въ госпиталяхъ производилось *анатомирование иль для узнанія причинъ смерти, разясненія болѣзни и недѣйствительности льченія* (соответственно адмиралтейскому и генеральному регламентамъ, и вообще для наученія юношества въ узнаніи скрытыхъ причинъ болѣзней), а что найдется ненатуральное и странное—рисовальному мастеру срисовать и съ докторскимъ описаніемъ и примѣчаніями представить въ медицинскую канцелярію на латинскомъ или русскіи діалектѣ, которыя по усмотрѣнію напечатаны будутъ въ пользу общества и въ славу авторовъ, ибо анатоміею часто оказываются скрытыя разныя болѣзней причины и нерѣдко тѣмъ же способомъ являются потаенныя натуры дѣйствія къ произведенію въ болѣзняхъ

разныхъ, а иногда и неясныхъ перемѣнъ, отъ чего къ употребленію въ подобныхъ случаяхъ надлежащихъ способовъ въ излѣченіи такихъ же больныхъ успѣхи и польза, медицинской наукѣ приращеніе, а учащимся при госпиталяхъ не малое просвѣщеніе послѣдовать имѣеть, а ежели въ томъ умершихъ въ госпиталяхъ анатомированіи отъ духовныхъ и отъ другихъ какихъ чиновъ препятствіе или ссоры произойдутъ, объ ономъ медицинской канцеляріи представлять со обстоятельствомъ, почему она канцелярія къ пресѣченію тѣхъ споровъ и препятствій надлежащее употребить стараніе, и хотя оное дѣло сущая есть должность госпитальныхъ докторовъ и сама отъ того приращеніе своей наукѣ получить купно и прославить имя свое имѣють, однакожь для ободренія ихъ къ произвожденію толь полезнаго дѣла медицинская канцелярія общаетъ отъ себя по усмотрѣнію награжденіе тѣмъ, кои въ томъ наиприлежнѣйше упражнятся, такожь отмѣнныя и искуснѣйшія описанія болѣзней съ примѣчаніями присылать будутъ».

Въ этомъ указѣ нѣтъ точнаго указанія на то, кто долженъ дѣлать патологическія вскрытія труповъ въ госпиталяхъ. По косвенному и крайне деликатному указанію они должны были лежать на обязанности госпитальныхъ докторовъ: но эти послѣдніе отклоняли отъ себя эту обязанность и поручали ее подчиненнымъ своимъ и то не часто. Изъ этого возникали недоразумѣнія и неудовольствія, какъ случилось на первыхъ же порахъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Госпитальный докторъ Полетика поручилъ дѣлать вскрытія оператору Я. фонъ-Меллену, а тотъ отказался ссылаясь на то, что въ указѣ не сказано, чтобъ онъ это дѣлалъ, что это не его дѣло и даже не далъ анатомическихъ инструментовъ для этихъ вскрытій. Большею частію дѣлали ихъ младшіе доктора, а потомъ доценты.

Чтоже касается *судебно-медицинскихъ вскрытій*, то хотя судебная медицина не преподавалась съ кафедры, но трупы скоростижно умершихъ въ обѣихъ столицахъ присылались «для осмотра и освидѣтельствованія» въ госпитали. Операторы госпиталей (Кальдервудъ въ Москвѣ и Я. фонъ-Мелленъ въ Петербургѣ) производили ихъ въ большомъ числѣ и тяготились этой обязанностію, но исполняли ее какъжется потому только, что чрезъ это могли получать много труповъ для другихъ учебныхъ цѣлей, т. е. «для демонстрацій анатомическихъ и хирургическихъ и для экзерцированія самихъ въ томъ госпи-

талѣ (московскомъ) обучающихся медико-хирургіи», какъ сказано въ указѣ медицинской канцеляріи 30 апрѣля 1746 года.

Наконецъ и самыя *генеральныя госпитали* приобрѣли значеніе учебныхъ пособій для содержащихся въ нихъ шеголь. Ученики начали пріучаться въ нихъ къ самостоятельности, къ разумному обсужденію представлявшихся имъ въ госпиталѣ случаевъ и къ собственному описанію ихъ. Пассивное записываніе продитованныхъ докторомъ примѣчаній при постеляхъ больныхъ и пассивное же заучиваніе ихъ смѣнилось собственнымъ наблюденіемъ и собственнымъ записываніемъ видѣннаго, но подъ руководствомъ госпитальнаго доктора. Это было настоящее клиническое ученіе, обязательное для старшихъ учениковъ и подлѣкарей, и производилось оно на тѣхъ больныхъ, которые по выбору госпитальнаго доктора могли представить что либо поучительное въ патологическомъ или лѣчебномъ отношеніяхъ. О ходѣ болѣзни и результатахъ лѣченія этихъ больныхъ ученики обязаны были писать подробныя *исторіи болѣзней*, которыя въ послѣдствіи приобрѣтали значеніе взаменнаго документа и даже доводились до свѣдѣнія медицинской канцеляріи.

Вотъ какъ узаконены онѣ указомъ медицинской канцеляріи 31 октября 1745 года: «Весьма потребно имѣеть быть, чтобы подлѣбари и достойные въ произвожденію ученики заблаговременно привыкали обстоятельно примѣчать болѣзней и обучались описать оныя искусно, и для того госпитальнымъ докторамъ по ихъ разсмотрѣнію въ горячимъ внутреннимъ и другимъ примѣчанія достойнымъ болѣзнямъ, особливо же въ чрезвычайнымъ приставливать ихъ и наставлятъ съ самаго приводу больнаго въ госпиталь до обончанія болѣзни примѣчать и записывать аккуратно наружный видъ больнаго; его дыханіе, пульсъ, урину, потъ и прочіе экскременты; дѣйствіе и успѣхъ лѣкарствъ употребленныхъ, случающіяся перемѣны и вновь припадки и что впоследствии будетъ по выздоровленіи отъ болѣзни до выпуска изъ госпиталя, ежелиже больной умретъ и тѣло анатомировано будетъ, то ему жъ быть въ самой близости къ тому кто анатомію творить, особливо и аккуратно ему показывать и толковать, что найдено будетъ противонатуральнаго, отъ чего причинилась болѣзнь и послѣдовала смерть, которое все ему, подлѣбарю или ученику, записывать аккуратно и изъ всего того составлять по своей возможности и искусству, на которомъ діалектѣ ему лучше возможно—на латинскомъ или германскомъ—исторію болѣзни и оную подавать госпитальному доктору для

разсмотрѣнія и поправленія по настоящему медицинскому знанію, не мѣшая мнѣній и толкованій, едино исторически описуя болѣзнь, и потомъ при первомъ мѣсячномъ экзаменѣ прочитавъ ему, подлѣкарю или ученику, при собраніи ту гисторію болѣзни велегласно и прочитавъ за собственноручнымъ подписаніемъ имени своего вручить госпитальному доктору для непремѣнной присылки въ медицинскую канцелярію, причемъ для наилучшаго ихъ ободренія въ томъ госпитальнымъ докторамъ именемъ медицинской канцеляріи объявлять и общать имъ, подлѣкарямъ и ученикамъ, что кто изъ нихъ предъ другими лучшимъ прилежаніемъ и успѣхомъ болѣзни примѣчатъ и описываютъ, таже исторію болѣзни своимъ искуствомъ безъ поправленія докторскаго составлять будетъ, тому и отъ медицинской канцеляріи при происхожденіи особливое разсмотрѣніе и награжденіе учинено будетъ, и для того имъ-же госпитальнымъ докторамъ при присылкѣ въ медицинскую канцелярію тѣхъ гисторіевъ болѣзней присылать свое мнѣніе и успѣхъ составляющихъ оныя письменно на тѣхъ же листахъ.

По мѣрѣ того какъ упрочивалось учебное значеніе генеральныхъ госпиталей, расширялось и лѣчебное значеніе ихъ. Они почти исключительно становились военными. Но армія увеличилась въ половинѣ прошлаго столѣтія, потребность въ лѣкаряхъ тоже увеличилась ¹⁾, а штаты госпиталей и школъ ихъ оставались неподвижными. Въ госпитали поступало больше больныхъ, чѣмъ они могли вмѣстить. Отъ этого учебно-лѣчебный персоналъ отвлекался отъ своего главнаго занятія, и не смотря на то смертность въ госпиталяхъ была очень велика, по причинѣ чрезмѣрной тѣсноты помѣщенія больныхъ. Такъ въ іюлѣ 1755 года въ московскомъ госпиталѣ перебувало 1474 больныхъ и изъ нихъ выздоровѣло только 358, умерло 155 и осталось 456 человекъ. Директоръ медицинской канцеляріи П. З. Кондоиди спросилъ о причинахъ такой ужасной смертности и получилъ отъ госпитальнаго доктора Ники отвѣтъ, что во-первыхъ большая часть смертности падала на *febris continua* (130), т. е. на всѣ роды горячекъ, и на *diarhoea* (22 чел.), т. е. на всѣ роды fluxus; во вторыхъ, что не рѣдко присылаются изъ полковъ и другихъ командъ такіе больные, которые уже безнадежны и уже не могутъ принимать лѣ-

¹⁾ Въ 1756 году постановлено содержать въ каждомъ полку, вмѣсто одного по два подлѣкаря.

карства, а иные умираютъ едва доѣхавъ до госпитальнаго двора или черезъ день по прїѣздѣ, «и распространяютъ въ госпиталѣ такой духъ, отъ котораго и другимъ не безнадежнымъ больнымъ не безъ опасности». Наконецъ третья причина та, что госпиталь очень тѣсенъ и не можетъ вмѣстить всѣхъ привозимыхъ больныхъ. Онъ устроенъ былъ на 200—300 человѣкъ, а принужденъ принимать и содержать до тысячи больныхъ и даже болѣе. «Отъ тѣснаго помѣщенія въ госпиталѣ, а паче болящихъ поносами и прочими тяжкими болѣзнями заражается воздухъ и слѣдуетъ смрадъ, почему вмѣсто желаемаго облегченія натурально больные въ болѣзняхъ своихъ не только продолжаютъ, но и пуще страдаютъ». Приводя эти аргументы П. З. Бондоиди просилъ военную коллегію расширить московскій госпиталь, чтобы можно было помѣщать въ немъ до 1000 человѣкъ и соответственно тому увеличить медицинскій штатъ его. Точно такое же представленіе сдѣлано было относительно с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, и оба они исполнены были военною коллегією, хотя и не очень скоро. А съ исполненіемъ ихъ оказалось возможнымъ устранить учениковъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей въ госпиталяхъ (очередное дежурство, перевязка больныхъ и раненыхъ, приготовленіе припаровъ, приставленіе пьавовъ и мушекъ, кровопусканіе и проч.) и передать его школьникамъ (фельдшерамъ) и цирюльникамъ, послѣ чего ученики обязаны были посвящать все свое время только ученію, какъ теоретическому, такъ и практическому.

Такимъ образомъ въ генеральныхъ госпиталяхъ учебная часть постепенно отдѣлялась отъ лѣчебной и каждая изъ нихъ развивалась по своему собственному направленію, связываясь между собою только въ лицѣ госпитальнаго доктора, какъ главнаго начальника госпиталя и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателя и распорядителя учебной части его.

✓ *Учебный курсъ.* Устроивъ генеральные госпитали такъ широко, какъ только было возможно, и снабдивъ ихъ какъ учебными пособиями, такъ и учебнымъ персоналомъ, директоръ медицинскій канцеляріи П. З. Бондоиди издалъ точныя правила о сробахъ ученія въ госпитальныхъ школахъ и подробную программу его. *Курсъ ученія* постановленъ былъ *семилѣтній*, причемъ удовлетворительно окончившіе его производились по экзаменамъ въ лѣбаріи, съ назначеніемъ на самостоятельныя должности. Подлѣбарское званіе не уничтожено, но присвоивалось въ половинѣ учебнаго бурса всѣмъ тѣмъ ученикамъ,

которые успѣшно прошли первые три года ученія; по окончаніи же 7 лѣтняго срока ученія оставалось оно только за тѣми, которые по безуспѣшности не удостоивались лѣкарскаго званія. Наконецъ лучшіе изъ числа окончившихъ полный курсъ и произведенныхъ въ лѣкари приобрѣтали нѣкоторыя преимущества на службѣ, а именно опредѣлялись на лучшія мѣста, напримѣръ въ гвардейскіе полки и тому подобныя должности. Что же касается программы ученія, то она была весьма полна для своего времени. Замѣчательно въ ней то, что въ нее впервые вошла фізіологія, какъ самостоятельная наука, и практическая медицина и хирургія (*praxis medicochirurgica*, т. е. клиническая медицина) устанавливалась какъ *corollarium* всего школьнаго ученія. Это были первыя клиники въ Россіи, устроенныя въ особыхъ, спеціально назначенныхъ для нихъ госпитальныхъ палатахъ.

Вообще постановленіе это, состоявшееся 4 іюля 1754 года и быстро подвинувшее впередъ всѣ госпитальныя школы, такъ важно и такъ замѣчательно, что мы приводимъ его въ подлинникѣ.

«Понеже принимаемые нынѣ въ казенныхъ госпиталяхъ въ лѣкарскіе ученики по вступленіи въ службу не токмо по должности ихъ ко услуженію больныхъ употребляются, но притомъ и къ слушанію анатоміи и хирургическихъ лекціоновъ и къ обученію латинскаго языка и рисовальнаго дѣла посылаются, отъ чего не токмо что она юность несносныхъ трудовъ снести должна, но егда въ одно время ко всѣмъ частямъ хирургіи безъ порядку прилежать должны, не иное какъ неосновательное и не ясное знаніе получать имѣютъ; слѣдственно самая нужда требуетъ въ томъ учинить основательный порядокъ установленіемъ урочныхъ лѣтъ того ученія и порядочнымъ распределеніемъ частей ученія, къ которымъ изъ году въ годъ прилежать имѣютъ, отъ чего несумнѣнно послѣдовать имѣетъ, что добрымъ таковымъ порядкомъ учащая юность не токмо безъ лишняго труда и тягости, нампачеже съ наилучшимъ основаніемъ и успѣхомъ въ наукѣ и дѣлѣ лѣкарскомъ происходить можетъ: того ради сего 1754 года іюля 4 дня, по указу Е. И. В., медицинская канцелярія приказали отнынѣ впредь учинить слѣдующее:

1. Урочные годы ученія да будутъ семь лѣтъ сряду, потому какъ и въ другихъ государствахъ за обыкновенно есть.
2. Въ первомъ году слушать имъ анатомію и фармацію и учиться рисовать у рисовальнаго мастера.

3. Во второй годъ тоже что и въ первый годъ.

4. Въ третій годъ слушать анатомію, фармацію и физиологію и утвердиться въ рисовальномъ дѣлѣ.

5. По окончаніи трехъ лѣтъ, кои при экзаменѣ окажутъ нарочитый успѣхъ во анатоміи, въ фармаціи и въ рисовальномъ дѣлѣ и притомъ добропорядочными въ житіи поступками себя рекомендовать будутъ, произведены въ подлѣбкари и опредѣлены на ваканціи будутъ; будещъ ваканціевъ имѣться не будетъ, то однаковъ подлѣбкарями произведены будутъ и на ученическомъ окладѣ состоять имѣютъ до ваканціи; въ московской же госпитали таковыя будутъ произведены въ подлѣбкари съ окладомъ первой статьи ¹⁾. Которые же не удостоены будутъ за неизмѣнимъ вышеописанныхъ качествъ въ подлѣбкари, по усмотрѣнію или оставлены будутъ въ тѣхъ-же госпиталихъ учениками еще на годъ, а въ московской госпитали съ прежнимъ окладомъ, и въ такомъ случаѣ они продолжать будутъ слушать тѣхъ же лекціоновъ, что и въ третій годъ слушали, или съ наказаніемъ отрѣшены отъ госпиталя и въ циркульники въ полки написаны будутъ.

6. Произведеннымъ въ подлѣбкари въ четвертый годъ слушать физиологію и пæологію, и когда свободно имъ будетъ ходить слушать анатомію и фармацію.

7. Въ пятый годъ слушать физиологію, пæологію, специальную грахіи medico-chirurgicam и cutisum operationum chirurgicarum, при чемъ дѣлать бандажи и прикладывать на болванъ.

8. Въ шестой годъ все тоже, что и въ пятый годъ.

9. Въ седьмой годъ въ началѣ которые изъ нихъ по успѣхамъ въ ученіи по всемъ вышеписаннымъ частямъ, притомъ по добропорядочнымъ въ житіи поступкамъ, удостоены будутъ въ лѣбкари, тѣ въ тому опредѣленію и назначены будутъ, и для того прилежать уже имъ надлежать особливо клинической практикѣ и совобуплять обсерваціи, и для того прилежно ходить имъ за больными въ палатахъ, въ которыхъ будутъ опредѣлены, и примѣчать всякіе случающіеся припадки и пережъны въ болѣзняхъ, такожъ дѣйствіе лѣбкарствъ и діеты и прочаго, и для своего впредь употребленія записывать все. Быть имъ завсегда при всякой перевязкѣ важныхъ наружныхъ болѣзней и присутствовать при чинимыхъ анатомическихъ свидѣтельствахъ посылаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ мертвыхъ тѣлъ для изысканія причины смерти и бываемыхъ въ госпиталихъ таковыхъ-же анатомическихъ свидѣтельствъ умершихъ отъ болѣзней, и слушать бываемое при томъ докторское и операторское разсужденіе о причинѣ смерти и записывать для своего просвѣщенія впредь. Да сверхъ того одному изъ нихъ, по очереди пережъняясь, быть помѣсечно при госпитальной

¹⁾ Московскій госпиталь не былъ еще переданъ въ вѣдѣніе вѣнгерскаго комиссаріата и содержится на счетъ св. синода руководствуясь своими старыми штатами.

аптекѣ въ должности аптекарскаго гезеля для составленія и отправленія всякихъ лѣкарствъ, дабы тѣмъ способомъ и въ томъ искусство и практику получить могли, и для того на то время, что они по вышесказанному при аптекѣ находиться будутъ, въ другое дѣло ихъ не употреблять, развѣ какая операція особливо важная чиниться будетъ, а въ аптекѣ дѣла не будетъ, то въ такомъ случаѣ для смотрѣнія такой чинимой операціи всеконечно имъ при томъ быть. И дабы все оное исполнять могли, въ седьмой годъ одинъ только collegium специальной praxis medico-chirurgicae и cursumъ хирургическихъ операціевъ съ биндажами слушать еще имѣютъ, а къ прочимъ лекціонамъ ходить да будутъ не должны.

10. По окончаніи седьмаго года удостоенные къ произведенію въ лѣкари дѣйствительно произведены будутъ и по усмотрѣнію ихъ успѣховъ въ наукѣ и практикѣ, при томъ же въ добронпорядочныхъ въ житіи поступкахъ опредѣляться имѣютъ по мѣстамъ, такъ-же медицинская канцелярія имѣетъ впредъ на убылныя лѣкарскія мѣста въ госпиталяхъ опредѣлять тѣхъ изъ нихъ, учащихся, удостоенныхъ въ лѣкари, кои во время ученія предъ прочими окажутъ наилучшую прилежность и ревность къ совокупленію науки и практики и притомъ содержать себя будутъ въ житіи честно, постоянно и благопохвально, съ тѣмъ чтобы ихъ впредъ выпускать изъ госпиталей при случайныхъ ваканціяхъ Е. И. В. въ полкахъ лейбъ-гвардіи или въ главные лѣкари и въ другія таковыя знатныя лѣкарскія мѣста.

11. Которые подлѣкари по прошествіи 6 лѣтъ, за неимѣніемъ показанныхъ въ 9 пунктѣ качествъ, при экзаменѣ въ лѣкари удостоены не будутъ, по усмотрѣнію либо еще на годъ оставлены и слушать будутъ тѣже лекціоны, что и въ пятый годъ, или съ наказаніемъ отъ госпиталя отрѣшены будутъ.

12. Всѣмъ ученикамъ и подлѣкарямъ во время докторской визитаціи больныхъ поутру и ввечеру быть во опредѣленныя имъ палаты и исполнять должность свою въ силѣ генеральнаго о госпиталяхъ регламента, по которому и дежурствовать впредъ одному госпитальному лѣкарю съ подлѣкаремъ изъ ученія уже вышедшимъ, или изъ старшихъ, дабы молодыхъ подлѣкарей и учениковъ отъ ученія ни подъ какимъ видомъ не отвращать.

13. Нынѣ профессору-доктору Шрейберу съ госпитальнымъ докторомъ спб. госпиталей и съ докторомъ Далемъ собравшимся въ анатомическій театрумъ генеральнаго сухопутнаго госпиталя велѣтъ учителю латинскаго языка каждой госпитали особо въ своемъ присутствіи всѣхъ подлѣкарей и учениковъ тойже госпитали въ латинскомъ языкѣ экзаменовать и кои явятся столько того языка знать, что хотя лекціоновъ по нуждѣ слушать могутъ на томъ-же языкѣ, тѣхъ къ слушанію лекціоновъ назначить; какіе-же именно лекціоны въ будущій курсъ каждый изъ нихъ въ состояніи слушать въ силѣ сего опредѣленія по извѣстнымъ ихъ успѣхамъ профессору доктору Шрейберу означить именно и въ медицинскую канцелярію представить со обстоятельствомъ. Кото-

рые же вовсе латинскій языкъ незнающіе находятя, тѣмъ велѣтъ прилежать ко обученію того языка, дабы какъ наискорѣе слушаніе лекціонровъ и совокупленіемъ науки успѣхи оказать могли. А ежели старшіе подлѣбари и ученики, кои еще къ произведенію въ лѣбари или подлѣбари не удостоены, и вскорѣ удостоятся могутъ, къ тому языку еще прилежать не желаютъ и предполагаютъ опредѣленіе въ другія мѣста, таковымъ велѣтъ мнѣніе свое въ томъ подать письменно, почему опредѣлены будутъ на ваканціи тѣмъ чинамъ, какимъ имъ уже до сего удостоены, или при экзаменѣ сей майской трети удостоены будутъ. А до такого ихъ въ другія мѣста опредѣленія прилежать имъ клинической практикѣ и должность свою исполнять при госпиталяхъ въ силѣ регламента, и сихъ употреблять въ тѣ госпитали на дежурство и на прочія такія по должности ихъ исправленія, чтобы другимъ учащимся столь свободнѣе было прилежать ученію».

«*Павелъ Кондоиди. Въ Царскомъ Селѣ.*»

Установленный такимъ образомъ ходъ ученія въ госпитальныхъ школахъ существовалъ до конца этого періода, постепенно расширяясь. Нѣкоторыя частныя подробности его сохранились въ программѣ профессора московскаго госпиталя К. И. Щетена, представленной медицинскій канцеляріи 8 апрѣля 1762 года, т. е. черезъ 8 лѣтъ послѣ новаго установленія курсовъ ученія.

«Въ разсужденіи того, говоритъ онъ, что повелѣно мнѣ обучать моихъ слушателей не въ хирургіи только, но и въ медико-хирургіи, должно будетъ мнѣ предпринять весь курсъ медицинскій и окончить его въ два года. А какъ хирургія составляетъ главное дѣло моихъ учениковъ, то и ученіе въ ней удвоить противъ прочихъ частей медицины слѣдующимъ порядкомъ:

Въ первый годъ: съ 15 числа апрѣля до 15 сентября обучать *анатомію сухую*, т. е. остеологию въ натурѣ, а прочія части на фигурахъ, а когда есть—на препаратахъ, съ употребленіемъ частей (*cum usu partium*), что составляетъ *физиологию*, потомъ *пафологию* и прочія части *наставленій* Бургавовыхъ (*Institutiones medicae Boerhaavi*) и на сіе употребить неотмѣнно три дня въ недѣлю. Въ другіе два дня обучать *матерію медику*, преподавая вмѣстѣ съ тѣмъ *клиническія лекціи*, а въ шестой видѣтъ, что во всю недѣлю произошло. Съ 15 сентября обучать *анатомію въ натурѣ* по 1 января, а съ 1 января до 15 апрѣля держать *курсъ хирургическихъ операций*.

Въ другой годъ: толковать *афоризмы* Бургавовы также три дня въ недѣлю, а прочіе два дня употребить на наставленіе учащихся

въ началахъ *фармаціи* (*principiis pharmaciae*), ибо мнѣ довольно извѣстно, какой въ этомъ случаѣ въ полкахъ находится недостатокъ. Шестой день употребить такъ, какъ и выше показано. Анатомія и операціи имѣють продолжаться въ назначенное время въ первомъ году и тѣмъ же порядкомъ.

Все сіе, понеже не новое, производить безъ диктатовъ, а употреблять въ истолкованію вещей извѣстныхъ авторовъ. Ежели же послѣ временъ помянутыхъ авторовъ воспослѣдовало что новое, то при толкованіи ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ приказать написать примѣчаніе».

Медицинская канцелярія утвердила этотъ «мееодъ» 24 апрѣля 1762 года, и Щепинъ сталъ исполнять его (vi). Въ майскую третью (5 іюня) оконченъ былъ курсъ остеологіи, какъ доносилъ Щепинъ медицинской канцеляріи, и минеральная часть *materiae medicae*, и показано все большею частію въ натурѣ. Остеологія изучалась по Гейстерову *Compendium anatomicum*. За тѣмъ пошло преподаваніе ботаники. Въ 1 января прочитаны были спланхнологія по Гейстеру и съ ноября начать курсъ на кадаверахъ и до Рождества Христова вполне конченъ курсъ анатоміи ¹⁾.

«Съ начала нынѣшняго года (1763), продолжаетъ Щепинъ, намѣренъ я былъ держать курсъ операцій на кадаверахъ, но слыша, что операторъ въ здѣшній госпиталь присылается отъ медицинской канцеляріи ²⁾, отмѣнилъ сіе намѣреніе до его прибытія и началъ читать *Institutiones* Бургава, т. е. физиологію. При этомъ онъ про-

¹⁾ При такомъ послѣшномъ и между тѣмъ полномъ преподаваніи необходима была помощь прозектора или оператора. Тогда въ Московскомъ госпиталѣ былъ операторъ Л. Елачичъ и Щепинъ просилъ его помощи при изготовленіи препаратовъ на трупахъ: но Елачичъ разъ только отпрепаровалъ что-то, а потомъ вызванъ былъ въ Иностранную коллегію для послыки въ Китай. Поэтому Щепинъ, не желая останавливать преподаванія, все препаровалъ самъ и былъ въ одно и тоже время и профессоромъ, и операторомъ, и прозекторомъ, трудясь почти всякій день съ утра до вечера надъ кадаверами и дозволяя всѣмъ ученикамъ быть при секціяхъ, отчего и произошло, что многіе подлѣкари и старые ученики, которые прежде сего многихъ частей въ натурѣ не видѣли, кромѣ имени ихъ, нынѣ не только ихъ въ натурѣ знаютъ, но и сами администрировать въ состояніи».

²⁾ Операторомъ назначенъ былъ туда штабъ лѣкарь и операторъ Кронштадскаго госпиталя Энгель.

силъ прислать нѣсколько экземпляровъ *Materiae medicae* Бухнера¹⁾. Медицинская канцелярія очень цѣнила усердіе Щепина и въ маѣ 1763 года «за прилежное ученіе и истользованіе анатоміи самымъ дѣломъ», прибавила ему 200 р. жалованья въ годъ (въ прежде получавшимся 600 р.) Кроме того предписала госпитальному доктору Ломану не повышать учениковъ и не производить безъ его вѣдома и согласія. Преподаваніе *фармакогнози* и *фармакологіи* (*materiae medicae*) производилось по аптечнымъ препаратамъ, которые представлялось Щепину брать изъ главной московской аптеки бесплатно. Стоитъ еще замѣтить, что Щепинъ первый началъ (въ 1762 году) знакомить учениковъ на своихъ лекціяхъ съ *естественными минеральными водами*, привозимыми изъ чужихъ краевъ, и ему давали для этого по 1 бутылкѣ каждой воды для лекцій, съ платою за то изъ суммы отпущавшейся въ московскій госпиталь на учебныя пособия²⁾.

Одновременное преподаваніе такого большаго числа предметовъ могло быть по силамъ только доктору Щепину, при его энергическомъ характерѣ и всестороннемъ образованіи. И почти на немъ одномъ лежали всѣ учебныя занятія.

Посылка русскихъ лѣкарей въ заграничные университеты для приготовленія къ преподавательскому званію. Въ концу этого періода госпитальныхъ школъ программа ученія въ нихъ была весьма обширна. Очевидно, Кондоиди употребляли всѣ усилія въ постепенному и всестороннему расширенію ея. Мысль его стремилась къ тому, чтобы преподаваніе въ нашихъ школахъ не отставало отъ программы заграничныхъ госпитальныхъ школъ того времени. Ему хотѣлось такъ поставить школы, чтобы воспитанники

¹⁾ *Fundamenta materiae medicae*, auctore Andrea Elia Buchner. Halae Magdeburgicae, 1754.

²⁾ Въ Москвѣ продавались тогда минеральныя воды: Шпавассеръ по 60 к., Пирмонтская по 1 р., Бристольская по 50 к. бутылка, а Зельцерская по 60 к. за кувшинъ. И эта уплата и выдача Щепину дополнительнаго жалованья назначены изъ особой суммы въ 1500 р., которая по ходатайству Кондоиди и по особому указу правительствующаго сената 5 марта 1760 года отпущалась въ медицинскую канцелярію «для основательнаго при госпиталѣхъ подлѣкарей и учениковъ въ медико-хирургіи обученія и произведенія къ тому хирургической школы» изъ главнаго комиссаріата по 1000 р., а изъ адмиралтейской коллегіи по 500 р. въ годъ.

ихъ устранили необходимость выписывать лѣкарей изъ чужихъ краевъ и замѣняли бы ихъ не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ. Мысль эта казалась ему исполнимою, но подъ условіемъ, чтобы госпитальныя школы снабжены были достаточнымъ и возможно большимъ количествомъ образованныхъ преподавателей. Кондоиди очень хорошо понималъ, что энциклопедичность преподаванія равносильна плохому преподаванію. Онъ понималъ, что если на одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ даровитъ и ревностенъ, возложено будетъ преподаваніе пяти или шести существенныхъ предметовъ, то невозможно ожидать отъ него такихъ успѣховъ и такой полноты ученія, какихъ можно бы было ожидать въ томъ случаѣ, еслибы эти предметы раздѣлены были между пятью или шестью преподавателями. Но гдѣ было взять ихъ? И вотъ опять выступилъ на сцену старый вопросъ объ учителяхъ для госпитальныхъ школъ, вопросъ поднимавшійся еще при Бидлоо, не разрѣшенный архіатеромъ Фишеромъ и теперь представившійся съ новою и безотлагательною настоятельностью. Кондоиди не колебался въ способахъ рѣшенія его. Собственнымъ опытомъ и всею исторіею русскихъ госпитальныхъ школъ убѣдился онъ, что не все равно: вызывать ли готовыхъ учителей изъ за границы, или готовить собственныхъ и посылать ихъ для усовершенствованія за границу. Второй способъ былъ очевидно надежнѣе и дешевле перваго и живыми представителями его служили Полетика и Щенингъ, пользовавшіеся уваженіемъ даже отъ иноземныхъ недоброжелателей и соперниковъ ихъ. Кондоиди не колеблется предпочелъ второй способъ первому и вошелъ съ представленіемъ въ сенатъ о разрѣшеніи отпускать за море для обученія медицинскимъ наукамъ, по мѣрѣ надобности и на казенный счетъ, всѣхъ тѣхъ лѣкарей, которые признаны будутъ того достойными, а равно и всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей, которые пожелаютъ ѣхать туда учиться на собственномъ коштѣ. Сенатъ утвердилъ это представленіе съ тѣмъ, чтобы посылаемымъ за границу лѣкарямъ дана была спеціальная инструкція и чтобы они въ бытность за границею находились подъ личнымъ надзоромъ мѣстныхъ русскихъ министровъ или резидентовъ, отъ которыхъ и получали бы по третямъ назначенное имъ жалованье. Указами сената 6 марта и 3 апрѣля 1761 года повелено медицинской канцеляріи: «1) ежели кто изъ русскихъ медицинѣ обучиться похочетъ и желатели явятся, таковымъ нетовмо въ слѣдствіе желанія ихъ надлежащія еъ тому предводительствы дѣлать и обучать совершенно, но

стараться таковыхъ надлежащимъ порядкомъ призывать и добрымъ содержаніемъ обнадеживать и попеченіе объ нихъ имѣть, чтобъ и русскіе въ медицинѣ до вышнихъ градусовъ науки достигали. 2) Определеннымъ въ отпускъ въ чужія государства лѣбарямъ жалованье производить по объемамъ двойное, отпуская оное какъ имъ, такъ и впредь буде кто изъ такихъ русскихъ пожелаетъ для оныхъ наукъ за море ѣхать, для переводу еъ нимъ изъ статсъ-конторы». Такимъ образомъ установлена была систематическая посылка молодыхъ лѣбарей въ иностранные университеты для усовершенствованія, продолжавшаяся непрерывно до воцаренія императора Павла и до французской революціи. Въ сожалѣнію это была послѣдняя заслуга Кондонди, обязанная имъ русскому медицинскому образованію.

Первая систематическая посылка молодыхъ лѣбарей за границу исполнена уже по смерти Кондонди, весною 1761 года.

Избраны для этого 9 человекъ: Петръ Погорѣцкій, Юсіѳъ Тимковскій, Ома Тихорскій, Кассіанъ Ягельскій, Сила Митрофановъ, Матвѣй Крутець, Алексѣй Сидоровичъ, Иванъ Ласкевичъ и Иванъ Пешковскій. Всѣ они учились въ петербургскихъ госпиталяхъ и получили тамъ лѣбарскіе дипломы, а потомъ опредѣлены на службу. Всѣ они поѣхали въ Лейденъ и по инструкціи доносили медицинсой канцеляріи, что они слушали лекціи физиологіи у Альбина старшаго по препаратамъ, химіи у Гаубія, матеріи-медики—у фонъ-Розна, экспериментальной физики у Лалемана. Частные курсы слушали: геометріи тригонометріи и ботаники. Жалованье (по 360 р. въ годъ) получали они отъ полномочнаго нашего министра въ Голландіи тайнаго совѣтника Гросса, который черезъ годъ донесъ иностранной коллегіи, что лѣбарь П. Ласкевичъ не явился за жалованьемъ за сентябрьскую треть 1761 г. и товарищи имѣютъ подозрѣніе, по его польскому происхожденію и легкомыслію, что онъ убѣжалъ въ Польшу или Константинополь, бывъ обманутъ какимъ то греческимъ архимандритомъ. Послѣ него осталось нѣсколько книгъ, которыя проданы на уплату долговъ.

Въ концѣ тогоже 1761 года отпущены были для усовершенствованія въ Страсбургъ лѣбари Григорій Соболевскій, Савва Леонтовичъ и Козьма Рожалинъ. Къ нимъ переписался изъ Лейдена и Иванъ Пешковскій, ссылаясь на то, что «тамъ (т. е. въ Лейденѣ) преподается одна теорія безъ практики».

Вся эта молодежь, пробывъ два или три года въ чужихъ краяхъ,

возвращалась домой съ докторскими дипломами и съ печатными диссертациями, по которымъ удостоены были докторской степени. Возвратившись на родину (большою частію въ Петербургъ), они подвергались испытанію въ медицинской канцеляріи и по успѣхамъ этого испытанія получали право практики въ Россіи, т. е. признавались докторами медицины, а потомъ скоро распредѣлялись на докторскія мѣста, либо младшими докторами и доцентами въ генеральные госпитали, либо дивизионными докторами въ армию съ первоначальнымъ жалованьемъ (скоро впрочемъ увеличивавшимся) по 300 рублей и съ прочими довольствіями по регламенту.

Посылка молодыхъ людей въ иностранные университеты оказала быструю и неизмѣримую пользу русскому медицинскому образованію. Благодаря ей скоро госпитальныя школы перестали нуждаться въ иностранныхъ учителяхъ и на каждый учебный предметъ можно стало найти не одного, а двухъ или трехъ преподавателей. Измѣнился и взглядъ на школы. Съ расширеніемъ преподаванія и съ большею обработкою каждаго преподаваемого предмета явилась и не считалась уже дерзкою мысль поднять общій уровень ихъ до той высоты, на какой стояли тогда медицинскіе факультеты въ чужихъ краяхъ.

Въ современныхъ Щепину петербургскихъ госпиталяхъ преподаваніе было болѣе раздѣлено. Анатомію читалъ тамъ въ обоихъ госпиталяхъ доцентъ Даль, а теоретическую и практическую хирургію — докторъ Янишъ, и лекціи ихъ были публичны, т. е. ихъ могли посѣщать не только госпитальные ученики, но и посторонніе лѣкари и подлѣкари. Младшій докторъ Хр. Андрей фонъ-Мелленъ, сынъ оператора, освобожденъ былъ отъ чтенія лекцій, но долженъ былъ смотрѣть за лѣченіемъ больныхъ и помогать оператору — сперва отцу своему, а потомъ Ореусу — въ приготовленіи препаратовъ. Докторъ Гюнгюси а Петтени вызвался преподавать афоризмы Бургава, матерію медуку, фізіологію «на препаратахъ по методѣ Альбина» и патологію по книгѣ Гаубія, съ тѣмъ что въ годъ окончить всѣ эти науки, что и было одобрено медицинской канцеляріею. Въ послѣдствіи времени эти же науки преподаваемы были госпитальнымъ докторомъ Раушертомъ, подобно тому какъ въ московскомъ госпиталѣ взялъ на себя клиническое преподаваніе госпитальный докторъ Ника. Преподаваніе фармаціи было исключительно практическое. Госпитальные аптекаря, въ Москвѣ Тешнеръ и И. Вестовъ, а въ Петербургѣ Цахертъ и Розе обязаны были учить госпитальныхъ учениковъ распознаванію лѣкарственныхъ рас-

тений и приготовленію аптечныхъ препаратовъ. Для этого установлено было, чтобы два госпитальныхъ ученика помѣсячно состояли въ аптекѣ при рецептурѣ. Въ то же время былъ и другой обычай посылать учениковъ въ окрестныя мѣста для собиранія травъ и кореньевъ, а иногда очень далеко, отъ чего они праздно проводили время и прогуливали лекціи. Щепинъ жаловался на этотъ обычай и просилъ отмѣнить его. «Если же это необходимо, писалъ онъ изъ Москвы, и найдутся охотники, то ихъ слѣдуетъ сдѣлать аптекарскими учениками и это будетъ уже другая линія». Медицинская канцелярія отмѣнила ботаническія прогулки учениковъ, распространивъ это запрещеніе на всѣ генеральныя госпитали.

√Назонецъ, для полноты образованія воспитанниковъ госпитальныхъ школъ недоставало преподаванія *акушерства и женскихъ и дѣтскихъ болѣзней*. Недостатокъ этотъ пополненъ распоряженіемъ медицинской канцеляріи 14 февраля 1763 года, чтобы изъ московскаго и обонхъ петербургскихъ госпиталей по 6 подлѣбарей ходили къ докторамъ бабичьяго дѣла слушать лекціоны и учиться акушерскимъ операціямъ. Въ Москвѣ преподавалъ эти предметы докторъ Эразмусъ, а въ Петербургѣ Линдеманъ. √Оба они потребовали за это прибавки жалованья, «потому что это лишній трудъ, въ инструкціи ихъ не обозначенный», и медицинская канцелярія прибавила Линдеману по 200, а Эразмусу по 100 р., причемъ вмѣнено имъ въ обязанность читать бабкамъ лекціоны на російскомъ языкѣ и стараться о наборѣ большаго числа ученицъ, а подлѣбарямъ, кромѣ акушерства, читать лекціоны о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ. Эразмусъ читалъ акушерскія лекціи въ Москвѣ на латинскомъ языкѣ по два раза въ недѣлю. Руководствомъ для учениковъ служилъ учебникъ Рёдера (*Elementa artis obstetricae*, auctore Roeder), который и былъ выписанъ въ числѣ 12 экземпляровъ, а послѣ—учебникъ самаго Эразмуса. Линдеманъ читалъ лекціи тоже по два раза въ недѣлю; но онъ вовсе не зналъ русскаго языка, а въ петербургскихъ госпитальныхъ ученики мало знакомы были съ латынью—какъ же было быть? Первоначально постановлено было, чтобы операторъ фонъ-Мелленъ переводилъ для подлѣбарей и бабокъ линдемановы лекціи на русскій языкъ. Но фонъ-Мелленъ отказался отъ этой работы, хотя Лерхе и грозилъ ему отъ имени медицинской канцеляріи. Въ послѣдствіи уладили такъ, чтобы Линдеманъ читалъ одинъ годъ на латинскомъ, а другой на нѣмецкомъ языкѣ, для чего и подбирались соотвѣтственные слушатели. Другими

словами, Линдеманъ только числился преподавателемъ, между тѣмъ какъ лекціи читались плохо и исключительно по нѣмецки для тѣхъ, кто хотѣлъ слушать его.

ГЛАВА XII.

Состояніе госпитальныхъ школъ при учрежденіи медицин- ской коллегіи.

Устройство госпитальныхъ школъ, данное имъ П. З. Кондонди, такъ было основательно и сообразно съ потребностями времени, что въ первые годы послѣ его смерти онѣ исполняли свое назначеніе почти безъ всякаго посторонняго надзора. Да и кому было наблюдать за ними? Архіатеръ Я. Моизей (лейбъ-медикъ Петра III) только шесть мѣсяцовъ (съ 20 января по 22 іюля 1762) управлялъ медицинскою канцеляріею, такъ что едвали имѣлъ время узнать объ ихъ состояніи и потребностяхъ. Онъ преимущественно, если не исключительно, заботился о рангахъ для медицинскихъ чиновъ и въ первомъ своемъ докладѣ Петру III, утвержденномъ 28 февраля 1762 года, представилъ подробный «планъ о рангахъ» съ росписаніемъ новыхъ оублюдовъ жалованья, соотвѣтственно съ новыми медицинскими рангами.

Надобно однакоже отдать справедливость архіатеру Моизею въ томъ, что въ томъ же докладѣ 28 февраля 1762 онъ обѣщаль крайне стараться о поправленіи медико-хирургическихъ школъ при госпиталяхъ, объ увеличеніи въ нихъ числа учениковъ изъ дѣтей хорошаго воспитанія и способныхъ къ наукамъ и объ опредѣленіи къ нимъ достойныхъ и искусныхъ профессоровъ и прочихъ учителей. Обѣщанія эти не исполнились: но это уже было не по винѣ Моизы.

Вотъ этотъ докладъ и планъ о рангахъ, утвержденные Петромъ III и тотчасъ же приведенные въ исполненіе.

Докладъ архіатера Моизея императору Петру III.

По всемилостивѣйше порученной мнѣ отъ В. И. В. надъ медицинскимъ факультетомъ россійской имперіи главной дирекціи за начальственное отъ оной должности попеченіе призналъ я о приведеніи управленія медико-хирургиче-

ской и аптекарской наукъ, яко самонужнѣйшее для пользы общества дѣло, въ лучшее состояніе, а принадлежащія ко всѣмъ классамъ медицинскаго факультета чины по старшинству, заслугамъ и достоинству, во управленіи должности ихъ болѣе имѣли поощренія, по причинѣ же усмотреннаго мною во время продолженной при разныхъ командахъ службы въ посвященіи тѣхъ наукъ и въ успѣхахъ оныхъ недостатка подѣ высочайшимъ В. И. В. покровомъ хотя крайне стараться буду начальственнымѣ къ поправленію медико-хирургическихъ школъ при госпиталяхъ всевозможныя мѣры употребить и ко онымъ число обучающихся изъ дѣтей хорошаго воспитанія и способныхъ въ тѣхъ наукамъ приумножить и для обученія ихъ опредѣлить къ тѣмъ достойныхъ и искусныхъ профессоровъ и прочихъ учителей, дабы В. И. В. армія и прочія всѣ команды изъ оныхъ школъ всегда искусными лѣкарями и прочими медицинскими чинами безъ недостатка снабжены быть и все медицинское дѣло въ имперіи В. И. В. въ лучшее посвященіе притти могло.

Но понеже тѣмъ медико-хирургическимъ чинамъ по табели 1722 году о рангахъ, такожь по армейскому и флотскому штатамъ опредѣлены весьма низкіе ранги, коими большею частью докторовъ и лѣкарей въ разсужденіи ихъ нужной и важной должности, коя совокуплена многими трудностями и стараніями все время житія ихъ, по части же и съ утратою здравія безъ всякаго повышенія и авантажа исправлять принуждены: того ради возлихѣлъ я смѣлость для поощренія и ободренія оныхъ медицинскихъ и хирургическихъ чиновъ о пристойныхъ имъ рангахъ и произвожденіи или по старшинству и достоинствамъ денежнаго жалованья къ высочайшему В. И. В. разсмотрѣнію сочинить планъ, которой при семъ всеподданнѣйше представляю.

Всемилоствѣйшій Государь! Всеподданнѣйше прошу В. И. В. всемилоствѣйшаго указа, дабы по высочайшей апробаціи онаго плана повелѣно было означенныхъ въ немъ медицинскихъ и лекарскихъ чиновъ всѣхъ кои при арміи В. И. В., такъ и при всѣхъ прочихъ командахъ рангами признавать и имъ жалованье отъ тѣхъ командъ, у коихъ состоятъ будутъ, производить по назначеннымъ въ томъ планѣ окладамъ и какъ оныя отъ медицинской канцеляріи распределены и по старшинству, искусству и заслугамъ къ главнѣйшимъ окладамъ впредь удостоены будутъ, сверхъ же того служащими при арміи и прочіи воинскихъ департаментахъ производить раціоны и раціонные деньги по прежнимъ штатамъ, а деньщиковъ за показаннымъ въ томъ планѣ резономъ съ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ давать имъ натурою и о томъ отъ правительственнаго сената всѣхъ тѣхъ командъ опредѣлить и во всей имперіи публиковать высочайшими В. И. В. указами. Февраля 28 дня 1862 Года. *« Ia. Монзей ».*

Къ этому приложенъ печатный планъ о рангахъ, высочайше утвержденный въ тотъ-же день.

П л а н ъ

О Р А Н Г А Х ъ

принадлежащих ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА къ медицинскому факультету чиновъ, и о окладахъ ихъ, по которымъ отъ всѣхъ командъ, у коихъ во правленіи должности ихъ состоятъ будутъ, денежное жалованье по распредѣленіямъ медицинской канцеляріи, смотря по искусству, заслугамъ и старшинству каждаго, и по учиненнымъ отъ оной канцеляріи въ тѣ команды писменнымъ сообщеніямъ производить надлежить.

№ по порядку.	Противъ воинскихъ.	Противъ гражданскихъ.	Признавать медицинскіе, аптекарскіе и лѣкарскіе чины.	Г О Д О В Ы Е О К Л А Д Ы.
1			Лейбъ медикусы,	Оныя по именнымъ его императорскаго величества указамъ опредѣляются, въ коиъ и оклады и чины ихъ имяются.
2	Полковника.	Коллежскаго совѣтника.	Гофъ-медика.	по 1500 рублей, а притомъ квартера и экипажъ,
3	Подполковника.	Навюрнаго совѣтника	Штабъ-физики при медицинской канцеляріи. При медицинской конторѣ, . . Докторъ лейбъ-гвардіи полковъ. Докторамъ: старшему при флотѣ	въ Санктпетербургѣ до 1000 рублей. въ Москвѣ до 1000 рублей. до 1000 рублей. до 1000 рублей.
4	Преміеръ мажора.	Коллежскаго асессора.	При дву-генеральныхъ госпиталяхъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ; профессорамъ старшамъ при тѣхъ двухъ генеральныхъ госпиталяхъ. Доктора и дивизионные медики при арміи при артиллеріи, доктора при шляхетныхъ сухопутномъ и морскомъ кадетскихъ корпусахъ.	отъ 600, до 1000 рублей каждому. отъ 600 до 800 рублей каждому.
5	Секундъ мажора.		Докторъ ландмилицкихъ полковъ, и прочіе доктора состоящіе въ службѣ. Главныхъ аптекъ аптекари, при двухъ въ Санктпетербургѣ. При одной въ Москвѣ. Придворной аптеки аптекаръ. Гофъ-хирурги.	отъ 360 до 600 рублей каждому. отъ 600 до 1000 рублей каждому. отъ 100 до 800 рублей. отъ 400 до 800 рублей. по 600 рублей, да сверхъ того опредѣленные на квартиру и экипажъ деньги.

№ по порядку.	Противъ воен-скихъ.	Противъ граж-данскихъ.	Признавать медицинскіе, аптекарскіе и лекарскіе чины.	ГОДОВЫЕ ОКЛАДЫ.
6	Капитана.		Штабъ-лекари при арміи, при флотѣ, при полкахъ лейбъ-гвардіи, при артиллеріи, при инженерномъ корпусѣ, при медицинскій канцеляріи и оной канцеляріи конторѣ, при дугенеральныхъ госпиталяхъ, въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ. Операторы въ штабъ-лѣкарскомъ рангѣ.	отъ 400, до 600 рублей каждому.
7	Капитана поручика.		Штабъ-лѣкаръ ландмилицкихъ полковъ. Лекари лейбъ-гвардіи полковъ, главные лѣкари, при всѣхъ прочихъ госпиталяхъ и командахъ.	отъ 300, до 600 рублей каждому. отъ 250, до 300 рублей каждому.
8	Поручика.		Лекари при флотѣ, при арміи, и при разныхъ военныхъ и штатскихъ командахъ, также при госпиталяхъ.	отъ 300, до 400 рублей. отъ 180, до 300 рублей каждому.
9	Подпоручика.		Аптекари полевыхъ, адмиралтейскихъ, и прочихъ всѣхъ казенныхъ аптекъ. Лекари губернскіе, городовые, и провинціальныя, гарнизонныя, ландмилицкіе.	отъ 300, до 500 рублей каждому. отъ 150, до 250 рублей каждому.
10			При армейскихъ полкахъ подлѣкарей содержать при дву-баталіонныхъ и дву-эскадронныхъ по 4-му, а при трехъ баталіонныхъ по 2 человека. Флотскимъ состоящимъ при прочихъ командахъ.	по 120 рублей каждому, да сверхъ того по два раціона. отъ 84, до 120 рублей каждому.

«Въ военное время, и когда ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА армія за границую находится будетъ, тогда за потребно разсуждается, для управленія медицинскихъ и лекарскихъ дѣлъ, противъ того, какъ при минувшей турецкой войнѣ учинено было и нынѣ чинится, содержать при арміи изъ состоящихъ въ службѣ старшихъ и достойнѣйшихъ докторовъ одного, или двухъ протомедиковъ, или главныхъ полевыхъ докторовъ; съ жалованьемъ отъ 800 до 1200 рублей на годъ, имъ же производить по 15 раціоновъ и по 4 деньщика; однакожь оной чинъ въ мирномъ времени, и какъ армія возвратится оставленъ, и тѣ протомедики вступить имѣютъ въ прежніе ихъ мѣста, съ прежними ихъ оклады и прочими довольствіи, пока прислучающейся вакансии съ повышеніемъ произведены быть имѣютъ. Состоящіи при арміи при полкахъ лейбгвардіи, при артиллерійскомъ и инженерномъ корпусахъ доктора, штабъ

и полковые лекари, аптекари и прочіе медицинскіе и лекарскіе чины, сверхъ вышеозначеннаго жалованья получаютъ положенные по воинскому и прочимъ штатамъ раціоны, или вмѣсто оныхъ раціонныя деньги, а деньщиковъ всѣмъ онымъ чинамъ (въ томъ числѣ и лекарямъ), съ денежнымъ и клѣбнымъ жалованьемъ давать натурою, для того что оныя чины, особливо въ походахъ своихъ, служителей доставать не могутъ, и за тѣмъ въ услуженіи претерпѣваютъ крайнюю нужду.

«Арміійскіе доктора въ походѣхъ, а штабъ и полковые лекари за всегда должны носить по мѣсту мундиръ.

Которые чины въ рангахъ состоятъ выше назначенныхъ въ семь планѣ, и въ разсужденіи ихъ долговременной службы и достоинства, денежнаго жалованья получаютъ больше выше писанныхъ окладовъ, онымъ тѣ ранги и оклады для ихъ персонъ оставляются безотнятія.

«Которые изъ вышеписанныхъ чиновъ за особливые оказанные государству, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВУ службы, или послучаю во отдаленныя экспедиціи отправленія, и по прочимъ приключеніямъ награжденія удостоились; объ оныхъ медицинская канцелярія всеподданнѣйше проситъ всемилостивѣйшаго соизволенія, чтобъ оной канцеляріи, сверхъ опредѣленнаго имъ жалованья по разсмотрѣнію важности оказанной ими службы, пристойное награжденіе назначить, и по сообщеніямъ оной канцеляріи отъ принадлежащихъ командъ, тѣмъ кои то заслужили, производимо было.

«Служащимъ при арміи и флотѣ докторамъ, лекарямъ, аптекарямъ, и прочимъ медицинскимъ лекарскимъ и аптекарскимъ чинамъ, въ случаѣ походовъ и чрезвычайныхъ экспедицій, сверхъ окладнаго жалованья получать тѣ же довольствія какіе военскіе чины получаютъ будутъ.

«Высочайшая конфирмація собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою, февраля 28 дня 1762 года подписана, на поднесенномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, отъ архіатера и перваго лейбъ-медика Монсея докладѣ тако:

Быть по сему.
ПЕТРЪ».

↓ На основаніи этого высочайше утвержденнаго плана, указомъ правительствующаго сената 28 марта 1762 всѣ медицинскіе чины, конхъ должности поименованы въ планѣ о рангахъ, утверждены въ своихъ рангахъ съ назначеннымъ положеннымъ жалованьемъ, приведены къ присягѣ и съ нихъ сдѣланъ указныи вычетъ за повышение чина (мѣсячное жалованье). Съ этого дня почти *всѣ медицинскіе чины* (313 человекъ) *облеклись чинами*. Но этимъ не кончилась программа управления медицинскимъ факультетомъ, предполагавшаяся Монзеемъ. Че-

резъ три мѣсяца онъ представилъ *«Прибавленіе ко все милостивѣйше конфирмованному 28 февраля 1762 плану о рангахъ и окладахъ принадлежащихъ медицинскому факультету чиновъ—слѣдующаго содержанія:*

„Понеже оба адмиралтейскіе госпиталя, состоящіе въ С.-Петербургѣ и Кронштатѣ, въ силу Генеральн. о госпиталяхъ регламента, главныя же госпитали бытъ имѣютъ и въ оныхъ, равно какъ въ сухопутныхъ, медико-хирургическое ученіе производится, а изъ нихъ какъ во флотъ и въ адмиралтейскія команды, такъ къ арміи и прочимъ вѣдомствъ мѣста лѣкаря опредѣляются, того ради за потребно разсуждается находящимся при оныхъ госпиталяхъ и впредь опредѣляемымъ докторамъ профессорамъ, штабъ и главнымъ лѣкарямъ, операторамъ, лѣкарямъ и прочимъ употребляемымъ къ обученію юношества чинами состоятъ въ равныхъ рангахъ съ обоими генеральными сухопутными госпиталями и по разсмотрѣнію медицинской канцеляріи, смотря по службамъ и достоинствамъ жалованья производить откуда надлежитъ по положеннымъ въ вышеписанномъ планѣ окладамъ.

Понеже, кромѣ означенныхъ въ вышеписанномъ планѣ, классовъ еще имѣются мѣста, къ коимъ искусные доктора и лѣкари опредѣлены, съ порученіями къ службѣ и пользѣ государственной особливыхъ и важныхъ должностей, и впредь подобныя онымъ мѣста и должности учреждены и во оныя потребныя медицинскія чины опредѣлены быть могутъ, того ради на разсмотрѣніе медицинской канцеляріи онымъ чинамъ по случающимся обстоятельствамъ, коихъ уровнить и напередъ установить невозможно, назначить ранги и жалованья по искусству и по важности опредѣленной имъ должности въ какой классъ плана оныя достойны явятся.

Которые изъ состоящихъ въ службѣ В. И. В. медицинскаго факультета чиновъ за старостію и дрялостію къ продолженію службы неспособны будутъ и по оной неспособности содержать себя не могутъ, таковымъ бы за долговременную и вѣрную службу по высочайшей В. И. В. милости производить на пропитаніе противъ нижеписаннаго:

Ежели кто съ опредѣленія отъ медицинской канцеляріи служилъ до 40 лѣтъ и пришелъ въ такія обстоятельства, что за старостію и дрялостію службу свою отправлять не въ состояніи будетъ, такихъ по представленіямъ отъ командъ, при коихъ находятся, и по освидѣтельствованіи дѣйствительной ихъ неспособности отъ медицинской канцеляріи, изъ службы отставить и имъ по смерти ихъ производить полное жалованье.

Которые до 30 лѣтъ въ отправленіи медицинскаго дѣла съ опредѣленія ихъ отъ медицинской канцеляріи служили и за слабостію при командѣ должность свою по надлежащему продолжать не могутъ, однакожь въ состояніи еще будутъ нѣсколько себя содержать, такимъ по отставкѣ изъ службы произ-

*

водить по смерти ихъ, смотря по обстоятельствамъ безсилія ихъ, двутретное или половинное жалованье.

Ежели кто въ дѣйствительной службѣ В. И. В. отъ ранъ и иныхъ несчастливыхъ приключеній не въ состояніе придетъ службу свою какъ при командѣ той, при которой состоялъ, или и въ другіяхъ мѣстахъ продолжать, то медицинской канцеляріи дозволено бѣ было по состоянію дрялости и безсилія такимъ опредѣлить на пропитаніе по смерти ихъ половинное или и полное жалованье.

Которые изъ вышеозначенныхъ трехъ классовъ въ состояніи еще будутъ какія легкія службы отправлять, оныхъ медицинская канцелярія, за вышеписанное производимое къ пропитанію ихъ жалованье, къ такимъ службамъ и употреблять будетъ, и для того всѣмъ означеннымъ въ тѣхъ классахъ оставленнымъ, которые означенную милость получаютъ будутъ, состоять въ полномъ вѣдомствѣ оной канцеляріи.

Онымъ отставленнымъ изъ службы медицинскимъ чинамъ опредѣленное и къ пропитанію ихъ жалованье всѣмъ, какъ иностраннымъ, такъ и российскимъ въ разсужденіи томъ, что равную службу отправлять должны, по сношенію медицинской канцеляріи производить изъ государств. статсъ-конторы.

Если онымъ отставнымъ изъ службы не возможно будетъ въ С.-Петербургѣ или въ Москвѣ пребывать, а принуждены будутъ по какимъ либо обстоятельствамъ въ иныхъ позволенныхъ имъ отъ медицинской канцеляріи мѣстахъ российскаго государства жительство имѣть, то опредѣленное имъ къ пропитанію жалованье отъ статсъ-конторы ассигновать въ тѣ мѣста, гдѣ находятся и будутъ или выдавать здѣсь или въ Москвѣ повѣреннымъ отъ нихъ.

Оныхъ за старостію и безсиліемъ отставленныхъ медицинскихъ чиновъ женамъ ихъ, вдовамъ по смерти мужей ихъ, ежели во время дѣйствительной оныхъ службы въ замужествѣ были, то получать имъ тоже жалованье, какое умершимъ въ дѣйствительной службѣ вдовамъ опредѣлено, а которые по отставкѣ изъ службы въ замужество вступили, оныя къ полученію вдовьихъ денегъ требованія не имѣютъ.

Понеже нынѣ при арміи и прочіихъ командахъ подлекарей прибавилось и того ради за потребно разсуждается, для поощренія искусныхъ и достойныхъ подлекарей, пока въ чинъ настоящаго лекаря вступить не могутъ, если оныя въ томъ званіи до 7 лѣтъ состояли и представляютъ себя на экзамень и во ономъ достойными къ произведенію явятся, потомъ курсъ операціямъ въ одномъ изъ учрежденныхъ В. И. В. госпиталѣ, и въ отдаленныхъ мѣстахъ въ присутствіи назначенныхъ къ тому отъ медицинской канцеляріи докторовъ и лекарей своеручно исправлять съ успѣхомъ, по усмотрѣнію медицинской канцеляріи къ подлекарскому окладу учинить прибавку по три рубля на мѣсяцъ и производить то прибавочное жалованье съ прежнимъ при полкахъ

изъ воинской суммы, а прочимъ отъ тѣхъ командъ, при коихъ состоятъ будутъ, и притомъ дать имъ чинъ батальоннаго лѣкаря и рангъ арміи прапорщика.

Понеже медико-хирургическая наука какъ при арміи, такъ во флотѣ и адмиралтействѣ однимъ порядкомъ производится и по часту случается, что медицинскаго чина служители отъ сухопутства во флотъ, а отъ флота къ сухопутнымъ командамъ распредѣлены быть имѣютъ, того ради надлежитъ служащимъ при флотскихъ и адмиралтейскихъ командахъ получать тѣже производства и довольствіи, какія служащимъ по сухопутному штату назначены поныя производить по сообщеніямъ медицинской канцеляріи отъ адмиралтейства.

Понеже медицинская наука весьма пространна и тяжела учащимся, притомъ-же много труда и попеченія требуется къ приведенію молодыхъ людей къ степени такой, чтобъ въ состояніи быть могли государству наукою своею полезныя службы оказывать, и для того тѣмъ кон въ сію науку и искусство вступать въ всемілостивѣйше отъ В. И. В. кофирмованномъ илавѣ особыя положены выгоды: того ради никому, какъ иностраннымъ, такъ российскимъ безъ точнаго отъ медицинской канцеляріи дозволенія (хотябъ предъ тѣмъ и увольненіе изъ службы имѣлъ) изъ вѣдомства оной какъ въ воинскія, такъ и прочіе чины не выходить.

Въ силу именнаго блаженной и вѣчной славы достойнаго памяти государыни императрицы Анны Іоанновны прошлаго 1737 году указу велѣно въ знатные города государства опредѣлить лѣкарей, коихъ отъ медицинской канцеляріи во многіе города и опредѣлено и нынѣ находятся; по повелѣннымъ лѣкарѣмъ во многихъ мѣстахъ отъ ратушъ и магистратовъ въ произвожденіи опредѣленнаго жалованья чинится отставка, такъ что нѣкоторые лѣкари оного получить не могутъ, а напротивъ того оныя въ отправленіи лекарской должности зависятъ отъ губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій, частоже по указамъ правительствующаго сената и медицинской канцеляріи для осмотра рекрутъ и пользованія оставляемыхъ отъ проходящихъ полковъ и командъ больныхъ офицеровъ и солдатъ употребляются, притомъ же въ случаѣ эпидемическихъ болѣзней по ихъ званію служить должны, и потому въ оныхъ въ городахъ и провинціяхъ обстоитъ крайняя надобность; и дабы оныя впредъ безъ полученія жалованья не претерпѣвали нужды: того ради надлежитъ упомянутымъ лѣкарѣмъ то жалованье выдавать изъ губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій по третамъ года и безъ остановки, а возвращать оныя въ тѣ канцеляріи ту выдачу съ ратушъ и магистратовъ; онымъ-же канцеляріямъ стараться должно и о томъ, чтобъ городовымъ и провинціальнымъ лѣкарѣмъ хорошія и къ житію способныя квартиры даны были.

Понеже въ губерніяхъ и провинціяхъ случаются заразительныя и вострающія надъ людьми и скотомъ болѣзны, для коихъ отвращенія чинившіяся по вступленіи репортовъ учрежденія по большей части за дальнимъ тѣхъ мѣстъ разстояніемъ происходятъ поздно: того ради сверхъ вышеписанныхъ

лѣкарей необходимо потребно въ губерніи и провинціи сего государства опредѣлить губернскихъ и провинціальныхъ докторовъ или ландт-физиковъ и опредѣленное имъ жалованье на такомъ-же основаніи, какъ лѣкарямъ, производить изъ губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій, да сверхъ того давать онымъ докторамъ физикамъ въ тѣхъ мѣстахъ пристойныя по чину ихъ квартиры. Черезъ такое учрежденіе въ состояніи быть можно въ случаѣ простирающихся болѣзней и къ отвращенію оныхъ скорѣйшее вспоможеніе чинить; къ тому же въ такомъ случаѣ всѣ прочія медицинскія дѣла, а особливо въ отдаленныхъ мѣстахъ лучше управляемы и въ порядокъ приведены будутъ, а притомъ разныя въ російской имперіи неизслѣдованныя по нынѣ мѣсть положенія по состоянію ихъ и что въ оныхъ къ государственной пользѣ находится съ основаніемъ изслѣдованы быть могутъ; начальственные же черезъ такое учрежденіе въ состояніи быть можно охраненіи здравія вѣрно-подданныхъ В. И. В. паче прежняго надлежащее стараніе возымѣть.

Когда губернскіе и провинціальные доктора или ландт-физики, также городовые и провинціальные лекари къ службѣ В. И. В. куды посланы будутъ, то онымъ для того проѣзда и съ возвратомъ на подлежащее число подводъ давать прогонныя деньги и конвой противъ того, какъ отъ прочихъ командъ чинится. Юня 3 дня 1762 года“. *Монзей.*

Докладъ этотъ, первоначально написанный по нѣмецки, высочайше утвержденъ Петромъ III, 3 юня 1762 года, о чемъ Монзей и увѣдомилъ сенатъ 5 юня 1762 года, за полтора мѣсяца до своей отставки.

Временный преемникъ Монзея по управленію, штадт-физикъ докторъ Лерхе такъ былъ озабоченъ своими личными дѣлами, не всегда особенно чистыми, что хотъ и зналъ о существованіи школъ, то едва ли думалъ объ нихъ, такъ какъ онѣ не приносили и не могли приносить ему никакой личной выгоды. Когда учреждена была медицинская коллегія, то члены ея тоже не знакомы были съ госпитальными школами. Но такъ какъ въ данной ей инструкціи указано «приведеніе госпиталей (т. е. госпитальныхъ школъ) въ лучшее состояніе, какъ важнѣйшая должность той коллегіи», то ровно черезъ полтора мѣсяца послѣ открытія дѣйствій ея, коллегія потребовала (22 декабря 1763) отъ всѣхъ госпиталей «свѣдѣній о томъ, 1) не содержатся ли въ прежнихъ госпитальныхъ регламентахъ какія неспособности, кои требуютъ перемѣны или поправленія; 2) между состоявшимися послѣ этихъ регламентовъ опредѣленіями не имѣются ли такія, кои противны онымъ регламентамъ или въ чемъ недостаточны и ожидаемому отъ госпиталей успѣху препятствуютъ; 3) какими способами оныя несправности исправлены быть могутъ?» Въ отвѣтъ на эти вопросы при-

сланы были «мнѣнія», но поажѣсть приняты только въ свѣдѣнію. Это и естественно. Коллегіи необходимо было ближе ознакомиться съ состояніемъ школъ, равно какъ съ ихъ потребностями и способами не только удовлетворенія этихъ потребностей, но и дальнѣйшаго развитія и улучшенія ихъ. Ознакомленіе съ ними происходило медленно. Это бы еще ничего. Но есть основанія думать, что многіе члены коллегіи слишкомъ узко понимали значеніе госпитальныхъ школъ, даже недоброжелательно смотрѣли на нихъ и считали бы задачу ихъ разрѣшенною, еслибы только нашли средства увеличить число подлѣбарей для арміи и флота. Улучшить школы, расширить программу ихъ и чрезъ то возвысить общій уровень медицинскаго образованія въ Россіи, кажется, вовсе не входило въ ихъ мысли и желанія, и даже противорѣчило ихъ собственнымъ мыслямъ и желаніямъ. По крайней мѣрѣ такъ можно заключать по дѣлу доктора Погорѣцаго, дѣлу весьма печальному и возникшему, кажется, изъ того, что этотъ прямодушный и энергическій человѣкъ искренно и серьезно принялся было за расширеніе программы и улучшеніе способовъ преподаванія въ московской госпитальной школѣ. Тоже самое можно заключить и по дѣлу доктора Ореуса, гдѣ многіе члены коллегіи упорно отвергали мысль, чтобъ русскій лѣбарь могъ быть допущенъ въ докторскому экзамену внутри Россіи, или чтобъ русскій человѣкъ могъ быть признанъ докторомъ медицины безъ признанія этой ученой степени въ какомъ либо иностранномъ медицинскомъ факультетѣ. При такомъ настроеніи вліятельнѣйшихъ членовъ медицинской коллегіи нельзя было ожидать скорого преобразованія или улучшенія госпитальныхъ школъ. И дѣйствительно прошло около пятнадцати лѣтъ, пока внѣшнія и особенныя обстоятельства не подняли вопроса о расширеніи школъ и о приведеніи въ такое положеніе, которое давало бы имъ возможность удовлетворять большей части надобностей государственной медицинской службы. Школы этого коллегіальнаго періода жили такъ-сказать все еще распоряженіями Кондоиди и двигались тѣмъ движеніемъ, которое онъ далъ имъ. По этому обзоръ ихъ дѣятельности за это время не можетъ быть длиненъ.

Укомплектованіе школъ учениками, благодаря личному участию покойнаго Кондоиди, не представляло затрудненій: преимущественно набирались они изъ епархіальныхъ семинарій и духовныхъ академій. Правда, когда духовныхъ училищъ было еще немного и синодъ нуждался въ образованныхъ молодыхъ людяхъ для своихъ надобностей,

въ наборѣ семинаристовъ встрѣчались затрудненія; но съ тѣхъ поръ какъ семинаріи размножились, синодъ уже не отказывалъ въ отпускѣ ихъ «для медицинской науки». Такъ еще въ 1754 году святѣйшій синодъ дозволилъ отпускать «самоохотно желающихъ изъ семинарій студентовъ къ обученію медико-хирургической наукѣ». Ссылаясь на этотъ указъ, кіевскій митрополитъ Гавріилъ отпустилъ въ 1777 году 24 студентовъ «изъ кіевской академіи и изъ другихъ школъ священническихъ и разночинческихъ дѣтей» въ лѣкаря 2 кіевского батальона Федору Матковскому, а въ слѣдующемъ году еще 20 студентовъ къ тому же Матковскому. Ктоже этотъ Матковскій и какую роль игралъ онъ въ этомъ дѣлѣ? А вотъ какую. Медицинская коллегія знала, что сколько бы она ни попросила у святѣйшаго синода семинаристовъ отказа не будетъ. Но она тяготилась тѣмъ, что надобно просить всякій разъ какъ окажется надобность, или по крайней мѣрѣ необходимо переписываться съ синодомъ и какъ бы просить себѣ одолженія. Чтобы избѣгнуть непосредственной и обременительной переписки съ духовными властями, медицинская коллегія придумала косвенный способъ добывать семинаристовъ и студентовъ для своихъ школъ и слѣдующимъ образомъ привела его въ исполненіе. Лѣтомъ 1761 года госпитальный докторъ и профессоръ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя И. А. Полетика поѣхалъ въ отпускъ на четыре мѣсяца въ Малороссію, въ Ромны, гдѣ жилъ отецъ его. Отпуская его, коллегія поручила ему набрать изъ кіевской академіи и малороссійскихъ коллегій человѣкъ до 50, а если можно, то и до 100 студентовъ для госпитальныхъ школъ, обѣщая имъ по 10 р. на проѣздъ до Москвы или до Петербурга. Докторъ Полетика исполнилъ это порученіе и набралъ 55 учениковъ, а въ благодарность за это съ него не вычли (съ согласія сената) жалованья за все время отпуска и кромѣ того выдали подорожную на 6 подводъ до Кіева и до Бѣлгородской губерніи. Этотъ способъ вербованія учениковъ такъ понравился медицинской коллегіи, что она предложила и другимъ мѣстнымъ лѣкарямъ приглашать семинаристовъ и студентовъ на томъ же основаніи. Примѣръ этого рода представлялъ и Матковскій, постоянно жившій въ Кіевѣ и пользовавшійся личнымъ расположеніемъ митрополита Гавріила. Такое же порученіе дала коллегія (13 февраля 1766 года) городовымъ лѣкарямъ Францу Вульффу въ Переяславлѣ, Іоакиму Узананскому въ Черниговѣ и батальонному лѣкарю Ивану Федосѣеву въ Кіевѣ. Въ маѣ 1778 года, когда предстояла большая надобность

въ лѣбаряхъ и подлѣбаряхъ для укомплектованія арміи и флота, а въ госпиталяхъ не было полного комплекта учениковъ, медицинская коллегія командировала секретаря своего Ивана Хоминскаго для приглашенія студентовъ изъ кievской академіи и изъ черниговской и переяславской коллегій до 30 человекъ и болѣе, съ выдачею на проѣздъ въ Москву по 15 рублей каждому не въ зачетъ. Въ послѣдствіи этотъ способъ былъ еще болѣе обобщенъ. Городовые лѣбаря нуждались въ помощникахъ или подлѣбаряхъ, но взять ихъ было негдѣ. Поэтому медицинская коллегія вмѣнила имъ въ обязанность самимъ прискивать себѣ учениковъ, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ, но не отсылать ихъ въ госпитали, а учить сперва у себя до тѣхъ поръ, пока они будутъ готовы въ подлѣбарскому званію.

Какъ однакоже ни былъ неистощимъ этотъ источникъ для пополненія личнаго состава учениковъ въ госпитальныхъ школахъ, все же нельзя забывать, что этотъ источникъ былъ не единственный. Не рѣдко пополнялись онѣ иностранцами, сыновьями иностранныхъ ремесленниковъ, а также сыновьями лѣбарей и подлѣбарей, состоявшихъ въ русской службѣ. Къ сожалѣнію большая часть этихъ учениковъ не знали латинскаго языка (равно какъ и русскаго), что и вынуждало иногда двойное чтеніе лекцій, на латинскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. Случалось и то еще, что молодые иностранцы, попавъ всѣми неправдами въ госпиталь и ознакомившись съ трудностями ученія безъ знанія латинскаго языка, теряли охоту продолжать занятія и цѣлыми толпами уходили изъ школъ, жалѣя о потерянномъ времени. А отъ этого ни одинъ госпиталь, особенно въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, имѣя сегодня полный комплектъ учениковъ, не могъ быть увѣренъ, что этотъ комплектъ удержится и на завтрашній день. Надобно однакоже прибавить, что медицинская коллегія, вообще говоря, весьма снисходительно смотрѣла на тѣхъ нѣмецкихъ учениковъ, которые поступали въ школы безъ знакомства съ латинскимъ языкомъ.

^{vi}И такъ съ развитіемъ медико-хирургическихъ училищъ, они пополнялись учениками почти исключительно изъ духовныхъ семинарій и академій, и эти послѣднія нисколько повидимому не тяготились этой новою обязанностию. Такъ, при обнародованіи новаго закона 15 іюля 1786 года, медицинская коллегія обратилась къ святѣйшему синоду и прямо высказала, что для укомплектованія трехъ училищъ и четырехъ госпиталей по новому штату нѣтъ другой возможности,

кромѣ приглашенія студентовъ изъ духовныхъ академій и семинарій, знающихъ латинскій языкъ, а именно изъ достигшихъ риторики, философіи и богословія, выключая положенныхъ въ подушный окладъ. Принимаемы они будутъ по третямъ года: въ январѣ, маѣ и сентябрѣ. Въ прежніе годы, при вызовѣ учениковъ въ свои школы медицинская collegія выдавала каждому на проѣздъ безвозвратно по 10 р., по тому что при тогдашнемъ скудномъ жалованьи ученикамъ по 24 р. и вычета дѣлать было не изъ чего. Нынѣже ученикамъ положено жалованье по 80 р., и потому collegія не отказывается отъ выдачи 10 р. на проѣздъ, но они имѣютъ быть вычитаемы по третямъ изъ опредѣленнаго жалованья въ годъ. Синодъ согласился на это представленіе и далъ указъ (25 января 1787 года) не удерживать въ духовныхъ училищахъ тѣхъ, кои будутъ требовать увольненія для поступленія въ медико-хирургическія училища и госпитали, если не усмотрится надобности въ опредѣленію ихъ въ другія званія. Къ этому онъ сдѣлалъ одну только оговорку, что еслибы кто изъ вытребованныхъ учениковъ не былъ принятъ въ училища, по недостатку ли вакансій или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ, то таковыхъ слѣдуетъ возвращать туда, откуда они явились, въ опредѣленные сроки, дабы предотвратить вредную праздность или поступленіе въ какіе либо другія званія ¹⁾).

Распоряженія эти исполнялись повидимому очень исправно даже въ тяжеломъ 1790 году, когда всѣ почти ученики московскаго госпиталя были раскомандированы, такъ что остались только 7 учениковъ въ госпиталѣ и 15 въ медико-хирургическомъ училищѣ. И всѣ эти убыли пополнены изъ духовныхъ училищъ. Далѣе, въ январѣ 1793 и въ февралѣ 1794 года collegія обращалась съ просьбою въ малороссійскія консисторіи (въ кіевскую, бѣлгородскую, черниговскую, новгородсѣверскую и харьковскую) о присылкѣ изъ ихъ вѣдомствъ учениковъ порядочно знающихъ латинскій языкъ, числомъ сколько возможно, общая имъ на проѣздъ до Москвы 10 р., а до Петербурга 15 рублей. Въ 1795 году повторилось тоже самое; но прибрѣтеніе учениковъ изъ Малороссіи нѣсколько затруднилось. Почти повсюду они объявили, что охотно ѣхали бы въ Москву или Петербургъ, но прогонныхъ денегъ, выдаваемыхъ на проѣздъ, по существовавшей

¹⁾ Полн. собр. законод., XXII, 16,500.

дороговизнѣ жизни оказывалось недостаточно. Медицинская коллегія приняла въ соображеніе эти заявленія и постановила (17 декабря 1795) выдавать на проѣздъ до Москвы по 30 р., а до Петербурга по 40 р., съ тѣмъ, чтобы половина назначенныхъ денегъ выдавалась на мѣстѣ отправления изъ казенныхъ палатъ, а другая по прибытіи въ Москву или въ Петербургъ.

Пересматривая эти взаимныя отношенія духовныхъ семинарій къ медико-хирургическимъ училищамъ нельзя не замѣтить, что всѣ эти отношенія носили на себѣ отпечатокъ случайности и исполнялись только по стариннымъ обычаямъ, да по частнымъ соглашеніямъ лицъ и учреждений, не имѣвшихъ между собою никакихъ опредѣленныхъ закономъ связей. Синодъ могъ давать учениковъ въ госпитальныя школы, но могъ и не давать. Могли встрѣтиться случаи, отнимавшіе даже и возможность исполнить желаніе медицинской коллегіи. Могло быть и то, что духовные воспитанники получали назначеніе въ другія учебныя заведенія, какъ это и случилось въ 1796 году: студенты семинарій и коллегій назначаемы были учителями въ городскія школы, не говоря уже что они назначались въ разныя должности при своихъ же семинаріяхъ. Для устранения всѣхъ этихъ столкновеній и затрудненій состоялся именной указъ святѣйшему синоду слѣдующаго содержанія:

«Указъ нашему синоду. Сверхъ опредѣленнаго по указу нашему отъ 22 декабря 1796 года числа священно и церковнослужительскихъ дѣтей на статныя священно и церковнослужительскія мѣста и въ учителя въ духовныхъ училищахъ и въ городскихъ школахъ, по губерніямъ учрежденныхъ, повелѣваетъ имѣть особенно на всякій годъ до 50 человекъ изъ семинаристовъ, кои приобрѣли успѣхъ въ словесныхъ наукахъ, для помѣщенія оныхъ во врачебныя училища, которыхъ и отдавать туда по требованіямъ медицинской коллегіи для обученія врачебной наукѣ, на укомплектованіе нашихъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ и прочихъ мѣстъ искусными врачами.

Подписано: *Павелъ.* Въ Гатчинѣ, августа 28 дня 1797 года.

Опвряясь на этотъ указъ, медицинская коллегія обратилась къ святѣйшему синоду съ просьбою, чтобы онъ разрѣшилъ отпустить не только на этотъ годъ изъ семинарій и академій до 50 человекъ въ обѣ (московскую и петербургскую) медико-хирургическія академіи, но и еще 50 учениковъ въ зачетъ будущаго 1798 года. Коллегія мотивировала это представленіе тѣмъ, что армія пошла за границу (въ Швейцарію и Италію) и потребовали много поддѣбарей и учениковъ,

такъ что медико-хирургическія училища почти вовсе остались безъ учащихся: если появятся еще подобныя требованія, то коллегія нечѣмъ будетъ удовлетворить ихъ. Въ заключеніе коллегія просила синодъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ сдѣлать однажды навсегда слѣдующія распоряженія, чтобы 1) въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ ежегодно и безъ особаго уже требованія выбирались 50 человекъ и по выдержаніи экзамена во врачебныхъ управахъ отправлялись куда слѣдуетъ; 2) чтобы семинаріи не ограничивались непременно этимъ числомъ учениковъ, но посылались бы и въ большемъ числѣ—сколько бы ни оказалось желающихъ—съ тѣмъ, что если окажется излишество ихъ, то можно зачислять лишнихъ за будущіе годы, «ибо изъ рапортовъ врачебныхъ управъ видно, что по инымъ семинаріямъ охотниковъ гораздо болѣе того числа, какое взять слѣдуетъ, коихъ за силою указа святѣйшаго синода не увольняютъ, а по другимъ или нѣтъ ни одного, или и есть, но мало приготовленные».

Въ заключеніе медицинская коллегія увѣдомила святѣйшій синодъ, что отправленіе избранныхъ учениковъ она по прежнему принимаетъ на свой счетъ, а выборъ ихъ изъ семинарій предоставляетъ врачебнымъ управамъ, которыхъ и проситъ допускать въ семинарію для выбора. Она составила даже подробное росписаніе, изъ какихъ семинарій куда слѣдуетъ отправлять семинаристовъ и на первый разъ потребовала для московскаго медицинскаго училища 30, а для петербургскаго 20 учениковъ.

Святѣйшій синодъ исполнилъ это представленіе и даже заблаговременно назначилъ 50 человекъ на 1799 годъ, предписавъ недѣлать препятствій тѣмъ изъ желающихъ поступить въ медицинскія школы, которыя оказались бы сверхъ требованнаго числа. При этомъ синодъ просилъ коллегію предписать врачебнымъ управамъ быть внимательнѣе при выборѣ семинаристовъ. Врачебныя управы, говоритъ онъ, сами выбираютъ изъ числа желающихъ семинаристовъ по ихъ способностямъ и познаніямъ, какимъ же образомъ могутъ потомъ оказываться неспособные или негодные? Такое нерадѣніе управъ въ выборѣ слѣдуетъ прекратить, такъ какъ оно вредно для семинаристовъ. Возвращаясь черезъ долгое время въ свои училища, они не могутъ уже безъ предосужденія быть принимаемы въ семинаріи; но еще можетъ то возвращеніе и замѣна ихъ новыми послужить поводомъ и къ злоупотребленію». Святѣйшій синодъ заключаетъ, что «если не будутъ приняты

на этотъ счетъ лучшія мѣры, то онъ на мѣсто возвращаемыхъ отпущать другихъ не будетъ одождаться» (4 іюля 1799).

Этими суровыми замѣчаніями святѣйшій синодъ очевидно старался оградить своихъ духовныхъ воспитанниковъ отъ произвола госпитальныхъ властей, экзаменовавшихъ и сортировавшихъ семинаристовъ при ихъ приѣмѣ въ медико-хирургическія училища. Можетъ быть экзамены и выборы были строги и даже произвольны; можетъ быть, что первоначальный выборъ во врачебныхъ управахъ и бывалъ не предусмотрителенъ, по неопытности членовъ врачебныхъ управъ, только что учрежденныхъ и не вездѣ еще укомплектованныхъ, но едвали можно допустить въ дѣйствіяхъ ихъ какіялибо дѣйствительныя «злоупотребленія», на которыя намекаетъ синодъ.

Къ времени учрежденія медицинской коллегіи госпитальныя школы обладали уже большимъ запасомъ собственно русскихъ преподавательскихъ силъ, развившихся въ западно-европейскихъ университетахъ и академіяхъ. Блестящими представителями этихъ силъ служили докторъ Константинъ Щепинъ и Петръ Погорѣцкій, очень сходные между собою и по образованію, и по усиліямъ расширить программу школы съ улучшеніемъ преподаванія въ нихъ и наконецъ по постигшимъ ихъ несчастіямъ.

Докторъ К. И. Щепинъ пріѣхалъ въ московскій госпиталь въ мартѣ 1762 года, не получивъ никакой программы, никакого указанія на подлежащія ему обязанности. Вступивъ въ должность леціоннаго доктора, онъ самъ составилъ программу преподаванія въ госпитальной школѣ и послалъ ее на утвержденіе медицинской коллегіи. Повелѣно мнѣ, говоритъ онъ, обучать моихъ слушателей не въ хирургіи только, но и въ медико-хирургіи, и потому должно мнѣ будетъ предпринять весь курсъ медическій и окончить его въ два года ¹⁾. А какъ хирургія составляетъ главное дѣло моихъ учениковъ, то и ученіе въ ней удвоить противъ прочихъ частей медицины слѣдующимъ порядкомъ.

Въ первый годъ: съ 15 апрѣля по 15 сентября обучать анато-

¹⁾ Ученики школы раздѣлялись въ ту пору на три класса; но въроятно Щепинъ ограничивалъ свое преподаваніе двумя годами по той причинѣ, что преподаваніе его посвящалось теоретическому курсу, третій же годъ долженъ былъ отдѣлиться для практическаго госпитальнаго ученія.

мію сухую, т. е. остеологию въ натурѣ ¹⁾, а прочія части на фигурахъ, а когда есть—на препаратахъ, съ употребленіемъ частей (*usus partium*), что составляетъ *физиологию*; потомъ *патологию* и прочія части «Наставленій» Бургаавовыхъ) и на сіе употребить неотмѣнно три дня въ недѣлю. Въ другіе два дни обучать по Бухнеру *materiam medicam*, а въ шестой видѣть, что во всю недѣлю произошло (т. е. репетиціи).

Съ 15 сентября по 1 января обучать *анатоміи въ натурѣ*, а съ 1 января по 15 апрѣля держать курсъ *хирургическихъ операцій*. Къ июню мѣсяцу окончена была *osteologia* и началась *splanchnologia* тоже по Гейстеру, а съ ноября начать курсъ на кадаверахъ. Для первой лекціи трупъ приготовленъ былъ операторомъ Елачичемъ, который однакоже тотчасъ послѣ первой лекціи откомандированъ былъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для отправленія въ Китай. Для слѣдующихъ лекцій Щепинъ самъ препаровалъ трупы, не желая остановить преподаваніе по недостатку прозектора и къ святкамъ кончилъ курсъ, будучи самъ профессоромъ, операторомъ и прозекторомъ, трудясь почти всякій день съ утра до вечера надъ кадаверами и позволяя всѣмъ ученикамъ быть при секціяхъ, «отъ чего и произошло, что многіе подлѣкари и старые ученики, которые прежде сего многихъ частей въ натурѣ не знали, кромѣ именъ ихъ, нынѣ не только ихъ въ натурѣ знаютъ, но и сами администровать въ состояніи». Къ июню окончено также было преподаваніе минеральной части *materiae medicae* и показано все большею частію въ натурѣ. Затѣмъ пошло преподаваніе *ботаники*. Въ помощь къ изученію ботаники былъ обычай посылать учениковъ иногда въ отдаленныя мѣста для сбора живыхъ травъ и кореньевъ: но Щепинъ, самъ хорошій ботаникъ и личный другъ знаменитаго Линнея, просилъ уничтожить этотъ обычай, такъ какъ пользы отъ него мало, а между тѣмъ ученики отвлекаются отъ ученія. «Если же это необходимо, то пусть вызываются охотники къ такимъ упражненіямъ и этихъ охотниковъ всего лучше перечислить въ разрядъ аптекарскихъ учениковъ».

Во второй юдѣ: Три дня въ недѣлю толковать *афоризмы* Бурга-

¹⁾ Учебникомъ остеологіи служило *Compendium anatomicum* Heisteri, Nürnberg 1756. 8, переведенное на русскій языкъ М. Шейнымъ 1757, Спб. 4.

²⁾ *Institutiones medicae* Boerhaavii. По этимъ «Наставленіямъ» читалась и физиологія.

ава, т. е. *частная патологія и терапія*, и два дня употребить на наставленіе учащихся въ *Началахъ фармаціи (principia pharmaciae)*. Важность этого послѣдняго предмета Щепинъ цѣнилъ по собственному опыту, во время своей армейской службы, когда «видѣлъ въ полкахъ большой въ этомъ отношеніи безпорядокъ». Въ дополненіе къ теоретическому преподаванію фармаціи, въ госпиталѣ былъ обычаемъ посылать ежемѣсячно по два ученика въ госпитальную аптеку, къ рецептурѣ, и этотъ обычай очень одобрялся Щепинымъ. Шестой день недѣли предполагалось употреблять такъ же, какъ и въ первомъ году.

Щепинъ ставилъ однакоже разницу между первымъ и вторымъ годами преподаванія. Во второмъ году преподаются предметы уже не новые, а потому «можно обойтись безъ диктовокъ, а употреблять время къ истолкованію вещей извѣстныхъ авторовъ, съ тѣмъ что если бы послѣ временъ помянутыхъ авторовъ вослѣдовало что новое, то при толкованіи ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ приказать написать примѣчаніе». Съ начала 1763 года Щепинъ предполагалъ начать курсъ хирургіи на кадаверахъ, но узнавъ, что въ госпиталь назначенъ новый операторъ, отмѣнилъ это предположеніе. Этотъ операторъ былъ штабъ-лѣкарь и операторъ Энгель, переведенный въ Москву изъ кронштадтскаго госпиталя. На немъ лежала обязанность преподаванія анатоміи и хирургіи. По прибытіи его оказалось неудобство въ распредѣленіи учебныхъ дней и часовъ. Чтобы устранить его, Щепинъ и Энгель по взаимному соглашенію постановили, чтобы первый читалъ лекціи по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, а послѣдній по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, съ 11 ч. до 1 ч. Проректоромъ себѣ Энгельъ выбралъ лѣкаря рязанскаго конногренадерскаго полка Вилима Цемша (Wil. Zemsch), безъ отстраненія его отъ госпитальной службы, но съ добавочнымъ содержаніемъ. Передавъ преподаваніе анатоміи Энгелю, Щепинъ принялъ на себя преподаваніе *клинической медицины (praxis medica)*, а оставшееся затѣмъ время отдано было для ученія рисованью и на лекціи *акушерства* у профессора Эразмуса въ Москвѣ и у Линдемана въ Петербургѣ. Эти послѣднія лекціи преподавались по вторникамъ и пятницамъ, въ 3 часу по полудни. Онѣ были обязательны, наравнѣ съ другими школьными лекціями: указомъ коллегіи 14 февраля 1763 года предписано было посылать изъ с.-петербургскихъ и московскаго госпиталей по 6 подлѣкарей къ профессорамъ бабичьяго дѣла слушать лекціоны и учиться акушерскимъ операціямъ.

Вообще К. И. Щепинъ употреблялъ всё усилія расширить программу преподаванія и улучшить его. Случалось, что онъ читалъ лекціи по вечерамъ, чтобы не мѣшать ни другимъ занятіямъ учениковъ, ни другимъ преподавателямъ. Онъ заботился о приведеніи госпитальной аптеки въ возможно лучшей порядокъ и исходатайствовалъ даровой отпускъ аптечныхъ матеріаловъ для нагляднаго преподаванія фармакологіи (*materiae medicae*) и фармаціи. По субботамъ непременно дѣлалъ репетиціи, иногда совершенно сходныя съ лекціями. Но этого мало; по окончаніи каждаго мѣсяца онъ дѣлалъ, по соглашенію съ госпитальнымъ докторомъ Ломаномъ и московскимъ штатдъ-физикомъ Гевиттомъ, мѣсячные экзамены, собственно тоже для повторенія пройденнаго. Вскорѣ слава ревностнаго учителя и ученаго распространилась повсюду и дошла до медицинской коллегіи, которая черезъ годъ, безъ его просьбы, назначила ему, за прилежное ученіе и истолкованіе анатоміи самымъ дѣломъ», значительную прибавку жалованья.

Учителемъ латинскаго языка былъ съ 1756 года Иванъ Цвиккеръ (*informatior Joan. Zwickerus*), а по увольненіи его отъ службы въ 1764 году кандидатъ Петръ Оттендаль (*Ottendal*), преподававшій въ тоже время въ московскомъ университетѣ исторію и географію.

Но едва прошелъ второй годъ дѣятельности Щепина въ Москвѣ, какъ онъ вытребованъ былъ въ Петербургъ, «для опредѣленія къ тамошнимъ госпиталямъ» (18 іюня 1764). Почти въ тоже время появились первые слухи объ его болѣзни, такъ что трудно рѣшить, по болѣзни ли вызвали его изъ Москвы, или не зародилась ли и самая болѣзнь его отъ неожиданнаго перемѣщенія его изъ Москвы въ Петербургъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, К. И. Щепинъ нашелъ тамъ весьма ревностное движеніе въ пользу госпитальныхъ школъ. Въ апрѣлѣ 1764 года всѣ болѣе или менѣе свободные доктора вступили въ формальное соглашеніе касательно участія въ школьномъ преподаваніи, распредѣливъ его между собою въ качествѣ *доцентовъ*. Щепинъ также примкнулъ къ нему. Соглашеніе это, въ формѣ officialнаго акта, представлено въ медицинскую коллегію и въ открытомъ засѣданіи 17 сентября 1764 утверждено ею. Оно состояло въ томъ, что отнынѣ на будущее время преподаваніе въ госпитальныхъ школахъ будетъ публичное, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Преподаваніе предметовъ ученія распредѣлено будетъ такъ: ✓

1) докторъ Любимъ Маттеи будетъ преподавать въ обонгъ госпиталѣ *клиническую медицину (praxis medica)* на русскомъ языкѣ; онъ же будетъ читать *физиологию и фармакологию (materia medica)*;

2) докторъ Йог. Яляшъ будетъ преподавать *collegium practicum (клинику)* на нѣмецкомъ языкѣ;

3) докторъ фонъ-Мелленъ — *анатомію и хирургию* на нѣмецкомъ языкѣ;

4) докторъ К. Шеннъ — *анатомію и хирургию* на русскомъ языкѣ;

5) операторъ Ореусъ — *остеологию и ботанику*.

6) Каждый доцентъ будетъ исправно наблюдать свои часы и начинать ученіе какъ въ колоколь звонить ступать, и лекцій, вромѣ крайней нужды, не отлагать. А еслибъ кому нельзя было читать, то долженъ увѣдомить старшаго доктора, чтобы ученики не теряли напрасно времени въ ожиданіи лекцій.

7) Чтобы коллегія знала, какъ происходитъ ученіе, надлежитъ нѣсколько—кратно двумъ членамъ ея самимъ быть при лекціяхъ.

8) Нивогда не позволять, подъ жестокимъ штрафомъ, брать деньги за частныя лекціи, ибо это тѣмъ, кои необходимыхъ денегъ промыслить не могутъ, удерживаетъ отъ ученія, а отъ того со временемъ будутъ плохіе медики и хирурги. Сіе зло инымъ образомъ пресѣчь не можно, какъ чрезъ запрещеніе частнаго ученія, не запрещая при томъ если одинъ, а по большей мѣрѣ два человѣка имѣются, кои добродотно у одного изъ доцентомъ частно въ наукѣ своей утвердиться пожелаютъ. Однакожь оное тѣмъ доцентамъ чинить въ квартирѣ своей ¹⁾).

¹⁾ Обычай читать *частныя лекціи* ученикамъ и подлѣкарямъ за плату введенъ былъ проф. Шрейберомъ, а потомъ опять исчезъ. По крайней мѣрѣ нигдѣ не упоминалось, чтобы медицинская коллегія преслѣдовала его. Однакоже изъ того, что договоръ доцентомъ зналъ объ его существованіи и предположилъ истребить его, слѣдуетъ заключить, что обычай этотъ действительно существовалъ. Это подтвердилось и фактически. Въ 1774 году дошло до свѣдѣнія медицинской коллегіи, что докторъ А. фонъ-Мелленъ, преподававшій въ генеральномъ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ анатомію и хирургию на нѣмецкомъ языкѣ, читаетъ въ томъ-же госпиталѣ частныя лекціи волонтерамъ за плату. Слушателей у него было 17 человѣкъ. Коллегія была недовольна этимъ извѣстіемъ и вспомнила, что частныя лекціи за плату запрещены опредѣленіемъ ея 17 мая 1764 года. Поводомъ къ запрещенію брать деньги за ученіе было то, что «оное тѣмъ, кои требующихся денегъ промыслить не могутъ, отъ ученія удерживаетъ, а отъ того со временемъ сдѣлаются незнающіе хирурги и медики. Сіе зло инымъ образомъ пресѣчь не можно, какъ единственно чрезъ запрещеніе частнаго ученія, не запрещая жъ при томъ, если одинъ, а по высшей мѣрѣ два человѣка имѣются, кои добродотно у одного изъ учителей частно въ наукѣ своей утвердиться пожелаютъ, однакожь оное тѣмъ учителямъ чинить въ квартирѣ своей». А такъ

Замѣчательно, что К. И. Щепинъ, начавшій свой курсъ анатоміи съ конца сентября 1764 года, по три раза въ недѣлю, жалуется медицинскои коллегіи на трудность преподаванія на русскомъ языкѣ, «либо я на латинскомъ языкѣ десять коллегій (лекцій) прочитаю легче, нежели на русскомъ одну». Въ подтвержденіе этого онъ прислалъ свою программу остеологіи и общей анатоміи. И дѣйствительно надобно удивляться точности и въ тоже время простотѣ введенныхъ имъ терминовъ анатомической номенклатуры. Уволенъ онъ отъ службы по болѣзни 10 апрѣля 1766 года.

Доцентъ А. фонъ-Мелленъ читалъ анатомію по нѣмецки, ежедневно отъ 11 ч. до 1 ч. дня, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Такъ продолжалось одинъ годъ. Съ начала 1765 онъ приглашенъ

какъ докторъ фонъ-Мелленъ оказался виноватымъ противъ опредѣленія коллегіи, то оптрафованъ во-первыхъ лишеніемъ прибавленнаго ему жалованья (получалъ онъ по 650 р., а прибавочнаго назначалось 150 р.); во-вторыхъ приказано ему возратить волонтерамъ всю ту плату, которую они внесли ему за частныя лекціи.

Штрафъ былъ чувствительный. Фонъ-Мелленъ оправдывался. Прежде всего онъ выставилъ на видъ, что усердно читалъ лекціи въ госпиталѣ четыре раза въ недѣлю (по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ), а въ остальные два дня (по средамъ и субботахъ) вскрывалъ трупы и трупы иногда бывали гнилые, а иногда отъ людей умершихъ отъ гнилыхъ горячекъ. Вскрываетъ онъ въ присутствіи учениковъ и подлѣкарей и всѣ малкія части, вынувъ изъ трупа, обносилъ кругомъ и всѣмъ показывалъ, чего не бываетъ ни въ какихъ академіяхъ. Деньги съ волонтеровъ онъ дѣйствительно бралъ, потому что читалъ имъ дома, у себя на квартирѣ, и читалъ по нѣмецки, такъ какъ порусски они не знаютъ, а въ госпиталѣ всѣ лекціи читаются порусски. Далѣе, въ указѣ коллегіи сказано обучать подлѣкарей и учениковъ безденежно, но о волонтерахъ ничего не сказано; потому онъ и думалъ, что ихъ можно учить за деньги, такъ какъ они содержатся и учатся на своемъ коштѣ.

Медицинская коллегія сложила съ него штрафъ и не велѣла дѣлать никакихъ вычетовъ изъ жалованья, но съ подтвержденіемъ не читать лекцій за деньги, а учить за свое жалованье и для этого прибавила ему 150 р. къ прежнему жалованью (10 апрѣля 1774).

Въ это-же время фонъ-Мелленъ просилъ опредѣлить въ помощь ему при чтеніи анатоміи подлѣкаря *Никона Карпинскаго*, «который къ тому и способнѣе». Коллегія исполнила это ходатайство и опредѣлила Карпинскаго въ должностъ прозектора, но безъ прибавки ему жалованья (4 сентября 1774 года). Не долго однакожъ исполнялъ Карпинскій эту должностъ, не болѣе года: 15 сентября 1775 года фонъ-Мелленъ написалъ коллегіи, что Карпинскому грозитъ чахотка и прилежныя анатомическія занятія вредны для него и потому просилъ отчислить его, а на его мѣсто опредѣлить ученика Каминскаго, что и было исполнено.

читать полатыни. Но весьма нерѣдко случалось, что онъ читалъ на всѣхъ трехъ языкахъ, какъ приходилось удобнѣе, потому что родился въ Петербургѣ и хорошо говорилъ порусски. Читалъ онъ въ этотъ годъ по вечерамъ, съ 6 до 8 часовъ, при свѣчныхъ свѣчахъ, которыхъ выдавалось ему по 5 на вечеръ. Препаровалъ для него отецъ его, неутомимый и старый анатомъ и операторъ Яковъ ф. Мелленъ.

Докторъ Л. Маттеи, старшій докторъ с.-петербургскаго морскаго госпиталя, преподавалъ клиническія лекціи въ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ, съ 10 до 12 ч. утра, на русскомъ языкѣ.

Въ началѣ 1766 возвратился изъ за границы молодой докторъ Тома Тихорскій и получилъ порученіе преподавать въ обоихъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ *materiam medicam*, не менѣе 4 разъ въ недѣлю и на русскомъ языкѣ. Въ тоже время онъ исправлялъ должность старшаго доктора въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Онъ преподавалъ ее одинъ годъ, а за тѣмъ вошелъ съ представленіемъ въ коллегію, что онъ «болѣе имѣетъ склонности къ практикѣ медической, которая теперь нивѣдкимъ докторомъ не показывается», и просилъ передать ему этотъ предметъ для преподаванія. Коллегія исполнила его желаніе, поручивъ ему *медическую практику* въ обоихъ госпиталяхъ (19 октября 1767), а *materiam medicam* передала молодому доктору Козьмѣ Рожалину.

Кромѣ этихъ предметовъ, медицинская коллегія сдѣлала еще распоряженіе (14 февраля 1763), чтобы изъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя ежемѣсячно ходили 6 подлѣбарей къ доктору «бабичьяго дѣла» Линдеману «слушать лекціоны и учиться акушерскимъ операціямъ». Линдеманъ не говорилъ порусски и потому держалъ у себя переводчика, оператора Я. ф. Меллена, который обязанъ былъ передавать порусски то, что тотъ говорилъ въ своихъ нѣмецкихъ лекціонахъ. Послѣ акушерства, онъ обязанъ былъ преподавать также *женскія и дѣтскія болѣзни*, но также безъ особеннаго успѣха. Впрочемъ подлѣбари могли уже учиться по книгѣ шведскаго доктора Горна ¹⁾, въ русскомъ переводѣ И. Пагенкампа, изданномъ подъ редакцію профессора Барсова.

¹⁾ Горнъ Іоганнъ, *Посивальная бабка или наставленіе какимъ образомъ женщины, плодовъ благословенной, въ родахъ вспоможеніе чинить*, рус. переводъ, И. Пагенкампа, Москва, 1764, 8).

Фармація преподавалась вмѣстѣ съ фармакогнозіею и ботаникою. Въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ аптекарю Клиберу предписано было (26 мая 1763) учить лѣкарскихъ учениковъ и подлѣкарей распознаванію травъ и кореньевъ официнальныхъ. Тоже самое возложено было на оператора Ореуса по отношенію въ ученикамъ с.-петербургскаго морскаго госпиталя. Оба они въ свободное время обязаны были ходить съ учениками въ госпитальные огороды и ближайшія поля, а временемъ и на Аптекарскій островъ и въ аптекарскій садъ, изъ коего по ихъ требованію разрѣшалось отпущать по временамъ нужныя травы и растенія въ госпитали, причемъ толковать имъ не только ихъ названія, но и лѣкарственное употребленіе и дѣйствіе.

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ перевода Щепина въ Петербургъ, въ московскую госпитальную школу опредѣленъ доцентомъ только что возвратившійся изъ чужихъ сторонъ докторъ Петръ Погорѣцкій, съ обязательствомъ принять на себя преподаваніе въ школѣ. Прибывъ въ госпиталь онъ почелъ долгомъ донести медицинской коллегіи, въ какомъ положеніи нашелъ онъ школу и что необходимо для ея дальнѣйшаго преуспѣянія.

„По прибытіи моемъ въ Москву, писалъ онъ 5 декабря 1765 года, въ какомъ состояніи нашелъ я ученіе и учащихся въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ и какія мѣры припалъ къ попѣшествованію общей пользы, о томъ слѣдующими пунктами представляю:

1) Подлѣкарки и лѣкарскіе ученики изъ русскихъ всѣ, а изъ нѣмцевъ шесть изрядно знаютъ полатыни и желаютъ слушать лекціи на латинскомъ языкѣ; нѣсколько же человекъ изъ прочихъ учениковъ и подлѣкарей нѣмцовъ не токмо полатыни, ни же порусски довольно разумѣють.

2) И для того г. штабъ-лѣкаръ Энгель анатомическія и хирургическія свои лекціи какъ прежде преподавалъ однимъ на латинскомъ, а другимъ на нѣмецкомъ языкахъ въ одно время, такъ и нынѣ продолжать желаетъ.

3) Медицинской практикѣ ихъ, подлѣкарей и учениковъ, до нынѣ никто не обучалъ. Ежели медицинской коллегіи покажется угодно, я сію часть толковать принимаю на себя и слѣдовать стану по руководству г. Шрейбера, а именно для знающихъ латинскій языкъ по собственному его латинскому переводу съ прибавленіемъ новаго его же сочиненія о болѣзняхъ женскихъ и дѣтскихъ, а для незнающихъ онаго языка потребно будетъ раздать того-же авктора изданіе нѣмецкое, дабы когда латинскую лекцію повторятъ буду на діалектѣ русскомъ, что ни есть могли профитировать и сіи послѣдніи. Помянутаго

прибавленія манускриптъ нѣмецкій находится у г. главнаго доктора Дала и въ пользу охотникамъ обѣщанъ.

4) Сверхъ сего, буде государственная коллегія за нужное и полезное признаеть, желательно мнѣ еще присовокупить къ практикѣ и матерію медико-хирургическую, систематическимъ образомъ преподаваемую, краткую и не гораздо дорогую; токмо къ изясненію оной требуются *specimina*, такъ *simplicia*, какъ и *composita pharmaceutica*, такожъ для случающихся при томъ экспериментовъ *menstrua chemica* и пр. Всѣ сіи вещи по послѣдующей отъ меня росписи отпускать откуда оная коллегія позволитъ. Къ достиженію моего предмета авкторъ мнѣ будетъ г. фонъ-Рознь въ своемъ манускриптѣ, или г. Кранцъ, ежели медицинская коллегія пожелаетъ выписать довольно число экземпляровъ. Въ лѣтнее же и вакаціальное время къ показанію ботаники офіциальной главный докторъ обѣщаль въ госпитальномъ огородѣ мѣсто, а г. аптекаръ Рунгъ сѣжена и свое къ ихъ разсаживанію стараніе.

5) Ученіе фізіологіи и патологіи предается на разсужденіе оной медицинскій коллегіи.

6. Для облегченія трудовъ оператору Энгелю въ препаратахъ его на публичную демонстрацію и для всегдашняго въ сумнительствахъ указанія желающимъ упражняться въ анатоміи подлѣзарямъ и ученикамъ самоперсонально, надобно бы изъ тѣхъ учениковъ либо подлѣзарей одного или двухъ выбрать въ прозекторы и ихъ заблаговременно наставить, съ тѣмъ однако, чтобъ такихъ людей нѣкоторымъ увольненіемъ отъ госпитальныхъ должностей главному доктору и штабъ-лѣкарю, а медицинскій коллегіи отъ командированья, увѣрить. А какая польза отъ того воспослѣдовать имѣеть, медицинскій коллегіи не безъизвѣстно.

7. Лѣкарскаго полковаго ящика инструментовъ для училищнаго мѣста, каково здѣсь, весьма недовольно, а справедливо кажется, чтобъ гдѣ намѣреніе есть воспитывать юношество въ обстоятельныхъ и твердыхъ того искусства основаніяхъ, тамъ содержать полное *armamentarium chirurgicum*, или если того сдѣлать невозможно, такъ по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ уловъ хирургіи по набору инструментовъ разнаго фасона и разному методу приличныхъ, особливо же новаго изобрѣтенія, либо п старого да исправленнаго, имѣть нужно. И такимъ способомъ не токмо учащіяся о своихъ орудіяхъ и ихъ употребленіи хорошее понятіе получить, но и въ случаѣ стариннымъ передъ новоизобрѣтеннымъ и новоизобрѣтеннымъ или поправленнымъ передъ старинными преимущество отдать въ состояніи будетъ.

8. Число учениковъ русскихъ, въ разсужденіи числа учениковъ нѣмцовъ, весьма малое; чего ради оной коллегіи съ почтеніемъ моимъ смѣю припомнить, дабы состояція нынѣ дѣйствительно въ томъ госпиталѣ многія по-

рожнія ученическія мѣста благоволила укомплектовать людьми, которымъ бы въ госпитальномъ латинскомъ мастерѣ больше уже никакой не было нужды.

9. Между прочимъ примѣчено мною, что у учениковъ и подлѣкарей потребныхъ къ ихъ званію книгъ, кромѣ Бургаавовыхъ *афоризмовъ* и *матеріи медицинской* ¹⁾, другихъ почти никакихъ не находится. Медицинская контора, которая прежде запасалась была экземплярами разныхъ книгъ для раздачи охотникамъ (вычитая за оныя деньги у каждаго по третью года), нынѣ не имѣетъ и самую нужнѣйшую изъ нихъ книгу, какова Гейстеровы «Хирургическія наставленія», а заведенная г. д-мъ Щепиннымъ бібліотека для общаго употребленія тѣхъ людей, хотя и возвращена будетъ помянутою медицинскою конторою по прежнему въ госпиталь, только ученики, наипаче подлѣкари оною такъ долго пользоваться могутъ, покамѣстъ останутся при госпиталѣ, а какъ скоро ихъ опредѣлятъ въ другое мѣсто, то они, отдавъ обратно забранныя изъ той бібліотеки книги, выѣзжаютъ изъ госпиталя часто не имѣя при себѣ никакой: того ради медицинскою коллегіею симъ покорнѣйше представляю, не соблаговолить ли для удовольствія ихъ и для избѣжанія имъ чрезъ то дальней въ практикѣ нужды выписать по нѣскольку экземпляровъ разныхъ книгъ (онъ просилъ числомъ около 30 названій).

Въ ожиданіи скорѣйшаго и благосклоннаго рѣшенія на прописанныя мною предложенія государственныхъ дѣлъ коллегію снятъ съ покорностію моею репортуу. Сего 1765 года декабря 5 дня²⁾.

Коллегія передала члену своему д-ру Пеккену рассмотреть донесеніе Погорѣцкаго и представить ей свое объ немъ заключеніе. Пеккенъ исполнилъ порученіе и по его заключеніямъ, изложеннымъ по пунктамъ en regard донесенія Погорѣцкаго, коллегія постановила увѣдомить Погорѣцкаго—однакоже по чему-то не увѣдомила—что

1) онъ долженъ обучать въ московскомъ госпиталѣ медицинской практикѣ на латинскомъ языкѣ и къ сему *Compendium* надворнаго совѣтника Шрейбера взять за основаніе. Медицинская коллегія будетъ стараться, чтобъ изготовленный г. Шрейберомъ на латинскомъ языкѣ переводъ былъ напечатанъ, ежели только г. д-ръ Погорѣцкій пришлетъ чотко и исправно переписанный экземпляръ.

²⁾ Объясняется это тѣмъ, что объ эти книги по порученію медицинской коллегіи и на ея счетъ изданы были въ Кенигсбергѣ у типограва Дриета особымъ изданіемъ (1761), собственно для русскихъ госпитальныхъ школъ, и продавались не дорого: первая по 50, а послѣдняя по 40 к. за экземпляръ. Кромѣ того, архіатеръ Я. Монзей приказалъ (19 мая 1762) раздавать эти книги недостаточнымъ ученикамъ бесплатно, чтобы пріохотить ихъ учиться латинскому языку. Но онѣ отбирались у тѣхъ учениковъ, которые почему либо исключались изъ школъ. Такимъ же образомъ перепечатано было «*Compendium anatomicum*» вторымъ изданіемъ (1762).

2) Чтобъ д-ръ Погорѣцкій *materiam medicam* читалъ по Кранцову сокращенію ¹⁾, а нужныя для показанія простыя и сложныя лѣкарства отпускаемы быть имѣютъ по его требованію изъ московской главной аптеки, о чемъ распоряженіе сдѣлано.

3) О наставленіи въ физиологіи и патологіи медицинская коллегія учинить впредь распоряженіе.

4) Что касается до прозектора, сіе уже учинено: лѣкаръ Михайловскій помѣщенъ прозекторомъ.

5) Коллегія стараться будетъ, чтобъ заведено было *argumentarium chirurgicum* и г-ну д-ру Погорѣцкому довольное число учениковъ изъ російскихъ прислано будетъ, а чтобы нѣмецкіе ученики, находящіеся нынѣ при госпиталѣ, не были праздно, то поручить г. д-ру Вишофу, чтобъ читалъ имъ правтву и матерію медицинскую на нѣмецкомъ языкѣ по Бургааву и по Лёзске ¹⁾.

6) Въ разсужденіи требованныхъ книгъ медицинская коллегія требуетъ, чтобы г. д-ръ Погорѣцкій объяснилъ обстоятельнѣе, къ чему оныя ему потребны, для библіотеки или для продажи (подлѣбарьямъ и ученикамъ)?“

Но объ учебникахъ общали подумать и дѣло осталось при одномъ общаніи. Поэтому Погорѣцкій 28 августа 1766 года опять писалъ коллегіи слѣдующее:

„Всегдашнее копированіе авторовъ, сверхъ потерянія на то многого времени, не рѣдко учащихъ весьма мало пользуетъ, тѣмъ наипаче, что такія тетрадки когда неисправно написаны найдутся у одного, у другихъ и того неисправнѣе воспослѣдовать могутъ, а изъ того опасно, дабы наконецъ въ практикѣ ихъ и вредъ обществу не воспослѣдовалъ. Для сей единственно причины минувшаго 1765 года декабря 5 дня, въ репортѣ между прочимъ предложено было мною о выпискѣ нѣкотораго числа книгъ. Но понеже на то предложеніе, равно какъ и на другія, резолюція я не получаю и до нынѣ, а многіе изъ новопроизведенныхъ подлѣбарей, не нашедъ ни въ московской медицинской конторѣ, ни въ университетѣ желаемой ими къ дальнему знанію помощи съ нѣкоторыми только кусками рукописной книги покойнаго надворнаго совѣтника Шрейбера въ полки высылаются: того ради не соблаговолить ли государственная медицинская коллегія признать за долгъ, такъ для нужнаго російскому юношеству употребленія, какъ и для чести потрудившагося

¹⁾ Н. Crantz, *Materia medica et chirurgica juxta systema naturae digesta*. Viennae, 1762, 8.

²⁾ J. L. Loescke, *Abhandlung der auserlesensten Arzney—Mittel. Mit Anmerkungen versehen und mit einer Tabellae vermehrt* von Gumpertz. Berlin, 1755, 8.

въ Россіи ученаго мужа, испрося рукописный латинскій подлинникъ у бывшей Шрейбера жены, приказать напечатать на коштѣ медицинской коллегіи, или при тамошней академіи наукъ, или сославъ въ медицинскую контору при московскомъ университетѣ, и опредѣляющимся впредь лѣкарскимъ ученикамъ и подлѣкарямъ по указной цѣнѣ заблаговременно отпускать. Сверхъ сего, ежели медицинская коллегія о выпискѣ прежде требованныхъ книгъ для какихъ либо причинъ скорѣйшаго старанія возымѣть за благо не разсудила, такъ по послѣдней мѣрѣ благоволила бы прислать нѣсколько Бургаавовыхъ афоризмовъ съ матеріею медическою, домашнихъ лѣчебниковъ, армейскихъ фармакопей и анатомическихъ силлябовъ, дабы ученики при случаяхъ за афоризмы втрое дороже не платили, а за анатомическій словарь больше не происходило споровъ, какъ то сего-же августа 24 дня произошло было между учениками Стрѣлю, прилежнымъ, и подлѣкаремъ Рикманомъ, лѣнивцомъ. И о томъ медицинской коллегіи со всякимъ почтеніемъ репортуу. 26 августа 1766 года“.

По благодущію своему, Погорѣцкій высоко ставилъ свое учительское призваніе и считалъ себя обязаннымъ не только учить, но и содѣйствовать расширенію и улучшенію преподаванія. Каждый честный и образованный учитель сдѣлалъ бы тоже самое, въ границахъ своихъ средствъ и способностей. Но онъ не зналъ и не позаботился узнать, какъ смотреть на это дѣло съ одной стороны медицинская коллегія, а съ другой сотоварищи и сослуживцы его въ госпитальной школѣ. Молодость и восторженныя понятія о долгѣ и своихъ обязанностяхъ увлекли его дальше чѣмъ слѣдовало. Большая часть членовъ медицинской коллегіи не только не желали улучшенія госпитальныхъ школъ, но и всячески противодѣйствовали ему. Въ первомъ представленіи Погорѣцкаго о потребностяхъ школы они увидѣли, напротивъ, энергическій и сознательный шагъ къ расширенію программы госпитальнаго преподаванія. Правда, прямо это не было высказано, но Пеккенъ именно такъ понималъ его и потому требовалъ, чтобы Погорѣцкій изъяснился точнѣе. Пеккенъ прямо сказалъ, что въ физиологическія подробности не должно вдаваться, «потому что оныя для малознающихъ слушателей будутъ невразумительны», какъ будто не желая понять, что ученики отъ того и остаются малознающими, что ихъ лишаютъ вразумительныхъ подробностей въ преподаваніи. Мысль Пеккена ясна: не допускать улучшенія школъ, не допускать расширенія программы ихъ, не отрывая предъ учащимися въ нихъ того широкаго горизонта, какой неминуемо долженъ раскрыться передъ расширеніемъ знаній. У Пеккена и товарищей его зрѣла уже мысль

объ учрежденіи другаго, высшаго учебнаго медицинскаго заведенія, но заведенія исключительно нѣмецкаго и вполнѣ недоступнаго для русскихъ молодыхъ людей. И очевидно, успѣхъ этого высшаго учебнаго заведенія казался рискованнымъ и ненадежнымъ, если-бы рядомъ съ нимъ стала расширяться программа старыхъ госпитальныхъ школъ. Погорѣцкій повидимому не зналъ этихъ нѣмецкихъ предположеній и нечаянно сдѣлался жертвою и соперникомъ нѣмецкихъ замысловъ. Другая неосторожность его заключалась въ отзывѣ объ нѣмецкихъ ученикахъ въ школѣ, объ ихъ незнаніи латинскаго и русскаго языковъ. Онъ писалъ правду. Коллегія и сама знала эту правду, но по принципу терпѣла ее и неохотно выслушивала. При такихъ промахахъ молодого учителя, съ жаромъ и энергіею принявшагося за дѣло, коллегія не могла благосклонно принять предложенія Погорѣцкаго, не отвѣчала на его репорты и такъ съазать отвернулась отъ него, ожидая удобнаго случая совсѣмъ устранить его отъ преподавательской должности. Въ московскомъ госпиталѣ поняли это и стали дѣлать ему разныя непріятности и помѣхи. Госпитальный докторъ К. Даль и операторъ Энгель просто мѣшали ему читать лекціи. Приходя въ классъ, онъ часто не заставалъ тамъ ни одного ученика: докторъ и операторъ разсылали ихъ именно на эти часы по госпитальнымъ должностямъ. Являлась надобность въ трупахъ, а ему не давали ихъ. Сослуживецъ его, младшій докторъ госпиталя Бишофъ, былъ очень ограниченный и мало свѣдущій человекъ, а между тѣмъ съ нимъ обходились съ уваженіемъ и ласково, тогда какъ Погорѣцкій ни отъ кого не видалъ ничего кромѣ оскорбительнаго высокомерія. Однимъ словомъ старались выжить его и ждали только случая и благовиднаго предлога. Ждали, что самъ онъ выйдетъ изъ терпѣнія, замѣтитъ недоброжелательство и постарается выйти изъ госпиталя. Такъ и случилось. Весною 1767 года Погорѣцкій просилъ себѣ прибавки жалованья. Въ просьбѣ этой не было ничего особеннаго. Она была сообразна съ обычаями. Каждый докторъ медицины, прослуживъ годъ или два въ той или другой должности, съ жалованьемъ по 300—400 р., входилъ въ коллегію съ просьбою о прибавкѣ жалованья и получалъ ее. Но просьба Погорѣцкаго признана почему-то дерзкою. Его потребовали въ Петербургъ для объясненій (23 іюля 1767), заставили отвѣчать на разные вопросныя пункты, продержали мѣсяцъ и потомъ отпустили въ Москву съ угрозою. А вслѣдъ за этимъ госпитальныя непріятности, конечно, усилились, такъ что наконецъ истощили его тер-

пѣніе и онъ въ порывѣ гнѣва написалъ слѣдующее представленіе въ медицинскую коллегію:

„Упражняющемуся въ обученіи другихъ ничто такъ не нужно, какъ спокойствіе духа, ободреніе мыслей и точное состоянію его положеніе. Я же, будучи изъ обучающихъ, сихъ трехъ помощниковъ лишень: одного неизвѣстїемъ, что причиною медлительнаго на мои отвѣты рѣшенія (т. е. на отвѣты по вопроснымъ пунктамъ, данные въ медицинской коллегіи въ Петербургѣ, гдѣ на него смотрѣли какъ на подсудимаго), понесши въ позывѣ моемъ убытки; другаго—неопредѣленїемъ мнѣ надлежащаго за труды награжденія; третьяго—неограничиванїемъ ни моего мѣста, ни званія, и чувствуя родящееся изъ того во мнѣ уныніе, государственную медицинскую коллегію симъ поворнѣйше прошу, какъ рѣшенїемъ на объясненное мною въ коллегіи доношеніе благоволить вывести меня изъ смущенія, такъ и прибавленїемъ жалованья, снабженїемъ инструкціею и опредѣленїемъ казенныя квартиры ободрить и способъ подать не только къ удобнѣйшему продолженію моихъ трудовъ, но и къ гораздо лучшимъ успѣхамъ учащихъ. Въ противномъ же случаѣ, если медицинская коллегія какую къ тому во мнѣ неспособность вида, ничто не удостоиваетъ изъ прописаннаго, я съ большимъ удовольствїемъ приму другое мѣсто. Сего 1767 года октября 25“.

Нѣмецкіе члены коллегіи только этого и ждали. Опираясь на послѣдній пунктъ этого донесенія, коллегія назначила Погорѣцкаго докторомъ Сибирскаго корпуса ¹⁾, съ жалованьемъ по 750 р., съ 10 раціонами и 2 деньщиками (21 іюня 1769 года) и съ приказанїемъ немедленно отправляться въ Сибирь. На его-же мѣсто, въ московскій госпиталь, назначенъ изъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя докторъ Кассіанъ Ягельскій (съ жалованьемъ по 500 р.). А докторъ Іог. Эрн. Бишофъ скоропостижно умеръ 6 апрѣля 1768 г. Погорѣцкій не поѣхалъ въ Сибирь. Но съ этого времени учебная дѣятельность

¹⁾ Штатъ Сибирскаго корпуса утвержденъ 29 ноября 1763. По этому штату положено имѣть въ немъ 2 карабанерныхъ и 5 пѣхотныхъ полковъ. Но они не были сформированы. Черезъ годъ (19 октября 1764) послѣдовала новая кокеирмація, по которой сформированы 1 карабинерный и 2 пѣхотныхъ полка, а формированіе другихъ отложить. При нихъ состояли по штату докторъ Гермесъ и штабъ-лѣкаръ Поморскій. Кромѣ того тамъ находились еще полевые полки и при нихъ состояли докторъ Іог. Тиль (*Joh. Sigismund Thiel*) и штабъ-лѣкаръ Фавасъ. На мѣсто Тили и назначенъ былъ д-ръ П. Погорѣцкій.

его окончилась и жизнь его поблекла среди нравственных мучений, которымъ подвергли его нѣмецкіе члены медицинской коллегии.

Докторъ Кассіанъ Ягельскій читалъ лекціи (*rudimenta*) *физиологій, патологій, матеріи медики и практики* на двухъ языкахъ: латинскомъ и русскомъ, такъ какъ по его, донесенію коллегіи, $\frac{3}{4}$ учениковъ и подлѣварей знаютъ полатыни, а $\frac{1}{4}$, не знаютъ. Но если судить по роду занятій покойнаго д-ра Бишофа, преподававшаго понѣмцами, то эти послѣдніе не знали и по русски, а потому не могли обѣщать никакихъ успѣховъ.

Преподаваніе анатоміи лежало на операторѣ Энгель, получившемъ въ послѣдствіи званіе «доктора» безъ экзамена. Какъ и другіе преподаватели, онъ читалъ лекціи полатыни. Но всѣ ученики изъ нѣмцевъ не знали этого языка и ничего не понимали изъ преподаваемаго. Поэтому д-ръ Раушертъ предложилъ Энгелю читать имъ по нѣмцки особю, а общія лекціи на латинскомъ языкѣ особю. Энгель согласился, но съ тѣмъ чтобы излишній трудъ вознаграждался особю платою. Объ этомъ и донесено коллегіи; но послѣдняя, сославшись на 14 пунктовъ своей инструкціи, отказала платить особю жалованье, такъ какъ ученики еще до поступленія въ школу обязаны знать латинскій языкъ и потому чтеніе на нѣмецкомъ языкѣ излишне (24 іюля 1779), и нѣмецкимъ ученикамъ подтвердить, чтобы они старались научиться латинскому языку. Онъ умеръ 11 февраля 1785 и на его мѣсто опредѣленъ изъ Кіева заштатный штабъ лѣкаръ Иванъ Гильдебрандъ (24 февр. 1785) Физиологію, патологию, терапію и матерію медику преподавалъ (съ 28 декабря 1775 года), по смерти Ягельскаго, лекціонный докторъ Фризе, получившій въ августѣ 1783 года званіе профессора.

И. Фризе и Гильдебрандту предписано (7 августа 1786) преподавать свои лекціи вдвойнѣ, т. е. русскимъ на русскомъ, а нѣмцамъ на нѣмецкомъ языкѣ, до слѣдующаго года, «когда имѣеть выйдти новое постановленіе объ хирургическихъ училищахъ».

Въ числѣ учебныхъ пособій, по указу медицинской коллегии 30 марта 1766 года, переданы были въ московскій госпиталь коллекціи уродовъ, хранившіяся въ московской главной аптекѣ, «для показанія учащимся и содержанія тамъ при анатомическомъ театрѣ, а также и ради украшенія того театра». При этомъ приказано было, чтобы рисовальный мастеръ со всѣхъ съ нихъ снялъ рисунки и эти рисунки должны были храниться подъ наблюденіемъ оператора и штабъ-лѣ-

варя Энгеля. Затѣмъ если бы случилась присылка новыхъ уродовъ въ московскую медицинскую контору, то всѣ ихъ направлять въ госпиталь.

Въ С.-Петербургскую школу, въ обоихъ госпиталяхъ, по смерти доцента А. Я. фонъ-Меллена, преподававшего анатомію, назначенъ переведенный изъ кронштадтскаго госпиталя (30 мая 1779) докторъ М. М. Тереховскій и преподавалъ анатомію на русскомъ языкѣ. Но онъ не долго исправлялъ эту должность и вышелъ въ отставку для поправленія здоровья (11 января 1781). На его мѣсто помѣщенъ былъ д-ръ Юг. Діобольдъ, тоже остававшійся не долго. Тогда опять опредѣленъ на ту же кафедру д-ръ Тереховскій, съ званіемъ младшаго доктора госпиталя (24 февраля 1782) и вмѣстѣ доцента. Онъ занялъ также должность профессора Г. Соболевскаго и потому одновременно преподавалъ анатомію и ботанику съ фармакологіею. Два года спустя онъ опять сталъ жаловаться на хворость отъ анатомическихъ занятій, просилъ о переводѣ въ ботаническій садъ, съ тѣмъ что онъ будетъ тамъ преподавать ботанику и фармакологию (*materia medica*), что и исполнено. Въ послѣдствіи къ этой кафедрѣ присоединена была и химія.

Послѣ его смерти преподаваніе ботаники и фармакологіи, вмѣстѣ съ ботаническимъ садомъ, перешли опять къ Г. Ф. Соболевскому, а преподаваніе анатоміи перешло къ доктору Н. К. Карпинскому. Прозекторомъ при Тереховскомъ былъ операторъ Я. Саполовичъ, оставшійся въ той-же должности и при Карпинскомъ, а потомъ получившій званіе оператора и профессора хирургіи.

✓ Я. О. Саполовичъ славился особымъ искусствомъ въ производствѣ хирургическихъ операцій и старался передать его и ученикамъ своимъ въ весьма подробномъ курсѣ оперативной хирургіи. ✓

Въ тоже время при учебныхъ госпиталяхъ специально преподавалась операція каменной болѣзни (*lithotomia*) мастеромъ ея Ив. Петровъ Венедиктовымъ, образовавшимъ цѣлую школу специалистовъ литотомовъ и справедливо приобрѣтшимъ себѣ титулъ оператора ¹⁾);

Преподаваніе *materiae medicae*, лежавшее на докторѣ Л. Маттеи, перешло къ д-ру Ѳ. Тихорскому и производилось на русскомъ языкѣ,

¹⁾ См. кон Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII столѣтія, 346.

причемъ онъ занималъ также должность младшаго доктора въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, на мѣсто уѣхавшаго въ Кіевъ д-ра Силы Митрофанова. Но черезъ годъ онъ вошелъ въ коллегію съ просьбою передать ему *praxis medicam*, клинику, такъ какъ онъ «больше имѣетъ склонности въ медицинской практикѣ, которая теперь никакимъ докторомъ не показывается» и коллегія постановила (.9 октября 1767), чтобы Тихорскій преподавалъ въ обоихъ госпиталяхъ «практику медицинскую», а *materiam medicam* докторъ Козьма Рожалинъ.

Въ брөнштадтскомъ морскомъ госпиталѣ преподаваніе шло не такъ успѣшно, какъ было-бы желательно, и какъ шло оно въ петербургскихъ госпиталяхъ. Иногда зависѣло это отъ недостатка учениковъ, а еще чаще отъ недостатка учителей. Да и медицинская коллегія какъ-то не часто и не охотно оборачивала туда глаза свои. Брөнштадтскій госпиталь съ его школою нерѣдко служилъ мѣстомъ ссылки для тѣхъ петербургскихъ учениковъ, которые по безуспѣшности ученія или по непоправимости поведенія, или наконецъ даже по незнанію языковъ того заслуживали. Докторъ Валеріанъ употреблялъ всѣ усилія поднять преподаваніе въ школѣ, но они малоприводили къ цѣли. Помощниками его были сперва докторъ Бишофъ, человекъ мало свѣдущій и вскорѣ перепросившійся въ Москву. Затѣмъ докторъ Карпъ, старательный учитель, но скоро умершій. Послѣ назначенъ туда докторъ Мартынъ Матвѣевичъ Тереховскій, доцентомъ (лекціоннымъ докторомъ) (29 мая 1777). Анатомія и хирургія преподавались лѣкаремъ Юг. Форштейномъ, исправлявшимъ должность оператора (съ 24 февраля 1774 года). Валеріанъ обрадовался молодому доценту, потому что для школы очень нуженъ былъ преподаватель. «Со смертію д-ра Карпа, писалъ онъ въ коллегію (3 мая 1777 года), читались только анатомія и хирургія, а вовсе не читались ни *materia medica*, ни *praxis medica*». Пробылъ онъ здѣсь два года, когда умеръ въ Петербургѣ докторъ Христ. Я. фонъ-Мелленъ и на его мѣсто, для преподаванія анатоміи, переведенъ М. М. Тереховскій, а въ брөнштадтскую школу опредѣленъ доцентомъ молодой докторъ Н. М. Максимовичъ-Амбодикъ (30 мая 1779). Но и Амбодикъ пробылъ здѣсь только два года и по специальности его переведенъ въ Петербургъ (10 мая 1781 года) «въ абшерскому дѣлу». Максимовичъ преподавалъ въ брөнштадтской школѣ *materiam medicam* по только-что составленной тогда російскою фар-

макопей ¹⁾, *физиологию* по Галлеру ²⁾ и *praxin medico-chirurgicam* по Шрейберу ³⁾. Въ октябрѣ 1782 года получилъ онъ званіе «профессора повивальнаго искусства». На его мѣсто опредѣленъ лекціоннымъ докторомъ Матвѣй Пеккень, вскорѣ получившій (въ декабрѣ 1783) званіе профессора. Въ послѣдствіи онъ напечаталъ собственный учебникъ физиологій ⁴⁾. Въ кронштадтскомъ госпиталѣ долго не было оператора, «по неимѣнію достойнаго человѣка», и на это мѣсто опредѣленъ изъ морскаго корабельнаго флота лѣкарь Эммануель Бей, получившій это званіе по экзамену при с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, въ присутствіи членовъ коллегіи (18 сентября 1785). Къ нему и перешло преподаваніе анатоміи и хирургіи.

ГЛАВА XIII.

Преобразование четырехъ госпитальныхъ школъ въ три медико-хирургическія училища. Опредѣленіе профессоровъ и избраніе адъюнктовъ.

Если сравнить то положеніе нашихъ госпитальныхъ школъ, въ какомъ засталъ ихъ П. З. Кондонди, и то, въ какомъ онъ были черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ его смерти, то очевидно будетъ быстрый и широкій успѣхъ въ развитіи ихъ. Но такъ ли утвердительно можно было говорить объ ихъ цѣлесообразности, объ ихъ способности удовлетворять всѣмъ современнымъ требованіямъ государства? Нѣтъ. Это несогласно было бы съ фактами, которыхъ не скрывала отъ себя и медицинская коллегія. Извѣстно, что во вторую половину царствованія Екатерины II Россія вынуждена была вести почти непрерывныя войны (съ Турціею, Польшею, Швеціею, Персіею). Въ промежутки между ними сухопутная армія увеличена на 40.000 человѣкъ и ее

¹⁾ *Pharmacopoea rossica*, St.-Petersburg, 1778, 4°.

²⁾ Alb. von Haller, *Primae lineae physiologiae*. Goetingae, 1751, 8°.

³⁾ Schreiber Jo. Er. *Manuductio ad cognoscendos et curandos morbos. Qui accedit Appendix de morbis sexus sequioris atque infantum*. Mosquae, 8°, 1768. Изданіе Погорѣцкаго.

⁴⁾ Матв. Пеккень, *Начальныя основанія физиологій*. Спб. 1787. 8.

необходимо было укомплектовать медицинскимъ персоналомъ, котораго одинаково не было. Но и городскіе жители тоже нуждались во врачахъ! По словесному указу императрицы, 2 сентября 1780 года, въ намѣстничества предположено было опредѣлить, по штатамъ ихъ, 308 докторовъ, 308 лѣкарей и 616 подлѣкарей; а откуда было взять ихъ, когда на лицо не насчитывалось и третьей части этихъ цифръ. Когда этотъ указъ предъявленъ былъ медицинской коллегіи, она прямо отвѣчала сенату, что исполнить его нѣтъ возможности, что существующія медицинскія школы недостаточны и неспособны удовлетворить нынѣшнимъ отъ нихъ требованіямъ и настоятъ необходимость въ увеличеніи штатовъ ихъ. Она высказала свои предположенія въ двухъ докладахъ.

Въ первомъ, 19 іюля 1780 года, представила она проектъ штатовъ для генеральныхъ госпиталей и состоящихъ при нихъ медико-хирургическихъ училищъ. Число госпиталей оставлялось прежнее (четыре), число-же училищъ убавлено—вмѣсто прежнихъ четырехъ до трехъ, — такъ какъ въ Петербургѣ предполагалось имѣть одно только училище при обоихъ госпиталяхъ. Въ генеральныхъ госпиталяхъ предполагались

<i>Въ госпиталяхъ:</i> московскомъ и с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ, с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ и кронштадтскомъ.	Въ каж- домъ.	Всего
старшій докторъ	1	4
главный лѣкарь	1	4
операторъ	1	4
лѣкарей старшихъ	5	20
" младшихъ	6	24
подлѣкарей	20	80
лѣкарскихъ учениковъ	80	320
при госпитальныхъ аптекахъ аптекарь .	1	4
ученикъ	1	4
работникъ	1	4
<i>Въ трехъ медико-хирургическихъ училищахъ:</i> спбургскомъ, московскомъ и кронштадтскомъ профессоръ анатоміи и хирургіи		
	1	3
проф. ботаники, матеріи медики и химіи .	1	3
проф. пафологіи и медицинской практики .	1	3
учитель латинскаго и другихъ языковъ .	1	3
учитель рисованія	1	3
прозекторъ анатоміи въ помощь профессору	1	3

Для удобнѣйшаго ученія предполагалось давать, сверхъ жалованья, профессорамъ противъ старшихъ докторовъ, а учителямъ и операторамъ противъ лѣкарей пристойныя квартиры, съ дровами, свѣчами и для услуженія людьми. Сверхъ того, по указу сената 20 іюня 1750 года, предполагалось содержать при всѣхъ генеральныхъ госпиталяхъ сверхштатныхъ докторовъ, въ каждомъ по одному, съ дачею квартиры и прочимъ довольствіемъ, «для укомплектованія ими вакансій и для случающихся нужныхъ посылокъ».

Другой докладъ представленъ былъ въ ноябрѣ 1780 года слѣдующаго содержанія:

«В. И. В. Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 24 прошедшаго сентября, медицинской коллегіи объявилъ высочайшій указъ В. И. В., изустно данный сего 1780 года сентября 2 дня его сіятельству, тайному дѣйствительному совѣтнику, разныхъ орденовъ кавалеру и генералъ-прокурору, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, въ коемъ повелѣно тако: » Дабы въ отвращеніе трудности, которую гг. генералъ-губернаторы и правящіе ту должность находили въ прискиваніи медицинскихъ чиновъ въ уѣздахъ по учрежденіямъ и штатамъ въ нихъ положенныхъ, каковая и въ здѣшней губерніи встрѣлась, медицинская коллегія старалась наполнить мѣста уѣздныхъ лѣкарей въ здѣшней губерніи произведя по экзамену изъ подлѣкарей, наблюдая чтобы они были отчасти испытаны и въ самой практикѣ и въ ихъ подлѣкарскомъ званіи, какихъ, какъ считать изволитъ Ея Величество, можетъ та коллегія найти какъ въ полкахъ, такъ и въ генеральныхъ госпиталяхъ равнымъ образомъ и подлѣкарей уѣздныхъ мѣста занять Ея Величество полагаетъ за пристойное оной коллегіи изъ учениковъ, въ ея вѣдомствѣ имѣющихся успѣвшихъ во врачебномъ знаніи до того, что ихъ подлѣкарями опредѣлить можно». Въ исполненіе чего медицинская коллегія въ здѣшнюю с.-петербургскую губернію опредѣлила 5 лѣкарей и 7 подлѣкарей. Чтоже касается до прочихъ губерніи, въ которыя по высочайше даннымъ В. И. В. штатамъ во всѣ губерніи потребно докторовъ 299 (308), лѣкарей 299 (308) и подлѣкарей 598 (616); а въ вѣдомствѣ медицинской коллегіи состоитъ нынѣ безъ мѣста 1 докторъ, который прежде при госпиталѣ получалъ жалованья по 600 р. въ годъ, за 10 раціоновъ и на 2 деньщиковъ; да 4 человекъ въ чужихъ краяхъ обучаются медицинѣ, которые и удостоены уже въ доктора. Лѣкарей сверхъ комплекта нѣтъ. Подлѣкарей недостаетъ въ комплектъ въ армію и во флотъ 121 человекъ, и коллегія не можетъ никакимъ образомъ со всевозможнымъ стараніемъ наполнить новыхъ вакансій по несоразмѣрности медико-хирургическихъ школъ съ надобностію въ комплектъ въ армію и во флотъ, не токъ еще вновь возложенныхъ на медицинскую коллегію попеченій о наполненіи по

наѣстничествахъ. Въ вѣдѣніи же медицинской коллегіи находится теперь во всѣхъ мѣстахъ докторовъ 46, лѣкарей 488, подлѣкарей 364, а учениковъ только 140 во всѣхъ хирургическихъ училищахъ; слѣдовательно 140 учениковъ должны наполнять (т. е. лѣкарскихъ и подлѣкарскихъ) 941 мѣсто. По справкѣжъ въ прошломъ 1779 году вышло изъ хирургическихъ училищъ 39 лѣкарей и 35 подлѣкарей; но и это число по настоянію нужды произведено было по крайности, и произведены были тѣ люди, которымъ полезнѣе бы было еще остаться до времени въ училищахъ. Сіе изображается В. П. В. для объясненія, что здѣсь заведенныя школы крайне не достаточны числомъ учениковъ и не могутъ всѣ мѣста наполнить лѣкарями и подлѣкарями, о чемъ еще въ 1776 году правительствующему сенату, на указъ его, отъ медицинской коллегіи донесеніемъ представлено; а В. П. В. нынѣшняго 1778 года іюля отъ 19 числа при рапортѣ представлено всеподданнѣйше вѣдомостью, что медико-хирургическія школы недостаточны по числу надобностей медицинскихъ чиновъ, въ коей полагается полный комплектъ во всѣхъ генеральныхъ госпиталяхъ въ каждой по 80 человекъ учениковъ, по 10 лѣкарей и по 20 подлѣкарей, какъ-то въ московской сухопутной, въ с.-петербургскихъ сухопутной и морской и въ кронштадтской морской, и того будетъ учениковъ 320 человекъ, подлѣкарей 40. И если высочайшая воля В. П. В. соблаговолитъ на сіе, то необходимо потребно будетъ прибавить учителей, какъ о томъ объяснено въ выше упомянутомъ рапортѣ въ вѣдомости. Чтожъ касается до докторовъ, то въ Россіи нѣтъ училищъ докторскихъ, но выписывать докторовъ 1) венадежно, чтобъ

Въ штатахъ о наѣстничествахъ (1780) положено содержать медицинскихъ чиновъ.

	Докто- ровъ.	Лѣка- рей.	Подлѣ- карей.		Докто- ровъ.	Лѣка- рей.	Подлѣ- карей.
Въ Тверскомъ .	11	11	22	Въ Тамбовскомъ	15	15	30
Псковскомъ	10	10	20	» Воронежскомъ .	15	15	30
» Ярославскомъ	12	12	24	» С.-Петербургск.	7	7	14
» Тульскомъ .	12	12	24	» Вологодскомъ	5	5	10
» Калужскомъ	12	12	24	» Харьковскомъ	15	15	30
» Смоленскомъ	12	12	24	» Пензенскомъ	13	13	26
» Полоцкомъ .	11	11	22	» Вятскомъ .	13	13	26
» Владимірскаемъ .	14	14	28	» Сибирскомъ .	13	13	26
» Орловскомъ .	13	13	26	» Олонецъ. пров.	6	6	12
» Рязанскомъ .	12	12	24	» Кольванск. обл.	4	4	8
» Костромскомъ	11	11	22	» Великоустюжск.			
» Могилевскомъ	12	12	24	» пров.	7	7	14
» Новгородскомъ .	10	10	20	Арханг. .	7	7	14
» Курскомъ	15	15	30	Саратовск.	9	9	18
» Нижегородск.	13	13	26	Всего.	308	308	616

на положенное по губерніямъ жалованье поѣхали, ибо изъ здѣшнихъ вольно-практикующихъ на сіе жалованье пріохотить ни одного было невозможно; 2) выѣзжіе изъ чужихъ краевъ по незнанію языка едва-ли полезны будутъ.

«И такъ медицинская коллегія принимаетъ смѣлость представить В. И. В., не соблаговоленью будетъ, докудова не сыщется докторовъ, на вакантныя докторскія мѣста въ губерніяхъ опредѣлять изъ штабъ-лѣкарей давно служащихъ въ арміи и въ другихъ мѣстахъ въ службѣ В. И. В. Оное будетъ награжденіемъ симъ заслуженнымъ людямъ, а губерніямъ они гораздо будутъ полезнѣе, нежели вновь вышедшіе доктора изъ университетовъ и притомъ не свѣдущіе ни климату нашего, ни языка. Лѣкарей же и подлѣкарей, ежели будутъ умножены медико-хирургическія школы, набрать будетъ со временемъ возможно. Только медицинская коллегія за долгъ почитаетъ осмѣлиться представить, что прежде, до учрежденія наѣстничества, городовые лѣкари имѣли по 140 рублей жалованья и квартиру, а нынѣ 140 р. жалованья безъ квартиры, и по скажамъ ихъ въ городахъ сыскать для найма квартиры весьма трудно и убыточно. Подлѣкари же въ полкахъ имѣютъ 120 р. жалованья, а въ госпиталяхъ 84 р., квартиру, дрова и деньщика, а въ губерніяхъ опредѣлено жалованья 60 р. и нѣтъ квартиры; слѣдовательно не только изъ полка, но и изъ школы выходящій подлѣкаръ не пріобрѣтаетъ, а еще теряетъ жалованье и положе въ цѣну все что при госпиталяхъ ученикъ получаетъ, т. е. жалованье, пищу, квартиру и дрова, то превзойдетъ 60 р.»

«Наконецъ В. И. В. медицинская коллегія всеподданнѣйше проситъ высочайше учредить о тѣхъ медицинскихъ чинахъ, которые по губерніямъ будутъ опредѣлены медицинскою коллегіею, чтобъ они состояли подъ вѣдѣніемъ ея, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ находящіеся медицинскіе чины, дабы не коснѣли они безъ перемѣны и ученія. Въ арміи служащіе подлѣкари по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ возвращаются опять въ школы и приникнувъ еще къ дальнѣйшему ученію получаютъ градусы лѣкарскіе. И сіе служитъ имъ не только въ поощреніе ревности къ высокой службѣ В. И. В., но примѣчено, что изъ таковыхъ подлѣкарей выходятъ достаточнѣе самымъ ученіемъ и знаніемъ службы лѣкаря, а безъ сей перемѣны, ежели медицинская коллегія не можетъ ихъ мѣнять, подлѣкари будутъ коснѣть въ одномъ званіи. Но гораздо удобнѣе изъ такового подлѣкаря сдѣлать искуснаго лѣкаря, нежели прямо изъ учениковъ продолжающаго ученіе не выходя изъ школы, а надежнѣе будетъ коллегіи опредѣлять людей, ежели она можетъ взять въ случаѣ чрезвычайной нужды изъ одного мѣста въ другое; но и въ самыхъ губерніяхъ тѣмъ могутъ быть лучше разравнены медицинскіе чины. Впрочемъ сіе въ высочайшую власть В. И. В. повергаетъ медицинская коллегія и всеподданчески проситъ высочайшей резолюціи».

Резолюціи не послѣдовало, но императрица приказала передать доклады въ особую временную комисію, назначенную спеціально для разсмотрѣнія и рѣшенія этого дѣла. Таѣ и должно было случиться. Вопросъ о преобразованіи и улучшеніи госпитальныхъ шкoлъ возникъ въ такое время, которое по справедливости можно было назвать училищнымъ періодомъ царствованія Екaтерины Великой. Очевидно, правительство давно уже думало о планахъ въ преобразованіи и расширеніи ихъ, но затруднялось отысканіемъ средствъ и избраніемъ формы, въ какой должно бы о существованіи преобразование медицинскіхъ шкoлъ. Въ его глазахъ преобразование этихъ шкoлъ входило въ общую систему расширенія образованія въ Россіи, и таковой взглядъ еще болѣе утвердился со времени учрежденія «Комисіи объ учрежденіи училищъ». Императрица склонялась повидимому къ коренному преобразованію. Она желала учрежденія университетовъ. Въ этихъ видахъ данъ былъ князю Потемкину указъ основать университетъ въ губернскомъ городѣ Екатеринославскаго намѣстничества и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны даже средства для постройки и содержанія его (4 сентября 1784 ¹⁾). Вслѣдъ за тѣмъ данъ указъ комисіи объ учрежденіи училищъ (29 января (1786) «о составленіи плана для заведенія университетовъ въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ». Въ этомъ указѣ сказано, что на первый разъ достаточно учредить только три факультета. «Богословскій факультетъ не долженъ входить въ нихъ; ибо по правиламъ, отъ предковъ нашихъ принятымъ и отъ насъ свято соблюдаемымъ, ученіе богословія присвоено училищамъ духовнымъ», а медицинскій факультетъ непременно долженъ входить «въ такомъ пространствѣ, колико то нужно для снабденія обширной имперіи нашей искусными врачами» ²⁾). Преобразование госпитальныхъ шкoлъ въ медицинскіе факультеты было очень заманчиво. Образцомъ могъ служить московскій университетъ съ имѣвшимся въ немъ медицинскимъ факультетомъ. Но во-первыхъ строить университеты—слишкомъ долгая и дорогая исторія, между тѣмъ какъ въ государствѣ не было еще и гимназій; а во-вторыхъ еслибъ университеты и были выстроены, то изъ медицинскіхъ факультетовъ ихъ выходило бы таѣ мало врачей (какъ выходило до тѣхъ поръ изъ московскаго университета),

¹⁾ Полное собраніе законовъ XXII, 16.057.

²⁾ Полное собр. зак., XXII, 16.135.

что польза отъ медицинскихъ факультетовъ не окупала бы содержанія ихъ.

И такъ это—одна мѣра, не обѣщавшая скорого успѣха. Но была и другая, еще болѣе неудачная. Придумана была она иностранцами въ русской службѣ», болшею частію остзейскими нѣмцами. Она состояла въ устройствѣ особаго медицинскаго училища, въ родѣ одиночнаго медицинскаго факультета, съ программю нѣсколько болѣе обширною, чѣмъ программа госпитальныхъ школъ. Называлось это училище «Императорскимъ Калининскимъ медико-хирургическимъ училищемъ или институтомъ», потому что устроено было при Калининской больницѣ¹⁾. Число учащихся пенсионеровъ въ немъ опредѣлено въ 30 человекъ; но были и вольнослушатели. Преподаваніе должно было производиться исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Одно изъ преимуществъ его состояло въ томъ, что въ него поступали учениками и такіе молодые нѣмцы, которые нигдѣ еще не обучались, и такіе подлѣвари, лѣкарскіе и аптекарскіе ученики, которые, состоя на службѣ въ Петербургѣ, пожелали бы поступить въ это училище для лучшаго обученія; «таковыхъ во взятію отставки не принуждать, а только по желаніямъ ихъ, какъ полезнымъ обществу, давать дозволенія»²⁾. Но и эта мѣра, очевидно, не могла соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ назначалась. Въ результатѣ было то, что князь Потемкинъ не построилъ университета, а вмѣсто того учредилъ въ Елизаветградѣ учебный госпиталь, т. е. госпитальную школу по образцу петербургскихъ школъ.

Медицинская коллегія видѣла всѣ эти попытки и не склонилась ни на одну изъ нихъ. По ея мнѣнію гораздо было легче и выгоднѣе преобразовать старыя госпитальныя школы, убавивъ число ихъ, увеличивъ штаты и снабдивъ ихъ необходимою самостоятельностью въ учебномъ отношеніи, чрезъ отдѣленіе отъ госпиталей, чѣмъ устроить какія либо новыя учебныя заведенія. Чтоже касается до преобразованія собственно учебной части госпитальныхъ школъ, то, не предрѣшая дѣла, она испросила позволеніе послать въ чужіе края двухъ

¹⁾ Учреждено, по докладу 8 ноября 1783 года, для преподаванія теоретическаго и практическаго акушерства, хирургіи, операцій и лѣченія глазныхъ болѣзней, анатоміи, физиологіи, химіи, ботаники, физики и другихъ потребныхъ къ тому знаній. Кроме того при немъ устроена была больница для 20 родильницъ и для 20 немощныхъ разными хирургическими болѣзнями.

²⁾ Полное собр. зак., ХХП, 15951.

опытныхъ докторовъ, М. Тереховскаго и А. Шумлянскаго. «по дѣламъ основываемой здѣсь школы хирургической». какъ сказано въ объявленномъ П. Завадовскимъ высочайшемъ повелѣніи, и поручила имъ собрать и доставить точныя свѣдѣнія объ устройствѣ и организаціи высшихъ медицинскихъ училищъ въ разныхъ странахъ Европы (1 марта 1785). Путешествіе докторовъ Тереховскаго и Шумлянскаго продолжалось болѣе года и по доставленнымъ ими свѣдѣніямъ медицинская коллегія, по соглашенію съ комиссіею о народныхъ училищахъ, составила докладъ о преобразованіи госпитальныхъ школъ и новыхъ штатахъ ихъ. Докладъ этотъ и штаты высочайше утверждены 15 іюля 1786 года ¹⁾.

✓ Законъ этотъ такъ важенъ и имѣлъ такое значительное вліяніе на будущія судьбы нашихъ госпитальныхъ школъ, что необходимо остановиться на немъ нѣсколько долѣе. Цѣль его, какъ сказано въ докладѣ: 1) удобнѣйшее снабженіе на будущее время морскихъ и сухопутныхъ войскъ, губерній и прочихъ мѣстъ потребными медицинскими чинами, и 2) завести въ хирургическихъ школахъ новозбранный способъ ученія и даже «доводить въ докторскую степень ²⁾», доставляя таковымъ посредствомъ природныхъ российскихъ докторовъ для занятія мѣстъ, званію ихъ соответствующихъ». Для этого школы отдѣлены отъ госпиталей, сдѣланы самостоятельными и стали называться *медико-хирургическими училищами*. Число ихъ уменьшено до трехъ; московское, с.-петербургское и брэншгадтское, а число учащихся значительно увеличено. Преподаваніе предметовъ раздѣлено на четыре ординарныя кафедры ³⁾, а преподаватели получили званіе профессоровъ. Госпитальные чины — госпитальный докторъ, главный лѣкарь и аптекарь — освобождены отъ обязательнаго преподаванія въ медико-хирургическихъ училищахъ. Однакоже госпитальнымъ докторамъ не было отказываемо въ преподаваніи клинической

¹⁾ Полное собр. законовъ, ХХІІ, 16,412.

²⁾ Сама медицинская коллегія получила право «возводить въ докторскую степень» 9 іюня 1764, а московскій университетъ только 29 сентября 1791 г.

³⁾ Въ докладѣ и штатѣ медико-хирургическихъ училищъ опредѣлены только три профессора; но это признано ошибкою, происшедшею отъ того, что при составленіи штатовъ забыта была кафедра акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. По особому докладу 31 марта 1787 года медицинская коллегія получила разрѣшеніе включить эти предметы въ полный курсъ школьнаго ученія, съ особою кафедрою.

медицины, но не иначе какъ всякому другому доктору, опредѣленному для преподаванія, и съ особою платою, но уже не по госпитальной должности. Такъ напр. докторъ Ѡ. Тихорскій преподавалъ патологию и медицинскую практику въ с.-петербургскомъ медицинскомъ училищѣ въ 1786 году, съ приплатою къ жалованью по 150 р., «пока будетъ читать ихъ». Уволенъ отъ этой обязанности 15 января 1787 года.

Исполненіе новыхъ штатовъ началось съ первыхъ дней 1787 года и пошло очень быстро. Прежде всего медицинская коллегія принялась за медико-хирургическія училища и за учебный составъ ихъ. Затрудненій тутъ впрочемъ и не могло быть, такъ какъ въ преподавателяхъ недостатка не было и не могло быть, и они просто только переименованы. Такъ, въ *Московскомъ медико-хирургическомъ училищѣ* утверждены профессорами: докторъ Я. А. Риндербъ—профессоромъ анатоміи, хирургіи и физиологіи; д-ръ Генрихъ Фрезе профессоромъ патологии, терапіи и повивальнаго искусства и докторъ Фридрихъ Стефанъ—профессоромъ ботаники, матеріи медики и химіи. Но вслѣдъ за утвержденіемъ, профессоръ Фрезе по болѣзни отказался отъ кафедры. На его мѣсто предназначенъ былъ докторъ Александръ Шумлянскій; но это назначеніе было отиѣнено и на мѣсто Фрезе опредѣленъ докторъ Іог. Андрей Лобенвейнъ для преподаванія физиологіи, патологии съ терапіею и акушерства (29 апрѣля 1787). Однакожь и это назначеніе не состоялось. Лобенвейнъ жилъ въ Ригѣ, не побѣхалъ въ Петербургъ и 19 іюня написалъ оттуда, что не считаетъ нужнымъ торопиться, частию потому, что онъ еще не сдалъ своей должности (рижскаго уѣзднаго врача), частию потому что задумалъ жениться и наконецъ потому что теперь каникулы и лекцій не бываетъ. Коллегія предписала ему немедленно ѣхать въ Петербургъ и написала даже въ рижское намѣстническое правленіе, чтобы посоветовало ему не откладывать поступленія въ должность, тѣмъ болѣе, что и жалованье будетъ выдаваться ему со времени вступленія въ должность. Но на это сообщеніе рижское намѣстническое правленіе уведомило, что Лобенвейнъ отказывается отъ мѣста. Коллегія уволила его съ абшитою (17 августа 1787). На его мѣсто предложено было вызвать доктора полоцкаго намѣстничества Томаса Гофмана, но и это предположеніе не состоялось: Гофманъ опредѣленъ дивизионнымъ докторомъ 2 дивизіи. Послѣ этого опредѣленъ профессоромъ А. М. Шумлянскій, а по переходѣ его къ спеціальному преподаванію акушерства—профессоръ М. Пекекъ, находившійся въ отставкѣ и жившій постоянно въ

Москвѣ, для преподаванія патологій и медицинской практики» (11 ноября 1793). Черезъ два года и профессоръ Риндеръ вышелъ въ отставку по болѣзни и на его мѣсто опредѣленъ преподавателемъ анатоміи, хирургіи и физиологій операторъ московскаго госпиталя штабъ-лѣбаръ Іоганнъ Гильдебрандъ, съ званіемъ профессора (14 мая 1789).

Прозекторомъ по штату назначенъ былъ лѣбаръ В. А. Григоровскій, а учителями латинскаго языка В. С. Бѣляевъ и нѣмецкаго языка Ѡаддей Аммонъ, и рисовальнымъ мастеромъ Павелъ Цыбелевъ.

Въ С.-Петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ утверждены профессорами М. Тереховскій—для преподаванія ботаники, матеріи медицины и химіи, Несторъ Карповичъ Карпинскій—для анатоміи, физиологій и хирургіи и Петръ Гофманъ—для патологій и терапіи и медицинской практики, на мѣсто госпитальнаго доктора Ѡ. Тихорскаго, отказавшагося отъ преподаванія. Въ послѣдствіи профессоромъ анатоміи и хирургіи былъ Я. Салозовичъ, профессоромъ повивальнаго искусства Н. М. Максимовичъ Амбодиевъ, для физиологій и акушерства К. Г. Брандау и на мѣсто Тереховскаго, для преподаванія ботаники и химіи, Г. Соболевскій.

Прозекторомъ анатоміи утвержденъ П. А. Загорскій, только что произведенный по экзамену въ лѣбари; рисовальнымъ мастеромъ П. И. Нерытовъ и учителемъ латинскаго языка лѣбаръ Федоръ Еллинскій.

Въ Кронштадтскомъ медико-хирургическомъ училищѣ утверждены профессорами: М. Пезень—для кафедры патологій, терапіи и *praxis medicae*, Карлъ Борнъ—для кафедры ботаники, *materiae medicae* и химіи, Іог. Христ. Рингебройгъ—на кафедру анатоміи, физиологій и хирургіи.

Прозекторомъ анатоміи утвержденъ лѣбаръ морскаго вѣдомства Іог. Беніаминъ Кернеръ, учителемъ рисовальнаго класса лѣбаръ браншадтскаго госпиталя Христ. Линдорфъ и учителемъ латинскаго языка Готлибъ Мейеръ.

Примѣчаніе. Здѣсь поименованы тѣ только профессора и преподаватели, которые заняли учебныя должности тотчасъ по утвержденіи штатовъ 1786 года. Остальные же и позднѣйшіе преимныи ихъ перечислены выше, въ главѣ объ учителяхъ госпитальныхъ школъ.

Всѣ ученики—какъ м.-х. училищъ, такъ и генеральныхъ госпиталей—по штату 1786 года стали получать по 80 р. годоваго жалованья

и жили въ госпитальныхъ казенныхъ квартирахъ; содержались же пищею тоже отъ госпиталей по прежнему ¹⁾). Гдѣ же и какимъ образомъ могли помѣститься ученики при удвоенномъ количествѣ ихъ по новому штату? Вопросъ этотъ серьезно занималъ госпитальныхъ конторы и требовалъ рѣшенія въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, касательно удобнаго помѣщенія учениковъ и во-вторыхъ, касательно дисциплины ихъ. Потому что не легко было размѣстить хоть наприимѣръ въ петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ 120 молодыхъ людей (50 учениковъ училища, 50 учениковъ госпиталя и 20 поддѣварей) безъ увеличенія госпитальныхъ зданій, такъ какъ о сред-

¹⁾ По современному исчисленію (1786 года), еслибы ученикамъ не выдавалась порція изъ госпиталей, то съ каждаго изъ нихъ слѣдовало бы вычитать въ мѣсяцъ, по петербургскимъ цѣнамъ, за хлѣбъ 52¹/₂ коп., за крупу 47¹/₂ коп., за масло 21 коп., за соль 1¹/₂ коп. и за квасъ 15³/₄ коп., а всего съ одного 2 р. 13³/₄ коп. Странно только, что въ этомъ исчисленіи вовсе не говорится о мясѣ: быть-же не можетъ чтобы ученики питались исключительно постною пищею. Ученики Московскаго госпиталя получали (въ 1798 году) по регламенту дневную порцію противъ выздоравливающихъ больныхъ, а именно въ мясоѣдъ:

по воскресеньямъ, понедельникамъ и четвергамъ	
хлѣба печенаго 1 ¹ / ₂ ф. цѣною 1 коп.	
крупу овсяныхъ въ кашницу 1 ¹ / ₂ фун. ³ / ₄ коп. и ¹ / ₈	
мяса говяжьяго 1 ф. 4 коп.	
соли 7 ¹ / ₂ золотн. по цѣнѣ	¹ / ₈ коп;
квасу 1 кружка 2 ³ / ₄ к. и ¹ / ₈ .
	<u>И того 9¹/₄ к. и ¹/₈;</u>

по вторникамъ и субботамъ:	
хлѣба ржаного 1 ¹ / ₂ ф	1 коп.
крупу овсяныхъ въ кашницу ¹ / ₄ ф.	
крупу гречневыхъ въ размазку ¹ / ₂ ф.	1 ¹ / ₄ и ¹ / ₈ коп.
масла коровьяго ¹ / ₈ ф.	1 ¹ / ₄ и ¹ / ₈
мяса говяжьяго 1 ф.	4 коп.
соли 7 ¹ / ₂ золотн.	¹ / ₈ коп.
квасу 1 кружка 2 ³ / ₄ и ¹ / ₈ ;
	<u>И того 11¹/₄ коп.</u>

въ среду и пятницу	
хлѣба ржаного 1 ¹ / ₂ ф.	1 коп.
крупу овсяныхъ въ кашницу ¹ / ₂ ф	³ / ₄ к. и ¹ / ₈
сѣмени коноплянаго на сокъ 27 зол.	¹ / ₂ к.
соли 7 ¹ / ₂ зол.	¹ / ₈ к.
квасу ячнаго 1 кружку 2 ³ / ₄ коп. и ¹ / ₈
	<u>И того 5³/₄ коп. и ¹/₈</u>

а въ недѣлю одному всего 68 коп.

ствахъ въ увеличенію зданій на счетъ коммисаріата нечего было и думать. И вотъ по поводу этихъ-то вопросовъ и явилась первая мысль о постройкѣ особаго зданія для учениковъ петербургскаго медицинско-хирургическаго училища и петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя въ Петербургѣ, на принадлежавшемъ медицинской коллегіи Аптекарскомъ островѣ. Мысль эта выражена въ докладѣ главнаго директора медицинской коллегіи, д. тн. с. барона Фитингофа отъ 12 апрѣля 1789 года. Въ докладѣ этомъ говорится,

что входя во всѣ подробности по управленію медицинской коллегіи, онъ обратилъ вниманіе и на нынѣшнее существо хирургической здѣшней школы. По такому расположенію, каково есть нынѣ учащихся и учащихся, состоящихъ при хирургической школѣ, медицинская коллегія зависящая отъ нея пункты снабденій морскихъ и сухопутныхъ войскъ, губерній и прочихъ мѣстъ потребными медицинскими чинами достойными и способными людьми не можетъ съ желаемымъ успѣхомъ исполнить, тѣмъ болѣе въ доведеніи до докторской степени и доставленіи природныхъ российскихъ докторовъ потому, что не въ такомъ образѣ теперь существуетъ ученіе, въ томъ-жъ и не имѣется при госпиталяхъ для учащихся и учащихся, какъ равнымъ образомъ въ кронштадтской и московской хирургическихъ школахъ казенныхъ квартиръ, ибо бываетъ иногда больныхъ въ такомъ числѣ, что помѣститъ негдѣ, для того принужденно разсѣяны въ наемныхъ квартирахъ по разнымъ мѣстамъ, а болѣею частію въ ученіи юношество, но въ такомъ образѣ находясь, нѣтъ средствъ, чтобы могли быть надзираемы преподавателями ученія въ ихъ поведеніи и прилежности къ ученію. И по соображенію всего изложеннаго нахожу удобнѣе, съ прибавленіемъ смотря по надобности нѣкотораго числа учителей, когда благоугодно будетъ В. И. В-у, устроить хирургическую школу въ особливомъ зданіи на Аптекарскомъ острову въ такомъ расположеніи, чтобы не только учениковъ, но и учителей не удаляя отъ нихъ, помѣстить во ономъ-же, и будутъ обучены основательнѣе въ теоріи и практикѣ, какъ всегда находиться имѣютъ уже подъ надзираніемъ учащихся, и что не могутъ быть озабочены, какъ прежде никакими другими для нихъ надобностями; ибо при семъ устроеніи для учениковъ изъ положеннаго по штату на каждаго по 80 р. годоваго жалованья заведена будетъ экономія къ содержанію пищею и одеждою; слѣдственно заниматься только должны въ ученіи безъ потери времени». Новыхъ издержекъ на это Фитингофъ не требовалъ, предлагая покрывать ихъ изъ суммъ медицинской коллегіи.

Императрица одобрила это представленіе и особымъ рескриптомъ (14 мая 1789) на имя барона Фитингофа поблагодарила его за ревностное стараніе и попеченіе о приведеніи въ лучшее устройство медицин-

ской коллегіи со всѣми ея частями и повелѣла устроить хирургическую школу въ особливомъ зданіи на Аптекаарскомъ острову, сообразно съ его докладомъ ¹⁾).

Оказалось однакоже, что исполнить Фитингофовъ докладъ было труднѣе, чѣмъ задумать. Главное затрудненіе состояло въ недостаткѣ средствъ. Медицинская коллегія не могла пожаловаться на неимѣніе денегъ; но большая часть ихъ находилась въ долгахъ: за коммисариатомъ, за арміею, за флотомъ, за намѣстничествами и городами и проч. (за медикаменты и хирургическіе инструменты) и собирать эти долги было очень трудно; изъ штатныхъ же суммъ не много можно было съэкономничать. Продумавъ надъ этимъ цѣлый годъ, Фитингофъ убѣдился, что сдѣлалъ ошибку, обѣщавъ построить особое зданіе для хирургической школы средствами одной медицинской коллегіи. Правда, онъ построилъ домъ на Аптекаарскомъ островѣ; но домъ этотъ такъ былъ малъ и не удобенъ, что не могъ соответствовать цѣли и никогда не былъ занимаемъ подъ хирургическую школу. Семь лѣтъ спустя, когда барона Фитингофа на свѣтѣ не было (онъ умеръ лѣтомъ 1792 года), этотъ домъ отданъ, по распоряженію барона А. И. Васильева, подъ школу для малолѣтнихъ дѣтей медицинскихъ нижнихъ служителей по наступленіи семилѣтняго возраста ихъ (1797).

Выше приведенный докладъ барона Фитингофа содержалъ еще и другое предложеніе, а именно учрежденіе особой должности смотрителя или инспектора учениковъ медико-хирургическихъ училищъ. Мотивировалъ онъ это учрежденіе, въ предложеніи своемъ медицинской коллегіи 25 іюня 1790 года, слѣдующими замѣчаніями:

• Усмотрѣлъ я, говорить онъ, что при хирургической школѣ ученики хотя и бываютъ въ классахъ, но между учебныхъ часовъ, какъ только отпущены и видя что свободны до положеннаго времени, расходятся и вдаются въ не-свойственное имъ, что только чрезъ своевольство хотятъ затѣваютъ, слѣдственно и всѣваемое въ нихъ наставленіями учителей теряютъ, не только чтобы присвокуплять еще чрезъ собственное въ уединеніи повтореніе и въѣ классовъ будучи имѣлъ бы въ памяти и предъ глазами то, что учитель показалъ имъ въ школѣ. А все сіе единственно отъ того, что нѣтъ за ними особеннаго смотрителя, который бы за поступками ихъ и въ благонравіи весьма

¹⁾ Полное собраніе законовъ, ХХІІІ, 16,766.

назирать, такъ чтобы они, вѣ училища будучи въ обузданности, не имѣли случая заниматься неприличнымъ ихъ состоянію, разумѣя, къ чему они себя посвятить обѣщаютъ. По такимъ изображеннымъ обстоятельствамъ видѣть можетъ медицинская коллегія, сколь есть нужно, чтобы быть смотрителю теперь за юношествомъ, не менѣе жъ надобно и должно, когда и въ существѣ будетъ шебола устроена на мѣстѣ высочайше повелѣнномъ; поелику тутъ будутъ получать учащіеся наставленіе въ медико-хирургической науѣ теорію, а потомъ должны и въ госпитали ходить, дабы совершенно могли то видѣть и дѣлать подъ руководствомъ на самой практикѣ. Какъ учителя, профессора и прочіе по существу обязанности преподаваніемъ ученія въ классахъ не могутъ въ томъ нужномъ за учениками смотрѣніи успѣвать вѣ ихъ, и слѣдственно не безъ крайней надобности и тогда имѣть смотрителя къ названію, чтобы по окончаніи своего дѣла въ больницахъ не имѣли случая къ несвойственнымъ упражненіямъ. А изъ смотрителя въ такомъ родѣ разумѣю я подобнаго учителя, что онъ сохранить ихъ въ добромъ поведеніи, благонавіи и тишинѣ, а въ самихъ чрезъ это родится больше собственной прилежности и дастся время больше почерпнуть въ наукахъ и слѣдственно пригготовить ихъ съ лучшимъ успѣхомъ уже можно будетъ въ достойные по наукамъ врачи г.

На эту должность избралъ онъ главнаго доктора спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя и члена медицинской коллегіи Фому Тихорскаго, съ приплатою къ его жалованью за эту должность по 200 р. въ годъ. Коллегія согласилась на это 1 іюля 1790 года.

Въ другихъ медико-хирургическихъ училищахъ тоже назначены смотрителями или инспекторами за учениками главные доктора генеральныхъ госпиталей, а именно въ Кронштадтѣ—главный докторъ Е. Валеріанъ (27 марта 1791), съ прибавкою жалованья по 200 р., и въ Москвѣ докторъ Раушертъ, а въ послѣдствіи докторъ И. Миндереръ.

Однакоже, вводя постороннихъ и притомъ весьма почтенныхъ лицъ въ учебную сферу школъ, медицинская коллегія долго еще сохраняла старый порядокъ воспитанія и поведенія учениковъ своихъ чрезъ ихъ профессоровъ и преподавателей. Только черезъ пять лѣтъ послѣ Фитингофова доклада и черезъ три года послѣ назначенія Тихорскаго инспекторомъ учениковъ петербургскаго медико-хирургическаго училища медицинская коллегія рѣшилась предписать профессорамъ (30 января 1794 года), чтобы они не входили въ поведеніе учащихъся и хожденіе на лекціи и не писали объ этомъ въ третнихъ вѣдомостяхъ, а заботились бы и писали только объ успѣхахъ учениковъ; поведеніе же и хожденіе на лекціи должны наблюдать госпи-

гальныя конторы и ежемѣсячно сообщать профессорамъ, кто изъ учениковъ сколько разъ и въ какіе дни не были на лекціяхъ. Госпитальнымъ же конторамъ вѣнялось въ обязанность замѣчать не бывающихъ на лекціяхъ, и для точности исполненія госпитальныхъ конторы должны назначать отъ себя помѣсячно двухъ надежныхъ подлѣварей и двухъ лѣварскихъ учениковъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ дежурства при конторѣ.

Въ послѣдніе годы существованія какъ госпитальныхъ школъ, такъ и медико-хирургическихъ училищъ, ученики ихъ не имѣли никакой форменной одежды. Они обязаны были одѣваться изъ своего жалованья и потому одѣвались какъ могли: въ госпиталь приходили въ различныхъ костюмахъ, кто во фракѣ, кто въ сюртукѣ. Не допускалась только простонародная рабочая одежда. На разноцвѣтность костюмовъ тоже не обращалось вниманія. Но въ 1797 году фракы были запрещены, какъ вывѣски французскаго революціоннаго направленія, и гражданскимъ чиновникамъ приказано носить нѣмецкое платье. Разумѣется, что переодѣться ученикамъ было очень трудно. По этому главный докторъ генеральнаго сухопутнаго госпиталя, и въ тоже время инспекторъ учениковъ, обратился къ медицинской коллегіи (30 января 1798) съ вопросомъ, какъ одѣваться ученикамъ, такъ какъ «часовые и караульные у госпитальныхъ воротъ не впускаютъ ихъ въ госпиталь во фракахъ и сюртукахъ, а сдѣлать нѣмецкое платье имъ не изъ чего». Между тѣмъ пока продолжалась эта переписка, главный докторъ морскаго генеральнаго госпиталя Е. Валеріанъ, не долго думая, призвалъ портнаго и приказалъ ему немедленно построить всѣмъ подлѣварямъ и ученикамъ его госпиталя воинскіе мундиры на казенный счетъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности вычесть по немногу стоимость ихъ изъ ученическаго жалованья. Коллегія знала этотъ фактъ и отвѣтила Тихорскому, что онъ можетъ поступить такъ же, какъ поступилъ Валеріанъ; если же найдетъ какое либо лучшее средство, то долженъ позаботиться о томъ, чтобы оно было выгодно и пристойно. Тихорскій сдѣлалъ тоже, что и сосѣдъ его по госпиталю.

Въ заключеніе запишемъ здѣсь весьма важный фактъ, долго ожидавшійся и представлявшій собою ясную картину гражданскаго развитія. Указомъ медицинской коллегіи 14 мая 1795 года предписано «тѣлесное всякое наказаніе при госпиталяхъ и хирургическихъ школахъ учениковъ, гдѣ оно дѣйствительно было и есть, вовсе запретить и наискрѣпчайше подтвердить, чтобы онаго отнюдь и ни подѣ

какимъ видомъ чинено не было, но къ воздержанію и исправленію ученищевъ принимаемы были другія приличныя средства; ежели бы это таковой и случилось, коего никакія средства не исправляютъ, то лучше его вовсе изъ ученищевъ исключить, нежели таковымъ навазаніемъ ожесточать и другихъ благонравныхъ».

Навонецъ два слова о *фельдшерахъ*. Выше было говорено, что въ петербургскихъ и бронтштадскомъ генеральныхъ госпиталяхъ введены были фельдшера (школьники) еще въ началѣ сороковыхъ годовъ. Но ихъ не было въ Московскомъ госпиталѣ даже и двадцатью годами позднѣе. Только въ 1764 году бонтора московскаго госпиталя писала медицинской коллегии, что, «госпитальные ученики по регламенту имѣютъ при больныхъ по очереди всегдашнее и неотлучное дневанье и чрезъ то пропускаютъ лекціоны, препарациі анатомическія и репетиціи». А какъ въ петербургскихъ и въ бронтштадтскомъ госпиталяхъ на вспоможеніе лѣбарскимъ ученикамъ присылаются изъ тамошнихъ гарнизонныхъ школъ школьники по надлежащему числу, то и московскій госпиталь просилъ себѣ тоже до 50 школьничевъ изъ гарнизонной школы, знающихъ грамотѣ, кои вмѣсто ученищевъ во время лекціоновъ, репетицій и упражненій въ анатоміи находились бы при больныхъ. «Оны имѣютъ быть обучаемы пусканью крови, перевязкѣ ранъ, варенію блистпровъ и припаровъ и употребленію оныхъ больнымъ; а сверхъ того не могутъ и впредь безпрочными быть, потому что 1) хорошо научившіеся изъ нихъ могутъ быть произведены въ подлѣбары и даже со временемъ въ лѣбары; а 2) прочіе, пробывъ пять лѣтъ въ госпиталѣ, могутъ быть опредѣлены въ полки цирюльниками и служить съ пользою въ баталіяхъ при небытности подлѣбарей и лѣбарей.» Медицинская коллегія списалась объ этомъ съ военною коллегіею и послѣдняя приказала московскому оберъ-коменданту, генераль-поручику царевичу Афанасію Леоновичу Грузинскому, назначить изъ московской гарнизонной школы 20 человекъ, которые въ декабрѣ 1764 года и были присланы въ госпиталь съ солдатскимъ провіантомъ, обмундированіемъ и жалованьемъ. Это были—первые фельдшера въ московскомъ госпиталѣ. Черезъ два года (въ іюнѣ 1766 года), докторъ московскаго генеральнаго госпиталя Копр. Даль потребовалъ еще 20 школьничевъ изъ гарнизонной школы (въ присланнымъ въ 1764 году) на вспоможеніе лѣбарскимъ ученикамъ для ухода за больными, такъ какъ ученики цѣлый день заняты ученіемъ. Военная коллегія согласилась на это представленіе и прислала 20

человѣкъ (19 іюля 1766), съ тѣмъ чтобы изъ нихъ приготовлялись цирюльники въ полки.

ГЛАВА XIV.

Преподаваніе и экзамены по закону 15 іюля 1786 года.

Законъ 15 іюля 1786 года не только расширилъ преподаваніе въ медико-хирургическихъ училищахъ, но и распредѣлилъ послѣдовательность ученія. Въ февралѣ 1787 года медицинская коллегія составила и разослала по госпиталямъ росписаніе учебныхъ часовъ на каждую недѣлю, вовсе не сообразивъ ихъ со временемъ тѣхъ занятій, которыя ученики и подлѣкари должны были (по регламенту) исполнять въ госпиталѣ. Главный докторъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Ѡ. Тихорскій принялъ это за недоразумѣніе и обратился въ коллегію для разъясненія дѣла. Но онъ ошибся. Училище отошло отъ госпиталя и ученики освобождены были «отъ госпитальныхъ должностей»: они должны были только учиться, ходить на лекціи профессоровъ и другихъ преподавателей и вовсе не заботиться о госпитальныхъ обязанностяхъ. Въ этомъ то смыслѣ и составлено было росписаніе учебныхъ занятій ихъ на каждый день недѣли.

На первый разъ это, конечно, ослабило дисциплину учениковъ и подлѣкарей. Они стали пропускать лекціи, лѣниться и это печалило преподавателей и непріятно было госпитальнымъ докторамъ. Для поправленія дѣла, коллегія предписала производить ежемѣсячные экзамены. По такому экзамену, въ апрѣлѣ 1789 года, изъ московской школы, и по распоряженію доктора Раушерта, исключено 11 учениковъ. Но эта мѣра не принесла пользы и даже рѣдко приводилась въ исполненіе.

Въ замѣнъ того члены коллегіи Я. Саполовичъ и Степанъ Андреевскій представили слѣдующее мнѣніе: Указавши, что существующій способъ производства экзаменовъ не согласенъ съ пун. 2 и 14 инструкціи, данной въ руководство медицинской коллегіи, они предлагаютъ слѣдующія

Правила объ экзаменахъ: 1) Никто ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть допущенъ къ экзамену, если не имѣетъ отъ всѣхъ профессоровъ

похвальнаго свидѣтельства, что того достоинъ; и буде одинъ изъ профессоръ не одобритъ, такому совсѣмъ въ экзаменѣ отказывается.

2) За нѣсколько дней предъ экзаменомъ, госпитальная контора, получивъ одобрительныя отъ профессоръ свидѣтельства, слѣдуетъ оныя съ собственнымъ своимъ журналомъ, въ которомъ обстоятельно и вѣрно должно быть описано каждаго порознь поведеніе и отправленіе препорученной ему въ госпиталѣ должности. А чтобы въ точности его предмета достигнуть, надлежитъ конторѣ ежемѣсячно отъ палатныхъ ординаторовъ получать письменныя о томъ удостовѣренія. Учня такимъ образомъ подробную и вѣрную справку, вносить контора какъ одобренныхъ профессорами, такъ и по журналу рачительными и добронравными оказавшимся въ заготовленные для экзамена списки; не прилежныхъ же и нерадивыхъ оставлять впредъ, доколѣ исправятся и явятся того достойными.

3) Опредѣляющимся волонтерами для изученія совершенно лѣкарскому искусству полагается четыре года. Первые два года да упражняются въ наукахъ, не обрежая себя никакими побочными трудами, а въ другіе два возлагается уже на нихъ и должность палатнаго подлѣкаря. Потомъ, когда истечетъ четырехлѣтній сей срокъ, допускаются къ экзамену на основаніи 1 и 2 пунктовъ. Если которые во время экзамена удостоятся лѣкарскаго званія, таковыя обязаны пробыть еще въ госпиталѣ полгода, но не менѣе, на собственномъ своемъ содержаніи и тогда поручается имъ нѣсколько больныхъ въ лѣченіе подъ наблюденіемъ госпитальной конторы.

4) Хотя о всѣхъ учащихся равное попеченіе имѣть долженствуетъ, но тѣ, кои на казенномъ содержаніи ващшаго возрѣнія достойны. Ибо въ случаяхъ неспособности, или какихъ пороковъ, все употребится та издержка, которая для воспитанія и наученія ихъ спасительной Е. И. В. щедротой для блага народнаго всемилостивѣйше опредѣляется. И потому не дремлющимъ окомъ надлежитъ смотрѣть на ихъ поведеніе, прилежность, способность и склонность къ наукамъ, яко на такія свойства, которыя образуютъ полезнаго отечеству врача, а купно и гражданина. Юноша, положимъ добронравный и прилежный, посвятившій себя врачебной наукѣ, но безъ всякой къ ней склонности, сожалѣлъ бы послѣ о потерянномъ бесполезно времени «кое бы онъ на что ни есть другое, со способностью его согласующееся, употребить могъ. Нѣтъ уже нужды брать въ примѣръ нерадивыхъ или въ порокахъ неисправныхъ: таковыя, кромя вреда, ничего приносить не могутъ. Оставя безъ всякаго вниманія толь важныя предметы, неминуемо должно обнаружиться, а на послѣдокъ совершенно вкоренится то неприятное и чувствительнѣйшее послѣдствіе, что невозможно будетъ доставить отечеству надлежащаго числа достойныхъ лѣкарей и подлѣкарей. И въ такомъ тѣсномъ обстоятельствѣ принуждены будемъ одобрять учащихся, кои знанія самаго посредственнаго, прилежности умѣренной и званія сего ни мало не заслуживающихъ. А что ю

добные случаи были, многие примѣры служатъ тому доводомъ. Но болѣе еще можетъ для нашего отечества послужить вредомъ и то, что мы въ грядущія времена принуждены будемъ выписывать изъ другихъ европейскихъ государствъ лѣкарей, полагая нежѣрное награжденіе и тѣмъ, кои вовсе не разумѣютъ русскаго языка, воспитанія и рода жизни ввѣряемыхъ ихъ лѣченію, что въ обыкновеніе уже издавна введено. И потому контора и профессеры непремѣнно по трѣмъ года представляютъ медицинской коллегіи объ успѣхахъ въ наукахъ прилежности и благоведеніи учащихся, какъ равно и о тѣхъ, кои въ наукахъ ни мало и очень худо успѣваютъ, кои способностей не имѣютъ или развратнаго поведенія, и коллегія пріемлетъ по тому свои мѣры, исключая недостойныхъ и никакой надежды къ поправленію не подающихъ изъ службы Е. И. В.

5) Ученики на подлѣкарскій экзаменъ допускаются послѣ трехлѣтняго упражненія по медицинской наукѣ, съ таковымъ точно расположеніемъ, какъ сказано въ 1 и 2 пунктахъ. Если бы востребовала необходимая надобность подлѣкарей болѣе числомъ, нежели оныхъ обрѣтается на лицо, замѣнить можно безъ нарушенія порядка недостающее число старшими и довольно успѣшными учениками, кои по окончаніи того необходимо нужнаго случая, не долѣе одного или двухъ лѣтъ, паки для продолженія наукъ въ своему мѣсту возвращаются. По возвращеніи къ первобытному своему мѣсту долѣе уже на повтореніе всего ими изученнаго одного года и допускаются по 1 и 2 пунктамъ къ экзамену. Бude употребили время въ арміи въ отправленіи подлѣкарской должности болѣе года, таковыя оставляются при училищѣ подлѣкарями съ тѣмъ, что они до полученія лѣкарскаго званія нигде откомандированы быть не могутъ.

6) Но дабы постановленный порядокъ былъ твердъ въ своемъ основаніи, нужно во-первыхъ предварительно цстребовать отъ всѣхъ семинарій обстоятельное свѣдѣніе, коликое число юношъ, отличающихся благоповеденіемъ и успѣхомъ въ словесныхъ наукахъ каждое училище въ состояніи доставить для опредѣленія во врачебную науку, а потомъ на проѣздъ ихъ сюда и до Москвы назначается пристойная сумма. Начертанное постановленіе отнюдь не есть нововводимое; оно до 1788 года во всей своей силѣ наблюдаемо было, которое разными случаями и обстоятельствами будучи пресѣчено, получило съ того времени совсѣмъ въ особливомъ видѣ порядокъ. Мы теперь видимъ, что хирургическое училище не изучившимися въ словесныхъ наукахъ юношами, но большею частію отроками наполнено, кои не только обучаются языкамъ, но купно въ ономъ и воспитываются, не зная еще и природнаго своего языка ¹⁾. Поло

¹⁾ Здѣсь намѣчается на допущенное коллегіею злоупотребленіе, возникшее изъ за трудности поступить въ училище безъ званія латинскаго языка. Состояло оно въ томъ, что мальчакъ 15—13 лѣтъ, едва-едва знакомый съ русскою грамотою, поступаѣтъ «школьникомъ» въ Московскій госпиталь (т. е. въ

живи, что нѣкоторое число изъ нихъ чрезъ пять лѣтъ окажется въ известной степени свои усилѣнїи; но возможно ли съ достовѣрностью предсказать, что отроки, кои оказали нѣкоторые опыты въ языкахъ своего знанїя, возчувствуютъ безъ изыятїя всѣ охоту и склонность къ врачевной наукѣ? И такъ изъ столь великаго числа учениковъ, состоящихъ на казенномъ издженїи, едва ли четвертая доля достигнуть можетъ своего предмета, да и то не ближе какъ по истеченїи осьмилѣтняго срока, и потому 1) вовсе употреблена будетъ на содержанїе ихъ та сумма, которая отъ щедротъ Е. П. В. назначается, и 2) буде таковое введенїе въ скоромъ времени не искоренится, то коликую отечество наше отъ недостатка во всѣхъ медицинскихъ чинахъ возчувствуетъ надобность и необходимую даже нужду».

Медицинская коллегїя одобрила и утвердила эти «Правила» постановленїемъ своимъ 27 сентября 1792 года и предписала ихъ къ точному исполненїю въ генеральныхъ госпиталяхъ и медико-хирургическихъ училищахъ. Но это не принесло особенной пользы, равно какъ и то, что черезъ годъ (15 іюля 1793 года) медицинская коллегїя предписала госпитальнымъ конторамъ требовать отъ профессоровъ мѣсячныхъ отчетовъ о преподаваемыхъ ими лекціяхъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы сами конторы не входили въ преподаванїе, не судили о немъ, а только бы замѣчали, въ какіе именно дни не было читаемо лекцій. Но это не исполнялось, всего вѣроятнѣе по невозможности исполнить. Прошелъ еще годъ и видѣли тоже самое. 25 января 1795 года московская медицинская контора донесла коллегїи, что на третнемъ

надеждѣ сдѣлаться когда нибудь цырюльникомъ, фельдшеромъ), а черезъ нѣсколько времени переходилъ въ Екатерининскую больницу ученикомъ и затѣмъ опять чрезъ нѣсколько времени возвращался въ Московскій госпиталь, но уже не школьникомъ, а ученикомъ. Безъ этого обмана или кочеванья изъ одного госпиталя въ другой онъ, конечно, не могъ бы поступить въ медико-хирургическую школу, по своему невѣжеству и даже по малолѣтству. Московская госпитальная контора замѣтила этотъ обманъ и донесла коллегїи съ вопросомъ, какъ поступить съ обманщиками: выгнать ли ихъ изъ госпиталя или отослать туда, откуда они прибыли? Коллегїя приказала допустить ихъ къ ученїю при госпиталѣ и заставить ихъ посѣщать латинскїй классъ (24 октября 1790). Но это великодушїе никогда почти не оказывалось благотворнымъ и по неготовности къ ученїю, по неразвитости своей, ученики эти болѣею частїю исключаемы были изъ госпиталя въ послѣдующїе годы. Въ послѣдствїи оцѣнка знанїй поступавшихъ въ училища и госпитали, равно какъ прїемъ ихъ предоставленъ были самимъ госпиталямъ, безъ сношенїя съ медицинскою коллегїею и это злоупотребленїе прекратилось.

экзаменѣ въ московскомъ госпиталѣ (12 января 1795) замѣченъ та-кой малый успѣхъ въ ученіи, что изъ учащихся ни одного нельзя было признать достойнымъ званія подлѣкаря или лѣкаря. Штадтъ-физикъ московскій, докторъ Занденъ, разговаривалъ объ этомъ съ госпитальнымъ докторомъ Раушертомъ и высказалъ ему, что преподаванія часто не бываетъ и ему это извѣстно, но медицинской конторѣ объ этомъ не доносится, тогда какъ объ этомъ слѣдовало доносить помѣсячно. Медицинская коллегія одобрила замѣчанія Зандена и опредѣленіемъ своимъ 17 февраля 1795 сообщила Раушерту. Но и это ни къ чему не повело. Очевидно только стало, что дѣло идетъ уже не объ лѣности учениковъ и не о лѣности или нерадѣніи профессоровъ, а о необходимости и неизбѣжности кореннаго преобразованія самыхъ училищъ, поставленныхъ въ ложное положеніе по отношенію къ госпитальнымъ конторамъ.

Въ это время ученымъ секретаремъ медицинской коллегіи состоялъ лѣкарь надворный совѣтникъ Иванъ Віенъ. Онъ видѣлъ всю переписку коллегіи, всѣ затрудненія и предположенія ея и убѣдился, что если госпитальныя конторы и медико-хирургическія училища не доставляютъ коллегіи періодическихъ срочныхъ донесеній и тѣмъ затрудняютъ принятіе какихъ либо мѣръ къ поддержанію и улучшенію училищъ, то все это происходитъ будто-бы отъ обременительности канцелярской переписки и отъ неимѣнія «формъ», при помощи которыхъ наглядно можно-бы было обозрѣвать все положеніе учебнаго дѣла. Руководствуясь этой мыслью, онъ представилъ коллегіи (4 февраля 1795) свои соображенія, которыя немедленно и утверждены коллегіею, какъ ея собственное постановленіе (17 февраля 1795). Вотъ это постановленіе:

«Хотя тремя опредѣленіями медицинской коллегіи, а именно 1 февраля 1787, 27 сентября и 16 декабря 1792 года, и сдѣланы были довольно достаточныя положенія относительно преподаванія ученія врачебной науки въ училищахъ подъ ея вѣдомствомъ состоящихъ; но какъ не взирая и на сіе коллегія и до нынѣ изъ полученныхъ ежемѣсячныхъ рапортовъ госпитальныхъ конторъ и опредѣленныхъ профессоровъ и учителей трехъ медико-хирургическихъ училищъ не довольно ясно видѣть можетъ прилежность, теченіе и слѣдуемый имъ образъ въ преподаваніи предписанныхъ имъ къ наученію частей, равно какъ и степенность приобретаемыхъ успѣховъ учащихся, поелику отъ нѣкоторыхъ профессоровъ и вовсе таковаго содержанія рапортовъ въ коллегію не доходятъ, а отъ прочихъ, равно какъ и отъ госпитальныхъ конторъ по-

лучаемые не въ одинакія, но въ разныя числа писаны большею частію разнообразной формою и содержаніемъ, такъ что нѣны даже и недовольно объясняютъ своего предмета. Что же касается до аттестатовъ профессоровъ и госпитальныхъ конторъ относительно приобретаемыхъ успѣховъ учащихся и нѣщихъ купно различныя должности по госпитальнымъ упражненіямъ, то таковыя аттестаты равнобѣрно весьма разнствуютъ между собою, ибо каждый въ оныхъ донимѣ по своему произволу избираетъ особенный себѣ къ послѣдованію порядокъ и нареченія въ означеніи степенности успѣховъ, такъ что изъ всѣхъ сихъ разнообразныхъ донесеній весьма затруднительно коллегіи извлечь необходимыя для нея по долгу ея свѣдѣнія, тѣмъ менѣе еще видѣть сочиненную генеральную таблицу, по коей возможно-бы ей было мгновенно обозрѣть какъ прилежность и слѣдующій порядокъ профессоровъ въ преподаваніи ихъ лекцій, такъ и приобретенныя успѣхи учащихся. Посему за необходимо нужное полагаетъ, до утвержденія полнаго врачебнаго устава, на настоящее время начертать генеральныя правила, коимъ бы какъ учащіе, такъ и учащіеся непремѣнно слѣдовали. Въ слѣдствіе чего предписывается къ исполненію слѣдующее:

1) Каждый профессоръ долженъ а) въ теченіе одного года непремѣнно оканчивать, начиная съ 1 сентября по 1 сентября будущаго года, полный курсъ предписанныхъ ему для преподаванія врачебныхъ лекцій. б) Четыре раза въ недѣлю, не менѣе одного часа, неупустительно оныя преподавать, наблюдать въ оныхъ точность, ясность и краткость въ предложеніяхъ и выраженіяхъ. в) Два раза въ мѣсяцъ, вмѣсто обыкновенныхъ лекцій, дѣлать испытанія учащимся въ томъ, что до того времени имъ было изъяснено, дабы могъ судить о степени успѣховъ своихъ слушателей. г) Перваго числа каждаго мѣсяца представлять медицинскою коллегіи рапортомъ краткое, но обстоятельное объясненіе: чѣмъ, по части своей ученіе преподавая, въ теченіе прошлаго мѣсяца занимался, т. е. именно означать, что имъ изъ какой части точно читано было и на чемъ остановился. е) Перваго января, мая и сентября коллегіи непремѣнно рапортовать о приобретенныхъ успѣхахъ ходящихъ на лекціи, означая въ приобщенномъ именномъ ихъ спискѣ противу каждаго имени учащагося особенно *превосходные, хорошіе, посредственные* или *слабые* его успѣхи, о нерадивыхъ же или вовсе безнадежныхъ сообщать госпитальной конторѣ на замѣчаніе.

2) Каждая госпитальная контора должна а) имѣть строгое наблюденіе и рапортовать перваго числа каждаго мѣсяца коллегіи, всѣ ли профессора въ учрежденные имъ дни и часы преподавали свои лекціи и въ случаяхъ оныхъ упущенія означать именно то число, равно какъ и по какиимъ обстоятельствамъ то случилось; б) вести журналъ, въ коемъ точно и обстоятельно означать каждаго учащагося порознь поведеніе и исправленіе порученной ему должности въ больницахъ; в) перваго числа января, мая и сентября, отравъ

предварительно аттестаты палатныхъ ординаторовъ и профессоровъ, и присовокупя къ сему замѣчанія своего журнала, равно какъ и получаемые рапорты отъ учителей латинскаго, нѣмецкаго и рисовальнаго класса, подавать въ коллегію при рапортѣ именной списокъ всѣхъ учащихся, въ коемъ противу имени каждаго особенно означать, кто въ палатныхъ должностяхъ былъ *очень прилеженъ*, *изряденъ* или *нерадивъ*, относительно качества *поведенія хорошаго* или *дурнаго* и не штрафованъ ли былъ, а въ разсужденіи латинскаго и нѣмецкаго языковъ и рисованья *прилеженъ* или *нерадивъ*, хорошихъ успѣховъ или слабыхъ. Для однообразнаго же сочиненія таковыхъ списковъ прилагаются при семъ двѣ формы, одна для показанія успѣховъ въ наукахъ, а другая для показанія нравственнаго поведенія, службы и успѣховъ въ рисовальномъ искусствѣ и языкахъ».

Именной списокъ ходящихъ для слушанія лекцій (такихъ-то), съ означеніемъ каждаго прилежности и степени приобретенныхъ успѣховъ.

Означеніе мѣсто, годъ, мѣсяцъ и число.

Успѣховъ.	Означеніе мѣсто, годъ, мѣсяцъ и число.				Прилежности.	
	1.	2.	3.	4.	Приле- женъ.	Непри- леженъ.
Имена и званія.	Пре-восход-ныхъ.	Хоро-шихъ.	Пос-ред-ствен-ныхъ.	Сла-быхъ.	Приле-женъ.	Непри-леженъ.
Поддѣкаръ NN	1	—	—	—	прил.	—
Ученикъ NN	—	—	—	4	—	неприл.
Волонтеръ NN	—	—	3	—	прил.	—

Иванъ Виенъ.

Именной списокъ поддѣкарямъ, ученикамъ и волонтерамъ Московскаго генеральнаго госпиталя. съ означеніемъ времени вступленія въ оный, прилежности по госпитальнымъ упражненіямъ, поведенія и приобретенныхъ успѣховъ въ рисовальномъ искусствѣ и въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Мѣсто, годъ, мѣсяцъ и число.

Означеніе времени вступленія въ госпиталь.			Имена и званія учащихся.	По аттестатамъ палатныхъ ординаторовъ въ отпращиваніи должностей.			По конторскому журналу отъносительно Пове-денія. Штра-фовъ.			По аттестатамъ учителя рисо-вальн. класса			По аттестатамъ учителя латин-скаго языка.			По аттестатамъ учителя нѣмец-каго класса.		
Годъ.	Мѣсяцъ.	Число.		1. Весьма при-леженъ.	2. Изряденъ.	3. Нерадивъ.	Хорошаго.	Дурнаго.	Штрафованъ или нѣтъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.	Успѣхъ.
			Поддѣкаръ NN.	1	—	—			—	2	п.	—	—	—	—	—	—	—
			Ученикъ NN.	—	—	3		арест.	—	—	3	н.	—	—	—	—	—	н.
			Волонтеръ .	—	2	—	н.		1	—	—	п.	—	2	п.	—	—	—

«Формы» экзаменныхъ вѣдомостей, разсланныя по госпиталямъ, приняты были къ руководству, но не измѣнили сущности дѣла и даже не разъяснили его. Медико-хирургическія училища, очевидно, нуждались въ измѣненіяхъ; но почему и какииъ образомъ должны были произойти эти измѣненія—это-то и не было выяснено. Главный директоръ медицинской коллегіи баронъ А. И. Васильевъ потребовалъ разъясненія отъ коллегіи и получилъ цѣлый рядъ «замѣчаній», сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ:

Преподаваніе въ медико-хирургическихъ училищахъ значительно расширилось и преподаваемые предметы специализировались, въ чему настояить необходимость прибавить нѣкоторые новые предметы (какъ напримѣръ математика и физика), а между тѣмъ число профессоровъ остается тоже самое, что и прежде было: каждый профессоръ преподаетъ не менѣе трехъ существенно важныхъ предметовъ. Не удивительно, что ни одинъ изъ нихъ не успѣваетъ изложить всего предмета въ опредѣленный срокъ. Кромѣ того, для повѣрки знаній учащихся и для поощренія ихъ ежемѣсячно производятся экзамены, а по субботамъ еженедѣльно производятся репетиціи, отнимающія много времени и утомляющія профессоровъ. Они безспорно полезны, но могли бы производиться не профессорами, а помощниками или адъюнктами, избранными самими профессорами и утвержденными коллегіею по представленію экзаменовавшихъ ихъ профессоровъ. Введеніе адъюнктовъ необходимымъ считается и на тотъ случай, еслибъ профессоръ по болѣзни или по какой либо другой причинѣ не въ состояніи былъ читать лекцію: адъюнктъ обязанъ тогда замѣнить профессора и учебное время не терялось бы понапрасну. Преподаваніе затрудняется иногда недостаткомъ учебныхъ театровъ, въ которыхъ должны читаться лекціи. Въ расписаніи ученія назначаются иногда одни и тѣже часы для разныхъ лекцій, но чтеніе не производится по той только причинѣ, что негдѣ читать лекцію, пока занявшій театръ прежде не окончитъ своей лекціи. По сему необходимо было бы построить еще нѣсколько театровъ (аудиторій), чтобы одновременно могли читаться нѣсколько лекцій. Медико-хирургическія училища десять лѣтъ назадъ (15 іюля 1786 года) отдѣлены отъ генеральныхъ госпиталей, а между тѣмъ госпитальныя конторы, которымъ предоставлено наблюденіе за поведеніемъ учащихся, требуютъ отъ профессоровъ ежемѣсячныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ учениковъ, а вмѣстѣ и объ ихъ собственныхъ занятіяхъ по части преподаванія,

что оскорбляет профессоров и затрудняет госпитальные конторы. Профессора и вообще преподаватели не имѣютъ никакого устава, никакихъ правилъ, на которыя могли бы опереться въ исполненіи своихъ обязанностей и это увеличиваетъ затрудненіе при сношеніяхъ съ администраціею госпиталей. Въ распредѣленіи предметовъ и сроковъ преподаванія не имѣется точной послѣдовательности; не опредѣлено, какіе предметы должны читаться прежде, какіе послѣ; не опредѣлено, какіе предметы должны считаться существенными и какіе добавочными и не существенными; не опредѣлено, какіе сроки должны быть назначены для преподаванія того или другаго предмета. Такого распредѣленія можетъ быть не требовалось, пока обученіе лежало на 1—2 преподавателяхъ; но оно сдѣлалось необходимымъ съ увеличеніемъ числа преподавателей и съ расширеніемъ самаго преподаванія. Нѣтъ опредѣленныхъ правилъ объ экзаменахъ, которые соответствовали бы современному порядку преподаванія и срокамъ ученія, а такъ же нѣтъ правилъ относительно тѣхъ учениковъ, которые оказываютъ малые успѣхи или вовсе считаются неспособными и потому напрасно удерживаются въ училищахъ и госпиталяхъ. Учащіеся помѣщены такъ тѣсно, что иногда не имѣютъ возможности заниматься въ свободные часы между классами, отъ чего теряютъ время по напрасну и ускользаютъ отъ надзора тѣхъ лицъ, на которыхъ возложено наблюденіе за поведеніемъ ихъ. И чѣмъ больше больныхъ въ госпиталѣ, тѣмъ тѣснѣе ученикамъ, такъ что иногда они вынуждены размѣщаться между кроватями больныхъ въ палатахъ. Наконецъ ученики, хоть и изъятые отъ наблюденія профессоровъ, иногда вызываютъ прискорбное чувство тяжкими тѣлесными наказаніями, на нихъ налагаемыми.

Всѣ эти замѣчанія медицинской коллегіи, въ формѣ опредѣленія ея, представлены были 24 мая 1795 главному директору ея, а отъ него 2 іюля представлены были императрицѣ въ видѣ спеціальнаго доклада. Эта поспѣшность служить доказательствомъ, какое живое и дѣятельное участіе въ состояніи медико-хирургическихъ училищъ принималъ главный начальникъ ихъ, государственный казначей, въ послѣдствіи баронъ и графъ А. И. Васильевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выказалъ и чрезвычайную осмотрительность въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла. А именно, рассматривая замѣчанія медицинской коллегіи, онъ поручилъ президенту ея Зиновьеву, совмѣстно съ нѣкоторыми членами коллегіи (С. Андреевскимъ, Я. Салодовичемъ и Те-

реховскимъ), составить «Предварительное начертаніе», каковымъ образомъ до настоящаго тѣхъ училищъ учрежденія распределить нынѣ какъ должностями учащихся, такъ и учащихся». Очевидно, онъ сознавалъ необходимость преобразованія училищъ, но затруднялся въ опредѣленіи сущности преобразованія и въ способахъ выполненія его. По этому онъ не хотѣлъ спѣшить, даже боялся излишней торопливости. Неясно ему было, что и какъ надобно дѣлать. Даже представляя докладъ императрицѣ, онъ только знакомилъ ее съ дѣломъ, но не требовалъ никакого рѣшенія. Главная надежда его была на коллегію, которая одна и могла разъяснить ему дѣло и опредѣлить сущность желаемыхъ преобразованій. Но и коллегію онъ не торопилъ, надѣясь постепенно и по немногу выработать «надлежащее учрежденіе училищъ». Онъ желалъ только временнаго и предварительнаго «распорядка» въ ученіи, съ которымъ можно бы было ожидать полнаго устава училищъ. И онъ обратился къ ней запискою, которая прочитана была президентомъ Зиновьевымъ въ засѣданіи коллегіи 7 августа 1795 года.

Записка была слѣдующаго содержанія: „Основываясь на мнѣніи оной коллегіи, изъясненномъ въ опредѣленіи ея 24 мая сего года состоявшемся, касательно усмотрѣнныхъ неудобствъ въ нынѣшнемъ бытіи медико-хирургическихъ школъ и на какомъ основаніи учредя ихъ можно привести въ лучшее состояніе, каковъ удостоился я поднести Е. И. В. всеподданнѣйшій докладъ прошедшаго іюля 2 дня, съ того препровождаю для свѣдѣнія коллегіи копію. Но пока на то не послѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе и приготовится для новыхъ врачебныхъ училищъ полный уставъ, то не желая оставить безъ замѣчанія, что нынѣшнее состояніе вышеупомянутыхъ училищъ находится въ такомъ положеніи, что, для ожиданія лучшихъ успѣховъ отъ оныхъ требуется непремѣнно сдѣлать въ образѣ ученія особенный распорядокъ, дабы ежели и всѣ предположенія, въ сказанномъ докладѣ представленныя, всемилостивѣйше одобрятся, можно было постепенно ближе подходить къ плану преподаванія наукъ, съ конфирмованіемъ того доклада преднамѣреваемому. Въ томъ разсужденіи и приказано было отъ него сдѣлать нѣкоторое *предварительное начертаніе*, какиимъ образомъ, до настоящаго тѣхъ училищъ учрежденія, распределить нынѣ какъ должностями учащихся, такъ и учащихся. «Начертаніе» таковое и подано къ нему посредствомъ г. президента, которое препровождая въ коллегію предлагаетъ рассмотреть оное, и ежели коллегія найдетъ «начертаніе» сіе достаточнымъ и соответствующимъ ожиданію прямой пользы отъ поступанья по оному, или что найдетъ перемѣнить или прибавить, то всебы то сообразно благоразсужденію своему и благоволила бы утвердить его

впередъ до усмотрѣнія сдѣлать со стороны своей къ произведенію онаго въ дѣйство надлежащія распоряженія и кому слѣдуетъ предписанія; также и о самыхъ ученикахъ, въ тѣхъ школахъ нынѣ находящихся, учинить разсмотрѣніе, каковъ кто изъ нихъ по понятію и способности, дабы и ихъ сообразно тому распредѣлить относительно поступленія въ классы“.

Выслушавъ эту записку, медицинская коллегія приступила «съ поспѣшностію и вниманіемъ» къ дѣлу, тѣмъ болѣе что уже и прежде замѣчены случаи, которые требовали переимѣны въ образѣ и порядкѣ ученія, какъ о томъ изъяснено въ опредѣленіяхъ ея 3 января и 24 мая сего 1795 года, *во-первыхъ*, что всѣ предметы наукъ не постепенно, а вдругъ всѣмъ учащимся, безъ разбора ихъ способностей и успѣховъ на классы, преподаются; каковой образъ ученія, развлекая вниманіе на разные предметы совокупно, весьма затрудняетъ и препятствуетъ имъ въ достиженіи желаемыхъ успѣховъ. *Во-вторыхъ* ученіе часто останавливается по болѣзни профессоровъ, или по другимъ какимъ либо причинамъ, отвлекающимъ ихъ на нѣсколько времени отъ должности, а потому и курсъ наукъ иногда не оканчивается въ годъ. Слѣдственно пока сін училища останутся на такомъ положеніи, никогда не могутъ приносить пользы, соотвѣстной съ предметомъ столь важнаго заведенія. Въ разсужденіи чего коллегія предположила уже предъ симъ, на какомъ основаніи тѣ училища учредить и привести въ лучшее состояніе, чему и полный уставъ приготавливается. Но пока воспослѣдуетъ на то высочайшее разрѣшеніе и произведено будетъ въ дѣйствіе, нынѣ почла необходимо нужнымъ учредить въ тѣхъ училищахъ особенный, сообразный тому предположенію распорядокъ, дабы заблаговременно и постепенно можно было подходить къ приготавливаемому полному и общему постановленію училищъ. А какъ нынѣ наступаетъ октябрь мѣсяць, въ которое время по прежнему и преднамѣреваемому положенію должно начинать курсы наукъ, то дабы можно было успѣть къ тому времени съ установленіемъ новаго образа обученія и оное уже произвести въ дѣйствіе и приступила коллегія къ разсмотрѣнію выше сказаннаго «предварительнаго начертанія» должностей учащихся и учащихся, которое разсмотрѣвъ и присовокупивъ къ тому свои примѣчанія и табель, въ которые дни и часы преподавать каждый предметъ науки, призвала тогожь 27 августа въ присутствіе коллегіи здѣшнихъ медико-хирургическихъ училищъ профессоровъ и по прочтеніи того начертанія,

требовала отъ каждаго мѣнѣя, кабую всякъ для своего предмета наукъ избираеть систематическую книгу, по которой долженъ преподавать науки сообразно начертанію. А между тѣмъ осматриваны обще съ г. президентомъ коллегіи въ здѣшнихъ главныхъ госпиталяхъ сухопутномъ и морскомъ учебные театры, соотвѣтственны ли они сему новому учрежденію и найдены въ сухопутномъ анатомической, а въ морскомъ физической въ надлежащей исправности, хирургическаго же театра и лабораторіи для дѣланія химическихъ экспериментовъ нѣтъ. Почему назначивъ мѣста для хирургическаго театра и лабораторіи, препоручено гг. д-рамъ Валеріану и Тереховскому, подъ смотрѣніемъ ихъ за что слѣдовать будетъ за то денежной суммы, требовать оную изъ 1 экономической экспедиціи оныя устроить, снабдить лабораторію нужными инструментами и посудою и приготовить для преподаванія по сему новому образу наукъ. По учиненіи всего онаго утвердили показанное «Предварительное начертаніе должностей» и присовокупленную къ тому таблицу и подписавъ оныя августа 27 дня опредѣлено:

1) Съ означеннаго «Начертанія» и таблицы за скрѣпкою копіи препроводить нынѣ при указахъ въ медицинскую и здѣшнихъ главныхъ госпиталей конторы, также и ко всѣмъ профессорамъ, и по оному какъ имъ, такъ и учащимся съ наступающаго сентября мѣсяца начать курсы наукъ и чинить во всемъ предписанномъ надлежащее исполненіе и наблюденіе.

2) Медицинской конторѣ при московскомъ медико-хирургическомъ училищѣ театры осматрѣть и сообразно тому все учредить, а буде надобность потребуетъ что либо устроить, отнестись о томъ въ главный критсъ-комисаріатъ, а отъ медицинской коллегіи сообщить о семъ предварительно главному критсъ-комисаріату съ тѣмъ, чтобъ благоволилъ онъ съ своей стороны сдѣлать кому слѣдуетъ предписанія на случай таковаго требованія медицинской конторы о немедленномъ выполненіи онаго, дабы не послѣдовало въ чемъ либо остановки.

3) Распредѣливъ науки на три класса, учинить въ здѣшнемъ медико-хирургическомъ училищѣ, въ присутствіи членовъ той коллегіи и профессоровъ, а въ московскомъ такомъ же училищѣ, въ присутствіи членовъ медицинской конторы и профессоровъ, общее испытаніе въ успѣхахъ учащихся и смотря потому, кто въ которомъ классѣ можетъ продолжать свои науки, распорядить также и ихъ на три класса; а для учиненія таковаго же испытанія въ кронштадтскомъ училищѣ отрядить туда гг. членовъ Андреевскаго и Віена и кто каковъ изъ учащихся окажется на испытаніи и въ который

классъ назначенъ будетъ, прислать изъ всѣхъ тѣхъ училищъ въ коллегію списки.

4) Въ сходственность сего «Начертанія» должностей опредѣлить при московскомъ-хирургическомъ училищѣ профессора математики и физики для преподаванія сихъ наукъ и для того медицинской конторѣ избрать достойныхъ по знаніямъ, способностямъ и добропорядочному поведенію кандидатовъ, буде таковые не сыщутся изъ медицинскаго вѣдѣнія, то хоть изъ постороннихъ, и въ присутствіи оной конторы членовъ и профессоровъ назначить имъ пробныя лекціи тѣхъ наукъ, при слушаніи коихъ испытывать во всемъ пространствѣ ихъ знанія, и кто преимущественно предъ прочими окажется въ знаніи, о томъ въ коллегію представить для опредѣленія въ ту должность. А въ сходственность тогожъ опредѣлить здѣсь и въ Москвѣ при училищахъ, по числу профессоровъ и исправляющихъ ихъ должности, изъ медицинскихъ чиновъ *адъюнктовъ*, которые по испытаніи ихъ знаній и способности, на тотъ конецъ, какъ сказано въ «Начертаніи должностей», чтобъ дѣлали они посobie въ исправленіи должности профессорамъ и въ случаѣ ихъ болѣзни или законной надобности, отвлекающей ихъ отъ должности, преподавали учащимся науки, а между тѣмъ и сами старались приготавливать себя къ полученію званія и извѣщающаго открытій мѣста профессора. Въ случаѣ же не всѣ теперь найдутся въ состояніи поступить прямо въ званіе адъюнкта, то пока приготавливать себя къ тому, опредѣлить таковыхъ въ должность того званія. Для того каждому изъ профессоровъ и исправляющимъ должность ихъ здѣсь и въ Москвѣ избрать въ адъюнкты для своихъ предметовъ наукъ кандидатовъ изъ медицинскихъ чиновъ, достойныхъ по званію, способности и добропорядочному поведенію, и объ оныхъ представить въ коллегію.

5) Назначить въ годъ жалованья опредѣляемому въ должность профессора математики и физики при московскомъ училищѣ 800 р., а адъюнктамъ на первый случай по 300 р., съ тѣмъ, что со временемъ кто болѣе прилежности и знанія окажется, таковымъ дѣлать прибавку въ жалованьѣ. Поеликуже въ слѣдствіе поданнаго Е. И. В. отъ покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и главнаго надъ сею коллегією директора Ивана Федоровича Фитингофа доклада объ устроеніи на Аптекарскомъ островѣ хирургической школы состоялся въ 14 день мая 1789 года высочайшій Е. И. В. указъ, въ коемъ между прочимъ повелѣно оную школу устроить съ прибавленіемъ по надобности нѣкотораго числа учителей, употребя на учрежденіе сей школы и ея содержаніе потребныя деньги изъ суммъ медицинской коллегіи принадлежащихъ, то на основаніи сего высочайшаго Е. И. В. указа и производить въ годъ жалованье какъ профессору математики и физики, сколько назначено будетъ, такъ и адъюнктамъ по 300 р. изъ медицинской суммы.

6) Какъ при московскомъ училищѣ пѣтъ также особливыхъ профессоровъ для преподаванія хирургіи и акушерской науки и матеріи медикѣ, то меди-

цинской конторѣ для хирургіи и акушерской науки избрать кого либо изъ кандидатовъ и учинить имъ экзамень, также какъ сказано объ экзаменѣ для профессора математики и физики, а о матеріи медикѣ объявить профессорамъ химіи и пафологін, не согласится ли изъ нихъ кто либо оную науку совокупно съ своими предметами преподавать ¹⁾, съ прибавочнымъ въ годъ жалованьемъ по 400 р.; кто-же опредѣленъ будетъ для хирургіи и акушерствъ, тѣмъ назначить жалованья за каждую науку по 800 р. и обо всемъ о томъ представить въ коллегію.

7) Науки преподавать профессорамъ, впредь до разсмотрѣнія (преимущественно порусски), по системамъ Жакена химію изданія 1793 года ²⁾, Линнея ботанику Тереховскому ³⁾, Вольфа математику, Крафта физикку учителю Петрову ⁴⁾, Пленка анатомію ⁵⁾, Влюменбаха физиологію Карпнианскому ⁶⁾, Голе пафологію и терапію Гофману, Линнея матерію медици Конради ⁷⁾, слѣдуй порядку и расположенію Каллизена ⁸⁾, хирургію Салоловичу, Пленка повивальное искусство Конради же ⁹⁾. Впредь же въ общенъ собраніи съ почетными членами сей коллегіи имѣть разсужденіе, по какимъ системамъ преподавать науки и таковое положеніе утвердить; притомъ какія книги одобрены будутъ, оныя навсегда съ иностранныхъ на російскій языкъ переводить и печатать, и какъ оныя, такъ и нужные хирургическіе инструменты учащимся отпускатъ изъ медицинской коллегіи, за которые что слѣдовать будетъ, вычитатъ изъ получаемого ими жалованья по третью года».

О чемъ куда слѣдуетъ послать указы. Спб. августа 31 дня 1795 года».

¹⁾ Учебникомъ предлагалось Plenck, Jos. *Anfangsgründe der Geburtshilfe* Wien, 1786.8.—*Начальныя основанія повивальнаго искусства*. Москва, 1796.8.

²⁾ I. F. Jacquin, *Elementa chemiae universae et medicae*. Viennae Aestriacae. 1793.8. Linnaeus Carol. *Genera plantarum, eorumque characteres naturalis secundum numerum, figuram, situm et proportionem omnium fructificationis partium*. Francfurti ad Moenum. 1778.8.

³⁾ Крафтъ, *Краткое начертаніе физики*. Перевелъ съ французской рукописи профессора Крафта Гавр. Шпрокой Спб. 1787.8.

⁴⁾ Пленкъ Юскѣвъ Яковъ. *О строеніи частей человѣческой тѣла или первая черты анатоміи*. Москва 1796.8.

⁵⁾ Plenck. Jos. Jac. *Erster Umriss der Zergliederungskunst des menschlichen Leibes*. Wien 1788.8.

⁶⁾ Blumenbach Joh. *Anfangsgründe der Physiologiae*. Wien 1795.8. Влюменбахъ П. Фр. *Физиологія или наука о естествѣ человѣческомъ*. Москва, 1796.8.

⁷⁾ Linnæi Car. *Materia medica*. Editio quarta auctior curante J. C. D. Schrebero. Lipsiae et Erlangae. 1782.8.

⁸⁾ Callisen Henr., *Grundsätze der heutigen Chirurgie*. Wien 1786.8 Callisen Henr., *Systema chirurgiae hodiernae, in usum publicum et privatam adornatum*. Hafniae 1788.8. 2 тома.

ГЛАВА XV.

Предварительное постановление о должностяхъ учащихся и учащихся (профессоровъ и адъюнктовъ). Указъ о постройкѣ здания для с.-петербургской медико-хирургической академіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что и представленіе членовъ медицинской коллегіи С. Андреевскаго и Я. Салоловича о преобразованіи и улучшеніи медицинскихъ училищъ и одобреніе этого представленія коллегією основывались на тѣхъ данныхъ, которыя привезены были профессорамъ Шумлянскимъ и Тереховскимъ изъ за границы. Доказательствомъ служить то, что указанныя ими новыя мѣры къ улучшенію училищъ слишкомъ смѣлы и обширны, очень дороги въ исполненіи и совершенно не обычайны, какъ напримѣръ выдача лѣкарямъ докторскихъ дипломовъ отъ самой медицинской коллегіи, безъ особаго экзамена, кромѣ диссертациі, а между тѣмъ приняты безпрекословно и стали исполняться почти безъ затрудненій. Очевидно, эти мѣры предварительно были обсужены, доложены барону Васильеву и одобрены имъ, и тогда уже облечены въ официальную форму коллежскихъ постановленій. Очевидно также, что баронъ Васильевъ уже уполномоченъ былъ императрицею привести ихъ въ исполненіе, хотя не получилъ еще на то именнаго указа. Онъ самъ говоритъ въ запискѣ на имя коллегіи, что откладывать дѣла не зачѣмъ, что сперва надобно сдѣлать особенный (т. е. совершенно новый) «распорядокъ въ образѣ ученія», составить полный уставъ для училищъ и потомъ уже, если все выйдетъ хорошо и «предварительное начертаніе» оправдается, тогда уже войти съ особеннымъ докладомъ къ императрицѣ объ узаконеніи и закрѣпленіи дѣла. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ были слѣдующія: во первыхъ, установленіе сроковъ ученія для полного курса его и сроковъ учебныхъ экзаменовъ; во-вторыхъ укомплектованіе кафедръ надежными профессорами, сообразно съ специальною подготовленностію cadaго изъ нихъ; въ третьихъ учрежденіе новыхъ преподавательскихъ силъ, подъ названіемъ адъюнктовъ при каждой кафедрѣ, въ помощь профессорамъ и на случай временнаго отсутствія послѣднихъ; въ четвертыхъ наконецъ установленіе вы-

борнаго начала при опредѣленіи на преподавательскія должности, начала прежде не бывалаго въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ однѣ изъ этихъ мѣръ представляли только продолженіе и улучшеніе старыхъ порядковъ; другія же были совершенно новы и кореннымъ образомъ упраздняли и замѣняли собою старые порядки. Особенно важны были мѣры втораго разряда, т. е. установленіе адъюнктуръ, какъ по неизбѣжности новыхъ и весьма значительныхъ денежныхъ затратъ, которыя должны были войдти въ штатный бюджетъ училищъ, такъ еще болѣе по введенію выборнаго начала въ опредѣленіе профессоровъ и адъюнктовъ. Каждое медицинское училище признавалось и становилось самостоятельнымъ живымъ корпоративнымъ организмомъ; обязаннымъ и способнымъ, безъ посторонней помощи, поддерживать, охранять и подновлять отдѣльные органы своего живаго тѣла, но съ полною нравственною отвѣтственностью за благосостояніе и преуспѣяніе его. Каждое медицинское училище отнынѣ должно было стать независимымъ и въ учебномъ отношеніи подновляться и управляться само собою, чего прежде никогда не бывало. По этой-то причинѣ и надобно полагать, хотя объ этомъ нигдѣ не говорится, что мысль такого-именно преобразования, заимствованнаго изъ за границы и напоминавшаго тамошніе университетскіе порядки, внесена въ намъ Шумлянскимъ и Тереховскимъ, а потомъ разработана членомъ коллегіи С. Андреевскимъ и усвоена барономъ А. И. Васильевымъ. Всѣ эти мѣры, взятыя вмѣстѣ, какъ одинъ цѣльный правительственный актъ, на официальномъ языкѣ носили названіе «Предварительнаго постановленія о должностяхъ учащихъ и учащихся» и подъ этимъ названіемъ вошли во всѣ дальнѣйшія распоряженія по учебно-медицинской части. Вотъ полное изложеніе этого «Предварительнаго постановленія»:

«Предварительное постановленіе о должностяхъ учащихъ и учащихся, до воспослѣдованія полнаго для врачебныхъ училищъ устава», какъ сказано выше, составлено было тѣми же лицами, которыя составляли общія правила для улучшенія медицинскихъ училищъ. Въ письмѣ барона Васильева медицинской коллегіи сказано, что написано оно по его порученію и по его же порученію передано и на разсмотрѣніе коллегіи. По мысли барона Васильева это былъ—предварительный уставъ для училищъ, но пока еще только проектированный, а не окончательно обработанный. Мало того. Въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ барону Васильеву, онъ исключительно

посвященъ былъ только учебной части медицинскихъ училищъ, или просто изложенію обязанностей учебнаго персонала, не касаясь ни штатовъ, ни хозяйственнаго устройства медицинскихъ училищъ. Представить его на высочайшее утвержденіе предполагалось не скоро, и именно тогда только, когда всѣ нововведенія въ училищахъ были бы уже исполнены и оказались вполне пригодными и удовлетворительными. Вотъ его дословное изложеніе:

«Предварительное постановленіе о должностяхъ учащихся и учащихся, до воспослѣдованія полнаго для врачебныхъ училищъ устава.

Должности профессоровъ суть двоякія, общія и частныя. Общія должности профессоровъ, предписующія связь и порядокъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Великому вниманію подлежитъ наипаче то, чтобы отнюдь профессеры не слишкомъ въ раздробленіе вступали. Буде изъясняется то, о чемъ другіе писали, должно сказано быть кратко. Мало тотъ профессоръ принесетъ ученикамъ своимъ пользы, который прочитывать передъ ними станетъ великое сочиненій собраніе. Чтобы воспользоваться оныхъ выборомъ, можно и въ маломъ числѣ писаній обрѣсти неписанныя и главныя науки положенія. Впрочемъ надлежитъ всецѣло удалаться отъ бесполезныхъ обширностей и отступленій, каковыя позволяютъ себѣ профессеры, худой планъ начертавшіе. Строго взыскиваемо будетъ, чтобы вошли они въ добрый порядокъ и убѣгая излишностей, предлагали наставленія свои краткими и яснымъ словомъ къ пользѣ учащихся, коимъ и безъ того краткое время на изученіе остается.

2) Начавъ курсъ наукъ съ 1 сентября, продолжать безъ всякаго упушенія чрезъ цѣлый годъ по 10 августа по систематической книгѣ, утвержденной медицинскою коллегіею, и въ теченіи сего времени каждый профессоръ непременно обязанъ расположенный порядокъ ученія кончить.

3) Каждый профессоръ, преподавая ученіе въ положенные дни и часы, по приложенной при семъ таблицѣ, долженъ располагать такимъ образомъ, чтобы послѣдній день каждой недѣли изъясненію подлежащая матерія продолжаема была токмо чрезъ одну часть, а другой оставляется на испытанію или повтореніе прошедшихъ лекцій, каковое постановленіе, во первыхъ, возбуждая соревнованіе въ непрілежныхъ, принудитъ ихъ все профессоромъ сказанное принимать и содержать въ памяти; во вторыхъ получаютъ они навыкъ изъяснять свои мысли ясно и вразумительно; въ третьихъ ежели профессоръ примѣтитъ, что большая часть учащихся недовольно еще выразумѣла изъясненный имъ предметъ, кратко изъясненіе возобновляетъ. Сими образомъ должны профессеры направлять свое ученіе и съ точностію онаго держаться.

4) Поеліку профессорамъ достоинства учащихся во всякомъ отношеніи извѣстны, то и должны представлять рѣшительное о каждомъ изъ нихъ разсужденіе, а потому каждый профессоръ по данному уже отъ коллегіи наставленію обязанъ вести протоколъ учащихся по своей части, въ которомъ означать каждого юноши прилежность, способность и успѣхи, равно и тѣхъ, кои суть неприлежны, нерадивы или вовсе къ наукамъ непонятливы.

5) Должность профессоровъ не только состоитъ въ обученіи юношества наукамъ, но и въ наставленіи его благоправію, человѣколюбію и состраданію къ удрученному болѣзнями человѣчеству. Любовь и привязанность должны они снискивать кротостію и ласковымъ обхожденіемъ и въ случаѣ погрѣшности ихъ, при изъявленіи своего неудовольствія, отнюдь не употреблять поносныхъ выраженій, но исправлять тихими и благоразумными увѣщаніями, ибо гнѣвъ и неблагоразумная горячность не суть средства къ исправленію худыхъ нравовъ, а притомъ напоминать здѣсь и то, чтобы въ присутствіи учащихся ученія другаго профессора ни подъ какими видами не порочить.

6) При открытыхъ и частныхъ испытаніяхъ профессора столь обширной науки изъ всѣхъ, столь многихъ и важныхъ вопросовъ, во всякомъ случаѣ предпочитать должны такіе, кои наиболѣе важны и изъ всѣхъ вещей наиболѣе занимать обязаны тѣми, кои необходимы, нужны и полезны человѣческому роду.

7) Наконецъ должны вѣдать профессора, что медицинская коллегія съ своей стороны прилежнѣйшія дѣлать будетъ наблюденія, чтобы они все время своей должности не возлагали на своихъ адъюнктовъ, и отъ оной подъ разными видами не уклонялись, ибо медицинская коллегія во всякомъ отношеніи къ выполняемой ими обязанности безъ замѣчанія и взысканія оставлять не будетъ.

Должности къ профессорамъ частію относящіяся. 1) *Должность профессора математики и физики:* а) по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 9 поутру и по полудни отъ 4 часовъ продолжая по 1 января, долженъ изъяснить тѣ части математики, кои наиболѣе въ физику и врачебную науку влеченія имѣють.

б) Окончивъ лекцію назначаетъ учащимся математическія задачи, которыя они, рѣша дома, при слѣдующей лекціи вручаютъ ему на разсмотрѣніе. с) Окончивъ ученіе экспериментальной физики съ 1 января, по тѣмъ же днямъ по полудни 4 часа продолжать оное по 10 августа.

2) *Должность профессора химіи и ботаники:* а) ученіе химіи преподавать должно четыре дни въ недѣлю, по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботахъ, отъ 9 часовъ утра въ физическомъ театрѣ, а ботаническія лекціи по тѣмъ же днямъ отъ 6 часовъ по полудни въ химическомъ театрѣ. Начиная ученіе химіи съ 1 сентября продолжать до послѣднихъ чиселъ марта. Здѣсь наипаче наблюдать долженъ профессоръ, чтобы по первона-

чальною наставленіи слушателей своихъ въ теоріи, производилъ онъ предъ глазами ихъ дѣйствія того предмета на опытахъ, о которомъ говорилъ имъ предъ тѣмъ на словахъ, изъясняя обстоятельно происходящія при томъ явленія и причины. с) Пять послѣднихъ мѣсяцовъ собственно остаются для ботаники. Въ продолженіе апрѣля, изъяснивъ философію ботаническую, все прочее время употребляетъ на описаніе и показаніе растений, находящихся въ ботаническомъ саду, каждаго порознь. d) Всемѣрно стараться долженъ объ умноженіи растений въ ботаническомъ саду, располагая по системѣ Линнея подъ нумерами, соответствующими написаннымъ ежегодно при наступленіи весны каталогѣ, съ котораго учащіеся ботаникѣ, списавъ точныя копии, могли бы при входѣ въ свободное время въ ботанической садъ употреблять въ свою пользу. e) Опредѣляется профессору одинъ день въ недѣлю на выходъ съ своими слушателями въ поле для герборизаціи.

3) *Должность профессора анатоміи и физиологіи.* а) Анатомическія и физиологическія наставленія обязанъ дѣлать четыре дни въ недѣлю, отъ 4 часовъ послѣ полудня, исключая понедѣльникъ и четвергъ. б) При возобновленіи каждаго курса, начиная остеологию, долженъ ученіе располагать такимъ образомъ, чтобы всѣ части анатоміи по 1 апрѣля на развѣтыхъ трупахъ непремѣнно показаны и изъяснены были, не прерывая отнюдь анатомическаго порядка. Но какъ анатомическое ученіе преслѣдуютъ многія противоположенія въ разсужденіи распредѣленія другихъ частей врачебной науки, то и предписаніе профессору анатоміи правилъ, что въ которомъ мѣсяцѣ объяснять долженъ, не имѣетъ мѣста. Впрочемъ при недостаткѣ мертвыхъ тѣлъ долженъ заниматься изъясненіемъ физиологіи тѣхъ особенно частей анатоміи, кои уже на самомъ дѣлѣ показаны были. с) Въ продолженіи другой половины года изъясняетъ физиологію во всей ея подробности, которая не только словами, но и произведеніемъ физиологическихъ опытовъ надъ живыми скотами сопровождаться долженствуетъ. d) Не только обязанъ наблюдать за анатомическимъ кабинетомъ, но еще съ возможнымъ усердіемъ и трудолюбіемъ умножать оный собственнаго произведенія препаратами, подражая въ томъ знаменитымъ анатомикамъ Рюйшу и Либеркину, и когда сдѣлано имъ будетъ нѣсколько таковыхъ, которые превосходствомъ своимъ препаратамъ оныхъ анатомиковъ не уступаютъ, опредѣляется за то достойное награжденіе. e) Общая польза и самое любочестіе профессора требуютъ, чтобы онъ собственнымъ примѣромъ возбуждалъ въ учащихся охоту къ развѣтлю мертвыхъ тѣлъ и упражненію въ дѣланіи подобныхъ препаратовъ. Обращающій на себя вниманіе для возбужденія другихъ, не только подъ именемъ трудившагося въ кабинетѣ помѣщенъ будетъ, но и положенную отъ медицинской коллегіи получить онъ награду. Упражненіе въ семь дѣлъ особливо принадлежитъ до тѣхъ, кои сдѣлавшись отличными въ наукахъ, остаются при училищѣ еще на два года для полученія лѣкарскаго званія.

f) При разязтіи мертвыхъ тѣлъ, когда откроется что любопытное, нигдѣ еще не описанное, или хотя въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и упоминаемое, но весьма рѣдко и въ просвѣщеніи врачебныя науки служащее, такой предметъ срисовавъ съ натуры чрезъ находящагося при училищѣ рисовальнаго учителя и описавъ подробнѣйшимъ образомъ, буде обстоятельства позволяютъ, облить спиртомъ или выдѣлать въ сухомъ видѣ и хранить въ анатомическомъ кабинетѣ.

4. *Должность профессора матеріи медики и знаніе писать рецепты.* а) По понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 9 часовъ утра сіи части преподаваемы быть должны въ хирургическомъ театрѣ. Изяснивъ дѣйствія лѣкарствъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы, приступаютъ къ наставленію писать рецепты.

5. *Должность профессора патологіи и терапіи.* а) Преподаваніемъ патологіи и терапіи, исключая понедѣльникъ и четвергъ, профессоръ занимается обязанъ четыре дни въ недѣлю отъ 11 часовъ до полудни въ анатомическомъ театрѣ. Возобновляя курсъ ученія, обыкновенно начинаетъ оный патологіею, продолжая по 1 февраля; пройдя предыдущую часть, приступаетъ къ наставленію учащихся въ терапіи по 10 августа. с) Чрезвычайной пользы ожидать можно, если профессоръ, наставляя учащихся въ терапіи, по крайней мѣрѣ въ самыхъ трудныхъ и важныхъ болѣзняхъ изяснять будетъ ученіе при постеляхъ болящихъ, имѣя особенную палату, называемую обсервационною, что весьма легко и удобно при главныхъ госпиталяхъ исполнить можно. Сему положенію непремѣнно слѣдовать должно, ибо оно есть единое средство образоватъ молодыхъ людей искусными врачами и безъ сомнѣнія удовлетворитъ въ полной мѣрѣ, когда юноши, одаренные природною остротою и прилежностію, хотя чрезъ краткое время почерпнуть будутъ при наставникѣ изъ книги природы тѣхъ болѣзней явленія и слѣдствія, которыя предъ тѣмъ на словахъ токмо сказаны были. б) Отъ преподаванія лекцій въ театрѣ имѣетъ свободу тогда, когда полное наставленіе дѣлаетъ при постелѣ болящаго. е) Если больной померъ, долженъ профессоръ учащимся въ рѣдкихъ и трудныхъ болѣзняхъ изяснять тѣ главные пункты, на которые при открытіи тѣла паче всего вниманіе обратить должно.

6. *Должность профессора хирургіи.* а) Для преподаванія хирургическихкихъ лекцій опредѣляются вторникъ, среда, пятница и суббота, отъ 4 часовъ по полудни. б) Приступая къ операціи надъ мертвымъ тѣломъ, во первыхъ дѣйствию оной предшествовать должна обстоятельная теорія, безъ которой ни единая надъ мертвыми тѣлами операція производима быть не можетъ. Показавъ самымъ дѣломъ производство оной, буде время и обстоятельства позволяютъ, для лучшаго въ сей части утвержденія, учащіеся собственными руками къ повтореніямъ допускаются. с) Профессоръ великое при семъ случаѣ вниманіе обращать долженъ на способности, склонность и твердость

духа каждаго учащагося, яко на такія качества, которыя не многимъ свойственны и потому рѣдкіе къ себѣ наукѣ охотно прилѣпляются. д) Дѣлая надъ большими въ хирургическомъ театрѣ операціи, наблюдать тишину и чело-вѣколюбіе, во время которой находясь по своимъ мѣстамъ учащіеся со вниманіемъ принимаютъ дѣйствія своего профессора. Предъ началомъ операціи, разумѣя въ отсутствіи больного, изъясняетъ профессоръ собравшимся въ театрѣ ученикамъ краткими словами силу, важность и самыя орудія, къ оной принадлежащія. е) Июнь и июль препровождать въ наставленіи перевязочному искусству на чучелахъ.

7) *Должность профессора повивальной науки.* а) Наставленія въ акушерскомъ искусствѣ преподаваемы быть должны четыре дни въ недѣлю отъ 11 часовъ до полудни, выключая понедѣльникъ и четвертокъ, въ хирургическомъ театрѣ. б) Показавъ подробнымъ образомъ части рождающія, рождаемыя, воздоющія и предшествующую въ повивальномъ искусствѣ теорію, изъясняетъ учащимся всѣ самонамѣнныя ручныя дѣйствія и трудности, какъ отъ стороны матерней, такъ и отъ стороны младенца. в) Разныя орудія, къ повивальному искусству относящіяся, чучелы, изобрѣтенныя машины, употребляемыя при наставленіи учащихся въ повивальной наукѣ, имѣеть въ своемъ смотрѣніи.

8) *Учитель рисовальной искусства* рисовальнымъ искусствомъ занимается по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 11 ч. до полудни.

О *должностяхъ адъюнктовъ.* Адъюнкты, по обстоятельствамъ нужды въ качествѣ помощниковъ опредѣляемые, выбираются: 1) обладающіе даромъ слова въ изъясненіи своихъ мыслей; 2) имѣющіе способность, склонность и совершенные успѣхи въ той наукѣ части, для которой каждый опредѣляется; 3) при выборѣ и назначеніи къ сію должность крайне надлежитъ взирать и на нравственныя качества, какъ на такія свойства, которыя для учителя необходимы.

Предметъ, для котораго каждому профессору опредѣляется адъюнктъ, въ томъ состоитъ, чтобы

1) Въ случаѣ дѣйствительной болѣзни или отлучки своего профессора вступалъ въ отправленіе его должности, слѣдовалъ далѣе начертанному имъ ученія порядку, не входя въ особенныя и новыя разсужденія. Ежели состояніе болѣзни профессора позволяетъ, о подлежащей изъясненію матеріи ежедневно увѣдомлять его долженъ, принимая отъ него обстоятельное наставленіе и оному слѣдуетъ. Профессоръ, при вступленіи паки въ свою должность, повѣривъ всѣ своего помощника дѣла, примѣченныя имъ недостатки дополняетъ собственнымъ изъясненіемъ, что замѣтить можетъ изъ учиненнаго испытанія, наблюдая ту предосторожность и скромность, чтобы учащіеся къ его помощнику не потеряли той довѣренности, которая для нихъ и для самаго профессора необходима;

2) Чтобы, пребывая безотлучно при преподаваемыхъ наставленіяхъ, облегчали труды профессоровъ въ то время, когда, для невыразумѣвшихъ, изъясняемаго предмета нужно будетъ повтореніе или частное испытаніе. Профессоры могутъ иногда заставить его и самыя лекціи преподавать. Сіе тѣмъ нужнѣе, чтобъ профессоръ его лучше видѣлъ и способности.

3) Чтобы каждый, посѣщая учащихся своего класса, наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и упражненіемъ, вручая профессору ежемѣсячно обстоятельную записку.

4) Чтобы каждый адъюнктъ на открывшееся своего профессора мѣсто непременно опредѣляемъ былъ, когда онъ въ исправленіи порученной ему должности исправнымъ и рачительнымъ находился, и когда онъ дѣйствительно одаренъ тѣми качествами, которыя для профессора необходимы и сдѣлалъ важное сочиненіе, заслуживающее быть преданнымъ тисненію. Впрочемъ при вступленіи въ новую должность долженъ еще оставаться чрезъ цѣлый годъ экстраординарнымъ профессоромъ, по окончаніи котораго буде со стороны египикакихъ недостатковъ или упущенія примѣчено не будетъ, утверждается штатнымъ профессоромъ, а въ противномъ случаѣ назначаются кандидаты, но не лишаются и они права быть въ числѣ оныхъ, ежели важныхъ за собою пороковъ не имѣютъ.

Объ избраніи профессоровъ. Предварительное постановленіе объ избраніи профессоровъ предложено медицинской коллегіи президентомъ ея Зиновьевымъ 24 сентября 1795 года отъ его имени, но составлено по всей вѣроятности тѣми же членами коллегіи, которые по порученію барона Васильева составили все остальное «предварительное постановленіе». Оно выражено въ слѣдующемъ предложеніи:

«Самое первое врачебнаго училища основаніе есть выборъ профессоровъ, который происходить долженъ съ великимъ вниманіемъ и осторожностью, ибо чрезъ то училище восходить до цвѣтущаго состоянія, учиниться можетъ славнымъ и являються совершенные успѣхи учащихся, а потому опредѣляемый профессоромъ слѣдующими качествами одаренъ быть долженъ: 1) имѣть основательное той науки знаніе, къ преподаванію которой назначается; 2) обладать даромъ слова въ изъясненіи своихъ мыслей, что при обученіи необходимо нужнымъ почитается; 3) испытанъ въ благонравіи и прилежаніи къ своей должности; 4) знать совершенно русскій языкъ для точнаго и вразумительнаго выраженія своихъ на ономъ мыслей при преподаваніи ученія; въ случаѣ же самой необходимости, когда такового отыскать будетъ невозможно, допускается знающій основательно латинскій языкъ, на которомъ обязанъ будетъ преподавать чрезъ три года, въ продолженіи коихъ долженъ изъучиться русскому языку.»

«Но чтобы всѣ качества избираемаго къ профессорской должности во всей

*

точности и строгости изслѣдованы быть могли, подвергается быть долженъ испытанію ученаго собранія слѣдующимъ образомъ:

1) Ученымъ и важнымъ сочиненіемъ по той самой части, къ преподаванію которой избирается, наблюдая однакоже ту осторожность, дабы приемлемый профессоромъ за свое сочиненіе не представилъ умопроизведенія другаго; почему, для разрѣшенія сомнѣнія, представившій такое сочиненіе обязанъ защитить, при окончаніи, слѣдующія испытанія.

2) По пятидневноиъ и самомъ послѣднемъ сроку, даваемомъ ему для приготовления себя о заданномъ предметѣ къ публичной лекціи, извѣщаетъ оную изустно въ полномъ ученоемъ собраніи.

3) Третій родъ испытанія состоитъ въ томъ, чтобы по окончаніи данной лекціи производить оную письменными вопросами, предварительно ученымъ собраніемъ сочиненными, на кои кандидатъ отвѣтствуетъ словесно. Вопросы сіи такъ составлены быть должны, чтобы содержали въ себѣ цѣлость науки, которая единственнымъ испытанія предметомъ.

4) Удовлетворившій желанію ученаго собранія, присутствовавшего при его лекціи, опредѣляется еще экстраординарнымъ профессоромъ на цѣлый годъ, по окончаніи коего, буде со стороны его ученія и нравственныхъ качествъ недостатковъ или упущенія примѣчено не будетъ, утверждается штатнымъ профессоромъ. Въ противномъ же случаѣ, ежели важныхъ за собою пороковъ не имѣетъ, для лучшаго убѣжденія и совершенной въ сомнительномъ дѣлѣ развязки, оставляется еще въ прежнемъ положеніи на годъ, въ теченіи котораго совершается уже отчужденіе отъ порученной ему должности, или при оной утверждается ».

« При выборѣ профессоровъ несравненно лучше назначать двухъ или трехъ кандидатовъ. Если въ ученоемъ собраніи произойдетъ несогласіе, оно рѣшится долженствовать превосходствомъ шаровъ. Дѣла и опыты доказываютъ, что профессора врачебныхъ училищъ, преподавая чрезъ нѣсколько лѣтъ ученіе одной части, опредѣляются иногда къ другой, не имѣя на то никакого постановленія, на какомъ основаніи оному быть должно. Обстоятельство сіе требуетъ также разсмотрѣнія и точнаго положенія, дабы тѣмъ самымъ приблизиться къ порядку и общей пользѣ, отъ онаго происходящей. Порядокъ такого положенія долженъ состоять въ слѣдующемъ: ежели профессоръ, объявившій желаніе къ преподаванію ученія другой части, въ настоящей своей должности доказалъ опытами свое знаніе, прилежность, способность извѣщать свои мысли, опредѣляется быть долженъ съ таковымъ условіемъ, чтобы нѣкоторое время состоялъ подъ наблюденіемъ коллегіи, не будучи утвержденъ въ новой должности ».

Медицинская коллегія утвердила это постановленіе, прибавивъ только, что еслибы кто изъ наличныхъ профессоровъ пожелалъ оста-

вить службу, то онъ долженъ увѣдомить объ этомъ за три мѣсяца до окончанія учебнаго курса, дабы не произошло остановки въ ученіи. Коллегія повидимому опасалась, разсылая это постановленіе, что большая часть налчныхъ профессоровъ оставятъ училища по незнацію русскаго языка: но опасенія ея скоро разсѣялись, когда объявлено было, что настоящее постановленіе относится только къ новымъ профессорамъ, которые впредь будутъ псать профессуры, а не примѣняться къ нынѣшнимъ налчнымъ профессорамъ.

Раздѣленіе учениковъ на три класса, въ которомъ описываются ихъ должности и качества, 1) Поелнку врачебная наука сама по себѣ есть весьма пространна и ко изученію многотрудна, почему въ училища тѣ токмо принимаемы будутъ, кои съ самыхъ юныхъ лѣтъ, прилнясь къ словеснымъ наукамъ, оказали дѣйствительные успѣхи и природныя дарованія, засвидѣтельствованныя письменно отъ ихъ учителей и при испытаніи окажутся не ложными.

2) Желаютіе обучаться на казенномъ содержаніи принимаемы будутъ предъ началомъ и окончаніемъ курсовъ.

3) Раздѣля на три класса учащихся, вступающіе вновь въ училища юноши *въ первый годъ* обучаться обязаны математикѣ, физикѣ, химіи, ботаникѣ, анатоміи и физиологіи; *во второй годъ*, повторяя физику, химію, ботанику, анатомію и физиологію, присоединяютъ къ нимъ матерію медіку, знаніе псать рецепты, патологию и терапію; *въ третій годъ*, возобновляя ученіе патологіи, терапіи и ботаники, присовокупляютъ хирургию, а по понедѣльникамъ и четвергамъ упражняются въ препарованіи собственными руками на мертвыхъ тѣлахъ въ черной анатоміи.

Никто изъ учащихся принуждаемъ не будетъ къ ученію рисовальнаго искусства; но имѣющіе токмо къ оному охоту и склонность въ положенные дни и часы заниматься могутъ.

4) По окончаніи курсовъ, въ присутствіи членовъ медицинской коллегіи, ежегодно подвергаться будутъ всеобщему испытанію чрезъ четыре дня, при которомъ оказавшіеся хорошихъ успѣховъ переводимы будутъ изъ перваго класса во второй, а изъ втораго въ третій и т. д., а слабые оставляемы будутъ въ прежнихъ классахъ еще на годъ, съ тѣмъ что ежели въ сіе время не окажутся надлежащихъ успѣховъ и ежели оныя прерываемы не были долговременною болѣзною, исключаемы будутъ изъ училища, какъ юродивые или неспособные къ наукамъ.

5) По окончаніи послѣдняго курса, успѣвшіе изъ нихъ производимы будутъ въ подлѣкари, а отличные получать и положенную награду. Но дабы талантамъ, великой прилежности и совершеннымъ въ наукахъ успѣхамъ не сдѣлать

преграды, въ отличіе предъ всѣми прочими оставляемы будутъ при училищѣ еще на два года, на такомъ основаніи, чтобы на четвертый годъ, обучааясь повивальному искусству, съ которымъ соединять должны наставленіе хирургіи, и сдѣлавшись по экзамену достойными званія кандидатовъ хирургіи, занимались:

а) лѣченіемъ болящихъ подъ наблюденіемъ госпитальнаго доктора и штабъ-лѣкаря чрезъ цѣлый годъ.

б) Всякій кандидатъ долженъ сдѣлать не менѣе четырехъ надъ мертвымъ тѣломъ важныхъ операцій и два анатомическіе препарата, за сдѣланіе копъ съ надлежащимъ стараніемъ опредѣляется пристойная награда въ то время, буде оны заслужатъ быть помѣщеннымъ въ анатомическомъ кабинетѣ.

в) Каждый кандидатъ понеѣдельно обязанъ быть дежурнымъ при обсервационной палатѣ съ двумя третьеклассными учениками и класть на бумагу профессора клиники наблюденія, вести записку всѣмъ таковымъ примѣчаніямъ, выполнять дѣлаемые имъ предписанія и чинить повѣренныя имъ изслѣдованія и опыты, ибо наблюдательный протоколъ, веденный въ теченіи болѣзни, послужитъ къ соединенію понятій и неложному уразумѣнію причинъ послѣдовавшей смерти.

д) По окончаніи года, ежели предписанную имъ должность выполняли въ самой точности и важныхъ не имѣютъ за собою пороковъ бывъ произведены лѣкарями, тройкое имѣютъ преимущество предъ прочими: 1) употребляемы будутъ къ важнымъ должностямъ и опредѣляемы на выгоднѣйшія мѣста; 2) выслуживъ пять лѣтъ въ званіи лѣкарскомъ, по сочиненіи диссертациі, защищенной въ медицинскоіи коллегіи и удостоенной къ напечатанію, безъ всякаго другаго испытанія производимы будутъ въ докторы; 3) ожидать могутъ опредѣленія въ адъюнкты и быть со временемъ настоящими профессорами.

б) Строго наблюдаемо будетъ, чтобы учащіеся, выключая болѣзненные припадки, не оставляли лекцій и въ училищные театры приходили предъ началомъ опредѣленнаго времени, дабы позднимъ приходомъ во первыхъ не могли прерывать ученія своего учителя, во вторыхъ не отвлекали вниманія слушателей отъ ученія и въ третьихъ не лишались и сами начала лекціи, ибо для приходящихъ поздно послѣдующее оной изъясненіе покажется темнымъ и не вразумительнымъ.

7) Обучившіеся въ другихъ училищахъ нѣкоторымъ частямъ врачебныя науки съ успѣхомъ, засвидѣтельствованнымъ письменно, буде пожелають быть опредѣленными на казенномъ содержаніи, по учиненіи испытанія, допускаются къ слушанію тѣхъ лекцій, въ которыхъ или мало или никакого еще знанія не имѣютъ.

При первоначальномъ новыхъ правилъ и новаго распредѣленія постановленія, желаемое дѣйствіе врачебныхъ училищъ конечно въ одинъ годъ послѣдовать не можетъ; на то потребно время, терпѣніе и раченіе, къ чему вызы-

ваются и профессора, каждый по своей части, дабы медицинская коллегія, труды ихъ приложя къ своимъ трудамъ, современемъ могла совершеннѣйшій всему устроить порядокъ. 17 августа 1795.

Утвердивъ это «предварительное постановленіе», баронъ Васильевъ употреблялъ всѣ успія какъ можно скорѣе привести его въ исполненіе, съ тѣмъ чтобы по испытанію на дѣлѣ превратить его въ окончательное и утвердить въ законодательномъ порядкѣ. Но по самой сущности дѣла, его нельзя было исполнить скоро: «требовалось время, терпѣніе и раченіе: требовалось сочувственное содѣйствіе профессоровъ, какъ высказано въ заключительномъ опредѣленіи медицинской коллегіи, и наконецъ требовалось непрерывное содѣйствіе самой коллегіи. Но такъ какъ эта послѣдняя, по самымъ формамъ своего дѣлопроизводства, вынуждена была терять много времени, то баронъ Васильевъ поручилъ одному президенту коллегіи В. Зиновьеву (тайному совѣтнику) лично завѣдывать всѣми медицинскими училищами, а не всей коллегіи, обязавъ его въ важныхъ только и исключительныхъ случаяхъ доводить дѣла до ея свѣдѣнія (8 октября 1795). А такъ какъ училищъ было четыре (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кронштадтѣ и Елисаветградѣ) и притомъ находились они въ отдаленіи одно отъ другаго, такъ что одному президенту коллегіи трудно было наблюдать за ними, то А. Н. Васильевъ признавъ необходимымъ опредѣлить въ медицинскую коллегію вице-президента (помощника президента), на тѣхъ же основаніяхъ какъ существовали вице-президенты въ другихъ коллегіяхъ. Онъ обязанъ былъ жить въ Москвѣ и председательствовать въ тамошней медицинской конторѣ, а въ тоже время наблюдать за московскимъ медицинскимъ училищемъ. Въ должность вице-президента коллегіи назначенъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Абрамъ Степановичъ Волковъ.

Вступивъ въ должность председателя московской медицинской конторы, А. Волковъ нашелъ только одного члена ея, штатъ-физика доктора Зандена, между тѣмъ какъ контора завалена была работою и одному штатъ-физику невозможно было управиться съ дѣлами. Волковъ представилъ объ этомъ медицинской коллегіи и просилъ опредѣлить въ московскую медицинскую контору третьяго члена, «для успѣшнѣйшаго исполненія дѣлъ». Онъ сослался на то, что и во врачебныхъ управахъ состоить по три члена, между тѣмъ какъ въ медицинской конторѣ гораздо больше дѣлъ, чѣмъ въ управахъ, а

членовъ только два. Медицинская коллегія утвердила это представленіе и назначила третьимъ членомъ штабъ-лѣкаря надворнаго совѣтника Дмитрія Павловскаго (10 августа 1797).

Но какъ ни спѣшили баронъ А. И. Васильевъ съ исполненіемъ «Предварительнаго постановленія», оно всетаки не могло быть окончено въ одинъ годъ. Между тѣмъ не стало императрицы Екатерины Великой, скоропостижно умершей 6 ноября 1796 года. Начатыя работы должны были остановиться, потому что не извѣстно было, одобрить ли ихъ императоръ Павелъ Петровичъ. Боязливое ожиданіе продолжалось однакоже не долго. Ровно черезъ мѣсяць по вступленіи на престолъ, именно 8 декабря 1796 года, въ 4 часа по полудни, императоръ Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Александромъ Павловичемъ посѣтилъ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ, нашелъ вездѣ «надлежащую чистоту и исправность», изъявилъ свое удовольствіе главному доктору Тихорскому и приказалъ ему представить въ дежурство Его Императорскаго Величества о потребностяхъ и нуждахъ госпиталя и въ особенности о недостаточности прислуги и тѣсномъ помѣщеніи больныхъ и служащихъ въ госпиталѣ.

Оказалось, что императоръ Павелъ Петровичъ уважалъ медицину и медиковъ, часто и охотно посѣщалъ госпитали и заботился о благоустройствѣ ихъ. 20 января 1797 года посѣтилъ онъ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь и тоже остался доволенъ найденнымъ порядкомъ, о чемъ и объявилъ главному доктору Валеріану. Черезъ три дня, 23 февраля 1797, въ три часа по полудни, опять посѣтилъ морской госпиталь, и затѣмъ весьма нерѣдко посѣщалъ оба эти госпиталя ¹⁾. А весной 1797 года посѣтилъ московскій госпиталь.

¹⁾ Сохранилось преданіе, что при посѣщеніи морскаго с.-петербургскаго госпиталя 23 февраля 1797 года Павелъ Петровичъ не совсѣмъ былъ доволенъ. Ему показалось, что докторъ Валеріанъ не совсѣмъ былъ готовъ къ приему августѣйшаго посѣтителя и онъ тутъ же приказалъ лишить его самостоятельности въ управленіи госпиталемъ и подчинить его доктору Тихорскому. Ни объясняться, ни оправдываться было невозможно. Надобно было ждать случая къ объясненію. И такой случай скоро представился. 28 февраля императоръ посѣтилъ генеральный сухопутный госпиталь, былъ доволенъ и докторъ Тихорскій воспользовался хорошимъ расположеніемъ духа его и заговорилъ о докторѣ Валеріанѣ, и о томъ какъ убиваетъ его лишніе милости великаго монарха.

✓ После этих обзоров медицинских учреждений Павелъ Петровичъ приказалъ представить ему подробный докладъ о госпиталяхъ и госпитальныхъ училищахъ и вообще о состояніи медицинской части какъ въ войскахъ, такъ и въ городахъ. По этому докладу, состоявшемуся въ половинѣ декабря 1796 года, одобрены были все предложенія объ улучшеніи медицинскихъ училищъ и госпиталей, объ упраздненіи медицинскаго училища при Елисаветградскомъ военномъ госпиталѣ, о подчиненіи Калининскаго училища медицинской коллегіи, указъ о томъ, чтобы «медицинскимъ чинамъ отнынѣ впредь какъ опредѣленіемъ, такъ и увольненіемъ зависѣть отъ распоряженія медицинской коллегіи, на основаніи данной ей инструкціи» (18 декабря 1796), и наконецъ объ учрежденіи особыхъ медицинскихъ инспекторовъ, которые «для лучшаго наблюденія за аптеками и госпиталями и вообще что относится до врачеванія и содержанія больныхъ не одну воинскую, но и гражданскую часть по сему предмету надзирали», съ чѣмъ вмѣстѣ главный надзоръ за госпиталями возложить на президента коллегіи (принципъ учрежденія врачебныхъ управъ, 27 декабря 1796). При этомъ же докладѣ рѣшенъ былъ вопросъ о назначеніи дома на аптекарскомъ островѣ не для медицинскаго училища, а для первоначальной школы сыновей служителей медицинской коллегіи. ✓ Докладъ былъ такъ полонъ, такъ обнималъ все отрасли медицин-

— А зачѣмъ онъ пьяный встрѣтилъ меня? Хорошъ докторъ, у котораго съ утра не ворочается языкъ.

— Ваше величество истинно позволили выразиться, что у него не ворочался языкъ, но не отъ того, чтобы онъ осмѣлился придти въ госпиталь не въ своемъ видѣ.

Тутъ старикъ объяснилъ, что Валеріанъ весьма дѣльный докторъ и скромный человѣкъ, вовсе не пьянъ, но несчастливъ тѣмъ, что косноязыченъ и заикается при разговорѣ съ посторонними, а когда сконфузится или испугается, то и совсѣмъ не можетъ выговорить слова.

— Ну, ты хороший старикъ и добрый товарищъ. Я уважаю твое заступничество. Но можетъ быть тотъ и сегодня также пьянъ, какъ тогда.

— Испытайте, ваше величество, и попытке узнать.

— Прекрасно. Только вмѣсто посылокъ поведемъ къ нему сами. Сядь въ сани подлѣ меня.

Императоръ былъ веселъ. Всемъ былъ доволенъ въ госпиталѣ, разговаривалъ съ Валеріаномъ и уѣзжая благодарилъ обоихъ докторовъ; а вечеромъ въ тотъ же день баронъ Васильевъ объявилъ высочайшее повелѣніе, что государь, изъявляя свое благоволеніе доктору Валеріану, приказалъ освободить его отъ подчиненія Тихорскому и оставить каждого изъ нихъ при своей должности.

скаго управленія и такъ ясно освѣщаль всѣ стороны предмета, что императоръ Павелъ Петровичъ былъ очень доволенъ и пожаловалъ главному директору медицинской коллегіи и государственному казначею А. И. Васильеву патентъ на баронское достоинство (февраля 1797). Такимъ образомъ исполненіе «Предварительнаго постановленія» продолжалось безпрепятственно и неуклонно въ томъ же направленіи, въ какомъ началось въ послѣдніе годы жизни Екатерины Великой. Окончилось оно черезъ полтора года по воцареніи Павла Петровича и въ это именно время дало возможность удостовѣриться въ полнотѣ и цѣлесообразности его. Въ подтвержденіе этого приведемъ здѣсь краткій очеркъ положенія медицинскихъ училищъ въ половинѣ 1798 года.

По «Предварительному постановленію» въ каждомъ медицинскомъ училищѣ учреждено по 6 кафедръ, замѣщенныхъ профессорамъ, по столько же адъюнктовъ и по одному оператору, съ должностью прозектора, и по рисовальному учителю.

Личный составъ профессоровъ и преподавателей исчисленъ выше, въ каждомъ училищѣ въ отдѣльности, а потому здѣсь не перечисляется.

Полный курсъ ученія опредѣленъ въ пять лѣтъ, изъ коихъ первые три года назначались на одно школьное ученіе, а два послѣдніе на практическія занятія въ госпиталяхъ или клиникахъ, въ званіи кандидатовъ хирургіи. Въ то же время указомъ медицинской коллегіи (23 октября 1796 года) учащіеся въ каждомъ училищѣ раздѣлены на 5 отдѣленій:

1) *къ 1 отдѣленію* должны были принадлежать оказавшіе превосходные во врачебныхъ предметахъ успѣхи, великую прилежность, способность изъяснять основательно мысли свои словесно и на бумагѣ и благонравное поведеніе;

2) *къ 2 отдѣленію*, при достаточномъ къ наукамъ прилежаніи, пріобрѣтшіе изрядные успѣхи и добрымъ поведеніемъ отличающіеся;

3) *къ 3 отдѣленію* посредственнаго ученія, прилежные и благонравные;

4) *къ 4 отдѣленію* слабые, впрочемъ прилежные и добраго поведенія.

5) *къ 5 отдѣленію* весьма слабые, неприлежные и не оказавшіе никакой способности къ наукамъ.

«Что касается до учащихъся и принадлежащихъ къ 1 отдѣленію,

то они не только по своимъ достоинствамъ заслуживаютъ быть переведенными въ классъ высшій или произведены подлѣбарями, но и по положенію должны ступить отличиться наградою съ надписью на оной золотыми буквами «отъ государственной медицинскои коллегіи, за прилежаніе, успѣхи и похвальное поведеніе». *Ко 2 отдѣленію*, при одномъ одобреніи ихъ прилежности и успѣховъ, поступаютъ въ классъ высшій или производятся подлѣбарями, съ уменьшеніемъ двухъ лѣтъ службы въ томъ званіи. *Ко 3-му* хотя суть и посредственныхъ успѣховъ, но отъ прилежности ихъ и добраго поведенія, оказаннаго въ настоящемъ классѣ, медицинская коллегія ожидаетъ, что они, бывъ переведены въ слѣдующій классъ, побуждены будутъ примѣромъ своихъ товарищей, проходящихъ съ похвалою науки, съ таковымъ притомъ имъ напоминаніемъ, что по окончаніи новаго курса наукъ, буде таковыми жъ окажутся, тогда оставлены будутъ въ томъ же классѣ. *Ко 4-му* оставляются еще на одинъ годъ въ томъ же классѣ съ тѣмъ, что по прошествіи онаго, буде не приобретутъ лучшихъ въ наукахъ успѣховъ, то изъ того выведено будетъ заключеніе, что они къ изученію столь важной науки неспособны, а потому не теряли бы понапрасну ни казеннаго иждивенія, ни ихъ содержаніе употребляемаго, ни времени, которое они съ лучшею пользою могли бы употребить по склонностямъ ихъ при другихъ должностяхъ, исключены будутъ изъ вѣдѣній сей коллегіи съ надлежащими свидѣтельствами.

Ко 5-му отдѣленію принадлежащіе теперь же исключаются изъ училища».

Прошло болѣе двухъ лѣтъ со времени введенія «Предварительнаго постановленія» во всѣхъ медицинскихъ училищахъ. Результаты оказались вездѣ удовлетворительные. Преподаваніе быстро расширилось, а вмѣстѣ съ нимъ быстро сталъ подниматься и общій уровень медицинскаго образованія. Училища перестали нуждаться въ иностранныхъ преподавателяхъ и въ тоже время медицинская коллегія стала строже относиться къ приему иностранныхъ докторовъ, желавшихъ поступить въ русскую службу. Въ замѣнъ ихъ, собственные медицинскіи училища стали выпускать на государственную службу такихъ лѣбарей, какіе могли удовлетворять всѣмъ потребностямъ этой службы. **О**днимъ словомъ, для медицинскихъ училищъ найдена была наконецъ такая норма, при которой «предварительное постановленіе» объ нихъ могло быть утверждено въ окончательной формѣ, а именно въ формѣ медико-хирургической академіи, какъ высшаго учебнаго медицинскаго

заведенія. Это окончательное установленіе состояло въ томъ, что петербургское и московское медицинскія училища преобразованы въ *петербургскую* и *московскую медико-хирургическія академіи*, вовсе независимыя отъ госпиталей и совершенно самостоятельныя во внутреннихъ учебныхъ распорядкахъ своихъ.

Очевидно, это важное и послѣднее преобразованіе госпитальныхъ медицинскихъ училищъ произведено не торопливо и не безъ связи съ государственными потребностями, постепенно возрастающими.

Когда же однако учреждены петербургская и московская медико-хирургическія академіи? По мысли главнаго директора медицинской коллегіи А. И. Васильева и по словесному уполномоченію его на это дѣло императоромъ Павломъ Петровичемъ, административныя предположенія объ учрежденіи ихъ начались съ 1798 года, когда состоялся именной указъ, данный дѣйствительному тайному совѣтнику барону А. И. Васильеву 18 декабря 1798 года, о постройкѣ зданія для врачебнаго училища въ Петербургѣ, переименованнаго потомъ въ медико-хирургическую академію ¹⁾. √

Вотъ этотъ указъ:

Именной указъ, данный дѣйствительному тайному совѣтнику барону Васильеву, 18 декабря 1798 года. О постройкѣ зданія медико-хирургической академіи. «Сопзволяя на представленіе ваше объ устроеніи здѣсь при главныхъ госпиталяхъ особаго зданія для врачебнаго училища и учебныхъ театровъ въ такомъ видѣ и расположеніи, какъ оныя на поднесенныхъ намъ отъ васъ планахъ означены, съ занятіемъ подъ врачебное училище того самаго мѣста, которое по сношенію вашему съ адмиралтейскою коллегіею найдено къ тому удобнымъ, а подъ учебные театры недооконченной между госпитальями и давно уже безъ употребленія оставленной церкви, повелѣваемъ: все оное произвести въ настоящее исполненіе, употребляя какъ на постройку показаннаго зданія, такъ и на покупку обывательскихъ домовъ, состоящихъ теперь на предполагаемомъ для врачебнаго училища мѣстѣ, потребное число денегъ изъ суммъ присвоенныхъ медицинской коллегіи, для чего расположить строеніе сіе

¹⁾ Полн. собр. законовъ, XXV. 18. 783.

въ сроки, какъ позволятъ остатки медицинскихъ суммъ за годовыми расходами, по рассмотрѣнiю вашему».

Петербургскую медико - хирургическую академiю предположено устроить на Выборгской сторонѣ, по близости генеральныхъ госпиталей. Но тамъ не было готоваго для нея зданiя и даже не было мѣста для постройки зданiя. Мѣсто куплено отъ частныхъ лицъ и присланы подрядчики, обязавшиеся контрактами заготовить материалы для постройки каменнаго зданiя и выстроить самое зданiе. Контракты заключены въ началѣ 1798 года, и какъ скоро начались работы, для надзора за ними назначенъ особый смотритель, бывшiй передъ тѣмъ рисовальнымъ учителемъ при с.-петербургскомъ медицинскомъ училищѣ, коллежскiй секретарь Иванъ Ивановичъ Нерытовъ, съ прежнимъ жалованьемъ, но съ увольненiемъ отъ должности рисовальнаго учителя (16 мая 1799) Постройка для с.-петербургской медико-хирургической академiи начата въ февралѣ 1799, года подъ наблюденiемъ архитектора Порто. На постройку израсходовано съ 1799 по 1800 годъ до 270 тысячъ руб., а именно:

въ 1799 году	165,209 руб. 64 ¹ / ₄ , коп.
въ 1800 году	82,133 руб. 11 ¹ / ₄ , коп.
и на устройство анатомическаго театра	22,110 руб. 69 ³ / ₄ , коп.

Кромѣ того, за купленные у обывателей дома заплачено 5,535 р. Окончена постройка въ 1803 году, какъ видно изъ того, что въ этомъ году и архитекторъ и помощникъ его уволены отъ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ В. П. Кочубеемъ.

Спеціальнаго указа объ одновременномъ учрежденiи двухъ медико-хирургическихъ академiй повидному не было; но въ новомъ штатѣ медицинской коллегiи съ подвѣдомственными ей учрежденiями 12 февраля 1799 года объ академiяхъ говорится какъ о совершившемся фактѣ и потому съ этого дня началась исторiя ихъ. Объявлено объ этомъ не было: но весною 1799 года слухи объ учрежденiи академiи дошли въ Москву и вотъ что доносилъ медицинской коллегiи (27 iюня тогоже года) старшiй докторъ московскаго госпиталя П. М. Миндереръ: «Ученики тамошняго госпиталя начинаютъ волноваться, студентами себя именуютъ, принявъ себѣ мысль, что они отъ госпиталя по вновь изданному штату когда-то будутъ удалены, до такихъ границъ непослушанiя дошли, что вовсе никакого повиновенiя начальству не имѣютъ, ибо сами по себѣ, не спросясь у старшаго доктора, осмѣлились ходить во многомъ числѣ въ медицинскую контору за жалованьемъ, зная

однакоже, что по указу коллегии они всегда получают изъ госпитальной конторы; по сему контора госпиталя просить, дабы учениковъ, пока они удалены будутъ отъ госпиталя въ академію, строго удерживать въ томъ, чтобы каждый былъ совершенно какъ прежде сего у госпиталя начальниковъ въ послушаніи и чрезъ оное разстроивается учрежденный при госпиталѣ порядокъ». Въ отвѣтъ на это медицинская контора постановила: «до опредѣленія инспектора, положеннаго по высочайше подтвержденному въ 12 день февраля 1799 года штату, препоручить смотрѣніе за всѣми находящимися при московской медико-хирургической академіи студентами и лѣкарскими учениками коллежскому совѣтнику Миндереру, у котораго и быть имъ, студентамъ и ученикамъ, въ точномъ повиновеніи, и если впредь отъ кого изъ нихъ произойдутъ непорядки или ослушаніе, или усмотрѣны будутъ въ поведеніяхъ неблагопристойныхъ, о томъ неукоснительно рапортовать въ медицинскую контору, и дабы они ему, доктору коллежскому совѣтнику, были въ надлежащемъ послушаніи, о томъ имъ объявить». Медицинская коллегія утвердила это распоряженіе медицинской конторы (14 іюля 1799), прибавивъ, что такъ какъ Миндереръ занятъ своей должностію, то для смотрѣнія за учениками назначается ему въ помощники операторъ московскаго госпиталя Успенскій. Касательно же опредѣленія инспектора увѣдомила контору, что «сего прежде сдѣлать нельзя, пока всѣ части академіи расположены будутъ по новому штату».

Такимъ образомъ «Штатъ медицинской коллегии и подвѣдомственныхъ ей учрежденій», высочайше утвержденный 12 февраля 1799 года ¹⁾, и долженъ быть считаемъ закономъ, которымъ медико-хирургическія училища, петербургское и московское, преобразованы въ медико-хирургическія академіи.

При этомъ несомнѣнно и то, что мысль объ этомъ преобразованіи возникла впервые съ того самаго времени, которое совпадало съ «предварительнымъ постановленіемъ» объ медико-хирургическихъ училищахъ при генеральныхъ госпиталяхъ.

Учрежденіе медико-хирургическихъ академій составило новую эру въ русскомъ медицинскомъ образованіи, эру тѣмъ болѣе важную, что съ преобразованіемъ бывшихъ медико-хирургическихъ училищъ въ ака-

¹⁾ П. С. З. XXV. 18.854.

деи понемногу исчезла необходимость въ вызовѣ къ намъ иностранныхъ врачей не только для общей медицинской, но и для учебной службы въ особенности. Россія обязана этимъ барону (въ послѣдствіи графу) А. П. Васильеву, его свѣтлому уму и административному генію, выразившемуся въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій какъ по учебно-медицинской, такъ и по медико-административной частямъ. Ему обязаны мы тѣмъ, что въ новоучрежденныхъ медицинскихъ академіяхъ, не смотря на обширную программу ихъ, ни одна лекція не читалась по нѣмецки, а пятнадцать лѣтъ спустя судъ всей Европы призналъ существованіе спеціальной русской медицины, равно какъ и то, что русскіе врачи по знаніямъ, искусству и великодушію въ заботѣ о вѣрренныхъ имъ больныхъ, стояли не ниже самыхъ образованныхъ врачей западной Европы.

По закону 12 февраля 1799 года учреждены двѣ медико-хирургическія академіи, одна въ Петербургѣ, другая въ Москвѣ. Въ составъ первой изъ нихъ вошли всѣ преподаватели и всѣ воспитанники петербургскаго медико-хирургическаго училища, а также нѣкоторые, но весьма немногіе, ученики кронштадтскаго медико-хирургическаго училища, послѣ чего это послѣднее упразднено (въ августѣ 1799 года). Въ составъ московской медико-хирургической академіи вошли воспитанники тамошняго училища и ученики елисаветградскаго училища. Послѣднихъ было впрочемъ не много, да и тѣ, которые остались по упраздненіи елисаветградскаго училища, оказались такъ мало подготовленными къ дальнѣйшему ученію, что не были приняты въ академію и отосланы подлѣжками въ войска. Елисаветградское училище упразднено по докладу медицинской коллегіи 13 іюня 1797 года.

√ Выѣстъ съ тѣмъ, по докладу медицинской коллегіи, высочайше утвержденному 16 іюля 1799 года, упразднено подлѣжарское званіе.

Всѣ эти переводы и перечисленія произведены не безъ разбора, а по самой точной повѣркѣ способностей и знаній каждаго ученика, предназначеннаго къ перечисленію въ новыя академіи, а именно вотъ какимъ образомъ. Учрежденіе академіи состоялось въ срединѣ учебнаго года, а когда этотъ годъ пришелъ къ концу, назначено «всеобщее испытаніе учениковъ». Оно продолжалось 9 дней (съ 10 по 18 августа) и происходило публично, въ присутствіи всѣхъ профессоровъ академіи, президента медицинской коллегіи В. Н. Зинovieва и нѣсколькихъ членовъ ея. Производилось оно словесно и письменно и по видимому очень старательно.

Но еще прежде экзамена медицинская коллегія приказала объявить во всѣхъ училищахъ, что такъ какъ подлѣкарское званіе уничтожено, то всѣ будущіе воспитанники медико-хирургическихъ академій будутъ раздѣлены на четыре класса и въ каждомъ изъ этихъ классовъ будутъ преподаваться извѣстные опредѣленные предметы, по указанному коллегіею росписанію, которое тогда же и объявлено. Изъ этихъ то предметовъ и соотвѣтственно классамъ и должны были быть экзаменованы всѣ учившіеся въ училищахъ. Но такъ какъ знанія ихъ могли оказаться неодинаковыми, то для точнаго обозначенія ихъ всѣ учащіеся раздѣлены будутъ въ каждомъ классѣ по 5 отдѣленій, съ присвоеніемъ каждому изъ отдѣленій собственнаго и опредѣленнаго значенія. Къ 1 отдѣленію причислены будутъ всѣ оказавшіе отличные успѣхи, прилежаніе и благонравное поведеніе; къ 2—оказавшіе изрядные успѣхи, прилежаніе и доброе поведеніе; къ 3—съ посредственными успѣхами, прилежаніемъ и похвальнымъ поведеніемъ; къ 4—со слабыми успѣхами, но прилежныхъ и похвальнаго поведенія и къ 5—нерадивые къ должности, слабого понятія въ наукахъ и весьма мало способные. Сообразно съ этимъ раздѣленіемъ ученики 1 отдѣленія не только переводятся въ высшій классъ, но и получаютъ награду, 2 и 3 отдѣленій переводятся въ высшій классъ, 4 отдѣленія оставляются на другой годъ въ томъ же классѣ, а иногда увольняются изъ академіи и 5 отдѣленія безусловно исключаются изъ академіи.

Экзаменъ, произведенный на основаніи этихъ пробныхъ правилъ, отличался особенною торжественностію и привелъ къ слѣдующимъ результатамъ: всѣ ученики, оказавшіе при экзаменѣ хорошіе успѣхи, переведены въ соотвѣтственный классъ медико-хирургической академіи, а всѣ безнадежные къ дальнѣйшимъ успѣхамъ исключены, для опредѣленія, если пожелаютъ, въ другой родъ службы.

По окончаніи экзаменовъ назначены и розданы были награды тѣмъ изъ учениковъ, которые оказали наибольшіе успѣхи. Награды назначены и розданы лучшимъ ученикамъ всѣхъ четырехъ классовъ по выбору, а не тѣмъ только, которые окончили курсъ и предназначены къ выходу изъ училища. Но при этомъ медицинская коллегія приказала объявить, что нынѣшнія училищныя и будущія академическія награды будутъ имѣть значеніе не для одного только отличенія лучшихъ учениковъ во время школьной жизни, но и для дальнѣйшаго отличія ихъ при опредѣленіи на службу и прохожденіи ея; лучшіе по успѣхамъ ученія будутъ получать и лучшія мѣста по службѣ.

Почти одновременно съ экзаменами въ Петербургѣ произведены испытанія и въ Кронштадтѣ, съ цѣлю разсортировать тамошнихъ учениковъ и подлѣкарей по поводу упраздненія кронштадтскаго медико-хирургическаго училища при госпиталѣ. Экзаменаторами, кромѣ старшаго госпитальнаго доктора, профессора Рингебройга и адъюкта Федоровскаго, назначены были члены медицинской коллегии Еллизенъ и Виенъ. Они исполнили свое дѣло, но не совсѣмъ. По ихъ представленію три подлѣкаря и два ученика переведены въ калинковскій медико-хирургическій институтъ, по ихъ собственному желанію. Другіе ученики и подлѣкари предназначены въ петербургскую академію, но ихъ было очень немного; а остальные, мало знающіе въ словесныхъ наукахъ, подлежали либо увольненію, либо оставленію при кронштадтскомъ госпиталѣ, пока обучено будетъ нѣсколько фельдшеровъ, которые должны были замѣнить недостающее число госпитальныхъ учениковъ и подлѣкарей. Затѣмъ кронштадтское училище закрыто лѣтомъ 1799 года.

Елисаветградская госпитальная хирургическая школа закрыта почти за два года до учрежденія медико-хирургическихъ академій, указомъ 13 июня 1797 года, и ученики ея должны были распределиться по медико-хирургическимъ училищамъ обѣихъ столицъ. Ихъ было вообще немного. Да и тѣ плохо были приготовлены къ ученію и, по недостатку учителей, учились мало и беспорядочно. При упраздненіи школы, 5 учениковъ присланы въ Москву и оказались незнающими латинскаго языка. Медицинская коллегія не велѣла исключать ихъ, а приказала поручить одному изъ старшихъ учениковъ, основательно знавшихъ латинскій языкъ, учить ихъ полатыни, съ особымъ за то вознагражденіемъ. Такой родъ туторства если не *de jure*, то *de facto* не составлялъ рѣдкости въ школахъ конца прошлаго столѣтія.

Нечего и говорить, что учрежденію московской медико-хирургической академіи предшествовалъ таковой же рядъ экзаменовъ, какіе происходили въ Петербургѣ и выше описаны.

Въ составъ учащихся въ медико-хирургическихъ академіяхъ, преобразованныхъ изъ медико-хирургическихъ училищъ при генеральныхъ госпиталяхъ, входили какъ ученики, такъ и подлѣкари. Но ученики, переходя изъ стараго медико-хирургическаго училища въ новую медико-хирургическую академію, легко находили въ ней опредѣленное мѣсто (вышеприведенными одновременными экзаменами) и съ него

продолжали свое дальнѣйшее ученіе, между тѣмъ какъ для подлѣкарей, и особенно состоявшихъ уже на службѣ, не легко было найдти надлежащее мѣсто въ академіи, не легко было и точно опредѣлить, чему они уже учились и чему должны были доучиваться, чтобы поравняться съ будущими студентами академіи. Ясно было, что учрежденіе это отжило свой вѣкъ; но все же труденъ былъ вопросъ: какъ съ ними быть и нельзя ли по возможности утилизировать отжившее, но привычное, установленіе.

Подлѣкари существовали у насъ болѣе ста лѣтъ; но уже съ половины этого времени не признавалась за ними способность къ самостоятельной дѣятельности. По докладу медицинской коллегіи, высочайше утвержденому 16 іюля 1799 года, они были скорѣе вредны, чѣмъ полезны намъ. Они были вредны будтобы тѣмъ, что замедляли, останавливали и ограничивали успѣхи нашего медицинскаго развитія. Едвали однакоже справедливо это обвиненіе. Они были слѣдствіемъ, а не причиною низкаго уровня медицинскаго нашего образованія. Плохи были школы, плохи были и ученики этихъ школъ, а не наоборотъ. Каковы бы впрочемъ они ни были, они всетаки были выраженіемъ тѣхъ надеждъ, какія питало къ нимъ общество, искавшее врачебной помощи. Еще ровно за годъ до уничтоженія подлѣкарскаго званія, весною 1798 года, когда въ медицинской коллегіи созрѣла мысль объ уничтоженіи подлѣкарства, воинскія команды и особенно кавалерійскіе полки требовали присылки большаго числа подлѣкарей, ссылалась на то, что «одинъ лѣкарь, при каждомъ конномъ полку нынѣ находящійся, по причинѣ великаго числа больныхъ въ полковыхъ лазаретахъ, не въ состояніи выполнить своей обязанности съ надлежащею точностію безъ помощи подлѣкаря; а отъ того выходитъ медленность въ поданіи больнымъ нужной помощи». Коллегія затруднялась удовлетвореніемъ этихъ требованій по недостатку подлѣкарей и предписала медицинской конторѣ: 1) немедленно произвести экзаменъ ученикамъ 3 класса (въ московскомъ училищѣ), и кто изъ нихъ окажется достойнымъ быть подлѣкаремъ, тѣхъ произвести въ это званіе и распределить по мѣстамъ, означеннымъ въ приложенной вѣдомости. Припомнивъ при этомъ, что при послѣднемъ экзаменѣ нѣкоторые ученики этого класса причислены къ 1 отдѣленію, коллегія приказала спросить профессоровъ, одобрятъ ли они прилежаніе этихъ учениковъ 1 отдѣленія, и если одобрятъ, то этихъ послѣднихъ не производить въ подлѣкари, для поступленія ихъ въ свое время въ

кандидаты хирургіи. 2) Въ госпитальномъ московскомъ училищѣ есть нѣсколько подлѣбарей, которые мало имѣють охоты и склонности къ наукамъ и слѣдовательно понапрасну занимають въ госпиталѣ подлѣбарскія мѣста: этихъ откомандировать въ поляи тѣмъ же званіемъ. 3) Въ виду настоящей надобности въ подлѣбаряхъ, коллегія приказала «предложить волонтерамъ 3 класса, не пожелаютъ ли они принять подлѣбарское званіе, съ тѣмъ, что по прошествіи двухъ лѣтъ переведены будутъ обратно въ училище на казенное содержаніе съ выдачею прогоновъ». По этому распоряженію въ московскомъ училищѣ произведенъ 20 мая 1798 экзаменъ, по которому оставлены при госпиталѣ, по выбору профессоровъ для зачисленія въ кандидаты хирургіи, 6 человекъ, произведены въ подлѣбары 9 учениковъ 3 класса и откомандированы отъ госпиталя 12 подлѣбарей, а всего 21 человекъ Изъ волонтеровъ 3 класса ни одинъ не принялъ сдѣланнаго имъ предложенія ⁴⁾. Изъ этихъ распоряженій медицинской коллегіи очевидно, что она не высоко цѣнила подлѣбарское званіе и лучшихъ учениковъ несхотно производила въ подлѣбары, предназначая въ это званіе для арміи такихъ учениковъ, у которыхъ мало охоты, способностей и прилежанія для дальнѣйшаго ученія.

При упраздненіи подлѣбарскаго званія медицинская коллегія приняла за правило не лишать подлѣбарей тѣхъ преимуществъ, какія въ будущемъ должна была доставлять академія ученикамъ своимъ. Но какъ выборъ ихъ не могъ быть произведенъ сравнительнымъ экзаменомъ, возможнымъ только въ училищахъ, то она предписала (26 августа 1799) врачевнымъ управамъ и медицинскимъ инспекторамъ произвести во всѣхъ мѣстныхъ подлѣбаряхъ экзамены при госпиталяхъ и управахъ, съ цѣлью раздѣлить ихъ на достойныхъ и недостойныхъ производства въ лѣбары, и затѣмъ первыхъ немедленно произвести въ лѣбары, а послѣднихъ отправить въ академію доучиваться. Экзамены должны были производиться на мѣстахъ службы

⁴⁾ Этихъ подлѣбарей было недостаточно при томъ количествѣ вакансій, которыя требовалось замѣстить. По этому медицинская контора, желая прислужиться, избрала еще 9 учениковъ 2 класса, съ намѣреніемъ произвести ихъ въ подлѣбары и командировать въ поляи: но медицинская коллегія сдѣлала ей выговоръ и на будущее время запретила производить учениковъ изъ 2-го класса въ подлѣбары, «тѣмъ паче, что они не обучались хирургіи» (19 іюля 1798).

(въ губернскихъ городахъ) подлѣкарей, чтобы не принуждать ихъ тратиться на переѣзды. Экзаменаторами были инспекторы управъ, а гдѣ были—тамъ еще и члены управъ, главные доктора госпиталей, губернскіе доктора или штабъ-лѣкари, но вообще такъ, чтобы при каждомъ экзаменѣ было не менѣе четырехъ экзаменаторовъ. По отдаленности Оренбургской, Тобольской и Астраханской врачебныхъ управъ и гдѣ медицинская часть управлялась еще особыми медицинскими чинами, тамъ экзаменаторами, кромѣ членовъ управы, назначены на мѣстѣ: въ Тобольскѣ—докторъ Линденбергъ, въ Оренбургѣ—штабъ-лѣкарь Василій Жуковский и въ Астрахани—штабъ-лѣкарь Левенецъ. Такимъ же образомъ докторамъ Бахерахту и Звѣракѣ предписано произвести экзамены во флотахъ, а именно въ Кронштадтѣ—въ госпиталѣ, въ Архангельскѣ и Ревелѣ—во врачебныхъ управахъ, и Звѣракѣ—въ Черноморскомъ госпиталѣ. Тѣхъ подлѣкарей, которые находились въ дальнихъ мѣстахъ или морскихъ компаніяхъ приказано экзаменовать по возвращеніи и затѣмъ доставить списки ихъ съ отмѣтками въ коллегію.

Разумѣется, экзамены эти больше формальны были, чѣмъ строги. Контроля надъ ними не было и не могло быть. А экзаминаторы въ большей части случаевъ были очень стары и въ одномъ мѣстѣ чрезмерно придирчивы, а въ другомъ чрезмерно слабы. Но медицинская коллегія придумала хорошую мѣру для безпристрастія и справедливости ихъ. Мѣра эта состояла въ томъ, что экзаменаторы должны были представить свидѣтельство о каждомъ подлѣкарѣ, подвергавшемся экзамену, съ удостовѣреніемъ, способенъ ли онъ учиться или неспособенъ. Всѣ аттестовавшіеся способными вызывались въ Москву или Петербургъ (въ академію) на казенный счетъ, и если здѣсь оказывались неспособными, то всѣ издержки на ихъ переѣздъ сюда и обратно должны были взыскиваться съ аттестовавшихъ ихъ. Мѣра строгая и весьма чувствительная. Съ другой стороны медицинская коллегія приказала объявить и подлѣкарямъ, что если по прибытіи въ академію окажутся неспособными или нерадивыми и въ теченіи перваго года не окажутъ успѣховъ, то будутъ исключены изъ академій и опредѣлены на мѣста учениковъ, положенныя по штатамъ въ губерніяхъ, т. е. фельдшерами, безъ надежды на дальнѣйшее повышеніе.

Нельзя не видѣть, что мѣры эти имѣли въ виду только обезпеченіе академіи отъ наплыва неспособныхъ къ дальнѣйшему образованію подлѣкарей. Но между послѣдними много было и такихъ, которые

вовсе не напрашивались въ академію, и даже всѣми силами отказывались отъ дальнѣйшаго ученія. По возрасту ли, по боязни заботъ и хлопотъ, или наконецъ по семейнымъ обстоятельствамъ большая часть подлѣбарей обжившихся въ извѣстномъ городѣ или уѣздѣ, и даже въ извѣстномъ полку, просили экзаменаторовъ произвести ихъ въ лѣкаря съ оставленіемъ на томъ же мѣстѣ, а если это невозможно, то признать ихъ неспособными къ дальнѣйшему ученію и тоже оставить на томъ же мѣстѣ. Больше же всего просили произвести ихъ въ лѣкаря, такъ какъ лѣкарскій окладъ жалованья всюду выше подлѣбарскаго. Въ эту-то дверь и сошла со сцены, и весьма скоро сошла, большая часть подлѣбарей, между тѣмъ какъ въ академію поступила только весьма малая часть ихъ.

ГЛАВА XVI.

Учрежденіе медико-хирургическихъ академій, первые академическіе курсы ученія и учебныя пособия.

Первый учебный персоналъ с.-петербургской медико-хирургической академіи составляли тѣ самые профессора, которые занимали кафедры въ преобразованномъ с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ. Вакантныхъ кафедръ не было. Преподавателями были: анатоміи и физиологіи—профессоръ Н. Карпьевскій, математики и физики—В. Петровъ, ботаники и матеріи медицины—Г. Соболевскій, химіи—В. Севергинъ, патологіи и терапіи—Гр. Базилевичъ, хирургіи—Я. Саполовичъ, акушерства и судебной медицины—К. Рингебройгъ.

Въ московской медико-хирургической академіи первый учебный персоналъ составляли профессора преобразованнаго московскаго медико-хирургическаго училища, а именно: П. Гильдебрантъ—профессоръ анатоміи, Ф. Стефанъ—ботаники, завѣдывавшій въ тоже время московскимъ ботаническимъ садомъ, П. Пфеллеръ—профессоръ математики и физики, Ф. Гофманъ—профессоръ химіи, П. Шумляевскій—профессоръ хирургіи и матеріи медицины, М. Певень—профессоръ патологіи и терапіи, А. Фрезе—профессоръ акушерства и физиологіи и адъюнктъ-профессоръ акушерства Гавр. Поповъ.

Но при обширности академической программы преподаванія однимъ профессорамъ было бы очень трудно выполнить ее. Поэтому въ помощь имъ состояли адъюнкты или молодые люди, исправлявшіе должность репетиторовъ, повторявшихъ со студентами все то, что прочитано профессоромъ, или даже, въ случаѣ отсутствія профессоровъ, замѣнявшіе ихъ. Адъюнкты состояли при профессорахъ и каждый профессоръ самъ себя выбиралъ адъюнкта, подлежавшаго потомъ коллегіальному испытанію. Въ этому надобно прибавить, что должность и званіе адъюнктовъ не всегда были одинаковы. Одни изъ нихъ, собственно «адъюнкты», были простыми репетиторами, состояли при профессорахъ и обязаны были слушать каждую лекцію своего профессора, чтобы потомъ буквально повторить ее съ учениками. Кромѣ повторенія лекцій профессора, такіе адъюнкты рѣдко замѣняли отсутствующихъ профессоровъ, и то развѣ по особенной довѣренности послѣднихъ или съ передачею имъ профессорскихъ тетрадокъ для прочтенія на лекціи. Не удивительно поэтому, что такіе адъюнкты избирались изъ числа учениковъ не окончившихъ еще полного академическаго курса и не имѣвшихъ никакой ученой степени. Другіе, или «адъюнкты-профессоры», состояли уже не при профессорахъ, а при занимаемой имъ кафедрѣ и, кромѣ повторенія профессорскихъ лекцій, пользовались уже правомъ самостоятельнаго преподаванія и даже занимали ординарныя кафедры наравнѣ съ ординарными профессорами. Адъюнкты-профессоры по праву уже считались кандидатами на свои кафедры, когда онѣ сдѣлаются вакантными, и при экзаменахъ пользовались правомъ голоса. При учрежденіи медико-хирургическихъ академій «адъюнкты» по немногу перестали существовать или превратились въ репетиторовъ, а «адъюнкты-профессоры» составили низшую учебно-преподавательскую степень, выставявшую кандидатовъ на самостоятельныя кафедры, по мѣрѣ открытія вакансій ихъ. Не рѣдки были случаи повышенія адъюнктовъ въ адъюнкты-профессоровъ при открытіи преподавательскихъ вакансій. Въ годъ учрежденія академій при наличныхъ профессорахъ состояли слѣдующіе адъюнкты: въ С.-Петербургѣ, при Карпинскомъ—П. Загорскій, при Саполовичѣ—П. Логиновъ, при Базилевичѣ—И. Смѣловскій, при И. Конради—Т. Смѣловскій, при Соболевскомъ—Г. Сухаревъ; (послѣдніе двое остались и при Рингебройгѣ). Въ Москвѣ состояли при профессорахъ: И. Гильдебрандтъ—И. Книгинъ, при П. Шумлянскомъ—В. Мионовичъ, при Пеккенѣ—Еф. Мухинъ, при Ф. Стефанѣ—А. Гиль-

денбрандтъ, при Пфеллерѣ—П. Скабовскій и наконецъ мѣсто ординарнаго профессора акушерства занималъ адъюнктъ-профессоръ Гавр. Поповъ.

Весь этотъ учебный персоналъ долженъ былъ перейти въ медико-хирургическую академію. П перешелъ. Но не долго оставался неизмѣннымъ. Нѣкоторые преподаватели вышли въ самый годъ учрежденія академіи. Профессоръ Гр. Соболевскій вышелъ въ отставку по прошенію (15 мая 1799 ¹⁾), а профессоръ П. Ковради умеръ 14 декабря 1799) и на ихъ мѣсто переведенъ изъ упраздненнаго кронштадтскаго училища профессоръ Рингебройгъ. Но еще большая перемѣна произошла отъ того, что по докладу медицинской коллегіи, высочайше утвержденному 12 февраля 1799 года, члены ея и лица подвѣдомственныхъ ей учрежденій не могли одновременно занимать двухъ мѣстъ или двухъ должностей, а обязывались посвящать все свое время и всѣ свои силы одной какой-либо должности, какою каждый изъ нихъ изберетъ по собственному призванію. А чтобы такое ограниченіе было не обидно и не убавляло содержанія, установлено было назначить каждому такое содержаніе, какое получалъ онъ занимая двѣ штатныя должности. По этому закону многіе профессора медико-хирургическихъ академіи, состоявшіе въ то же время членами медицинской коллегіи или занимавшіе штатныя мѣста въ большихъ госпиталяхъ, должны были отказаться отъ половины штатныхъ должностей своихъ. Но ихъ не стѣсняли въ выборѣ. Имъ самимъ предоставлено выбрать себѣ или преподавательскую или коллежскую должность на вышеприведенныхъ условіяхъ, т. е. на условіяхъ сохранить все содержаніе, какое каждый получалъ по совокупности службы на обоихъ штатныхъ мѣстахъ. На этомъ основаніи профессора Н. Карпинскій и Я. Салозовичъ, равно какъ ученый секретарь П. Виень выразили желаніе остаться членами коллегіи, отказавшись (первые два) отъ преподаванія въ академіи. Черезъ это сдѣлались вакантны кафедры анатоміи, фзіологіи и хирургіи. Для замѣненія ихъ медицинская коллегія избрала адъюнктовъ П. Загорскаго, П. Логина и Г. Смѣловскаго, назначивъ каждому пробную лекцію по избранной имъ спеціальности. Эти кандидаты на профессуру давно

¹⁾ Въ слѣдующемъ году онъ опять поступилъ на службу и занялъ прежнюю свою кафедру ботаники.

были извѣстны коллегіи, но она мотивировала это испытаніе тѣмъ, «чтобы болѣе удостовѣриться въ знаніяхъ и видѣть способности ихъ принять на себя столь важныя (профессорскія) обязанности». Темы для пробныхъ лекцій назначены были коллегіею, а именно: Загорскому—«анатомическая демонстрація глаза и фізіологическое изъясненіе о желчи», Смѣловскому—«о болѣзняхъ пасочныхъ сосудовъ» и Логинову—«операция каменной болѣзни» (17 апрѣля 1799). Лекціи были весьма удовлетворительны и по нимъ всѣ три лектора утверждены адъюнкты-профессорами къ назначавшимся имъ кафедрамъ, а черезъ годъ первые два — экстраординарными профессорами. Адъюнктъ-профессоръ, штабъ-лѣкарь Петръ Логиновъ, назначавшійся на кафедру хирургіи, отказался отъ преподавательской должности по болѣзни глазъ и просилъ перемѣстить его на кабую либо другую должность, и коллегія опредѣлила его инспекторомъ востромской врачебной управы, а на его мѣсто, профессоромъ хирургіи въ академіи, перевела изъ калининскаго института профессора И. Ѳ. Буша (17 сентября 1800). И. Ѳ. Бушъ признанъ профессоромъ за службу при калининскомъ институтѣ 13 сентября 1798 г. Адъюнктомъ при Загорскомъ былъ переведенный изъ Москвы И. Кянгинъ (съ 4 августа 1799). Надворный совѣтникъ И. Виень, изъявившій желаніе остаться ученымъ секретаремъ медицинской коллегии, не долго занималъ эту должность и передалъ ее избранному коллегіею 24 февраля 1799 профессору Григорію Базилевичу. Но и Базилевичъ не долго оставался ученымъ секретаремъ коллегии: онъ оставилъ службу по болѣзни (28 марта 1801), перѣхалъ въ Москву и тамъ умеръ (26 февраля 1802). Послѣ него должность ученаго секретаря перешла къ доктору Ф. Удену (8 апрѣля 1801).

Въ Москвѣ также происходили по временамъ подобныя же передвиженія. Математику и физику преподавалъ тамъ докторъ Іог. Ф. Пфеллеръ, человекъ хворый и порядочно старый. Нуждаясь въ помощникѣ, онъ приискалъ студента Ивана Скабовскаго и просилъ коллегію назначить его въ должность адъюнкта къ нему. Коллегія согласилась, но съ тѣмъ «чтобы когда Скабовскій усовершенствуетъ себя въ изъясненіи преподаваемыхъ имъ предметовъ, то Пфеллеръ донесъ бы рапортомъ въ московскую медицинскую контору», а жалованья назначила ему 150 р. въ годъ (11 февраля 1796). Прошелъ одинъ годъ и Пфеллеръ донесъ, что «Скабовскій въ теченіи всего математическаго и физическаго курса безотлучно присутствовалъ при всѣхъ препода-

вавшихся или лекційхъ, и слѣдую порядку и способу ученія, имъ избранному, послѣ каждой лекціи повторялъ съ учащимся пройденное, испытывалъ ихъ, а черезъ то выискалъ въ способности и успѣхи каждаго; для невыразумѣвшихъ же истолкованнаго предмета дѣлалъ вторичныя поясненія, оказывая всегда новыя приращенія въ знаніи и способности изъясненія мыслей своихъ. Исправляя такимъ образомъ должность свою съ отличною ревностію и похвалою, дѣлалъ во всѣхъ его трудахъ относительно до училища всевозможное вспоможеніе и при всемъ томъ велъ себя такъ, какъ прилично честному человеку. Почему, усматривая въ немъ надлежащія способности и качества учащаго, и ревность къ исполненію должности своей, рекомендуетъ его достойнымъ поступленія въ настоящіе адъюнкты и полученія жалованья наравнѣ съ прочими адъюнктами, находящимися при московскомъ училищѣ, дабы чрезъ то поощрить его къ дальнѣйшимъ упражненіямъ и вѣщимъ трудамъ». По этому представленію медицинская коллегія предписала медицинской конторѣ назначить Скабовскому пробную лекцію, Медицинская контора исполнила приказаніе и назначила лекцію: «Объ электрической силѣ, съ показаніемъ принадлежащихъ къ ней опытовъ». Но бѣда была въ томъ, что въ Москвѣ не оказалось ни одной электрической машины, а потому лекція не могла быть прочитана. Прошло два года. Профессоръ Пфеллеръ еще болѣе одряхлѣлъ и ослабѣлъ и успенно просился въ отставку. Случалось, что онъ, начавъ лекцію, падалъ въ обморокъ и Скабовскій продолжалъ и оканчивалъ начатую лекцію. Да и вообще преподаваніе лежало почти исключительно на Скабовскомъ. Наконецъ добыта была электрическая машина и 28 августа 1799 года прочитана пробная лекція на русскомъ языкѣ и заслужила общее одобреніе. Въ донесеніи медицинской конторы сказано, что «поелику оный студентъ правильнымъ и порядочнымъ распоряженіемъ оныя и достаточнымъ изъясненіемъ, также и удовлетворительными опытами на дѣланные ему профессорами вопросы доказалъ свои нужныя для учащаго свѣдѣнія, почему, по мнѣнію профессоровъ, достоинъ онъ, Скабовскій, быть адъюнктъ-профессоромъ, каковое засвѣдѣтельствованіе и сама медицинская контора подтверждаетъ (5 сентября 1799)». Коллегія однакоже не удовлетворилась этимъ, повидимому отъ того, что Скабовскій былъ не медикъ. Въ дополненіе къ пробной лекціи, она приказала дать ему два письменные вопроса, которые онъ долженъ рѣшить въ присутствіи профессоровъ, одинъ на русскомъ, а другой на латинскомъ языкѣ. Это

исполнено. А между тѣмъ Пфеллеръ окончательно слегъ въ постель и наконецъ уволенъ отъ службы (1 февраля 1800), и на его мѣсто все преподаваніе поручено Слабовскому, съ прибавкою еще 100²/₅ р. къ жалованью. Но коллегія не утвердила его въ званіи адъюнктъ-профессора. Она предложила ему представить «теорію зрѣнія и звука». Что было дѣлать? Онъ поѣхалъ въ Петербургъ просить другаго мѣста, съ тѣмъ чтобы не возвращаться въ Москву, тѣмъ болѣе что на мѣсто Пфеллера опредѣленъ уже былъ Шефферъ экстраординарнымъ профессоромъ математики и физики. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ написалъ въ коллегію, что «хотя знаніе сихъ предметовъ (теоріи зрѣнія и звука), собственно относящихся къ моей должности, не есть сверхъ силъ моихъ: но короткость времени, предположеннаго коллегіею къ изясненію оныхъ, сдѣлала то, что въ исполненіи сего не могъ имѣть счастья понравиться коллегіи, а потому отдалено удовлетвореніе моего прошенія до будущаго лучшаго усовершенствованія мною своихъ познаній. Съ покорностію повинуюсь опредѣленію сея коллегіи, честь имѣю при семъ объяснить оной. Какъ усовершенствованіе во всякой наукѣ, такъ паче въ математикѣ и физикѣ, зависитъ отъ пособій, съ какими соединено аккуратнѣйшее познаніе ихъ предметовъ, и слѣдственно гдѣ недостаетъ первыхъ, тамъ затрудняется послѣднее. Въ московской медико-хирургической академіи, сколько мнѣ извѣстно, недостаетъ не только лучшихъ и новѣйшихъ математическихкихъ и физическихкихъ книгъ, но и необходимѣйшихъ, особенно къ послѣдней наукѣ относящихся, машинъ, такъ что кромѣ одной электрической, никакихъ другихъ не находится; каковой недостатокъ ощутительно можетъ быть преградой той успѣшности, предполагаемой сею коллегіею. Напротивъ того, сколько также извѣстно, здѣшней медико-хирургической академіи физической науки классъ снабженъ предыдущими потребностями несравненно преимущественнѣе, гдѣ безъ сомнѣнія и всякое затрудненіе въ познаніяхъ ея науки отвращаемо быть можетъ по мѣрѣ сущихъ въ виду пособій, облегчающихъ оное. По сей причинѣ, имѣя ревностное усердіе соединить съ желаніемъ ея (коллегіи) собственную обязанность и всѣми силами напрягаясь къ достиженію ея цѣли, не нахожу я другаго способа, какъ покорнѣйше просить, дабы медицинская коллегія благоволила, принявъ отъ меня сіе донесеніе, поколику здѣсь при медико-хирургической академіи нѣтъ адъюнктъ-профессора математики и физики, перемѣстить меня въ оную, уважая предыдущее обстоятельство, какъ и то самое, что я здѣсь имѣю у

себя служащихъ родныхъ братьевъ и дядю, съ которыми въ обществѣ надѣюсь приобрести для себя выгоды, могущія замѣнить мнѣ содержаніемъ издержки, понесенныя по бѣдности моей съ крайнимъ отягощеніемъ на проѣзды, и подать способъ приобретаемое мною за труды жалованье употреблять на покупки нужнѣйшихъ по предмету моей должности книгъ для вседневнаго упражненія своего». Коллегія повидимому сожалѣлась надъ нимъ и въ тотъ же день (13 сентября 1800) перевела его въ с.-петербургскую медико-хирургическую академию адъюнктомъ математики и физики, съ жалованьемъ по 450 р. въ годъ.

Въ с.-петербургской медико-хирургической академіи въ это время дѣйствительно было чему поучиться. Математику и физику преподавалъ экстраординарный профессоръ В. В. Петровъ, очень славившійся ученостію и приобрѣтшій извѣстность въ особенности по части электромагнетизма. Онъ много работалъ, собралъ значительную коллекцію физическихъ инструментовъ и нуждался въ помощникѣ. Въ первый годъ учрежденія онъ представилъ коллегіи работу подъ заглавіемъ: «Сокращенное извѣстіе о горѣніи различныхъ сложныхъ естественныхъ тѣлъ въ безвоздушномъ мѣстѣ, въ различныхъ недыхательныхъ газахъ, о причинахъ свѣченія фосфоровъ прозябаемаго и животнаго царствъ, также о многихъ другихъ физико-химическихъ новыхъ открытіяхъ, основанныхъ на вѣрныхъ опытахъ и наблюденіяхъ», и произведенъ въ ординарные профессора (17 іюля 1800), а вскорѣ послѣ того, «во вниманіи къ ученымъ трудамъ его» состоялось особое высочайшее повелѣніе (11 декабря 1801) производить ему жалованье наравнѣ съ другими ординарными профессорами, т. е. не лишать его тѣхъ срочныхъ прибавокъ къ жалованью, какими онъ не пользовался потому только, что не былъ медикомъ и не имѣлъ никакой ученой степени.

Въ одно время съ Петровымъ произведенъ въ ординарные профессора П. Загорскій (18 іюля 1800), представивъ коллегіи нѣсколько наблюденій и переводъ Пленковой «Итрологіи».

Московскій профессоръ Матвѣй Пеккенъ, преподававшій патологию и терапію и практическую медицину въ московскомъ госпиталѣ, избралъ адъюнктомъ себѣ тѣкаря Ефрема Мухина (1 декабря 1795). Исполняя эту должность, Мухинъ выдержалъ докторскій экзаменъ въ московской медицинской конторѣ предъ профессорами и получивъ дипломъ получилъ приглашеніе занять преподавательское мѣсто въ

московскомъ университетѣ. Это опечалило профессора Пеккена и онъ обратился къ медицинской коллегіи (черезъ А. С. Волкова) съ просьбою удержать Мухина при медико-хирургической академіи, поощривъ его дѣятельность и опредѣливъ адъюнктъ профессоромъ. Напомнивъ коллегіи, что Мухинъ болѣе пяти лѣтъ уже состоитъ при немъ адъюнктомъ и всегда отличался тихимъ, кроткимъ и прилежнымъ поведеніемъ и рачительнымъ исполненіемъ своей должности, неусыпнымъ же упражненіемъ приобрѣлъ великую ученость и обширныя свѣдѣнія, Пеккенъ прибавляетъ: «лестно для меня было видѣть въ немъ тошко полезнаго для академіи нашей члена, особливо же поелку преподаваемые нами науки, служація паче всѣхъ прочихъ къ окончательному образованію и усовершенствованію молодыхъ врачей, требуютъ не токмо великой учености, но гупно и многолѣтней зрѣлой опытности. Всѣ сіи отличныя качества необходимо нужныя для профессора, молодыхъ врачей руководствующаго къ дѣйствительному болѣзней врачеванію, существуютъ въ г. Мухинѣ, какъ о томъ и неоспоримо доказываютъ послѣднія его на докторскую степень испытанія и сочиненная имъ для сего диссертанція» (*Doctrina de stimulis*, 1800). По этому представленію медицинская коллегія произвела Е. Мухина въ адъюнктъ-профессоры (30 іюля 1800), съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ.

Московскій профессоръ анатоміи и фізіологіи Іог. Гильдебрандтъ обратился къ коллегіи (въ апрѣлѣ 1799) съ просьбою о перемѣщеніи племянника его Федора Гильдебрандта, служившаго адъюнктомъ при профессорѣ химіи и ботаники Стефанѣ, къ нему самому адъюнктомъ же, съ тѣмъ чтобы къ Стефану назначенъ былъ докторъ естественныхъ наукъ Христ. Шлейцеръ. Коллегія приказала сдѣлать Гильдебрандту испытаніе, можетъ ли онъ читать лекціи порусски. Медицинская контора назначила ему пробную лекцію «О дыханіи и произведеніи животной теплоты» на латинскомъ языкѣ. Лекція прочитана и признана удовлетворительною. Московскіе нѣмцы рассчитывали, что коллегія не замѣтитъ продѣлки подставить латинскую рѣчь вмѣсто предписанной русской. Коллегія однакоже замѣтила и предписала (11 августа 1799) донести, можетъ ли Федоръ Гильдебрандтъ свободно читать лекціи анатоміи и фізіологіи на русскомъ языкѣ. На это послѣдовало донесеніе, «что адъюнктъ Гильдебрандтъ, сколько изъ обхожденія съ нимъ извѣстно, на російскомъ языкѣ говоритъ довольно хорошо, и какъ онъ въ немъ основательно упражняется, то

уповательно, что и самыя лекціи по російски преподавать и вразумительно объяснять въ состояніи». Къ этому медицинская контора прибавила отъ себя, что она согласна на аттестатъ, данный Гильдебрандту профессорамъ, «потому болѣе, что Гильдебрандъ ко изученію російскаго языка, который ему хотя и свѣдомъ, но ко основательному онаго познанію прилагаетъ всевозможнѣйшее стараніе» (18 января 1880). Коллегія не удовлетворилась этимъ. Она дала замѣтить медицинской конторѣ, что дѣло идетъ не о томъ, научится Гильдебрандъ или не научится русскому языку, а о томъ, способенъ ли онъ нынѣ читать лекціи порусски. Поэтому приказала назначить ему еще разъ пробную лекцію на русскомъ языкѣ. Онъ читалъ ее «о слуховомъ орудіи тѣла человѣческаго» и профессора донесли (19 марта 1880), что «онъ говоритъ яснымъ и совершенно внятнымъ образомъ и нарочито чистымъ слогомъ и по нашему мнѣнію способенъ къ преподаванію врачебнаго ученія на языкѣ російскомъ, паче же когда онъ и впредь будетъ имѣть равномѣрное, какъ и нынѣ, стараніе о приобрѣтеніи совершеннаго познанія въ ономъ языкѣ». Очевидно, что Гильдебрандъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ: но коллегія утвердила его адъюнктомъ при кафедрѣ анатоміи и фізіологіи (8 мая 1880).

Чтоже касается просьбы профессора Стефана объ опредѣленіи адъюнктомъ къ нему Христ. Шлейцера, то коллегія отказала въ ней на томъ основаніи, что химія и ботаника должны читаться въ академіи медикомъ, а не натуралистомъ.

Получивъ этотъ отказъ, профессоръ Стефанъ просилъ опредѣлить на мѣсто Гильдебрандта студента 2 класса Сергѣя Смирнова, съ утвержденіемъ адъюнктомъ къ нему. Коллегія потребовала свѣденій о немъ и узнала, что Смирновъ на переводномъ бурсовомъ экзаменѣ оказалъ превосходные успѣхи и переведенъ въ 3 классъ. По этой аттестаціи коллегія зачислила его (30 октября 1880) къ профессору Стефану, съ тѣмъ чтобы онъ не отвлекался отъ прохожденія медицинскихъ наукъ, съ обѣщаніемъ вознаградить его въ послѣдствіи за трудъ по усмотрѣнію медицинской конторы.

Послѣ перевода адъюнктъ-профессора П. Сабовскаго въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, кафедра математики и фізики въ московской академіи совершенно опротивѣла и на нее просился докторъ Фридрихъ Теофиль Шефферъ (Fr. Th. Schoeffer). Ему предложена пробная лекція изъ фізики, а потомъ назначено рѣшить двѣ физическія задачи, одну на русскомъ, а другую на латинскомъ

языкъ. Всѣ эти испытанія производились въ с.-петербургской медико-хирургической академіи и въ присутствіи членовъ коллегіи, потому что Шефферъ хлопоталъ о всемъ этомъ дѣлѣ не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. И лекція и задачи его были одобрены и онъ опредѣленъ (13 марта 1800) экстраординарнымъ профессоромъ математики и физики въ московской медико-хирургической академіи.

Такимъ образомъ къ концу перваго учебнаго года въ обѣихъ медико-хирургическихъ академіяхъ состояли слѣдующіе профессора и адъюнкты-профессоры, а именно:

въ С.-Петербургской медико-хирургической Академіи, ordinарные профессора:

Григорій Соболевскій	ботаника
Василій Севергинъ	химія
Иог. Христ. Рингебройгъ	матерія медика и судебная медицина.
Григорій Базиловичъ	патологія и терапія
Петръ Загорскій	анатомія и фізіологія
Иванъ Бушъ	хирургія.
Василій Петровъ.	математика и физика.

Адъюнкты-профессоры:

Иванъ Смѣловскій	матерія медика и практическая медицина.
------------------	---

Тимофей Смѣловскій, ботаника, химія и минералогія; онъ же помогъ Севергину въ лабораторныхъ работахъ.

Григорій Сухаревъ	акушерство и женскія болѣзни
-------------------	------------------------------

Иванъ Книгинъ	анатомія и фізіологія
Иванъ Скабовскій	математика и физика.

Прозекторъ Иванъ Энгель, переведенъ (17 сентября 1800) въ Калининскій институтъ, на мѣсто Буша, для преподаванія анатоміи и фізіологіи:

Президентомъ конференціи въ с.-петербургской медико-хирургической академіи въ этотъ первый годъ существованія ея былъ профессоръ Рингебройгъ, письмоводителемъ Θεотимовъ Бѣлецкій, а для письменныхъ дѣлъ губер. регистраторъ Пропоповичъ.

Въ Московской медико-хирургической Академіи:

<i>ordinарные профессора:</i> Фридрихъ Стефанъ	ботаника и химія
Матвѣй Певкень.	патологія и медицинская практика

Иванъ Гильдебрандтъ.	анатомія и фізіологія
Павель Шумлянскій.	materia medica и хирургія
Эбстр. профессоръ Фридрихъ Шефферъ,	математика и физика.
<i>адъюнкты-профессоры:</i> Гавриилъ Поповъ— акушерство	
Василій Митроновичъ,	хирургія и materia medica ¹⁾
Ефремъ Мухинъ	патологія и терапия
Федоръ Гильдебрандтъ.	анатомія и фізіологія.

Пересматривая эту довольно обширную программу академическаго преподаванія нельзя не замѣтить, что это преподаваніе было слишкомъ теоретично, и отъ того не полно. Кромѣ анатоміи и хирургіи, студентъ едвали имѣлъ возможность примѣнять свои знанія къ практической дѣйствительности. Для патологій съ терапіею, для акушерства существовали отдѣльныя самостоятельныя кафедры: но не выдавъ ни одного больного и ни одной роженицы, студентъ едвали умѣлъ распознать въ дѣйствительности хоть одну болѣзнь, подробно описанную съ теоретической кафедры. Не было клиникъ и замѣнить ихъ не могло самое подробное описаніе. Для старыхъ госпитальныхъ шефовъ и послѣдовавшихъ за ними медико-хирургическихъ училищъ при большихъ госпиталяхъ эти послѣдніе замѣняли клиники и клиникистами почти всегда были старшіе или госпитальные доктора, получавшіе за то вознагражденіе наравнѣ съ профессорами. Но гдѣ училища отдѣлились отъ госпиталей удобство это исчезло. Даже медицинскій факультетъ, не смотря на сорока-лѣтнее существованіе его, не имѣлъ своихъ клиникъ и для практическаго примѣненія знаній посылалъ учениковъ своихъ въ московскій госпиталь на нѣсколько мѣсяцовъ и только по окончаніи этого срока выдавалъ имъ дипломы. Только въ концѣ прошлаго столѣтія, а именно 10 февраля 1797 года, съ разрѣшенія медицинской коллегіи, въ московскомъ военномъ госпиталѣ открыта постоянная клиническая палата, подъ управленіемъ профессора патологій и терапіи Матвѣя Пеккена. Она снабжена была всеми необходимыми принадлежностями клиническаго преподаванія, но помѣщала въ себѣ только 10 больныхъ. Завѣдывалъ ею адъюнктъ Е. Мухинъ, а преподавалъ въ ней лекціи діагностики и терапіи профессоръ Пеккенъ. Эта клиническая палата была первою московскою клинкою и существовала до учрежденія академическихъ клиникъ.

¹⁾ Онъ былъ адъюнктомъ при профессорѣ Шумлянскомъ и только 18 апрѣля 1801 года утвержденъ адъюнктомъ профессоромъ

Въ с.-петербургской медико-хирургической академіи первыя клиники открылись не ранѣе 1806 ¹⁾).

Кафедра акушерства тоже не имѣла своихъ клиникъ. Онѣ замѣнялись тѣмъ, что ученики госпитальныхъ школъ посылались поочередно и въ опредѣленномъ числѣ въ родильные госпитали Воспитательныхъ домовъ. Съ разрѣшенія императрицы Маріи Федоровны, 31 октября 1797 года, постановлено посылать изъ врачебныхъ училищъ по два студента въ родильные госпитали Воспитательныхъ домовъ на два мѣсяца. Тамъ они слушали курсъ практическаго акушерства въ Петербургѣ у профессора Н. Максимовича Амбодика, а въ Москвѣ сперва у Я. Шумлянскаго, а послѣ его смерти у Вил. Рихтера. Курсы эти, очевидно, должны были быть очень кратки и потому едва ли не бесполезны. Для улучшенія дѣла, въ началѣ 1800 года, профессоръ Московскаго Воспитательнаго дома Вил. Рихтеръ прислалъ къ барону Васильеву проектъ устройства «Практическаго акушерскаго института въ Москвѣ». Медицинская коллегія подробно рассмотрѣла этотъ проектъ, признала его до нѣкоторой степени полезнымъ, но не исполнимымъ, «1) потому, что заведеніе таковаго акушерскаго института должно принять видъ главнаго училища, отдѣльнаго отъ медико-хирургической академіи, то и теряетъ существенную часть предполагаемой цѣли въ разсужденіи выгодъ для академическихъ воспитанниковъ, отъ которыхъ они удалены быть должны и 2) какъ учрежденіе подобнаго сему института предполагается при академіяхъ, то и издержки требуемыя на созиданіе новаго акушерскаго дома сколько велики, столько и бесполезны. При томъ изъ внутренняго распоряженія г. Рихтера беременнымъ, родильницамъ, а по необходимости еще кормилицамъ, нянькамъ и прачкамъ, также студентамъ и ученицамъ житьельствовать подъ одною кровлею совокупно, хотя и въ отдѣльныхъ комнатахъ, нѣчто найдется предосудительно, ненадежно и соблазнительно; а особливо не будетъ соответствовать похвальному намѣренію сочинителя, что жены беременныя узнавъ, каковы должны быть непремѣнно для практики акушерской въ повивальномъ перстномъ осязаніи частыя упражненія болѣе по одному любопытству, нежели по необходимости производимыя, ни въ какомъ случаѣ не согласятся входить туда добровольно (12 іюня 1800)». Коллегія, очевидно не

1) Первыя клиники с.-петербургской медико-хирургической академіи описаны мною въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ* 1874 года, pp° 3, 5, 6 и 7.

хотѣлось вникать въ сущность этого вопроса и потому она прикрыла его совершенно неудущею къ дѣлу стыдливостью. Оттуда неумѣстное и несправедливое указаніе на совмѣстное житье студентовъ съ няньками и кормилицами, равно какъ напрасное указаніе на то, будто роженицы, изъ опасенія оскорбленій стыдливости учащимися, не захотятъ добровольно поступать въ институтъ. Студентамъ не зачѣмъ было жить подъ одной кровлею съ женщинами; а что касается посѣщенія родильницъ студентами, то оно давно практиковалось учащимися и никто никогда не жаловался на эту сторону академическаго ученія. Мало того. Коллегія не хотѣла припомнить, что за полгода до разсмотрѣнія этого вопроса, онъ отчасти рѣшенъ уже императрицею Марією Федоровною. Разсматривая отчеты Воспитательныхъ домовъ, она замѣтила, что командируемые къ родильнымъ домамъ студенты перемѣняются слишкомъ часто и отъ того мало имѣютъ времени для практическаго изученія акушерства. По этому 3 января 1800 года она приказала Московскому Онегунскому Совѣту передать барону Васильеву, что этотъ срокъ (2 мѣсяца) для студентовъ «слишкомъ коротокъ и что столь короткій срокъ не можетъ быть достаточенъ для приобрѣтенія и усовершенія ихъ въ нужныхъ знаніяхъ сего искуства». Баронъ Васильевъ передалъ дѣло коллегіи, которая и постановила представить ему, что было бы гораздо лучше посылать студентовъ на четыре мѣсяца (вмѣсто 2) и по четыре человѣка (тоже вмѣсто 2). Баронъ Васильевъ, доблывая императрицѣ о постановленіи коллегіи, прибавилъ, чтобы въ родильные дома посылались исключительно кандидаты медицины (т. е. окончившіе уже полный теоретическій курсъ ученія), а кандидатовъ то въ этомъ учебномъ году было всего по 12 человѣкъ въ обѣихъ академіяхъ. Разрѣшеніе послѣдовало и сообщено кому слѣдуетъ 18 февраля 1800, и императрицѣ даже на мысль не приходило поднимать какія либо сомнѣнія касательно соотношеній студентовъ съ женскимъ персоналомъ родильныхъ домовъ. Какъ бы однакоже ни было, но таже коллегія отклонила вопросъ объ устройствѣ акушерскаго института въ Москвѣ, и отклонила подъ лицемѣрнымъ предлогомъ.

Новооткрытыя медико-хирургическія академіи обладали, вообще говоря, весьма значительными учебными пособіями. Лекціи читались преимущественно на русскомъ языкѣ и выше мы видѣли, какъ дорожила коллегія способностью профессоровъ и адъюнктовъ-профессоровъ вести преподаваніе на русскомъ языкѣ. Не былъ выгнанъ изъ препо-

даванія и латинскій языкъ: но онъ скорѣе служилъ роскошью, чѣмъ необходимостью. Только въ клиникахъ и госпиталяхъ латинскій языкъ безусловно былъ обязателенъ и господствовалъ безраздѣльно. Студентъ, который бы рѣшился «принимать больнаго» въ клинику на русскомъ языкѣ, былъ бы публично осмѣянъ товарищами, а профессорами даже и не выслушанъ, т. е. безъапелляціонно осужденъ на оставленіе на другой годъ въ томъ же курсѣ. Кажется, однакоже, что такихъ примѣровъ вовсе не бывало и не могло быть, точно такъ какъ не могло быть рецепта на русскомъ языкѣ: это несообразно было бы ни съ старыми преданіями, ни съ нравами и обычаями современнаго медицинскаго быта. Исключеніе допускалось только для иностранныхъ врачей, искавшихъ права практики въ Россіи. Но и тѣ отвѣчали на родномъ себѣ языкѣ только при экзаменѣ изъ теоретическихъ предметовъ, между тѣмъ какъ давали письменные отвѣты и писали докторскія диссертациі на латинскомъ языкѣ.

Удовлетворяя потребностямъ студентовъ, каждый профессоръ старался пріискать хорошій учебникъ по своему предмету и переводилъ его на русскій языкъ. Многіе профессора сами составляли учебники, какъ на примѣръ П. А. Загорскій, И. Ф. Бушъ и др.

Переводная медицинская литература начала быстро расширяться и явилась даже потребность въ періодическихъ изданіяхъ. Первая мысль о періодическомъ изданіи принадлежала медицинской коллегіи и вошла въ инструкцію коллегіи. А именно въ 9 и 10 пунктахъ этой инструкции сказано, «чтобы каждый изъ докторовъ и лѣкарей повседневнаго своего врачеванія журналъ у себя велъ и описывалъ методъ, какимъ онъ кого и въ какой, а особливо хронической и экстраординарной, болѣзни лѣчилъ, и тотъ бы журналъ въ три мѣсяца, или какъ назначать, въ коллегію присылалъ. Исторія медицинской сей коллегіи такимъ образомъ собираема изъ всей имперіи будетъ, и по разности климатовъ и пространству земель, много включатъ новаго въ откровеніи натуры для врачеванія рода человѣческаго, а уповательно что и лѣкарствы изъ произращеній откроются новыя. Коллегія изъ собранія такихъ журналовъ негодное исключая, полезное издавать должна въ печать на латинскомъ языкѣ особливою книгою, подъ именемъ «*Записки докторовъ російскихъ*», которые хотя для однихъ только докторовъ и физиковъ издаваться будутъ во всю Европу, и матерія оныхъ имъ однимъ вразумительна будетъ; Однакожь экстрактомъ на-

добно прилагать притомъ и переводъ на російскій языкъ». По духу времени, т. е. по ограниченію тогдашней медицины практическою только ея стороною, матеріалами для этихъ «Записокъ» назначались только экстраординарные практическіе случаи или медицинская казуистика. Это подтверждено и разъяснительнымъ указомъ медицинской коллегіи отъ 8 марта 1764 года, въ которомъ сказано, что матеріалами для изданія должны быть «примѣчанія присылаемые, отъ російскихъ врачей, которыя, бывъ одобрены, внесутся въ *Россійскія медицинскія комментаріи* и будутъ напечатаны по силѣ данной Е. П. В. инструкціи». А чтобы врачи не отказывались присылать свои «примѣчанія», въ инструкціи коллегіи сказано, что тотъ изъ нихъ, кто пришлетъ болѣе дѣльныхъ «примѣчанія» или «обсерваціи», получитъ высшее служебное мѣсто. Такъ дѣйствительно и бывало.

И такъ необходимость медицинской журналистики была признана, а вскорѣ коллегіею получены и матеріалы для изданія «Записокъ», сортировавшіеся ученымъ секретаремъ ея по классамъ, т. е. по ихъ внутреннему содержанию и достоинству. Но не смотря на это сознаніе, изданіе «Записокъ» долго не осуществлялось. Трудно рѣшить, что останавливало коллегію, хотя многіе изъ врачей того времени высказывали пользу и даже необходимость спеціальнаго періодическаго изданія. Между ними нашелся даже одинъ, который рѣшился издавать медицинскій журналъ своими собственными частными средствами: это былъ докторъ и въ послѣдствіи профессоръ с.-петербургской медико-хирургической академіи Фридрихъ Уденъ (Fr. Uden), человекъ обширнаго образованія и большой энергіи. Отъ своего собственнаго имени, 5 іюля 1792 года, подалъ онъ въ медицинскую коллегію прошеніе о дозволеніи издавать еженедѣльный журналъ подъ названіемъ *Бесѣдующіе врачи или общепользная врачебная переписка*. При этомъ онъ представилъ въ коллегію первый листъ предполагаемаго имъ изданія, прося разрѣшенія напечатать его. Но коллегія не позволила напечатать этотъ листъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «по разсмотрѣніи коллегіею примѣчено нѣкоторое въ ономъ отношеніе до вѣры и церковныхъ обрядовъ», а именно вопросы относительно различныхъ родовъ пищи (постной и скоромной) въ болѣзняхъ. Однако эта неудача не остановила Удена. Онъ пригласилъ къ участию въ изданіи журнала нѣсколькихъ товарищей и объявилъ отъ общаго съ ними имени въ газетахъ о намѣреніи издавать еженедѣльный журналъ подъ вы-

шесказаннымъ заглавіемъ. А для большаго успѣха дѣла, редакторы запаслись протекціею всеильнаго тогда графа П. А. Зубова, посвятивъ ему свое изданіе. Но передъ самымъ началомъ изданія они перемѣнили названіе его и объявили о томъ особою публикаціею 25 августа 1792 года: журналъ предположено назвать *С.-Петербургскими Врачебными Вѣдомостями*, подъ каковымъ именемъ онъ дѣйствительно и явился въ свѣтъ 2 ноября 1792 года, листами въ четвертку. Цѣлью изданія ставилось «распространеніе удобопонятнѣйшихъ истинъ врачебной науки и преподаваніе средствъ къ соблюденію и поправленію здоровья», т. е. проведеніе здравыхъ физиологическихъ и гигіеническихъ понятій въ народный бытъ. Но послѣ втораго полугодія это изданіе прекратилось по недостатку средствъ, существовавъ только одинъ годъ.

Однакоже изданіе *С.-Петербургскихъ Врачебныхъ Вѣдомостей* не осталось безъ послѣдствій. Медицинская коллегія вспомнила лежавшую на ней обязанность издавать обсерваціи врачей и черезъ пять лѣтъ послѣ того опредѣлила (26 марта 1797 года): «возложить на ученаго секретаря и члена сей коллегіи надворнаго совѣтника И. Віена, дабы онъ къ числу, по примѣру представленныхъ имъ обработанныхъ 17 врачебныхъ примѣчаній и коллегіею назначенныхъ къ напечатанію, присоединилъ по своему разсмотрѣнію изъ опредѣленныхъ къ 1 и 2 классу, находящихся въ ученомъ архивѣ врачебныхъ примѣчаній, надлежащее число къ составленію перваго тома подъ названіемъ: *Записки російскихъ врачей*, для напечатанія купно на російскомъ и латинскомъ языкахъ чрезъ страницу въ четвертьлистовый форматъ». Дѣло однакоже опять замедлилось споромъ: печатать ли статьи на двухъ языкахъ или на которомъ либо одномъ. По большинству голосовъ постановлено печатать на двухъ языкахъ: рускомъ и латинскомъ; но это не исполнилось и сборникъ собранныхъ статей напечатанъ на одномъ латинскомъ языкѣ бывшимъ ученымъ секретаремъ коллегіи И. Віеномъ, отъ его собственного имени, подъ заглавіемъ: *Observationes medico-chirurgorum Rutheni Imperii, collectae et in ordinem redactae a S. M. Vien, consillario status, imperiali collegio medico ab epistolis sodali ejusdem emerito*. Petropoli. In typographia medica. MDCCCV. 8°. V. et 293. Книга посвящена издателемъ императору Александру I и въ началѣ ея приложена замысловатая заглавная виньетка, а въ концѣ 14 таблицъ литографированныхъ рисунковъ. Въ этой книгѣ напечатано 50 медико-хирургическихъ наблюде-

ній, и она составила хорошій сборникъ современной медицины, но не представлявшій ничего похожаго на періодическое изданіе ¹⁾).

Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что еще за четыре года до появленія Удцова журнала, началъ печататься въ Москвѣ, тоже въ родѣ сборника, *Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи, или полное собраніе матерій, принадлежащихъ къ симъ тремъ наукамъ* и проч. Москва, 1788—1792, всего 10 книгъ, въ осьмушку. Въ немъ, между прочимъ, находится много статей чисто медицинскіихъ.

С.-Петербургская медико-хирургическая академія, при самомъ учрежденіи ея, снабжена была весьма значительною библіотекою. Въ эту библіотеку вошли всѣ книги, брошюры, атласы и журналы, постепенно накопленные медицинскою канцелярією и коллегією, и госпитальными медицинскими школами и училищами. Книги медицинской коллегии приведены были въ порядокъ ученымъ секретаремъ ея И. Віеномъ въ 1794 году, и эта работа принесла ему особую благодарность коллегии. Книги с.-петербургскаго сухопутнаго госпиталя (т. е. тамошняго медико-хирургическаго училища) находились въ завѣдываніи лѣкаря Іоганна Кюта (1799), получавшаго за это особую прибавку къ жалованью. Оба эти факта указываютъ, что собранія книгъ были не маловажны, если надзоръ за ними составлялъ особую должность, оплачивавшуюся особымъ жалованьемъ. Книгъ было много, но еще больше было журналовъ и разныхъ періодическихъ изданій. Вся эта библіотека основана была П. З. Кондоиди въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія и старательно поддерживалась, такъ что могла быть признана самою богатою въ Россіи. Кромѣ выписки книгъ изъ заграницы, медицинская коллегія охотно покупала книги отъ семействъ докторовъ, прибывшихъ въ Россію и умершихъ тамъ, если эти книги соотвѣтствовали современному состоянію медицины на западѣ. Такъ, напримѣръ, для библіотеки московскаго врачебнаго училища куплено у профессора акушерства Карла Борна книгъ на 198 р. 15 к., скелетовъ на 50 р. и инструментовъ на 25 р., а всего на 270 руб 15 коп. (29 октября 1797). И такихъ случаевъ бывало множество. Медицинская коллегія не скупилась на деньги для пріобрѣтенія книгъ и «умноженія библіотекъ», но за то попадала иногда

Историческій очеркъ русской медицинской журналистики, Я. Чистовича, въ Медицинскомъ Вѣстникѣ, 1861 года, нп° 1—4.

въ просякъ отъ встрѣчи съ корыстолюбиемъ и обманами. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій эпизодъ. Въ концѣ 1799 года данъ былъ слѣдующій именной указъ императора Павла I на имя главнаго директора медицинской коллегіи барона Васильева:

«Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей, баронъ Васильевъ.

Подносимыя намъ отъ наслѣдниковъ покойнаго лейбъ-медика Круза, оставшіяся послѣ него, старшаго Бургава *Манускрипты съ рисунками и принадлежащею библіотекою*, приѣмля съ благоволеніемъ, поручаемъ вамъ взять ихъ въ вѣдомство медицинской коллегіи, гдѣ они разобраны, сохранны и съ вѣдома нашего на общую пользу употреблены быть имѣютъ. Въ награжденіежъ наслѣдниковъ Круза за таковое на общую пользу приношеніе, повелѣваемъ, освободя ихъ отъ долгу, въ нашемъ вспомогательномъ государственномъ банкѣ на нихъ состоящаго, въ шестидесяти трехъ тысячахъ рубляхъ, принять оный и перевести насчетъ медицинской коллегіи; въ чемъ и не оставите вы сдѣлать надлежащее распоряженіе и снести съ главнымъ директоромъ вспомогательнаго банка. Пребываемъ вамъ благосклонны. *Павелъ*».

Декабря 20 дня 1799 года, С.-Петербургъ.

Манускрипты и библіотеку принялъ отъ полковника Альбрехта, вѣтя Крузе, библіотекаръ медико-хирургической академіи коллежскій ассессоръ Дмитрій Моренковъ и донесъ, что она состоитъ изъ 811 нумеровъ и 1144 волюмовъ, въ 18 ящикахъ, но многіе попорчены, подмочены и неполны.

Коллегія пригласила въ разборъ этихъ манускриптовъ почетныхъ членовъ своихъ, докторовъ Бахерахта и Удена, которые нашли 146 манускриптовъ, въ томъ числѣ: 1) въ числѣ манускриптовъ стараго Бургава находится весьма знатное количество писанныхъ другими врачами и его учениками въ тѣ времена, когда онъ былъ профессоромъ при Лейденскомъ университетѣ, преподавая врачебную науку; 2) писанныхъ собственною сего славнаго врача рукою весьма малая часть обрѣтается, и какъ явствуетъ по врачебной литературѣ, многіе изъ нихъ съ пополненіемъ и исправленіемъ нѣкоторыхъ артикуловъ самимъ Бургавомъ въ ученый свѣтъ изданы; 3) а нѣкоторые послѣ его смерти другими славными врачами, кои обучались у него врачебной наукѣ, съ пополненіемъ и присовокупленіемъ собственныхъ

своихъ практическихъ примѣчаній и откровеній, также изданы. 4) Хотя же онаго славнаго врача въ числѣ вышепоказанныхъ и находится нѣкоторое количество манускриптовъ писанныхъ имъ самимъ и другихъ врачей, кои служили ему къ сочиненію изданныхъ въ свѣтъ сочиненій, то и тѣ о таковыхъ врачебныхъ предметахъ, кои достаточнѣе описаны и новыми откровеніями отъ другихъ врачей пополнены. 5) Принятыхъ же отъ г. полковника Альбрехта печатныхъ книгъ поступило въ медицинскую коллегію числомъ 87; но нѣкоторыя изъ оныхъ испорчены и замочены, а нѣкоторыя даже и неполны. Почему медицинская коллегія, не находя при разсмотрѣваніи оныхъ манускриптовъ ничего такого, что бы могло служить къ лучшему усовершенствованію и просвѣщенію врачебной науки, опредѣлила представить объ ономъ г. главному директору, приобщивъ онымъ манускриптамъ реестръ, съ показаніемъ писателей и замѣчаній» (22 декабря 1799).

По этому опредѣленію медицинской коллегии выходило, что ни бібліотека покойнаго Крузе, ни въ особенности манускрипты стараго Бургава не могли принести ни малѣйшей пользы и не только не стоили 63,000 рублей, но и ничего не стоили, а уплата за нихъ этихъ денегъ была напрасная издержка, которую слѣдовало бы остановить. Но въ такомъ случаѣ какъ же быть съ государевымъ рескриптомъ? Баронъ Васильевъ не отказался отъ разъясненія дѣла, но не торопился съ нимъ и черезъ три мѣсяца доложилъ императору Павлу Петровичу и получилъ въ отвѣтъ, что царская милость должна остаться милостью и потому рескрипта отмѣнить нельзя; а что касается до книгъ и манускриптовъ, то пусть они хранятся въ бібліотекѣ медицинской коллегии подъ именемъ «манускриптовъ Бургава» (3 марта 1800). Вскорѣ послѣ того они сданы въ бібліотеку с.-петербургской медико-хирургической академіи.

Наконецъ академическая бібліотека получила большое приращеніе изъ бібліотеки Залусскаго, привезенной лѣтомъ 1798 года изъ Варшавы въ Петербургъ и отданной въ распоряженіе с.-петербургской академіи наукъ. Бібліотека эта была весьма обширна и обнимала всѣ отрасли знанія. Баронъ Васильевъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе (11 сентября 1798) отобрать изъ нея медицинскія книги и передать въ медицинскія училища при госпиталяхъ. Для выбора книгъ назначены были профессоръ Базилевичъ и операторъ Моренковъ и посланы къ графу Шуазелю (тайный совѣтникъ и президентъ с.-пе-

тербургской академіи художествъ), въ вѣдѣніи котораго находилась вся залусская бібліотека.

Медико-хирургическая академія наслѣдовала отъ медицинской коллегіи всѣ коллекціи какъ ученаго, такъ и учебнаго содержанія, зародыши которыхъ существовали впрочемъ и прежде въ разныхъ кабинетахъ и музеяхъ при медико-хирургическихъ училищахъ. При этомъ та была выгода, что разрозненные коллекціи соединялись вмѣстѣ и составляли весьма обширные кабинеты. Такъ, еще съ петровскихъ временъ при медицинской коллегіи существовалъ анатомическій кабинетъ Либериновыхъ препаратовъ, состоявшій въ завѣдываніи одного изъ членовъ ея за особую плату. Сюда же относились «монстры», собиравшіеся чуть не сотню лѣтъ со всей Россіи и оплачивавшіеся довольно высокою цѣною. Ихъ было очень много. Сперва завѣдывалъ ими ученый секретарь коллегіи (И. Виень), а потомъ они надобно ему и онъ вошелъ съ представленіемъ, что «многіе изъ нихъ не суть весьма рѣдкихъ достоинствъ и токмо стѣсняють и занимають излишнее мѣсто въ покоехъ, гдѣ находится бібліотека, а потому не благоволено ли будетъ отослать ихъ въ госпитальный анатомическій театръ (т. е. въ госпитальный анатомическій кабинетъ)». Коллегія согласилась съ этимъ представленіемъ и передала ихъ профессору Н. Карпинскому въ с.-петербургское медико-хирургическое училище, съ приплатою за храненіе ихъ 100 р. къ жалованью ¹⁾ (14 ноября 1793). Наконецъ сюда же относились всѣ учебные препараты, которые со времени учрежденія госпитальныхъ школъ приготовлялись частію преподавателями и прозекторами и въ свою очередь служили учебными пособіями для слѣдующихъ поколѣній учащихся. Всѣ эти предметы составили обширную коллекцію, которая передана была въ академію и составила анатомическій кабинетъ ея, существующій и до нынѣ.

Къ числу учебныхъ пособій, переданныхъ новоучрежденнымъ медико-хирургическимъ академіямъ, принадлежали ботаническіе сады и ботаническіе кабинеты. Ботаническіе сады заведены почти въ одно время въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но дальнѣйшая участь ихъ была не одинакова. Петербургскій садъ, на Аптекарскомъ островѣ, постоянно управляемъ былъ которымъ либо изъ профессоровъ медико-хирургическаго училища, который и жилъ тамъ (Шрейберъ, Тереховъ

¹⁾ Плата эта прекращена 10 февраля 1802 года.

скій, Соболевскій, Гофманъ). Часто направлялись туда ботаническія экскурсіи учениковъ госпитальныхъ школъ и наглядно знакомили ихъ съ медицинскою ботаникою. Тамъ составлена и издана Соболевскимъ *Flora Ingrica*, 1761) и служившая дополненіемъ къ ней *Flora petropolitana* (1798) и обработанъ гербарій, содержавшій 2200 растений, расположеннымъ по классамъ Линнеевой системы. Онъ былъ купленъ медицинскою коллегіею для с.-петербургскаго медико-хирургическаго училища за 1600 р. и донныя служить украшеніемъ ботаническаго кабинета медико-хирургической академіи. Соболевскій преподавалъ ботанику по руководству Амбодика, работавшаго тоже въ здѣшнемъ ботаническомъ саду, пока Т. Смѣловскій перевелъ и напечаталъ *Ботаническую философію* Линнея, которая и принята была въ руководство при преподаваніи. Но преподаваніе ботаники было не единственною задачею ботаническаго сада. Въ немъ находилась еще обширная лабораторія для приготовленія различныхъ аптекарскихъ матеріаловъ, эфирныхъ маселъ, лечебныхъ экстрактовъ и т. п. Профессоръ Тереховскій отказался отъ аптечныхъ работъ въ саду и онѣ поручены были (24 марта 1795) состоявшему тамъ аптекарю Ивану Веделю. А черезъ два года с.-петербургскій ботаническій садъ переданъ въ вѣдѣніе члена медицинскою коллегіи аптекаря Богдана Виятенбергера, по должности директора аптечнаго запаснаго магазина (8 января 1797).

Въ Москвѣ тоже былъ ботаническій садъ, сначала называвшійся «аптекарскимъ огородомъ». Онъ находился при главной аптекѣ, именно на проѣзжей улицѣ отъ Тверской Ямской въ Кудрино, между мѣстомъ княгини Натальи Ивановны Щербатовой и мѣстомъ Петра Михайловича Бутурлина. Аптека стояла на Кудринской улицѣ, а садъ позади нея. Всего подъ аптекою съ садомъ и пустопорожнимъ полемъ было (въ 1794 году) пять десятинъ 628 кв. сажень, а именно: подъ аптечнымъ строеніемъ, обращеннымъ къ Кудринской улицѣ, 1 десятинна 1602 кв. сажени; подъ регулярнымъ садомъ за нею, обращеннымъ къ проѣзжей дорогѣ въ Кудрино, 1 десятинна 1316 кв. сажень; подъ полемъ, опредѣленнымъ для посѣва разныхъ нужныхъ для аптеки произрастеній, обращеннымъ къ мѣсту княгини Щербатовой, 1 десятинна 1700 кв. сажень; подъ пустымъ и незасѣваемымъ полемъ, обращеннымъ къ мѣсту Бутурлина, позади регулярнаго сада, 810 кв. сажень. Кромѣ Москвы, существовали еще сады Лубенскій и Купенскій; но послѣдніе два не имѣли никакого

учебнаго значенія, а потому объ нихъ и нечего говорить. Всѣ эти сады, по порученію медицинской коллегіи, были подробно осмотрѣны въ 1794 году членами ея Ст. Андреевскимъ и Иос. Каменецкимъ и найдены беспорядочными и запустѣлыми, а въ нѣкоторыхъ открыты даже злоупотребленія, при совершенномъ отсутствіи отчетности.

Въ томъ состояніи, въ какомъ нашли московскій садъ выше означенные члены медицинской коллегіи, онъ ни къ чему не годился и почти не существовалъ. Правда, въ немъ занимался профессоръ Стефанъ, но занимался какъ частный человекъ. Тутъ составилъ онъ хорошій гербарій въ 1800 растений и напечаталъ свое *Enumeratio plantarum mosquensium*, 1795 года. Эти работы приняты были благосклонно и у него явилась мысль обновить садъ и сдѣлать его дѣйствительно полезнымъ. По этому, бывъ въ Петербургѣ зимою 1796 года, онъ представилъ барону Васильеву предложеніе возстановить старый садъ за Сухаревою башнею, для разведенія лѣчебныхъ растений, и поручить ему надзоръ надъ нимъ, подобно тому какъ въ старое время исполнялъ это докторъ Трауг. Герберъ. Для этого онъ требовалъ, чтобы въ саду поправлены были домъ и оранжерея, на что, по его соображеніямъ, достаточно было бы одновременно 600 руб., и чтобы ему данъ былъ подмастерье и работникъ (а садовника неужно). вмѣстѣ съ этимъ онъ предлагалъ завести въ саду *Музей естественной исторіи*, въ основаніе котораго подарилъ гербарій въ 1800 растений и собраніе минераловъ и насѣкомыхъ. Предлагалъ также читать тамъ лекціи зоологіи и минералогіи (за известное жалованье) и разводить въ саду травы, нужныя для аптеки. Баронъ Васильевъ передалъ это дѣло на разсмотрѣніе медицинской коллегіи, которая и передала садъ съ лабораторіею въ немъ (14 февраля 1796) въ полное распоряженіе Стефана, подъ надзоромъ московской медицинской конторы, и приказала выдать ему 600 рублей на передѣлку дома и оранжереи, гдѣ онъ и жить долженъ былъ. Однакоже ни зоологіи, ни минералогіи Стефанъ не преподавалъ, а завѣдывалъ садомъ до 28 февраля 1798.

Минералогія до учрежденія академій не преподавалась отдѣльно. Съ нею ученики нѣсколько знакомились чрезъ преподавателя химіи, академика и профессора В. Севергина ¹⁾. Пособіемъ при его препода-

¹⁾ Общая химія и медицинская химія преподавались по руководству Иос. Франсуа Жакеа. Профессоръ В. М. Севергинъ занималъ кафедру минерало-

ваніи служили коллекціи минераловъ, находившіяся частію въ главной аптекѣ, а частію въ медицинской коллегіи. Любопытно происхожденіе этихъ коллекцій. Собираніе ихъ началось очень давно. 16 ноября 1736 года состоялся кабинетскій указъ «о всѣхъ рудахъ и минералахъ изъ Сибири, Оренбурга, съ Медвѣжьяго острова и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ горные заводы имѣются и впредь заведены быть могутъ, по небольшому числу въ оную медицинскую канцелярію присылать. А понеже нѣкоторое число оныхъ минераловъ изъ разныхъ мѣстъ въ медицинскую канцелярію и прислано, которыхъ обрѣтающійся при академіи наукъ медикъ Stöller, за неизмѣннѣе при медицинской канцеляріи знающаго оныхъ минераловъ человека, разобралъ и о томъ сочинилъ каталогъ; того рода оному Штеллеру въ награжденіе за оный его трудъ изъ медицинской канцеляріи приказано архіатеромъ Фишеромъ выдать десять рублей.

Это было первымъ основаніемъ минералогическаго кабинета с.-петербургской медико-хирургической академіи (22 декабря 1737 года). Продолжалась ли послѣ этого присылка минераловъ и когда она прекратилась—свѣдѣній не имѣется. Въ послѣдствіи времени медицинская коллегія купила для медико-хирургической академіи минералогическій кабинетъ Нартова и передала его «въ особое смотрѣніе адъюнктъ-профессору Смѣловскому, подъ наблюденіемъ профессора В. Севергина (1 марта 1801).

Практическія занятія анатоміею и хирургіею въ медико-хирургической академіи составляли существенную часть преподаванія. Каждый ученикъ обязанъ былъ заниматься анатомическимъ препарованіемъ на первыхъ двухъ курсахъ, точно такъ какъ операціями на трупахъ въ послѣднихъ двухъ курсахъ. Съ другой стороны никогда не было недостатка въ патологическихъ вскрытіяхъ преподавателей практической медицины (клинники, *praxis medica*) и хирургіи. И для каждаго изъ этихъ занятій существовалъ особый и весьма обширный запасъ инструментовъ (*argumentarium*). Съ этой именно цѣлью казенный инструментальный заводъ тѣсно связанъ былъ съ академіею и директоромъ его былъ непремѣнно профессоръ анатоміи или хирургіи. Судебно-медицинскія вскрытія производились весьма часто,

гш при с.-петербургской академіи наукъ и преподаваніе этой науки въ медико-хирургической академіи не было для него дѣломъ чуждымъ. Между прочимъ онъ напечаталъ *Способъ испытывать минеральныя воды* (1800).

но большею частію производились они въ госпиталяхъ и госпитальными врачами—спеціально госпитальными операторами—причемъ студентамъ не запрещалось присутствовать при нихъ. При этихъ вскрытіяхъ писались «свидѣтельства», немедленно отсылавшіяся въ то мѣсто или учрежденіе, откуда присланъ трутъ. Первый оформившій эти вскрытія и введшій составленіе «протоколовъ» при производствѣ ихъ съ полною ответственностію былъ профессоръ П. А. Загорскій (служившій въ тоже время операторомъ с.-петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя). Бывали даже случаи, гдѣ онъ приглашаемъ былъ въ слѣдственные коммисіи для защиты высказаннаго имъ (въ актѣ вскрытія) судебно-медицинскаго заключенія. Если случалось, что профессору анатоміи недосужно было производить судебно-медицинское вскрытіе, то производилъ его прозекторъ анатоміи, но не иначе какъ по уполномоченію профессора. Такой порядокъ вещей существовалъ очень долго по учрежденіи академіи.

Теперь нѣсколько словъ о зданіи с.-петербургской медико-хирургической академіи. Мѣсто для постройки этого зданія выбрано не случайно. Оно должно было удовлетворять многимъ требованіямъ и дѣйствительно удовлетворяло имъ. Прежде всего зданіе академіи должно было находиться не далеко отъ госпиталя, гдѣ окончившіе курсъ кандидаты медицины должны были знакомиться съ медико-хирургическою практикою, безъ чего не выпускались на самостоятельную дѣятельность. Въмѣстѣ съ тѣмъ госпиталь давалъ возможность устроить спеціальныя клиники съ возможно меньшими издержками. Во вторыхъ, мѣсто для академическаго зданія должно было быть очень просторное, чтобы удобно помѣстить не только 250—300 воспитанниковъ, но и многочисленныя хозяйственныя службы, необходимыя для большаго хозяйства. Наконецъ, весьма было желательно для зданій академіи извѣстнаго рода уединеніе, извѣстная отдаленность отъ густонаселенныхъ частей города и обиліе текучей воды. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяло обширное мѣсто на правомъ берегу Невы, на углу отдѣленія отъ нея Большой Невки. Здѣсь были два госпиталя, военно-сухопутный и морской (адмиралтейскій), выходившіе боковыми фасадами на Неву, перпендикулярно къ линіи праваго ея берега. Госпитали отдѣлялись одинъ отъ другаго широкою улицею, которая также отходила отъ берега Невы въ перпендикулярномъ направленіи. На сѣверной оконечности госпитальныхъ зданій находилась широкая плоскость, на которой предположено было построить

зданіе медико-хирургической академіи. Но плоскость эта была несвободна. На ней стояли деревянные домики частныхъ лицъ. Ихъ надо было купить на сломъ и они куплены за 5,535 рублей (1799). Замѣчательно, что они куплены уже послѣ того, какъ начата доставка матеріаловъ для постройки академическаго зданія: владѣльцы домовъ назначили за свои домики высокую цѣну и повидимому долго торговались. Здѣсь и построена академія, а анатомическій театръ ¹⁾ построенъ на берегу Невы, фасадомъ на Неву, на той самой улицѣ, которая находилась между обоими госпиталями. Само собою разумѣется, что этою постройкою улица эта закрылась на всегда. По обѣимъ сторонамъ анатомическаго театра находились госпитальныя палаты, въ которыхъ въ послѣдствіи устроились академическія клиники, терапевтическая и хирургическая.

18 декабря 1798 года состоялось высочайшее повелѣніе на имя барона Васильева о постройкѣ зданія медико-хирургической академіи съ учебными театрами. Императоръ Павелъ Петровичъ, давъ указъ о постройкѣ, непрерывно торопилъ исполненіе его. Матеріалы для постройки подвозились по зимнему пути и назначенъ былъ особый смотритель (к. секр. П. И. Нерытовъ, учитель рисованья при с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ) зданія, для наблюденія за своевременнымъ исполненіемъ контрактовъ, заключенныхъ съ подрядчиками и потомъ за успѣшною постройкою зданія, съ увольненіемъ отъ всѣхъ другихъ должностей.

Между тѣмъ императоръ Павелъ Петровичъ часто напоминалъ объ ускореніи постройки зданія и наконецъ приказалъ, чтобы она началась въ февралѣ, не смотря на то, что по зимнему времени это было очень затруднительно. Фундаментъ положенъ на мерзлую землю и заливка кладки производилась съ горячею водою, которую тутъ же нагрѣвали на кострахъ. Работами завѣдывалъ архитекторъ при казенныхъ строеніяхъ въ С.-Петербургѣ 8 кл. Порто и помощникъ его, котораго имя не сохранилось. Постройка производилась не вся вдругъ, а по частямъ. Сперва строились жилыя камеры для помѣщенія учениковъ, столовая и кухня. Однакоже на этомъ постройкѣ не были окончены—

¹⁾ Подъ названіемъ анатомическаго театра разумѣлся большой двухэтажный домъ, въ которомъ весь верхній этажъ занятъ былъ учебными кабинетами и аудиторіями, а нижній этажъ—химическою лабораторіею и черною анатоміею, гдѣ студенты занимались анатомическимъ препарованіемъ.

не говоря о томъ, что не было еще церкви, не было подъѣзда къ академіи, не было боковыхъ каменныхъ соединительныхъ флигелей, не было служебныхъ строеній и запасныхъ магазиновъ, и не было еще ветеринарнаго отдѣленія—но ихъ не желали продолжать, потому что не довольно были архитекторомъ.

Были ли тамъ какія либо злоупотребленія, или просто неумѣлость—трудно сказать; но архитекторъ Порто, вмѣстѣ съ помощникомъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, графа В. П. Кобучея (въ вѣдѣніи котораго находилась академія), уволены были отъ должности и кажется даже преданы суду. Главное зданіе признавалось свѣдущими людьми не красивымъ и мало прочнымъ. При колесной ѣздѣ передъ фасадомъ его—оно замѣтно дрожало.

Студенты с.-петербургской медико-хирургической академіи введены въ построенное для нихъ зданіе лѣтомъ 1800 года. Въ это время назначены инспекторами ихъ, въ с.-петербургской академіи—штабъ лѣкарь коллежскій ассесоръ И. Ф. Ризенко, состоявшій въ то время при ревенной комисіи въ Иркутской губерніи (у брака ревеня), «какъ человекъ извѣстный комисіи со стороны его хорошаго поведения и исправленія съ похвалою возложенныхъ на него обязанностей, ибо разведеніе стараніемъ его ревенныхъ плантацій приведено уже въ хорошее положеніе во всѣхъ круголожныхъ губерніяхъ, почему болѣе надобности при сей командѣ въ немъ нѣтъ» Въ нынѣшнее время странно читать рекомендацію коллегіи, данную штабъ лѣкарю Ризенко: по ней выходитъ, что если онъ заботился о разведеніи ревеня, имѣлъ дѣло съ Бурятами, Монголами и Китайцами, не допускалъ ихъ обмануть себя въ назначеніи цѣнъ на разные сорта ревеня, то будетъ способенъ педагогически руководить ввѣренной ему учащеюся молодежью. Такъ она и дѣйствительно думала. Человекъ онъ былъ заслуженный, нуждался въ покойномъ мѣстѣ и какое же можетъ быть мѣсто покойнѣе, какъ инспектора студентовъ?

Въ московскую академію назначенъ былъ инспекторомъ студентовъ бывшій тульскій инспекторъ врачебной управы, докторъ коллежскій совѣтникъ Николай Янищъ. Передъ этимъ онъ командированъ былъ, съ званіемъ старшаго доктора, въ армію генералиссимуса князя Суворова Рымникскаго, направленную въ Италію. Янищъ оставался съ этими войсками до конца кампаніи и по возвращеніи назначенъ инспекторомъ студентовъ московской академіи, съ обязанностию смотрѣть за строеніемъ зданій ея по плану архитектора Порто» (11 іюня 1800).

Оба эти опредѣленія недолго оставались не измѣненными. Въ сентябрѣ 1800 назначено было торжественное открытiе с.-петербургской медико-хирургической академiи. При этомъ открытiи долженъ былъ вступить въ должность инспекторъ студентовъ. Но какъ Ризенко жилъ въ Кяхтѣ и по дальности мѣста не могъ скоро прiѣхать и занять свое мѣсто, то медицинская коллегiя перемѣстила этихъ инспекторовъ одного на мѣсто другаго (26 iюля 1800). Ризенко оставался однакоже долго въ Сибири и числился инспекторомъ въ московской академiи. Два года спустя (12 iюня 1802) инспекторъ с.-петербургской медико-хирургической академiи Янинъ переведенъ главнымъ докторомъ въ Выборгскiй госпиталь (на мѣсто умершаго д-ра Меларта) и на его мѣсто въ с.-петербургскую медико-хирургическую академiю назначенъ П. Ризенко, а на его мѣсто въ Москву— инспекторъ ярославской врачебной управы д-ръ Михаилъ Багрянскiй. Затѣмъ прошло еще около двухъ лѣтъ. Московская академiя предназначалась къ упраздненiю и Ризенко просилъ другаго мѣста и переведенъ въ Одесскую карантинную контору (май 1804), а на его мѣсто назначенъ инспекторомъ В. С. Карауловъ.

Публичное открытiе с.-петербургской медико-хирургической академiи дѣйствительно состоялось въ концѣ августа 1800 и бывшiй при этомъ выпускъ кандидатомъ хирургiи изъ академiи считается первымъ сдѣланнымъ выпускомъ изъ нея.

Въ заключенiе, такъ какъ ветеринарное отдѣленiе с.-петербургской медико-хирургической академiи составляетъ неразрывную часть ея, скажемъ нѣсколько словъ по крайней мѣрѣ о времени и обстоятельствахъ устройства и открытiя его. По высочайше утвержденному докладу 7 iюля 1806 года ассигновано на постройку деревяннаго зданiя для ветеринарнаго училища при с.-петербургской медико-хирургической академiи 38,000 рублей. На мѣстѣ, гдѣ предполагалась постройка, находились дома частныхъ лицъ: надворнаго совѣтника Пастухова, купца Овчинникова и др., и за покупку ихъ заплачено 13,175 рублей. Осенью, 19 сентября 1807 года, заплачено за наемъ мѣста для складки строительныхъ матеріаловъ для ветеринарнаго училища 400 р. Въ это время началась уже постройка и за нее уплачено 1274 р. 50 к. Въ 1808 году за устройство анатомiи и бузицы при ветеринарномъ училищѣ уплачено 2069 р. 75 к. Въ слѣдовавшемъ 1809 году опять отпущено 2400 р. для устройства анатомическихъ покоевъ. Итого 61019 рублей 25 к.

На эти суммы построенъ былъ на томъ же мѣстѣ новый ветеринарный институтъ, деревянное двухъ-этажное зданіе, съ большими по фасаду деревянными же колоннами и со всѣми ветеринарными принадлежностями. Постройкою завѣдывалъ архитекторъ Louis Rusco съ двумя архитектурскими помощниками, Николаемъ Соколовымъ и Николаемъ Давыдовымъ. Подрядчикомъ для постройки былъ купецъ Садофьевъ. Смотрителемъ этого зданія служилъ кол. секретарь Поспѣловъ, но захворалъ душевною болѣзнию и на его мѣсто назначенъ (20 декабря 1807) отставной надворный совѣтникъ Майделинъ. Въ это время только два лица и занимали это зданіе: смотритель его и еще ученый коноваль Карлъ Паленфусъ, приглашенный въ русскую службу докторомъ Книгинымъ въ Вѣнѣ по порученію графа В. П. Кочубея, съ жалованьемъ по 800 р. и съ казенною квартирою и отопленіемъ. Онъ прибылъ еще до открытія ветеринарнаго училища и получалъ жалованье со времени заключенія контракта.

Въ одно время съ постройкою ветеринарнаго училища доканчивались постройки и медико-хирургической академіи, а именно съ 1806 по 1809 годъ включительно израсходовано (1806) на передѣлку каменныхъ флигелей и постройку вновь деревяннаго флигеля и подъѣзда 15000 р. За устройство академической церкви, ея снабженіе и освященіе въ 1809 году 10979 р. 15 коп. И за починку и перестройку академіи 12,148 р. 35 коп. А всего болѣе 30 тысячъ руб.

Московская медико-хирургическая академія, учрежденная въ одно время съ петербургскою, не пользовалась такою заботливостію, какъ эта послѣдняя. Ученики какъ жили въ госпиталѣ, такъ и остались тамъ. Дѣло въ томъ, что по высочайшему повелѣнію 4 іюля 1797 г. ассигновано было 500,000 рублей «на построеніе въ Москвѣ для главной госпитали каменнаго зданія съ принадлежащими къ оной для медицинскихъ чиновъ и для врачебнаго училища домами». По этому предназначенію московскій госпиталь долженъ былъ выстроиться въ грандіозныхъ размѣрахъ и со всѣми современными удобствами. Но построеніе его было рассрочено на шесть лѣтъ, съ тѣмъ чтобы на опредѣленный годъ выдавалась и часть денежной суммы, на тотъ годъ предназначенной. По этому плану, построеніе медико-хирургическаго училища при госпиталѣ должно было начаться въ 1799 и окончиться въ 1800 году: но оно очень замедлилось. Къ тому же строитель госпиталя и военный инспекторъ его

генералъ майоръ Хомутовъ не очень любилъ какъ учениковъ медико-хирургическаго училища, такъ и преподавателей ихъ, и вовсе не заботился объ ускореніи постройки или объ удобствахъ для занятій учащихся. По высочайше утвержденному плану построения госпиталя, въ 1800 году оно должно было окончиться; а между тѣмъ въ августѣ этого года оно едвали начиналось. Мало того, въ это именно время Хомутовъ задумалъ выгнать учениковъ вовсе изъ госпиталя и такимъ образомъ на годъ или на два избавиться отъ нихъ. Выдѣливъ изъ закона 12 февраля 1799 года штатъ большихъ учебныхъ госпиталей (с.-петербургскаго военно-сухопутнаго и московскаго военнаго) и указывая на него, онъ предписалъ госпитальной конторѣ распорядиться, чтобы всѣ тѣ лица, которые не поименованы въ этомъ штатѣ (лѣкарскіе ученики и проч.) и не назначенные къ лѣченію больныхъ къ госпиталѣ, очистили казенныя квартиры и удалились бы изъ госпиталя, такъ какъ старыя зданія госпиталя предназначены въ сломку, для постройки новыхъ. Въ это время число учащихся въ академіи доходило до 110, а именно учениковъ и студентовъ 80, подлѣкарей 30, и ожидалось изъ полковъ въ академію еще 27 подлѣкарей, а всего 137 учащихся. Но крутая мѣра, предписанная генераломъ Хомутовымъ, совершенно была неисполнима. Куда могли пріютиться болѣе сотни молодыхъ людей, не имѣвшіе никакихъ собственныхъ средствъ къ жизни. Между тѣмъ дошло дѣло до медицинской коллегіи, и она потребовала, чтобы, въ случаѣ необходимости удаленія учениковъ и студентовъ академіи, а равно и подлѣкарей изъ госпитальныхъ помѣщеній, наняты были имъ вольныя квартиры на казенный счетъ (т. е. насчетъ комиссаріата) и при этомъ чтобы даны были имъ, на нанятыхъ квартирахъ, прислуга, отопленіе и освѣщеніе. Дѣлая это распоряженіе и сообщая его комиссаріату, медицинская коллегія прибавляла, что за предлагаемая ею издержки она современемъ заплатитъ изъ своихъ суммъ, но заплатитъ въ такомъ только случаѣ, если сумма, назначенная на содержаніе медико-хирургической академіи, передана будетъ въ ея распоряженіе, а до тѣхъ поръ наемъ помѣщенія учащихся долженъ лежать вполне на комиссаріатѣ. Дѣло затянулось и пошли справки и счета. Надо было опредѣлить, кто состоитъ въ госпитальной службѣ и въ тоже время учится въ академіи, и кто кромѣ ученія не несетъ никакихъ обязанностей. Первые должны остаться въ госпиталѣ по прежнему штату (на комиссаріатскомъ довольствіи), а послѣд-

ніе, какъ студенты академіи, должны быть содержимы на счетъ медицинской коллегіи и обязаны сдать свои госпитальные квартиры. Медицинская коллегія приняла это раздѣленіе и поручила члену московской медицинской конторы 6 в. Антонову прискаты квартиры этимъ послѣднимъ по близости госпиталя. Но удобныхъ квартиръ вблизи госпиталя не оказалось и Антоновъ не нашелъ ихъ. По этому студентамъ дано 102 руб. каждому въ мѣсяць, съ тѣмъ чтобы каждый самъ себѣ нанималъ квартиру.

ГЛАВА XVII.

Калинкинское хирургическое училище или Императорскій Калинкинскій медико-хирургическій институтъ.

Къ половинѣ царствованія Екатерины II въ Россіи существовало четыре медико-хирургическихъ училища при четырехъ генеральныхъ госпиталяхъ, не считая медицинскаго факультета въ московскомъ университетѣ и не считая училища при Елизаветградскомъ госпиталѣ, учрежденнаго княземъ Потемкинымъ для войскъ южной Россіи. Общій уровень ученія въ нихъ былъ почти одинаковъ, но не всѣ они состояли, по учебной части, въ вѣдѣніи медицинской коллегіи. Правда, общій уровень ученія въ этихъ четырехъ училищахъ былъ не очень высокъ и медицинская коллегія сознавала это и потому искала способовъ расширить программу ученія и улучшить преподаваніе въ нихъ. Результатомъ этихъ усилій былъ законъ 15 іюля 1786 года, быстро поднявшій госпитальные школы и отрывшій широкій путь къ дальнѣйшему ихъ усовершенствованію. Казалось бы этимъ и слѣдовало на время ограничиться, помогая и содѣйствуя успѣхамъ госпитальныхъ училищъ. Но нѣмецкіе доктора въ Россіи смотрѣли на это иначе. Они только и думали, только и заботились, какъ бы сохранить за собою преобладаніе надъ русскими медиками. Поэтому улучшеніе давно существовавшихъ медицинскихъ школъ для нихъ было вовсе не желательно. Напротивъ, имъ необходимо было найти какой либо противовѣсъ этимъ школамъ, какое нибудь ихъ собственное училище, но съ лучшими условіями. Необходимо было параллельное училище, но не-

премѣнно нѣмецкое и со всѣмъ тѣмъ обаяніемъ, какое принадлежало всему нѣмецкому въ Россіи. Императрица знала, что учрежденіе о губерніяхъ требуетъ большаго числа медиковъ, знала и то, что медицинская коллегія очень заботится объ увеличеніи числа ихъ: но скоро ли госпитальныя школы стануть удовлетворять всѣмъ потребностямъ—это было еще вопросомъ. Петербургскіе нѣмцы воспользовались этою правительственною заботою и увѣрили императрицу, что было бы очень полезно завести и устроить такую школу, въ которой бы на первомъ планѣ бросались въ глаза электричество, курсъ математики съ физикою, госпитальная клиника и акушерство, а въ случаѣ увеличенія средствъ логика, метафизика, исторія литературы, судебная медицина и гигиена, т. е. предметы не входившіе въ программу госпитальныхъ школъ; устроить такъ, чтобы преподаваніе производилось на нѣмецкомъ языкѣ. А какъ скоро такое училище будетъ заведено, то воспитанники его чрезъ 10—12 лѣтъ будутъ допускаемы къ экзамену въ томъ же училищѣ на степенъ доктора медицины и вообще, при распредѣленіи мѣстъ службы, лучшія мѣста должны предоставляться воспитанникамъ этого училища ¹⁾. Такимъ образомъ всѣ высшія медицинскія должности въ государствѣ никогда не выскользнутъ изъ нѣмецкихъ рукъ.

Императрица повѣрила всѣмъ этимъ рассказамъ лейбъ-хирурга своего штабъ-лѣкаря Пвана Захаровича Кельхена и 8 ноября 1783 года подписала слѣдующій докладъ его:

«Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила при больницѣ за Калашиннымъ мостомъ, подъ вѣдѣніемъ здѣшняго оберъ-полицеймейстера состоящей, завести особую хирургическую школу, составленную изъ 30 пенсионеровъ, въ которой преподаваемы будутъ теоретическое и практическое повивальное искусство, хирургія, операціи и лѣченіе глазныхъ болѣзней, анатомія, физиологія, химія, ботаника, физика и другія потребныя къ нему знанія. Къ открытію сего полезнаго заведенія опредѣлены уже искусные люди, а именно: надворный совѣтникъ и операторъ Моренгеймъ, профессоръ Кольрейфъ и лѣкарь Лобенвейнъ, а сверхъ того и другіе уже присланы и наз-

¹⁾ Kelchen Jean Henri, *Plan de l'École Impériale médico-chirurgicale et de quelques autres hopitaux, nouvellement fondés à St.-Petersbourg*. St.-Petersbourg, 1786, 4. § I.

начены. На содержаніе сего школы опредѣлена отъ Ея Императорскаго Величества достаточная денежная сумма. Сверхъ того, дабы сіе заведеніе сугубую приносило пользу, будетъ при ономъ содержима больница для 20 родильницъ и для 20 немощныхъ разными болѣзнями, хирургическаго пользованія требующими. Оставляя хозяйственную часть управленію оберъ-полицеймейстера (П. Лопухина), Е. И. В. стараніе, дабы сія врачебная школа имѣла надлежащее въ пользу рода человѣческаго теченіе и донесеніе объ успѣхахъ препоручить изволила статскому совѣтнику и лейбъ-хирургу Кельхену».

Въ этомъ докладѣ не говорится ясно, для чего и съ какой цѣлью учреждается это училище. Можетъ быть потому, что основатели его не смѣли откровенно высказать цѣли свои. Только три года спустя Кельхенъ высказалъ свои мысли объ основанномъ имъ калнинкинскомъ училищѣ въ особой брошюрѣ своей, напечатанной на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и посвященной, въ видѣ отчета, императрицѣ Еватеринѣ II. Училище это не подчинено было медицинской коллегіи и содержалось на суммы кабинета Е. И. В. Главнымъ директоромъ училища, на правахъ попечителя, назначенъ былъ сенаторъ, тайный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, а управлялъ имъ лейбъ-хирургъ И. З. Кельхенъ, съ званіемъ директора. Только по смерти Еватерины II, особымъ указомъ императора Павла, 26 января 1797 года, передано оно въ вѣдѣніе медицинской коллегіи. Въ 1799 году главнымъ директоромъ калнинкинскаго училища и секретной больницы былъ оберъ-полицеймейстеръ Василій Ивановичъ Лисаневичъ.

Ученикомъ въ это училище могъ поступить всякій, владѣющій разговорнымъ нѣмецкимъ языкомъ ¹⁾. Но желающихъ было повидимому немного. Это видно изъ того, что чрезъ полгода состоялся высочайшій именной указъ на имя медицинской коллегіи (7 марта 1784 года): не затруднять госпитальныхъ учениковъ (нѣмцовъ) въ поступленіи въ калнинкинское училище. «А буде кто изъ поддѣварей, или

¹⁾ По лицемѣрному предположенію Кельхена, въ училище могъ поступить молодой человѣкъ не моложе 15 лѣтъ отъ роду, хорошаго здоровья, знакомый съ начальными основаніями латинскаго и рускаго языковъ, а также съ матерью медицинскаго языка, *langue-mère de la médecine*, т. е. съ греческимъ языкомъ, у котораго латинская медицина до сихъ поръ заимствуетъ техническіе свои термины». Въ его училище такіе именно и поступали, которые не знали ни латинскаго, ни русскаго языковъ, не говоря уже о греческомъ.

лѣкарскихъ, или аптекарскихъ учениковъ, въ службѣ и здѣсь на лицо находящихся, пожелаетъ вступить для лучшаго обученія въ учрежденную при больницѣ за каляинскимъ мостомъ хирургическую школу, таковыхъ къ взятію отставки не принуждать, а только по желаніямъ ихъ, какъ полезныхъ обществу, давать позволеніе» и пр. Судя по этому указу каляинское училище должно было служить «для лучшаго обученія», т. е. для лучшаго чѣмъ какое существовало въ госпитальныхъ школахъ. Значить, предполагалось, что въ него будутъ переходить тѣ подлѣкари и ученики, которые уже окончили госпитальный курсъ и только для повторенія и болѣе широкаго обученія поступили бы на извѣстный срокъ въ каляинское училище. И еслибы это удалось, то Кельхенъ съ своими нѣмцами сразу достигъ бы двухъ цѣлей: далъ бы нѣмцамъ подлѣкарямъ высшее образованіе, сравнительно съ русскими, и затѣмъ какъ бы по праву продвигалъ бы къ высшимъ должностямъ только однихъ нѣмцовъ. Но это не удалось, по отсутствію искренности въ распоряженіяхъ Кельхена. Онъ не говорилъ откровенно, чего онъ хочетъ; а нѣмецкіе ученики не понимали цѣлей его и думали, что все дѣло идетъ изъ за нѣмецкаго преподаванія, въ замѣнъ латинскаго или русскаго, которыя имъ были недоступны, или изъ за того, чтобы курсъ ученія въ каляинскомъ училищѣ сдѣлать короче госпитальнаго. Ему слѣдовало искать лучшихъ учениковъ или подлѣкарей изъ нѣмцовъ, а онъ набиралъ такихъ, какіе попадутся случайно. Большею частію случалось такъ, что ученики поступали сперва въ госпитальныя школы, и когда оказывались нерадивыми или безуспѣшными, то выходили изъ госпиталей и поступали въ каляинское училище. Случалось и такъ, что молодые люди являлись въ госпитальныя школы, но по незнанію латинскаго языка не принимались въ нихъ и потому, не зная куда дѣваться, обращались въ каляинское училище и зачислялись пенсионерами его. Подтверженіемъ этому служитъ прилагаемый при семь именной списокъ учениковъ, поступившихъ въ каляинское училище въ первый годъ существованія его (въ 1784 году).

Списокъ первыхъ пенсионеровъ каляинскаго хирургическаго училища, учрежденнаго 8 ноября 1783 года (за 1784 годъ).

Аспелинъ (Carl Friedrich Aspelin), изъ Выборга, сынъ мѣдника. Поступилъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, 12 іюня 1783, на собственное содержаніе и въ мартѣ 1784 года перешелъ въ каляинское хирургическое училище.

Фробениус (Friedrich Gottlieb Frobenius), изъ Веймарскаго города Илмена, принять былъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь въ августѣ 1783 года, оттуда перешелъ пенсионеромъ въ калининское хирургическое училище 27 ноября 1783, а въ октябрѣ 1784 года опять возвратился въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь.

Менде Иванъ (Johann Mende), изъ Нарвы, сынъ застѣдателя въ нижнемъ фохтейскомъ судѣ, поступилъ сперва въ с.-петербургскій сухопутный госпиталь, въ августѣ 1783, а оттуда перешелъ въ калининское хирургическое училище въ мартѣ 1784 года.

Отсолиг Мартынъ.

Лангеръ Иванъ (Johann Heinrich Langer), изъ Линебурга въ великобританскихъ владѣнiяхъ, учился у лѣкаря Гадольберга и принять ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, въ ноябрѣ 1783, а въ слѣдующемъ 1784 перешелъ въ калининское хирургическое училище.

Петцель Иванъ (Johan Christ. Petzel), датчанинъ изъ Шлезвига, поступилъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь въ августѣ 1783 года, а въ 1784 году перешелъ въ калининское хирургическое училище.

Гейнъ Михаилъ (Michael Conrad Heun) и

Гейнъ Адамъ (Adam Marcus Heun), сыновья цеховаго кузнеца въ С.-Петербургѣ, приняты пенсионерами въ калининское хирургическое училище въ 1784 году.

Вичманъ Иванъ (Joh. Georg Wichmann), сынъ пивовара въ городѣ Валкѣ лифляндской губернии, поступилъ ученикомъ въ с.-петербургскій сухопутный госпиталь 24 апрѣля 1783 года; потомъ перешелъ въ калининское училище 27 ноября 1783 года и пробывъ тамъ нѣсколько больше года, возвратился въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (1784).

Платцманъ Генрихъ (Heinrich Platzmann), финляндецъ изъ Выборга, учился въ с.-петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ съ 14 августа 1781 года, а потомъ, въ 1784 году, перешелъ въ калининское училище.

Толь Иванъ (Joh. Christoph Tohl), родомъ изъ Лемзала, поступилъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь 23 октября 1783, потомъ 4 декабря перешелъ въ калининское хирурги-

ческое училище, а въ маѣ 1784 года опять возвратился въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь.

Изъ этого списка видно, какъ молодые петербургскіе нѣмцы мечутся туда и сюда, отыскивая—гдѣ лучше. Одни изъ нихъ поступаютъ сперва въ госпитальную школу и оттуда переходятъ въ калининское училище. Другіе, побывавъ и въ той и въ другомъ, опять возвращаются въ госпитальную школу. Очевидно, нѣмецкая молодежь не знала въ чемъ дѣло, равно какъ не знала и того, за чѣмъ учреждено новое училище, когда въ Петербургѣ существовало уже старыхъ два училища при госпиталяхъ. О «лучшемъ обученіи» въ этомъ новомъ училищѣ даже и на мысль не приходило, потому что всякій же понималъ, какъ не легко сформировать новое и притомъ еще высшее медико-хирургическое училище. А изъ этого и вытекало общее распространенное заключеніе, что калининское училище учреждено для того только, чтобы облегчить ученіе нѣмцамъ, незнакомымъ ни съ русскимъ, ни съ латинскимъ языками.

Первый выпускъ пенсіонеровъ калининскаго училища, признанныхъ лѣкарями (а не подлѣкарями), произведенъ по высочайшему повелѣнію 26 мая 1788 года. Всѣхъ ихъ было 12 человекъ и всѣ они назначены были въ морской корабельный флотъ. Вотъ имена ихъ: Іог. Петеръ Адамъ, Іог. Петеръ Бушъ, Андрей Шюцъ, Давидъ Старкъ, Карлъ Клейгильсъ, Іог. Менде, Петеръ Оллофсъ, Мартынъ Отсолгъ, Генрихъ Гопфъ, Христіанъ Визъ, Готфридъ Бульфингъ и Францъ Торнбергъ. Аттестаты о производствѣ ихъ подписали: коллежскій совѣтникъ Яковъ Рейнегъ, Пв. Генр. Рудольфъ, профессоръ хирургіи, Андрей Нудовъ, профессоръ физиологій, патологій и терапій, Фердинандъ Гофманъ, профессоръ матеріи медицинъ и химіи, Крпст. Квасштедтъ, проф. остеологій и morbi ossium, Іог. Генрихъ Шлейснеръ, учитель латинскаго языка и Іог. Форштейнъ, профессоръ анатоміи.

Второй выпускъ пенсіонеровъ калининскаго училища лѣкарями произведенъ 20 мая 1790 года. Ихъ было 15 человекъ и всѣ произведены по собственному желанію въ морской корабельный флотъ (въ Кронштадтъ), съ жалованьемъ по 15 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ имена ихъ: Фридр. Адольфъ Крафтъ, Бенедиктъ Фридр. Вольмаръ, Іог. Генрихъ Зандорфъ, Христ. Вильгельмъ Эггардъ, Ант. Христіанъ Турнингеръ, Ааронъ Геденъ Обергъ, Христ. Фридр. Боуманъ, Іог. Касперъ Гампфъ, Іог. Крпст. Гофманъ, Іог. Якобъ Герге, Іог. Виль-

гельмъ Гаттендорфъ, Фридр. Матвѣй Тоде, Густавъ Адольфъ Блингенъ, Юг. Готфридъ Беггровъ и Фридрихъ Шенлейбенъ.

Ктоже были учителя и преподаватели въ калинкинскомъ хирургическомъ училищѣ? Первые преподаватели назначены были высочайшими указами и притомъ еще раньше открытія училища. Первымъ опредѣленъ акушеръ и операторъ Іосифъ Моренгеймъ слѣдующимъ

«Указомъ медицинской коллегіи». «Бывшаго въ римско-императорской службѣ оператора и лѣкаря Іосифа Моренгейма (Joseph Mohrenheim), по искусству его въ повивальномъ дѣлѣ и въ лѣченіи глазныхъ и другихъ болѣзней, принявъ въ службу нашу профессоромъ того дѣла и лѣкаремъ, съ чпномъ надворнаго совѣтника и съ жалованьемъ по двѣ тысячи рублей на годъ, повелѣваемъ употребить его съ пользою, какъ въ разсужденіи лѣченія, такъ и преподаванія лекцій, особливо жъ въ повивальномъ дѣлѣ». «Екатерина».

Въ Царскомъ селѣ,
сентября 1 дня 1783 года.

По этому указу медицинская коллегія пригласила Моренгейма читать хирургическія лекціи въ с.-петербургскихъ госпиталяхъ на латинскомъ языкѣ 4 раза въ недѣлю, а для незнающихъ латинскаго языка на нѣмецкомъ, и дѣлать хирургическія операціи въ госпиталяхъ при всѣхъ медицинскихъ чинахъ, а въ частной практикѣ при тѣхъ подлѣкаряхъ и ученикахъ, кого самъ выбереть (7 сентября 1783), о чемъ и опубликовано было въ газетахъ и донесено императрицѣ.

Но Моренгеймъ отказался отъ чтенія теоретическихъ лекцій слѣдующимъ письмомъ на имя главнаго директора медицинской коллегіи Ржевскаго: «Comme j'ai eu l'honneur d'entretenir Votre Excellence en dernier lieu de différents moyens dont je me servirai pour être utile au public et pour remplir les ordres très-gracieuses de la Souveraine par rapport à ma vocation, je prends la liberté de prier Votre Excellence d'insinuer au college de médecine, que ne puis pas m'occuper dès à présent à donner des leçons sur les parties théorétiques de l'art, mais que je m'occuperai la plus part avec la pratique ou l'exercice, d'autant plus que Sa Majesté Impériale m'a donnée la permission de me servir de quelques appartements à l'hospital près de Kalinka pour y faire les opérations de chirurgie et des maladies des yeux et à l'avenir on y établira ce qu'il faut pour l'accouchement. Je tacherai de contribuer à la perfection des élèves et de jeunes chirurgiens des hosi-

taux militaires autant que je pourrais, et je proposerai pour ce fin cettiver encore mes idées à Votre Excellence et au college de médecine; mais jusqu'à ce que les choses ne sont pas encore tout à fait réglés à l'hospital de Kalinka, je ne puis être utile aux élèves des hopitaux militaires, qu'en cas qu'il aurait à faire des opérations de conséquence dans l'hospital ou ils sont. Et dans ce cas je suis prêt y aller aussi souvent qu'on m'avertira qu'on a besoin de moi pour consulter dans un cas grave. Au reste je prie Votre Excellence d'insinuer partout, ou Elle le jujera à propos, que tous ceux, qui sont aveugles, peuvent venir me consulter et si je trouverai les cas guerissables, je leur ferai l'opération à l'hospital de Kalinka, ou ils seront entretenus aux frais de S. M. I. jusqu'à leur guérison. En me recommandant aux bonnes graces de Votre Excellence, j'ai l'honneur d'être son très humble et très obéissant serviteur Mohrenheim». Онъ приглашалъ къ себѣ только слѣбныхъ. Объ отказѣ его отъ преподаванія лекцій медицинская коллегія донесла сенату (31 октября 1783 года) и уволила его отъ своей службы, а вмѣстѣ прекратила и выдачу ему жалованья отъ себя. Послѣ этого, отказавшись отъ преподаванія въ калинкнскомъ училищѣ, Моренгеймъ поставленъ былъ директоромъ акушерскаго училища для повивальныхъ бабокъ при воспитательномъ домѣ, о чемъ и доведено было до свѣдѣнія медицинской коллегіи 28 юля 1785 года, съ просьбою допускать воспитанницъ его къ экзаменамъ для опредѣленія на службу ¹⁾.

Другой преподаватель, опредѣленный именнымъ указомъ, былъ лѣбаръ Иванъ Лобенвейнъ (*Joh. Andreas Lobenwein*) для преподаванія хирургіи и преподавалъ недолго (одинъ годъ и три мѣсяца, до 28 марта 1785).

Какъ Моренгеймъ, такъ и Лобенвейнъ не имѣли докторской степени и просили у коллегіи права практики, ссылаясь на указъ объ иностранныхъ докторахъ, принимаемыхъ на службу безъ экзамена, по вызову отъ русскаго правительства. Медицинская коллегія дала имъ права медико-хирургической практики (28 мая 1785 года) безъ экзамена, но не признала ихъ докторами. Отказавшись отъ преподаванія въ калинкнскомъ училищѣ, А. Лобенвейнъ поселился въ Ригѣ, написалъ тамъ докторскую диссертацию и за нее изъ Іены получилъ

¹⁾ Замѣчательно, что Моренгеймъ вовсе не упоминается у Кѣльхена въ числѣ преподавателей калинкнскаго училища.

докторскій дипломъ. За тѣмъ экзаменованъ былъ въ медицинскоѣ коллегіи и признанъ докторомъ медицины (18 марта 1787), а потомъ «говорилъ въ коллегіи рѣчь «О маткѣ съ физиологическими и анатомическими объясненіями и съ принадлежащими къ тому операціямъ» и въ преподаванію той науки при хирургическиххъ школахъ оказался достойнымъ», и 29 апрѣля опредѣленъ профессоромъ физиологіи и повивальнаго искусства при с.-петербургской медико-хирургической школѣ, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ. Но Лобенвейнъ не поѣхалъ скоро въ Петербургъ, и 19 июня написалъ, что считаетъ не нужнымъ торопиться, частію потому, что долго сдавалъ должность (уѣзднаго доктора) въ Ригѣ, частію что задумалъ жениться, а частію что теперь канцеляры и спѣшить не для чего. Медицинская коллегія написала (4 іюля), чтобы онъ немедленно ѣхалъ, съ тѣмъ, что ему жалованье будетъ выдаваться со дня выѣзда въ Петербургъ. Въ тоже время коллегія написала о томъ же въ рижское намѣстническое правленіе, которое и увѣдомило (9 августа), что Лобенвейнъ отказывается отъ мѣста. Коллегія уволила его (17 августа 1787) съ абшитою. Въ послѣдствіи времени былъ профессоромъ анатоміи въ виленскомъ университетѣ.

Принявъ на себя устройство акушерскаго училища при воспитательномъ домѣ, Моренгеймъ въ тоже время началъ собирать матеріалы для напечатанія книги «О повивальномъ искусствѣ». Но размѣры книги были такъ обширны, а рисунки къ ней такъ дороги, что онъ не могъ бы издать ее своими средствами. Опъ и не пытался на это, но обратился къ главному директору медицинскоѣ коллегіи барону Фитингофу и получилъ разрѣшеніе напечатать ее на счетъ 1 экспедиціи медицинскоѣ коллегіи и притомъ съ портретомъ императрицы. Книга напечатана въ 1500 экземплярахъ (1450 на любской и 50 на александрійскоѣ бумагѣ) и на отпечатаніе ея употреблено 10,899 р. 6 коп., такъ что каждый экземпляръ обошелся казнѣ въ 7 руб. 26 коп., а продавать ее приказано по 15 руб. за экземпляръ. Медицинская коллегія, благодаря самовластию барона Фитингофа, не знала объ изданіи этой дорогой книги и получила свѣдѣніе объ ней тогда только, когда понадобилось платить за ея изданіе. Вотъ сохранившійся счетъ издержекъ на это изданіе:

Въ императорскую академію наукъ за выпечатаніе на любской 1450, на александрійскоѣ 50, а всего 1500 экземпляровъ

4,628 р. 40 коп.

Студентамъ, Емельянову за 33 рисунка, за каждый по 2 рубля	66 р. — коп.
Соколову, за выгравированіе 44 кунштовъ и портрета Ея Величества государыни императрицы Екатерины II изъ всего его матеріала, на мѣди и выпечатаніе потомъ по одному куншту каждой доскѣ	1,900 » — »
Граверу Майеру, за выгравированіе на мѣди двухъ вѣнцетъ	180 » — »
Типографщику Шнору, за выпечатаніе выгравированныхъ студентомъ Соколовымъ кунштовъ и начальныхъ листовъ.	3,923 » 66
Гравировальщику Набгольцу за вырѣзаніе вѣнцетъ подъ заглавіемъ книги	30 » — »
Переплетчику Зенгбушу, за переплетъ 29 экземпляровъ.	171 » — »
всего	10,899 р. 6 коп.

Въ январѣ 1797 года Моренгеймъ подалъ прошеніе императору Павлу Петровичу о томъ, что онъ 14 лѣтъ назадъ вызванъ былъ въ русскую службу съ обѣщаніемъ жалованья по 3000 р. и на дрова и квартиру 1000 р., а выдавалъ ему только по 2000 р., а потому онъ просилъ чтобы ему додали все обѣщанное жалованье за всѣ годы. Приказано было разобрать дѣло. Но претензія Моренгейма оказалась несправедливою и потому въ просьбѣ его отказано.

На мѣсто Лобенвейна, для преподаванія хирургіи и акушерства опредѣленъ былъ докторъ Иванъ Конрадъ (*Johann Conrad*), учившійся въ Страсбургѣ и принятый въ русскую службу докторомъ (17 декабря 1787). Но онъ скоро переведенъ былъ въ московскій генеральный госпиталь, до открытія тамъ профессорской вакансіи (1789 года).

Съ самаго открытія казанскаго училища профессоромъ анатоміи въ немъ былъ Иванъ Форштейнъ (1784). Онъ училъ анатоміи на трупѣ, зимою и въ тоже время училъ вскрытію мертвыхъ тѣлъ и разсѣченію ихъ для демонстрацій и разныхъ другихъ надобностей, училъ дѣлать мацерации, пивъецціи. Послѣ того, какъ Форштейнъ сдѣлался директоромъ казанскаго училища, профессоромъ анатоміи и физиологій опредѣленъ профессоръ Іоганъ Генрихъ Шлейсснеръ. Шлейсснеръ состоялъ въ русской службѣ съ 1787 года и преподавалъ сперва математику и физіку, а потомъ анатомію и физиологію,

и по прошенію уволенъ 17 сентября 1797 года. На его мѣсто преподавателемъ анатоміи и фізіологіи переведенъ изъ кронштадтскаго госпиталя Иванъ Федоровичъ Вушь, гдѣ онъ былъ операторомъ. Онъ перешелъ съ званіемъ оператора, и только черезъ годъ (13 сентября 1798), «во уваженіе долговременной и ревностной службы и дознанной его способности въ вычолненіи по симъ двумъ и другимъ врачевнымъ учебнымъ предметамъ коллежскихъ ему препорученій въ кронштадтскомъ госпиталѣ, а наипаче усмотрѣнныхъ пріобрѣтенныхъ учащимися при императорскомъ медико-хирургическомъ институтѣ по предметамъ его тамъ преподаваемымъ отличныхъ успѣховъ, оказавшихся въ бытность нынѣшняго годичнаго испытанія, по засвидѣтельствуванію присутствовавшихъ при ономъ двухъ сею коллегіею отряженныхъ сочленовъ, надворныхъ совѣтниковъ И. Віена и Бьюрберга, признанъ опредѣленіемъ коллегіи 13 сентября 1798 года *профессоромъ*».

Профессоръ анатоміи, фізіологіи и хирургіи Христофъ Кнакштедтъ (*Christoph Elias Heinrich Knackstaedt*) принятъ чрезъ ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана въ русскую службу «операторомъ и акушеромъ» (съ 1786 года), а потомъ вскорѣ, именнымъ указомъ на имя сенатора тайнаго совѣтника П. В. Завадовскаго, опредѣленъ профессоромъ анатоміи и хирургіи въ каляинское хирургическое училище (каковую должность, по его словамъ, приватно исправлялъ въ Брауншвейгѣ въ 1761 году). Онъ преподавалъ лѣтомъ остеологію на сухихъ костяхъ, а потомъ на свѣжихъ съ фізіологическимъ значеніемъ костныхъ частей и мышцъ и съ объясненіемъ болѣзней костей. Въ концѣ 1786 года онъ просилъ медицинскую коллегію дать ему экзаменъ относительно зубныхъ болѣзней и киль, и послѣ этого экзамена коллегія приказала (16 ноября 1786 года) напечатать въ газетахъ, что лѣбарь Христофъ Кнакштедтъ умѣетъ дѣлать подвязки на грыжи и операціи, вырывать зубы и вставлять поддѣльные, въ чемъ ею былъ свидѣтельствованъ и жительство имѣетъ у Синяго моста въ угловомъ домѣ. Въ 1790 году онъ просилъ позволенія называться докторомъ, представивъ рукопись подъ заглавіемъ *Описаніе сухихъ костей тѣла человеческого*, и признанъ докторомъ (1 марта 1790). Въ послѣдствіи преподавалъ акушерство и завѣдывалъ родильною въ каляинскомъ училищѣ (1791—1793) умеръ 16 марта 1799 года въ Петербургѣ.

Патологію, терапію и госпитальную *praxis medicam* преподавали

въ послѣдовательномъ порядкѣ доктора: Л. Маттеи (1783—1787), А. Нудовъ (1787—1790), Вельцинъ (1790—1792), Ф. Уденъ (1792—1793), Рудольфъ (1793—1799), Петръ Гофманъ 1799—1800 и опять Уденъ (1800—1802).

Профессоръ патологій, терапіи и госпитальной *praxis medica*, докторъ Фридрихъ Уденъ (*Friedrich Uhdén*) принятъ въ русскую службу по высочайшему повелѣнію на имя графа П. А. Румянцева Задунайскаго (13 іюля 1786) и опредѣленъ въ Черниговское намѣстничество съ жалованьемъ изъ кабинета по 800 р. Оттуда переведенъ былъ главнымъ директоромъ медицинской коллегіи барономъ Фитингофомъ (15 марта 1792) на кафедру патологій и терапіи профессоромъ, причемъ обѣщана Удену прибавка жалованья. Уденъ вызванъ былъ изъ Чернигова, гдѣ состоялъ сверхштатнымъ, т. е. на одномъ жалованьи изъ кабинета (по 800 р.), а прибавка предполагалась въ 400 р. Но едва были предложены эти распоряженія, какъ Фитингофъ умеръ и съ нимъ псчезъ грубый, безпощадный и неразумный деспотъ, котораго ненавидѣлъ и боялся весь «медицинскій факультетъ». Удену онъ покровительствовалъ и потому Уденъ былъ нѣсколько заносчивъ. Явившись въ Петербургъ и еще не вступивъ въ должность, онъ потребовалъ прибавки жалованья: но медицинская коллегія отказала. Тогда онъ подалъ въ отставку: но коллегія и тутъ отказала, говоря что онъ въ вѣдомствѣ ея не состоитъ и ей до него дѣла нѣтъ. Это сдѣлало его скромнѣе. Онъ подалъ другую просьбу и просилъ объ опредѣленіи его учителемъ математики и физики, поясняя, что «хотя сіи науки въ медицинскомъ штатѣ не положены, но какъ въ именномъ указѣ при изданіи этого штата сказано: доводить въ докторскую степень природныхъ россіянь, а для достиженія сего достоинства математика и физика необходимо нужны». Коллегія опредѣлила его 14 іюня 1793 въ с.-петербургское училище для преподаванія математики и физики на латинскомъ или русскомъ языкѣ по 4 раза въ недѣлю, съ жалованьемъ отъ кабинета (800 р.) и съ прибавкою по 300 р. на квартиру. Но онъ къ преподаванію математики и физики не явился и лекцій не читалъ, «чрезъ что учащіеся утратили время безвозвратно» и наконецъ самъ объявилъ, что этихъ лекцій читать не будетъ. Онъ просилъ переимѣнить его въ московскую школу на кафедру врачебнаго судебного искусства и благочинія: но коллегія отказала и уволила его отъ службы (1 іюня 1794 года).

Послѣ увольненія отъ службы профессора Петра Гофмана открылась вакансія на кафедрѣ патологій и терапій въ калининскомъ училищѣ и на нее сталъ проситься Федоръ Удень и опредѣленъ (18 сентября 1800), съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ, а черезъ два мѣсяца, именно 29 ноября 1800, въ медицинскую коллегію пришло описаніе болѣзни царя Грузинскаго съ приказаніемъ сдѣлать конспіумъ и послать въ Тифлисъ искуснѣйшаго профессора медицины для лѣченія его. Туда назначенъ былъ профессоръ Удень и 5 декабря выѣхалъ по назначенію, получивъ 2000 р. на проѣздъ. На время его отсутствія должность его исполнялъ профессоръ Рудольфъ. Удень возвратился 10 февраля 1801 года и привезъ съ собою кувшинъ Черногорской крѣпкой воды, почерпнутой изъ колодезя близъ Константиновской крѣпости. Вступивъ снова въ должность, онъ избранъ почетнымъ членомъ медицинской коллегіи и, послѣ увольненія отъ службы ученаго секретаря ея Базилевича, занялъ его мѣсто (8 апрѣля 1801 г.), а черезъ годъ (24 марта 1802 года) утвержденъ въ этой должности.

Въ благодарность за избраніе въ почетные члены медицинской коллегіи, профессоръ Удень прислалъ ей одинъ экземпляръ сочиненій своихъ, а именно: 1) *Beiträge zur Geschichte der Hornviehseuche*. Stendal, bei Franzen. 1777.

2) *Briefe ueber Beobachtungen aus der praktischen Arzneiwissenschaft*. Stendal, bei Franzen.

3) *Ueber die Glaubwürdigkeit der Medicinal Berichte in peinlichen Staltshändeln*. Berlin bey Haude un Speuer. 1780.

4) *Magazin für die gerichtliche Arzneikunde und medicinische Polizei*. Zwei Bände oder Acht Stücke. 1781—1783. Stendal bey Franzen.

5) *Medicinische Politik*. Leypzig bey Weygand. 1783.

6) *Taschenbuch für Freunde der Gesundheit*. 1 Stück auf das Jahr 1783. 2 Stück auf das Jahr 1789. Berlin bey Nicolai.

7) *Ueber die Erziehung der Töchter des Mittelstandes*. Stendal bey Franzen und Grosse. 1783.

8) *Die Aerzte. Medicinisches Wochenblatt*. Zwei Bände. Luebeck bey Donatius., 1785.

9) *Vorlesungen für die mittlere Jugend ueber den menschlichen Körper und die Mittel sich gesund zu erhalten*. Vier Theile. Lübeck bei Donatius. 1784—1786.

10) *О заразныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ, сколько онѣ касаются должностей опредѣленныхъ по губерніямъ и по уездамъ медицинскихъ чинсовъ.* 1899. Рукопись написанная по предложенію медицинскоѣ коллегіи.

Кромѣ того, здѣсь не упомянуто о томъ, что Удѣль предполагалъ издавать медицинскій журналъ подъ названіемъ: *Вестдующіе врачи* или *Общепользная врачебная переписка* и первый листъ его представилъ коллегіи: но коллегія запретила это изданіе (въ іюнь 1792 года).

Профессоръ акушерства и фізіологіи Карлъ Брандау (*C. H. Brandau*) состоялъ въ училищѣ въ первые годы существованія его, но уже не участвовалъ въ первомъ выпускномъ экзаменѣ пенсіонеровъ и не подписалъ экзаменнаго аттестата ихъ. Онъ преподавалъ фізіологію три раза въ недѣлю по Бургааву и Галлеру, опускала анатомическія тонкости. Патологію преподавалъ по Гаубію; а такъ какъ ученіе патологіи требуетъ анатомическихъ препаратовъ, то признавалось желательнымъ имѣть ли беркюновы препараты или восковые или натуральные. Кромѣ того Брандау преподавалъ полный курсъ глазныхъ болѣзней и требуемыхъ ими хирургическихъ операцій.

Отсюда переведенъ былъ (8 мая 1788) профессоромъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую школу, затѣмъ переведенъ въ московскій госпиталь (2 августа 1789) и наконецъ уволенъ отъ службы (1 января 1791 года). Его замѣнилъ Андрей Нудовъ, скоро впрочемъ отчисленный отъ этой должности (28 мая 1788).

Materia medica преподавалась пять часовъ въ недѣлю докторомъ Меллингомъ. Преподаватель классифицировалъ врачебныя средства и показывалъ или описывалъ ихъ. Тотъ же преподаватель излагалъ ботанику, а именно классификацію растений по Линнею. И наконецъ тотъ же Меллингъ (по словамъ Кельхена) читалъ химию по субботамъ два или три часа. Онъ излагалъ только элементарныя понятія химіи и фармаціи, показывалъ ученикамъ самые полезные способы, училъ узнавать подмѣси и поддѣлки и изслѣдовать неизвѣстныя лѣкарства и минеральныя воды.

Первымъ преподавателемъ терапіи съ практическою медициною (т. е. клинкою) былъ докторъ Маттеи. Онъ преподавалъ по системѣ Бургаава, т. е. описывалъ болѣзнь, ея припадки и причины и указывалъ способы лѣченія.

Преподаваніе хирургіи и практическаго акушерства съ клинкою

производилось съ послѣдовательномъ порядкѣ докторами I. Моренгеймомъ и Лобенвейномъ (1783—1785), Иог. Рудольфомъ (1785—1791), Кернеромъ (1791), Кнахштедтомъ (1792—1799) и опять Рудольфомъ (1799—1802). Въ теченіе этихъ 19 лѣтъ въ акушерской и хирургической клиникѣ перебивало среднимъ числомъ ежегодно по 238 больныхъ.

Профессоръ хирургіи, клиники и повивальнаго искусства Іоганнъ Рудольфъ (*Ioh. Heinrich Rudolph*) гызванъ былъ въ 1782 году с.-петербургскою академіею наукъ пзъ Іены для ботаническаго путешествія на Кавказъ, но по болѣзни не могъ скоро пріѣхать и пріѣхалъ только въ 1783 году, когда вмѣсто него посланъ уже былъ на Кавказъ Зуевъ. Ему предложили мѣсто адъюнта въ академіи и Палласъ очень рекомендовалъ его какъ естествоиспытателя: но по малости жалованья Рудольфъ не принялъ его. Тогда (въ апрѣлѣ 1784 года) онъ определенъ былъ профессоромъ хирургіи и клиники въ калининское училище (1785), а также повивальнаго искусства и ботаники (16 марта 1787). За тѣмъ 27 марта 1791 года уволенъ изъ этого училища, а 1 августа 1793 года опять прінятъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени хирургію и клинику преподавалъ докторъ Кернеръ а послѣ него определенъ профессоромъ Кнахштедтъ и оставался до іюля 1793 года. Послѣ этого кафедру хирургіи и клиники занялъ проф. Рудольфъ и занималъ ее (по смерти Кнахштедта) до 1802 года. Въ то же время профессоръ Рудольфъ преподавалъ патологию и терапію (съ 1 августа 1783 до 7 апрѣля 1799 года), такъ что все преподаваніе патологій, терапій и хирургій съ клинкою и ботаникою въ калининскомъ училищѣ лежало почти на одномъ Рудольфѣ. Императрица Марія Федоровна въ первый разъ посѣтила училище и больницу при немъ въ 1798 году и профессоръ Рудольфъ получилъ отъ нея золотую табакерку, а въ слѣдующемъ 1799 году 27 сентября чинъ надворнаго совѣтника. Въ то же время профессоръ Рудольфъ былъ нѣсколько облегченъ въ своихъ занятіяхъ. Онъ оставался на преподаваніи теоретической и практической хирургіи и на практической кафедрѣ акушерства съ клинкою, женскими и дѣтскими болѣзнями, а патологія и терапія съ клинкою предоставлены Петру Гофману и матерія медика профессору Фердинанду Гофману. Но Петръ Гофманъ уволенъ отъ службы (27 апрѣля 1800) и патологія и терапія опять предложены Рудольфу съ положеннымъ на эту кафедру жалованьемъ (всего жалованья получалъ онъ 1300 р.).

Профессоръ физиологій, патологій и терапій Андрей Нудовъ (*Andreas*

Nudow) получилъ дипломъ въ 1776 году и черезъ годъ, за рѣдкія примѣчанія, избранъ членомъ *academiae naturae curiosorum* (1777). Въ русскую службу принятъ (29 іюля 1779) по вызову изъ Данцига могилевскимъ генералъ-губернаторомъ Пассекомъ, принялъ русское подданство и назначенъ докторомъ въ городъ Оршу могилевской губерніи. По экзамену въ медицинскій коллегіи опредѣленъ докторомъ въ Могилевъ (1782, потомъ въ городъ Мглинъ новгородсѣверскаго намѣстничества. Въ августѣ 1785 года поднесъ польскому королю книгу свою *Sur l'éducation physique, 1779*, и получилъ отъ него чинъ надворнаго совѣтника. Въ декабрѣ 1786, по приглашенію медицинскій коллегіи, читалъ пробную лекцію на латинскомъ языкѣ «*О точности патологическаго ученія*» и 20 февраля 1787 признанъ профессоромъ и опредѣленъ въ медико-хирургическое училище, гдѣ и читалъ фзіологію, патологію и терапію. 13 февраля 1790 года уволенъ отъ службы и затѣмъ поступилъ докторомъ въ городѣ Наровчатъ саратовской губерніи.

Полный курсъ ученія въ калинкинскомъ училищѣ, по предположенію Кельхена, ограничивался четырьмя годами и обнималъ слѣдующіе предметы:

въ 1 году: математику и физику, анатомію, фзіологію, хирургию, *materiam medicam* и фармацію;

во 2 году: повторялись тѣже самые предметы и прибавлялись патологія, терапія, ботаника и химія;

въ 3 году, кромѣ тѣхъ же предметовъ, прибавлялись гигиена, исторія медицины и *praxis medica*.

Въ 4 году воспитанникъ училища обязанъ былъ работать, какъ тѣкарь, въ клиникахъ училища или въ какомъ либо другомъ госпиталѣ, дѣлать тамъ операціи, и даже акушерскія, если пожелаеть ¹⁾).

Эта программа ученія обнародована была въ 1786 году. А до 1800 года она значительно измѣнилась. Курсъ ученія ограниченъ тремя го-

¹⁾ Kelchen, § XXV, 12. Здѣсь, очевидно по недоразумѣнію, при исчисленіи предметовъ преподаванія забыто акушерство, хотя для него существовала отдѣльная клявиза. Не потому ли оно не упомянуто, что преподавалось вмѣстѣ съ хирургіею. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ «Плана» акушерство составляетъ существенный предметъ. За то въ программѣ Кельхена прибавлялось, что, въ случаѣ увеличенія средствъ училища, можно открыть еще лекціи логики, метафизики, исторіи литературы, судебной медицины и гигиены въ самомъ обширномъ смыслѣ слова..

даши и ученики раздѣлялись на три класса ¹⁾). Первоклассные или теоретическіе ученики учились російскому и латинскому языкамъ, математикѣ и физикѣ, анатоміи и физиологіи. Второклассные или теоретическо-практическіе ученики, повторяя математику, физику, анатомію и физиологію, присовокупляли ботанику, химию, матерію медицины, патологию и терапію. Третьеклассные или практическіе ученики, повторяя ботанику, химию, матерію медицины, патологию и терапію, посѣщали больныхъ, обучались хирургіи, повивальному искусству и писанію рецептовъ, а по средамъ и субботамъ упражнялись въ препарованіи на мертвыхъ тѣлахъ въ черной анатоміи. Въ среду и субботу по полудни ученики могли приходить въ библіотеку и получать книги для чтенія. По днямъ и часамъ предметы эти располагались слѣдующимъ образомъ:

Предъ полуднемъ.

Часы.	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
Отъ 8 до 10.	Посѣщеніе	больныхъ.	Посѣщеніе	больныхъ.	Посѣщеніе	больныхъ.
Отъ 10 до 11.	Хирургія.	Хирургія.	Электриза-	Хирургія.	Хирургія.	Электриза-
Отъ 11 до 12.	Патологія	и терапія	ція больн.	Патологія.	и терапія.	ція больн.

По полудни.

Отъ 3 до 4.	Анатомія и физиологія.		Анатомія и физиологія.			
Отъ 4 до 5.	Химія и materia medica.		Ботаника.	Химія и materia medica.		Ботаника.
Отъ 5 до 6.	Повивал. искусство на русскомъ языкѣ.	Повив. искусство на нѣмецк. языкѣ.	Ботаника.	Повивал. искусство на русскомъ языкѣ.	Повив. искусство на нѣмецк. языкѣ.	Ботаника.
Отъ 6 до 7.	Математика и физика.		Математика и физика.			

Калнингинское училище не имѣло опредѣленнаго штата на свою учебную часть. Оно получало содержаніе отъ кабинета Е. И. В. и расходовало одинъ годъ больше, другой годъ меньше, смотря потому, удавалось ли пріискать преподавателя того или другаго предмета.

Въ подтвержденіе этого представляются здѣсь двѣ справки объ учебныхъ расходахъ училища, на сроки десятью годами отдѣленные одинъ отъ другаго.

¹⁾ Впрочемъ и въ прежніе годы ученье ограничивалось тремя годами и управленіе училища даже гордилось тѣмъ, что дѣлало выпуски лѣкарей чрезъ каждые три года, а не подлѣкарей.

Израсходовано на преподаваніе наукъ въ 1783 году въ 1797 году:

За физиологію и глазныя болѣзни	800 р.	600 р.
» остеологію и болѣзни костей	600 »	600 »
» materia medica и фармацевтическую химію.	600 »	600 »
» теоретическую и практическую хирургію	600 »	600 »
» патологію и терапію	600 »	600 »
» анатомію	600 »	600 »
» латинскій языкъ	500 »	136 »
» повивальное искусство на русскомъ языкѣ.	500 »	500 »
» » » » нѣмецкомъ »	400 »	300 »
» медицинскую физіку	300 »	600 »
» электризацію больныхъ ¹⁾	300 »	200 »
» отправленіе аптеки, аптекарю . .	200 »	300 »
» дежурство при родильнѣ, ученой бабкѣ.	100 »	100 »
» преподаваніе ботаники	— »	100 »
Итого	6100 р.	5836 р.

По смерти Екатерины II кабинетъ началъ приводить въ порядокъ дѣла свои и между прочимъ обратилъ вниманіе на приписанное къ нему калининское училище. Онъ обратился къ медицинской коллегіи и просилъ, не возьметъ ли она на себя содержаніе какъ этого училища, такъ и елисаветградской госпитальной школы. Коллегія согласилась и по докладу ея состоялся слѣдующій

«Указъ нашей медицинской коллегіи» «Учрежденному въ С.-Петербургѣ при больницѣ за Калинкинымъ мостомъ врачебному училищу, равно какъ и состоящей при елисаветградскомъ госпиталѣ хирургической школѣ, оставляя ихъ впредь до дальнѣйшаго разсмотрѣнія на прежнему основаніи, повелѣваемъ быть въ вѣдѣніи медицинской коллегіи».

«Павелъ».

Въ С.-Петербургѣ, генваря 1797 года.

Въ калининскомъ училищѣ было въ это время 7 профессоровъ, 30 пенсионеровъ, 56 волонтеровъ, 37 повивальныхъ бабокъ и въ больницѣ его 32 больныхъ, а именно 14 мужчинъ и 18 женщинъ (въ томъ числѣ 7 родильницъ).

Но медицинская коллегія не нуждалась въ элементарныхъ медицинскихъ школахъ, потому что имѣла въ виду учредить высшее медико-хирургическое училище, и исходатайствовала немедленное упразд-

¹⁾ На содержаніе электрическихъ машинъ и инструментовъ отпускалось по 60 р. въ годъ, по именному указу 22 іюня 1781 года.

нені елисаветградской школы (именнымъ указомъ 13 іюня 1797 года), а упраздненіе калининскаго училища отложила до открытія медико-хирургической академіи.

«Больница за Калинкинымъ мостомъ» для прилипчивыхъ секретныхъ болѣзней открыта оберъ-полицеймейстеромъ П. Лопухинымъ въ маѣ 1782 г. Однакоже было бы ошибочно считать учрежденіе этой больницы цѣлью, для которой открывалось новое хирургическое училище. Призрѣніе и лѣченіе больныхъ «французскою болѣзнію» существовало въ Петербургѣ еще за двадцать лѣтъ до учрежденія калининскаго училища. Указомъ сената 20 мая 1763 года предписано устроить особый домъ для пріема и помѣщенія *женскаго отдѣленія сифилитической больницы*. Домъ отведенъ былъ с.-петербургскою оберъ-полицеймейстерскою канцеляріею на Выборгской сторонѣ, вблизи с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, по найму у купца Алексѣя Овчинникова. Содержаніе и лѣченіе женщинъ отъ французской болѣзни должно было производиться на суммы медицинской коллегіи, по особому указу Екатерины II отъ 18 іюля 1765 года, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи всѣ израсходованныя на этотъ предметъ суммы возвращались изъ кабинета Е. И. В. Завѣдываніе этимъ женскимъ отдѣленіемъ въ медицинскомъ отношеніи возложено было на штадтъ физика Лерхе и въ помощь ему назначенъ былъ лѣкарь И. Штелинъ, а въ послѣдствіи причисленъ еще одинъ лѣкарь изъ петербургскихъ госпиталей. Медикаменты получались изъ аптеки с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя. Домъ Овчинникова оказался однакоже неудобенъ для больницы, да и не очищенъ еще былъ отъ солдатскаго постоя: но приискать и нанять другой было трудно, потому что ни одинъ домовладѣлецъ не хотѣлъ отдать домъ свой въ наймы для такого назначенія. Больныя французскою болѣзнію «бабы и дѣвки» присылались для лѣченія изъ полиціи и изъ губернской канцеляріи—изъ острога. Къ дому приставленъ былъ военный караулъ. Мужчины больные французскою болѣзнію лѣчались въ с.-петербургскомъ генеральномъ адмиралтейскомъ госпиталѣ.

«Больница за Калинкинымъ мостомъ» должна была замѣнить полицейскую сифилитическую больницу и вмѣстѣ съ тѣмъ дать помѣщеніе новому калининскому хирургическому училищу, называвшемуся иногда Императорскимъ хирургическимъ институтомъ (Kaiserliche Chirurgische Institut). При открытіи этой больницы медицинскій персоналъ ея былъ не великъ и ограничивался однимъ штабъ лѣкаремъ

Ив. Шиттеніусомъ (*Berndt Johann Schyttenius*) и двумя подлѣжками: Иваномъ Лагодинымъ и Генрихомъ Плацманомъ, а эти лица вскорѣ замѣнены были штабъ-лѣкаремъ Петромъ Миллеромъ и подлѣкаремъ Иваномъ Басковичемъ.

Ученики калинковскаго училища раздѣлялись на пенсіонеровъ и волонтеровъ. Первые жили при училищѣ и содержались на казенный счетъ, а послѣдніе только приходили для ученія и содержались на свои средства. Пенсіонеровъ было тридцать числомъ, а волонтеровъ— сколько помѣстится и отъ того ихъ бывало больше числа пенсіонеровъ. Послѣдніе получали пищу отъ училища и постановлено было, что эконому или содержателю стола ихъ выдавалось постоянно на 30 человѣкъ, хоть бы ихъ было и меньше (донесеніе Форштейна 15 сентября 1797 года).

✓ Въ заключеніе приводимъ здѣсь докладъ медицинской коллегіи объ упраздненіи калининскаго медико-хирургическаго училища высочайше утвержденный 29 ноября 1802 года.

«Государственная медицинская коллегія, исправляя съ благоговѣніемъ высококомаршее В. И. В. соизволеніе, объявленное ей отъ бывшаго главнымъ ея директоромъ графа Васильева о снятіи медико-хирургическаго института съ содержанія кабинета на медицинскую сумму, остающуюся въ распоряженіи отъ содержанія придворной аптеки, на которую со всѣми двора В. И. В. мѣстами ежегодно составляло до 30,000 р., входила въ подробное сего института разсмотрѣніе и обращая особенное вниманіе какъ на предметъ, для котораго сіе училище основано, такъ и самое его состояніе, находитъ нужнымъ сдѣлать о немъ особое постановленіе и всеподданнѣйше представить средства къ поправленію и усовершенствованію онаго служащія.

✓ Учрежденіе медико-хирургическаго института за Калининскимъ мостомъ нослѣдовало въ 1783 году, въ царствованіе блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти императрицы Екатерины II и состояло подъ непосредственнымъ управленіемъ главныхъ начальниковъ, который переходя отъ одного къ другому начальнику, получалъ разныя по учебной части перемѣны, а на послѣдокъ въ 1797 году, по именному высочайшему указу, отданъ въ вѣдѣніе медицинской коллегіи.

Судя по сдѣланному при семъ училищѣ постановленію преподавать ученіе на нѣмецкомъ языкѣ, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что великая

оного основательница учредила его въ томъ единственно намѣреніи, дабы молодые люди присоединенныхъ провинцій къ державѣ В. И. В. воспользовались высокомонаршею щедротою, впоследствии сдѣлались искусными докторами и лѣкарями: поелику при учрежденныхъ сего рода въ обѣихъ столицахъ училищахъ преподаются науки на российскомъ языкѣ, коего они не разумѣя, безъ такового учрежденія принуждены бы были отъѣзжать въ чужіе края и съ большими издержками пріобрѣтать тамо по сей части познанія.

Въ разсужданіи столь полезнаго предмета, предполагаемаго для сего института, хотя медицинская коллегія еще въ самомъ началѣ своего имѣ управленія познала его недостатки въ учебныхъ театрахъ, кабинетахъ, библіотекѣ и ботаническомъ садѣ, къ заведенію коихъ требуются весьма великія иждивенія, не могла однакожъ приступить къ отвращенію оныхъ, потому что опредѣленной для него ежегодной суммы едва доставало къ содержанію учащихся и учащихя; а таковыя недостатки въ необходимыхъ для училища пособіяхъ были первою причиною, что медицинская коллегія въ замѣнъ оныхъ между прочимъ постановила: учащихся въ институтѣ переводить въ медико-хирургическую академію кандидатами для дальнѣйшаго ихъ въ наукахъ усовершенствованія.

Медицинская коллегія, зная изъ опытовъ, что не имѣвъ учебныхъ заведеній въ институтѣ и при всевозможномъ усердіи и прилежности профессоровъ къ своей должности, не могла доставить учащимся въ толикой обширности познанія, сколько требуется отъ искуснаго врача, почему и осмѣливается всеподданнѣйше представить средство самое надежнѣйшее, не требующее особенныхъ издержекъ и могущее отвратить описанные при институтѣ недостатки.

Медико-хирургическая академія, находящаяся близъ военной и адмиралтейской главныхъ госпиталей, будучи снабжена многочисленною на разныхъ языкахъ библіотекою, ботаническимъ садомъ, физическимъ, анатомическимъ, хирургическимъ и химическимъ кабинетами, имѣеть особливые театры и обширное для учащихся зданіе, словомъ медико-хирургическая академія, отъ высокомонаршихъ щедротъ снабжденная всеми пособіями, находится нынѣ въ цвѣтущемъ состояніи; напротивъ сего медико-хирургическій институтъ, поелику во всемъ томъ претерпѣваетъ великіе недостатки и отвратить ихъ невозможно, не сдѣлавъ на таковыя заведенія весьма знатныхъ издержекъ; а потому медицинская коллегія по обширности зданія, въ коемъ помѣститъ

можно назначенное въ штатѣ число учащихся, полагаетъ присоединить институтъ къ медико-хирургической академіи, находя отъ сего присоединенія слѣдующую пользу и выгоду, въ особенности для сего училища:

1) Всѣ учебные кабинеты, театры и ботаническій садъ, съ великими изживеніями при медико-хирургической академіи заведенные, служить будутъ въ пользу присоединяемаго института.

2) Медико-хирургическая академія учреждена близъ военныхъ госпиталей въ томъ намѣреніи, чтобы молодые люди, по предварительномъ изученіи теоретическихъ наукъ, приходя ежедневно въ опредѣленное время въ больничныя палаты, могли прибрѣтать тамо практическія познанія, обращаясь около больныхъ подъ руководствомъ наставниковъ; а по сему, по присоединеніи института къ академіи обучающіеся въ ономъ заниматься будутъ тѣми же упражненіями, кои, какъ извѣстно, для врача суть необходимо нужны.

3) Обучающіеся въ институтѣ, по произведеніи ихъ въ гѣкари, опредѣляются симъ званіемъ къ сухопутнымъ и морскимъ войскамъ, но по незнанію ихъ російскаго языка великія встрѣчаютъ затрудненія въ объясненіи съ больными; напротивъ чего, по присоединеніи института, и сей недостатокъ уничтожится всегдашнимъ ихъ обращеніемъ съ учащимися медико-хирургической академіи, куда большею частію опредѣляются изъ природныхъ росіянъ, обучавшихся въ духовныхъ училищахъ.

При такомъ медико-хирургическаго института положеніи, если В. И. В. благоудно будетъ высочайше утвердить присоединеніе института къ медико-хирургической академіи и состоять уже оному подъ ея названіемъ, то медицинская коллегія поставляетъ своимъ долгомъ основать нужныя правила, сему соединенію соотвѣтственныя и составить новый штатъ академіи.

I. Для преподаванія наукъ въ медико-хирургической академіи на російскомъ и нѣмецкомъ языкахъ опредѣленными профессорами принимать ихъ въ сіе званіе не иначе, какъ по предварительномъ удостовѣреніи въ ихъ качествахъ и строгомъ испытаніи въ знаніи и способностяхъ къ преподаванію публичныхъ лекцій.

II. Учебные кабинеты и ботаническій садъ, на заведеніе коихъ употреблены великія суммы денегъ и еще ежегодное получаетъ приращеніе, должны оставаться въ вѣдѣніи тѣхъ профессоровъ, на кото-

рыхъ медицинская коллегія съ большею довѣренностію положиться можетъ.

III. Если кто изъ профессоровъ или адъюнкты-профессоровъ, находящихся при медико-хирургической академіи, исправляющихъ свою должность съ особливимъ успѣхомъ и похвалою, пожелаетъ преподавать лекціи объ одномъ предметѣ на російскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то медицинская коллегія, удостовѣрясь о томъ на самомъ дѣлѣ, къ преподаванію ученія на двухъ языкахъ допускать обязана, выдавая за одну часть полное по штату жалованье, а за другую двѣ трети онаго.

IV. Опредѣляемые въ медико-хирургическую академію ученикамъ на казенное содержаніе должны знать латинскій языкъ и словесныя науки, съ каковыми знаніями принимать должно и волонтеровъ, желающихъ обучаться медицинѣ, и какъ тѣхъ такъ и другихъ при опредѣленіи испытывать съ надлежащею строгостію въ конференціи.

V. Медицинская коллегія между многими постановленіями учредила, чтобъ послѣ предшествовавшей теоріи профессора хирургіи и терапіи, проходя съ своими учениками больничныя палаты военныхъ госпиталей, объясняли имъ надъ больными существенныя болѣзней признаки, изслѣдовали въ присутствіи ихъ причины ихъ и предписывали средства къ исцѣленію ихъ служація. Поелику сей способъ ученія есть самый надежнѣйшій открывать молодымъ людямъ всѣ явленія болѣзней при постеляхъ болящихъ, то для приведенія онаго въ безпрепятственное исполненіе нужно отдѣлять при госпиталяхъ для сего вообще полезнаго постановленія больничныя палаты, допускать профессоровъ къ выбору потребнаго числа больныхъ, одержимыхъ въ военныхъ госпиталяхъ важными болѣзнями, для помѣщенія ихъ въ тѣхъ палатахъ и доставлять для сихъ больныхъ приличнаго отъ военныхъ департаментовъ содержанія.

VI. Хотя студенты и ученики 2 класса обязаны ежедневно приходять къ больнымъ, въ военныхъ госпиталяхъ находящимся, и отправлять дѣла, званію ихъ соотвѣтственныя; но не должно налагать на нихъ дежурства, при госпиталяхъ установленныя, поелику сія должность, требующая безотлучнаго пребыванія, отвлекать ихъ будетъ отъ ученія, профессорами преподаваемаго.

VII. Принявъ въ разсужденіе, что вступающіе въ медико-хирургическую академію учениками большюю частію бывають или совершенныхъ лѣтъ или достигающихъ сего возраста, и при томъ уже обра-

зованными въ словесныхъ наукахъ, медицинская коллегія полагаетъ выдавать студентамъ и ученикамъ, по третямъ года, деньгами на одежду, обувь, бѣлье, покупку классическихъ книгъ, хирургическихъ инструментовъ и прочія надобности, кромѣ пищи, услуги, мытья бѣлья, дровъ, постелей и комнатной мебели, отъ казны доставляемыхъ, первымъ по 80 р., а послѣднимъ по 70 р. въ годъ, наблюдая единообразіе въ цвѣтѣ одежды, различающемъ студентовъ отъ учениковъ, съ таковымъ однакожъ изъятіемъ, чтобы учащимся, поведеніемъ сей довѣренности не заслуживающимъ, доколѣ не исправятся, не выдавать денегъ, но на положенную въ штатѣ сумму доставлять отъ казны все нужное, къ ихъ содержанію относящееся; при выпускѣ же студентовъ 4 класса въ кандидаты хирургіи на заведеніе постелей и прочія нужды своевременно выдавать каждому по 25 р. изъ общей медицинской суммы.

VIII. До уничтоженія подлѣкарскаго званія, послѣдовавшаго по изданіи штатовъ медицинской коллегіи, изъ числа учащихся въ медико-хирургической академіи кандидатами хирургіи оставляемы были только тѣ, кои оказывали превосходные въ наукахъ успѣхи, а прочіе распредѣлялись подлѣбьярами въ армію или флѣтъ; а по сему и положенное въ томъ штатѣ число кандидатовъ было тогда достаточно. Но когда подлѣкарское званіе отмѣнилось и учащіеся въ медико-хирургической академіи безъ различія стали поступать въ кандидаты, то съ того времени и оказался недостатокъ въ штатныхъ для нихъ мѣстахъ, въ отвращеніе котораго медицинская коллегія находитъ нужнымъ прибавить въ обѣихъ столицахъ при военныхъ госпиталяхъ и въ Кронштадтѣ, при каждой по 8 кандидатовъ съ жалованьемъ по 150 р. изъ медицинской суммы, а квартиру, услугу и дрова отъ военныхъ департаментовъ, полагая для двухъ кандидатовъ комнату и одного работника.

IX. Хотя число учащихся ограничивается штатнымъ положеніемъ, но если изъ объявившихъ желаніе обучаться медициной окажутся отличныхъ успѣховъ въ словесныхъ наукахъ и латинскомъ языкѣ, то по принятіи съ такими качествами въ медико-хирургическія академіи, на содержаніе ихъ употреблять изъ общихъ суммъ медицинской коллегіи.

X. По присоединеніи института къ медико-хирургической академіи, въ положенному въ прежнемъ штатѣ числу учащихся, прибавится 40 студентовъ и учениковъ, долженствующихъ обучаться на вѣмец-

вомъ языкѣ; слѣдовательно труды инспектора и эконома необходимо усугубятся. По сей причинѣ, и дабы по дѣламъ того и другаго наблюдаема была надлежащая исправность, особливо во время ихъ болѣзни, медицинская коллегія назначила въ штатѣ двухъ помощниковъ, долженствующихъ быть исполнителями распоряженій инспектора и эконома.

XI. Изъ опредѣленныхъ по штатамъ денежныхъ суммъ на содержаніе медико-хирургическихъ академій въ обѣихъ столицахъ, если отъ узаконенныхъ расходовъ окажутся остатки, то безъ различія считать ихъ принадлежащими обоимъ симъ учрежденіямъ и въ случаѣ недостатка въ деньгахъ при одномъ дополнять остаткомъ, бывающимъ при другомъ учрежденіи.

XII. Для содержанія учащихся на всемъ казенномъ иждивеніи, въ штатѣ медико-хирургической академіи положено на каждаго по 100 рублей, кромѣ отпускаемыхъ денегъ отъ военныхъ департаментовъ и отъ уничтоженной въ Елисаветградѣ хирургической школы; но какъ изъ двухлѣтняго опыта оказалось, что сихъ суммъ къ пристойному ихъ содержанію недостаточно, и по учиненіи въ издержкахъ надлежащаго исчисленія открылось, что при всевозможной бережливости и соблюденіи казеннаго интереса, годовое содержаніе одного учащагося составляетъ до 148 рублей, то медицинская коллегія по сему исчисленію, назначивъ въ новомъ штатѣ денежную сумму, какъ самую необходимую къ содержанію учащихся, всеподданнѣйше испрашиваетъ высокомонаршаго соизволенія на добавленіе 48 рублей для каждаго учащагося въ медико-хирургической академіи, каковое приумноженіе производиться будетъ изъ суммъ, въ медицинскую коллегію вступающихъ.

XIII. Поелику всѣ сіи положенія, по связи своей принадлежатъ въ дополненіе къ правиламъ, постановленнымъ въ докладѣ и штатѣ медицинской коллегія въ 12 день февраля 1799 года высочайше конфирмованнымъ, то потому и основаніе оныхъ долженствуетъ оставаться въ своей силѣ.

Медицинская коллегія, заключая всеподданнѣйшее свое представленіе вновь составленнымъ и при семъ подносимымъ на высокомонаршее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе штатомъ медико-хирургической академіи въ С. Петербургѣ, осмѣливается при семъ соединеніи изъяснить, что по прежнему для сей академіи штату положено 30,000 руб., а по присоединеніи къ оной института выхо-

дять будетъ 56,065, слѣдовательно противу прежняго положенія увеличивается сумма 26,065 рублями. Хотя же изъ остающейся отъ придворной аптеки въ распоряженіи медицинской коллегіи суммы, за учиненнымъ по новому положенію распредѣленіемъ, отъ 60,000 руб. еще находится въ остаткѣ 3935; но поелику изъ сего остатка въ разсужденіи приумноженія учащихся прибавлять должно будетъ на покупку дровъ, свѣчь, фуража для лошадей, строить одежду на инвалидную команду, выдавать квартирныя деньги профессорамъ и адъюнктъ-профессорамъ и на прочія непредвидимыя нужды, то по таковымъ сверхъ штата же издержкамъ, которыя по сему учрежденію суть необходимыя, остающаяся сумма денегъ ежегодно издерживаема будетъ на предположенныя выше сего надобности.

Резолюція. Быть по сему.

Такимъ образомъ Калининскій Хирургическій Институтъ пересталъ существовать и вполнѣ слился съ медико-хирургическою академіею (29 ноября 1802 года ¹⁾).

Въ то же время о Калининской больницѣ состоялся слѣдующій именной указъ петербургскому губернатору Кушникову.

«Состоящую за Калининнымъ мостомъ секретную больницу, доселѣ на содержаніи кабинета бывшую, по связи сего заведенія съ другими подобными, повелѣваю принять въ вѣдомство приказа общественнаго призрѣнія и, начавъ съ будущаго 1803 года, содержать изъ суммъ ему присвоенныхъ. Приказъ не оставитъ при семъ разсмотрѣть и сообразить, достаточно ли положенной нынѣ на содержаніе сей больницы суммы и буде найдетъ нужнымъ, въ предохраненіе отъ долговъ и къ лучшему устройству сдѣлать изъ доходовъ своихъ нѣкоторую прибавку, въ свое время имѣть о томъ представить. Александръ ¹⁾».

12 ноября 1802 года.

¹⁾ Полное собраніе законовъ, XXVII, 20, 531.

²⁾ Полное собраніе законовъ, XXVII, 20, 507.

ГЛАВА XVIII.

Елисаветградская хирургическая школа.

Школа эта учреждена по распоряженію свѣтлѣйшаго князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. Приказъ объ учрежденіи ея подписанъ имъ лѣтомъ 1788 года, среди приготовленій къ осадѣ Очакова. Приказъ этотъ составленъ былъ повидимому наскоро и въ немъ не означено ни учебнаго штата, ни точно опредѣленной цѣли учрежденія. Мимоходомъ только сказано, что какъ о приѣмѣ преподавателей и учениковъ, такъ и о производствѣ обученныхъ лѣкарей и подлѣкарей слѣдуетъ относиться непосредственно къ нему одному. Князь Потемкинъ жилъ тогда при арміи, приготовленной къ войнѣ съ турками, видѣлъ большую болѣзненность и смертность въ войскахъ и устроилъ нѣсколько большихъ госпиталей, специально приготовленныхъ для военнаго времени. Таковы были госпитали Херсонскій, Николаевскій морской, Елисаветградскій и др. Последній изъ этихъ госпиталей избралъ онъ для устройства хирургической школы и присвоилъ ему званіе «генеральнаго» госпиталя. Этимъ госпиталемъ управлялъ статскій совѣтникъ Павелъ Шарый, пользовавшійся особенною довѣренностію свѣтлѣйшаго, и на него-то возложена была обязанность устройства и учрежденія госпитальной хирургической школы. Елисаветградская хирургическая школа была частнымъ учрежденіемъ князя Потемкина. Никому не подчинялась она, кромѣ него самого. Медицинская коллегія не знала даже о существованіи ея. Доказательствомъ того, что она была личнымъ дѣломъ князя Потемкина, служитъ между прочимъ то, что послѣ его смерти эта школа перешла въ личное управленіе главнокомандующихъ войсками и переходила отъ одного изъ нихъ къ другому, пока графъ Зубовъ получилъ званіе новороссійскаго генераль-губернатора и въ тоже время принялъ начальство и надъ Елисаветградскою хирургическою школою.

Въ мечтахъ и заботахъ о любимомъ своемъ Новороссійскомъ краѣ, князь Потемкинъ надѣялся между прочимъ учредить тамъ самостоятельную медицинскую школу. Императрица Екатерина II раздѣляла его мысли и уполномочила его основать въ Елисаветградѣ университетъ съ медицинскимъ факультетомъ. Но предположеніе это не состоялось. Потемкину казалось слишкомъ долго дожидаться постройки

университета. Ему хотѣлось скорѣе видѣть осуществленіе своихъ мыслей и—вмѣсто университета—онъ учредилъ хирургическую школу въ Елисаветградскомъ госпиталѣ и затѣмъ намѣревался учредить другую такую же школу въ Симферополѣ.

Дѣло однакоже не удалось, не смотря на всемогущество Потемкина. Лица, которымъ поручено было учрежденіе школы, имѣли самое неопредѣленное понятіе о данной имъ задачѣ. Образцомъ для себя они приняли московскую школу Бидлоо, между тѣмъ какъ ни одинъ изъ нихъ не обладалъ десятою долею такого образованія и такой энергій и любви къ дѣлу, какими обладалъ Бидлоо. Забыли они еще и то, что прошло восемьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія Бидлооской школы и эта школа, соображаясь съ потребностями времени и гражданственности Россіи, такъ измѣнилась, расширилась и улучшилась, что ея не узналъ бы и самъ Бидлоо.

Однимъ словомъ елисаветградская госпитальная школа не соответствовала своему времени и вышла какою-то мертворожденною. Въ ней недоставало ни учителей, ни учениковъ, ни учебныхъ пособій. Штатныхъ преподавателей вовсе не было. Обязанности ихъ исполняли дивизионный докторъ херсонской дивизіи и нѣсколько госпитальныхъ лѣкарей, за небольшое прибавочное жалованье. Первымъ такимъ учителемъ былъ докторъ Варфоломей Доминицисъ (*Burtholom. Dominicis*). Онъ служилъ дивизионнымъ докторомъ херсонской дивизіи, входившей въ составъ отряда, которымъ командовалъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій, почему всѣ распоряженія въ елисаветградскомъ госпиталѣ проходили черезъ руки Суворова. Устройство школы шло медленно и успѣхи были не замѣтны. Это надоѣло Доминицису и онъ безъ сожалѣнія оставилъ госпиталь и перешелъ въ Черноморскій флотъ (23 февраля 1793). На его мѣсто просился отставной докторъ Іог. Кернеръ (*Joh. Körner*), принятъ на службу и опредѣленъ лекціоннымъ докторомъ (26 января 1793). Князь Потемкинъ прислалъ его къ графу Суворову и тотъ поручилъ ему читать лекціи въ госпиталѣ. Но Кернеръ отказался отъ преподаванія, ссылаясь на слабость груди и на то, что онъ страдалъ уже кровохарканьемъ въ с.-петербургскомъ хирургическомъ институтѣ отъ той-же причины. Это не понравилось Суворову и онъ обратился къ медицинской коллегіи о присылкѣ другаго доктора, который годился бы для преподаванія. Коллегія прислала доктора Петра Кольбе и назначила его госпитальнымъ (старшимъ) докторомъ елисаветградскаго госпиталя, съ обяза-

тельствомъ преподавать анатомію, физиологію, хирургию (4 мая 1794). Кернеръ тоже оставался въ госпиталѣ, но считался бесполезнымъ, потому что непрерывно рапортовался больнымъ. Преподаваніе было неуспѣшно, по недостатку преподавателей, такъ какъ одинъ Кольбе не могъ выполнить всей учебной программы. Суворовъ опять обратился въ медицинскую коллегію о присылкѣ другаго доктора, на помощь Кольбе. Въ это время жилъ въ городѣ Бериславлѣ Екатеринославскаго намѣстничества отставной докторъ надворный совѣтникъ Евстафій Звѣрага. Ему предложили мѣсто и онъ принялъ его и сталъ преподавать химію и практическую медицину (22 мая 1794). Докторъ Кернеръ сдѣлался теперь совсѣмъ лишнимъ и по рекомендаціи вице-адмирала Николая Семеновича Мордвинова переведенъ въ херсонскій морской госпиталь (11 декабря 1794), гдѣ черезъ годъ и умеръ.

Откуда набирались ученики для елисаветградской школы—не сохранилось свѣдѣній. Но между ними много было такихъ, которые не учились латинскому языку и не имѣли общаго образованія, считавшагося въ это время необходимымъ для современныхъ медицинскихъ училищъ. По этой причинѣ, а можетъ быть и по недостаточности учебныхъ пособій, преподаваніе шло очень медленно и не удовлетворяло ожиданіямъ князя Потемкина. Онъ прождалъ однакоже цѣлыя пять лѣтъ и только въ маѣ 1793 года приказалъ сдѣлать первый экзаменъ ученикамъ. Учениковъ было 40 человекъ и изъ нихъ 12 человекъ признаны по экзамену достойными званія подлѣкаря. Послѣ экзамена князь Потемкинъ, изъ деликатности, предложилъ генералъ-аншефу графу Суворову - Рымникскому утвердить молодыхъ подлѣкарей въ ихъ новомъ званіи; по графъ Суворовъ отклонилъ отъ себя это предложеніе и приказалъ послать списокъ ихъ въ медицинскую коллегію на утвержденіе. Всѣ эти подлѣкари распределены потомъ въ арміи генерала Кречетникова.

На экзаменныхъ спискахъ сдѣланы были подписи экзампнаторовъ, по которымъ можно судить о составѣ и числѣ учебнаго персонала этой школы. Подписались на нихъ слѣдующія лица: дивизионный докторъ Варфоломей Домницисъ, госпитальный докторъ Петръ Кольбе, статскій совѣтникъ Павелъ Шарой, штабъ-лѣкари Романъ Чернявскій, Яковъ Мелесъ, Иванъ Шмидтъ и лѣкаря Ландреніусъ, Дмитрій Киселевъ, Федоръ Межвинъ, Иванъ Эберлингъ, Григорій Крестинскій, Христофоръ Арнгольдъ, Николай Терновскій, Павелъ Бородулинъ, Ефремъ Мухинъ (прозекторъ), Василій Литкинъ и Николай Ильинскій.

Въ этомъ году князь Потемкинъ умеръ и съ его смертью школа быстро пошла къ упадку и наконецъ закрыта, просуществовавъ не болѣе девяти лѣтъ. Приводимъ здѣсь

Докладъ медицинской коллегіи объ упраздненіи ея:

«Медицинская коллегія, не имѣвъ предварительнаго свѣдѣнія о состояніи и положеніяхъ хирургической школы при Елисаветградской гошпитали, по воспослѣдованіи высочайшаго В. И. В. указа, даннаго ей за собственноручнымъ В. И. В. подписаніемъ въ 26 день января сего года, коимъ повелѣно: впредь до дальнѣйшаго разсмотрѣнія быть оной въ свѣдѣніи коллегіи, долгомъ себѣ почла, постробавъ отъ наблюдающаго надъ оною школою статскаго совѣтника Шароя обстоятельное увѣдомленіе, разсмотрѣть постановленныя правила, порядокъ и вообще все то что только при таковомъ заведеніи почитается необходимымъ. Слѣдуя сему предположенію, медицинская коллегія, вступивъ въ подробное разсмотрѣніе доставленныхъ къ ней свѣдѣній со всѣми приложениями, находитъ: 1) что учрежденіе ея послѣдовало въ 1788 году, по ордеру покойнаго генераль-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, посланному отъ него на имя упомянутаго Шароя, по которому оная школа поручена ему въ смотрѣніе и велѣно какъ въ приемъ профессоровъ и учениковъ, такъ и производствѣ ихъ въ лѣкари и подлѣкари относиться къ нему, князю Потемкину. 2) Поеліку при заведеніи оного училища не назначено въ ордерѣ какому числу быть учащихся, а потому и сумма, по вышеупомянутому предписанію на жалованье каждому въ годъ по 120 р. опредѣленная и ежегодно въ Крюковскаго комисариатскаго депо отпускаемая остается и по сіе время неограниченною, выключая учащихся, кои до уничтоженія дивизионныхъ докторовъ, отправляя возложенныя на нихъ должности при училищѣ и считаясь при дивизіяхъ, довольствовались жалованьемъ, отъ мѣсть своихъ опредѣленнымъ. 3) Послѣ смерти князя Потемкина управляема она была главнокомандующимъ надъ войсками, въ тамошнемъ краю расположенными, каковое управленіе, переходя отъ одного къ другому, продолжалось до пожалованія графа Зубова генераль-губернаторомъ, принявшаго въ тоже время начальство и надъ хирургическою школою, въ Елисаветградѣ состоящую.

Медицинская коллегія, познавъ начальное основаніе ея заведенія, немедленно обратила свое вниманіе на тѣ пособія и предлежности, посредствомъ которыхъ приобрѣтается во врачебной наукѣ основательное познаніе и безъ коихъ подобное заведеніе ни состоять, ни пользы приносить не можетъ. Но изъ представленія предъявленнаго Шароя оказалось, что въ началѣ еще открытія школы остается она вовсе не снабденною учебными кабинетами, бібліотекою, хирургическими орудіями и ботаническимъ садомъ; не устроено ни театровъ, ни нужнаго зданія для жилища учащихся, какъ по той причинѣ, жительствуя въ обывательскихъ домахъ, удалены отъ всякаго надзираія;

число больных при госпиталях не соответствует надобности учрежденнаго при ней училища, ибо не болѣе 13 оныхъ находится и притомъ болѣею частью долговременными болѣзнями одержимыхъ. Принявъ въ должное вниманіе той великой важности предметъ и разобравъ всѣ его дѣйствія и постановленный въ немъ порядокъ, самое дѣло ясно доказываетъ, что пребывающіе при оной школѣ ученики, не будучи руководимы практически отъ профессоровъ изъясненіями, почерпаютъ ученіе изъ однихъ словъ, познаніе весьма слабое и для образованія искуснаго врача совершенно невозможное, ибо многими и несомнительными опытами уже доказано, что научить и научиться анатоміи, хирургіи, распознаванію и лѣченію внѣшнихъ и внутреннихъ болѣзней есть дѣло невозможное, когда училище не находится при больницѣ, заключающей въ себѣ извѣстное число болящихъ, различнаго рода болѣзнями одержимыхъ; когда оно стѣсняется во всѣхъ пособіяхъ потребныхъ для изученія и когда при самомъ заведеніи не предполагаются ни полезныя виды ни твердыя тому основанія и правила. Въ такомъ состояніи найдя Елисаветградскую хирургическую школу, медицинская коллегія осмѣливается представить высоко монаршему В. И. В. благоусмотрѣнію, всеподданнѣйше испрашивая, что до будущаго выбора въ южномъ краю удобнѣйшаго мѣста для хирургической школы и снабденія оной всѣми нужными пособіями въ пользу учащихся, дабы они при совершенномъ нынѣ во всемъ недостаткѣ, требующемъ опытнаго разсмотрѣнія, не препровождали въ праздности времени, не благоудбно ли В. И. В. высочайше повелѣтъ находящихся нынѣ учениковъ перевести во врачевныя училища, въ обѣихъ столицахъ учрежденныя, обратя купно на нихъ и сумму въ ежегодное распоряженіе медицинской коллегіи на жалованье тѣмъ ученикамъ отпускаемую, сколько ея по числу оныхъ состояло. Затѣмъ же медицинская коллегія, собравъ обо всемъ надлежащія свѣдѣнія, не преминетъ и о тамошнемъ краѣ учинить разсмотрѣніе, гдѣ и на какомъ основаніи тамо съ лучшею пользою врачевныя училища учредить и въ свое время представить В. И. В. іюня 4 дня 1797 года.»
Подписали: главный директоръ, президентъ, члены и секретарь медицинской коллегіи Иванъ Мионовичъ.

Въ отвѣтъ на этотъ докладъ объявленъ былъ слѣдующій

«Указъ нашей медицинской коллегіи. Согласно съ мнѣніемъ, намъ въ докладѣ отъ медицинской коллегіи представленнымъ, повелѣваемъ состоящую при Елисаветградской госпитали хирургическую школу упразднить и находящихся при той школѣ учениковъ распредѣлить по разсмотрѣнію коллегіи во врачевныя училища, въ обѣихъ нашихъ столицахъ учрежденныя, обратя и сумму на нихъ издерживаемую въ ежегодное распоряженіе медицинской коллегіи, сколько ея по числу тѣхъ учениковъ отпускать.

Исполн. Іюня 13 дня 1797 года.»

На основаніи этого указа медицинская коллегія постановила: «Поелнгу г. статскій совѣтникъ Шарой имѣлъ главное наблюденіе надъ елисаветградскою хирургическою школою, то, поручивъ ему по уничтоженной школѣ учинить слѣдующее распоряженіе: предписать 1) чтобы ученщевъ, на казенномъ содержаніи находящихся, для распредѣленія ихъ въ московское и с.-петербургское врачебныя училища отправилъ токмо тѣхъ, кои своимъ прилежаніемъ и способностями къ наукамъ подають о себѣ добрую надежду 2) Какъ въ числѣ учащихся состоятъ тамо и подлѣбари, предъ симъ изъ тамошнихъ учениковъ произведенные и оставленные до будущихъ ваканцій на ученическомъ жалованьи (а именно: Иванъ Пильевичъ, Миронъ Сиродинскій, Николай Топольскій и Игнатій Контеровскій), то для доученія во врачебной науцѣ отправить и сихъ съ вышеозначенными учениками. 3) Что касается до волонтеровъ, на собственномъ иждивеніи при оной школѣ обучавшихся, объявить имъ, что бы для пріобрѣтенія усовершенствованія въ наукахъ и получения по знаніямъ своимъ званія отправились въ Москву или С.-Петербургъ, буде пожелаютъ. Впрочемъ не могущіе продолжать далѣе наукъ по своему недостатку при собственномъ содержаніи, приняты быть могутъ наравнѣ съ прочими на жалованье и съ выдачею въ Москвѣ или С.-Петербургѣ прогонныхъ денегъ, но съ таковымъ предположеніемъ, что тѣ изъ нихъ токмо помѣщены будутъ въ штатное число учащихся, кои отъ своихъ учителей представятъ письменное засвидѣтельствованіе, что во все время пребыванія своего при школѣ были прилежны, имѣютъ способности, хорошаго поведенія и обучены латинскому языку. 4) При исполненія всего вышеописаннаго въ самоскорѣйшемъ времени, дабы учащіеся въ первыхъ числахъ сентября, когда начинаются курсы наукъ, могли прибыть къ своимъ мѣстамъ, объявить имъ, что медицинская коллегія предоставляетъ каждому изъ нихъ на волю по пріѣздѣ остаться для продолженія ученія въ Москвѣ или въ С.-Петербургѣ. 5) Поелнгу съ уничтоженіемъ сея школы при елисаветградской госпитали остаются излишними докторъ коллежскій совѣтникъ Евстафій Звѣрака и штатдѣлѣваръ Андрей Лаурениусъ, почему и опредѣлить ихъ, перваго минской губерніи во врачебную управу инспекторомъ ¹⁾, а послѣдняго

¹⁾ Въ послѣдствіи времени д-ръ Звѣрака переведенъ, по собственной просьбѣ, главнымъ докторомъ въ николаевскій морской госпиталь (15 апрѣля 1798), на мѣсто Варфоломея Доминичиса, переведеннаго инспекторомъ въ вятскую врачебную управу.

въ архангельскую морскую госпиталь на вакансію главнаго лѣкаря. 6) Прочимъ медицинскимъ чинамъ, при елисаветградской госпитали состоящимъ, (какъ то доктору П. Колбе, штабъ-лѣкарямъ Волченецкому ¹⁾, Грезнову, Маркевичу, лѣкарямъ Арнольду, Киселевичу, Пихлеру, и подлѣкарямъ Мѣсяцову, Бернгарду, Лѣсницкому, Головаха, Силецкому и Тихановичу), оставаться при ономъ по настоящей въ нихъ надобности по прежнему у пользованія больныхъ. Жалованья жъ съ числа сего опредѣленія производить имъ по штатамъ: Звѣракъ по 700 р. изъ суммы, положенной на врачебныя управы, а Лаурениусу съ деньщинымъ по 300 р. 30 к. въ годъ и по генеральному о госпиталяхъ регламенту довольствія отъ адмиралтейства, а выше писаннымъ подлѣкарямъ и ученикамъ до Москвы каждому на одну ямскую подводу по подорожной таковыхъ же денегъ. Медицинской конторѣ велѣть, по прибытіи показанныхъ подлѣкарей, лѣкарскихъ учениковъ и волонтеровъ, тѣмъ изъ нихъ, кои не пожелаютъ остаться при московскомъ училищѣ, выдать прогонныя деньги до С.-Петербурга, также каждому на одну подводу, равно и волонтерамъ, буде пожелаютъ вступить въ службу на жалованье и предъявятъ письменныя свидетельства съ содержаніемъ выше сего изъясненнымъ, а по прибытіи ихъ въ московское или с.-петербургское училища велѣть состоящимъ при оныхъ профессорамъ испытать каждого въ ихъ знаніи и по испытаніи распределить по классамъ» (1797).

ГЛАВА XIX.

Медицинское управленіе въ Россіи въ XVIII столѣтіи.

Потребность въ медицинскихъ знаніяхъ и въ представителяхъ ихъ—лѣкаряхъ и докторяхъ—задолго предшествовала учрежденію самостоятельной медицинской школы въ Россіи. Еще за 120 лѣтъ до Бидлоо въ Москвѣ было не малое число докторовъ, существовали ру-

¹⁾ Штабъ-лѣкарь, коллежскій ассесоръ Денисъ Волченецкій опредѣленъ потомъ операторомъ минской врачебной управы (18 января 1788).

бописные лѣчебники и травники, существовали лѣкарственныя вещества или коллекціи ихъ. Но всѣ эти лица и учрежденія существовали только для царя и для царскаго семейства. Приглашенные изъ чужихъ краевъ доктора и лѣкаря обязывались пользоваться только государя и не смѣли лѣчить никого изъ постороннихъ лицъ. Самый знатный бояринъ не иначе получалъ отъ нихъ пособіе, какъ съ соизволенія царя. Случалось впрочемъ и такъ, что царь приказывалъ доктору давать лѣкарства захворавшему боярину, а этотъ послѣдній билъ челомъ и упрасивалъ, «пожаловать царскою милостью, не велѣть ему лѣчиться у заморскаго дохтура». Значитъ не только русскій народъ, но и наиболѣе образованные классы его не понимали еще значенія медицины, не питали довѣрія къ рациональному ученію и своихъ старыхъ вѣдуновъ и знахарей предпочитали самымъ ученымъ иностраннымъ докторамъ. Мало того, русскіе люди просто боялись иностранныхъ докторовъ, какъ обладателей какой-то темной силы, недоступной ихъ собственному пониманію, но злой и безпощадной въ своихъ дѣйствіяхъ.

Рациональная медицина появилась при московскомъ дворѣ въ половинѣ XVI столѣтія. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный очень цѣнилъ ее. Правда, онъ былъ не чуждъ современныхъ суевѣрій, однакоже не отказывался отъ помощи иностранныхъ докторовъ. Въ исторіи сохранились имена нѣкоторыхъ докторовъ и лѣкарей при дворѣ Ивана Грознаго. Первымъ и наиболѣе почетнымъ изъ нихъ считался итальянскій докторъ Арнольдъ Лензей (*Arnolphus Lensaeus*), образованный медикъ и математикъ. Онъ пользовался любовью и довѣріемъ царя, не боявшася принимать отъ него лѣкарства, хотя не иначе какъ черезъ руки самаго довѣреннаго боярина, князя Афанасія Вяземскаго, какъ впрочемъ тогда поступали всѣ цари, боявшіеся тайной отравы. Царь Иванъ Грозный часто призывалъ его для лѣченія бояръ и приближенныхъ своихъ. Докторъ Лензей умеръ при сожженіи Москвы крымскимъ ханомъ Девлетъ Гиреємъ въ 1571 году.

Другой докторъ, современникъ Лензея, но старше его возрастомъ, былъ Елисей Бомелій (*Eliseus Bomelius*), родомъ бельгіецъ. Онъ вовсе кажется не занимался лѣченіемъ царя Ивана Грознаго, но по хитрости своей «былъ ему любимъ и въ приближеніи», а любимъ былъ за то, что не подозрѣвая у царя неистоваго умопомѣшательства, въ припадкахъ втораго царь всѣхъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ и стараніи такъ или иначе извести его и соотвѣтственно тому неистовствовала,

*

убивалъ безъ разбора всѣхъ, кто попадался ему на глаза, докторъ Бомелій, вмѣсто успокоенія царя, питалъ въ немъ страхъ и подозрѣнїя, чернилъ бояръ и народъ, предсказывалъ бунты и мятежи, однимъ словомъ всячески раздражалъ царя, чтобы угодить несчастному болѣзненному расположенію души его, и даже внушилъ ему мысль (1569) бѣжать въ Англію и поселиться тамъ навсегда. Кромѣ того, Бомелію приписываютъ и другія злодѣянїя. Когда царь женился (въ третій разъ) на дѣвицѣ Марфѣ Васильевнѣ Собакиной и она черезъ 17 дней послѣ свадьбы умерла (13 ноября 1571), то Бомелій приписалъ эту смерть отравѣ и предложилъ царю истреблять лиходѣевъ ядомъ и составлялъ, какъ говорятъ, губительное зелье съ такимъ адскимъ искусствомъ, что отравленный умираетъ въ назначенную убійцею минуту. Такъ казненъ любимецъ царя Григорій Грязной, князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій и многіе другіе, признанные участниками въ отравленіи царской невѣсты (1571). Бомелій умеръ трагическою смертію: не задолго до седьмой женитьбы Ивана Грознаго, на дѣвицѣ Марѣ Федоровнѣ Нагой, онъ былъ публично сожженъ въ Москвѣ (въ 1580 году), уличенный въ тайной связи съ Стефаномъ Баторіемъ, находившимся тогда въ открытой войнѣ съ Россією.

Царь Иванъ Грозный не уважалъ Бомелія и не довѣрялъ ему въ случаяхъ болѣзни. Поэтому когда Лензей умеръ, то царь не замѣстилъ имъ Лензея, а обратился въ Англію, къ королевѣ Елисаветѣ, и просилъ ее о присылкѣ въ Москву искусныхъ докторовъ и аптекарей, на которыхъ можно бы было положиться съ увѣренностію. Елисавета прислала ему своего лейбъ-медика Роберта Якоби (*Robert Jacobi*, лѣтомъ 1581) съ письмомъ, въ которомъ говоритъ: «посылаю тебѣ доктора Роберта Якоби, какъ мужа искуснѣйшаго въ лѣченіи болѣзней; уступаю его тебѣ, брату моему, не для того чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло ввѣрить ему свое здравіе. Посылаю съ нимъ, въ угодность тебѣ, аптекарей и цирюльниковъ, волею и неволею, хотя мы сами имѣемъ недостатокъ въ такихъ людяхъ». Между русскими онъ назывался иногда Робертомъ Яковомъ, иногда Романомъ Елизарьевымъ. Царь Иванъ Грозный очень любилъ и уважалъ его до своей смерти. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣдніе годы Иванова царствованія, равно какъ при его сынѣ и при Годуновѣ, докторъ Якоби исполнялъ обязанности сколько доктора, столько и посланника или полномочнаго министра королевы Елисаветы англійской.

Кромѣ этихъ иностранныхъ докторовъ, нельзя не упомянуть о купцѣ и пермскомъ именитомъ человѣкѣ Григорѣ Строгоновѣ, искусномъ въ лѣченіи разныхъ недуговъ. Карамзинъ рассказываетъ слѣдующее преданіе о лѣчебномъ искусствѣ Строгонова. Когда Иванъ Грозный, въ волненіи гнѣва, напалъ на старшаго сына своего и убилъ его, то находившійся тутъ Борисъ Годуновъ хотѣлъ засторонить собою царевича и получилъ тоже нѣсколько ударовъ царскимъ жезломъ. Отъ этихъ ранъ Борисъ былъ боленъ и не являлся во дворѣ. Однажды царь замѣтилъ его отсутствіе и спросилъ о причинѣ его. Отецъ царицы, Федоръ Нагой, воспользовался этимъ случаемъ и сказалъ царю, что Годуновъ совершенно здоровъ, но не является ко двору изъ досады и злобы на царя. Иванъ Грозный, чтобы узнать правду, самъ поѣхалъ къ Годунову, увидѣлъ у него раны и заволоки, сдѣланныя на обѣихъ бокахъ груди. На вопросъ, кто его лѣчитъ и узнавъ о Строгоновѣ, онъ далъ ему званіе именитыхъ людей, съ правомъ называться полнымъ отчествомъ или *внучемъ*, какъ именовались только знатнѣйшіе сановники. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы наказать тестя своего за клевету на Годунова, царь приказалъ Строгонову поставить заволоки Федору Нагому на бокахъ и на груди.

«Все медицинское управленіе, вся техническая сторона лѣченія сосредоточивались тогда въ придворной аптекарской палатѣ, въ послѣдствіи переименованной въ аптекарскій приказъ.» Весьма вѣроятно, что аптека существовала въ Москвѣ съ половины XVI столѣтія. Царь Иванъ Грозный былъ такъ подозрителенъ, недовѣрчивъ и боязливъ касательно собственной особы, что не могъ довѣрить себя непосредственно иностраннымъ докторамъ и аптекарямъ. Онъ принималъ лѣкарства не иначе, какъ давъ ихъ попробовать одному изъ приближенныхъ бояръ своихъ. По этому весь лѣкарственный запасъ, привезенный изъ Англіи аптекаремъ Джемсомъ Френчемомъ (*James Franchem*) въ 1581 году, былъ вовсе не новъ для жившихъ въ Москвѣ докторовъ, и вполнѣ вошелъ въ существовавшую тогда аптеку, или аптекарскую палату, тѣмъ болѣе, что всѣ лѣкарственные вещества, привезенныя Дж. Френчемомъ, принадлежали, за малыми исключеніями (бура, армянская глина, *lytargyrum*), къ растительному царству. А съ другой стороны нельзя упустить изъ вида, что въ XVI столѣтіи происхожденіе болѣзней приписывалось иногда естественнымъ причинамъ, а иногда, и гораздо чаще, причинамъ сверхъестественнымъ: чародѣйству, порчѣ, колдовству, вліянію вѣдьмъ и

злыхъ духовъ. Сообразно съ этими вѣрованіями и страхами мнительные люди искали и добывали себѣ мистическія средства противъ этихъ неустранимыхъ напастей. Если цари того времени вводили даже въ присягу подданства обѣщаніе не вредить имъ ни чародѣйствомъ, ни колдовствомъ и злою порчею, то они совершенно естественно должны были изыскивать кабалистическія средства противъ этихъ злокозненныхъ вліяній. Такъ и было. Въ тогдашнюю аптеку входили не одни лѣкарства, но и разные амулеты, цвѣтные камни и перстни, трости предохраняющія отъ язвы и порчи и вообще разныя диковины, которыхъ нигдѣ нельзя найти безъ особой и большой траты денегъ ¹⁾. Да и самое употребленіе подобныхъ мистическихъ амулетовъ должно было цѣниться не по одному существованію, но и по надлежащему приспособленію ихъ. Обладателями этихъ тайнъ должны были считаться иностранные докторы и алхимики, а еще чаще иноземные шарлатаны, умѣвшіе эксплуатировать неискоренимое суевѣріе. Они, эти шарлатаны, увѣряли, что не только обладаютъ дивными предохранительными средствами отъ всѣхъ немощей и болѣзней, но и умѣютъ пользоваться ими и оберегать нуждающихся въ ихъ всемогущей помощи.

Царь Борисъ Годуновъ былъ также мнителенъ, какъ Иванъ Грозный, и едва ли не болѣе суевѣренъ, чѣмъ этотъ послѣдній. Онъ очень боялся отравы, а еще болѣе—чародѣйства и колдовства ²⁾. Онъ вѣ-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ половинѣ XVII вѣка находившійся въ русской службѣ докторъ Іоганнъ Белау имѣлъ порученіе купить въ Любекѣ единороговую трость и купилъ ее въ 1652 году, въ обмѣнъ на присланныхъ отъ государя соболей, какъ видно изъ письма его къ тестю царя И. Д. Милославскому. Вместе съ тѣмъ онъ получалъ свидѣтельство отъ разныхъ восьми докторовъ касательно доброты рога. Рогъ единорога или оленя считался предохранительнымъ средствомъ отъ мороваго повѣтрія и цѣнился чрезвычайно высоко: въ 1655 году за два рога просили 10,000 рублей (какъ видно изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ столбцовъ аптекарскаго приказа). Соразмѣрно съ этимъ покупались и другія вещи, служившія скорѣе талисманами, чѣмъ лѣкарствами. И чѣмъ обильнѣе снабжена была «аптекарская палата» разными невиданными диковинами, важность которыхъ конечно не могла не преувеличиваться аптекарями, тѣмъ царь считалъ себя безопаснѣе отъ всякой порчи и болѣзни и тѣмъ выше цѣнилъ службу и значеніе членовъ аптекарскаго приказа, успокоивавшихъ суевѣрныя его опасенія.

²⁾ У Карамзина приведена выписка изъ присяжнаго листа, по которому присягали на вѣрность службѣ царю Борису, и тамъ между прочимъ сказано: «Ни въ платѣ, ни въ иномъ ни чѣмъ лиха никакова не учинити и не исъ»

риль знаніямъ иностранныхъ докторовъ и лѣкарей и уважалъ ихъ¹⁾, но въ тоже время вѣрилъ тайнымъ наукамъ и боялся ихъ. Тѣ и другія желалъ онъ обратить въ свою личную пользу и, по духу того времени, обратился для этого въ аптеку, преобразовавъ ее въ особое учрежденіе подъ именемъ *Аптекарскаго приказа*. Учреждая аптекарскій приказъ, онъ предназначалъ его исключительно для себя или для самыхъ приближенныхъ къ нему бояръ, по его соизволенію. Онъ предполагалъ сосредоточить въ немъ все, что необходимо не только для лѣченія, въ случаѣ болѣзни, но и для противудія въ случаѣ отравленія, равно какъ и для отвращенія всякихъ чаръ и злой порчи. Завѣдываніе аптекарскимъ приказомъ принадлежало особому дьяку, а высшій надзоръ—ближайшему къ царю и слѣдовательно знатнѣйшему боярину, по выбору самого царя²⁾. Очевидно, тутъ ну-

портити, ни зелія лихо, ни коренія не давати и не велѣти давати, и людей своихъ съ вѣдомствомъ не посылати, и вѣдуновъ не добывати на государское лихо... и на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаньемъ не испортити и вѣдомствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и слѣду не вымати ни которымъ дѣлы...» *Исторія*, XI, стр. 7, прим. 5.

¹⁾ Въ 1600 году царь Борисъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколькихъ аптекарей и лѣкарей. Сверхъ того, по желанію царя, англійскій посланникъ уступилъ ему своего собственнаго медика, родомъ баварца, Христофора Рейтлингера, врача искусства и знавшаго европейскіе языки (Петрей говоритъ, что это былъ Христофоръ Ритингъ, родомъ изъ Венгріи и служилъ лейбъ-медикомъ, между тѣмъ какъ до него лейбъ-медикомъ былъ при царѣ Борисѣ шотландецъ Габріель, служившій въ послѣдствіи капитаномъ царскихъ тѣлохранителей). Лѣкаря, прибывшіе изъ Германіи, были: Давидъ Васмеръ, Генрихъ Шредеръ (изъ Любека), Іоаннъ Гилькенъ (изъ Риги), Каспаръ Фидлеръ изъ Кенигсберга) и студентъ медицины Эразмъ Бенскій (изъ Праги). Всѣ они должны были пользоваться только государя, не смѣя лѣчить никого изъ постороннихъ. Самый знатный бояринъ не иначе получалъ отъ нихъ по себѣ, какъ съ дозволенія его величества. По смерти перваго Іоаннъ Ивановичъ всѣ эти медики изгнаны изъ Москвы (23 іюня 1606 года), за исключеніемъ одного, Давида Басмера, оставшагося въ качествѣ лейбъ-медика царя В. И. Шуйскаго.

²⁾ Въ *Древней Россійской Виллюфникъ* (ч. XX, изд. 2, Москва, 1791, стр. 178, перечисляются всѣ бояре и дьяки, которые управляли имъ до 1690 года. Такъ, напр. имѣръ почти во все царствованіе Алексѣя Михайловича аптекарскимъ приказомъ завѣдывалъ тесть его, бояринъ и дворецкій, Илья Даниловичъ Милославскій (1650—1676), а дьяками были: Ив. Десятого, Лукьянъ Тимофеевичъ Голосовъ и Петръ Зыковъ. Потомъ бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одоевскій, врачій съ путемъ князь В. Ф. Одоевскій и послѣ смерти Н. И. Одоевскаго (1689 года)—сынъ его кн. Яковъ Никитичъ Одоевскій, а дьяками были Леонтій Меньшой и Андрей Виніусъ.

женъ былъ авторитетъ, чтобы держать въ повиновеніи всѣ темныя силы, которыя—предполагалось—хранились въ аптекахъ. Нужна была власть, которая удерживала бы эти силы отъ продажности и отъ измѣны государеву здоровью. Нужно было лицо высокопоставленное, на которое царь могъ надѣяться какъ на самого себя.

Время учрежденія аптекарскаго приказа съ точностью неизвѣстно. Но если вѣрить Маржере, что въ его время (1602) былъ уже при московскомъ дворѣ «аптекарскій бояринъ», превосходившій другихъ бояръ знатностью, то учрежденіе аптекарскаго приказа могло послѣдовать не позже 1600 года. Но если время возникновенія аптекарскаго приказа съ достовѣрностью неизвѣстно, то продолжительность существованія его заслуживаетъ удивленія. Онъ существовалъ болѣе 100 лѣтъ, въ теченіе которыхъ вся мистическая сторона его по немногу разсѣялась и исчезла. Осталось учрежденіе, отъ котораго ведутъ начало всѣ позднѣйшія формы государственнаго медицинскаго управленія въ Россіи. (Въ 1672 году онъ переименованъ былъ въ *Аптекарскую Палату*, но недолго сохранялъ это названіе, а передъ концомъ XVII столѣтія опять получилъ прежнее, но болѣе распространенное названіе: *Ближнюю государева аптекарскаго приказа въ Москвѣ съ Нижнею новою аптекою*.) Последній бояринъ, управлявшій аптекарскимъ приказомъ, былъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, опредѣленный въ эту должность 25 февраля 1697 года и оставившій ее ровно черезъ восемнадцать лѣтъ (17 февраля 1714 года). Событіе это важно въ томъ отношеніи, что съ первымъ петровскимъ преобразованіемъ аптекарскаго приказа все высшее медицинское управленіе въ Россіи перешло изъ рукъ боярина, администратора, но не специалиста врача, въ руки медика и оставалось въ нихъ болѣе пятидесяти лѣтъ.

Со времени преобразованій Петра Великаго измѣнились понятія, расширились потребности и медицина, въ приложеніяхъ ея, сдѣлалась государственнымъ учрежденіемъ. Въ лѣбаряхъ и лѣкарствахъ стали нуждаться не одни придворные сановники, но и большая часть народа. Между тѣмъ сформирована постоянная армія, тоже нуждавшаяся въ лѣбаряхъ и лѣкарствахъ. И изъ за всего этого выглаживала необходимость создать медицинскія школы, которыя бы готовляли своихъ лѣбарей, своихъ докторовъ и избавляли государство отъ рискованнаго и чрезмѣрно дорогаго приглашенія иностранцовъ на русскую службу. Все это задумано и исполнено Петромъ Великимъ

въ сравнительно не длинный промежутокъ времени и при помощи небольшого числа лицъ, предусмотрительно изъ избранныхъ. На мѣсто боярина князя Я. Н. Одоевскаго опредѣленъ былъ лейбъ-медикъ Петра I докторъ Робертъ Карловичъ Эрскинъ (*Robert Areskin*) въ должность *архіатера*, т. е. главнаго начальника всей медицинской части въ Россіи, а аптекарскій приказъ переименованъ въ *Канцелярію главнѣйшей аптеки* и все управленіе архіатера сосредоточено въ этой аптекѣ, подъ его высшимъ наблюденіемъ (1716 года)¹⁾. Петръ Великій любилъ и уважалъ перваго своего архіатера, какъ образованнаго и ученаго человѣка и искуснаго медика. Бѣ сожалѣнію, архіатеръ Эрскинъ былъ нездоровый человѣкъ и, поѣхавъ лечиться желѣзными водами въ Кончезерскъ (Олонеккой губерніи), 12 декабря 1718 года скончался тамъ²⁾. Сожалѣя объ уtratѣ этого человѣка, Петръ Великій почтилъ память его торжественными похоронами и погребеніемъ въ Александро-Невской лаврѣ.

По смерти Эрскина должность архіатера исправлялъ докторъ Иванъ Лаврентьевичъ Блюментростъ (*Johann Deodatus Blumentrost*), утвержденный въ ней 14 февраля 1722 года. Еще до утвержденія его архіатеромъ, лѣтомъ 1721 года, П. А. Блюментростъ представилъ Петру Великому (проектъ) «пункты учрежденія» *медицинской коллегии*, въ которой бы сосредоточивались всѣ медицинскія дѣла въ государствѣ. Императоръ передалъ этотъ проектъ въ сенатъ, приказавъ «учинить рѣшеніе по пунктамъ» и сенатъ выбралъ изъ нихъ два пункта—4, и 11—и узаконилъ ихъ, по царскому повелѣнію, указомъ своимъ 14 августа (31 августа) 1721 года. Изъ нихъ 4 пунктъ касался надзора за аптеками и освидѣтельствованія ихъ; испытанія иностранныхъ докторовъ или лѣкарей прежде допущенія ихъ въ свободной практикѣ; 11-й пунктъ касался собранія лѣкарственныхъ веществъ въ провинціяхъ. Наконецъ въ концѣ прибавлено, что всѣ доктора, лѣкаря, аптекаря и всѣ лѣчебныя учрежденія должны подчиняться медицинской коллегіи. И такъ медицинская коллегія зако-

¹⁾ По должности онъ назывался *архіатеромъ и президентомъ царскіи надворной канцеляріи всего медицинскаго факультета въ имперіи*. Указъ объ утвержденія его въ этомъ званіи подписанъ 9 сентября 1716 года въ Гданскѣ (въ Данцигѣ).

²⁾ Онъ оставилъ завѣщаніе, характеризующее твердую и вѣстѣ радушную натуру этого человѣка.

нена была какъ правительственное учрежденіе; но она не достигла своей цѣли по той причинѣ, что невѣрно была поставлена. Ее упрекали современники, и по справедливости, въ томъ, что въ ней единоличное управленіе смѣшано было съ коллегіальнымъ. За то и просуществовала она не долго: въ 1725 году переименована въ *Медицинскую канцелярію* подъ единоличнымъ управленіемъ того же самаго архіатера Блюментроста, и подъ главнымъ вѣдѣніемъ правительственнаго сената. Но по вступленіи на престолъ Анны Ивановны архіатеръ И. Л. Блюментростъ впалъ въ немилость при дворѣ. Его обвинили, по доносу лейбъ-медика Ригера, «во многихъ не порядкахъ при верхней аптекѣ» и отставили отъ службы (14 сентября 1730 года) безъ объясненій, безъ пенсіи и даже безъ уплаты заслуженнаго уже жалованья.

Съ удаленіемъ архіатера Блюментроста предположено упразднить званіе архіатера и замѣнить его коллегіальнымъ учрежденіемъ подъ названіемъ *Докторскаго собранія*. Узаконено это слѣдующимъ указомъ правительственнаго сената, даннымъ 14 сентября 1730 года:

«При учрежденіи разныхъ коллегіевъ въ здѣшней имперіи блаженной памяти дяди Ея Императорскаго Величества Петра I прилежное тщаніе было, чтобы медицинское дѣло къ государственной и вѣрно подданныхъ пользѣ въ добрый порядокъ приведено и содержано было. А по неже сіе весьма полезное памѣреніе за скорою кончиною его величества до сего времени въ совершенство произведено быть не могло и отъ того многіе не порядки при верхней аптекѣ произошли, о чемъ Ея Величеству извѣстно учинилось, и для того чтобы оныя отвратить и въ лучшее состояніе привести милостивое Ея Величество воспріяли нынѣшняго архіатера отставить, а на его мѣсто опредѣлить *Докторское собраніе*, изъ докторовъ Бидлоо, Шоберта, Фанъ-деръ Гульста, Севасто и Тейльса, которымъ по вся недѣли въ медицинскую канцелярію собиратья въ реченные дни и все въ верхней аптекѣ и надлежащія дѣла основательно разсматривать и по обыкновенію коллежскому учреждать и во всемъ такъ поступать, какъ бы они предъ Е. В. отвѣтствовать могли, а *во первыйхъ* должны осмотрѣть всю аптеку, лабораторію и магазинъ, довольно ль лѣкарствъ приуготовлено и надлежащимъ ли образомъ, и довольноль приуготовлено матеріаловъ, и довольноль къ приуготовленію лѣкарствъ надлежащихъ сосудовъ и прочихъ инструментовъ къ тому принадлежащихъ, и мѣста довольноль къ приуготовленію лѣкарствъ учреждены ли и что въ приуготовленныхъ лѣкарствахъ явится худое, то велѣть исправить, также въ магазинахъ и лабораторіи чего не достаетъ немедленно исполнить, а что по осмотрѣ явится, о томъ подать къ Е. И. В. рапортъ за руками немедленно; *второе*,

смотрѣть, чтобъ каждый при верхней аптекѣ обрѣтающійся служитель положенное на него дѣло вѣрно и прилежно отправлялъ; *третье*, чтобы добрыя лѣкарства приготавливаемы и безъ всякаго задержанія отправляемы были, и которыя лѣкарства возможно составлять въ аптекѣ, тѣмъ изъ другихъ мѣстъ не вывозить; *четвертое*, приходу и расходу исправный счетъ содержать; *пятое*, тщаться чтобы въ добрыхъ и искусныхъ служителяхъ недостатку не было и ихъ по достоинству жалованьемъ снабждать, напротивъ же того излишнихъ и отъ которыхъ ни какой пользы имѣть не можно отпустить, *шестое*, по требованіямъ искусныхъ лѣкарей безъ всякаго похлѣбства, ни по дружбѣ, ниже по ненависти въ войска отправлять; *седьмое*, каждому въ случившихся жалобахъ надлежащую справедливость показывать, а для лучшаго учрежденія аптеки призывать въ совѣтъ нынѣшняго Е. И. В. лейб-медика и прочихъ докторовъ и стараться чтобы привести аптеку въ лучшее состояніе и по тому Е. И. В. указу правительствующей сенатъ приказалъ послать въ медицинскую канцелярію указъ, который ей и объявленъ 19 сентября 1730 года“.

И такъ архіатерство упразднено и замѣнено «докторскимъ собраніемъ» съ коллегіальнымъ управленіемъ. Первое порученіе, которое должно было исполнить это «Собраніе», состояло въ томъ, чтобы разсмотрѣть всѣ «непорядки» въ аптекѣ и исправить ихъ. Порученіе это исполнено безъ труда, такъ какъ касалось только хозяйственныхъ мелочей. Вотъ его донесеніе объ этомъ предметѣ:

Исполняя это приказаніе собраніе нашло: 1) въ верхней аптекѣ много лѣкарствъ худо приготовленныхъ и нѣкоторыя изъ нихъ оказались негодными къ употребленію. 2) Лабораторія въ той аптекѣ въ самомъ худомъ состояніи, какъ бы въ самой малой аптекѣ, дѣла же аптекарскаго невозможно исправлять, затѣмъ что чуть не всѣ надлежащіе инструменты отсутствуютъ, пожеже нѣкоторые худы, а другіе испорчены и не починены, томо были одна печь и одинъ котелъ, и тѣ худы и за нѣсколько дней до нашего прибытія починены, отъ котораго худаго состоянія и неимущества инструментовъ невозможно было добрымъ и довольнымъ лѣкарствамъ сочиняться, о чемъ неоднократно какъ письменно, такъ и словесно аптекари о починкѣ и о покупкѣ вновь просили. 3) Въ магазинѣ и аптекѣ, гдѣ хранятся всѣ аптекарскія вещи, привезенныя изъ за моря и здѣшнія, коренья, травы и цвѣты почти всѣ оказались гнилые; сѣсіе и перегнанныя воды всѣ негодныя, и дѣлалась не изъ французскаго или двойнаго русскаго, а изъ простаго вина. 4) Въ прочихъ матеріалахъ есть доволство, а другіе привезены сего дѣла изъ за моря. Выписывалось изъ за границы то, что здѣсь можно бунить и

сдѣлать дешевле. 5) Въ нижней аптекѣ у гостиннаго двора тоже все негодно. 6) Покои при аптекахъ, гдѣ хранятся травы и проч., не годны. 7) Аптекарскій огородъ (ботаническій садъ) къ употребленію безнадеженъ, а служащіе въ немъ получали жалованье напрасно. 8) Изъ служащихъ многіе получали содержаніе напрасно, другіе не по указамъ. 9) Что Ригерь представлялъ о неисправностяхъ аптекъ, то правильно. Декабрь 1730. Подписали: Н. Бидлоо, Арнольдусъ Вандергульстъ, Шобертъ, Антоній Севасто и Антоній Детейльсъ.

Но не такъ было легко приспособить коллегіальное управленіе къ тому порядку, какой заведенъ былъ единоличными архіатерамп. До сихъ поръ медицинская канцелярія управляла дѣлами отъ имени архіатера и по его приказаніямъ разсылала указы и предписанія. Но у нея было слишкомъ много дѣла, чрезмѣрно много работы, потому что заботы ея обнимали всю Россію и касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Для облегченія этого труда, медицинская канцелярія раздѣлялась на два отдѣленія, одно въ Петербургѣ, другое въ Москвѣ. Первое называлось медицинскою канцеляріею, а второе медицинскою конторою. Административное значеніе ихъ было не совсѣмъ одинаково и опредѣлялось личнымъ присутствіемъ архіатера. Когда архіатеръ жилъ въ Петербургѣ, тогда медицинская канцелярія сохраняла свое центральное значеніе и названіе, между тѣмъ какъ московское отдѣленіе называлось медицинскою конторою; а когда архіатеръ жилъ въ Москвѣ, то тамошняя медицинская контора превращалась въ медицинскую канцелярію, а петербургская дѣлалась медицинскою конторою.

Такимъ образомъ всюду въ управленіи была одна воля, одно направленіе и одна отвѣтственность, съ самою строгою централизаціею. Для избѣжанія же недоразумѣній архіатеръ, уѣзжая изъ Петербурга въ Москву съ дворомъ, оставлялъ инструкцію секретарямъ своимъ въ медицинской канцелярії и опредѣлялъ, какія дѣла могли рѣшаться въ его отсутствіе по обычаю, и какія должны были восходить непременно на его личное разсмотрѣніе. Ничего этого нельзя было устроить при какомъ то пробномъ коллегіальномъ управленіи. «Докторское собраніе» для управленія всею медицинскою частью учреждено было въ Москвѣ. Всѣ члены его жили постоянно въ Москвѣ и не могли участвовать въ дѣлахъ петербургскаго управленія. Въ «собраніи» не было преобладающей или руководящей власти: но за то самая равноправность ихъ грозила столкновеніями и неурядицею.

Скорѣе всѣхъ понялъ это секретарь медицинской канцеляріи Семень Львовъ и въ избѣжаніе отвѣтственности, обратился къ докторскому собранію съ вопросомъ: какъ управлять дѣлами, на случай переѣзда собранія въ Москву, по старой ли инструкціи, данной архіатеромъ П. А. Блюментростомъ, или дана будетъ новая? Докторское собраніе торопливо отвѣтило и единогласно, что управлять дѣлами слѣдуетъ по старой инструкціи. Они, эти печальные правители, видимо боялись отвѣтственности и не умѣли предотвратить ея. Боялись они и лейбъ-медика І. Ригера, который, интригуя противъ Блюментроста, вовсе не желалъ коллегіальнаго медицинскаго управленія, а добивался его мѣста для самого себя. Онъ всячески искалъ благосклонности Бирона и даже, зная его корыстолюбіе, намекнулъ, что медицинская канцелярія обладаетъ хорошими капиталами, значительно превышающими потребности ея.

Успѣха эти не пропали даромъ: именнымъ указомъ 6 января 1732 года возстановлено архіатерство, съ отмѣною докторскаго собранія, и лейбъ-медикъ Іог. Христофоръ Ригеръ (*Johann Christoph Rieger*) назначенъ архіатеромъ и главнымъ директоромъ медицинской канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы онъ во всемъ управлялъ медицинскою канцеляріею, какъ управлялъ ею бывший докторъ Блюментростъ и съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, именнымъ указомъ 13 февраля 1732 года медицинская канцелярія изъята изъ вѣдомства сената и передана въ вѣдомство Кабинета Ея Величества, подобно соляной конторѣ, съ тѣмъ чтобы въ оную ни откуда повелительныхъ указовъ не посылать и никакихъ рапортовъ не требовать.

Архіатеръ Іог. Ригеръ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ современниками. Они считали его шпиономъ Бирона и такое мнѣніе повидному оправдывалось слѣдующимъ именнымъ указомъ императрицы Анны отъ 14 декабря 1731 года:

«Повелѣваемъ симъ обще всѣмъ персонажъ, которыя до медицинской канцеляріи принадлежать, нашему лейбъ-медикусу доктору Ригеру, когда что онъ спрашивать и вѣдать похочетъ словесно и на письмѣ, или потребуетъ какой книги и прочаго, дабы вонстъну и чисто обо всемъ обстоятельно какъ письменной вѣдомости, такъ и словесный отвѣтъ или смотрѣніе чего безо всякаго замедленія ему выдано и показано было. Данъ въ Москвѣ, 14 декабря 1731 года. Анна».

Не любили и боялись его еще и потому, что въ короткое время ар-

хіятерства его объявлено пмѣ безчисленное множество «словесныхъ» именныхъ указовъ, большая часть которыхъ, по маловажности и мелочности своей, едва ли исходили отъ верховной власти.

Кажется, однакоже, что наводя страхъ на другихъ, онъ и самъ не свободенъ былъ отъ разнаго рода опасеній. Подтверженіемъ этого служить то, что онъ только два года просидѣлъ на мѣстѣ архіатера и не смотря на щедрое и по истинѣ царское вознагражденіе, добровольно отказался отъ своего положенія и бѣжалъ изъ Россіи, и когда же бѣжалъ?—когда Россія готовилась къ заграничной войнѣ и русская армія ставилась на военное положеніе и нуждалась въ его распоряженіяхъ по медицинской части. Подъ предлогомъ лѣченія отъ неизвѣстной болѣзни и поручивъ завѣдываніе медицинскою канцеляріею секретарю Семену Львову, Ригеръ, никому не сказавшись, уѣхалъ (18 февраля 1734 года) за границу, въ Маріенвердеръ, и уже оттуда, черезъ пять мѣсяцевъ (29 іюня 1734), прислалъ просьбу объ отставкѣ.

Преемникомъ Ригера былъ знаменитый архіатеръ и президентъ медицинской канцеляріи и всего медицинскаго факультета, лейбъ-медикъ Іоганнъ Бернгардтъ фонъ Фишеръ (*Johann Bernhardt von Fischer*), родомъ изъ Любека и практическій врачъ въ Ригѣ. Определенъ онъ въ эту должность 1 февраля 1735 года¹⁾, послѣ чего именнымъ высочайшимъ указомъ 25 октября 1736 года ему подчинена была вся медицинская часть въ имперіи и всѣ доктора, лѣкаря и подлѣкаря, равно какъ и аптекари, «какой бы они команды ни были» обязаны были «находиться у него въ полномъ послушаніи». Это былъ настоящій архіатеръ—человѣкъ умный, твердый, энергическій и самовластный, но въ тоже время справедливый, любившій науку и ученье и готовый на всякое добро для подчиненныхъ своихъ. Если сравнить, кто управлялъ русскою медициною до него и послѣ него, то нельзя не подумать, что судьба какъ будто нарочно вывела этого человека, чтобы «медицинскій факультетъ» нашъ окончательно не погибъ въ то смутное и переходное время. Въ самомъ дѣлѣ, вступивъ въ должность, Фишеръ не нашелъ твердаго правительства, въ кото-

¹⁾ Кажется даже, что онъ еще раньше—именно съ 11 декабря 1734—началъ управлять медицинскою канцеляріею, за неимѣніемъ другаго лица, которому можно бы было поручить ее.

ромъ можно было искать помощи и опоры. Вверху боролись верховныи съ нѣмцами, внизу каждый представитель администраціи думалъ только о себѣ самомъ, какъ легче уберечь свою голову. Никому не приходило даже и мысли о медицинѣ, какъ о государственномъ учрежденіи, и Фишеръ долженъ былъ надѣяться только на самого себя. Но такъ какъ, кромѣ энергіи и знанія дѣла, ему необходимы были и деньги, то онъ ввелъ строгую отчетность въ расходахъ медицинской канцеляріи и значительно охладилъ хищныя надежды Бирона, подсказанныя Ригеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ точно опредѣлилъ полуженіе большихъ генеральныхъ госпиталей, съ ихъ медицинскими школами, разъяснивъ вопросы о содержаніи и штатахъ ихъ. Соотвѣтственно ¹⁾ этому составленъ и изданъ былъ *Генеральный регламентъ о госпиталяхъ и о должностяхъ опредѣленныхъ при нихъ докторовъ и прочихъ медицинскаго чина служителей* и пр., высочайше утвержденный 24 декабря 1735 года. «Регламентъ» этотъ былъ первообразомъ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ госпитальныхъ уставовъ и по полнотѣ, ясности и обстоятельности можетъ считаться образцомъ госпитального законодательства. Въ «Регламентѣ» нѣтъ указаній на московскій госпиталь; но по послѣдовавшимъ распоряженіямъ архіатера Фишера видно, что при составленіи «Регламента» онъ постоянно подразумѣвалъ и этотъ госпиталь. Болѣе дѣятельное участіе въ московскомъ госпиталѣ и его школѣ принялъ онъ нѣсколько позднѣе, и именно когда необходимо было поддержать эти учрежденія, готовые обезлюдѣть при борьбѣ съ чумою въ войскахъ въ 1738 году. Современники можетъ быть не совсѣмъ правильно оцѣнивали дѣйствія архіатера послѣ смерти Бидлоо, по отношенію къ московскому госпиталю и въ особенности къ назначенію на мѣсто Бидлоо доктора Де-Тейльса, какъ человѣка мало способнаго къ учебной дѣятельности и вовсе неспособнаго замѣнить Бидлоо. Но они упускали изъ вида, что архіатеръ Фишеръ глубоко уважалъ школу Бидлоо, а иначе не взялъ бы ея за образецъ при учрежденіи трехъ другихъ школъ въ петербургскихъ госпиталяхъ. Это

¹⁾ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь содержался на счетѣ генераль-кригсъ-коммисаріата (военной коллегіи); оба генеральные адмиралтейскіе (морскіе) госпиталя, въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ, на счетъ адмиралтейской коллегіи; а московскій генеральный покаместъ игнорировался, потому что содержался на экономическія суммы св. синода.

разъ. А во вторыхъ едвали можно сомнѣваться, что онъ зналъ неспособность Де-Тейльса и потому мало дорожилъ имъ и при первой возможности уславъ его въ армію: но ему необходимо было поддержать послѣ смерти Бидлоо московскую школу отъ распадѣнія и онъ опредѣлялъ туда Де-Тейльса на срокъ, точно такъ какъ опредѣлялъ бы всякаго другаго, попавшаго подъ руку. Этимъ можетъ быть объясняется и то, что архіатеръ Фишеръ терпѣливо выслушивалъ укеры синода и рѣдко отвѣчалъ на нихъ: онъ предпочиталъ отвѣтить дѣломъ, поддерживавъ школу въ 1738 году. А дѣло было не легкое. Съ одной стороны военныя дѣйствія, съ другой чума требовали большого напряженія силъ. Нужны были лишніе доктора, лѣкаря и подлѣкаря, а ихъ трудно было добыть. Обобрали всѣ постоянные госпитали, въ томъ числѣ обобрали и московскій госпиталь, такъ что ботанику пришлось преподавать анатомію и оперативную хирургію. Но школа учѣлѣла и обязана этимъ Фишеру. Мало того. При устраненіи Де-Тейльса изъ Москвы нельзя было не видѣть, что архіатеръ предполагалъ замѣнить его въ московской школѣ докторомъ Юг. Шрейберомъ—звѣздою первой величины на тогдашнемъ ученомъ горизонтѣ. Предположеніе однакоже не сбылось. Шрейберъ принялъ профессуру въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ: но это была уже не вина Фишера. Напротивъ, ему надобно поставить въ заслугу ту обходительность и терпѣливость, какія онъ выказывалъ къ раздражительному, высокоумному и неуживчивому характеру профессора Шрейбера, выказывалъ потому только, что высоко цѣнилъ въ немъ обширныя знанія и преподавательскія способности и надѣялся склонить его на учебную службу въ русскихъ госпиталяхъ.

Другая забота архіатера Фишера при вступленіи въ управленіе состояла въ томъ, чтобы организовать «*medicinam publicam*», медицинскую полицію или такъ называемыя «физическія дѣла.» Эта сторона государственной медицины всегда интересовала русскихъ архіатеровъ и ею мотивировались всѣ первоначальныя медицинскія учрежденія въ Россіи. Между прочимъ можно указать на блюментростовскую медицинскую коллегію, какъ на попытку организовать физиватъ на медико-полицейскихъ основаніяхъ. Попытка эта не удалась, но и не прошла безслѣдно. Когда медицинская коллегія (блюментростова) переименована въ медицинскую канцелярію, при ней образовался особый родъ службы «у физическихъ дѣлъ». Предметомъ этой службы первоначально были аптеки, продажа ядовъ и преслѣдованіе остат-

бовъ знахарства въ лицѣ бродячихъ лѣчителей и шарлатановъ, а потомъ заботы уже объ охраненіи народнаго здоровья и разнаго рода свидѣтельствванія живыхъ людей. Первая медицинская служба «у физическихъ дѣлъ» учреждена въ Москвѣ, при главной аптекѣ—которую управляли сперва Николай Гольсть, а потомъ Іог. Прейсъ и Яковъ Либегольдъ—въ 1715 году и первымъ штатъ-физикомъ опредѣленъ былъ докторъ Антонъ Де-Тейльсъ (*Antonius De-Theyls*). Онъ исполнялъ эту должность 11 лѣтъ (до 1726 года), когда посланъ былъ въ Астрахань, въ низовый корпусъ, для прекращенія моровой язвы и описанія ея. Но эта командировка не нравилась Де-Тейльсу и потому, обончивъ данное порученіе, онъ просился въ отставку, получилъ ее (1727 года) и возвратился въ Москву. Тамъ застало его упраздненіе архіатерства и онъ включенъ былъ въ число пяти членовъ «Докторскаго собранія», слѣдовательно опять зачисленъ на службу, и именно на прежнюю службу «у физическихъ дѣлъ» при медицинской конторѣ. При этой должности застала его смерть Бидлоо, послѣ которой онъ и занялъ его мѣсто въ московскомъ госпиталѣ (1735 года).

На мѣсто Детейльса, въ московскую медицинскую контору «у физическихъ дѣлъ», или штатъ-физикомъ, опредѣленъ былъ докторъ Яковъ Миліусъ (*Jag. Mylius*), служившій прежде во флотѣ. Но онъ недолго занималъ эту должность (съ 7 іюня 1735 по 25 марта 1736) и передалъ ее доктору Демьяну Синопеусу (*Damianus Synopoeus*), тоже не долго занимавшему ее (около года), и вотъ по какому случаю. Въ 1731 году, по недостатку въ докторахъ, въ армию принятъ былъ прусскій докторъ Іог. Шрейберъ, по бапштуляціи, дивизионнымъ докторомъ, на 5 лѣтъ, съ тѣмъ что отъ военныхъ походовъ и участія въ кампаніяхъ будетъ избавленъ и при увольненіи отъ службы, по выслуженіи срока, получить 100 рублей на возвратъ до границы. Опредѣленъ онъ былъ въ лифляндскую дивизію фельдмаршала Ласси дивизионнымъ докторомъ. Случилось однакоже, что съ этимъ генераломъ пришлось ему участвовать въ пяти кампаніяхъ и дослужиться до званія генералъ-штабъ-доктора. Наконецъ походная служба надоѣла и въ 1737 году онъ сталъ просить, чтобы ему либо дали абшить, либо освободили отъ походной службы. Архіатеръ Фишеръ очень уважалъ ученость Шрейбера, и предназначая его для госпитальныхъ школъ, не желалъ отпустить его. Онъ отвѣтилъ, что теперь военное время и по военному времени уволить его отъ службы невоз-

можно; но онъ дастъ ему покойное мѣсто по капитуляціи на два года, и предложилъ ему мѣсто штатдт-физика въ Москвѣ, съ жалованьемъ по 600 рублей. Шрейберъ принялъ предложеніе и пріѣхалъ въ Москву (въ 1737 году). Но тутъ опять встрѣтилось неизбежное нарушеніе капитуляціи. Не прошло и года со времени пріѣзда Шрейбера въ Москву, какъ началась турецкая война и появилась чума на Украинѣ. Для прекращенія ея командированы всѣ доктора и лѣкаря, даже отставные, какихъ только можно было найдти въ столицахъ и большихъ госпиталяхъ. Въ томъ числѣ посланъ и Шрейберъ, а исполненіе обязанностей штатдт-физика въ Москвѣ поручено временно отставному доктору Шоберу, человѣку до того дряхлому и больному, что онъ не могъ ходить даже по своей комнатѣ (1738). Впрочемъ, возвратившись изъ командировки, Шрейберъ исполнялъ должность штатдт-физика до 1742 года, т. е. до перевода «профессоромъ анатоміи и хирургіи» въ петербургскія госпитальныя школы ¹⁾.

На его мѣсто поступилъ въ Москву (въ 1742 году) докторъ Іог. Баеніусъ (*Joh. Baenius*), «за перенесенныя имъ немалыя трудности въ походахъ», съ жалованьемъ по 700 р. Уволенъ отъ службы по собственной просьбѣ, «за цынготною и гипохондрическою болѣзнію» и для отъѣзда на родину, въ Италію (16 мая 1748 года).

Лѣкарями «у физическихъ дѣлъ» въ Москвѣ были въ это время преимущественно Іог. Зуръ, Федоръ Карповъ, Касперъ Вейсъ и Георгъ Бекманъ, Прокофій Серебряковъ, Карлъ Тиманъ, штаб-лѣкаръ Риттеръ, Іог. Руд. Фризе.

На мѣсто уволеннаго Баеніуса опять опредѣленъ въ московской медицинской конторѣ старый докторъ Антонъ Детейльсъ, жившій въ Москвѣ безъ должности. Онъ вступилъ въ должность 12 мая 1748 года ²⁾. Окончательно уволенъ отъ службы, за старостію и дрях-

¹⁾ Совмѣстно съ Шрейберомъ, но независимо отъ него, состоялъ на службѣ и А. Детейльсъ: онъ былъ «физикомъ московской губерніи», между тѣмъ какъ Шрейберъ былъ физикомъ при московской медицинской конторѣ и главной аптекѣ и обоемъ имъ дана 20 ноября 1739 года инструкція изъ медицинской канцеляріи.

²⁾ Замѣчательно, что, во время отправленія Баеніуса на родину, невозможно было скоро собрать необходимыя справки, по причинѣ весьма частыхъ и большихъ пожаровъ въ Москвѣ, истребившихъ полгорода. Большая часть обывательскихъ домовъ и медицинская контора были заперты, а дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ сложены въ кули и отъ страха уложены въ погреба.

достью, 12 января 1750 года, съ пенсією одной трети жалованья (266 р. 66 к.¹). На его мѣсто переведенъ въ Москву штатдтъ-физикомъ и докторомъ медицинской канторы докторъ Яковъ Лерхе (*Jac. Lerche*), при чемъ ему вмѣнено въ обязанность смотрѣть за главною аптекою и медицинскимъ огородомъ и для того жить въ повояхъ въ медицинскомъ огородѣ (гдѣ жилъ огородникъ Арнольдъ Кейзеръ, уволенный по этому случаю въ отставку). Всѣ эти распоряженія однакоже не сбылись. Докторъ, Лерхе едва успѣвъ доѣхать до Москвы, получилъ новое назначеніе, а именно постановленіемъ медицинской канцеляріи, утвержденнымъ архіатеромъ Кау Бургааве, онъ назначенъ (13 августа 1751 года) «медицинскимъ совѣтникомъ» главнаго командира медицинской канцеляріи (*medicus consiliarius*), т. е. помощникомъ его въ С.-Петербургѣ по управленію всеми медицинскими дѣлами и по физической должности, между тѣмъ какъ подобная же должность въ Москвѣ (*medicus consiliarius*) возложена была на с.-петербургскаго штатдтъ-физика доктора Я. Грива. Такимъ образомъ оба эти штатдтъ-физика помѣнялись мѣстами. Но Лерхе требовали въ Петербургъ и онъ уѣхалъ, не дожидаясь пріѣзда Грива для смѣны его. Обязанности Грива въ Москвѣ временно поручены армейскому доктору М. Монзею (1 сентября 1751), дивизионному д-ру остзейской дивизіи. Докторъ Як. Гривъ прожилъ около семи лѣтъ въ Москвѣ и по прошенію уволенъ отъ службы «за старостью и домашними обстоятельствами», 17 апрѣля 1757 года.

Едва подана была Гривомъ просьба объ отставкѣ, какъ д-ръ Антонъ Детейльсъ вступилъ въ должность московскаго штатдтъ-физика и по его собственному представленію утвержденъ въ ней. Тутъ прослужилъ онъ еще пять лѣтъ и окончательно уволенъ «за дряхлостію» 30 июня 1761 года. На его мѣсто назначенъ былъ докторъ Василій Гевиттъ (*William Hewitt*).

¹) Упомянувъ здѣсь объ отставкѣ доктора Антона Детейльса, надобно оговориться, что она только казалась окончательною, какъ казалась таковою и при прежнихъ его просьбахъ объ увольненіи. Онъ жилъ въ Москвѣ, какъ при службѣ, такъ и безъ службы. Въ случаѣ нужды подавалъ въ отставку и получалъ ее, уступая мѣсто другому лицу. Но, какъ скоро это другое лицо увольнялось отъ должности штатдтъ-физика въ Москвѣ, онъ тотчасъ же занималъ открывшуюся вакансію и потомъ представлялъ самъ себя къ утвержденію на мѣстѣ и дѣйствительно утверждаемъ былъ до новой просьбы объ отставкѣ. Такъ было и послѣ 1750 года.

С.-Петербургскіе штатъ-физики. Медицинская коллегія учреждена, по представленію архіатера И. Л. Блюментроста, указомъ сената 7 сентября 1721 года. Тѣмъ же указомъ опредѣлено свидѣтельствованіе аптекъ и такса для нихъ, равно какъ экзамены иностранцовъ, желавшихъ пріобрѣсти право практики въ имперіи. Но ни тогда, ни послѣ, при переименованіи коллегіи въ медицинскую канцелярію (въ 1725 году), не было установлено особаго персонала для исправленія «физическихъ дѣлъ». Персоналъ этотъ назначался архіатеромъ всякій разъ какъ требовала надобность. Но какъ бывали не одинаковыя надобности, такъ различались и лица для исполненія надобностей. Такъ, для освидѣтельствованія аптекъ или для испытанія иностранцовъ, искавшихъ права медицинской практики въ Россіи, назначался какой либо докторъ, между тѣмъ какъ для свидѣтельствованія и лѣченія колодниковъ, либо для судебно-медицинскихъ вскрытій людей, умершихъ скоропостижною или насильственною смертію и т. п., назначался операторъ или лѣкарь или оба они вмѣстѣ подъ наблюденіемъ доктора. Всѣ эти лица назначались изъ петербургскихъ генеральныхъ госпиталей или изъ другихъ мѣстъ. Въ послѣдствіи всѣ они пріобрѣтали извѣстную опытность, извѣстную техническую умѣлость, которою дорожили архіатеры и потому оставляли ихъ на долгіе сроки въ прикомандированіи къ медицинской канцеляріи «у физическихъ дѣлъ», т. е. не несли уже никакихъ обязанностей въ мѣстахъ штатной своей службы. Такимъ образомъ, съ 1728 года, почти постояннымъ докторомъ «у физическихъ дѣлъ» служилъ докторъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя Матвѣй Миятъ (*Muth. Miteal*¹⁾), а иногда вмѣсто него докторъ того же госпиталя Арунцій Аццарити (*Aruncius Azzariti*), или докторъ шляхетнаго кадетскаго корпуса Рибейро Санхецъ (*Rybeiro Sanches*) и др. Операторомъ былъ лѣкарь Балтазаръ Гангартъ (*Joh. Balthasar von Hangerart*), либо Яковъ фонъ Мелленъ (*Jac. von Mellen*); лѣкарями Яковъ Галтернъ (*Jac. von Haltern*), *Erhardt Christ. von Egidy, Salther, C. Wirgars, Joh. Wolff, C. Thiemann* и другіе, по назначенію архіатера. Самыя изслѣдованія по части «физическихъ дѣлъ» произ-

¹⁾ Д-ръ М. Миятъ принятъ въ русскую службу въ 1707 году и первоначально служилъ въ войскахъ, а потомъ опредѣленъ по повелѣнію Петра I докторомъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя.

водились или въ главной с.-петербургской аптекѣ ¹⁾, или въ особой залѣ медицинской канцеляріи.

Слово «штадтъ-физикъ» въ первый разъ встрѣчается въ штатѣ медицинской канцеляріи и подвѣдомственныхъ ей учреждений 9 января 1733 года. Это именно тотъ штатъ, которымъ, по образцу московской госпитальной школы, учреждены еще три такія же школы: двѣ въ петербургскихъ генеральныхъ, сухопутномъ и адмиралтейскомъ, и одна въ бронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталяхъ. По этому штату въ Петербургѣ, при медицинской канцеляріи, и въ Москвѣ, при медицинской конторѣ, положенъ 1 штаттъ-физикъ, 1 лѣбарь и 1 операторъ (сверхъ штата). На основаніи этого штата штаттъ-физикамъ давалась инструкція, при самомъ опредѣленіи ихъ въ должность. Инструкція заключала въ себѣ 13 пунктовъ, которые касались народнаго здоровья, осмотра аптекъ и поведенія аптекарскихъ чиновъ, осмотра ботаническихъ садовъ и таксы лѣбарствъ, арестованія площадныхъ лѣбарей и продавцовъ недозволенныхъ медикаментовъ, арестованіе шарлатановъ операторовъ, вскрытія мертвыхъ тѣлъ и изслѣдованія причинъ смерти ²⁾, осмотра больныхъ при губернскихъ канцеляріяхъ, осмотра рекрутовъ и инвалидовъ, смотрѣніе за лѣченіемъ больныхъ колодниковъ при тайной и розыскной канцеляріяхъ и экзамена лѣбарей и подлѣбарей и проч., желающихъ поступить на службу.

Послѣ этого штата и инструкціи дѣятельность штаттъ-физиковъ перестала быть временною и случайною, а напротивъ сдѣлалась постоянной, обязательною безъ напоминанія. Инструкція эта давалась

¹⁾ Въ Петербургѣ было двѣ казенныхъ аптеки: главная или адмиралтейская, называвшаяся такъ потому, что помѣщаясь на Миліонной улицѣ, не далеко отъ нынѣшнихъ павловскихъ казармъ, слѣдовательно на адмиралтейскомъ островѣ, на пространствѣ между Невкою и Фонтанкою; а другая—нижняя или преображенская, на преображенскомъ островѣ, между Фонтанкою и Невкою. Главною управлялъ аптекаръ Jacob Liebold, а нижнею David Lahren (1730).

²⁾ По распоряженію архіатера Фишера 29 мая 1741 не всѣ трупы, поднимаемые полиціею, доставлялись въ госпитали: тѣ, которые находимы были по лѣвую сторону Невы, должны были доставляться въ особый покой при главной полиціи и вскрываться штаттъ-физикомъ Мнियोномъ и лѣбаремъ Эггиди; а тѣ, которые подымаемы были на Петербургской и Выборгской сторонахъ, должны были вскрываться въ госпиталяхъ, равно какъ и тѣ умершіе въ госпиталяхъ, которые не пережили въ госпиталѣ 24 часовъ.

каждому, назначавшемуся на должность. Въ сохранившихся старыхъ дѣлахъ можно видѣть экземпляры ея въ 1737 (данные Миняту и Синопису) и въ 1739 году (Шрейберу и А. Детейльсу).

Какъ сказано выше, докторъ Минятъ исполнялъ должность штатдт-физика въ Петербургѣ съ 1728 года, такъ что по справедливости можно считатьъ первымъ петербургскимъ штатдт-физикомъ и однакоже утверждень въ ней только въ 1736 году. Инструкція дана ему была 4 декабря 1740 года, хотя по всей вѣроятности онъ и не нуждался въ ней. Минятъ прослужилъ 10 лѣтъ послѣ утвержденья въ должности и умеръ 26 июля 1746 года. Но онъ послѣдній годъ такъ былъ боленъ, что должность исправлялъ за него докторъ Яковъ Лерхе (съ 11 февраля 1745).

На мѣсто Миняты опредѣленъ штатдт-физикомъ въ Петербургѣ докторъ полковъ въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ состоящихъ Яковъ Гривъ (12 октября 1747). Онъ прослужилъ здѣсь около пяти лѣтъ и уѣхалъ на родину.

Мѣсто его занялъ докторъ Я. Лерхе; но должность его, по званію *medici consiliarii*, значительно расширилась и потому онъ взялъ себѣ въ помощь доктора Фридриха Аша (*Friedrich Asch*), который однакоже не долго здѣсь пробылъ и перешелъ (13 июля 1753) въ финляндскую дивизію графа Александра Ивановича Шувалова.

На мѣсто Ф. Аша, въ помощь д-ру Лерхе и въ званіи штатдт-физика, опредѣленъ (8 марта 1754) докторъ медицины и философіи Георгій Афанасьевичъ Шкиаданъ (*Georgius Schiadan*), жившій въ Москвѣ съ отцомъ своимъ, профессоромъ Афанасіемъ Шкиаданомъ. Кажется, однакоже, что онъ не понравился доктору Лерхе. Потому что едва прошло полгода, какъ тотъ выпроводилъ его (22 сентября 1754) въ Москву, къ медицинской конторѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «Гривъ и Монзей призваны были въ Петербургъ и тамъ докторовъ не осталось и командировать на случай некого, да и въ городѣ по осеннему времени въ докторахъ не безъ нужды». Оставался тамъ только старый А. Детейльсъ, который и взялъ его себѣ въ помощники (съ жалованьемъ по 300 рублей). Въ помощники себѣ по физикату Лерхе взялъ штаб-лѣкаря Польшана, а Георгій Скиада черезъ два года (съ іюня 1756) утверждень докторомъ при московскомъ магистратѣ, съ жалованьемъ по 500 рублей. Официально должность штатдт-физика оставалась все же за Лерхе.

Помощники петербургскихъ штатдт-физиковъ уже перечислены выше.

Въ заключеніе прибавимъ два слова объ учебномъ значеніи тогдашняго физиката. Архіатеръ Фишеръ высоко цѣнилъ занятія «у физическихъ дѣлъ» и признавалъ полезнымъ, чтобы ученики госпитальныхъ школъ понемногу знакомились съ этими занятіями и въ тоже время служили техническими помощниками или учениками при производствѣ разныхъ осмотровъ. Въ этихъ видахъ онъ сдѣлалъ распоряженіе (30 октября 1736 года), чтобы ученики московской госпитальной школы посылались въ тамошнюю главную аптеку, по одному на каждую четверть года, не выключая ихъ на это время изъ госпитальнаго списка. Цѣль этой посылки состояла въ томъ, чтобы съ одной стороны госпитальные ученики научались аптечнымъ работамъ, особенно лабораторнымъ, а съ другой стороны чтобы они присматривались къ разнаго рода осмотрамъ и освидѣтельствованіямъ. При московской главной аптекѣ, гдѣ производились «физическія дѣла», находились сперва лѣбаръ Касперъ Вейссъ, а послѣ его смерти (3 ноября 1737 года) лѣбаръ Георгъ Бекманъ. Въ Петербургѣ въ это время помощникомъ штатдт-физику Миняту былъ лѣбаръ Яковъ Гальтернъ. Такая посылка госпитальныхъ учениковъ въ главную аптеку продолжалась шесть лѣтъ. Потомъ директоръ московскаго госпиталя Л. Блюментростъ обратился въ медицинскую канцелярію (23 апрѣля 1741 года) съ вопросомъ: продолжать ли ее—потому что посылаемые въ аптеку ученики отстаютъ въ занятіяхъ и понапрасну тратятъ время—и она отмѣнена.

Выше говорено уже, что архіатеръ Фишеръ любилъ госпитальныя школы, заботился объ нихъ и искалъ средствъ къ возможно сворому развитію ихъ. Главнымъ затрудненіемъ въ развитію ихъ былъ недостатокъ учителей, т. е. то самое затрудненіе, о которомъ горевалъ еще Бидлоо. Но Бидлоо нашелъ и способъ устраненія его, состоявшій въ посылкѣ въ чужіе края 4 студіозусовъ для изученія анатоміи и хирургіи. Бидлоо не успѣлъ однакоже осуществить свою мысль, и за нее взялся архіатеръ Фишеръ. Мысль эта состояла, въ томъ, чтобы послать 6 русскихъ подлѣбарей въ Парижъ на одинъ годъ, для усовершенствованія въ анатоміи и хирургіи, и по возвращеніи предоставить имъ преподаваніе въ госпитальныхъ школахъ. Она выражена была Фишеромъ въ представленіи сенату (22 апрѣля 1738) слѣдующаго содержанія: Такъ какъ по госпитальному регламенту предполагается учредить медико-хирургическія школы въ четырехъ госпиталяхъ—2 въ с.-петербургскихъ, 1 въ московскомъ и 1 въ кронштадт-

скомъ—и въ этихъ школахъ слѣдовало содержать учителей—лѣкарей или операторовъ, то ихъ и начали прискивать, и для с.-петербургскихъ и московскаго нашли и приняли, а для вронштадтскаго не могли найти даже и въ чужихъ краяхъ. Посему архіатеръ проситъ позволенія послать въ Парижъ 6 человекъ лѣкарей, по выбору медицинской канцеляріи, на одинъ годъ, съ содержаніемъ по 300 рублей каждому. Они обязаны научиться тамъ анатоміи и хирургіи, съ тѣмъ чтобы по возвращеніи могли обучать въ тѣхъ четырехъ госпиталяхъ подлѣкарей и учениковъ. Выбраны они должны быть изъ здѣшнихъ уроженцовъ, искусныхъ молодыхъ лѣкарей или подлѣкарей, кои—можно надѣяться—исправно обучатся и другихъ обучать будутъ. А пока эти 6 лѣкарей обучатся въ Парижѣ, медицинская канцелярія приложить все стараніе устроить здѣшнія хирургическія школы возможно лучше. Изъ этихъ лѣкарей, два должны содержаться въ сухопутномъ с.-петербургскомъ госпиталѣ отъ медицинской канцеляріи, два въ с.-петербургскомъ и вронштадтскомъ госпиталяхъ отъ адмиралтейской коллегіи и два въ московскомъ госпиталѣ изъ доходовъ коллегіи экономіи синодальнаго правленія. Затѣмъ архіатеръ проситъ распоряженія, чтобы необходимыя суммы на содержаніе лѣкарей въ Парижѣ присылались въ медицинскую канцелярію отъ тѣхъ коллегій повсегодно.

На это представленіе сенатъ далъ резолюцію (31 августа 1738) отпустить нѣсколько лѣкарей изъ полковъ въ Парижъ для усовершенствованія въ анатоміи и хирургіи.

Въ тотъ же день (31 августа 1738) послѣдовала резолюція кабинета на донесеніи Фишера: «По сему доношенію справиться: какіе лѣкари, иноземцы или русскіе, въ Парижъ посылаются; и буде иноземцы такіе, которые здѣсь въ Россіи родились и фамилію имѣютъ, таковыхъ яко природныхъ русскихъ посылать потребно, однакожь взявъ отъ отцовъ или отъ сродниковъ надлежащіе съ подписками реверсы, что по окончаніи наукъ имѣютъ они паки въ Россію возвратиться, дабы издержанныхъ на нихъ денегъ напрасно не потерять. 31 августа 1738 года. «Подписали: Андрей Остерманъ, Артемій Волынкій».

Потребованы справки отъ московской медицинской конторы и получено слѣдующее:

Биджо входилъ въ сенатъ въ 1723 году о разрѣшеніи содержать

въ московскомъ госпиталѣ 4 студіозовъ хирургіи и посылать ихъ въ чужіе края съ выдачею годоваго жалованья по 300 рублей.

Но еще раньше, въ 1721 году отправленъ былъ въ чужіе края лѣкарь Богданъ Штелигъ, для лучшаго обученія лѣварскому художеству, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ, и этотъ окладъ даваемъ ему былъ до 1727 года, а съ 29 мая 1727 года, по именному повелѣнію Петра II, велѣно давать ему по 300 р.

Въ томъ же 1727 году, 13 января высочайше повелѣно отпустить аптекарскаго гезеля главной аптеки Эйхлера въ нѣмецкіе края для лучшаго въ аптекарскомъ искусствѣ обученія, съ того числа какъ изъ С.-Петербурга поѣдетъ, впредь на три года, съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ. А въ бытность его въ нѣмецкихъ краяхъ, гдѣ обрѣтаться будетъ, писать ему къ архіатеру для увѣдомленія и по прошествіи трехъ лѣтъ возвратиться ему въ отечество свое не умедля и тамъ не остаться, чего ради въ томъ подписаться порубою кому надлежитъ. Въ 1729 году къ прежнему его жалованью прибавлено 100 р. въ годъ.

Въ 1731 году 23 ноября, по сенатскому указу и по опредѣленію медицинскои канцеляріи отпущенъ для обученія докторской наукѣ въ чужіе края, въ Германію, Андрей Мюнхсъ, съ жалованьемъ по 200 р., а потомъ по 300 р., и велѣно ему со свидѣтельствомъ учителей о своей наукѣ репортовать по третямъ года, но токмо онъ пропалъ безъ вѣсти.

Справки эти признаны удовлетворительными и на основаніи ихъ архіатеръ Фишеръ далъ указъ (17 октября 1738) избрать нѣсколькихъ лѣкарей и подлѣкарей изъ днѣпровской флотиліи, а также и изъ полковъ, и экзаменоватъ къ февралю 1739 года. Экзаменаторами назначены дивизионные доктора П. Кондонди и Я. Лерхе. Но предполагалось, что прибывшіе послѣ экзамена въ Петербургъ еще подвергнутся экзамену и въ маѣ будутъ отправлены въ Парижъ. Однакоже черезъ мѣсяць это распоряженіе отмѣнено, и отсрочено, по причинѣ появленія эпидеміи въ Псковѣ и Украинѣ, гдѣ лѣкарямъ было не до экзаменовъ. Возобновлено оно только 29 февраля 1740 года, и на основаніи его выбраны по первому экзамену 15. подлѣкарей. Всѣ они вызваны въ Петербургъ и помѣщены въ генеральный сухопутный госпиталь. Но здѣсь произведенъ второй экзаменъ и по этому экзамену избранныхъ осталось только 6—7 человекъ. Вотъ имена ихъ: Андрей Вестманъ, Михаилъ Шидловскій, Николай Цырольдъ, Христіанъ

Минау и ученики Іосифъ Шумлянскій и Никита Ножевщиковъ. Мало оказалось избранныхъ. Лерхе объяснялъ это тѣмъ, что нѣкоторые неспособны, а другіе поженились и не хотятъ ѣхать за границу. Почти также объяснялъ это и архіаіеръ Фишеръ. Предлагая Л. Блюментросту выбрать подлѣкарей или учениковъ изъ московскаго госпиталя, онъ просилъ—если отцы или родственники будутъ мѣшать этому—уговаривать ихъ и увѣрить ихъ, что это дѣлается для ихъ же пользы.

Но съ выборомъ не все еще оканчивалось. Необходимо еще было найти поручителей за каждого предназначавшагося ѣхать за границу. У кого были отцы, тѣ запаслись ручательствомъ безъ труда. Такъ напримѣръ за Цырольда ручались «отецъ его при новой обѣднѣ въ Петербургѣ», пасторъ Христіанъ Цырольдъ, и зять его, учитель той же обѣдни Іог. Георгъ Апиць. За Іосифа Шумлянскаго поручился Никодимъ митрополитъ Тобольскій, за Ножевщикова лейбъ-медикъ Блюментростъ. Но вотъ является ученикъ с.-петербургскаго госпиталя Христіанъ Минау, очень хорошо выдержавшій экзаменъ («по всѣмъ вопросамъ отвѣтствовалъ съ удовольствіемъ») и объявляетъ, что онъ желалъ бы ѣхать въ чужіе края поучиться, но у него нѣтъ родныхъ, которые могли бы дать за него реверсъ; вмѣсто того онъ предлагаетъ дать собственную присягу. Архіаіеръ былъ тронутъ его предложеніемъ и обѣщалъ представить вопросъ на усмотрѣніе кабинета.

Вся эта процедура тянулась очень долго, цѣлые четыре года, а когда сдѣланы были всѣ приготовленія къ отправленію изъ московскаго госпиталя двухъ кандидатовъ его (Цырольда и Ножевщикова), то истекалъ уже 1741 годъ, предполагалась война съ Швеціею и отправка подлѣкарей отложена на 1742 годъ, когда имъ можно будетъ ѣхать сухимъ путемъ, а потомъ и совсѣмъ забылась.

Въ тоже время измѣнилось и все медицинское управленіе въ Россіи. Къ концу 1741 года, когда свергнута была съ престола Анна Леопольдовна съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Іоанномъ Антоновичемъ и вступила на престолъ Елисавета Петровна (26 ноября 1741), архіаіеръ Фишеръ понялъ свое положеніе при новомъ дворѣ и подалъ въ отставку. На его мѣсто опредѣленъ (указомъ 18 декабря 1741) архіаіеромъ, первымъ лейбъ-медикомъ императрицы и главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ, «за его особливья оказанныя вѣрные и давнія услуги и чрезвычайное искусство», бывший гофмедикъ ея и въ послѣдствіи графъ *Германъ Лестокъ* (*Hermann Lestock*), съ чиномъ дѣйствиель-

наго тайнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 7 тысячъ рублей. Указъ этотъ объявленъ медицинской канцеляріи 24 декабря 1741 года, а исполненіе по немъ, т. е. обнародованіе всѣмъ подвѣдомственнымъ ей мѣстамъ и лицамъ, подписано еще Фишеромъ.

Лѣкарь Лестокъ былъ плохой медикъ и едвали когда думалъ объ этомъ, точно такъ какъ никогда не бралъ на себя ни малѣйшей заботы «о медицинскомъ факультетѣ въ Россіи», который взялъ въ свое завѣдываніе. Онъ любилъ весело пожить, блеснуть остроуміемъ и похвастать своимъ политическимъ значеніемъ. А какъ на все это нужны были деньги, а у него ихъ небыло, да и положеніе его при дворѣ было далеко не видное, то онъ и пускался въ самыя рискованныя политическія интриги. Кажется, что онъ и архіатерство принялъ единственно изъ тщеславія и хорошаго жалованья на старость (ему тогда было 50 лѣтъ отъ роду)¹⁾. Но ему въ одномъ надобно отдать полную справедливость. Принявъ въ свое вѣдѣніе «медицинскую канцелярію со всѣмъ медицинскимъ факультетомъ» онъ прямо сознался, что ничего не смыслить въ администраціи и избралъ себѣ знающихъ и опытныхъ помощниковъ, П. З. Кондонди и Яог. Якова Лерхе.

Кондонди состоялъ на службѣ генеральнымъ штабъ-докторомъ украинскаго ландмилиціоннаго корпуса (съ 4 іюня 1738 года) и жилъ въ Переяславлѣ. Лестокъ, едва принявъ должность отъ Фишера, вызвалъ Кондонди въ Петербургъ и 21 февраля 1742 года, уѣзжая въ Москву на коронацію Елисаветы Петровны, поручилъ ему управленіе с.-петербургскою медицинскою конторою, между тѣмъ какъ московская медицинская контора переименована канцеляріею. Въ указѣ объ этомъ сказано, что Кондонди уполномочивается исправлять медицинскія дѣла, а въ чемъ онъ рѣшенія произвести самъ не возможеть, о томъ представлять въ медицинскую канцелярію, въ Москву, и требовать резолюціи. Все это и было сообщено сенату, адмиралтейской и военной коллегіямъ. Въ слѣдъ затѣмъ Лестокъ сталъ предоставлять медицинской конторѣ большую часть дѣлъ, предписывая не требовать

¹⁾ Сохранились свѣдѣнія, что Лестокъ, состоя при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны лѣкаремъ, получалъ весьма незначительное жалованье. Въ 1717 году онъ получалъ по 144 р. въ годъ, въ 1720 году—по 240 р., въ 1726 году 400 р. и въ 1737 году—396 р. въ годъ. Страстно любя карточную игру, онъ часто проигрывался и, не имѣя чѣмъ уплатить проигрышъ, попадалъ въ самыя неприятыя исторіи.

всякій разъ особливыхъ указовъ. Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ и медицинская контора въ С.-Петербургѣ управлялась Кондоиди. Но послѣдній долженъ былъ возвратиться въ свой корпусъ и на время его отсутствія (съ 16 января 1744 года) управление ею поручено с.-петербургскому штатдт-физику Лерхе, а московская медицинская канцелярія, не смотря на титулъ свой, оставалась бездѣятельною.

Первою заслугою Лестока въ первые годы его управленія было то, что всѣ журнальныя постановленія медицинской канцелярії перестали писаться на нѣмецкомъ языкѣ, а прямо писались порусски. А другое то, что предписано (23 марта 1742 года) составить первый полный списокъ всѣхъ служащихъ врачей, съ указаніемъ мѣстъ ихъ службы и окладнаго жалованья.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Лестокъ погружался въ свои политическія интриги и тѣмъ больше отдалялся отъ медицинскихъ дѣлъ. Но онъ не любилъ Лерхе, не вѣрилъ ему и тяготился сношеніями съ нимъ—можетъ быть отъ того, что Лерхе напоминалъ ему старинныя бироновскія времена, когда ни во что ставилась личность Лестока. Поэтому онъ снова выписалъ Кондоиди изъ Кіева (18 февраля 1745 года) и поручилъ ему управление медицинскою канцеляріею. Требуя его на это мѣсто, Лестокъ ссылаясь на штатъ 14 декабря 1744 года, по которому при главномъ директорѣ медицинской канцелярії положенъ былъ особый докторъ, знакомый съ канцелярскими дѣлами, «въ помощь главному командиру», съ жалованьемъ по 1100 рублей. П. З. Кондоиди принялъ эту должность, но для обезпеченія себя просилъ инструкціи какъ управлять медицинскою канцеляріею и получилъ ее за подписью самаго Лестока въ слѣдующихъ пунктахъ:

*) Любопытенъ въ этомъ отношеніи одинъ эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ Лестокова управленія. Офицеры, выходявшіе въ отставку по болѣзни, должны были представлять свидѣтельства о болѣзняхъ. Освидѣтельствванія ихъ производились въ физикатѣ и свидѣтельства посылались въ военную и адмиралтейскую коллегіи при промеморіяхъ, за подписью секретарей медицинской канцелярії, а не за подписью Лестока. Обѣ коллегіи (военная и адмиралтейская) не довольствовались этимъ и требовали подписи архіатера, грозя въ противномъ случаѣ вовсе не принимать такихъ бумагъ и не вѣрить имъ. Возникла длинная переписка. Но Лестокъ настоялъ на своемъ, основываясь на томъ, что осмотры больныхъ офицеровъ производятся не имъ самимъ, а врачомъ Минятомъ и лѣкаремъ Эгиди и посылаются въ подлинникѣ при промеморіяхъ и слѣдовательно могутъ быть принимаемы за подписью секретарей.

1. Генеральный штаб-доктор Кондоиди должен наблюдать, дабы положенныя медицинской канцеляріи и на содержаніе казенныхъ аптекъ и прочихъ учреждений вѣдомства медицинской канцеляріи доходы и по отпускамъ изъ аптекъ деньги отъ всѣхъ командъ, отъ которыхъ требовать ихъ слѣдуетъ, были присылаемы и въ приходъ записываемы безъ упушенія, о чемъ и увѣдомлять приславшія ихъ мѣста.

2. Наличная денежная казна медицинской канцеляріи должна быть хранима въ сундукахъ, за печатью его, и выдаваться на расходы въ его присутствіи.

3. Онъ можетъ самъ своею властью разрѣшать и выдавать деньги на мелочной расходъ до 100 рублей.

4. Смотрѣніе имѣть по купчинскимъ книгамъ купчинъ, опредѣленныхъ при с.-петербургскихъ аптекахъ, дабы въ покункахъ для аптекъ поступали они по опредѣленію медицинской канцеляріи 1 февраля 1733 года, свидѣтельствовать эти книги и поставлять опредѣленія о выдачѣ имъ денегъ изъ аптечныхъ доходовъ.

5. Постановлять опредѣленія о выдачѣ жалованья по третямъ аптечнымъ служителямъ и вольнымъ работникамъ въ аптекахъ и медицинскомъ огородѣ.

6. Наблюдать надъ отпускомъ медикаментовъ и инструментовъ въ полки и команды, изъ коихъ бывають денежные вычеты на этотъ предметъ, и разсматривать требовательные каталоги.

7. Разсматривать присылаемые о больныхъ репорты и объ опасныхъ явившихся гдѣ либо болѣзняхъ докладывать главному директору.

8. Требующіяся объ осмотрѣ больныхъ въ коллегіи, канцеляріи и конторы и прочія мѣста сношенія, промеморіи и письменныя сношенія крѣпить.

9. Ежемѣсячно ѣздить въ госпитали, а въ медицинскій огородъ козь часто нужда потребуетъ и смотрѣть вездѣ за порядкомъ.

10. Въ началѣ года свидѣтельствовать въ аптекахъ оставшіеся матеріалы, ихъ количество и докладывать о результатахъ главному директору.

11. Наблюдать, чтобы отпуска лѣкарствъ изъ аптекъ частнымъ лицамъ были дѣлаемы за деньги, свидѣтельствовать щеты по третямъ.

12. Опредѣленія, скрѣпленныя имъ, должны быть однакоже писаны отъ имени главнаго директора.

13. Поступать по этой инструкціи и черезъ каждыя двѣ недѣли письменно доводить до свѣдѣнія главнаго директора о всѣхъ дѣлахъ имъ рѣшенныхъ. Подписалъ *Графъ Лестокъ*. 26 мая 1745 года.

Болѣе трехъ лѣтъ управлялъ Кондоиди медицинскою канцеляріею по этой инструкціи и неизвѣстна причина, по которой онъ отказался отъ этой должности. До насъ дошло только свѣдѣніе, что 20 октября 1747 года П. З. Кондоиди назначенъ гофъ-медикомъ при дворѣ, «съ

увольненіемъ отъ дѣлъ при медицинской канцеляріи». Выѣстъ съ этимъ закатилась звѣзда Лестокова и этотъ неутомонный интригантъ-политикъ посаженъ былъ (1 ноября 1748 года) въ Петропавловскую крѣпость, просидѣлъ тамъ пять лѣтъ и затѣмъ сосланъ на жительство въ Устюгъ-Великій (13 апрѣля 1753 года)¹⁾.

На его мѣсто назначенъ первымъ лейбъ-медикомъ и главнымъ директоромъ медицинской канцеляріи и всего медицинскаго факультета докторъ *Германъ Каау Бургаавъ* (*Hermann Kaau Boerhaave*). Назначенъ онъ слѣдующимъ именнымъ указомъ 6-го декабря 1748 года:

« Указъ Нашему Сенату.

« Во всевысочайшемъ уваженіи искусства, прилежанія и трудовъ, съ какими дѣйствительный статскій совѣтникъ Германъ Каау Бургаавъ о нашемъ и императорской нашей фамилии здравіи неутомленное вѣрно ревностное бдѣніе имѣлъ, всемилостивѣйше жалуемъ его нашимъ тайнымъ совѣтникомъ и притомъ опредѣляемъ его нашимъ первымъ лейбъ-медикомъ и главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ въ имперіи нашей съ обыкновеннымъ при томъ жалованьемъ по семи тысячъ рублей на годъ, которое давать ему изъ статсъ-конторы, включая во оное получаемыя имъ нынѣ три тысячи рублей, причемъ ему свободная квартира и отъ двора карета и лошади съ потребными къ тому служители давана быть имѣеть, о чемъ сенату куда надлежитъ потребныя указы послать, а его Бургаавъ въ семь новомъ чинѣ къ присягѣ привести. Впрочемъ онъ въ единственномъ нашемъ вѣдѣніи состоять и прямо отъ нашихъ повелѣній зависѣть имѣеть ». *«Елисаветъ»*.

Замѣчательно здѣсь то, что Бургаавъ не названъ въ указѣ архіатеромъ, а только директоромъ медицинской канцеляріи и факультета, хотя съ сохраненіемъ всѣхъ прерогативъ архіатерства, а именно отвѣтственности только предъ Ея Императорскимъ Величествомъ и сосоянія въ вѣдѣніи одной Императрицы.

¹⁾ Это—вторая ссылка Лестока. Въ первый разъ онъ сосланъ Петромъ Великимъ въ Казань еще въ молодыхъ годахъ за какой-то безнравственный скандалъ во время путешествія Екатерины I въ Голландію (1716), куда онъ сопровождалъ ее въ качествѣ хирурга. Возвращенъ былъ изъ этой ссылки уже по смерти Петра Великаго, въ царствованіе Екатерины I.

Въ русской службѣ было два Бургаава, два родныхъ брата голландца. Старшій изъ нихъ назывался Германомъ, младшій—Абрамомъ. Старшій братъ вызванъ въ правленіе Анны Леопольдовны Брауншвейгъ-Люнебургской, весною 1741 года. По ея приказанію, на проѣздъ Г. Бургааву изъ Голландіи въ Россію выдано 600 р. чрезъ посредство купца Данглія. Выданы эти деньги заимообразно изъ соляной суммы комиссаріата и въ слѣдующемъ (1742) году уплачены медицинскою канцелярією. Съ нимъ заключенъ былъ контрактъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Онъ будетъ получать ежегодно по 2000 р. или 5000 гульденовъ голландскою монетою, считая со дня отъѣзда его къ русскому двору. 2) Дается ему квартира съ дровами и карета. 3) Имѣть будетъ вольность повсюду лѣчить, тожмо исполняя безъ упущенія должностъ свою при дворѣ всегда, когда присутствіе его потребуетъ и больныхъ въ пріѣзѣніи своемъ имѣть будетъ. 4) Столъ при дворѣ имѣть будетъ. 5) При отъѣздѣ изъ Голландіи получить имѣть 600 р., или 1500 гульденовъ голландской монеты на проѣздъ сухимъ путемъ и съ кондицією, чтобы онъ съ собою письма умершаго Германа Бургавена, знаменитаго дяди его, по заслуженной славѣ котораго и самъ онъ надѣялся прославиться, привезъ, которыя въ его рукахъ будутъ до отъѣханія. Ему Бургавену сюда какъ скоро возможно по большей мѣрѣ въ мѣсяцъ по полученіи этого контракта прибыть. 6) Оный контрактъ чрезъ четыре года продолжаться имѣть.

По заключеніи этого контракта оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду данъ указъ (18 августа 1741 года) зачислить доктора Германа Кау Бургаава гофъ-медикомъ при дворѣ.

Германъ К. Бургаавъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ августѣ 1741 года и тотчасъ же предъявилъ, что бурсъ русскихъ денегъ нѣсколько упалъ сравнительно съ голландскимъ и потребовалъ пополненія разницы на бурсѣ, что исполнено. Потомъ потребовалъ денегъ на перѣздъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ, и получилъ ихъ. Наконецъ предъявилъ и еще одно требованіе. Какъ иностранецъ, не знающій русскаго языка, онъ просилъ дать ему солдата, который бы заботился о лошадяхъ и провожалъ его при поѣздѣ въ Москву, и получилъмышленнаго служителя при медицинскою канцеляріи.

Заключая контрактъ на 4 года и зная, что главная забота его въ чужой странѣ направлена будетъ преимущественно на уходъ за младенцомъ императоромъ, Германъ К. Бургаавъ конечно не рассчитывалъ стать

во главѣ русской медицинской администраціи. Однакожь это случилось. За то вовсе не случилось ему не только лѣчить, но даже видѣть злополучнаго царственнаго младенца. Но это не все. Принявъ обязательство въ Россіи, онъ думалъ найдти при русскомъ дворѣ настоящую Германію, а между тѣмъ нашель такую цѣльную Россію съ ея привычками и обычаями, что вѣроятно не разъ подумалъ о своемъ положеніи и объ игрѣ судьбы своей. Плодомъ этого размышленія было правило: все для себя, и только для себя. Съ Лестокомъ, который все еще стоялъ во главѣ медицинскаго управления, легко было поладить, польстивъ его тщеславію, тѣмъ болѣе что Лестоку увлекался совсѣмъ не въ ту сторону, куда тянуло Бургаава. Лестоку не было времени думать о здоровьи императрицы и онъ доволенъ былъ, что избавилъ себя отъ заботъ по этой части, передавъ ихъ Бургааву и каждый день расхваливая предъ императрицею доктора съ такимъ знаменитымъ именемъ. И чѣмъ больше отдалялся отъ нея Лестоку, тѣмъ болѣе сближался съ нею Бургаавъ. Кончилось тѣмъ, что Лестоку удаленъ былъ безъ сожалѣнія, а Герману Бургааву выражена восторженная благодарность за «не утомленное вѣрно ревностное бдѣніе о здоровьи Е. И. В.».

Другой братъ Бургаава, докторъ Абрамъ Бургаавъ (*Abraham Kaau Boerhaave*) вызванъ въ Петербургъ по желанію старшаго его брата. Приглашительное письмо къ нему, подписанное Лестокомъ (21 декабря 1745 года), начиналось слѣдующими фразами: «L'éternelle renommée de feu Mr. votre oncle et vos propres mérites, que vous avez fait si avantageusement connaitre au publique par les livres que vous avez lui donnés» etc. Онъ приглашался въ профессора при обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ для госпитальныхъ учениковъ и въ доктора с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя, съ жалованьемъ по 600 р., квартирою и двумя слугами на казенномъ содержаніи и съ увѣреніемъ, что «la dite station sera stable et fixe sans qu'il sera obligé de changer de station ou de se transporter et employer ailleurs, à moins que ce soit avec son agrement et bonne volonté». Касательно преподаванія его въ госпитальныхъ школахъ говорилось, что оно будетъ производиться на латинскомъ языкѣ, а именно онъ будетъ преподавать aux souchirurgiens et apprentifs colléges en theorie et pratique de médecine, expliquant nominalement les institutions les aphorismes de feu Mr. Boerhaave votre oncle, et de plus un troisiéme collége en pharmacie, dont vous prendrez pour base l'auteur que vous jurez le plus convenable, ou bien vous donnerez les cahiers à écrire à la dite jeunesse et l'on vous fournira les

simples et composites pour ce collège. Les collèges commenceront chaque année vers le milieu de septembre et finiront vers le milieu du juillet suivant ce qui se pratique dans les académies et l'on conviendra avec vous des heures que vous employerez pour cela, et quant aux plantes officinales il faudra se conformer au temps que le climat du pays permette».

Контрактъ подписанъ 18 мая 1746 года съ одной стороны Лестокомъ, а съ другой Германомъ Бургавомъ за брата его, на 5 лѣтъ, считая со дня выѣзда его изъ Голландіи (изъ Гагн). Абрамъ Бургавъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ 14 августа 1745 года, получивъ на проѣздъ 100 р., а 29 утверждень въ должностяхъ своихъ по контракту. Чтобы открыть ему вакансію въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, перемѣстили оттуда доктора Грегори въ московскую дивизию. Но за тѣмъ встрѣтились два затрудненія. Первое то, что А. Бургавъ не знаетъ русскаго языка. Чтобы облегчить его въ этомъ отношеніи, къ нему прикомандировали младшаго доктора с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя, П. А. Де-Тейльса, «поза російскаго языка извѣнеть», съ тѣмъ что если бы для медицинскаго дѣла пригласили Бургава въ адмиралтейскую коллегію, то за него долженъ ѣхать Де-Тейльсъ, для чего послѣднему дана казенная квартира въ госпиталѣ. Но это распоряженіе вскорѣ (12 января 1747) отмѣнено, по бесполезности, такъ какъ всѣ медицинскія дѣла въ адмиралтейской коллегіи могъ исполнять флотскій докторъ Д. Синопеусъ, жившій въ С.-Петербургѣ. Другое затрудненіе состояло въ томъ, что А. Бургавъ былъ чрезвычайно глухъ, такъ глухъ, что могъ объясняться только письменно или пантоминою. Рихтеръ говоритъ, что онъ лишился слуха нечаянно, на 21 году своей жизни. Этому горю нельзя уже было помочь ¹⁾. Но, къ счастью, въ это время с.-петербургская академія наукъ, цѣня ученыя заслуги молодого доктора и сожалѣя объ его неспособности къ преподавательской или медицинскій дѣятельности, просила медицинскую канцелярію отпустить А. Бургава на службу въ академію, на мѣсто умершаго Вейтбрехта, «для распространенія науки анатомической и физиологической», какъ по штату и регламенту академіи положено». Медицинская канцелярія

¹⁾ Есть однакоже указаніе, что докторъ А. Бургавъ, съ операторомъ фонъ-Мелленомъ и главнымъ лѣкаремъ Зальцеромъ экзаминовали въ 1746 году вновь прибывавшихъ иностранцовъ на право практики въ Россіи. Неужели весь экзамень этотъ былъ письменный?

уволнила его (7 ноября 1747 года) изъ службы своей и отпустила въ академію наукъ.

Вступивъ въ должность главнаго директора медицинской канцеляріи, Германъ Ю. Бургавъ встрѣтилъ тамъ доктора Я. Лерхе, давно знакомаго съ дѣлами, умнаго, но никогда не принимавшаго на себя никакой отвѣтственности и искусно сваливавшаго ее на другихъ. Онъ не любилъ ни инструкцій, ни отчетовъ: они стѣсняли его. Но за то чуть не при каждомъ распоряженіи оговаривался, что поступать надобно такъ, «какъ указы повелѣваютъ»: а кто зналъ эти указы, кромѣ секретарей Правдина и Львова? Напротивъ онъ очень любилъ ссылаться на то, какъ что дѣлывалось по обычаю и лучше всего «какъ указы повелѣваютъ». Ученый Германъ Бургавъ, очевидно, долженъ былъ склонить свою голову передъ такимъ дѣльцомъ и дѣйствительно, хотя молча, предоставилъ всю медицинскую канцелярію въ полное распоряженіе Лерхе. Дѣла пошли привычнымъ порядкомъ. Определенія медицинской канцеляріи писались въ два столбца, одно на русскомъ, другое на нѣмецкомъ языкахъ: но Лерхе не скрѣплялъ ихъ. Работы было много и Лерхе просилъ себѣ помощника, самъ предварительно выбравъ, кого ему надобно. Выбралъ онъ доктора Фридриха Аша, пробывшаго впрочемъ не долго и потомъ нѣгѣмъ не замѣненнаго.

Такъ прошло два года. Герм. Бургавъ былъ занятъ частною медицинскою практикою и обязанностями при дворѣ и не могъ удѣлять много времени медицинской канцеляріи. За недосугомъ онъ ни разу, кажется, не навѣстилъ ни одной госпитальной школы во все свое управленіе. Да и зналъ ли онъ что либо о положеніи ихъ—сомнительно. Лерхе тоже не интересовался ими.

Но дѣла канцелярскія, бумажныя, шли сносно, хоть и медленно. Гдѣ отписывались, ссылаясь на указы, а гдѣ пуская въ ходъ авторитетъ перваго лейбъ-медика и главнаго директора медицинской канцеляріи. За то бытовые стороны медицинской службы оставляли желать многого. Въ Астрахани возникъ цѣлый процессъ о взяточничествѣ при производствѣ поддѣкарей въ лѣкаря, надѣлавшій много шума и продолжавшійся очень долго. Самымъ памятнымъ, однакоже, дѣломъ первыхъ годовъ Бургавова управленія было учрежденіе казенной монополіи на торговлю минеральными водами въ Россіи. По представленію медицинской канцеляріи состоялся указъ сената 24 іюля 1750 года о выпискѣ заграничныхъ минеральныхъ водъ един-

ственно чрезъ медицинскую канцелярію, а не чрезъ купцовъ и частныхъ коммисіонеровъ, подъ предлогомъ, что «иногда не цѣльныя бывають и отъ употребленія оныхъ въ разныхъ болѣзнующихъ припадкахъ вмѣсто желаемой пользы противное дѣйствіе происходило и впредь происходить можетъ». Издавъ этотъ законъ, придумали и средства къ его исполненію. Тогда въ Голландіи путешествовалъ молодой докторъ Георгъ Томасъ Ашъ, петербургскій уроженецъ, сынъ с.-петербургскаго почтъ-директора, братъ того Аша, который состоялъ при медицинской канцеляріи въ качествѣ помощника Лерхе. Медицинская канцелярія пригласила его на службу, съ жалованьемъ по 300 рублей, и назначила (18 августа 1750 года) для порученій: разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ нѣмецкой имперіи, гдѣ открываются цѣлительныя колодези минеральныхъ водъ, потомъ покупать эти воды и пересылать въ Петербургъ. Кромѣ того онъ обязанъ былъ ѣздить по минеральнымъ источникамъ въ Англіи (въ Бристоль) и во Франціи. Такимъ образомъ онъ разъѣзжалъ почти три года и посѣтилъ почти всѣ водяные города въ Европѣ ¹⁾. Возвратившись въ Петербургъ (въ октябрь 1752) онъ прикомандированъ былъ къ медицинской канцеляріи.

Между тѣмъ Германъ Бургава все болѣе и болѣе затруднялся административными дѣлами и наконецъ выбралъ себѣ двухъ помощниковъ по управленію медицинской канцеляріею (12 августа 1751), а именно двухъ штаттъ-физиковъ—Я. Лерхе и Я. Грива—перваго въ Петербургѣ, а втораго въ Москвѣ, и назвалъ ихъ *совѣщательными врачами* (*medici consiliarii*), съ жалованьемъ первому по 1100 р., а второму по 1000 р. ²⁾.

Со времени установленія должности «совѣщательныхъ врачей» не замѣтно уже стало никакой личной дѣятельности Герм. К. Бургава. Онъ умеръ скоропостижно въ Москвѣ, 7 ноября 1753 года.

На его мѣсто, именнымъ указомъ сенату, назначенъ (10 декабря

¹⁾ Возвратившись, онъ жаловался, что принужденъ былъ растратить много собственныхъ денегъ, отъ того, что не получалъ ничего на разъѣзды, именно потратилъ больше своего жалованья, и представилъ счетъ и перечисленіе всѣхъ городовъ, въ которыхъ перебывалъ. Медицинская канцелярія уплатила ему по счету 299 р. или 1025 голланд. гульденовъ.

²⁾ Жалованье имъ назначено изъ суммъ, по штату 1733, по физической должности Лерхе 800 и Гриву 700 р. и по указу 11 декабря 1744 года обоимъ по 300 р. изъ суммы опредѣленной для доктора знающаго канцелярскія дѣла въ помощь главному командиру.

1753 года) гофъ-медикъ высочайшаго двора, докторъ *Павелъ Захаровичъ Кондоиди*, съ производствомъ въ лейбъ-медики и тайные совѣтники и съ опредѣленіемъ главнымъ директоромъ медицинской канцеляріи и всего медицинскаго факультета. При этомъ назначено ему по 5000 р. жалованья и повелѣно «быть ему, Кондоиди, въ единственномъ вѣдѣніи Е. И. В. и отъ Е. И. В. зависѣть».

Докторъ П. З. Кондоиди (*Panajota Kondoidi*), родомъ грекъ изъ Корфу, но въ дѣтствѣ привезенный въ Россію, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ врачей своего времени и энергическимъ администраторомъ. Подробно вникалъ онъ во всѣ роды медицинской службы и всюду старался внести свѣтъ, правоту и честность. Онъ издалъ множество инструкцій и всѣ онѣ первоначально написаны были его рукою. Писалъ онъ либо порусски, либо пофранцузски, хотя зналъ почти всѣ европейскіе языки.

Какъ только вступилъ въ должность, П. З. Кондоиди далъ инструкцію совѣщательному врачу Я. Лерхе (30 декабря 1754) и предписалъ принять ее въ руководство съ 1 января 1755 года слѣдующаго содержанія:

«Инструкція опредѣленному къ медицинской канцеляріи для вспоможенія главному директору, доктору медицины и штадтъ-физику Лерхе.

1. Присутствовать вамъ въ медицинской канцеляріи и засѣдать по главному директору въ старшее мѣсто.

2. Будучи въ присутствіи, при слушаніи и рѣшеніи текущихъ дѣлъ, къ наилучшему успѣху мнѣніе свое объявлять, хотя главный директоръ и не того будетъ мнѣнія.

3. Смотрѣніе имѣть, чтобы приказные служители всѣ и каждый въ указные по регламенту дни и времена въ канцелярію приходили и отходили и должность свою исправляли съ прилежаніемъ и ежели кто отлучаться будетъ о причинѣ такой отлучки освѣдомляться, и буде безъ законной вины отлучаться кто будетъ, въ первый разъ учинить ему чрезъ секретаря выговоръ, въ другой разъ велѣть таково скоровъ держать въ канцеляріи на одни сутки или и больше, сколько вами благоусмотрѣно будетъ. Ежели же кто и тѣмъ не уймется и безъ законной вины въ указные дни и времена отъ дѣла своего отлучаться будетъ, о таковыхъ безъ упущенія объявлять обстоятельно главному директору.

4. Прилежно наблюдать того, чтобы положенныя въ доходъ медицинской канцеляріи деньги изъ разныхъ командъ, изъ аптекъ и прочихъ вѣдомства

оной канцеляріи мѣсть въ надлежащее время въ приходѣ вступали безъ всякаго упущенія; чего для потребныя для истребованія оныхъ изъ разныхъ мѣсть опредѣленія приказывать изготовлять въ настоящее время неослабно.

5. Наличная въ медицинской канцеляріи денежная казна имѣетъ быть хранена въ казенной палатѣ, въ сундукахъ за печатью вашею, и опредѣленнаго расходчика, которые на случающіяся по учиненнымъ опредѣленнымъ расходы брать, сколько когда денегъ надлежать будетъ, такожь и въ приходѣ поступившія съ наличными положить въ присутствіи вашемъ.

6. Когда купчина требовать будетъ денегъ на покупку потребныхъ припасовъ въ аптеки и медицинскій садъ, къ дѣлу лѣкарскихъ инструментовъ и на прочія исправленія, во первыхъ приказать секретарю въ присутствіи вашемъ освидѣтельствовать учиненный расходъ отъ послѣдней дачи на тѣ покупки денегъ; причемъ прилежно рекомендуется вамъ накрѣпко смотрѣть того, все ли то покупается въ удобное время въ запасъ, что безъ поврежденія и траты силы своея долговременно лежать можетъ, для убѣжанія передачи не дѣлается ли иногдаже по чьему приказанію такой расходъ денежной казны, котораго безъ опредѣленія канцелярскаго чинить не подлежало. Не дѣлаются ли иногдаже какіе лишніе и самопроизвольные расходы и прочее, что къ прекращенію лишнихъ расходовъ и къ наблюденію доброй экономіи по возможности примѣчая, такожь какой по свидѣтельству имѣетъ быть наличный денежный остатокъ и до великаго числа ему на требующія необходимыя покупки и прочія исправленія денегъ еще выдать потребно, обстоятельно объявлять главному директору.

7. По опредѣленіямъ, скрѣпленнымъ отъ главнаго директора, отпуска скрѣплять вамъ во всѣ подчиненныя медицинской канцеляріи мѣста, кромѣ московской медицинской конторы, причемъ накрѣпко смотрѣть того, чтобъ по тѣмъ отъ главнаго директора подписаннымъ опредѣленіямъ подлежащіе отпуска отправляемы были безъ продолженія и отлагательства.

8. По состоянію нынѣшнему дѣлу медицинской канцеляріи, казенныхъ аптекъ, госпиталей, медицинскихъ садовъ и проч. ежели разсудите что къ наилучшему учрежденію и порядку, такожь къ наблюденію должной экономіи полезное и нужное, о томъ главному директору представлять имѣете съ обстоятельствомъ словесно и письменно.

9. Ходить почасту вамъ въ аптеки во время отпусковъ лѣкарствъ по рецептамъ и смотрѣть того, чтобъ тѣ по рецептамъ отпуска лѣкарствамъ чинимы были порядочно, исправно и сколько можно поснѣшно, причемъ гезели и ученики принималибъ приходящихъ людей учтиво и каждого по пристойности, приходящіе жъ люди поступали бы учтивожь и съ пристойнымъ такому мѣсту благоговѣніемъ и каждый приходящій смотря по нуждѣ требуемаго лѣкарства ожидалъ бы отпуска съ надлежащею терпѣливостью, не чиня шуму и непристойныхъ какихъ поступковъ, и ежели такіе являться будутъ,

приказать имена их записывать и про ково лѣкарство требовать приши и объявлять главному директору; буде же гезели и ученики учинятъ какой непорядочный поступокъ или въ должности своей будутъ въ чемъ неисправны, о томъ объявлять аптекарю, а имъ чинить репримандъ въ первый и во второй разъ, а въ третій разъ объявлять главному директору обстоятельно, почему по изобрѣтенію дѣла штрафованы быть имѣютъ безъ упущенія, понеже аптеки вообще, особливожъ казенныя, суть мѣста, которымъ подобаетъ почтеніе, гезелямъ же и ученикамъ аптекарскимъ должно быть людямъ честнымъ, учтивымъ, благонравнымъ и въ должности дѣла своего исправнымъ.

10. Ежели между аптекаремъ и гезелей, или между гезелей и учениковъ случатся будутъ какія жалобы или ссоры, оныя разбирать и разсматривать вамъ, и по важности дѣла объявлять главному командиру.

11. Ежели о какихъ аптечныхъ нуждахъ аптекари будутъ вамъ притомъ представлять, о таковыхъ нуждахъ имѣть вамъ съ оными аптекарями обстоятельное разсужденіе, каковымъ наилучшимъ способомъ такую нужду поправить, и снабдить можно, и объявлять главному директору.

12. Всегда наблюдать того, чтобъ гезели и ученики предъ аптекаремъ были учтивы и покорны и должное почтеніе и послушаніе аптекарю, яко командиру своему, чинили; емужь, аптекарю, въ нимъ, гезелямъ и ученикамъ, должно быть благосклонну и доброхотну.

13. Въ казенныхъ аптекахъ имѣющіяся дѣкарства *simplicia* и *composita* отъ времени до времени освидѣтельствовать и буде что находите неисправно готовленное, хранимое или составленное, объявлять аптекарямъ съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ остерегалися того впредь, ежелиже находить будете, что негодное или не дѣйствительное, объ ономъ приказывать аптекарямъ представить канцеляріи для уничтоженія.

14. Бздить вамъ каждый мѣсяць по меньшей мѣрѣ однажды въ здѣшніе госпитали, а въ кронштадтскую госпиталь зимою и лѣтомъ по одному разу, и смотрѣть и освѣдомляться, доктора и лѣкари по регламенту посѣщаютъ ли больныхъ въ указныя времена, онымъ больнымъ опредѣленная пища, питье и лѣкарства производятся ли порядочно и по надлежащему и нѣтъ ли въ чемъ какого недостатку спрашивать, и ежели о какомъ либо больномъ конторы вашего совѣта требовать будутъ, тѣмъ имъ служить и о всемъ что усмотрите, такожь надлежитъ ли о которомъ либо больномъ держать консилиумъ медикумъ или хирургикумъ объявлять главному директору.

15. При такомъ вашемъ осмотрѣ госпиталей долженъ съ вами ходить госпитальный докторъ и главный лѣкаръ, а госпитальные лѣкари, подлѣкари и ученики должны быть по своимъ мѣстамъ въ опредѣленныя палаты.

16. Смотрѣть вамъ при томъ и госпитальныя аптеки и свидѣтельствовать имѣющіяся въ нихъ для раздачи больнымъ лѣкарства, по надлежащему ли изготовлены и составлены и силою своею дѣйствительныя ли, такожь при-

пасы годные ли, и ежели какую неисправность усмотрите, приказывать поправлять, и ежели какіе лѣкарства или припасы не дѣйствительные или негодные премѣтите оныя уничтожить и главному директору о чемъ надлежитъ объявлять.

17. Бздить иногда и въ анатомическій театрумъ во время лекціоновъ и смотрѣть, порядочно ли и основательно и въ положенные ли часы тѣ лекціоны читаются, и спрашивать учащихся всѣ ли подлѣкари и ученики въ тѣмъ лекціонамъ приходятъ и зачѣмъ не приходитъ кто, и разсматривать вины тому, и о чемъ надлежать будетъ главному директору представлять.

18. Въ третнихъ экзаменахъ подлѣкарей и учениковъ, когда самому главному директору быть невозможно, вмѣсто него присутствовать вамъ и смотрѣть, чтобы тѣ экзамены производимы были въ силу опредѣленія медицинской канцеляріи 1746 года.

19. При посѣщеніи больныхъ въ госпиталѣхъ, при присутствіи вашемъ въ лекціонахъ и третнихъ экзаменахъ ежели отъ кого на комъ происходитъ будутъ жалобы, о тѣхъ жалобахъ изслѣдовать и виноватымъ учинить, смотря по персонѣ, увѣщеваніе или репримандъ, о чемъ надлежать будетъ главному директору представлять, причѣмъ служителей каждаго по пристойности увѣщевать, чтобы положенное дѣло исправляли вѣрно, прилежно и радетельно, между собоюжъ обходились и жили честно, учтиво и благопрістойно.

20. Ежели кто по своей должности о чемъ вамъ представлять будетъ слѣдующее къ лучшему исправленію, объ ономъ съ нимъ имѣть разсужденіе и положи способъ къ исправленію, представлять главному директору.

21. Бздить вамъ почастью зимою, наипаче же лѣтомъ въ аптекарскій садъ и смотрѣть того, чтобы опредѣленные служители, всѣ и каждый, положенное дѣло исправляли прилежно и радѣтельно.

22. О приумноженіи самоужнѣйшихъ официнальныхъ травъ, кореньевъ, сѣмянъ, цвѣтовъ и прочаго прилежное имѣть попеченіе.

23. Понеже аптекарскій садъ имѣеть быть для произвожденія и сбиранія потребныхъ въ аптекахъ травъ, кореньевъ и прочаго, дабы тѣмъ довольствуя казенныя аптеки, елико того по климату учинить возможно, тѣ потребности изъ чужихъ краевъ уже не выписывать, и яко ботаническій садъ почестъ его не должно, всякой же годъ на содержаніе того сада съ служителями великая въ расходъ выходитъ сумма, такъ что едва плодъ имѣется, того ради наприлежнѣйше рекомендуется вамъ чинимые расходы разсматривать, и что изобрѣтете быть лишнее и ненужное, о томъ главному директору представлять со обстоятельствомъ.

24. Понеже и отъ аптекарскаго острова канцелярія никакой прибыли не имѣеть, наипаче же егда чрезъ то показанный островъ къ разнымъ чинимымъ непотребствамъ подверженъ способъ изыскать самая нужда требуетъ,

чтобъ канцелярія тѣмъ островомъ съ прибылью базенною пользовалась и тѣ непотребства прекращены были.

25. Смотрѣть вамъ и надъ инструментнымъ мастеромъ, дабы онъ съ подчиненными своими дѣло лѣкарскихъ инструментовъ производили нетѣнно добрые и годные инструменты приготавливали, ученики же въ томъ дѣлѣ усиліевъ оказали.

26. Каталоги требуемыхъ вновь лѣкарствъ, припасовъ, лѣкарскихъ инструментовъ и прочихъ аптечныхъ потребностей въ госпитали, въ полки, во флотъ и прочія команды, отъ которыхъ вычетныя на медикаменты деньги въ оную канцелярію присылаются, хотябъ тѣ каталоги и подписаны были отъ настоящаго доктора, разсматривать вамъ, причемъ надлежитъ чтобъ при тѣхъ каталогахъ присылаемы были объ остаточныхъ за руками определенныхъ лѣкарей и гдѣ нѣтъ подлѣкарей, вѣрные реэстры, почему разсмотрѣніе объ отпускѣ чинить и подписавъ вашею рукою посылать тѣ каталоги въ аптеки, и о скорѣйшемъ отправленіи возъимѣть стараніе, причемъ выключать изъ тѣхъ каталоговъ что усмотрѣно будетъ весьма ненужное, драгоценное или лишнее, а когда вновь лѣкарскіе инструменты требуютъ будутъ, смотрѣть чтобъ старыя и негодныя возвращаемы были, а ежели объявлять будутъ, что такой инструментъ какимъ либо случаемъ утраченъ, о томъ приказывать доносить канцелярію, гдѣ о томъ изслѣдовано быть имѣеть.

27. Каталоги требуемыхъ въ главныя и отъ нихъ въ полевыя и прочія аптеки заморскихъ и внутреннихъ матеріаловъ, лѣкарствъ и припасовъ и прочихъ потребностей разсматривать вамъ и со мнѣніемъ для резолюціи докладывать главному директору.

28. Присылаемыхъ для осмотру инвалидовъ осматривать съ определенными при канцеляріи лѣкарями въ силѣ состоявшагося медицинскоя канцеляріи регламента, и по онимъ осмотрамъ требующіяся съ коллегами, канцеляріями, конторами и въ прочія мѣста письменныя сношенія крѣпить вамъ же по прежнему; когдажъ изъ какого либо мѣста присылаются будутъ какія вещи до медикаментовъ касающіяся для осмотру, и оныя освидѣтельствовать вамъ же съ лѣкарями и когда понадобится призвать къ тому и аптекаря.

29. Когда главный директоръ въ отлучкѣ при свитѣ высочайшаго Е. И. В. двора бываетъ, ежели случится необходимая нужда въ выдачѣ изъ казны денегъ для какихъ иногда покупокъ про оную канцелярію, про аптеки, про аптекарскій садъ или для какихъ другихъ исправленій и починокъ, въ такомъ случаѣ и на показанныя потребности опредѣлять вамъ выдачу денежныхъ казны до 100 рублей, и по такимъ за вашею рукою скрѣпленнымъ опредѣленіямъ въ оной канцеляріи чинить исполненіе.

30. Если по волѣ божіей случится главному директору такая тяжкая болѣзнь, что самъ о дѣлахъ разсудить будетъ не въ состояніи, въ такомъ случаѣ дабы самонужнѣйшія дѣла остановиться не могли, тавія дѣла, кото-

рыя по необходимости времени и отлагательства отнюдь не терпятъ, исправлять вамъ съ общаго разсужденія оной канцеляріи съ секретарями и опредѣленія скрѣплять.

31. Присылаемыя въ оную канцелярію о больныхъ репорты разсматривать вамъ и ежели по онымъ являться будутъ гдѣ опасныя, отъ чего Боже сохрани, или повѣтривающіяся какія болѣзни, или чрезвычайное число больныхъ и умершихъ, хотя ординарными болѣзнями, о томъ объявлять главному директору немедленно.

30 декабря 1754 года, *Павель Кондоиди*.

Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этой инструкціи обязательна была и для московскаго «совѣщательнаго врача», доктора Грива; но только большая часть, а не вся, такъ какъ и самая московская медицинская контора въ другихъ стояла отношеніяхъ къ главному директору, чѣмъ петербургская медицинская канцелярія. А послѣ отъѣзда Грива въ Москвѣ не было уже «совѣщательнаго врача» и инструкція эта стала относиться къ одному доктору Лерхе.

Устроивъ центральное управленіе, Кондоиди обратилъ все вниманіе на госпитальныя школы. Онъ издалъ инструкцію для доцентовъ (1753), инструкцію о курсахъ ученія (1754), возобновилъ составленную имъ, но подписанную Лестокомъ, инструкцію объ экзаменахъ въ госпитальныхъ школахъ (1745 года), на которыхъ часто и самъ присутствовалъ. Установилъ разумную и безпрепятственную посылку молодыхъ лѣкарей за границу для довершенія спеціальнаго медицинскаго образованія. За тѣмъ издалъ инструкціи дивизионнымъ докторамъ въ войскахъ (1754 года), инструкцію генеральнымъ штабъ-докторамъ въ арміяхъ (1756), возобновилъ и дополнилъ инструкцію объ осмотрахъ инвалидовъ и неспособныхъ къ службѣ въ войскахъ и во флотѣ архіатера Фишера и инструкцію докторамъ и лѣкарямъ при лѣченіи оспы, кори и лопухи (1754 года), инструкцію повивальнымъ бабамъ (1755) и учрежденіе повивальныхъ школъ. Наконецъ устроилъ бібліотеку при медицинской канцеляріи и написалъ инструкцію, какъ удобнѣе пользоваться ею, а особенно лѣкарямъ и подлѣкарямъ (1754 года). Впрочемъ пересчитать все, что сдѣлалъ П. З. Кондоиди, и сдѣлалъ одними своими руками, для медицинской науки, для медицинской администраціи и для «всего медицинскаго факультета» въ Россіи нѣтъ возможности. И все это сдѣлалъ онъ въ весьма короткій срокъ, въ какіе нибудь семь лѣтъ. Любя Россію и свое призваніе, онъ непрерывно работалъ, и какъ будто предчувствуя, что дни его

сочтены, спѣшили работать, не въ ущербъ впрочемъ достоинству ра-
боты. Онъ умеръ скоропостижно лѣтомъ 1760 года.

Преемника ему не оказалось. По странному стеченію обстоятельствъ,
послѣ смерти Кондоиди не оказалось при дворѣ ни одного лейбъ-ме-
дика. Сенатъ этимъ и мотивировалъ отсрочку назначенія новаго ди-
ректора медицинской канцеляріи. Въ указѣ своемъ 15 сентября 1760
года сенатъ постановилъ «за непмѣніемъ лейбъ-медика, дабы въ
текущихъ дѣлахъ медицинской канцеляріи остановки не было, при-
сутствіе въ оной имѣть до указа доктору Лерхе, который и при жи-
зни тайнаго совѣтника и лейбъ-медика Кондоиди въ правленіи по
медицинской канцеляріи дѣлъ въ должности ему вспоможеніе чинилъ,
и съ нимъ обще изъ обрѣтающихся здѣсь докторовъ Синопеусу и Шил-
лингу, коимъ и поступать по указамъ во всемъ непремѣнно».

Выходило нѣчто подобное «Докторскому собранію» бироновскихъ
временъ. Докторъ Лерхе можетъ быть и рассчитывалъ повторить
исторію архіатера Ригера: но не тѣ уже были времена, не тѣ и
правы. Покойный Кондоиди былъ олицетворенная справедливость и
честность. Выбирая ему преемника нельзя было избѣжать мысленныхъ
сравненій того, кого уже нѣтъ, съ тѣмъ, который долженъ замѣнить
его. И сравненія оказались сомнительными. Мало того. Черезъ двѣ
недѣли послѣ объявленія выше приведеннаго сенатскаго указа о не-
имѣніи лейбъ-медика, пожалованы въ одинъ день (29 сентября 1760)
два лейбъ-медика, Яковъ Монзей и Юганъ Шиллингъ, съ чинами дѣй-
ствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и съ жалованьемъ по 4000 р.;
и однакоже ни одинъ изъ нихъ не назначенъ былъ главнымъ дирек-
торомъ медицинской канцеляріи и всего медицинскаго факультета. А
девять мѣсяцовъ спустя и за полгода до смерти императрицы Елиса-
веты Петровны назначенъ еще лейбъ-медикъ, докторъ гвардейскаго
корпуса и коллежскій совѣтникъ К. Ф. Крузе, тоже съ чиномъ дѣй-
ствительнаго статскаго совѣтника и съ жалованьемъ по 4000 руб-
лей. Но и онъ не получилъ должности главнаго директора. Онъ уво-
ленъ отъ службы по повелѣнію Петра III, съ абшитою, 19 апрѣля
1762 года.

Императрица Елисавета Петровна умерла 24 декабря 1761 года и
въ тотъ же день обнародованъ манифестъ о вступленіи на престолъ
императора Петра III. Черезъ 27 дней послѣ манифеста, Петръ III
далъ сенату именной указъ о назначеніи лейбъ-медика *Я. Монзея* ар-
хіатеремъ слѣдующаго содержанія:

«Во всевысочайшемъ уваженіи искусства, прилежанія и трудовъ, съ каковыми дѣйствительный статскій совѣтникъ лейбъ-медивусъ Яковъ Монзей, по его званію и искусству всеусердствую службу оказывалъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государынѣ императрицѣ, вселюбезнѣйшей Е. И. В. теткѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Е. И. В. всемилостивѣйше пожаловали его Монсея за ту его вѣрноусерднѣйшую и долговременную службу Е. И. В. архіатеромъ, первымъ лейбъ-медивусомъ и главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ во всей російской имперіи, съ рангомъ тайнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 7000 рублей ежегодно, и притомъ онъ собственною своею персоною въ единственномъ Е. И. В. вѣдѣніи состоять и прямо отъ Е. И. В. повѣленій зависѣтъ имѣть; о чемъ сенатъ имѣетъ вѣдать и куда надлежитъ послать указы».

«Петръ III, 20 генваря 1762.

Императоръ Петръ III умеръ 6 іюля, а 22 іюля того же года архіатеръ Я. Монзей; именнымъ указомъ императрицы Екатерины II, уволенъ отъ службы «по слабости», съ абшитомъ и пенсіею по 1000 рублей. Въ теченіе этого полугода Монзей представилъ Петру III обширный докладъ о разныхъ потребностяхъ медицинскою службы и планъ о рангахъ медицинскихъ чиновъ и о сравненіи ихъ съ военными чинами, который и утвержденъ 28 марта 1762 года. Наконецъ издалъ «Наставленіе служащимъ врачамъ въ полкахъ, во флотѣ и другихъ командахъ, какъ поступать при отправленіи своей должности» (см. въ приложеніи).

Это былъ такимъ образомъ послѣдній архіатеръ русской службы, послѣдній единоличный правитель «медицинскаго факультета» въ Россіи и наконецъ весьма дѣятельный администраторъ. Съ увольненіемъ архіатера Монсея управленіе медицинскою канцеляріею опять «до указу» осталось въ рукахъ доктора Лерхе, хотъ и не на долгое время.

Когда въ домѣ нѣтъ хозяина—разстроивается хозяйство. Временные управители и опекуны, не имѣющіе ни авторитета, ни любви въ дѣлу, которые нынѣ пользуются властью, а завтра лишаются ея, не способны замѣнить настоящаго хозяина и иногда даже злоупотребляютъ своимъ временнымъ положеніемъ и пользуются имъ для своихъ личныхъ выгодъ или мелочныхъ частныхъ интересовъ. Въ такомъ положеніи находился «медицинскій факультетъ» въ этотъ *interim* управленія имъ со смерти Кондоиди до вступленія на престолъ Екатерины II. Требовалось коренное преобразование на новыхъ началахъ и дѣйствительно было произведено учрежденіемъ медицинской коллегіи.

«Медицинская коллегія», какъ высшее медицинское управление, узаконена слѣдующимъ именнымъ указомъ, даннымъ сенату 12 ноября 1763 года:

«Указъ нашему сенату. Черезъ сіе учреждаемъ въ государствѣ нашемъ медицинскаго факультета коллегію, раздѣля оную на два департамента, а именно: на коллегію докторскаго и лѣкарскаго искусства, и на канцелярію, отправляющую всю экономію помянутаго факультета. Коллегія устанавливается съ такими преимуществами, на какиѣ всѣ наши государственныя коллегіи основаны, и имѣеть власть дѣлать распоряжки, касающіеся до врачеванія во всей имперіи и до распространенія науки медицинскою, хирургіи и всѣхъ частей къ тому принадлежащихъ въ государствѣ нашемъ; а канцелярія факультета экономическая одному президенту подчинена. Какія мы притомъ обоимъ симъ департаментамъ на первый случай правила предписали, какиѣ и сколько членовъ въ нихъ опредѣлили и въ чемъ оныхъ должность нынѣ состоитъ, о томъ мы дали знать особливую инструкцію коллегіи сей за нашими подписаніемъ и прилагаемъ при семъ сенату нашему копію для вѣдома, и что принадлежать по ней для исполненія. Въ прочемъ оной коллегіи быть повелѣваемъ въ нашемъ особливомъ вѣдѣніи и протекціи, и сей нашъ указъ публиковать во всемъ государствѣ».

«Екатерина». 1763 года ноября 12 дня.

Къ этому указу приложены три инструкціи, — одна для всей коллегіи, другая для специально-медицинской коллегіи, первому департаменту) — и третья для экономической канцеляріи (второму департаменту) — подписанныя также императрицею. Какъ указъ о коллегіи, такъ и инструкціи ея, составлены были барономъ А. И. Черкасовымъ, совмѣстно съ самою императрицею, и нѣсколько разъ пересмотрѣны прежде чѣмъ внесены на законное утвержденіе. Самое важное, что вошло въ новый законъ изъ прежнихъ законоположеній, это было оставленіе коллегіи «въ особливомъ вѣдѣніи и протекціи императорскаго величества», т. е. сохраненіе за президентомъ тѣхъ же правъ, какими пользовались старинные архіатеры или директоры медицинскою канцеляріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ президенту предоставленъ въ коллегіи всего одинъ голосъ и «самъ собою въ ней онъ ничего не опредѣляетъ»: этимъ онъ значительно разнился отъ архіатерства и на этомъ-то новомъ законѣ основывались всѣ надежды на успѣхъ медицинскаго образованія въ Россіи, дѣйствительно скоро осуществившіяся.

По новому закону въ коллегіи должны были состоять 8 членовъ съ правомъ голоса, а именно: президентъ, три доктора медицины, одинъ штабъ-лѣкарь, одинъ лѣкарь, одинъ операторъ и одинъ аптекаръ. Кромѣ того два секретаря вовсе безъ голоса и одинъ переводчикъ тоже. Въ экономической канцеляріи, подчиненной одному президенту, полагался одинъ совѣтникъ, изъ русскихъ людей, для производства дѣлъ на русскомъ языкѣ, и два секретаря. Первымъ президентомъ медицинской коллегіи былъ *баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ*, отставной капитанъ гвардіи и дѣйствительный камергеръ двора Е. И. В., избранный въ тому самую императрицею по глубокому и обширному его образованію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по знакомству съ естественными и медицинскими науками. Но изъ этого не слѣдовало, чтобы президентомъ не могъ быть и докторъ медицины. Въ инструкціи значится только, что «президентъ разумѣется человекъ такихъ достоинствъ, который необходимо долженъ имѣть генеральное понятіе о наукахъ»; слѣдовательно президентомъ могъ быть всякій образованный человекъ, и только случаю надобно приписать то, что президентомъ никогда не былъ врачъ.

Баронъ А. И. Черкасовъ назначенъ указомъ того-же 12 ноября, въ которомъ предписано ему «на первый случай представить Е. И. В. кандидатовъ для опредѣленія въ члены въ ту коллегію и канцелярію медицинскія толкиимъ числомъ, какъ въ инструкціи данной отъ Е. И. В. той коллегіи показано. Но понеже сія должность, отъ Е. И. В. ему барону Черкасову препорученная, особливаго труда и прилежанія отъ него требуетъ, того ради Е. И. В. увольняетъ его и отъ обыкновеннаго при дворѣ Е. И. В. по чину его камергерскому дежурства, такъ какъ и жалованье повелѣваетъ получить изъ тойже медицинской коллегіи толкиимъ числомъ, коликимъ по штату будетъ положено на чинъ президента той коллегіи».

Баронъ Черкасовъ представилъ кандидатами въ члены коллегіи: генеральнаго штабъ-доктора барона Георга Томаса *Аша*, доктора Христіана *Пеккена*, доктора Андрея *Линдежана*, штабъ-хирурга Іоганна Георга *Вольфа*, хирурга Іог. Фр. *Блока*¹⁾ и аптекаря Іоганна

¹⁾ Хирургъ Іог. Фридрихъ Блокъ умеръ 7 апрѣля 1766 года и на его мѣсто представлены были императрицѣ 5 кандидатовъ изъ гвардейскихъ лѣкарей и она утвердила лѣкаря семеновскаго полка Федора Гарлова (*Friedr. Garloff*) 24 іюля 1766, въ Петергофѣ, потому что онъ былъ старше всѣхъ по службѣ (съ 1734 года).

Георга *Моделя*. Императрица утвердила ихъ 27 ноября 1763 года въ Царскомъ Селѣ. Черезъ годъ послѣ того (1764) утвержденъ былъ ученымъ секретаремъ медицинской коллегіи д-ръ Христіанъ Пеккенъ ¹⁾.

<i>Штабъ медицинской коллегіи, ея экономической канцеляріи и конторы въ Москвѣ, высочайше утвержденный 28 января 1764 года.</i>	Число лицъ.	Жалов. каждому въ годъ.
президентъ	1	2250
доктора, кол. совѣтники	3	300
штабъ лѣбварь, над. сов.	1	250
лѣбварь	1	200
операторъ } ассесоры за урядъ	1	200
аптекарь }	1	200
секретарь ученый изъ иноземцовъ .	1	—
секретарь российский.	1	500
переводчикъ	1	200
помощникъ ученаго секретаря	1	300
канцеляристовъ .	3	250
копіистовъ	6	120
купчина при коллегіи, аптекахъ и прочихъ мѣстахъ	1	180
студентъ .	1	130
вахмистровъ	2	60
сторожей	2	30
для разсылки и караула солдатъ . .	18	24
<i>Итого въ коллегіи лицъ .</i>	<i>45</i>	<i>всѣмъ 7392 р.</i>

¹⁾ Пеккенъ назначенъ ученымъ секретаремъ слѣдующимъ именнымъ указомъ императрицы: «Всемилюбовѣйше повелѣваемъ д-ру и члену медицинской коллегіи Христіану Пеккену быть въ оной коллегіи секретаремъ, не исключая его изъ числа членовъ того-же собранія, съ жалованьемъ потому, какъ онъ нынѣ будучи членомъ получаетъ; онъ же, Пеккенъ, долженъ быть и д-ромъ по прежнему безъ всякой отмыны въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, съ получаемымъ до сего оттуда жалованьемъ; а въ разсужденіи его влиятельныхъ трудовъ и отличнаго искусства въ наукахъ всемилюбовѣйше пожаловали его коллежскимъ совѣтникомъ съ прибавкою на каждый годъ къ прежнему изъ помянутыхъ мѣсть жалованью по 400 р. на годъ, которое онъ получать имѣеть изъ оной же коллегіи, и сіе высочайшее къ нему благоволеніе не въ образецъ будущимъ по немъ въ оной коллегіи секретарямъ ученымъ.
«Екатерина».

Штатъ экономической канцеляріи той коллегии.	Число лицъ.	Жалов. каждому въ годъ.
директоръ, бод. сов.	1	750
секретарь російскій.	1	500
секретарь нѣмецкій .	1	500
переводчикъ .	1	200
канцеляристовъ .	3	250
копистовъ	6	120
писарей нѣмецкихъ .	2	120
переплетчикъ .	1	75
щетчиковъ	3	40
Итого въ канцеляріи. . .	19	3825 р.
На расходы канцелярскіе, бумагу, свѣчи, сургучъ, дрова и прочее	—	500
Всего.	—	4325 р.

Штатъ московской конторы оной коллегии.	Число лицъ.	Жалов. каждому въ годъ.
штатъ-физикъ	1	800
коммисаръ	1	300
регистраторъ русскій, которому править секретарскую должность	1	300
канцеляристовъ	2	125
студентъ, для перевода дѣлъ съ нѣмецкаго и иныхъ языковъ .	1	100
копистовъ.	4	60
купчина .	1	140
вахмистръ	1	30
солдаты .	12	18
сторожей.	2	18
щетчиковъ	2	18
Итого въ конторѣ.	28	всѣмъ 2448
На конторскіе расходы	—	125
Итого въ коллегии, канцеляріи и конторѣ на жалованье.	92	13655
На канцелярскіе расходы	—	625
Всего по штату, врозь оклада ученаго секретаря	—	14290 рубл.

По инструкціи, данной медицинской коллегии, ей предложены были двѣ главныя задачи для разрѣшенія: «1) сохраненіе врачеваніемъ народа въ имперіи и 2) заведеніе російскихъ докторовъ, операторовъ, лѣкарей и аптекарей, а къ тому содержаніе порядочное аптекъ и добрая ихъ экономія», и коллегія разрѣшила эти задачи.

Прежде всего медицинская коллегія, разъясняя данную ей инструкцію, обрисовала то положеніе вещей, какое найдено ею при самомъ ея учрежденіи, намекала на злоупотребленія въ дѣлахъ «медицинскаго факультета» (продажность мѣстъ и званія штабъ-лѣкаря при Лерхе) за послѣдніе беспорядочные годы и указала пути, по которымъ сама она намѣревалась слѣдовать. Разъясненіе это очень любопытно и стоитъ быть приведеннымъ въ подробности.

«Понеже Е. И. В. учрежденіемъ медицинской коллегіи высочайшее свое намѣреніе оказать соизволила и въ томъ, чтобъ медики ¹⁾ и лѣкари награжденія и произвожденія искали единственно по искусству и заслугамъ. Сіе видно въ напечатанной при правительствующемъ сенатѣ и въ государствѣ обнародованной «Инструкціи медицинской коллегіи», гдѣ между прочимъ ей положено каждому въ службѣ Е. И. В. находящагося медика, лѣкаря и аптекаря искусство познавать и изъ потому производить, не взирая ни на долговременную службу, ниже на рекомендацію, отъ когочъ она ни была, а предписанныя коллегіи средства суть таковы, что всякій медикъ и лѣкарь въ государствѣ весьма способно можетъ коллегію увѣдомить о искусствѣ по своей

¹⁾ Въ этомъ постановленіи медицинской коллегіи слово «докторъ» вовсе не употребляется и вездѣ замѣнено словомъ «медикъ». Здѣсь кстати упомянуть, что безразличное употребленіе словъ «медикъ» и «врачъ» давало иногда поводъ лѣкарямъ, и особенно иностраннымъ, присвоивать себѣ не принадлежавшее ученое званіе. Медикъ считался тождественнымъ съ докторомъ медицины, а врачъ былъ все равно что медикъ. Такое смѣшеніе понятій, и притомъ умышленное, вызвало запретительный указъ медицинской коллегіи 11 мая 1762 года, подтвержденный въ 1766 году. Этимъ указомъ запрещено было лицамъ, неимѣвшимъ докторскаго диплома, называться «докторами» или «медиками». Но это запрещеніе по немногу забылось, а это вызвало новый, уже формальный законъ, вовсе не позволявшій лѣкарямъ самозванно употреблять слово «врачъ». Законъ этотъ выраженъ слѣдующимъ образомъ въ предложеніи главнаго директора медицинской коллегіи барона А. Н. Васильева, данномъ на имя этой коллегіи 13 августа 1800 года: «Государственной медицинской коллегіи. Генералъ-адъютантъ графъ Ливень объявилъ мнѣ всевысочайшее повелѣніе, что Государь Императоръ, усмотря изъ рапорта с.-петербургскаго военнаго губернатора показаннаго проживавшимъ въ Кроншлотъ уѣзднаго тамошняго врача Винтера, указать соизволилъ *запретить называться врачами*. Въ слѣдствіе чего и предлагаю Государственной медицинской коллегіи предписать немедленно всѣмъ подвѣдомственнымъ ей мѣстамъ, дабы медицинскіе чины отнюдь врачами не назывались, а именовались бы званіями, какое кто изъ нихъ несетъ, какъ-то докторами, штабъ-лѣкарями, лѣкарями и т. п. *Баронъ Алексѣй Васильевъ* августа 13 дня 1800 года.

См. мои *Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений*, стр. 327.

наукѣ и чрезъ то вывести себя изъ забвенія и приготовить путь къ дальнему благополучію. Но какъ сія распорядки не токмо всему обществу весьма полезны, но и самимъ онымъ медицинскимъ служителямъ также выгодны, то коллегія ни сколько не сомнѣвается, чтобъ каждый изъ нихъ охотно не пользовался симъ случаемъ одобреніе ея получить и чрезъ то благополучію своему споспѣшествовать. Коллегіяжъ съ своей стороны объявляетъ, что она то въ инструкціи предписанное правило будетъ наблюдать наиточнѣйше и впредь какъ порозшія мѣста, такъ и титулы единственно по сему распредѣлять, и такимъ образомъ ни одинъ не можетъ ожидать себѣ лучшаго мѣста, кто коллегію предварительно не увѣритъ о своемъ искусствѣ, прилежаніи и порядочномъ поведеніи и чрезъ то самое не заслужитъ нѣкотораго къ оному (лучшему мѣсту) права. Тѣмъ же способомъ коллегія пресѣчетъ и тотъ беспорядокъ, который при случающихся порозжихъ мѣстахъ бываетъ, будучи отягощена излишнею работою, какъ то случилось нынѣ, при началѣ ея засѣданій, что вдругъ три челобитчика просили опредѣленія на одно мѣсто, которое еще дѣйствительно занято было и котораго оному отдать коллегія ни малѣйшаго намѣренія не имѣла. Равнымъ образомъ нынѣ коллегія опредѣлила не принимать нивакихъ челобитенъ, въ коихъ будутъ прошенія о какомъ либо мѣстѣ, именно дабы довольствуя по оному одного, употребившаго въ свою пользу время и случай, не возбудить неудовольствія многихъ и такимъ образомъ:

1) Каждый состоящій въ російской императорской службѣ медикъ или лѣкарь долженъ въ медицинскую коллегію присылать исторіи медическія, т. е. описанія разныхъ новыхъ, рѣдко бывающихъ, трудныхъ или другихъ какихъ либо примѣчаній достойныхъ болѣзней, съ показаніемъ какъ онъ ихъ лѣчилъ, толькобъ оныя описанія обстоятельны, а не излишне пространны были. Всякое безмѣрное пространство чрезъ сіе запрещается, а токмо позволяется краткая и надобная энцикризисъ, кою сочинитель долженъ предложить и изъяснить свойство болѣзни и объявить причины употребленнаго лѣченія.

2) Но чтобъ въ такихъ исторіяхъ не можно было легко подлогъ дѣлать, то должно объявлять о именахъ какъ больнаго, такъ и медиковъ и лѣкарей, кои были въ консиліумѣ (ежели консиліумъ былъ); тоже и о другихъ обстоятельствахъ, кои могутъ свидѣтельствовать о истинѣ, ибо ежели найдется, что прислана выдуманная исторія, то тяжкое возмездіе учинено будетъ. Въ случаяхъ же когда медикъ или лѣкарь имѣютъ справедливую причину умолчать о имени больнаго, то приводить въ доказательство истины другія обстоятельства, а особливо тогда объявлять именно свидѣтелями медиковъ и лѣкарей, кои при больномъ съ нимъ вмѣстѣ были.

3) Сверхъ того медики и лѣкари еще весьма отличать себя и въ семъ, когда кромѣ исторій о болѣзняхъ будутъ присылать и другія примѣчанія, достойныя сочиненія и записки по медицинской наукѣ, а именно о такихъ вещахъ и дѣ-

лаги, которыя еще не довольно извѣстны и о которыхъ въ книгахъ немного объявляются. Онымъ сочиненіямъ и запискамъ быть должно изъ физиологій, патологій, ферапіи, хирургіи, фармаціи, физики вообще, ботаники, анатоміи, натуральной исторіи, химіи, исторіи и филологіи медицинской, такожъ мафематики, поелику она до физиологій касается.

4) Никто не принуждается присылать извѣстное число примѣчаній въ коллегію; также и время никому не предписывается, но все оное оставляется на волю сочинителей; единственно для того, чтобы никто не имѣлъ малѣйшаго основанія жаловаться, будто коллегія чрезъ сіе налагаетъ тягость; да и лѣкарямъ и аптекарямъ не предписывается; на какомъ языкѣ должно писать, но чтобъ употребляли языки російскій, латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій; на которомъ кто наилучше изъясниться можетъ; однако кто будетъ употреблять російскій; тотъ долженъ всѣ термины техническіе, т. е. принятые въ наукѣ званія, писать латинскіе. Но медики должны писать свои примѣчанія чистымъ, хорошимъ, однакоже не надменнымъ латинскимъ слогомъ.

5) До аптекарей принадлежатъ химія, матерія медицинская, натуральная исторія и физика; по сему наукамъ могутъ присылать въ коллегію сочиненія, ежели что найдутъ описанія достойнаго.

6) Которыя сочиненія не можно будетъ безъ рисунковъ разумѣть, къ тѣмъ должно прилагать рисунки, а ежели надобно и возможно, то и самыя вещи.

7) Коллегія будетъ признавать за отличныя услуги, ежели медики и лѣкари изобрѣтутъ новыя лѣкарства изъ находящихся въ Россіи вещей и надежными опытами докажутъ, что оныя могутъ употреблены быть безъ сомнѣнія и съ пользою. Такожъ всѣмъ и каждому подтверждается, чтобъ о всемъ, что въ Россіи въ трехъ царствахъ природы находится новаго, рѣдкаго и еще неизвѣстнаго, прилежно примѣчали и коллегію о томъ увѣдомляли.

8) Дабы не можно было на коллегію имѣть подозрѣнія въ пристрастіи, то заблагоразсуждено приказать, при присылкѣ сочиненія отнюдь не подписывать ни имени, ни мѣста; медикиже и лѣвари, которыхъ почеркъ въ коллегіи уже извѣстенъ, должны свои примѣчанія давать списывать людямъ, кои почеркъ въ оной незнакомъ.

9) А чтобъ можно было, когда надобно, увѣдомиться, кто сочинители присланныхъ примѣчаній, то заблагоразсуждено употреблять тѣже способы, кои въ знатѣйшихъ академіяхъ, какъ въ с.-петербургской, во Франціи, Германіи, Швеціи и проч. употребляются, а именно сочинителямъ примѣчаній писать вмѣсто своихъ именъ краткій девизъ на какомъ языкѣ похотятъ и какого содержанія оный ни былъ, токмобы ничего оскорбительнаго не значилъ. Сверхъ того ему должно написать на особливой цыдулкѣ свое имя, званіе и мѣсто гдѣ обрѣтается, и оную цыдулку занечатать; такъ чтобъ снаружи и не распечатать не можно было прочесть. На запечатанной цыдулкѣ писать вмѣсто над-

писи тотъ-же девизъ, который будетъ находиться на самомъ сочиненіи, такъ что хотя какиѣ либо случаи запечатанныя цыдулки и переищались, чтобъ по девизамъ можно было узнавать къ которому примѣчанію которая цыдулка принадлежитъ. Такожъ имена больныхъ, другихъ медиковъ и иныхъ достовѣрныхъ людей, кои будутъ объявляемы свидѣльми, и всякое другое обстоятельство, по которому можно бы дознаться о сочинителѣ, писать только въ запечатанной цыдулкѣ, а не въ самомъ примѣчаніи.

10) Такимъ же осторожнымъ образомъ надлежитъ поступать, чтобы по мѣсту, откуда примѣчаніе будетъ прислано, не можно было догадываться, отъ кого оно; чего ради присылать ихъ въ коллегію чрезъ почту подъ такими обертками, какія на письмахъ и репортахъ дѣлаются.

11) А какъ есть нѣкоторые изъ медиковъ и лѣкарей, кои ихъ искусство не токмо коллегіи, но и всему обществу извѣстно, то хотя она и безъ присылаемыхъ отъ нихъ примѣчаній достоинству и заслугамъ ихъ надлежащую справедливость отдавать будетъ, однако сверхъ того надѣется, что такіе люди не захотятъ лишать себя удовольствія одобреніе ея получить скрываясь выше писаннымъ образомъ: оно и славу ихъ умножить и коллежскаго подозрѣнія пристрастія избѣжить.

12) А хотя выше писанныя учрежденія и не новыя и должность репортовать о всѣхъ достойныхъ примѣчанія вещахъ въ бывшую предъ симъ медицинскую канцелярію объявлена всѣмъ медикамъ данною имъ давно предъ симъ инструкцію, да и не задолго (около года) до учрежденія сей коллегіи пакъ подтверждена: однако коллегія, повинувась во всемъ данному отъ Е. И. В. повелѣнію, почла сіе наставленіе о присылкѣ упомянутого содержанія извѣстій надобнымъ для поправленія неудобностей, находящихся въ объявленной всѣмъ медикамъ и лѣкарямъ за годъ предъ симъ инструкціи, въ которой имъ повелѣно было о всякой болѣзни точные журналы въ медицинскую канцелярію присылать. Къ тому же теперь упомянутую инструкцію поправить необходимо надлежитъ и для того, чтобъ она была сходственна съ нынѣ данною медицинскою коллегіи инструкцію.

А дабы всякому было извѣстно, въ чему коллегія присылаемыя примѣчанія будутъ употреблять, то за потребно разсуждено еще присовокупить слѣдующее:

1. Коллегія всѣ присылаемыя примѣчанія прочитывать будетъ и оныя одобрить или отвергнуть; потомъ распечатаетъ приложенную къ примѣчанію цыдулку, чтобы узнать сочинителя. Одобренныя примѣчанія внесутся въ російскіе медическіе коментаріи и будутъ напечатаны, по силѣ данной отъ Е. И. В. медицинскою коллегіи инструкціи.

2. Какъ скоро сочинитель одного или многихъ примѣчаній искусствомъ своимъ заслужитъ отъ коллегіи одобреніе; а онъ ей персонально неизвѣстенъ, то она истребуетъ о немъ у командировъ его аттестатъ, чтобъ увѣдомиться о его прилежаніи и прочемъ поведеніи.

3. Когда такой искусный человек и аттестатомъ отъ своихъ командировъ въ разсужденіи его состоянія будетъ довольно одобренъ, тогда назначится кандидатомъ къ полученію лучшаго мѣста и къ произведенію.

4. Особливо же медики, кои присланными своими примѣчаніями отъ прочихъ себя отличили, чрезъ то приуготовать себѣ путь къ опредѣленію почетными членами коллегіи, да и между другими преимуществами получаютъ предъ прочими медиками старшинство, чрезъ что такожь получаютъ право при случающихся въ коллегіи порожнихъ мѣстахъ опредѣлены быть дѣйствительными ея членами.

5. Производеніе лѣкарей единственно зависѣть будетъ отъ чинимаго одобренія ихъ примѣчаній, а наипаче ожиданія мѣста и пенсіи полковнымъ лѣкарямъ будутъ опредѣляемы смотря по онымъ одобреніямъ, такъ что ни одному лѣкарю не будетъ нужно бить челомъ въ коллегіи о опредѣленіи ему ожиданія мѣста или пенсіи, когда она ихъ не опредѣлитъ по своему разсмотрѣнію, а когда уже больше кандидатовъ къ мѣстамъ ожиданія и полученію пенсіи назначатся, а достоинства равнаго, тогда ихъ получаютъ тѣ, кои находились долѣе въ службѣ Е. И. В. Сверхъ оныхъ примѣчаній о рѣдко бывающихъ или инако достопамятныхъ обстоятельствахъ, нужно еще нѣчто пережѣнить и въ присылаемыхъ ежемѣсячныхъ отъ медиковъ и лѣкарей о числѣ больныхъ, выздоровѣвшихъ или умершихъ въ медицинскую коллегію репортахъ, ибо какъ доселѣ въ оныхъ болѣзни никогда порядочно не означивались, но и различнѣйшія часто подъ однимъ именемъ, на примѣръ непрерывныхъ лихорадокъ или горячекъ, поноса, чахотки и т. п. вмѣщаемы были, то свободно видѣть можно, что изъ того коллегіи ни малой пользы къ намѣренію своему не имѣла. И для отвращенія такой неудобности повелѣвается всѣмъ, практику отравляющимъ, впредь съ большею точностію сочинять присылаемыя въ коллегію о больныхъ репорты, а наипаче же различные роды лихорадокъ или горячекъ пристойными именами означивать. А какъ и сіе не можетъ принести никакой пользы ежели коллегіи не будетъ знать точнаго описанія сихъ болѣзней, ежегодно иногда въ свойствахъ ихъ и припадкахъ пережѣняющихся: того ради за необходимо нужное почла, наипаче медикамъ, повелѣть сочинять ежегодно краткое извѣстіе о состояніи повальныхъ и помѣсячныхъ болѣзней и ихъ различныхъ наружныхъ видахъ, припадкахъ и проч. и въ коллегію присылать, и къ исполненію сего намѣренія каждому для примѣра и подражанія предлагаются англійскихъ медиковъ Сиденгама, Пристля и Гуксама вездѣ извѣстные сочиненія, къ которымъ чѣмъ кто сходственнѣе о томъ дѣлѣ писать будетъ, тѣмъ за исправнѣйшаго отъ коллегіи почтется. А лѣкари, подъ командою у медиковъ состояющіе, должны свои примѣчанія присылать къ медикамъ, которые ихъ съ своими примѣчаніями, достойными коллежскаго свѣденія, въ коллегію присылать должны. А которые лѣкари никакому медику не подчи-

нены, тѣ ежегодныя свои примѣчанія въ настоящій и здѣсь предписанный порядокъ расположивъ, прямо въ коллегію да присылають».

2 марта 1764 года. Баронъ Александръ *Черкасозъ*.

Обѣ задачи, предложенныя медицинской коллегіи при самомъ учрежденіи ея, могли быть разрѣшены не иначе какъ расширеніемъ госпитальныхъ школъ и улучшеніемъ программы преподаванія въ нихъ. Первое изъ этихъ условій—расширеніе школъ—легко могло быть исполнено. Второе—расширеніе программы ученія въ школахъ—было труднѣе, хотя постепенно и понемногу исполнялось. Главное затрудненіе состояло въ недостаткѣ преподавателей, но и оно постепенно сглаживалось. Благодаря учрежденію доцентуры (1764 года), въ госпитальныхъ школахъ явились спеціальныя преподаватели предметовъ, избранныхъ ими самими. Доценты освобождались отъ всѣхъ другихъ госпитальныхъ занятій, кромѣ преподаванія, и въ послѣдствіи положили основу въ учрежденію профессоровъ строго спеціальныхъ предметовъ.

Большая часть доцентовъ были русскіе уроженцы, начавшіе курсъ въ госпитальныхъ нашихъ школахъ и окончившіе его въ заграничныхъ университетахъ. Посылка молодыхъ лѣкарей за границу для усовершенствованія принесла нашимъ школамъ неисчислимую пользу и тщательно поддерживалась всѣми наиболѣе разумными архіатерами и директорами медицинской канцеляріи. Сначала она считалась благодѣяніемъ, которое оказывалось нѣсколькимъ избраннымъ лицамъ; потомъ сдѣлалась закономъ, благодаря настойчивости Кондонди, оказавшаго въ этой мѣрѣ послѣднюю предсмертную услугу русскому медицинскому образованію. Указами сената 6 марта и 3 апрѣля 1761 года предписано медицинской канцеляріи:

1) «Ежели кто изъ русскихъ медицинѣ обучаться похочетъ и желателемъ явится, таковымъ не токмо въ слѣдствіе желанія ихъ надлежащія къ тому предводительству дѣлать и обучать совершенно, но стараться таковыхъ надлежащимъ порядкомъ призывать и добрымъ содержаніемъ обиадеживать и попеченіе объ нихъ имѣть, чтобы и русскіе въ медицинѣ до вышнихъ градусовъ науки достигали. 2) Определеннымъ въ отпускъ въ чужія государства лѣкарямъ жалованье производить по овладамъ двойное, отпуская оное какъ имъ, такъ и впредь, буде кто изъ такихъ русскихъ пожелаетъ для оныхъ наукъ за море ѣхать для переводу къ нимъ изъ статьи-конторы». Есть указанія, что законъ этотъ оставался въ силѣ цѣлыя двадцать лѣтъ и медицин-

ская коллегія старательно поддерживала его. Молодые люди, отправлявшіеся за границу для окончанія ученія, получали отъ медицинской коллегіи особенное наставленіе или инструкцію, а именно: 1) Стараться отъ искусныхъ профессоровъ по академическимъ регуламъ курсы коллегіевъ (лекцій), медицинѣ подлежащихъ, пройти слѣдующіе: физиологін, патологін, ферапіи съ принадлежащими ей частями, матеріи медики, ботаники официнализъ, грахіи medicae, химіи, физики теоретики и экспериментализъ. Во всѣхъ частяхъ анатоміи и хирургіи, также въ операціяхъ, а наипаче субтильныхъ, утвердиться основательно. 2) Во оныхъ наукахъ упражняться требуется съ крайнимъ прилежаніемъ, дабы иногда напрасно удобное къ тому время пропущено быть не могло, но достигать ѣлико возможно основательнаго искусства, чтобъ по приобрѣтеніи онаго сами въ тѣхъ же наукахъ прочихъ къ пользѣ службы обучать съ хорошимъ успѣхомъ въ состояніи были. 3) Для тѣхъ наукъ быть во первыхъ въ Страсбургѣ, а потомъ смотря успѣховъ предписано или будетъ еще на годъ въ прочихъ мѣстахъ, т. е. въ Парижѣ, или гдѣ разсудится, ради окончанія при тамошнихъ училищахъ. 4) Для того, когда какіе коллегіи слушать и съ какимъ успѣхомъ въ томъ упражняться будутъ, обстоятельно въ медицинскую коллегію репортовать чрезъ каждую половинну года. 5) Профессорамъ и прочимъ учащимъ ихъ за ученіе платить, договораясь по обыкновеніямъ тамошнимъ, изъ получаемаго жалованья (опредѣленнаго по 400 р. въ годъ). 6) Кому отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ смотрѣніе они поручены будутъ, быть въ надлежащемъ послушаніи и содержать себя честно, наблюдая благопристойное поведеніе. 7) Впрочемъ по получаемымъ изъ медицинской коллегіи указамъ и ордерамъ чинить непремѣнное исполненіе и о чемъ надлежитъ, къ пользѣ ихъ ученія, представлять во оную коллегію не упуская времени, дабы въ потребномъ имѣла коллегія чинить вспоможеніе» (18 іюня 1775 года).

Молодые лѣкари и подлѣбари, посланные за границу для усовершенствованія, оставались тамъ отъ пяти до шести лѣтъ. Чѣмъ моложе былъ посылаемый лѣкарь и подлѣбарь, тѣмъ дольше обязанъ былъ учиться въ чужихъ краяхъ. Плодомъ этого ученія былъ докторскій дипломъ и печатная докторская диссертація. Но это еще не все. Иностранннй докторскій дипломъ, кѣмъ бы онъ ни былъ представленъ русскому медицинскому управленію—иностранннмъ докторомъ, искавшимъ права практики или службы въ Россіи, или русскимъ лѣкаремъ, претендовавшимъ на высшія медицинскія должности—непремѣнно подвергался повѣрѣѣ. Во времена архіатерства и медицинской канцеляріи повѣрочный экзаменъ производился физикатомъ, т. е. штатдъ-физикомъ съ лѣкаремъ и операторомъ «при физическихъ дѣлахъ».

На немъ не рѣдко бывалъ Кондонди и даже давалъ вопросы. Гораздо рѣже бывалъ архіатеръ Фишеръ, а прочіе архіатеры нивогда не присутствовали. Послѣ учрежденія коллегіи повѣрочный докторскій экзамень сдѣлался обязанностію членовъ коллегіи и производился въ самой коллегіи. Съ этого времени онъ нивогда уже не дѣлался однимъ лицомъ, а всегда нѣсколькими членами вмѣстѣ. Наконецъ бывали случаи, гдѣ повѣрочные экзамены производились въ генеральныхъ госпиталяхъ, и именно тогда необходимо было убѣдиться въ хирургическомъ искусствѣ экзаменующагося, какъ напримѣръ было при конкурсѣ на должность оператора или при испытаніи лѣвара Венедиктова въ производствѣ литотоміи. Всѣ эти экзамены были публичны, т. е. производились въ присутствіи всѣхъ лѣварей, служившихъ въ госпиталѣ.

Повѣрочные экзамены въ медицинской коллегіи были не дѣтвы, хотя можетъ быть и односторонны.

Извѣстія объ обстоятельности и строгости докторскихъ экзаменовъ въ медицинской коллегіи быстро разнеслись повсюду. Дошли они до императрицы. Баронъ Черкасовъ съ большимъ одобреніемъ пересказалъ ей подробности и значеніе испытаній въ коллегіи, какъ въ высшемъ ученomъ сословіи государства. Выслушавъ все это, императрица дала слѣдующій

Указъ коллегіи медицинской:

По установленію новому медицинскаго факультета, каковое состоитъ теперь въ государствѣ нашемъ подъ правленіемъ медицинской нашей коллегіи, нималая больше нужда не настоятъ, чтобъ кандидаты медицины производимы были черезъ экзамены въ университетахъ чужестранныхъ въ докторы сего факультета. И сего ради повелѣваемъ нашей коллегіи медицинской, по собственнымъ ея экзаменамъ, всѣхъ обучившихся сей наукѣ производить въ докторы медицины и давать на то каждому патентъ на пергаментѣ за рукою президента коллегіи съ приложеніемъ нашей печати.

Іюня 9 дня 1764 года. *Екатерина.*

Большая часть членовъ коллегіи не сочувствовала этому закону по привычкѣ въ старымъ обычаямъ. Казалось бы страннымъ, если бы архіатеръ Лестоку получилъ графскій титулъ отъ императрицы Елисаветы и онъ получилъ его отъ имени императора священно римской имперіи. Точно также казалось страннымъ, что русскій лѣваръ получить докторскій дипломъ въ Петербургѣ, а не въ Лейденѣ или въ Страсбургѣ.

Понятіе о докторскомъ дипломѣ тѣсно связано было съ понятіемъ объ университетѣ. И справедливо. Но такъ какъ въ московскомъ университетѣ медицинскій факультетъ былъ еще очень слабъ и не имѣлъ практическихъ курсовъ, между тѣмъ какъ преподаваніе въ школахъ при госпиталяхъ было уже полно и обширно, да и медицинская коллегія заключала въ себѣ дѣйствительныхъ представителей науки, то этой коллегіи и дано право докторскаго экзамена 27-ю годами раньше, чѣмъ предоставлено было московскому университету ¹⁾. Первымъ докторомъ медицины по экзамену въ медицинской коллегіи былъ Густавъ Ореусъ, получившій этотъ дипломъ съ большими трудностями отъ нежеланія нѣкоторыхъ членовъ коллегіи нарушить прерогативы иностраннаго докторства. Около 18 лѣтъ спустя подобнымъ же образомъ экзаменованъ былъ другой воспитанникъ русскихъ госпитальныхъ школъ Францъ Керестури, бывшій уже профессоромъ московскаго университета. Экзаменовался онъ въ Москвѣ и экзаменаторами были доктора Илья Рудкій, Генрихъ Фрезе, Іоакимъ Раушертъ и Осипъ Тимковскій, а вмѣсто докторской диссертациі представилъ латинскую рѣчь свою, читанную на актѣ въ университетѣ 28 іюня 1783 года, въ день восшествія Еватеріны II на престолъ: *De cognoscenda vita, ut intima corporis humani indoles clarius eluceat*. Признанъ докторомъ въ маѣ 1784 года. Да и напрасно члены коллегіи отказывались отъ права докторскаго экзамена, которымъ пользовались уже съ незапамятныхъ временъ. Они забыли, что почти ежедневно экзаменовали иностранныхъ докторовъ, желавшихъ поступить въ русскую службу сообразно съ этой ученою степеню. Существовалъ коренной законъ, обязывавшій каждаго иностраннаго врача, желавшаго практиковать или служить въ Россіи, выдержать повѣрочный экзаменъ въ медицинской канцеляріи. Нарушители этого закона не только не допускались въ службу, но и высылались за границу, какъ «эмпирики и шарлатаны». Къ сожалѣнію, законъ этотъ сталъ нарушаться во время безначалія медицинской канцеляріи, и это нарушеніе усиливалось, такъ что вызвало особый законъ: «Повелѣваемъ отъ нынѣ медицинской коллегіи наблюдать, писала императрица въ рескриптѣ на имя президента медицинской коллегіи Алексѣя Андреевича Ржев-

¹⁾ Московскому университету дано право докторскаго экзамена 29 сентября 1791 года.

скаго 17 марта 1784 года, чтобы лѣчение людей производимо было не иначе, какъ испытанными въ томъ врачами, отвращая всякій вредъ, который отъ таковыхъ называемыхъ эмпириковъ и шарлатановъ происходить можетъ, и для того всѣхъ, кои врачеваніе какое либо производятъ не имѣвъ позволенія отъ медицинской коллегіи, тотчасъ освидѣтельствовать въ ихъ знаніи, и впредь свидѣтельствовать; равнымъ образомъ дѣлать прилежныя испытанія и надъ лѣкарствами отъ таковыхъ выдаваемыми и присылаемыми, и тотчасъ о полезныхъ давать знать куда слѣдуетъ, вредныя-же запрещать. Еватерина».

Баронъ А. И. Черкасовъ управлялъ медицинскою коллегіею около двѣнадцати лѣтъ и уволенъ по прошенію съ чиномъ тайнаго совѣтника 10 іюля 1775 года). Онъ былъ въ то время съ дворомъ въ Москвѣ и тамъ же и въ тотъ же день назначенъ на его мѣсто тайный совѣтникъ, сенаторъ и камергеръ *Алексій Андреевичъ Ржевскій*. Новый президентъ увѣдомилъ о своемъ назначеніи будущихъ сочленовъ своихъ слѣдующимъ письмомъ изъ Москвы:

«Почтенные господа члены, государи мои, Сямъ имѣю честь предварительне увѣдомить васъ, государи мои, что Е. И. В. сего іюля 10 числа соблаговолить изволила, но просьбѣ его превосходительства барона А. И. Черкасова, отъ пресѣдательства въ медицинской коллегіи уволить, а меня опредѣлить на его мѣсто президентомъ въ упомянутую коллегію. Чего ради сямъ объявляя, имѣю честь себя рекомендовать въ вашу пріязнь и желаю заслужить вашу ко мнѣ истинную любовь. Дай Боже вообще намъ, яко сочленамъ единаго вѣреннаго намъ дѣла, успѣхъ и доброе согласіе, чего желаю отъ всего моего сердца, съ истиннымъ почитаніемъ и пр.».

Онъ управлялъ медицинскою коллегіею ровно десять лѣтъ, назначенъ къ присутствованію въ 4 департаментѣ сената и уволенъ отъ должности президента коллегіи по прошенію (17 мая 1785 года). При немъ учреждены казанскій медико-хирургическій институтъ, училище для акушеровъ подъ вѣдѣніемъ опекунскаго совѣта и елисаветградская госпитальная школа—такія учрежденія, которыя и возникли и существовали независимо отъ медицинской коллегіи, что противорѣчило инструкціи коллегіи и не могло бы быть допущено барономъ Черкасовымъ.

На мѣсто Ржевскаго, именнымъ указомъ даннымъ сенату 16 мая 1785 года, опредѣленъ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Андрей Осиповичъ Закревскій* исправляющимъ должность президента медицинской коллегіи, а членами ея были слѣдующія лица:

Исправлявшій должность президента, дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Осиповичъ *Закревскій*; члены: баронъ Георгъ Федоровичъ *Аиш*, статскій совѣтникъ и генераль штабъ-докторъ; Осма Трофимовичъ *Тихорскій*, старшій докторъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, коллежскій совѣтникъ; Савва Дементьевичъ *Горюхи*, докторъ артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, коллежскій совѣтникъ за урядъ; Иванъ Богдановичъ *Дольста*, докторъ с.-петербургскихъ департаментовъ сената, надворный совѣтникъ; Лаврентій Ефимовичъ *Варнека*, штабъ-лѣкаръ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, надворный совѣтникъ; Георгій Даниловичъ *Гамека*, операторъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя, штабъ-лѣкаръ и акушеръ, надворный совѣтникъ; Ученый секретарь докторъ *Рейнека*; Секретарь, провинціальный секретарь Иванъ *Даниловъ*.

Въ экономической канцеляріи:

Докторъ Станиславъ Станиславовичъ *Эли*, надворный совѣтникъ; въ должности директора штабъ-лѣкаръ Егоръ Матвѣевичъ *Леманъ*; Секретарь, надворный совѣтникъ Иванъ Яковлевичъ *Вомновъ* и коллежскій ассесоръ Николай *Авдѣевъ*.

Въ московской медицинской конторѣ:

Штабъ-физикъ, докторъ Юсифъ *Тимковскій*, надворный совѣтникъ; Секретарь, коллежскій ассесоръ Гаврило *Антоновъ*.

Управленіе А. О. Закревскаго было не совсѣмъ счастливо и подало поводъ къ преобразованію сначала президентской должности, а потомъ и всей коллежской организаціи. Онъ призванъ былъ исправить безпорядки и распутать счеты въ экономической канцеляріи коллегіи, но не распуталъ ихъ. Обозались растраты суммъ, передержки въ бюджетѣ, а виноватаго не отыскивалось. И дѣйствительно трудно было найти виноватаго, потому что виноватъ былъ самый штатъ коллегіи. Припомнимъ, какъ она была организована. Она раздѣлялась на два департамента, первый или ученый и второй или экономическій.

Въ первомъ всё дѣла рѣшались коллегіально, большинствомъ голосовъ. Во второмъ всё дѣла (денежныя или экономическія) рѣшались единолично директоромъ канцеляріи съ секретарями и утверждались единолично же президентомъ коллегіи. За спиною президента можно было дѣлать что угодно. А когда президентъ уѣзжалъ въ Москву или въ другія командировки со дворомъ, то директоръ экономической канцеляріи распоряжался суммами безконтрольно и безстрашно, имѣя полную возможность скрыть истину и растратить казенныя деньги. Вотъ образчикъ такого хода дѣлъ. Въ половинѣ января 1775 года императрица собиралась въ Москву и пригласила съ собою барона Черкасова. Уѣзжая, онъ далъ коллегіи приказъ подписывать бумаги дежурному члену, а экономическія дѣла поручилъ исполнѣ и единственно директору экономической канцеляріи надворному совѣтнику Ивану Варингу. вмѣстѣ съ этимъ онъ безусловно подчинилъ Варингу, кромѣ всѣхъ служащихъ въ канцеляріи, всѣхъ канцелярскихъ служащихъ въ коллегіи, всѣхъ солдатъ, равно какъ всѣхъ служащихъ въ медицинскомъ огородѣ и при инструментальномъ дѣлѣ. Въ Москву же приказалъ посылать къ нему только рапорты съ каждою почтою⁴⁾. При такомъ безусловномъ подчиненіи всѣхъ служащихъ одному лицу естественно было ожидать безгранично самоуправныхъ и самыхъ произвольныхъ дѣйствій со стороны этого лица. Такъ и было. Но баронъ Черкасовъ и сенаторъ Ржевскій были люди авторитетные и за ними экономическая канцелярія дѣлака что хотѣла, между тѣмъ какъ Закревскій или не хотѣлъ, или не умѣлъ смотрѣть своею пальцы на хозяйственные беспорядки коллегіи. Онъ принялъ на себя разобрать и исправить ихъ, но не могъ этого сдѣлать и оправдывался тѣмъ, что заваленъ дѣлами и не имѣлъ возможности всюду доглядѣть собственными глазами. Оправданіе принято, но должность президента коллегіи низведена на вторую ступень, а надъ нею поставлена должность *главнаго директора медицинской коллегіи* и вслѣдствіе этого состоялся слѣдующій именной указъ сенату: «Всемиловѣйѣше повелѣваемъ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику *Фонз Фитингофу* имѣть главную дирекцію надъ медицинскою нашею коллегіею вслѣдствіе чего какъ предсѣдающій, такъ и присутствующіе въ оной

⁴⁾ Члены коллегіи должны были собираться въ засѣданіе пр два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, отъ 10 до 12 часовъ дня.

ему подчинены быть должны. Помянутый дѣйствительный тайный совѣтникъ долѣ имѣть приложить всемѣрное стараніе, дабы со стороны той коллегіи все попеченіе ей подлежащее въ точности исполняемо было и дабы всѣ запущенныя по оной коллегіи шеты какъ наискоря въ окончанію приведены были, а покуда оныя окончены и въ исправности куда слѣдуетъ доставлены не будутъ, экономическая означенной коллегіи экспедиція имѣть остаться на половинномъ жалованьѣ, о чемъ въ подлежащей силѣ помянутому дѣйствительному тайному совѣтнику Фитингофу указъ отъ насъ данъ. 15 сентября 1788 года. - Екатерина».

Преемникомъ Закревскаго былъ тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, главный директоръ надъ народными училищами и президентъ медицинской коллегіи *Василій Николаевичъ Зиновьевъ*, опредѣленный въ эту должность именнымъ указомъ 26 октября 1794 года. Наконецъ послѣднимъ президентомъ медицинской коллегіи былъ сенаторъ тайный совѣтникъ *Николай Васильевичъ Леонтьевъ*. При этомъ нельзя не упомянуть, что при учрежденіи врачебныхъ управъ опредѣленъ былъ въ московскую медицинскую контору, въ качествѣ постоянного предсѣдателя и съ титуломъ вице-президента медицинской коллегіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Абрамъ Степановичъ Волковъ*. Основаніемъ опредѣленія его было то, что въ московской медицинской конторѣ не меньше дѣлъ, чѣмъ во врачебной управѣ, а между тѣмъ личный составъ ея очень былъ малъ и ограничивался двумя членами. Руководясь этой мыслью, А. С. Волковъ, тотчасъ по опредѣленіи своемъ, вошелъ съ представленіемъ о назначеніи въ московскую медицинскую контору штабъ лѣкаря надворнаго совѣтника *Дмитрія Павловскаго*, въ качествѣ третьяго члена ея, что и утверждено медицинскою коллегіею (10 августа 1797).

Главныхъ директоровъ медицинской коллегіи было только два. Объ одномъ изъ нихъ, И. Ф. фонъ-Фитингофѣ, выше упомянуто. Это былъ деспотъ, нетерпѣвшій ни возраженій, ни напоминаній о законѣ, потому что на него нѣкому было жаловаться, такъ какъ съ назначеніемъ его прекратились прямыя отношенія президента медицинской коллегіи съ императорскимъ величествомъ. О коллегіальномъ рѣшеніи дѣлъ, какъ бы они ни были спеціальны, забыто и думать. Фитингофъ по собственному произволу возводилъ медиковъ безъ экзамена въ доктора, въ профессора при училищахъ, и раздавалъ высшія мѣста и кафедры, хотя бы члены коллегіи признавали ихъ положительно не-

достойными. Самое обсужденіе дѣлъ коллегіальнымъ порядкомъ не дозволялось и рѣшеніе ихъ зависѣло отъ одной личной воли его. Да и самое поступленіе въ члены коллегіи происходило не по избранію императрицы изъ числа представленныхъ кандидатовъ, а по личному усмотрѣнію главнаго директора. Печальное было время, положившее начало тому разслабленію медицинскихъ учреждений, какое оказалось по смерти Екатерины II. Фитингофъ умеръ лѣтомъ 1792 года.

На его мѣсто избранъ императрицею тайный совѣтникъ и государственный казначей *Алексій Ивановичъ Васильевъ*, въ послѣдствіи баронъ и графъ российской имперіи. Определенъ онъ именнымъ указомъ 28 іюня 1793 года слѣдующаго содержанія: «Всемиловѣйшее повелѣваемъ нашему тайному совѣтнику Васильеву имѣть главную дирекцію надъ медицинскою нашею коллегіею; въ слѣдствіе чего какъ председающій, такъ и присутствующіе въ оной ему подчинены быть должны. Помянутый тайный совѣтникъ долъ имѣть приложить всемѣрное стараніе, дабы со стороны той коллегіи все опеченію ея принадлежащее въ точности исполняемо было.

Екатерина».

Графъ А. И. Васильевъ былъ прямою противоположностью Фитингофа. Обладая неограниченною довѣренностію Екатерины II и Павла I, и вмѣстѣ съ тѣмъ располагая всеми финансами имперіи, онъ вовсе не интересовался упражненіемъ личной своей административной власти, но съ дальновидностію государственнаго чловека заботился о развитіи и укрѣпленіи «медицинскаго факультета», какъ одной изъ функций государственной жизни. Любя медицину, заботясь объ успѣхахъ ея на русской почвѣ, онъ умѣлъ внушить часть любви своей Екатеринѣ и Павлу. Онъ искренно желалъ образованія и улучшенія медицинскихъ школъ при госпиталяхъ и воспользовался всей компетентностію медицинской коллегіи въ проведеніи и направленіи этого преобразованія. Случалось, что члены коллегіи не сходились въ мнѣніяхъ объ той или другой учебной мѣрѣ и онъ получалъ разногласныя представленія; въ такихъ случаяхъ онъ не бралъ на себя роли безапелляціоннаго судьи, а попеременно испытывалъ оба представленія и фактически удостовѣрялся и убѣждалъ самихъ совѣтниковъ въ преимуществахъ той или другой мѣры. Такимъ образомъ ему обязана Россія всеми тѣми успѣхами медицины, которые оказались въ началѣ нынѣшняго столѣтія и оправдали преобразовательныя усилія графа А. И. Васильева, создавшаго медико-хирургическую академію.

Штадтъ-физики въ Петербургѣ. По смерти П. З. Кондоиди медицинская канцелярія осталась безъ директора и сенатъ далъ указъ (15 сентября 1760) «имѣть въ оной присутствіе доктору Я. Лерхе впредь до указа». Избранъ былъ Лерхе по той причинѣ, что состоялъ тамъ штадтъ-физикомъ «и еще прежде чинилъ вспоможеніе въ правленіи по медицинской канцеляріи». Затѣмъ пошли событія своимъ чередомъ, а Лерхе все оставался штадтъ-физикомъ: и должность и обязанности ея нравились ему и были не безвыгодны.

Между тѣмъ въ русскую службу просился иностранный докторъ Доминикъ Крута (*Dominicus Joanni filius Crutta*). Онъ обратился къ императрицѣ чрезъ русскаго посла въ Варшавѣ, князя Михаила Никитича Волконскаго, и графъ. Панинъ не замедлилъ увѣдомить, что императрица, именованнымъ указомъ 25 сентября 1796 года, «пожаловала его штадтъ-физикомъ въ С.-Петербургѣ», съ жалованьемъ по 600 р. Ему дана инструкція, изъ которой видно, что онъ принять на службу единственно для эпидемій и долженъ считаться младшимъ петербургскимъ штадтъ-физикомъ, между тѣмъ какъ старшимъ оставался Лерхе. Замѣчательно при этомъ, что Крута не зналъ ни русскаго, ни нѣмецкаго языка, а зналъ только латинскій и французскій. Вотъ данная ему «*Инструкція*»:

1. Въ случаѣ болѣзней поварныхъ и приличивыхъ, а наипаче всякаго рода горячекъ гнѣющихъ съ сыпью и безъ сыпи, должны вы пособлять всѣмъ требующимъ отъ васъ вспоможенія, пользуя ихъ со всевозможнымъ раченіемъ, и для того если въ столицѣ какая нибудь злая зараза (отъ чего Боже сохрани) появится и когда за опасностію, чтобъ не распространить заразы, невозможно будетъ безъ разбору дать всякому врачу позволенія таковыхъ больныхъ пользоваться, вамъ должно имѣть попеченіе о нихъ.

2. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, какъ скоро вы о томъ увѣдомитесь, отREPORTОВАВЪ о томъ медицинской коллегіи, должны ожидать повелѣнія; но въ то время, когда вамъ случится пользоваться подобныиъ больныиъ, отъ общества тѣхъ людей, кои по своимъ должностямъ какимъ нибудь образомъ ко двору принадлежать, совѣмъ удаляться имѣете, такожъ и въ сумнительныхъ случаяхъ вамъ карантинъ, по силѣ ордеровъ, коиъ вы въ подобномъ случаѣ ожидать должны, будете держать.

3. Еслибы такія приличивыя болѣзни случились быть въ какомъ либо мѣстѣ за городомъ и медицинская коллегія заблагоразсудила бы туда послать врача, и вы для сего дѣла командированы будете потому, чтобъ другихъ докторовъ отъ ихъ должностей не отлучать безъ крайней нужды.

4. Въ случаѣ болѣзни старшаго штатдт-физика должно вамъ, по повелѣнію медицинской коллегіи, свидѣтельствовать по требованію присутственныхъ мѣстъ больныхъ, которые иногда для избѣжанія отъ суда больными притворяются и о томъ надлежащіе аттестаты давать.

5. Для вспоможенія въ вашей должности данъ вамъ будетъ одинъ лѣкарь, который отъ васъ зависѣть будетъ въ томъ, что касается до пользованія больныхъ и который для сего дѣла при васъ будетъ въ дорогахъ и вездѣ, гдѣ въ васъ нужда будетъ.

6. Если къ той инструкціи впредь по усмотрѣнію что, къ наилучшему успѣху, отмѣнено или прибавлено будетъ, и потому такожъ и по посылаемымъ изъ оной коллегіи указамъ, имѣете чинить непремѣнное исполненіе. Буде же что иногда въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, оное по вашей присягѣ должны содержать въ тайнѣ. Ноября 16 дня 1796 года Подписали Федоръ *Гарловъ* и секретарь Иванъ *Хоминскій* ».

Инструкція эта написана была кажется Пеккеномъ на нѣмецкомъ языкѣ и тотчасъ же переведена на французскій и на русскій; но ни въ французскомъ, ни въ нѣмецкомъ переводахъ нѣтъ послѣдняго (шестаго) пункта.

Докторъ Я. Лерхе умеръ въ мартѣ 1780 года. Крутта остался одинъ штатдт-физикомъ. Но онъ часто разъѣзжалъ по губерніямъ гдѣ появлялись какія либо повадныя болѣзни, а потому нуждался въ помощникѣ. Помощникомъ ему Фитингофъ избралъ младшаго доктора с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя Авима Крукенбергера (*Joachim Kruckenberg*), съ госпитальнымъ жалованьемъ (19 августа 1790). Но онъ скоро уволенъ отъ службы по прошенію (29 марта 1792) и на его мѣсто, въ помощь штатдт-физичу, определенъ докторъ Егоръ Еллизенъ (*Georg Ellisen*). Уволенъ былъ также и докторъ Крута; «за старостію» (9 марта 1797), съ пенсією, а Еллизенъ утвержденъ штатдт-физикомъ. Онъ былъ членомъ медицинской коллегіи и когда состоялся послѣдній штатъ ея (12 февраля 1799), то всѣ медицинскіе чины должны были занимать одну какую либо должность, а отъ всѣхъ другихъ отказаться. Выборъ должности предоставлялся самому служащему лицу. Еллизенъ тоже долженъ былъ избрать себѣ единственную должность и отказался отъ физиката, оставивъ за собою должность члена медицинской коллегіи. Въ то же время инспекторъ физиката Осипъ Каменецкій поступилъ также какъ и Еллизенъ. Открылись такимъ образомъ въ петербургскомъ физикатѣ двѣ вакансіи и на одну изъ нихъ—штатдт-физика—опре-

дѣленъ докторъ Иог. Егоръ Дошпельмайеръ, а на другую—инспектора физиката—докторъ Ермолай Неймейстеръ. Но Неймейстеръ просился въ Минскъ и получилъ мѣсто абушера тамошней врачебной управы, а на его мѣсто въ Петербургѣ поступилъ штабъ-лѣкаръ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Иосифъ Каменецкій. Наконецъ послѣднимъ штабт-физикомъ въ Петербургѣ въ прошломъ столѣтїи былъ (съ 1 мая 1799 года) профессоръ калнинскаго института и управлявшій учебною частію его надворный совѣтникъ Иванъ Форштейнъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ и съ жалованьемъ по 1000 рублей.

Замѣчательно здѣсь то любопытное обстоятельство, что 12 февраля 1799 года состоялся законъ, по которому ни одинъ медикъ не могъ занимать одновременно двухъ должностей и по этому закону переименованы и ограничены всѣ члены медицинской коллегіи; а 1 мая тогоже года Форштейнъ получаетъ три должности и никто не замечается о вопіющемъ нарушеніи только-что изданнаго закона.

Теперь два слова объ инспекторѣ физиката. Должность эта не вошла въ докладъ объ учрежденіи врачебныхъ управъ (19 января 1797 года) и установлена повидимому случайно, какъ будто для одного лица, въ ней предназначеннаго, но не воспользовавшагося ею. Произошло это вотъ какъ. Старшій докторъ рижскаго полеваго госпиталя баронъ Петръ фонъ-Беллинсгаузенъ переведенъ былъ медицинскою коллегіею на болѣе видное мѣсто, въ артиллерійскій корпусъ, въ Петербургъ; но артиллерійская экспедиція не приняла его, на томъ основаніи, что ей не откуда было взять денегъ на жалованье ему. Правда, предмѣстникъ его, докторъ Савва Горголи, получалъ у нея жалованье; но онъ получалъ его по штату артиллерійскаго генералитета 1763 года, а теперь, по новому штату полевой артиллеріи 12 марта 1797 года, доктора въ ней совсѣмъ не положено, почему Горголи и остался за штатомъ. Чтоже было дѣлать и куда дѣвать барона фонъ Беллинсгаузена? Подумавъ и погадавъ, коллегія постановила, что такъ какъ при с.-петербургской губерніи нѣтъ особаго инспектора госпиталей, аптекъ и лазаретовъ; что на основаніи высочайше конфирмованнаго 19 января 1797 года доклада коллегіи во всѣхъ губерніяхъ инспекторы врачебныхъ управъ имѣютъ особенную обязанность надсматривать за госпиталями, аптеками и медицинскими чинами по гражданской и воинской части, для чего и опредѣленъ въ Москвѣ, въ медицинской конторѣ особый членъ, а въ

здѣшней с.-петербургской губерніи въ таковой должности никто не опредѣленъ и при нынѣшнемъ умноженіи дѣлъ сей коллегіи вступаютъ въ оную между прочимъ такого рода бумаги по здѣшней губерніи, коихъ рѣшеніе легко бы могло быть предупреждено особо для того опредѣленнымъ инспекторомъ, которой бы по инструкціи данной врачебнымъ управамъ всю въ здѣшней губерніи врачебную часть вѣдалъ, лично обозрѣвалъ и удовлетворялъ требованіямъ по долгу своему, давая отъ себя уже по своей должности во всемъ отчетъ медицинскои коллегіи. На основаніи сего ежели кто въ сей должности опредѣленъ будетъ, то коллегія можетъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о состояніи здѣшнихъ госпиталей, лазаретовъ и аптекъ, и объ успѣхѣ медицинскихъ чиновъ въ исправленіи должностей и болѣе времени на исправленіе важнѣйшихъ дѣлъ. Почему за нужное находить опредѣлить въ должность сію доктора барона Петра фонъ Беллинсгаузена, известнаго коллегіи по усердной службѣ и достоинствамъ его, съ тѣмъ чтобы онъ, присутствуя въ физикатѣ медицинскои коллегіи обще съ штатдт-физикомъ, какъ по физикату, такъ и особо по здѣшней губерніи дѣла врачебной части вѣдалъ и исправлялъ, на что учинитъ особое наставленіе относительно его должности по физикату (31 мая 1798 г. ¹).

По докладу барона Васильева объ этомъ предметѣ состоялся слѣдующій рескриптъ императора Павла:

„Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Васильевъ.

«По примѣру опредѣленныхъ въ губерніяхъ при врачебныхъ управахъ инспекторовъ, повелѣваемъ и здѣсь въ столицѣ при медицинскои коллегіи особаго изъ медицинскихъ чиновъ для надзиранія за госпиталями, аптеками и медицинскими чянами по гражданскои части, съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ; на которое мѣсто опредѣлить отъ медицинскои коллегіи, кого за способнаго признаетъ, съ произвожденіемъ ему выше упомянутаго жалованья изъ медицинскихъ доходовъ.»

«Павелъ»

Въ Павловскомъ, іюня 28 дня 1798 года.

Объявляя этотъ законъ, баронъ Васильевъ дополнилъ его своимъ распоряженіемъ (письмомъ на имя президента коллегіи Зиновьева),

¹) Жалованье по 800 р. и особия разъѣздныя деньги назначались изъ суммъ отставившихся отъ некомплекта врачей въ губерніи.

чтобы надзоръ инспектора физиката распространялся и на военные госпитали, вромѣ гвардейскихъ полковъ.

И такъ дѣло было сдѣлано и баронъ Беллингаузенъ пристроенъ. Но не надолго. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцовъ, какъ Беллингаузенъ сталъ настойчиво просить другаго мѣста, преимущественно въ остзейскихъ провинціяхъ и лучше всего въ Ревелѣ. Вакансій тамъ не было, но этимъ не затруднились: медицинская коллегія составила постановленіе о назначеніи доктора Беллингаузена старшимъ докторомъ ревельскаго морскаго госпиталя, и объ опредѣленіи тамошняго старшаго доктора Юстуса Вальтера (*Justus Samuel Walther*) инспекторомъ эстляндской врачебной управы (въ октябрѣ 1798). Но Вальтеръ на отрѣзъ отказался уступить кому либо свое мѣсто. Дѣлать было нечего; медицинская коллегія еще разъ перемѣнила свое постановленіе и опредѣлила (4 ноября 1798) Беллингаузена инспекторомъ эстляндской врачебной управы, а штабъ-лѣкаря Іосифа Камеенецаго инспекторомъ с.-петербургскаго физиката (28 октября 1798).

Членами с.-петербургскаго физиката или помощниками доктора «у физическихъ дѣлъ» послѣдовательно были штабъ-лѣкари Христіанъ Эгиди (1739—1747), Георгъ Самуиль Польманъ и помощники его Іеремія Штовесъ (1760), *Іог. Gotthelf Scharft* (1760), Эрнестъ Фридрихъ Рунге, Густавъ Орреусъ (1762), Яковъ Фаваць (1763), Андрей Берманъ съ двумя помощниками его, Іоганномъ Фридрихомъ Лаакманомъ и Евсеіемъ Смирницкимъ (1769—1771), Іог. Цыгенбейцъ (1770), Антонъ Абрамовичъ Будаговъ (1774) *Georg Magnus Moliator* (1788) и Иванъ Гриневаіскій (1780).

Московскіе штатдѣ-физики. Штатдѣ-физикъ В. Гевиттъ уволенъ отъ службы по прошенію и на его мѣсто просился и опредѣленъ докторъ московской дивизіи баронъ Петръ Ашъ (2 февраля 1764). Московская медицинская контора какъ бы обновилась по штату 28 января 1764 года: старые секретари ея, коллежскіе ассесоры Василій Правдинъ и Василій Богдановъ остались за штатомъ. Но Ашъ, пробывъ на этомъ мѣстѣ ровно годъ, сталъ проситься въ отставку по болѣзни, представилъ даже свидѣтельство о болѣзни, подписанное докторами Кулеманомъ и Эразмусомъ и (21 марта 1765) уволенъ съ абшитомъ. Послѣ него опредѣленъ докторъ Оренбургскаго корпуса Андрей Риндеръ. Онъ не скоро доѣхалъ изъ Оренбурга до Москвы и только 5 августа 1765 вступилъ въ должность. На время его отсутствія завѣдывалъ физикатомъ штабъ-лѣкарь Никита Ножевицковъ,

съ обязательствомъ призывать, въ случаѣ нужды, для совѣта по очереди одного изъ докторовъ проживающихъ въ Москвѣ. На долю Риндера выпала горькая память—не признать страшной московской чумы, истребившей полъ-Москвы. Другой врачъ, служившій въ то время при московской полиціи, наблюдалъ эпидемію весьма близко и впоследствии весьма подробно описалъ ее. Этотъ врачъ былъ докторъ Густавъ Орреусъ. Онъ же и опредѣленъ былъ (15 октября 1772) штабтъ-физикомъ на мѣсто Риндера. Къ сожалѣнію, Орреусъ не считывалъ оставаться долго на службѣ и по слабости здоровья уволенъ отъ службы съ абшпитомъ (18 іюля 1776 года), а на его мѣсто назначенъ другой близкій наблюдатель московской чумы, старшій докторъ московскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя коллежскій совѣтникъ Афанасій Филимоновичъ Шафонскій (18 іюля 1776): Онъ прослужилъ тутъ пять лѣтъ, и это была послѣдняя его медицинская служба. У него было въ Петербургѣ казое-то гражданское дѣло въ третьемъ департаментѣ сената, потребовавшее личнаго его присутствія. Взявши отпускъ на 29 дней, онъ поѣхалъ (въ іюлѣ 1781) въ Петербургъ, передавъ «физическія дѣла» госпитальному доктору Раушерту и совѣтнику Гауптфогелю. Но срокъ отпуска кончился, а Шафонскій не возвращался. Только черезъ три мѣсяца полученъ указъ медицинской коллегіи съ извѣщеніемъ, что правительствующій сенатъ опредѣлилъ (8 октября 1781) Шафонскаго совѣтникомъ уголовнаго суда въ учреждавшемся тогда черниговскомъ намѣстничествѣ.

На его мѣсто штабтъ-физикомъ назначенъ докторъ московской дивизіи Іосифъ Тимофѣевичъ Тимковскій (въ ноябрѣ 1781 года). Казалось бы дѣло обыкновенное, а вышла цѣлая исторія. И. Ф. Фитингофъ не любилъ русскихъ медиковъ, потому что съ ними необходимо объясняться порусски, а онъ незнакомъ былъ съ этимъ языкомъ. А доктора Іос. Тимковскаго ненавидѣлъ онъ вдвое: и какъ русскаго, и какъ человѣка независимаго, уважаемаго коллегією. И вотъ является на сцену штабъ-лѣбаръ Христіанъ Ростъ. Этотъ штабъ-лѣбаръ Ростъ, нѣмецъ по фамиліи, русскій по рожденію, учился въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, кончилъ подлѣбаремъ, служилъ въ полкахъ и наконецъ произведенъ въ штабъ-лѣбаря и получилъ мѣсто при московской командѣ вѣдомства конторы строенія домовъ и садовъ, отсюда наконецъ уволенъ отъ службы за старостью (25 января 1787). Съ тѣхъ поръ прошло два съ половиною года и исторія службы Роста забылась, такъ какъ вовсе не

относилась къ службѣ штатдт-физика Тимковскаго. Но въ послѣдствіи связь между ними обнаружилась: Фитингофу хотѣлось столкнуть Тимковскаго и замѣстить Ростомъ. И поступили вотъ какъ: Ростъ подалъ просьбу о принятіи его опять на службу, въ спокойное мѣсто, чтобы воспитать четырехъ сыновей (26 іюля 1789), а Фитингофъ по этому прошенію далъ медицинской коллегіи слѣдующее предложеніе (7 октября 1789): «Какъ надворный совѣтникъ, штабъ-лѣкаръ Крестьянъ Ростъ, по извѣстному его въ продолженіи долговременной службы оказанному достоинству и по врачебному его характеру и добрымъ свойствамъ, заслуживаетъ о себѣ вниманія, того для, на основаніи высочайшаго Е. И. В. указа 14 февраля нынѣшняго 1789 года ¹⁾, принимаю я его по надобности въ московскую генеральную госпиталь, а медицинской коллегіи предлагаю о учиненіи съ нимъ о бытіи ему при томъ госпиталѣ для служенія на 4 гѣда контракта, и потомъ опредѣленія на воихъ кондиціяхъ онъ согласился, чтобы жалованья по 400 р. въ годъ выдавалось изъ суммъ медицинской коллегіи. И поелику медицинская контора въ разсужденіи зависимой отъ ея должности великихъ отправленій, ибо снабденіе всѣхъ почти отдаленныхъ аптекъ потребнымъ во врачеванію для арміи и прочихъ корпусовъ отъ ея попеченія, а потому требуетъ, овромѣ нынѣ находящихся въ оной присутствующихъ, таковой репутаціи чловѣка, каковой есть выше означенный штабъ-лѣкаръ надворный совѣтникъ Ростъ, дабы миновать всѣхъ таковыхъ подобныхъ слѣдствій, каковы во время дирекціи моей могли, въ крайнему удивленію, случиться, что отправленные въ нѣкоторые мѣста конторою матеріалы, медикаменты и припасы, нѣкоторые слишкомъ медлительно въ дорогѣ, а другіе и совсѣмъ неизвѣстно гдѣ находились, а таковое обстоятельство не малую потерю казнѣ наносить. Того для реченный штабъ-лѣкаръ Ростъ имѣетъ и присутствовать въ медицинской конторѣ ²⁾. А какъ штатдт-физикъ, состоящій при оной, Тимковскій, удрученъ будучи старостью и слабостью здоровья, не въ силахъ соответствовать далѣе такъ, какъ важность должности его требуетъ, и во отправленіяхъ дѣль по конторѣ, и въ на-

¹⁾ Указъ о приглашеніи лѣкарей въ службу по военному времени.

²⁾ По истеченіи контрактнаго срока штатдт-лѣкаръ Ростъ опять принять въ службу на 4 года, но уже не въ медицинскую контору, а въ московскій госпиталь (20 октября 1793) и только съ 20 февраля 1795 опять сталъ присутствовать въ московской медицинской конторѣ.

звраніи аптекъ, какъ городской есть физикусъ, сего ради учинить опредѣленіе о бытіи ему, Тимбовскому, въ ревельскомъ полевомъ госпиталѣ, гдѣ онъ должность отправлять еще можетъ, а состоящаго при оной д-ра Вальтера въ тамошнюю морскую, коей д-ръ Гернетъ просить отъ службы увольненія. Впрочемъ на мѣсто Тимбовскаго нуженъ человекъ радѣтельный, извѣстныхъ достоинствъ, каковыхъ свойствъ и нахожу у генеральнаго штабъ-доктора Франція: то предписать ему увазомъ, чтобъ онъ, какъ войски далѣе походомъ останоятся и вступятъ на зимовыя квартиры, чтобы препоручилъ должность свою изъ старшихъ по себѣ извѣстныхъ докторовъ и отправился бы въ такомъ случаѣ въ Москву, гдѣ онъ поступить присутствующимъ и городовымъ физикомъ».

И такъ все дѣло состояло въ томъ, чтобы замѣнить одного доктора другимъ: но въ чему же вводится пѣлая исторія о достоинствахъ Роста? Къ чему ссылка Тимбовскаго въ Ревель, безъ его согласія и въ чему ворчанье на безпорядки, безъ указанія средствъ и способовъ исправить ихъ? Не въ тому ли, чтобы большіе уволотъ Тимбовскаго. Медицинская коллегія исполнила всё предложенія—на бумагѣ, но не легко было исполнить ихъ на дѣлѣ. Докторъ Альфонсъ Франція находился въ украинской арміи графа Румянцова и не могъ скоро возвратиться оттуда. А Тимбовскій не поѣхалъ въ Ревель и кажется вышелъ въ отставку.

Докторъ А. Франція не очень дорожилъ должностію штабтѣ-физика и перешелъ изъ московской медицинской конторы сперва въ кронштадтскій адмиралтейскій (22 мая 1794), а потомъ въ московскій генеральный сухопутный госпиталь (17 марта 1796) старшимъ докторомъ.

Послѣ него мѣсто штабтѣ-физика въ Москвѣ дано было доктору Фридр. Христіану Зандену, служившему передъ тѣмъ въ оренбургскомъ корпусѣ. При немъ инспекторомъ физиката служилъ Дмитрій Павловичъ Павловскій, а гражданскимъ членомъ бывший секретарь надворный совѣтникъ Гавріилъ Антоновъ, между тѣмъ какъ Леманъ остался за штатомъ.

Членами московскаго физиката, или московской медицинской конторы, были Барль Тиманъ, Дмитрій Павловскій (инспекторъ), Денисъ Понырза, Барль Гауптфогель, Егоръ Матвѣевичъ Леманъ, Христіанъ Ростъ и Христіанъ Андреевичъ Цемшъ (1797).

Упомянувъ о врачебныхъ управахъ, нельзя не остановиться на

этихъ любопытныхъ учрежденіяхъ. Врачебныя управы перенесены къ намъ изъ Пруссіи и вполнѣ неудачно. По задачѣ своей онѣ могли бы быть желательнымъ и прекраснымъ учрежденіемъ, а въ дѣйствительности оказались лишнимъ бременемъ для народа и лишнею канцеляріею для новаго рода чиновниковъ. Не отъ того ли это произошло, что первоначально законодатель имѣлъ въ виду совсѣмъ не то, что должно было выйдти изъ переноса прусскаго учрежденія на русскую почву. Императоръ Павелъ желалъ только, «дабы для лучшаго наблюденія за аптеками и госпиталями, и вообще что относится до врачеванія и содержанія больныхъ, дабы оное въ надлежащей точности и исправности нахѳдилось, учреждены были особыя изъ медицинскихъ чиновъ инспекторы, которые бы не одну воинскую, но и гражданскую часть по сему предмету надзирали». Мысль императора, буквально здѣсь приведенная, объявлена барономъ Васильевымъ въ предложеніи медицинской коллегіи 27 декабря 1796 года, и въ дополненіи къ этому предложенію предписывалось возложить главный надзоръ за госпиталями на президента медицинской коллегіи (тайнаго совѣтника Зиновьева). Во всемъ этомъ распоряженіи и намекъ нѣтъ на что либо подобное врачбнымъ управамъ. И вдругъ, чрезъ какіе либо двадцать дней является скороспѣлый докладъ объ учрежденіи управъ и инструкція имъ, высочайше утвержденная 19 января 1797 года. Очевидно, составители доклада и инструкціи увлеклись внѣшнею грандіозностью придуманнаго ими учрежденія, увлекли за собою и законодателя, но не вдумались въ сущность дѣла и въ способъ его осуществленія. Этимъ объясняется и то, что первое укмплектованіе управъ произведено было самымъ безразборчивымъ способомъ: для наполненія ихъ брали всякаго штабъ-лѣваря, какой попадался подъ руку, не разбирая, понимаетъ ли онъ свое назначеніе. Казалось бы, для осуществленія призванія управъ слѣдовало избрать лучшихъ людей, принявъ какою либо критерій для оцѣнки какъ того, понимаетъ ли членъ управы свою задачу, такъ и того, способенъ ли онъ выполнить ее: между тѣмъ ничего этого и въ поминѣ нѣтъ. Первое укмплектованіе врачбныхъ управъ совпало съ укмплектованіемъ городовъ медиками, и что же—лучшія медицинскія силы направились не въ управы, а въ города. Напротивъ, всѣ управы (за весьма рѣдкими исключеніями) наполнены были штабъ-лѣварями и въ томъ числѣ заурядными, т. е. получившими это званіе единственно за долговременную службу; а мы знаемъ низкій уровень медицинскаго

образованія штабъ-лѣкарей въ концѣ прошлаго столѣтїя, большею частію ограничивавшіяся программю подлѣкарей. Отчего въ спискѣ первыхъ членовъ управъ не встрѣчается ни одного маломальски авторитетнаго имени? И важнымъ образомъ могли быть подчинены управамъ этого состава всѣ безъ исключенія медики, практиковавшіе въ губерніяхъ. Очевидно отъ того, что управы съ самаго начала предназначены были въ чиновнической и исключительно канцелярской дѣятельности. А въ этомъ то и состояла главная ошибка въ организаци ихъ. Впрочемъ, чѣмъ онѣ были и чѣмъ могли бы быть по данной имъ инструкціи—высказано нами въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

Послѣднимъ преобразованиемъ медицинскои коллегии съ подвѣдомственными ей учрежденіями было то, которымъ медицинскія училища при генеральныхъ госпиталяхъ преобразованы были въ двѣ медико-хирургическія академіи. Оно опредѣлено обширнымъ докладомъ главнаго директора медицинскои коллегии барона А. И. Васильева, высочайше утвержденнымъ 12 февраля 1799 года²⁾. Докладъ этотъ такъ важенъ для исторіи русскаго медицинскаго образованія, что приводится здѣсь почти во всей полнотѣ его. Самъ императоръ Павелъ Петровичъ считалъ это преобразование такъ важнымъ, что на другой же день послѣ утвержденія доклада, въ 13 день февраля 1799 года, изъяснилъ барону Васильеву, въ особомъ рескриптѣ на его имя, «монаршее благоволеніе и признательность за вѣрность, усердіе и дѣятельность въ исправленіи должности, на него довѣренностію Е. И. В. возложенной».

1. По новому штату медицинская коллегія раздѣлена была на 5 отдѣленій, а именно: дѣла по медицинскому факультету, принадлежащія собственно къ учености, относились по прежнему въ вѣдѣнію ученаго секретаря и слѣдовали къ *1-му отдѣленію*. Ко *2-му отдѣленію* относились дѣла по генеральнымъ сухопутнымъ и морскимъ госпиталямъ, запасному магазину аптекарскихъ матеріаловъ, по вазеннымъ главнымъ, полевымъ и морскимъ аптекамъ и инструментальнымъ заводамъ, медико-хирургическимъ академіямъ, институту, учрежденнымъ на аптекарскомъ островѣ училищу и типографіи, по ре-

1) См. *Очерки изъ исторіи русскіихъ медицинскіихъ учреждений XVIII столѣтія*, Я. Чистовича, 1870, стр. 46.

2) *Полное собраніе законовъ*, XXV. 18,854.

венной комиссіи въ иркутской губерніи, опредѣленіе чиновъ и служителей на эти мѣста, по ботаническимъ и медицинскимъ садамъ, дозволеніе по экзаменамъ практики медицинскимъ чинамъ и повивальнымъ бабкамъ, свидѣтельство и испытаніе аптекарскихъ матеріаловъ и другихъ веществъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи коллегіи и изъ другихъ мѣстъ для того присылаемыхъ. *Къ 3-му отдѣленію* по арміи и флоту съ воинскими лазаретами и полковыми аптеками и опредѣленія въ оныя медицинскихъ чиновъ. *Къ 4-му* по гражданской врачебной части, съ больницами и партикулярными аптеками и опредѣленіе по городамъ медицинскихъ чиновъ. И *къ 5-му отдѣленію* дѣла общихъ постановленій и распоряженій для самой медицинской коллегіи, экономическихъ экспедицій и медицинской конторы, опредѣленіе въ сіи мѣста къ должностямъ чиновъ и прочихъ служителей, опредѣленіе медицинскихъ чиновъ въ обѣихъ столицахъ къ мѣстамъ и разнымъ командамъ, не зависящимъ отъ губернскихъ и городскихъ правленій, производство въ медицинскіе и статскіе чины, опредѣленіе пенсіоновъ и единовременныхъ денежныхъ награжденій и веденіе формулярныхъ о службѣ списковъ всѣмъ чинамъ и служителямъ вѣдомства медицинской коллегіи.

По тому же докладу постановлено: «въ коллегіи быть членамъ, управленіями другихъ мѣстъ вовсе не занимающимся, назначивъ каждому изъ нихъ по одному своему мѣсту выгодное жалованье, какое они донныѣ получали занимая два штатныя мѣста.» По штату опредѣлено 6 такихъ членовъ, а на лицо было 9 членовъ и изъ нихъ только одинъ (старшій, баронъ Г. Ашъ) не имѣлъ побочной должности, а нѣкоторые занимали по два и по три мѣста. По новому закону ихъ спросили, кто желаетъ остаться членомъ коллегіи, отказавшись отъ другихъ мѣстъ, и наоборотъ кто желаетъ отказаться отъ коллегіи и остаться при другомъ мѣстѣ, разумѣется въ томъ и другомъ случаѣ съ прежнимъ жалованьемъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ изъявили желаніе Ашъ, Карпинскій и Саполовичъ—остаться старшими членами коллегіи, а Виень, Елизвентъ и Каменецкій—младшими; напротивъ отказались отъ засѣданія въ коллегіи Тихорскій, Бьюрбергъ и Винтерберггеръ и остались на другихъ своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ членами коллегіи остались: баронъ Г. Ашъ, Н. Карпинскій, Я. Саполовичъ—старцами, и надворные совѣтники, Виень, Е. Елизвентъ и Юс. Каменецкій, и съ ними ученый секретарь

Базилевичъ ¹⁾. Распределение это высочайше утверждено 4 апрѣля 1799 года.

Но затѣмъ явилась другая забота. При распределеніи членовъ коллегии, три профессора и можно сказать лучшіе профессора (Карпинскій, Салоловичъ и Базилевичъ), отвлечены были отъ медико-хирургической академіи—кто же замѣнить ихъ? Хотя медицинская коллегія, говорилось въ постановленіи ея, и не имѣетъ сомнѣнія въ способностяхъ и знаніяхъ ихъ адъюнговъ, тѣмъ болѣе что адъюнты обязаны продолжать преподаваніе до конца учебнаго года подъ наблюденіемъ и руководствомъ самихъ профессоровъ; однакоже чтобы болѣе удостовѣриться въ знаніяхъ и лучше видѣть способности ихъ принять на себя столь важныя обязанности, какъ о томъ пространно изъясняется въ 5 пунктѣ высочайше утвержденного доклада, и отвѣтственно тому опредѣлительно положить, кому слѣдуетъ быть адъюнтъ-профессорами, коллегія признала нужнымъ назначить каждому изъ нихъ пробную лекцію въ тѣхъ наукахъ, кои въ преподаванію имъ поручены. Постановленіе это утверждено и было исполнено.

2. По новому штату, сенатскими указами 7 и 9 марта 1799 года, опредѣлены: правителемъ канцеляріи бывшій секретарь надворный совѣтникъ Иванъ Мироновичъ, секретарями Андрей Брыжановскій и Федоръ Яковлевъ и въ должности протоколиста Иванъ Даниловъ. Въ экспедиціяхъ товарищами отставные капитанъ-поручики лейбъ-гвардіи, въ экономической внязь Дмитрій Урусовъ и въ счетной Александръ Дубянкскій. Наконецъ въ московской медицинсой конторѣ присутствующимъ изъ статскихъ чиновъ надворный совѣтникъ Антоновъ и секретарь коллежскій секретарь Осипъ Веверъ.

Правителю канцеляріи дана, между прочимъ, слѣдующая *инструкція*: 1) Правитель канцеляріи каждую бумагу, вступившую въ коллегію, долженъ прочесть, а потомъ дать кому слѣдуетъ приказаніе о приготовленіи надлежащихъ свѣдѣній и справокъ, нужныхъ при докладѣ въ присутствіи. 2) Сочиняемые секретарями журналы, протоколы и дѣлаемые справки, прежде подписанія президентомъ и членами, надлежитъ правителю пересмотрѣть, а важнѣйшія и вѣщаго вниманія требующія дѣла самъ сочинять обязанъ. 3) При докладѣ въ

¹⁾ Этотъ ученый секретарь былъ первый, опредѣленный на эту должность по избранію членовъ, а не по назначенію.

присутствіи, когда востребуется къ дѣлу объясненіе, правитель объяснять долженъ существо онаго. 4) Поелику всякая медленность или упущеніе, въ письменномъ производствѣ встрѣчающееся, лежитъ на собственномъ отчетѣ правителя, а потому строго взыскивать оныя долженъ съ подчиненныхъ ему секретарей и прочихъ канцелярскихъ служителей, дабы письменныя дѣла отправлялись съ надлежащею точностію, ясностію и возможною скоростію. 5) Кромѣ того что правитель канцеляріи долѣнъ имѣть пересмотрѣть проектъ журнальнаго опредѣленія, обязанъ также крѣпить изготовленные Е. И. В. доклады, донесенія въ правительствующій сенатъ, представленія въ главному надъ медицинскою коллегіею директору, сообщенія, идущія на знатныя лица, департаментами управляющіе, указы въ медицинскую контору и въ почетнымъ членамъ и вновь сочиняемыя постановленія. 6) Въ случаѣ нужды правитель можетъ отдѣлять потребное письмо канцелярскихъ служителей изъ одной части къ той, гдѣ болѣе работы будетъ. 7) Экзекуторъ, секретари и нижніе приказные служители, находящіеся при обѣихъ экспедиціяхъ, требованія правителя канцеляріи по казеннымъ дѣламъ обязаны выполнять въ самой точности и безъ малѣйшаго промедленія. Инструкція эта, по разсмотрѣніи въ коллегіи 14 марта 1799, представлена на утвержденіе барона Васильева и утверждена имъ. *Постановленіе коллегии 28 февраля 1799 года.* Въ немъ говорится: въ 1 пунктѣ о назначеніи штабъ-лѣкаря А. Павловскаго инспекторомъ московскаго физиката, а Лемана объ оставленія за штатомъ; а во 2 пунктѣ—о томъ, что всѣ чины канцеляріи въ коллегіи представлены къ утвержденію на мѣстахъ ихъ.

3. По тому же штату постановлено имѣть *инспектора* для наблюденія за поведеніемъ и нравственными качествами учащихъся, также эконома и другихъ чиновниковъ; но коллегія постановила (28 февраля 1799) опредѣлить ихъ тогда, когда устроится общее зданіе для жилища ихъ.

4. Поелику на аптекарскомъ островѣ устроена уже *типографія* въ каменномъ зданіи, то какъ о числѣ людей, нынѣ при ней находящихся, такъ и о денежныхъ издержкахъ и доходахъ предоставить учинить экономической экспедиціи разсмотрѣніе и по соображеніи доходовъ съ расходами сдѣлать прочное положеніе, на основаніи коего имѣла бы типографія общую пользу и казенную выгоду.

5. Хотя находящагося при кронштадтской хирургической шволѣ

профессора Рингебройга, подлѣварей и учениковъ съ повнаніемъ словесныхъ наукъ, надлежало бы теперь же перемѣстить въ медико-хирургическую академію: но въ разсужденіи настоящей нужды при кронштадтскомъ госпиталѣ въ помощникахъ, пока назначаемые изъ госпитальныхъ школьниковъ фельдшеры обучены будутъ своему дѣлу, до того времени оставить какъ профессора, такъ и обучающихся при помянутомъ госпиталѣ, дабы болящіе не могли оставаться безъ надлежащей помощи. А какъ по новому штату положены при кронштадтской госпитали младшіе и старшіе ученики и фельдшеры, а при с.-петербургскомъ и московскомъ госпиталяхъ одни старшіе и младшіе фельдшеры, то для выбора учениковъ на тѣ мѣста при первой госпитали отрядить двухъ членовъ коллегіи, а при послѣднихъ препоручить такой выборъ госпитальнымъ конторамъ. Между тѣмъ же немедленно сдѣлать положеніе, чему именно обучаемы быть должны ученики кронштадтскаго госпиталя и фельдшеры.

6. Изъ дѣлъ явствуетъ, что на основаніи предложенія г. главнаго директора для обученія дѣтей учреждено на аптекарскомъ островѣ училище и нужное число учителей уже назначено и препорученъ надъ тѣмъ присмотрѣ переводчику коллежскому секретарю Парпурѣ; но чтобы отъ сего учрежденія могла происходить дѣйствительная польза, нужно постановить твердыя правила и ввести въ ономъ ученіе, сему предмету соотвѣтственное, опредѣляя нужное количество денежной суммы на содержаніе тѣхъ учениковъ, кои по экзамену окажутся отличныхъ успѣховъ и прилежности въ ученію.

7. Поелику соединеніе госпитальныхъ учениковъ должно быть исполнено въ то время, когда предположенное зданіе для общаго ихъ жилища совершится, въ устроенію котораго и приступъ уже сдѣланъ, а потому и денежную сумму на содержаніе учениковъ ежегодно поддерживать отъ военной и адмиралтейской коллегій тогда истребовать.

8. Въ число штатныхъ полевыхъ аптекъ положить Бавказскую, Оренбургскую, Рижскую, Лубенскую, Смоленскую и состоящую въ Гроднѣ; сверхштатными: Варасубазарскую, крѣпости св. Дмитрія и Полонную. Почему послѣднія состоять должны на прежнихъ окладахъ жалованья, аптекарскимъ чинамъ назначеннаго. Притомъ по положенію годовыхъ окладовъ, опредѣленныхъ въ новомъ штатѣ при аптекахъ, медицинскихъ садахъ и заводахъ хирургическихъ инструментовъ распредѣлять должно и людей, здѣсь съ разсмотрѣнія и одобре-

нія медицинскої коллегіи, въ Москвѣ—медицинскої конторы, а не губерніямъ чрезъ врачебныя управы. Прочія же статьи, относящіяся въ хозяйственной части, предоставить распоряженію экономической экспедиціи, о чемъ, равно какъ и о представленіи на старшіе оклады лѣбарей при госпиталяхъ, сдѣлать предписаніе куда слѣдуетъ.

ГЛАВА XX.

Медицинская практика и медицинскія учрежденія въ XVIII столѣтіи.

Неодинаково лѣчились русскіе люди до учрежденія медицинскої школы въ Россіи. Царское семейство и высшіе чины двора лѣчились у иностранныхъ докторовъ и лѣбарей и никогда не нуждались въ средствахъ на случай болѣзней. Со времени учрежденія аптекарскаго приказа, и можетъ быть еще раньше его, при московскомъ дворѣ всегда было больше докторовъ, чѣмъ сколько нужно было для потребностей двора. За лѣбарствами тоже не останавливалось дѣло: онѣ выписывались изъ чужихъ краевъ, большею частію вмѣстѣ съ докторами. Въ началу XVIII вѣка тамъ видимъ уже правильно организованныя двѣ казенныя аптеки: одну верхнюю или главную и другую нижнюю или городскую. Аптеки эти снабжались особымъ ежегоднымъ бюджетомъ, т. е. особыми суммами изъ податныхъ сборовъ въ Ижорской губерніи въ селѣ Измайловѣ и приписной Игжельской волости. А съ перемѣщеніемъ столицы въ С.-Петербургъ число казенныхъ аптекъ въ столицахъ удвоилось и явились попытки учрежденія частныхъ или вольныхъ аптекъ въ провинціальныхъ городахъ.

Другіе русскіе люди, люди не богатые, темные, мало образованные и въ особенности «простой народъ» совсѣмъ не лѣчились и даже боялись нѣмецкаго лѣченія. Не то чтобъ они не хворали и не нуждались въ помощи при болѣзняхъ: но помощь лѣчебная понималась ими особннымъ способомъ, помимо иновемныхъ лѣбарей, частію не доступныхъ для небогатыхъ людей, а частію незнакомыхъ и отъ того страшныхъ и внушавшихъ боязнь вмѣсто довѣрія. Бывъ застигнуты болѣзнію, простые и темные люди искали помощи въ своей же соб-

ственной средѣ, искали ея у знахарей и вѣдуновъ, по преданію, изстари занимавшихся этимъ дѣломъ. Тутъ они не боялись искать помощи и если не получали облегченія, то по крайней мѣрѣ вѣрили, что облегченія и быть не могло. Знахари и знахарки лѣчили по преданію и по обычаю и потому весьма часто знахарство было наследственно. Но и знахарское лѣченіе не безусловно удовлетворяло требованіямъ. Впервыхъ оно сопряжено было съ нѣкоторыми суевѣрными обрядами, пугавшими воображеніе. Во вторыхъ оно бывало и не дешево. А въ третьихъ и знахарей было не много и не всякій больной могъ ѣхать за десятки верстъ для отысканія сильнаго вѣдуна или знахаря. Поэтому съ расширеніемъ знаній въ народѣ знахарство само собою начало падать и на его мѣсто появилось лѣченіе бродячихъ шарлатановъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ «цесарцовъ» или венгерцовъ». Эти венгерцы съ большими коробками на плечахъ периодически переходили изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню и продавали пузырьки и коробочки противъ всѣхъ болѣзней и въ особенности женщинамъ противъ подкапыванія подъ сердце и противъ трясучей лихорадки. Ихъ, этихъ бродячихъ лѣчителей, развелось наконецъ такъ много, что архіаітеръ И. Л. Блюментростъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе и испросилъ у сѣната особый законъ (1721 года) о преслѣдованіи ихъ, «понеже иногда многіе неученые, скитающіеся, безъ всякаго наказанія дерзновенно лѣчатъ, въ чемъ великую вреду жителямъ учинить могутъ» Но законъ этотъ не исполнялся, не смотря на частыя и настоятельныя напоминанія, потому что въ народѣ начала сознаваться потребность въ ученыхъ лѣкаряхъ, между тѣмъ какъ ихъ не было. Запретительные указы о недопущеніи въ медицинскую практикѣ такихъ лицъ, которыя не подвергались экзамену въ медицинской коллегіи, повторялись чуть не каждое десятилѣтіе и не смотря на это, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ обнародованія Блюментростова закона, петербургскій штаттъ-физикъ Я. Лерхе донесъ медицинской коллегіи (19 августа 1776), что ревизуя аптеки въ Петербургѣ, онъ нашелъ рецепты такихъ докторовъ и лѣкарей (числомъ 11), которые совершенно неизвѣстны и никогда не экзаменовались на право практики. Да и преслѣдовать ихъ было трудно, потому что большая часть этихъ нарушителей закона жили у аристократовъ, какъ на примѣръ у князя Вяземскаго, графа Мусина-Пушкина, графа Панина. Въ доказательство же ихъ невѣжества, и притомъ опаснаго невѣжества, Лерхе показалъ рецептъ казогого то Мейера, требовавшіаго

изъ аптеки двѣ унціи сулемы и конечно не получившаго требуемаго. Поэтому донесенію Лерхе медицинская коллегія подтвердила аптекамъ (24 сентября 1776), чтобы онѣ по рецептамъ неизъясненныхъ лѣчителей не отпускали ничего.

Учрежденіе госпиталей. Извѣстно что Петръ Великій, въ первое свое заграничное путешествіе, прислалъ въ Россію цѣлую армію приглашенныхъ имъ лѣкарей и подлѣкарей. Сами по себѣ, эти лѣкаря и подлѣкаря можетъ быть были и не отборные люди ученые, но они внесли къ намъ понятія о медицинской науцѣ и правильномъ лѣченіи болѣзней. Отъ нихъ мы впервые узнали, что лѣченіе есть такая работа, которой надобно долго учиться и которую можно провѣрять и соотвѣтственно тому оцѣнивать. Вскорѣ послѣ того началось учрежденіе госпиталей, въ которыхъ нагляднымъ образомъ показывалось, какъ слѣдуетъ учиться медицинѣ и что нужно знать лѣкарю, чтобы больной человѣкъ съ надеждою и довѣріемъ отдавался въ его пользованіе. И какъ скоро сознаны и усвоены были эти понятія, число госпиталей стало быстро возрастать. Въ царствованіе Петра Великаго ихъ было до десяти, а къ концу того столѣтія втрое болѣе. Въ хронологическомъ порядкѣ первые госпитали располагались такъ: Московскій генеральный сухопутный (1707 ¹), с.-петербургскій адмиралтейскій (1719), казанскій (1722), тавровскій (1724), кронштадтскій (1720), ревельскій и астраханскій адмиралтейскіе, с.-петербургскій генеральный сухопутный (1733), нынѣ клиническій. Въ послѣдствіи времени, при увеличеніи арміи и почти непрерывныхъ войнахъ, учреждались госпитали въ мѣстахъ расквартированія войскъ и назывались полевыми госпиталями, какъ на примѣръ въ Ригѣ (1755), Ревелѣ (1730), въ Архангельскѣ (1733), въ Кіевѣ (1755), въ крѣпости св. Дмитрія ²), въ Елисаветградѣ, Георгіевскѣ, въ Переволочнѣ и др. мѣстахъ. Главными двигателями въ устройствѣ госпиталей всегда были какіе либо неотклонимыя потребности времени или мѣста. Въ доказательство приведемъ два примѣра: Кіевскій и Астраханскій полевые госпитали.

¹) Генеральными назывались тѣ только госпитали, при которыхъ находились медико-хирургическія училища. Ихъ было только 5 (московскій, два петербургскихъ, кронштадтскій и елисаветградскій). Прочіе назывались полевыми.

²) Крѣпость св. Дмитрія находилась на Дону у урочища Богатаго Колодезя и строилъ ее (1761) инженеръ-капитанъ Ригельманъ.

10 іюня 1755 года сенать далъ указъ медицинскоѣ канцеляріи слѣдующаго содержанія: «По доношенію кievской губернской канцеляріи, въ Кіевѣ, яко городѣ знатномъ и многочисленномъ, собирающіеся по благоговѣнію для поклоненія св. мощамъ изъ разныхъ городовъ російской имперіи, такожъ изъ Польши, Венгріи, Сербіи, Греціи, Валахіи, католической восточной церкви исповѣданія, старые дряхлыя, да и молодые отъ дальняго пути утружденные люди, бывають больны и не имѣють гдѣ въ болѣзняхъ своихъ дѣться, не только чтобъ больнымъ кто могъ болѣзнь имъ облегчить, но и такіе бѣдные, что не имѣють дневной пищи кромѣ работы поденной, чего для потребнобъ для такихъ *шпиталь учредить* хотя на 50 человекъ больныхъ, и во оной опредѣлить комисара, а для больныхъ доктора, которому гарнизонныхъ полковъ больныхъ въ смотрѣніе поручить, лѣкаря одного и аптекаря одного, и велѣть неимущаго больнаго, каковой-бы страны человекъ ни былъ, брать въ шпиталь, ежели для пропитанія ничего не имѣють при отпущеніи изъ шпиталя дать комисару десять копѣекъ покамѣсть сыщеть работу и нѣсколько выработавъ на дорогу идти въ свою сторону откуда пришелъ, а комисару и доктору больныхъ въ работы свои и по излѣченіи отнюдь не принимать, а для строенія того шпиталя и на содержаніе больныхъ, медикаментовъ, пищу, постель и для службы работнымъ людямъ опредѣлить сумму изъ прибылей отъ переписи въ малороссійскихъ раскольническихъ слободахъ, ежели повелѣно будетъ, полевую аптеку изъ Лубенъ, яко изъ пустаго мѣста, гдѣ нивакого лѣкаря нѣтъ, слѣдовательно и купить некому, перевезть въ Кіевъ, она можетъ лѣкарства въ Кіевѣ продавать съ прибылью надежнѣе. Странныхъ больныхъ медикаментами удовлетворять, а къ тому въ тамошнихъ мѣстахъ разныхъ травъ довольно можно собирать и доктору поручить завести въ Кіевѣ ботаническій садъ, и собирать коренья, травы, которыхъ въ Кіевѣ и около него число многое, какъ тамошніе лѣкари объявляли, а оный садъ по усмотрѣнію доктора завести на пустомъ мѣстѣ и взять то мѣсто, котораго бѣ монастыря земля ни была, для такой государственной пользы»..

Предложеніе было очень смѣлое, но медицинская канцелярія не могла принять его. Больше всего ее пугало перенесеніе полевой лубенской аптеки, которая была хорошо устроена и прекрасно соответствовала своему назначенію. При ней былъ садъ, который предлагалось бросить, и затѣмъ заводить новый садъ «на пустомъ мѣстѣ» въ

Кіевѣ. Да и денежный источникъ для постройки госпиталя и аптеки (изъ раскольничьей переписи) казался очень ненадежнымъ. Поэтому медицинская канцелярія отклонила это предложеніе.

Прошло тринадцать лѣтъ. На южной границѣ дѣлались приготовленія къ войнѣ съ Турціей и въ Кіевѣ предположено устроить большой госпиталь на 1500 больныхъ. Но прежде чѣмъ взяться за постройку, медицинская канцелярія послала въ Кіевъ доктора Шенкбехера (*Georg Schenkbecher*) для ознакомленія на мѣстѣ съ тамошними средствами и условіями. Приѣхавъ въ Кіевъ (15 марта 1760), Шенкбехеръ нашелъ маленькій госпиталь для мѣстныхъ войскъ. Это были «три связи», въ которыхъ помѣщались больные отъ кіевскихъ батальоновъ. Для военного времени ихъ было слишкомъ мало. Шенкбехеръ выпросилъ еще двѣ связи поблизости, а къ этому потребовалъ сто обывательскихъ квартиръ и три монастырскіе дома, одинъ въ Кіевѣ и два въ урочищѣ Каменномъ Затонѣ, такъ что всего можно бы было помѣстить 800 человекъ, и то съ нуждою. Но, соображаясь съ данною ему инструкцію, Шенкбехеръ не могъ удовольствоваться этимъ и черезъ два мѣсяца опять сталъ просить прибавить ему помѣщенія на 700 больныхъ, въ чемъ однакоже мѣстныя власти положительно отказали. Началась переписка. Медицинская коллегія снеслась съ военною коллегіею и та отвѣтила, что въ Кіевѣ можетъ быть и не понадобится такого большого госпиталя. Дѣло въ томъ, что первоначально дѣйствительно предполагалось устроить два госпиталя, каждый на 1500 больныхъ, одинъ въ Кіевѣ, другой въ Переволочнѣ; но потомъ этотъ планъ отмѣненъ и вмѣсто того предположено устроить полевой госпиталь въ крѣпости св. Дмитрія (для азовской и таганрогской экспедицій) на 600 больныхъ, и отдѣлить изъ кіевского и переволочинскаго госпиталей всего что нужно на это число больныхъ, а потому въ Кіевѣ пока довольно помѣщенія, тѣмъ болѣе что въ Кіевѣ, по распоряженію губернатора Войейкова подъ госпиталь отведенъ большой монастырскій каменный домъ на подворьѣ Кіево-Печерской крѣпости, въ которомъ можно помѣстить вышеозначенное число больныхъ.

Всѣ эти колебанія въ устройствѣ госпиталя были только временныя. Но самое положеніе Кіева, какъ пограничнаго и многолюднаго города, вызвало наконецъ болѣе прочное устройство госпиталя и это исполнилось только въ 1792 году, когда кіевскій госпиталь названъ постояннымъ полевымъ госпиталемъ и для управленія имъ, по предложенію командовавшаго войсками въ крѣпости генералъ-поручика Ивана

Васильевича Нащокина, назначенъ докторомъ украинской дивизіи Августъ Леріусъ (*August. Benjamin Lehrsus*), съ оставленіемъ его одинакоже при украинской дивизіи (7 октября 1792), какъ онъ самъ просилъ объ этомъ.

Теперь два слова объ астраханской аптекѣ и объ астраханскомъ госпиталѣ, т. е. объ учрежденіи ихъ. Приготовляясь къ персидскому походу, Петръ I собралъ значительную армію и стянулъ ее къ низовьямъ Волги, отъ которыхъ и вся армія получила названіе «Низоваго корпуса» или «низовыхъ полковъ». Армія заключала въ себѣ, кажется, отъ 10 до 15 полковъ и снабжена была врачебнымъ персоналомъ по табели 1720 года, т. е. должна была имѣть 1 доктора, 1 штабъ-лѣкаря и при каждомъ полку по 1 лѣкарю или подлѣкарю, съ содержаніемъ по означенной табели «противъ армейскихъ полковъ», съ тою только разницею, что доктору, «по дальности мѣста», въ 600 р. жалованья прибавлялось еще 100 рублей ¹⁾. Медикаментами полки снабжены были по числу людей. Но такъ какъ арміи предстоялъ весьма дальній походъ и больные и раненые могли стѣснять ея движенія, а съ другой стороны и медикаменты могли израсходоваться скорѣе положеннаго для нихъ срока, то Петръ Великій, указомъ 13 апрѣля 1720 года, предписалъ учредить въ Астрахани, какъ въ главномъ и центральномъ пунктѣ будущихъ военныхъ

¹⁾ Докторомъ въ этомъ корпусѣ былъ Н. Энгелертъ, а штабъ-лѣкаремъ Бриль. Замѣчательно, что лѣкарями и подлѣкарями Низовый корпусъ снабжался преимущественно изъ московскаго госпитальнаго медико-хирургическаго училища, слѣдовательно чисто русскими. Такъ въ началѣ 1723 года докторъ Бидлоо, на запросъ медицинской канцеляріи вѣтъ ли у него готовыхъ подлѣкарей для арміи, отвѣчалъ, «что по разсмотрѣнію нашему достоинства науки обрѣтается въ московскомъ госпиталѣ 5 человекъ учениковъ, которые въ надеждѣ подлѣкарями быть достойны, да 4 человекъ учениковъ, которые упражнялись около перевязки ранъ и подлѣ хирургическихъ дѣлъ и за непрілежаніемъ своимъ регулярной промодіи имѣть не будутъ; того ради въ вспомоgetельство при госпиталѣхъ довольны быть могутъ и отъ насъ отправятся безъ ординарнаго объ нихъ аттестата. И ежели оны подлѣкарп и ученики угодны чтобы резолюцію о томъ прислать немедленно». Медицинская канцелярія согласилась принять тѣхъ и другихъ и Бидлоо выслалъ 5 подлѣкарей «съ дипломатами» и 4 учениковъ безъ аттестатовъ. Въ 1728 года Бидлоо самъ произвелъ по экзамену 16 учениковъ своихъ частію въ лѣкари, а частію въ подлѣкари, и передалъ ихъ въ медицинскую канцелярію для отсылки въ полки низоваго корпуса, причемъ предполагалось имѣть въ каждомъ полку по два человека.

дѣйствій, полевую аптеку, но «небольшую», для отправленія медикаментовъ въ гарнизонные полки, которые тамъ обрѣтаются «и для продажи тамошнимъ жителямъ и прїѣзжимъ изъ Персїи и другихъ краевъ». Кромѣ того на аптеку возлагалась обязанность «завести аптечный огородъ и оранжерею для приуготовленія аптекарскихъ травъ и прочаго и держать вывозимыя изъ Персїи деревья и травы». Содержаніе аптеки назначено изъ доходовъ астраханской губерніи и изъ вычетныхъ на медикаменты денегъ отъ гарнизонныхъ полковъ. Аптекою управлялъ, кажется съ самаго учрежденія ея, Гаасъ Готфридъ, а послѣ него, въ послѣдовательномъ порядкѣ, были аптекари Юг. Лефебюръ († 1737), Юг. Шварцъ, Фридр. Магдебургъ.

Петръ Великій былъ повидимому доволенъ астраханскою аптекою и предполагилъ устроить при ней мѣстный военный госпиталь, въ виду того, что персидская война затянулась и необходимъ былъ госпиталь для призрѣнія больныхъ и раненыхъ. Но предположеніе это исполнилось уже по смерти императора. А именно указомъ сената 7 іюня 1725 года предписано учредить въ Астрахани госпиталь для содержанія и лѣченія больныхъ, и содержать его по регламенту (адмиралтейскому), съ тѣмъ что «ежели въ которомъ новозавоеванномъ госпиталѣ больныхъ умножится, то ихъ отсылать въ тотъ госпиталь для лѣченія».

Первоначальный штатъ астраханскаго госпиталя былъ не великъ. Предполагалось имѣть въ немъ 2 лѣкарей (съ жалованьемъ по 180 р. каждому), 2 подлѣкарей (жалованье по 120 р.) и 4 учениковъ (жалованье по 24 р. каждому), слѣдовательно всего расхода на личный составъ (кромѣ прислуги) 696 рублей. Но содержаніе госпиталя не отдѣлялось отъ содержанія аптеки, хотя на нее считалось особо

на содержаніе аптеки	1160 р.
на заморскіе аптечные матеріалы	2000 »
на припасы покупаемые въ Россіи и содержаніе при аптекахъ ого- рода	1500 »
на мелочные расходы	508 »
и на содержаніе госпиталя.	696 »
а всего.	5864 р. въ годъ.

Расходы эти покрывались частію вычетными сборами на медикаменты съ 20 батальоновъ, всего 2601 р. 80 к., которые должны бы-

ли высылаться изъ военной коллегіи по ассигнаціямъ медицинской канцеляріи, а частію кабацкими сборами московской губерніи, остачными за опредѣленіемъ на штатъ, всего 3262 р. 20 коп.

Кто были первые мѣдики? Въ 1742 году главнымъ лѣкаремъ при астраханской медицинской конторѣ и слѣдовательно управлявшій аптекою и госпиталемъ былъ Сильвестръ Давидовичъ Молохъ. Онъ умеръ 13 ноября 1742 года и на его мѣсто опредѣленъ, по рекомендаціи доктора Синопеуса и по представленію директора астраханской губернской канцеляріи князя М. Бяратинскаго, лѣкаръ казанскаго пѣхотнаго полка Германъ Бернгардъ *Пундъ*, бывшій въ двухъ крымскихъ походахъ, а теперь состоявшій при кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ лѣкаремъ. Медицинская канцелярія исполнила эту просьбу и опредѣлила его главнымъ лѣкаремъ, назначивъ ему 250 р. жалованья изъ астраханской аптеки и поручивъ ему заботы о принятіи мѣръ противъ «опасныхъ болѣзней», т. е. учредила нѣчто въ родѣ карантина. Аптекаремъ въ 1754 назначенъ Joh. Christ. Kater. На мѣсто же Пундта въ казанскій пѣхотный полкъ назначенъ былъ изъ с.-петербургскаго сухопутнаго госпиталя лѣкаръ Михаилъ Шидловскій (3 февраля 1743), съ жалованьемъ по 180 р. При конторѣ надъ портомъ состоялъ въ Астрахани лѣкаръ Іоаннъ Кохъ. Въ 1748 назначенъ главнымъ лѣкаремъ Christoph Theodor Ellert «для предосторожности и смотрѣнія за гарнизонными лѣкарями», съ жалованьемъ 300 р., перечисленный въ 1753 тѣмъ же званіемъ въ астраханскій морской госпиталь. Прежде него занимали это послѣднее мѣсто главные лѣкаря Христ. Миллеръ и Ефимъ Феть. Эллертъ служилъ при докторѣ Ив. Грегори, недавно умершемъ, а докторъ Андрей Севасто переведенъ въ ландмилиціонный корпусъ 28 февраля 1753 и въ госпиталѣ остался одинъ Эллертъ и 9 марта 1758 произведенъ въ штабъ-лѣкари съ прибавкою 50 р. жалованья. Въ помощь ему противъ опасныхъ болѣзней служилъ лѣкаръ Иванъ Егоровичъ Хемницеръ ¹⁾ (1756), вытребованный потомъ въ С.-Петербургъ. На его

¹⁾ Штабъ-лѣкаръ Иванъ Егоровичъ Хемницеръ (*Joh. Chemilzer*), родомъ саксонецъ, принятъ въ русскую службу въ 1734 году въ Берлинѣ графомъ Ягужинскимъ и командированъ съ ранеными въ С.-Петербургъ. Выдержавъ потомъ экзаменъ въ медицинской канцеляріи, онъ опредѣленъ былъ лѣкаремъ въ Закамскую линію и оставался въ драгунскомъ полку по 1739 годъ. Отсюда командированъ въ гарнизонный драгунскій полкъ, находившійся въ Оренбургѣ

мѣсто назначенъ лѣкаръ Detloff *Fuchs*; но онъ состарѣлся (76 л.) и астраханская губернская канцелярія, высказавъ свои аргументы, а именно что одному главному лѣкарю Эллерту было трудно; лѣкарю Эльснеру (царицынскаго полка) тоже болѣе 70 лѣтъ; Johan Koch обремененъ работою въ двухъ полкахъ, Козьма Татковскій тоже не можетъ, и потому требовала доктора. Кондоиди представилъ сенату объ опредѣленіи д-ра Лаутербурга, на мѣсто умершаго Грегори, губернскимъ д-ромъ и 14 апрѣля 1758 г. сенатъ утвердилъ представленіе съ назначеніемъ жалованья д-ру 600 руб. и 4 августа 1760 туда посланъ Лаутербургъ, «для главнаго надзора за опасными болѣзнями», а старикамъ предложена отставка.

Штабъ-лѣкаръ Хр. Эллертъ доносилъ изъ Астрахани, 18 апрѣля 1760, что по городскимъ улицамъ валяются дохлыя собаки, кошки и всякая мертвечина и при церквахъ зарываютъ тѣла умершихъ въ весьма мелкія ямы и совѣтовалъ не выше трехъ аршинъ, «такъ какъ черви почти безъ ограды и мертвыя тѣла отрываютъ свиньи и собаки, отъ чего духота въ городѣ и даже можетъ быть опасность».

Говоря объ учрежденіи первыхъ госпиталей въ Россіи, о временахъ отдаленныхъ отъ насъ болѣе чѣмъ на полтора вѣка, нельзя не упомянуть о двухъ чертахъ тогдашняго госпитального быта, которыя дошли до насъ почти безъ измѣненія и любопытны не потому, чтобъ одинаково стояли быть сохраненными въ исторіи, а потому что оцѣнка ихъ по сущности и нынѣ осталась такою-же, какою была болѣе ста лѣтъ назадъ. Мы говоримъ объ инспекторахъ госпиталей и о женскомъ уходѣ за больными въ полевыхъ и морскихъ госпиталяхъ. Должность госпитальныхъ инспекторовъ учреждена въ 1755 году по представленію главнаго директора медицинской канцеляріи Павла Захаровича Кондоиди. Какъ и для чего она учреждена—не будемъ говорить, потому что это подробно изложено въ моихъ «Очеркахъ»¹⁾. Но нельзя не сказать, что цѣль учрежденія осталась не достигнутою

при башкирской экспедиціи. Въ 1741 году командированъ въ Астрахань, а оттуда въ Персію до города Эйтша къ резиденту Братищеву. Въ 1751 году назначенъ лѣкаремъ въ Астраханскую губернію и въ 1756 году переведенъ съ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Въ 1757 произведенъ въ штабъ-лѣкари съ назначеніемъ въ заграничную армію, а 12 января 1762 года уволенъ отъ полевой службы съ переводомъ въ пограничные госпитали.

¹⁾ *Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія*, Я. Чистовича, 1870, стр. 220: *Госпитальный споръ въ 1757 году.*

и инспекторы госпиталей принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы. Вредъ состоялъ въ томъ, что нарушено было единство госпитальнаго управленія, такъ разумно установленное «генеральнымъ регламентомъ о госпиталяхъ», сущность госпитальнаго дѣла замѣнилась пустою формальностію и игра мелкихъ самолюбій и своекорыстія вызывала въ госпиталяхъ непрерывныя смуты и раздоры. Учредитель госпитальныхъ инспекторовъ самъ и фактически удостовѣрился не только въ бесполезности, но и во вредѣ этой должности и затѣмъ всю остальную жизнь свою сожалѣлъ объ этой невольной своей ошибкѣ. Въ выше приведенномъ очеркѣ подробно изложена прискорбная борьба права съ безправіемъ и логическаго смысла съ грубымъ высочомѣріемъ. Кондонди видѣлъ ее, но утѣшалъ себя тѣмъ, что можетъ быть вызвали ее личные характеры генерала фонъ-Вертерна и доктора Полетики: но послѣдствія показали, что всѣ и послѣдующіе инспекторы госпиталей играли ту же игру, потому что дѣло не въ лицахъ и не въ личныхъ характерахъ, а въ томъ соотносительномъ положеніи лицъ, въ которомъ они, направляясь къ разнымъ цѣлямъ, не могутъ идти по одной и той-же дорогѣ.

Первыми инспекторами госпиталей были—въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ генераль-лейтенантъ фонъ-Вертернъ и въ московскомъ генераль-маіоръ Егоръ Куммингъ. Они произведены въ эти чины и опредѣлены въ этой должности 25 декабря 1755 года.

Послѣ фонъ-Вертерна въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь назначенъ генераль-поручикъ Карауловъ. Генераль фонъ-Вертернъ уѣхалъ въ Ригу: но ненависть къ Полетикѣ и тамъ не оставляла его. Оттуда онъ прислалъ въ военную коллегію проектъ улучшеній въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (декабрь 1759), главными пунктами котораго были: опредѣлить особаго комисара для съѣстной и питейной части въ госпиталѣ (что военною коллегіею и исполнено), пиво и квасъ не готовить въ госпиталѣ, а брать отъ подрядчика, и смѣнить доктора Полетикву и главнаго лѣкаря Венецанскаго: «перваго за то, что онъ недавно вышелъ изъ университета и хотя иногда въ теоріи весьма человекъ ученый, однако изъ сего заключить невозможно, чтобы при томъ былъ и великій практикъ: съ давнихъ лѣтъ могутъ справки доказать, что случалось въ госпиталѣ и большее число больныхъ, однакожъ такого числа умершихъ не бывало»; а послѣдняго за то, что «онъ молодой человекъ и недавно былъ лѣкарскимъ ученикомъ въ томъ-же госпи-

талѣ, а нынѣ у него ученики учиться должны». Смертность дѣйствительно была велика; но больные разиѣщены были такъ тѣсно, что генераль фонъ-Вертернъ въ томъ же проектѣ писалъ, что больные такъ тѣсно помѣщены (по 60 человекъ и болѣе въ одной палатѣ), что къ нимъ за срамомъ подойти невозможно. Не эта ли тѣснота и духота была причиною увеличенія смертности.

Къ этому же времени подошла жалоба госпитальнаго комиссара Завалишина, что Полетива не подписываетъ расходныя его книги и медицинской канцеляріи дали замѣтить, чтобъ она принудила его все подписывать; но это дѣло кончилось само собою, потому что въ томъ же году Завалишина смѣнили, а на его мѣсто прислали подпоручикъ Растопчинъ).

Въ Москвѣ шли дѣла не лучше. Генераль-майоръ Куммингъ назначенъ былъ архангельскимъ губернаторомъ и на его мѣсто опредѣленъ инспекторомъ госпиталя бригадиръ Егоръ Головцынъ, а потомъ смѣнилъ его генераль-майоръ Андрей Фаминцынъ. Этотъ генераль Фаминцынъ былъ такой охотникъ до всякаго рода кляузъ, что въ теченіи 1764 года почти каждый день писалъ въ медицинскую коллегію жалобы на госпиталь и наконецъ такъ надоѣлъ ей, что баронъ Черкасовъ написалъ на одномъ изъ его «донесеній» слѣдующую резолюцію: «Отписать, что ежелибъ онъ не имѣлъ что ни есть именно о не порядкахъ показать, тобы конечно не преминулъ по склонности своей къ затрудненіямъ и завязкамъ великія стопы исписать: а какъ того не учинилъ, то вѣроятно что и писалъ для того, что писать хотѣлъ, а не для того что имѣлъ причину писать». Фаминцынъ во все мѣшался

) Генералу фонъ Вертерну принадлежитъ однакоже одна очень важная за слуга. Замѣтивъ, что въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ въ постъ больше умираетъ людей, чѣмъ въ мясоѣдъ, онъ вошелъ съ представленіемъ, нельзя ли и не слѣдуетъ ли замѣнить постныя госпитальныя порціи скоромными и на время постовъ. Дошло дѣло до св. синода и онъ увидомилъ, что уже три года назадъ (16 іюня 1757 года) имъ дано разрѣшеніе давать больнымъ скоромную пищу вмѣсто постной въ рижскомъ госпиталѣ, съ тѣмъ чтобы они за 7 дней предъ причащеніемъ св. таинъ воздерживались отъ скоромной пищи, о чемъ и объявлялось больнымъ чрезъ священниковъ. Съ тѣхъ поръ въ госпиталяхъ выборскомъ, рижскомъ и ревельскомъ не соблюдались посты. Со времени же представленія фонъ Вертерна военная коллегія постановила (23 августа 1760 года) производить въ постные дни скоромную пищу «по усмотрѣнію докторскому», а ежели бы кто не желалъ этого, тѣхъ уговаривать, однакоже не принуждать.

и обо всемъ писалъ «донесенія», напримѣръ, что лѣкари и подлѣбари не хорошо дѣлають перевязки, уходятъ съ дежурства; что докторъ и главный лѣкарь по разу только въ день бывають въ госпиталѣ; что главный лѣкарь Виль приказалъ бить одного больного за то что тотъ не позволилъ Ангелю (оператору) вынуть кость изъ щеки; что больной съ ракомъ лежитъ вмѣстѣ съ другими больными; что сумашедшему не всякій день прописывается лѣкарство; что его привязываютъ за руки и за ноги къ кровати (рубашка для буйныхъ больныхъ), тогда какъ онъ совѣтовалъ укрѣпить въ стѣнѣ цѣпь съ ошейникомъ и на ней приковывать его; что не такія порціи прописываютъ, какія онъ совѣтовалъ; что два подлѣбаря (Ризманъ и Крумрейхъ), жившіе въ двухъ смежныхъ комнатахъ (изъ коихъ каждая имѣла длины 8 аршинъ 6 вершковъ и ширины 6 аршинъ 6 вершковъ), хотѣли соединить ихъ и жизнь вмѣстѣ. Ему ябедничалъ комиссаръ поручикъ Алексѣй Кавтыревъ, а онъ о всѣхъ ябедахъ сейчасъ же писалъ медицинскій коллегіи и генералъ критсъ-коммисару Алексѣю Ивановичу Глѣбову. Наконецъ Кавтыревъ удаленъ изъ госпиталя, а съ нимъ вмѣстѣ изгнанъ и главный писарь госпитальной конторы Артемьевъ «за плутовство и непорядочные поступки», а именно за то, что подсунулъ въ подписи доктора Эразмуса (временно управлявшаго госпиталемъ) какое то фальшивое «опредѣленіе конторы», и уличенъ былъ главнымъ лѣкаремъ Вилемъ (27 іюня 1765 года). Но Фаминцынъ не унялся. Между прочимъ онъ придрался къ госпитальной конторѣ за то, что она послала 6 школьничковъ въ провіантскую канцелярію: но оказалось, что это сдѣлано по распоряженію военной коллегіи. Медицинская коллегія воспользовалась этимъ случаемъ и разграничила кругъ дѣятельности конторы и инспектора, а именно предписала (23 февраля 1769 года) исполнять всѣ медицинскія дѣла безъ сношенія съ нимъ, а въ экономическихъ сноситься съ нимъ, а также и распоряжаться медицинскими чинами безъ сношенія съ нимъ. Онъ требовалъ, что бы старшій докторъ еженедѣльно доносилъ ему о медицинскихъ чинахъ, кто какъ исполнялъ свои обязанности въ госпиталѣ: но медицинская коллегія отвѣтила, что до медицинскіхъ чиновъ генералу дѣла нѣтъ и доносить ему не слѣдуетъ, а писать объ этомъ въ медицинскую коллегію и послѣ увѣдомлять его.

Чтожь было пользы отъ непрерывнаго вмѣшательства инспектора въ госпитальныя дѣла? Улучшился ли ходъ этихъ дѣлъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ срединѣ прошлаго сто-

дѣтя существовалъ обычай въ госпитальныхъ конторахъ составлять хозяйственные отчеты не къ опредѣленному сроку, а какъ удастся, и представлять ихъ въ комиссаріатъ, который повѣрялъ и передавалъ отчеты въ ревизіонъ-коллегію. Но этотъ путь ревизіи такъ былъ медленъ и запутанъ, что военная коллегія, указомъ 21 апрѣля 1766 года, предписала составлять отчеты въ конторѣ госпиталя тотчасъ по истеченіи отчетнаго года и посылать ихъ для повѣрки инспектору госпиталя Фаминцыну, а отъ него прямо въ ревизіонъ-коллегію. Но прошло два года, а объ отчетѣ и помину не было. Ревизіонъ-коллегія напомнила комиссаріату, а тотъ медицинской коллегіи, которая потребовала объясненій. Это было въ половинѣ 1768 года. И чтоже оказалось? Что еще съ 1764 года, когда смѣнялись комиссары поручики Кавтыревъ, Каратаевъ и Бачмановъ и подпоручикъ Елагинъ, госпитальная контора не представила ни одного счета, ни за одинъ годъ, да и представить не можетъ, такъ какъ генераль Фаминцынъ изъ 14 конторскихъ писарей забралъ къ себѣ шестерыхъ, да каждый изъ смѣненныхъ комиссаровъ держитъ у себя по одному, а въ конторѣ не только старые счета, но и текуція дѣла писать некому. Поднялась гроза, началась переписка и отписка, но дѣла не подвинула. Отыскали даже указъ 1735 года, по которому всѣ счета должны быть доставляемы въ ревизіонную коллегію по истеченіи каждаго года въ 10-мѣсячный срокъ, съ тѣмъ что если отчеты не будутъ присланы въ этотъ срокъ, то члены конторы будутъ штрафованы за первый мѣсяць 30-ю рублями, за второй мѣсяць—60-ю рублями, за третій мѣсяць 90 рублями, за четвертый и наконецъ за пятый мѣсяць—лишеніемъ чиновъ. Казалось, очень страшно. Но генераль Фаминцынъ пустилъ въ ходъ всѣ свои отписки, а комиссаръ Бачмановъ, бывъ комиссаромъ съ 1765 года до конца 1768 года, не представилъ ни одного отчета ни за одинъ изъ этихъ годовъ, и все-таки ни разу и ни чѣмъ не былъ оптрафованъ. Медицинская коллегія передала дѣло комиссаріату и оградила врачей отъ всякаго вмѣшательства и отвѣтственности.

Послѣ Фаминцына инспекторомъ московскаго генеральнаго госпиталя былъ генераль-майоръ Григорій Моложениновъ. Онъ не былъ деспотомъ, но иногда жаловался медицинской коллегіи на озорничество госпитальныхъ учениковъ (29 апрѣля 1792).

Наконецъ въ 1797 году состоялся именной указъ императора Павла Петровича на имя главнаго директора медицинской коллегіи и государ-

ственного казначея барона А. И. Васильева, отъ 30 июня 1797 года, «о постройкѣ каменнаго зданія для тамошней главной госпиталя съ принадлежащими къ ней для медицинскихъ чиновъ и для врачебнаго училища домами». На эту постройку ассигновано полмилліона рублей и производство ея поручено генералъ маіору Григорію Хомутову, исправлявшему въ то же время должность инспектора госпиталя.

Въ рижскомъ полевомъ госпиталѣ тоже происходили непріятности между медицинскими чинами и инспекторомъ госпиталя. Инспекторомъ былъ генералъ маіоръ Боуманъ, а старшимъ докторомъ Граафъ. Боуманъ вмѣшивался въ лѣченіе больныхъ, произвольно переводилъ ихъ изъ стараго госпиталя въ новый или наоборотъ и всякому напоминалъ, что онъ главный госпитальный командиръ. Онъ былъ грубъ, высокомеренъ и всячески унижалъ медицинскихъ чиновъ. Такъ же поступали съ ними и другіе военные офицеры. Вотъ примѣръ. Осенью 1759 года гвардіи капитанъ поручикъ Перхуровъ пріѣхалъ осмотрѣть госпиталь и, увидѣвъ главнаго лѣкаря Годерлинга потребовалъ у него именной списокъ всѣхъ больныхъ, съ обозначеніемъ болѣзней ихъ. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ объ его намѣреніи пріѣхать въ госпиталь и не приготовилъ списка, да и приказанія на то не получалъ отъ доктора.—Какъ? смотритель маіоръ Ковригинъ знаетъ объ этомъ и объявлялъ тебѣ.—Но смотритель не начальникъ мой.—А вотъ я тебѣ покажу, кто твой начальникъ: я сорву съ тебя шпагу, да еще, отрепую высочайшей конференціи.

Докторъ Граафъ донесъ объ этомъ происшествіи медицинской канцеляріи и Кондоиди написалъ генералу фельдмаршалу Александру Борисовичу Бутурлину и просилъ унять этихъ господъ, прибавивъ, что медицинская канцелярія не считаетъ ихъ командирами медицинскихъ чиновъ. Бутурлинъ сдѣлалъ имъ замѣчаніе, но они не унялись. Тогда Кондоиди написалъ въ военную коллегію: но послѣдняя и тутъ старалась оправдать своихъ подчиненныхъ, а обвинить медиковъ. Но печальнѣе всѣхъ было положеніе Кондоиди: ожидалъ ли онъ такихъ послѣдствій отъ учрежденнаго имъ военнаго инспекторства госпиталей?

Другой фактъ изъ жизни госпиталей въ началѣ прошлаго столѣтія, о которомъ необходимо здѣсь упомянуть, касается женскаго ухода въ нихъ. Фактъ этотъ интересенъ впрочемъ только по сравненію съ нынѣшними взглядами на бытовую сторону госпиталей. Въ наше время, и весьма недавно, введеніе въ госпитали сестеръ милосердія считалось новостью въ Россіи, между тѣмъ какъ мысль о женскомъ уходѣ

за больными въ военныхъ госпиталяхъ существовала еще при Петрѣ Великомъ и даже приведена была имъ въ исполненіе. Указомъ этого императора 1722 года повелѣно было въ морскихъ госпиталяхъ, именно с.-петербургскомъ, котлинскомъ и ревелскомъ, имѣть изъ дѣвичьихъ монастырей по одной старицѣ и по одной помощницѣ ей, для надзора надъ бѣльемъ и госпитальными работницами (т. е. вѣроятно прачками). Адмиралтействъ коллегія требовала ихъ въ госпитали 11 февраля 1723 года, но синодъ долго не рѣшался отпустить и наконецъ, на повторенное 29 іюня 1724 года требованіе, назначилъ (17 іюля 1724) двухъ старицъ изъ Новгородскаго Сыркова монастыря (монахинь Агафію и Пелагею) въ с.-петербургскій и котлинскій, и одну изъ Псковскаго Вознесенскаго монастыря въ ревелскій госпитали, съ жалованьемъ старицамъ по 7, а помощницамъ ихъ по 5 р. въ годъ. 19 іюня 1725 года монахиня Августина и помощница ея Евпраксія жаловались синоду изъ ревелскаго госпиталя, что имъ негдѣ жить, потому что квартиры назначены общія, въ каютѣ конторы генераль-кригсъ комиссара, и что имъ не даютъ по деньгѣ въ день на рыбу, наравнѣ съ другими госпитальными служителями, получающими по деньгѣ въ день на мясо, прибавляя, что въ Ревелѣ даже пропитаться нельзя даваемымъ имъ жалованьемъ. Синодъ хлопоталъ объ удовлетвореніи ихъ и адмиралтействъ коллегія согласилась устроить въ ревелскомъ госпиталѣ особый чуланъ для ихъ помѣщенія, а въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ дать особыя квартиры при госпиталяхъ и помѣсячно выдавать деньги на рыбу. — Но тотчасъ послѣ смерти Петра Великаго, императрица Екатерина I (въ августѣ 1725 года) вовсе отмѣнила указъ своего супруга о назначеніи старицъ въ госпитали и велѣла всѣхъ возвратитъ въ дѣвичьи монастыри, а къ госпитальному бѣлью приставитъ особыхъ комиссаровъ и опредѣлитъ добрыхъ и вѣрныхъ наемныхъ работницъ.

Городовые врачи и больницы. Не смотря на то, что первыя госпитальныя школы обѣщали удовлетворить потребностямъ государства и общества, число врачей возрастало медленно и назначалось преимущественно для арміи. Въ городахъ, собственно для городского и сельскаго населенія, врачей почти совсѣмъ не было. Перемѣщались въ города только такіе врачи, которые не годились уже для подвижной военной службы, т. е. состарѣвшіеся, дряхлые и хворые, да и тѣхъ было немного. Состарѣвшіеся врачи помѣщались въ города въ награду за прежнюю армейскую службу, для прокормленія себя на ста-

рости лѣтъ на покойномъ мѣстѣ, вмѣсто полученія пенсiи, которая тогда (при опредѣленiи на службу по найму или по капитуляции на срокъ) еще не существовала. Городъ обязанъ былъ содержать такого врача на свои доходы и давать ему, кромѣ денежнаго содержанiя, еще квартиру бесплатно. Это былъ особый новый налогъ на городскихъ обывателей. А такъ какъ денежные средства городовъ были не одинаковы, то и содержанiе врачей было не вездѣ одинаково. Между тѣмъ необходимость въ лѣкаряхъ для городовъ сознавалась уже многими и архiаиеръ I. Берн. Фишеръ, въ половинѣ царствованiя императрицы Анны Ивановны, вошелъ съ представленiемъ въ сенатъ о содержанiи въ наиболѣе людныхъ и важныхъ городахъ постоянныхъ врачей, по назначенiю медицинской канцелярiи и съ постояннымъ содержанiемъ, повсюду одинаковымъ. По этому представленiю состоялся именной сенатскiй указъ 10 мая 1737 года, коимъ велѣно «въ городахъ, лежащихъ по близости отъ Санктъ-Петербурга и Москвы, а именно во Псковѣ, Новгородѣ, въ Твери, Ярославлѣ и въ прочихъ знатныхъ городахъ, по усмотрѣнiю медицинской канцелярiи, для пользованiя обывателей въ ихъ болѣзняхъ, содержать лѣкарей, а жалованье производить имъ въ городахъ отъ ратушъ до двѣнадцати рублей на мѣсяцъ съ свободною квартирою, а больше на тѣ города не накладывать».

Къ представленiю Фишера приложено и росписанiе городовъ, въ которыхъ предполагалось имѣть постоянныхъ городскихъ лѣкарей, утвержденное сенатомъ. Они подраздѣлялись на губернскiе, провинциальные, малороссiйскiе полки и слободскiе полки. Любопытно это росписанiе потому, что нечисленные города считались тогда наиболѣе «знатными», между тѣмъ какъ въ наше время «знатность» ихъ значительно измѣнилась. Вотъ это росписанiе:

Губернскiе города: Новгородъ, Бѣлгородъ, Смоленскъ, Казань, Астрахань, Иркутскъ, Кiевъ, Воронежъ, Архангельскъ, Нижнiй-Новгородъ и Тобольскъ (всего 11).

Провинциальные города: Переяславль Рязанскiй, Юрьевъ Польскiй, Угличъ, Переяславль Залѣсскiй, Калуга, Псковъ, Бѣлозерскъ, Сѣвскъ, Елецъ, Тамбовъ, Вологда, Галичъ, Пенза, Симбирскъ, Соликамскъ, Арзамасъ, Кострома, Владимiръ, Суздаль, Тула, Ярославль, Тверь, Великiе Луки, Орежъ, Шацкъ, Бахмутъ, Устюгъ Великiй, Свiязскъ, Уфа, Вятка и Алатырь (всего 31).

Малороссійскіе полки: Стародубъ, Переяславль, Прилуки, Лубны, Черниговъ, Нѣжинъ, Полтава, Миргородъ и Гадячь (всего 9).

Слободскіе полки: Харьковъ, Сумы, Острогожскъ, Ахтырка и Изюмъ (всего 5).

По этому росписанію требовалось 56 лѣкарей для опредѣленія въ города (вромѣ столицъ, гдѣ были свои штаты), но ихъ негдѣ было нять. Россія вела тогда войну съ Турціею, содержала большое число войскъ и такъ нуждалась въ лѣкаряхъ для арміи, что медицинская канцелярія не только не могла найти ни одного лѣкаря для городовъ, но, напротивъ, по городамъ собирана всѣхъ болѣе или менѣе годныхъ къ полевой службѣ и посылала въ армію, а въ то же время понуждала главныхъ докторовъ генеральныхъ госпиталей торопиться выпускомъ приготовленныхъ въ госпитальныхъ школахъ подлѣбарей.

При такомъ безлюдьи трудно было ожидать скорого исполненія сенатскаго указа о снабженіи городовъ лѣкарями «для пользованія обывателей въ ихъ болѣзняхъ». Онъ и не былъ дѣйствительно исполняемъ до самаго прекращенія турецкой войны, давшего возможность (послѣ Бѣлградскаго мира) сократить составъ войскъ и прекратить внесенную ими внутрь Россіи чуму и другія повальныя болѣзни. Такъ что архіатеръ Фишеръ, до выхода своего изъ управленія медицинскою канцеляріею, успѣлъ опредѣлить двухъ только лѣкарей по этому указу, а именно лѣкаря Юган. Гергекопса въ Стародубъ (23 іюня 1740) и Августа Тейбеля въ Переяславль Рязанскій (20 апрѣля 1741 года). Преемнику его по управленію, архіатеру Лестоку, пришлось болѣе 15 лѣтъ хлопотать о снабженіи городовъ лѣкарями, но и то большею частью безплодно (хотя, по правдѣ сказать, онъ и не очень былъ хлопотливъ по медицинскимъ дѣламъ). Но въ его время затрудненіями служило не одно уже безлюдье (т. е. недостатокъ лѣкарей), но и нежеланіе многихъ городовъ содержать лѣкарей на своихъ доходахъ. Такъ что черезъ 19 лѣтъ послѣ объявленія выше приведеннаго сенатскаго указа, а именно осенью 1756 года, оказалось въ городахъ только 26 постоянныхъ лѣкарей (вмѣсто узаконенныхъ 56), да и тѣ большею частію опредѣлены уже въ самое послѣднее время этого срока. Вотъ города, съ указаніемъ времени опредѣленія въ нихъ первыхъ городовыхъ лѣкарей:

Стародубъ . . .	Job. Gergekopffs.	23	іюня	1740
Переяслав. Рязан.	Августъ Тейбель	20	апрѣля	1741

Иркутскъ . .	Joh Christ. Wachsmann	11	февраля	1742
Ниж. Новгородъ	Никита Станщиковъ	18	июня	1742
Тула .	Михаилъ Шидловскій	14	марта	1745
Угличъ	Левъ Емельяновъ	13	сентября	1746
Вѣлгородъ.	Nicol. Klarck .	26	января	1748
Владимиръ.	Joh. Zederkopff . .	31	мая	1749
Вологда	Christoph Greffendorff	18	мая	1750
Кострома .	Joh. Locher .	7	августа	1750
Сѣвскъ	Иос. Шумлянскій	26	февраля	1751
Сумы .	Joh. Jac. Huort	12	сентября	1751
Галичъ	Karl Teschleff. .	20	февраля	1752
Тверь .	шт.-л. Philipp Storr . .	31	июля	1752
Суздаль	Christ Friedr. Sonderr.	2	апрѣля	1753
Тамбовъ	Ив. Даевъ .	18	марта	1753
Елецъ	Вас. Пекаревъ .	14	июня	1753
Переяславль Зал.	Friedr. Ramrau .	3	ноября	1753
Калуга	Heinr. Schöwe .	31	декабря	1753
Арзамасъ . .	Christoph. Schultz	5	февраля	1754
Великій Устюгъ	Ignat. Hagemann.	27	апрѣля	1754
Ярославль.	Pet. Нову. .	8	июля	1755
Острогожскъ .	Логинъ Новиковъ	10	октября	1755
Новгородъ.	Georg Gnad . .	3	октября	1755
Харьковъ .	Hein. Grünenthal.	}	9 февраля	1756
Ахтырка	Nicol Such.			

Къ половинѣ прошлаго столѣтія госпитальныя школы были сформированы уже довольно хорошо и выпускали достаточное число подлѣварей и даже лѣварей. Снабдить города лѣварями было можно. Даже и сами лѣваря, послуживъ въ войскахъ и состарившись, охотно шли въ городскую службу, на «покойное мѣсто», вѣдь тогда говорилось. Но городовые магистраты, т. е. городскіе обыватели, не охотно принимали ихъ, жалуясь на бѣдность и на невозможность содержать ихъ. Присутствіе лѣваря въ городѣ считалось роскошью, безъ которой обходились отцы и дѣды, стало быть могли обойтись и потомки. Бывали случаи, что лѣварь по указанію медицинской канцеляріи поселялся въ городѣ, требовалъ себѣ узаконеннаго жалованья, требовалъ квартиры по отводу, и въ томъ и другомъ получалъ отказъ. Нѣтъ у насъ денегъ, отвѣчали лѣварю, нѣтъ свободныхъ квартиръ. А иногда случалось и такъ, что губернская или провинціальная канцелярія получала деньги на содержаніе лѣваря, но не выдавала ихъ лѣварю. Гдѣ задержка—трудно было распутать: канцелярія ссылались на магистраты, магистраты на канцелярію, а лѣварю нечего было ѣсть. Лѣварь жаловался медицинской канцеляріи, но жалоба

либо оставалась безъ вниманія, либо вызывала длинную переписку, не приводившую ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ жалобъ накопилось много. Лѣкаря въ городахъ дѣйствительно бѣдствовали, и медицинская канцелярiя вынуждалась обращаться къ сенату о понужденіи городскихъ магистратовъ исполнить указъ его и содержать врачей по этому указу. Одно изъ такихъ понужденій выражено въ указѣ сената 31 октября 1756 года: «По указу Ея И. В-ства правительствующій сенатъ приказали: въ главный магистратъ подтвердить указомъ, чтобы на жалованье опредѣленнымъ въ городахъ лѣкарямъ, по силѣ именнаго 1737 года изъ правительствующаго сената указа, положенныя деньги городовые магистраты, при исшествіи каждой трети, бездомночно отдавали въ тамошнія губерніи и провинціальныя канцелярiи, не продолжая ни малаго времени. Такожъ бы тѣхъ находящихся въ городѣхъ лѣкарей свободною квартирою довольствовались безпрепятственно, и о томъ изъ главнаго магистрата подтвердить въ городовые магистраты наискрѣпчайшими указами, а губернскимъ и провинціальнымъ канцелярiямъ по пріемѣ отъ магистратовъ оныхъ денегъ, помянутымъ лѣкарямъ производить въ жалованье безъ всякаго задержанія, и для того по исшествіи каждой трети взыскивать тѣхъ опредѣленныхъ денегъ на оныхъ магистратахъ помянутымъ канцелярiямъ безъ послабленія, дабы въ удовольствіи тѣхъ лѣкарей жалованьемъ впредь ни малаго продолженія и отъ нихъ жалобы происходить не могло».

Какъ однакожь ни трудна была задача снабдить города постоянными лѣкарями, но нельзя не отдать справедливости архіатеру, Іог. Бернг. Фишеру за настойчивость проведенія мысли о необходимости лѣкарей для городского и пригороднаго народонаселенія. Проведенный имъ законъ былъ кажется первымъ законодательнымъ распоряженіемъ о городскихъ врачахъ, повтореннымъ черезъ 47 лѣтъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ при изданіи «городоваго положенія» и положившимъ начало учрежденію *городовыхъ врачей*, существующему и до настоящаго времени.

Читая эти историческіе документы, легко пожалуй придти къ мысли все о той же грубости нравовъ и упрямствѣ, какъ и при реформахъ Петра Великаго, препятствовавшихъ осуществленію полезной мѣры для народа и притомъ недорого стоившей. За 120 рублей въ годъ каждый городъ могъ дескать имѣть лѣкаря, а городовые магистраты, по своей необразованности, отказывали даже и въ этой ничтожной

тратѣ, не понимая важности санитарнаго обезпеченія народа: Но въ первыхъ трата эта, по тогдашнему времени, была далеко не ничтожная, такъ какъ тогдашній рубль во много разъ превосходилъ цѣнностью нынѣшній. Во-вторыхъ, по причинѣ постоянныхъ войнъ, увеличившихъ налоги, и чиновнаго грабительства, не знавшаго границъ, городскіе жители и народъ такъ были истощены въ средствахъ жизни, что иногда буквально умирали съ голода, а потому о новыхъ налогахъ въ пользу лѣкарей, какъ бы ни полезно было ихъ присутствіе, невозможно было и думать. А въ третьихъ наконецъ и то еще вопросъ, видѣли ли городскіе жители и могли ли ожидать какой либо пользы отъ назначенія постоянныхъ лѣкарей въ города. Не умаляя ученаго значенія лѣкарей и подлѣкарей тогдашняго времени, можно однакоже сомнѣваться въ той пользѣ, которой медицинская канцелярія теоретически ожидала отъ нихъ для народа. Большинство ихъ были иностранцы, не говорившіе порусски и съ пренебреженіемъ относившіеся къ русскимъ вообще, а къ простонародью въ особенности. Они считали себя призванными служить правительству, а не народу. Правительство нанимало ихъ за извѣстную плату, ставило на извѣстное мѣсто и поручало лѣчить извѣстныхъ людей; они и становились на это мѣсто, давали лѣкарства тѣмъ, кто придетъ къ нимъ, а если никто не приходилъ, то они и тогда считали себя исполнившими свое дѣло и заслужившими свое жалованье. И въ арміи къ нимъ приходили и брали отъ нихъ лѣкарства. Но ни горожанинъ, ни деревенскій мужикъ не только не приходили къ нимъ, но не довѣряли и лѣкарствамъ, ими выдаваемымъ: а лѣкарямъ было это все равно, лишь бы точно уплачивалось опредѣленное имъ жалованье. Не надобно забывать, что всѣ они были люди пожилые и иногда даже очень старые. Имъ по этому и пріятно было, что городскіе жители рѣдко беспокоятъ ихъ. Позвали къ больному—хорошо, не позвали еще лучше, а самое лучшее—оставили бы въ покоѣ да давали жалованье. Больше ни о чемъ они и не заботились. Наконецъ не надобно упускать изъ вида и тѣхъ понятій, какія господствовали тогда въ народѣ о самыхъ болѣзняхъ и лѣкаряхъ ихъ. Народъ большею частію считалъ болѣзни поупущеніемъ божіимъ за грѣхи человѣческіе и для излѣченія принимался отмаливаться, умилостивлять разгнѣваннаго Бога и св. угодниковъ, а не перечесть волѣ Божіей. По этому въ его мысляхъ лѣченіе казалось даже грѣховнымъ сопротивленіемъ ниспосланному отъ Бога наказанію, сопротивленіемъ, еще болѣе раздражающимъ, а не умилос-

тивляющимъ карательную десницу Божию. Обратиться къ иностранному басурману-лѣбарю значило почти тоже, что связаться съ нечистою силою. И онъ чурался и отрешивался отъ вмѣшательства иностранныхъ лѣбарей. Въ свою очередь и лѣбаря-иностранцы не податливы были на сближеніе съ народомъ. Довольно было ужъ и того, что они были нѣмцы, одного происхожденія съ бироновскими шпіонами и мучителями, державшими страну въ постоянномъ отупляющемъ ужасѣ. А тутъ еще ихъ спѣсъ, своекорыстіе, притязательность и безучастіе къ народнымъ нуждамъ и страданіямъ. Они держали себя какъ завоеватели въ завоеванной странѣ. Народъ ненавидѣлъ и боялся ихъ, а потому и не могъ ожидать отъ нихъ ни доброжелательства вообще, ни помощи въ болѣзняхъ. Возможно, конечно, что бывали и исключенія изъ этого общаго положенія: но они должны были быть крайне рѣдки и принадлежали развѣ позднѣйшему времени. По крайней мѣрѣ то вѣрно, что въ бироновскія времена народъ не дорожилъ присутствіемъ городовыхъ лѣбарей, не по невѣжеству или косности пониманія, а по малой пользѣ для него отъ ихъ безразборнаго водворенія въ городахъ.

Бытовыя условія народа не замедлили оправдать это общее предубѣжденіе. Болѣзни, хворость и смертность не убавлялись, а шли старымъ порядкомъ въ городахъ и деревняхъ. Однѣ изъ болѣзней могли, конечно, объясняться случайными причинами; но за то другія зависѣли прямо отъ безучастія свѣдущихъ людей къ народнымъ страданіямъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежали оспа и сифилитическая болѣзнь. Но оспа проявлялась большею частію временными и скоротечными вспышками, быстро возникавшими и также быстро исчезающими. За то сифилитическая болѣзнь, похожа была на ржавчину, которая медленно, но безостановочно распространялась отъ деревни къ деревнѣ, отъ дома къ дому и день за днемъ, годъ за годомъ, подтачивала здоровье цѣлаго народонаселенія.

Когда именно признано было правительствомъ гибельное вліаніе повсюднаго распространенія сифилиса въ народъ, трудно сказать; но, по сохранившимся свѣдѣніямъ, Екатерина II, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ восшествія своего на престолъ, лично присутствовала въ сенатѣ, въ Москвѣ, при докладѣ дѣла о необходимости принятія дѣятельныхъ мѣръ противъ дальнѣйшаго распространенія этой болѣзни въ городахъ и деревняхъ. Вслѣдствіе этого доклада состоялся се-

натскій указъ на имя медицинской канцеляріи отъ 30 декабря 1762 года слѣдующаго содержанія:

«Указъ изъ правительствующаго сената медицинской канцеляріи. Въ Высочайшее Е. И. В. присутствіе въ правит. сенатѣ разсуждаемо было, что во многихъ россійскихъ городахъ немалое число людей страждутъ заразительными и прилипчивыми болѣзнями, сколько по немѣнью въ тѣхъ мѣстахъ искусныхъ докторовъ и лѣкарей, столь больше отъ стыда, укрывая на себѣ тѣ болѣзни, и отъ того такія вредительныя весьма болѣзни на цѣлыя фамиліи вкореняются, а чрезъ то безвременно неповинные, а особливо и самые младенцы жизнь прекращаютъ; того ради, по указу Е. И. В. правит. сенатъ приказали, для отвращенія того, учредить при городахъ въ пристойномъ отъ оныхъ отдаленіи нарочные къ тому дома и опредѣлить къ онымъ потребное число докторовъ и лѣкарей съ надлежащими медикаментами, а для присмотру за больными надзирателей, и входящихъ въ оныя пользоваться за указную плату; а чтобъ они безъ зазрѣнія туда приходили могли, то опредѣленнымъ къ тому докторамъ и лѣкарямъ такимъ образомъ притомъ поступать надлежитъ, чтобъ входящіе и приводимые отъ кого нибудь для пользованія отнюдь спрашиваемы не были, кто какого рода или фамиліи, но болѣе стараться о скорѣйшемъ ихъ выздоровленіи. И о всемъ томъ медицинской канцеляріи разсуждать, и сдѣлать достаточное учрежденіе, и коликая сумма на то потребна—представить въ правительствующій сенатъ со мнѣніемъ какъ намскоряе. И медицинской канцеляріи учинить о томъ по Е. И. В. указу. Декабря 30 дня 1762 года. Оберъ-секретарь Иванъ Ермолаевъ. Секретарь Алексѣй Данской».

Этотъ указъ требовалъ отъ медицинской канцеляріи слѣшнаго соображенія мѣръ, какія слѣдуетъ принять для его исполненія. И она не замедлила. Черезъ 20 дней представила въ сенатъ (23 января 1763 года) свое мнѣніе «объ учрежденіи сифилитическихъ домовъ на первый разъ, въ видѣ опыта, въ городахъ московской, с.-петербургской и новгородской губерній, съ тѣмъ что ежели по сему положенію за благо принято будетъ, то таковымъ примѣромъ означенные дома и въ прочихъ городахъ учреждены быть могутъ». Вотъ это

«Мнѣніе медицинской канцеляріи объ учрежденіи въ силу указа правительствующаго сената въ россійскихъ городахъ для пользаванія людей отъ заразительныхъ и прилипчивыхъ болѣзней домовъ и о содержаніи при оныхъ медико-хирургическихъ чиновъ съ принад-

лежащими лазаретными и прочими служителями, положено во первых на города московской, с.-петербургской и новгородской губерній, а ежели по сему положенію за благо принято будетъ, то таковымъ примѣромъ означенные дома и въ прочихъ городахъ учреждены быть могутъ.

1. Означенные дома хотя построены будутъ за городомъ, однакоже онымъ какъ можно состоятъ надлежитъ въблизи рѣкъ на высокомъ и веселомъ мѣстоположеніи и для лучшей безопасности не въ весьма дальномъ отъ жилыхъ мѣстъ разстояніи.

2. Оные дома способнѣе признается построить деревянные, точю для прочности на каменномъ фундаментѣ, и для безопасности отъ огня въ разныхъ связяхъ и порядочнымъ расположеніемъ. Покои же въ оныхъ домахъ могутъ быть въ губернскихъ городахъ на сто, а въ прочихъ въ каждомъ на пятьдесятъ человекъ больныхъ; каждый покой не болѣе какъ на шесть, а нѣкоторые на два и на одного человека, для расположенія въ нихъ по болѣзнямъ каждаго болящаго.

3. Ежели соизволено будетъ въ тѣхъ домахъ пользоваться и женскаго пола больныхъ, то для содержанія оныхъ надлежитъ имѣть особливые покои, отгороженные отъ мужскихъ.

4. При каждомъ домѣ на первый случай довольно быть видится по одному лѣкарю, которые состоятъ имѣютъ подъ смотрѣніемъ губернскихъ докторовъ, а жительство онымъ лѣкарямъ имѣтъ при тѣхъ же домахъ въ особой пристойной квартирѣ, дабы всегдашнее надъ больными смотрѣніе имѣтъ могли; чего для и прочіе подчиненные имъ служители въ близости отъ нихъ жить имѣютъ; а ежели со временемъ больныхъ прибавляться будетъ, то и лѣкарей тогда съ подлѣкарями прибавить надлежитъ.

5. При лѣкарѣ надлежитъ быть маленькой аптекѣ съ потребными на вышеозначенное число больныхъ медикаментами, и къ содержанію оныхъ особой камерѣ съ потребными шкафами, а при оной для варенія декоктовъ и составленія прочихъ медикаментовъ кухни и проч.

6. Понеже содержащіяся въ тѣхъ домахъ больные, для лучшаго къ пользованію ихъ успѣха и скорѣйшему исцѣленію, пищею довольствованы быть имѣютъ пристойною по болѣзнямъ и по докторскимъ и лѣкарскимъ распредѣленіямъ въ тѣхъ же домахъ; а въ такомъ случаѣ необходимо будетъ заготовлять всякіе съѣстные припасы: того ради какъ для благовременнаго истребленія или покупки такихъ припасовъ, такъ для управленія прочихъ экономическихъ дѣлъ, которыя со-

стоять въ содержаніи всего строенія въ чистотѣ и исправности, въ заготовленіи дровъ, свѣчъ, угля и прочаго, надлежитъ быть при каждомъ управителю или эконому, изъ какихъ чиновъ соизволено будетъ, исправнымъ, радѣтельнымъ и постояннымъ, коимъ состоятъ въ командѣ опредѣленныхъ къ тѣмъ домамъ лѣкарей.

7. Для такого намѣренія потребны будутъ нѣкоторыя пристойки, анбары, погреба, кухни и прочія принадлежности.

8. Разномѣрножь потребны будутъ, какъ для варенія больнымъ пищи и питья, печенія хлѣбовъ и калачей, такъ для исправленія прочихъ работъ работники.

9. А ежели въ оныхъ лазаретныхъ домахъ для пользованія женщинъ учреждены будутъ особые покои, то равномѣрножь имъ къ надзиранію приготовленія пищи и прочему прислуживанію потребно будетъ опредѣлить изъ женскаго пола способныхъ.

10. Потому же при тѣхъ домахъ надлежитъ быть огородамъ съ обсаженными деревьями, какъ для прогулки больнымъ, такъ для разводу подлежащей онымъ къ пищу зелени и лѣкарственныхъ травъ и овощей.

11. Пристойныя бани для потѣнія и паренія больныхъ и поправляющимся отъ болѣзней необходиможь потребны.

12. На вышеозначенное число больныхъ надлежитъ въ готовности имѣть кровати, нары, тюфяки съ подушками, простынями и одеялами, такъ же всякой поваренной и столовой посуды съ прочими принадлежностями.

13. При лѣкаряхъ надлежитъ быть потребному числу лѣкарскихъ учениковъ, и ежели повелѣно будетъ въ ученики для обученія лѣкарской науки давать изъ градскихъ или обывательскихъ дѣтей, способныхъ и знающихъ грамотѣ, то оныя по довольномъ натверженіи со временемъ могутъ удостоиться въ лѣкарской чинъ при тѣхъ же домахъ. Равномѣрножь для вспоможенія лѣкарямъ надлежитъ имѣть фельдшеровъ или цирюльниковъ, а для прислуживанія около больныхъ потребное число надзирателей изъ оставшихъ отъ воинскихъ командъ, для мытья бѣлья и прочей рухляди портомой, а въ случаѣ надобности къ доенію коровъ и для присмотру за оными воровницы, къ воей должности опредѣлены быть могутъ изъ надзирательскихъ женъ.

14. Докторовъ же довольно быть видится въ каждомъ губернскомъ городѣ по одному, у котораго и прочіе городовые лазареты и лѣзари

въ смотрѣніи и командѣ состоятъ имѣютъ. Оныя доктора должны будутъ тѣ порученныя имъ лазареты объѣзжать и въ нихъ надлежащія распредѣленія чинить, о состояніи оныхъ медицинской канцеляріи рапортовать и о всѣхъ къ поправленію надобностяхъ представлять; лѣкари жъ должны къ лучшему пользованію больныхъ отъ оныхъ докторовъ совѣту требовать и о состояніи лазаретовъ и больныхъ имъ понеѣдѣльно и помѣсечно репортовать, о чемъ, по совершенномъ учрежденіи означенныхъ домовъ, о должности каждаго съ пространнымъ о всемъ наставленіемъ особой регламентъ сочиненъ быть имѣеть.

15. Чтожъ касается до отправления въ тѣхъ домахъ божественной службы и прочихъ духовныхъ потребъ, оное отправлять могутъ ближнихъ приходскихъ церквей священники, или какъ о томъ заблагорасуждено будетъ.

Подписаль Іоаннъ Якобъ Лерхе. Секретарь Иванъ Варингъ.

«По вышеписанному мнѣнію ежели содержаніе медико-хирургическихъ чиновъ и прочихъ лазаретныхъ служителей при учреждаемыхъ въ росейскихъ городахъ лазаретныхъ домахъ положить на три губерніи: московскую, с.-петербургскую и новгородскую, то на произведеніе имъ денежнаго жалованья съ прочими довольствіями обойдется суммы противъ нижеописанной смѣты; а именно:

Губернскимъ <i>докторамъ</i> тремъ, противъ назначеннаго въ планѣ дивизионнымъ, жалованья каждому по 800 р.,	а всѣмъ 2400 р.
Да сверхъ того для разъѣздовъ въ городовыя лазареты, вмѣсто раціоновъ, на экипажъ по 100 р.	» 300 »
Онымъ докторамъ жителство имѣть въ городѣ и на то давать квартиры и по 2 денщика.	
При тѣхъ губернскихъ городовъ лазаретахъ опредѣлены быть имѣютъ заслуженные <i>лѣкари</i> , каждому по 300 р.	» » 900 »
Тѣхъ губерній въ прочіе города, въ каждой при дву и тако при шести лазаретныхъ домахъ опредѣленнымъ лѣкарямъ, каждому по 250, а <i>шестерымъ</i>	» » 1500 »
Губернск. городовъ при лѣкаряхъ, для большаго числа больныхъ, надлежитъ быть еще по одному <i>подлѣкарю</i> , по 120 р.	» » 360 »
По 3 ученика, каждому по 24 р.	» 246 »
По 3 фельдшера изъ цирюльниковъ, знающихъ пиявочнаго и ланцетнаго кровепусканія, каждому по 18 р.	» » 165 »

При лазаретныхъ лѣкаряхъ по 2 ученика, по 24 р.	а всѣмъ	288 р.
По 2 фельдшера изъ цирюльниковъ, по 18 р.	»	216 »
Надзирателей изъ отставныхъ солдатъ, считая на каждые 6 человекъ больныхъ по 1, потребно будетъ ко всѣмъ лазаретнымъ домамъ 100 человекъ, по 12 р.	»	1200 »
Въ денщикахъ при докторахъ и лѣкаряхъ всѣхъ означенныхъ лазаретныхъ домовъ 27 чел., по 12 р.	» »	324 »
И того на жалованье		7866 р.

Онымъ лѣкарямъ и прочимъ служителямъ непремѣнно жить надлежитъ при лазаретныхъ домахъ, коимъ давать также дрова и свѣчи, а денщиковъ по два, подлѣкарямъ же по одному человеку.

Сверхъ означеннаго жалованья ученикамъ на пищу давать порціи, положенныя въ госпитальномъ регламентѣ, а цирюльникамъ и денщикамъ провіантъ противъ солдата.

<i>Медикаментовъ</i> же на первый случай довольно будетъ въ дома губернскихъ городовъ въ каждый на 300 руб., и того въ три дома на 900 руб.; въ городовые пять по 150 руб., и того 900, а во всѣ дома на.	1800 р.	
Сверхъ же сего на всегдѣшнее употребленіе въ каждомъ лазаретномъ домѣ надлежитъ имѣть для случающихся операціевъ по одному ящику съ исправными <i>малюрскими инструментами</i> , по цѣнѣжъ каждый ящикъ обойдется въ 60 руб., а за 9	540 р.	
Всякой аптекарской мѣдной, желѣзной, стеклянной и прочей <i>посуды</i> , иготей, вѣсковъ, разновѣсу и прочаго, по 50 руб., а на 9	450 »	
И того на медикаменты, посуду и инструменты въ первой годъ придется.		2790 р.
А всего .		10656 р.

Примѣч. Опредѣляемые къ лазаретнымъ домамъ лѣкари должны изыскивать и собирать, такъ же отъ приносящихъ покупать къ леченію порученныхъ имъ больныхъ всякія лѣкарственные травы и корни, и къ тому посылать въ поля и огороды учениковъ и надзирателей, чрезъ что покупка медикаментовъ изъ году въ годъ убавляться будетъ.

По вышеописанной сметѣ обойдется жалованья въ годъ на одинъ

лазаретный домъ медицинскимъ и прочимъ служителямъ, кромѣ назначенной порціи и провіанта

на губернской съ докторомъ.	1706 р.
на городской безъ доктора.	458

Медикаментовъ же, посуды, инструментовъ вытребуется на одинъ домъ въ первый годъ

въ губернской на .	410 р.
въ городской на	260 »

На содержаніе же при каждомъ лазаретѣ управителя, работниковъ, и тожъ хлѣбниковъ, портомойницъ и надзирательницъ, за неизвѣстіемъ откуда даны будутъ, въ сей смѣтѣ суммы не положено.

Потому и о опредѣленіи при каждомъ домѣ караула предается на высочайшее разсмотрѣніе правительствующаго сената.

А справку изъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя показано, что находящимся при томъ госпиталѣ для надзиранія больныхъ и работъ рядовымъ служителямъ, такожъ портомойницамъ и у обученія хлѣбной и фельдшерской наукъ школьникамъ производится въ годъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, а именно рядовымъ служителямъ по 7, школьникамъ по 6 р. каждому, наемнымъ портомойницамъ по 12 р. каждой; имъ же всѣмъ провіанта, муки на мѣсяцъ, противъ солдата дачи, по 2 четверика, крупъ по 1 гарнцу, а въ годъ имѣеть быть муки по 3 четверти, крупъ по 1 четверти 4 гарнца; мастеровымъ, т. е. столярамъ, токарю, плотникамъ, обручникамъ, печникамъ, оконщику и матрасчику отъ 7 р. 62 к. до 11 руб., также и провіанта противъ прочихъ. Подписали: Іоаннъ Якобъ Лерхе. Секретарь Иванъ Варингъ.»

Это «мнѣніе» представлено было въ сенатъ 23 января 1763 года при дополненіи, въ которомъ прибавлено слѣдующее: «Во сколькожъ постройка тѣхъ домовъ съ принадлежащими дворовыми зданіями, такожъ заготовленіе прочихъ принадлежностей обойтись можетъ, о томъ медицинской канцеляріи смѣты учинить не можно, ибо о постройкѣ тѣхъ домовъ, на какомъ основаніи онымъ быть и во сколькоихъ покояхъ состоятъ, слѣдуетъ до архитекторскаго расположенія, а приготовленіе прочихъ принадлежностей и съѣстныхъ припасовъ долженствуетъ быть по числу принимаемыхъ въ тѣ дома больныхъ. Притомъ же медицинская канцелярія правительствующему сенату покорнѣйше представить имѣеть, что въ силу состоявшагося въ 1737 году именнаго блаженной и вѣчной славы достойна памяти

государыни императрицы Анны Иоанновны указу во многие города, для пользованія обывателей, изъ бывшихъ въ службѣ лѣбари уже опредѣлены, а въ которыхъ городахъ именно обрѣтаются, тѣмъ при семь слѣдуетъ списокъ. По изысканіюжь способныхъ и въ прочіе знатные города равномѣрно жъ опредѣлены будутъ. И до состоянія по вышеописанному «мнѣнію» высочайшаго повелѣнія отъ оной канцеляріи находящимся въ тѣхъ городахъ и впредь опредѣляемымъ лѣбарямъ подтверждено будетъ, чтобъ о пользованіи и исцѣленіи страждущихъ въ тѣхъ городахъ заразительными и прилипчивыми болѣзнями людей стараться имѣли по крайней возможности и на то пользованіе медикаменты употребляли покупаемые изъ аптекъ за пристойную заплату. А чтобъ страдающіе тѣми болѣзнями для пользованія къ нимъ безъ зазрѣнія приходилъ или къ себѣ призывать ихъ могли, то ихъ и приводимыхъ отъ кого нибудь отнюдь не спрашивать: кто какого ранга или фамиліи, но болѣе стараться о скорѣйшемъ ихъ выздоровленіи, какъ и по регуламъ медико-хирургическаго искусства всякій лѣбарь такимъ порядкомъ предавшихъ ему въ пользованіе поступать долженъ; а ежели кому изъ лѣбарей въ медикаментахъ обстоятъ будетъ надобность, а при отпускѣ плату за нихъ производить будетъ не въ состояніи, онымъ, по требованіямъ ихъ, тѣ медикаменты отпущены быть могутъ на щетъ изъ казенныхъ аптекъ. Впрочемъ же медицинская канцелярія признаетъ, что ежели о учрежденіи особливыхъ для пользованія страждущихъ заразительными и прилипчивыми болѣзнями домовъ по вышеописанному представленію высочайшее соизволеніе и послѣдуетъ, то однакожь онымъ Е. И. В. милосердіемъ изъ подданныхъ Е. И. В. больше пользоваться могутъ немущіе, между коими, такъ какъ и въ семьяхъ ихъ тяжкія и продолжительныя болѣзни болѣе распространяются, нежели у имущихъ, которые для исцѣленія своего отвсюду принадлежащихъ способовъ изыскиваютъ и изыскать себѣ могутъ; а немущіе тѣми болѣзнями страдаютъ безъ всякаго призрѣнія и помочи, причемъ за неспособностію къ работѣ по большей части и пищу получаютъ только отъ мірскаго подаванія и для того къ немалой гнусности нѣжнаго воспитанія людей, особливожь беременныхъ же отвсюду скитаются; того ради оная канцелярія къ высочайшему разсужденію покорнѣйше представляетъ, не соизволеноли будетъ таковыхъ больныхъ въ означенные дома принимать по разсмотрѣнію докторскому и лѣбарскому, и какъ пользованіемъ, такъ и по исцѣленіи ихъ

пищею довольствоваться безъ платы, и до коликаго числа такихъ больныхъ принимать и призирать повелѣно будетъ, о томъ милостивое опредѣленіе учинить.

Въ тоже время посланы были циркулярно указы ко всеѣмъ лѣкарямъ о призираніи и лѣченіи больныхъ прилипчивыми заразительными болѣзнями (10 февраля 1763 года), съ тѣмъ, чтобы они прилагали списки такихъ больныхъ съ обозначеніемъ ихъ болѣзней.

Устройство «сифилитическихъ домовъ» почти совпадало по времени съ устройствомъ «оспенныхъ домовъ» не только въ столицахъ, но и въ весьма отдаленныхъ провинціяхъ. Но послѣднимъ (т. е. оспеннымъ домамъ) болѣе посчастливилось, чѣмъ первымъ, и польза отъ нихъ была очевиднѣе. Да и сама императрица личнымъ опытомъ доказала важность предохраненія людей высокаго званія отъ натуральной оспы. Не такъ было съ сифилитическими домами. Богатые не интересовались ими, бѣдные же и боялись и стыдились ихъ. Къ этому подоспѣли другія затрудненія: безденежье, польская и турецкая войны, чума, пугачевщина и важныя преобразованія въ цѣломъ государственномъ строѣ, отвлекавшія личное вниманіе императрицы (какъ напримѣръ созваніе земской комиссіи для составленія уложенія, составленіе учрежденія о губерніяхъ, городского положенія и т. п.).

По мѣрѣ снабженія городовъ лѣкарями устраивались и городскія больницы, такъ какъ лѣченіе больныхъ (общими болѣзнями) безъ больницъ признавалось затруднительнымъ, а иногда и совсѣмъ невозможнымъ, въ особенности лѣченіе больныхъ неимущихъ. Больницы устраивались небольшихъ размѣровъ и по разнымъ планамъ. Онѣ устраивались въ губернскихъ городахъ и назывались вообще больницами, а также въ мѣстахъ квартированія полковъ и батальоновъ и назывались лазаретами. По справкамъ врачебныхъ управъ, представленнымъ медицинскою коллегіею въ апрѣлѣ 1797 года, оказалось, что большая ихъ часть находятся въ самомъ худомъ положеніи въ разсужденіи строенія, пищи, одежды и мѣстнаго расположенія. Для поправленія этого дѣла составленъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ цесаревича Александра Павловича. Этимъ комитетомъ составлено было *Примѣрное положеніе учреждаемаго при полесыхъ полкахъ лазарета*, высочайше утвержденное 12 марта 1798 года и разосланное во все врачебныя управы для руководства. Въ тоже время медицинскою коллегіею составлено *Примѣчаніе, въ чемъ состоитъ осторожность при устройеніи больничнаго дома*,

куда вошелъ и примѣрный штатъ больницы на 50 больныхъ, съ описаніемъ, что ей слѣдуетъ имѣть на это число больныхъ.

Домъ умопомѣшанныхъ въ С.-Петербургѣ. Для призрѣнія страдавшихъ разстройствомъ умственныхъ способностей почти во все прошлое столѣтіе не имѣлось никакихъ специальныхъ приспособленій, ни въ Петербургѣ, ни въ другомъ какомъ либо мѣстѣ. Но всего нужнѣе такіе пріюты были въ Петербургѣ, по быстрому въ немъ накопленію народонаселенія. Поэтому городская полиція принуждена была собирать ихъ и содержать при полицейскихъ домахъ. Наконецъ ихъ накопилось такъ много, что полицейское призрѣніе сдѣлалось обременительнымъ. Отсюда явилась мысль устроить для нихъ особенную больницу или Дольгаузъ и поручить содержаніе его въ вѣдѣніе спб. генераль-полицеймейстера. Мысль эта выражена въ слѣдующемъ письмѣ с.-петербургскаго генераль-полицеймейстера Н. Чичерина на имя президента медицинской коллегіи барона А. И. Черкасова:

Милостивый Государь

Александръ Пвановичъ!

На словесный отъ меня всеподданнѣйшій докладъ Е. И. В. о собранныхъ нынѣ въ полиціи безумныхъ и бѣшеныхъ людяхъ, гдѣ и какъ оныхъ содержать, высочайше повелѣть изволила, дабы я для содержанія оныхъ нанялъ или изъ казеннаго вѣдомства коллегіи экономіи домовъ выбралъ, а какимъ образомъ оныхъ содержать на то сочинить регламентъ повелѣть соизволила г-ну юстицъ-рату Клингштейну обще съ г. Эйлеромъ и находящимся въ коммерцъ коллегіи г-мъ Бельштейномъ, да отъ коллегіи медицинской г-мъ Пеккеномъ. Чего ради ваше превосходительство прошу оному г-ну Пеккену объявить то высочайшее повелѣніе, а въ прочія мѣста куда надлежитъ отъ меня писано, и чтобъ оные господа могли съѣхавшись положить, гдѣ имъ о томъ разсуждать избрано будетъ мѣсто, въ домахъ ли у нихъ, у кого, или въ присутственномъ гдѣ мѣстѣ, или особливо на то изберуть выгодное мѣсто, что на сіе отъ вашего превосходительства послѣдуетъ, прошу меня неукоснительно увѣдомить, яже съ истиннымъ почтеніемъ пребуду

Вашего Превосходительства, милостиваго государя моего
вѣрно покорнымъ слугою

Николай Чичеринъ (генераль-полицеймейстеръ, генераль поручикъ, сенаторъ и кавалеръ).

1-го ноября 1766 г.

Учрежденная такимъ образомъ комиссія работала очень долго, болѣе 12 лѣтъ, и плодомъ работъ ея было учрежденіе въ С.-Петербургѣ больницы и Дольгауза, открытыхъ 6 мая 1779 года.

А именно 6 мая 1779 с.-петербургскій оберъ полицеймистеръ тайный совѣтникъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ объявилъ высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Больницы и Дольгауза для пользованія больныхъ и сумасшедшихъ и просилъ дать туда 4 подлѣкарей, и туда даны подлѣкари с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя: Матіасъ Вильгельмъ Гопіусъ (произведенный въ лѣкаря 30 сентября 1779) и Николай Виттенбургъ. Черезъ нѣсколько дней (22 мая) туда назначены подлѣкари ревельскаго госпиталя (бывшій въ С.-Петербургѣ въ отпуску) Карлъ Авенариусъ и подлѣкарь Выборгскаго пѣхотнаго полка Осипъ Статковскій (іюля 1779).

Аптеки. Въ Москвѣ, со времени переименованія «Аптекарскаго Приказа» въ «Канцелярію главнѣйшей надворной аптеки», существовали двѣ казенныя аптеки: одна верхняя или надворная и другая нижняя или городская. При учрежденіи московскаго генеральнаго госпиталя къ нимъ прибавилась третья или госпитальная казенная аптека. Въ этомъ числѣ существовали онѣ въ теченіи всего прошлаго столѣтія

Въ Петербургѣ первая казенная аптека открылась почти въ одно время съ заложеніемъ самаго города. Это была гарнизонная аптека, открытая въ 1704. По поводу открытія ея земскіе бурмистры изъ Новгорода поднесли Петру Великому въ подарокъ пять мѣдныхъ кубовъ съ трубами, именно для этой аптеки, и подарокъ очень понравился ему. Подарокъ принялъ управлявшій аптекою аптекарь Иванъ Левкинъ Болдвинъ Эзихъ (18 іюня 1704). Аптекарь тоже радъ былъ подарку, но не успѣлъ даже установить эти кубы, потому что получилъ приказаніе сдать аптеку по описи и готовиться къ отъѣзду въ Смоленскъ, при докторѣ Іоганнѣ Глюсингѣ, «на царскую службу, для лѣченія ратныхъ людей» въ завоевательной войнѣ въ Лифляндіи. Онъ сдалъ аптеку провизору Христіану Эйхлеру, а опись ея представилъ архіатеру Эрскину и дьяку Ивану Невѣжину. Въ послѣдствіи эта аптека получила названіе главной или верхней петербургской аптеки и помѣщалась сперва въ крѣпости, а потомъ, по крайней сырости помѣщенія, перенесена въ собственный домъ медицинской канцеляріи на Ми-

ліонной улицѣ. Объ этой аптекѣ говорится въ указѣ 11 марта 1701 года, посланомъ изъ походной канцеляріи въ московскій губернскій разрядъ, за подписью А. Д. Меншикова: «аптеку вѣдать с.-петербургской губерніи, а на аптекарскіе расходы присылать изъ московской губерніи въ с.-петербургскую канцелярію по вся годы по 50 тысячъ рублевъ». Другимъ указомъ отъ 23 апрѣля 1701 года онъ приказалъ аптеку вѣдать въ Ижорской губерніи и дворцовое село Измайлово съ приписною Игжельскою волостью «для дѣла алхимической посуды и пныхъ работъ, и всѣми вѣдать въ аптекѣ, а въ московской губерніи аптеки и села Измайлова и выше писанныхъ волостей ничѣмъ не вѣдать, а которые съ тѣхъ волостей положенные доходы напередъ сего иманы во дворецъ, и тѣ доходы имать въ аптеку и отсылать въ московскую губернію» и о томъ съ сего указу въ московскую губернію послать указъ, и для вѣдома въ Приказъ Большаго Дворца послать память, чтобъ прислать тѣмъ волостямъ съ писцовыхъ и съ переписныхъ и съ окладныхъ книгъ списки». Другая или нижняя с.-петербургская аптека находилась на Преображенскомъ островѣ, въ каменномъ 3-этажномъ домѣ, гдѣ нынѣ гостиный дворъ. Наконецъ третья или адмиралтейская аптека состояла на Адмиралтейскомъ островѣ ¹⁾. О госпитальныхъ аптекахъ не упоминаемъ, потому въ нихъ не было вольной продажи лѣкарствъ внѣ госпиталей, точно такъ какъ и о придворной аптекѣ.

Аптекарь Христіанъ Эйхлеръ управлялъ главною с.-петербургскою аптекою болѣе двадцати лѣтъ. Но попавъ въ немилость къ Бирону, онъ по его приказанію отрѣшенъ отъ всѣхъ аптекарскихъ дѣлъ и отъ верхней аптеки» (13 мая 1731 года) и сдалъ ее аптекарю Николаю Клавдію Гольсту, управлявшему московскою главною аптекою. Гольстъ не охотно ѣхалъ въ Петербургъ и вовсе не желалъ переселиться изъ Москвы: но дѣлать было нечего и надобно было повиноваться. На его мѣсто къ московской главною аптекѣ назначенъ былъ аптекарь Яковъ Либгольдъ (*Яс. Liebold*) и принялъ эту должность. Черезъ это открылась вакансія въ с.-петербургской главною аптекѣ и ее занялъ аптекарь Давидъ Лапешъ (*David Lapsh*). Либгольдъ уволенъ отъ службы за старостію 28 августа 1749 года, съ пенсією

¹⁾ Адмиралтейскимъ островѣ называлась та часть города, которая находится между Невой и Мойкою или Мьею, а Преображенскимъ островомъ—пространство между Мойкою и Фонтанкою.

одной трети жалованья (по 266 руб. въ годъ). Аптекарь Лапентъ былъ несчастливъ на своемъ мѣстѣ. Въ его управленіе, 25 іюня 1737 года, сгорѣла до тла главная аптека и съ нею вмѣстѣ сгорѣлъ весь архивъ медицинской канцеляріи. Поэтому онъ можетъ быть и желалъ уѣхать изъ Петербурга, а съ отставкою Либгольда открылась возможность исполнить это и онъ воспользовался ею, т. е. перешелъ въ московскую главную аптеку. Тамъ онъ умеръ скоропостижно 19 октября 1755 года.

Аптекарь Христіанъ Эйхлеръ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда забылось старое неудовольствіе и армія нуждалась въ фαρмацевтахъ, опять поступилъ на службу и управлялъ походною аптекою при арміи Минниха въ турецкую войну (1737 года). По возвращеніи изъ похода онъ получилъ въ управленіе кронштадтскую адмиралтейскую аптеку и женился на вдовѣ аптекаря этой же аптеки Іогана Леонарда Нилуса. Умеръ 7 сентября 1751 года ¹⁾.

Почти въ тоже время с.-петербургскою адмиралтейскою аптекою управлялъ аптекарь Христіанъ Дюрупъ (*Christoph Durup*), а послѣ его смерти Іоганъ Модель, женившійся на вдовѣ его. Съ переводомъ Моделя открылась вакансія въ с.-петербургской аптекѣ и занялъ ее (1750) аптекарь Лубенской полевой аптеки Петръ Нейгардтъ (*Peter Neuhardt*). Но послѣ смерти Лапена въ Москвѣ, на его мѣсто, просился Нейгардтъ и былъ переведенъ туда (11 ноября 1755). Умеръ въ Москвѣ 9 апрѣля 1758 года.

По смерти Нейгарда, въ главную московскую аптеку переведенъ изъ Кронштадта аптекарь тамошней адмиралтейской аптеки Давидъ Таненбергъ (*David Tannenbergr*), родной братъ аптекаря при московскомъ генеральномъ госпиталѣ Богдана Андреевича Таненберга. При немъ былъ провизоромъ Христофъ Тиль, а лаборантомъ гезель Михаилъ Юргенсонъ.

На мѣсто переведеннаго въ Москву аптекаря Лапена, въ с.-петербургскую главную аптеку назначенъ (3 ноября 1750) аптекарь с.-петербургской адмиралтейской аптеки Іоганъ Модель (*Ioh. Georg Modell*), пользовавшійся за химическія познанія глубокимъ уваже-

¹⁾ Христіанъ Эйхлеръ родился въ Москвѣ, но получилъ фармацевтическое образованіе за границею, куда посланъ былъ Петромъ Великимъ на казенный счетъ.

нѣмъ современниковъ. Въ послѣдствіи онъ былъ членомъ медицинской коллегіи (1764), членомъ с.-петербургской академіи наукъ (съ 18 ноября 1758) и «имѣлъ смотрѣніе надъ всѣми аптекарями въ С.-Петербургѣ». Состарѣвшись и чувствуя ослабленіе силъ, онъ просилъ увольненія отъ службы и по поводу этой просьбы данъ былъ слѣдующій рескриптъ императрицы Екатерины II на имя барона А. И. Черкасова:

«Александръ Ивановичъ, объявите въ медицинской коллегіи, что мы надворнаго совѣтника Моделя увольняемъ отъ всѣхъ по главной аптекѣ приемовъ и отпусковъ матеріаловъ и всякихъ щетовъ, а повѣщаемъ ему только, сверхъ присутствія въ коллегіи, имѣть надъ главною аптекою и аптекаремъ надзираніе; чего ради опредѣля на мѣсто его аптекаря, кого онъ по особливому знанію своему удостоитъ, приказать оному быть подъ его наставленіемъ. *Екатерина*, 31 октября 1773 года».

Пользуясь этимъ правомъ избрать себѣ замѣстителя, Модель избралъ для этого провизора тойже главной аптеки Георга Ленштубе (*Georg Lonstube*), котораго медицинская коллегія и утвердила аптекаремъ ¹⁾. Модель умеръ 22 марта 1775 года ²⁾. По смерти Моделя Ленштубе занялъ его мѣсто въ медицинской коллегіи. Но онъ недолго занималъ его. Послѣ его смерти управление с.-петербургской главною аптекою перешло къ аптекарю Бернгарду Винтербергеру (*Bernhard Gottfried Winterberger*), а вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствіе въ медицинской коллегіи (1785). Почти въ тоже время лаборантомъ главной аптеки опредѣленъ аптекаръ Тобіасъ Ловицъ (*Tobias Lowitz*), славившійся химическими познаніями. Онъ работалъ въ аптечномъ запасномъ магазинѣ и въ тоже время преподавалъ химию и фармацію

¹⁾ Аптекарь Г. Ленштубе началъ службу въ 1750 году ученикомъ въ с.-петербургской главной аптекѣ; произведенъ 29 мая 1755 гезелемъ; 15 марта 1770 года провизоромъ и въ 1774 году аптекаремъ.

²⁾ Иванъ Модель принятъ въ русскую службу въ 1737 году гезелемъ къ с.-петербургскому медицинскому огороду. Передъ этимъ только что умеръ гезель с.-петербургской главной аптеки *Gottfried Conrad Justin*, преподававшій курсъ химіи и фармаціи подлѣкарямъ и ученикамъ обоихъ петербургскихъ госпиталей и на его мѣсто «до времени» помѣщенъ Модель, съ порученіемъ преподавать выше означенные предметы. Это преподаваніе и дало ему возможность выказать свои знанія, въ послѣдствіе прославившія его. Въ 1741 году онъ произведенъ въ аптекари въ с.-петербургскую адмиралтейскую аптеку, откуда въ 1750 году переведенъ въ с.-петербургскую главную аптеку.

въ с.-петербургскихъ обонхъ госпиталяхъ (1796), пока къ преподаванію химіи не приглашенъ былъ академикъ В. Севергинъ. Завѣдывалъ этимъ магазиномъ и с.-петербургскимъ ботаническимъ садомъ аптекаръ Богданъ Винтербергеръ, съ званіемъ директора.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1799 года въ западной Европѣ много занимались вопросомъ о добываніи водки изъ моркови и сахара изъ свекловицы. Сахаръ открытъ французомъ Ашаромъ, а на приготовленіе водки изъ моркови указалъ прусскій аптекаръ Франкъ. Свѣденія эти дошли до императора Павла Петровича и по его приказанію, изложенному въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя барона А. П. Васильева:— Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей, баронъ Васильевъ. Изобрѣтенный аптекаремъ Биндгеймомъ (*Joh. Jacob Bindheim*) новый способъ въ дѣланіи сахару, не заимствуясь изъ иностранныхъ земель пескомъ, изъ одной только бѣлой свеклы, повелѣваю вамъ рассмотреть въ медицинской коллегіи и сдѣлавъ надъ онымъ опытъ, хорошаго ли качества будетъ выходить сахаръ и съ какою выгодною, мнѣ донести. Пребываю впрочемъ вамъ благосклоннымъ! *Павелъ*. Петерговъ, 5 го іюля 1800 года».—начались повѣрочные опыты. Первые изъ этихъ опытовъ произведены аптекаремъ с.-петербургскаго-адмиралтейскаго госпиталя Иваномъ Цамомъ (*Joh. Zahn*) и показали, что водку можно гнать не изъ моркови, а изъ красной свеклы (*Beta vulgaris*). Взявъ 3 пуда сырой свеклы и обработавъ ее съ полквартою дрожжей онъ получилъ, послѣ второй перегонки обыкновенную водку, а послѣ третьей перегонки 3 фунта чистаго крѣпкаго спирта и 1 фунтъ флегмы. Опыты эти повторены аптекарями Богданомъ Винтербергеромъ и Т. Ловицомъ въ запасномъ аптечномъ магазинѣ и вполне подтвердили (24 января 1800) заявленіе Цама. Послѣ того сдѣлано распоряженіе о повтореніи тѣхъ же опытовъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Поручены они въ Лубнахъ аптекарю Якову Штраубе, завѣдывавшему тамошнюю полевою аптекою, въ Астрахани—аптекарю Карлу Цеттелеру и въ Херсонѣ аптекарю Ивану Штендеру, завѣдывавшему мѣстною полевою аптекою, и тоже удались.

Въ тоже время Т. Ловиць повторилъ опыты съ бѣлою свеклою Ашара и нашелъ въ ней сахаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ въ ней большое количество селитры, а именно въ 12 унцахъ сиропа 6 драхмъ чистой селитры. Удостоверившись въ этомъ фактѣ, онъ представилъ его с.-петербургской академіи наукъ, вмѣстѣ съ тремя вопросами, на

которые просили категорическаго отвѣта. Академія наукъ, черезъ конференцъ-секретаря своего Югана Альбрехта Эйлера, спросила медицинскую коллегію: важно ли это (содержаніе селитры въ сахарномъ сыропѣ) и нужно ли объ этомъ публиковать? Ловицъ хотѣлъ знать: 1) не вредно ли употреблять свекловичный сахаръ (по содержанію въ немъ селитры)? 2) нельзя ли употреблять его вмѣсто лѣкарства и помѣстить въ фармакопей? 3) Не нужно ли по первому обстоятельству, предупредить публику о хозяйственномъ употребленіи этого сыропа? Коллегія поручила изслѣдованіе этого дѣла члену своему штатдѣ-физику Егору Элизену и онъ отвѣчалъ, что свекловичный сыропъ не слѣдуетъ дозволить во всеобщее употребленіе, какъ діетическое средство; не слѣдуетъ употреблять и какъ лѣкарство, а потому нѣтъ надобности публиковать что либо по третьему пункту. Вмѣсто того онъ предложилъ готовить и употреблять сыропъ изъ пастернака, который изслѣдованъ Ловицомъ же и не содержитъ селитры (6 марта 1800 года ¹⁾). Въ то же время Ловицъ представилъ медицинской коллегіи рукопись свою *о вновь изобрѣтенномъ имъ способѣ готовить самую крѣпкую уксусную кислоту* и коллегія разрѣшила напечатать ее (15 марта 1800 года).

Въ послѣдніе два года прошлаго столѣтія главная рецептурная аптека и запасный аптечный магазинъ въ С.-Петербургѣ сдѣлались какъ бы запаснымъ мѣстомъ, къ которому причислялись всѣ аптекари не имѣвшіе штатныхъ мѣстъ, но ожидавшіе ихъ и по мнѣнію медицинской коллегіи не долженствовавшіе потеряться изъ вида. Такъ, провизоръ Самуиль Швенцонъ (*Samuel Shwenzon*) по экзамену въ с.-петербургскомъ физикатѣ утверждень аптекаремъ (7 апрѣля 1799) и причисленъ къ с.-петербургскому аптечному запасному магазину ¹⁾.

¹⁾ Аптекарь Биндгеймъ назывался императорскаго московскаго университета публичный демонстраторъ химическихъ и фармацевтическихъ наукъ, членъ с.-петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества, берлинскаго Общества естествоиспытателей и московскій аптекарь. По поднятому имъ вопросу медицинская коллегія напечатала цѣлую книгу, со сводомъ всѣхъ писателей говорившихъ о выдѣлѣ сахару изъ свеклы и свекловыхъ плантаціяхъ.

²⁾ Экзаминаторами были штатдѣ-физикъ Элизенъ и аптекари Б. Винтербергеръ, П. Цамъ и Г. Ловицъ. Они предложили приготовить: *mercurium phosphori, thurpethum minerale, tincturam antimonii nigram et terram foliatam tartari* и повидимому довольны были его званіями, потому что дали ему званіе аптекарл.

По выдержаніи экзамена онъ представилъ коллегіи *Описаніе астраханской нечищенной соли* и тѣхъ продуктовъ, которые можно получить изъ нея. Коллегія послала его работу къ аптекарю астраханской полевой аптеки К. Цетлеру для провѣрки его опытовъ: но Цетлеръ кажется не очень одобрительно отозвался о ней. Въ послѣдствіи времени Швенцонъ былъ первымъ аптекаремъ при студенческой аптекѣ с.-петербургской медико-хирургической академіи.

Аптекарь Егоръ Бунге (*Georg Richard Bunge*), сынъ аптекаря, русскій подданный, получилъ фармацевтическое образованіе въ петербургскихъ аптекахъ, потомъ служилъ гезелемъ въ ревельской адмиралтейской аптекѣ, и затѣмъ опять возвратился въ с.-петербургскую главную аптеку и тамъ по экзаменамъ произведенъ прозекторомъ (31 мая 1789) и аптекаремъ (4 сентября 1791). Онъ причисленъ былъ къ аптечному магазину около шести лѣтъ и затѣмъ назначенъ былъ аптекаремъ въ главную рецептурную аптеку (послѣ Винтербергера).

Аптекарь Андрей Ивановичъ Пель (*Heinrich Pehl*) учился сперва въ главной, а потомъ въ с.-петербургской адмиралтейской аптекахъ (1761—1767) и по производствѣ въ провизоры отправленъ въ тобольскую аптеку. Пробывъ тамъ три года, переведенъ въ московскую главную аптеку для экзамена. Выдержавъ его и получивъ званіе аптекаря (1 февраля 1778), назначенъ провизоромъ въ с.-петерб. главную аптеку. Черезъ четыре года послѣ того опредѣленъ (7 апрѣля 1782) аптекаремъ въ архангелогородскую адмиралтейскую аптеку и прослуживъ тамъ десять лѣтъ уволенъ по прошенію отъ службы (22 января 1792, съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Приѣхавъ въ С.Петербургъ, опять сталъ искать мѣста и опредѣленъ въ запасный аптечный магазинъ съ старшимъ гезельскимъ жалованьемъ (по 200 руб.), но вскорѣ зачисленъ лаборантомъ при томъ же магазинѣ (20 іюля 1800).

Въ с.-петербургской адмиралтеской аптекѣ, послѣ отъѣзда аптекаря Нейгардта въ Москву, на эту вакансію опредѣленъ изъ Астрахани управлявшій тамъ полевой аптекою Іоганнъ Мадебургъ (*Johann Friedrich Madeburg*), служившій прежде провизоромъ въ с.-петербургской главной аптекѣ.

Преемникомъ его былъ аптекарь Александръ Михайловскій (1785).

Въ с.-петербургской нижней аптекѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, состояли на службѣ аптекари Георгъ Диттрихъ (*Georg Friedrich Ditterich*), Балтазаръ Виль и Іоганнъ Давіель Биганъ.

Надобно впрочемъ прибавить, что здѣсь упомянуты тѣ только аптекари, которые болѣе или менѣе долго занимали мѣста свои. Перечислить же всѣхъ нѣтъ возможности, какъ по большому числу ихъ, такъ и по краткости службы. По штату 12 февраля 1799 года нижняя аптека въ С.-Петербургѣ упразднена, а главная переименована въ главную рецептурную аптеку.

Въ придворной аптекѣ состояли на службѣ, въ послѣдовательномъ порядкѣ аптекари: Иоганнъ Беккеръ (*Joh. Albrch Becker*, 1733), Фридрихъ Дитрихъ, Ефраимъ Сондрамъ, Максимъ Брисворнъ, Вильгельмъ-Людольфъ Грeve и Иог. Фридрихъ Ганнеманъ (1792).

При московской главной аптекѣ состояли, послѣ Давида Танненберга, аптекари Михаилъ Юргенсонъ (1785), Александръ Леффе и Иоганнъ Штендеръ (1800). Московская главная аптека помѣщалась въ Москвѣ на Моховой. Но, по желанію московскаго университета, занимаемый ею домъ отданъ университету (1757 года¹), а подъ аптеку взять домъ у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ и прежде помѣщалась аптека, а во рву ботаническій садъ.

Полевая аптеки имѣли главною цѣлью снабженіе военныхъ командъ лѣкарствами и всѣми медицинскими потребностями въ военное время и по возможности вблизи сосредоточенія войскъ. По задачѣ своей и по исполненію этой задачи полевая аптека представляли нѣкоторую аналогію съ полевыми госпиталями: какъ полевые госпитали открывались вблизи расположенія войскъ и большею частію по границамъ государства, но открывались независимо отъ большихъ генеральныхъ госпиталей, такъ и подвижныя аптеки учреждались близъ сосредоточенія войскъ, т. е. преимущественно близъ окраинъ страны, но независимо отъ большихъ столпныхъ аптекъ. Въ этому надобно прибавить, что полевая аптека вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточивала въ себѣ все медицинское хозяйство той части войскъ, къ которой она приписана, всѣ мастерскія для починки хирургическихъ инструментовъ и даже всѣ денежныя суммы на удовлетвореніе медицинскихъ чиновъ жалованьемъ и на пополненіе аптечныхъ матеріаловъ и запасовъ. Сверхъ того полевая аптеки служили нѣкоторымъ образомъ практическими школами для молодыхъ фармацевтовъ, приучая ихъ къ самостоятельной дѣятельности по своей части. Поэтому не удивительно, что аптечный фармацевтическій персоналъ въ большихъ столичныхъ аптекахъ пополнялся и освѣжался фармацевтами, прошедшими школу дѣятельности полевыхъ аптекъ. Такимъ образомъ кругъ ученія фармацевтовъ

представлялъ слѣдующій порядокъ постепенности: молодые ученики принимались въ главныя аптеки и здѣсь знакомились съ элементарными и общими понятіями о фармаціи. Пробывъ на этомъ курсѣ четыре или пять лѣтъ, ученикъ экзаминовался на степень гезеля и, получивъ ее, направлялся въ какую либо полевую аптеку и обязывался пробыть тамъ еще нѣсколько лѣтъ, чтобы приготовиться въ экзамену на степень провизора. По выдержаніи этого экзамена, молодой человекъ, уже приобрѣтшій достаточный запасъ опытности, опять возвращался въ которую либо изъ главныхъ (столичныхъ или провиціальныхъ) аптекъ въ званіи и съ правами управляющаго аптекою или аптекаря.

Первыя двѣ полевыя аптеки устроены были въ 1716 году; но онѣ были такъ бѣдны, что едвали могли соотвѣтствовать своему назначенію. Объ нихъ мало имѣется свѣдѣній. Въ 1720 году, указомъ 13 апрѣля, Петръ Великій приказалъ устроить въ Астрахани небольшую полевую аптеку для войскъ «Низоваго корпуса», предназначеннаго къ войнѣ съ Персією. Эта аптека существовала до конца прошлаго столѣтія и по именному повелѣнію императора Павла Петровича, 5 іюня 1797 года, закрыта на томъ основаніи, что не задолго до этого подобная же аптека заведена въ Георгіевской крѣпости для войскъ Кавказской линіи и сумма, причитавшаяся по штату 1786 года на астраханскую аптеку, обращена на георгіевскую аптеку. По штату медицинской коллегіи 9 января 1733 года учреждены были четыре полевыя аптеки (по мирному времени) въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, въ Украинѣ (въ Лубнахъ) и въ Астрахани. Въ каждой изъ нихъ положены по одному аптекарю, гезелю, аптекарскому ученику, писарю, по 2 фурлейта и раціоновъ на 4 лошади. Но такой личный составъ вскорѣ оказался недостаточнымъ и именнымъ указомъ 28 марта 1736 года составленъ новый штатъ ихъ по мирному и военному времени и вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованъ «регламентъ» ихъ. Аптекъ устроено четыре: с.-петербургская или Выборгская, Смоленская или Рижская, Лубенская и Астраханская ¹⁾. По этому штату

¹⁾ Аптеки съ двумя названіями устроивались то въ одномъ, то въ другомъ изъ означенныхъ городовъ.

Штатъ полевыхъ аптекъ 1736 года.

Ихъ было 4 и въ нихъ: аптекарей 4, жалованье каждому 300 р.
гезелей 4 (въ Лубенской 1 лишній). 120 »

положены въ каждой аптекѣ: 1 аптекаръ, 2 гезеля, 9 фурлейтовъ и 26 лошадей. Въ военное время число чиновъ, вромѣ аптекаря, могло увеличиваться, смотря по надобности. На содержаніе каждой аптеки полагалось въ мирное время 2967 р. 16 к., а въ военное время 3915 р. 80 к. Въ военное время рѣдко случалось, чтобы полевая аптека въ полномъ составѣ выходила въ походъ; большею же частію эта послѣдняя формировала своими средствами и съ своимъ персоналомъ походное отдѣленіе аптеки. Въ послѣдствіи времени число полевыхъ аптекъ увеличилось и нѣкоторыя изъ нихъ учреждались на время, а другія замѣняли въ городахъ постоянныя казенныя аптеки. Такимъ образомъ существовали казенныя аптеки въ Воронежѣ, въ Архангельскѣ, въ Ревелѣ, въ Херсонѣ, въ Кронштадтѣ, въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, въ Оренбургѣ, въ Казани и т. п. Въ мирное время всѣ полевыя и мѣстныя аптеки снабжали лѣкарствами и перевязочными припасами окружныя мѣстныя военныя бранды; въ военное же время онѣ освобождались отъ этой обязанности и военныя мѣстныя бранды снабжались отъ главныхъ аптекъ или запасныхъ магазиновъ.

Заведеніе *вольныхъ аптекъ* въ Москвѣ шло весьма быстро. Это объясняется широкими привилегіями и льготами, данными имъ Петромъ Великимъ. Указомъ 20 ноября 1701 года приказано завести въ Москвѣ 8 новыхъ аптекъ на многочисленныхъ улицахъ съ извѣстными правилами, подъ вѣдомствомъ посольскаго приказа, и съ дозволеніемъ безошлнно покупать лѣкарства въ архангельскомъ и въ азовскомъ портахъ, гдѣ кому сручнѣе.

Въ указѣ сената 1721 года, по донесенію медицинской канцеляріи объ аптекахъ и госпиталяхъ, въ 4 пунктѣ сказано: въ С.-Петербургѣ и губерніяхъ и провинціяхъ позволить содержать вольныя аптеки противъ того какъ въ Москвѣ, подъ смотрѣніемъ медицинской канцеляріи.

учениковъ 8	24 р.
писарей 4	40 »
фурлейтовъ 24 (и въ Лубенской 2 лишнихъ)	10 » 75 к.
вагенмейстеровъ 4	24 » — »
на канцелярскіе расходы въ каждую	10 » — «

А всего въ мирное время на сумму 2567 р. 56 коп. Въ военное же время къ каждой аптекѣ прибавлялось по 9 фурлейтовъ.

*

Въ регламентѣ мануфактуръ коллегіи 3-го декабря 1723 года, въ 23 пунктѣ, объ объявленіи въ другихъ государствахъ мастеровымъ людямъ всякихъ художествъ чтобы они ѣхали въ російскую имперію и о заводѣ ими фабрикъ и мануфактуръ своимъ коштомъ и о вольностяхъ, какія имъ въ управленіи тѣхъ мануфактуръ и фабрикъ дадутся—въ 5 артикулѣ напечатано: отъ всякихъ поборовъ и службъ и постоевъ свободны и нигдѣ индѣ въ вѣдѣніи будутъ, но тоемо въ одной мануфактуръ-коллегіи, которая ихъ охранять и защищать должна.

Въ резолюціи сената 20 мая 1726 года приказано медицинской канцеляріи подать ему донесеніе, въ которыхъ губерніяхъ и провинціяхъ вольныя аптеки заведены, а буде не заведены—зачѣмъ и былили о произвожденіи оныхъ просители и стараться той канцеляріи, чтобъ такія аптеки были учреждены и доктора и аптекари опредѣлены были; а на первый случай если кто своимъ коштомъ завестись не можетъ, то медицинской канцеляріи вспомогать матеріалами и медикаментами съ надежными поруками, и отпускать медикаменты изъ казенныхъ аптекъ за деньги, кто не можетъ самъ выписать изъ за моря. И кто будетъ требовать подъ аптеку казенные дома и строения, о таковыхъ доносить въ сенатъ, и будутъ удовольствованы въ томъ требованіи по разсмотрѣніи по приличности.

По этому приглашенію въ Москвѣ стали открываться вольныя аптеки и къ половинѣ столѣтія ихъ было уже больше 12 ¹⁾.

Другое дѣло было въ С.-Петербургѣ. Населеніе новой столицы было очень не велико и росло медленно; стало быть аптекарская торговля, не смотря на монополію и безошлинность покупки лѣкарствъ, не могла быть очень выгодна. А тутъ еще конкуренція казенныхъ аптекъ. Поэтому первая вольная аптека въ Петербургѣ открылась не ранѣ пятидесяти лѣтъ со времени основанія Петербурга. Открылъ ее аптекарь Мартинъ Берндтъ (*Martin Berndt*), 29 января 1760

¹⁾ Вотъ имена первыхъ аптекарей, открывшихъ вольныя аптеки въ Москвѣ по В. Рихтеру) въ первую половину XVIII столѣтія: *Joh. Gottfried Gregorius*, *Daniel Gurtzin*, *Michael Jessen Arnhit*, Алексѣй *Меркуловъ*, *Abraham Ruth*, Гаврило *Бишевскій*, *Albert Georg Sander*, Гаврило *Саульсъ*, Казиміръ *Мейеръ*, Говій *Мейеръ*, и Андрей и Николай *Кондиковы*. Но вѣроятно тутъ перечислены не всѣ. Такъ напримѣръ не упоминается аптека Готтерда *Танненберга*, которою управлялъ провизоръ *Daniel Joachim Lühte*. Куплена она была Танненбергомъ у Саульса-отца.

года, на Мѣщанской улицѣ, за Синимъ мостомъ, гдѣ она существуетъ и въ настоящее время ¹⁾).

Надобно впрочемъ прибавить, что въ губернскихъ городахъ заведеніе вольныхъ аптекъ шло еще медленнѣе. Такъ напримѣръ въ Балугѣ первая аптека открыта только въ 1778 году. Устроена она по приглашенію валужскаго намѣстника генераль-поручика .Михаила Никитича Бречетникова аптекаремъ московской партикулярной ап-

¹⁾ Аптекарь Мартинъ Берндтъ, уроженецъ изъ польскаго города Шверина, учился аптекарской наукѣ 6 лѣтъ у городского аптекаря Христ. Готляба Блашке; въ 1745 году произведенъ въ гезели и еще годъ оставался у того же аптекаря, а потомъ въ другихъ аптекахъ, въ разныхъ городахъ. Въ 1753 году аптекарь Модель вызвалъ его въ С.-Петербургъ по капитуляціи на три года и опредѣлил гезелемъ въ с.-петербургскую главную аптеку. По окончаніи срока капитуляціи онъ не думалъ уже о возвращеніи на родину и 20 января 1757 года подавъ прошеніе о дозволеніи открыть собственную частную аптеку и о допущеніи по этому поводу къ экзамену. Экзаменовали его аптекари нижней с.-петербургской аптеки Магдебургъ и с.-петербургскаго госпиталя Богданъ Гебгартъ и признали достойнымъ званія аптекаря. Вѣстѣ съ тѣмъ ему дано позволеніе прискипать въ теченіи пяти лѣтъ удобный домъ подъ аптеку, а если можетъ, то и скорѣе, и снабдить себя всѣмъ необходимымъ. Онъ все это устроилъ въ полтора года и донесъ (1760), что аптека готова. Медицинская канцелярія назначила комиссію для освидѣтельствованія ея, въ которую вошли доктора Вахерахтъ; Лерхе, Пеккенъ, Баршъ и аптекари Модель, Балтазаръ Валь и Мадебургъ и штабъ-лѣхваръ Польманъ. Они удостовѣрились, что аптека снабжена всѣмъ необходимымъ (25 января 1761). Тогда онъ уволенъ отъ государственной службы, принесъ присягу какъ аптекарь, принявшій на себя самостоятельную отвѣтственность и получилъ указъ съ инструкціею (30 января 1761) и позволеніе открыть аптеку, т. е. объявить объ открытіи ея въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

Спустя ровно годъ съ открытія аптеки, Берндтъ рѣшился построить собственный домъ подъ аптеку и просилъ отвести ему мѣсто отъ казны не близко отъ казенныхъ аптекъ (23 января 1762). Медицинская канцелярія снеслась объ этомъ съ полицейскою канцеляріею. Последняя поручила это дѣло архитектору Янобелю, который донесъ, что Берндтъ требуетъ мѣста либо на Невской перспективѣ, противъ церкви Рождества Богородицы, гдѣ былъ манежъ, либо на берегу Глухой рѣчки, противъ двора сабриганта Милютина, которое предназначено по плану адмиралтейской части въ придачу къ обывательскимъ дворамъ, и оба мѣста нельзя дать въ частное владѣніе. Вслѣдъ затѣмъ Берндтъ самъ купилъ себѣ мѣсто при домѣ отъ действительнаго статскаго совѣтника, доктора и въ послѣдствіи лейбъ-медика Барла Крузе, по берегу рѣки Мылъ, близъ Синяго моста на Мѣщанскую улицу, въ межахъ между дворомъ дворянина Никиты Демидова и домомъ самого Крузе, мѣромъ въ поперечникѣ 24, а длиннику 30 саженъ и выстроилъ себѣ каменный домъ съ садомъ и банею.

теки Иваномъ Дурупомъ на свой счетъ. Но Дурупъ самъ не управлялъ ею, а пригласилъ для этого провизора Юганна Христіана Лемке, служившаго гезелемъ при московской павловской аптекѣ. Для освидѣтельствванія ея пріѣзжалъ изъ Москвы штатдт-физикъ Шафонскій и открылъ ее 30 августа 1778 года. Но Дурупъ умеръ 3 октября 1779 года и вдова его продала аптеку калужскому купцу и бургомистру Ивану Григорьевичу Губкину, у котораго перекупилъ ее Генрихъ Авраамъ Rudolph, гезель изъ Гамбурга, произведенный въ провизоры.

Въ Симбирскѣ первая аптека открыта въ 1778 году аптекаремъ Даниломъ Фельша. Онъ жаловался, что капитанъ артиллеріи и предсѣдатель верхней расправы въ Симбирскѣ Александръ Соковнинъ нарушаетъ права его, приготовляя у себя всякія лѣкарства и отпускаетъ ихъ въ народъ на продажу. Черезъ два года (1782) жалоба повторилась и медицинская коллегія, по донесенію доктора симбирскаго намѣстничества Григорія Тимченко, принуждена была написать объ этомъ въ военную коллегію, которая и запретила Соковнину заниматься аптекарскимъ дѣломъ.

Въ Перми первая аптека заведена аптекаремъ Гебгартомъ Дидрихомъ Дрейеромъ, въ 1786 году, а въ Нижнемъ Новгородѣ—аптекаремъ, пруссакомъ, Георгомъ Христіаномъ Эвеніусомъ въ 1780 году.

Аптекарскіе огороды и ботаническіе сады. По понятіямъ врачей и фармацевтовъ XVIII столѣтія рядомъ съ большими или главными аптеками должны были стоять «аптекарскіе огороды», въ послѣдствіи времени превратившіеся въ ботаническіе сады. Въ Россіи было ихъ четыре: с.-петербургскій, московскій, лубенскій и купенскій или астраханскій, при соотвѣтственныхъ аптекахъ. Аптекарскіе огороды служили запасными магазинами аптечныхъ матеріаловъ и въ тоже время обширными лабораторіями для химико-фармацевтическихъ операцій. Въ дѣлѣ обученія аптекарскихъ учениковъ и гезелей (будущихъ аптекарей) они такъ-сказать доканчивали или должны бы были доканчивать образованіе ихъ исключительно практическими работами, хотя нигдѣ не говорится, чтобы въ дѣлѣ ученія аптекарскихъ учениковъ и гезелей существовала послѣдовательная связь аптечного и огороднаго курсовъ. Были ученики въ аптекахъ, были они и въ огородахъ, но тѣ и другіе начинали и оканчивали ученіе совершенно отдѣльно.

Что касается госпитальныхъ учениковъ, то аптечные огороды и

возникшіе изъ нихъ ботаническіе сады служили для нагляднаго обученія ихъ ботаникѣ и фармакогнозіи. Тамъ госпитальные аптекари и другіе преподаватели ботаники и фармакогнозіи обязаны были учить ихъ распознаванію оффициальныхъ травъ и кореньевъ, для чего и должны были ходить съ ними въ госпитальные огороды и близнія поля, а временами и въ аптекарскій садъ, изъ коего по требованію ихъ приказано давать нужныя травы и растенія въ госпиталь, при чемъ толковать имъ не только названія, но и лѣкарственное употребленіе и дѣйствіе ихъ (1763).

Аптекарскій огородъ въ С.-Петербургѣ учрежденъ въ 1719 году на Аптекарскомъ островѣ, избранномъ Петромъ Великимъ и на всегда для этого отданномъ въ распоряженіе медицинскаго вѣдомства, т. е. въ вѣдомство архіатера съ его канцелярією. Онъ существуетъ и нынѣ подъ названіемъ ботаническаго сада, но уже не подлежитъ медицинскому распоряженію. Былъ въ Петербургѣ и другой небольшой садъ, называвшійся иногда «аптекарскимъ огородомъ при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ», заведенный по предложенію старшаго доктора с.-петербургскаго сухопутнаго госпиталя Полетивки, 22 іюня 1758, собственно для этого госпиталя «за прудомъ на луговомъ мѣстѣ, съ постройкою парниковъ и теплицъ, для обученія подлѣварей и учениковъ ботаникѣ». Онъ предназначался для посѣва аптечныхъ травъ и сѣмянъ, лежавшаго на обязанности госпитального аптекаря. Остатки его и теперь существуютъ на пространствѣ между клиническимъ госпиталемъ, клиническою больницею баронета Вилліе и медико-хирургическою академією.

Московскій аптекарскій огородъ, переименованный въ послѣдствіи въ ботаническій садъ, находился при московской главной аптекѣ, именно на проѣзжей улицѣ изъ Тверской ямской въ Будино: аптека стояла на кудринской улицѣ, а садъ позади нея. Подъ аптекою съ садомъ и пустопорожнымъ полемъ было въ 1794 году 5 десятинъ и 628 квадратныхъ сажень, а именно: подъ аптечными строеніями, фасадомъ на кудринскую улицу, 1 десятина и 1602 кв. сажень; подъ регулярнымъ садомъ за нею, обращеннымъ къ проѣзжей дорогѣ въ Будино, 1 десятина 1316 кв. сажень; подъ полемъ, опредѣленнымъ для посѣва разныхъ нужныхъ для аптеки произрастеній, обращеннымъ къ мѣсту княгини Щербатовой, 1 десятина 1700 кв. сажень; подъ пустымъ и незасѣваемымъ полемъ, обращеннымъ къ мѣсту Бутурлина, позади регулярнаго сада, 810 квадратныхъ сажень. На

иѣренія эти сдѣланы по порученію медицинской коллегіи, членами ея Степаномъ Андреевскимъ и Іосифомъ Каменецкимъ.

Первымъ директоромъ с.-петербургскаго медицинскаго огорода, *praefectus horti medici*, какъ онъ самъ себя называлъ, былъ докторъ Георгій Сигезбекъ (*Georgius Siegesbek*), человекъ весьма образованный и знатокъ ботаники. Ознакомившись съ петербургскою флорою; онъ издалъ описаніе ея подъ заглавіемъ *Primitiae florum petropolitanae*, Rigaе, 1737. Въ изданіи этого сочиненія помогалъ ему архіатеръ Joh. Bernhardt Fischer. Помогалъ не только деньгами изъ медицинской канцеляріи, но и тѣмъ еще, что лично читалъ въ С.-Петербургѣ вторую корректуру изданія, между тѣмъ какъ первую корректуру читалъ докторъ Граафъ въ Ригѣ, а послѣднюю самъ авторъ въ Петербургѣ же ¹⁾. Вторымъ лицомъ въ медицинскомъ огородѣ былъ садовникъ Матвѣй Диркъ де Брюинъ (*Math. Dirck de Bruyn*), имѣвшій помощникомъ садоваго гезеля Іоганна Мадебурга (*Joh. Friedrich Madeburg*), управлявшаго въ послѣдствіи с.-петербургскою нижнею аптекою.

Всѣ эти лица около десяти лѣтъ работали въ ботаническомъ саду и между прочимъ, по штату 1733 года, имѣли порученіе преподавать ботанику и фармакогнозію поддѣлкарямъ и ученикамъ только что учрежденных въ Петербургѣ госпитальныхъ школъ. Сигезбекъ даже и жилъ въ аптекарскомъ саду, не смотря на то, что временно исправлялъ должность старшаго доктора с.-петербургскаго генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя (1739); оставилъ же эту квартиру, когда избранъ былъ въ члены с.-петербургской академіи наукъ, 14 апрѣля 1742).

По выбытіи доктора Сигезбека, должность директора аптекарскаго сада упразднена и лица, замѣнившія его, получили званіе—одинъ садовника, другой—дестиллятора, и оба они должны были быть непременно фармацевтами. Садовниками послѣдовательно были провизоры

¹⁾ Печаталъ изданіе типографщикъ Фрелихъ въ Ригѣ, взявшій за листъ цѣною по 2¹/₂ альбертинскихъ талера, между тѣмъ какъ типографія с.-петербургской академіи наукъ брала за такое же изданіе по 1 р. 30 к. за листъ.

²⁾ По штату медицинской канцеляріи 1733 года положены въ московскомъ медицинскомъ огородѣ.

огородникъ иноземець .	жал. 180 р.
дестилляторъ .	» 40 р.
3 ученика .	» 24 р. кажд.

Христофъ Нейманнъ и Петръ Геппертъ, а дистилляторами Петръ Карлъ Циммерманъ и Лаврентій Фриче, въ послѣдствіи имѣвшій званіе аптекаря. Такъ продолжалось до 1755 года, когда Фриче поссорился съ Геппертомъ и сдѣлалъ на послѣдняго доносъ, что Геппертъ отнималъ у него работниковъ, что онъ распустилъ этихъ работниковъ такъ, что они разбойничаютъ и что онъ испортилъ чужеземныя растенія и кофейныя деревья. Геппертъ уволенъ отъ службы и на его мѣсто (т. е. садовникомъ, старшимъ лицомъ въ ботаническомъ саду) назначень Фриче съ званіемъ провизора и съ особою-инструкціею (1755).

Покончивъ непріятное вляузное дѣло, директоръ медицинской канцеляріи Кондоиди искалъ средствъ предотвратить подобныя вляузы на будущее время. Онъ разсуждалъ такъ: дѣло и должность ихъ состоитъ въ томъ, что огородникъ (или садовникъ) обязанъ содержать огородъ въ исправности и производить и готовить всякія официнальныя по климату растущія травы, цвѣты и корни, сѣмена и прочее къ удовольствованію аптекъ для избѣжанія лишннихъ расходовъ, а дистиллятору заготовлять всякіе ординарные составы къ лѣкарственному употребленію. Обѣ эти обязанности, по сущности своей, составляютъ дѣло знающаго и искуснаго аптекаря. «Но, по усмотрѣнію медицинской канцеляріи, егда два человѣка съ разными должностями въ одномъ мѣстѣ бываютъ, не иное что какъ ссоры, споръ и тому подобныя помѣшательства въ базенныхъ работахъ въ препятствію жежелаемаго успѣха слѣдуютъ, какъ то въ С.-Петербургѣ дѣйствительно оказалось; почему въ разсужденіи наилучшаго порядка и успѣха въ отпращиваніи огородныхъ работъ и дѣла дистилляторскаго, къ отвращенію всѣхъ препятствій за наилучшій канцелярія усмотрѣла способъ всегда содержать въ тѣхъ огородахъ по одному искусному и точно съ чиномъ аптекаря, которымъ тѣ огороды и обѣ означенныя должности исправленіемъ поручить». На этомъ основаніи ботаническій садъ съ его работами поручень единственному управленію Фриче.

Первымъ директоромъ московскаго аптекарскаго сада (или медицинскаго огорода) былъ докторъ Трауготъ Герберъ (*Traugott Gerber*), специально и усердно занимавшійся ботаникою, но знающій со всѣми медицинскими науками и за то пользовавшійся уваженіемъ современниковъ. Выразилось это, между прочимъ, въ томъ, что Герберъ часто исполнялъ обязанности штатдъ-физика въ Москвѣ и даже— въ турецкую войну 1738 года, когда въ арміи и пограничныхъ городахъ южной Россіи появилась чума и всѣ доктора московскіе раско-

мандированы были въ Украину и въ армию—исправляя цѣлый годъ обязанности преподавателя анатоміи и хирургіи въ московской госпитальной школѣ ¹⁾).

При немъ огородникомъ (или садовникомъ) служилъ Арнольдъ Бейзеръ.

Послѣ нихъ садовниками и дестилляторами были аптекарскіе гезели Томасъ Валлухъ, Георгъ Вернеръ и Юг. Галмень, а по сокращеніи садоваго персонала управление медицинскимъ садомъ поручено было огороднику Юг. Христофу Катеру, управлявшему въ послѣдствіи астраханскою полевою аптекою, а потомъ провизору Фриче, который съ этимъ званіемъ и переѣхалъ въ Петербургъ.

Какъ въ петербургскомъ, такъ и въ московскомъ аптекарскихъ садахъ требовалось преподаваніе химико-фармацевтическаго курса подлѣварямъ и ученикамъ госпитальныхъ школъ; но требованіе это рѣдко исполнялось. Такимъ же образомъ должно было происходить обученіе учениковъ аптекарскихъ садовъ, число которыхъ было при томъ очень невелико—5 или 6 человекъ: но о способахъ его мало сохранилось свѣдѣній. Эти послѣдніе ученики предназначались исключительно для аптекъ и обучались преимущественно практическими наглядными способами. Курсъ фармацевтическаго ученія былъ очень длиненъ, а именно до производства въ гезели требовалось 6 лѣтъ ученія; но въ 1758 году 16 октября этотъ срокъ отмѣненъ и постановлено «производить въ гезели по экзамену, кто какъ скоро удостоится, и потомъ велѣно ихъ учить и въ работѣ употреблять какъ при рецептурѣ и нарядахъ, такъ и въ лабораторіи по усмотрѣнію своему, подъ смотрѣніемъ провизоровъ». Для руководства при медицинскихъ огородахъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, служили слѣдующія книги:

- 1) Christiani Menzelii *Index omnium plantarum multilinguis*. Berolini, 1696.
- 2) Tournefortii *Institutiones rei herbariae*. Paris, 1719, tom. I, II et III.
- 3) Pauli Hermannii *Paradisus Batavus*. Lugduni Batavorum. 1705.
- 4) Siegesbeckii, *Primitiae florum petropolitanarum*, St.-Petersburgii, 1746.
- 5) Caroli Linnaei, *Flora Laponica*.

¹⁾ Родомъ онъ былъ изъ Гамбурга и принятъ въ русскую службу 10 сентября 1735 года, по капитуляціи на 4 года, съ жалованьемъ по 300 р. съ казенною квартирою и отопленіемъ. Въ 1738 году капитуляція продолжена еще на 3 года.

Вообще однакоже надобно сказать, что аптекарское учение у нас не было бесплодно. Доказательствомъ служить то, что при весьма большомъ числѣ аптекарей, находившихся въ разныхъ родахъ службы, къ концу столѣтія по крайней мѣрѣ половина ихъ, если не болѣе, получили фармацевтическое образованіе въ русскихъ аптекахъ и аптекарскихъ садахъ; не выѣзжая изъ Россіи. Это одно. А другое вотъ еще что. Мы не знаемъ въ подробности какъ тогда учили аптекарей, но достаточно знаемъ, чему они выучивались и подтвержденіемъ этому служатъ слѣдующія примѣры тогдашняго фармацевтическаго экзамена. Въ Московскомъ медицинскомъ огородѣ, подъ управленіемъ доктора Траугота Гербера, учился аптекарскій ученикъ Сава Кичаковъ и былъ очень прилеженъ и трудолюбивъ. Герберъ былъ доволенъ имъ и очень хвалилъ архіатеру Фишеру. Но наконецъ учение кончилось и Герберъ далъ ему аттестатъ (въ 1737 году), въ которомъ сказано, что онъ, Кичаковъ, «наученъ отлично при московскомъ медицинскомъ огородѣ, а именно умѣетъ гнать воды и оли (destillatio aquarum simplicium et oleorum), дѣлать эстракты и соли, и соевы, полевныя травы, которыя официнальныя называются, сушить и опичливать, и малое число по латыни читать и писать, и коликое число рисовать, и слѣдовательно способенъ и достоинъ быть ученикомъ въ полевой аптекѣ». Архіатеръ опредѣлилъ его въ полевой аптекѣ съ жалованьемъ по 24 р. въ годъ и указными раціонами.

Это былъ гезельскій экзаменъ. А вотъ образецъ провизорскаго экзамена. Аптекарскій гезель Николай Александровичъ Гринвальдъ (*Nicolaus Grünwald*), служившій гезелемъ въ Астраханской полевой аптекѣ¹⁾, причисленъ былъ въ московской главной аптекѣ «къ отпуску минеральныхъ водъ» и пользуясь случаемъ возвращенія въ Москву просилъ себѣ повышенія за долгую службу (1753) Медицинская канцелярія предложила ему явиться къ экзамену и экзаменаторами назначены аптекари Лапенъ и Лингъ и докторъ Граафъ, исправлявшій должность штатдт-физика. Какіе предлагались ему словесные во

¹⁾ Провизоръ Н. А. Гринвальдъ принять въ службу гезелемъ въ кронштатскую адмиралтейскую аптеку (29 іюня 1741 года). Оттуда переведенъ (въ 1744 году) въ с.-петербургскую адмиралтейскую аптеку и оставался тамъ до 1746 года. Затѣмъ 1 ноября 1746 года отправленъ въ астраханскую полевую аптеку и прожилъ тамъ ровно семь лѣтъ, все въ званіи гезеля. Наконецъ 9 сентября 1753 года переведенъ въ московскую главную аптеку, «къ отпуску минеральныхъ водъ», гдѣ по экзамену и произведенъ въ провизоры.

просы—не сохранилось свѣдѣній; но въ аттестатѣ послѣ словеснаго экзамена сказано, что «Гринвальдъ по всѣмъ древнимъ происхожденіямъ, также и по двумъ новымъ и уже извѣстнымъ и принятымъ происхожденіямъ довольно былъ спрашиванъ, и хотя на то отвѣтствовалъ, однако такъ, что болѣе былобы отъ него претендовать можно, и того ради по тому экзамену даны ему слѣдующіяся *elaborationes*: 1) *cinnabaris factitia*, 2) *sapo amygdalinus*, 3) *tinctora Rubelii in colore caeruleo*; 4) *oleum vini*, 5) *bezoardicum minerale cum spir. natri et butyro antimonii*, 6) *regulum antimonii in antimonium crudum reducendum De galenicis*: 7) *Looch sanum et expertum*, 8) *emplastrum de minio cum sarone, cum oleo lini*, 9) *pasta de althea* 10) *pulvis sternutatorius rubro in colore*. Послѣ этихъ работъ Гринвальдъ получилъ званіе провизора при тойже аптекѣ (2 іюля 1754).

Не всѣ аптекарскіе сады испытали одинаковую участь. Петербургскій садъ постепенно улучшался и расширялся. Въ немъ работали профессора М. Тереховскій и Гр. Соболевскій съ помощію аптекаря Ивана Веделя. Къ концу столѣтія онъ находился въ вѣдѣніи аптекаря Винтербергера, вмѣстѣ съ запаснымъ аптекарскимъ магазиномъ. Напротивъ московскій садъ, за Сухаревою заставою, по немногу падалъ и наконецъ такъ былъ запущенъ, что не приносилъ никакой пользы. Больше всѣхъ горевалъ объ немъ профессоръ Фридр. Стефанъ, преподававшій ботанику, химию и фармакологию въ московскомъ медико-хирургическомъ училищѣ (съ 27 декабря 1787) и рѣшился взяться за его исправленіе. Будучи случайно въ Петербургѣ, онъ представилъ барону Васильеву предложеніе устроить этотъ садъ для разведенія медицинскихъ растений, т. е. возстановить его на прежнемъ основаніи и поручить ему надзоръ за нимъ, подобно тому какъ прежде исполнялъ это докторъ Герберъ. Предлагалъ онъ это съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ саду поправлены были жилой домъ въ саду и оранжерея, на что приблизительно требовалось до 600 рублей, и чтобы ему даны были подмастерье и работники, а садовника онъ не просилъ, по неадабности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ завести въ саду музей естественной исторіи, въ основаніе котораго подарилъ гербарій съ 1800 растениями и собраніе минераловъ и насѣкомыхъ. Баронъ Васильевъ передалъ дѣло на разсмотрѣніе медицинской коллегіи, которая и предоставила (14 февраля 1796) садъ съ лабораторіею въ немъ въ полное распоряженіе Стефана, подъ надзоромъ медицинской

вонторы и приказала выдать ему 600 р. на поправку и передѣлку дома и оранжереи, гдѣ онъ и долженъ былъ жить.

Послѣднею функціею главныхъ аптекъ было содержаніе въ исправности хирургическихъ инструментовъ. Выборъ инструментовъ, назначеніе ихъ и распредѣленіе по лечебнымъ учрежденіямъ принадлежали медицинской коллегіи или ея московской конторѣ; но приобрѣтеніе или заготовленіе и починка ихъ лежали на инструментальныхъ мастерахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи главныхъ аптекъ или даже въ составѣ штатовъ ихъ. Инструментальныхъ заводовъ еще не было, а ихъ замѣняли вольнонаемные мастера или подмастерья инструментальнаго дѣла. Такъ послѣ пожара главной с.-петербургской аптеки, 25 іюня 1737 года, въ медицинской канцеляріи истреблены были почти всѣ хранившіеся въ ней хирургическіе инструменты, и въ томъ числѣ инструменты французской работы. Архіатеръ Фишеръ очень тужилъ объ этой потерѣ, тѣмъ болѣе что дѣлались приготовленія въ войнѣ и въ инструментахъ настояла большая надобность. Гдѣже было взять ихъ? Въ Москвѣ былъ единственный мастеръ Степанъ Любатъе (*Etienne Loubatier*), состоявшій въ русской службѣ съ 1718 года, т. е. еще современн Бидлоо и архіатера Блюментроста, и числившійся по штату при с.-петербургскомъ медицинскомъ огородѣ. Къ нему-то и обратились чрезъ управлявшаго московскою медицинскою конторою Василія Правдина (такъ какъ Любатъе жилъ въ Москвѣ), съ предложеніемъ пріѣхать въ С.-Петербургъ и къ январю 1738 непременно приготовить 15 ящичковъ съ «лѣкарскими инструментами» для отсылки въ армію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Правдину поручено поискать въ Москвѣ еще двухъ мастеровъ для ускоренія дѣла и прислать въ Петербургъ, а съ военною коллегіею сдѣлано сношеніе объ отводѣ казенной квартиры для инструментальнаго подмастерья (Ивана Носкова) въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ съ работниками) и о разрѣшеніи ему работать въ военной кузницѣ, съ тѣмъ что всѣ матеріалы для работъ отпускаемы будутъ насчетъ медицинской канцеляріи. Послѣднее обстоятельство вызвано тѣмъ, что подмастерье Носковъ работалъ въ аптекарскомъ саду, и хорошо работалъ, но, оставаясь безъ близкаго надзора, часто любилъ выпить и чрезъ то бывалъ неисправенъ въ исполненіи заказовъ. Любатъе принялъ заказъ не безъ сомнѣній, потому что до новаго года оставалось менѣе мѣсяца. Онъ объявилъ

однакоже, что при содѣйствіи купчины Агентова ¹⁾, постарается сдѣлать по 20 большихъ и малыхъ троакаровъ съ серебряными трубками и 20 катетеровъ, а прочіе штатные инструменты (15 ящиковъ) едвали успѣетъ сдѣлать, тѣмъ болѣе что у него мало хорошей стали и достанетъ только на 6 ящиковъ и потому просилъ прислать ему изъ Петербурга въ Москву 4 бочки хорошій стали. У мастера Любатье былъ подмастерье и ученикъ Савелій Новгородовъ, человѣкъ весьма искусный, прилежный, преданный своему дѣлу и считавшійся правою рукою своего мастера. На него то и надѣялся Любатье, когда обѣщалъ исполнить заказъ въ опредѣленному сроку. Но надежда его не оправдалась. Любатье не поѣхалъ въ Петербургъ, а расположился работать въ Москвѣ. Между тѣмъ архіатеръ Фишеръ полагалъ, что дѣло пойдетъ скорѣе, если работы будутъ производиться въ Петербургѣ, подъ непрерывнымъ надзоромъ, и вытребовалъ туда Савелія Новгородова, хотя Любатье и не хотѣлось разставаться съ нимъ. Работа пошла успѣшно. Въ ней принимали участіе подмастерье Носковъ, работникъ Новгородовъ ²⁾, а наблюдалъ за ними и руководилъ подмастерье Кетчеръ, принятый на службу въ Москвѣ. По смерти Любатье принять въ службу инструментальный мастеръ Каспаръ Зоммеръ (*Casper Gotthelff Sommer*), по капитуляціи на четыре года (съ 28 января 1742 года), но прослужилъ около десяти лѣтъ и уволенъ для отъѣзда на родину, въ Бреславль, въ Пруссіи (31 августа 1751 года). Уѣзжая, онъ оставилъ всю свою мастерскую ученику своему С. Новго-

С) Медицинская канцелярія и подвѣдомственные ей учрежденія снабжались всѣми потребностями чрезъ подрядчиковъ или посредниковъ, входившихъ въ штаты этихъ учрежденій. Подрядчили эти и назывались «купчинами». Въ 1738 году купчинами были при медицинской канцеляріи Рылѣвъ и Ивановъ, а при московской медицинской конторѣ Агентовъ. Купчины обязаны были при покупкахъ и заготовкахъ охранять интересы казны.

²⁾ Въ маѣ 1738 года работникъ С. Новгородовъ, находясь въ Петербургѣ, сталъ просить о повышеніи его званія, т. е. о признаніи его подмастерьемъ и въ доказательство способности своей представилъ сдѣланный имъ ящикъ съ инструментами. Архіатеръ Фишеръ приказалъ операторамъ Фоявъ-Меллену и Гарнгардту и подмастерью Кетчеру рассмотреть работу и дать свой отзывъ о ней. Они отвѣтили, что «инструменты годны и сдѣланы посредственно; только корона трепана не совсѣмъ кругла, пила неровна (хоть ее поправить можно) и пеликанъ не по надлежащему моделю и что ему слѣдуетъ еще болѣе въ работѣ утвердиться и что онъ долженъ помогать въ работѣ Кетчеру и Носкову и тогда будетъ особо представлено о прибавкѣ ему жалованья».

родову. Мѣсто Зоммера занялъ Иванъ Христофоръ Кетчеръ, инструментальный мастеръ въ Москвѣ, а на его мѣсто—подмастерьемъ—Савелій Новгородовъ. Тутъ же онъ дослужился до званія мастера и умеръ 21 апрѣля 1767 года. Послѣ его смерти на его мѣсто въ Москву переведенъ подмастерье с.-петербургскаго инструментальнаго дѣла Петръ Ивановичъ Носковъ. Онъ поступилъ туда по аттестату мастера Ивана Христофора Кетчера и по свидѣтельствѣ работы его лѣкаремъ Гарцовымъ и штабъ-лѣкаремъ сухопутнаго кадетскаго корпуса Вульфомъ (9 августа 1767).

Возобновляя запасъ инструментовъ послѣ пожара, архіаітеръ Фишеръ убѣдился въ необходимости пересмотра общаго каталога ихъ. Поводомъ было то, что докторъ Ничъ вошелъ съ представленіемъ о внесеніи въ наборъ турникета, котораго тамъ не было и потому никогда не употреблялось. Приказано сдѣлать тотчасъ же 12 турникетовъ стараго и три экземпляра новаго образца. Подушки къ нимъ сдѣланы были седѣльникомъ, а металлическій приборъ инструментальнымъ мастеромъ въ аптекарскомъ саду Носковымъ. Съ этихъ поръ (съ 1738 года) турникеты введены въ употребленіе и помѣщены въ составъ инструментальнаго полковаго сундука. Въ это же время поручено доктору генеральнаго сухопутнаго госпиталя Энгелерту и операторамъ Я. Фонъ Меллену и Гангардту пересмотрѣть каталогъ инструментовъ и дополнить его или старыя замѣнить новыми (7 апрѣля 1738). Турникеты были готовы 14 іюля 1738 и немедленно посланы въ армію.

Но, почти въ одно время съ петербургскимъ пожаромъ, случился пожаръ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ. Госпиталь былъ еще деревянный и 29 мая 1737 года почти весь сгорѣлъ. Сгорѣли почти всѣ хирургическіе инструменты, почти всѣ учебныя принадлежности и мастеру Любатье предстояло много работы. Но Любатье былъ очень занятъ приготовленіемъ инструментовъ для арміи и медицинская канцелярія приказала управлявшему госпиталемъ главному лѣкарю Льюису Кальдервуду починить что понужѣе черезъ Любатье, но не слишкомъ затруднять послѣдняго, пока онъ для арміи приготовить все нужное.

Лѣкарства. При учрежденіи московскаго госпиталя и при заведеніи новыхъ вольныхъ аптекъ въ Москвѣ, какъ того желалъ Петръ Великій, существенное затрудненіе состояло въ томъ, что надобно было прибрѣтать лѣкарственные вещества изъ отдаленныхъ заморскихъ странъ. Ничего у насъ не было своего. Даже нитки для завязыванія свляновъ, и тѣ надобно было выписывать изъ Голландіи. Въ

1722 году Бидло просилъ св. синодъ снабдить московскій госпиталь деньгами на покупку медикаментовъ и хирургическихъ инструментовъ, на мѣсто истребленныхъ пожаромъ. Синодъ далъ деньги и въ слѣдующемъ году получены были лѣкарственные вещества чрезъ Архангельскъ изъ Голландіи. При полученіи они повѣрены и переданы были госпитальному аптекарю Эйхлеру. Между этими аптечными матеріалами были: 10 фунтовъ сахару цѣною на 17 рублей, 50 фунтовъ нитокъ для завязыванія склянокъ на 13 р. 28 коп., 1 софть краснаго вина на 16 рублей, нѣсколько боченковъ уксуса на 12 р., деревяннаго масла на 22 рубля и множество простыхъ аптечныхъ склянокъ на 20 руб., а также множество травъ (изобильно растущихъ въ окрестностяхъ Москвы и которыхъ можно бы и не выписывать изъ за моря), всего съ провозомъ и укупокою на 1089 рублей.

Чтоже было у насъ своего? Ничего, кромѣ горячаго вина, котораго въ 1727 году отпускалось въ аптеки, на аптекарскіе расходы, въ Москвѣ по 1000, а въ С.-Петербургѣ по 1300 ведеръ въ годъ, съ платою изъ медицинской канцеляріи по истинной (т. е. заготовительной) цѣнѣ.

Отъ того на аптеку смотрѣли какъ на складочное мѣсто, въ которомъ можно найти все рѣдкое и иностранное, все чего нѣтъ въ обыкновенной торговлѣ. Такъ въ 1707 году оберъ-комендантъ генераль-маіоръ Романъ Брюсъ потребовалъ изъ аптеки красокъ и лака для окраски государственной яхты въ Воронежѣ, а въ 1709 году—6 ведеръ вина двойнаго на скорострѣльные трубы и на всякія лабораторныя дѣла. Въ 1737 году потребованъ пудъ скипидара для окраски собственныхъ судовъ императрицы Анны на партикулярной верфи. Аптекарь с.-петербургской адмиралтейской аптеки Дюрушъ не могъ исполнить этого требованія, потому что у него оказалось только 9 фунтовъ скипидара въ запасѣ, да и тѣхъ, по военному времени и многимъ отпускамъ, отпустить было невозможно. Дюрушъ былъ въ отчаяніи. Но его выручилъ аптекарь с.-петербургской главной аптеки Лапень, давъ просто скипидара, а не терпентиннаго масла, который также годенъ для краски, по 25 коп. за фунтъ. Въ августѣ 1737 года, артиллерійская канцелярія потребовала 5 фунтовъ сулемы для фейерверка, приготавливавшегося на 1738 годъ, «а оной купить нигдѣ не сызвано». Камеръ-цалмейстерская контора требовала въ 1738 году медикамента для истребленія мышей и получила шарики изъ мышьява съ вислымъ тестомъ подъ росписку служителя Серебрянскаго.

Но мало того, что у насъ не было собственныхъ матеріаловъ, у

насъ не было и стеклянной аптечной посуды, которая всегда почти выписывалась изъ Гамбурга. Только съ 1736 года посуда для аптекъ стала получаться съ Ябургскихъ и Жабинскихъ стеклянныхъ заводовъ отъ арендатора Вильгельма Эльмзала.

Не удивительно, что аптечное лѣчение было дорого и не по карману простымъ людямъ, если бы они и не чуждались его. Но еще болѣе увеличивалась стоимость его отъ рѣдкости аптечныхъ материаловъ, державшихся въ практикѣ единственно по старинному мистическому преданію, не оправдываемому никакими разумными указаніями. Такъ, напримѣръ, въ практикѣ того времени однихъ жировъ употреблялось не менѣе десяти (сало псовое, дикихъ котовъ, волчье, лисье, язвцовое, свиное, медвѣжье, говяжье, козлиное и змѣиное), и приобретене ихъ стоило не дешево. Архіатеръ Фишеръ сдѣлавъ разъ выговоръ аптекарямъ полевыхъ аптекъ, что они все выписываютъ изъ за моря, тогда какъ нѣкоторые аптечные припасы могутъ быть добыты въ своемъ государствѣ, купчинами при аптекахъ, малыми средствами. Онъ упрекалъ ихъ, что «всякое сало отъ рыбъ, и птицъ, и звѣрей *axungiae piscium, avium et ferozum*), щучьи зубы (*mandibulae lucii piscis*), зерна ерша рыбы (*lapides percaurum*), вепревы и волчьи зубы (*dentes arpi et lupi*), кровь и сало козлиное (*sanguis et sebum hircinum*), рогъ оленей (*cornu alcis*), заячьи лодыжки (*tali leporis*), *agaricus albus*, можжевеловыя ягоды (*baccae juniperi*), нефть (*oleum petrae*), мускусъ (*moschus orientalis*) и тому подобныя вещи, которыя иногда для того не приготавливаются (дома), что нѣкоторый трудъ и стараніе требуютъ». Въ такомъ смыслѣ онъ далъ указъ купчинамъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, обязавъ ихъ въ тоже время чинить сборъ потребныхъ для аптекъ веществъ «способнымъ и разумнымъ образомъ; напримѣръ ежели требовано будетъ заячье сало, лодыжки заячьи, волчьи и щучьи зубы и проч., а оныхъ вещей въ привозѣ или въ продажѣ не имѣется, то имъ, купчинамъ, о томъ освѣдомиться въ ближнихъ помѣстьяхъ и господскихъ домахъ или въ монастыряхъ, а не такъ чтсбъ для того звѣрей самимъ покупать или оное удовольствованіе чинить какимъ непристойнымъ образомъ» (26 апрѣля 1738). Руководствуясь этимъ правиломъ, московскій аптекарь Либгольдъ, два года спустя, писалъ въ медицинскую канцелярію (10 января 1740), что «хотя заячьихъ лодыжекъ въ Москвѣ достать можно, но здѣшніе купцы ниже 10 руб. за фунтъ не продаютъ. Такожъ хотя и камней рыбы ерша достать можно, но цѣна онымъ гораздо дороже и всѣхъ

ниже. За сало лисье требуется по 2 р. за фунтъ, а отъ того и не куплено». Всѣ эти вещи разрѣшено выписать изъза границы, чрезъ поставщика въ Гамбургѣ Иоган. Юрген. Берндеса, а въ С.-Петербургѣ чрезъ матеріалпста Иогана Дома (*Johann. Ludolph Dohm*). Поставщикомъ Домомъ поставлено на 1742 годъ аптекарскихъ матеріаловъ на 83435 голланд. гульденовъ и 12 штиверовъ, или на русскія деньги на 490 р. 46 коп.

Кромѣ странности употребленія выше указанныхъ мистическихъ аптекарскихъ матеріаловъ, врачи того времени упрекаемы были и еще въ недостаткѣ бережливости лѣкарствъ и особенно въ безразличномъ расходованіи дорогихъ матеріаловъ въ госпитальной солдатской практикѣ, какъ напримѣръ сахара, миндальнаго масла, змѣйнаго мяса и т. п. Упрекъ относился преимущественно къ московскому госпиталю. Потребовавъ оттуда списокъ дорогихъ лѣкарствъ, директоръ Кондонди нашель, что въ требовательномъ каталогѣ на 1759 годъ ихъ оказалось на 2957 р. 69 к. Онъ вычеркнулъ половину ихъ и возвратилъ каталогъ съ слѣдующимъ постановленіемъ медицинской канцеляріи (8 августа 1758): 1) Каталоги лѣкарствъ для московскаго госпиталя должны провѣряться въ московской медицинской конторѣ и подписываться присутствующими въ ней, т. е. докторомъ (Де-Тейльсомъ): 2) За приходомъ и расходомъ ихъ въ госпиталѣ долженъ смотрѣть госпитальный докторъ, чтобы не тратились понапрасну. 3) Самыя дорогія вещи въ пользованіи солдатъ, матросовъ и поддosti нигдѣ не употребляются, да и по медицинскому искуству не въ томъ состоитъ сущая польза и есть подлинный знакъ незнавія, ибо знающимъ извѣстно, что Гиппократъ изъ единого ячменя составлялъ пищу, питье и лѣкарства почти для всѣхъ горячихъ болѣзней, и для того употреблять простыя и натуральныя и суще-дѣйствительныя лѣкарства съ званіемъ сущаго и временнаго употребленія всегда дорогимъ и именитымъ предпочли простыя лѣкарства славныя въ медицинѣ учителя. 4) Сладкаго миндалю отпускать въ госпиталь до 100 фунтовъ въ годъ, а не болѣе и *oleum lini* свѣжее, гдѣ надобно смягчительное дѣйствіе, лучше миндальнаго; оное же пріятнѣе народу, потому что привыкли въ эмульсіи употреблять сѣмя конопляное и льняное, какъ и въ здѣшнихъ госпиталяхъ; да и сверхъ того не мало холодительныхъ сѣмянъ выписывается и *decostum hordei* гуще вареный тожь дѣйствіе имѣть покажется зрѣло разсуждающему, да и не всѣмъ и не во всякое время въ горячихъ болѣзняхъ эмульсіи имъ полезны или

надобны. 5) *Chelae sanguinis* ни въ чемъ лучше раковыхъ жерновокъ (*trōchisci viregarum*) кромѣ хлѣба, малое количество сухаго мяса зѣйнаго содержатъ и ничѣмъ вещь негодная, и по истинѣ оныя вещи доказываютъ старинное невѣжество арабскихъ медиковъ и тѣхъ, кои понынѣ слѣдуя ихъ стопамъ безъ настоящаго знанія фармаціи и безъ всякаго своего разсужденія практикуютъ. 6) Дестиллованныхъ олей такожь и прочихъ, кромѣ означенныхъ въ каталогѣ вещей, впредь въ госпиталя не отпускать».

Возбуждавшіеся П. З. Кондоиди вопросы касались, очевидно, не какихъ либо злоупотребленій или упущеній, которыя можно бы было устранить простымъ административнымъ распоряженіемъ, а самаго существованія фармакопей. Кондоиди смѣется надъ лепешками изъ зѣйнаго мяса, но не предписываетъ изгнанія ихъ изъ медицинской практики. Потому что изгнаніе ихъ, какъ и множества другихъ «невѣжественныхъ выдумокъ арабскихъ медиковъ» должно быть произведено не медицинскою канцеляріею, а фармакопеею. А фармакопей то и не было. Въ бидлооское время, когда медицинская практика была не обширна, а все лѣченіе ограничивалось одними галеновскими препаратами, отсутствіе правильной и для всѣхъ обязательной фармакопей было непримѣтно; но съ развитіемъ госпитальныхъ учрежденій и аптекъ потребность въ какой либо фармакопей стала весьма настоятельна. Въ половинѣ прошлаго столѣтія русскія аптеки сами ввели въ употребленіе два, одинаково-уважавшіяся во всей Европѣ руководства, а именно *Эдинбургскую фармакопею* и *Брандербургскую диспенсаторію*. Собственная «*Россійская фармакопея*» составлена, рассмотрѣна медицинскою коллегіею и напечатана въ 1778 году. Напечатана она въ количествѣ 1800 экземпляровъ, подъ наблюденіемъ члена коллегіи Пекена, въ типографіи с.-петербургской академіи наукъ и разослана во всѣ госпитали и аптеки и отдѣльнымъ медикамъ къ руководству (14 января 1779 года), съ вычетомъ за каждый экземпляръ по 80 коп. Цѣль изданія «Фармакопей» обозначена такъ: «дабы потребныя воинскимъ командамъ и людямъ медикаменты и прочія вещи отпускаемы были безъ излишества, сообразуясь настоящей нуждѣ и прямому ихъ дѣйствию и избѣгая колико можно употребленія дорогихъ вещей, особливо же иностранныхъ».

Хирургія. Судить о преподаваніи и успѣхахъ хирургіи въ нашихъ госпитальныхъ школахъ, и въ особенности въ первой половинѣ XVIII столѣтія, очень трудно, по недостатку указаній. Главными указате-

лями для этого должны быть принимаемы съ одной стороны учебники, по которымъ происходило преподаваніе, а съ другой стороны—хирургическіе инструменты. Объ учебникахъ было говорено. Чтоже касается хирургическихъ инструментовъ, то запасъ ихъ былъ, кажется, очень не малъ. Въ московской госпитальной школѣ сохранились каталоги ихъ, составленные операторомъ Л. Кальдервудомъ въ 1738 году, по случаю порчи большей части ихъ во время пожара въ госпиталѣ. Инструменты раздѣлялись по ящикамъ, и одни изъ нихъ назначались для специальныхъ, а другіе для общихъ операций. Кромѣ того были инструменты анатомическіе, физическіе, акушерскіе, протезы, для малыхъ операций, для перевязки и даже микроскопъ.

Вотъ перечисленіе нѣкоторыхъ инструментовъ.

<i>In cista prima (первый ящикъ):</i>	Pedes arietini, quorum manubria argenteo ornata.
<i>Instrumenta pro trepanatione:</i>	
Scalprum.	Polycampi.
Coronae.	Spatula chalibeata ad inspiciendum guttur.
Coronacula parva manubrio chalibeato sine ornatu argenteo.	Instrumenta ad ceton.
Tryphos.	Instrum. particulare noceton absque ornatu argenteo.
<i>Instrumenta pro operationibus oculorum.</i>	<i>Instrumentum gutturis.</i>
Instrumentum oereum ad comprimendam fistulam lacrymalem.	Balena flexibilis ad amputandam uvulam linguae at que batrachium incidendum.
Parvus scypho-argenteus propter oculos.	Instr. duo argentea et unum aeneum.
Dramerae pro cataracta.	Lancetae tectae, duae argenteae et una aenea.
Speculum ciliare.	Instrumenta ad bronchotomiam.
<i>Instrumenta pro operationibus aurium.</i>	Trocar breve argenteum ad operationem mammae.
Speculum aurium aeneum.	Instrument. particularae rotundum chalibeatum sine ornamento argenteo.
Instrumentum argenteum pro surditate.	Furcae, unicujus manubrium argenteo ornatum, alterius vero manubrium sine argenteo ornatu.
<i>Instrumenta pro operatione polypi.</i>	
Valsella parva chalibeata.	Forcipes helverianae aeneae.
Forcipes chulibeatae ad obturandum palatum perforatum.	Papillae eburneae.
Lamellae argenteae cum affixa spongia.	— et cornu.
<i>Instrumenta prothesialia.</i>	Annuli lignei.
Maxilla fictilis eburneus.	<i>Instrumenta particularia.</i>
Dens fictilis eburnea.	Cultri myrtiformes in manubrio argenteo ornati.
<i>Instrumenta ad operationem oris.</i>	
Rostrum psittacinum chalibeatum.	

Proveta argentea.	— argentei falcati parum breves
Tenacula pro eximendis globulis.	— longi falcati variae magnitudinis.
Terebra acutissima.	
Instrum. particulare chalibeatum canalulae instar.	Instrum. argenteum absque nomine. <i>Instr. ad lithotomiam.</i>
Culter particularis sine ornatu argenteo	Cultri lithotomici parum argenteo or-
Scypho eburneus.	nati.
Acceptorium sev tenaculum particulare.	Lapidelli chalybeati.
Theca aenea cum lancetis pro cruentis cucurbitulis.	Catheteres falcati chalybeati.
Scypho aeneus cum annexa cucurbita crystallina.	Forcipes chalisbeatae.
Bistortae argento ornatae.	Conductores argentei.
Lancetae apothematicae argento ornatae.	<i>In secunda cista (второй ящик).</i>
Forcipes chalibeatae.	<i>Instrum. ani.</i>
<i>Instrumenta medica.</i>	Culter longus ab utroque latere secans sine ornatu argenteo.
Serrae sine ornatu argenteo.	Ciringotomi duo cum manubriis et tres absque manubriis, ex quibus unus cum affixo stylo argenteo.
Culter separatorius.	<i>Pro amputatione membrorum.</i>
Sciphones variae magnitudinis aenei.	Serra ab ambobus lateribus serratis in manubriis pro ornamento argenteis.
Cultri myrtiformes.	Culter falcatus in manubrio argenteo ornatus.
Cultri incisorii anatomici.	Culter separatorius, manubrium habens argento ornatum.
Culter cum affiso stylo.	Malleus ferreus.
Tubae aeneae pro inflatione vasorum.	Dolabella recta.
Hamuli.	Fosceps scindens.
Dolabellae anatomicae.	Serrae pro amputatione tibiae.
Elevatorium.	— — manus.
Malleus ligneus.	— — digitorum.
Canales lignei.	Instrumentum particulare aeneum in dissectione canis usitatur.
Canales ad sciphones variae magnitudinis, inter quos est instrumentum pro injectione liquoris alicujus duobus vasis insimul.	Instrumenta particularia aenea.
Parvae tubae variarum figurarum, quatuor aeneae, duae ferreae.	Cultri anatomici.
<i>Instrum. pro paracentesi.</i>	Cauteria canulata.
Trocares variae magnitudinis, quorum omnium canulae argenteae.	<i>In tertia cista (третий ящик).</i>
Culter bubonotomus argenteus.	Oculi fictiles.
Instrum. chalibeatum ad dispersionem caustici in caruncula.	Cornua pro surditate.
Catheteres flexiles breves argentei.	Instrumenta pro erectione colli.
— flexilis longus argenteus.	Instrumenta per qua suspenduntur infantes colli in gibbo.
	Scutta ad gibbum.

Machinamenta pro restitutione luxatarum vertebrarum.	Specula convexum et concavum.	
Cingulae circa corpus portandae.	Camora obscura.	
Fasciae pro herniis umbilicalibus.	Microscopium cum quinque figuris.	
Omnia sine ornatu argenteo.	Instrum. aliquod aeneum sine nomine.	
	Fascia ad penem.	Cucurbitae vitreae.
	— pro hernia inguinali.	Cucurbitae pro usu mammarum, quinque crystallinae, sex vitreae.
	— scroti pro infante.	<i>Instrumenta chirurgica portatoria.</i>
	— circa corpus infantis portanda.	Lanceta aposthematica argento ornata
— variae magnitudinis pro herniis.	spatula. Scalprum. Cultellus cum scalpro. Culter incisorius.	
Scyphones, ut unusquisque sibi posset enema applicare.	Canula ossea cum duabus acubus ferreis.	
Fibulae. Ponton.	Novacula. Canterium cum hamulis.	
Manus fictilis cum cultro furco et cochleare.	Volsella.	
Instrum. particulare ad patellam.	Bistorta. Ferramentum tentatorium.	
— ad rachitidem.	Forfex. Phlebotomus argento ornatus.	
Sciphones stannei propter applicandum enema.	Elevatoria. Canterium parvum canulatum.	
Dilatatorium gallicum chalibeatum.	Instrum. pro strabismo.	
— femineum chalibeatum.	— ad perforationem lobi.	
Forfex magna pro exstirpatione digitorum.	— oris. Volsella parva chalybeata.	
Dolabellae recta et falcata.	Rostrum grainam. Rostra psyttacina chalibeata.	
Fosceps scindens. Forpax parva.	Pes arietinus. Polycampi chalibeati.	
Instr. particulare pro excisione unguis.	Fosceps ad arviipiendam cutem.	
<i>In quartu cista (четвертый ящик).</i>	Arcus chalibeatae pro ceton.	
Vitra usta, unum majus, alterum minus.	Instr. pro amputatione mammae.	
Specula conicum et cylindricum, cum duodecim figuris.	Speculum uteri. Tiretete.	
	Instr. cum hamulis pro arreptione foetus.	

Судя по этому перечисленію инструментовъ можно полагать, что вкругъ хирургическаго лѣченія въ тѣ времена былъ весьма обширенъ. Другое обстоятельство, стоящее вниманія, состояло въ томъ, что большая часть хирургическихъ инструментовъ были украшаемы серебромъ, отъ чего по всей вѣроятности и зависѣла значительная дороговизна ихъ.

Зубные врачи въ Россіи. Первые зубные врачи появились у насъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Въ 1730 году медицинская канцелярія разрѣшила какому-то иноземцу Гофману «лѣчить зубныя и наужныя болѣзни» въ Эстляндіи и Лифляндіи, но съ обязательствомъ

никакихъ внутреннихъ болѣзней не лѣчить и никакихъ внутреннихъ лѣкарствъ никому не давать. Разрѣшеніе это было повидимому временное, потому что повторено и подтверждено было въ 1738 году.

Въ Москвѣ первый зубной врачъ былъ повидимому французъ, Яковъ Клере (*Jacques Clairét*), учившійся сперва въ Безансонѣ у Муилье, а потомъ въ Парижѣ у Фешара. Въ доказательство своей умѣлости и опытности онъ выставялъ то, что былъ въ Германіи 6 лѣтъ, въ Датской службѣ 7 лѣтъ, въ Берлинѣ нѣсколько лѣтъ, и въ этомъ послѣднемъ городѣ получилъ королевскую привиллегію и опредѣленъ придворнымъ зубнымъ врачомъ въ 1754 году. Приѣхавъ въ Россію, онъ не занимался зубною практикою (вромѣ нѣсколькихъ аристократическихъ домовъ: князя Голицина, Нарышкина и князя Александра Меншикова) и потому не являлся въ медицинскую канцелярію и не подвергался экзамену, тѣмъ болѣе что не намѣревался оставаться въ Россіи. Директоръ медицинской канцеляріи П. З. Кондоиди не принялъ однакоже этого объясненія, казавшагося притомъ и невѣроятнымъ: Клере имѣлъ уже собственный домъ въ Москвѣ, именно нажитый практикою. Кондоиди обязалъ его явиться въ медицинскую канцелярію для экзамена. Клере опасался экзамена, не желалъ подвергаться риску и запаса рекомендабельнымъ письмомъ отъ князя А. Меншикова, восхвалявшаго его искусство и просившаго ему покровительства. Протекція однакоже не помогла и дантисту запрещена была практика (30 сентября 1757), до выдержанія экзамена. Клере не уѣзжалъ однакоже, какъ увѣрялъ прежде; онъ только переѣхалъ въ Петербургъ и все оттягивалъ экзамень. Наконецъ оттягивать дальше стало невозможно, да и времени прошло много. Онъ явился къ экзамену 17 января 1760 и выдержалъ его благополучно. Экзаминовали его докторъ Лерхе, Щепинъ, Мелленъ и лѣкарь Самуиль Польшманъ и дали одобрительный аттестатъ, по которому Клере разрѣшена была свободная зубная практика. Онъ такъ обрадовался исходу экзамена, что тутъ же изъявилъ желаніе бесплатно дѣлать зубныя операціи больнымъ петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя.

Другой французъ дантистъ былъ Франсуа Дюбрель (*François Dardier Dubreuil*), родомъ изъ Монпелье, гдѣ и учился. Онъ получилъ право зубной практики въ Россіи 6 мая 1710 года.

Затѣмъ явился дантистъ какого-то неизвѣстнаго происхожденія. Онъ явился и опредѣленъ въ придворную службу слѣдующимъ рескриптомъ на имя директора медицинской коллегии А. В. Забревскаго:

«Адамъ Васильевичъ! Принятому въ службу ко двору нашему зубному врачу Скардовицу повелѣваемъ производить жалованье изъ кабинета по 800 р. на годъ, начиная съ 1 сего октября. Екатерина».

Въ С -Петербургѣ,
13 октября 1783 года.

Этотъ дантистъ Луи Скардови или Скардовичъ, обжившись въ Петербургѣ и пользуясь своимъ придворнымъ положеніемъ, сталъ называться докторомъ и даже въ газетахъ, подъ печатными своими объявленіями, подписывался докторомъ ¹⁾. А такъ какъ онъ не былъ экзаменованъ, то медицинская коллегія постановила (25 іюня 1786) извѣстить всѣ аптеки, чтобы онъ не отпускали лѣкарствъ по его рецептамъ, ежели онъ будетъ подписываться докторомъ, и въ этомъ смыслѣ разослала указы по всѣмъ аптекамъ. Скардови обидѣлся такимъ запрещеніемъ медицинской практики и подалъ прошеніе на имя императрицы, представивъ свои иностранные дипломы и сочиненіе о шифгаузенскомъ пластырѣ. Императрица тоже была недовольна разоблаченіемъ шарлатанства дантиста и вслѣдствіе этого графъ А. Безбородко написалъ Закревскому слѣдующее сердитое письмо:

«Милостивый Государь мой Андрей Осиповичъ,

Е. И. В. внесенъ отъ придворной аптеки указъ, присланный въ оную изъ медицинской коллегіи о докторѣ медицины и придворномъ зубномъ врачѣ Скардови. По прочтеніи того указа и поданнаго отъ доктора Скардови прошенія, Е. В. указать изволила дать знать вамъ, милостивый государь мой, что сочиненіе его о шифгаузенскомъ пластырѣ было Е. В. поднесено и удостоено высочайшаго благоволенія, яко основательное и служащее къ опроверженію не совмѣстимыхъ ни съ наукою, ни съ здравымъ разсудкомъ предубѣжденія, будто-бы сей пластырь противъ всѣхъ почти болѣзней генерально былъ цѣлительный; что потому можно было ожидать, что и медицинская коллегія сіе его сочиненіе приметъ съ апробаціею и удовольствіемъ; что титулъ доктора употреблялъ онъ, Скардови, по имѣющимся у него университетскимъ патентамъ, кои Е. В. въ оригиналѣ были представлены, но отнюдь не съ тѣмъ, чтобы присвоить себѣ докторскую практику и писаніе по оной рецептовъ безъ дозволенія медицинской коллегіи; и что слѣдственно не должно было, не видѣвъ его на тако-

¹⁾ *Сиб. Вѣдомости*, 19 іюня 1786, п° 49.

вую практику поступка, по крайней мѣрѣ безъ полученія отъ него изъясненія, разсылать указы объ немъ Скардови, особливо же въ придворную Е. В. аптеку. Е. В. наконецъ повелѣла помянутый въ придворную аптеку присланный указъ, равно какъ и состоявшійся въ доктору Скардови, удержать въ моей канцеляріи. Но что принадлежитъ до практики докторской, оной конечно ни Скардови, и никакой другой докторъ безъ испытанія и позволенія медицинской коллегии производить не можетъ.

Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и пр. графъ А. Безбородко». Въ Царскомъ Селѣ, 17 іюля 1786 года.

Письмо это замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ писано оно, очевидно, по приказанію самой императрицы, и во-вторыхъ писано подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія. Такое письмо могло быть написано или продиктовано только во второй половинѣ царствованія Екатерины великой, когда мысли докладчиковъ явно начинали преобладать надъ мыслями самой императрицы. Насколько въ первую половину царствованія Екатерина тверда была въ своихъ мысляхъ и строго охраняла законъ, даже еслибы онъ временно противорѣчилъ личнымъ ея воззрѣніямъ, настолько во вторую половину царствованія подчинялась вліяніямъ ближайшихъ совѣтниковъ ея. Въ первую половину царствованія она уважала коллегіальное управленіе и иногда поддерживала его въ борьбѣ съ единоличною властью президента медицинской коллегии; во вторую же половину она какъ бы забыла о медицинской коллегіи и предоставила главному директору ея почти неограниченную власть даже и въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшей компетентности. Такимъ только образомъ и можно объяснить себѣ, какъ могли сидѣть на одномъ и томъ-же президентскомъ креслѣ такія несходныя личности, какъ баронъ Черкасовъ и баронъ Фитингофъ. Первый представлялъ собою строгую законность, уваженіе къ мнѣнію каждаго члена и затѣмъ мотивированный докладъ его императрицѣ съ полною увѣренностію въ ея безпристрастіи и слѣдовательно справедливымъ рѣшеніи. Баронъ Черкасовъ не обижался если большинство членовъ коллегіи не соглашалось съ нимъ. Онъ искалъ только правды и справедливости. А потому въ случаѣ разногласія съ коллегіею составлялъ самую безпристрастную выписку изъ дѣла и представлялъ императрицѣ, которая и предпочитала то мнѣніе, которое казалось ей наиболѣе справедливымъ. Вторымъ представлялъ собою олицетворенный деспотизмъ, для котораго за-

конъ не писанъ, а всякое возраженіе въ коллегіи принималось за непозволительный недостатокъ уваженія къ личности главнаго директора. Баронъ Фитингофъ не совѣщался съ коллегію, а приказывалъ ей. Онъ и назначалъ и смѣнялъ профессоровъ медицинскихъ училищъ, по своему усмотрѣнію увеличивалъ или уменьшалъ оклады жалованья и безъ экзамена раздавалъ докторскіе дипломы. За то никогда не было столько служебныхъ злоупотребленій и никогда не бывало такого безстыднаго расхищенія казны, какъ въ это время.

Возвращаясь къ выше приведенному письму графа А. Безбородко, нельзя не замѣтить въ немъ какой то досады и неудовольствія. Графъ Безбородко понималъ, что Скардови не имѣлъ права и не долженъ былъ называться докторомъ. Онъ могъ это видѣть и въ первоначальномъ рескриптѣ о принятіи Скардови въ службу, гдѣ онъ названъ просто зубнымъ врачомъ, а не докторомъ. Наконецъ онъ самъ подтвердилъ это въ концѣ своего письма. И однакоже самъ нѣсколько разъ досадливо называлъ его докторомъ, ссылаясь на то, что сочиненіе о шифгаузенскомъ пластырѣ хорошее сочиненіе и императрица сама видѣла и одобрила его. Все это похоже на оправданіе, но оправданіе досадливое, не нужное, потому что оно не убѣдительно.

Медицинская коллегія выслушала выговоръ, объявленный графомъ Безбородко и дала другой указъ въ аптеки, чтобы по рецептамъ Скардови отпускались только тѣ лѣкарства, какія назначались для зубныхъ болѣзней (10 сентября 1786).

Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія явился въ Петербургъ дантистъ Карлъ Вагенгеймъ (*Carl Wagenheim*), родомъ пруссакъ изъ Берлина. Учился онъ 6 лѣтъ у тамошняго зубнаго врача Магнуса Шмита (*Magnus Shmit*). Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ былъ экзаменованъ членами медицинской коллегіи Н. Карниевскимъ и К. Бюрбергомъ и получилъ право зубной практики (23 марта 1794). Но вскорѣ послѣ того съ нимъ случилась практическая неудача. На него пожаловалась въ физикатъ дворовая женщина князя Алексѣя Борисовича Куракина за то, что онъ, вмѣсто того чтобы выдернуть больной зубъ, искрошилъ его, а корень оставилъ въ деснахъ и далъ ей сткляночку съ лѣкарствомъ, отъ котораго зубная боль усилилась и мучила ее шесть дней, произведя воспаления и опухоль десенъ. За все это онъ взялъ съ нея три рубля. А когда она попросила у него другаго, лучшаго, лѣкарства, то онъ ни денегъ не возвратилъ, ни лѣкарства не далъ, а выгналъ ее отъ себя съ презрѣніемъ. Физикатъ

освѣдѣтельствовавъ ея и донесъ коллегіи, что жалоба ея справедлива. Вслѣдствіе этого медицинская коллегія запретила Вагенгейму входить въ лѣченіе зубныхъ болѣзней и позволила только выдергивать и чистить зубы, подѣ опасеніемъ штрафа (12 іюня 1794), о чемъ и опубликовала въ газетахъ (русскихъ и нѣмецкихъ

Операция каменной болѣзни. Изъ всѣхъ лѣчебныхъ специальностей въ Россіи въ прошломъ столѣтіи, наиболѣе славилась операция каменной болѣзни или литотомія. Это была по преимуществу московская операция. Москва отличается отъ прочихъ городовъ Россіи особенною частотою каменной болѣзни и этой, вѣроятно, причинѣ слѣдуетъ приписать, что въ прежнія времена репутація «операторовъ каменной болѣзни» всегда утверждалась въ Москвѣ, а потому они отправлялись уже въ Тулу, Курскъ и другія смежныя губерніи. Потребность въ этого рода операторахъ была такъ велика, что учредилась цѣлая школа ихъ, основанная грекомъ Иваномъ Петровичемъ Всендѣтовымъ и распространенная учениками его на нѣсколько поколѣній. Образованіе этой школы описано много въ другомъ мѣстѣ), а потому не повторяется здѣсь.

Глазныя болѣзни. Въ теченіи всего прошлаго столѣтія глазныя болѣзни преподавались въ госпитальныхъ нашихъ школахъ вмѣстѣ съ хирургіею. Вѣроятно потому, что глаза—наружный органъ. Объ окулистахъ собственныхъ русскихъ школъ рѣдко случалось слышать. А между тѣмъ глазныя болѣзни во многихъ мѣстностяхъ Россіи составляли какъ бы эндемическое явленіе. Таковы напримѣръ были прибрежья Дона и широкая область Запорожской Сѣчи. Здѣсь то всего чаще и появлялись спеціальныя врачи глазныхъ болѣзней, то съ собственными лѣчебницами, то съ переносными ящиками инструментовъ для производства глазныхъ операций. Къ сожалѣнію, имена этихъ окулистовъ не сохранились до половины прошлаго столѣтія, какъ имена «эмпириковъ и шарлатановъ», хоть можетъ быть и не заслуживали презрѣнія. Такъ въ 1762 году явился въ Петербургъ изъ Бадена лѣбяръ Іоганнъ Массеръ (Joh. Berhardt Masser) и подавъ прошеніе о допущеніи его къ лѣченію глазныхъ болѣзней. Онъ увѣрялъ, что давно уже практиковалъ въ Гамбургѣ и теперь пріѣхалъ въ Россію

1) См. моя *Очерки изъ исторіи русскихъ учреждений XVIII столѣтія*. Сиб. 1870, стр. 346.

Для тойже цѣли. Медицинская collegія направила его въ генераль-ный сухопутный госпиталь для экзамена на живыхъ людяхъ больныхъ глазами. Въ чемъ состоялъ экзамень—не осталось свѣдѣній; но вѣроятно экзамень прошелъ благополучно, потому что collegія разрѣшила ему глазную практику въ Россіи. Дальнѣйшая судьба этого окулиста неизвѣстна.

Съ этихъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ, какъ до свѣдѣнія орловскаго и курскаго генераль-губернатора Франца Николаевича Клички дошло, что въ Курскѣ удивительно-успѣшно лѣчить отъ глазныхъ болѣзней какая-то еврейка, по имени Фейгель Байнитовичъ. Губернатора заинтересовало это свѣдѣніе и онъ просилъ губернскаго доктора Реслейна извѣстить его, когда эта еврейка будетъ дѣлать операцію, чтобы онъ самъ могъ видѣть всѣ ея приемы въ операціи. Случай скоро представился. Найдень былъ какой то инвалидъ, 17 лѣтъ назадъ потерявшій зрѣніе. У этого то инвалида сдѣлана операція и онъ «прозрѣлъ». Губернаторъ такъ былъ пораженъ исходомъ ея, что немедленно написалъ въ медицинскую collegію и просилъ еврейкѣ Байнитовичъ особой привилегіи. Медицинская collegія (24 декабря 1784) операторшу приказала прислать въ Москву или въ Петербургъ для экзамена. Она поѣхала въ Москву. Но такъ перепугалась приглашенія къ экзамену, что немедленно возвратилась въ Курскъ и стала прятаться по разнымъ городамъ, не отказываясь однакоже отъ лѣченія глазныхъ болѣзней. Такъ прошло около пяти лѣтъ. Наконецъ московская медицинская контора вызвала ее въ Москву для экзамена. Экзамень произведенъ 22 іюня 1790 года. Онъ состоялъ въ нѣсколькихъ вопросахъ изъ анатоміи глаза, въ употребленіи глазныхъ лѣкарствъ, а главное—въ производствѣ операціи катаракты. Операція произведена у отставнаго солдата 2 гренадерскаго полка Игнатія Моисеева Мулятина, 75 лѣтъ, который жилъ въ богадѣльнѣ за Москвою рѣкою въ приходѣ Воскресенія Христова въ Кидашевѣ и 7 лѣтъ ничего не видѣлъ. При операціи присутствовали докторъ Франція, штабъ-лѣкари Ростъ, Егоръ Леманъ и Христіанъ Цемшъ. Тотчасъ послѣ операціи старикъ «прозрѣлъ» и послѣ того хорошо видѣлъ. Экзаменаторы, изложивъ все это, прибавили, что операторша «сдѣлала операцію имѣющимся у нея инструментомъ и низдавила изъ глазъ катаракту и отъ того (оперированный) имѣетъ нынѣ свободное зрѣніе, и на данные вопросы о пользованіи тѣхъ глазъ отвѣтствовала порядочно». По этому аттестату медицинская collegія дала еврейкѣ

Фейгель Байнитовичъ позволеніе дѣлать глазныя операціи, но съ тѣмъ, «чтобы она всегда оныя производила во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ни случилось, при врачѣ» (11 іюля 1790).

При русскомъ императорскомъ дворѣ не было, кажется, специальныхъ окулистовъ до конца прошлаго столѣтія. Только 2 апрѣля 1799 года состоялся слѣдующій именной «Указъ медицинской коллегіи: «Опредѣляя ко двору нашему, въ званіи окулиста, профессора и доктора Реннера, позволяемъ ему отправиться по разнымъ провинціямъ нашего государства, гдѣ болѣе надобности находится, для пользованія безденежно страждущихъ глазами болѣзнями, а паче казенныхъ крестьянъ, и для наученія ихъ нужнымъ въ разсужденіи оныхъ предосторожностямъ, на каковую поѣздку и повелѣваемъ выдать ему двѣ тысячи рублей, истребовавъ оныя отъ нашего государственнаго казначея. *Повелѣъ*». Въ С.-Петербургѣ апрѣля 2 дня 1799 года.

Кажется, это былъ первый лейбъ-окулистъ въ Россіи.

Оспенные дома. Осенью 1741 года въ С.-Петербургѣ развилась эпидемія оспы и медицинская канцелярія разослала циркуляры, что бы всѣ лица, у которыхъ есть въ домѣ больные оспою, репортовали объ этомъ медицинской канцеляріи и шесть недѣль не ѣздили ко двору, если имѣли прежде пріѣздъ къ нему. Тринадцать лѣтъ спустя этоже самое распоряженіе сдѣлано было именнымъ высочайшимъ указомъ. А именно указомъ 22 октября 1754 года повелѣно: у кого въ домѣ оспа, корь или лопуха, тѣмъ не ѣздить и не ходить ко двору два мѣсяца и не пускать къ себѣ тѣхъ, кто имѣеть пріѣздъ ко двору. Въ слѣдствіе этого сдѣлано распоряженіе, чтобы отъ больныхъ оспою никто не ѣздилъ на домъ къ лейбъ-медикамъ и гофъ-хирургамъ, а или самимъ тоже не ѣздить въ дома гдѣ есть означенныя сыпи. При такомъ уединеніи больныхъ сыпями, они могли оставаться совершенно безъ помощи и надзора. Чтобы избѣгнуть этого, директоръ медицинской канцеляріи П. З. Кондонди предложилъ заблаговременно назначить одного доктора съ двумя лѣкарями собственно для лѣченія этихъ сыпей, а еслибы число этихъ больныхъ увеличилось, то къ этому лѣчебному персоналу прибавить еще сколько потребуется. Они должны находиться всегда тамъ, гдѣ присутствіе Е. И. В., для помощи больнымъ, но съ другими домами сообщенія не имѣть, и слѣдовательно отъ всякой другой практки отказаться. Указъ этотъ повторенъ 29 октября 1755 года, причемъ къ сыпямъ прибавлены горячки съ пятнами, называемыми *petechiae*, *puigra alba* или бѣлый

фризель, ригрига гивга или красный фризель и приѣздъ ко двору или къ присутствію въ опредѣленныхъ мѣстахъ ограниченъ 17 днями отъ начала болѣзни. Кроме того, по распоряженію св. синода, въ этомъ же указѣ постановлено, чтобы не сообщались люди въ церквахъ и не приносили младенцовъ съ сыпями для причащенія, а назначить для этого 4 церкви въ городѣ, а именно: на адмиралтейской сторонѣ Рождества Христова, на Васильевскомъ островѣ полковая церковь Астраханскаго пѣхотнаго полка, на Выборской сторонѣ Покровская церковь и на Петербургской сторонѣ церковь Николая Чудотворца въ Трунцловѣ, и при этихъ церквахъ быть по 1 священнику и по 2 церковникамъ. Въ эти церкви должны ходить тѣ, у кого есть въ домахъ означенныя болѣзни, а ѣздящимъ ко двору—не ходить.

Сенатъ утвердилъ представленіе Кондоиди (7 апрѣля 1755) и назначилъ нужную денежную сумму изъ статсъ-конторы. Затѣмъ въ должность сыпнаго доктора назначенъ, по собственной просьбѣ, дивизионный докторъ с.-петербургской дивизіи Абрамъ Энсъ (*Abraham Ens*), а въ должность лѣкарей—лѣкарь с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя Frantz Crenpin и лѣкарь ревельскаго адмиралтейскаго госпиталя Петръ Браунеръ (*Peter Brauner*), а когда этотъ послѣдній переведенъ былъ въ лѣв. конный полкъ, то Joh. Georg Richter. И всѣмъ имъ дана особая инструкция.

Указъ 175 года повторенъ въ 1778 году и въ немъ напоминаетъ, что «когда въ чьемъ домѣ въ С.-Петербургѣ или гдѣ Е. И. В. высочайшее присутствіе впредь будетъ, кто занеможетъ осною, или корью и лопухю, или подобною тѣмъ какою сыпью, тѣмъ четыре недѣли послѣ того, какъ оныя болѣзни минуютъ, ко двору Е. И. В. отнюдь никому не ходить, а на комъ на самомъ будетъ осна жъ, или корь и лопуха, онымъ по выздоровленіи ко двору не ходить же два мѣсяца; и для того и другимъ, которые ко двору приходятъ имѣють, съ вышеписанными домами во время той болѣзни никакого сообщенія не имѣть, т. е. въ дома къ таковымъ, у кого оныя болѣзни будутъ, во все выше писанное время отнюдь не ѣздить, а ежели невѣдѣніемъ о тѣхъ болѣзняхъ къ кому либо въ домъ изъ таковыхъ, которые ко двору Е. В. ѣздить, приѣхать случится, тогда хозяевамъ ихъ въ дома къ себѣ, объявля, что у него въ домѣ оспа или корь, сыпь и лопуха, недопускать; а у когоже тѣ болѣзни въ домахъ случатся, у таковыхъ, кои находятся у дѣлъ, или при другихъ какихъ порученныхъ имъ должностяхъ, то и тѣмъ въ присутственныя свои мѣста и къ другимъ

ныхъ должностямъ во все выше объявленное время, также и въ дома къ таковымъ, которые ко двору Е. И. В. прїѣзжаютъ, отнюдь не ѣздить и не ходить и никакого съ ними сообщенія не имѣть подъ неупустительнымъ штрафомъ» (16 января 1778).

Докторъ Энсъ умеръ 20 августа 1770 и на его мѣсто, оспеннымъ и сыпнымъ докторомъ, переведенъ (въ февралѣ 1778) докторъ морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Савва Дементьевичъ Горголи (*Sawa Goryolius*).

Лѣкарями послѣдовательно были Августъ Тебель, *Nicolaus Amando Thorson*, штабъ-лѣкари на лѣкарскихъ вакансіяхъ Христіанъ Рёмеръ и Иванъ Гриневскій, Карлъ Кизеръ, Козьма Сударовичъ, Карлъ Германъ Эбелингъ и Фридр. Вильг. Зейдель.

Оспенному доктору полагалось по 600 р. жалованья въ годъ и по 200 р. на квартиру и экипажъ. Лѣкарямъ давалось жалованья по 240 р. и на квартиру и экипажъ по 60 рублей. Но лѣкаря жаловались на трудность прискать квартиры, потому что одни домовладѣльцы не пускали ихъ къ себѣ, а другіе дорожились и квартиры у нихъ были очень неудобны.

Докторъ Горголи не долго оставался при оспѣ и сыпяхъ и по собственному желанію перемѣщенъ въ инженерный и адмиралтейскій корпусъ докторомъ (13 января 1780, съ жалованьемъ по 800 рубл. 10 раціоновъ и на 2 денщиковъ. На его мѣсто, къ лѣченію оспы и сыпей опредѣленъ изъ Москвы (1 мая 1780), практиковавшій тамъ и состоявшій при тамошнемъ генеральномъ госпиталѣ безъ жалованья докторъ в. с. Францъ Карлъ Мельцеръ (*Fr. Carl Meltzer*).

Въ апрѣлѣ 1781 года объявлено высочайшее повелѣніе учредить въ С.-Петербургѣ *два оспенныхъ дома*¹⁾ и назначить въ нихъ двухъ подлѣбарей изъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Объявлено оно полковникомъ Петромъ Ивановичемъ Турчаниновымъ. Командированы туда подлѣбари Иванъ Романовскій и Андрей Бекверъ. Почти въ то же время, по высочайшему повелѣнію,

¹⁾ Д-ръ Савва Дементьевичъ Горголи, сынъ греческаго купца, родился въ Нѣжинѣ и въ 1755 отправленъ отцомъ учиться въ Галле, въ тамошній университетъ, откуда ѣздилъ въ Вѣну, въ Италію и возвратившись въ Галле выдержалъ докторской экзаменъ и получивъ докторской дипломъ (1763) и черезъ Гамбургъ возвратился въ Петербургъ Здѣсь, предъявивъ диссертацию *Degenerali residuarum ratio origi et grati*, экзаменованъ д-рами Далемъ, Яншметъ, Маттеи и Лерхе и получилъ право практикы въ Россіи (21 июля 1763).

объявленному князем Вяземскимъ (9 апрѣля 1781), лѣкаръ при с.-петербургской губернской канцеляріи Семенъ Котовъ отправленъ въ Царкосельскій уѣздъ, въ распоряженіе Аристарха Петровича Кашкина, для прививанія оспы крестьянскимъ дѣтямъ и оставленъ тамъ. Это были первые оспенные дома.

Но еще гораздо раньше этого оспа такъ губила народонаселеніе, что вынуждала самыхъ энергическихъ мѣры противъ нея. Такъ, по представленію Сибирскаго губернатора гвардіи премьеръ-маіора Чичерина и по представленію тайнаго совѣтника Соимонова правительственный сенатъ назначилъ въ Сибирь, для отвращенія «погибели отъ оспы», 2 лѣкарей, 4 подлѣкарей, 1 опытнаго аптекаря съ медикаментами, «который бы умѣлъ прискивать тамъ травы» и съ ними отставныхъ оберъ-офицеровъ и рядовыхъ (14 іюля 1763). Туда посланы были произведенные въ лѣкаря подлѣкари Эрнестъ Августъ Гофманъ и Иванъ Панаевъ. Они рекомендованы были штабъ-лѣкаремъ Екаторинбургскаго госпиталя Иваномъ Шнезе. 4 подлѣкаря выбраны изъ Московскаго генеральнаго госпиталя. Аптекаремъ посланъ находившійся при Московскомъ госпиталѣ Іог. Яковъ Тешнеръ, нѣкогда жившій уже въ Екаторинбургѣ и знакомый со страной. Однакоже Тешнеръ туда не поѣхалъ, подавъ въ отставку; да и медикаменты не были отправлены, потому что въ Tobольскѣ въ это время учреждалась казенная аптека подъ управленіемъ аптекаря Слобоуиса¹⁾. Всѣмъ этимъ лѣкарямъ дана особая инструкція.

¹⁾ Лѣкаръ Фридрихъ Зейдель умеръ 23 іюля 1789 и на его мѣсто къ лѣченію оспы и сыпей опредѣленъ штабъ-лѣкаръ к. а. Іох. Freyberg (13 августа 1789). Штабъ-лѣкаръ Кузьма Сударовичъ умеръ 9 августа 1797 и на его мѣсто опредѣленъ штабъ-лѣкаръ с.-петербургскаго уѣзда Андрейнъ Норштремъ (17 августа 1797). Штабъ-лѣкаръ к. а. Іоган. Фрейбергъ умеръ въ 1797 г. и на его мѣсто опредѣленъ (17 декабря 1797) штабъ-лѣкаръ Іог. Яковъ Отто.

Докторъ Францъ Мельцеръ умеръ 5 августа 1797 года. На его мѣсто просился с.-петербургскій губернский докторъ, к. с. Христіанъ Цуберъ (*Christ. Zuber*) и опредѣленъ съ жалованьемъ по 600 р. и квартири. 200 р. (10 августа 1797). Черезъ три года онъ переведенъ старшимъ докторомъ во олозь, съ жалованьемъ по 1000 р. На его мѣсто къ оспенному дому назначенъ изъ отставныхъ докторъ к. с. *Иванъ Янике* (9 декабря 1801), съ жалованьемъ по 600 р. и на квартиру и экипажъ по 210 р. въ годъ.

Одинъ для сыпей сыпная больница, а другой собственно для оспы (оспенный домъ). Первымъ изъ нихъ остался завѣдывать докторъ Мельцеръ, а вторымъ докторъ Лидеманъ.

При немъ были гезель Магнусъ Бекманъ и ученикъ Яковъ Розанъ.

Первый оспенный домъ построенъ былъ на Петербургской сторонѣ, подъ вѣдомствомъ с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія, и завѣдываніе имъ поручено члену медицинской коллегіи Андрею Линдеману (3 апрѣля 1781 года), произведенному въ тотъ же день въ статскіе совѣтники и уволенному отъ присутствования въ коллегіи ¹⁾.

Подобный же оспенный домъ построенъ былъ въ Царскомъ Селѣ подъ смотрѣніемъ лейбъ-хирурга Кельхена. Завѣдывалъ имъ лѣкарь Семень Котовъ, произведенный потомъ въ штабъ-лѣвари (5 марта 1786).

Оспенный домъ въ Кіевѣ учрежденъ въ 1788 году подъ надзоромъ губернскаго доктора Егора Елпзена. Послѣ отъѣзда Елпзена, оспеннымъ домомъ въ Кіевѣ завѣдывалъ д-ръ Афанасій Масловскій и ежедневно прививалъ оспу, а когда оспенный домъ преобразованъ генералъ-аншефомъ Кречетниковымъ въ Воспитательный домъ, то Масловскій продолжалъ оспопрививаніе и лѣчилъ воспитанниковъ. Въ это же время Масловскій наблюдалъ большую смертность въ народѣ отъ ржаныхъ рожевъ (*secale cognitum*) и извѣздилъ весь кіевскій уѣздъ для прекращенія рафаніи.

Оспенный домъ на Ижорѣ, для тамошнихъ обывателей, въ вѣдомствѣ Царскосельской конторы, состоялъ подъ главнымъ начальствомъ лейбъ-хирурга Кельхена. Къ нему опредѣленъ былъ сперва штабъ-лѣкарь Юг. Менде (августа 1791), а потомъ (15 ноября 1795) штабъ-лѣкарь Петръ Аллегретти, находившійся при географической морской астрономической секретной экспедиціи, по окончаніи которой и возвращенъ былъ отъ адмиралтейской коллегіи.

Послѣ Линдемана при с.-петербургскомъ оспенномъ домѣ состоялъ докторъ коллежскій совѣтникъ М. Голлидей. При немъ служилъ штабъ-лѣкарь Миннеманъ, состоявшій 24 года при этомъ домѣ и умершій въ 1796 году ²⁾. На мѣсто его опредѣленъ штабъ-лѣкарь

¹⁾ На его мѣсто, членомъ медицинской коллегіи, назначенъ сенаторомъ (13 августа 1781) докторъ Савва Дементьевичъ Горголи, изъ артиллерійскаго корпуса.

²⁾ Сызъ его Илія Миннеманъ (*Elias Matthias Minnemann*) учился сперва въ хирургическомъ институтѣ волонтеромъ (съ 26 іюля 1792 по 12 мая 1796), а съ того времени находился при оспенномъ домѣ за лѣкаря. Въ сентябрѣ 1798 онъ просилъ лѣкарскаго экзамена, но не выдержалъ его и 2 апрѣля 1800 года принять волонтеромъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію).

с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя Фридрихъ Штейнике (1 марта 1797). Штейнике умеръ 4 августа 1801 и на его мѣсто опредѣленъ Дорогобужскій штабъ-лѣкаръ 8 к. Иванъ Бокъ (17 августа 1801); но военный губернаторъ Голенищевъ Кутузовъ просилъ опредѣлить штабъ-лѣкаря Нордберга, который и былъ опредѣленъ (23 августа), а Бокъ переведенъ къ пользованію сыпей въ С.-Петербурѣ, на мѣсто Нордберга.

Оспенный госпиталь для калмыковъ въ Астраханской степи началъ строиться лѣтомъ 1800 года; но первоначальное распоряженіе объ этомъ сдѣлано еще 1 мая 1798 года, по представленію штабъ-лѣкаря П. И. Шателовича.

Учрежденіе оспенныхъ домовъ ознакомило болѣе или менѣе образованныхъ людей съ пользою и необходимостью оспопрививанія. Но устройство ихъ сопряжено было съ большими издержками и въ особенности съ трудностью прискивать лѣкарей и подлѣкарей спеціально для прививанія оспы. Для устраненія этихъ затрудненій докторъ Буттацъ предложилъ предпринять путешествіе во внутреннія губерніи Россіи для введенія повсюду прививанія коровьей оспы. Предложеніе это принято и на основаніи его состоялся слѣдующій

«Указъ Государственной медицинской коллегіи.

Приемля за благо представленіе доктора Буттаца, въ которомъ изъясняется онъ желаніе предпринять путешествіе во внутреннія губерніи российской имперіи для введенія въ употребленіе повсюду прививанія коровьей оспы и учипенныя потому въ коллегіи распоряженія, повелѣваемъ: снабдя его, Буттаца, всѣми нужными къ тому людьми, инструментами и наставленіями, приступить нынѣ же къ немедленному того исполненію и отправленію его, Буттаца, выдавъ на подъемъ и исправу Буттацу три тысячи, да двумъ при немъ фельдшерамъ по 50 руб. каждому; на будущее же время, пока они въ сей посылкѣ находятся имѣютъ; опредѣляемъ доктору Буттацу жалованья по 1500 рублей въ годъ и столовыхъ по 100 рублей на мѣсяцъ; да фельдшерамъ при немъ отправляющимся по 100 р. въ годъ каждому жалованья, которыя и производятъ имъ, равно какъ и единовременно на подъемъ выдачу чинить, изъ доходовъ медицинскихъ.

Александръ».

Въ С.-Петербурѣ, апрѣля 9 дня 1802 года.

Въ это же время операторъ Орловской врачебной управы штаб-лекарь Вестфаль съ марта по май привилъ оспу 12 человекамъ (какъ доносили орловскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковлевъ. и коллегія послала ему «похвалу» и требовала отъ него составленія примѣчаній объ оспопрививаніи, которыя въ послѣдствіи напечатаны.

Эпидеміи оспы такъ были часты и такъ безпощадны, что прививаніе ея стало считаться единственнымъ средствомъ въ превращеніи ея. Такъ, напримѣръ, Топсовскій пасторъ Михаэль Топпеліусъ писалъ къ императору Павлу, 6 февраля 1801 года, о гибели своего прихода отъ оспы между прочимъ слѣдующее: «Какъ вѣрноподанный поставляю долгомъ своимъ донести Вашему Величеству о бѣдственномъ несчастнаго прихода моего положеніи, причиненномъ свирѣпствованіемъ оспы; ибо въ теченіе четырехъ мѣсяцовъ въ одномъ моемъ приходѣ болѣе 200 человекъ учинились несчастною жертвою оной, изъ нихъ многіе отъ 15 до 20 лѣтъ отъ роду имѣли. Дабы впредь не допустить до такой невозвратной потери я охотно желаю по мѣрѣ силъ и знаній своихъ споспѣшествовать сему учрежденію прививанія оспы; но поелику недостатокъ мой не позволитъ записаться нужнымъ для сего количествомъ медикаментовъ, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше просить дабы Ваше Величество благоволили всеплостнѣйше повелѣть государственной медицинскій коллегіи для доставленія пособія бѣднымъ поселянамъ отпустить нужные медикаменты».

Получивъ это письмо, медицинская коллегія пригласила Топпеліуса въ свое засѣданіе (13 февраля 1801) и нашла, что онъ имѣеть нѣкоторыя свѣдѣнія касательно прививанія оспы. Къ этимъ свѣдѣніямъ она и съ своей стороны дала ему нѣкоторыя наставленія, обязавъ при томъ, чтобъ въ нужныхъ и сомнительныхъ случаяхъ онъ немедленно относился въ коллегію. Потребное же количество медикаментовъ, по представленному имъ реестру, выдавала ему подъ личную его росписку. Но коллегія не ограничилась этимъ и постановила составить краткое и обстоятельное наставленіе какъ прививать оспу безъ помощи врачей, содержать дѣтей во время сей болѣзни и предохранять ихъ отъ всякихъ худыхъ послѣдствій и напечатало его (8 августа 1801).

Минеральныя воды. Не много было минеральныхъ источниковъ въ Россіи, которые были бы извѣстны практиковавшимся въ XVIII

столятии докторамъ и лѣкарямъ нашимъ, а именно Марціальныя воды въ Олонецкой губерніи, которыми два раза лѣчился Петръ Великій, Липецкія, нѣкоторыя Кавказскія и Баргузинскія въ Сибири ¹⁾. Да и эти воды мало посѣщались на мѣстѣ и мало потреблялись больными. Иностранные доктора, практиковавшіе въ Россіи и обладавшіе извѣстнымъ авторитетомъ, не знали Россіи, не знали и русскихъ минеральныхъ водъ. Мало того. И тѣ русскія воды, которыя были уже извѣстны и испробованы, игнорировались иностранными докторами или дискредитировались ими изъ корыстныхъ видовъ. Такъ было, напримѣръ, съ марціальными олонцкими или кончезерскими водами, которыми двѣ зимы съ пользою лѣчился Петръ Великій и сравнивалъ ихъ съ Пирмонтскими водами. Чтобы эти воды, случайно пришедшія на память императрицѣ Елисаветѣ, не вошли опять въ употребленіе, архіаітеръ Кау Бургавъ увѣрилъ императрицу, что Кончезерская вода осталась такою же, какою была при покойномъ отцѣ ея, «но токмо спиритуальнаго нужнѣйшаго тако называемаго колодезнаго духу въ оной не явилось; почему естественное оной воды содержаніе съ учиненнымъ въ 1720 году, отъ бывшаго тогда лейбъ-медика дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаврентія Блюментроста той Олонецкой воды свидѣтельствомъ, которое отъ бывшаго напредъ сего въ російской службѣ доктора Ремуса (Remus) въ 1722 въ печать издано въ томъ сходствуетъ, но токмо число соленого и металлическаго содержанія при нынѣшнемъ свидѣтельствѣ получено пятую часть менѣе того упомянутаго прежняго свидѣтельства».

Дѣло въ томъ, что архіаітеръ Бургавъ исходатайствовалъ медицинскій канцеляріи монополію торговли заграничными минеральными водами. По его представленію состоялся указъ правительствующаго сената (24 іюля 1750), чтобы частныя лица, желавшія лѣчиться заграничными минеральными водами, выписывали ихъ единственно чрезъ медицинскую канцелярію, а не чрезъ купцовъ или частныхъ комисіонеровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «иногда нецѣльныя бы-

¹⁾ Баргузинскія горячія воды наблюдаемы были лѣкаремъ Францомъ Резиевомъ и штабъ-лѣкаремъ Егоромъ Грундтомъ въ маѣ 1780 года. Иностранцы лѣчились ими въ видѣ языческихъ жертвоприношеній. Иркутскій губернаторъ Францъ Николаевичъ Кличка приказалъ поставить у источника шалаши и поселить въ нихъ двѣ семьи туземныхъ жителей.

ваютъ и отъ употребленія оныхъ въ разныхъ болѣзнующихъ припадкахъ вмѣсто желаемой пользы противное дѣйствіе происходило и впредь происходить можетъ». Запасшись этимъ указомъ и опубликовавъ его, архіатеръ Бургавъ нашель себѣ и комисіонера по этому дѣлу. Тогда жилъ и доучивался въ Голландіи докторъ Георгъ Ашъ (*Georg Thomas Asch*), петербургскій уроженецъ, сынъ почт-директора, титуловавшійся въ посаждствіи барономъ и имѣвшій связи въ Петербургѣ. Этого-то доктора Г. Аша Бургавъ прінялъ заочно въ русскую службу для порученій отъ медицинской канцеляріи, съ жалованьемъ по 300 р. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ нѣмецкой имперіи, гдѣ открываются цѣлительные колодези минеральныхъ водъ, потомъ покупать и пересылать эти воды въ С.-Петербургъ; далѣе ѣздить по минеральнымъ водамъ въ Англіи (въ Бристолѣ) и во Франціи. Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, докторъ Ашъ принесъ жалобу, что ему не даютъ денегъ на разъѣзды и представилъ счетъ, изъ коего оказалось, что онъ проѣздилъ больше своего жалованья (1025 голландскихъ гульденовъ или 299 рублей). Архіатеръ приказалъ уплатить по представленному счету и прикомандировать Аша къ медицинской канцеляріи (октябрь 1752 г.). Въ то же время въ главной аптекѣ учреждено особенное отдѣленіе для продажи минеральныхъ водъ.

Количества выписанныхъ минеральныхъ водъ представляли слѣдующія цифры:

въ 1750 году:	Зельцерской воды.	599 кувшиновъ.
	Пирмонтской	218 мал. и 147 бол. бутыл.
	Дувшейтской	99 кружекъ.
въ 1751 году:	Зельцерской воды.	139 кружекъ.
	Пирмонтской	247 бол. и 196 мал. бутыл.
	Спаа	143 бутыли.
	Бристольской .	1985 бутылей.
въ 1752 году:	Зельцерской	2303 кружки.
	Спаа	1775
	Пирмонтской	1318 бол. и 177 малыхъ.

Кромѣ того, самъ Ашъ доставилъ въ этомъ году:

Зельцерской воды 2244 кружекъ.

Пирмонтской	1015 кружекъ.
Спаа	2200 бутылей ¹⁾).

Ученіе объ употребленіи естественныхъ минеральныхъ водъ преподавалось рѣдко и первый началъ его въ Москвѣ докторъ Константинъ Щепинъ въ 1762 году. Для этого выдавалось ему для лекцій по бутылкѣ воды, на счетъ казны, т. е. на счетъ той суммы, которая выдавалась въ московскій госпиталь на учебныя пособія (26 іюня 1762). Послѣ Щепина, кажется, никто не заботился объ этой отрасли медицинскихъ знаній.

Карантины. Правильныхъ карантинъ не было въ Россіи до 1738 года, т. е. до появленія въ арміи, воевавшей съ турками, сильной чумы по всей южной нашей границѣ. Въ числѣ мѣръ, принятыхъ тогда къ прекращенію эпидеміи и къ остановкѣ хода ея внутрь страны, а особенно къ Москвѣ, явилась мысль о карантинѣ и главнымъ карантиннымъ трактомъ избранъ Харьковъ, который и былъ оцѣпленъ заставами. Городомъ и карантинномъ управлялъ мѣстный губернаторъ генералъ лейтенантъ князь Трубецкой. Но этотъ карантинъ просуществовалъ не долго—около года—и съ прекращеніемъ пограничной эпидеміи, а вмѣстѣ съ нею и войны, закрылся. Подробности устройства его не сохранились; но вообще можно сказать, что возникшая въ это время мысль о постоянномъ надзорѣ за юго-восточною границею и о содержаніи тамъ наготовѣ всѣхъ мѣръ къ недопущенію въ наши предѣлы заноса «повѣтренно-заразныхъ болѣзней». Мысль эта начала осуществляться устройствомъ въ 1740 году карантиннаго дома на польской границѣ, т. е. на границѣ Малороссіи съ Подолією и Волынью, отдававшася на откупъ отъ кievской губернской канцеляріи. Но осуществленіе ея было, кажется, только формальное, пока русскій министръ резидентъ въ Константинополѣ Вишняковъ не прислалъ донесенія, что тамъ обнаружилась (1742) повѣтренно заразительная болѣзнь. Для свѣдѣнія объ этомъ донесеніи и о принятіи необходимыхъ предосторожностей посланы были указы кievскому генералъ-губернатору Леонтьеву, на Донъ къ атаману Данилу Ефремову и въ Бахмутъ въ Слободскіе полки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же

¹⁾ Минеральныя воды продавались въ Москвѣ: Спаа по 60 коп., Пирмонтская по 1 рублю, Бристольская по 50 коп. за бутылку, а Зельдерская по 60 коп. за кувшинъ.

1742 году, для постоянного наблюденія за границею и для своевременнаго принятія мѣръ къ недопущенію заразы, назначенъ въ Украину особый докторъ Иог. Фабри (*Ioannes Fabri*), родомъ венгерець, получившій докторскій дипломъ въ Галле. Онъ долженъ былъ жить въ Кіевѣ и состоять въ распоряженіи кіевскаго генераль-губернатора. Въ помощь ему даны два полковые лѣкаря изъ ландмилиціонныхъ полковъ, а именно изъ елецкаго полка Келлингъ и изъ тамбовскаго полка Томасъ Энгель. Имъ дана изъ медицинской канцеляріи особая инструкція на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, подписанная 20 декабря 1743 года, въ которой Фабри названъ «пограничнымъ докторомъ, *Grantz-Medicus*», а лѣкаря—«пограничными лѣкарями, *Grantz-Chirurgi*». Это былъ главный карантинъ, устроенный на Васильковскомъ форпостѣ и въ послѣдствіи времени (лѣтъ десять спустя) разросшійся въ цѣлую систему карантинныхъ учреждений. Кроме этихъ наблюдательныхъ пунктовъ, посланъ былъ указъ также и въ Астрахань, чтобы остерегались «опасной болѣзни», и особая инструкція изъ медицинской канцеляріи съ предписаніемъ заготовить необходимыя лѣкарства для города и снабдить ими мѣстный госпиталь. Основаніемъ опасеній былъ темный слухъ о появленіи чумы въ Астрахани и объ успѣшеніи тамъ болѣзненности и смертности. Причинами ихъ считались небрежность казмыковъ въ зарываніи мертвыхъ тѣлъ и вонь въ городѣ отъ рыбныхъ и мясныхъ рядовъ ¹⁾. Къ этому надобно прибавить, что въ Астрахани съ самаго учрежденія госпиталя и физиката на медицинскихъ чиновъ возлагалась обязанность остерегаться «опасныхъ болѣзней», такъ что они постоянно были на сторожѣ. Въ Астрахани въ это время служили при медицинской конторѣ и при госпиталѣ главный лѣварь Сильвестръ Даниловичъ Моллохъ (*S. Molluch*), а при астраханской конторѣ надъ портомъ лѣварь Иогъ Кохъ (*Ioh. Koch*). Но Моллохъ умеръ (13 ноября 1742) и на его мѣсто назначенъ изъ Бронштадта штабъ-лѣварь Герм. Пундтъ (*Hermann Bernhardt Pundt*),

¹⁾ Восемнадцать лѣтъ спустя, 18 апрѣля 1760 года, штабъ-лѣварь Христ. Эдлертъ описываетъ тоже самое: «по городскимъ улицамъ валяются дохлыя собаки кошки и всякая мертвечина, а при церквяхъ зарываются тѣла умершихъ въ весьма мелкія ямы и такъ какъ церковные погосты безъ ограды, то мертвыхъ отрываютъ свиньи и собаки, отъ чего духота въ городѣ и даже можетъ быть опасность». Медицинская канцелярія сообщила объ этомъ главной полицейской канцеляріи (23 мая 1760) и дала нѣкоторые свои совѣты.

которому и дана инструкція. Въ помощь Пундту данъ былъ лѣкаръ Гольтманъ (для посылки въ Гилянъ къ консулу Багунину).

Лѣкаръ Т. Энгель умеръ въ Переволочнѣ 13 іюня 1749 и на его мѣсто переведенъ изъ арміи лѣкаръ Іог. Генр. Репкенъ (20 сентября 1749 г.).

Фабри умеръ 9 сентября 1750 года и на его мѣсто переведенъ армейскій докторъ Владиміръ Ломанъ (*Wold. Christian Lohmann*), служившій дивизионнымъ докторомъ сперва въ московской, а потомъ въ рижской дивизіи.

Докторъ Ломанъ старательно принялся за устройство карантина и за основаніе устройства его принялъ венеціанскій карантинъ, славившійся тогда по всей Европѣ ¹⁾). По его представленію медицинская канцелярія испросила указъ сената (14 октября 1751 года) объ учрежденіи карантина въ Васильковскомъ форпостѣ ²⁾, гдѣ «пограничный докторъ» Фабри жилъ съ 1743 года, а карантинный домъ существовалъ 1740 года (на польской границѣ) и отдавался на откупъ отъ кievской губернской канцеляріи. Это былъ главный карантинъ для осмотра и очищенія проѣзжавшихъ изъ Волошской земли. Онъ вполнѣ подчиненъ былъ Ломану, который и обязанъ былъ давать всѣмъ проѣзжимъ аттестаты о здоровьи или болѣзни, безъ каковыхъ аттестатовъ изъ Кіева никто не пропускали въ Россію, а возвращали обратно. Все содержаніе карантина назначалось изъ кievской губернской канцеляріи и Ломану предоставленъ былъ кредитъ на постройку или поправку карантиннаго дома и содержаніе его.

Карантинъ отдавался на откупъ, но карантинщикъ находился въ полномъ подчиненіи доктору, равно какъ и военный приставъ обязанъ былъ исполнять всѣ докторскія распоряженія. Откупщикомъ карантина былъ надворный совѣтникъ Юрій Томазинъ на четыре года, съ мая 1750 года, съ платою откупной суммы по 700 руб. въ годъ. Въ 1754 году предстояло возобновить откупъ и объ этомъ кievская губернская канцелярія сдѣлала публикацію, но никто не явился перенять откупъ, такъ что онъ опять остался за Томазинымъ на четыре

¹⁾ Большой трактатъ подъ заглавіемъ *Извѣстіе о венеціанскомъ карантинѣ*. 1756, переведенъ былъ съ итальянскаго языка и доставленъ изъ иностранной коллегіи черезъ правительствующій сенатъ.

²⁾ Подобныя форпосты были еще въ Переяславѣ, Кременчугѣ, Домоштовскій или Черкасскій, Никитинскій, но главный былъ Васильковский.

года за ту же откупную плату. Но Томазинъ видимо не ладилъ съ Ломаномъ и еще въ 1753 году жаловалъ на него сенату чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ за то, будто Ломанъ излишне отягощаетъ проѣзжихъ чужестранныхъ купцовъ. Откупщикъ настаивалъ, чтобы главная команда въ карантинѣ отнята была у доктора и передана кому другому. По этой жалобѣ сенатъ написалъ медицинской канцеляріи (12 августа 1754), чтобы запрещено было Ломану притѣснять проѣзжихъ «съ озлобленіемъ и наглостію ради подарковъ и взятокъ», а также позволялъ бы прикащикамъ Томазина ѣздить въ ближайшіе польскіе города за съѣстными припасами.

Чѣмъ же покрывалась откупная сумма въ карантинѣ? Тѣмъ, что за постои въ карантинѣ за каждую ночь съ лошади или вола бралось по 1 деньгѣ, и съ каждого человѣка по копейкѣ въ сутки.

Видно однакоже, что Ломанъ былъ неуживчивъ не съ однимъ карантиннымъ откупщикомъ. Не ладилъ онъ и съ губернскими властями. Онъ просилъ разрѣшенія медицинской канцеляріи построить при карантинѣ госпиталь о четырехъ покояхъ и принскалъ проэктъ постройки: но кievская губернская канцелярія отказала дать денегъ на постройку и даже написала въ сенатъ, что госпиталь совсѣмъ не нуженъ и прежде никогда не существовалъ тамъ. Кроме того, вице-губернаторъ Костюринъ, исправлявшій должность генералъ губернатора, жаловался сенату, что Ломанъ присвоиваетъ себѣ губернаторскія права, самъ допуская въ карантинъ и назначая сроки содержанія въ немъ.

Начатое Ломаномъ движеніе продолжало развиваться, не смотря на его личныя неудовольствія. Такъ, по указу сената 27 октября 1754 года, предполагалось еще устроить карантинны (по усмотрѣнію Костюрина и инженеръ полковника де Боскета):

въ Киевской губерніи

- 1) Васильковскій въ мѣст. Васильковѣ, вверхъ по Днѣпру въ раскольничьихъ слободахъ;
- 2) въ Добрянкѣ— 200 верстъ отъ Кіева;
- 3) въ Злынкѣ — 120 верстъ отъ Добрянки, внизъ по Днѣпру;
- 4) въ Переяславлѣ—70 верстъ отъ Кіева;
- 5) въ Кременчугѣ—230 верстъ отъ Переяславля;
- 6) въ Переволочнѣ—70 верстъ отъ Кременчуга; да еще въ двухъ

мѣстахъ вверхъ и внизъ по Днѣпру, на границѣ Россіи съ Польшою, двѣ малыя таможи подъ начальствомъ Васильковской;

въ Смоленской губерніи:

- 1) на самой границѣ противъ Смоленска, на большой проѣзжей дорогѣ—фортъ Шелеговскій;
- 2) на границѣ же при форпостѣ Мельницкомъ;
- 3) при фортѣ Боевскомъ;
- 4) въ селѣ Порѣчьѣ.

Между тѣмъ кievскій оберъ-комендантъ представлялъ лѣтомъ 1754 года сенату, что по донесенію генераль-маіора Глѣбова, генераль-маіора Хорвата и бригадира Глѣбова, необходимо построить карантинъ въ Новой Сербіи, близъ городка Архангельска, съ тѣмъ, чтобы постройка произведена была частными людьми и карантинъ отданъ былъ на откупъ. Сенатъ утвердилъ это и сообщилъ медицинской канцеляріи.

Но медицинская канцелярія посмотрѣла на это дѣло и съ другой стороны. 2 декабря 1754 года она донесла сенату, что такъ какъ на всѣхъ этихъ трактахъ одинаковая будетъ опасность, то вездѣ слѣдуетъ имѣть по одному настоящему лѣкарю, «ибо на подлѣкарей егда совершенной чинъ мастерства по своему искуству еще не получили, въ столь важномъ дѣлѣ полагаться не возможно». Итого въ Кіевской губерніи и въ Новой Сербіи потребуется 7 лѣкарей, всѣ подъ командою Васильковскаго доктора, и въ Смоленской губерніи 4 лѣкарей и 1 доктора, который будетъ командовать ими, лѣкарямъ жалованья противъ напольныхъ лѣкарей, по 170 руб., по 3 раціона и по 1 денщику, а доктору въ Смоленскѣ противъ Васильковскаго доктора по 600 р. 6 раціоновъ и 2 денщика. Въмѣстѣ съ тѣмъ она представила свое мнѣніе («инструкцію, въ 28 пунктахъ») о карантинномъ очищеніи и осмотрѣ людей и товаровъ, а равно и обч устройствѣ карантинныхъ домовъ. Сенатъ утвердилъ это ¹⁾, съ тѣмъ чтобы жалованье отпуска-

¹⁾ Определены лѣкарями: въ Порѣчьѣ (ог. Венкштервъ, въ Шелеговскій форпостъ—Францъ Ант. Мельцеръ, въ Добрянку—Иог. Георгъ Миллеръ, въ Царицынскій—Петръ Симановъ, въ Бахмутскій—Антонъ Воазевъ, въ Боевскій—Алексѣй Яковлевъ, въ Архангельскъ Новой Сербіи—Дементій Галковский.

лось пзъ сборовъ отъ винной продажи, назначаемыхъ на содержаніе таможенъ (22 февраля 1755). За тѣмъ учреждены были еще карантинны на польской границѣ, а именно: Сенковскій (на польской границѣ), Тапловскій переведенъ изъ Пскова, со стороны Лифляндіи, Деритскій, Бахмутскій, Царыцынскій, Изюмскій, Луганскій, Кизлярскій: но особые лѣкаря при нихъ не скоро были опредѣлены. Можно даже предполагать, что карантинновъ и таможенъ настроили больше чѣмъ нужно. Такъ, напримѣръ, лѣкарь Яковъ Власовъ писалъ медицинской канцеляріи изъ карантина на рѣкѣ Синюхѣ въ Новой Сербіи, что тамъ нѣтъ никакихъ проѣзжихъ и большія дороги обросли травой по причинѣ пустынности мѣста и недостатка фуража на окружности 30 верстъ. Всѣ они были на откупѣ, но въ 1758 года надзиралъ за ними оберъ-инспекторъ Шемякинъ.

Проживъ въ Васильковѣ болѣе десяти лѣтъ, Ломанъ соскучился и сталъ искать переменны мѣста и улучшенія своего положенія. Представился и случай. Въ Москвѣ управлялъ тогда генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ докторъ Анастасій Ника, человекъ не вполне здоровый и притомъ имѣвшій причины считать себя обремененнымъ на службѣ. Онъ предложилъ Ломану помѣняться мѣстами. Тотъ согласился и докторъ Лерхе, временно управлявшій медицинскою канцеляріею, перевелъ ихъ одного на мѣсто другаго, подѣ предложомъ слабости здоровья (8 февраля 1761). Ломанъ переѣхалъ въ Москву¹⁾.

Вступивъ въ должность, докторъ А. Ника тотчасъ же убѣдился, что онъ мало способенъ къ карантинной службѣ, какъ по кротости характера, такъ и по некрѣпкому здоровью. У него не было ни энергіи Ломана, ни силъ и умѣнья бороться съ карантинными откупщиками и приказными губернской канцеляріи, имѣвшими въ откупѣ свою долю доходовъ. Къ тому же онъ не любилъ «отписокъ» и не умѣлъ дѣлать ихъ, а потому всякое нарушеніе правъ своихъ принималъ за личное недоброжелательство. Онъ переносилъ придирки, пока онѣ относились къ его служебнымъ обязанностямъ и онъ могъ опровергать ихъ: но не легко переносилъ нападки на его личный характеръ. Къ числу подоб-

Въ скоромъ времени (около 1758 года) карантиннымъ лѣкарямъ даны помощники — лѣкарскіе ученики, получавшіе жалованье тоже изъ таможенныхъ сборовъ, или изъ откупныхъ взносовъ, но всегда на мѣстѣ.

¹⁾ Въ послѣдствіи онъ былъ старшимъ докторомъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, съ 13 декабря 1764 года.

ныхъ придинокъ принадлежала слѣдующая жалоба на него. Генераль-губернаторомъ въ Кіевѣ былъ Николай Чичеринъ, а губернаторскимъ товарищемъ полковникъ Петръ Тимофеевичъ Рагозинъ. Этотъ Рагозинъ пожаловался губернатору, что пограничный докторъ Ника, по злобѣ, не только пересталъ лѣчить его отъ болѣзни называемой «апостема», но и отобралъ у аптекаря Бунге рецептъ на декоктъ отъ этой болѣзни. Этого неудовольствія Ника не перенесъ, подалъ въ отставку и 30 октября 1763 года уволенъ отъ службы, съ правомъ практики въ Россіи, а на его мѣсто переведенъ дивизионный докторъ с.-петербургской дивизіи, а прежде бывшій старшій докторъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя надворный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Полетика (октябрь 1763).

Назначеніе доктора И. А. Полетики на должность карантиннаго (пограничнаго) доктора въ Василковѣ такъ же не обошлось безъ любопытныхъ подробностей. Это былъ человекъ молодой, энергическій, самолюбивый и вѣрнее упрямый, и самонадѣянный. Но съ тѣмъ вмѣстѣ обширно образованный, честный, не грабившій казны и не наживавшійся на счетъ госпиталя. Пробывши долго за границею и почти тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ онъ опредѣленъ былъ старшимъ докторомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Главнымъ лѣкаремъ этого госпиталя былъ въ то время штабъ-лѣкаръ Степанъ Алексѣевичъ Венечанскій и по Регламенту конечно подчиненный старшему доктору. Надобно же было случиться, что и Венечанскій обладалъ многими изъ тѣхъ личныхъ качествъ, по которымъ невыносимъ былъ ученый землякъ его. Отъ этого произошло, что они безпрерывно ссорились и наконецъ Полетика пожаловался медицинской канцеляріи на Венечанскаго «за его непослушаніе и непокорность». Жалобу эту принялся разбирать самъ П. З. Кондоиди (директоръ медицинской канцеляріи) и убѣдился, что Полетика былъ не совсѣмъ правъ и что эти два, въ сущности хорошіе, человека никакъ не могутъ ужиться вмѣстѣ. Необходимо было развести ихъ. Кондоиди такъ и сдѣлалъ. Онъ перевелъ Полетику дивизионнымъ докторомъ въ с.-петербургскую дивизію генерала аншефа графа А. И. Шувалова, на мѣсто Хр. Пеккена, а этого послѣдняго старшимъ докторомъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя (31 января 1759). Въ то же время Кондоиди приказалъ пригласить Венечанскаго въ медицинскую канцелярію и подтвердить, чтобы онъ былъ почтительнъ въ доктору Пеккену, какъ главному своему начальнику. За тѣмъ

прошло около пяти лѣтъ. Полетика самъ сталъ проситься въ Васильковскій карантинъ и переведенъ туда (въ октябрѣ 1763), между тѣмъ какъ мѣсто дивизионнаго доктора с.-петербургской дивизіи занялъ докторъ Иванъ Штелинъ, возвратившійся изъ Кенигсберга послѣ окончанія семилѣтней войны.

Можно было предвидѣть, что П. А. Полетика, съ его неудержимымъ и самонадѣяннымъ характеромъ, не уживется въ Васильковѣ. И дѣйствительно, не прошло и года, какъ между карантиннымъ докторомъ и карантиннымъ откупщикомъ начались споры о способахъ очищенія товаровъ. Докторъ говорилъ, что на основаніи карантинной инструкціи, составленной медицинскою канцелярією и утвержденной сенатомъ 22 февраля 1755 года, товары слѣдовало провѣтривать и для того въ случаѣ надобности распаковывать и развѣшивать на воздухъ; карантинники же и чиновники настаивали на томъ, чтобы довольствоваться просто прикладываніемъ печатей къ каждому мѣсту (тюбу), не распаковывая его, чтобы не терялся таможенный сборъ. Спорили много; но такъ какъ докторъ имѣлъ рѣшающую власть, то должны были подчиниться ему, что еще болѣе озлобило всѣхъ противъ него. Плодомъ этого озлобленія былъ доносъ на доктора Полетику въ томъ, что онъ беретъ взятки и лишніе поборы въ карантинѣ и что будто-бы уже уличенъ въ этомъ кievскимъ губернаторомъ Иваномъ Федоровичемъ Глѣбовымъ. Доносъ формулированъ былъ слѣдующимъ образомъ: Въ октябрѣ 1764 года барону А. И. Черкасову, президенту медицинской коллегіи, показано было партикулярное письмо изъ Кіева, въ которомъ находились слѣдующія строки: «Если души такъ попорчены и лакомство въ нихъ такъ застарѣло и вкоренилось, что весьма трудно истребить: каждый по великости своего чина и должности пользуется, даже и медицинскаго факультета сочлены того здѣсь не оставляютъ. Въ Васильковъ присланный для карантина докторъ г. Полетика, получающій 700 рублей жалованья ¹⁾, съ каждаго проѣзжающаго съ возомъ по 3 копейки по сіе время сбиралъ. А какъ нынѣ его превосходительству Ивану Федоровичу Глѣбову о томъ сказано было, то бѣдный сей медивусъ, къ великому своему

¹⁾ Доносящій не вѣрно выставилъ здѣсь цифру жалованья Полетики: тотъ получалъ въ эту пору 800 р. деньгами, 10 раціоновъ и на двухъ денщикахъ, а не 700 рублей.

неудовольствію лишился своей акциденціи, а больше еще всего, къ вящему стыду и горести, по ордеру его превосходительства принужденъ былъ и собранный свой оброкъ тѣмъ мужичкамъ отдать назадъ».

Баронъ Черкасовъ былъ очень недоволенъ этимъ безыменнымъ доносомъ. Онъ обратился къ генералу губернатору Глѣбову съ просьбою прислать копию съ дѣла объ этомъ предметѣ и съ его собственнаго о немъ ордера и въ тоже время потребовалъ отчета у Полетника. Но этого мало. Въ это же время онъ отстранилъ Полетника отъ должности и перевелъ докторомъ въ Оренбургъ (12 декабря 1765), на мѣсто доктора А. Риндера, назначеннаго штатдт-физикомъ въ Москву, а на мѣсто его въ Васильковскій карантинъ опредѣлили дивизионнаго доктора сѣвской дивизіи Генриха Лудольфа Гармеса, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщиковъ. Полетника остался такимъ образомъ безъ мѣста, безъ жалованья и поѣхалъ въ Петербургъ.

Приѣхавъ въ Петербургъ 26 января 1766 года, Полетника явился въ медицинскую коллегію и тутъ началось формальное слѣдствіе объ его взяткахъ. Оно такъ интересно, что мы позволимъ себѣ привести его здѣсь во всѣхъ подробностяхъ, рисующихъ тогдашнюю жизнь.

Обвиненіе состояло въ слѣдующимъ. 24 іюня 1764 года черезъ таможенную проѣхало нѣсколько крестьянъ изъ польскаго села Харлѣвки съ 37 воловыми подводами съ солью и съ нихъ въ карантинѣ взято «съ усиліемъ» карантинщикомъ Зафиромъ Афанасьевымъ денегъ 3 рубли да соли по 20 ступокъ съ cadaго воза; караульнымъ солдатомъ съ товарищами взято соли съ cadaго воза по 3 ступки; да въ Васильковѣ докторомъ съ cadaго воза соли по 15 ступокъ, да деньгами по 12 копеекъ. Когда дѣло дошло до генераль-губернатора, то генераль Глѣбовъ приказалъ розыскать его и взятую соль и деньги возвратитъ мужичкамъ, что и исполнено.

При слѣдствіи оказалось, что Полетники не было дома, когда взята эта взятка, и взялъ ее писарь его Михайлъ Усковъ. Возвратившись домой и узнавъ дѣло, Полетника велѣлъ Ускову тотчасъ возвратитъ мужичкамъ и соль и деньги: но они будто бы не взяли, сказавъ что за честь себѣ считаютъ, что писарь взялъ ихъ себѣ. Тогда Полетика соль оставилъ Ускову, а на деньги (4 р. 44 коп.) велѣлъ купить для канцеляріи бумаги, сургучу и перьевъ. Соль продавалась тогда по васильковскимъ цѣнамъ по 5 ступокъ на копейку, слѣдовательно на деньги стоила 1 р. 11 коп.

При слѣдствіи всѣ сознались, что они взяли все какъ выше пока-

зано и у всѣхъ у нихъ отобрали все взятое, и кромѣ того съ карантинщика Зафира Афанасьева взяли штрафа въ казну противъ его взятки, а писаря Ускова разжаловали въ солдаты и наказали передъ цѣлою командою батогами. Усковъ оправдывался тѣмъ, что съ проѣзжихъ всегда брали что нибудь: такъ уже заведено и даже разрѣшено указомъ кievской губернской канцелярiи 24 апрѣля 1753 года—брать съ проѣзжающихъ на богомолье всякаго званiя людей на бумагу для аттестатовъ; а потомъ былъ другой указъ 17 мая 1764, запрещающій брать съ проѣзжающихъ изъ Польши и особенно съ возовъ съ хлѣбомъ и съ богомольцовъ, приходящихъ въ Кiевъ. Онъ такъ и понималъ, что съ возовъ съ хлѣбомъ брать нельзя, а съ возовъ съ солью можно.

Полетика тоже представилъ свое донесенiе въ медицинскую коллегiю. Въ немъ онъ высказалъ, что онъ вступилъ въ должность при карантинѣ только въ мартѣ 1764 года и увидѣлъ, что по заведенному здѣсь предмѣстникамъ его обычаю, собираемо было на канцелярскiе расходы, т. е. на покупку пищей бумаги, сургуча, чернилъ, а въ зимнiе мѣсяцы дровъ на отопленiе того покоя, гдѣ канцелярскiя дѣла отправляются, съ каждаго проѣзжающаго воза по 3 копейки, подобно какъ дѣлалось это въ другихъ командахъ, о чемъ было почти каждому извѣстно, и что онъ прекратилъ это, въ исполненiе указа 17 мая 1764 года; только писаря, какъ видно, вдругъ отъучить было невозможно». Въ заключенiе онъ просилъ отпустить какую нибудь сумму на канцелярскiе расходы, безъ которыхъ обойтись невозможно. Явившись лично, онъ разъяснилъ всѣ обычаи карантинной службы и всѣ обстоятельства, относившiяся къ обвиненiю его. Баронъ Черкасоевъ не придавалъ словамъ Полетика никакого особеннаго значенiя и не вѣрилъ его безкорыстiю, хотя и не имѣлъ доказательствъ къ личному обвиненiю его. Онъ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, напримѣръ: въ дѣлѣ упоминается объ указѣ 24 апрѣля 1753 года, которымъ позволено брать деньги съ поступающихъ въ карантинъ, но не сказано по сколько; а говорятъ будто позволено брать по 3 копейки, между тѣмъ какъ Усковъ взялъ по 12 к.

Полетика отвѣчалъ, что въ указѣ не сказано точно, по сколько брать съ воза и съ какими товарами и продуктами съ воза брать. А по заведенному съ давнихъ лѣтъ отъ докторовъ обыкновенiю собираемо было отъ разныхъ провозимыхъ товаровъ и продуктовъ различно, а именно отъ проѣзжающихъ съ хлѣбомъ по 3 копейки, съ

солью по 12 коп. и по 15 ступокъ соли, съ брусемъ и дегтемъ по 7 коп. съ воза, а съ пѣшихъ по 4 коп.; что такимъ же образомъ и отъ другихъ стоящихъ на форпостахъ чиновъ, какъ то отъ штабъ-офицеровъ и подчиненныхъ ихъ и отъ таможенныхъ смотрителей больше или меньше собираемо было. А если говорить, что обыкновенно по 3 коп. съ воза берутъ, то это развѣ потому, что возы съ хлѣбомъ чаще бывають, чѣмъ съ другими товарами.

Всего предложено ему было три вопроса. Послѣдніе два касались подробностей дѣла. Напримѣръ, онъ зналъ, что Усковъ взялъ, и не донесъ, а велѣлъ ему купить бумаги на взятые деньги? Потомъ, когда онъ заплатилъ свои деньги по требованію губернатора, то почему онъ прямо не отправилъ ихъ въ губернскую канцелярію?

Объясненіе это прочитано было въ медицинской коллегіи, которая и постановила, что оно совершенно оправдываетъ Полетику. Но чтобы удостовѣриться въ справедливости показаній послѣдняго и не противорѣчатъ ли они показаніямъ даннымъ имъ въ Кіевѣ при производствѣ дѣла, послать копію съ нихъ Глѣбову и просить его свѣрить съ показаніями Полетики, находящимися при дѣлѣ, а также дать и свое мнѣніе.

Баронъ Черкасовъ не согласился на это. Онъ говорилъ, что Полетика очевидно виновать, но вывертывается, а потому никакія справки не нужны и Полетику просто надобно удалить отъ этого мѣста и за штрафъ назначить докторомъ въ Сибирскій корпусъ, на мѣсто переведеннаго отсюда д-ра Рейхарта, а на его мѣсто въ Васильковскій карантинъ перевести доктора Генриха Лудольфа Гармеса. Такъ и составлено было коллежское постановленіе: но члены не подписали его.

Полетика, съ своей стороны, тоже подалъ два прошенія: одно-чтобы его не переводили съ его мѣста; такъ какъ онъ пострадалъ уже отъ частыхъ переводовъ съ мѣста на мѣсто, а главное — что это дѣлается въ штрафъ, котораго онъ не заслужилъ. Но это не помогло. Тогда онъ принужденъ былъ подать прошеніе въ кабинетъ императрицы, чрезъ члена кабинета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Перфильевича Елагина.

Между тѣмъ члены медицинской коллегіи настояли, чтобы въ Кіевъ послано было за нужными справками, а баронъ Черкасовъ продолжалъ стоять на своемъ и споръ кончился тѣмъ, что президентъ коллегіи принужденъ былъ составить «экстрактъ изъ дѣла» и пред-

ставитъ императрицѣ на ея рѣшеніе, вмѣстѣ съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ. Императрица собственноручно написала на экстрактѣ, представленномъ членами коллегіи: *«Когда дѣло идетъ о чести чело-
вѣка обвиняемаго, тогда ничто пропускать ненадобно къ изыс-
канію правды и для того быть по живлю коллежскому. Екате-
рина»*). Октября 16 дня 1766 года.

Изъ Кіева вскорѣ получено было извѣстіе, что показанія Полетика совершенно одинаковы съ тѣми, которыя онъ дѣлалъ на мѣстѣ и въ доказательство прислалъ цѣлый экстрактъ изъ военно-суднаго дѣла. Кіевскій оберъ-комендантъ Яковъ Ельчаниновъ прибавлялъ къ этому, что наряженною въ Кіевѣ военно-судною комиссіею Полетика совершенно оправданъ, а Усковъ обвиненъ, и что этого дѣла снова и поднимать не стоитъ.

Между тѣмъ Полетика жилъ и проживался въ Петербургѣ и подъ гнетомъ отчаянія рѣшился на послѣднюю мѣру: пришелъ въ коллегію и, публично обвиняя президента коллегіи въ пристрастіи противъ себя, просилъ вовсе отстранить его отъ сужденія по его дѣлу. Вотъ этотъ любопытный и смѣлый протестъ:

«1766 года октября 26 дня докторъ Иванъ Полетика, въ собраніи государственной медицинской коллегіи объявилъ, что по производящемуся въ оной коллегіи объ немъ, Полетикѣ, въ учиненныхъ якобы имъ, Полетиковою, взяткахъ дѣлу имѣеть на Ея Императорскаго Величества дѣйствительнаго камергера и той же коллегіи президента барона Александра Ивановича Черкасова подозрѣніе и что о чинимыхъ отъ его превосходительства г. президента ему притѣсненіяхъ подалъ Ея Императорскому Величеству, чрезъ его превосходительство господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Перфильевича Елагина, минувшаго іюля 26 числа сего года онъ, Полетика, прошеніе; того бѣ для оному г. президенту барону А. И. Черкасову въ медицинской коллегіи при собраніи гг. оной коллегіи членовъ по означенному дѣлу не имѣть никакого голоса. Въ сему докторъ Иванъ Полетика руку приложилъ».

Выслушавъ этотъ протестъ, коллегія послала къ Елагину формальный вопросъ: дѣйствительно ли Полетика подалъ чрезъ него прошеніе императрицѣ, и тотъ отвѣчалъ, что это дѣйствительно такъ. Тогда президентъ устранилъ себя отъ сужденія по дѣлу.

*) Подчеркнутыя слова написаны были собственноручно императрицею.

Вслѣдствіе этого медицинская коллегія постановила (25 января 1767 года), чтобы докторъ Гармесъ ѣхалъ въ Сибирь, докторомъ въ Сибирскій корпусъ, а Полетика возвращенъ былъ на свое мѣсто въ Васильковскому карантину и въ тоже время поднесла императрицѣ докладъ объ его оправданіи. Но послѣднему было этого мало. Ему нужно еще было выхлопотать жалованье невыданное за все время проволочекъ дѣла (за 13 мѣсяцевъ), а для этого надо было ѣхать въ Москву (гдѣ былъ дворъ) и ожидать рѣшенія императрицы по его прошенію. Чтобы получить билетъ на проѣздъ туда онъ прямо написалъ коллегіи, что имѣетъ надобность ѣхать въ Москву для испрошенія резолюціи Ея Императорскаго Величества по поданному на президента коллегіи прошенію, и паспортъ тотчасъ же былъ ему выданъ. Туда же поѣхалъ и баронъ Черкасовъ. Обстоятельства были впрочемъ такъ благопріятны, что Полетикѣ нельзя было ожидать отказа. И дѣйствительно черезъ три мѣсяца состоялся слѣдующій именной указъ:

«Въ медицинскую коллегію.

«На поднесенный намъ докладъ отъ членовъ коллегіи о докторѣ Полетикѣ повелѣваемъ: онаго доктора Полетику, яко оказавшагося по учиненному надъ нимъ слѣдствію во взяткахъ невиннымъ, по прежнему докторомъ карантиннымъ при Васильковскомъ форпостѣ опредѣлить и удержанное у него за тринадцать мѣсяцовъ жалованье выдать сполна изъ суммы коллегіи медицинскоѣ, а президентъ имѣетъ подать намъ свой отвѣтъ о томъ. Чтоже касается, секретаряиъ и прочимъ служителямъ коллегіи отъ президента ли одного или отъ всей коллегіи зависѣтъ и одинъ ли президентъ долженъ имѣть власть безъ согласія членовъ наказывать медицинскихъ и другихъ коллегіи принадлежащихъ служителей, о томъ довольно извѣяснено въ регламентѣ генеральномъ, въ 25 и 54 главахъ, въ согласіе котораго и въ инструкціи коллежской, въ 4 пунктѣ, отъ насъ дано коллегіи знать. Екатерина».

Апрѣля 23 дня 1767 года.

И такъ Полетика получилъ полное удовлетвореніе. Съ своей стороны и президентъ коллегіи баронъ А. И. Черкасовъ представилъ императрицѣ свои объясненія, по которымъ три дня спустя состоялся другой указъ слѣдующаго содержанія:

«Въ медицинскую коллегію.

«По принесенному намъ всеподданнѣйшему изъясненію отъ президента коллегіи барона Черкасова о дѣлѣ доктора Полетики мы нашли, что онъ, баронъ Черкасовъ, не подлежитъ никакому отвѣту и для того въ томъ нашемъ отъ 23 сего мѣсяца указѣ рѣчь о подачѣ намъ отвѣта уничтожаемъ. *А въ прочемъ указу прежнему быть во всей силѣ. Екатерина*» ¹⁾. Апрѣля 26 дня 1767 года, въ Москвѣ.

Послѣ этого тяжелаго времени И. А. Полетика еще 17 лѣтъ управлялъ Васильковскимъ карантинномъ и умеръ въ Васильковѣ 22 апрѣля 1783 года, послѣ тяжелой болѣзни. На его мѣсто назначенъ былъ младшій докторъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго (морскаго) госпиталя Денисъ Васильевичъ *Понырка* (іюнь 1783).

Д. В. Понырка, родомъ изъ села Полошки Глуховскаго уѣзда, сынъ казака, первоначально учился въ кievской академіи и оттуда поступилъ ученикомъ въ московскій генеральный госпиталь (18 мая 1766). По окончаніи курса лѣваремъ, опредѣленъ былъ въ Вятскую провинцію (1770), но, не долго пробывъ тамъ, сталъ проситься въ Москву, «хоть бы на время», потому что онъ очень скучалъ въ отдаленной провинціи. Медицинская коллегія перевела его въ Москву, въ медицинскую конторѣ лѣваремъ (т. е. членомъ физиката), на мѣсто умершаго (19 іюля 1771) лѣваря Карла Тимана. Но и тутъ онъ прожилъ не долго. Онъ просился за границу «для усовершенствованія въ наукахъ, на своемъ коштѣ». Медицинская коллегія уволила его не только отъ должности при медицинской конторѣ, но и вовсе отъ службы (28 августа 1774 года). И дѣйствительно онъ поѣхалъ за границу, сперва на свой счетъ, а послѣ на казенный счетъ, вмѣстѣ со студентами московскаго университета Анитовымъ, Ив. Орловымъ, Дмитріемъ Ивановымъ и Васильемъ Блочаревымъ ²⁾. Въ послѣдствіи времени всѣмъ этимъ молодымъ людямъ приказано, по выдержаніи за границею докторскаго экзамена, остаться еще на годъ, именно во Франціи и Англии, для приобрѣтенія лучшаго знанія въ прививаніи оспы «по точной методѣ г. Димсдала», за что на этотъ годъ выдано

¹⁾ Въ подлинникѣ подчеркнутыя слова приписаны собственною рукою императрицы.

²⁾ Первые двое умерли за границею.

имъ по 1000 рублей на годъ, тогда какъ въ два первые года путешествія имъ выдавалось только по 400 р. въ годъ. Возвратившись и получивъ право практики въ Россіи (26 августа 1781 года), Поньрка опредѣленъ на службу младшимъ докторомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь, 30 іюня 1782, съ жалованьемъ по 300 р. и казенною квартирою. Но онъ все жаловался на слабость здоровья и поѣхалъ въ отпускъ въ Малороссію (11 мая 1783), гдѣ и назначенъ карантиннымъ докторомъ въ Васильковъ, на мѣсто умершаго Полетики (іюнь 1783).

Поньрка управлялъ Васильковскимъ карантинномъ около шести лѣтъ и уволенъ отъ службы по слабости здоровья (3 мая 1789), а на его мѣсто переведенъ докторъ Кіевскаго полевого госпиталя Илья Самойловичъ Аккордъ (*Elias Accord*). О карантинной дѣятельности его не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что когда Васильковскій карантинъ былъ закрытъ (въ 1796 году), то Аккордъ просился къ карантину на Днѣстрѣ, въ присоединенныхъ губерніяхъ; но вмѣсто того, лѣтомъ 1797 года, назначенъ онъ былъ въ Липовецкій уѣздъ кіевской губерніи съ жалованьемъ по 300 р. Но 24 сентября того же года назначеніе это отмѣнено и Аккордъ переведенъ докторомъ въ Черноморскій флотъ, съ жалованьемъ по 800 р. отъ Черноморскаго адмиралтейства. Но потомъ и это назначеніе отмѣнено. А именно при больницахъ Кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія не состояло доктора и кіевскій гражданскій губернаторъ Илалашевичъ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ коллегію опредѣлить на эту должность доктора Аккорда. Коллегія исполнила представленіе губернатора и назначила Аккорда на службу въ Кіевъ (17 декабря 1797 года), въ больницы тамошняго приказа общественнаго призрѣнія, съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ.

Въ страшную чумную эпидемію въ Москвѣ 1771 года, существовали при пограничныхъ таможахъ слѣдующіе карантины, учрежденные въ 1755 году:

- 1) въ Васильковѣ,
- 2) » Переяславлѣ
- 3) » Боевскѣ
- 4) на Шелеговскомъ форпостѣ Смоленской губерніи.
- 5) въ Лещевой Нивѣ
- 6) » Бахмутѣ
- 7) на Никитинской заставѣ

- 8) въ Архангельскомъ шанцѣ
9) » Бизлярѣ и на учрежденной Днѣпровской линіи, переведенный изъ Цариченки и изъ вѣрности св. Димитрія Ростовскаго
10) при Александровской /
11) » Петровской { вѣрностяхъ. При всѣхъ этихъ гаран-

тинныхъ домахъ, по указамъ сената 24 февраля, 3 іюня и 11 октября 1755 года, 5 апрѣля 1756 года, 5 августа и 5 декабря 1757 года положено содержать въ Васильковѣ доктора и при немъ лѣбаря, лѣбарскаго ученика и писаря; въ Смоленскѣ доктора, въ прочихъ же карантинныхъ домахъ по 1 лѣбарю и по 1 лѣбарскому ученику, съ жалованьемъ докторамъ по 600 р. 6 раціон. и 2 денщик., а лѣбарямъ по 180 р. 3 раціон. и 1 денщику, ученикамъ же по 30 р., а писарю по 40 р., да на строеніе тѣхъ карантинныхъ домовъ и на отпускаемые въ нихъ медикаменты, сколько оныхъ по цѣнѣ въ которомъ году будетъ въ отпуску, надлежащее число денегъ изъ суммъ статсъ-канторы.

Здѣсь въ первый разъ упоминается карантинъ въ Смоленскѣ. Это потому, что, въ разгаръ московской эпидеміи, въ Смоленскѣ учрежденъ былъ временный карантинъ съ нѣсколькими заставами и для управленія ими командированъ былъ въ Смоленскъ членъ медицинской коллегіи Хр. Пеккень (19 сентября 1771 года), съ сохраненіемъ полного содержанія (т. е. по 1500 р. въ годъ). Пеккень прожилъ тамъ ровно пять лѣтъ (до 2 сентября 1775 года), когда чума совершенно прекратилась и приказано снять всѣ временные карантинны.

Впрочемъ эта московская чума такъ была страшна и такъ запечатлѣлась въ умахъ современниковъ, что они пугливо предполагали вспышку ея во всякой случайной горячечной эпидеміи, и невольно тревожились. Такъ въ концѣ 1797 года въ Подольской и Волинской губерніяхъ заявлена была чума въ двухъ уѣздахъ. Началась она въ Проскуровскомъ уѣздѣ въ Сатановскомъ ключѣ и оттуда двинулась въ Каменецкій уѣздъ и опустошила села Голеницы, Ольховець, Почапинцы, Хропоты. Болѣзнь была горячечная, съ чрезвычайнымъ и быстрымъ ослабленіемъ силъ, съ бубонами, карбункулами и иногда съ рвотою и кровавымъ поносомъ. Черезъ годъ послѣ того подобная эпидемія вспыхнула (въ 1798 году) въ Дубенскомъ и Кременецкомъ повѣтахъ, гдѣ и наблюдалъ ее докторъ Миндереръ, бывший тогда

инспекторомъ Слободскоукраинской врачебной управы. Гонимая за нею, онъ извѣдиль Подольскую и Волынскую губернію и только слѣдующею весною призналъ ее прекратившеюся ¹⁾). Осенью 1799 года во многихъ повѣтахъ Кіевской губерніи былъ неурожай хлѣбовъ. Крестьяне пекли себѣ ржаной хлѣбъ съ лебедою и сѣменами ея. Бывали отъ голода и горячки, но уже не назывались чумою. Наконецъ въ октябрѣ того же 1799 года появилась въ Охотскѣ желтая гнилая и прилипчивая горячка и въ полмѣсяца отъ нея умерло 16 мужичинъ и 15 женщинъ. Всего умерло отъ эпидеміи въ октябрѣ 73 человека, въ ноябрѣ 61 и у Якутовъ многие дома совсѣмъ опустѣли. Для прекращенія ея командированъ былъ изъ Иркутска инспекторъ тамошней врачебной управы, штабъ-лѣкаръ Андрей Поддубный и ему посланы были изъ медицинской коллегіи наставленія о простудной горячкѣ (тогда повсемѣстной) и объ американской желтой лихорадкѣ. Губернаторомъ въ Иркутскѣ былъ генераль Леццано, а комендантомъ въ Охотскѣ подполковникъ Пирожковъ. Болѣзнь прекратилась въ маѣ 1800 года.

На западной приморской границѣ Россіи долго не было никакихъ карантинныхъ загражденій. Только въ концѣ XVIII столѣтія учрежденъ былъ карантинъ на островѣ Сескарѣ съ весьма ограниченнымъ штатомъ ²⁾). Приносилъ ли онъ какую либо пользу—сомнительно. Но существовалъ недолго и при заключеніи конвенціи о зундскихъ пограничныхъ окончателно закрытъ.

¹⁾ По поводу этой эпидеміи состоялся именной указъ отъ 12 апрѣля 1798 года объ освобожденіи жителей Подольской губерніи, потерпѣвшихъ разстройство въ экономіи, отъ платежа податей на два года, снабдя ихъ годовымъ пособіемъ, изъ общихъ тамошнихъ государственныхъ доходовъ *Полное собраніе законовъ*, XXV, 18,480. Черезъ нѣсколько времени эта льгота еще продлена на годъ, XXV, 18,851. февраля 8, 1799, а потомъ отчасти распространена на населенія Волынской губерніи, пострадавшія отъ моровой язвы. XXV, 18,869, 23 февраля 1799.

Былъ еще Сѣвастопольскій карантинъ подъ вѣдѣніемъ лѣкаря Афанасія Вучарова. Этотъ лѣкаръ Вучаровъ, поссорившись съ майоромъ Любовымъ, вызвалъ его на дуэль и за то отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Но судъ оправдалъ его, въ Новороссійскомъ губернскомъ правленіи и его снова приняли въ службу и опредѣлили въ Черноморскій флотъ (31 мая 1799). На его мѣсто въ карантинъ опредѣленъ (11 января 1798, надворный совѣтникъ польской службы докторъ Юстиніанъ Сави.

²⁾ *Полное собраніе законовъ*, XXII, 16,390.

При карантинѣ на островѣ Сескарѣ состоялъ (съ 26 марта 1797) докторъ Эрихъ Рейнгольмъ (*Erich Joh. Reinhold*), съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ. Но онъ, проживъ тамъ ровно годъ, жаловался на то, что на Сескарѣ мало жителей, да и тѣ не нуждаются въ лѣченіи и ему нечѣмъ жить, а потому просился на службу внутрь Россіи и переведенъ былъ въ городъ Керенсѣ Саратовской губерніи, а оттуда алушеромъ въ Нижегородскую врачебную управу (15 октября 1798). На его мѣсто, въ Сескарскому карантину переведенъ изъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя штабъ-лѣкарь на лѣкарской вакансіи Іог. Цеттлеръ (*Joh. Zetleler*) съ жалованьемъ по 450 р. (8 марта 1798).

Последнее преобразование нашихъ карантинновъ относилось къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія и штаты ихъ утверждены 7 іюля 1800 года. По этому штату въ каждомъ карантинномъ домѣ должно было находиться по три квартала и каждый кварталъ долженъ былъ имѣть своего лѣкаря, а общее завѣдываніе карантинномъ принадлежало доктору или штабъ-лѣкарю. Соотвѣтственно этому штату медицинская коллегія снабдила (15 октября 1800) карантинны слѣдующимъ персоналомъ:

<i>Карантинъ</i> и при его конторѣ:	<i>3 кварталъ.</i>	<i>2 кварталъ.</i>
<i>Исаковицкій</i> карантинъ. Докторъ 6 кл. Фокельманъ.	Шт.-лѣкарь 7 кл. Григорій Паржницкій.	Лѣкарь 9 кл. Кобце.
<i>Монилевскій</i> — докторъ 6 кл. Беръ.	Докторъ Юспиніанъ Савв.	
<i>Дубосарскій</i> — докторъ 6 кл. Звѣрака.	Шт.-лѣкарь Фридрихъ Болобановъ.	
<i>Одесскій</i> — докторъ 6 кл. Доминичисъ, а послѣ смерти (28 декабря 1800) штабъ-лѣкарь Максимъ Згурскій.	Штабъ-лѣкарь Адольфъ Корнелиусъ.	Лѣкарь Петръ Можайскій, а послѣ него штабъ-лѣкарь Матвѣй Богославскій.
<i>Талаврогскій</i> карантинъ. Докторъ 8 кл. Д. Писчековъ.	Штабъ лѣкарь 8 кл. Тимофей Яновскій.	Лѣкарь 9 кл. Иванъ Щитинскій.
<i>Кизлярскій</i> — Докторъ 7 кл. Дюбольдъ.	Штабъ-лѣкарь Николай Чубровскій.	
<i>Козловскій</i> — Докторъ 7 кл. Метиве, а послѣ него штабъ-лѣкарь 8 класса Яковъ Степановичъ Донцовъ.		Штабъ-лѣкарь В. Н. Червинскій.

<i>Астiарскій.</i> Докторъ 7 кл. Гирцiусъ.	Докторъ на лѣкарской вакансiи Антонъ Ивановичъ Децильонъ.
<i>Седмиставскій.</i> Штабъ-лѣкаръ 8 кл. Пальмъ.	Штабъ-лѣкаръ Емельянъ Карницкiй, а потомъ Степанъ Никольскiй.

Но новому штату положено жалованье карантинному доктору по 1000 р., а лѣкарямъ 3 квартала по 600 р. и 2 квартала по 400 рублей въ годъ.

При прежней системѣ карантинновъ существовала должность инспектора новороссiйскихъ карантинновъ и занималъ ее докторъ Д. С. Самойловичъ. При новомъ штатѣ она упразднена и Самойловичъ опредѣленъ инспекторомъ Черноморской врачебной управы.

Здѣсь встаетъ припомнить о другомъ искателѣ этой самой должности. Это былъ докторъ австрiйской службы по имени Михаилъ Гелей. Онъ прислалъ просьбу на имя императора Павла объ опредѣленiи его главнымъ докторомъ надъ всѣми карантинами въ Россiи и ординарнымъ профессоромъ врачебной полицiи и судебно-врачебной науки, общая открытъ легчайшiя средства къ пресѣченiю моровой язвы, обнародовать сочиненiе, издать учебную о семъ предметѣ книгу и преподавать лекцiи. Императоръ передалъ эти бумаги медицинскoй коллегiи на обсужденiе и эта послѣдняя отказала принять его въ русскую службу безъ подробнаго удостовѣренiя въ его знанiяхъ. Въ этомъ смыслѣ Императоръ и приказалъ отвѣтить австрiйцу чрезъ ученаго секретаря коллегiи.

Медицинскiй бытъ.

По мѣрѣ того какъ формировались постоянныя войска и флоты на двухъ моряхъ, Петръ I заботился о снабженiи тѣхъ и другихъ надлежащею врачебною помощiю. Но своихъ лѣкарей не было, потому что не было еще и медицинскихъ школъ. Необходимо было выписывать докторовъ, лѣкарей и подлѣкарей изъ чужихъ краевъ. Такъ и дѣлалось. Извѣстно, что во вторую поѣздку свою по Европѣ Петръ Великiй нанялъ большое число лѣкарей и подлѣкарей въ русскую службу. Не всегда однакожь удавался подобный наемъ. Предстояло брать, что даютъ. Выборъ основывался на рекомендацiи иностранныхъ городовыхъ лѣкарей, которые слыли въ то же время и учителями своихъ

учениковъ и подлѣкарей. Таковъ былъ обычай почти во всей Европѣ. Городовые лѣкаря брали къ себѣ мальчиковъ, учили ихъ нѣсколько лѣтъ чему могли, а больше всего учили ихъ присматриваться къ своей собственной лѣчебной дѣятельности и лѣтъ черезъ 6—7 производили въ лѣкарскіе ученики или *подлѣкари*. Эти то подлѣкари или лѣкарскіе ученики, по рекомендаціи учителей своихъ, и нанимались въ иностранныя государства. Подобныя же лѣкарскіе ученики призывались и въ Россію на службу. Они мало знали и большею частію не были способны къ самостоятельной практикѣ: но чтоже дѣлать, когда лучшихъ не было? Напротивъ, случалось что негдѣ было взять и такихъ подлѣкарей. Такого рода затрудненіе встрѣтилось въ турецкую войну 1736 года. Корпусный докторъ Автаман Nitsch писалъ медицинской канцеляріи изъ крѣпости Св. Анны, что нѣсколько польвовъ имѣють одного лѣкаря. Такъ, напримѣръ, «лѣкарь Коппъ призываетъ Вятскій, Вологодскій, Дагестанскій, Нашебургскій и часть Навагинскаго полка, точію ордеръ получилъ о бытіи въ Куринскомъ полку, въ которомъ вакансія имѣется, а съ какою пользою, того Ничъ не вѣдаетъ; полагаетъ только, что хотя Коппъ и искусный лѣкарь, то однакожь порусски ничево не разумѣеть». Между тѣмъ при укомплектованіи арміи по военному положенію въ 1734 году дано было порученіе русскому полномочному министру въ Пруссіи Павлу Ивановичу Ягужинскому приглашать въ русскую службу лѣкарей и подлѣкарей по капитуляціямъ (контрактамъ) на два года); но имъ нанято только 9 человекъ, съ жалованьемъ по 10 талеровъ въ мѣсяць или на русскія деньги по 8 р. 20 коп. въ мѣсяць ¹⁾. Всѣ они должны были представить удостовѣреніе въ своихъ знаніяхъ и о прежней службѣ въ отечествѣ отъ тѣхъ факультетскихъ профессоровъ, у которыхъ они учились, а если не отъ учителей, то хоть отъ пасторовъ.

Такое же затрудненіе встрѣтилось въ семилѣтнюю войну и медицинская канцелярія обратилась къ генералъ-поручику и губернатору королевства прусскаго, барону Корфу, съ просьбою «приглашать въ русскую службу иностранныхъ свободныхъ докторовъ и лѣкарей въ Кенигсбергъ, а также гезелей и ротныхъ фельдшеровъ внутрь государства російскаго на положенное жалованіе, съ присягою на вѣрность

¹⁾ Въ числѣ этихъ девяти былъ лѣкарь Іоганнъ Адамъ Хемницеръ, отецъ знаменитаго русскаго баснописца

службы». Въмѣстѣ съ тѣмъ она обратилась къ лифляндскому губернатору Броуну и объявила ему высочайшее повелѣніе прискаты въ той губерніи лѣкарей и подлѣкарей, сколько найдти можно, а если изъ національныхъ мало найдется, то стараться вызвать изъ Кенигсберга охочихъ людей изъ лѣкарей на кондиціяхъ противъ лѣкарей нынѣ въ арміи служащихъ, а жалованье имъ выдавать со дня пріема ихъ тамъ въ русскую службу и прогонныя деньги на проѣздъ¹⁾. Рижскому гарнизонному доктору Беніамину Феофилу Графу тоже предписано медицинскою канцелярією принимать въ службу въ свой (Рижскій) госпиталь, если будутъ являться вольные желающіе лѣкаря, городовые или вольные, а равно и подлѣкари, не отказываться экзаменовывать ихъ и присылать аттестаты въ медицинскую канцелярію (22 мая 1757).

Наконецъ такое же затрудненіе встрѣчено было при укомплектованіи арміи графа П. И. Румянцова передъ войною 1769—1774 г.

Вообще уровень знаній подлѣкаря былъ не высокъ и въ тоже время, кажется, во всей Европѣ одинаковъ. По штатамъ и обычаямъ того времени подлѣкарь не пользовался правами свободной практики, хотя въ военной службѣ замѣнялъ иногда лѣкаря. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ госпиталяхъ подлѣкарь всегда обязанъ былъ, кромѣ своихъ служебныхъ обязанностей, постоянно учиться наравнѣ съ госпитальными учениками. Этимъ то способомъ и открывалась подлѣкарю дорога къ дальнѣйшему повышенію. Только повышеніе это приходило не иначе какъ чрезъ установленный экзамень; а экзамень могъ быть произведенъ на всякомъ мѣстѣ, гдѣ былъ хоть одинъ докторъ и нѣсколько лѣкарей, которые и дѣлались экзаменаторами. Другое условіе къ допущенію подлѣкаря къ лѣкарскому экзамену состояло въ томъ, чтобы подлѣкарь прослужилъ по крайней мѣрѣ не менѣе шести лѣтъ послѣ производства въ это званіе. Подлѣкарское званіе упразднено въ арміи и флотѣ по докладу медицинской коллегіи, высочайше утвержденному 16 іюля 1799 года, послѣ учрежденія двухъ медико-хирургическихъ

) На этотъ призывъ отозвались многіе иностранцы, въ особенности въ званіи подлѣкарей; но по прибытіи въ Россію большая часть ихъ не выдержали самаго снисходительнаго экзамена и оказались круглыми невѣждами, такъ что немедленно уволены отъ службы; другіе же разосланы были по госпитальнымъ школамъ, чтобы поучившись могли приготовиться къ исполненію подлѣкарскихъ обязанностей и тѣмъ вознаградить истраченныя на наемъ ихъ деньги.

академіи въ замѣнъ госпитальныхъ медико-хирургическихъ училищъ при госпиталяхъ.

Съ учрежденіемъ первой госпитальной школы долженъ былъ повыситься уровень знаній учениковъ ея. Медицинская школа Бидлоо не имѣла точно опредѣленнаго срока, въ теченіи котораго долженъ былъ быть преподавъ полный курсъ медико-хирургическаго ученія. Бидлоо и не спѣшилъ выпускать учениковъ изъ своей школы. Его упрекали за это, даже старались подкупить, назначивъ по 100 руб. за cadaго выпущеннаго лѣкаря и по 80 рублей за cadaго подлѣкаря: но онъ не поддавался ни на упреки, ни на личныя выгоды. Всѣмъ отвѣчалъ онъ, что выпускать будетъ только такихъ учениковъ, которые способны будутъ къ самостоятельной врачебной дѣятельности. Другими словами, школы должны были выпускать учившихся въ нихъ *лѣкарями*, а не подлѣкарями. Правда, архіаітеръ Фишеръ въ докладѣ императрицѣ Аннѣ (августъ 1735) хвалился тѣмъ, что въ петербургскихъ генеральныхъ госпиталяхъ, черезъ два года послѣ открытія этихъ школъ, изъ 20 учениковъ въ каждомъ госпиталѣ 8 человекъ могли быть такъ научены, что «въ подлѣкари пропзведены быть могли»; но эта похвальба не совсѣмъ была основательная. Она хотѣла только уволоть московскую госпитальную школу, не соглашавшуюся подчиниться архіаітеру и предпочитавшую лучше имѣть дѣло съ коллегіею экономіи синодальнаго правленія, чѣмъ съ медицинскою канцеляріею. Доказательствомъ этому служило то, что архіаітеръ въ томъ же докладѣ прямо высказывалъ, что въ Москвѣ уже тридцать лѣтъ назадъ учрежденъ госпиталь «къ полученію довольноаго числа добрыхъ лѣкарей», а не подлѣкарей. Другое доказательство состояло въ томъ, что немного спустя послѣ этого доклада, самъ же архіаітеръ Фишеръ постановилъ не поручать подлѣкарямъ самостоятельной практики и слѣдовательно призналъ ихъ негодными къ той службѣ, къ какой назначались ученики новоучрежденныхъ госпитальныхъ школъ.

Но, съ другой стороны, если директоръ московской госпитальной школы, а за нимъ и архіаітеры стремились замѣнить подлѣкарей во всѣхъ родахъ службы лѣкарями, то исполненіе этого дѣла оказалось на практикѣ весьма затруднительнымъ. Чтобы образовать лѣкаря нужно было долго учить его; а частыя войны и другія потребности во врачебной помощи не терпѣли отлагательства и вынуждали довольствоваться подлѣкарями, гдѣ слѣдовало бы помѣщать лѣкарей. Отъ того-то и произошло, что подлѣкари почти цѣлое столѣтіе не остав-

ляли своихъ ролей и весьма постепенно и медленно замѣнялись лѣ-варями.

Третью степень служебнаго положенія врачей въ прошломъ столѣ-тіи составляли *штабъ-лѣкаря*. Когда лѣкарь прослужить не менѣе шести лѣтъ на государственной службѣ, расширить кругъ знаній сво-ихъ чтеніемъ и практикою, пріобрѣтетъ опытность и репутацію меж-ду сослуживцами, тогда повышается изъ лѣкарей въ штабъ-лѣкари. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія штабъ-лѣкарей было очень немного и званіе ихъ цѣнилось очень высоко. По воинскимъ штатамъ число ихъ большею частію соразмѣрялось съ числомъ докторовъ, ко-торымъ они и считались помощниками, а при недостаточности докто-ровъ замѣняли ихъ ¹⁾. И важнымъ и выгоднымъ считалось штабъ-лѣкарское званіе и по служебному положенію, и по высшему окладу содержанія и наконецъ по болѣе спокойному роду службы, на старости лѣтъ. Для лѣкарей это было естественнымъ повышеніемъ и наградой. Но во вторую половину столѣтія, именно послѣ смерти П. З. Кондоиди, обаяніе штабъ-лѣкарскаго званія исчезло. Штаблѣкарство пе-рестало быть ученою степенью и сдѣлалось простымъ званіемъ безъ увеличеннаго содержанія, безъ штатнаго мѣста и безъ опредѣлен-наго положенія. Наконецъ въ промежутокъ времени между смертью Кондоиди и учрежденіемъ медицинской коллегіи, когда временное уп-равленіе медицинскою канцеляріею находилось въ рукахъ штабтъ-физика доктора Я. Лерхе, оно стало даже продаваться и нерѣдко случалось видѣть штабъ-лѣкаря «на подлѣкарской вакансіи». Меди-цинская коллегія старалась - было возстановить его значеніе, поста-вивъ правиломъ давать его за ученые заслуги и за представленіе въ коллегію собственныхъ «примѣчаній» изъ практики, или за напе-чатаніе какихъ либо сообщеній въ возникавшихъ тогда медицинскихъ, періодическихъ изданіяхъ. Въ послѣдствіи времени званіе штабъ лѣ-каря присвоивалось лѣкарю, прослужившему известное число лѣтъ и потому ожидавшему повышенія по должности.

Послѣдняя и высшая ученая степень принадлежала *докторамъ медицины*. Въ первые двѣ трети прошлаго столѣтія «докторъ меди-цины» былъ непременно иностранецъ. Явившись съ дипломомъ и съ

¹⁾ Такъ, по штату ландмилиціонныхъ полковъ, утвержденному 19 марта 1736 года, положено имѣть въ томъ корпусѣ *одного доктора*, съ жалованьемъ по 400 руб. 6 раціонами=36 р. 40 к., 2 денщиками=12 рубл. и *одного штабъ-лѣкаря* съ жалованьемъ по 266 р. 67 к. 3 раціонами=16 р 20 к. и 1 ден-щикомъ=6 рубл.

печатною диссертациею на степень доктора изъ какого либо иностраннаго медицинскаго факультета, докторъ подвергался экзамену въ медицинской коллегіи или въ московской медицинской конторѣ и, выдержавъ его, признавался докторомъ и получалъ право свободной практики. Если же экзамена не выдерживалъ, то не получалъ права практики, т. е. не былъ признаваемъ докторомъ. Нерѣдко случалось, что иностранный докторъ признавался на экзаменѣ очень слабымъ, но не совсѣмъ однакоже невѣждою. Таковой получалъ позволеніе явиться черезъ годъ для повторенія экзамена, а на промежуточное время зачислялся въ какой либо генеральный госпиталь, на вакансію подлѣкаря, и пользовался тамъ учебными пособиями для повторенія учебныхъ предметовъ. При этомъ онъ могъ либо получать подлѣкарское жалованье и тогда исполнять всѣ служебныя обязанности подлѣкаря въ госпиталѣ, либо учиться на своемъ содержаніи и потихоньку заниматься медицинскою практикою внѣ госпиталя. Выдержавши потомъ экзаменъ и получивъ право практики (разумѣется, всегда докторской), иностранный докторъ тотчасъ же принимался быть на службу и опредѣлялся иногда на весьма важныя должности, несовмѣстныя съ его молодостію, неопытностію и полнымъ незнаніемъ русскаго языка.

Съ начала прошлаго столѣтія, т. е. съ самаго начала петровскихъ преобразованій и учрежденія постоянной арміи и флота, почувствовался въ Россіи недостатокъ въ представителяхъ рациональной медицины и въ болѣе или менѣе образованныхъ врачахъ. Но дома у насъ такихъ людей не было и предстояла существенная необходимость призывать ихъ изъ чужихъ краевъ, а потомъ уже завести собственные школы для преподаванія медицинскихъ наукъ и приготовленія своихъ собственныхъ врачей. На этомъ основаніи казалось бы, что требованія на иностранныхъ врачей должны быть безграничны, а вознагражденіе за трудъ и за переселеніе ихъ въ Россію весьма значительно. Врачей мало, стало-быть существующіе врачи должны быть цѣнны высока по самому недостатку конкуренціи между ними. Но на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ, и русское правительство было весьма разборчиво въ приѣмъ иностранныхъ докторовъ и лѣкарей и цѣнило ихъ не по количеству, а по качеству и по степени полезности ихъ. Поэтому приемъ на службу иностранныхъ докторовъ весьма и весьма разнился отъ приѣма и опредѣленія лѣкарей и подлѣкарей. Разница простиралась настолько, на сколько иностранные доктора, принятые въ

службу, вромѣ лѣчебной практики, способны еще были передать свои знанія русскимъ людямъ (ученикамъ). И дѣйствительно, каждый докторъ, вступая въ русскую службу, не могъ занять мѣста ниже мѣста дивизионнаго доктора, и не могъ получать годоваго жалованья менѣе 300 рублей. По тогдашнему времени это было высокое мѣсто и большое жалованье. Но если докторъ поступаѣтъ на учебную службу, то и это жалованье считалось недостаточнымъ и только временнымъ. Оно назначалось только на срокъ, и притомъ на короткій срокъ, напримеръ года на два, послѣ котораго жалованье, по усмотрѣнiю медицинской канцелярiи, увеличивалось погодно на 100 р., на 200 р. и болѣе, даже до 1000 р. въ годъ, чего съ лѣкаремъ никогда не бывало, если этотъ лѣкаръ не занималъ никакой учебной должности.

Медицинская служба военнаго и морскаго вѣдомствъ опредѣлялась штатами, которые впрочемъ часто измѣнялись или дополнялись, сообразно съ расширенiемъ госпиталей и съ преобразованиемъ армiи и воинскихъ командъ. Для примѣра здѣсь приводятся штаты московскаго генеральнаго госпиталя съ его школою по табелямъ 1710—1716 и 1744 годовъ:

По табели 1710 года полагалось содержанiя:

Доктору (Н. Бидлоо)	800 р.	въ годъ.
Лѣкарю	300 »	
Аптекарю	300 »	
Подъаптекарю	120 »	
Подлѣкарю	41 »	
Ученикамъ 50 человекамъ.	894 »	25 коп.
да имъ же на покупку суконъ на дѣло мундировъ производится въ два года.	241 »	50 коп.
Мастеровымъ и рабочимъ, 14 человекамъ .	41 »	
На покупку лѣкарствъ инструментовъ и прочихъ припасовъ и вина.	1826 »	
Попу съ дѣячкомъ	14 »	
Прикащику госпитальнаго двора (коммисару)	15 »	30 четв. хл.
Копiисту	15 »	10 четв. хл.
На пищу и питье болящимъ хлѣба разныхъ родовъ 1278 четвертей, а иной годъ и больше.		
Итого по табели:	4607 р. 75 к.	и 1318 чет. х.

Табель 1710 года была нѣсколько расширена въ 1716 году, чрезъ увеличеніе жалованья старшему доктору, полный комплектъ учениковъ и выдачу хлѣбной дачи садовнику съ его работниками, такъ что всего денежнаго жалованья выдавалось 5351 р. 47 коп. и хлѣба 794 четверти.

По именному указу 15 іюля 1744 года, сверхъ положенной отъ экономической канцеляріи суммы производилось отъ статсъ-конторы:

Доктору Блюментросту	1700 р.
Лѣкарю .	300 >
> Андрею Скрымвору.	140 >
> Михаилу Плепшу	180 >
Подлѣкарю Никитѣ Ножевщикову.	84 >
Подлѣкарю	43 >
Аптекарю Томасу Возлуху .	100 >
Рисов. мастеру Петру Михайлову.	120 >
Караульнымъ солдатамъ . . .	120 >
Итого	<u>2887 р.</u>

Затѣмъ, по указу 1744 года употреблялось разнаго рода хлѣба на содержаніе больныхъ 1318 четвертей, въ томъ числѣ госпитальному комиссару ржи 15 четвертей и овса 15 четвер.; коніисту ржи 5 четвертей и овса столькоже и мастеровымъ и рабочимъ людямъ ржи 24 четверти, овса столькоже и ячменя 7½ четвертей.

Въ корабельномъ флотѣ, по штату 1727 года, положено содержать 39 медиковъ, а именно 20 лѣкарей съ жалованьемъ по 186 р. и 19 по 156 рублей.

По новому штату 13 марта 1733 года положено 38 медиковъ и имъ назначено жалованья

1 главному	300 р.
1 главному	240 >
18 лѣкарямъ, каждому по	186 >
12 >	> 156 >
4 >	> 150 >
2 >	> 126 >

По штату 5 мая 1757 года положено содержать въ морской службѣ чиновъ:

Во флотѣ корабельномъ:	докторъ.	1 (Синопеусъ)
	лѣкарей.	44
	подлѣкарей.	38
	лѣкарскихъ учениковъ	13

Во флотѣ <i>галерномъ</i> : лѣкарей.	3
подлѣкарь	1
лѣкарскій ученикъ	1
Въ адмиралтейскомъ батальонѣ лѣкарь	1
Въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ	
докторъ.	1
главный лѣкарь	1
лѣкарей.	5
подлѣкарей.	10
лѣкарскихъ учениковъ	20
Для обученія подлѣкарей и учениковъ:	
операторъ .	1
рисовальный мастеръ	1
студіозъ	1

Чтоже касается лѣкарей гражданской службы, или городовыхъ; то первоначально въ города переселялись на жительство только такіе врачи, которые не годились уже для подвижной военной или морской службы, т. е. состарѣвшіеся, хворые, дряхлые или обремененные большими семействами. Состарѣвшіеся врачи перемѣщались

Въ города болѣею частію, если не всегда, въ награду за прежнюю армейскую службу, для прокормленія себя на старости лѣтъ на покойномъ мѣстѣ, вмѣсто полученія пенсіи, которая тогда (при опредѣленіи на службу по найму или капитуляціи на срокъ) еще не существовала. Городъ обязанъ былъ содержать такого врача на свои доходы и давать ему, кромѣ денежнаго жалованья, еще квартиру бесплатно. Это былъ своего рода налогъ на городскихъ обывателей. А какъ денежные средства городовъ были неодинаковы, то и содержаніе врачей ихъ было не вездѣ одинаково. Между тѣмъ необходимо въ лѣкаряхъ для городовъ сознавалась уже многими и на основаніи ея архіатеромъ Фишеромъ проведенъ сенатскій указъ 10 мая 1737 года объ учрежденіи городскихъ больницъ.

Экзамены для иностранныхъ докторовъ. При самомъ учрежденіи архіатерства въ Россіи, какъ государственнаго медицинскаго управленія, постановлено правиломъ не допускать къ медицинской практикѣ такихъ лицъ, которые не были предварительно освидѣтельствованы въ своихъ знаніяхъ въ медицинской коллегіи. Въ сенатскомъ указѣ 14 августа 1721 года прямо сказано: «никакой докторъ или городской лѣкарь не дерзаетъ нигдѣ практику имѣть или лѣчить прежде освидѣтельствованія отъ медицинской коллегіи, понеже иногда многіе неученные свитающіеся безъ всякаго наказанія дерзновенно

лѣчать, въ чемъ великую вреду жителямъ причинить могутъ». Въ другомъ сенатскомъ указѣ 25 іюня 1729 года постановлено, «чтобы не свидѣтельствованные лѣкари въ лѣкарскихъ искусствахъ отнюдь лѣчить народъ, а паче подлыхъ людей подъ жестокимъ штрафомъ и наказаніемъ не дерзали». Указъ этотъ, по представленію медицинской канцеляріи, подтвержденъ сенатомъ въ 1750 году, причежь подтверждены указы 1721 и 1729 годовъ) и присоединено, чтобъ «изъ аптекъ не продавались даже и мази и пластыри, хотя и безвредные, но иногда способные подать поводъ къ сумнительству, иначе какъ по цыдулкамъ отъ домовъ знатнаго господства отъ управляющихъ, а прочимъ отъ хозяевъ съ подписаніемъ ихъ именъ, кому оназ мазь или пластырь и другое невредное и несумнительное потребно, а оныя цыдулки хранить съ прочими по тѣмъ аптекамъ рецептами. А ежели тѣми цыдулками внутреннія лѣкарства потребованы будутъ, которыя въ человѣческомъ корпусѣ по натурѣ ихъ великое дѣйствіе производить могутъ, таковыя по тѣмъ цыдулкамъ изъ аптеки отнюдь и никому не отпущать, но требовать настоящіе рецепты докторскіе или лѣкарскіе.» Медицинская коллегія старательно оберегала свое право экзаменовывать всякаго иностранца, который желалъ бы получить мѣсто въ коронной русской службѣ или заниматься вольною прѣктикою. И указы «противъ эмпириковъ и шарлатановъ» — подразумевая тутъ всѣхъ претендующихъ называться докторами или лѣкарями, но не явившихся къ экзамену въ коллегію — повторялись нѣсколько разъ и между прочимъ 17 марта 1784 года. Экзамены производились въ физикатѣ (въ медицинской канцеляріи у физическихъ дѣлъ), для лѣкарей — штатдѣ-физикомъ съ прикомандированными къ нему операторомъ и лѣкаремъ, а для докторовъ медицины — двумя, тремя или четырьмя членами медицинской коллегіи, а до учрежденія коллегіи — двумя или тремя докторами, по приглашенію архіатера или директора медицинской канцеляріи, и въ томъ числѣ штатдѣ-физикомъ. Подобные же экзамены производились и въ Москвѣ, въ тамошней медицинской конторѣ, или членами физиката или госпитальными докторами, по приглашенію штатдѣ-физика. Экзаменъ былъ вообще не продолжителенъ и очень простъ. Прося экзамена, иностранный докторъ обязанъ былъ предъявить дипломъ на свою ученую медицинскую степень, экземпляръ печатной диссертаци, за которую онъ удостоенъ ученой степени и наконецъ *sigillum vitae* съ указаніемъ школы, гдѣ онъ учился и получилъ дипломъ. Самый экзаменъ состоялъ изъ нѣ-

колыхныхъ вопросовъ, данныхъ экзаменаторами, на которые обязанъ былъ отвѣтить экзаменуемый. По окончаніи экзамена составлялся аттестатъ за подписью всѣхъ экзаменаторовъ и вносился на утверждение архіатера или медицинской коллегіи. Если экзаменъ признавался удовлетворительнымъ, то экзаменовавшійся получалъ право практики во всей имперіи и письменный указъ объ этомъ, написанный на его имя. Предоставленіе права практики во всей имперіи означало и дѣйствительное право заниматься частною практикою, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе за испытуемымъ той ученой медицинской степени, какую предъявилъ онъ приступая къ экзамену. Если же экзаменъ оказывался неудовлетворительнымъ, то испытуемый либо получалъ простой отказъ въ правѣ практики, либо получалъ приглашеніе поступить на годъ въ какой либо генеральный госпиталь, на подлѣкарскую должность и съ подлѣкарскимъ жалованьемъ, а по окончаніи этого года опять явиться къ экзамену. Понятно, что такая отсрочка предлагалась такому лицу, которое по мнѣнію экзаменаторовъ подастъ надежду приобрести необходимыя знанія въ этотъ льготный годъ госпитальной службы. Дѣлалось это не часто и преимущественно тогда, когда медицинская канцелярія нуждалась въ иностранныхъ врачахъ. Потверженіемъ этого можетъ служить слѣдующій примѣръ. Нѣкто Давидъ Бауманъ, курляндецъ изъ Либавы, учился въ Цесаріи и получилъ дипломъ. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ просилъ экзамена, но не выдержалъ его и по ходатайству медицинской канцелярії передъ сенатомъ (20 октября 1755 года) оставленъ при с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, безъ жалованья, но съ казенною квартирою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему дозволено «упражняться въ госпиталѣподъ надзоромъ старшаго доктора, но въ городѣ свободной практики отнюдь не дерзать», такъ какъ не выдержалъ экзамена, что засвидѣтельствовано слѣдующимъ аттестатомъ: «*Ex decreto Medicae Cancellariae, nos infra scripti medicinae doctores, die 10-ma Junii hujus anni, praesente ejusdem Curiae et Facultatis medicae Directore supremo, consiliario intimo atque primario Augustae Imperatricis medico D-no Panaiota Condoidi, in Cancellaria medica d-num doctorem Davidem Baummannum, qui in Universitate Regiomontana anno MDCCLVII pro gradu doctoris in dissertatione thema ventilavit: Num sanitas hominis detur absolute perfecta? examinavimus ex physiologia, anatomia, chirurgia, pharmacia et pathologia, sicut etiam Ds Director demum illius scientiam in praxi clinica tentavit. Sed ille nostris quaestionibus suis responsionibus non satis-*

fecit et cognovimus, ipsum hactenus debitam in medicina notitiam sibi nondum comparasse. Quorum in fidem hoc testimonium subscripsimus. Datum Petropoli, die XIX Junii a. 1755, Jo. Andreas *Ungebauer*, Dr. J. C. *Schreiber*, Jo. Jac. *Lerche*. Но Бауманъ соскучился работать безгласно въ госпиталѣ и черезъ полгода просилъ увольненія отъ службы, получилъ его (20 ноября 1755) и уѣхалъ въ гор. Вольмаръ. Между тѣмъ, медицинская канцелярія прослышала, что Бауманъ намѣревается поселиться въ Москвѣ, чтобы уклониться отъ экзамена и приказала московской медицинской конторѣ не допускать ему свободной практикы, пока не выдержитъ установленнаго экзамена (28 марта 1756).

Въ послѣдствіи, по мѣрѣ возвышенія общаго уровня русской медицины, возвысились и требованія отъ иностранныхъ докторовъ, искавшихъ русской службы. Экзамены имъ стали опредѣленнѣе, строже и обнимали собою большее число предметовъ, входившихъ въ курсъ школьнаго медицинскаго ученія. Такъ,

На экзаменѣ данномъ пріѣхавшимъ изъ за границы русскимъ докторамъ, въ 1766 году, предложены были членами медицинской коллегіи слѣдующіе вопросы:

Линдеминома: Organa respirationis. Cystes ossea. Musculi qui movent thoracem. Musculi intercostales, actio musculorum; intercostales omnesne elevant costas. Diaphragma. Ortus, foramina, vasa, nervi. Aliqui musculi pectorales, serrati etc. Abdominales. Thorace dilatato dilatantur pulmones et hinc effecta necessitas expirationis. Larynx, cartilaginee et musculi.

Отмѣтка. «Cognita quidem, sed non recenti memoria».

Пеккенома: Spiritus acidus ex animalibus quinam et minerales? Quomodo e vitriolo spiritus acidus obtinetur et oleum qualis coloris? Quotuplex oleum? qualis gravitas specifica? An gravitas augeri potest? Quaeenam sunt elementa olei vitrioli? Spiritus vitrioli dulcis quomodo paratur? Quod in retorta remanet? An praeter nephtham vitrioli aliae habentur?

Fistulae lacrymalis descriptio. Quaeenam est vis quae lacrymas ad puncta lacrymalia determinat? Quot species fistulae lacrymalis sunt? Quaeenam curatio in casu leviori? In quodnam punctum lacrymale specillum mittendum si apertura facta? Quibus auxiliis apertura conservanda est? Quaeenam injectiones adhiberi debent? Si *specillis*

*

nihil affici potest, quod tum? Quomodo setaceum applicatur? Si vitium in ossibus vicinis?

Отмѣтка. «Satis recte. Quae ex chemicis quaerebantur, non satis recenti memoria fuere».

Ашевъ: Nephritis. Differentiae urinae. Symptomata. Cura.

Отмѣтка. «Satis bene».

Attestatum. «Nos infra scripta collegiae medicae membra testamur, habito examine dominorum doctorum Josephi Timkowsky et Stephani Fialkowsky, eos dignos judicasse quibus praxis concedi possit aditus que ad servitium imperiale dari queat. Petropoli, 1766 die 14 februarii. *Lindemann, Paecten, Georgius L. B. de Asch*».

Наконецъ 14 марта 1797 года государственная медицинская коллегія имѣла разсужденіе, что постановленный ею порядокъ испытанія пріѣзжающихъ изъ чужихъ краевъ докторовъ, хотя до состоянія штата медицинскимъ чинамъ по губерніямъ казался быть достаточнымъ ¹⁾, потому что по прежнему положенію при каждомъ городѣ назначенъ былъ докторъ и лѣкарь и что послѣдній обыкновенно подаетъ нужную помощь людямъ отъ руководятельной науки зависящую; но поелику настоящее онаго штата состояніе оставляетъ одного врача для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней, а потому и со стороны испытанія иностранныхъ докторовъ, для собственной ихъ пользы, требуется дополненіе, для чего и нужно постановить слѣдующій порядокъ: 1) по окончаніи словеснаго и письменнаго суда и испытанія, когда экзаменаторами засвидѣтельствовано будетъ, что экзаменованный на теоріи обилуетъ основательными знаніями, такового для вящаго пріобрѣтенія практическаго познанія опредѣлять къ госпиталю на жалованье по 200 р., да на квартиру по 60 р. въ годъ. 2) Время пребыванію при госпиталѣ назначить не менѣе года, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе онаго времени смотрѣнію молодаго еще и неопытнаго доктора поручаемо было надлежащее число больныхъ, по порядку внутренними и внѣшними болѣзнями одержимыхъ, подъ точнымъ наб.

¹⁾ Здѣсь подразумѣвается учрежденіе о губерніяхъ и штатъ медицинскихъ чиновъ въ намѣстничествахъ 1780 года. По этому штату положено имѣть въ 28 намѣстничествахъ 308 докторовъ, 308 лѣкарей и 616 подлѣкарей, и набирались медики въ губернскую службу по контрактамъ на определенное время съ губернаторами или въ губернскихъ правленіяхъ, со свидѣтельствами о знаніяхъ и хорошемъ поведеніи. (*Учрежденіе о губерніяхъ*, ст. 10).

люденіемъ и освидѣтельствомъ госпитальной конторы во всемъ томъ, что относится до знанія и прилежности въ препоручаемой должности. 3) По окончаніи года госпитальная контора должна свидѣтельствовать медицинской коллегіи письменно о состоящемъ подъ ея наблюденіемъ докторѣ по третью года, присылая и палатныя книги, по которымъ засвидѣтельствваніямъ назначаются отъ коллегіи двѣ для произведенія въ учебномъ театрѣ надъ мертвымъ тѣломъ операціи и столько же анатомико-физиологическихъ демонстрацій, по совершеніи которыхъ можетъ онъ быть утвержденъ въ томъ званіи и определенъ въ мѣсту въ губерніи, или на нѣкоторое еще время оставленъ при госпиталѣ для усовершенствованія, буде окажется слабымъ. 4) Если же при первомъ испытаніи, производимомъ въ коллегіи, получить отказъ, тогда, буде пожелаетъ быть определеннымъ при училищѣ для доученія, такового определенія на подлѣварское жалованье, поручить ему и должность согласно одному званію на цѣлый годъ, съ таковымъ предложеніемъ, что по прошествіи означеннаго срока испытуетъ быть долженъ публично съ прочими при училищѣ, послѣ чего, если удостоится получить по знанію своему званіе, въ то время остается еще на одинъ годъ при госпиталѣ, заключая оный положеніемъ во 2 и 3 пунктахъ изъясненнымъ.

Что касается до денежной суммы, на которой ихъ при госпиталѣ содержать должно, поелику предопредѣляются всѣ молодые доктора для помѣщенія по городамъ, то и жалованье производить имъ слѣдуетъ изъ суммы остающейся отъ неполнаго комплекта медицинскихъ чиновъ по губерніямъ.

При заключеніи сего предмета, въ испытанію молодыхъ докторовъ относящагося, два весьма важныя представляются обстоятельства, обращающія какъ въ собственную ихъ, такъ и болящихъ пользу: 1. Во время пребыванія ихъ при госпиталѣ, находясь подъ руководствомъ опытныхъ врачей, изъ самой практики приобрѣтать могутъ нужныя и полезныя познанія; 2. Незнающіе русскаго языка, безъ котораго при городахъ быть не можно для изъясненія своихъ мыслей, могутъ между тѣмъ нѣсколько тому обучиться, равно и должность отправлять по службѣ привыкнуть.

Это постановленіе медицинской коллегіи утверждено было главнымъ директоромъ ея барономъ А. Н. Васильевымъ 26 мая 1797 года и немедленно предписано въ исполненію.

Въ то же время именнымъ указомъ, даннымъ сенату 18 января

1797 года, постановлено: «медицинскимъ чинамъ, кои до сего по губерніямъ принимались въ службу отъ тамошнихъ начальниковъ, въ города (въ награду за прежнюю армейскую службу, для прокормленія себя на старости лѣтъ на покойномъ мѣстѣ и вмѣсто полученія пенсіи). отнюдь впредь какъ опредѣленіемъ, такъ и увольненіемъ зависѣть отъ распоряженія медицинской коллегіи, на основаніи данной ей инструкціи». Городъ обязанъ былъ содержать такого врача на свои доходы и давать ему, кромѣ денежнаго жалованья, еще квартиру бесплатно. А такъ какъ доходы городовъ были не одинаковы, то и содержаніе врачей было не вездѣ одинаково.

Случалось, что иногда города и совсѣмъ отказывали городовымъ врачамъ въ назначенномъ имъ содержаніи или задерживали его на неопредѣленное время. Дивиться этому нечего. Тоже самое случалось иногда и съ правительствомъ, когда въ казнѣ не доставало денегъ; а это случалось не одинъ разъ. Первый разъ случилось это при Петрѣ I, который издалъ указъ (9 февраля 1723 года) о вычетѣ известнаго процента изъ жалованья всѣхъ служащихъ лицъ для государственныхъ надобностей. Вычетъ сдѣланъ и собранныя деньги употреблены потомъ на постройку каменнаго канала въ Кронштадтѣ.

Другой случай произошелъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, чуть ли не по внушенію Бирона. Вычетъ изъ жалованья сдѣланъ былъ не прямой, а косвенный. Состоялся указъ 11 сентября 1736 года слѣдующаго содержанія: «всѣмъ штатскимъ и гражданскимъ чинамъ—кромѣ кабинета Е. И. В., здѣшней академіи наукъ и и иноземцовъ, которые служатъ по капитуляціямъ—на одинъ годъ производить обкладное ихъ жалованье, считая отъ нынѣшней сентябрьской трети, сибирскими товарами по установленной имъ въ Сибирскомъ приказѣ оцѣнкѣ, а именно тѣмъ, которые въ С.-Петербургѣ обрѣтаются — половину годоваго облада сибирскими товарами, а другую половину деньгами, а прочимъ всѣмъ, которые на Москвѣ и въ прочихъ мѣстахъ русскаго государства находятся, всю оную дачу жалованья товарами ¹⁾ производить по третямъ года, какъ указы повелѣ-

¹⁾ «Сибирскими товарами» назывались разныя камки семиланныя, бавберекъ и китайки разныхъ цвѣтовъ, косяками, тюмами и концами. Напримѣръ: 1 тюмъ вишневоу китайки цѣнился въ 6 р. 50 к.; 1 тюмъ желѣзноу китайки въ 6 р. 60 к.; 1 тюмъ китайки васильковоу въ 6 р. 20 к.; 1 косякъ брусяничной камки въ 5 р.; 1 косякъ зеленоу бавберека въ 4 р. 75 коп. и т. п.

вають». Мы уже видѣли жалобу доктора Нича на то, что у военныхъ лѣкарей по нѣсколькимъ мѣсяцамъ задерживалась выдача жалованья, такъ что несчастные рисковали умереть съ голода. И это— съ мѣста военныхъ дѣйствій. Что же они должны были дѣлать, когда, надѣлавъ долговъ не по своей винѣ, получали на уплату ихъ не деньги, а сибирскіе товары. Куда они могли дѣваться съ ними, когда сбыть некуда, потому что каждый получилъ тоже что и товарищъ его? Положеніе было тяжелое и безвыходное. Къ счастью на него обратилъ вниманіе архіатеръ Фишеръ. Разъяснивъ правительству, что большая часть врачей въ Россіи иностранцы, что лѣкарямъ нѣтъ времени торговать сибирскими товарами и что послѣ такого несправедливаго задерживанія заслуженнаго ими жалованья ни одинъ иностранецъ не пойдетъ въ русскую службу. По этому представленію, особымъ указомъ 27 октября 1737 года, предписано выдать жалованье медицинскимъ чинамъ деньгами, «за недостаткомъ здѣсь и въ Москвѣ сибирскихъ товаровъ».

Немного спустя послѣ этого встрѣтился и третій случай. Императрица Елисавета Петровна, будучи въ присутствіи правительствующаго сената, 11 декабря 1742 года, именнымъ своимъ указомъ повелѣла— для настоящаго недостатка въ денежной казнѣ на государственные расходы, сославшись на старый указъ отца своего 1723 года— «какъ у духовныхъ, такъ у военныхъ, адмиралтейскихъ, штатскихъ и придворныхъ и прочихъ чиновъ людей, изъ получаемаго ими жалованья учинить вычетъ на одинъ годъ, какъ у русскихъ, такъ и у иностранцевъ, хотябъ которые по капитуляціямъ служили, со всѣхъ кто въ генералитетскихъ, штабскихъ и оберъ-офицерскихъ классахъ состоятъ, не обходя никого, исключая нижнихъ чиновъ и не служащихъ чиновъ, кои вотчинъ не имѣютъ, а именно: у архіереевъ, у генералитета и обрѣтающихся въ генералитетскихъ рангахъ по 20 к. съ рубля, у штабъ-офицеровъ, а въ штабъ-офицерскихъ рангахъ и у архимандритовъ, по 15 коп., у оберъ-офицеровъ армейскихъ и ландмилиціонныхъ и пугачевъ по 10 коп., у гарнизонныхъ оберъ-офицеровъ и у духовныхъ нижнихъ служителей по 5 коп., и вычетъ произвести при выдачѣ жалованья по третямъ сколько придется по расчету, а не вдругъ, и потомъ прислать вычетныя деньги въ штатсъ-контору».

Но указомъ 13 января 1743 года вычетъ у оберъ-офицеровъ отмѣненъ, «понеже настоящая съ Швеціею война еще не окончана

и въ будущей компаніи необходимо каждому оберъ-офицеру себя исправить надлежитъ». 28 января 1743 года, архіатеръ Лестоукъ, вспоминая недавній подобный же примѣръ Фишера, представилъ всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою—понеже едва не всѣ служители лѣкарскаго и аптекарскаго чина иноземцы, служатъ по капитуляціямъ, а иные хотъ и безъ капитуляцій, но получаютъ жалованье столь малое, что съ нуждою себя содержать могутъ, да и вообще оныя медицинскаго лѣкарскаго и аптекарскаго чина служители частое произвожденіе съ прибавкою жалованья противъ офицеровъ уповать не имѣютъ, и дабы впредь снабждать было можно армію и флотъ и прочія мѣста искусными лѣкарями,—съ просьбою отмѣнить вычетъ съ нихъ. Вслѣдствіе сего, 21 апрѣля 1743 вычетъ съ медицинскихъ чиновъ вовсе отмѣненъ.

Большая часть лѣкарей и подлѣкарей были очень бѣдны, не смотря даже на то, что состояли въ государственной службѣ. Архіатеры и директоры медицинской канцеляріи знали это и искали средствъ улучшить ихъ положеніе, но не всегда съ успѣхомъ. Однимъ изъ этихъ средствъ было установленіе вознагражденія за трудъ лѣкарей въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ трудъ исполнялся внѣ собственной служебной дѣятельности ихъ. Такъ постановленіями медицинской канцеляріи 13 декабря 1726 и 16 февраля 1727 года опредѣлено было требовать для лѣкарей вознагражденія за лѣченіе артиллерійскихъ служителей, гдѣ нѣтъ въ артиллеріи своихъ лѣкарей. При этомъ постановлено, что если лѣкаръ лѣчилъ въ теченіи года болѣе 50 человекъ, то за cadaго человека платитъ ему въ остзейскихъ губерніяхъ по 10^{коп.}¹, а въ другихъ губерніяхъ по 6¹/₁₀ коп. съ человека, сверхъ ихъ жалованья по табели 1720 года. Если же лѣкаръ лѣчилъ менѣе 50 человекъ, то онъ обязывался дѣлать это бесплатно. Другое средство было еще радикальнѣе. Разсуждая, что бѣдный человекъ, обзаводясь семьей, становится еще бѣднѣе, архіатеръ Лестоукъ указомъ 16 апрѣля 1742 года запретилъ подлѣкарямъ и аптечнымъ гезелямъ (не говоря уже объ ученикахъ) жениться и вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ принимать въ службу женатыхъ подлѣкарей и гезелей. До этого времени взрослые гезели и подлѣкари женились по своему усмотрѣнію: а теперь они обязаны стали просить разрѣшенія на женитьбу отъ своихъ ближайшихъ начальниковъ, и мотивировалъ это тѣмъ, чтобы женились на особахъ честнаго и безпорочнаго житія; начальники же, разрѣшившій женитьбу, обязанъ былъ о данномъ разрѣшеніи немедленно

представлять для свѣдѣнія въ медицинскую канцелярію. Указъ этотъ вошелъ въ аптекарскую инструкцію ¹⁾ и долго исполнялся какъ законъ. Отмѣненъ онъ только манифестомъ 17 марта 1775 года ²⁾. Наконецъ предложено было еще третье средство къ вспомоствованію нуждавшимся лѣкарямъ, но также не имѣло успѣха. Оно состояло въ томъ, чтобы «дѣти служителей вѣдомства медицинской канцеляріи» наслѣдственно опредѣлялись на службу въ вѣдомство той же канцеляріи, гдѣ и получали бы надлежащее образованіе на ея счетъ. Постановленіе это исполнялось только относительно нижнихъ чиновъ вѣдомства медицинской коллегіи, но и то не безъ нарушеній.

Чтоже касается прямой и прочной помощи лѣкарямъ и подлѣкарямъ, чрезъ увеличеніе штатовъ и табелей, то она повидимому была невозможна: иначе медицинская канцелярія и архіатеры не пренебрегли бы ею. Препятствіемъ могли служить два обстоятельства: во-первыхъ частыя войны и сопряженная съ ними бѣдность казны и во-вторыхъ особенное положеніе врачей, еще не усвоенное и не оцѣненное государствомъ и обществомъ. Надобно сказать, что лѣкаря оставались бѣдны до тѣхъ только поръ, пока успѣвали заслужить личное довѣріе и уваженіе пациентовъ своихъ. Но и тутъ не слѣдуетъ упустить изъ вида одно очень важное обстоятельство. Врачи, практиковавшіе въ военныхъ командахъ или въ гражданской службѣ, были иностранцы, большею частію неговорившіе порусски и отъ того первоначально не любимые. Но эти жъ самыя «нѣмцы» держали себя иногда высокоумѣрно и упрямо, иногда презрительно и холодно, что съ своей стороны оскорбляло и задѣвало военныхъ пациентовъ ихъ, иногда тоже легкомысленныхъ и заносчивыхъ. Что же они противопоставляли другъ-другу? А вотъ что. Каждый офицеръ того времени, въ домашнемъ быту своемъ, былъ все-таки дворянинъ, помѣщикъ, у него были крѣ-

¹⁾ Въ 7 пунктѣ ея написано: «Женатыя гезели при аптекѣ содержатся и впредь принимаемы быть не имѣютъ». Гезель Лубенской аптеки Peter Leffe, женившійся безъ разрѣшенія и противъ инструкціи, отрѣшенъ былъ отъ должности и вовсе уволенъ отъ службы, а на его мѣсто опредѣленъ Георгій Фермеренъ (*Heinrich Christoph Vermehren*) изъ Любека.

²⁾ Въ 17 статьѣ его сказано: «Въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго или градоначальника и за такое дозволеніе сбрасается сборъ или деньгами или скотомъ: чрезъ сіе всемілостивѣйше отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобаго дозволенія и платежа.

постные слуги. За немѣніемъ чего другаго, онъ хвасталъ тѣмъ, что можетъ сейчасъ же сдѣлать съ своимъ Ванькой и Петрушкой что ему угодно—хочетъ отдать въ солдаты—отдастъ, хочетъ въ Сибирь сослать—сошлетъ. А ужъ самому раздѣваться или одѣваться: да это развѣ въ наказаніе Богъ пошлетъ. У «нѣмцовъ» другой былъ взглядъ на вещи и другое пониманіе ихъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе лѣкарь, тѣмъ больше онъ работалъ своими руками и считался чернорабочимъ. Когда «нѣмцы» разсѣялись по Россіи, тогда аптекъ еще не было и лѣкарь, назначая лѣкарства больному, долженъ былъ самъ же и составить это лѣкарство. И чѣмъ онъ старательнѣе приготовлялъ лѣкарство, тѣмъ больше долженъ бы заслуживать уваженія. Легкомысленная молодежь не понимала этого и младшіе офицеры въ полку, видя съ одной стороны трудовую жизнь лѣкаря, а съ другой стороны его бѣдность, покорную подчиненность властямъ и беззащитность, обращались съ нимъ насмѣшливо, грубо и надоедливо. Начались столкновения, жалобы, необходимость прибѣгать къ административнымъ вмѣшательствамъ. Такъ, весной 1737 года многіе врачи изъ арміи Миниха (въ лагерѣ на рѣкѣ Бугѣ) жаловались на офицеровъ, что они не даютъ имъ исполнять свою должностъ и конфузятъ ихъ». Вслѣдствіе этого, по настоянію архіатера Фишера, состоялся особый именной запретительный указъ, объявленный во всей арміи. Флотскій лѣкарь Аренсонъ пожаловался медицинской канцеляріи, что командированъ въ Архангельскъ, и устроенъ около Ямлы госпиталь для 160 больныхъ, онъ посланъ былъ съ капитаномъ Апрѣлевымъ въ ноябрѣ 1741 года въ Катериненгаафенъ на брандтвахту; только Апрѣлевъ не взялъ его съ собою, а далъ ему дрянную рыбацкую лодку, безъ руля и безъ паруса, съ 6 рекрутами. Лодка сильно протекала и Аренсонъ чуть не потонулъ, а потомъ заблудился въ морѣ, такъ что пробылъ въ плаваніи трое сутокъ, побросалъ за бортъ все свое имущество и провіантъ, а когда возвратился, то Апрѣлевъ его же посадилъ на четыре дня подъ арестъ, за то что онъ отсталъ отъ него въ плаваніи. На возраженіе, что у капитана есть хорошія шлюпки и знающіе матросы, однакоже онъ не далъ исправной лодки и ему поспѣть за капитаномъ было невозможно, Апрѣлевъ отвѣчалъ, что «ты не офицеръ, ибо офицерскаго патента и ранга не имѣешь и затѣмъ-де ему вольно поступать съ лѣкарями какъ хочетъ. Однако во оной его печали нѣкоторые офицеры снабдили его платьемъ, бѣльемъ, деньгами и прочимъ». Когда эта жалоба дошла до архіатера Лестока, то онъ написалъ (6 февраля 1742) энергическую промеморію въ адмиралтейскую коллегію, даже

пригрозилъ совѣтъ не давать лѣбарей и подлѣбарей во флотъ, если командиры такъ несправедливо и неприлично будутъ поступать съ ними, и Апрѣлеву сдѣлано было строгое замѣчаніе.

Въ мартѣ 1744 года состоявшіе въ Ягутскѣ лѣбаря корабельнаго флота Густавъ Шмидтъ, Петръ Браунеръ и Юг. Теодоръ Лау жаловались медицинской канцеляріи, что ихъ обижаютъ не только прапорщики, но и состоящіе въ рангахъ прапорщичьихъ и поручичьихъ, а потому просили опредѣлить указомъ, въ какомъ имъ считаются рангѣ. Но Лестоку жилъ тогда въ Москвѣ, совѣтъ не думалъ о дѣлахъ медицинскаго факультета и не далъ просителямъ никакого отвѣта.

До чего доходила грубость обращенія военныхъ офицеровъ съ медиками, видно изъ *циркулярнаго повелѣнія, даннаго цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ*, по званію предсѣдателя военнаго департамента, всѣмъ инспекторамъ кавалеріи, артиллеріи и инфантеріи.

«Государственная медицинская коллегія доноситъ мнѣ, что нѣкоторые изъ господъ шефовъ полковъ и полковыхъ командировъ съ опредѣленными въ полки, ихъ начальству всемплостивѣйше препорученные, медицинскими чинами обходятся съ крайнею суровостію и въ наказаніяхъ поступаютъ съ такою жестокостію, что подлѣбарей бьютъ палками, такъ что опасаться должно, что распространяющійся о томъ слухъ, устрашая молодыхъ людей, обучающихся въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, можетъ отвратить ихъ отъ вступленія во врачебныя училища, изъ коихъ всѣ мѣста врачами, а равно и войска медицинскими чинами снабждаются; а какъ въ жестокости таковой отнюдь никакой надобности не предвидится, а весьма сихъ молодыхъ людей какъ въ предѣлахъ порядочнаго поведенія удержатъ, такъ и въ прилежномъ исполненію должности понудитъ другими легчайшими и состоянію ихъ приличными способами, какъ то пристойными, но чувствительными выговорами и увѣщаніями, а ежели бы тѣ не подѣйствовали, то задержаніями на нѣсколько дней безвыпускно въ госпиталяхъ и лазаретахъ и показаніемъ сихъ штрафовъ въ формулярныхъ о службѣ ихъ описаніяхъ; въ случаѣ же когдабы и потомъ не исправлись, то увѣдомленіемъ о ихъ дурныхъ поступкахъ и что никакія увѣщанія ихъ не исправляютъ, медицинскую коллегію или врачебныя управы, которая конечно съ такимъ нерадивымъ о должностяхъ своихъ и поведенія своего не исправляющимъ поступитъ по законамъ и полки и госпитали снабждать порядочными и въ долж-

ности прилежными людьми: то за нужное я почелъ вамъ дать знать, чтобы вы предписали всѣмъ гг. шефамъ полковъ и полковымъ командирамъ, чтобы они съ медицинскими чинами поступая благопристойно, къ исправленію нерадивыхъ и безпорядочнаго поведенія употребляли способы вышеописанные.

Александръ».

Августа 24 дня
1798 года.

Копія съ этого циркуляра сообщена всѣмъ врачебнымъ управамъ по опредѣленію медицинской коллегіи 2 сентября 1798 г.

Но и это наставленіе отъ верховной власти не скоро смягчило военную грубость и вотъ доказательство. Одинъ драгунъ драгунскаго фонъ-Дюстерло полка упалъ изъ верхняго этажа (31 июля 1799 г.) и убится до смерти. На мѣсто приключенія явился шефъ генераль-маіоръ фонъ-Дюстерло и послалъ за лѣкаремъ Дмитріевымъ-Байцуровымъ; но его не застали дома: онъ былъ у больнаго офицера Савицкаго. Послали за подлѣкаремъ Ив. Поповымъ, но нашли его не въ лазаретѣ, а у священника на обѣдѣ. Когда онъ явился, Дюстерло началъ его бранить, зачѣмъ онъ не былъ дома и не въ лазаретѣ. Тотъ оправдывался, что быть въ томъ же мѣстечкѣ значитъ тоже что быть дома. Дюстерло началъ бить его по щекамъ и приказалъ адъютанту бить его палкою и отвезти на гауптвахту. И велѣлъ было подать палокъ и отдуть его. Но явившійся лѣкаръ защитилъ его. Поповъ жаловался медицинской коллегіи, но послѣ годовой переписки получилъ отъ нея право развѣдываться съ Дюстерло гражданскимъ судомъ.

Табели о рангахъ и существовали, и въ нихъ распределены были медицинскія должности еще Петромъ I, но примѣнялись онѣ къ дѣйствительности и напоминались очень нечасто, а именно при дѣйствительномъ производствѣ въ чины, что бывало тогда очень рѣдко. По табели о рангахъ 1720 года полагались: докторъ въ рангѣ капитана, штабъ-лѣкаръ—въ рангѣ капитанъ-поручика и надворный лѣкаръ—въ рангѣ лейтенанта.

По табели 24 декабря 1722 года полагались: архіатеръ, какъ президентъ медицинской коллегіи, наравнѣ съ прочими президентами коллегій—въ рангѣ генераль-маіора, а какъ архіатеръ—въ рангѣ бригадира:

первый лейбъ-медикъ—въ рангѣ полковника, а лейбъ-медикъ Ея Величества—въ рангѣ подполковника; докторъ всякихъ факульте-

товъ—въ рангѣ капитана; докторъ полковъ лейбъ-гвардіи—въ рангѣ капитана гвардіи (Шмидтъ, по особому указу императрицы Анны); штабъ-лѣкарь полковъ лейбъ-гвардіи—въ рангѣ капитана арміи; штабъ-лѣкарь полковъ армейскихъ—въ рангѣ капитанъ поручика; надворный лѣкарь—въ рангѣ лейтенанта (поручика); надворный аптекарь—въ рангѣ прапорщика (фендриха); а прочимъ аптекарскимъ чинамъ ранга не опредѣлено.

И такъ табели о рангахъ существовали, но рѣдко прилагались къ дѣлу и не приносили обѣщаннаго имъ удовлетворенія. Всякій лѣкарь зналъ, что онъ состоитъ въ какомъ-то рангѣ; но это не избавляло его отъ дурнаго обращенія съ нимъ офицеровъ и даже подпрапорщиковъ, вовсе не имѣвшихъ никакого ранга. Само по себѣ причисленіе къ рангу не измѣняло положенія лѣкарей, не ободряло ихъ въ службѣ, не представляло никакой надежды выйдти на болѣе широкую дорогу. Чинъ не было, о повышеніи по службѣ (если не считать производства въ штабъ-лѣкари) нечего было и думать, и ранги могли быть пригодны на то только, чтобы прикрываться ими отъ личныхъ оскорбленій. Такъ продолжалось дѣло до половинны прошлаго столѣтія, когда директоръ медицинской канцеляріи П. З. Кондоиди разъяснилъ значеніе табели о рангахъ по поводу представленія докторовъ къ чинамъ и ввелъ чины, какъ указанія служебнаго движенія врачей среди другаго служебнаго люда.

«По табели о рангахъ, пишетъ онъ сенату 16 марта 1758 года, доктору положено быть въ рангѣ капитана. Такое докторовъ въ одномъ рангѣ закоснѣніе должно слѣдствіе имѣть такое, что другіе, а особливо изъ своихъ природныхъ, не могутъ быть ободрены къ той наукѣ прилежать и оною полезныя услуги оказать отечеству, ибо всякій человѣкъ, имѣя амбицію, сиречь чувствіе чести, съ хлѣбомъ желаетъ заслужить и честь, да такихъ служителей и желать надобно, о чемъ пространнѣйшее и обстоятельнѣйшее представленіе медицинская канцелярія учинить имѣеть впредь; нынѣ же засвидѣтельствуя оныхъ представляемыхъ долговременную и безпорочную службу, такожъ имѣвшіеся и нынѣ носимые труды, правительствующаго сената всепокорно просить пожаловать всѣмъ чинъ надворнаго совѣтника имъ въ награжденіе, а другимъ въ ободреніе, а за повышеніе чина учинить съ нихъ вычетъ мѣсячнаго жалованья». Представлены были къ этому чину доктора: московскій штатдт-физикъ Антонъ Детельсъ, старшій докторъ кронштадтскаго морскаго госпиталя Ми-

ліусь, старшій докторъ флота Синопеусъ, сиб. штатдт-физикъ Яв. Лерхе, шляхетнаго кадетскаго корпуса Ив. Шиллингъ и генеральный штабъ докторъ Ив. Унгебауеръ. Сенатъ утвердилъ это представленіе и всѣмъ названнымъ докторамъ далъ чинъ надворнаго совѣтника (14 апрѣля 1758), которымъ они очень гордились. За ними постепенно получили тотъ же чинъ и другіе доктора.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Кондоиди опять возвратился къ тому же вопросу, но уже относительно аптекарей. Онъ опять обратился къ правительствующему сенату съ длиннымъ представленіемъ о томъ, что аптекари много работаютъ, много способны приносить пользы, а между тѣмъ лишены того ободренія, какое имѣютъ медицинскіе чины чрезъ пожалованіе чиновъ. «Понеже аптекарямъ—кромя придворнаго, состоящаго въ рангѣ прапорщика—по табели 1722 года никакого ранга не положено, а они въ службѣ Е. И. В. по званію и искусству своему, наипаче при главныхъ аптекахъ, весьма довольно труда имѣютъ; а какъ аптеки суть государевы, достойнаго по званію своему требующія почитанія, такъ и опредѣленные при нихъ аптекари и достигшіе высшую стѣпень въ своемъ искусствѣ и учрежденные командиры въ разсужденіи порученнаго имъ немалаго интереса многого труда и прибрѣтеннаго въ наукѣ искусства, каждый по своимъ заслугамъ противу прочихъ характеромъ чтобъ снабдены быть могли, требуютъ справедливость, дабы въ ревностнѣйшему исправленію службы Е. И. В. съ наблюденіемъ доброй экономіи въ предпріятію вѣдшихъ трудовъ для оказанія дальнѣйшихъ успѣховъ наиболѣе тѣмъ ободрены были, а подчиненные имъ лучшей респектъ и въ порядочномъ отправленіи должности ихъ большаго прилежанія съ усердіемъ имѣтъ съ такою похвальною амбиціею, чтобъ такимъ средствомъ, т. е. по наукѣ, трудолюбію въ службѣ Е. И. В. того характера получить тщались, безъ чего, какъ довольно усмотрѣно, въ службу къ аптекарской наукѣ весьма мало желающихъ изыскивается и имѣющіеся всячески отбиваются, какъ по трудности оной, такъ и въ упованіи того характера вступая въ воинскую службу, отъ чего и совершенная послѣдовать имѣетъ въ тѣхъ служителяхъ нужда». На основаніи этихъ резоновъ Кондоиди представилъ сенату (26 февраля 1760 года) о награжденіи аптекарей рангами отъ подпоручика до титулярнаго совѣтника, по усмотрѣнію заслугъ и искусства. По этому представленію въ одинъ день награждены были чинами 23 аптекаря,

а затѣмъ аптекарямъ не было уже отказываемо въ дальнѣйшемъ чиновнопроизводствѣ ¹⁾).

Не смотря однакоже на это распиреніе петровской табели о рангахъ, вопросъ о чиновнопроизводствѣ медицинскихъ чиновъ считался не разрѣшеннымъ и вызвалъ новую попытку къ разрѣшенію его. При вступленіи на престолъ Петра III, архіатеръ Яковъ Монзей представилъ ему новый «планъ о рангахъ принадлежащихъ къ медицинскому факультету чиновъ» мотивируя его тѣмъ, что «по табели 1722 года о рангахъ, такжежъ по армейскому и флотскому штатамъ опредѣлены весьма низкіе ранги, коиши большая часть докторовъ и лѣкарей въ разсужденіи ихъ нужной и важной должности, боя совокуплена

1) Вотъ списокъ ихъ по порядку старшинства службы:

- Аптекарь с.-петербургской главной аптеки и членъ с.-петербургской академіи наукъ Иог. Георгъ *Модель* утвержденъ въ рангѣ титуляр. сов. московской главной аптеки Давидъ *Танненбергъ*—поручика арміи. слб. адмиралтейской аптеки Иог.Фридр.*Мадебуръ*—арміи капитанъ-поручика.
с.-петербургской нижней аптеки Иог. Балтазаръ *Виль*—тоже.
придворной аптеки Максимъ *Брискорнъ*—тоже.
полевыхъ аптекъ: Лубенской Христофоръ *Фермеренъ* въ рангѣ арміи поручика.
полевыхъ аптекъ: Рижской Христіанъ *Деббертъ* — капитанъ поручика,
при заграничной арміи Карлъ Фр. *Фицманъ*,
Готлибъ *Блейбергъ* } арміи поручика.
въ Кенигсбергѣ Илья Г. *Экбаумъ*
астраханской аптеки Иог. Христоф. *Катеръ* }
архангельской адмиралтейской Иог. *Цалертъ*—капитанъ-поручика
оренбургской Петръ *Леффе*—поручика.
ревельской адмиралтейской Томасъ *Валлухъ*—тоже.
при медиц. огородахъ: сибургскомъ Лоренцъ Давидъ *Фриче*—поручика.
» московскомъ Иоганнъ *Гибсонъ* — арміи-подпоручика
московской госпитальной аптеки Яковъ *Тешнеръ*—тоже
на Китайской границѣ, у брата ревеля Павелъ *Рунт*—арміи поручика.
при коммерцъ коллегіи въ слб. Фридрихъ Адольфъ *Меймардтъ*—арміи поручика
Провизоры: москов. главной аптеки Михаилъ *Юенсонъ*,
» кронштадт. адмиралтейской Генрихъ *Нилусъ* } въ рангѣ прапор-
» госпитальной Яковъ *Голле* } щика арміи.
сухопут. кадетскаго корпуса Петръ *Мейеръ* }

со многими трудностями во все время житія ихъ, по часту же и съ утратою здравія, безъ всякаго повышенія и авантажа исправлять принуждены: того ради возымѣлъ я смѣлость для поощренія и ободренія оныхъ медицинскихъ и хирургическихъ чиновъ о пристойныхъ имъ рангахъ и произвожденіи имъ по старшинству и достоинствамъ денежнаго жалованья къ высочайшему В. И. В. разсмотрѣнію сочинить планъ который при семъ всеподданнѣйше представляю ¹⁾).

Пенсіотставнымъ или вдовамъ и сиротамъ врачамъ. Первые законы о пенсіяхъ изложены въ адмиралтейскомъ регламентѣ Петра I, а именно въ главѣ 1, артик. 44, о дачѣ жалованья наследникамъ послѣ умершихъ, сказано: вдовы, дѣти и наследники умершихъ въ службѣ получаютъ заслуженное жалованье по день смерти служащаго; а въ морскомъ уставѣ, кн. 4, гл. 4, артикуль 7, сказано: вдовамъ и дѣтямъ убитыхъ или умершихъ въ службѣ давано будетъ жалованья имъ по сему: женѣ 8 доля, дѣтямъ каждой персонѣ 12 доля. Срокъ дачи: женѣ отъ 40 лѣтъ и выше по смерть или замужество, а меньше 40 лѣтъ единъ разъ годовое жалованье мужнее, развѣ будетъ такъ увѣчна, что замужъ идти будетъ нельзя, то противъ старой давать до смерти; дѣтямъ мужскаго пола до 10 лѣтъ, женскаго до 15 лѣтъ. Сіе тѣмъ, которые доходовъ своихъ не имѣютъ столько, сколько доведось имъ взять по сему регламенту».

Это было общее законодательство и рѣдко примѣнялось къ медицинскому факультету, потому что большая часть докторовъ и лѣкарей были иностранцы и служили по капитуляціямъ, въ которыхъ не всегда оговаривались пенсіонныя права. Въ немъ не означено даже, изъ какихъ суммъ должны были выдаваться пенсіи. Затѣмъ по штату медицинской канцеляріи 9 января 1833 года ассигновано 2000 р. на раздачу пенсій вдовамъ и сиротамъ врачей изъ суммъ медицинской канцеляріи и по ея усмотрѣнію. Размѣры пенсій простирались отъ 100 р. до 300 руб. Такъ въ 1736 году получали пенсіи отставные: докторъ Николай Гримбергъ по 100 р., вдова лѣкаря Пагенкампфа по 200 р. и аптекари Юг. Левкенъ, Юг. Прейсъ и Готфр. Гассъ. Въ маѣ 1740 года уволенъ отъ службы докторъ А. Детейльсъ и получилъ въ пенсію одну треть своего жалованья, а именно изъ 800 рублей— 266 р. 66 коп., съ вычетомъ на госпиталь по 1 коп. съ рубля.

1) Этотъ «Планъ о рангахъ» см. выше, на страницѣ 320.

Такую же пенсію получили при отставкѣ въ 1742 году докторъ Н. Энгелертъ, уволенный отъ службы «за старостию». Кажется однакоже, что въ это время назначенной суммы на пенсію становилось уже недостаточно и архіатеръ Фишеръ заботился объ увеличеніи ея. Между прочимъ сохранилась переписка его съ генераль-адъютантомъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, директоромъ военно-походной канцеляріи, въ защиту старыхъ лѣкарей. Фишеръ писалъ ему (31 іюля 1741 года), что «старыхъ лѣкарей, за болѣзнями ихъ, отрѣшать отъ должностей и выгонять изъ службы не слѣдуетъ и медицинская канцелярія дѣлать этого не будетъ, такъ какъ замѣнять ихъ часто невѣмъ и всегда трудно; а кромѣ того такіе болѣзнующіе лѣкаря безъ службы и безъ полученія жалованья претерпѣвать могутъ нужду, а о произвожденіи такимъ старымъ лѣкарямъ на пропитаніе указа не имѣется». Но указа такъ и не послѣдовало, пока не сдѣлано было распоряженія о размѣщеніи старыхъ лѣкарей по важнѣйшимъ городамъ имперіи, на городское содержаніе.

Наконецъ въ докладѣ архіатера Я. Монзая императору Петру III, отъ 28 февраля 1762 года, изложены новыя соображенія о пенсіяхъ и пособіяхъ состарѣвшимся и отставнымъ медицинскимъ чинамъ. «Которые, писалъ Монзей, изъ состоящихъ въ службѣ В. И. В. медицинскаго факультета чиновъ за старостию и дряхлостию въ продолженію службы неспособны будутъ и по оной ихъ неспособности содержать себя не могутъ, таковымъ-бы, за долговременную и вѣрную службу, по высочайшей В. И. В. милости, производить на пропитаніе противъ ниже писаннаго:

«Ежели кто съ опредѣленія отъ медицинской канцеляріи служилъ до 40 лѣтъ и принялъ въ такія обстоятельства, что за старостию и дряхлостию службу свою отправлять не въ состояніи будетъ, таковыхъ по представленіямъ отъ командъ, при коихъ находятся, и по свидѣтельствovanіи дѣйствительной ихъ неспособности отъ медицинской канцеляріи изъ службы отставить и имъ по смерти ихъ производить полное жалованье.

«Которые до 30 лѣтъ въ отправленіи медицинскаго дѣла съ опредѣленія ихъ отъ медицинской канцеляріи служили и за слабостию при командѣ должность свою по надлежащему продолжать не могутъ, однакожъ въ состояніи еще будутъ нѣсколько себя содержать, такимъ при отставкѣ изъ службы производить по смерти ихъ, смотря по обстоятельствамъ безсилія ихъ, двутретное или половинное жалованье.

«Ежели кто въ дѣйствительной службѣ В. И. В. отъ ранъ и иныхъ несчастливыхъ приключеніевъ не въ состояніе придетъ службу свою какъ при командѣ той, при которой состоялъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ продолжать, то медицинской канцеляріи дозволено бы было по состоянію дряхлости и безсилія такимъ опредѣлить на пропитаніе по смерти ихъ половинное или полное жалованье.

«Которые изъ выше означенныхъ трехъ классовъ въ состояніи еще будутъ какія легкія службы отправлять, оныхъ медицинская канцелярія за выше писанное производимое къ пропитанію ихъ жалованье къ такимъ службамъ и употреблять будетъ, и для того всѣмъ означеннымъ въ тѣхъ классахъ отставнымъ, которые означенную милость получать будутъ, состоять въ полномъ вѣдомствѣ оной канцеляріи.»

«Онымъ отставленнымъ изъ службы медицинскимъ чинамъ опредѣленное къ пропитанію ихъ жалованье всѣмъ, какъ иностраннымъ, такъ и російскимъ, въ разсужденіи томъ, что равную службу отправлять должны, по сношенію медицинской канцеляріи производить изъ государственной статсъ-конторы.

«Если онымъ отставнымъ изъ службы невозможно будетъ въ С.-Петербургѣ или въ Москвѣ пребывать, а принуждены будутъ по какимъ либо обстоятельствамъ въ иныхъ позволенныхъ имъ отъ медицинской канцеляріи мѣстахъ російскаго государства жительства имѣть, то опредѣленное имъ къ пропитанію жалованье отъ статсъ-конторы ассигновать въ тѣ мѣста, гдѣ находятся будутъ, или выдавать здѣсь или въ Москвѣ повѣреннымъ ихъ.

«Оныхъ за старостію или безсиліемъ отставленныхъ медицинскихъ чиновъ женамъ ихъ, вдовамъ по смерти мужей ихъ, ежели во время дѣйствительной ихъ службы въ замужествѣ были, то получать имъ тоже жалованье, какое умершихъ въ дѣйствительной службѣ вдовамъ опредѣлено; а которыя по отставкѣ изъ службы въ замужество вступили, оныя къ полученію вдовьихъ денегъ требованія не имѣютъ».

Докладъ архіатера Я. Монзея о пенсіяхъ весьма замѣчательнъ для своего времени. Въ немъ установлены размѣры пенсій, условія назначенія ихъ и наконецъ наследованіе пенсій. Размѣры были трехъ родовъ или классовъ: полное жалованье, двѣ трети жалованья и половина жалованья, которое получалъ пенсионеръ во время дѣйствительной службы. Главнымъ условіемъ назначенія пенсіи постановлены полная неспособность или малая способность снискивать себѣ пропитаніе какою либо службою. Врачъ, прослужившій 40 лѣтъ и сдѣлав-

пійся неспособнымъ за старостью и дряхлостью ни къ какому роду службы, получалъ въ пенсію полное свое жалованье. Прослужившій 30 лѣтъ и сдѣлавшійся не совсѣмъ способнымъ къ дѣятельной службѣ, получалъ въ пенсію отъ половины до двухъ третей жалованья, съ оставленіемъ въ полномъ вѣдѣніи медицинской канцеляріи. Наконецъ врачъ сдѣлавшійся неспособнымъ ни къ какой службѣ, но не отъ старости, а отъ какихъ либо несчастливыхъ приключеній на службѣ, напримѣръ отъ ранъ или увѣчій, получалъ отъ половины до полного жалованья. Касательно наслѣдованія пенсій постановлено было, что вдова врача получавшаго пенсію, по смерти его, тогда только наслѣдовала полную пенсію его, когда жила съ нимъ въ замужествѣ во время дѣйствительной его службы; если же она вышла за него замужъ уже послѣ отставки его, то «на вдовьи деньги» уже не имѣла права. Пенсіи назначались изъ статсъ-канторы и притомъ всѣмъ одинаково, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, такъ какъ тѣ и другіе несутъ одинаковую службу.

Бадерскія бани.

Первымъ бадеромъ въ Россіи былъ лѣкарь Христоф. Паульсонъ, принятый въ русскую службу Петромъ Великимъ изъ Риги, въ бытность его тамъ въ 1720 году, и оставался въ этой должности при дворѣ до смерти Петра I. Но въ чемъ состояла его должность—неизвѣстно. По смерти Петра (въ 1725 году) должность бадера была упразднена и Паульсонъ опредѣленъ лѣкаремъ во дворѣ и исправлялъ должность гофъ-хирурга, а оттуда переведенъ (въ 1729 году) лѣкаремъ же въ кавалергардію и при вступленіи на престолъ императрицы Анны вовсе уволенъ отъ службы. Но въ 1731 году опять принятъ въ службу и опредѣленъ къ особѣ герцогини Мекленбургской лѣкаремъ же, въ помощь Блюментросту.

Съ переводомъ бадера Паульсона на другую службу употребленіе бадерскихъ бань забылось, а большая часть москвичей того времени повидимому и понятія не имѣли объ устройствѣ ихъ, пока въ 1728 году пріѣхалъ въ Россію иностранецъ Яковъ Кентеръ (*Jacob Cäntner*) и объявилъ, что онъ намѣренъ устроить въ Москвѣ (гдѣ былъ тогда дворъ) бадерскія бани, въ нѣмецкой слободѣ. Когда Кентеръ вошелъ съ просьбою о разрѣшеніи построить баню и приложилъ

*

«планъ» построенъ, то оказалось, что это почти такая же баня, какъ нынѣшнія торговыя бани петербургскаго образца, и различалась только частными приспособленіями къ лѣчебнымъ цѣлямъ: торговая баня назначается для мытья, а бадерская баня «для лѣченія наружныхъ болѣзней мануальнымъ художествомъ», т. е. гимнастическими движеніями и разшпаніемъ частей тѣла, жильнымъ кровепусканіемъ, приставленіемъ пиявокъ и кровесосныхъ банокъ, ставленіемъ клистировъ и наконецъ ваннами разныхъ составовъ и температуръ. Однимъ словомъ бани эти похожи были на нынѣшнія водолѣчебныя заведенія. Посмотрѣвши въ Москвѣ, Кентеръ сталъ просить привилегіи на устройство бани и 11 мая 1733 года получилъ разрѣшеніе купить землю въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, и построить баню, съ тѣмъ, чтобы его баня освобождена была отъ постоя и городскихъ податей. Съ другой стороны отъ бадера требовалось, чтобы онъ лѣчилъ только наружныя болѣзни «мануальнымъ художествомъ», а трудныхъ операций безъ вѣдома и совѣта докторскаго не осмѣливался дѣлать, самъ лѣкарства не составлялъ и къ ущербу аптекарей не продавалъ и за пользованіе и за трудъ свой цѣну бралъ «настоящую» и безъ излишества, дабы на него жалобъ не поступало. При этомъ запрещалось ему держать горячія вина, водки и всякій заповѣднѣй напитокъ, равно какъ не держать при себѣ бѣглыхъ и подозрительныхъ людей. Разрѣшеніе это и привилегія подписаны были архіагеромъ Ригеромъ. Но прошло около двухъ лѣтъ, а баня и не начинала строиться. Мало того, Кентеръ опять вошелъ съ прошеніемъ (26 февраля 1735 года) о разрѣшеніи построить баню не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, и представилъ планъ ея. Онъ объяснялъ отказъ отъ Москвы тѣмъ, что не сбылись его предположенія. Онъ хотѣлъ построить баню въ Москвѣ, «чая присутствіе Е. И. В.; а какъ дворъ тамъ оставался не долго, то нынѣ за малолюдствомъ въ Москвѣ чужестранныхъ людей, которые обыкли въ другихъ странахъ такія бани имѣть, пропитать и содержать себя никакъ невозможно». Поэтому онъ просилъ разрѣшенія построить по той-же привилегіи подобную же баню въ Петербургѣ и на тѣхъ же условіяхъ. Архіагеръ Фишеръ далъ ему разрѣшеніе (26 марта 1735 года), а планъ бани утвердилъ и копію съ него сообщилъ полицеймейстерской канцеляріи. Но бани все еще не было, хотя дѣла Кентера шли повидимому очень хорошо. Объ этомъ можно заключать изъ того, что въ 1745 году онъ имѣлъ свой домъ въ Петербургѣ и жаловался на постоя въ немъ, ссылаясь на

свою привиллегію и увѣряя, что баня устроена у него въ этомъ самомъ домѣ. Въ медицинской канцеляріи сильно подозрѣвали, что Кентеръ просто хотѣлъ накрыть свой домъ привиллегією, не устроивъ бани, иначе постой былъ бы непременно снятъ.

Бадеръ Кентеръ умеръ въ 1756 году. Вдова его продала привиллегію на содержаніе бани въ Петербургѣ и самую баню Ивану Леману (*Joh. Friedr. Lehmann*), мекленбургскому уроженцу изъ гор. Висмара. Этотъ Леманъ былъ наемнымъ слугою у поручика Александра фонъ-Милорадовича, состоявшаго въ службѣ будущаго императора Петра III. По смерти же его онъ перешелъ къ брату его, гренадеру лейбъ-компани Андрею фонъ-Милорадовичу, а отъ него перешелъ къ оберъ-церемоніймейстеру Лефорту (*P. V. Lefort*). Въ Россію привезенъ въ 1757 году. Наскучивъ лавейскою должностію, онъ отказался отъ нея и сталъ заниматься бадерскимъ искусствомъ и по видимому занимался умѣло. Это видно изъ того, что медицинская канцелярія подвергла его экзамену, прежде чѣмъ разрѣшить воспользоваться купленною привиллегією на устройство бани, и онъ выдержалъ. Экзаменовали его члены с.-петербургскаго физиката (докторъ Лерхе и штабъ-лѣбваръ Польманъ) и дали удовлетворительный аттестатъ, по которому медицинская канцелярія дозволила ему устроить баню (13 мая 1760).

До сихъ поръ бадерская баня въ Петербургѣ не имѣла соперниковъ; но скоро они явились. Въ Петербургъ пріѣхалъ французскимъ посланникомъ маркизъ Поль Галюччіо Лопиталь (*Paul Haluccio l'Hopital, marquis de Chateaufeuf sur Cher*) и привезъ съ собою банщика, француза изъ Дижона, Франсуа Вандреди (*Jean François Vendredy*). Этотъ Вандреди просилъ позволенія устроить въ Петербургѣ такую баню, какія существуютъ во Франціи «для здоровья», и получилъ его (10 декабря 1761), для чего и былъ приведенъ къ присягѣ. Онъ завелъ баню въ Малой Морской, въ домѣ адмиралтейскаго архитектора Андрея Квасова, «для потѣнія и разведенія флюсовъ и другихъ тѣлесныхъ припадковъ, по докторской рекомендаціи». Открыта она была 11 ноября 1763 года.

За тѣмъ бадерскую баню содержалъ отставной подлѣбваръ иностранецъ Иванъ Грудинскій. Баня его находилась въ московской части, гдѣ стояли и торговыя бани. Торговыя бани были на откупъ и подняли споръ съ Грудинскимъ, жалуясь, будто у него всё парятся за деньги, между тѣмъ какъ ему позволено содержать баню на бадерскомъ правѣ, по опредѣленію медицинской коллегіи и отъ того казна терпитъ убы-

токъ отъ неуплаты откупа ¹⁾). Грудинскій умеръ въ декабрь 1782 года и баня перешла во вдовѣ его, которой данъ (17 декабря 1782) для завѣдыванія ею и лѣченія при банѣ гезель бадерскаго дѣла Егоръ Шульцъ (*Georg Schulz*). Но съ начала 1784 года баня поступила на откупъ, въ число торговыхъ бань, а Шульцу дано право самому отъ себя открыть и содержать бадерскія бани.

Не имѣется свѣдѣній, существовали ли бадерскія бани, содержащія женщинами исключительно для женщинъ. Но въ Петербургѣ явилась одна женщина, успѣшно исполнявшая всѣ бадерскія обязанности. Это была вдова угличскаго купца *Анна Тимофеевна Селиверстова*. Она была дочь кузнечнаго артиллерійскаго мастера и воспитана двоюроднымъ дядею своимъ, сторожемъ при запасномъ дворцѣ въ Москвѣ, который умѣлъ пускать кровь и ставить пиявки и клистиры дамамъ. Овдовѣвъ, она просила разрѣшенія пускать кровь и подавать другія пособія дамамъ, что уже и дѣлала. Разрѣшеніе дано ей и она опредѣлена ко двору (25 іюня 1754), для придворныхъ дамъ, съ тѣмъ чтобы она училась и бабичьему дѣлу. Жалованья давалось ей по 100 р. въ годъ (изъ бабичьей суммы) съ обязательствомъ жить въ С.-Петербургѣ и быть въ подчиненіи у придворной бабки Адрианы Фондотаръ, о чемъ и объявлено всѣмъ придворнымъ докторамъ и лѣкарямъ. Лѣтомъ 1762 года она командирована была въ Москву ²⁾, для того чтобы при предполагавшемся путешествіи императрицы Екатерины II туда-же, по всѣмъ станціямъ удалены были всѣ больные сыпьями и чтобы въ Москвѣ взяты были всѣ предосторожности противъ зараженія ея оспою или другою сыпью.

У нея была ученица Катерина Леонтьева, служебная жизнь которой одиakoже неизвѣстна.

¹⁾ Торговыя бани отдавались казною на откупъ; но большая часть откупщиковъ были смѣнены сенатомъ за разныя злоупотребленія, а нѣкоторые не только смѣнены, но и преданы суду.

²⁾ Визитъ съ докторомъ Энсомъ и лѣкарями Іог. Рихтеромъ и Торсономъ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ.

о госпиталяхъ и о должностяхъ опредѣленныхъ при нихъ докторовъ и прочихъ медицинскаго чина служителей, также комисаровъ, писарей, мастеровыхъ, рабочихъ и прочихъ ко онымъ подлежащихъ людей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о госпиталяхъ.

1. Въ резиденціяхъ и главныхъ портахъ вездѣ надлежитъ быть госпиталямъ и для управленія ихъ докторамъ и комисарамъ.

2. Госпитальную экономію содержать и призирать отъ Генеральныхъ Кригсъ-Комиссаріатовъ, а медицинское дѣло во оныхъ госпиталяхъ содержать и править Медицинской Канцеляріи.

3. Больныхъ въ госпиталяхъ надлежитъ надсматривать главному лѣкару и комисару, какъ въ лѣкарствахъ, пищѣ, тагъ и въ покояхъ и чистотѣ, такъ ли лѣкаря, подлѣкари и ученики, писаря, урядники и надзиратели за ними ходаты, какъ Регламентъ повелѣваетъ; и ежели что за ними усмотрять не-потребнаго, то имъ о томъ немедленно доктору объявить.

4. Имѣть во всякомъ госпиталѣ одного главнаго лѣкаря, которой надъ другими лѣкарями будетъ дирекцію имѣть; подъ нимъ надлежитъ быть лѣкарямъ столько человекъ, чтобъ на всякое двусотное число больныхъ одинъ былъ, у которыхъ быть по два человека подлѣкарей и по четыре человека учениковъ, которыхъ всѣмъ жить въ госпиталѣ, и дрова имъ давать изъ госпиталя жъ; ученикамъ пищу давать въ госпиталѣжъ (изъ Адмиралтейскаго Регламента, пунктъ 4).

5. А въ Санктпетербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, такожъ въ одномъ или въ двухъ большихъ морскихъ госпиталяхъ содержать для произвожденія добрыхъ лѣкарей въ ниперіи слѣдующихъ медицинскаго чина служителей:

1 доктора, 1 главнаго лѣкаря, 5 лѣкарей, 10 подлѣкарей, 20 лѣкарскихъ учениковъ, 1 аптекарскаго гезеля, 1 ученика, 1 работника.

Да для обученія подлѣкарей и учениковъ: 1 овератора, 1 рисовальнаго мастера для лучшаго обученія въ анатоміи, 1 студіоза для обученія латинскаго языка.

А въ Генеральномъ Сухопутномъ госпиталѣ сверхъ того еще одного младшаго доктора для вспоможенія и случающейся нужной ваканціи.

6. Всѣмъ вышеписаннымъ служителямъ надлежитъ въ госпиталѣ жить и имѣть казенныя квартиры, такожъ и дрова отъ госпиталя давать и приносить и топить печи госпитальнымъ служителямъ, такожъ мести и вычищать палаты и за огнемъ смотрѣть имъ же; и ученикамъ давать пищу дневную порцію противъ болящаго, по табели на страницѣ 26 сполна, и пиво, а вино по докторскому разсужденію, кому надлежитъ давать.

7. И дабы доброе управленіе госпиталя наилучше и порядочнѣе происходило, то доктору, главному лѣкарю и комисару, яко главнымъ того госпиталя, между собою дружелюбно и согласно обходиться и общее стараніе прилагать все то, что къ пользѣ и здравію больныхъ, такожъ и къ содержанію госпиталя принадлежить, наилучшимъ образомъ исправлять.

8. Во всякомъ госпиталѣ надлежитъ имѣть церковь и одного священника, которой будетъ отправлять службу божію, утѣшать и исповѣдывать и причащать больныхъ и въ прочемъ во всемъ исправлять ихъ (изъ Адм. регл. пун. 5).

9. Во всякомъ госпиталѣ имѣть особливую малую аптеку, качествомъ по разсужденію архіатера, такожъ сколько гдѣ надобно служителей при аптекаѣ, а дрова и уголья на составленіе лѣкарствъ давать отъ госпиталя (изъ Адм. регл. пун. 13).

10. Во всякомъ госпиталѣ имѣть одного главнаго писаря и къ нему при-
дать столько писарей, сколько по множеству дѣлъ потребно будетъ, которымъ править все то, что въ должности ихъ написано (изъ Адм. регл. пун. 12).

11. Во всякомъ генеральномъ госпиталѣ надлежитъ имѣть контору, въ которой докторъ, главной лѣкаръ, комисаръ и писаря всѣ текуція дѣла отправлять могутъ.

12. Въ госпиталѣ надлежитъ принимать: въ морскихъ никого, кромѣ адмиралтейскихъ служителей, военныхъ мастерскихъ и работныхъ больныхъ и раненыхъ въ бою или при работахъ, а въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ принимать унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, такожъ и въ Московскомъ госпиталѣ сверхъ другихъ во оной госпиталѣ указныхъ больныхъ, понеже военнымъ служителямъ на Москвѣ иного госпиталя не имѣется (по силѣ Адм. регл. пун. 6).

13. А отъ полковъ и отъ прочихъ всѣхъ мѣстъ присылать больныхъ въ госпитали съ прожеморіями или съ вѣдомостями, а указовъ въ госпитали ни откуда присылать не надлежитъ, кромѣ отъ Государственныхъ военныхъ Коллегіи и отъ Медицинской канцеляріи; ибо больные принимаются въ госпиталь по докторскому разсмотрѣнію; а кого не пристойно принять, того онъ докторъ назадъ велитъ отослать.

14. У содержанныхъ въ госпиталяхъ больныхъ удерживать половину денежнаго жалованья, а хлѣбное все за все то время, которое они будутъ въ госпиталяхъ, и употреблять деньги на содержаніе госпиталей удержанную поло-

вину, а другую отдавать имъ по выпускѣ ихъ изъ госпиталя, а хлѣбъ оставлять въ казнѣ (изъ Адм. регл. пунк. 8).

15. Содержаннымъ въ госпиталяхъ больнымъ печеной хлѣбъ и мясо свѣжее подражать и о томъ договариваться съ промышленниками, чтобъ ставить во весь годъ, сколько потребно будетъ, устава среднюю цѣну (изъ Адм. регл. пун. 9).

16. Денежную казну и всякіе казенные припасы, посуду, провіантъ и прочее все содержать во охраненіи у комисара, которой каждой мѣсяць еписъ-комисариату долженъ щеть отдавать, а доктору денежной казны и припасовъ никакихъ на рукахъ своихъ не имѣть: только его должность состоитъ въ томъ, чтобъ объ всемъ разумно учреждать.

17. Работницъ имѣть въ госпиталяхъ для мытья платья и всего бѣлья больныхъ по болѣзнямъ, а именно:

Къ труднымъ поноснымъ къ 20-ти	1
Къ поноснымъ среднимъ къ 30 ти	1
Къ труднымъ кромѣ поноса къ 40	1
Къ среднимъ прочимъ болѣзней и къ легкимъ къ 50-ти	1

(изъ Адм. регл. пун. 10).

Для надзираія надъ бѣльемъ и надъ работницами имѣть во всякомъ госпиталѣ по одной помощницѣ изъ старыхъ вдовъ или добрыхъ замужнихъ женъ, которыя похвалу на себѣ носить добраго состоянія; и въ семь параграфѣ помянутыхъ работницъ держать въ крѣпкомъ призорѣніи, чтобъ ни единая изъ нихъ могла сходства имѣть и разговаривать съ молодыми холостыми лѣбарями и учениками, такожъ и съ больными или съ караульными солдатами или съ надзирателями, и накрѣпко смотрѣть, чтобъ, окромѣ помянутыхъ, другія женщины (какого званія бы ни были) въ госпиталь не входили, а ежели что усмотритъ, о томъ не умѣшлавъ объявить главному лѣбарю.

18. Работниковъ мужеска полу къ больнымъ опредѣляется нижеписанное число:

Къ труднымъ поноснымъ къ 10-ти	2.
Къ поноснымъ среднимъ и къ труднымъ кромѣ поносу къ 20-ти	3.
Къ среднимъ прочимъ болѣзней, которые могутъ хотя мало о себѣ ходить, и у легкихъ къ 15-ти	1.

(изъ Адм. регл. пун. 11).

А ежели какія обстоятельства востребуютъ, чтобъ больше работныхъ людей въ госпиталѣ имѣть, то оныхъ опредѣлять по докторскому разсужденію.

Дѣло же ихъ слѣдующее:

- 1) Ходить во всѣхъ службахъ около больныхъ.
- 2) Топить и чистить палаты больныхъ.
- 3) Помогать бабамъ въ приносѣ и грѣніи воды и прочее.

А комисару помянутыхъ работниковъ безъ докторскаго позволенія на другія

работы и потребности подъ жестокимъ штрафомъ никуда не употреблять и не пережѣвывать, тако же и пешниковъ, и прочихъ мастеровыхъ людей въ комиссариатѣ на какую работу и никуда индѣ изъ госпиталя не брать, чтобъ въ госпиталѣ дѣло никакое не остановилось, развѣ докторъ разсудитъ, чтобъ въ крайней госпитальной чрезвычайной случающейся нуждѣ нѣсколько отъ больныхъ, ежели облегчятся, отнять и къ другому дѣлу употребить можно будетъ.

19. А для поварни поваровъ, для огорода огородниковъ, для пивоварни пивоваровъ и для прочихъ нуждъ и работъ мастеровыхъ и работныхъ людей, а для вычищенія нужниковъ профосовъ (понеже госпитальнымъ работникамъ непристойно публичныхъ нужниковъ вычищать, ибо онѣ у больныхъ кромѣ того много дѣла имѣютъ), сколько пристойно имѣть окрогѣ выписаннаго числа, а на сто на пятьдесятъ человекъ больныхъ содержать одного бритовщика, которому ученики, когда много дѣла не имѣютъ, помогать будутъ.

20. Комисару, писарямъ и выписаннымъ госпитальнымъ служителямъ всѣмъ жить при госпиталѣ и давать имъ казенныя квартиры и дрова.

21. А вышеупомянутыхъ служителей, которымъ ходить около больныхъ, выбирать изъ добрыхъ, трезвыхъ, богобоязливыхъ и усердныхъ людей, и ежели лѣкарями усмотрѣно будетъ, что въ томъ числѣ явятся пьяные и бездѣльники, тобъ не умѣшкавъ главному лѣкарю объявить, которой достовѣрно тожь за ними усмотрѣть долженъ и доктору рапортовать; а доктору требовать въ государственной военной коллегіи доношеніемъ о пережѣвѣ такихъ; того ради не надлежитъ штрафованныхъ и прочихъ такихъ непохвальныхъ людей къ такому дѣлу въ госпиталь опредѣлнить, и комисару надлежитъ по вся дни по утру доктору о помянутыхъ услужникахъ именной списокъ вручить, чтобъ онъ могъ видѣть, всѣ ли на лицо при своемъ дѣлѣ пребываютъ и кто ушелъ или заболѣлъ; и то разумѣется и о прочихъ всѣхъ служителяхъ и мастеровыхъ людяхъ при госпиталѣ, а ежели кто изъ помянутыхъ госпитальныхъ служителей въ чемъ будетъ лѣкарямъ ослушенъ и должность свою около больныхъ пренебрегъ, то комисару штрафовать оныхъ по докторскому повелѣнію не умѣшкавъ при главномъ лѣкарѣ подъ карауломъ публично, гдѣ стоитъ главной часовой; равнымъ же образомъ и прочихъ госпитальныхъ работниковъ и мастеровыхъ людей штрафовать по докторскому же приказу при главномъ лѣкарѣ, ежели всякая потребная посуда, матрацы и кровати не будутъ въ готовности содержаны, не мирволя никому: тако же не повиненъ комисаръ никого, ни больныхъ, ни здоровыхъ штрафовать безъ доклада и приговору доктора госпитального, дабы никакой несправдливости не чинилась.

22. Повару заготовлять кушанье на толикое число больныхъ, которое ему отъ комисара повсядневно повелѣно будетъ и смотрѣть на порціи и доброту оной, такъ какъ учиненныя опредѣленія доктора востребуютъ. Отъ комисара принимаетъ онъ понедѣльно и поденно харчъ, а отъ огородника огородныя овощи, по билету котораго въ огороднику посылаетъ.

Кухню и всю посуду содержать ему въ надлежащей чистотѣ; и когда время кушать, знакъ въ колоколь дать съ спросу главнаго лѣкаря.

23. Огородникъ въ огородѣ всѣ тѣ вещи и травы садить, которыя про кухню и аптеку потребны, какъ ему то отъ доктора повелѣно будетъ; и аптекарю и повару оное отпускать, что отъ него по билетамъ требовать будутъ и въ томъ отъ нихъ по мѣсячно дать расписаться.

Какихъ работниковъ и инструментовъ работникамъ огороднымъ къ работѣ и сѣмянъ къ сѣянію потребно, того требовать ему у комисара, съ подпискою главнаго лѣкаря.

24. Пивовару пиво и квасы такою добротою варить, какъ то изъ числа даннаго ему хлѣба быть можетъ и отдавать оныя въ погребы комисару, и во всемъ поступать по данной ему инструкціи.

25. Хлѣбнику печь хлѣбы по данной ему инструкціи, чтобъ оная пища, яко пужнѣйшая, по надлежащему заготовлена была и большеебъ оную безвредно бжшати могли.

26. Караулъ опредѣлить при всякомъ госпиталѣ по разсмотрѣнію, которому стоять у воротъ и у прочихъ показанныхъ мѣсть, и ежели въ госпиталѣ у больныхъ и у прочихъ ссора, брань или насильствіе произойдетъ, то начинщикъвъ взять караульному капралу подѣ караулъ немедленно госпитальныхъ и постороннихъ людей, чтобъ ни были, и тотчасъ о томъ донести главному лѣкарю и комисару, и потомъ виноватыя по разсмотрѣнію докторскому наказываны быть имѣютъ при комисарѣ въ присутствіи главнаго лѣкаря; а постороннихъ арестантовъ отсылать въ ихъ команды по указанію, а зъ важныхъ преступленіяхъ доносить писменно въ государственныя военныя, а о медицинскіхъ служителяхъ въ медицинскую канцелярію.

27. Караульному капралу дневальныхъ подлѣкарей и учениковъ или дневальныхъ надзирателей, но не меньше же больныхъ безъ позволенія главнаго лѣкаря изъ госпиталя не выпускать и никого не пропускать, которой больнымъ чего отъ доктора заповѣданнаго въ пицѣ или питьѣ безъ позволенія принести.

28. Ему же смотрѣть за пожарами и вычищаютъ ли трубы по вся субботы начисто, и ежели что усмотритъ лѣбностію какою неисправно, о томъ главному лѣкарю немедленно донести; ему же по вся вечера ходить съ старшимъ сержантомъ по всѣмъ поварнямъ и очагамъ и смотрѣть погашены ли вездѣ огонь и нѣтъ ли гдѣ какой опасности, какъ о томъ въ должности комисара написано.

29. А понеже въ помянутыхъ госпиталяхъ содержатся и лѣчатся больныя военнаго чину, и обычаино есть, чтобъ погрѣшителямъ тѣхъ чиновъ стражъ учиненъ былъ отъ военнаго же чину, сирѣчь отъ офицера какова, и того ради въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ бывали для такой езекуціи приставленные разные офицеры, яко же и при больныхъ гвардіи, въ госпиталѣ обрѣ-

тающихся офицеры, оных полковъ прапорщики понедѣльно перемѣняючися винныхъ солдатъ штрафуютъ при главномъ лѣкарѣ по докторскому рассмотрѣнію и повелѣнію; то и впредь, какъ прежде сего было, можетъ изъ гарнизонныхъ или какихъ другихъ полковъ понедѣльно или помясячно смѣняючися въ госпитальъ призирать и для экзекуціи по вся дни быть, которому капралу караульному приказывать по докторскому приговору винныхъ штрафовать при главномъ лѣкарѣ, того ради что въ больныхъ случающихся и сержанты, которые однимъ караульнымъ капраломъ безъ офицера штрафованы быть не могутъ, а безъ докторскаго разсужденія и повелѣнія оному офицеру никого собою не штрафовать; и сверхъ той экзекуціи надлежитъ ему смотрѣть за комисаромъ и за управленіемъ его и ежели усмотритъ, что солдатамъ больнымъ какая обида въ пищѣ или въ прочемъ учипена, то объявить доктору. А комисаровъ госпитальныхъ смѣнять погодно, развѣ когда случится весьма прилѣжной человѣкъ, то его употреблять по докторскому аттестату и на предъбудущіе годы.

30. По всякое утро главной лѣкаръ и комисаръ о состояніи госпитальному рапортуютъ доктора и принимаютъ вновь данной или ординарной приказъ отъ негожь, и тотъ приказъ отдають по вечерамъ своимъ подкоманднымъ: главной лѣкаръ своимъ лѣкарямъ и дневальнымъ подлѣкарямъ и ученикамъ, а комисаръ своимъ сержантамъ и караульному капралу, которые повинны тѣмъ приказъ отдавать по всемъ палатамъ и квартирамъ всемъ больнымъ и здоровымъ изустно, а особливо сержантамъ и караульному капралу смотрѣть по вечерамъ, всѣ ли приходятъ въ показанные часы въ свои мѣста и покои и ночуютъ ли дома; а ежели поймаетъ кого въ кабакахъ или въ непотребныхъ мѣстахъ, то по данной ему отъ доктора инструкціи брать за караулъ всякаго чину и рапортовать, куда надлежитъ: а на часахъ стоящіе часовые солдаты, ежели увидятъ какое заповѣдное непотребство, должны возбранять или другихъ караульныхъ скликать.

31. Полотна и ветошки для бандажей, компрессовъ и корпій, такожъ вина и уксусъ на припарки и на другія потребы, такожъ яйца свѣжія, молоко и другія всякія вещи ради больныхъ имѣть въ госпиталяхъ комисарамъ во всякой готовности, и по билетамъ главнаго лѣкаря отпускать безъ всякой остановки по силѣ (Адм. регл. пун. 14).

32. Постели въ госпиталяхъ для больныхъ имѣть по болѣзнямъ.

Труднымъ и среднимъ волосяныя матрацы и подушки круглыя обитыя тикомъ, а для поносныхъ болѣзней на верхъ сей постели тонкія камышевыя власять.

Легкимъ камышевыя вязанныя въ четыре или въ пять дюймовъ толстотою и на нихъ войлокъ обить хрящомъ, а подушки волосяныя круглыя обитыя хрящомъ же.

Одѣяла изъ сѣраго сукна, подшивая бѣлыя простыни на живую нитку. На постели простыни всѣмъ холстинныя.

Рубахи и портки.

На поносныхъ три пережѣны.

На прочихъ по двѣ пережѣны.

Пережѣнять бѣлье:

Поноснымъ по вся дни.

Прочимъ дважды или одинова въ недѣлѣ, смотря по болѣзнямъ, а во францоватыхъ болѣзняхъ пережѣнять, какъ прикажетъ докторъ или главной гѣкарь (изъ Адм. регл. пун. 15).

33. Для больныхъ надлежитъ быть посудѣ:

Котлы мѣдные, въ которыхъ варить, такъ велики, чтобъ можно было на 50 человекъ варить и двумъ человекамъ носить съ пищею, и чтобъ края были высоки, дабы не расплескалось, и съ кровлями, и чтобъ были всегда вылужены, и съ прочею мѣлкою посудою, какъ уполовники и спицы желѣзныя, чѣмъ пищу и мясо вынимають.

Поварню имѣть посреди госпиталя, дабы во всѣ стороны было равно носить пищу, и въ таганы для ставленія котловъ и прочіе инструменты, что надлежитъ къ поварѣ.

Для ставленья пищи больнымъ надлежитъ имѣть чаши оловячныя, а именно: тѣмъ, которые не могутъ съ постели вставать, каждому по одной чашѣ малой, а прочимъ, кои могутъ за столъ ходить, на семь человекъ чаша; тарелки деревянныя, ложки каждому, а ножики двумъ одинъ.

Скатерти холстинныя, а вмѣсто салфетокъ полотна длинныя принимать кругомъ скатертей.

Солонки стеклянныя толстыя на семь человекъ.

Для питья жбаны деревянныя тѣмъ, кои могутъ за столъ ходить, на семь человекъ одинъ, а для тѣхъ, кои не могутъ вставать съ постелей, малые жбаны на два человека одинъ, и ковши, а тѣмъ которые кашляютъ или рвотное принимали, подставлять каждому на плеванье по одной чистой шайкѣ.

Для ужиновъ шандаловъ съ щипцами на каждыя три чаши одинъ, а для трудныхъ больныхъ на два человека одинъ.

Столы, гдѣ ѣсть больнымъ, такожъ и скамьи кругомъ столовъ.

А для трудныхъ больныхъ между всякой кровати одинъ малой столъ.

Ночью имѣть одну лампаду во всякой палатѣ, надъ которою трубку держать жестяную, отъ которой конецъ въ окошко выходитъ имѣть, чтобъ оной смрадной духъ изъ лампы вонь выходилъ и въ палатѣ не оставался, которая труба и для прочаго противнаго дѣла служить можетъ.

Кадки, корыты, ушаты, ведры и проч. и мыла и золы какъ для мытья платья, бѣлья, такъ и посуды по множеству бѣлья и посуды.

Также дрова и свѣчи по числу печей и шандаловъ (по силѣ Адм. регл. пун. 16).

34. Пищу для больныхъ по вся дни дважды.

Во время весны, зимы и глубокой осени, каша овсяная или яшная съ мясомъ свѣжимъ, и во время лѣта и не глубокой осени, пока травы еще держаться могутъ, и употребляютъ капусту, сныть, крапиву и прочія огородныя травы, перемежая съ кашами, и по приказу доктора или главнаго лѣкаря.

А по сколько чего на человѣка надлежитъ варить въ день, тому при семь табель.

Провиантъ	Воскре- сенье.		Поне- дѣльн.		Втор- никъ.		Сре- да.		Чет- вергъ.		Пят- ница.		Суббо- та.	
	Ф.	Зол.	Ф.	Зол.	Ф.	Зол.	Ф.	Зол.	Ф.	Зол.	Ф.	Зол.	Ф.	Зол.
Хлѣбъ .	1 ^{1/2}	—	1 ^{1/2}	—	1 ^{1/2}	—	1 ^{1/2}	—	1 ^{1/2}	—	1 ^{1/2}	—	1 ^{1/2}	—
Мясо	1	—	1 ^{1/2}	—	1	—	1 ^{1/2}	—	1	—	1 ^{1/2}	—	1	—
Крупъ овс.	1 ^{1/2}	—	—	—	1 ^{1/2}	—	—	—	1 ^{1/2}	—	—	—	—	—
Круп. ячм.	—	—	1/2	—	—	—	1/2	—	—	—	1/2	—	1/2	—
Масла 8 ч.	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
Соли 1 чел.	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—
Пива .	1 кр.	1	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—
Вина .	1 чар.	1	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—

А которымъ нельзя мяса ѣсть, тѣмъ давать калачи съ жидкою кашею, по разсмотрѣнiю докторскому.

Квасы хорошіе варенные завсегда, однакожь пиво, вино и квасъ пить надлежитъ давать по разсужденiю доктора или главнаго лѣкаря, которые усмотрѣть могутъ, кому затрудностию болѣзни, вина или пива давать не возможно (по силѣ Адм. регл. пун. 17).

35) Имѣть бани и погреба, и въ погреба, для лѣтняго времени надлежитъ класть ледъ, также пивоварню для варенья пива и квасовъ, сколько потребно будетъ, и къ тому надлежащую посуду имѣть, и въ лѣтнее время пиво, квасъ и прочее ставить и класть на ледъ (изъ Адм. регл. пун. 18).

36) Имѣть нѣсколько коровъ для молока на употребленіе больныхъ въ пищу и въ лѣкарство, которыхъ кормить дробинами, которыя будутъ отъ варенья пивъ и квасовъ, и оныхъ коровъ доить бабамъ портомойницамъ, а молоко содержать въ чистыхъ посудахъ въ охраненіи надзирательницы надъ портомойницами, а кормить коровъ пастухамъ (по силѣ Адм. регл. пун. 19).

37) Такожъ при всякомъ госпиталѣ имѣть огородъ для пищи больнымъ и для аптеки (изъ Адм. регл. пун. 20).

38) При всякомъ госпиталѣ имѣть шлюбку, а для случающагося страху въ походѣ по меньшей мѣрѣ шестивесельную, и на ней гребцовъ надлежащее число для всякихъ посылокъ и исправленія госпитальныхъ дѣлъ: такожъ и элботовъ одинъ большой и одинъ малой для привозки больнымъ карчу, провианту и медикаментовъ.

39. Что же сверх сего отъ архіатера, яко президента въ медицинскихъ дѣлахъ, какъ къ пользованію больныхъ и надлежащей къ тому способности, такъ и въ касающемся до медика и лѣкарей, ихъ учениковъ и обрѣтающихся у больныхъ для присмотру надзирателей, такожъ и о всѣхъ вышеописанныхъ должностяхъ и управленіяхъ сверхъ сего еще опредѣлено быть можетъ, оное, ежели отъ архіатера о томъ одной или другой коллегіи по надлежащему на письмѣ представлено быть имѣетъ, для происходящаго отъ того больнымъ плода отъ каждой коллегіи, подъ которою тою госпиталь состоитъ, надлежащимъ образомъ рассмотреть и исправить надлежитъ.

Г Л А В А В Т О Р А Я.

Понеже учрежденіе госпиталей двоякаго намѣренія и плода имѣетъ: первое и которое начальственное имѣетъ быть—пользованіе страждущихъ больныхъ, второе—производство и утверженіе медиковъ и лѣкарей къ большому искусству; того ради къ сему намѣренію, хотя въ началѣ, медиковъ и лѣкарей при томъ имѣть надлежитъ; но понеже пища, содержаніе и прочее питаніе больныхъ во время болѣзней ихъ, такожъ нужное дѣло госпиталя имѣетъ быть; того ради и при госпиталѣ доброй комисаръ потребенъ, точію для токмо первыхъ причинъ, а именно: болѣзней ради всѣ тѣ учрежденія чинятся и пища учреждается, то доктору госпитальному главную дирекцію надъ госпиталемъ имѣть надлежитъ, и затѣмъ о его должности въ началѣ говорить довлѣетъ.

О должности госпитального доктора.

1. Доктору во всѣхъ тѣхъ свойствахъ, которыя къ производенію здравія полезны и удобны суть, доброе основаніе искусство имѣть надлежитъ; того ради смотрѣть, чтобъ при госпиталѣ разумнаго, ученаго и заслуженаго доктора, которой бы и при войскѣ многое время уже служилъ, имѣть.

2. Оному имѣть надъ всѣми въ госпиталѣ обрѣтающимися генеральную дирекцію; понеже уповаема, что онъ лучшее знаніе имѣетъ, какъ въ томъ дѣлѣ поступать и что больному полезно или вредительно быть имѣетъ.

3. Доктору начальственнымъ на то смотрѣть, чтобъ какъ главной лѣкарь, такъ и комисаръ и прочіе въ его командѣ обрѣтающіеся служители госпиталя, должность свою не лѣностно исправляли, и ежели оное отъ нихъ усмотритъ, то имъ прежде словесной выговоръ учинить и ежели на то смотрѣть не будутъ, по состоянію или государственной коллегіи или медицинской канцеляріи, о томъ письменно доносить; нижнихъ же чиновъ медицинскихъ служителей имѣетъ онъ, или повелѣніемъ его главной лѣкарь въ нихъ выдѣлывать наказывать, или по состоянію дѣла медицинской канцеляріи о томъ сообщать, дабы ихъ преступленія отъ оной наказаны были.

4. Долженъ больныхъ всякое утро и вечеръ при главноиъ лѣкарѣ и прочиъ лѣкаряхъ каждаго особо осмтрѣть, имъ потребныя медикаменты распредѣлить и приказать, какъ больныхъ кормить, поить и надзирать надлежитъ: при томъ же лѣкарямъ, подлѣкарямъ и ученикамъ доброе обученіе, по истиннымъ знакамъ болѣзней давать и причины тому сказывать; такожь подлѣкарей и учениковъ заставлять, чтобъ каждой изъ нихъ болѣзни и пользование ихъ порядочно у себя записывалъ, дабы оныя впредь къ пользѣ своей прислуживатися моглибъ, и виднобъ было, какъ больнаго лѣчили.

5. Ему надлежитъ количество и качество медикаментовъ такъ учреждать и приготавливать велѣть, какъ познаніе свое или по состоянію и множеству больныхъ заблагоразсудитъ, о которыхъ ему на удобное расположеніе по болѣзнямъ смтрѣть и больныхъ для лучшей удобности къ лѣченію по болѣзнямъ располагать, пищу ихъ по болѣзнямъ же опредѣлять и о ихъ пользованіи доброе смтрѣніе имѣть, и все, что къ пользѣ ихъ служить, воспріять и учреждать.

6. Въ перевязкѣ ранъ доктору, лѣкарямъ добрымъ совѣтомъ помогствовать, при всякихъ тяжелыхъ операціяхъ присутствовать и учреждать, какъ имъ при томъ содержаться.

7. Больныхъ, которые уже по его распредѣленію отъ главнаго лѣкаря по мѣстамъ разложены, изъ тѣхъ безъ воли его никому въ другія мѣста не переводитъ и изъ госпиталя не высылать, и въ госпиталь безъ воли его никого не принимать же.

8. Смтрѣть, чтобъ больные какъ въ пищѣ, такъ и въ чистотѣ ихъ и прочіе порядки въ госпиталѣ во всемъ противъ госпитальнаго регламента правлены были, и тогдажъ главному лѣкарю, комисару и лѣкарямъ приказывать смтрѣть.

9. Долженъ на присланныхъ о больныхъ вѣдомостяхъ помѣчать, что принять и лѣчить оныхъ, а которые по его разсмтрѣнію не подлинно больные явятся и о тѣхъ помѣчать же, чтобъ не принимать, но возвратно въ команду отсылать, а которые больные и раненыя уже выздоровѣли, тѣхъ долженъ осмтрѣть, и буде подлинно выздоровѣли и пришли въ свою силу, то ему скорбноиъ билетъ отъ кровати взять и на ономъ своею рукою написать, что выздоровѣлъ и чтобъ отослать по прежнему въ команду, и оной билетъ отсылать комисару, который оныхъ въ прежнюю команду отсылать долженъ.

10. При осмтрѣ и отставкѣ больныхъ, или неспособныхъ къ службѣ, которые изъ госпиталя выписываны будутъ, или въ госпиталь для подлиннаго свидѣтельства приплутся, поступать ему по силѣ состоявшагося о томъ въ медицинсконъ канцеляріи регламента, сѣнтября 18 дня 1735 года, во всемъ непремѣнно.

11. Если въ коллегію, вѣдомства которой тотъ госпиталь состоитъ, призванъ будетъ, или для разсужденія о госпитальныхъ нуждахъ, или для

свидѣтельства больныхъ, то въ томъ ему не отрицаться, и какое ему отъ оной коллегии предложеніе учинено будетъ, то оное или исправить, или по состоянію дѣла о томъ немедленно архіатеру объявить.

12. Ежели при пользованіи больныхъ въ чемъ недостатокъ имѣется, то ему комиссару приказать того, что продолженія не терпять, или не великой денежной суммы востребуетъ, немедленно промышлять; что же въ таковыхъ дѣлахъ отважности имѣется быть, то ему съ позволеніемъ архіатера коллегии, подъ которою тотъ госпиталь состоитъ, предлагать.

13. Долженъ смотрѣть надъ госпитальною аптекою и аптекаремъ, чтобъ оной трезвой, осторожной и въ наукѣ своей искусной человѣкъ былъ, и чтобъ всегда требуемые медикаменты имѣлъ въ готовности и оныя по присылаемымъ рецептамъ точно заготовлялъ и отправлялъ; а пріемъ и расходъ медикаментовъ подписывать ему доктору понеѣдельно въ госпитальной аптекѣ.

14. Велѣтъ часто разобраніе анатомическое чинить въ палатѣ, опредѣленной на то въ госпиталѣ, при чемъ самъ, такожъ лѣкари, подлѣкари и ученики должны быть, которымъ онъ долженъ толковать о всѣхъ членахъ и о болѣзняхъ и о лѣкарствахъ, пристойныхъ къ тѣмъ болѣзнямъ, а особливо которыя будутъ болѣзни странныя, тѣхъ отнюдь не пропускать безъ анатомическаго дѣйствія, и что достопамятно есть, оное велѣтъ рисовальному мастеру срисовать, и о томъ репортовать архіатера (по силѣ Адм. регл. пун. 10).

15. Долженъ о происхожденіи хирургической школы своего госпиталя всякое доброе смотрѣніе имѣть, и чтобъ операторъ и прочіе учителя должность свою при томъ добрѣ исправляли и молодыебъ люди въ анатоміи и хирургіи порядочно и тщательно обучены были, и чтобъ подлѣкари и ученики подъ дирекцію анатомика и своеручно себя во анатоміи и хирургическихъ операціяхъ утверждали; при томъ же смотрѣть, чтобъ оной операторъ имъ операціи, въ надлежащемъ ученіи явственно и порядочно показалъ.

16. Въ принятіи учениковъ, долженъ по силѣ опредѣленія медицинской канцеляріи, состоявшагося въ 1735 году марта 4 дня, на удобопонятіе ихъ къ хирургіи въ первомъ году ученія ихъ весьма смотрѣть, и ежели за ними какую неспособность или натуральную гнусность усмотритъ, то по прошествіи одного года объ отрѣшеніи ихъ представлять медицинской канцеляріи; понеже окромѣ того конечно многіе негодные люди къ ущербу Ея Императорскаго Величества служебъ изъ таковыхъ школъ выходить могутъ, а которые злочиніями, какъ пьянствомъ и прочимъ неспособны быть имѣютъ, тѣхъ поправлять назначеніемъ.

17. Въ госпитальномъ огородѣ смотрѣть ему, чтобъ госпитальной огородникъ сверхъ поваренныхъ овощей ради больныхъ, такожъ и нужнѣйшихъ лѣкарственныхъ плантовъ про госпитальную аптеку наблюдать, и молодыебъ люди отъ аптекаря въ знаніи травъ наставлены были, и велѣтъ аптекаря за огородинкомъ и за огородамъ смотрѣть.

*

18. Долженъ о всемъ состояніи госпиталя и аптеки и служителей репортовать архіатера, и все, что у него въ вѣденіи и отважности имѣть быть, требовать отъ него опредѣленія, такожъ и въ государственныя военныя коллегіи закрѣплять репорты, которые чинить комисарь.

19. И дабы докторъ вышеописанную свою должность вѣрно исправлять могъ, то ему другихъ дѣлъ на себя принять не довлѣтъ, чтобъ во управленіи своемъ помѣшательства не происходило, а къ наилучшему исполненію сего пункта надлежитъ ему по состоянію мѣста и таковаго жалованья производить по рассмотрѣнію архіатерскому, дабы не принужденъ былъ кромѣ госпиталя себѣ хлѣба искать, да къ лучшему же управленію службы его надлежитъ ему пристойную квартиру въ госпиталь, или близъ госпиталя, къ тому же и надлежащихъ двухъ денщиковъ давать, а при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ старшему доктору четыре деньщика для большаго при томъ госпиталѣ труда, изъ госпитальныхъ работныхъ людей, а младшему противъ другихъ два.

Г Л А В А Т Р Е Т І Я.

О должности главнаго лѣкаря при госпиталѣ.

1. При каждомъ госпиталѣ надлежитъ искуснаго главнаго лѣкаря имѣть, которому надлежитъ въ дѣлѣ своемъ прилѣжному, терпѣливому и въ наукѣ хирургической и анатомической весьма основательному человѣку быть, и чтобъ уже многіе годы до того при полкахъ достоохранно служилъ, которой подъ дирекцію доктора такожъ и управленіе въ госпиталѣ имѣть и въ небытности его все то, что до доктора надлежитъ, исправлять.

2. Долженъ конечно въ госпиталѣ жить и въ другія дѣла сверхъ того не вступать; чего ради ему такожъ выгодное жалованье и надлежащихъ денщиковъ противъ штабъ-лѣкаря имѣть довлѣтъ.

По докторскому разпределенію главной лѣкарь долженъ въ началѣ раскладывать больныхъ по мѣстамъ каждой болѣзни, особливо по номерамъ для лучшей удобности въ лѣченіи; равнымъ же образомъ и раненыхъ раздѣлять, а лѣкарямъ или подлѣкарямъ держать каждому книгу, въ которыхъ записывать имъ больныхъ опредѣленныхъ имъ номеровъ, которыхъ болѣзней и какіе медикаменты отъ доктора тѣмъ больнымъ опредѣлены, которыя докторъ пересматривать имѣеть, а главному лѣкарю оныя закрѣплять для сношенія съ аптекарскими книгами по вся субботы.

4. Долженъ особливо на внѣшніе припадки болѣзныхъ помоществованіемъ доктора смотрѣть и въ томъ съ докторомъ, коль часто нужда востребуетъ, совѣтовать и оныхъ дважды, а по состоянію нужды чаще въ день и ночью съ лѣкарями и учениками пересмотрѣть и перевязывать; учениковъ же притомъ

явственно обучать; также и за пищу, которая больнымъ дается, смотрѣть, такъ ли ихъ комисаръ кормитъ, какъ регламентъ повелѣваетъ.

5. Если важную операцію (дѣйство) воспринять надлежитъ, то о томъ напередъ доктору объявить.

6. Если важныя операціи, также и анатоміи главному лѣварю по призыву докторскому иногда чинитъ самому, и подчиненнымъ обстоятельно показывать, что при томъ примѣчать надлежитъ.

7. Если искуснаго лѣваря или подлѣваря нѣтъ, то можетъ оному такую операцію чинить приказать, дабы въ томъ утвердиться могъ, точіюбъ подъ его смотрѣніемъ оное исправлено было: также не позволять, чтобъ подлѣваря, но и меньше же ученики безъ присутствія лѣварскаго кровь пущали.

8. При всѣхъ болѣзняхъ и припадкахъ, которые въ лѣварскому дѣлу касаются, долженъ подчиненнымъ своимъ дѣйства лѣкарствамъ къ болѣзни толковать и имъ показывать, какъ больныхъ съ искусствомъ перевязывать и лѣчить надлежитъ.

9. Надлежащихъ медикаментовъ требовать ему отъ госпитальнаго аптекаря: что же кромѣ того къ пользованію больнымъ, а именно: молока, яицъ, уксусу ренскаго, вина, полотна и прочаго потребуетъ, оное принимать отъ комисара по билетамъ, и въ томъ что принято, по прошествіи мѣсяца, расписаться.

10. Долженъ, когда докторъ въ госпиталь пріѣдетъ, въ колоколь вѣлѣть звонить, чтобъ всѣ собиралися по своимъ мѣстамъ, и когда докторъ больнымъ посѣщать будетъ, съ нимъ обще ходить и смотрѣть, дабы опредѣленные медикаменты по тому порядочно даваны и содержаніе больнымъ доброе наблюдено было.

11. Въ небытности доктора главной лѣваръ имѣть отправлять докторскую должность; а въ опасныхъ и нужныхъ случаяхъ требовать докторскаго совѣту.

12. Надъ пищу и питіемъ больнымъ, также о ихъ надзираніи, чистотѣ покоевъ и прочаго, ему также смотрѣніе имѣть; и ежели какое непотребство усмотритъ, то о томъ ему доносить доктору, а доктору стараніе возымѣть, гдѣ надлежитъ, чтобъ прекращено было.

13. Долженъ надъ лѣварями, подлѣварями и учениками осторожное смотрѣніе имѣть, дабы неточію у больнымъ должность свою исправляли, но и тихо и воздержно содержалися. Елиужъ всѣ репорты подписывать.

14. Долженъ лѣкарямъ, подлѣкарямъ и ученикамъ дневаніе учреждать, чтобъ и денно и ночно ни единую минуту больные безъ призрѣнія пребывали, и чтобъ не токмо отъ своего дневанья не отлучалися, дондеже снѣняются, также и въ божескую церковь своихъ подкомандныхъ отпускать столько, чтобъ при больнымъ оставалося довольное число; а съ тѣми подлѣкарями и учениками, которыхъ они отпускаютъ въ божію церковь, командовать одного лѣваря, которой бы за оными молодыми людьми смотрѣлъ, чтобъ брѣжѣ

церкви въ посторонія худыя мѣста не ходили, и трезвыхъ въ цѣлости приводить въ госпиталь.

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я.

О должности госпитальныхъ лѣкарей.

1. Лѣкарямъ быть богобоязливымъ, смиреннымъ и воздержно жить, съ больными ласково и усердно обходиться, и по докторскому и главнаго лѣкаря повелѣнїямъ чинить непремѣнно.

2. По утру и ввечеру должны всѣ притомъ быть, когда докторъ и главнаго лѣкаря посѣщаютъ больныхъ, и порученныхъ имъ больныхъ исправно лѣчить, а въ сумнительныхъ припадкахъ требовать того часа отъ главнаго лѣкаря совѣта, и въ тѣхъ палатахъ, въ которыхъ имъ больные опредѣлены, держать книгу и записывать всѣ отъ доктора учрежденныя лѣкарства безъ помѣшательства, какъ внутреннїя, такъ и наружныя.

3. Каждому лѣкарю дать число подлѣкарей и учениковъ, такожь имѣть подъ своимъ смотрѣнїемъ вѣстимое число больныхъ по показанїю доктора и главнаго лѣкаря, о которыхъ держать по силѣ прешедшаго пункта обстоятельную книгу.

4. Должны смотрѣть, дабы въ покояхъ у больныхъ тихо и порядочно содержалось, и дабы подлѣкари и ученики всегда были въ готовности, и надзиратели больныхъ, какъ имъ отъ главнаго лѣкаря повелѣно будетъ, должность свою при больныхъ исправлять и какъ въ томъ чего непорядочно усмотрятъ, то оное того часа объявить главному лѣкарю, дабы преступники по надлежашему штрафованы были.

б) Каждому лѣкарю имѣть квартиру въ госпиталѣ и давать женатымъ два покоя, а холостымъ одинъ покой: притомъ надлежитъ быть одному очагу, гдѣ имъ пищу свою готовить и другую нужду исправлять, а къ топленїю ихъ покоевъ давать имъ надлежащїя дрова и приносить огня госпитальнымъ служителямъ, которые кромѣ того покоевъ ихъ топить и надъ огнемъ смотрѣть повинны; такожь женатымъ погреба, гдѣбъ имъ питье свое, и чуланъ, гдѣбъ пищу ставить, да изъ госпитальныхъ работниковъ одного деньщика каждому.

Г Л А В А П Я Т А Я.

О подлѣкаряхъ.

1. Подлѣкари такожь должны честное, учтивое и воздержное житїе имѣть, и себя, какъ выше лѣкарямъ повелѣно, содержать.

2. Должны при посѣщеніи и перевязкѣ и лѣченіи больныхъ всё присутствовать и порученныя имъ больныхъ исправно перевязывать и надзирать, а въ сумнительныхъ случаяхъ больныхъ о томъ доносить лѣкарямъ.

3. По распредѣленію главнаго лѣкаря имѣть имъ дневанья въ больницѣ, и купно съ учениками и надзирателями порядочныя сѣѣны въ больницѣ имѣть.

4. Дневальнымъ подлѣкарямъ принимать медикаменты изъ аптеки чрезъ учениковъ своихъ, и оныя больнымъ по опредѣленію докторскому давать.

5. Дневальнымъ подлѣкарямъ имѣть смотрѣніе надъ учениками, а особливо надъ дневальными, такожь и надъ надзирателями или служивиками, всё ли указаннымъ числомъ при больныхъ находятся и всё ли они свою должность исправляютъ; а въ учинившемся ослушаніи ихъ доносить имъ о томъ лѣкарямъ своимъ и главному лѣкарю, дабы по надлежащему наказаны были.

6. Дневальнымъ же подлѣкарямъ и ученикамъ быть во время обѣда больныхъ въ столовой, чтобъ могли видѣть, пища имъ дается регулярно ли и по столу ли, какъ опредѣлено, и пищу растаскать постороннимъ не давали; и ежели что усмотрятъ непотребно, доносить главному лѣкарю.

7. Къ лучшему исправленію должности ихъ имѣть имъ въ госпиталѣ добрую квартиру, а именно по два человѣка въ одномъ покоѣ, при которомъ быть по одному малому очагу, дабы на ономъ пищу свою готовить могли, къ чему такожь и къ топленію ихъ покоевъ приносить дрова надзирателямъ, которые сверхъ того и покои ихъ топить и вычищать и надъ огнемъ смотрѣть повинны, которые и въ малую нуждѣйшую посылку посланы быть могутъ, дабы подлѣкари не имѣли повода, чрезъ исправленіе нуждъ своихъ, самимъ долго изъ госпиталя отлучаться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О лѣкарскихъ ученикахъ.

1. Ученикамъ содержать себя богозливыми и тихо и воздержно, и того, что отъ представленныхъ имъ повелѣно будетъ, съ послушаніемъ исправлять, и между собою ссоры никакой не производить.

2. Имъ за больными ходить со всякимъ усердіемъ и терпѣливостію; дневанье свое весьма исправлять и къ наукѣ такъ склоняться, дабы случай, которой по Ея Императорскаго Величества высочайшей милости имѣютъ доброму научиться, не упущать; ибо и чрезъ того не тоію Ея Императорскаго Величества службы впредь ими исправлены да будутъ, но и они собственное свое благополучіе впредь получать.

3. Ученики могутъ четверо въ одномъ покоѣ жить, а представленному надъ ними подлѣкарю по вся вечера осматривать, дома ли находятся.

4. Чтоже изъ лѣтамъ и прочимъ свойствамъ, которыми въ хирургической наукѣ способны быть имѣютъ, подлежатъ въ томъ изъ противъ спеціальной инструкціи медицинской канцелеріи поступать.

Г Л А В А С Е Д Ъ М А Я.

О должности аптекаря у госпиталя.

1. Аптекарю надлежитъ прилѣжному, трезвому, въ наукѣ искусному и осторожному человѣку быть: понеже при отправленіи медикаментовъ и малое несмотрѣніе великой ущербу учинить можетъ.

2. Долженъ аптеку содержать въ добромъ порядкѣ по регламенту, учиненному отъ архіатера, и лѣкарства держать во охраненіи, и чтобъ оныя были свѣжи и силы своей не потеряли, и приготавливать благовременно, чтобъ было довольно оныхъ.

3. Медикаменты по рецептамъ докторскимъ и главнаго лѣкаря отправлять безъ замедленія, и ничего сверхъ написаннаго въ рецептъ не прилѣплять, а по лѣкарскимъ рецептамъ безъ подписки доктора или главнаго лѣкаря, окромѣ крайней нужды, не отпускать, и что онымъ въ пужныхъ случаяхъ отпустилъ, на другой день доктору объявить.

4. Медикаменты принимать въ госпитальную аптеку изъ главной аптеки съ подпискою доктора помѣсячно, или какъ нужда востребуеть, и добрые, а худые медикаменты отнюдь не принимать.

5. Приемъ и расходъ медикаментовъ записывать въ данныя ему изъ медицинской канцелеріи книги, которыя докторъ понедѣльно свидѣтельствовать имѣеть и закрѣплять своею рукою.

6. Долженъ въ имѣющемся при оной аптекѣ лабораторіумѣ изготовлять всякіе медикаменты, которые по состоянію или повелѣніемъ доктора изготовлять и составлять можно; и давать въ томъ подлѣкарямъ и ученикамъ госпитальнымъ по распределенію времени отъ доктора обученіе, и за тѣмъ имѣть изъ лѣкарскихъ учениковъ при аптекѣ, сколько пристойно, и онымъ перемѣняться по третямъ или помѣсячно, какъ докторъ разсудитъ: такожъ во оной лабораторіи вино двоятъ и настаивать травами опредѣленными, которое ему дается; и кубы и котлы покупаются отъ госпитальной суммы; сверхъ же того смотрѣть ему въ госпиталѣ и на тѣхъ, которые больнымъ decoхты варятъ, чтобъ оныя по надлежащему варены и чисто содержаны были: такожъ всякую аптекарскую посуду содержать ему въ чистотѣ въ добромъ охраненіи, чтобъ напрасно ничего утрачено не было.

7. Долженъ смотрѣть въ госпитальномъ огородѣ и за огородникомъ, чтобъ сверхъ поваренныхъ овощей и нужнѣйшія аптекарскія планты во ономъ наблюдая, которыя требуютъ отъ него по билетамъ, и въ томъ, что принято будетъ, у него помѣсячно росписаться.

8. Долженъ госпитальную аптеку наблюдать и всякими полезными травами, а паче тѣхъ, которыя ему отъ доктора приказаны будутъ, и при томъ водить карей и учениковъ въ знаніи травъ по всякой возможности обучать и заставлять имъ себѣ травныя книги дѣлать, а въ собиранію травъ давать ему потребное число работниковъ и щербота изъ госпиталя.

9. Долженъ, когда изъ госпиталя имѣеть отлучиться для незапной нужды, ключи отъ аптеки отдавать главному лѣкарю.

10. Имѣть при госпитальной аптекѣ для настоящихъ работъ и надзира- нія одного сторожа, да одногожь работника отъ госпиталя.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О должности комисаровъ надъ госпиталями.

1. Комисару госпитальному надлежитъ доброму, постоянному, въ экономіи искусному и безкорыстному человѣку быть, которой бы въ другихъ службахъ уже много время былъ; егосъ надлежитъ изъ госпиталя смѣнять погодно другихъ, развѣ когда случится весьма прилѣжной человѣкъ, то по докторскому аттестату его и на предбудущіе годы употреблять.

2. Долженъ все то, что докторъ отъ времени до времени больнымъ въ ѣвствѣ и питѣѣ, въ рухлядахъ, покоехъ и въ прочемъ переимѣнять или поправлять намѣренъ, оное немедленно исправить и докторскому доброму намѣренію, подѣ видомъ, яко бы чего и сберечь, никакъ не противиться, ибо въ томъ докторъ самъ отвѣтъ дать можетъ. Того ради надлежитъ ему при госпиталѣ жить и никогда безъ вѣдома докторскаго не отлучаться; а ежели въ комисаріатъ за какимъ дѣломъ позванъ будетъ, то вмѣсто себя приказать главному писарю и старшему трезвому сержанту, и по которое время докторъ въ госпиталѣ содержится и дѣло управляетъ, ему изъ конторы не отлучаться, дабы, что отъ него приказано будетъ, ему немедленно исполнять можно.

3. Больнымъ въ госпиталь принимать такожь, какъ описано въ 12 артикулѣ о госпиталяхъ, съ вѣдомостями отъ командировъ ихъ, именно: котораго числа оной посланъ, съ помѣтою отъ доктора или старшаго лѣкаря отъ госпиталя на той вѣдомости, что оныя принять; также смотрѣть того накрѣпко, чтобъ по оздоровленіи, когда придуть въ крѣпость, не держать въ госпиталѣ, но отсылать ихъ куда надлежитъ, по помѣтѣ же отъ доктора или главнаго лѣкаря, какъ выше писано о приѣмѣ: такожь по приѣмѣ и отпускѣ подавать имянныя вѣдомости о служителяхъ военныхъ генераль-бригсъ-комисару, или кто гдѣ вмѣсто его дѣло управляетъ будетъ, а о служителяхъ адмиралтейства и о мастеровыхъ въ Санктпетербургѣ въ контору адмиралтейскую, а въ мор- тахъ главному командиру надъ портомъ, для вѣденія о вычетѣ жалованья, а

о числѣ и о состояніи больныхъ подавать вѣдомости имъ по вся недѣли, а коллегію и архіатера репортовать о томъ помѣсячно; и чтобъ тѣ репорты были закрѣплены руками доктора и главнаго лѣкаря въ госпиталѣ, такожъ и его комисара и главнаго писаря госпитальнаго (по силѣ Адм. регл. стр. 140 пун. 1).

4. Долженъ имѣть попеченіе, чтобъ всегда была книга правдивая у писаря госпитальнаго больнымъ, которые туда будутъ приняты, въ которой книгѣ надлежитъ писать именно, отъ кого присланы, ихъ чины и обстоятельство ихъ болѣзни, и день ихъ приему и отпуску, кои случаются чрезъ изцѣленіе или смерти, чтобъ потому знать время, сколько они были на проторяхъ госпитальныхъ; также надлежитъ комисару крѣпко смотрѣть, чтобъ больные, когда въ госпиталь присланы будутъ, тотчасъ къ мѣсту и къ пищѣ въ госпиталѣ были опредѣлены, подъ штрафомъ вычета жалованья по разсмотрѣнію коллегіи, какъ за не скорое опредѣленіе въ госпиталѣ, такъ и за несмотрѣніе, ежели выздоравлиють, а не отправлены будутъ куда надлежитъ (изъ Адм. регл. стр. 140 пун. 2).

5. Больныхъ, которые уже по докторскому распредѣленію отъ главнаго лѣкаря по мѣстамъ разложены, никому въ другія мѣста не переводить и изъ госпиталя не высылать, и въ госпиталь безъ воли докторской никого не принимать; и ежели комисаръ за лѣкарями и прочими усмотритъ какую неприлѣжность къ больнымъ, или какое непотребство, то доктору донести.

6. Емужъ надлежитъ приказать съ подтвержденіемъ, и самому смотрѣть, чтобъ госпиталь выметали и вычищали со всякимъ прилѣжаніемъ, и чтобъ больные и ихъ постели были содержаны бѣло и чисто, пережѣвня ихъ постелл столь часто, какъ позоветъ нужда, и чтобъ жгли курительныя вещи всегда, дабы тѣмъ очищался воздухъ, а особливо охранять госпиталь доброю осторожностью отъ пожара; того ради велѣть по вся субботы трубы вычищать начисто и по вечерамъ старшему сержанту и караульному калралу наказывать, чтобъ до десятаго часа смотрѣли, ходя патрулемъ, за огонь, и послѣ девятаго часа никакого бы огня нигдѣ не было, окромѣ когда нужда позоветъ необходимая для больныхъ въ аптекѣ, и на одномъ очагу, и къ тому огню приставить солдатъ, пока погашень будетъ.

7. Долженъ онъ бывать часто въ госпиталѣ во время обѣда и смотрѣть накрѣпко, чтобы главной писарь никогда не отлучался: также бы видѣлъ, чтобъ пища была добрая и по стольку давано, какъ опредѣлено: также и поставленные къ больнымъ имѣлибъ попеченіе разносить ночью и днемъ, когда они ни будутъ требовать (изъ Адм. регл. стр. 140 пун. 4).

8. Долженъ возбранять, дабы не было въ привозѣ къ больнымъ вина горячаго, винъ виноградныхъ и всякихъ овощей земляныхъ и прочихъ вещей заповѣдныхъ отъ доктора, и чтобъ имъ не давали ничего ѣсть и пить безъ вѣдома главнаго лѣкаря, и чтобъ никто изъ нихъ не смѣлъ выходить вонъ,

которымъ докторъ заказалъ выходить; такожъ которымъ докторъ и позволилъ выходить для прогулки, то чтобъ не пущать далѣе опредѣленнаго мѣста для той прогулки отъ доктора или главнаго лѣкаря (изъ Адм. регл. стр. 141. пун. 5).

9. Онъ же повиненъ положить на писаря рубли и деньги больныхъ или раненныхъ, кои будутъ приняты въ госпиталь, и приказать беречь со тщаніемъ, чтобъ ихъ отдать пакн въ цѣлости, когда будутъ выходить, или послѣ ихъ смерти отдать въ руки ихъ наследникамъ или заимодавцамъ, при главномъ лѣкарѣ; а ежели не найдется наследниковъ, ни заимодавцовъ, то платье должно продать при главномъ же лѣкарѣ, и взятая за то деньги купно съ тѣми, кои найдутся въ карманахъ, да будутъ употреблены по указу отъ коллегіи въ госпиталь; а остаточныя рубли и деньги послѣ умершихъ собирать комисару при госпитальномъ священникѣ и главномъ лѣкарѣ, и наследникамъ отдавать при нихъ же; и того ради все, что останется, вѣрно записывать, и такія записки закрѣплять священнику, главному лѣкарю и комисару (по силѣ Адм. регл. стр. 141, пун. 6).

10. Ему же повинно имѣть надсмотръ надъ служащими людьми, кои будутъ выбраны и опредѣлены отъ коллегіи въ служеніе больнымъ и раненымъ, обрѣтающимся въ госпиталяхъ; которымъ долженъ онъ имѣть реестръ отъ писаря о приѣмѣ ихъ и объ отпускѣ, о жалованьѣ и о корму, конгъ состояніе онъ долженъ описать и закрѣпить въ концѣ всякой трети года, для выдачи имъ жалованья и корму, а о негодныхъ и пьяницахъ доктору объявить (по силѣ Адм. регл. стр. 141, пун. 3).

11. Повиненъ онъ давать подлинное извѣстіе по вся дни главному командиру и оберъ кригсъ-комисару о всемъ, что надлежитъ до его должности, и о переѣздахъ, кои случаются, о умершихъ въ госпиталяхъ, также и о исполненіи трактатовъ и указовъ Ея Императорскаго Величества, для управленія, благого содержанія и для расходовъ госпитальныхъ (по силѣ Адм. регл. стр. 142, пун. 9).

12. Деньги, опредѣленныя въ госпиталѣ, имѣть комисару, и оныя къ расходъ употреблять съ свидѣтельствомъ главнаго командира надъ портомъ и оберъ кригсъ-комисара въ портахъ, а въ Санктпетербургѣ съ свидѣтельствомъ генерала кригсъ-комисара, а въ Москвѣ съ свидѣтельствомъ коллегіи той, вѣдомства которой тотъ госпиталь состоитъ (по силѣ Адм. регл. стр. 142, пун. 10).

13. Подрядъ и покушку крупную чинить всякимъ вещамъ въ кригсъ-комисариатѣ по указамъ, въ портахъ при главномъ командирѣ и оберъ кригсъ-комисарѣ, а въ Санктпетербургѣ при генералѣ кригсъ-комисарѣ, а на мелочныя расходы держать по сту рублей, и когда будетъ въ расходѣ, тогда подать вѣдомость, въ портахъ главному командиру и оберъ кригсъ-комисару, а въ

Санктпетербургѣ генералу крѣгсъ-комисару (изъ Адм. регл. стр. 142, пун. 11).

14. Деньги и всякія вещи принимать и раздавать и въ книги записывать, и для счету погодно въ коллегію приходныя и расходныя книги подавать, какъ о томъ указы повелѣвають (изъ Адм. регл. стр. 142, пун. 12).

15. Долженъ всякой провіантъ для больныхъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи, и которой опредѣленъ изъ магазина, оной принимать изъ магазина помѣсячно, такожъ которой велѣно получать подрядомъ, оной подряжать, какъ выше помянуто, и оной провіантъ употреблять на больныхъ по положенной табели и по разсужденію докторскому (по силѣ Адм. регл. стр. 143, пун. 13).

Г Л А В А Д Е В Я Т А Я.

О должности главныхъ писарей, опредѣленныхъ при госпиталяхъ, которые выбираютъ изъ канцеляристовъ или добрыхъ подканцеляристовъ.

1. Главной писарь, учиненной въ госпиталяхъ, долженъ тамъ быть неотлучно и не принимать никакихъ больныхъ и раненыхъ безъ указа и поимѣты доктора, развѣ случится какая нужда причина и присланы будутъ въ небытность доктора и главнаго лѣкаря, то принимать по осмотру котораго ни есть лѣкаря, о которыхъ онъ немедленно долженъ увѣдомить комисара, сколь скоро ихъ приметъ и опредѣлить (по силѣ Адм. регл. стр. 143, пун. 1).

2. Долженъ вписывать со всякимъ осмотрѣніемъ въ книгу, прошитую и запечатанную и переимѣченную по листамъ въ коллегіи, имена больныхъ и раненыхъ, которые войдутъ въ госпиталь, объявляя откуда и отъ кого они присланы, ихъ чинъ, также скорбь или раны, отъ дѣя, въ которой будутъ приняты и до самаго отпуску, какъ бы ни случилось, чрезъ изцѣленіе или смерть (изъ Адм. регл. стр. 143, пун. 2).

3. Долженъ имѣть попеченіе, чтобъ раздавали постели по болѣзнямъ, какъ опредѣлено въ 32 артикулѣ о госпиталяхъ, и рубашки и портки, когда издерутся прежніе, учинить заблаговременно опись ихъ рухлядей и деньгамъ, что онъ повиненъ принять самъ, приказать вымыть ихъ бѣлье и вычистить кафтаны, пристегнувъ на всякомъ имя, чей онъ есть, и то все хранить для отдачи, когда о томъ приметъ указъ отъ комисара надъ госпиталемъ (изъ Адм. регл. пун. 3, стр. 144).

4. Долженъ приказывать вымывать и чистить по вся дни госпиталь прежде отправленія божественныя литургии, и прилѣжать весьма, чтобъ то было содѣрано въ великой чистотѣ, также чтобъ больные не были въ гнусности, которымъ онъ прикажетъ давать бѣлье и простыни столь часто, какъ опредѣлено въ 32 артикулѣ о госпиталяхъ (изъ Адм. регл. стр. 144, пун. 4).

5. Ему должно быть по вся дни при обѣдѣ больныхъ, чтобъ могъ видѣть, пища имъ дается регулярно ли и по толку ли, какъ опредѣлено; онъ же долженъ записывать въ книгу всякаго дня расходы на больныхъ, пища сколько порцій изойдетъ и репортовать комисара, которой долженъ ту его записку въ книгѣ закрѣпить своею рукою, дабы возможно было вѣдать, что изшло и что надлежитъ за оное заплатить: а ежели за бѣмъ какое непотребство усмотритъ, о томъ объявить ему немедленно главному лѣкару и комисару (по силѣ Адм. регл. стр. 144, пун. 6).

6. Долженствуетъ такжеже держать подлинную книгу людямъ служащимъ, кои будутъ употребляемы въ госпиталѣ, и въ той книгѣ записывать число, какъ они приняты, и число, когда отпущены будутъ, и жалованья, что имъ будетъ дано; чему онъ повиненъ подать въ каждой трети года вѣдомость за своею рукою комисару, для платежа жалованья и корму служащимъ людямъ (изъ Адм. регл. стр. 145, пун. 7).

7. Повиненъ возбранять, дабы не приносили къ больнымъ иныхъ ѣвствъ и питей, кромѣ тѣхъ, кои имъ будутъ опредѣлены по разсужденію доктора (изъ Адм. регл. стр. 145, пун. 8).

8. Емуужъ надлежитъ имѣть опись подлинную уборкамъ, бѣлью и инструментамъ экономическимъ госпиталя, и смотрѣть, чтобъ было содержано чисто отъ того, на кого то положено будетъ, и чтобъ не было непотребно издержано (изъ Адм. регл. стр. 145, пун. 9).

9. Полотна, ветоши для бандажей, компресовъ и корпій, такжежъ вино доброе и уксусъ на приварки и на другія потребности, долженъ принимать у комисара понедѣльно съ роспискою, и оное раздавать по каморамъ лѣкарамъ и подлѣкарямъ, гдѣ кто опредѣленъ будетъ, во всякое время, когда они требовать будутъ съ росписками, и притомъ смотрѣть, чтобъ на однихъ больнымъ, а не бездѣльно истрачено не было, и которое еще можно употребить, оное велѣть мыть и держать въ чистотѣ (изъ Адм. регл. стр. 145, пун. 10).

10. Всѣ изношенныя рубахи, простыни и прочее всякое бѣлье, которое уже ни въ какое употребленіе въ госпиталѣ не годится, оное съ позволенія комисара госпитальнаго отдавать въ Санктпетербургѣ въ контору адмиралтейскую, а въ портахъ капитану надъ портомъ (изъ Адм. регл. стр. 145, пун. 11).

11. Долженъ закрѣплять всѣ репорты о больныхъ, для отдачи въ Санктпетербургъ въ коллегію генералу кригсъ-комисару, въ контору адмиралтейскую и архіатеру, а въ портахъ главному командиру надъ портомъ и оберъ кригсъ-комисару, которые будетъ чинить комисаръ отъ госпиталя по 3 артикулу его должности (изъ Адм. регл. стр. 146, пун. 12).

12. Смотрѣть ему накрѣпо за огнежъ, и трубы въ каждую субботу вычищаются ли, и въ небытности комисара исправлять всякую его должность.

Г Л А В А Д Е С Я Т А Я.

О инвалидахъ или дряхлыхъ и неспособныхъ къ службѣ.

Понеже Ея Императорское Величество всемилостивѣйше желаетъ, дабы тѣ, которые въ службѣ были и за старостію или приключившейся неизлѣчимой болѣзнію, не въ состояніе пришли работу снестъ или какую должность отъ правлять, а именно: слѣпые, глухіе, нѣмые и хромые руками и ногами, хотя тѣмъ людямъ и медикаментовъ болѣе не потребно; но однакожь за тѣмъ, что пропитанія своего не имѣютъ, не безъ призрѣніябъ были; того ради повелѣваетъ Ея Императорское Величество таковыхъ людей по смерти ихъ больными признавать, и чтобъ по высочайшей Ея Императорскаго Величества милости отъ работы были уволены и въ госпиталь приняты, дабы они могли по томужь того пользоваться; чего ради комисару токмо о ихъ нищѣ и прочаго содержанія слѣдующимъ образомъ стараться надлежитъ.

Умѣстить ихъ въ одинъ покой и дать постели и платья, въ которыхъ какъ въ болѣзняхъ, такъ и ordinarily ходить могутъ; такожъ давать имъ шубы и кормить простою пищею, на примѣръ: съ теплою кашею, соленымъ и копченымъ мясомъ, ветчиною, горохомъ и бобами, которые имъ поваръ изготавлять долженъ.

Столы свои могутъ они сами настилатъ, такожъ и пищу свою приносить, не вредно же хотя пиво для питья имъ и покрѣпче давано быть имѣеть; но дабы оные люди не всегдашніе тунеядцы были, то могутъ тѣ, которые хотя слѣпые, однакожь еще слышать могутъ, или у которыхъ члена котораго лишается, а руками еще владѣть можетъ, къ сносной какой работѣ опредѣлить, на примѣръ: могутъ въ колоколъ знакъ давать, госпитальные покои выметать, убирать и чистить, въ поварнѣ и въ огородѣ помогать, парашен выносить и прочее.

Которые же за дряхлостію ходить не могутъ, такожъ слѣпые, глухіе и хромые руками и ногами, тѣ отъ всѣхъ работъ выключаются и пропитаніе ихъ по смерти ихъ въ покоѣ имѣть.

А ежели занемогутъ, то класть ихъ къ прочимъ больнымъ, гдѣ пристойно и какъ другихъ больныхъ лѣчить и призирать.

Г Л А В А П Е Р В А Я Н А Д Е С Я Т Ь.

О хирургической школѣ.

Понеже въ началѣ показано, что госпитали не едино къ пользованію больныхъ служатъ, но чтобъ при лѣченіи ихъ болѣзней и ранъ учрежденія могли

учинены быть, дабы чрезъ доброе наставленіе искуснаго медика и лѣкаря молодыхъ людей производить, которыебъ послѣ смерти старыхъ ихъ мѣсто управить и имперіи при арміяхъ на морѣ и сухоуѣ пути полезныя службы чинили, дабы принужденіе не было въ случающихся ваканціяхъ къ великому ущербу больныхъ военныхъ людей долго безъ опредѣленія оставлять и изъ другихъ земель между тѣмъ великими коштами выписывать; а къ произвожденію молодыхъ лѣварей надлежатъ слѣдующія учрежденія: 1) дабы по множеству больныхъ и число учениковъ содержать, которые въ хирургіи и анатоміи удобопонятіе имѣютъ; 2) по множеству числа учениковъ искусные учителя въ хирургіи и анатоміи содержаны были; 3) дабы у нихъ въ мертвыхъ тѣлесахъ недостатка не было для толкованія анатоміи, 4) дабы къ лучшему наученію анатоміи ученикамъ показано было части человѣческихъ тѣлесъ срисовать для лучшаго утвержденія мудраго составленія оныхъ.

Что же до перваго пункта подлежить, то надлежитъ всегда смотрѣть, ежели въ которомъ госпиталѣ много число больныхъ находится, чтобъ по тому числу и учениковъ довольно содержано было, которые бы при тѣхъ больныхъ въ науку своей могли утвердиться, какъ о томъ архіатеръ коллегіи представлять будетъ; ибо потребно, дабы ученики къ тунеядству случая не находили, но всегда съ больными, и какъ оныя наилучше пользованы быть могутъ, дѣло имѣли, удобопонятіе же учениковъ состоитъ томъ, чтобъ охоту имѣли къ анатоміи и хирургіи, и натуральной гнусности при обиходеніи съ ранами и хирургическихъ операціяхъ у себя не признавали, ещежь чтобъ и въ латинскоуѣ языкѣ обучены были и хирургическаго или медицинскаго автора разумѣть знали. Между учениками не только тѣ разумѣваются, которые съ самаго начала въ хирургіи обучены и прямо учениками называны бывають, такоужъ чинъ тотъ и окладъ потому имѣать; но и подлѣвари, которымъ еще обученіе во анатоміи и хирургіи потребно.

Что же до другаго пункта подлежить, то надлежитъ на двадцать или на двадцать на пять учениковъ одного учителя, которому анатомію по всѣмъ частямъ оной наипявственнѣе и точно ученикамъ показывать, къ тому повседневно, а именно: зякою въ пристойнѣйшемъ къ тому времени нѣсколько часовъ употреблять; ученикамъ же самимъ во анатоміи надъ тѣлесами утверждаться дать, и имъ какъ скелетовъ изготовлять, такъ и другихъ препаратовъ анатомическихкихъ запасать и показывать; но ежели число учениковъ гораздо больше вышеописаннаго числа быть имѣеть, то и надзираніе и обученіе не отъ равнаго добраго дѣйства имѣться будетъ, и послѣдственно препятно добрыхъ лѣварей производить, и хотя операціи хирургическія начальственнѣе въ нужныхъ случаяхъ у больныхъ научиться надлежитъ, и лѣвари госпитальные онымъ ученикамъ показывать имѣютъ, то однакожь и учитель повиненъ всѣ тѣ хирургическія операціи въ порядочноуѣ обученіи ученикамъ показывать, и таково слѣдствія операціямъ съ показаніемъ къ бандажамъ

дважды годомъ окончатъ: емужь имъ и употребленіе хирургическихъ инструментовъ показывать, къ чему на двадцать на пять учениковъ одного ящика съ инструментами содержать надлежитъ; емужь имъ показывать, какъ оныя инструменты въ чистотѣ содержать, дабы впредь сіе при полкахъ къ пользѣ употребить могли, а воспослѣдствіи сизъ учреждений имѣть экзамень публичумъ изъявлять, которому экзамень держится по третимъ года, съ позволяемымъ посѣщеніемъ присутствующихъ въ томъ градѣ докторовъ и хирурговъ.

Нужда третьяго пункта явствуетъ изъ преждепоказанныхъ учреждений ясно; того ради надлежитъ, дабы изъ полиціи и юстиціи и откуда казнь чинится, сколь часто быть можетъ, казенныхъ людей или другихъ найденныхъ мертвыхъ и брошенныхъ и подметанныхъ тѣлесъ въ госпитали присылаю было безъ замедленія не вонючія: нужно же есть такожде, дабы умершіе въ госпиталяхъ, ежели докторъ госпиталя изобрѣтетъ послѣ смерти оныхъ раскрыты и нѣкоторыя обстоятельства ихъ болѣзни точнѣе изысканы были, дабы юношество скрытыхъ причинъ знать научилось, и потому въ предбудущихъ случаяхъ смотрѣніе имѣло, которое чинить по прежнимъ указамъ адмиралтейскаго регламента главы 50, и ниже отъ духовныхъ и другихъ чиновъ препятствовать надлежитъ; точію же таковыхъ въ госпиталѣ умершихъ людей никогда къ цѣлой анатоміи брать, но послѣ учинившагося подлежащаго изслѣдованія погребать.

Послѣдній пунктъ весьма знаменито къ обученію анатоміи происходитъ; понеже чрезъ то ученики много понятнѣе будутъ и составленіе тѣхъ частей наилучше себѣ утверждать, на двадцать пять учениковъ одного учителя къ рисованію опредѣлить надлежитъ, ибо большее число учениковъ все то дѣло токмо продолжать будетъ.

Г Л А В А В Т О Р А Я Н А Д Е С Я Т Ь

О строеніи госпиталя.

1. Ежели госпиталь построить, то начальственнѣе на то смотрѣть надлежитъ, чтобъ опой на здоровомъ и отчасти высокомъ положеніи мѣста при рѣкѣ и на плодородной землѣ построенъ былъ: дабы больные къ пользованію своему свободной, а не болотной воздухъ получали, и чтобъ около госпиталя наилучше чистота могла содержаться, и огородъ къ пищѣ больнымъ и проглаженію заведенъ быть могъ.

2. Покои больнымъ сочинить такъ пространно, чтобъ въ нихъ двадцать или тридцать больныхъ лежать могли; послѣдственно же столько покоевъ во ономъ построить, сколько больныхъ во оныхъ содержать намѣреніе имѣется. Для топленія ихъ надлежитъ имъ пропорціональную величину имѣть и надлежащую вышину свою дать, дабы отходящія отъ больныхъ пары вверхъ поды-

жаться могли и по состоянію времени чрезъ одну или другую отпертую окончины выпущены быть, а по срединѣ палаты дымовую жестаную трубу, которая въ одно окошко вонцемъ выходитъ, содержать, чрезъ которую трубу не тоюо противной духъ по малу изходитъ, но и отъ лампы; которую подъ тою трубою держать, сирадъ выходитъ будетъ.

3. Надлежитъ столовую палату имѣть, въ которой бы больные, которые ходить могутъ, ѣсть могли, а которые и съ постели вставать не могутъ, тѣмъ ставить одинъ малой столъ съ пищею у постели.

4. Больнымъ ходить подъ накрытыми переходами въ нужники, чтобъ зими въ вреженемъ не простудился, а нужникамъ у госпиталя такъ сдѣланнымъ быть надлежитъ, чтобъ всегда очищались и воздухъ не оскверняли; а тѣмъ больнымъ, которые съ постели вставать не могутъ, надлежитъ парашен держать или отъ надзирателей приносить стиббежоновъ оловянныхъ, и подъ нихъ подкладывать, и всегда въ чистотѣ содержать.

5. При госпитальномъ строеніи госпитальную контору, аптеку и анатомической театръ кучно такъ устроить, чтобъ изъ одной въ другую хоромину близко ходить можно, и чтобъ у наружнаго входа стоящій караульной солдатъ могъ увидѣть, ежели кто что изъ котораго мѣста понесетъ, выйдетъ или войдетъ.

6. Двумъ покоямъ надлежитъ для аптеки обрѣтаться, изъ которыхъ одному покою быть къ настоящей, а въ другомъ учредить малой лабораторіумъ, при томъ же и аптекарю для житія два покоя и мѣсто, гдѣ харчъ свой класть, имѣть.

7. Инвалидамъ имѣть особой покой, гдѣ имъ содержаться.

8. Саливантамъ потребно шесть покоевъ, въ томъ числѣ четыре для саливаціи, а два дыхательные послѣ саливаціи, точію оное разумѣется въ большомъ госпиталѣ, а въ маломъ въ половинѣ или по разсмотрѣнію больныхъ, которымъ не весьма великимъ быть надлежитъ, дабы подлежащая теплота болѣе содержана быть могла и одного этажа вверху, а по срединѣ въ каждой круглая дыра съ закрышкою для выпуску худаго духу.

9. Учителю анатоміи надлежитъ имѣть пристойной театр анатоміумъ, въ которомъ прочее ученіе чинить, дабы всѣ присутствующіе демонстраціи его явственно видѣть могли, притомъ же пристойной покой съ добрымъ камелемъ, въ которомъ бы въ великую стужу нѣкоторыя демонстраціи чинить, тажежде и препараты анатомическіе дѣлать, и затѣмъ къ избереженію оныхъ, тажеждъ къ скелетамъ нѣсколько шкаповъ во ономъ содержать надлежитъ, особлливо же по показанію доктора госпитальнаго

10. О жильяхъ доктора, главнаго лѣкаря, лѣкарей, подлѣкарей и учениковъ выше въ должностяхъ ихъ объявлено, а оператору близко анатомическаго театра построить два покоя съ очагомъ и съ члланами для его нуждъ, тажеждъ и учителю языка латинскаго и рисовальному по одному покою.

При заключеніи же сего должны состоять члены коллежскіе, чтобъ одинъ изъ оныхъ въ каждую недѣлю, а президентамъ коллежскимъ въ мѣсяцъ по одному разу госпитали посѣщать: такожъ генералу критсъ-комисару надъ госпитальною экономіею смотрѣніе имѣть, и за тѣмъ окромѣ упомянутыхъ въ семъ регламентѣ докторовъ, другихъ директоровъ или инспекторовъ къ госпиталямъ опредѣлять надлежитъ.

Подлинной регламентъ подписанъ собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Опробуется.

Декабря 24-го дня 1735 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ П.

Два письма доктора Н. Бидлоо къ Петру Великому.

1.

Всемилоствѣйшій Государь, Вашему Царскому Величеству благоугодно явилось въ 1706 году всемилоствѣйше повелѣть госпиталь при Яузѣ построить, которой Божіимъ благословеніемъ попеченіемъ же его превосходительства графа Мусина Пушкина ноября въ 21 д. 1707 году въ такое состояніе приведенъ, что со онымъ въ Божіе имя пачало учинено, и впервые нѣсколько больныхъ въ тотъ домъ приведено.

Въ семъ госпиталѣ благоволилъ Ваше Величество, чтобъ я сего народа нѣсколько младыхъ людей, которыя галанскаго и латинскаго языка искусны были, хирургіи по основанію анатомическому научилъ и больныхъ посланныхъ ко мнѣ, и иныхъ бѣдныхъ увѣчныхъ исцѣлялъ, и на послѣдъ всякихъ людей, которыя ко мнѣ присланы были посѣщаль.

И сіе все, Всемилоствѣйшій государь, есть съ толикимъ посѣшествомъ чрезъ мое раченіе къ хитрости и съ прилѣжаніемъ исполняемо было, что болѣе тысячи больныхъ у меня всякими застарѣлыми язвами и болѣзнями, и весьма неслыханными случаями щастливо оздоровѣли, и всей землѣ неслыханныя дѣйства учинилъ я. Къ посѣшествованію сего случая, къ пользѣ сихъ больныхъ и къ наученію сихъ студентовъ многажды не отрекся моими собственными руками увѣчнымъ вытѣмъ ядеръ и костей вспоможествовать.

Еще жъ болѣе нежели одинаго человѣка работу съ студентами елико мнѣ въ сіе краткое время возможно было на себя перенять, то есть оныхъ во анатоміи, хирургіи, и въ искусствѣ травъ научати и въ семъ мнѣ я что они во время отъ четвертаго до пяти лѣтъ толико во анатоміи и хирургіи обмыли, что я лучшихъ изъ сихъ студентовъ Вашего Царскаго Величества освященной особѣ, или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь. Ибо они не токмо имѣютъ знаніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и

къ чину хирурга надлежитъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣз-
няхъ, отъ главы даже до ногъ, съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ
како ихъ лѣчить, такожде они приключаются язвы завязывать, и ко
онимъ завязываніе сочинять, гдѣ повседневно отъ ста до двухъ сотъ больныхъ
суть, зѣло поспѣшно научилися, и хотя мои труды ко всѣмъ симъ студентамъ
равны были, однакожь они не всѣ равное понятіе имѣли оное научитися и отъ
того пользу имѣти.

Сего ради я, по Вашего Величества высокому указу, роспись учинити го-
товъ емь оныхъ, которыя большее или меньшее искусства суть. Сей вашъ
указъ, Всемилостивѣйшій Государь, привелъ я къ доброму концу, къ Вашего
Величества славъ и къ пользѣ бѣднымъ и увѣчнымъ, и сіи Вашего Царскаго
Величества высокой славы достойный указъ таковой госпиталь учредить, не
только во всей Россіи, но и во весь свѣтъ, къ вашей славъ извѣстенъ, и въ
разныхъ книгахъ о томъ учинися упомянаніе.

И сице сей госпиталь построенъ и въ доброй порядокъ приведенъ, и боль-
ныя суть, коихъ въ вашему удовольствію призрѣніемъ вспоможены, Вашего Ве-
личества указы исправно исполнены, и студенты — искусства учинены.

Еще жъ Вашего Царскаго Величества высокія указы, которыя изъ сенату,
или отъ вуды отъ инуды, или о пинныхъ дѣлахъ ко мнѣ приходили, исправно ис-
правляя и во всежъ благополучіи Вашего Величества народу, елико мой чинъ
того требовать могъ, всякое попеченіе имѣлъ.

Ваше Величество всеподаннѣйше прошу, чтобы благоволили вѣданіе мнѣ
дать, привязать бы о сихъ еще студентахъ впредь и о всежъ госпиталѣ
совзволите повелѣть. Я уповаю, что сіи мои труды и тицаніе Вашему Величе-
ству будетъ угодно, и симъ я обнадеживаю что я емь,

Всемилостивѣйшій Государь, вашего освященнаго Царскаго Величества
всеподаннѣйшій
вѣрнѣйшій рабъ
N. Bidloo. M. D.

Взялъ я въ разныхъ годѣхъ и числѣхъ 50 человекъ до науки хирургической,
которыя:

33 осталось.

6 умерли.

8 сбѣжали.

2 по указу взяты въ школу.

1 за невоздержаніе отданъ въ солдаты.

50 человекъ.

Въ прешедшія четыре года отъ 1708 по 1712 годъ принято было болящихъ
1996 человекъ, изъ которыхъ нѣсколько отущено здоровыми и коихъ лѣчить
невозможно, 1026 человекъ отъ застарѣлыхъ и тяжкихъ болѣзней вылѣчено.
А осталось въ госпиталѣ нынѣ 142 человека.

1712 году февраля въ 27 день.

N. Bidloo. M. D.

2.

Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій,

Шестнадцать лѣтъ уже прошло, какъ я нижеименованный къ службѣ Вашего Величества взятъ, а жалованья мнѣ на годъ общано давать по тысячѣ ефимковъ.

И чрезъ сіе время всегда со всякимъ радѣніемъ и вѣрностію въ моемъ дѣлѣ все что мнѣ приказано было сдѣлать, такъ во управленіи гошпитали и въ лѣченіи болящихъ, какъ и во ученіи хирургическомъ учениковъ. А сверхъ тоей моей работы всегда тщаніе къ царской вашей фамиліи благороднымъ царевнамъ прилѣжно имѣлъ, за которой токмо одинъ трудъ прочіи мои товарищи Вашего Величества милость и жалованье берутъ.

Еще же къ сему, больши пяти сотъ указомъ въ году, которые изъ разныхъ канцелярій присланы были, послушенъ былъ. За которой мой трудъ предъ другими больше на мнѣ положено, никогда, ниже чрезъ толкое время заумаленіе и накладъ чрезъ вексиль въ деньгахъ Твоего Государева жалованья прибавки мнѣ ничего небыло; и понеже неблагополучіемъ моимъ чрезъ пожарное разореніе всѣ мои пожитки до послѣдней рубашки и въ погребахъ въ конецъ погорѣли, отъ котораго пожару великій убытокъ и крайнее разореніе имѣю, и едва съ фамилією моею симъ жалованьемъ прожить, ниже долги, которые на мнѣ есть, заплатить могу.

Того ради принужденъ всепокорное мое сіе прошеніе къ стопамъ ногъ Вашего Величества поднести и всемирно просить, дабы Державство Ваше нуздѣ моей въ толикихъ дѣлахъ чрезъ толкое время и въ такомъ великомъ убыткѣ по царской своей милости прибавкою жалованья или какъ благоизволили въ С.-Петербурхѣ превосходительному господину князь Петру Ивановичу Прозоровскому сказать, чтобъ за всякаго ученика, которые у меня хирургической науки изучатся и освидѣтельствованы будутъ, давать по сту рублей, симъ благоволили способствовать.

За которую милость и милосердіе всегда пребуду

1718 годъ
Генваря въ

Вашего Величества
Нижайшій рабъ
Nic. Bidloo, M. D-r

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Цифирныя школы и первыя духовныя семинаріи въ Россіи.

Именными указами императора Петра I въ 1714 и 1716 годахъ повелѣно было во всемъ государствѣ приказнаго чина и церковниковыхъ и монастырскихъ слугъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, кромѣ дворянскихъ дѣтей, учить цифири и геометріи, и въ тому ученію имѣть школы въ архіерейскихъ домахъ и

въ знатныхъ монастыряхъ, и для того ученія послать учителей изъ адмиралтейской школы (т. е. изъ навигаціонной школы). Учителямъ этиаъ велѣно давать жалованья по гривнѣ въ день на каждаго; изъ губернскихъ доходовъ, и сверхъ того дрова, свѣчи и необходимыя инструменты. По этиаъ указамъ *цифирныя школы* заведены были почти во всѣхъ провинціяхъ и поимѣнились въ архіерейскихъ домахъ, въ монастыряхъ, въ квартирахъ священническихъ и учительскихъ, а также и въ частныхъ домахъ по найму. Школамъ дана льгота въ томъ отношеніи, что за ученіе въ нихъ не требовалось отъ учениковъ никакой платы и учителямъ запрещалось брать съ нихъ какое либо вознагражденіе. Только по окончаніи ученія ученикъ обязывался заплатить учителю рубль и за это получалъ отъ него письменное свидѣтельство, «а безъ такихъ свидѣствованныхъ писемъ жениться учениковъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать». *Пол. собр. зак.* V, 2778, 3447.

Общая же программа ихъ была слѣдующая: арифметика; нумерація, аддиція, субстракція, мультипликація, дивизія, тройное правило; десятичные дроби; геометрія — циркульные приемы, плоская тригонометрія — тангенсы. Завѣдываніе этиаъ школама въ Псковѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и Вологдѣ поручено было Григорію Скорнякову Писареву. Въ спискахъ нѣкоторыхъ школъ ученики дѣлились на нѣсколько разрядовъ или классовъ, смотря по успѣхамъ и продолжительности обученія. Но вообще школы трудно устранивались и еще труднѣе было поддержать ихъ. По донесенію Скорнякова Писарева, въ 1719 году, ученіе производилось только въ одной ярославской школѣ, гдѣ удалось собрать 26 учениковъ. Сенатъ подтвердилъ о высылкѣ дѣтей въ губернскія цифирныя школы, приказавъ притомъ смотрѣть за учителями, чтобъ они не дѣлали налоговъ и обидъ ученикамъ. Въ Москвѣ въ 1720 году было 70 учениковъ, а въ провинціяхъ тааъ было мало, что школы не могли существовать. Въ Переяславлѣ Рязанскомъ открыта была 7 мая 1722 года арифметическая школа и въ нее поступило 96 учениковъ: но изъ нихъ 59 самовольно отлучились и не возвратились въ школу. Изъ Петербурга и Москвы отправлено было въ губерніи 47 учителей и изъ нихъ 18 возвратились назадъ за неимѣніемъ учениковъ. *Пол. собр. зак.* XII, 9054.

Съ своей стороны адмиралтейская коллегія затруднялась управленіемъ и содержаніемъ этиаъ школъ и воспользовавшись тѣмъ, что духовное правительство по духовному регламенту стало заводить свои школы при архіерейскихъ домахъ, представило императрицѣ Екатеринѣ I о соединеніи своихъ школъ съ духовными (1725). Докладъ адмиралтейской коллегіи утвержденъ императрицею и въ 1726 году обнародованъ, но не принесъ никакой пользы и не въ состояніи былъ поддержать явно упадавшія арифметическія школы. Св. синодъ промолчалъ предъ высочайшемъ повелѣніемъ о слитіи цифирныхъ школъ съ архіерейскими, но не скрывалъ своего мнѣнія о невозможности тааъ

кого слитія не сходныхъ между собою школъ, и выставляя старыя аргументы, употреблялъ всѣ усилія къ отдѣленію цифирныхъ школъ отъ архіерейскихъ. Сначала онъ представилъ поводомъ къ раздѣленію школъ то, что духовныя школы еще не учреждены. Потомъ онъ указалъ на то, что въ арифметическихъ школахъ преподается ученіе не богословское, а гражданское, равно какъ не ищется и средствъ къ содержанію ихъ. Въ слѣдствіе этого, послѣ долгой переписки и усилія съ обѣихъ сторонъ, состоялось высочайшее повелѣніе 2 іюля 1731 года, чтобы арифметическія школы остались по прежнему въ вѣдомствѣ адмиралтейской коллегіи. Впрочемъ, съ отдѣленіемъ церковныхъ дѣтей въ архіерейскія школы, арифметическія школы мало по малу пустѣли, такъ что во многихъ провинціяхъ и «учителямъ стало быть не у чего» ¹⁾. Вообще эти школы не удались и исчезли сами собой, прежде чѣмъ успѣли зародиться. При семъ прилагается списокъ ихъ.

Цифирныя арифметическія школы.

Школы.	Время от- крытія.	Учители.	Число уче- никовъ.
Арзамасская .	1721	Василій Мерлинъ .	34
Архангельская .	1716	Федоръ Брюзгинъ .	—
Астраханская .	1720	Иванъ Трофимовъ .	37
Бахмутская . . .	1722	Михаилъ Кутузовъ.	—
Бѣлогородская Кур- ская . . .	1716	Петръ Колесовъ, Иванъ Приваловъ . . .	366
Бѣлозерская	1722	Иванъ Каменчиковъ. .	—
Великолукская. .	1722	Андрей Коковкинъ.	50
Великоустюжская .	1727	Василій Ал-овъ. .	—
Владимірская .	1720	Алексѣй Малижевъ . .	4
Вологодская.	1716	Михаилъ Литвиновъ .	57
Воронежская	1716	Михаилъ Угримовъ.	197
Вятская .	1722	Иванъ Чирковъ. .	—
Галицкая.	1722	Григорій Корсаковъ . . .	8
Казанская. .	1716	Семенъ Куницынъ, Иванъ Дунаевъ	107
Калужская . . .	1721	Гавріилъ Губинъ. Учени- ковъ не прислано .	—
Кіевская . .	1721	Петръ Талызинъ. . .	—
Костромская	1722	Семенъ Прокшинъ. . .	21
Московская.	1716	Федоръ Рыбниковъ и Сер-	

¹⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе адмиралтейской коллегіи 13 сентября 1726 г. ФМД.

Школы.	Время от- крытія.	Учители.	Число учени- ковъ.
		гѣй Русиновъ . . .	161
Нижегородская . .	1716	Михаилъ Крѣловъ	66
Новгородская . .	1716	Василій Залуцкій. Съ 1724 соединена съ архіерейскою.	—
Орловская	1721	Иванъ Овсянниковъ . . .	—
Пензенская	1722		
Переяславская Ря- зань	1722	Петръ Павловъ	68
Переяславская За- лѣс	1721	Яковъ Степановъ. Скоро упразднилась	34
Попехонская . . .	1722	Михаилъ Тарбенева	12
Псковская	1719	Иванъ Смурыгинъ.	—
Свѣяжская	1722	Алексѣй Похривъ.	18
Сибирская	1723	Петръ Дмитріевъ	10
Смоленская	1716	Яковъ Шухновъ, Ники- форъ Дашковъ	115
Соликамская . . .	1722	Степанъ Жеребцовъ . . .	—
Суздальская . . .	1721	Петръ Тявкинъ	73
Сѣвская	1722	Викторъ Кукуевъ.	125
Тамбовская	1716	Игнатій Ярославцовъ	133
Тверская	1721	Романовъ	19
Тобольская	1716	Никита Палецкой, Якимъ Ладейниковъ	224
Тульская	1721	Гр. Собакинъ.	—
Углицкая	1721		
Устюжно-желѣзъ .	1722	Матвѣй Захаровъ	—
Уфимская	1720	Федоръ Гурьевъ	8
Шатская	1722	Осипъ Вердеревскій . . .	—
Юрьево-польская .	1722		58
Ярославская	1716	Иванъ Смирной	42

Совсѣмъ другая судьба выпала на долю *архіерейскихъ школъ*, назван-
ныхъ въ послѣдствіи *духовными семинаріями*. Въ духовномъ регламентѣ
(1721), въ главѣ о дѣлахъ епископскихъ, постановлено, чтобы всякій епис-
копъ имѣлъ въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей священническихъ
или и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ, а на учителей и на
покупаніе книгъ и на пропитаніе оныхъ учащихся брать отъ знатнѣйшихъ въ
епархіи монастырей всякаго хлѣба двадцатую долю, да отъ земель церков-
ныхъ, гдѣ суть, всякаго же хлѣба брать тридцатую долю. Св. синодъ при-
нялъ къ сердцу это постановленіе и тотчасъ же, при раздѣленіи между чле-
нами его частей духовнаго управленія, поручилъ завѣдываніе всѣми школами
и типографіями синодальному совѣтнику, троицкому архимандриту Гавріилу
Бужинскому, который и наименованъ былъ директоромъ и протекторомъ

школъ и типографій. Это было въ 1721 году. Но въ 1726 году 28 февраля школы отстранены отъ его завѣдыванія, съ тѣмъ чтобы изъ нихъ московскія вѣдалъ ректоръ, а кievскія, черниговскія, александроневскія и прочныя епархій вѣдались архіереямъ и архимандритами у кого что въ вѣдѣніи состоятъ. Въ тоже время типографіи поручены вѣдѣнію директорамъ подъ высшимъ управленіемъ св. синода. Это, однакожъ, частное распоряженіе; общій же ходъ школъ былъ крайне быстръ и указывалъ на то, что именно этими школами угадана и удовлетворена самая необходимая, всеобщая и безотлагательная потребность.

Первоначальная программа архіерейскихъ школъ была не обширна и дополнялась постепенно, смотря по мѣстнымъ средствамъ. Въ синодальныхъ указахъ 22 мая 1722 и 29 октября 1723 года сказано просто, что дѣти духовенства (церковническія дѣти, а именно протопопскія, поповы, дьяконовы и причетниковскія) должны учиться славянскому чтенію въ архіерейскихъ школахъ (по регламенту) и что о числѣ учениковъ и уснѣхахъ ихъ предписывается доносить св. синоду. Слѣдовательно прежде всего обязательно было ученіе славянскому чтенію и письму. За тѣмъ въ другихъ школахъ (Казанской) обучались уже букварямъ, арифметикѣ, писать по славянски и по латыни и изъяснять семь таинствъ церковныхъ, между тѣмъ какъ элементарное ученіе (азбукѣ, часослову, псалтыри и букварямъ) тоже существовало, но для самыхъ младшихъ учениковъ или для малоуснѣвшихъ. Другія школы шли еще дальше (Вѣлгородская). Въ нихъ курсы ученія раздѣлены были на славянскую школу, аналогію, иѣфиму, грамматику и синтаксису, съ назначеніемъ по году для каждаго класса. Наконецъ высшее обученіе въ этотъ періодъ времени, а именно въ 1724 году и позже, представляли московскія славяно-греко-латинскія школы, въ Китаѣ-городѣ, въ Москвѣ, за иконнымъ рядомъ, учрежденныя еще при патріархахъ, до учрежденія св. синода. Въ нихъ, кромѣ выше исчисленныхъ наукъ элементарныхъ, преподавались уже богословія, философія, риторика, пиѣтика, синтаксима, а начиналось ученіе съ феры, иѣфимы и грамматики (въ пизшихъ классахъ).

Кромѣ того въ нихъ не пренебрегались и арифметика съ геометріею, входившія въ программу цифирныхъ школъ. Московскія школы раздѣлялись на три разряда, по классическимъ языкамъ, въ нихъ преподававшимся, и назывались школами: славянскою, латинскою и греческою. Въ первой школѣ славянской или русской учили читать и писать по русски, псалтыри, часослову и грамматикѣ ¹⁾. Преподаваніе арифметики ²⁾ тоже раздѣлялось на классы по числу отдѣльныхъ арифметическихъ дѣйствій. Изъ русской школы

¹⁾ Грамматика раздѣлялась на 8 частей, которыя и обозначались въ издававшихся ученикамъ аттестатахъ.

²⁾ По программѣ цифирныхъ школъ, приведенной выше.

ученики переводились въ латинскую, гдѣ должны были учиться латинской элементаріи, т. е. читать и писать по латыни, грамматикѣ, синтаксисѣ и за тѣмъ богословію, философію, риторикѣ, піитикѣ. Отсюда переводились они въ греческую школу, гдѣ учились читать и писать по гречески, грамматикѣ, синтаксису. Въ общеобразовательномъ отношеніи эти три школы составляли одно цѣлое, почему въ послѣдствіи весьма легко слились въ одну московскую славяно-греко-латинскую академію; но въ учебномъ отношеніи стояли совершенно раздѣльно и самостоятельно. Кто желалъ, могъ учиться всѣмъ языкамъ поочередно; а кто не желалъ этого могъ ограничиться одною русскою школою. Переводы изъ латинской или русской школы въ греческую и обратно производились не только по успѣхамъ оконченнаго ученія, но и по надобностямъ самаго ученика или семьи его, или изъ древнихъ языковъ одною латинскою, одною, греческою. Изъ этихъ школъ могли выходить и знакомые съ латинскимъ языкомъ, и вовсе не учившіеся ему. Тоже и относительно греческаго языка. Однимъ словомъ это былъ цѣлый рядъ школъ, изъ которыхъ ученики выходили совершенно образованными людьми и изъ нихъ многіе производились въ епископы, архимандриты, игумены, священники, чиновники гражданской службы, учителя математическихъ школъ въ губерніяхъ, типографскіе справщики, въ учителя въ Сербію, даже въ адъюнкты с.-петербургской академіи наукъ (какъ напр. Иванъ Горлепкій). Полная программа московскихъ славяно-греко-латинскихъ школъ содержала въ себѣ слѣдующіе предметы ученія: а) *Славяно-русская*: азбука, часословъ, псалтырь, писать по русски и пѣть, букварь и грамматика, десатословіе, катихизисъ, діалектика и живопись, арифметика. б) *Эллино-греческая*: грамматика, синтаксиса, осьмочастіе, начальное ученіе. в) *Латинская*: фара, элементарь и писать по латыни, инфима, грамматика, синтаксиса, піитика, риторика, философія, богословіе, начатки ученія. Дѣти духовенства, воспитывавшіеся «въ надежду священства», обязательно должны были учиться въ славянской и латинской школахъ. Но число ихъ было повидимому не велико и потому духовенство дорожило ими. Изъ этого понятны два факта, указанные въ первоначальной исторіи московской госпитальной школы. Во первыхъ настоянія докторовъ Бидлоо и Блюментроста на томъ, чтобы имъ самимъ предоставленъ былъ выборъ учениковъ въ госпиталь изъ славяно-греко-латинскихъ школъ, а равно и отсылка назадъ изъ госпиталя тѣхъ изъ московскихъ законоискусныхъ учениковъ, которые присланы были безъ ихъ выбора и одобренія: имъ въ госпиталь нужны были такіе, которые достаточно знакомы уже были съ латинскимъ языкомъ. Во-вторыхъ понятно и то предложеніе св. синода, по которому предоставлялось Бидлоо найти мальчиковъ, гдѣ оны захочетъ, и прислать ихъ на срокъ въ славяно-греко-латинскія школы для обученія латинскому языку, а потомъ взять къ себѣ въ госпиталь.

Архіерейскія школы не имѣли повидимому общей опредѣленной программы;

да едвали и могли имѣть ее, по неодинаковости матеріальныхъ средствъ къ учрежденію и поддержанію школъ при неодинаковости доходовъ въ различныхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Такъ напримѣръ въ Переяславской епархіи вовсе не было школы «за скудостію епархіи». Тоже было и въ Астрахани, за неимѣніемъ пахатныхъ земель при монастыряхъ, церквахъ и архіерейскомъ домѣ. Въ другихъ епархіяхъ заводились школы, но съ весьма ограниченою программю, по невозможности содержать цѣннаго учителя или по невозможности найти удобное и дешевое помѣщеніе для школы. Такъ, въ Вологдѣ обучались только азбукѣ, букварямъ и арифметикѣ, а въ Суздали—букварямъ и грамматикѣ обучены 35 человекъ, а однимъ букварямъ 74 человекъ и за тѣмъ, «за недородомъ хлѣба, всѣ распущены въ дома свои». Наконецъ въ иныхъ мѣстахъ первоначальная программа школы была весьма ограниченная, но потомъ постепенно расширялась и по немногу приближалась къ высшимъ образцамъ современнаго образованія. Образцами же служили съ одной стороны московскія славяно-греко-латинскія школы, а съ другой малороссійскіе коллегіумы (харьковскій, черниговскій) и во главѣ ихъ кіевская академія.

Учители для архіерейскихъ школъ выбирались изъ грамотныхъ церковниковъ (іеромонаховъ, дьяконовъ и дьячковъ) или изъ поповскихъ дѣтей. Но грамотныхъ людей было мало и не всѣ школы могли быть скоро снабжены учителями. Для пополненія этого недостатка придумана была слѣдующая мѣра: пѣть поддѣяковъ или изъ поповскихъ дѣтей, «остроумныхъ и книжному чтенію искусныхъ», возрастомъ отъ 10 до 15 лѣтъ, присылать для «обученія грамматическаго» въ Новгородскую епархію, въ тамошнія школы, срокомъ на два или на три года, съ тѣмъ чтобы научившись тамъ, возвратились они въ свою епархію учителями. Такъ было сдѣлано наприм. въ Рязанской епархіи, откуда три человекъ (2 поддѣяка и 1 церковникъ) посланы были на два года въ Новгородскую епархію для приготовленія къ учительству. Такимъ же образомъ посылались молодые люди для образованія и въ московскія славяно-греко-латинскія школы и оттуда возвращались учителями. Примѣры этого представила Воронежская и Крутицкая епархіи; изъ первой изъ нихъ посланы 3 человекъ въ Новгородъ, а во второй тоже три человекъ посланы въ Москву для приготовленія къ учительству. Наконецъ третій разсадникъ учителей для архіерейскихъ школъ находился въ Александро-Невской петербургской школѣ, гдѣ курсы ученія были гораздо обширнѣе, чѣмъ даже въ московскихъ школахъ, и преподавалась даже музыка.

Въ 1727 году, во время дѣятельной переписки о слитіи арифметическихъ школъ съ архіерейскими, св. синодъ, по приказанію верховнаго тайнаго совѣта, потребовалъ точныхъ свѣдѣній о мѣстонахожденіи, времени открытія и количествѣ архіерейскихъ школъ, о числѣ, обученіи и содержаніи учениковъ въ каждой школѣ и получилъ слѣдующія справки о нихъ по 1727 годъ.

Александроневская славянская школа открылась въ Петербургѣ, въ Александроневскомъ монастырѣ, въ сентябрѣ 1721 года, при настоятелѣ монастыря архимандритѣ Теодосіи. Учителемъ въ нее назначенъ грамматистъ изъ Новгорода Иродіонъ Тихоновъ. Учениками были большею частью дѣти сельскихъ церковниковъ изъ Копорскаго уѣзда. Въ ноябрѣ 1725 года переведенъ въ эту школу изъ московской эллинской школы, для преподаванія греческаго языка, профессоръ Афанасій Скиада, который съ 1726 года и началъ преподаваніе. Въ 1726 году опредѣленъ въ школу, для обученія арифметики и геометріи, кондукторъ Иванъ Сосникъ. Кромѣ того, «по силѣ духовнаго регламента, ко увеселенію учащихся, нѣкоторые изъ семинаристовъ обучались наемнымъ мастерамъ на мусикійскихъ инструментахъ». Обучали ихъ играть на флейтѣ, гобоѣ, басѣ, шалбоѣ и скрипкѣ. Двѣ трети учениковъ обучались на монастырскомъ содержаніи, а одна треть на своемъ коштѣ.

Съ 1721 по 1727 годъ въ этой школѣ было 118 учениковъ, изъ коихъ 46 содержались на свой счетъ. Въ ноябрѣ 1727 года тамъ оставалось 48 учениковъ.

Въ *Астраханской епархіи* не было ни одной школы, за неимѣніемъ пахатныхъ земель при монастыряхъ, церквахъ и архіерейскомъ домѣ.

Въ *Бѣлгородской епархіи* въ 1727 году состояло 8 школъ, т. е. 8 классовъ; раздѣленныхъ по предметамъ преподаванія, и въ нихъ 422 ученика, а именно въ фарѣ 100, въ инфимѣ 43, въ синтаксисѣ и грамматикѣ, въ первой 42, во второй 22, въ поэтикѣ 23, въ риторикѣ 31, въ философіи 23 и въ славенской 138. Такимъ образомъ это была русская школа съ самой широкою программю, весьма близкою къ нынѣшнимъ программамъ духовныхъ семинарій. Учителями были преимущественно монахи.

Въ *Вологодской епархіи* школа учреждена въ 1724 году и въ нее принято 43 ученика, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Они обучались букварямъ и арифметикѣ. Но изъ нихъ 27 выпущены для приписки въ подушный окладъ, а остальные 18 «вступили въ арифметическое ученіе» и не изуча оной арифметики въ сентябрѣ того же года распущены по домамъ (1725) по какой причинѣ не извѣстно». Въ 1726 году учениковъ не было въ школѣ и сборъ на нихъ хлѣба прекращенъ.

Въ *Воронежской епархіи* до 1727 года не было архіерейской школы, потому что не было учителей, «а потому отосланы въ Новгородскую школу 3 человекъ для обученія грамматическаго художества», которые возвратились въ Воронежъ въ 1725 году. Но и послѣ того школа не открыта, за отъѣздомъ въ Москву епископа Іосифа.

Въ *Вятской епархіи* открыта школа въ 1723 году и въ нее поступило 35 учениковъ, которые учились азбукѣ, часослову, букварямъ, псалтири, толкованію блаженствъ евангельскихъ и писать. «А болѣе другимъ наукамъ учить некому, для того что такихъ учителей во оной вятской епархіи не обрѣ-

тается». Сбора хлѣба не производилось «за недородомъ и за скудостью, а питаются ученики отъ дома архіерейскаго».

Въ *Иркутской епархіи* заведены были двѣ школы митрополитомъ тобольскимъ Антоніемъ и улучшены епископомъ иркутскимъ Иннокентіемъ при Вознесенскомъ монастырѣ, одна русская и другая монгольскаго языка. Въ нихъ поступали дѣти церковниковъ иркутскаго и селенгинскаго округовъ, а потомъ и изъ болѣе отдаленнаго нерчинскаго округа. Изъ монгольской школы, которою завѣдовалъ архимандритъ Антоній Пятковский, по требованію посланика нашего въ Китаѣ, иллирійскаго графа Саввы Владиславича Рагузинскаго, по письму его, взяты 3 человѣка для обученія въ Китаѣ могольскому и китайскому языкамъ. Въ 1827 году считалось тамъ 8 учениковъ въ русской и 5 въ монгольской школахъ. Замѣчательны аттѣтки преосвященнаго Иннокентія объ успѣхахъ учениковъ монгольской школы: «читаетъ книги и учится говорить и переводить»; помонгольски шестую книгу учить, а читать еще не умѣетъ».

Въ *Казанской епархіи*, въ мартѣ 1723 года, собраны въ школу при домѣ митрополита Тихона 52 человѣка изъ священно церковно - служительскихъ дѣтей, «для обученія бужварямъ и грамматическимъ четыремъ степенямъ орфографіи, этимологіи, просодіи орфографіи и синтаксиса— осьми частямъ слова, урвненій, окончаній, родовъ, склоненій, спряженій, также діалекта латинскаго, вокабулъ, сентенцій, деklinацій и регулъ со экспликаціями, и исанія тогоже діалекта, о седми тайнахъ церковныхъ, гратуляци и привѣтствій, различныхъ комедійныхъ акцій, которыя различіе съ начала ученія celebровались повсягдно въ семинаріи Казанской публичнѣ, также интермедій, арифметическихъ частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи и мультипликаціи и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго.» Учителемъ назначенъ былъ Василій Свенцицкій, человѣкъ «польской породы». Но школа эта не утвердилась. Ровно черезъ мѣсяць, по опредѣленію тогоже митрополита Тихона, «за недостаткомъ студентамъ пищи и одежды», большая часть учениковъ распущены по домамъ или бѣжали, а остались только 5 человѣкъ, которымъ и преподавались выше приведенные отдѣлы грамматики и арифметики. Въ 1726 году, съ прибытіемъ въ Казань митрополита Сельвестра, семинарія была преобразована, въ нее собрано до 80 учениковъ. Въ ней устроены особыя учебныя комнаты, равно какъ и покои для жительства студентамъ внѣ города Казани, но не далеко отъ него, надъ рѣкою Казанью, на высокомъ, прекрасномъ и уединенномъ удобномъ мѣстѣ и при поляхъ въ упраздненномъ за малобратствомъ Оедоровскомъ монастырѣ.

Въ *Кіевскомъ* Братскомъ коллегіумѣ состояло въ 1727 году около 650 учениковъ и распределены они были почти равномерно въ 8 классахъ: фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксисѣ, поэтикѣ, риторикѣ, философіи и теологіи. Содержались они частію на средства монастыря, а частію на постороннія пожертвованія добродѣтельныхъ дателей.

Въ *Коломенской епархіи*, со включеніемъ нынѣшнихъ Тульской и Орловской, съ 1723 по 1727 годъ было 150 учениковъ, въ трехъ школахъ (въ Коломнѣ, Тулѣ и Орлѣ) и обучались букварямъ, грамматикѣ и латинскимъ элементарямъ. Учителемъ былъ сперва пѣвчій Яковъ Ивановъ, а послѣ его смерти (съ 1726 года) заступили его мѣста три бывшіе ученика, посланные въ Новгородскую школу для обученія и занявшіе здѣсь учительскія должности.

О московскихъ школахъ было уже говорено. Въ 1727 году въ нить состояло:

а) въ русской школѣ 108 человекъ и изъ нихъ элементарщиковъ (т. е. учившихся по латинскому элементарю) и писцовъ по латыни 23, писцовъ по русски 44, псалтырщиковъ 10, часословщиковъ 23, въ первоначальномъ ученіи 8;

б) въ эллино-греческой школѣ 35 учениковъ, изъ которыхъ произошли до синтаксической науки 7, до грамматической 17, въ начаткахъ ученія 11. Изъ этой школы переведены въ 1725 году въ латинскую, изучившихъ русскій и греческій языки 9 человекъ, которые въ 1727 году произошли до пятнической науки. Въ греческой школѣ состояло 28 человекъ, выучившихся по латыни и потому переведенныхъ изъ латинской. «Сіеже, что ученики греческіе вводятся въ латинскія, а ученики латинскіе изъ синтаксиса въ греческія школы, опредѣлено для того чтобы были обучены на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ».

в) Въ латинской школѣ состояло 362 ученика, и изъ нихъ дошли до науки богословской 12, до философской 12, до риторической 21, до пятнической 31. Прочіе учились синтаксису и грамматикѣ, переходя въ греческія школы, а оттуда снова возвращались въ латинскія. Въ числѣ послѣднихъ было 34 въ инфимѣ и первоначальномъ обученіи.

Въ *Нижнемъ Новгородѣ* съ 1721 года, при архіепископѣ Питиримѣ, учреждены были три школы: одна эллино-греческая, другая словенороссійская и третья букварная. Учителя въ нихъ получали содержаніе изъ архіерейскаго дома; на егоже счетъ покупались и учебныя пособія; «только пропитаніе ученики прежде сего и нынѣ (1727) имѣютъ свое». Достигнуто это тѣмъ, что архіепископъ Питиримъ запретилъ брать хлѣбъ отъ монастырей или церквей на школу, по бѣдности ихъ, но за то въ архіерейскія школы принимались дѣти «только такихъ отцовъ, кои бы могли, во время бытія въ тѣхъ школахъ, довольствоваться сами своимъ коштомъ». Въ 1727 году въ эллиногреческой школѣ было 24 ученика и они учили грамматику; въ словенороссійской школѣ было 63 ученика, а въ букварной школѣ вовсе не было учениковъ.

Въ *Новгородѣ*, при архіерейскомъ домѣ, заведена была съ 1706 года, при митрополитѣ Іовѣ и епископѣ корельскомъ Ааронѣ, грекославянская школа, при содѣйствіи братьевъ Лихудовъ, московскихъ учителей. Въ этой школѣ преподавались славянская и греческая грамматика, пятника и риторика.

Въ 1724 году заведена была тамъ и латинская школа, но въ 1726 году упразднена.

При этой греко-славянской школѣ съ 1721 года, т. е. со времени утверждения духовнаго регламента, заведены были партикулярныя школы, для обученія малыхъ дѣтей первому ученію. Въ нихъ преподаваемо было словесное и письменное правильное ученіе, т. е. букварь (въ которомъ содержалась азбука, десятисловіе, молитва господня, символъ вѣры и девять блаженствъ евангельскихъ съ толкованіемъ¹), по немъ часословъ, псалтырь и писать; а по окончаніи этого ученія дѣти возвращаемы были къ мѣстамъ своимъ, а инныя по желанію поступали въ греко-славянскія школы ко обученію грамматики и прочахъ наукъ. Эти школы упразднены были въ 1726 году. Одна партикулярная школа была при Знаменской церкви, другая при Николаевскомъ Розвожскомъ монастырѣ. Кромѣ того съ 1721 года заведены были школы въ разныхъ городахъ Новгородской епархіи, для обученія церковническихъ дѣтей, гдѣ преподавалось словесное и письменное правильное ученіе, а потомъ грамматическое, въ нѣкоторыхъ же риторическое и греческое. Такія школы были:

- 1) въ Лукахъ Великихъ съ 1721 года
- 2) въ Торжкѣ тоже съ 1721 года
- 3) въ Каргополѣ съ 1723
- 4) въ Старой Русѣ съ 1723 года
- 5) въ Устюжнѣ Желѣзнопольской, съ 1722 года
- 6) въ Олонцѣ съ 1723 года
- 7) въ Городецѣ съ 1722 года
- 8) въ Тихвинѣ съ 1723 года
- 9) въ селѣ Валдаѣ съ 1724 года
- 10) Антинская съ 1722, а въ 1724 переведена оттуда на Петровскіе желѣзные заводы.
- 11) при Юрьевомъ монастырѣ близъ Новгорода, съ 1724 года для обученія молодыхъ монаховъ
- 12) въ Бѣжецкѣ.

Во всѣхъ этихъ школахъ въ 1726 году находилось болѣе тысячи учениковъ. Это и не удивительно, если припомнимъ, что Новгородская школа слыла лучшею школою между всѣми архіерейскими и въ нее посылаемы были молодые люди изъ другихъ епархій для приготовленія ихъ къ учительскому званію.

Всѣ эти школы упразднены въ 1726 году, кромѣ одной той, которая устроена была при архіерейскомъ домѣ.

Въ *Переяславской* епархіи не было школы при архіерейскомъ домѣ, по бѣдности епархіи.

Въ *Псковѣ*, при архіерейскомъ домѣ открыта была школа въ 1725 году,

и съ этого времени до 1727 года въ ней состояло 58 учениковъ изъ церковно-служительскихъ дѣтей. Они учились читать и писать часослову, псалтыри, десятословію съ толкованіемъ и церковному пѣнію. 8 человекъ въ 1727 году учили «славянскія грамматики третью часть слова».

Въ *Ростовской* епархіи заведены были въ 1723 году двѣ школы: одна въ Ростовскомъ Богоявленскомъ Аврааміевомъ монастырѣ на 100 человекъ и другая въ гор. Ярославль, при архіерейскомъ домѣ, также на 100 человекъ. Учили ихъ «славянской наукѣ и пѣнію». Но содержать ихъ было трудно «за недородомъ» и потому въ 1726 году ученики «распущены въ дома свои, со взятіемъ у отцовъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ обучали въ домѣхъ ихъ».

Въ *Смоленскъ*, при архіерейскомъ домѣ, состояла школа съ 35 учениками, которые «изучены букварей, часовниковъ, псалтырей, ирмосовъ, партеснаго пѣнія и писать». Въ 1728 году состояло ихъ 19.

Въ *Рязанской епархіи* (въ Переяславль Рязанскомъ) предполагалось устроить школу въ Семіоновскомъ монастырѣ съ 1724 года, но это предположеніе не исполнилось по нежѣнію учителей. Для устраненія этого недостатка посланы были въ Новгородскую школу для ученія два поддѣака и одинъ церковникъ. Пробывъ тамъ около двухъ лѣтъ, они возвратились въ Переяславль въ январѣ 1726 года и начали ученіе въ школѣ съ февраля. Въ это время находилось въ школѣ 70 учениковъ, а по прибытіи на епископство Гавріила Бужинскаго число ихъ возрасло до 269. Обучаемы были букварямъ и «въ наукѣ элементарской латинской». Въ 1727 году обучались тамъ букварямъ 128, азбукъ 6, часослову 59 и псалтырю 75.

Въ 1726 году состоялось распоряженіе о соединеніи арифметическихъ или цифирныхъ школъ съ состоящими при архіерейскихъ домахъ и о подчиненіи ихъ св. синоду. Въ Рязанской школѣ это было исполнено. Въ Переяславль Рязанскомъ открыта такая школа съ 7 мая 1722 года и въ нее поступило 96 учениковъ. Предназначались они въ писцы и приказные для мѣстныхъ канцелярій. Обучались арифметикѣ и геометріи по слѣдующей программѣ:

арифметика: нумерація, аддиція, субстракція, мультипликація, дивизія тройныя правила, десятичныя дроби:

геометрія-циркульные приемы,
плоская тригонометрія: тангенсы.

Изъ этихъ 96 учениковъ обучены 4, выпущены въ канцеляристы 2, умерло 2, отданы въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ арифметической школы самовольно». Остальные 32 учились еще въ 1727 году и было ихъ въ классѣ нумераціи 11, аддиціи 5, субстракціи 1, мультипликаціи 3, дивизіи 5, тройнаго правила 3, десятичныхъ дробей 2, циркульныхъ приемовъ 1 и тангенсовъ 1. На содержаніе школы собиралась опредѣленная часть хлѣба только съ церковныхъ земель, а съ монастырей сбора не производилось, потому что от-

туда весь остаточный хлѣбъ поступалъ, по указу царя, на синодальное правительство.

Въ *Суздальской епархіи* школа открыта въ 1723 году и было въ ней 109 учениковъ, которые обучались по присланнымъ изъ синода букварямъ и грамматикамъ. Изъ нихъ 35 учились букварямъ, а 74 грамматикамъ. Въ 1726 году всѣ ученики распущены были по домамъ, такъ какъ, по неурожаю, съ церкви и монастырей не поступало хлѣба.

Въ *Тверской епархіи* построена особая школа въ Твери на Ратмацкомъ посадѣ, въ домовомъ архіерейскомъ приписномъ Федоровскомъ монастырѣ. Ученіе началось въ ней съ 1722 года и было въ школѣ 39 учениковъ, изъ коихъ 17 поступило въ причетники, 1 отпущенъ въ Москву и 1 сбѣжалъ. Въ 1717 году состояло только 20 учениковъ, но и тѣ до 1726 года кормились отъ архіерейскаго дома, а съ того времени «за оскудѣніемъ тамъ хлѣба, имъ отъ домовой пищи отказано до опредѣленія штата, и нынѣ обучаются на домовой ихъ пищѣ».

Въ *Тобольской епархіи* открыта школа въ 1724 году, при митрополитѣ Антоніѣ. Въ ней состоялъ 81 ученикъ, а именно 67 церковническихъ и 14 разночиническихъ дѣтей. Къ 1727 году осталось 57 учениковъ. Ихъ учили читать, писать, азбуку, букварямъ, часослову и псалтыри.

Въ *Устюжской епархіи* школа открыта была въ 1725 году и въ нее поступило 15 учениковъ, „устюжскихъ градскихъ поповскихъ, дьяконовыхъ причетниковскихъ дѣтей“. Обучалъ ихъ подьякъ Павелъ Яковлевъ съ товарищемъ: букварямъ, толкованіямъ заповѣдей божіихъ, а потомъ грамматикѣ. Изъ нихъ 9 чел. прошли эту науку всю, 5 «вступили въ ученіе до согласія и до синтаксиса». Въ 1727 году школа эта опустѣла за невозможностью найти учителя.

Въ *Холмогорской епархіи*, при домѣ архіепископа Варнавы, выстроена была деревянная школа, въ которой въ 1723 году было 39 учениковъ. Изъ нихъ 11 учились букварямъ и 28 грамматикѣ. Въ 1724 было тамъ 59 учениковъ: 33 учили грамматику, 20 твердили букварь, 8 псалтырь и 8 же часословъ. Въ 1726 году состояло 46 учениковъ: 7 учили грамматику, 16 букварь, 14 псалтырь, 9 часословъ. Изъ этихъ учениковъ въ 1727 году 4 поступили въ дьяконы, а остальные распущены по домамъ, но въ октябрѣ снова вызваны въ школу. „А грамматика еще никто совершенно не изучилъ; изъ зачинаемыхъ же нынѣ вновь учениковъ и много есть и скуднѣе и индѣе учиться не имѣютъ гдѣ и за что, а весьма наслаждаться ученія желаютъ, изъ которыхъ могутъ быть и устроимые ученики. Изъ тѣхъ въ нынѣшнемъ 1727 году для ученія грамматики и прочаго, по посланнымъ указамъ, съ прежнимъ и съ новобранными въ сборѣ имѣеть быть не малое число».

Въ 1723 и 1724 годахъ ученики содержались насчетъ преосвященнаго, а въ 1725 году за прежнее время собрано 134 четверти, да въ слѣдующіе два

года 168 четв. ржи и ячменя; но какъ этого хлѣба недостаточно, то ученикамъ давались соль, масло, капуста, рыба всякая, молоко и пр., также дрова, изъ архіерейскаго дома.

Черниговскій коллеиумъ при катедральномъ (т. е. троїцко-ильинскомъ) монастырѣ открытъ былъ въ 1700 году по риторикѣ, а сколько было въ немъ учениковъ по сію пору (т. е. по 1727 году) о томъ не извѣстно (какъ доносилъ синоду), первѣе для того, что оныхъ нигдѣ незаписывано; другое же нельзя и записывать, понеже суть отходные люди, одни изъ другихъ училищъ приходятъ и отходятъ, и которіи кончатъ школу риторикѣ въ училищѣхъ черниговскихъ, отходятъ въ Кіевъ или въ другія епархіи до вышнихъ школъ, и скончивши школы нѣкоторые монашескій чинъ приняли отъ епархіи кіевской а другіе въ черниговской, и нынѣ въ профессорствѣ остаются, а другіе проповѣдью слова божія бавятся, а иные произведены до игуменъ и другія достоинства, а которые въ свѣтскомъ стану, иные священниками поставлены, а другіе на мірскихъ властяхъ остаются. Пропитаніе же оныя ученики имѣютъ которіи господскія дѣти, тѣ отъ своихъ домовъ питаются; а не имущихъ своего пропитанія, по силѣ духовнаго регламента съ начала 1723 года съ монастырей и земель церковныхъ дается пропитаніе и на прочія нужныя требованія ковсягодно, сколько имъ контентными быть возможно. Число же тѣхъ учениковъ въ школахъ черниговскихъ сего 1728 года обрѣтается налицо всѣхъ посподскихъ дѣтей и нищихъ (т. е. недостаточныхъ) 237, а по окончаніи года будетъ ли столько, или нѣ, знати неможно“.

Всего, по выше приведенному исчисленію, въ архіерейскихъ школахъ къ 1729 году состояло учащихся 2759 человекъ и еще 711 человекъ безъ означенія чина.

Большая часть этихъ епархіальныхъ или архіерейскихъ школъ въ послѣдствіи преобразованы въ *духовныя семичаріи*, существующія и до настоящаго времени, а нѣкоторыя—въ *духовныя академіи*.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

**Дипломъ Московской Госпитальной школы на званіе лѣкаря и подлѣ-
каря, установленный докторомъ и директоромъ школы Н. Видуо.**

AUGUSTISSIMIS SERENISSIMIS CELSIS. MAGNIFICENTISSIMIS NOBILIBUS CAESARIBUS REGIBUS PRINCIPIBUS,
REBUS PUBLICIS, MAGISTRATIBUS, COLLEGIS CUIUSCUNQUE ORDINIS, VIRIS DOCTIS HAS LECTURIS S. P.

Quoniam plurimum interest hominum vitae (praesertim in Medicinae aut Chirurgiae studiis) ut bene doctorum
atque exercitatorum in hisce testimonium suae doctrinae unicuique pateat, Serenissimaeque, Imperatricis Annae Ioan-
nidis Clementissimae Dominae nostrae Sacrae Imperatoriae Majestatis, intentioni insititendis artibus atque scien-
tiis satisfiat, hoc nostrum testimonium generoso juveni NN , postquam in Nosocomio Imperiali ultra annos col-
legis tum anatomicis, quam chirurgicis, rebus pharmaceuticis, hortoque medico continuo adfuit et praxim chirur-
gicam in Nosocomio exercuit et varias operationes fecerat, tandemque in examine atque inquisitione tam de anatomi-
cia, quam chirurgia et ex parte medicina, nobis omnibus praesentibus bene respondebat. Si sese probe in futu-
rum gesserit, Chirurgi vices omnimodo supplere potest, quare non potuimus denegare, nec non hoc diplomate
Subchirurgum creare, uti ex auctoritate Ejus Sacrae Imperatoriae Majestatis et in studiorum ordinem atque studen-
tium stimulum, supra scriptum juvenem Subchirurgum declaramus, creamus, potestatemque damus hic et
ubique terrarum artem chirurgicam exercendi ut hoc unicuique pateat unusquisque huic diplomati fidem habeat, no-
minibus nostris subscribimus sigilloque Nosocomii magno muniri volumus datum. Moscuae ex Nosocomio Augus-
tano MDCCXXXIII Anno Mensis julii XII d.

Русскій переводъ этого диплома, сдѣланный въ 1738 году при медицинскій канцеляріи, по приказанію архіятера Фишера, для доклада кабинету министровъ императрицы Анны Ивановны.

АВГУСТѢЙШИМЪ ПРЭСВѢТЛѢЙШИМЪ ПРЕСОУЧАЙШИМЪ ВЕЛИКОИМЕНИТѢЙШИМЪ ПРЕМУДРѢЙШИМЪ БЛАГОРОДНЫМЪ КЕСАРЕМЪ, КОРОЛЕМЪ, КНЯЗЕМЪ, РЯЧЕМЪ ПОСОЛИТЪМЪ, МАГИСТРАТОМЪ, КОЛЛЕГЕМЪ И ВСЯКАГО ЗВАНІЯ ЛЮДЕМЪ УЧЕНЫМЪ, СЯ ХОТЯЩИМЪ ЧИТАТИ, З. Ж.

После же а́ло потребно чело́вѣческому жителъству (а наипаче въ медицинскій и хирургическій науки), дабы отъ добре ученыхъ и искусныхъ всѣхъ свѣдѣтельство своей науки всякъ имѣлъ, и Всепресвѣтлѣйшій Императрица Анны Ивановны, Премилостивѣйшій Государыни Нашей, Ея Императорскаго Величества намѣренію во уставленіе науки и ученій довольство было, сіе наше свѣдѣтельство благородному юношѣ , егда въ по-сокоміи Ея Императорскаго Величества болѣе лѣтъ въ коллегіяхъ анатомическихъ, хирургическихъ и отчасти медицинскихъ, въ вещахъ аптекарскихъ и въ огородѣ врачевскомъ непрестанно бывалъ и прилѣжно съ практикою хирургическою въ носоконіи упражнялся и различныя операціи дѣйствовалъ и къ тому на испытаніи и вопросахъ о анатоміи и хирургіи и отчасти медицины предъ всѣми нами добре отвѣщалъ, яко аще себя впередъ често вестти будеть, хирургическую должность всеконечно исполнять можетъ. Того ради не мохомъ не дали и сею грамотою иодѣлкаремъ не сотворити и тако властію Е. И. В. и по чину наукъ и къ побужденію учащихъя вышписаннаго юношу подѣлкаромъ объявляемъ, поставляемъ и во вселкой странѣ художество хирургическое дѣйствовать; дабы волкому сіе было явно и всякъ въ грамотѣ сей и́риль, нашими именами подписахомся и не-частію носоконическою великою утвердити потщахомся. Дала въ Москвѣ изъ Палаты Императорской. Гола

Мѣслица

*

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

ДИПЛОМЪ МОСКОВСКОЙ ГОСПИТАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ДОКТОРА
И ДИРЕКТОРА Л. БЛЮМЕНТРОСТА.

LAURENTIUS BLUMENTROST, PHYLOSOPHIAE ET MEDICINAE DOCTOR, SACRAE IMPERATORIAE RUSSICAE
MAJESTATIS CONSILIARIUS STATUS ACTUALIS, MEDICUS NOSOCOMII MOSQUENSIS PRAEFECTUS.

Summa certe cum ratione apud omnes nationes politas ita constitutum est, ut ii qui artem aliquam fideliter didicerunt a praeceptoribus et magistris suis morum, vitae ante actae, et in arte sua perfectum exhibere testimonium debeant, nec sine eo ad exercitium artis suae admittantur. Quanto magis id ab iis qui artis medicae et chirurgicae operam navaverunt sedulam, eamque exercere sibi proponunt, requiritur, cum ars Medicina omnium est nobilissima, utpote quae circa hominis corpus, ejus vitam et sanitatem conservandam, morbos vero curandos occupatur. Quapropter cum ornatissimus juvenis Theodorus Smirnoy a nobis decenter petiisset, ut illi talem comendationem concederemus, justae et honestae ejus petitioni deesse non potuimus. Is enim sub manu ductione nostra et celebris chirurgi primarii domini Ludovici Caldervood per com- plures annos, in Nosocomio Moscoviensi arti medicochirurgicae indefessam operam dedit, et cum sit ingenio a natura egregio praeditus. Talem se in examine ostendit, qualem oportet esse eum, qui artem chirurgicam in salutem generis hu- mani exercere possit. Accidit quod se semper, quandin apud nos fuit, probum, modestum et moribus egregiis ornatum ostenderit. Dignum ergo judicamus ad sustinendum nobile *subchirurgi* officium, et ex facultate nobis concessa talem eum declaramus, omnibusque quorum interest humillime humiliter et officiose commendamus, in cuius rei fidem testimonium hoc nominum nostrorum subscriptione et sigillo Nosocomii Moscoviensi adposito munivimus. Moscae. Anno 1744 men- sis octobris 22 die.

Laurentius Blumentrost
Ludovicus Caldervood.

Свидѣтельство на званіе почетнаго члена медицинской коллегіи.

Высокомонаршимъ благоволеніемъ Августѣйшія Императрицы Всероссийскія Екатерины Вторыя учрежденная, и особливимъ повелѣтельствомъ Ея учрежденная Медицинская Коллегія, соблюдая правила начертанныя Ей отъ Ея Императорскаго Величества съ пожалованной инструкціи, высочайшимъ именемъ, Своея монархини, объявляетъ медицины доктора морскаго корабельнаго флота Люя Дебу по извѣстнымъ въ свѣтѣ, изданнымъ его многимъ сочиненіямъ, за кои уже и признанъ сочленомъ разныхъ ученыхъ собраній и академій и по присланнымъ въ коллегію многимъ рукописнымъ особеннаго уваженія заслуживающимъ observaціямъ, такъ какъ и разными чертежами нововобрѣтенныхъ имъ хирургическихъ полезныхъ орудій, почетнымъ членомъ своего собранія, съ тѣмъ правомъ и преимуществомъ, каковыя въ инструкціи коллегіи медицинской отъ Ея Императорскаго Величества оными предоставлены. Дано въ С.-Петербургѣ за подписаніемъ медицинской коллегіи президента и съ приложеніемъ печати оной, лѣта тысяча семьсотъ девяносто четвертаго сентября въ четвертый день.

Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государини моя статскій совѣтникъ и государственной медицинской коллегіи президентъ Андрей Ржевскій.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII.

Указъ объ учрежденіи медицинской коллегіи.

Указъ нашему Сенату. Черезъ сіе учреждаемъ въ государствѣ нашемъ Медицинскаго Факультета Коллегію, раздѣля оную на два департамента, а именно на коллегію докторскаго и лѣкарскаго искусства, и на канцелярію управляющую всю экономію помянутаго факультета. Коллегія устанавливается съ такими преимуществами, на какихъ всѣ наши государственныя коллегіи основаны, и имѣетъ власть дѣлать распоряженія касающіяся до врачеванія во все Имперіи, и до распространенія науки медицинской, хирургіи и всѣхъ частей къ тому принадлежащихъ въ государствѣ нашемъ; а канцелярія факультета экономическая одному президенту подчинена. Какіе притомъ мы обомъ сямъ

департаментамъ на первой случай правила предписали, какихъ и сколько членовъ въ нихъ опредѣлили, и въ чемъ оныхъ должность нынѣ состоитъ, о томъ мы дали знать особливую инструкцію коллегіи сей за нашимъ подписаніемъ, и прилагаемъ при семъ Сенату нашему копію для вѣдома, и что принадлежитъ по ней для исполненія. Въ прочемъ оной коллегіи быть повелѣваетъ въ нашемъ особливомъ вѣдѣніи и протекціи, и сей нашъ указъ публиковать во всемъ государствѣ.

«Екатерина».

1763 года Ноября 12 дня.

ИНСТРУКЦІЯ

Коллегіи Медицинской.

Отъ тѣхъ времяяъ, какъ по правиламъ науки физической врачебное искусство въ имперію нашу вошло, чему уже болѣе шестидесяти лѣтъ миновало, факультетъ медицинской прямого основанія, по которому бы поступать ему должно было, не получалъ; но правленіе онаго учреждалось по времяямъ и случаямъ переменѣно. Иногда онымъ шефы управляли, а иногда канцелярія. И хотя учрежденія въ немъ дѣлались съ частымъ поновленіемъ; но никогда долго оставаться не могли за переменными и временными командирами, въ которыхъ силѣ и власти состояло старое отмѣнять и новое заводить; а между тѣмъ всякъ послѣдовалъ тому, что самъ за лучшее и полезнѣйшее для разпространенія сей нужной помощи въ народѣ нашемъ почиталъ. То самое мы причиною нашли, что по сіе время весьма малое число изъ російскихъ людей докторовъ и лѣкарей имѣемъ въ государствѣ нашемъ, и часто призываетъ къ себѣ въ службу чужестранныхъ между искусными и малознающихъ дѣло свое; да и тѣхъ по пространству нашей имперіи во вгургрппихъ, а паче отдаленныхъ нашихъ провинціяхъ недостаточно, такъ какъ и аптекъ не учреждено.

Сего ради и сію часть надобности государственной принявъ мы во уваженіе устанавливаемъ отъ нынѣ въ имперіи нашей факультетъ медицинской подѣ правленіемъ двухъ департаментовъ: первой есть коллегія медицинская; а другою, канцелярія отпавляющая экономію всего факультета. Въ коллегіи президентъ отъ насъ опредѣляется яко первенствующая только персона, а въ канцеляріи ему повелѣваетъ быть главнымъ командиромъ, и состоять оная должна подѣ ордерами его; о чемъ уже мы особливимъ указомъ за нашимъ подписаніемъ повелѣли Сенату нашему публиковать печатными листами во всемъ нашемъ государствѣ. А какіе распорядки сихъ департаментовъ мы учреждаемъ, о томъ точнѣйше въ сей инструкціи предписываемъ.

1. Членамъ быть въ коллегіи одному президенту, тремъ докторамъ медицинскимъ, одному штабъ-лѣкарю, одному лѣкарю, одному оператору и одному аптекарю. Оные доктора и по нихъ слѣдующіе члены всѣ должны быть искуснѣйшіе по своимъ наукамъ и талантамъ въ государствѣ нашемъ.

Докторы опредѣленные членами въ сію коллегію, имѣють чины за урядъ коллежскихъ совѣтниковъ въ нашемъ государствѣ, штабъ-лѣкарь надворнаго совѣтника, а лѣкарь, операторъ и аптекарь ассессорскими чинами почитаются.

3. Ежели кто изъ опредѣленныхъ членами въ вышепомянутую коллегію, чинъ уже выше или ниже сихъ имѣетъ, тотъ при своемъ чинѣ яко дѣйствительной и оставаться долженъ, но сіе за урядъ отъ насъ пожалованіе чиновъ разумѣется тѣмъ только, которые никакпихъ чиновъ не имѣють. Въ прочемъ кто бы какихъ чиновъ ни былъ изъ сихъ членовъ, имѣетъ въ сей коллегіи мѣсто свое брать по вышеписанному порядку такъ, какъ одинъ за другимъ здѣсь поставлены. А понеже они всѣ по своимъ должностямъ въ службѣ нашей особливия мѣста имѣть должны, отъ которыхъ и жалованіе свое получаютъ, то къ низъ обыкновенному по тѣмъ мѣстамъ жалованію мы за сей особой трудъ отъ медицинскои коллегіи прибавливаемъ докторамъ въ годъ по триста рублей, штабъ-лѣкарю двѣсти пятьдесятъ, лѣкарю, оператору и аптекарю по двести.

4. При сей коллегіи мы опредѣляемъ быть секретарю всегда, человѣку во всѣхъ физическихъ наукахъ особливыхъ талантовъ, который бы притомъ былъ и сочинитель ученныхъ дѣлъ на латынскомъ языкѣ искусной. Таковаго повелѣваемъ, ежели въ Россіи не найдется способной, доставать изъ другаго государствъ по репутаціи его, уже между учеными установленной; и жалованіе ему опредѣлять по той капитуляціи, за какую его достать будетъ можно въ нашу службу. А на какихъ кондиціяхъ онъ опредѣленія будетъ требовать, и кто онъ таковъ, о томъ президентъ всегда намъ прежде доносить долженъ.

5. Сверхъ сего быть при сей же коллегіи одному секретарю изъ российскихъ ученыхъ людей и знающихъ науки физическія и словесныя, которому жалованья производить въ годъ по пяти сотъ рублей, и одному искусному переводчику латынскаго и другихъ надобныхъ въ сей коллегіи языковъ, съ жалованіемъ по четыреста рублей. А о прочихъ канцелярскихъ служителяхъ президентъ имѣетъ обще съ коллегіею сочинить штатъ, какъ о числѣ ихъ, такъ и о жалованіи, и о всемъ принадлежащемъ до канцелярскихъ расходовъ, намъ подать на апробацію.

6. Лейбмедики наши, штабъ-хирурги и отъ нихъ зависящіе и находящіеся у двора нашего въ службѣ, не принадлежать къ командѣ сей коллегіи, но они нами самими вѣдомы остаться должны.

О должностяхъ президента.

1. Президентъ разумѣется человѣкъ такихъ достоинствъ, который не обходимо долженъ имѣть генеральное понятіе о наукахъ, и по собственному нашему усмотрѣнію его достоинствъ въ сіе мѣсто опредѣляется.

2. Президентъ имѣеть въ коллегіи одинъ голосъ и самъ собою въ ней ничего не опредѣляетъ, развѣ что ему одному отъ насъ самихъ повелѣно будетъ; но и то всей коллегіи объявить долженъ.

3. Наблюдать онъ долженъ въ коллегіи порядокъ, и за членами смотрѣть, отправляютъ ли они свою должность по узаконенію.

4. Во всѣхъ засѣданіяхъ присутствовать долженъ, предлагать, и объ всемъ что въ государствѣ нужно, напоминать. А въ случаѣ нужды и экстраординарныя сессіи назначивать членамъ.

5. Стараться долженъ и прилѣжать ко всѣмъ дѣламъ въ коллегіи трагующимся, а наипаче ему знать слѣдующія надобно въ государствѣ. 1) Число и мѣста докторовъ. 2) Число и мѣста аптекъ съ ихъ привилегіями. 3) Число и мѣста лѣкарскія. 4) Всѣ приходы медицинскіе. 5) Кому сколько жалованія, давно ли кто служить, и какую въ практикѣ репутацію имѣеть. 6) Къ какимъ мѣстамъ и какія помочи, яко то ко двору нашему, въ армию, во флотъ, въ губерніи, провинціи и во всѣ сепаратныя мѣста подавать долженъ. 7) Какія указы есть или быть могутъ, о случаяхъ мороваго повѣтрія, о падежѣ конскомъ и скотскомъ или о заразительныхъ болѣзняхъ. 8) О гошпиталяхъ публичныхъ и обученіи російскихъ людей докторству, лѣкарству и аптекарству, а напоследокъ и объ о всей экономіи медицинской.

6. Президентъ имѣеть власть все то, что въ коллегіи ученые члены отправляютъ, свидѣтельствовать, и въ сумнительномъ изъясненіи себѣ требовать; ибо что ученые прямо въ докторствѣ придумывать будутъ, то онъ долженъ соображать съ пользою народною и соблюденіемъ казны государственной, тѣмъ наипаче, что щеты аптекарскіе сумнительствамъ иногда подвержены быть могутъ, и всегда одною только вѣрностію и честностію казна въ аптекахъ сохранится.

7. Что касается до докторскихъ по наукѣ врачеванія правилъ и разсужденій, въ томъ президентъ никакого голоса не имѣеть, потому что сіе только прямо ученымъ принадлежитъ. А какъ скоро приговоръ здѣляется и подпишется учеными о какомъ-либо въ медицинѣ учрежденіи, то президенту секретарь русской подноситъ для прочитанія. Ежели найдетъ президентъ сумнительство по резонамъ, о которыхъ выше въ 6-мъ пунктѣ изображено, то обратно имъ же отдастъ для переправки, или сумнительное подпишетъ, и потому указъ послѣдовать къ исполненію долженъ. Самъ же собою поправлять и перемѣнять ничего не долженъ.

8. Всѣ репорты въ коллегію присылаемые ему подавать должно, дабы онъ свѣдомъ быть могъ, что во всей имперіи по медицинскому дѣлу происходитъ.

9. Президенту одному канцелярія экономическая подвластна, и онъ одинъ вѣдать долженъ доходъ изъ главныхъ аптекъ и подчиненныхъ, содержаніе жалованіемъ всѣхъ чиновъ въ факультетѣ, и откуда они получаютъ, такжеже

гофшпитальные штаты, театр анатомической, ботаническіе огороды и прочія строенія расходами ихъ.

О должности секретаря ученаго.

1. При всякомъ засѣданіи неотлучно секретарь быть долженъ, и комментаріи на латынскомъ языкѣ для тѣхъ причинъ, о которыхъ ниже сказано будетъ, сочинять, такъ какъ и протоколь вести.

2. Секретарь голосу никакого въ собраніи не имѣть, но только сочинитель всего быть долженъ, чего ради читать ему все, что изъ чужихъ государствъ въ медицинской наукѣ новаго приходитъ и коллегіи о томъ докладывать. Почему библиотека и архива сей коллегіи въ его смотрѣніи быть должна.

ИНСТРУКЦІЯ КОЛЛЕГІИ.

Два предлога сей коллегіи главными почтаться должны.

1. Сохраненіе врачеваніемъ народа имперіи. 2). Заведеніе російскихъ докторовъ, лѣкарей, операторовъ и аптекарей, а въ тому содержаніе порядочно аптекъ и добрая ихъ экономія: и для того долгъ коллегіи есть:

1. Всѣхъ докторовъ, операторовъ, лѣкарей и аптекарей экзаминовать съ всякою строгостію по наукѣ ихъ въ коллегіи.

2. Та же коллегія должна изобрести способы черезъ сношеніе съ московскимъ университетомъ, чтобъ изъ подданныхъ російскихъ воспитывать и обучать какъ въ теоріи такъ и въ практикѣ докторской; а что касается до лѣкарей и операторовъ, о томъ ниже будетъ упомянуто. И сіе будетъ со временемъ сохраненіемъ излишнихъ денежныхъ расходовъ въ государствѣ, которые теперь издерживаются на тѣхъ, что посылаютъ на двойномъ и тройномъ коштѣ въ чужіе университеты, а притомъ и избѣжаніемъ, чтобъ не принимать безъ разбору чужестранцовъ достойныхъ и не достойныхъ, къ чему теперь нужда приводить.

3. Никакой иной въ государствѣ департаментъ, кромѣ сей коллегіи, власти имѣть не долженъ, ни рекомендовать, ниже требовать того или другаго себѣ на ваканцію доктора или лѣкаря имянно, но коллегія по устроенію своему достоинствъ и заслугъ ихъ, мѣста имъ опредѣляетъ.

4. Всѣ между докторами ученые споры по ихъ наукѣ, коллегія рѣшить имѣть, ихъ правила сохранять, и въ судахъ ихъ новыя дѣлать по обстоятельствамъ нуждъ и времени для нихъ установленія.

5. Главное попеченіе коллегіи быть должно, чтобъ часъ отчасу больше просвѣщать докторскую науку саму по себѣ, а способы къ тому употреблять слѣдующіе:

Искоренять изъ аптекъ такіе лѣкарствы, которые изобрѣтены однимъ невѣжествомъ, и въ обыкновеніе вошли, которыхъ великое число въ аптекахъ содержится. Они и вредъ наносятъ и часто безъ нужды немалымъ коштѣмъ запаасаемы бываютъ и хранятся. Въ семъ случаѣ поступать надобно по примѣру аптекъ Лондонскихъ, Эдинбургскихъ и Шведскихъ: и для того завести и учредить коллегія имѣть диспенсаторію російскую постоянную и во всей Россіи одну, дабы всѣ тѣ, которые рецепты пишутъ, вѣдали сами составы лѣкарствъ и всю матерію, изъ которыхъ оныя въ аптекахъ сочиняются; а отъ сего и врачи сами будутъ о лѣкарствахъ ими выписываемыхъ изъ аптекъ болѣе свѣдомства имѣть, и аптеки дешевле будутъ казнѣ становиться, да и нѣкоторый способъ къ генеральнымъ счетамъ въ аптекахъ отвергнется. Чего ради такихъ книжекъ печатныхъ множество для роздачи и разсылки имѣть въ запасъ надобно: а прежде нежели въ печать таковая книжка издана будетъ, надлежитъ оную сообщить всѣмъ въ Россіи докторамъ въ манускриптахъ, дабы каждой что нибудь изъ своихъ примѣчаній по практикѣ сообщить могъ. Коллегія о томъ разсудя, за своею апробаціею во всю Россію напечатать раздасть.

6. Коллегія получала бы репорты краткіе, какъ, кто и кого лѣчилъ въ болѣзняхъ, по меньшей мѣрѣ кроническихъ.

7. Разсмотрѣть нынѣ да и впредь наблюдать, нѣтъ ли гдѣ излишнихъ докторовъ и лѣкарей на жалованіи казенномъ, и ихъ убавить: а напротивъ того въ губерніяхъ и провинціяхъ опредѣлить особливыхъ по такому опыту расположенію, чтобъ удобно ими было народу пользоваться, и притомъ подумать, откуда и какимъ жалованіемъ имъ довольствоваться, такъ какъ и аптеки для нихъ учредить по тѣмъ мѣстамъ: и сіе расписаніе взпестъ намъ на апробацію; *не забыть и о госпиталяхъ по провинціямъ учрежденіи здѣлать, и намъ представить.*

8. Каждой во всей имперіи служащій докторъ долженъ свои реляціи о болѣзняхъ и случаяхъ чрезвычайныхъ присылать въ коллегію. А тѣ реляціи между членами по провинціямъ и губерніямъ такъ раздѣлены быть должны, чтобъ каждой изъ нихъ извѣстія безпрестанно получалъ, которыя просмотря въ общее собраніе приносилъ для рѣшенія, и въ ту или другую провинцію, докторамъ и лѣкарямъ для наставленія правила посылалъ. Такимъ образомъ коллегія вскорѣ примѣтитъ: какими наишаче и какія провинціи обременяются болѣзнями, и потому мѣры съ общаго совѣта приметъ, какъ отъ тѣхъ болѣзней предостерегаться, или какъ надежнѣе ихъ лѣчить.

9. Но чтобъ коллегія лучше и ближайше каждого доктора и лѣкаря искусство персональное знать могла, то надобно, чтобъ каждой изъ нихъ повседневнаго своего врачеванія журналъ у себя велъ и описывалъ методъ, какимъ онъ кого и въ какой, а особливо кронической и экстраординарной болѣзни лѣчилъ, и тотъ бы журналъ въ три мѣсяца, или какъ назначать, въ коллед-

гію присылаць. Польза із сего та, што колегія всякаго із ній будзе искусство и одного предъ другимъ превосходство знать, и потому въ нужнѣйшія мѣста переводить, а не такъ какъ теперь опредѣляются они на удачу, по рекомендаціямъ, по собственнымъ искательствамъ, и худые передъ добрыми преимущество имѣють.

10. Исторія медицинскоі сей колегіи такимъ образомъ собираема изъ всей имперіи будетъ, и по разности климатовъ и пространству земель много заключать новаго въ откровеніи натуры для врачеванія рода человѣческаго, а уповательно, что и лѣкарствы изъ пропзраченій откроются новыя. Колегія изъ собранія таковыхъ журналовъ негодное исключая, полезное издавать должна въ печать на латынскомъ языкѣ особливою книгою подъ именемъ: *Записки докторовъ російскихъ*, которыя хотя для однихъ только докторовъ и физиковъ издаваться будутъ во всю Европу, и матерія оныхъ нѣ однимъ вразумительна будетъ: однакожь экстракты надобно прилагать при томъ и переводъ на російской языкъ.

11. Понеже лѣкари армейскіе на маломъ жалованіи противу тѣхъ, которые въ столичныхъ городахъ живутъ, содержатся, да и не столько отъ практики довольствуются; то никого изъ лѣкарей ни въ Петербургѣ ни въ Москвѣ къ корыстнымъ мѣстамъ не опредѣлять отъ сего времени, которой шесть лѣтъ въ арміи полковымъ лѣкаремъ прежде не выслужилъ. И такимъ образомъ вѣчно не останутся въ забвеніи тѣ, которые долговременно въ армейскихъ полкахъ служатъ, и младшіе у старшихъ мѣсть отымать доходныхъ не будутъ по провѣскамъ. Исключаются изъ сего запрещенія однакожь тѣ, которые по практикѣ и журналамъ отличное за собою искусство оказали.

12. Для поощренія лѣкарямъ какъ чужестраннымъ такъ и російскимъ которые по практикѣ и журналамъ искусство оказали, а сверхъ того и шесть лѣтъ въ арміи выслужили, колегія опредѣлять имѣть въ награжденіе: *ожиданіе мѣста*, такъ что какъ скоро упалое изъ лучшихъ жалованіемъ здѣлается, ему а не другому отдать; а въ ожиданіи того и прибавку таковымъ малую въ жалованіи отъ медицинскоі канцеляріи дѣлать дозволяемъ. Но снѣ ожидать мѣста, число въ штатѣ положить отъ 10-ти до 15-ти человѣкъ, а не болѣе, и сумму на то извѣстную ассигновать.

13. Какъ скоро колегія получить репортъ откуда нѣ есть, о оказавшемся повѣтріи, то неждленно тѣ способы употребить должна, которые уже указами предписаны или по обстоятельствамъ новые изобрести и ими предвѣрять и отвращать онаго разпространеніе. Тоже разумѣется и о воспахъ и прочихъ заразительныхъ болѣзняхъ.

14. Не меньше главное попеченіе быть должно сей колегіи, дабы въ гофшпиталяхъ содержанъ былъ порядочной театр анатомическоі, и чтобы молодые изъ російскихъ обучаемы были хирургіи. Къ сему потребно слѣдующее: 1) Старую носокію рассмотреть. 2) Штатъ новой въ Санктпетер-

бургѣ и въ Москвѣ при гофшпиталяхъ здѣлать. 3) Славныхъ и искусныхъ учителей въ театрамъ анатомическимъ и къ чтенію лекцій пріискать. 4) Ученниковъ принимать знающихъ уже латынской языкъ. 5) Производить въ подлѣкари и лѣкари по прямымъ достоинствамъ и по строгимъ экзаминамъ всею коллегіею. 6) Штаты школамъ здѣлать, и намъ взнести на апробацію.

15. Чтобъ доктора отличавшіеся своею практикою и сочиненіемъ исторіи о болѣзняхъ и ихъ врачеваніи, поощреніе имѣли къ службѣ, то таковыхъ коллегія иныемъ нашимъ опредѣлять имѣетъ почетными членами собранія, и таковыя доктора въ случаѣ нужды для совѣту, когда собираемы быть должны въ коллегію, мѣсто брать имѣютъ у не имѣющихъ того титула, а изъ нихъ старшій въ случаѣ ваканціи въ коллегію въ члены опредѣляемъ коллегіею быть долженъ.

16. Каждую недѣлю по два, а не больше въ коллегіи засѣданія быть должны отъ 10 до 12 часовъ до полудни, дабы прочіе дни оставались имъ для работы въ сочиненіяхъ ихъ; а между тѣмъ каждаго утра одинъ дежурной въ коллегіи быть долженъ для отправленія дѣлъ. Но президентъ всегда власть имѣетъ въ случаѣ нужды экстраординарной назначивать коллегіи и особливья собранія.

О канцеляріи медицинской экономической.

1. Канцелярія медицинская подвластна одному только президенту, и въ ней директоръ быть долженъ совѣтникъ коллежской изъ российскихъ людей, иной канцеляріи быть на такомъ основаніи, какъ тѣ канцеляріи, которыя тѣ своихъ коллегій зависятъ. Штатъ ея сочинить должно, и намъ взнести на апробацію.

2. Въ канцеляріи, когда президентъ за пужно усмотритъ, можно и изъ докторовъ давно въ Россіи живущихъ и дѣла и обряды медицинской экономіи знающихъ въ помощь опредѣлять, не требуя на то нашего указа, и жалованія прибавку за сей излишней трудъ опредѣлять противу членовъ коллегіи докторовъ. Но сего безъ нужды особливой не дѣлать.

Президентъ въ ней опредѣляетъ экономію указамъ изъ коллегіи; которыя онъ дѣла одинъ отправляетъ долженъ черезъ секретаря русскаго. И таковыя дѣла производимы быть должны на русскомъ языкѣ; по опредѣленіи и прибавка жалованія докторамъ, лѣкарямъ и операторамъ, ежели кто не по контракту служить, съ аттестату коллегіи производится имѣетъ, а прочимъ по контрактамъ и усмотрѣнію президентскому, только бы суммы въ штатѣ положенной не превосходить.

ИНСТРУКЦІЯ КАНЦЕЛЯРІИ.

1. Разсмотрѣть всѣ канцеляріи медицинской шипѣшней и аптекъ главныхъ и другихъ доходы. Имѣть ли какого похищенія или траты напрасной деньгамъ.

2. Всѣ расходы на коллегію медицинскую и на всѣхъ въ ея вѣдомствѣ состоящихъ докторовъ, лѣкарей, аптекарей и прочихъ мѣсть служащихъ по пхъ штатамъ содержать имѣть. А притомъ на аптеки, гофшпитали, театр анатомической, учениковъ, огороды ботаническіе и лабораторіи.

3. Изъ сихъ двухъ пунктовъ узнать можетъ, до какой суммы въ приходѣ и расходѣ коллегіи имѣеть, и потому увидать, сколько отъ своихъ доходовъ въ остаткѣ или въ недостаткѣ найдеть, дабы можно было единожды сумму положенную на коллегію въ добавокъ положить и утвердить, или своими доходами довольствоваться.

4. Всѣ чины и служители коллегіи медицинской должны быть въ командѣ президентской.

5. Президентъ по коллегіи долженъ намъ каждого мѣсяца репорты подносить, о томъ, что въ ней происходитъ, такъ какъ и по случаямъ чрезвычайнымъ.

6. Въ какомъ состояніи нынѣ президентъ найдеть канцелярію медицинскую, разсмотря прилѣжно приходы, расходы и экономію, такъ какъ и весь факультетъ, о томъ долженъ письменно намъ донести, дабы извѣстны были потомъ его собственные о исправленіи труды.

Сія инструкція дается медицинской коллегіи на первой только случай; а ежели по текущимъ дѣламъ что либо усмотрится излишнее и невозможное или недостаточное и требующее перемены, о томъ президентъ письменно намъ докладывать долженъ, и ожидать нашей собственной резолюціи, такъ какъ мы сію коллегію и весь медицинскій факультетъ приедемъ въ особое наше покровительство.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: «Екатерина».

Ноября 12 дня 1763 года, Санктпетербургъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

Душевная болѣзнь царя Ивана Васильевича IV, Грознаго.

Въ русской исторіи имя царя Ивана IV Васильевича упоминается съ ужасомъ и вмѣстѣ какъ будто съ укоромъ за всѣ злодѣянія, убійства и казни, совершенныя имъ въ теченіе 23 лѣтъ. Карамзинъ называетъ его тираномъ, душегубцемъ, извергомъ и мучителемъ: но ни самъ онъ не догадался, ни собранные имъ богатые историческіе матеріалы не подсказали ему, что царь

Иванъ IV, напрасно прозванный Грознымъ, былъ не извергъ въ человѣческомъ родѣ, а просто больной, нуждавшійся въ лѣченіи и совѣмъ не въ такомъ уходѣ, какими окружали его лстивые царедворцы, искавшіе личныхъ выгодъ въ возбужденіи и поддержаніи болѣзненнаго раздраженія его. Для подтвержденія этого приведемъ нѣсколько указаній изъ *Истории* Карамзина. Жизнь Ивана IV раздѣляется на двѣ половины, непохожія одна на другую и разграниченныя смертью первой супруги его, царицы Анастасіи. Въ первую изъ этихъ половинокъ должны быть включены воспитаніе царя, его первая женитьба, перенесенная имъ тяжкая горячка и смерть первой его жены. Царь Иванъ родился съ пылкими страстями, сильнымъ воображеніемъ и съ умомъ болѣе острымъ, чѣмъ глубокимъ и основательнымъ; но онъ съ 7 лѣтъ былъ круглымъ сиротою и среди боярскихъ междоусобій вовсе не получилъ никакаго воспитанія. Съ 13-лѣтняго возраста его безпрестанно забавляли, тѣшили шумными играми во дворцѣ и звѣриною ловлею въ полѣ, питали въ немъ наклонности къ сластолюбію, ожесточали сердце, угрождали всѣмъ его прихотямъ. Достигши 17 лѣтъ, онъ выразилъ желаніе жениться, и въ тоже время велѣлъ короновать себя, принявъ все правленіе въ свои руки и значительно переимѣнился. Онъ отказался отъ обыкновенныхъ «прохладѣ» царскихъ, сдѣлался внимателенъ къ дѣламъ правленія, неутомимъ въ занятіяхъ, ласковъ къ вельможамъ, привѣтливъ къ народу, любилъ разговаривать съ нимъ, однимъ словомъ сдѣлался радостью и гордостью всего народа русскаго. Такъ прошло около 7 лѣтъ. Весною 1553 года онъ внезапно захворалъ тяжелою горячкою и считался даже безнадежнымъ къ выздоровленію. Тутъ представилось зрѣлище поразительное. Царь былъ въ памяти. Дьякъ царскій Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостью сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Иванъ не утрашился и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія (недолго спустя умершаго) своимъ преемникомъ, единственнымъ государемъ Россіи. Бумагу написали: хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ и собрали ихъ въ царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ; одни требовали, другіе не давали присяги. Самодержецъ безмолствовалъ въ изнеможеніи. Онъ чувствовалъ себя простымъ слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священный долгъ покоить умирающаго, шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно лежащаго Іоанна и разошлись».

Крѣпкое здоровье и молодость одолѣли болѣзнь и Иванъ выздоровѣлъ, вопреки ожиданіямъ бояръ; но эта болѣзнь и крамола бояръ оказали глубокое впечатлѣніе на всю остальную жизнь оскорбленнаго царя. Обнаружилось это впечатлѣніе не тотчасъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Царь повидимому забылъ о козняхъ бояръ и простилъ имъ то, что произошло во время его бо-

лѣзни. Но со смертію царицы Анастасіи (умерла она 7 августа 1560 года отъ тяжелой болѣзни, усиленной испугомъ отъ пожара въ Москвѣ) наступилъ конецъ счастливыхъ дней для Іоанна и для всей Россіи. Царь очень любилъ свою первую супругу, плакалъ и рыдалъ при ея кончинѣ и быстро сдѣлался не узнаваемымъ. Удалены были отъ двора первые совѣтники счастливой поры Іванова царствованія, Сильвестръ и Адашевъ, и ненавистники этихъ вѣрныхъ слугъ государя старались истребить даже духъ Адашева. Новые придворные льстецы говорили Іоанну: «всегда ли плакать тебѣ о супругѣ? Найдешь другую, равно прелестную; но можешь неумѣренностію въ скорби повредить своему здравію безцѣнному. Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ земной горести искалъ и земнаго утѣшенія». Іоаннъ искренно любилъ покойную супругу, но легкомысліе было спльнѣ его горести. Онъ безъ гнѣва слушалъ утѣшителей и черезъ восемь дней по смерти Анастасіи объявилъ о своемъ намѣреніи вторично жениться. Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять царя сперва пріятною бесѣдою, шутками, а потомъ и «свѣтлыми» пирами; напоминали другъ другу, что вино радуеть сердце, смѣялись надъ неумѣстнымъ обычаемъ умѣренности. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, играца, на коихъ трезвость, самая пристойность считалась непристойностію и началось распутство. Женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забывалъ цѣломудріе и въ ожиданіи новой супруги искалъ случаевъ къ удовлетворенію грубымъ чувственнымъ вожделѣніямъ.

Съ этихъ поръ началъ расти тотъ червь, который быстро подточилъ душу несчастнаго царя, но до котораго не могла уже дойти ни одна оберегающая рука. Слостолюбивое безстыдство не могло остаться незамѣтнымъ и прежде всего пало позорнымъ пятномъ на участниковъ распутства. А эти послѣдніе, указывая царю на печальныя лица важныхъ бояръ, шептали: «вотъ твои недоброхоты. Вопреки данной ими присягѣ, они живутъ адашескимъ обычаемъ, сѣютъ вредныя слухи, волнуютъ умы, хотятъ прежняго своевольтва». Такіе ядовитыя налѣты растравляли іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ. Взоръ его мутился, изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти минувшихъ измѣнниковъ, онъ дѣлался боязливымъ и подозрителемъ, вездѣ видѣлъ враговъ и стремился отстранить ихъ и защититься отъ нихъ, сдѣлался мучителемъ. Начались казни, не разбиравшія ни праваго ни виноватаго и падавшія преимущественно на людей неповинныхъ. Эти безумныя казни, это безчеловѣчное избіеніе сотенъ тысячъ людей продолжались двадцать три года, до самой смерти Іоанна. Эти казни, какъ проявленія душевной болѣзни царя, были однакоже не непрерывны. Онъ являлись приступами гнѣвной ярости, за которыми наступали кратковременныя перемижьи. При началѣ каждаго приступа царь жаловался на бессонницу и могъ нѣсколько сутокъ оставаться безъ сна. Врачвое на-

внѣшней политики и гордый постоянными успѣхами въ ней, не постыдился, отправляя пословъ къ Стефану Баторію, велѣть имъ «не только быть смиренными, кроткими въ переговорахъ, но даже терпѣть и побои» (1581). Съ тѣхъ поръ малодушіе, ложная боязнь и безпричинная трусость въ дѣлахъ внѣшней политики не оставляли царя до самой смерти его и много повредили Россіи.

Въ заключеніе исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго Карамзинъ говоритъ, что характеръ Іоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть загадка для ума. Мнѣ кажется эта загадка разрѣшается весьма просто, если допустить, что въ жизни этой великой личности было два различные періода, изъ коихъ въ первомъ онъ былъ здоровъ и проявлялъ свои натуральныя свойства, а во второмъ — одержимъ былъ неистовымъ умопомѣшательствомъ, *mania furibunda*), вызваннымъ и поддерживавшимся яростнымъ сладострастіемъ и распутствомъ. Это подтверждается какъ принадлежками умственного расстройства, выше изложенными со словъ историка, такъ и всѣмъ ходомъ страшной болѣзни царя Іоанна IV Васильевича, болѣе несчастнаго по болѣзни, чѣмъ влаго по природѣ своей.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

НАСТАВЛЕНІЕ АРХІАТЕРА Я. Ѧ. МОЗЕЯ

служащимъ въ полкахъ, во флотѣ и другихъ командахъ, лѣкарямъ, какъ поступать при отправленіи своей должности.

Архіатеръ Я. Мозей писалъ 30 апрѣля 1762 года, въ опредѣленіи медицинскон канцеляріи, что состоя въ армейской службѣ онъ видѣлъ, что «въ полкахъ чрезмѣрно великій и напрасный медикаментамъ расходъ, который къ немалому казнѣ ущербу многократно бываетъ безъ всякаго разбору и безъ полученія болящимъ отъ употребленія оныхъ пользы, что не иному чему, какъ неразумливому беспорядку и престарѣлому обыкновенію приписать надлежитъ, ибо большая часть лѣкарей во мѣвнн томъ состоятъ, чтобы въ лазаретахъ или пришедшимъ къ нимъ больнымъ задавать токмо повседневно медикаменты, а какой успѣхъ отъ прежде заданныхъ послѣдоваль и надлежитъ ли онымъ повторить или отъ прежде заданныхъ ожидать желасмаго дѣйствія, о томъ большая часть лѣкарей попеченія не имѣютъ и токмо наблюдаютъ то, чтобы отъ больныхъ и отъ приставленныхъ надъ оными пачальниковъ, въ случаѣ незаданнаго лѣкарства, выговоромъ и нареканія не имѣли, не разсуждая о томъ, что по учрежденнымъ на здравое разсужденіе регуламъ медицинскаго

искуства, больше больше пользы имѣютъ и скорѣе выздоравливать будутъ отъ добраго присмотра, нежели отъ множества лѣкарствъ и излишняго отягощенія оными, а въ разсужденіи томъ, дабы впредь отпускаемые въ поля, во флотъ и въ другія команды медикаменты лучшимъ порядкомъ и съ надлежащимъ разсмотрѣніемъ и осторожностію въ расходъ употребляемы и больными по состоянію ихъ болѣзней и припадковъ заданы были, онымъ архіатеромъ нынѣ сочинено «Наставленіе всѣмъ лѣкарямъ», сущность котораго состояла въ предписаніи вести лазаретныя книги и записывать въ оныя ходъ болѣзни и назначеніе медикаментовъ (нынѣшніе скорбные листы), а по окончаніи каждаго мѣсяца сводить итоги израсходованныхъ медикаментовъ и представлять въ медицинскую канцелярію или контору. Вотъ это

НАСТАВЛЕНІЕ

состоящимъ въ службѣ Е. И. В. при полкахъ, во флотъ и прочимъ всѣмъ командамъ лѣкарямъ, по которому до учиненія генеральнаго опредѣленія и инструкціи въ отправленіи должности ихъ поступать и по исправномъ исполненіи къ полученію дозволеннаго во всемілостивѣйше конфирмованномъ отъ Е. И. В. плавѣ прибавочнаго жалованья и произведенія удостоиться имѣютъ.

А.

Обція заслуги и достоинства, кои отъ каждаго состоящаго въ службѣ Е. И. В. лѣкаря требуются и за которыхъ медицинская канцелярія, по освидѣтельствованіи нижесписанныхъ лазаретныхъ книгъ и мѣсячныхъ о больныхъ и медикаментахъ репортовъ и по усмотрѣніи исправности оныхъ, сверхъ окладнаго по штатамъ жалованья прибавкою награждать имѣетъ, состоятъ въ слѣдующемъ, причемъ если отъ докторовъ и штабъ-лѣкарей, у коихъ въ командахъ состоятъ, такожь отъ полковаго штаба и прочихъ командировъ о поведеніи ихъ и прилежности аттестаты представлять, то оныя имъ къ лучшей рекомендаціи служить будутъ.

1. Какъ каждый человѣкъ у начала своего черезъ порядочное, учтивое и трезвое поведеніе житія рекомендуется, такъ наибольше оное отъ лѣкаря въ разсужденіи важной ево должности, по которой многихъ людей здравіе ему поручаемо быть имѣетъ, требуется.

2. Понеже лѣкаря состоящіе при полкахъ и при прочихъ командахъ должныюють больнымъ выпянаго и нижняго чина всегда, денно и ноцно, со всякимъ тщательнымъ раденіемъ и прилежностію пользоваться и для того пользования онымъ потребные медикаменты поручены быть имѣютъ, того ради о порядочномъ ихъ въ томъ поведеніи лучшаго свидѣтельства требовать не можно, какъ порядочную и акуратную записку о привлекающихся болѣзняхъ и о употребленныхъ противъ оныхъ медикаментахъ; чего ради всякій лѣкарь долженъ

3. Въ полковыхъ и прочихъ командахъ лазаретахъ, какъ о находящихся въ оныхъ, такъ и о имѣющихся въ квартирахъ больныхъ, содержать особливую книгу и въ оной записывать поименно:

1) Болѣзни съ прописаніемъ случающихся припадковъ. 2) Въ тѣ дни, когда медикаментовъ задавать надлежитъ, то оныя прописывать въ тойже книгѣ, а прочіе дни, когда оныя быть задаваны не имѣютъ, то записывать токмо числа. 3) Когда главная болѣзнь пережѣнится или вновь трудныя припадки окажутся, то оныхъ записывать же. 4) Употребленныхъ въ расходъ медикаментовъ на концѣ недѣли исчислить и записывать оныя въ лазаретную книгу, а какъ по прошествіи каждаго мѣсяца о больныхъ рапорты къ представленнымъ надъ ними докторамъ или штабъ-лѣкаряхъ, а отъ отдѣленныхъ командъ въ медицинскую канцелярію или оной въ контору отправить, то притомъ приобщить имѣютъ также о издержанныхъ въ каждомъ мѣсяцѣ медикаментахъ сокращеннымъ реестромъ или спецификаціею. 5) Означеннымъ книгамъ должно завсегда быть въ лазаретахъ, чтобъ докторъ и штабъ-лѣкаръ при осмотрѣ лазарета и находящихся въ ономъ больныхъ могли пересматривать и какъ оныя книги содержатся и въ медицинскую канцелярію рапортовать. 6) Во время походовъ, тѣхъ лазаретныхъ книгъ акуратно содержать будетъ невозможно; однакожъ всякій лѣкаръ принадлежать будетъ въ такомъ случаѣ случающіяся болѣзни и употребленныя противъ нихъ медикаменты записывать такъ, какъ время и обстоятельства дозволятъ будутъ. 7) Когда сундуковъ комплектовать надлежитъ, то со оными посылать должно и лазаретныхъ книгъ въ аптеку ту, отъ которой медикаменты требованы быть имѣютъ и адресовать оныя въ конвертахъ для посылки въ медицинскую канцелярію. 8) Каталоговъ требующихъ для укомплектованія полковыхъ сундуковъ медикаментныхъ для разсматриванія и засвидѣтельствованія подавать или отсылать къ дивизионнымъ и прочимъ докторамъ, флотскіе къ флотскому, а отъ прочихъ полковъ и командъ, гдѣ докторовъ или штабъ-лѣкарей нѣтъ, присылать въ медицинскую канцелярію, или оной канцеляріи въ контору, куды способнѣе при доношеніяхъ и при оныхъ сообщать объ остаточныхъ реестры и прежніе данныя изъ аптекъ, изъ коихъ комплектованы были каталоги по прежнему, а въ доношеніяхъ объявлять, въ которую аптеку лазаретныя книги посланы.

4. Каждому лѣкарю подтверждается случающихся при полку или при командѣ больныхъ пользоваться и призирать съ крайнимъ раченіемъ и прилежностью, въ прописываніяхъ же и употребленіи медикаментовъ наблюдать всякую осторожность и безъ требованія нужды медикаментовъ, для опасенія какого либо нареканія или токмо для одного тщеславія своего или изъ благоволенія казыхъ либо персонъ, по обычаю эмпирическому въ расходъ не производить.

5. Всякій искусный лѣкарь долженъ также по состоянію мѣста стараніе имѣть, чтобы особливо весеннимъ временемъ, а потомъ и лѣтомъ, всякія хорошія и полезныя травы сыскиваны и заготовливаны были для употребленія оныхъ къ пользѣ болящихъ, а какія травы и прочія вегетабиліи время отъ времени приготовлены будутъ, оныя записывать въ мѣсячныхъ репортахъ; въ прочемъ же отсюду медикаментамъ наблюдать исправную экономію и оныя содержать всегда въ храненіи за замкомъ и печатью, дабы изъ нихъ ничто утрачено не было.

6. Долженъ стараніе имѣть, дабы больные, особливоже въ лазаретахъ, содержаны были порядочно и въ чистотѣ, имъ давана-бъ была здоровая и по обстоятельствамъ болѣзни приуготовленная пища; да и въ прочемъ во всемъ наблюдать надъ больными добрый присмотръ и услуженіе, въ разсужденіи томъ, что оное болящимъ больше къ пользѣ служить имѣеть, нежели когда многими и излишними медикаментами отягощены будутъ; напротивъ того безъ такого присмотру лучшіе медикаменты дѣйствовать и пользу учинить не могутъ; а для того что касается до содержанія лазарета и требующихся къ заготовленію въ оныя надобностяхъ, также о произведеніи на больныхъ принадлежащей по состоянію болѣзней пищи и о опредѣленіи къ призиранію числа людей представлять командующимъ, въ случаѣ же остановки репортовать доктору и штабъ-лѣкарю, а по обстоятельствамъ нужды въ медицинскую канцелярію и оной канцеляріи въ контору.

7. Каждый лѣкарь долженъ о важнѣйшихъ болѣзненныхъ приключеніяхъ и о лѣченіи оныхъ готовить обстоятельныя вѣдомости и для отсылки въ медицинскую канцелярію подавать докторамъ или штабъ-лѣкарямъ, у коихъ въ командѣ состоятъ будутъ, и отъ отдѣленныхъ командъ отсылать оныя въ медицинскую канцелярію.

8. Оныя вѣдомости писать на російскомъ, нѣмецкомъ или латинскомъ языкѣ, на которомъ кто себя лучше изъяснить можетъ; однакоже кто такую вѣдомость сочиня пришлетъ явственнымъ латинскимъ письмомъ, тотъ онымъ себя наипаче рекомендовать будетъ.

9. Понеже лѣкари порученными имъ казенными медикаментами должны токмо состоящихъ въ дѣйствительной службѣ при полкахъ и командахъ чиновъ, у коихъ на медикаменты и вычетъ изъ жалованья чинится пользоваться, кромѣ фамиліи, дѣтей и собственныхъ слугителей; однакоже случиться можетъ, особливо въ походахъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ аптекъ нѣтъ, что изъ штабъ и оберъ офицерскихъ фамилій или кому изъ партикулярныхъ людей приключится болѣзнь и противу оной скорое вспоможеніе востребуется; въ такомъ случаѣ лѣкарямъ позволяется требующихся медикаментовъ отпускать за плату изъ полковаго и прочихъ командъ сундука и записывать оныя медикаменты въ книгу особливую статью и представлять о томъ доктору или штабъ-лѣкарю и съ ихъ засвидѣтельствомъ отсылать въ

ближнюю казенную аптеку, или при комплектованіи сундуковъ при доношеніяхъ присылать въ медицинскую канцелярію или оной канцеляріи въ контору, куда кому способнѣе будетъ.

Сіе разумѣется и «о своевольныхъ болѣзняхъ • не въ службѣ Е. И. В. полученныхъ ранахъ и блессурахъ, за коихъ лѣченіе штабъ и оберъ-офицеры, въ силу воинскаго устава главы 33, пун. 5, должны какъ лѣкарю за трудъ, такъ и за медикаменты платить; лѣкари же полученные за медикаменты деньги по способности отсылать въ медицинскую канцелярію или оной канцеляріи въ контору, или въ полевая аптеки, и въ которую аптеку оныя деньги присланы будутъ записывать въ приходъ и давать лѣкарямъ квитанціи, а по исполненіи въ медицинскую канцелярію репортовать. Для оцѣнки надлежитъ лѣкарямъ объ отпускаемыхъ имъ медикаментахъ отъ аптекъ собирать цѣны по опредѣленной таксѣ.

10. Понеже сверхъ медикаментовъ въ полковые и прочіе сундуки отпускается къ наружному употребленію повсягдно не малое число холста, ветошекъ, тесьмы, метель, а къ варенію декоктовъ котлы, кострюльки, ко всякимъ же прочимъ надобностямъ иготи, вѣски, разновѣсы и подобные онымъ, такожъ всякіе хирургическіе инструменты, инъекціонныя шприцы, ножницы и прочіе припасы на немалуюжъ сумму, того ради силою сего всѣмъ лѣкарямъ подтверждается со оными вещми поступать впредъ со всякою бережливостію,

и 1) изъ нихъ холстъ выдавать по требованію надобности безъ излишества и накрѣшко смотрѣть, чтобъ не всегда при всякой перевязкѣ употреблены были новые бандажи, но велѣть держанныя вымыть и оныя къ употребленію беречь по возможности, сколькожъ холста когда издержится—записывать поведѣльно въ лазаретнуюжъ книгу.

2) Котлы, кострюльки и прочіе инструменты употреблять съ бережливостію и послѣ употребленія оныя велѣть вычищать и класть къ мѣсту.

3) Если случится, что при употребленіи или при операціи какой либо инструментъ изломается или повредится, то для перемѣны отсылать въ аптеку, а въ посылаемыхъ въ медицинскую канцелярію или той канцеляріи въ контору доношеніяхъ и репортахъ именно прописывать, какимъ случаемъ оныя изломались или испортились.

4) Такимъ же порядкомъ поступать съ разновѣсомъ, вѣсками и прочими припасами, ибо о томъ всежъ при вступленіи каталоговъ точно разсматривано будетъ и если явится, что какой либо инструментъ или что изъ прочихъ припасовъ отъ небреженія и оплошности утрачено, то во что въ казну обошлись изъ жалованья вычтено и за означенную оплошность штрафованы будутъ.

11. Каждый лѣкарь долженъ подчиненныхъ ему подлѣкарей къ равномужъ исполненію по выше писаннымъ артикуламъ содержать и смот-

рѣтъ, чтобъ всякъ должность свою отправлять съ надлежащимъ порядкомъ, а если кому изъ подлѣкарей поручены будутъ медикаменты и прочія вещи, то должны лѣкарямъ давать объ оныхъ отчетъ.

12. Когда для надтверженія исправныхъ ротныхъ фельдшеровъ полковымъ лѣкарямъ впрёдъ даны будутъ ученики, то въ такомъ случаѣ лѣкари съ подлѣкарями должны оныхъ въ практической хирургіи обучать съ прилежаніемъ, и около больныхъ къ надлежащимъ по лѣкарской должности услуженіемъ порядочно употреблять, а при томъ оныхъ заставляли читать хорошихъ хирургическихъ книгъ, да притомъ сколько возможно къ обученію латинскаго и нѣмецкаго языковъ, а по меньшей мѣрѣ по латыни читать и писать, чтобъ по выдержаніи у дивизионнаго доктора и штабъ-лѣкаря экзамена и по даннымъ отъ оныхъ аттестатамъ при ротахъ опредѣлены и службу свою отправлять могли съ успѣхомъ.

Б.

Относительно заслуги и достоинства хотя основаніе имѣютъ на вышесказанныхъ должностяхъ; но понеже всѣ лѣкари въ знаніи медико-хирургическаго искусства равнаго состоянія быть не могутъ и потому одинъ другаго превосходить будетъ въ томъ, что

1. Если о болѣзняхъ точнѣе и акуратнѣе разсуждать, бываемыя между оными перемѣны и припадки обще съ дѣйствіемъ употребленныхъ лѣкарствъ лучше примѣчать и такимъ образомъ предъ прочими представить о болѣзни или послѣдовавшей смерти и о бывшемъ лѣченіи основательную вѣдомость (*historiæ morbi, mortis et curæ*).

2. Потомужъ лѣкарь рекомендовать себя съ отнѣтностью имѣеть, если, особливо въ отдаленныхъ мѣстахъ о принадлежащихъ къ натуральной исторіи и матеріи медицинскій вѣщахъ, изъ минеральной ли части или изъ произрастающихъ или изъ звѣриной части попеченіе имѣть будетъ особливо что изыскать и разному оныхъ обще съ дѣйствіемъ съ основаніемъ изслѣдовать, а притомъ мѣстоположеніе, погоду, нравы, обряды и обыкновенія тѣхъ мѣстъ жителей и отъ того происходимыхъ здоровыхъ или болѣзненныхъ обстоятельстввахъ примѣчать и время отъ времени въ медицинскую канцелярію присылать будетъ принадлежащія вѣдомости.

1) Если въ рисованіи обучень, то оное ему въ семь дѣлѣ много пользы чинить будетъ,

2) Потребно также какъ отъ произрастающихъ, такъ отъ прочихъ натураліевъ понемногу экземпляровъ или штукъ съ вѣдомостями присылать.

В.

Важнѣйшія услуги и достоинства лѣкарскія состоятъ въ томъ, если кто какъ вообще по хирургіи и анатоміи, такъ особливо въ субтильнѣйшихъ операціяхъ, яко въ сниманіи катаракты, вырѣзываніи камня, килъ, въ ауши

рованіи и т. п. съ отъѣннымъ искусствомъ себя натвердить, а притомъ въ главнѣйшихъ языкахъ основаться будетъ такъ, что въ состояніи быть можетъ прочіи фундаментальностью обучать и имѣ явственныя и понятныя лекціи давать, ещежъ всѣхъ родовъ операціи съ принадлежащимъ къ тому наставленіемъ показывать и въ томъ ихъ натверживать будетъ.

Ja. Mounsey.

30 апрѣля 1762.

ПРИЛОЖЕНИЕ X.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи.

Аксордъ Илья Самойловичъ (Askord Elias), родомъ изъ Могилева. Учился медицинѣ въ Берлинѣ шесть лѣтъ и получилъ тамъ докторскій дипломъ. Возвратившись на родину, экзаминованъ былъ въ медицинскоѣ коллегіи и получилъ право практики (30 іюня 1788) въ Россіи. Въ послѣдствіи онъ состоялъ на службѣ въ Кіевскомъ полевомъ госпиталѣ, а потомъ въ Васильковскомъ карантинѣ до его упраздненія (въ 1796 году). Оставшись при этомъ безъ мѣста, Аксордъ просился въ Липовецкій уѣздъ кіевскоѣ губерніи, съ жалованьемъ по 300 р., и получилъ мѣсто (1797). Но назначеніе это вскорѣ отъѣнено и Аксордъ переведенъ докторомъ въ черноморскій флотъ, съ жалованьемъ по 800 р. Но и это назначеніе также отъѣнено. А именно при больницахъ Кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія не состояло доктора и кіевскій гражданскій губернаторъ Милашевичъ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ мед. коллегію опредѣлить на эту должность доктора Аксорда. Коллегія исполнила представленіе губернатора и назначила Аксорда на службу въ Кіевъ, 17 декабря 1797, къ заведеніямъ кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ.

Анжу Федоръ Андреевичъ (Anjou Friedrich), сынъ часоваго мастера въ Москвѣ. Первоначально учился въ Московскоѣ госпитальной школѣ, куда поступилъ волонтеромъ 1 мая 1775 года. Окончивъ здѣсь курсъ, признанъ лѣкаремъ (17 іюля 1779 года) и тотчасъ же отправился за границу для дальнѣйшаго образованія, учился сперва въ Берлинѣ, а потомъ въ Геттингенѣ гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (8 іюля 1783). Возвратившись на родину экзаминованъ былъ въ медицинскоѣ коллегіи и получилъ право докторскоѣ практики (23 іюля 1784). Принятъ на службу (17 декабря 1784) въ Клинскій уѣздъ москов. губерніи, но вскорѣ уволенъ по болѣзни (1788). Потомъ опять опредѣлился на службу въ Вышній Волочокъ (1790 мая 6) и

затѣмъ окончательно уволенъ отъ службы (17 августа 1797) съ паспортомъ отъ коллегіи.

Ардинуа Францискъ (Ardinois Francois) родился въ Москвѣ и учился medicinѣ въ Голландіи, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De anatomia fundamento mesidinae*, 1718. По возвращеніи въ Россію служилъ въ морской медицинской службѣ, въ Кронштадтѣ.

Аубель Филиппъ Леонтьевичъ, принятъ въ русскую службу лѣкаремъ въ корабельный флотъ (1788) и черезъ девять лѣтъ уволенъ за болѣзнію (1797). Послѣ того опредѣленъ былъ опять на службу операторомъ въ Лифляндскую врачебную управу. Но опредѣленіе это не состоялось и Аубель 28 марта 1799 года назначенъ въ армію генерала отъ инфантеріи Ласси „докторомъ“.

Аццарити Юг. Арунцій (Azzariti Argentius Johann) родился въ Апуліи, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, учился medicinѣ въ Падуѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Прибылъ въ Петербургъ по приглашенію графа Саввы Рагузинскаго (въ 1721 году) и опредѣленъ на службу при госпиталѣ. Въ числѣ обязанностей его состояло преподаваніе и повтореніе подлѣкарямъ и ученикамъ разныхъ отдѣловъ анатоміи, тѣмъ болѣе что Аццарити славился тонкостью анатомическаго препарованія. Подобнымъ же образомъ происходило въ госпиталѣ преподаваніе хирургіи гофъ-хирургомъ В. Горномъ еще за долго до учрежденія въ Петербургѣ госпитальныхъ школъ. Другая обязанность д-ра Аццарити состояла въ исполненіи разнаго рода порученій «у физическихъ дѣлъ» при медицинской канцеляріи. Такъ, напримѣръ, архіатеръ И. Л. Блжментростъ, уѣзжая по службѣ въ Москву, 8 января 1728 года, поручилъ исполненіе текущихъ дѣлъ медицинской канцеляріи секретарю Семену Львову, а для освидѣтельствованія больныхъ у физическихъ дѣлъ приглашать доктора Арунціуса Аццарити, а когда ему было бы нельзя, то доктора (въ послѣдствіи штабт-физика) Минята. Вѣроятно по городской репутациі докторъ Аццарити сдѣлался извѣстенъ фельдмаршалу Миниху и тотъ принялъ его къ себѣ докторомъ, съ жалованьемъ по 700 р. (1733), съ 10 раціонами и съ порціонами на двухъ денщикахъ. А такъ какъ по закону (по штату) докторъ при главнокомандующемъ считался генеральнымъ штабт-докторомъ, то и Аццарити, по положенію своему, назывался генеральнымъ штабт-докторомъ. Прослуживъ тутъ три года, онъ обратился къ фельдмаршалу Миниху съ просьбою исходатайствовать ему прибавку жалованья, на томъ основаніи, что каждый штабт физикъ получаетъ больше жалованья, чѣмъ, онъ, главный докторъ цѣлой арміи. Минихъ не отказалъ въ ходатайствѣ и Аццарити получилъ прибавку во 100 р. къ прежнимъ 700 р. (4 іюня 1736) въ годъ. Войска находились подъ Очаковымъ, подъ командою Миниха, какъ получено донесеніе въ штабъ, что армія не имѣетъ ревеннаго корня. Ревень въ прошломъ столѣтіи цѣнился очень дорого, получался на всю Европу исключительно изъ аві-

атской Россіи и имѣлъ въ болѣзняхъ обширное употребленіе. Добываніе его сохранилось въ величайшей тайнѣ и для разсортировки его содержалась особенная Ревенная Коммисія въ Иркутскѣ («у брака ревеня»). Эта правительственная монополія приносила казнѣ большой доходъ. Грозный Минихъ очень былъ недоволенъ извѣстіемъ и велѣлъ спросить Апарити, какъ могло случиться это нерадѣніе, вредное для арміи. Смущенный этой грозою и не зная, какъ дѣйствительно объяснить себѣ это происшествіе Апарити письменно донесъ, что ремень не доставленъ въ армію по причинѣ замедленія наряда его въ медицинской канцеляріи, Минихъ былъ уже недоволенъ медицинскою канцеляріею, а теперь воспользовался случаемъ отомстить за свою неудачу и приказалъ доставить ремень въ армію на курьерскихъ нарочныхъ подводахъ на счетъ медицинской канцеляріи. Уплатить за эту издержку пришлось 123 руб. Но важность была не въ денежномъ штрафѣ, наложенномъ фельдмаршаломъ на медицинскую канцелярію, а въ оскорбленіи самолюбія ея, и притомъ совершенно напрасномъ: по собраннымъ справкамъ и по произведенному дознанію донесеніе Апарити не оправдалось и ни замедленія, ни нерадѣнія медицинской канцеляріи вовсе не было. Когда дѣло это разъяснилось, медицинская канцелярія постановила (15 сентября 1737 года) Апарити «для его худой диспозиціи въ удовольствованіи больныхъ солдатъ арміи Е. И. В., понеже онъ и первый годъ въ должности его весьма былъ неисправенъ и въ минувшей Очаковской кампаніи диспозиція такъ неисправна, что о томъ на медицинскую канцелярію жалобы учинились, которыя жалобы въ оной канцеляріи нѣкоторыми собранными докторами изслѣдованы и канцелярія медицинская явилась неповинна, того для оная канцелярія опредѣлила (какъ желалъ и фельдмаршалъ Минихъ) онаго Апаритія отъ диспозиціи управленія медицинскихъ дѣлъ при арміи Е. И. В. впредь до указа отрѣшить и предать оное доктору Кондоиди, который во время службы его всякую вѣрность и осторожность въ диспозиціи медикаментовъ, такожъ добрый порядокъ въ правленіи лѣкарей имѣлъ и всегда Е. И. В. указомъ надлежащее исполненіе чинилъ, а стараніе о здравіи онаго генераль-фельдмаршала и кавалера графа фонъ-Миниха, такожъ и прошлаго генералитета, оставить во всемъ по прежнему генераль-штабъ-доктору Апарити впредь до указу».

Этимъ не кончилось. 21 февраля 1738 года архіатеръ Фишеръ писалъ въ комитетъ, что такъ какъ Апарити больше не генераль-штабъ-докторъ, то прибавленные къ его жалованью 100 р. слѣдуетъ у него отнять и передать Кондоиди, а за фальшивое донесеніе Апарити, будто замедлено было до-

*) Въ 1799 году Ревенная коммисія въ Иркутскѣ состояла изъ двухъ лицъ: штабъ-лѣкаря Ризенко и аптекаря Бреннера. Эта коммисія подчинена была исключительно медицинской коллегіи, не имѣя никакихъ отношеній къ мѣстной врачебной управѣ.

ставленіе ревеня въ армію, заставивъ 23 августа 1737 года послать ремень изъ С.-Петербурга на почтовыхъ нарочныхъ подводахъ, съ платою 123 р. вычестъ эти деньги у него изъ жалованья (что и исполнено 5 мая 1738). А чтобы подобные беспорядки не повторились, Фишеръ испросилъ указъ Миннику, чтобъ при его штабѣ было собраніе докторовъ, въ котороужъ бы они поровну распредѣляли медикаменты по полкамъ, лѣкарей по мѣстамъ, а для иррегулярныхъ войскъ назначить особыхъ сверхштатныхъ лѣкарей, которые посланы нарочно въ армію.

По окончаніи войны Ацарити отправленъ былъ въ Москву подъ арестомъ (27-го іюня 1742), и арестъ снятъ съ него только 14 декабря тогоже года. Съ этого времени онъ остался безъ службы, но безъ лишенія права практики. Жилъ онъ въ Москвѣ и тамъ же умеръ въ 1747 году.

Послѣ него остался сынъ Петръ 9 лѣтъ отъ роду. Этотъ мальчикъ подагъ прошеніе о вспомоствованіи ему учиться медицинѣ, и ему назначено (16-го сентября 1752 года) по 100 р. на годъ, а объ ученіи его обѣщался заботиться самъ архіатеръ Бургаавъ и поручить его достойному человѣку. Деньги на воспитаніе выдавались купцу Самуелю Готлибу Пушелсу.

Ашъ баронъ Георгъ (Asch'baron Georg Thomas) родился въ 1727 году въ С.-Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ почтъ-директоромъ. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родительскомъ, а потомъ отправленъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Германію. Тамъ онъ посвятилъ себя медицинскимъ наукамъ и въ Геттингенѣ занимался преимущественно анатоміею подъ руководствомъ знаменитаго фізіолога Галлера. Тамъ же получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *De primo pare nervorum medullae spinalis*. Затѣмъ отправился путешествовать и находясь въ Голландіи принять въ русскую службу (18 августа 1750) съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ и съ обязанностію разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ нѣмецкой имперіи, „гдѣ открываются цѣлительные колодези минеральныхъ водъ“, потомъ покупать и пересылать эти воды въ Петербургъ, въ медицинскую канцелярію. Далѣе ѣздить для тойже цѣли по минеральнымъ водамъ въ Англій (въ Бристоль) и во Франціи. Эта странная должность вызвана была тѣмъ, что медицинская канцелярія изъ какихъ-то расчетовъ исходатайствовала себѣ привилегію ввоза заграничныхъ минеральныхъ водъ и продажи ихъ изъ своихъ аптекъ русской публикѣ (сенат. указъ 24 іюля 1750 года). Матеріальныхъ выгодъ для казны отъ этой монополіи едва ли можно было ожидать, какъ съ перваго же года показалъ докторъ Ашъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ жаловался медицинской канцеляріи, что ему не дано было денегъ для разъѣзда по минеральнымъ источникамъ и потому онъ проѣздилъ все свое жалованье. При разсмотрѣніи поданнаго имъ счета дѣйствительно оказалось, что онъ проѣздилъ больше своего жалованья, потому что объѣздитъ всѣ «водяные города» Европы, а именно на 1025 голландскихъ гульденовъ

или 299 рублей. Ему уплатили по счету, но не послали опять на минеральные источники, а прикомандировали къ медицинской канцеляріи для порученій (октябрь 1752). Спустя почти годъ, въ теченіе котораго докторъ Ашъ исполнялъ обязанности помощника д-ра Лерхе, т. е. обязанности штабтъ-физика, онъ назначенъ былъ въ дивизію графа Александра Ивановича Шувалова, которая расположена была въ Финляндіи (13 іюля 1753), дивизионнымъ докторомъ. Тутъ прослужилъ онъ только два года и по собственной просьбѣ переведенъ на постоянное мѣсто въ шляхетный морской кадетскій корпусъ (22 марта 1755 года) старшимъ докторомъ. Но этимъ спокойствіемъ пользовался онъ не долго. Генераль-фельдмаршалъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, отправляясь въ заграничную армію, взялъ къ себѣ доктора Георг. Аша въ должность генераль-штабъ-доктора (1760), на мѣсто Кулемана. Ашъ потребовалъ прибавки жалованья, не отказываясь отъ предложеннаго мѣста, и ему прибавлено 300 р. (къ прежнему окладу въ 700 р.). По смерти императрицы Елисаветы Петровны фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ отозванъ изъ заграничной арміи, уѣхалъ въ Петербургъ и взялъ съ собою генеральнаго штабъ-доктора Георг. Аша, который передалъ свою должность доктору Гарнету, а бумаги сложилъ въ аптеку и запечаталъ (31 декабря 1761). Генераль Салтыковъ тоже поѣхалъ въ Петербургъ дней черезъ пять и докторъ Кулеманъ просился ѣхать съ нимъ. Но какъ докторъ Гарнетъ былъ уже уволенъ, то медицинская канцелярія написала Кулеману (15 января 1762) взять въ главную квартиру и исправлять должность генеральнаго штабъ-доктора.

Въ 1763 году учреждена медицинская коллегія и находившійся въ то время въ Петербургѣ докторъ, коллеж. совѣтникъ, баронъ Георгъ Ашъ назначенъ былъ первымъ членомъ ея. Въ 1767 году онъ назначенъ былъ депутатомъ отъ медицинской коллегіи въ комиссію проекта новаго уложенія, а въ 1775 году произведенъ въ статскіе совѣтники.

Въ теченіе долгой жизни барона Георгія Аша, съ нимъ случились два происшествія, которыя рѣзко характеризуютъ его. Вотъ первое изъ нихъ. Старшій докторъ Рижскаго полеваго госпиталя Рейхартъ, желая выжить изъ этого госпиталя лѣкаря Афанасія Михайловича Самойловича за то только, что онъ русскій, слѣлалъ на него ложный доносъ, будто онъ въ квартирѣ своей стрѣлялъ изъ пистолета въ жену свою и пускалъ у себя въ квартирѣ (въ госпитальномъ зданіи) потѣшные огни. Произведено было дознаніе и доносъ оказался ложнымъ. Съ своей стороны медицинская коллегія поручила члену своему доктору Ашу разобрать дѣло и открыть истину: но онъ подтвердилъ доносъ. Дѣло дошло до сената, который приказалъ произвести формальное слѣдствіе. Но по слѣдствію доносъ оказался ложнымъ: потѣшные огни пускались, но не лѣкаремъ Самойловичемъ, а капитанами Сибирскаго полка Козловскими, и не въ квартирѣ, а на полѣ за госпиталемъ. На основаніи этого разслѣдованія докторъ Рейхартъ, по указу сената 25 октября 1781 года,

отрѣшенъ отъ службы за ложный доносъ и за упрямое подтвержденіе его и приказано впредь никакимъ его свидѣтельствамъ и представленіямъ никогда не давать вѣры и ихъ не принимать. А докторъ Георгъ Ашъ, членъ коллегіи, выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ пристрастнымъ и сенатъ приказалъ сдѣлать ему въ коллегіи публичный выговоръ и возвратитъ поданное имъ мнѣніе.

Другое дѣло было вотъ какое. Императрица Екатерина II, гуляя разъ по заламъ эрмитажа, замѣтила совсѣмъ новенькую медаль и обратила на нее вниманіе. Медаль была серебряная и на одной сторонѣ ея вырѣзанъ портретъ доктора Георга Аша, а на другой—Эскулапъ въ виду города Эпидавра, изображеніе змія привезеннаго въ Римъ по причинѣ мороваго повѣтрія, съ подписью: *Liberator a peste, 1770*. Императрица поручила генераль-прокурору потребовать объясненія отъ Аша и оказалось, что это онъ выбилъ медаль въ свою собственную честь. А распорядился этимъ директоръ монетнаго двора статскій совѣтникъ Шлаттеръ и изъ простой пріязни заставилъ гравера Гаса вырѣзать съ одной стороны портретъ Аша, а съ другой всѣ означенныя фигуры и надписи. Всего сдѣлано 8 экземпляровъ медали, и изъ нихъ 6 мѣдныхъ и двѣ серебряныя. Онъ считалъ это частнымъ дѣломъ—сдѣлать свой портретъ, тѣмъ болѣе, что Шлаттеръ подарилъ матеріалы. Изъ указаннаго числа медалей, серебряныя послалъ онъ въ милицъ кабинетъ и въ Геттингенскій университетъ, а бронзовыя роздалъ пріятелямъ. Дѣло передано въ первый департаментъ правительственнаго сената, по изслѣдованію котораго оказалось, что въ юль 1780 года, въ честь барона доктора Георг. Аша выбиты на монетномъ дворѣ двѣ серебряныя и шесть мѣдныхъ медалей по приказанію статскаго совѣтника-и члена монетнаго департамента Шлаттера, безъ вѣдома департамента, 1 серебряная и 1 мѣдная присланы были Ашемъ въ академію наукъ, на имя конференцъ секретаря и академика Эйлера, который и помѣстилъ ихъ въ милицъ кабинетъ, но не къ государственнымъ медалямъ, а къ прочимъ вещамъ, присылаемымъ академіи въ подарокъ изъ чужихъ краевъ отъ ученыхъ иностранныхъ людей и здѣсь отъ партикулярныхъ персонъ. Докторъ Ореусъ въ тоже время прислалъ въ сенатъ донесеніе, что во время чумы въ Яссахъ онъ, а не Ашъ, несъ наиболѣе трудовъ и просилъ себѣ за то награжденія ¹⁾. По этому сенатъ привазалъ: «Такъ какъ оказывается изъ

1) Во время ужасной московской чумы 1771 и 1772 годовъ, докторъ Георгъ Ашъ ни разу не былъ въ Москвѣ и вовсе не видалъ тамошней моровой язвы; но тамъ былъ братъ его докторъ Петръ Ашъ, и то не долго. Докторъ Ореусъ наблюдалъ ее въ Яссахъ, а потомъ въ Москвѣ, исполняя обязанности московскаго штатгъ-физика въ самое ужасное время эпидеміи. Докторъ Г. Ашъ къ турецкую войну 1769 года находился генераль-штабъ докторомъ при 1 арміи подъ командою графа П. А. Румянцова, и слѣдовательно былъ только тамъ, гдѣ былъ главнокомандующій.

дѣла, что докторъ, баронъ, статскій совѣтникъ Ашъ названіе «Избавителя отъ моровой язвы» присвоилъ себѣ вышесказанною медалью самъ собою, не дозволеннымъ образомъ, и для того о семъ обстоятельстве академіи наукъ и медицинской коллегіи дать знать. Впрочемъ поелику ко всему этому подалъ поводъ монетнаго департамента членъ, статскій совѣтникъ Шлаттеръ (нынѣ умершій), который увѣрилъ его, что будто бы вездѣ, равно какъ и здѣсь, не запрещено частному человѣку портретъ свой на стали вырѣзать и медаль сдѣлать, которыхъ числомъ 8, по бывшему его, Шлаттера, надъ монетнымъ дворомъ смотрѣнію и дѣйствительно приказалъ при себѣ и на своемъ изживеніи изъ привезеннаго съ собою серебра и мѣди выбить, подаря оныя ему, Ашу, въ противность именнаго Е. И. В. 1767 года февраля 28 дня указа, въ которомъ сказано: «дабы отъ сего времени, прежде нежели проекты медалей или монеты въ рисункахъ сочиненные, Е. И. В. апробованы не будутъ, штемпелей никакихъ не рѣзать». Слѣдовательно виновнымъ въ томъ состоитъ непосредственно онъ Шлаттеръ, который и подлежалъ бы за сей поступокъ неминуемо отвѣту. Но поелику онъ уже умеръ, то и оставить упомянутое дѣло за его смертію безъ дальнѣйшаго производства. Однакожъ на будущее время с.-петербургскому монетному департаменту подтвердить въ подобномъ случаѣ имѣть за монетнымъ дворомъ неослабное смотрѣніе, чтобы таковыхъ медалей безъ высочайшей Е. И. В. апробаціи никому изъ частныхъ людей бито не было. Впрочемъ же что принадлежать до просьбы доктора Ореуса о награжденіи за труды его, понесенные при врачеваніи моровой язвы, то поелику извѣстно, что онъ за сіе уже награжденъ, затѣмъ въ нынѣшней его просьбѣ о награжденіи вновь отказать. И о всемъ томъ въ академію наукъ, медицинскую коллегію и спб. монетный департаментъ послать указы, изъ коихъ при послѣднемъ препроводить для истребленія и предложенную г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, генераль-прокуроромъ и кавалеромъ одну изъ вышесказанныхъ медалей, а таковымъ же образомъ поступить и медицинской коллегіи и съ оставшимися у барона Аша (декабря 8 дня 1787 года).

Докторъ Ашъ представилъ въ коллегію (28 декабря 1787 года) четыре оставшіяся у него мѣдныя медали, которыя и отосланы въ монетный департаментъ.

Послѣдняя административная работа доктора барона Георг. Аша относилась къ установленію изданія *Записокъ россійскихъ врачей*, предписаннаго закономъ (Инструкціею медицинской коллегіи). Вопросъ состоялъ въ томъ, слѣдуетъ ли печатать эти «Записки» на одномъ латинскомъ, или на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Вотъ постановленіе о томъ коллегіи 27 марта 1797 года:

«Сего 1797 года марта 27 дня въ государственной медицинской коллегіи слушали поданный тогоже числа отъ г. члена барона Георгія Аша письменный голосъ — на учиненную 26 числа минувшаго марта резолюцію: «возло-

жить на ученаго секретаря и члена сей коллегіи надвораго совѣтника Віена, дабы онъ въ числу по примѣру представленныхъ, имъ обработанныхъ, 17 врачебныхъ примѣчаній и коллегією назначенныхъ въ напечатанію, присоединилъ въ своему разсмотрѣнію изъ опредѣленныхъ къ 1 и 2 классу находящихся въ ученой архивѣ врачебныхъ примѣчаній, подлежащее число, къ составленію перваго тома подъ названіемъ: „Записки російскихъ врачей“ для напечатанія купно на російскомъ и латинскомъ языкахъ чрезъ страницу въ четверть листовой форматъ»—въ коемъ голосѣ сказано: въ инструкціи коллегіи медицинскои, въ 10 статьѣ, точно предписано тако: (выписка 10 статьи) и не отважится чего и ибудь въ императорскихъ предписаніяхъ пережѣпить и не видить, чтобы вразумительнѣе была матерія ежели въ двухъ или болѣе языкахъ вмѣстѣ пропечатается, кромя та излишность, что больше бумаги и изданий на то потребно безо всякой другой пользы». По выслушаніи же показаннаго голоса коллегія, имѣя надлежащій по закону диспутъ, что изданіемъ полнаго перевода «Записокъ російскихъ врачей» на російскомъ языкѣ не токмо не премѣняется законъ, но напротивъ того еще болѣе выполняется намѣреніе онаго, ибо извѣстно, что пространство изъяснено, то понятнѣе напишете для тѣхъ, кои не знаютъ латинскаго языка; сего 1797 года іюня 1 дня *приказали*; на основаніи законовъ по вышеписанному постановленію учинить исполненіе по большинству голосовъ, а помянутый голосъ записать въ журналъ и приобщить къ тому опредѣленію“.

Въ настоящее время невозможны и непонятны подобныя возраженія противъ печатанія русскаго журнала на русскомъ языкѣ: но сто лѣтъ назадъ въ этомъ видѣли высочайшую важность. Баронъ Ашъ лицейбритъ оберегая будто бы казенныя деньги на лишнюю бумагу и лишнія издержки русскаго печатанія, тогда какъ легко удовольствоваться однимъ латинскимъ текстомъ. Въ томъ то и дѣло, что нельзя было обойтись съ однимъ латинскимъ языкомъ. Въ московскомъ училищѣ сильно оберегали этотъ языкъ, а всетаки многіе нелегко владѣли имъ. Въ спб. же училищахъ ни одинъ нѣмецъ не зналъ ни слова ни по русски, ни по латыни и вотъ необходимость печатать журналъ нѣмецки, а не полатыни и не порусски: только баронъ Ашъ не посмѣлъ сразу это высказать, да и получилъ смѣлый отпоръ на инсинуацію объ измѣненіи императорскихъ повелѣній. Впрочемъ обстоятельства помогли ему: журналъ началъ печататься на одномъ латинскомъ языкѣ и по изданіи одного тома прекратился.

Докторъ Георгъ баронъ Ашъ умеръ въ С.-Петербургѣ 23 іюня 1807 года.

Ашъ баронъ Петръ Федоровичъ (Asch Peter Ernest), братъ предыдущаго, родился въ Петербургѣ и сперва учился фармаціи въ Петербургѣ, а потомъ медицинѣ за границею. Для ученія фармаціи онъ принятъ былъ ученикомъ въ с.-петербургскую главную аптеку сверхъ комплекта на своемъ содержаніи (съ 19 марта 1745), а черезъ годъ перешелъ въ с.-петербургскую

адмиралтейскую аптеку (съ 26 апрѣля 1746). Но потомъ отказался отъ аптекарской карьеры и поѣхалъ въ Геттингенъ учиться медицинѣ. Тамъ же получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию: *De natura spermatis observationibus microscopicis indagata*, 1756. Возвратившись въ Петербургъ поступилъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь и оттуда для практическаго усовершенствованія назначенъ въ сформировавшійся въ Москвѣ observationalный корпусъ генераль-аншефа Фермора, съ жалованьемъ по 600 руб. 10 раціоновъ и 2 денщиковъ (1757). Это были приготовления къ семилѣтней войнѣ, въ которой принялъ дѣятельное участіе и П. Ашъ. Прошло нѣсколько времени. Фельдцейхмейстеръ графъ Шуваловъ вошелъ съ представленіемъ въ военную коллегію о томъ, что въ артиллерійскомъ корпусѣ крайняя нужда въ лѣкаряхъ. По этому представленію указомъ придворной конференціи 14 марта 1760 года докторъ Петръ Ашъ переведенъ, на военное только время, къ артиллерійскому госпиталю, и въ помощь ему за штабъ-лѣкаря назначенъ лѣкарь сибирскаго пѣхотнаго полка Баръ (Johann Georg Bahr), вскорѣ произведенный въ штабъ-лѣкари (13 юня 1761). Такимъ образомъ П. Ашъ всю семилѣтнюю войну провелъ при артиллерійскомъ корпусѣ за границею и только 8 сентября 1762 года возвратился въ Ригу, а оттуда поѣхалъ въ Петербургъ и 28 октября назначенъ въ Москву, въ дивизию, гдѣ не оказалось было доктора. Дивизія эта была московская, и въ эту же дивизию именнымъ указомъ Екатерины II 16 сентября 1763 года назначенъ былъ дивизионнымъ докторомъ докторъ Кулеманъ, съ жалованьемъ по 1000 р. (вмѣстѣ съ раціонами), до открытія другой вакансіи, такъ что въ одной дивизіи оказались два доктора. Командовалъ ею графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Вакансія скоро открылась, какой именно и желалъ П. Ашъ: 2 февраля 1764 года онъ назначенъ московскимъ штабт-физикомъ при московской медицинскон конторѣ, а Кулеманъ зачисленъ въ штатъ московской дивизіи. Прослуживъ здѣсь ровно годъ, докторъ Петръ Ашъ просилъ увольненія отъ службы по болѣзни и 21 марта 1765 года уволенъ съ абшитою и поселился въ Москвѣ. Поолѣдняя заслуга его состояла въ томъ, что онъ распозналъ моровую язву въ Москвѣ съ самаго появленія ея (1771—1772) и принималъ участіе въ изысканіи мѣръ къ прекращенію ея.

Ваадъ Федоръ (Friedrich Detloff Vaad), курляндецъ, изъ Бауска, учился шесть лѣтъ въ Вѣнскомъ университетѣ и тамъ же получилъ докторскій дипломъ (1757). Приѣхавъ въ Петербургъ экзаменованъ въ медицинскон канцеляріи Синопеусомъ, Шрѣйберомъ и Лерхе и получилъ право практики въ Россіи (22 декабря 1757), а потомъ (15 января 1758 года) опредѣленъ на службу въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь младшимъ докторомъ; а оттуда въ томъ же году переведенъ младшимъ же докторомъ въ Рижскій полевой госпиталь. Между тѣмъ въ медицинскую канцелярію пришло

два сообщенія: однимъ изъ нихъ Донское Войско требовало доктора на открывшуюся въ немъ вакансію; а другимъ генералъ лейтенантъ Боуманъ жаловался на лѣдность и нерадѣніе младшаго доктора Рижскаго госпиталя Баада. Медицинская канцелярія назначила Баада въ Войско Донское съ жалованьемъ по 600 р. (1 декабря 1761). Передъ отъѣздомъ туда Баадъ въ Ригѣ женился и въ 1763 году переведенъ въ Tobольскъ, докторомъ Сибирской губерніи. Это былъ новый медицинскій пунктъ. Указомъ сената 6 ноября 1763 года приказано въ Tobольскѣ Сибирской губерніи, по причинѣ часто случающихся въ тамошнихъ мѣстахъ, особливо по линіямъ гдѣ воинскія команды расположены, опасныхъ и отжѣнныхъ болѣзней, для благосостоянія жителей завести и содержать одну казенную аптеку и потребныхъ ко оной служителей, яко то аптекаря, гезелей и прочихъ чиновъ, также доктора и штабъ-лѣкаря. Докторомъ туда опредѣленъ 16 февраля 1764 Фридрихъ Баадъ—губернскимъ докторомъ, съ жалованьемъ по 750 р. и казенною квартирою, а штабъ-лѣкаремъ—Иванъ Гибовскій, служившій прежде въ Оренбургскомъ госпиталѣ тѣмъ же званіемъ, съ жалованьемъ по 150 р., 4 раціонами и 1 денщикомъ. Но Баадъ не хотѣлъ ѣхать и 13 апрѣля 1769 уволенъ отъ службы; однакожь 3 сентября опять поступилъ въ службу и отправился въ Сибирь.

Прослужилъ онъ тамъ болѣе десяти лѣтъ и опять сталъ жаловаться на то, что тамъ холодно и чрезмѣрно далеко отъ родины, почему и переведенъ (11 февраля 1776) дивизионнымъ докторомъ въ финляндскую дивизію. Умеръ 15 декабря 1782 года, въ Выборгѣ.

Багряевскій Михаилъ Ивановичъ получилъ право практики въ мартѣ 1791 года и опредѣленъ городовымъ врачомъ старшаго оклада въ Ярославль, а при учрежденіи врачебныхъ управъ назначенъ инспекторомъ ярославской врачебной управы. Отсюда онъ переведенъ былъ инспекторомъ студентовъ московской медико-хирургической академіи. Но въ сентябрѣ 1804 года сдѣлано распоряженіе о переводѣ московской академіи въ Петербургъ и студенты переведены изъ Москвы въ Петербургъ подъ наблюденіемъ М. И. Багряевскаго и прибыли туда 9 октября тогоже года. Число студентовъ въ Петербургѣ увеличилось и одному инспектору стало трудно за ними присматривать. Поэтому управлявшій академію С. С. Андреевскій просилъ помощника инспектору и на эту должность опредѣленъ лѣкарь Михаилъ Соколовъ, служившій помощникомъ Багряевскаго (врачъ московскаго госпиталя и писмоводитель конференціи московской академіи, теперь упраздненной), съ тѣмъ чтобы онъ исправлялъ еще должность врача академической студенческой больницы, подъ руководствомъ профессора Тимофея Слѣдовскаго. Перевезенные изъ Москвы въ Петербургъ студенты начали хворать (ноябрь 1804) и число больныхъ между ними чрезмѣрно увеличилось, такъ что встревожило весь Петербургъ. Министръ поручилъ Кампентаузеру, Карпинскому и Андреевскому

разяснить причины этой невиданной эпидемии. Но причины не раскрыты и исследователи ее склонны, кажется, были приписать ее раннему занятію жилых академических зданій и перемѣщенію московскихъ студентовъ въ Петербургъ.

Бадендикъ Иванъ (Johann Gottlieb Badendyk), изъ Риги, учился въ Страсбургѣ, Берлинѣ и Іенѣ 5 лѣтъ и въ послѣднемъ университетѣ получил докторскій дипломъ. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи (27 ноября 1786) и не выдержалъ экзамена. Экзаменованъ былъ вторично и (14 января 1787) получилъ право практики въ Россіи.

Баени Иванъ Ивановичъ (или *Vaenius*), родомъ итальянецъ, принятъ въ русскую службу въ февралѣ 1730 года и первоначально прикомандированъ былъ къ с.-петербургскому генеральному сухопутному госпиталю, которымъ управлялъ докторъ Николай Энгелертъ. Разъ получено было въ Петербургѣ извѣстіе о болѣзни царевны Просковьи Ивановны и Энгелертъ посланъ въ Москву (13 февраля 1731) для лѣченія ея, управление же госпиталемъ на время его отсутствія возложено было на Баени, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. Но 2 іюля того же года Энгелертъ возвращенъ изъ Москвы въ Петербургъ, «къ прежнему его дѣлу», и при этомъ постановлено «быть у того дѣла двоимъ докторамъ». Но эти двое у одного дѣла оставались недолго. Во первыхъ, состоя при госпиталѣ, Баени почти исключительно исполнялъ обязанности при медицинской канцеляріи «у физическихъ дѣлъ»; а во вторыхъ скоро (16 февраля 1732) опредѣленъ былъ докторомъ при шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1735 году Баени переведенъ въ Украинскій корпусъ штабъ-докторомъ. Въ послѣдствіи онъ участвовалъ въ шведской войнѣ (1741) и затѣмъ въ принятіи мѣръ на Украинѣ противъ «опасныхъ болѣзней» послѣ турецкой войны 1738 и 1739 годовъ. Послѣдняя служба его была штабт-физикомъ при московской медицинской конторѣ (съ 1732 г.) и это мѣсто дано ему «за перенесенныя имъ немалыя трудности въ походахъ», съ жалованьемъ по 700 р. въ годъ. Немного прослуживъ здѣсь, онъ сталъ просить увольненія отъ службы «за цынготною и гипохондрическою болѣзнями» и для отъѣзда на родину свою въ Италію и уволенъ съ абшитою (16 мая 1748).

При увольненіи доктора Баени возникъ вопросъ о медленной выдачѣ бумагъ его. Московскій штабт-физикъ докторъ Антонъ Детейльсъ объяснялъ это тѣмъ, что нельзя было скоро собрать нужныя справки объ его службѣ, по причинѣ весьма частыхъ и большихъ въ Москвѣ пожаровъ, истребившихъ полгорода, такъ что большая часть домовъ и медицинская контора были заперты и дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ сложены въ кули и отъ страха уложены въ погреба.

Базилевичъ Григорій Ивановичъ, сынъ священника Вѣлгородской губерніи Ахтырскаго вѣдомства слободы, Боромли первоначально учился въ Кіевской ака-

деміи. Медицину учился въ училищѣ при спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ волонтеромъ, съ 9 февраля 1783 года, и при томъ же училищѣ произведенъ лѣкаремъ, 6 іюля 1785. Затѣмъ, прослуживъ здѣсь два года, просилъ увольненія за границу (31 мая 1787) и уѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ пробылъ три года и по экзамену получилъ докторскій дипломъ. Возвратясь на родину былъ экзаминованъ въ медицинской коллегіи (11 октября 1795). Объ этомъ экзаменѣ докторъ Андрей Бахерахъ далъ мнѣніе, что Базилевичъ „оказался въ знаніи врачебныхъ наукъ весьма знающій и признается мною весьма достойнымъ не токмо докторскаго, но и способнѣйшимъ медицины профессорскаго званія, въ чемъ съ величайшимъ удовольствіемъ симъ свидѣтельствую; желательно же видѣть онаго опредѣленнымъ къ мѣсту такому, въ которомъ познаніемъ его могъ быть полезнымъ сколько для общей медицины науки, а вѣщѣе для учащихся и упражняющихся во врачебной наукѣ въ отечествѣ нашемъ». 11 октября 1795. Подобные же аттестаты дали доктора Валеріанъ и Максимовичъ — Амбодикъ, почетные члены коллегіи. 29 октября онъ признанъ докторомъ и опредѣленъ въ с.-петербургскую хирургическую школу для преподаванія патологии съ частями ея. Патологию предписано ему преподавать примѣнительно къ терапіи и съ клинкою, а жалованья положено по 1000 р. въ годъ.

Когда въ Петербургъ доставлена была богатая бібліотека Залусскаго, то по докладу барона Васильева, утвержденному 11 сентября 1798 года, приказано профессору Базилевичу отобрать изъ нея всѣ медицинскія книги и передать ихъ въ с.-петербургское училище при с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (скоро преобразованное въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію). Разборъ книгъ произведенъ Базилевичемъ вмѣстѣ съ операторомъ Моренковымъ и всѣ немедицинскія книги переданы графу Шуазелю, тайному совѣтнику и президенту с.-петербургской академіи художествъ, гдѣ онѣ и должны были храниться до распоряженія. Книги эти хранятся доселѣ въ бібліотекѣ медико-хирургической академіи и составляютъ большую и лучшую часть ея.

Въ послѣдствіи, и весьма скоро, Г. И. Базилевичъ, оставаясь профессоромъ въ с.-петербургской медико-хирургической академіи, занялъ должность ученаго секретаря медицинской коллегіи, и именно перваго ученаго секретаря по выбору коллегіи (24 февраля 1799), а не по назначенію отъ правительства. Уволенъ отъ службы по прошенію слѣдующимъ именнымъ указомъ медицинской коллегіи: «Снисходя на прошеніе ученаго секретаря медицинской коллегіи коллежскаго совѣтника доктора Базилевича, всемилостивѣйше уволили до излѣченія болѣзни его отъ должности, съ произвожденіемъ получаемаго имъ нынѣ жалованья.

Въ С. Петербургѣ, марта 28 дня 1801. года.

«Александръ».

Изъ этого указа видно, что Г. И. Базилевичъ уволенъ только отъ должности ученаго секретаря медицинской коллегіи, безъ упоминанія о другой его должности—профессора академіи. Это потому, что должность профессора сложилъ онъ съ себя прежде, на основаніи доклада утвержденного 12 февраля 1799 года, которымъ учреждалась самая медико-хирургическая академія и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось правило, чтобы никто въ вѣдомствѣ медицинской коллегіи не занималъ двухъ должностей. Вотъ какъ изъяснено это въ докладѣ:

«По докладу медицинской коллегіи 12 февраля 1799 года постановлено, въ коллегіи быть членамъ управленіями другихъ мѣстъ вовсе не занимающимся, назначивъ каждому изъ нихъ по одному сему мѣсту выгодное жалованье, каковое они донинѣ получаютъ занимая два штатныя мѣста. Таковыхъ членовъ назначено въ коллегіи 1 первый, 2 старшихъ и 3 младшихъ, а всего 6 членовъ. Нынѣже (30 марта 1799) въ коллегіи находится одинъ только членъ, никакимъ другимъ мѣстомъ незапятанъ а прочіе всѣ, будучи членами коллегіи, съ то же время и другія должности имѣють. Почему требовано было ихъ желанія, кто изъ нихъ желаетъ остаться при коллегіи членомъ, или при настоящей своей должности, дабы утвердя изъ нихъ каждаго при одномъ мѣстѣ, на другія ихъ мѣста помѣстить другихъ». Въ слѣдствіе сего Г. И. Базилевичъ изъяснилъ желаніе остаться при коллегіи и тѣмъ отказался отъ должности профессора академіи.

Послѣ увольненія отъ службы Г. И. Базилевичъ жилъ въ Москвѣ и получалъ 1500 р. отъ коллегіи и 500 р. отъ Общества благородныхъ дѣвицъ. Тамъ онъ и умеръ 26 февраля 1802.

Баллюли Спиридонъ, родомъ итальянецъ, учился медицинѣ въ университетахъ болонскомъ, флорентинскомъ и падуанскомъ и въ послѣднемъ получилъ докторскій дипломъ. Въ медицинской коллегіи получилъ право практики въ 1779 году и потомъ занимался медицинскою практикою въ Петербургѣ. Когда умеръ докторъ гвардейскихъ полковъ Унгебауръ, то коллегіа представила императрицѣ Екатеринѣ II пятерыхъ кандидатовъ на его мѣсто: Г. Бахерахта, Л. Маттеи, Ѳ. Тихорскаго, С. Горголи и Г. Соболевскаго, все послужившихъ и надворныхъ совѣтниковъ, но императрица не выбрала ни одного изъ нихъ, а приказала чрезъ князя Потемкина опредѣлять къ гвардейскимъ полкамъ практиковавшаго въ Петербургѣ доктора Баллюли (21 декабря 1781 года), съ тѣмъ же жалованьемъ, какое получалъ Унгебауръ. Но онъ умеръ неожиданно, черезъ два съ небольшимъ мѣсяца (1 марта 1782 года).

Балкъ Данииль (Daniel Georg Balck) состоялъ на Балдонскихъ минеральныхъ водахъ, а оттуда опредѣленъ былъ въ Зельбургское оберъ-гауптманство (8 іюля 1799).

Барановичъ Максимъ Павловичъ, сынъ священника Путивльскаго уѣзда Обѣдской провинціи, первоначально обучался въ Кіевской академіи и потомъ

пріѣхалъ въ Петербургъ (1755). Отсюда посланъ былъ придворнымъ пѣвчимъ въ голстинскій гор. Киль, въ русскую церковь. Оставшись въ Киль при церкви, онъ ознакомился съ нѣмецкимъ языкомъ и потомъ принялся за изученіе медицины въ тамошнемъ университетѣ на своемъ содержаніи (1762—1767) и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ (въ октябрь 1768) онъ былъ экзаминованъ въ медицинской коллегіи докторами Пекеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики (23 января 1769). Черезъ годъ послѣ этого докторъ Барановичъ отправленъ былъ въ армию графа Румянцова на службу: но дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Барсукъ-Моисеевъ Ѳома Ивановичъ, уроженецъ изъ Малороссіи, первоначальное образованіе получилъ въ Киевской академіи. Въ 1788 году поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ московскаго университета по медицинскому факультету. Окончилъ онъ здѣсь курсъ какъ-разъ въ то время, когда университету дано право возводить своихъ воспитанниковъ по экзамену въ высшую медицинскую ученую степень. Привилегія эта выражена была въ именномъ указѣ сенату 29 сентября 1791 года: «Учившимся въ московскомъ университетѣ врачебной наукѣ и успѣвшимъ въ ней давать докторскую степень по произведеніи таковымъ надлежащаго испытанія при опредѣленныхъ для того отъ медицинской коллегіи депутатахъ, которыхъ она коллегія долженствуетъ назначать». Молодой кандидатъ московскаго университета Ѳ. И. Барсукъ-Моисеевъ оказался именно такимъ по успѣхамъ въ наукахъ, что заслуживалъ экзамена и производства въ доктора медицины отъ университета. На этомъ основаніи университетъ обратился къ медицинской коллегіи 21 іюля 1793 о присылкѣ отъ нея депутатовъ для присутствованія при испытаніи Барсука-Моисеева, которое назначено было произвести послѣ 17 августа, т. е. по окончаніи университетской вакаціи. Коллегія назначила депутатами московскихъ членовъ своихъ: почетнаго Данила Самойловича и профессоровъ медико-хирургическаго училища Іоанна Гильдебрандта, Александра Шумлянскаго и Фридриха Стефана. Экзамены длились долго, а потомъ защищалась диссертация: *De respiratione, dissertatio inauguralis*, Mosquae, 1794, такъ что Барсуку-Моисѣеву выданъ изъ университета дипломъ 24 марта 1794, а изъ медицинской коллегіи право практики въ Россіи 5 мая 1794.

Ѳ. И. Барсукъ Моисеевъ преподавалъ въ московскомъ университетѣ фізіологію, патологію, терапію, семіотику и діететику.

Фізіологію преподавалъ онъ по Влюменбаху, учебникъ котораго переведенъ былъ имъ на русскій языкъ (1796) и принятъ въ руководство въ медико-хирургическихъ училищахъ.

Умеръ въ Москвѣ, въ іюнѣ 1811 года.

Бартоломеусъ Иванъ (Johann Bartholomaeus), саксонецъ изъ Эйзена, учился въ Іенѣ 3 года и получилъ докторскій дипломъ. По экзамену въ ме-

динской коллегіи получилъ право практики въ Россіи (6 сентября 1787) и опредѣленъ докторомъ въ Новоладожскій уѣздъ с.-петербургской губерніи.

Бахерахтъ Андрей Гавриловичъ (Heinrich Bacheracht), сынъ голландскаго маклера Гавріила Бахерахта, родившійся въ Петербургѣ, опредѣленъ лѣкарскимъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь на своемъ содержаніи, 28 февраля 1741 года, и 20 декабря 1743 года произведенъ въ подлѣкари въ с.-петербургскій генеральный адмиралтейскій госпиталь. 9 сентября 1746 года уволенъ въ Голландію, въ Лейденскій университетъ, для продолженія образованія, съ обязательствомъ возвратиться въ русскую службу. Тамъ онъ получилъ докторскій дипломъ, напечатать диссертацию *De morbis ligamentorum*, 1750. Возвратившись въ Петербургъ онъ экзаменованъ въ медицинской канцеляріи и получилъ право практики (11 сентября 1750), а 1 мая 1751 года назначенъ на службу докторомъ въ корпусъ главной артиллеріи и фортификаціи «для лѣченія генераловъ, офицеровъ и солдатъ», съ жалованьемъ по 600 рублей. Живя въ Петербургѣ, онъ много занимался медицинскою практикою. Разъ (въ 1765 году) призвали его въ медицинскую коллегію и сдѣлали выговоръ за шарлатанство магнитомъ. Въ оправданіе себя онъ представилъ длинный списокъ лицъ, вылѣченныхъ имъ отъ зубной боли магнитомъ. На это медицинская коллегія отвѣтила ему, что «вамъ зубную боль лѣчитъ магнитомъ не запрещено; а когда вы въ коллегію по сему дѣлу призваны были, тогда вамъ выговоръ учиненъ былъ за то, что вы оными магнитами *торговали*, продавая ихъ чрезвычайною цѣною (10 октября 1765)». Замѣчательно однакоже, что съ этого времени вошло въ медицинскую практику лѣченіе электричествомъ и первый ввелъ его въ госпиталь главный докторъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя Валеріанъ, купившій электрическую машину на казенныя деньги.

А. Г. Бахерахтъ напечаталъ: *Pharmacopoea navalis rossica*. Petrop. 1784, и *Practische Abhandlungen über den Scharbock, zum Gebrauch der Wundaerzte bey der Russisch-Kaiserlichen Armee und Flotte*. Petersburg, 1786.

По смерти Синоуеуса Бахерахтъ переведенъ на его мѣсто въ морской корабельный флотъ докторомъ, съ жалованьемъ по штату 5 сентября 1764, по 818 р. 95 к.

26 іюля 1797 года объявлено было медицинской коллегіи высочайшее повелѣніе о постройкѣ въ Кронштадтѣ каменнаго зданія для госпиталя на 2000 больныхъ. Объявлено оно адмираломъ Петромъ Ивановичемъ Пуцинымъ. Для составленія плановъ, по замѣчаніямъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и флота доктора Бахерахта, прикомандированъ архитекторъ Волковъ, который и посланъ въ медицинскую коллегію для полученія распоряженій. Въ обширномъ проектѣ Бахерахта (госпиталь на 500 больныхъ) много весьма дѣль-

ныхъ замѣчаній. Поданъ онъ адмиралтейской коллегіи 31 августа 1797 года. Бахерахъ возставалъ противъ огромныхъ госпиталей, называя ихъ большими кладбищами. Поэтому онъ предлагалъ устроить 4 разные госпитали въ отдаленіи одинъ отъ другаго, на возвышенныхъ мѣстахъ, вдали отъ обывательскихъ домовъ, по краямъ города, близъ текучей воды. Коллегія нашла это неисполнимымъ въ Кронштадтѣ и предложила устроить одинъ большой госпиталь (12 октября 1797). Планы, представленные архитекторомъ коллежскимъ совѣтникомъ Волковымъ, были нѣсколько разъ исправляемы коллегіею.

Беръ Гавріиль Григорьевичъ (Sacharias Gabriel Falkensohn Behr), еврей изъ города Салааты, учился въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Галле и въ этомъ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ, но диссертация его сгорѣла въ пожарѣ 1774 года. Въ медицинской коллегіи экзаминованъ былъ Ашемъ и Тихорскимъ и получилъ право практики (20 апрѣля 1781) въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, «гдѣ живетъ народъ еврейскій». Но 20 декабря 1781 онъ крестился въ домовую церковь архіепископа Гавріила и названъ Гавріиломъ Григорьевичемъ. Послѣ этого дано ему право практики во всей Россіи (17 февраля 1782).

Беккеръ Карлъ (Carl Gottfried Becker), родомъ изъ Силезіи, изъ города Триндена, учился медицинѣ въ Страсбургѣ, а потомъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. Получилъ докторскій дипломъ въ Страсбургѣ. Въ медицинской коллегіи экзаминованъ Тихорскимъ, фонъ-Мелленомъ и Линдеманомъ и получилъ право практики въ Россіи 9 сентября 1774 года. Въ концѣ 1782 года, по просьбѣ князя Потемкина, опредѣленъ въ Сарептскимъ минеральнымъ водамъ, съ жалованьемъ положеннымъ уѣзднымъ докторамъ.

Бекъ Иванъ (Johann Beck), лейбъ-хирургъ, статскій совѣтникъ, членъ леопольдо-каролинской академіи, получилъ въ университетѣ въ Франкфуртѣ на Одерѣ дипломъ на званіе доктора медицины и хирургіи въ 1781 году и просилъ позволенія называться докторомъ безъ экзамена. Медицинская коллегія, «по извѣстнымъ объ немъ достоинству и искусству», признала его докторомъ медицины и хирургіи безъ экзамена (ноябрь 1781 года). Кажется это былъ первый признанный докторъ медицины и хирургіи въ Россіи.

Бекъ Оттонъ (Otto Fabian Beck), родомъ изъ Риги, учился медицинѣ въ Берлинѣ полтора года и въ Геттингенѣ два года и за тѣмъ въ Геттингенѣ получилъ докторскій дипломъ. Въ коллегіи экзаминованъ былъ и получилъ право практики 18 декабря 1796 года.

Беллинсгаузенъ Петръ баронъ-фонъ, родомъ изъ Риги, учился пять лѣтъ въ Лейпцигѣ и получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики въ Россіи 20 августа 1786 г., и тотчасъ же опредѣленъ докторомъ въ Курское намѣстничество. Но онъ не принялъ этой службы, уволенъ съ абшитою (21 декабря 1786) и жилъ въ

Петербургѣ. Послѣ того опредѣленъ докторомъ въ Украинскую армию и оттуда, по рекомендаціи графа Остермана, назначенъ въ Рижскій полевой госпиталь старшимъ докторомъ (9 ноября 1794), съ жалованьемъ по 600 р. 18 февраля 1798 года переведенъ былъ въ артиллерійскій корпусъ, т. е. въ артиллерійскую экспедицію государств. военной коллегіи, съ жалованьемъ по 934 р. и провіантомъ 10 раціоновъ и 2 денщиковъ. Но артиллерійская экспедиція не приняла его, на томъ основаніи, что предмѣстникъ его д-ръ Горголи состоялъ по штату артиллерійскаго генералитета 1763 года, а теперь, по новому штату полевой артиллеріи 12 марта 1797 года, въ ней доктора не положено. Дѣлать было нечего — баронъ Беллинггаузенъ остался безъ мѣста и медицинская коллегія взяла на себя создать для него мѣсто.

Она и создала его. Исходя изъ того положенія, что „въ с.-петербургской губерніи нѣтъ особаго инспектора госпиталей, аптекъ и лазаретовъ, именно что на основаніи высочайше конфирмованнаго 19 января 1797 года доклада коллегіи во всѣхъ губерніяхъ инспекторы врачебныхъ управъ имѣютъ особенную обязанность надсматривать надъ госпиталями, аптеками и медицинскими чинами по гражданской и воинской части, для того и въ Москвѣ опредѣленъ особый при медицинской конторѣ членъ, а въ здѣшней с.-петербургской губерніи къ таковой должности никто не опредѣленъ; а при нынѣшнемъ умноженіи дѣлъ сей коллегіи вступаютъ въ оную между прочимъ такого рода бумаги по здѣшней губерніи, кои въ рѣшеніе легко бы могло быть предупреждено особо для того опредѣленнымъ, который бы по инструкціи данной врачебнымъ управамъ всю въ здѣшней губерніи врачебную часть вѣдалъ, лично обозрѣвалъ и удовлетворялъ требованіямъ по долгу своему, давая отъ себя уже по своей должности во всемъ отчетъ медицинской коллегіи. На основаніи сего ежели кто къ сей должности опредѣленъ будетъ, то коллегія можетъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о состояніи здѣшнихъ госпиталей, лазаретовъ и аптекъ, и объ успѣхѣ медицинскихъ чиновъ въ исправленіи должностей и болѣе времени на исправленіе важнѣйшихъ дѣлъ. Почему за нужное находить опредѣлить въ должность сію доктора барона фонъ Беллинггаузена, извѣстнаго коллегіи по усердной службѣ и достоинствамъ его, съ тѣмъ чтобъ онъ, присутствуя въ физикатѣ медицинской коллегіи обще съ штатд-физикомъ, какъ по физикату, такъ и особо по здѣшней губерніи дѣла врачебной части вѣдалъ и управлялъ, на что учинить особое наставленіе относительно его должности по физикату». Жалованья ему предполагалось 800 р. и особая раздѣдная деньги изъ суммъ остающихся отъ некомплекта врачей по губерніи (31 мая 1798).

На основаніи этихъ соображеній состоялся слѣдующій рескриптъ на имя барона Васильева: «Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Васильевъ,

По примѣру опредѣленныхъ въ губерніяхъ при врачебныхъ управлахъ инспекторовъ, повелѣваетъ и здѣсь въ столицѣ имѣть при медицинской коллегіи

особаго изъ медицинскихъ чиновъ для надзиранія надъ госпиталями, аптеками и медицинскими чинами по гражданской части, съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ, на которое мѣсто и опредѣлить отъ медицинской коллегіи кого за способнаго признаеть, съ произвожденіемъ ему выше упомянутого жалованья изъ медицинскихъ доходовъ.

Пребываемъ впрочемъ вашъ благосклонны. Въ Павловскомъ, іюня 28 дня 1798. «Павелъ».

Баронъ Васильевъ дополнилъ этотъ рескриптъ своимъ распоряженіемъ (письмо на имя президента коллегіи Зиновьева, 9 іюля), чтобы надзоръ распространялся и на военные госпитали, кромѣ гвардейскихъ полковъ.

Но едва вступилъ въ должность баронъ Беллингаузенъ, какъ служба эта не понравилась ему и онъ сталъ просить (октябрь 1798) о назначеніи его въ Ревельскій морской госпиталь, «по слабости здоровья». Коллегія исполнила его просьбу и переимѣстила его въ Ревельскій морской госпиталь, переведа управлявшаго этимъ госпиталемъ доктора Юстуса Самуеля Вальтера въ Эстляндскую врачебную управу инспекторомъ, съ жалованьемъ по штату по 700 р. и съ прибавкою отъ себя по 200 р. въ годъ, а Беллингаузена на его мѣсто съ жалованьемъ по 600 р. и довольствіемъ по регламенту (28 окт. 1798). Но докторъ Вальтеръ не хотѣлъ оставлять госпиталя и новымъ постановленіемъ медицинской коллегіи (4 ноября) оставленъ на своемъ мѣстѣ, а Беллингаузенъ назначенъ инспекторомъ Эстляндской врачебной управы, съ жалованьемъ по 700 р. въ годъ.

На открывшуюся въ то же время вакансію инспектора при с.-петербургскомъ физикатѣ назначенъ былъ штабъ-лѣкарь с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, коллежскій ассесоръ Іосифъ Каменецкій, съ жалованьемъ по 800 р. (28 октября 1798). Беллингаузенъ уволенъ отъ службы по болѣзни 20 іюля 1799 года.

Беме Іоганъ (Johann Valentin Friedrich Böhme) уроженецъ изъ Помераніи, учился въ Берлинѣ и получилъ дипломъ. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики 25 августа 1791.

Бѣмъ Карлъ (Carl Friedrich Böhm) получилъ медицинское образованіе въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, а именно принятъ ученикомъ 17 іюля 1770, подлѣкаремъ 16 сентября 1774 и лѣкаремъ 30 іюля 1778 во флотъ. Въ томъ же году, за обсервацію, произведенъ въ штабъ-лѣкаря. Послѣ этого отправился въ Іенскій университетъ (1785), прошелъ тамъ полный медицинскій курсъ и получилъ докторскій дипломъ. По экзамену въ медицинской коллегіи признанъ докторомъ (14 мая 1792).

Бенесъ Федоръ (Friedrich August Behnes), изъ Дрездена, учился въ Геттингенѣ и въ Іенѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ 23 августа 1781 г. Приѣхавъ въ Петербургъ экзаменованъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики (3 сентября 1782 года), а вслѣдъ за тѣмъ опредѣленъ

докторомъ въ Пермское намѣстничество съ двойнымъ жалованьемъ (по 600 рубл.). Но прїѣхавъ въ Москву, онъ написалъ, что не можетъ ѣхать въ Пермь по приключившейся болѣзни и проситъ оставить его въ Москвѣ, для опредѣленія въ московской губерніи. Онъ и не поѣхалъ, подавъ въ отставку. Но мѣстный губернаторъ, генераль поручикъ Евгений Петровичъ Кашкинъ, настоятельно требовалъ доктора и медицинская коллегія назначила на докторскую вакансію штабъ-лѣкаря Михаила Гамалею (въ февралѣ 1783), который и поѣхалъ въ Пермь. А Венесъ ровно пять лѣтъ оставался безъ службы и только 1 марта 1787 опредѣленъ въ казанское намѣстничество.

Бенкгаузенъ Яковъ (Jacob Georg Benkhausen). Мѣсто образования его неизвѣстно. Но явившись къ экзамену въ медицинскую коллегію, онъ не выдержалъ этого экзамена. Явившись же вторично къ экзамену онъ получилъ право практики и опредѣленъ докторомъ въ Украинскую армію (18 ноября 1787), а затѣмъ остался на службѣ въ Украинской дивизіи. Въ 1793 году онъ просился въ отпускъ за границу и уволенъ по болѣзни въ Вѣну. Онъ пробылъ въ отпуску болѣе года и по возвращеніи опредѣленъ былъ докторомъ въ Ярославское намѣстничество (14 августа 1794). При учрежденіи врачебныхъ управъ назначенъ былъ инспекторомъ Рязанской врачебной управы съ жалованьемъ по 700 р. въ годъ.

Бергманнъ Амвросій принятъ былъ графомъ Панинымъ во 2 армію съ жалованьемъ дивизионнаго доктора (22 марта 1770); но при экзаменѣ его еще въ мартѣ 1764 года оказалось, что хотя онъ практиковать можетъ, но надлежащаго знанія въ анатоміи и хирургіи не имѣетъ. И онъ самъ просилъ медицинскую коллегію о принятіи его въ службу, но не былъ принятъ. Поэтому поѣхалъ въ армію къ Панину, который и приказалъ принять его, а медицинская коллегія всетаки написала (7 апрѣля 1771), что принять его не можно безъ надлежащаго экзамена, въ которомъ бы онъ показалъ знаніе во всѣхъ частяхъ медицины. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ написалъ военной коллегіи и та одобрила главнокомандующаго и приказала принять Бергмана. Тогда медицинская коллегія, чтобы соблюсти приличія при этомъ вмѣшательствѣ въ дѣла ея, велѣла д-ру Далу проэкзаминовать его «спрашивать» изъ анатоміи и хирургіи, и тотъ описалъ, разумѣется, какъ желалъ Панинъ, что Бергманъ «отвѣтствовалъ изрядно и порядочно» (14 августа 1771). Затѣмъ медицинская коллегія утвердила Бергмана (21 мая 1772) въ должности при 2 арміи. Онъ назначенъ былъ въ корпусъ генерала Максима Васильевича Берга въ Крымскую степь. Съ нимъ назначенъ былъ туда штабъ-лѣкаремъ лѣкарь Вилимъ Цемшъ, командированный передъ тѣмъ въ Таганрогскую крѣпость въ должность штабъ-лѣкаря (31 января 1769) Послѣ окончанія войны А. Бергманъ остался при Украинской дивизіи и умеръ 19 марта 1784 года.

Бергъ Христіанъ, состоявшій прежде въ с.-петербургской аптекѣ гезелемъ,

уволень былъ отъ службы (17 мая 1768). Затѣмъ приготовившись нѣсколько, онъ поѣхалъ учиться за границу (1770) и въ Геттингенѣ прошелъ цѣлый медицинскій курсъ и получилъ тамъ докторскій дипломъ (5 июня 1779). Возвратившись на родину, былъ экзаменованъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Лерхе и получилъ право докторской практики въ Россіи. Съ этимъ правомъ поѣхалъ онъ въ Москву и кажется не состоялъ на государственной службѣ.

Беанъ преподавалъ общую патологию въ виленскомъ университетѣ.

Беренсъ Рейнгольдъ (Reinhold Berens), уроженецъ изъ Риги, учился въ Геттингенѣ два года и тамъ же получилъ докторскій дипломъ (16 августа 1770). Явившись въ медицинскую коллегію, экзаменованъ Линдеманомъ, Лерхе и Синопусомъ и получилъ право практики (21 марта 1772) и тотчасъ же опредѣленъ докторомъ Сибирскаго корпуса (23 августа тогоже года), съ жалованьемъ по 750 р. 10 рублин. и 2 денщиками. Проживъ тамъ два года, Беренсъ писалъ медицинской коллегіи, что въ этомъ корпусѣ у лѣкарей примѣчаются междуусобныя съ командирами ссоры и отъ того несогласія, заставляющія переводить лѣкарей съ мѣста на мѣсто. Коллегія предписала ему (20 марта 1774) „нигѣ вамъ въ справедливости возможное защищеніе медицинскихъ чиновъ, а отъ кого именно имъ обиды чинимы бывають—въ медицинскую коллегію съ обстоятельствомъ представлять, и если кто изъ лѣкарей сами пожелаютъ мѣстами помянуться, то позволять имъ, а паче самому не переводить съ мѣста на мѣсто безъ разрѣшенія коллегіи“. Уволень отъ службы по прошенію 4 июня 1780 года.

Берковичъ Петръ Ивановичъ, штабъ лѣкарь и коллежскій ассесоръ, получилъ первоначальное медицинское образованіе въ московскомъ госпитальномъ училищѣ, а именно поступилъ 20 мая 1765. произведенъ подлѣкаремъ 1768 въ Сумскій гусарскій полкъ, лѣкаремъ 1771 въ Брянскій пѣхотный полкъ. Участвовалъ въ турецкихъ войнахъ и въ 1775 уволенъ отъ службы. Но въ 1777 году снова поступилъ на службу, въ больницу Московскаго Воспитательнаго Дома, и тамъ произведенъ въ штабъ-лѣкари (1781). Въ іюнѣ 1793 года просилъ докторскаго экзамена, но не выдержалъ его, а черезъ мѣсяць опять экзаменованъ «и на чинимые вопросы изъ хирургіи, анатоміи, физиологіи и химіи отвѣтствовалъ по надлежащему исправно, а на запросъ имени «пота» и синониміи tartari emetici отвѣту не далъ». Последняя записка сдѣлана Ашемъ. По этому экзамену Берковичъ получилъ (18 іюля 1793) званіе доктора медицины, съ правомъ практики и съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

Беригардъ Абрамъ, польскій докторъ, экзаменованный въ Вильнѣ Шенфогелемъ и Энегольмомъ, признанъ медицинскою коллегіею (21 января 1798) и опредѣленъ на службу въ Брестъ Литовскій.

Берндтъ Мартынъ (Martin Theodor Berndt) по экзамену въ медицин-

ской коллегіи получилъ право практики въ Россіи (15 іюля 1790) и занимался вольною практикою. Затѣмъ опредѣленъ докторомъ въ Новгородское намѣстничество (13 ноября 1796), въ гор. Тихвинъ, а оттуда въ Валдай, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ.

Бернулли Даниль (Daniel Bernoulli) родился 29 января 1700 года въ Гренингенѣ и подъ руководствомъ отца и брата рано началъ изучать математику и получилъ въ Базелѣ дипломъ доктора философіи (1716), Потомъ онъ занимался медициною въ Базелѣ, Гейдельбергѣ и Страсбургѣ, а затѣмъ возвратился въ Базель и напечаталъ диссертацию *De respiratione* (1721), получилъ дипломъ доктора медицины. Во все время изученія медицины Д. Бернулли не переставалъ заниматься любимомъ имъ математикою. Въ 1724 году онъ отправился въ Падую, чтобы продолжать занятія медициною подъ руководствомъ Морганьи (Morgagni) и отсюда получилъ приглашеніе въ спб. академію наукъ на кафедру физиологіи, съ примѣненіемъ въ ней математическихъ законовъ. Пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ Бернулли (умершимъ въ 1726 году) въ октябрѣ 1725 года. Первое его чтеніе въ академіи было (4 декабря 1725) «*De secretione humorum in corpore animalis*». Но главный предметъ его занятій была математика и въ особенности механика, гидродинамика, акустика и теорія вѣроятностей, а потому физиологія была имъ оставлена на второмъ планѣ.

24 іюня 1733 Д. Бернулли съ братомъ оставилъ Петербургъ и по возвращеніи въ Базель занялъ тамъ кафедру анатоміи и физиологіи, а въ 1750 году читалъ курсъ физики.

Биографія его написана въ *Исторіи С.-Петербургской императорской академіи наукъ въ Спб.* П. Пекарскимъ, I, 98.

Бетше Францъ (Frantz Johann Boetsche) изъ Ганновера, получилъ право практики въ Россіи безъ экзамена въ медицинской коллегіи (1 августа 1786) по слѣдующему письму графа А. А. Безбородко на имя президента коллегіи Закревскаго (отъ 11 іюля 1786):

«На сихъ дняхъ пріѣхали сюда выписанные для службы Е. И. В. медицины доктора Кизекевъ и Бетше, да лѣкари Миллеръ и Картшеръ, объ опредѣленіи коихъ дано будетъ отъ Е. И. В. особое высочайшее повелѣніе, а чрезъ сіе сообщая о томъ только, чтобы симъ медицинскимъ чинамъ недѣлать здѣсь обыкновеннаго экзамена, какъ людямъ избраннымъ и въ ихъ искусствѣ засвидѣтельствованнымъ отъ извѣстнаго Е. В. г. Циммермана, курфирстскаго ганноверскаго лейбъ-медика».

Черезъ два дня послѣ того состоялся рескриптъ на имя князя Решнина слѣдующаго содержанія:

«Князь Николай Васильевичъ. Изъ числа присланныхъ сюда по желанію нашему отъ королевскаго великобританскаго и курфирстскаго ганноверскаго перваго медика и надворнаго совѣтника Циммермана докторовъ принятыхъ въ

службу нашу съ одобреніемъ въ ихъ знаніи и искусствѣ. Францъ Юганнъ Ветше препровождается присемъ къ вамъ для помѣщенія въ Псковскую или Смоленскую губерніи на вакансію доктора въ губернской городѣ. Изъ слѣдующаго здѣсь въ оригиналѣ договора, съ симъ докторомъ заключеннаго, вы увидите, на какиѣхъ кондиціяхъ согласился онъ принять нашу службу и какое жалованье получать долженъ. И какъ сіе послѣднее превосходитъ положенное по штатамъ нашимъ для губерній изданнымъ, то недостающее число указали мы дополнять изъ кабинета нашего, изъ какаго будетъ онъ довольствованъ и полнымъ жалованьемъ, еслибы для него небыло теперь вакансіи, до времени открытія оной, въ чемъ вы не оставьте въ свое время снестися съ кабинетомъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «*Екатерина*».

Въ Царскомъ Селѣ, 13 іюня 1786 года.

Въ контрактѣ, о которомъ здѣсь говорится, сказано, что Ветше будетъ опредѣленъ въ губернской городѣ съ рангомъ коллежскаго ассесора и слѣдовательно 8 класса, соответствующаго маіору арміи, съ жалованьемъ по 700 р. и съ выдачею 500 р. на проѣздъ. Онъ можетъ оставить службу и уѣхать домой когда ему угодно, получивъ на возвратный путь 4-мѣсячное жалованье. Прослуживъ шесть лѣтъ, получить не въ зачетъ годовое жалованье въ награду, что въ случаѣ его смерти выдано будетъ вдовѣ его. Прослуживъ 20 лѣтъ онъ получитъ половину жалованья въ пожизненную пенсію, а въ случаѣ его смерти вдова его получитъ пожизненно 350 р. пенсіи. Послѣ смерти ихъ обихъ дѣти получать единовременно 700 р. Сыновья его могутъ быть приняты въ русскую службу по ихъ способностямъ и склонностямъ и имъ будутъ столько покровительствовать, сколько это совмѣстно съ правилами службы. Пенсію свою пожизненную онъ можетъ получать какъ въ Россіи, такъ и за границею, гдѣ онъ самъ захочетъ. Онъ будетъ пользоваться всѣми выгодами службы, принадлежащими всѣмъ другимъ въ тойже службѣ. Заключено въ Ганноверѣ 18 апрѣля 1786 года.

Немедленно по прибытіи Ветше опредѣленъ былъ докторомъ въ гор. Торонецъ псковской губерніи, а потомъ нѣсколько лѣтъ спустя получилъ дозволеніе завести тамъ вольную аптеку (27 сентября 1792).

Бидлоо Николай (Bidloo Nicolaus), сынъ знаменитаго голландскаго анатома Готфрида Бидлоо въ Лейденѣ и племянникъ тамошняго же знаменитаго ботаника Ламберта Бидлоо (въ Амстердамѣ). Николай Бидлоо получилъ блестящее общее образованіе въ домѣ родительскомъ. Затѣмъ учился медицинѣ въ Лейденѣ, тоже подъ руководствомъ отца, и получилъ тамъ степень доктора медицины, защитивъ диссертацию подъ заглавіемъ: *De menstruorum suppressione*, Lugd. Batav., 1697. Приглашенъ въ русскую службу въ 1702 году. А именно русскій посланникъ въ Голландію графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ получилъ приказаніе пригласить его въ Россію лейбъ-медикомъ и заключить съ нимъ контрактъ объ этомъ. Контрактъ

заключать въ себѣ слѣдующія условія: 1) Николай Бидлоо обязывается вступить въ службу императора лейбъ-медикомъ и быть ему ближнимъ докторомъ его царскаго величества ¹⁾ на шесть лѣтъ, считая съ того дня, въ который онъ прибудетъ въ Москву. 2) По истеченіи шести лѣтъ ему позволено будетъ выѣхать изъ Россіи со всею имуществомъ своимъ туда, куда будетъ угодно. 3) Годовое жалованье ему полагается 2500 голландскихъ гульденовъ ²⁾, изъ котораго и выдавать ему чрезъ каждые три мѣсяца по четвертой части. 4) Наконецъ въ случаѣ ежели докторъ Бидлоо умретъ до истеченія еще шести лѣтъ, то назначается его женѣ или наслѣдникамъ половина годоваго его жалованья. Контрактъ этотъ подписанъ и заключенъ 16 марта 1772 года, а 5 іюня 1703 года Бидлоо прибылъ въ Архангельскъ, а оттуда въ Москву. Въ Москвѣ отведена была ему казенная квартира въ домѣ вдовы лѣкаря Геннига и дочери умершаго аптекаря Пила. Квартира нанималась за 60 р. въ годъ.

Проживъ немного болѣе года въ Москвѣ, Бидлоо сталъ жаловаться на боли въ груди и на трудность исполненія обязанностей лейбъ-медика. Петръ I былъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ и лейбъ-медикъ обязанъ былъ сопровождать его: но такая походная жизнь обременяла Бидлоо и не приносила никакой существенной пользы, тѣмъ болѣе что императоръ былъ еще молодъ и лично вовсе не нуждался въ его услугахъ. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности лейбъ-медика и объ опредѣленіи его дивизионнымъ докторомъ въ какую либо дивизію или вообще въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы быть полезенъ. Петръ I принялъ прошеніе и потребовалъ объясненія касательно такого мѣста, гдѣ бы онъ могъ быть полезенъ. Бидлоо откровенно высказалъ, что даже живя безвыходно въ Москвѣ онъ не принесетъ пользы, пока въ столицѣ нѣтъ ни госпиталя, ни медицинской школы. Императоръ благосклонно принялъ это объясненіе и поручилъ доктору Бидлоо составить проектъ госпиталя въ Москвѣ и при немъ школы на 50 учениковъ. Бидлоо скоро представилъ проектъ и планъ госпиталя и Петръ I, одобривъ ихъ, далъ указъ 25 мая 1706 года «построить за Яузюю рѣкою, противъ нѣмецкой слободы, въ пристойномъ мѣстѣ, для лѣченія болящихъ людей. А у того лѣченія быть доктору Николаю Бидлоо, да двумъ лѣкарямъ Андрею Репкену, а другому, кто присланъ будетъ, да изъ

¹⁾ На основаніи этого выраженія онъ иногда неправильно называлъ себя архіатеромъ, какъ присвоивали себѣ это названіе и нѣкоторые другіе лейбъ-медики.

²⁾ При заключеніи этого контракта 2500 гол. гульденовъ равнялись 500 серебр. рублямъ. Но когда курсъ упалъ и доктору Бидлоо выдавали изъ посольскаго приказа только по 500 р., то онъ входилъ съ просьбою о выдачѣ ему жалованья по 2500 гол. гульденовъ по тогдашнему курсу.

иноземцовъ и изъ русскихъ изъ всякихъ чиновъ людей набрать для аптекарской науки 50 человекъ; а на строеніе и на покупку лѣкарствъ, и на всякія въ тому дѣлу принадлежащія вещи, и доктору, и лѣкарямъ, и ученикамъ на жалованье деньги держать въ расходъ изъ сборовъ монастырскаго приказа“. Указъ этотъ скрѣпленъ былъ подписью боярина (въ послѣдствіи графа) Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, управлявшаго монастырскимъ приказомъ. Постройка госпиталя начата въ 1706, а окончена 21 ноября 1707 года, какъ доносилъ Бидлоо Петру I, «госпиталь Божиимъ благословеніемъ въ такое состояніе приведенъ, что съ онымъ въ Божіе имя начало учинено и впервые нѣсколько больныхъ въ этотъ домъ привезено».

Построивъ госпиталь, Бидлоо озаботился устройствомъ при немъ хирургической школы на 50 человекъ, приисканіемъ учениковъ, раздѣщеніемъ ихъ въ госпиталь и снабженіемъ учебными пособиями и затѣмъ обученіемъ ихъ. Если подумать, какъ трудна была первоначальная организація московской госпитальной школы, какъ малаго могъ онъ ожидать отъ перваго и единственнаго своего помощника, лѣкаря Репкена, и какъ затруднительно было добываніе даже самыхъ маловажныхъ и ничтожныхъ вещей для школы въ Москвѣ, гдѣ никогда не видывали ничего подобнаго, то тогда только можно опѣнить всю энергію, умѣлость и любовь къ своему дѣлу у этого гениальнаго человека. Ученіе шло медленно. Бидлоо часто упрекали въ этой медленности. Но онъ не смущался. Давъ себѣ задачу обучать молодежь на столько, чтобы воспитанники его выходили на службу зрѣлыми лѣкарями (а не подлѣкарями), онъ прямо отвѣчалъ, что никогда не выпуститъ изъ школы такихъ учениковъ, которые бы не заслуживали лѣкарскаго званія. Чтобы устранить это нареканіе, Петръ I, бывъ въ Петербургѣ, поручилъ князю Петру Ивановичу Прозоровскому сказать Бидлоо, что за всякаго ученика московской госпитальной школы, который выученъ имъ будетъ хирургической наукѣ и будетъ освидѣтельствованъ и признанъ достойнымъ лѣкарскаго градуса, ему выдаваемо будетъ по 100 рублей. Но и это не привело Бидлоо къ нарушенію своего правила. За то современники съ глубокимъ уваженіемъ отзывались о бидловской медицинской школѣ. Такъ докторъ Михаилъ Скеидо фанъ-деръ Бехъ говоритъ: «Hinc ferme omnes rutensae gentis chirurgi, quicquid in arte iatrica valent, ex Bidloiana schola hausisse scias».

Пе разказахъ современниковъ Бидлоо былъ искусный врачъ и весьма образованный человекъ. Москвичи высшаго образованія уважали и любили его, что и облегчало ему пополнять свою школу новыми учениками. Кромѣ позна-

²⁾ Довольно подробная біографія Бидлоо напечатана у В. Рихтера, въ его *Исторіи медицины въ Россіи*, 1820, III, 95.

ній въ медицинѣ, онъ былъ знатокомъ въ анатоміи и изящныхъ искусствахъ. Онъ хорошо зналъ музыку и театральное искусство, умѣлъ разводить сады, чертить планы для строеній, заводить фонтаны, устраивать триумфальныя арки. При возвращеніи Петра I изъ персидскаго похода, онъ устроилъ въ своемъ госпиталѣ и своими учениками представленіе комедіи (1723). Императоръ часто посѣщалъ Бидлоо и иногда проводилъ у него время до полуночи, а также часто присутствовалъ при вскрытіи нмѣ труповъ въ анатомическомъ театрѣ.

Бидлоо умеръ въ Москвѣ 23 марта 1735 г., искренно оплаканный своими учениками и сослуживцами.

Виріонъ Иванъ, польскій докторъ, экзаминованный Шенфюгелемъ и Энегольмомъ въ Вильнѣ, признанъ медицинскою коллегіею 21 января 1798 и опредѣленъ въ Гродно докторомъ.

Вишофъ Иванъ (Johann Ernst Bischoff) изъ города Ильна Тиринскаго, учился въ Іенѣ съ 1742 по 1747 годъ, потомъ два года въ Эрфуртскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Послѣ этого 10 лѣтъ практиковалъ въ Саксонскомъ гор. Черингѣ. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ экзаминованъ докторами Лерхе, Ашемъ и Х. Пекеномъ и оказался (27 ноября 1757) «mediocriter versatum in physiologia et chirurgia», а потому предполагалось позволить ему практику въ госпиталѣ подъ надзоромъ старшаго доктора. Поэтому опредѣленъ младшимъ докторомъ въ крошадтскій госпиталь, въ помощь Миліусу, съ жалованьемъ по 300 р. и съ обязательствомъ усовершенствоваться въ анатоміи, хирургіи и клинической медицинѣ (8 декабря 1757). Не долго проживъ въ Крошадтѣ, онъ сталъ проситься въ армію и назначенъ въ ландмилиціонный Украинскій корпусъ (13 сентября 1761), въ Вѣлевскую крѣпость докторомъ. Но вскорѣ послѣ этого сокращенъ штатъ украинскаго ландмилиціоннаго корпуса и по новому штату въ немъ не положено ни доктора, ни штабъ-лѣкаря, а опредѣлено только имѣть въ каждомъ полку по одному лѣкарю и по два подлѣкаря. Значить д-ръ Ив. Вишофъ остался за штатомъ. Ему и предложили: согласенъ ли онъ принять мѣсто младшаго доктора въ какомъ либо госпиталѣ, съ жалованьемъ по 300 р., вмѣсто получаемыхъ нынѣ 400, или желаетъ абшита? Онъ отвѣчалъ, что абшита не желаетъ и потому опредѣленъ въ московскій госпиталь (13 декабря 1764), съ жалованьемъ по 300 р., впредь до усмотрѣнія, и съ казенною квартирою. Обжившись въ госпиталѣ, онъ получилъ порученіе преподавать въ госпитальной школѣ нѣмецкимъ ученикамъ *materiam medicam* по Лезекену и бургавовы афоризмы, съ прибавкою за то 100 р. къ жалованью (13 февраля 1766 года).

Блаубергъ Христіанъ (Friedrich Christian Blauberg) въ ноябрѣ 1791 года прибылъ изъ Лондона въ Петербургъ и явился къ экзамену въ медицинскою коллегію, но не выдержалъ экзамена. Въ февралѣ 1793 поѣхалъ въ Польшу, гдѣ приобрѣлъ рекомендацію многихъ иностранцевъ, бывшихъ въ

русской военной службѣ, въ польскую революцію былъ арестованъ, отпущенъ на поруки и въ январѣ 1796 прибылъ въ Петербургъ. 19 февраля 1796 снова явился для экзамена въ медицинскую коллегію «и оказался достаточно свѣдущимъ, кромя химіи, изъ коей отвѣтствовалъ слабо». По этому 25 февраля признанъ докторомъ съ правомъ практики въ Россіи.

Блехъ Филиппъ (Erhgaum Philipp Blech), изъ Данцига, учился въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ пять лѣтъ и въ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De aëris dephlogititati usu in asphyxia*. Экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики въ Россіи (2 іюля 1786).

Блюментрость Лаврентій Алферовичъ родился въ 1619 году въ Мильгаузенѣ и первоначальное образованіе получилъ въ родномъ городѣ, а потомъ учился медицинѣ въ Гельмштедтѣ у Ковринга, въ Іенѣ у Рольфинга и въ Лейпцигѣ у Михаэлиса. Докторскій дипломъ получилъ въ Іенѣ, напечатавъ диссертацию *De scorbuto*, въ Іенѣ, 1648, и потомъ возвратился въ Мильгаузенъ и опредѣленъ тамъ городовымъ ландфизикомъ. Обширная и счастливая медицинская практика доставила ему громкую извѣстность. О вызовѣ его въ Россію Пекарскій приводитъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ Москвѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, пользовался особенною благосклонностью двора пасторъ нѣмецкой слободы Іоганнъ Готфридъ Грегориусъ. Онъ перелагалъ въ театральныя мистеріи разныя библейскія событія, какъ напримѣръ приключеніе Эсфири и Мордохея и ставилъ ихъ, при помощи нѣкоторыхъ сыновей бояръ, на сцену въ царскомъ дворцѣ. Грегориусъ былъ пасынокъ доктора Лаврентія Блюментроста, жившаго въ Мильгаузенѣ, и когда царь, будучи однажды боленъ, спросилъ Грегориуса, не можетъ ли онъ рекомендовать ему хорошаго нѣмецкаго медика, то тотъ указалъ на Блюментроста. По этой рекомендаціи Блюментрость вызванъ къ русскому двору и прибылъ въ Москву въ 1668 г., съ письмомъ отъ курфирста Саконскаго Іоганна Георга. Тотчасъ по приѣздѣ онъ представленъ былъ царю Алексѣю Михайловичу и опредѣленъ лейбъ-медикомъ на весьма выгодныхъ условіяхъ, съ жалованьемъ по 130 р. въ годъ и столовыя по 50 р. въ мѣсяцъ. При этомъ случаѣ онъ получилъ въ подарокъ на значительную сумму серебра, бархата, соболей, сукна и наличныхъ денегъ.

Еще живя въ Мильгаузенѣ, Блюментрость отецъ напечаталъ книжку подъ заглавіемъ *Pharmacopoea domestica et portalis* (1668), которая другой разъ перепечатана была по нѣмецки (*Haus-und-Reise Apothecca*) уже послѣ его смерти (1716). При царскомъ дворѣ Блюментрость пользовался глубокимъ уваженіемъ и, говорятъ, царевна Софья лично спасла ему жизнь при возмущеніи стрѣльцовъ (1682). Умеръ въ Москвѣ, въ 1705 году.

Лейбъ-медикъ Лаврентій Алферовичъ Блюментрость имѣлъ трехъ сыновей, тоже медиковъ и также жившихъ въ Россіи: старшаго Лаврентія Христіана, средняго Іоганна Деодата и младшаго Лаврентія Лаврентьевича.

Блюментростъ Лаврентій Христіанъ принятъ въ русскую службу княземъ Яковомъ Никитичемъ Урусовымъ (1687) и опредѣленъ лейбъ-медикомъ великихъ князей. Жалованья получалъ онъ (въ 1692 году) по 100 р. и столовыхъ денегъ по 30 р. ежемѣсячно. Умеръ въ С.-Петербургѣ въ молодыхъ годахъ.

Блюментростъ Иванъ Лаврентьевичъ (Ioh. Deodatus Blumentrost) родился 5 августа 1676 года въ Москвѣ и достигнувъ юношескаго возраста отправленъ былъ (1698) на казенный счетъ въ Германію учиться медицинѣ и пробылъ въ Кенигсбергѣ два года, а потомъ въ Галле полтора года. Въ этомъ послѣднемъ университетѣ онъ напечаталъ диссертацию подъ заглавіемъ *Pulsuum theoria et praxis*, Halae, 1702) и признанъ докторомъ медицины. Затѣмъ путешествовалъ по Голландіи, посѣтилъ Лейденскій университетъ и моремъ черезъ Архангельскъ возвратился въ Москву (1702) По возвращеніи въ Россію онъ опредѣленъ былъ придворнымъ медикомъ, при собственной особѣ. Петра I и сопутствовалъ ему во всѣхъ походахъ его, а потомъ полковымъ врачомъ, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. По другимъ извѣстіямъ И. Л. Влюментростъ, возвратившись изъ похода, назначенъ былъ лейбъ-медикомъ при супругѣ Петра I Екатеринѣ Алексѣевнѣ и наследникѣ его. Въ доказательство этому приводятъ то, что и при послѣдней болѣзни императрицы Екатерины I она находилась въ личномъ его пользованіи. Въ 1719 году, за усердную и продолжительную службу, ему пожалована Гатчинская мыза и въ тоже время И. Л. Влюментростъ представилъ свой проектъ преобразования и улучшенія медицинской части въ Россіи въ видѣ особыхъ «пунктовъ». Петръ I приказалъ передать его въ сенатъ для разсмотрѣнія и сенатъ донесъ, что два пункта изъ этого проекта, именно 4 и 11, дѣйствительно полезны и могутъ быть приведены въ исполненіе. Этими «пунктами» учреждалась медицинская канцелярія или коллегія, подъ управленіемъ архіатера, и при ней госпиталь. Указъ объ этомъ состоялся 7 сентября 1721 года. Этимъ же указомъ опредѣлено свидѣтельствованіе аптекъ, учрежденіе таксы для нихъ и экзамены врачей, желающихъ имѣть право свободной практики въ имперіи, «понеже многіе неученые скитающіеся безъ всякаго наказанія дерзновенно лѣчатъ, въ чемъ великую вреду жителямъ учинить могутъ». Этимъ указомъ подтверждено, чтобы всѣ медицинскія учрежденія, подчиняясь медицинской канцеляріи, содержались на счетъ тѣхъ же суммъ и имѣсть, насчетъ которыхъ содержались и прежде. (Однимъ словомъ учрежденіемъ медицинской канцеляріи всѣ медицинскія дѣла въ имперіи должны были сосредоточиться въ этой канцеляріи и докторъ И. Л. Влюментростъ вступилъ въ должность архіатера, съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ ¹⁾).

¹⁾ При докторѣ И. Л. Влюментростѣ состоялъ шрейберомъ при медицинской канцеляріи (съ 1714 года) иностранецъ Иог. Давіель Шумахеръ и въ 1722 г.

Сосредоточивая въ своихъ рукахъ всё медицинскія учрежденія, И. Л. Блюментростъ послалъ экземпляръ указа 7 сентября 1721 года и въ Московскій генеральный госпиталь и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ подробныхъ свѣденій о томъ, когда учрежденъ этотъ госпиталь, въ какомъ положеніи находится медико-хирургическая при немъ школа, бывалъ ли выпускъ лѣкарей изъ этой школы, и куда, и когда они опредѣлены, наконецъ какими средствами содержатся какъ госпиталь, такъ и его школа. Директоръ госпиталя и состоявшей при немъ школы Видлоо получилъ указъ, но крайне обидѣлся имъ и ничего не отвѣчалъ. Въ свою очередь обидѣлся и архіатеръ Блюментростъ и пожаловался правительствующему сенату, который далъ по этому слѣдующій указъ медицинской канцеляріи (1721):

«По Е. И. В. указу правительственный сенатъ приказали: госпиталямъ и аптекамъ, что нынѣ въ Москвѣ обрѣтаются и впредь обрѣтаться будутъ, при томъ обрѣтающимися дохтурамъ, также и другимъ служителямъ и ученикамъ быть въ смотрѣніи и управленіи въ медицинской канцеляріи, а содержать оныя откуды напередъ сего содержаны были. А въ Москвѣ обрѣтающаяся госпиталь, за нѣмецкою слободою, состоитъ во всемъ смотрѣніи и управленіи святѣйшаго правительствующаго синода и что при оной содержится дохтуровъ, аптекарей, лѣкарей и учениковъ и прочихъ служителей и почемъ имъ окладнаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья и кормовыхъ денегъ въ годъ въ дачѣ производится, также на сколько въ повѣркѣ бываетъ въ годъ заморскихъ и аптекарскихъ матеріаловъ и російскихъ всякихъ надлежащихъ къ тому припасовъ, такого извѣстія въ медицинской канцеляріи не имѣется, а какимъ образомъ обрѣтающимися при госпитали служителямъ во всякихъ порядкахъ впредь поступать, также и въ приуготовленіи всякихъ матеріаловъ и прочихъ припасовъ, и до сего времени какой они порядокъ во

произведенъ въ секретари медицинской канцеляріи отъ нѣмецкихъ дѣлъ, съ жалованьемъ по 150 р. Въ то же время онъ состоялъ смотрителемъ императорской библіотеки и куестамеры, съ жалованьемъ по 400 р. Но 7 апрѣля 1723 года состоялся указъ о вычетѣ жалованья, для недостатковъ денежной казны и недоборѣ хлѣба, какъ у духовныхъ, такъ и военныхъ сухопутныхъ и морскихъ, штатскихъ и у дворцовыхъ чиновъ денежнаго и хлѣбнаго. Въ 3 пунктѣ этого указа сказано: «которые жалованье получаютъ двойное и тройное, также и губернаторское денежное и хлѣбное жалованье, у такихъ у всѣхъ такое жалованье, которое получаютъ сверхъ дѣйствительныхъ своихъ чиновъ отставить, а давать только одно вышняго его ранга, а изъ оладовъ тѣхъ мѣсть, откуда получали, выложить до указа и оставаться тѣмъ деньгамъ въ штатѣ конторѣ для исполненія недостатковъ». По этому Шумахеру отказали было въ выдачѣ секретарскаго жалованья; но И. Л. Блюментростъ приказалъ выдать. Въ 1724 году Петръ I, при утвержденіи слб. академіи наукъ, назначилъ его секретаремъ канцеляріи ея; а въ послѣдствіи онъ былъ совѣтъникомъ академическаго правленія.

всемъ имѣли о томъ послать имъ указъ изъ медицинской канцеляріи, а потомъ въ дѣлахъ своихъ освидѣтельствованы будутъ и какъ въ опредѣленіи вновь служителей, такъ и пребывающимъ нынѣ въ ученіи и повышеніи должнаго жалованья и кормовыхъ денегъ и приуготовленіи заморскихъ матеріаловъ чрезъ свидѣтельство отъ медицинской канцеляріи объявлено будетъ доношеніями, понеже оное все подлежитъ разсматривать медицинской коллегіи и такогоякъ извѣстія пзъ святѣйшаго синода въ медицинскую канцелярію не получено, а въ упомянутомъ извѣстіи въ оной канцеляріи къ сочиненію медицинскаго регламента весьма подлежитъ нужда и о присылкѣ онаго извѣстія требовать отъ святѣйшаго синода извѣстія». Святѣйшій синодъ потребовалъ отъ Бидлоо объясненій по этому указу, а равно и о требуемой отъ него подчиненности его медицинской коллегіи. Бидлоо представилъ святѣйшему синоду слѣдующій отвѣтъ по пунктамъ: .

«1. Ниже въ 4, ниже въ 11 пунктахъ (Проекта учрежденія медицинской коллегіи), поданныхъ въ правительственный сенатъ отъ доктора Блюментроста, не требуется ничего отъ московской гошпитали, чтобъ быть подъ правленіемъ медицинской канцеляріи; только же на концѣ того указа, кромѣ его требованія, объ гошпитали московской чего ради приложено?»

«2. Это же потребно и полезно есть предложеніе господина архіатера Блюментроста о сочиненіи collegium medicum для надсмотрѣнія и правленія медицинскихъ дѣлъ; но сія коллегія состоитъ всегда изъ различныхъ (нѣсколькихъ) медиковъ и медицины докторовъ, которые избраны и опредѣлены, а никогда же такая коллегія подъ произволеніемъ единаго человѣка состоять можетъ».

«3. А хотябъ сей коллегіи члены нѣкоторые и избраны и утверждены бѣ были, обаче безъ уставовъ медицинскихъ, которые отъ Е. И. В. постановлены и утверждены были, ничего невозможно ни разсуждать и рѣшеніе чинить, ниже что либо требовать».

«Во всѣхъ государствахъ гошпитали царственные и партикулярные дома, отъ своего поментатора построенные, вручаются въ сохраненіе и правленіе нѣбольшимъ вѣрнымъ медикамъ и прочимъ правителямъ, которые никогда не принуждены бывають, развѣ самому своему начальнѣйшему властителю, отъ кого опредѣлены, о чемъ либо отвѣтствовать, а не какому партикулярному доктору и товарищу своему, по его созволенію и требованію». Въ прижѣръ этого Бидлоо привелъ то, что когда дирекція сухопутныхъ и морскихъ медицинскихъ дѣлъ со служителями находилась въ рукахъ Эрскина, то Е. И. В. по благоохотной милости своей угодно было поручить ему установленіе сей гошпитали подъ призрѣніемъ г. графа Мусина Пушкина и такимъ образомъ раздѣлить ихъ (Эрскина и Бидлоо) чрезъ различныя дѣла, въ той консидераціи, что онъ лѣтами старѣйшій и въ тому дѣлу доволенъ (способенъ), что

де часть онъ отъ дѣлъ его и практики весьма ясно, у младого же товарища его во власти не быть.

«Отъ двадцати лѣтъ уже прешедшихъ яко въ службу, чтобъ быть Е. И. В. архіаітеромъ (т. е. лейбъ-медикомъ) изъ его отечества былъ позванъ и отъ того времени въ такомъ квалитетѣ донелъ же сила была служилъ по крайней своей возможности, послѣже по Е. И. В. указу госпиталь обстоятельно, безъ помощи другихъ медиковъ уставилъ и къ совершенству привелъ въ оной учащихся анатоміи и хирургіи и промоции въ службу Е. И. В. нѣсколько изучилъ, болящихъ тяжкими болѣзнями чрезъ операціи въ семь государствѣ неслыханныя вылѣчилъ, которое все и Е. И. В. слава, и народа польза не тоію здѣ, но и въ прочихъ націяхъ—во Франціи, и въ Цесаріи извѣстно и въ книгахъ напечатано».

«Притомъ не отлучался, какъ нѣкоторые его товарищи (которые особливо къ такому дѣлу опредѣлены и жалованье получаютъ) императорской фамиліи служить) и подъ различными указами изъ разныхъ канцелярій и мѣстъ присылаемыхъ все вѣрно отправлялъ».

«Аще же Е. И. В. указъ каковой не исполнилъ, или въ его дирекціи порокъ учинилъ, свободно будетъ всякому ево сіе презентовать и святѣйшему синоду и Е. И. В. о семъ разсуждать, которому разсужденію со всякою покорностію его повергаю. Аще же сего не обрѣтается, дабы его въ какомъ либо дѣлѣ якобы погрѣшенію повинна доказать, того ради объ его дирекціи и дѣлахъ, которые отъ его единого безъ помощи другаго уставлены, никому, развѣ самому потентатору, информацію о семъ отвѣтственное извѣстіе объявить желаю».

«Протчее не могу того мыслить, чтобъ Е. И. В. изволеніе было въ добромъ и ординальномъ градусѣ идущее пережѣнять и исправлять гораздо меньше, что его такихъ лѣтъ и практики, пачеже чрезъ двадцать лѣтъ вѣрной услуги, въ которой больше нежели кто иной изъ его товарищей трудился въ его бы командѣ быть допустили и сіе что многимъ трудомъ ординавалъ, въ его дирекцію рекомендованы».

«Хоть и до двадцати лѣтъ вѣрно Е. И. В. служилъ, госпиталь въ славу его императорскую и народа польза устроилъ, многія дѣла отъ его товарищей показалъ, однако до сего времени никакой прибавки къ жалованью не имѣю, ниже волость какую, какъ прочимъ его товарищамъ меньше служащимъ пожаловано».

«И такая ли за его вѣрную услугу и трудъ заплата будетъ, дабы у равнаго въ его командѣ былъ и его дѣла егобъ дирекціи вручены были. Никакоже не будетъ тако благоугодное Е. И. В. къ сему соизволеніе».

«Изъ вышеозначенныхъ не могу разсмотрѣть, какую информацію по требованію г. архіаітеру Блюментросту долженъ есмь, развѣ прежде его въ худой дирекціи обвинить возможеть».

«По поданному его доношенію Е. И. В. въ 1715 году марта 10 о обидахъ показанныхъ ему отъ иностранныхъ хирурговъ, которое его доношеніе торожъ марта въ день, самому В. И. В. присутствовавшему въ С.-Петербургѣ, публично въ правительственномъ сенатѣ читано, на что именно милостивую свою резолюцію изволилъ дать, чтобы никакой изъ иностранныхъ хирурговъ до интересовъ Е. И. В. не касались и чтобы никто изъ оныхъ никакой обиды въ чести или въ повышеніи чина російскаго народа отъ него изученнымъ хирургамъ являть не дерзалъ, но также противъ иностранныхъ хирурговъ хотъ здѣшняго народа, аще точію явится доволенъ, Е. И. В. жалованья и чести могли получать и отъ сей императорской сентенціи явно, что его дѣло отъ иныхъ медиковъ и медицинскихъ дѣлъ весьма отдѣлено и точію отъ Е. И. В. и синодальнаго изволенія состоитъ, донелѣже угодно будетъ самому державнѣйшему императору инако сіе разординовать».

«Чтоже пользы и добраго или государству, или народу, аще г. Блюментростъ о семъ будетъ извѣстенъ или нѣтъ, точію сего требуетъ, когда содержать въ сей госпитали святѣйшему синоду позволяетъ. Что лучшаго будетъ дирекцію отъ единого доктора иному вручать, развѣ перваго якобы къ такому дѣлу недовольна присмотрѣли или паче обезчестить восхотятъ».

«Аще и въ требованіи о семъ г. архіатера Блюментроста что добраго будетъ, о семъ да покажетъ демонстрацію, чегобы ради сего требоваль; аще объявить не возможетъ, вся будутъ безъ всякой турбаціи и перемѣны, какъ угодно было Е. И. В. самому сіе регулярно расположить».

И оное доношеніе свое и свою информацію и протестацію со всякимъ послушаніемъ святѣйшаго синода разсужденію предлагаю и дабы о сихъ при нуждѣ высокопочтенному правительственному сенату или самому всепресвѣтлѣйшему императору информацію учинить, прежде даже по требованію г. архіатера Блюментроста (что какъ до сего времени водится больше для славы, нежели въ пользу народа) учинено будетъ».

Обьясненіе это послано въ медицинскую канцелярію и конечно не удовлетворило Блюментроста. Прошло полгода. Блюментростъ возведенъ въ званіе архіатера и президента медицинской канцеляріи и главной аптеки, съ жалованьемъ по 3000 руб., съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и со всѣми преимуществами, какими пользовался докторъ Эрскинъ (14 февраля 1722). А Бидлоо не только не подчинялся медицинской канцеляріи, но и не отвѣчалъ на предложенія ея. Онъ былъ увѣренъ, что архіатеръ только и думаетъ какъ бы унизить его подчиненіемъ себѣ. Блюментростъ пересталъ адресоваться лично къ Бидлоо. Начались приготовленія къ персидской войнѣ и архіатеръ обратился къ святѣйшему синоду (29 января 1723) съ слѣдующею проemorіею: «Военная коллегія приговорила въ комплектъ Низоваго корпуса, въ батальоны четырехъ полковыхъ лѣкарей и десяти лѣкарскихъ подмастерьевъ, такожъ и лѣкарствъ, что надлежитъ,

да особливо въ полевую аптеку для оставленія при лазаретахъ пять человѣкъ лѣбкарей и десять подмастерьевъ изъ медицинской канцеляріи, а отъ медицинской канцеляріи какъ изъ Санктъ-Петербурга, такъ и изъ Москвы въ помянутый корпусъ отправить нѣкого. И въ С.-Петербургѣ хирургическая школа еще только заводится, а московская госпиталь, при которой имѣется хирургическая школа, и она имѣется въ полной дѣрвціи святѣйшаго правительствующаго синода, и что во оной учениковъ имѣется, и коликое числ изъ науки вышло, о томъ изъ оной госпитали въ медицинскую канцелярію не репортуется, а изъ помянутой госпитали о выше писанномъ весьма надлежитъ репортовать, понеже во всѣ мѣста требуются и отправляются лѣбкари, подлѣбкари и ученики отъ медицинской канцеляріи». Синодъ предписалъ Видлоо исполнить это требованіе медицинской канцеляріи и послать извѣстіе о кончившихъ курсъ ученикахъ, а затѣмъ и на будущее время присылать такія же извѣстія. Однакожъ онъ не исполнилъ предписанія синода и два года ни о чемъ не писалъ въ медицинскую канцелярію. Только въ началѣ 1725 года, по новой жалобѣ Блюментроста, синодъ приказалъ сообщить медицинской канцеляріи, есть ли у него ученики достойные производства въ лѣбкари, и онъ дѣйствительно сообщилъ (21 декабря 1725), что «изъ его учениковъ къ достоинству въ лѣбкарскій градусъ одинъ можетъ произвестися и промоцію принять, а впредь кто будетъ достоинъ, о томъ во оную канцелярію подано будетъ извѣстіе». Не шутка ли была этотъ одинъ ученикъ, достойный промоціи? Или не началъ ли Видлоо образумливаться въ своемъ управствѣ подъ влияніемъ мысли, что Петра Великаго уже нѣтъ и всесильный покровитель его уже не явится на защиту его? Какъ бы то ни было, но 18 мая 1726 года Видлоо донесъ святѣйшему синоду, что въ московскомъ госпиталѣ положено имѣть 50 учениковъ, но ихъ нынѣ на лицо находится только 45. «Но понеже еще на генеральномъ экзаменѣ ради промоціи тѣ ученики не были, въ лѣбкарскій градусъ совершенно и регулярно произвестися не могутъ, но нѣсколько человѣкъ въ нынѣшнемъ годѣ въ лѣбкарское достоинство со свидѣтельствомъ по обыкновенію произойдутъ, о чемъ въ свое время въ медицинскую канцелярію подано будетъ извѣстіе. А изъ того имѣющагося числа учениковъ обрѣтаются два человѣка, которые въ ученіи имѣются лѣтъ съ десять, 13 человѣкъ чрезъ 7 лѣтъ, 19 человѣкъ чрезъ пять лѣтъ, 11 человѣкъ чрезъ три года». А въ медицинскую канцелярію промеморія о томъ ради извѣстія послана».

Въ послѣдствіи времени ученіе въ госпитальной школѣ шло скорѣе и выпуски окончившихъ курсъ учениковъ многолюднѣе.

Такъ напримѣръ въ 1727 году Видлоо жаловался, что архіатеръ не беретъ у него 16 человѣкъ произведенныхъ въ лѣбкари и подлѣбкари и тѣмъ стѣсняетъ его при наборѣ новыхъ учениковъ. Они должны ѣхать въ Петербургъ и тамъ быть опредѣленными на службу, но не могутъ ѣхать, «понеже таковыя уче-

ники весьма имѣются мизерны, дабы съ крайними своими нуждами въ мизерствѣ управиться чѣмъ имѣли-бы“. Когда онъ писалъ это, пришелъ указъ изъ св. синода дать одного изъ произведенныхъ лѣкарей въ распоряженіе Гавриила епископа рязанскаго и муромскаго, для лѣченія его. Бидлоо послалъ туда лѣкаря Федора Журавскаго. Между тѣмъ медицинская канцелярія, по представленію Бидлоо, отвѣтила (20 мая 1727), чтобы изъ московской госпитальной школы всѣхъ этихъ окончившихъ курсъ отправить въ астраханскій Низовый корпусъ, такъ чтобы въ каждомъ полку было по два человѣка. Въ томъ числѣ отобранъ лѣкарь и у епископа рязанскаго. При этомъ съ лѣкарей и подлѣкарей вычтено «за производство въ чинъ» по полтинѣ съ каждаго, да на разные расходы по деньгѣ съ рубля и отправлены въ московскую рентерею ¹⁾).

Въ 1730 году, послѣ генеральнаго экзамена, выпущено 7 человѣкъ лѣкарями и 14 человѣкъ подлѣкарями. Къ этому надобно прибавить, что Низовый корпусъ, съ самаго сформированія его, снабжался лѣкарями и подлѣкарями почти исключительно изъ московской школы. При выпускѣ изъ школы лѣкари снабжались дипломами на пергаментѣ съ большою госпитальною печатью, а подлѣкаря на полуалександрійской бумагѣ и съ тою же печатью. Бидлоо просилъ даже коллегію экономіи, чтобы испрошено было разрѣшеніе прикладывать на лѣкарскихъ дипломахъ государственную печать, «для наилучшей чести и славы ея императорскаго величества»: но ни коллегія экономіи, ни св. синодъ не взялись хлопотать объ этомъ разрѣшеніи.

Съ воцареніемъ императрицы Анны Ивановны архіатеръ И. Л. Блюментростъ впалъ въ немилость и отстраненъ отъ должности „за многіе непорядки въ верхней аптекѣ“, какъ сказано въ именномъ высочайшемъ указѣ 14 сентября 1730 года и остановлена выдача ему жалованья. Но на мѣсто его не было назначено другаго архіатера, а приказано управлять медицинскою частью «Докторскому Собранію».

Мотивировано это измѣненіе медицинскаго управленія въ слѣдующемъ именномъ указѣ, даннымъ правительствующему сенату 14 сентября 1730 года: „При учрежденіи разныхъ коллегіевъ въ здѣшнемъ имперіи блаженной памяти дяди Ея Императорскаго Величества Петра I прилежное тиваніе было, чтобы медицинское дѣло къ государственной и вѣрныхъ подданныхъ пользѣ въ добрый порядокъ приведено и содержано было. А понеже сіе весьма полезное намѣреніе за скорою кончиною Е. И. В. до сего времени въ совершенство произведено быть не могло и отъ того многіе непорядки при верхней аптекѣ произошли, о чемъ Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось (чрезъ

¹⁾ Лѣкарь получалъ въ это время въ полку по 10 руб. въ мѣсяцъ и по двѣ раціи.

доносъ лейбъ-медика Ригера) и для того чтобы оны отвратить и въ лучшее состояніе привести, милостивое намѣреніе Ея Императорскаго Величества воспріяла нынѣшняго арміатера отставить, а на его мѣсто опредѣлить докторовъ Видлоо, Шоберга, Фандергульста, Севасто и Тейльса, которымъ по вся недѣли въ медицинской канцеляріи собираться въ реченные дни и все въ верхней аптекѣ, и надлежащія дѣла основательно разсматривать и по обыкновенію коллежскому учреждать и во всемъ такъ поступать, какъ бы они предъ Ея Императорскимъ Величествомъ отвѣтствовать могли, а *вопервыѣ* должны осмотрѣть всю аптеку, лабораторію и магазейнъ, довольноль лѣкарствъ приуготовлено, и надлежащимъ ли образомъ, и довольноль приуготовлено матеріаловъ и довольноль къ приуготовленію лѣкарствъ надлежащихъ сосудовъ и прочихъ инструментовъ къ тому принадлежащихъ, и мѣста довольноль къ приуготовленію лѣкарствъ учреждены ли, и что въ приготовленныхъ лѣкарствахъ явится худое, то велѣтъ исправить; такъ же въ магазинахъ и лабораторіи чего недостаетъ немедленно исполнить, а что по осмотрѣ явится, о томъ подать къ Ея Величеству рапортъ за руками немедленно; *второе* смотрѣть, чтобы каждый, при верхней аптекѣ обрѣтающійся служитель, положенное на него дѣло вѣрно и прилежно отправлять; *третье*, чтобы добрые лѣкарства приуготовлялися и безъ всякаго задержанія отправляемы были, и которыя лѣкарства возможно составлять въ аптекѣ, тѣхъ изъ другихъ мѣстъ не вывозить; *четвертое*, приходу и расходу исправный счетъ содержать; *пятое*, тщатися чтобы въ добрыхъ и искусныхъ служителяхъ недостатку не было и ихъ по достоинству жалованьемъ снабждать, напротивъ же того излишнихъ и отъ которыхъ никакой пользы имѣть невозможно, отпустить; *шестое*, по требованіямъ искусныхъ лѣкарей безъ всякаго похлѣбства, ни по дружбѣ, ниже по ненависти въ войска отправлять; *седьмое*, каждому въ случившихся жалобахъ надлежащую справедливость показывать, а для лучшаго учрежденія аптеки призывать въ совѣтъ нынѣшняго Е. И. В. лейбъ-медика (т. е. Ригера) и прочихъ докторовъ и стараться чтобы привести аптеку въ лучшее состояніе». И потому Е. И. В. пр. сенатъ приказалъ послать въ медицинскую канцелярію указъ, который ей и объявленъ 19 сентября 1730 года».

И такъ „Докторское Собраніе“ должно было состоять изъ пяти лицъ, поименованныхъ въ указѣ 14 сентября 1730 года. Но большая часть этихъ докторовъ жили въ Москвѣ; въ Москвѣ же учреждено было и «Собраніе докторовъ», потому что тамъ находился дворъ, по случаю коронаванія императрицы. Но что имъ было дѣлать, когда дворъ возвратится въ Петербургъ? Этотъ вопросъ былъ совершенно неразрѣшимъ для нихъ. Но былъ и другой вопросъ, не менѣе трудно разрѣшимый: ни одинъ изъ членовъ „Собранія“ не имѣлъ никакого понятія объ управленіи медицинскою канцеляріею и медицинскимъ факультетомъ. Этотъ второй вопросъ былъ самый трудный и потому новые правители съ него и начали. Они внесли въ свою коллегію вопросъ (29

декабря 1730): будетъ ли «Собраніе докторовъ» управлять дѣлами по прежней инструкціи, или ему дана будетъ новая? Въ отвѣтъ на это всѣ единогласно рѣшили управлять по старой инструкціи архіатера Блюментроста. А это значило, что всѣми дѣлами медицинской канцеляріи будетъ управлять секретарь Семень Львовъ, не медикъ, служившій исполнителемъ распоряженій архіатера.

Затѣмъ вступилъ на очередь указъ 14 сентября 1730 года, касающійся безпорядковъ блюментростова управленія. Къ указу приложенъ былъ доносъ доктора Ригера на Блюментроста и по этому доносу въ указѣ приказано «разсмотрѣть непорядки въ верхней аптекѣ и что худое явится—исправить».

Разсмотрѣніе «непорядковъ» показало слѣдующее:

«1) въ верхней аптекѣ много лѣкарствъ худо препарованныхъ, а нѣкоторыя обрѣтались къ употребленію негодны.

2) Лабораторіумъ въ оной аптекѣ въ самомъ худомъ состояніи, какъ бы въ самой малой аптекѣ, дѣла же аптекарскаго невозможно управлять, за тѣмъ что чуть не всѣ инструменты надлежащіе не были, понеже тѣ которыя худы, а другіе испорчены и непочинены, токмо была одна печь и одинъ котель, и тѣ худые и за нѣсколько дней до нашего прибытія починены, отъ котораго худаго состоянія и неимущества инструментовъ невозможно было добрымъ и довольнымъ лѣкарствамъ сочиняться, о чемъ неоднократно какъ письменно, такъ и словесно аптекари о починкѣ и о покупкѣ вновь просили.

3) Въ магазинѣ и аптекѣ, гдѣ хранятся всѣ аптекарскія вещи, привезенныя изъ за моря, и здѣшнія корни, травы и цвѣты почти всѣ гнилыя явились; сресіеи и перегнанныя воды всѣ негодныя, и дѣлались не изъ французскаго или двойнаго русскаго, а изъ простаго вина.

4) Въ прочихъ матеріалахъ есть довольство, а другія привезены сего лѣта изъ за моря. Выписывалъ изъ за границы то, что здѣсь можно купить и сдѣлать дешевле.

5) Въ нижней аптекѣ, у гостинаго двора, тоже все негодно.

6) Покои при аптекахъ, гдѣ хранятся травы и проч., негодны.

7) Аптекарскій огородъ къ употребленію безнадѣженъ, а служители получаютъ жалованье напрасно.

8) Изъ служителей многіе получаютъ содержаніе напрасно, другіе не по указамъ.

9) Что Ригеръ представлялъ о неисправностяхъ аптекъ, то правильно.

Декабря 1730. Подписали всѣ члены «Собранія».

Пока производилось это разслѣдованіе, И. Л. Блюментростъ ни разу не былъ приглашенъ къ какимъ либо объясненіямъ и 18 декабря 1731 года окончательно уволенъ отъ службы. Въ то же время у него отнята Гатчинская мыза, подаренная Петромъ Великимъ. Жилъ онъ послѣ отставки въ Москвѣ, гдѣ у него былъ собственный домъ. Но домъ этотъ со всѣмъ имуществомъ сгорѣлъ, такъ что онъ на старости лѣтъ сдѣлался бѣднякомъ. Въ октябрѣ

1737 года онъ подалъ просьбу императрицѣ объ уплатѣ недоданнаго ему при отставкѣ жалованья за пять третей. Просьба его проникнута была такою глубокою печалью, что кабинетъ министровъ предписалъ медицинской канцеляріи немедленно удовлетворить просителя, и ему выдано 4842 р. 75 к. Умеръ въ С.-Петербургѣ 11 марта 1756 года.

Учрежденное при отставкѣ его „Докторское Собраніе“ просуществовало не долго: именнымъ указомъ 6 января 1732 года лейбъ-медикъ Ригеръ назначенъ архіатеромъ, съ тѣмъ (какъ сказано въ указѣ), чтобы онъ во всемъ управлялъ медицинскою канцеляріею, какъ управлялъ ею бывший архіатеръ Блюментростъ. Въ то же время (13 февраля 1732), по именному указу императрицы Анны, медицинская канцелярія передана была въ вѣдомство кабинета Ея Величества, подобно Соляной конторѣ (т. е. какъ оброчная статья для Вирона), съ тѣмъ, чтобы въ оную ни откуда повелительныхъ указовъ не посылать и никакихъ рапортовъ не требовать». Это была плата архіатера Ригера за данное ему почетное и выгодное мѣсто.

Блюментростъ Лаврентій Лаврентьевичъ, третій братъ предыдущаго, родился въ Москвѣ 29 октября 1692 года. У него рано развились способности, такъ что уже съ пятнадцати лѣтъ онъ слушалъ медицинскія науки въ Галле, а потомъ въ Оксфордѣ. Вскорѣ однакоже онъ переѣхалъ въ Лейденъ, привлеченный славою Бургава. Здѣсь же онъ получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De secretione animalī. Lugd. Batav. 1713*. По возвращеніи въ Россію (1714) онъ былъ назначенъ Петромъ I лейбъ-медикомъ при сестрѣ своей Натальѣ Алексѣевнѣ. Въ 1715 году Блюментросту поручено было сдѣлать описаніе болѣзни Петра I и лично сообщить его извѣстнѣйшимъ медикамъ въ Европѣ, чтобы узнать ихъ мнѣніе по сему предмету. Со времени этого порученія Блюментростъ обратилъ на себя особенное вниманіе Петра I и сдѣлался замѣтнымъ при царскомъ дворѣ. Можетъ быть этому отчасти способствовало и особенное расположеніе къ нему перваго русскаго архіатера и перваго Петрова лейбъ-медика Эрскина. Съ этихъ поръ онъ безотлучно находился при особѣ императора и сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ. Въ 1717 году, въ Амстердамѣ, Блюментростъ заключилъ условія съ знаменитымъ Рюйшемъ касательно приобрѣтенія для Россіи анатомическаго кабинета его, славившагося во всей Европѣ. Способъ Рюйша сохранять въ цѣлости анатомическіе препараты хранился тогда еще въ величайшей тайнѣ и Эрскинъ былъ не совсѣмъ доволенъ, что молодой подчиненный его включилъ въ условія, чтобы эта тайна была также и открыта ему. Для успокоенія подозрительности своего покровителя, Блюментростъ писалъ къ нему (26 апрѣля 1717), что онъ это сдѣлалъ на тотъ случай, когда бы Эрскину невозможно было самому пріѣхать въ Амстердамъ для узнанія способа; что впрочемъ онъ всегда старается такъ дѣйствовать, чтобы это согласовалось съ приказаніями Эрскина и что наконецъ Рюйшъ передаетъ ему

описание способа въ запечатанномъ конвертѣ ¹⁾). Собранія Рюйша доставлены были въ Петербургъ подъ наблюденіемъ Блюментроста. По смерти архіатера Эрскина Блюментрость назначенъ лейбъ-медикомъ на его мѣсто и вступилъ въ исправленіе своей должности въ Олонецкой губерніи, гдѣ Петръ Великій пользовался желѣзными (марціальными) минеральными водами ²⁾).

Занявъ мѣсто лейбъ-медика Эрскина, Л. Л. Блюментрость принялъ на себя управление императорскою бібліотекою и кунсткамерою. Ближайшимъ его помощникомъ и секретаремъ при исполненіи этой послѣдней должности былъ Іоаннъ Даниилъ Шумахеръ. Шумахеръ хорошо зналъ Блюментроста и потому слѣдующій рассказъ его о первой мысли къ учрежденію академіи наукъ въ Петербургѣ можно считать за достовѣрный. Однажды, говоритъ онъ, Блюментрость представилъ Петру I, что бібліотека и кунсткамера мало принесутъ пользы, если для нихъ не будутъ вызваны способные ученые люди, которые бы исключительно занимались науками. Въ слѣдствіе этого государь повелѣлъ сдѣлать вызовъ ученыхъ людей, такъ какъ и самъ считалъ его необходимымъ. Между тѣмъ Блюментрость замѣтилъ, что если для каждой науки вызванъ будетъ особый ученый, то изъ нихъ можно составить цѣлую академію, о чемъ и сдѣлалъ докладъ царю, по его порученію.

Въ февралѣ 1721 года бібліотекарь Шумахеръ посланъ былъ за границу, между прочимъ, для сочиненія «соціетета наукъ», подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ. Тогда же ему поручено отвезти въ парижскую академію наукъ грамоту Петра Великаго съ картою Каспійскаго моря и письмомъ Блюментроста. Русскій текстъ грамоты поправлялъ самъ царь, и въ ней говорилось, что на лейбъ-медика возложено увѣдомлять академію, «что въ государствахъ и земляхъ нашихъ новаго и разсужденія академіи достойнаго случится, и намъ зѣло будетъ пріятно, ежели вы съ нимъ корреспонденцію содержать и отъ времени до времени оному взаимно сообщать будете, какіе новые декуверты отъ академіи учинены будутъ».

Проектъ учрежденія академіи наукъ въ Петербургѣ, составленный Блюментростомъ вмѣстѣ съ Шумахеромъ, былъ утвержденъ Петромъ I только въ началѣ 1724 года и скоро послѣ того Шумахеръ началъ, отъ имени Блюментроста, обширную переписку съ разными европейскими учеными, а также на-

1) Секретъ Рюйша вѣроломно нарушенъ архіатеромъ Ригеромъ, который обнародовалъ его за границею въ 1743 году; а Ригеру сообщенъ онъ былъ по довѣренности Шумахеромъ.

2) Первое изслѣдованіе Олонецкихъ желѣзныхъ минеральныхъ водъ ни, когда не было напечатано вполне; но часть его изложена въ письмѣ доктора Ремуса къ Брейну: *Epistola de aquis martialibus Olonizensibus ad cel. Breynium*. Lipsiae, 1792. Второе произведено было по распоряженію архіатера К. Бургава. См. мои *Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій въ XVIII столѣтіи*, 1870, стр. 85.

шими министрами при иностранных дворахъ, касательно приглашенія членовъ во вновь учрежденную академію наукъ. Неожиданная кончина Петра Великаго не остановила дѣла и рѣшимость Блюментроста довести дѣло до конца произвела то, и притомъ къ чести и славѣ вновь основываемаго учрежденія, что къ концу 1725 года хотя официально и не было еще признано существованія академіи наукъ, однакоже начались уже академическія засѣданія. Самъ онъ назначенъ президентомъ с. петербургской академіи наукъ (21 декабря 1725 года).

Съ восшествіемъ Петра II на престолъ, академію наукъ начали забывать и Блюментростъ, увлеченный общимъ потокомъ, предоставилъ ее въ полное распоряженіе бібліотекаря Шумахера, скоро ставшаго во враждебныя отношенія къ большей части академикомъ (1728).

Со смертію Петра II Блюментростъ потерялъ прежнее свое значеніе при дворѣ. Въ кончинѣ нѣсколькихъ лицъ царской фамиліи въ короткій промежутокъ времени (съ 1725 по 1731 годъ) общественное мнѣніе, не обращая вниманія на образъ жизни, веденный скончавшимися, видѣло неискство главнаго врача. Теперь Блюментростъ оставался только при герцогинѣ мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ, подлѣ которой онъ и жилъ во дворцѣ. Но когда умерла и герцогиня (14 іюня 1733), императрица Анна Ивановна приказала подвергнуть Блюментроста допросу, чрезъ извѣстнаго генерала Андрея Ивановича Ушакова, и требовать у него отчета въ лѣченіи сестры ¹⁾. Объясненія его показали его невиновнымъ; однакоже онъ высланъ былъ изъ житья въ Москву (19 іюля 1733) и прекращено производство ему придворнаго жалованья (съ 1 мая тогоже года) ²⁾. Затѣмъ болѣе пяти лѣтъ (съ 19

¹⁾ Л. Л. Блюментростъ былъ лейбъ-медикомъ при Петрѣ I, Екатеринѣ I, при Петрѣ II и наконецъ при в. к. Екатеринѣ Ивановнѣ и всѣ они умерли въ короткій промежутокъ времени.

²⁾ Прекращена также выдача жалованья гоеть-хирургу Христофору Паульсону, находившемуся также при герцогинѣ мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ (по словесному указу объявленному архіатеромъ Гигеромъ 3 сентября 1733), но потомъ опять разрешена (19 сентября 1735).

Лѣкаръ Христоф. Паульсонъ принять былъ въ русскую службу въ 1720 году Петромъ I въ бытность его въ Ригѣ, бадеромъ ко двору и оставался въ этой должности до его смерти. По кончинѣ Петра I, въ 1 25 году, определенъ лѣкаремъ при дворѣ и исправлять должность гоеть-хирурга. При вступленіи на престолъ Анны уволенъ отъ службы, а въ 1729 году определенъ лѣкаремъ въ кавалергардію, а потомъ, въ 1731 году, переведенъ тѣмъ же званіемъ къ особѣ герцогини мекленбургской, въ распоряженіе Блюментроста. Въ 1733 году переведенъ къ шпалерной мануфактурѣ съ жалованьемъ по 500 р. Въ февралѣ 1750 г. онъ подалъ прошеніе императрицѣ Елисаветѣ, чтобы его опять сравняли съ гоеть-хирургами, что и исполнено (2 апрѣля 1750) съ жалованьемъ по 600 рубл.

іюня 1733 по 23 ноября 1738) онъ «ни у какихъ дѣлъ не былъ», безвыѣздно проживая въ Москвѣ. Наконецъ архіатеръ Фишеръ принялъ въ немъ участіе, чему впрочемъ помогли и обстоятельства. Въ 1738 году, во время войны съ Турціею, въ дѣйствующей арміи появилась чума и распространилась на всю украинскую линію. Потребовались медки и много медиковъ. Архіатеръ Фишеръ не затруднялся въ выборахъ и послалъ въ армію всѣхъ наличныхъ врачей изъ Петербурга и изъ Москвы, какъ служившихъ, такъ и отставныхъ, лишь бы каждый изъ нихъ ходилъ на своихъ погахъ. Такъ поступилъ онъ и съ московскимъ генеральнымъ госпиталемъ: онъ взялъ изъ него всѣхъ медиковъ— старшаго доктора, главнаго лѣкаря, оператора, лѣкарей и подлѣкарей— поручивъ управлять имъ стараго подлѣкаря Богданова, а для учениковъ госпитальной школы, чтобы они не разбѣжались, приказалъ преподавать анатомію и хирургію доктору-ботанику изъ медицинскаго огорода. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обратился къ Л. Блюментросту съ вопросомъ: приметъ ли онъ должность старшаго доктора въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ и директора тамошней госпитальной школы, съ жалованьемъ по 1500 рублей? Блюментростъ согласился, и 23 ноября 1738 опредѣленъ на это мѣсто.

По востшествіи на престолъ Елисаветы Петровны Блюментросту возвращенъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и прибавка 1000 р. къ жалованью. Въ докладѣ архіатера Лестока объ этихъ милостяхъ сказано, что въ бытность Блюментроста при госпиталѣ, онъ довольное число учениковъ лѣкарской наукѣ достаточно изучилъ и ко удовольствію арміи вашего императорскаго величества многіе произведены лѣкарями и подлѣкарями, каковаго въ томъ отъ него плода и впредь, яко отъ искуснаго и рачительнаго доктора, безъ сомнѣнія уповать можно“.

Л. Л. Блюментростъ былъ весьма образованный человѣкъ и свободно говорилъ и писалъ на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Въ февралѣ 1755 года Блюментростъ былъ вызванъ въ Петербургъ для обсужденія съ И. И. Шуваловымъ мѣръ къ устройству только что учрежденнаго московскаго университета, кураторомъ котораго онъ былъ назначенъ еще въ 1754 году. Въ Петербургѣ онъ и умеръ, 27 марта 1755 года, отъ грудной водянки и похороненъ на Выборгской сторонѣ, при церкви св. Самсона.

Блюмъ Германъ (Herman Blum), родомъ изъ Ревеля, учился въ Лейпцигѣ и Страсбургѣ 6 лѣтъ, получилъ дипломъ въ Лейпцигѣ 30 августа 1767. Право практики въ Россіи получилъ 13 іюня 1784 года.

Боде Іоганнъ (Johann Bode), по экзамену въ медицинскоѣ коллегіи признанъ докторомъ (31 января 1799) и опредѣленъ по прошенію въ лифляндскую губернію, впредь до открытія вакансіи, безъ жалованья.

Боривассеръ Давидъ, докторъ Іенскаго университета, явился къ экзамену въ медицинскую коллегію (10 октября 1795), но не выдержалъ его и

уѣхалъ въ Ревель. Черезъ два года пріѣхалъ опять въ Петербургъ, но не надѣясь на успѣхъ экзамена, не пробовалъ его, а просилъ опредѣлить его въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь на подлѣкарское жалованье (120 р. въ годъ и казенная квартира) для усовершенствованія въ медицинѣ, съ тѣмъ что по прошествіи назначеннаго срока обязанъ подвергнуться публичному испытанію, вмѣстѣ съ прочими при училищѣ, и если не удостоится по знанію своему искомаго званія, то оставленъ (будетъ еще на годъ при госпиталѣ. Дальнѣйшій ходъ его карьеры не извѣстенъ.

Борнеманъ Иванъ (Johann Nicolaus Christian Bornemann), родомъ изъ Магдебурга. Въ русскую службу вступилъ лѣкаремъ въ морской корабельный флотъ и состоялъ тамъ съ 1770 по 1777, и затѣмъ уволенъ съ производствомъ въ штабъ-лѣкари. Увольненіе это назначено имъ было къ пріобрѣтенію высшей ученой степени. Поэтому онъ немедленно уѣхалъ въ Гельмстадскій университетъ и пройдя полный курсъ медицины получилъ тамъ докторскій дипломъ (5 февраля 1785), напечатавъ диссертацию *De gangraena critica*.

По возвращеніи изъ за границы онъ пріобрѣлъ право практики по экзамену въ коллегіи и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ рижскій полевой госпиталь, а потомъ переведенъ въ ревельскій госпиталь. Умеръ въ Ревелѣ 17 декабря 1794 года.

Борнъ Карлъ (Carl Friedrich Born) поступилъ въ русскую службу лѣкаремъ при спб. городской Обуховской больницѣ и состоялъ въ этой службѣ съ 8 ноября 1783 до марта 1785 года. Но медицинское образованіе получилъ въ Берлинскомъ университетѣ, только не представилъ диссертацин. Оставилъ онъ больничную службу потому, что желалъ получить докторское мѣсто въ какой либо губерніи, которыя по новымъ штатамъ снабжались докторами. Поэтому Борнъ просилъ экзамена въ медицинскій коллегіи и по этому экзамену признанъ докторомъ медицины (4 іюня 1785) и тотчасъ же опредѣленъ былъ въ Рождественскій уѣздъ спб. губерніи. Между тѣмъ состоялся новый штатъ медицинскій коллегіи и учрежденъ ея 15 іюля 1786 года, по которому четыре госпитальныя хирургическія школы преобразованы въ три медико-хирургическія училища, а преподаватели въ нихъ названы профессорами и адъюнктами. Укомплектованіе училищъ профессорами предоставлено было медицинскій коллегіи, которая и избирала ихъ изъ числа наличныхъ докторовъ. Такимъ образомъ докторъ Борнъ назначенъ былъ профессоромъ въ Кронштадтское медико-хирургическое училище для преподаванія анатоміи, хирургіи и физиологіи, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ (13 января 1787 года). Преподавалъ онъ сперва вышеозначенныя науки, а потомъ патологію и терапію, и преподавалъ на русскомъ языкѣ. Продолжалось это болѣе шести лѣтъ. Но надобно ли ему преподаваніе, или скучно стало жить въ Кронштадтѣ, только онъ сталъ просить увольненія и по собственному желанію уволенъ (14 января 1793)

и переведенъ докторомъ въ Новгородскую губернію, сперва по контракту, а потомъ уже и безъ контракта. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Москву и здѣсь, опять опредѣленъ былъ на преподавательскую должность (29 октября 1795), профессоромъ акушерства въ московскомъ медико-хирургическомъ училищѣ, съ жалованьемъ по 800 рублей. Преподаваніе его и здѣсь производилось на русскомъ языкѣ, Адъюнктомъ при немъ утвержденъ былъ лѣкарь Гавріилъ Поповъ (3 ноября 1796), и по причинѣ тяжкой болѣзни Борна съ 1797 вель за него преподаваніе совершенно самостоятельно. Профессоръ Карль Борнъ еще въ бытность свою въ Новгородскомъ намѣстничествѣ, «за присланную въ коллегію анатомико-физиологическую обсервацію, исполненную просвѣщенія, достойную къ помѣщенію въ предъ издаваемыя ея медико-физическіе акты, равно какъ и за подробное его ботаническое описаніе травъ, растущихъ въ Новгородскомъ намѣстничествѣ», принять медицинскою коллегіею въ почетные ея члены (4 сентября 1794). Борнъ умеръ въ Москвѣ 8 апрѣля 1798 года.

Брандау Карль (Car Heinrich Brandau) служилъ профессоромъ акушерства и физиологіи въ Калинковскомъ хирургическомъ институтѣ (съ 8 мая 1788). При опредѣленіи на эту должность онъ вошелъ съ просьбою о назначеніи его почетнымъ членомъ медицинской коллегіи, для чего и принесъ бумагу изъ Кабинета, съ объявленіемъ, что съ его стороны нѣтъ къ тому препятствія. Медицинская коллегія отвѣтила, что онъ ничѣмъ еще не отличился и потому почетнымъ членомъ ея быть не можетъ. Въмѣсто того коллегія приняла его профессоромъ, съ обязательствомъ читать лекціи на латинскомъ языкѣ четыре часа въ недѣлю и съ такимъ расчетомъ, чтобы преподаваніе акушерства должно было окончиться въ первое полугодіе, а второе полугодіе должно быть посвящено физиологіи. Жалованья назначено ему 1000 рублей. Почти черезъ годъ, по приказанію барона Фитингофа, Брандау переведенъ 2 августа 1789), по слабости здоровья, въ Московскій госпиталь, въ помощь старшему доктору, съ прежнимъ жалованьемъ, а лекціи его приказано читать состоявшему при госпиталѣ доктору Ивану Конради. Затѣмъ опять чрезъ короткий срокъ (13 января 1791), по словесному будтобы повелѣнію императрицы, объявленному Фитингофомъ, уволенъ отъ службы съ абшитою.

Бріоте (Bryotet) преподавалъ оперативную хирургию въ Виленскомъ университетѣ.

Броунъ Чарльзъ (Charles Brown), англичанинъ изъ Ньюкестля, учился въ томъ же городѣ у доктора Бѣльса 6 лѣтъ, потомъ въ Лондонскомъ и Парижскомъ факультетахъ и напослѣдокъ въ Абердинскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (26 марта 1771 года). Пріѣхавъ въ Петербургъ, экзаминованъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Тихорскимъ и получилъ право практики 11 ноября 1784 года.

Броунъ Вилліамъ (William Brown) принятъ въ русскую службу лѣка-

ремь въ корабельный флотъ (13 июня 1784). Объ его докторскомъ экзаминѣ не сохранилось свѣдѣній; но при назначеніи докторовъ въ города и губерніи онъ опредѣленъ докторомъ (19 апрѣля 1787 года) въ Кольванскую губернію. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ на четыре мѣсяца и тамъ уволенъ отъ службы съ абшитою (19 апрѣля 1793 года).

Брухъ Францъ (Franz Daniel Bruch) учился въ Страсбургѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Observationes quaedam practicae de radice fruticis juniperi decocto*. Явился въ Россію изъ Франкфурта или изъ Гамбурга и принятъ на службу по капитуляціи во флотъ (1740). Но онъ медленно ѣхалъ и опоздалъ приѣздомъ, такъ что предназначавшееся ему мѣсто отдано другому. Тогда была война съ Швеціею и явившійся Брухъ опредѣленъ былъ докторомъ шляхетнаго кадетскаго корпуса (ноябрь 1741) съ жалованьемъ по 600 р., на мѣсто пожалованнаго въ лейбъ-медики Антоніо Санхеса; но прежде занятія этой должности, командированъ въ Выборгъ, въ помощь тамошнему дивизионному доктору Я. Монзею, и оставался при арміи до окончанія войны.

Докторъ Брухъ захворалъ въ сентябрѣ 1753 года « чахотною съ поносомъ », такъ что слегъ въ постель. Но по просьбѣ канцеляріи кадетскаго корпуса на его мѣсто не опредѣлялся другой докторъ, а с.-петербургская медицинская контора поручила « смотрѣніе за лазаретомъ корпуса и за всѣмъ что до докторской должности надлежитъ » доктору с.-петербургской дивизіи Вигору. Брухъ умеръ въ Петербургѣ 8 октября 1753 года.

Буксбаумъ Іоганнъ (Buchbaum Johann Christian) родился въ октябрѣ 1694 года въ Мерзебургѣ, въ Прусской Саксоніи. Дѣтство его прошло въ Вермдорфѣ, имѣніи отца Буксбаума, недалеко отъ Мерзебурга. Отецъ его, докторъ медицины Андрей Буксбаумъ, предназначалъ его къ медицинѣ и молодой Буксбаумъ слушалъ медицинскіе курсы въ Лейпцигѣ, Вяттенбергѣ и Іенѣ, а потомъ въ Лейденѣ. Впрочемъ вездѣ онъ отдавалъ предпочтеніе ботаникѣ. Въ 1721 году напечатано имъ *Enumeratio plantarum accuratior in agro halensi locisque vicinis crescentium. Cum praefatione Fr. Hoffmann de methodo compendiosa plant. vires et virtutes in mendo indagandi. Halae. 1721, 8°, pp. duo*. Кажется, однакоже, докторской диссертациі не печатавъ. Въ томъ же году (1721), по рекомендаціи доктора Гофмана, Буксбаумъ приглашенъ былъ въ Россію въ качествѣ ботаника къ медицинской коллегіи. Въ 1724 году его отравили « докторомъ » при посольствѣ Александра Ивановича Румянцова въ Константинополь. Въ это время было уже рѣшено основать въ Петербургѣ академію наукъ и Буксбаумъ посланъ за тѣмъ, чтобы плодами его изысканій воспользовалось это ученое учрежденіе. По данной ему при этомъ инструкціи, « онъ обязанъ былъ преимущественно дѣлать тщательныя розысканія въ трехъ царствахъ природы и присылать сюда или привезти съ собою все, что можетъ быть са-

хранено или описано, или же сбережено въ спиртѣ, если представится къ тому случай и время. Въ особенности долженъ онъ заниматься изслѣдованіемъ лѣкарственныхъ растений и примѣчать гдѣ онѣ находятся въ изобиліи, что бы можно было ими снабжать императорскую аптеку. Имѣеть онъ срисовывать все, что покажется ему любопытнымъ. Также обязанъ онъ вести точный дневникъ всему, что съ нимъ случится и съ каждымъ курьеромъ присылать подробныя донесенія, въ формѣ писемъ къ начальнику академіи. Кромѣ него онъ не можетъ никому сообщать своихъ наблюдений или открытій».

Посольство Румянцова отправилось изъ Москвы 21 ноября 1724 года на Тулу, Глуховъ, Кіевъ, Немировъ, а прибыло въ Константинополь 26 декабря 1724 г., откуда Вуксбаумъ проѣхалъ потомъ черезъ Малую Азію, Персію, Вакъ, Дербентъ и Астрахань. Слѣдующею весною онъ захворалъ въ Персіи дизентерією, пролежалъ девять недѣль въ постели и чуть не умеръ. Въ ноябрѣ 1726 года онъ былъ уже опять въ Москвѣ и привезъ много растений, окаменѣлостей и монетъ. Онъ считалъ себя здоровымъ, между тѣмъ какъ всѣ окружавшіе его боялись его хворости. Наконецъ самъ Вуксбаумъ сталъ проситься въ отпускъ на родину, для поправленія здоровья въ лучшемъ климатѣ и, давъ обѣщаніе разобрать и издать всѣ свои коллекціи въ теченіе четырехъ лѣтъ, получилъ его. Въ октябрѣ 1729 года онъ былъ уже въ имѣніи отца своего Вермсрдоффъ, гдѣ и скончался, 7 іюля 1730 года, отъ легочной чахотки, усилившейся послѣ паденія съ лошади. Ботаническія сочиненія его напечатаны въ Коментаріяхъ с.-петербургской академіи наукъ.

Бургаавъ Германъ (Boerhaave Kaas Hermaan) родился 27 сентября 1705 года въ Гагѣ, гдѣ отецъ его жилъ медицинскою практикою. Учился medicinѣ въ Лейденскомъ университетѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De argento vivo*, 1729. Вызванъ былъ къ русскому двору, изъ уваженія къ знаменитому дядѣ его (тогоже имени), архіатеромъ Фишеромъ въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны (Брауншвейгъ Люненбургской) по контракту, и 20 августа 1741 года данъ былъ указъ выдать изъ соляной суммы комиссаріата, впредь до расчета, купцу Динглию на отправленіе въ Голландію 600 рублей. Эти деньги выговорены были по контракту ¹⁾ на проѣздъ Г. К. Бургаава изъ Гаги въ Петербургъ и

а) Въ указѣ, данномъ оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду 18 августа 1741 года, сказано, что Г. К. Бургаавъ вызванъ къ русскому двору гофъ-медикомъ на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Онъ будетъ получать по 2000 р. ежегоднаго жалованья или 5000 гульденовъ голландскою монетою, считая со дня отъезда его къ русскому двору;
- 2) Ему дана будетъ квартира съ дровами и свѣчами и карета съ лошадьми.
- 3) Имѣть будетъ вольность повсюду лѣчать, токмо исполняя безъ упущенія должность свою при дворѣ всегда, когда присутствіе его потребуется и больнымъ въ пріемъ своихъ имѣть будетъ.

въ послѣдствіи уплачены медицинскою канцеляріею. Бургаавъ прѣѣзжалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1742 года и тотчасъ же отправился въ Москву къ коронаціи императрицы. Медленности выѣзда своего изъ Голландіи обязанъ онъ тѣмъ, что ни императрица Елисавета, ни первый лейбъ-медикъ ея графъ Лестоукъ, ни весь новый дворъ не имѣли противъ него никакихъ предубѣжденій, хотя онъ вызванъ былъ въ Россію падшею правительницею. Вскорѣ онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а послѣ ареста Лестока назначенъ первымъ лейбъ-медикомъ императрицы Елисаветы Петровны и директоромъ медицинской канцеляріи, слѣдующимъ именнымъ указомъ 6 декабря 1748 года:

«Во всевысочайшемъ уваженіи искусства, прилежанія и трудовъ, съ каковыми дѣйствительный статскій совѣтникъ Германъ Кау Бургаавъ о Ея Императорскаго Величества и Императорской Е. В. фамилии здравіи неутомленное вѣрно ревностное бдѣніе имѣлъ, Ея Императорское Величество всемилостивѣйше жалуетъ его Е. И. В. тайнымъ совѣтникомъ и при томъ опредѣляетъ его Е. И. В. первымъ лейбъ-медикомъ и главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ въ Е. И. В. имперіи, съ обыкновеннымъ притомъ жалованьемъ по семи тысячъ рублей на годъ, которое давать ему изъ статсъ-канторы, включая въ оное получаемыя имъ нынѣ три тысячи рублей, при чемъ ему свободная квартира и отъ двора карета и лошади съ потребными къ тому служителями давана быть имѣеть, о чемъ сенату куда надлежитъ потребные указы послать, а его Бургаава въ семь новомъ чинѣ къ присягѣ привести. Впрочемъ онъ въ единственномъ Е. И. В. вѣдѣніи состоятъ и прямо отъ Е. И. В. повелѣній зависить имѣеть».

Занявъ этотъ высокій постъ, Г. К. Бургаавъ мало заботился о налагаемыхъ имъ обязанностяхъ, потому что не зналъ Россіи и не любилъ ея. Можетъ быть онъ и не могъ объ нихъ заботиться, потому что безотлучно долженъ былъ находиться при дворѣ, куда бы тотъ ни отправлялся. Какъ бы то ни было, но черезъ недѣлю послѣ вступленія въ должность главнаго директора медицинской канцеляріи (15 декабря 1748)⁴; Бургаавъ, за отъездомъ въ Москву, поручилъ петербургскую медицинскую кантору въ управленіе доктору Якову Гриву, исправлявшему кромѣ того должность штатдъ-физика, а по-

4) Столъ при дворѣ имѣть будетъ.

5) При отъѣздѣ изъ Голландіи получить имѣть 600 р. или 1500 гульденовъ голландскою монетою, на проѣздъ сухимъ путемъ и съ кондиціею, чтобы онъ съ собою письма умершаго Германа Бургааве привезъ, которыя въ его рукахъ будутъ. Отвѣхать ему Бургааве сюда какъ скоро возможно, по большей мѣрѣ въ мѣсяцъ по полученіи онаго контракта.

6) Оный контрактъ 4 года продолжаться имѣеть.

тогь формально назначилъ его помощникомъ себѣ (*medicus consiliarius*) въ управленіи медицинскою канцеляріею, съ оставленіемъ въ должности штатдѣ-физика и съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году (13 августа 1751) онъ назначилъ себѣ другаго помощника въ управленіи дѣлами медицинской канцеляріи, именно московскаго штатдѣ-физика доктора Іогана Якова Лерхе, тоже съ званіемъ *medici consilarii* и съ такимъ же жалованьемъ, какъ и Гривъ, при чемъ Лерхе переведенъ въ Петербургъ, а Гривъ въ Москву. Жалованье этимъ лицамъ положено было (кромя того, которое слѣдовало по должности штатдѣ-физиковъ) изъ экстренныхъ суммъ, опредѣленныхъ по указу 11 декабря 1744 года на содержаніе при медицинской канцеляріи особаго доктора, знающаго канцелярскія дѣла, «въ помощь главному командиру». Такимъ образомъ медицинское управленіе раздѣлилось между двумя лицами, которыя однакоже должны были дѣлать дѣла отъ имени главнаго директора. Но эти два лица, въ свою очередь, предпочитали тоже ничего не дѣлать и предоставляли все секретарямъ медицинскихъ конторъ. Тогда-то наступили времена лихимства, продажности мѣстъ и званій и самаго невѣроятнаго подъячества.

Докторъ Г. К. Бургаавъ умеръ скоропостижно въ Москвѣ (7 октября 1753 года), 48 лѣтъ отъ роду.

Бургаавъ Абрамъ (*Abraham Kaau Boerhaave*), младшій братъ предыдущаго, приглашенъ въ русскую службу графомъ Лестокомъ по просьбѣ Бургаава старшаго. Лестокъ пригласилъ его письмомъ отъ 21 декабря 1745 года, которое начиналось такъ: «*L'éternelle renommée du feu Mr Vотре oncle et Vos propres mérites, que Vous avez fait si avantageusement connaitre au publique par les livres que Vous avez lui donnés etc.*» Онъ приглашался для исправленія должности профессора теоретической и практической медицины и фармаціи въ обоихъ столичныхъ госпиталяхъ для госпитальныхъ учениковъ на латинскомъ языкѣ («*aux souschirurgiens et apprentifs colleges en theorie et pratique de médecine, explicant nominativement les institutions et les aphorismes de feu Mr. Boerhaave votre oncle, et de plus un troisieme college en pharmacie, dont Vous prendrez pour base l'auteur que Vous jugerez le plus convenable, ou bien Vous donnerez des cahiers à écrire à la dite jeunese et l'on Vous fournira les simples et composites pour cet college. Les colleges commenceront chaque année vers le milieu de septembre et finiront vers le milieu du juillet, suivant ce qui se pratique dans les académies et l'on conviendra avec Vous des heures que Vous employerez pour cela, et quant aux plantes officinales il faudra se conformer au temps que le climat du pays permet.*») и для исправленія должности доктора въ адмиралтейскомъ госпиталѣ, съ жалованьемъ по 600 р. въ

годъ, готовою квартирою и двумя служителями на казенномъ содержаніи, и наконецъ съ завѣщеніемъ, что *la dite station sera stable et fixe sans qu'il sera obligé de changer la station ou de se transporter et employer ailleurs, à moins que se soit avec son agrément et bonne volonté*». Контрактъ подписанъ 18 марта 1746 года Лестокомъ и Г. К. Бургавомъ (по довѣренности отъ брата) на 5 лѣтъ, считая со дня выѣзда его изъ Голландіи, и состоялъ изъ 12 пунктовъ. Получивъ на проѣздъ 100 руб., Абр. К. Бургаавъ пріѣхалъ въ Петербургъ 14 апрѣля 1746 и 29 тогоже мѣсяца утвержденъ въ должностяхъ своихъ по контракту. Но осталось устранить еще одно затрудненіе: онъ былъ глухъ на оба уха, а между тѣмъ могъ быть призываетъ въ адмиралтейскую коллегію¹⁾. Для устранения этого неудобства, его освободили отъ обязанности являться въ адмиралтейскую коллегію, подъ предлогомъ незнанія русскаго языка, и для того 10 сентября прикомандировали къ нему собственно для этой цѣли, «пока російскаго языка извѣнеть», знающаго въ медицинѣ человѣка, младшаго доктора с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Ивана Антоновича Де-Тейльса, московскаго уроженца, но учившагося въ Голландіи. При этомъ послѣднему приказано и жить въ адмиралтейскомъ госпиталѣ, съ тѣмъ, что если потребенъ будетъ для медицинскихъ дѣлъ докторъ въ адмиралтейской коллегіи, то требовали бы Де-Тейльса, а не Бургаава. Вскорѣ однакожь распоряженіе о прикомандированіи Де-Тейльса къ Бургааву было отменено (12 января 1747), потому что исполненіе медицинскихъ дѣлъ въ адмиралтейской коллегіи предоставлено было флотскому доктору Д. Синопеусу, жившему въ Петербургѣ. Впрочемъ и сами Бургаавы видѣли неудобства абсолютной глухоты при управленіи госпиталемъ и стали просить графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго о переимѣненіи Абр. Бургаава въ с.-петербургскую академію наукъ, на мѣсто умершаго академика доктора Вейтбретга, «для распространенія науки анатомической и физиологической, какъ по штату и регламенту академіи положено (7 ноября 1747)». И просьба эта исполнена. Абр. Бургаавъ умеръ 15 іюня 1758 года, отъ горячки.

Бургартъ Иванъ (Joh. Burgart), родомъ изъ Ревеля, учился въ Галле 6½ лѣтъ и получилъ докторскій дипломъ. Получилъ право практики въ Россіи 23 декабря 1784 года.

Буттацъ Францъ (Fr. Buttatz) занимался прививаніемъ оспы и предложилъ русскому правительству оспопрививательное путешествіе по всей Россіи съ двумя подлѣбчарями. Для исполненія этого предложенія онъ обратился къ

¹⁾ По словамъ В. Рихтера, глухота эта произошла нечаянно, вдругъ, ночью и безъ всякой причины (1736). И она была такъ сильна, что Абр. Бургаавъ принужденъ былъ извѣщаться или знаками или письменно.

Императору Александру I съ слѣдующимъ письмомъ: „Всемиловѣйшій Государь. Нижеписанный, который уже имѣлъ счастье приносить всенижайшую просьбу свою Вашему Императорскому Величеству въ поданной сего февраля 10 дня запискѣ касательно введенія въ употребленіе прививанія коровьей оспы въ російской имперіи для азіатскихъ народовъ, пріемлетъ паки смѣлость испрашивать В. В. высочайшаго утвержденія вышереченнаго проекта прививанія, и поелику онъ имѣетъ единственное желаніе служить и быть полезнымъ своему отечеству, то онъ совершенно предоставляетъ великодушію В. В. въ разсужденіи тѣхъ издержекъ, которыя нужно будетъ опредѣлить для предпріятія путешествія, которое, какъ увѣряютъ, требуетъ великихъ издержекъ и сопряжено съ чрезвычайными опасностями, въ чемъ и самъ нижеписанный совершенно увѣренъ и въ разсужденіи многихъ путешествій своихъ, которыя онъ имѣлъ въ теченіи девяти лѣтъ. При семъ однакожь нельзя ничего переимѣнить въ разсужденіи той статьи, упоминаемой въ запискѣ, которая касается къ двумъ лѣкарямъ, поелику они необходимо нужны для дѣланія операций въ разныхъ губерніяхъ. Какъ нижеписанный поставляетъ для себя единственнымъ предметомъ оказывать пользу отечеству своему и чрезъ то заслуживать благоволеніе столь великаго и сильнаго монарха, то онъ ласкаетъ себя надеждою, что Ваше Величество по великодушію своему благоволите обратить вниманіе на всенижайшую его просьбу.

Изъявляя желаніе о долгоденствіи и сохраненіи всеавгустѣйшія особы В. В. нижеписанный имѣетъ честь быть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ В. И. В. всенижайшій и вѣрноподанный Францъ Буттацъ, докторъ медицины.

С.-Петербургъ, 20 февраля 1802 года.

Представивъ государю это письмо, Буттацъ представилъ въ то же время медицинской коллегіи объяснительную записку объ исполненіи задуманнаго имъ путешествія.

«Дабы съ точностью выполнить высочайшее его величества повелѣніе касательно введенія въ употребленіе прививанія коровьей оспы въ російской имперіи, и въ то же самое время показать врачевнымъ управамъ способъ прививать настоящую коровью оспу, нужно дабы государственная медицинская коллегія по сему случаю разослала по врачевнымъ управамъ указы съ довольнымъ количествомъ напечатанныхъ экземпляровъ настоящей коровьей оспы и нужные для прививанія инструменты, сдѣланные изъ лучшей англійской стали, рекомендуя притомъ въ силу высочайшаго повелѣнія доктора Буттаца господамъ губернаторамъ, дабы они подавали ему нужныя пособія, какъ для споспѣшествованія прививанія коровьей оспы, такъ для удобнѣйшаго проѣзда изъ одной губерніи въ другую.

„Для возможнѣйшаго распространенія прививанія коровьей оспы и для всегдѣшняго продолженія оной нужно было бы приказать врачевнымъ упра-

вамъ употреблять прививаніе коровьей оспы во всѣхъ уѣздахъ имперіи, и по отъѣздѣ доктора Буттаца ежемѣсячно рапортовать государственной медицинской коллегіи, въ какомъ уѣздѣ была прививаема настоящая коровья оспа и коликое число обоего пола имѣли оную. Врачебныя управы могутъ также имѣть между собою сношенія и въ случаѣ нужды одна другой сообщать матерію коровьей оспы; въ таковохъ случаѣ пособіе губернатора можетъ также доставлять особливую пользу.

Судя по столь дальнему и трудному путешествію необходимо нужно для доктора Буттаца опредѣлить двухъ подлѣкарей, которыхъ онъ самъ долженъ выбрать, для употребленія при больныхъ.

«Касательно жалованья и нужныхъ въ пути издержекъ для доктора Буттаца, онъ совершенно предоставляетъ великодушію Его Императорскаго Величества.

„Двумъ подлѣкарямъ должно опредѣлить пятьдесятъ рублей на экипиръ, двойное жалованье чрезъ все продолженіе путешествія, платье и кормъ, также прогонныя деньги на три лошади для ихъ двухъ.

„Поелику губерніи и другіе города находятся между собою въ дальнемъ разстояніи, то для продолженія и прививанія коровьей оспы надлежитъ изъ одного мѣста въ другое перевозить дитя, коему привита оспа, которому можетъ быть пожелаеть кто нибудь изъ родни сопутствовать; въ такомъ случаѣ нужно опредѣлить известную сумму для ихъ путешествія, дабы они для общаго блага самовольно на то соглашались.

Уѣзднымъ лѣкарямъ приказать прививать коровью оспу деревенскимъ дѣтямъ, дабы сколько можно болѣе распространить оную и такимъ образомъ искоренить натуральную оспу.

Сверхъ сего въ столицахъ нужно учредить небольшую госпиталь, въ которой можно было бы помѣстить до 50 кроватей для прививанія въ известные часы коровьей оспы всякому, кто для сего явится.

„Сіе есть единственное средство для споспѣшествованія благотворнымъ намѣреніямъ столь великаго и сильнаго монарха, который вѣчно будетъ почитаемъ великодушнѣйшимъ и благотворительнѣйшимъ изъ монарховъ и коего память будутъ благословлять народы въ роды родовъ».

«*Росписаніе городовъ, въ которыхъ во время путешествія должно останавливаться:* въ Новгородѣ, Твери, Москвѣ, Калугѣ, Тулѣ, Орловѣ, Сѣвскѣ, Курскѣ, Черниговѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Бахмутѣ, Черкасскѣ, Стѣврополѣ, Георгіевскѣ, Моздокѣ, Терскѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Царицынѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Сибирскѣ, Казани, Оренбургѣ, Уфѣ, Перми, Верхотурѣ, Екатеринбургѣ, Тобольскѣ, Барнаулѣ, Иркутскѣ, Нерчинскѣ и Кяхтѣ. Обратный путь должно предпринять по другой дорогѣ, чрезъ разные города, въ коихъ въ разсужденіи сего предмета можно было бы дѣлать нужныя наблюденія».

Медицинская коллегія подробно разсмотрѣла эту записку и въ засѣданіи своемъ 24 марта 1802 года постановила, что «1) сочиненіе о коровьей оспѣ отъ сей коллегіи разослано уже во всѣ врачебныя управы въ довольномъ числѣ экземпляровъ, а для прививанія оной удобно можно употреблять обыкновенный кровепускательный ланцетъ, каковой у всякаго дѣяря имѣется». 2) Поелику подлѣкарское званіе, по докладу медицинской коллегіи 1799 іюля 16 подтвержденному, уничтожено, то чтобы г. доктору Буттацу избрать вмѣсто оныхъ изъ находящихся при Московскомъ военномъ госпиталѣ двухъ фельдшеровъ, на что онъ и согласился. 3) Что не весьма удобно будетъ перевозить изъ одного мѣста въ другое для продолженія прививанія коровьей оспы съ оною дитя; но какъ г. Буттацъ объявилъ, что онъ будетъ перевозить только такихъ, жонхъ родители добровольно на это согласятся, то сіе и предоставить его распоряженію. Впрочемъ медицинская коллегія находитъ тотъ планъ къ произведенію къ дѣйствіе достаточнымъ. Въ слѣдствіе того она дала Буттацу открытый указъ съ предложеніемъ московской медицинской конторѣ и всѣмъ врачебнымъ управамъ, чтобы дѣлаемо ему было по тому со стороны ихъ надлежащее пособіе, а о томъ, гдѣ и какому числу обоого пола младенцевъ будетъ привита коровья оспа и съ какиимъ успѣхомъ кончится, также какъ и по отъѣздѣ его самими членами управы и уѣздными медицинскими чинами будетъ прививаема, ежемѣсячно присылать въ коллегію вѣдомости, дѣлая притомъ о семъ новомъ способѣ свои наблюденія; о каковомъ доктору Буттацу путешествіи сообщить гг. гражданскимъ губернаторамъ, дабы и они благоволили подавать ему нужныя по сей его должности вспомошествованія.

Тогда состоялся слѣдующій именной высочайшій указъ «Государственной Медицинской Коллегіи. Пріемля за благо представленіе доктора Буттаца, въ которомъ изъявляетъ онъ желаніе предпринять путешествіе во внутреннія губерніи російской имперіи для введенія въ употребленіе повсюду прививанія коровьей оспы, и учиненные потому въ коллегіи распоряженія, повелѣваемъ: снабдя его Буттаца, всѣми нужныими къ тому людьми, инструментами и наставленіемъ, приступитъ нынѣ же къ немедленному того исполненію и отправленію его, Буттаца, выдавъ на подъемъ и исправу, Буттацу, три тысячи, да двумъ при немъ фельдшерамъ по 50 р. каждому; на будущее же время, пока они въ сей посылкѣ находятся имѣютъ, опредѣляемъ доктору Буттацу жалованья по 1500 р. въ годъ и столовыхъ по 100 р. на мѣсяцъ; да фельдшерамъ при немъ отправляющимся по 100 р. въ годъ каждому жалованья, которые и производить имъ, равно какъ и единовремено на подъемъ выдачу чинить изъ доходовъ медицинскихъ»¹⁾.

„Александръ“.

¹⁾ Полное собраніе законовъ, XXVІІ, 20.226.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 9 дня 1802 года.

Докторъ Буттацъ выѣхалъ изъ Петербурга въ июнѣ въ Новгородъ, привилъ тамъ оспу 48 младенцамъ съ успѣхомъ и за тѣмъ поѣхалъ дальше по предначинанному росписанію

Бюргеръ Михаилъ (Burger Michael), родомъ изъ Курляндіи, получилъ медицинское образованіе въ одно время съ Лавр. Блюментростомъ въ Лейденѣ и докторскій дипломъ въ Кенигсбергѣ, защитивъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio inauguralis de lumbricis*, Regiomonti, 1716. Потомъ занимался частною медицинскою практикою кажегся въ Либавѣ. Дружественныя отношенія къ президенту спб. академіи наукъ (Л. Блюментросту) были едвали не единственнымъ поводомъ къ приглашенію Бюргера въ ново-открытую спб. академію наукъ на кафедру химіи и практической медицины. 4 сентября 1725 года Блюментростъ сообщилъ Бюргеру, что въ Петербургѣ открывается академія наукъ; что члены ея обязуются содѣйствовать успѣхамъ избраннымъ ими наукъ, посѣщать два раза въ недѣлю ученныя засѣданія и четыре часа еженедѣльно посвящать чтенію лекцій. Послѣ исчисленія тѣхъ знаменитостей, которыя уже согласились вступить въ академію, и извѣстія, что остается незанятою только кафедра химіи и практической медицины, Блюментростъ присовокупилъ: «такъ какъ у меня къ вамъ чрезвычайное уваженіе, и я увѣренъ, что вы со славою можете занять эту кафедру, то я докладывалъ Ея Императорскому Величеству о васъ, и государыня всеилостивѣйше повелѣла предложить вамъ кафедру химіи и практической медицины, съ жалованьемъ по 800 руб. въ годъ и съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Исполняю это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что я уже часто хлопоталъ о возобновленіи съ вами старой дружбы. Если васъ нѣсколько затруднитъ химія, то можно ее откинуть, такъ какъ вы, какъ сказано, будете въ особенности прилежать къ практической медицинѣ».

Контрактъ съ Бюргеромъ заключенъ осенью 1725 года и онъ прибылъ въ Петербургъ 13 марта 1726 года, какъ будто для того, чтобы тамъ найти себѣ смерть. 22 июня того же года, Бюргеръ, возвращаясь домой изъ гостей отъ Блюментроста, упалъ изъ коляски и расшибся до смерти.

Бюргеръ ничѣмъ неизвѣстенъ и кромѣ выше упомянутой докторской диссертациі ничего не печаталъ.

Бюцовъ Карлъ Николаевичъ (Carl Friedrich Bützow), сынъ пастора при киркѣ св. Петра въ С.-Петербургѣ, 14 лѣтъ, опредѣленъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь (31 марта 1764). Произведенъ въ подлѣкари 4 августа 1765 и въ лѣкари 26 мая 1770 года.

Кончивъ здѣсь курсъ, онъ просилъ увольненія за границу для усовершенствованія и получилъ его (14 июня 1774), а потомъ получилъ докторскій дипломъ (15 сентября 1777 года).

По штату 1737 года положено было имѣть при Екатеринбургскомъ госпи-

талѣ, для заводовъ и монетной экспедиціи, доктора, штабъ-лѣкаря, двухъ лѣкарей и аптекаря; но до 1777 года былъ только штабъ-лѣкарь Дейкенъ и главный командиръ заводовъ, статскій совѣтникъ Рычковъ, просилъ себѣ въ сентябрѣ этого года особеннаго доктора. Туда и опредѣленъ былъ практиковавшій въ Екатеринбургѣ д-ръ Карлъ Фридрихъ Бюцовъ (1 февраля 1778 года), лѣкаремъ—подлѣкарь артиллерійскаго фурштата Мих. Леонт. Гамалѣя, а аптекаремъ—гезель спб. главной аптеки Jacob Mercker.

Соскучившись заводскою сибирскою жизнью, докторъ Бюцовъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и тамъ выпросилъ (въ апрѣлѣ 1783) себѣ другое мѣсто, а именно финляндскую дивизию, на мѣсто умершаго доктора Баада. Въ послѣдствіи времени д-ръ Бюцовъ занималъ должность инспектора финляндской врачебной управы и къ тому времени относятся слѣдующіе два указа Императора Павла Петровича:

«Павловскъ, іюля 30 дня 1797 года.

Господинъ Государственный Казначей баронъ Васильевъ, за пренебреженіе должности и оказанныя грубости генераль-фельдмаршалу графу Каменскому, находящемуся при Выборгскомъ генеральномъ гофшпиталѣ доктора *Бицова* и штабъ лѣкаря *Вернадера*, отрѣша отъ мѣста, впредь никуда не опредѣлять. А на мѣсто ихъ послать немедленно другихъ, коиимъ, поставя предмѣстниковъ ихъ въ примѣръ, предписать лучшее исправленіе ихъ должности.

Пребываю вамъ благосклонный *«Павелъ»*.

По этому указу коллегія, 3 августа 1797, опредѣлила по управѣ исправлять должность Бюцова акушеру и оператору Янишу, а въ Выборгскій госпиталь опредѣлила доктора Вильманстрандскаго уѣзда Карла Меларта и оставшагося за штатомъ въ той губерніи штабъ-лѣкаря Фридриха Гута.

Но вскорѣ послѣдовалъ другой указъ:

«Павловскъ, 17 августа 1797 года.

Господинъ Государственный казначей баронъ Васильевъ.

На мѣсто доктора Меларта опредѣлить Вильманстрандскимъ уѣзднымъ докторомъ бывшаго при Выборгскомъ гофшпиталѣ штабъ-лѣкаря Вернадера.

Пребываю вамъ благосклонный *«Павелъ»*.

Въ чемъ состояли пренебреженіе своей должности и грубости графу Каменскому—въ настоящее время неизвѣстно.

Валеріавъ Егоръ Карповичъ (Johann Georg Wallerian), изъ Выборга, сынъ шведа Каспара Валеріана, находившагося въ русской службѣ при тамошней портовой таможнѣ. Принятъ былъ лѣкарскимъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (12 іюля 1756 года) и, окончивъ тамъ первоначальное ученіе, отправился за границу для усовершенствованія, такъ что все ученіе его продолжалось около десяти лѣтъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ явился къ экзамену въ медицинскую коллегію, получилъ право практики и тотчасъ же принятъ въ службу докторомъ въ Орен-

бургскій полевой госпиталь (1766). Госпиталь найденъ былъ имъ въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, почти въ развалинахъ. Поправить его было невозможно, а слѣдовало развѣ перестроить, о чемъ и сдѣлано было представленіе мѣстному губернатору (тайному совѣтнику князю Абраму Артемьевичу Путятину). Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было представленіе и медицинской коллегіи. Переписка эта длилась три года, и только въ маѣ 1767 года (при губернаторѣ Рейнсдорффѣ) сдѣланъ былъ обширный докладъ императрицѣ объ учрежденіи и штатѣ госпиталя.

Прослуживъ въ Оренбургѣ болѣе пятнадцати лѣтъ, онъ сталъ проситься внутрь Россіи и переведенъ въ Эстляндскую дивизію дивизионнымъ докторомъ, а потомъ въ кронштадтскій морской госпиталь старшимъ докторомъ, т. е. не только начальникомъ госпиталя и первымъ въ немъ врачевнымъ практикомъ, но учителемъ въ кронштадтской госпитальной школѣ (19 января 1777 года), съ жалованьемъ по 612 р. въ годъ. Преподавалъ онъ анатомію и хирургію, на нѣмецкомъ языкѣ, между тѣмъ какъ другіе предметы (*materiam medicam*, патологію и *praxin*) преподавать было нѣкому. Въ послѣдствіи помощникомъ его, или лекціоннымъ докторомъ, былъ д-ръ М. М. Тереховскій (3 мая 1777), а прозекторомъ и операторомъ Іоаннъ Беніам. Кернеръ (1789).

Изъ кронштадтскаго морскаго госпиталя Валеріанъ переведенъ былъ (9 февраля 1792) въ с.-петербургскій генеральный адмиралтейскій госпиталь старшимъ же докторомъ. Онъ первый ввелъ электричество въ госпитальную терапію.

Онъ былъ женатъ на сестрѣ Ивана Ивановича Хемницера, русскаго генеральнаго консула въ Смирнѣ, тамъ и умершаго въ 1784 году, Марьѣ Ивановнѣ. Другая сестра Хемницера, Дарья Ивановна, была замужемъ за штаб-лѣкаремъ И. И. Брозинымъ, первымъ инспекторомъ новгородской врачебной управы.

У доктора Егора Карповича Валеріана былъ родной братъ Каспаръ Карповичъ *Валеріанъ*, вмѣстѣ съ нимъ учившійся въ с.-петербургской госпитальной школѣ, но потомъ отставшій отъ него. Онъ не имѣлъ докторскаго званія и служилъ лѣкаремъ при московской полиціи (1778). Въ декабрѣ 1783 года, по представленію московскаго оберъ-полицеймейстера, полковника Бориса Острогскаго, произведенъ въ штаб-лѣкаря.

Вальтеръ Юстусъ (*Justus Samuel Walther*), изъ Ревеля, учился медициной въ Лейпцигѣ, Берлинѣ, Лейденѣ и Страсбургѣ и получилъ дипломъ въ Лейденѣ, напечатавъ диссертацию *De balnearum calidorum usu in regionibus septentrionalibus* (9 іюля 1772). Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Линдеманомъ, Тихорскимъ и Раушертомъ и получилъ право практики (17 октября 1773) и определенъ на службу въ Новороссійскую губернію (14 марта 1776). Но онъ вросился въ Ревельскій госпиталь, «для призрѣнія старыхъ родителей» и 16 мая 1776 переведенъ въ Ревельскій полевой госпи-

такъ докторомъ, а оттуда въ Ревельскій морской госпиталь (7 октября 1789), съ жалованьемъ по 600 р.

Вандини Иванъ (Johann Baptista Vandini), болонскій уроженецъ, учился въ тамошнемъ университетѣ и въ 1757 году выдержалъ экзамень въ Падуанскомъ университетѣ и получилъ дипломъ. Въ медицинской канцеляріи экзаминованъ Полетикою, Ашемъ и Лерке въ присутствіи Кондонди, получилъ право практики 25 сентября 1759 года и принять въ службу младшимъ докторомъ въ с. петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, на мѣсто умершаго Кюнбаума, съ жалованьемъ по 300 р. Уволенъ отъ службы по прошенію 30 марта 1762 года съ абшитою.

29 ноября 1764 года утвержденъ докладъ военной коллегіи объ учрежденіи въ Сибири новаго корпуса, составленнаго изъ двухъ конныхъ и 5 пѣхотныхъ полковъ, съ опредѣленіемъ въ немъ 1 доктора, 1 штабъ лѣкаря и по 1 лѣкарю и подлѣкарю въ каждый полкъ. Всѣхъ назначенныхъ туда чиновъ предписано отправить въ Калугу, къ генераль-маіору Кисленскому, завѣдывавшему препровожденіемъ бѣглыхъ и остальныхъ командъ въ Сибирь. На мѣсто доктора въ этотъ корпусъ вызвался поступить вновь принятый на службу докторъ Иванъ Баптистъ Вандини. Онъ посланъ былъ въ военную коллегію для отправленія въ Сибирь 13 февраля 1764 года и къ 17 марта получилъ третное жалованье и прогонныя деньги, но еще и къ 17 апрѣля оставался въ Петербургѣ. Его призвали въ медицинскую коллегію и баронъ Черкасовъ словесно приказывалъ ему ѣхать немедленно, съ угрозою что такъ какъ онъ до сихъ поръ не оправился «за своими пустыми просками», то съ него будетъ вычтено жалованье со дня его опредѣленія по сегодняшний день, а ежели до полночи 17 апрѣля не отправится въ путь, то въ службѣ будетъ ненадобенъ и выданныя изъ казны деньги безъ всякаго изытія будутъ съ него взысканы немедленно и онъ будетъ отрѣшенъ отъ службы безъ абшита. Назначенъ былъ и день отправленія. Но онъ въ опредѣленный день не отправился и 20 апрѣля отрѣшенъ отъ должности и исключенъ изъ службы безъ абшита, а выданныя деньги съ него взысканы.

Вебель Христіанъ (Christian Gotthelf Friedrich Webel), изъ Лейпцига, учился въ тамошнемъ университетѣ девять лѣтъ и получилъ тамъ дипломъ, а потомъ право практики въ Россіи (въ сентябрѣ 1783 года).

Вельцивъ Иванъ Васильевичъ (Johann Christian Weltzien), изъ Риги, учился въ Іонѣ, Берлинѣ и Геттингенѣ пять лѣтъ и въ Геттингенскомъ университетѣ получилъ дипломъ. Послѣ былъ во Франціи и Англій. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики въ Россіи (11 февраля 1790) и тотчасъ же принять на службу въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь для пользованія больныхъ, съ жалованьемъ по 300 р. и казенною квартирою. Но по приказанію барона Фитингофа уволенъ отъ службы, «по неимѣнію въ немъ надобности» (19 января 1792).

Вельчекъ Янъ (Johann Weiczek), докторъ польской службы, надворный совѣтникъ, учился въ Прагѣ, въ 1774 году находился въ Богеміи лѣкаремъ; въ 1780 году признанъ въ Прагѣ лиценціатомъ и въ 1785 произведенъ отъ польскаго правительства въ надворные совѣтники и практиковалъ въ Польшѣ. 20 октября 1795 года экзаминованъ въ Минскѣ докторомъ Шенфогелемъ и штабъ-лѣкарями Ганицомъ и Роде и 19 февраля 1796 года утвержденъ докторомъ, съ оставленіемъ въ Минскомъ намѣстничествѣ.

Вейгандъ Іоганнъ (Johann Elias Weigand), изъ владѣнія Эссенбургскаго, учился въ Іенѣ и Геттингенѣ, а напоследокъ въ Эрфуртѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Послѣ того жилъ въ Перновѣ рижскаго намѣстничества. Получилъ право практики 20 января 1785 года.

Вейкардъ Георгъ (Georg Nicolaus Weickard), изъ города Брюкенау, учился въ Фульдскомъ и Вюрцбургскомъ университетахъ и въ Фульдскомъ получилъ дипломъ (1 сентября 1776). По экзамену въ медицинскую коллегію получилъ право практики въ Россіи (9 августа 1782). Принятъ въ русскую службу по именному указу 30 марта 1784 года придворнымъ докторомъ: «Повелѣваемъ быть ему при комнатѣ нашей, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ изъ суммъ придворной канторѣ отпускаемыхъ, начиная сію дачу съ 1 февраля 1784 года». Это высочайшее повелѣніе объявлено медицинскою коллегію графомъ Григоріемъ Орловымъ.

Вейтбрехтъ Іосіа (Josias Weitbrecht) родился 20 октября 1702 года въ Шорндорфѣ и получилъ образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ, отъ котораго удостоенъ былъ званія магистра философій. Въ Петербургъ прибылъ въ декабрѣ 1725 года и сначала находился при академіи наукъ въ качествѣ студента, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ. Съ 1727 года сталъ заниматься исключительно анатоміею подъ руководствомъ Дювернуа. Между прочимъ въ 1729 году работалъ надъ составленіемъ каталога рюйшева музея и составлялъ *Compendium anatomicum*, который служилъ вмѣсто введенія къ этому каталогу. 22 января 1731 года Вейтбрехтъ былъ объявленъ академикомъ по кафедрѣ физиологіи и въ этомъ званіи получалъ отъ 460 до 860 р. въ годъ. Свои лекціи физиологіи читалъ онъ по Бургауу.

Въ 1736 году Вейтбрехтъ получилъ докторскій дипломъ отъ Кенигсбергскаго университета за присланную имъ диссертацию: *De febrili constitutione pelechizante*, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ въ 1735 году. Наиболѣе важнымъ его сочиненіемъ считается *Syndesmologia sive historia ligamentorum corporis humani, quam secundum observationes anatomicas concinnavit et figuris ad objecta recentia adumbratis illustravit Josias Weitbrecht*.

Умеръ въ Петербургѣ, 8 февраля 1747 года.

Вейценбрейеръ Карлъ (Carl Gotthelf Weitzenbreyer), изъ Риги, сынъ аптекаря, учился въ Упсалѣ, Стокгольмѣ, Лейпцигѣ и Эрфуртѣ, всего пять

лѣтъ. Получилъ дипломъ въ Эрфуртѣ 26 сентября 1783. Экзамена въ медицинскоѣ коллегіи не выдержалъ и потому экзаминовать вторично и получилъ право практики 11 декабря 1784 года. Занимался медицинскою практикою въ Рижскомъ уѣздѣ, а потомъ въ Перновскомъ уѣздѣ съ жалованьемъ по 300 р. Нѣкоторое время состоялъ въ Рижскомъ полевоѣ госпиталѣ

Вендрихъ Христіанъ (Christian August Wendrich), изъ Саксонскаго города Туринга, учился въ Гейѣ и Эрлангенѣ 6 лѣтъ и въ Эрлангенѣ получилъ дипломъ, напечатавъ диссертацию *De scrobiculo cordis signo*, 1766. При экзаменѣ въ медицинскоѣ коллегіи оказался «посредственнымъ», но получилъ право практики (20 января 1767 года). Послѣ этого онъ просился въ службу въ Московскую губернію, запискою поданною прямо императрицѣ, хвастаясь, что онъ приобрѣлъ большое расположеніе и похвалу въ Калугѣ во время чумы. Императрица передала записку князю А. А. Вяземскому, тот сенату, а сенатъ медицинскоѣ коллегіи. Но по справкѣ оказалось, что 12 января 1767 года онъ былъ экзаминованъ и изъ фізіологіи отвѣчалъ мало, изъ хирургіи, патологіи и семіотики посредственно, изъ химіи совсѣмъ ничего, а изъ терапіи хорошо, и потому практика ему дозволена, но къ принятію въ службу не удостоенъ. Посему медицинская коллегіа отвѣчала (30 января 1774 года), что опредѣлить его на службу не можеть: такъ и донесла сенату. Сенатъ спросилъ послѣ этого: какъ же Вендрихъ можеть производить практику, когда, по малому его знанію, и въ службу принять бытъ не можеть? Медицинская коллегіа отвѣчала, что зная терапію практиковать можно, но на службу таковыхъ, на жалованье, медицинская коллегіа принимать не удостоиваетъ, такъ какъ одну только часть науки знаютъ (11 августа 1774). Вендрихъ снова подалъ просьбу о приѣмѣ въ службу и медицинская коллегіа опять ему отказала (15 декабря 1774).

Вендрихъ Федоръ (Friedrich Wilhelm von Wendrich), изъ Лифляндіи, учился въ разныхъ университетахъ, а потомъ въ Калинковскомъ медико-хирургическомъ институтѣ и, находясь при этомъ послѣднемъ, просилъ докторскаго экзамена и представилъ диссертацию *De angina*. Былъ экзаминованъ и признанъ медицинскою коллегіею докторомъ (18 іюля 1790), съ назначеніемъ въ Курское намѣстничество (1 августа 1790).

Вензель (Woensel) принять въ русскую службу по слѣдующему именному указу:

«Принятыхъ въ службу нашу докторовъ медицины Вензеля, Дица и Шейдіуса повелѣваемъ опредѣлить при нашихъ госпиталяхъ подъ смотрѣніемъ находящихся при оныхъ старшихъ докторовъ, пока они сами собою практику начать въ состояніи усмотрѣны будутъ, производя жалованье изъ штатсконторы, каждому по шестисотъ рублей на годъ со дня принятія ихъ въ нашу службу.

«Екатерина».

11 іюля 1772, Петерговъ.

Изъ нихъ Вензель назначенъ былъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, подъ надзоръ старшаго доктора, съ обязательствомъ доносить объ успѣхахъ его чрезъ каждые два мѣсяца. Затѣмъ барону Черкасову данъ слѣдующій рескриптъ: «Александръ Ивановичъ. Сообщите кому надлежитъ, чтобъ принятымъ въ службу нашу докторамъ Вензелю, Диду и Шейдусу удержанное у нихъ жалованье выдано было, и чтобы имъ при тѣхъ госпиталяхъ, гдѣ они опредѣлены, отведены были квартиры противъ прочихъ докторовъ; когда же они отъ старшихъ при госпиталяхъ докторовъ принесутъ въ знаніи практики аттестаты, тогда позвольте имъ производить оную и въ публикѣ, если сверхъ того медицинскою коллегіею къ тому достойными найдены будутъ.

«Екатерина».

6 марта 1773, С.-Петербургъ.

Въ московскомъ госпиталѣ въ тоже время былъ «для практики» докторъ Мельцеръ; но Шафонскій доносилъ 8 октября 1772, что онъ не ходитъ въ госпиталь подъ предлогомъ, что занять другими дѣлами. Да и тѣ трое вовсе не несли никакой должности и даже не являлись въ госпиталь Вензель и Дидъ получили право практики черезъ два года (26 июня 1774 года). Послѣ этого объявленъ именной указъ медицинской коллегіи: доктору Вензелю повѣляемъ по прошенію его дать отъ службы нашей увольненіе.

«Екатерина»

2 іюля 1778, С.-Петербургъ.

Веніаминовъ Петръ Дмитриевичъ первоначальное образованіе получилъ въ Законодательской духовной академіи и оттуда поступилъ въ московскій университетъ, въ первый годъ открытія его (1755). Здѣсь онъ обучался многимъ предметамъ, исключая медицинскіхъ, потому что медицинскаго факультета еще не было и онъ открытъ былъ не раньше 1765 года. По окончаніи университетскаго курса, Веніаминовъ, вмѣстѣ съ товарищемъ его Зибелинымъ, по назначенію куратора И. И. Шувалова, отправлены были за границу для усовершенствованія, и въ особенности для изученія медицинскіхъ наукъ. Въ Кенигсбергѣ слушалъ онъ лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ того времени, а оттуда (въ іюнѣ 1763 года) отправился въ Лейденъ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (1764). Возвратился въ Москву въ августѣ 1765 года и осенью читалъ пробную лекцію объ Иппократовыхъ афоризмахъ. Въ это время поручено ему было изданіе «Московскихъ Вѣдомостей», а съ 1766 года преподаваніе ботаники съ гербаризаціею въ лѣтнее время, съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Въ маѣ 1768 года онъ утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ медицинской ботаники.

По возвращеніи изъ за границы (въ 1765 году) П. Д. Веніаминовъ подвергнутъ былъ продолжительному испытанію изъ предметовъ медицины и естественной исторіи. Экзаминовали профессора Керстенсъ и Эразмусъ и ис-

пытаніе окончилось не совѣсьмъ успѣшно. Другіе же профессора отозвались, что онъ достоинъ обучать медицину и оную отправлять въ практикѣ. На этомъ основаніи кураторъ Херасковъ потребовалъ для него у медицинской коллегіи право практики (30 января 1766). Медицинская коллегія отвѣчала, что онъ обязанъ экзаминоваться у ней и тогда она дастъ ему право практики на основаніи своей инструкціи. Его экзаминовали въ Москвѣ Риндербъ и Погорьбцкій и практика разрѣшена (19 апрѣля 1767). Умеръ въ Москвѣ въ 1775 году.

Венсовичъ Иванъ Федоровичъ, сынъ священника, родился 7 января 1769 года въ заштатномъ городѣ Колчѣ Воронежской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а потомъ въ гимназій Московскаго университета. Затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ и шесть лѣтъ занимался медицинскими науками. Въ 1797 году опредѣлился кандидатомъ въ московскій генеральный госпиталь для практическихъ занятій, такъ какъ клиникъ при университетѣ еще не было. Пробывъ въ госпиталѣ болѣе двухъ лѣтъ, онъ выдержалъ докторскій экзаменъ и защитивъ диссертацию: *De structura et usu secundinarum*. Dissert. inauguralis, Mosquae, 1803, получилъ докторскій дипломъ. Въ томъ же году онъ началъ читать студентамъ лекціи діететики и общенародной медицины. Въ 1804 году избранъ адъюнктомъ, въ 1805 году экстраординарнымъ и 1808 ординарнымъ профессоромъ и съ 1804 года преподавалъ физиологію по Блюменбаху, анатомію и судебную медицину по Пленку. Кромѣ того съ 1801 года былъ репетиторомъ и профессоромъ при повивальномъ институтѣ московскаго воспитательнаго дома. Въ 1808 году издавалъ *Журналъ медико-физическій* или *Труды Общества соревнованія врачебныхъ и физическихъ наукъ при И. М. университетъ* на 1808. Москва, 80, съ фигурами.

Вечъ Игнатій (Ignatius Joseph Wetsch), австріецъ изъ Вѣны, учился въ Вѣнскомъ университетѣ и получилъ докторскій дипломъ (2 сентября 1773 года), напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Medicina ex pulsu*. Vin-dobonae, 1770. Приѣхавъ въ Петербургъ, экзаминованъ въ медицинской коллегіи Ашемъ, Певкеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики въ Россіи (14 марта 1776 года). Онъ былъ извѣстенъ какъ ученикъ профессора Теофиля Борде въ Парижѣ, много занимавшагося физиологіею и особенно наукою о пульсѣ. Онъ познакомилъ германскихъ врачей съ трудами своего наставника, профессора Борде, и чрезъ то прослылъ ученымъ физиологомъ. 19 октября 1776 онъ опредѣленъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ патологіи въ московскомъ университетѣ. Въ 1777 году читалъ лекціи патологіи, діететики и общей терапіи по Людвигу и былъ врачомъ Павловской больницы. Умеръ въ Москвѣ, 22 марта 1779 года.

Віень Иванъ Ивановичъ (Joh. Wien), сынъ учителя, московскій уроженецъ, получилъ медицинское образованіе въ госпитальной школѣ московскаго

генеральнаго сухопутнаго госпиталя (1765—1767 года) и съ званіемъ лѣкаря командированъ былъ въ Кіевъ при генералѣ Шишовѣ (4 января 1771) для карантинскихъ осмотровъ, а по возвращеніи оттуда опредѣленъ лѣкаремъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ (14 апрѣля 1776 года). Когда открылась вакансія ученаго секретаря (со смертью доктора Рейнегса), то Віень просился на его мѣсто и утвержденъ сенатомъ въ этой должности (5 апрѣля 1793, въ чинѣ надворнаго совѣтника ¹⁾). Но такъ какъ онъ былъ коллежскимъ совѣтникомъ заурядъ, то состоялся слѣдующій рескриптъ: «Алексѣй Ивановичъ, медицинскои коллегии ученому секретарю надворному совѣтнику Віену, по примѣру предшественниковъ его, повелѣваемъ присутствовать въ той коллегии. Пребываемъ вамъ благосклонны. *«Екатерина»*».

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 22 дня 1794 года.

Но, присутствуя въ коллегии, Віень получалъ жалованье только какъ секретарь ея (1000 р.) и потому сталъ просить добавочнаго жалованья, какъ членъ ея. Въ этомъ однакоже получилъ отказъ. Ему сказали, что по штату 15 іюля 1786 года въ коллегии не положено ученаго секретаря; но такъ какъ онъ опредѣленъ къ присутствію въ коллегии по высочайшему повелѣнію, а получаетъ жалованье какъ секретарь и членомъ состоитъ сверхъ штата, то и не можетъ получать поэтому членскаго жалованья.

Весною, 26 марта 1797 года, состоялось постановленіе медицинской коллегии, на основаніи 10 пункта инструкціи ея, «возложить на ученаго секретаря и члена ея надворнаго совѣтника П. Віена печатаніе перваго тома *Записокъ российскимъ врачей* на русскоиъ и латинскоиъ языкахъ, черезъ страницу въ четвертьлистовой форматъ». Въ составъ этого тома должны были войдти 17 наблюденій, уже разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ коллегиею, и тѣ примѣчанія, отнесенныя коллегиею къ 1 и 2 классу и находившіяся въ ученомъ архивѣ, которыя по выбору самаго Віена признаны будутъ достойными того. Членъ коллегии баронъ Георгъ Ашъ возсталъ противъ этого постановленія (печатать на двухъ языкахъ) и сталъ доказывать, что оно нарушаетъ смыслъ закона и идетъ противъ воли императрицы. Ему хотѣлось чтобы изданіе было на одномъ латинскоиъ языкѣ. Возникли пренія и большинство постановило печатать на обонхъ языкахъ. На основаніи этого исхода преній медицинская коллегія приказала 1 іюня 1797 года: «на основаніи законовъ по вышеписанному опредѣленію учинить исполненіе по большинству голосовъ, а отдѣльный голосъ Аша записать въ журналъ и приобщить къ тому опредѣленію». Дѣло однакоже затянулось очень далеко, по недостатку ли средствъ на печатаніе, или по другой какой причинѣ, и первый выпускъ *Записокъ рос-*

¹⁾ Помощникомъ ему назначенъ былъ лѣкарь Ив. Орлай.

сѣйскихъ врачей появился на свѣтъ только въ 1805 году подъ редакцію Вiena, и при томъ единственно на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Observationes medico-chirurgorum Rutheni Imperii, collectae et in ordinem redactae* a J. M. Wien, consiliario status, imperiali collegio medico ab epistolis sodalique ejusdem emerito. Vol. I. Petropoli MDCCCXV. 4°. Тогда Вiенъ былъ уже почетнымъ членомъ медицинской коллегіи, сдавъ должность ученаго секретаря профессору Базилевичу, первому ученому секретарю по выбору самой коллегіи, а не по назначенію отъ правительства. Вiенъ никогда не имѣлъ докторскаго диплома.

Вигоръ Нордъзъ (North Vigor), англичанинъ, докторъ Эдинбургскаго университета, принятъ въ русскую службу по капитуляціи на 6 лѣтъ, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (26 іюня 1749 года). Оттуда переведенъ въ с.-петербургскую дивизию дивизионнымъ докторомъ (10 февраля 1754 года), и какъ только кончился срокъ контракта сталъ просить отставки и уволенъ отъ службы (0 іюня 1755 года) для отъѣзда на родину, въ Англію.

Черезъ десять лѣтъ онъ опять значился въ русской службѣ и въ придворномъ вѣдомствѣ, съ жалованьемъ по 1500 р. въ годъ (1766).

Вилле Іоганнъ (Johann Hermann Wille), докторъ Іенскаго университета 1744 года, практиковалъ потомъ въ Гамбургѣ, а въ 1768 году переселился въ Россію. Экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи Пеккеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики въ Россіи 31 августа 1769 года. Принятъ въ службу въ Псковскую губернію (20 февраля 1774).

Вилліе Яковъ Васильевичъ (James Willie), англичанинъ, учившійся въ Абердинскомъ университетѣ, принятъ въ русскую службу по экзамену на право практики 19 сентября 1790 и опредѣленъ лѣкаремъ въ Елецкій пѣхотный полкъ, 9 декабря тогоже 1790 года). Въ февралѣ 1794 года онъ писалъ медицинской коллегіи, что онъ съ успѣхомъ лѣчилъ лихорадку собственнымъ лѣкарствомъ подъ названіемъ «*solutio mineralis*», и виѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что съ успѣхомъ сдѣлалъ операцію литотоміи у денщика генералъ-поручика Федора Михайловича фонъ Нумзена и вынулъ камень вѣсомъ въ 10 драхмъ (не много меньше куриного яйца). Операцію засвидѣтельствовалъ генералъ-штабъ-докторъ Карлъ фонъ Шенфогель, относившійся съ большою похвалою къ молодому хирургу. Къ этому приложенъ былъ похвальный аттестатъ отъ полковаго командира бригадира Андрея Фельтена (1 марта 1794), съ просьбою о производствѣ его въ штабъ-лѣкари и съ оставленіемъ въ томъ же полку. По этому представленію и рекомендаціямъ лѣкаря Вейли (какъ онъ тогда самъ подписывался) произведенъ въ штабъ-лѣкари (21 декабря 1794), «за добropорядочную службу, присланную имъ обсервацію заслуживающую уваженія и за сдѣланную важную операцію», на лѣкарскую вакансію, гдѣ онъ

получалъ по 400 р. жалованья въ годъ. Послѣ расформированія арміи Я. В. Вилліе вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и опредѣленъ лейбъ-хирургомъ императорскаго двора. Находясь въ Петербургѣ онъ представилъ барону Васильеву свой докторскій дипломъ, выданный изъ Абердинскаго университета 22 декабря 1794 года, при слѣдующемъ письмѣ: «*Mr le baron, Il ne me conviendrait pas de faire un panegyrique de mes propres talents, mais il me serait permis de produire les preuves, qui attestent les progrès que j'ai pu faire dans l'art dont je fais profession. Je prends donc la liberté d'exposer aux yeux de votre excellence un diplôme de medecin, qui m'a été accordé par l'un des universités de l'Écosse et je vais y joindre ma très humble prière de vouloir bien le faire confirmer par le noble college de médecine. J'ai tout lieu d'espérer, que votre excellence daignera m'honorer de cette marque de ses bontés et qu'elle me permettra d'avoir l'honneur de me dire avec le plus profond respect, Mr le baron, de votre excellence le très humble et le très obeissant serviteur Jacques Wilie. Le 13 mars 1800.*». По этому письму, 16 марта 1800 года, состоялось опредѣленіе медицинской коллегіи, по которому «находящагося при дворѣ Е. И. В. лейбъ-хирурга, шотландскаго университета доктора Якова Вилліе, который по искусству и знаніямъ своимъ во врачебной наукѣ доказалъ публикѣ въ пользованіи больныхъ отличные успѣхи, отъ сей коллегіи признать *докторомъ*».

Разносторонняя дѣятельность доктора и баронета Я. В. Вилліе принадлежала вполнѣ послѣдовавшему столѣтію, а потому здѣсь и не описывается ¹⁾).

Von-Willin Gregorius, докторъ Черноморскаго флота, купилъ въ Москвѣ вольную аптеку у штабъ-лѣкаря в. а. Ивана Вернике (1794 года).

Виль Петръ (Johann Peter Wiel), ревельскій уроженецъ, поступилъ ученикомъ въ ревельскую адмиралтейскую аптеку въ 1736 году и въ 1741 году произведенъ гезелемъ въ с.-петербургскую адмиралтейскую аптеку. Но тутъ не захотѣлось ему оставаться фармацевтомъ и онъ поступилъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь (въ 1742 году) учиться медицинѣ, волонтеромъ на своемъ коштѣ, и въ 1743 году произведенъ подлѣкаремъ въ тотъ же госпиталь. Такимъ образомъ все его ученіе медицинское продолжалось одинъ годъ. Затѣмъ подлѣкарь Виль состоялъ въ этомъ званіи на службѣ на корабляхъ съ 1744 по 1746 годъ, гдѣ и произведенъ въ лѣкаря въ адмиралтейскій госпиталь. Въ 1748 году онъ служилъ въ Астраханскомъ пѣхотномъ полку, откуда перешелъ (въ 1755 году) въ правительствующій

¹⁾ См. мою біографію его въ «Протоколахъ Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ». 1859—1860 г. № 7 подъ заглавіемъ: *Памятникъ баронету Вилліе.*

синодѣ, на штатное мѣсто, съ жалованьемъ по 350 р. въ годъ. Въ 1761 году произведенъ въ штабъ-лѣкари, съ прибавкою 100 р. къ жалованью. Но въ 1763 году составленъ новый штатъ при святѣйшемъ синодѣ, по которому штабъ-лѣкаря не полагалось, а назначенъ одинъ лѣкарь съ жалованьемъ по 240 р. Вслѣдствіе этого Виль просился въ московскій госпиталь, на вакансію штабъ-лѣкаря, открывшуюся послѣ отставки и отъѣзда штабъ-лѣкаря Христиана Эгиди. Въ просьбѣ своей Виль выставялъ то, что страдалъ нѣкогда fistula ani и хотя она оперирована и зажила, но оставила по себѣ гипохондрическую болѣзнь. Просьба его была исполнена и онъ переведенъ въ московскій госпиталь штабъ-лѣкаремъ (1763). Теперь началось исканіе докторскаго званія. Виль сообщилъ медицинской коллегіи, что въ госпитальной практикѣ своей лѣчилъ много хроническихъ больныхъ бѣлымъ купоросомъ и цилібуюю и многихъ вылѣчилъ. Докторъ Погорѣцкій, служившій доцентомъ въ томъ-же госпиталѣ, посмѣялся надъ этою претензіею Виля, надъ „изобрѣтеніемъ новаго лѣкарства“, вмѣсто того чтобы похвалить его. Виль жаловался коллегіи, увѣряя, что Погорѣцкій лишилъ его кредита въ практикѣ изъ зависти, увѣряя что я лѣчу ядами, и я потерялъ практику, и стали меня убѣгать. Чтобы разубѣдить въ этомъ публику, онъ въ 1771 году послалъ опыты свои надъ этими лѣкарствами въ Винтербергскій университетъ, прося ихъ обсудить и его наградить. Тамъ ихъ напечатали въ 1772 году и Вилю прислали докторскій дипломъ. Вслѣдствіе сего онъ просилъ позволенія именоваться докторомъ (1776). Коллегія ничего не отвѣтила, но прибавила Вилю жалованья до 600 р (1777). Но Виль не удовольствовался этимъ. Въ 1779 году онъ обратился къ генераль-критсъ-комисару Сергѣю Дурново, ища его протекціи, и Дурново сталъ просить для него докторскаго званія и опредѣленія вторымъ докторомъ при московскомъ госпиталѣ. Медицинская коллегія не устояла противъ ходатайства и поручила (въ декабрѣ 1779) экзаминовать Виля въ московской медицинской конторѣ Раушерту, Фрезе и Масу. Экзаминаторы дали одобрителный аттестатъ, потому что едва ли могли не дать его, и въ декабрѣ 1780 года онъ получилъ дозволеніе называться *докторомъ*, съ назначеніемъ на штабъ лѣкарское мѣсто до открытія докторской вакансіи. Вакансіи однакоже долго не открывалось, а въ московскомъ госпиталѣ и совсѣмъ не оказалось. Посему д-ръ Виль соглашался уже на мѣсто въ провинціи и по приказанію барона Фитингофа опредѣленъ былъ въ Курское намѣстничество (27 іюня 1789 года). Тамъ онъ числился въ различныхъ городахъ (Новомъ Осколѣ, Щиграхъ и пр.), но жилъ, съ дозволенія исправлявшаго должность Орловскаго и Курскаго генераль-губернатора Александра Андреевича Беклешова, въ Курскѣ и наконецъ уволенъ отъ службы за старостію лѣтъ (16 марта 1797) съ пенсіею.

Виль Федоръ Петровичъ (Friedrich Wiel), сынъ предыдущаго, учился сперва при отцѣ, въ московской госпитальной школѣ, и произведенъ въ лѣкаря (13

іюля 1779), а потомъ побѣжалъ въ Берлинъ и Геттингенъ и въ этомъ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись на родину экзаменованъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практиковать въ Россіи (27 декабря 1783) и опредѣленъ на службу въ Пензенское намѣстничество (въ апрѣлѣ 1785).

Вильде Іоганнъ Христіанъ (Joh. Chr. Wilde), родомъ изъ Цюллихау въ Пруссіи, опредѣленъ въ с.-петербургскую академію наукъ адъюнктомъ анатоміи и прозекторомъ (27 февраля 1736 года), съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ. При этомъ ему дана была обширная инструкція, по полученіи которой онъ объявилъ, что за неимѣніемъ анатомическаго театра, а также книгъ, инструментовъ и слушателей, ему нѣтъ возможности выполнить присланную инструкцію. Академическая канцелярія отвѣчала ему, что все это со временемъ будетъ, а теперь ему слѣдуетъ заниматься анатоміею или тѣмъ, что поручено будетъ. Вслѣдствіе этого Вильде анатомировалъ трупы человѣческіе и животныхъ, присылаемые изъ разныхъ мѣстъ, дѣлалъ препараты, собиралъ скелеты.

Въ XII томѣ *Commentarii academiae scientiarum petropolitanae* напечатаны слѣдующія статьи его: 1) *Observationes anatomicae rariores de vena cava duplici ascendente, de vena jugulari externa quoad ad progressum triplici, quoad insertionem autem quadroplici.* 2) *De venae ozygos trunco duplici.* 3) *De musculo singulari gemino, sternum super jacente.* 4) *De tendinum digitus manus sinistrae extendentium extraordinario numero.* 5) *De intestino coeco et processu vermiculari.* 6) *De renibus succenturiatis, in puero disquisitis, notata.*

2 мая 1738 года академическая канцелярія постановила, по случаю болѣзненности академика Дювернуа и увольненія отъ службы академическаго лѣкаря Киснера, послать указъ доктору Вильде, «что ему, кромѣ своей прозекторской должности, которую онъ по контракту исполнять обязался, различныя лекціи держать и академическихъ больныхъ пользоваться и осматривать, а для того быть оному Вильде при академіи наукъ профессоромъ экстраординарнымъ, а за показанный его трудъ прибавить къ прежнему жалованью по 200 руб.»

Уволенъ изъ академіи по прошенію 5 іюля 1744 года, отчасти потому, что у него были нерѣдко неудовольствія съ академикомъ Вейтбрехтомъ.

Вильде Петръ (Peter Ernst Wilde), родомъ изъ Помераніи, учился въ Кенигсбергѣ и Галле 6 лѣтъ и въ этомъ послѣднемъ университетѣ получилъ дипломъ за книгу «Земскій врачъ», который однакоже потерялъ. Экзаменованъ въ медицинскую коллегіи и получилъ право практиковать въ Россіи (10 марта 1785 года).

Вильмеръ Иванъ (Johann Conrad Wilmmer) принятъ въ русскую службу

по особому высочайшему повелѣнію 1788 года, по контракту на четыре года, во флотъ штабъ-лѣкаремъ и опредѣленъ въ Ревельскій морской госпиталь. За тѣмъ, въ 1790 году, выразилъ желаніе служить въ арміи и опредѣленъ (30 іюня 1790) въ финляндскую армію. 20 января 1791 года, «по представленной имъ коллегіи на заданную тему обсерваціи», произведенъ докторомъ, съ жалованьемъ по 600 р. Уволенъ по прошенію отъ службы 1 марта 1793.

Винклеръ Адольфъ (Adolph Bernhardt Wincler) служилъ младшимъ докторомъ (лекціоннымъ докторомъ) въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ и удаленъ оттуда подъ предлогомъ что онъ „потребенъ къ опредѣленію въ другое мѣсто“ (22 іюня 1755). Его потребовали въ Петербургъ, въ медицинскую канцелярію: но онъ не поѣхалъ и отказывался ѣхать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлано было распоряженіе объ истребованіи его чрезъ московскую контору. Дѣло въ томъ, что ему стыдно было глаза показать въ Петербургѣ. Вотъ что старшій докторъ московскаго госпиталя Л. Блюментростъ доносилъ медицинской канцеляріи 5 сентября 1754 года о Винклерѣ: «Сего 1754 года августа 29 числа, опредѣленный по указу медицинской канцеляріи для обученія учениковъ докторъ Винклеръ, пріѣхавъ въ 12 часу по полуночи въ госпиталь и изъ выбранныхъ имъ съ позволенія моего больныхъ для пользованія въ силу инструкціи шести человекъ, одного больнаго (тамбовскаго гарнизона Илью Брызгалова), который одержимъ былъ застарѣлымъ кровавымъ поносомъ, по ординаціи медикаментовъ, спрашивалъ о перемѣнѣ и сколько въ сутки имѣлъ седесовъ, на что оный больной сказалъ неправильно, и хотя оный Винклеръ извѣдать правду, а не въ силу наказанія, приказалъ имѣющемуся при госпиталѣ у надзиранія больныхъ солдату, самую маленькую ребячью плетью постращать и нѣсколько разъ онаго потихоньку ударить, котораго надзиратель раза четыре или пять потихоньку и ударилъ; и оный больной, противъ 30 числа по полуночи во второмъ часу, отъ жестокой и застарѣлой его болѣзни умеръ, о чемъ имѣющийся при госпиталѣ у надзиранія больныхъ Коломенскаго полка капитанъ Меллеръ, да опредѣленный капитанъ Вырыпаевъ прошедшаго августа 31 дня въ главный комисаріатъ поданными рапортами объявили: оный докторъ Винклеръ, пріѣхавъ въ госпиталь и самовластно, не объявляя его вины и не призвавъ означеннаго Меллера, приказалъ болящаго бить плетью, который тогоже числа умеръ, чего де для и погребать безъ указу главнаго комисаріата опасно. А сего сентября 1 дня, въ присланномъ изъ онаго комисаріата къ намъ письменномъ сообщеніи требовано, дабы о вышеписанномъ учинили немедленное разсмотрѣніе и показанное мертвое тѣло, по надлежащему съ кѣмъ надлежитъ освидѣтельствовавъ, велѣлибъ похоронить и о томъ де въ медицинскую канцелярію промеморія, а здѣсь въ медицинскую контору письменное сообщеніе, а въ военную коллегію репортъ посланы быть имѣють. Того ради оное мертвое тѣло я, въ присутствіи главнаго лѣкаря, лѣкарей и подлѣкарей, такъ и при всѣхъ ученикахъ прошедшаго августа 30, такъ и

сего сентября 2 дней, вторично освидѣтельствовалъ, а по свидѣтельству явилось такъ сухо, что кости будто единою кожей покрыты отъ долговременной и жестокой его болѣзни, ибо помянутый больной и въ госпиталѣ восемь недѣль ижлся въ лѣченіи и одержимъ былъ застарѣлымъ кровавымъ поносомъ. Снаружи никакихъ знаковъ боевыхъ не явилось, да и быть онымъ невозможно, понеже только раза четыре или пять самою малою робачью плетью и очень легко былъ ударенъ, отъ которыхъ ударовъ самымъ маленькимъ дѣтямъ ни какой вреду учиниться не можетъ. Чего для оную плеть освидѣтельствовавши, для вѣроятности приказалъ сохранить: что никакою другою не битъ былъ кромѣ той, о которой бывшіе при томъ больные засвидѣтельствовали. По вскрытіи внутренностей также ничего, кромѣ что кишки весьма повреждены отъ кроваваго поносу, и никакого боеваго знаку, изліянія въ жилы крови или какого нибудь гумора не явилось. Почему подлинно можно знать, что не отъ побой, но отъ онаго кроваваго поносу умеръ, которое тѣло сего сентября 2 потребено“.

Коммисаріатъ 9 сентября написалъ объ этомъ не такъ. Винклеръ де пріѣхалъ во 8 часу по полудни и велѣлъ двумъ солдатамъ больнаго положить на полъ, а потомъ съ полу на постель и сѣчь плетью незнаемо за что, и въ 12 часовъ пополудни тотъ умеръ.

Кондонди (5 октября 1754) рѣшилъ дѣло такъ; „Къ статскому дѣйстви-тельному совѣтнику и московскому госпитальному доктору Блюментросту по-слать указъ и велѣть помянутому д-ру Винклеру, призвавъ его въ госпиталь-ную контору приватно, тойже госпиталя при главномъ лѣкарѣ, учинить вы-говоръ, при чемъ ему накрѣпо запретить, дабы впредь ниже больнымъ, ниже здоровымъ и отнюдь никому изъ госпитальныхъ служителей никакихъ нава-заний безъ вѣдома его, д. с. с., чинить не дерзаетъ, да и въ прочемъ въ го-спитальныхъ дѣла не вступалъ бы, но исправлялъ бы дѣйствительно и при-лежно положенное на него дѣло въ силѣ данной ему инструкціи непремѣнно, подъ опасеніемъ въ томъ отвѣта“.

Винклеръ Самуилъ (Samuel Reinhold Wincler), сынъ ревельскаго су-перъинтендента, получилъ право практикы отъ медицинской коллегіи 28 ав-густа 1788 года. Онъ написалъ книгу *«О болзняхъ эстляндскихъ крестьянъ и способахъ лѣченія ихъ»* и служилъ докторомъ Балтійскаго уѣзда. Уволенъ отъ службы 14 января 1793 года.

Вихертъ Іоганнъ (Johann Jacob Wichert), пруссакъ изъ города Бартен-штейна, учился въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и Геттингенѣ по году и въ Геттин-генѣ получилъ дипломъ. При экзаменѣ въ медицинской коллегіи оказался «по словеснымъ отвѣтамъ посредственныхъ, а по письменнымъ изрядныхъ знаний во врачебной наукѣ» и для лучшаго усовершенствованія въ медицинѣ опредѣ-ленъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь (30 декабря 1797), съ жалованьемъ по 200 р. и квартирными по 60 р. въ годъ. Отправляясь въ командировку 1798

года, адмиралъ Александръ Ивановичъ фонъ-Крузе просилъ чрезъ адмиралтействъ-коллегію, что такъ какъ по слабости здоровья онъ не можетъ остаться безъ доктора, то просилъ прикомандировать къ нему лично доктора Вихерта, что и исполнено (14 мая 1798), съ перечисленіемъ его во флотъ. По окончаніи кампаніи онъ опять переведенъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь, съ тѣмъ же жалованьемъ.

Вихертъ Давидъ (Friedrich David Wiechert), пруссакъ изъ гор. Бартенштейна, учился въ Берлинѣ и Іенѣ четыре года съ половиною и въ послѣдствіи получилъ дипломъ. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики въ Россіи (25 октября 1787) и принятъ на службу въ Полоцкое намѣстничество.

Волертъ Христіанъ (Christian Friedrich Wohlert), изъ Киля, учился въ Берлинѣ и Копенгагенѣ семь лѣтъ и въ послѣднемъ произведенъ былъ лѣкаремъ и провелъ по году въ сухопутномъ и морскомъ госпиталяхъ и исполнялъ должность прозектора artis veterinariae. Ѣздилъ на кораблѣ къ Китаю, занимая должность штабъ-лѣкаря и при кораблекрушеніи потерялъ всѣ аттестаты, и лишившись всего имѣнія, не могъ получить докторскаго диплома, Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Рейнегомъ, получилъ право практики въ Россіи (1 мая 1788) и опредѣленъ докторомъ въ Казанское намѣстничество.

Вольфъ Каспаръ состоялъ профессоромъ анатоміи при спб. академіи наукъ. Комиссія при этой академіи писала медицинской коллегіи, чтобы она приказала спб. аптекамъ отпускать лѣкарства по его рецептамъ (7 ноября 1771), но коллегія отказала въ этомъ, предложивъ Вольфу сдать экзаменъ на право практики въ Россіи.

Гаи Генрихъ (Gay Heinrich), лѣкаръ корабельнаго флота, состоялъ въ службѣ съ 13 июня 1787 года, по прошенію экзаминованъ въ коллегіи и писалъ отвѣтъ на тему *De typho flavo* и 1-го августа 1791 года признавъ докторомъ, съ правомъ практики и съ увольненіемъ отъ службы.

Гайль Иванъ Христіановичъ (Johann Christophor Nail), родомъ изъ швейцарскаго города Метлинга, учился въ Эрлангенѣ и напечаталъ диссертацию: *Specimen inaugurale medicum, miscelanea medicochirurgica continens. Erlangae, 1773.* Въ медицинской коллегіи экзаминованъ Тихорскимъ, Раушертомъ и Линдеманомъ и не выдержалъ экзамена, причеиъ сказано: «*Consilium d-no Nail datum est, ut adhuc per aliquot tempus medicinae operam det et si majores in ea progressus fecerit iterum examini se subjiciat*» (1 июля 1773). 2-го сентября 1774 года онъ просилъ дозволить ему заниматься въ московскомъ госпиталѣ, «для утверженія себя въ медицинской практикѣ». Баронъ Черкасовъ дозволилъ это. съ тѣмъ чтобы онъ жилъ на своемъ коштѣ и лѣчилъ больныхъ подъ надзоромъ д-ра Шафонскаго, которому просматривать и рецепты его. 11 сентября 1775 года онъ

снова экзаминовался въ Москвѣ Эразмусомъ, Орреусомъ и Шафонскимъ и 29 сентября получилъ право практики. Особенно выставлялъ онъ на видъ свою акушерскую практику и нѣсколько аттестатовъ отъ многихъ даже, которымъ онъ «помогъ при родахъ лучше всѣхъ другихъ докторовъ». Въ слѣдъ за тѣмъ онъ опредѣленъ младшимъ докторомъ (доцентомъ) въ Московскій госпиталь (5 ноября 1775) съ жалованьемъ по 30⁰ р. и казенною квартирою.

Докторъ Ганль на первыхъ же порахъ службы показалъ себя легкомысленнымъ и вздорнымъ человѣкомъ. Такъ, напримѣръ, онъ бралъ госпитальныхъ служителей для работъ къ себѣ на квартиру, что строго запрещалось; бралъ себѣ вино, прописанное въ госпитальныхъ палатахъ для больныхъ; давалъ свидѣтельства больнымъ отъ себя о неспособности ихъ къ службѣ и самъ выводилъ такихъ больныхъ изъ госпиталя, никому не сказавъ о выпискѣ ихъ и т. п. На него жаловались одновременно и инспекторъ госпиталя генералъ Фаминцынъ и старшій докторъ Раушеръ. Медицинская коллегія приказала сдѣлать ему строгій выговоръ въ госпитальной канторѣ (мартъ 1777 года) и заставляла его повиноваться госпитальному регламенту и старшему доктору. Но эти увѣщанія не принесли пользы и коллегія вынуждена была (лѣтомъ тогоже года) перевести его докторомъ въ Смоленскую дивизию. Съ этого времени начались переводы его съ мѣста на мѣсто, потому что онъ нигдѣ не уживался. Такъ 10 января 1782 переведенъ къ казанской дивизию; 24 октября 1784 въ четвертую дивизию и 22 ноября того же года уволенъ отъ службы. Послѣ этого онъ сталъ переходить изъ одной губерніи въ другую: въ Харьковскую, Воронежскую, Тамбовскую и Астраханскую и наконецъ опредѣленъ докторомъ (8 июня 1797 года) въ Оренбургскій областной госпиталь, съ жалованьемъ по 674 р. и довольствіемъ по регламенту. Но и тутъ не ужился. Изъ Оренбурга онъ прислалъ барону Васильеву (27 апрѣля 1798 года) проектъ снабженія всей Россіи исключительно русскими лѣкарственными веществами изъ всѣхъ царствъ природы, съ тѣмъ чтобы ихъ не выписывать изъ чужихъ краевъ. Коллегія потребовала отъ него подробнаго объясненія. Но Ганль просилъ о переводѣ его изъ Оренбурга внутрь Россіи и не приносилъ никакихъ объясненій, обѣщая доставить ихъ послѣ, если будетъ переимѣненъ въ Казань или другой городъ инспекторомъ врачебной управы и слѣдовательно будетъ имѣть способы при ѣздѣ по должности испытывать разныя лѣкарственные вещества. Между тѣмъ оренбургская врачебная управа сдѣлала на него денежный начетъ и представила его коллегіи, которая отрѣшила его отъ должности (27 сентября 1798), поручивъ оренбургскому губернскому правленію повѣрить счеты его. Оно повѣрило и нашло его правымъ. Въ то же время губернаторы, военный Бахметевъ, гражданскій князь Ив. Мил. Баратаевъ и комендантъ генералъ-маіоръ Лебедевъ дали ему одобрительные аттестаты. Онъ сдалъ госпиталь штабъ-лѣкарю Шелудко-Тектонову и уѣхалъ въ Казань. Тогда коллегія написала казань-

свому губерньскому правленію объявить ему, что жалованье по день сдачи госпиталя будетъ ему выдано изъ оренбургской казенной палаты (2 мая 1799): но уже вакансіи для него теперь нѣтъ. Гаиль пріѣхалъ въ Петербургъ и пожаловался барону Васильеву, потребовавшему объясненія отъ коллегіи, которая и представила ему (7 февраля 1800) обширный «экстрактъ изъ дѣла». Изъ этого «экстракта» оказалось, что Гаиль виноватъ былъ не столько въ злоупотребленіяхъ, сколько въ легкомысліи, своенравіи и неуживчивости, а потому дѣлу о злоупотребленіяхъ его и не было дано дальнѣйшаго хода. Еще во время разбора его Гаиль просился опять на службу и коллегія опредѣлила его городовымъ докторомъ въ городъ Сѣвскъ, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ (1 марта 1800 года). Тутъ онъ и умеръ 17 мая 1801 года.

Галлидей Уильямъ (William Haliday) родился въ Петербургѣ, учился въ Единбургѣ, Лондонѣ и Тюбингенѣ шесть лѣтъ и въ Тюбингенѣ получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию: *De investigandae crystalli fodi-narum oecconomiae quibusdam periculis*. 1785. Экзаминованъ въ медицинскаго коллегіи и получилъ право практики 18 сентября 1785, а 11 октября назначенъ докторомъ въ Курское намѣстничество, въ гор. Рыльскѣ. Здѣсь онъ скоро прославился искусными операціями каменной болѣзни, такъ что когда умеръ операторъ и штабъ-лѣкаръ Горбатовскій, ученикъ Венедиктова, то Орловскій и Курскій генераль-губернаторъ Францъ Николаевичъ Кличка просилъ медицинскую коллегію опредѣлить на его мѣсто доктора Галлидея. Это исполнено и по указу сената 28 октября 1782 года приказано давать ему жалованье за операціи и лѣченіе каменной болѣзни по 400 р., а тремъ ученикамъ его по 120 р. въ годъ каждому. Эти ученики его—Федоръ Черныявскій, Тимофей Добровольскій и Иванъ Павловъ—распредѣлены были коллегіею по городамъ Курскаго намѣстничества. Послѣ этого Галлидей сталъ проситься въ отставку «за старостію» и уволенъ 19 апрѣля 1792 года. Такимъ образомъ Галлидей остался безъ дѣла. Но не надолго. Онъ жилъ въ Москвѣ и по соглашенію съ московскимъ губернаторомъ, княземъ Петромъ Петровичемъ Долгоруковымъ, заключилъ съ нимъ контрактъ на три года (іюня 1796), съ тѣмъ, что онъ будетъ служить докторомъ при московскомъ губерньскомъ правленіи (губерньскимъ докторомъ) и въ то же время докторомъ въ Бронницахъ, съ жалованьемъ отъ каждаго изъ этихъ мѣстъ по 300 р. въ годъ и съ дозволеніемъ жить въ Москвѣ. Но не успѣлъ онъ воспользоваться этимъ контрактомъ какъ пришло назначеніе его операторомъ во Владимирскую врачебную управу. Галлидей не желалъ этого мѣста и не принялъ его, а требовалъ либо исполненія контракта, либо увольненія отъ службы и былъ уволенъ съ абшитою 28 апрѣля 1797 года.

Галлоуей Генрихъ (Heinrich Hallaway), англичанинъ изъ студентовъ королевскаго университета, былъ принятъ докторомъ 29 іюня 1788 въ фин-

ландскую армию. 19 ноября 1792 переведенъ къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, командовавшему сперва войсками въ Финляндіи и Петербургѣ, а потомъ въ новоприсоединенномъ отъ Польши краѣ и Малороссіи. Уволенъ отъ службы (17 января 1796 года) съ абшитою.

Гальбауеръ Федоръ (Friedrich Christian Johann Hallbauer) учился въ Гейтѣ и въ 1765 году получилъ докторскій дипломъ. Но въ медицинской коллегіи не выдержалъ экзамена. Члены коллегіи Линдеманъ, Ашъ и Пеккенъ написали на его прошеніи: *Bei den Examine schlecht bestanden; es nicht ihn die Praxis vorsacht* и ему не дано права практики.

Гамбергеръ Адольфъ (Adolph Albert Hamberger) изъ Веймарскаго города Иены, гдѣ учился 15 лѣтъ и получилъ дипломъ 28 марта 1767. Получилъ право практики 5 февраля 1784.

Гардеръ Іоганнъ (Johann Wilhelm Harder), родомъ изъ Риги, учился въ Гейтѣ и въ Берлинѣ четыре года и получилъ дипломъ 4 іюня 1785. Получилъ право практики 18 сентября 1785 и назначенъ въ Венденскій уѣздъ д-ромъ.

Гармесъ Андрей (Heinricus Ludolfus Hargmes) изъ Кенигсберга, гдѣ и учился. Въ 1744 году получилъ докторскій дипломъ и былъ потомъ въ прусской службѣ физикомъ въ Инстербургскомъ округѣ. Въ 1750 году уволенъ и 10 лѣтъ былъ въ Литовскомъ герцогствѣ у епископа Гребницкаго медикомъ, а наконецъ полтора года былъ медикомъ у Витебскаго кастеляна Спруца. Получивъ отъ него увольненіе, Гармесъ пріѣхалъ черезъ Ригу въ Петербургъ. Экзаминованъ былъ въ медицинской канцеляріи Унгебауеромъ, Ашешъ, Щепиннымъ и Лерхе и 5 марта 1762 получилъ право практики въ Россіи, а 11 іюля 1763 года опредѣленъ докторомъ въ Сѣвскую дивизию, съ жалованьемъ по 600 р. 10 раций. и двухъ денщиковъ. Отсюда переведенъ былъ къ карантиннымъ домамъ въ Васильковѣ съ тѣмъ же содержаніемъ (12 декабря 1765). Отсюда переведенъ былъ въ Сибирь и жилъ въ Тобольскѣ. Но тамъ онъ «по худому состоянію и незнанію своего искусства», неполадилъ съ Сибирскимъ губернаторомъ Денисомъ Чичеринимъ. Гармесъ написалъ медицинской коллегіи, что тобольскій аптекарь Скубовіусъ сошелъ съ ума и лѣчится д-ромъ Баадою и что объ этомъ подробнѣе можно узнать отъ пастора Лаксмана, побывшаго въ Петербургѣ. А Чичеринъ написалъ (23-го августа 1769 года), что это клевета и просилъ не вѣрять ей. По его словамъ Гармесъ взялъ у Скубовіуса деньги и не жалея уплатить ихъ, выставляетъ Скубовіуса сумасшедшимъ, чтобы сбыть его съ рукъ. А Скубовіусъ былъ боленъ горячкою и разумѣется дня три бредялъ, что и выдано за бредъ сумасшедшаго; но вообще говоря онъ достойный и знающій человекъ, и просилъ невѣрять Гармесу». Медицинская коллегіа вызвала Гармеса на казенный счетъ въ Петербургъ, приказавъ ему сдать дѣла штаб-лѣкарю Поморскому. Генераль-поручивъ Шпрингеръ, оберъ-комендантъ въ Омскѣ, хотѣлъ оставить его у себя и писалъ объ этомъ военной коллегіи: но

медицинская коллегія настояла, чтобъ его выслали въ Петербургъ, ссылаясь на государственныя нужды и авторитетъ вице-президента военной коллегіи Захара Григорьевича Чернышева. Гармезъ явился въ Петербургъ 28 апрѣля 1770 года. Дальнѣйшая исторія его неизвѣстна.

Гассе Карлъ (Hasse Carl), штабъ-лѣкаръ при гимназіи чужестранныхъ оловѣрцовъ съ 23 іюня 1783 года, былъ экзаминованъ въ медицинской коллегіи и признанъ докторомъ медицины 18 марта 1787. Оттуда переведенъ въ сиб. академію художествъ (9 марта 1797) и почти въ тоже время, по высочайшему повелѣнію, назначенъ придворнымъ докторомъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника (1797).

Гейне Карлъ (Carl Ludwig Wilhelm Heune) изъ Геттингена, гдѣ и получилъ медицинское образованіе. Принятъ въ русскую службу по рекомендаціи Циммермана, по именному повелѣнію 13 іюля 1786 года, по контракту (чинъ коллежскаго ассесора, жалованія 800 р. и на проѣздъ 600 р.) и опредѣленъ въ 3 дивизію и по приказанію кн. Потемкина отправленъ въ Херсонъ. Умеръ 26 іюня 1794 года.

Гейне Іоганнъ (Johann Philipp Heune), родомъ изъ Кенигсберга, учился въ Берлинѣ и Іевѣ 5 лѣтъ, но получалъ аттестаты, а не дипломъ. Экзаминованъ въ коллегіи 17 января 1800 года и признанъ докторомъ (3 марта 1800). Потомъ онъ состоялъ при курляндской врачебной управѣ. Оттуда онъ прислалъ прошеніе, чтобъ эта управа не возлагала на него такой должности, которая не приноситъ никакихъ доходовъ, поелику онъ служить безъ жалованья. Жаловался онъ на то, что управа командировала его къ Балдонскимъ минеральнымъ водамъ для пользованія пріѣзжающихъ больныхъ, «гдѣ не имѣя никакихъ доходовъ и находясь въ отдаленности отъ жилища своего, понесъ великіе убытки». Коллегія приказала возвратить его къ прежнему мѣсту (27 іюля 1800).

Гейзелъ Іоакимъ Гебгардъ, и Графъ Веніаминъ Феофилъ, рижскіе доктора, пожаловались медицинской канцеляріи (1744) на отставнаго доктора, голландца, Гердинга за то, что онъ позволяетъ себѣ заниматься медицинскою практикою въ Ригѣ, тогда какъ рижскіе городскіе доктора пользуются привилегією не дозволить практиковать постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ ихъ корпораціи. Привиллегія эта подтверждена была указомъ императрицы Анны 15 марта 1735 года, и Гердингъ, какъ прежде д-ръ Вильпертъ, явился нарушителемъ ея. На основаніи этой городской привилегіи Гердингу запрещена была практика въ Ригѣ 6 февраля 1741, а именно: «Въ магистратѣ постановлено: честный городской судья имѣетъ призвать къ себѣ въ судебное мѣсто г-на доктора Гердинга и по силѣ медицинскаго регламента ему практику запретить и объявить, чтобъ онъ подъ опасеніемъ штрафа, а именно 50 ефимовъ, ни къ какому лѣченію здѣсь въ городѣ впредь не касался». Черезъ три дня Гердингъ опять нарушилъ рижскую медицинскую при-

виллегію и архіатеръ Лестоку приказалъ опять ему запретить практику и сообщить о томъ генераль-губернагорской канцеляріи и къ губернатору графу фонъ-Ласи (1744).

Гейнцельманъ (Gebhard Werner Heinzelmann) изъ Бранденбурга, учился въ Галле и въ 1756 году получилъ докторскій дипломъ. Экзаменованъ докторами Гюнгиоци, Янишежъ и Маттеи и 22 іюля 1762 года получилъ право практики, потомъ поѣхалъ въ Ригу. По словамъ В. Рихтера, онъ путешествовалъ по Татаріи для изученія мѣстной естественной исторіи и подробно описалъ Оренбургскую губернію.

Гейтъ Самуель (Samuel Hunt), англичанинъ, учился въ Кембриджѣ 8 л. и напечаталъ двѣ диссертациі—одну *De febre intermittente* и другую—*De medicamentorum facultatibus*—получилъ дипломъ. Экзаменованъ въ коллегіи и получилъ право практики 12 ноября 1786 и опредѣленъ въ Новгородсѣверское намѣстничество уѣзднымъ докторомъ. На негоже возложено было и прививаніе оспы въ уѣздѣ и во всей губерніи (20 апрѣля 1787). Десять лѣтъ спустя, 26 апрѣля 1796, уволенъ отъ должности уѣзднаго доктора. 1 іюня 1797 года предназначенъ былъ въ инспекторы Новгородской врачебной управы, но вовсе отказался отъ службы и былъ уволенъ.

Гельдеръ Филиппъ (Philipp Adam Hoelder), родомъ изъ Штудгарта, учился въ тамошнемъ университетѣ, а потомъ въ Тюбингенѣ, гдѣ и получилъ дипломъ 15 іюля 1780. Пріѣхавъ въ Россію по вызову (1780), онъ жилъ въ Вязьмѣ (въ Смоленскомъ намѣстничествѣ). Въ ноябрѣ 1787 года назначенъ во 2 дивизію, стоявшую въ Польшѣ, и въ 1788 году командированъ въ Крымъ. Оттуда поѣхалъ въ отпускъ на родину и по прошенію уволенъ отъ службы (29 марта 1789). Но потомъ опять просился въ службу и опредѣленъ въ 6 дивизію, сверхъ штата, безъ жалованья, до вакансіи (21 января 1790). Штабъ дивизіи былъ въ Вязьмѣ. 3 марта 1791 переведенъ въ 1 дивизію (въ Витебскѣ). Произведенъ въ надворные совѣтники 18 мая 1794 и уволенъ отъ службы 22 января 1795 года.

Гемаръ-Делавальеръ Жанъ (Jean Guémart Delavariégre), французскій эмигрантъ изъ Шалона, учился въ парижскомъ факультетѣ семь лѣтъ и получилъ докторскій дипломъ, но во время террора потерялъ его. Прибылъ въ Россію въ октябрѣ 1791 года и, получивъ паспортъ отъ французскаго посольства, принять въ домъ генераль-поручика князя Юрія Никитича Трубецкаго и поѣхалъ съ нимъ въ Воронежскую губернію, гдѣ и принялъ русское подданство. Оттуда перешелъ къ князю Сергѣю Николаевичу Голицыну, а послѣ къ бригадиру князю Николаю Михайловичу Голицыну. Доказательствомъ его докторства остался только паспортъ, подписанный Людовикомъ XVI и министромъ Монмореномъ.

Гейъ Карлъ (Carl Wilhelm Hehn), изъ Дерпта, учился въ шведскомъ

гор. Грейфсвальдѣ два года и въ Геттингенѣ два года и получилъ дипломъ. Экзаминованъ и получилъ право практики 18 декабря 1796 года.

Герберъ Трауготтъ (Traugott Gerber) родился въ Лаузицѣ, учился въ Лейпцигѣ и тамъ получилъ дипломъ, напечатавъ диссертацию: *De thoracibus*, 1795. Вскорѣ послѣ того принятъ въ русскую службу директоромъ московскаго аптекарскаго огорода, по капитуляціи на четыре года, съ жалованьемъ по 300 рубл., казенною квартирою и дровами (10 сентября 1735 года), а въ 1738 году капитуляція съ нимъ продолжена еще на три года. Это было тяжелое время турецкой войны и развитія моровой язвы въ украинскіхъ городахъ и въ арміи. Для прекращенія эпидеміи и ограниченія движенія ея требовалось много врачей и въ украинскіе города разосланы изъ столицъ всѣ доктора и лѣкаря, какъ служившіе, такъ и отставные, лишь бы могли держаться на ногахъ. Такимъ образомъ изъ Москвы уланы были почти всѣ доктора, въ томъ числѣ штатдт-физикъ Шрейберъ и старшій докторъ госпиталя Ант. Детейльсъ. Обязанности ихъ исполнялись, въ случаѣ нужды, д-ромъ Герберомъ. Ученіе въ госпитальной московской школѣ готово было прекратиться по неимѣнію преподавателей. Чтобы предотвратить это и удержать учениковъ отъ праздности и побѣговъ, архіатеръ Фишеръ прикомандировалъ къ госпиталю гофъ-хирурга Пагенкампфа на должность оператора, т. е. учителя анатоміи и хирургіи; но и Пагенкампфъ отправленъ въ Немировъ съ русскими министрами на конгрессъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи архіатеръ Фишеръ адресовался въ кабинетъ министровъ съ предложеніемъ «послать въ Парижъ нѣсколько молодыхъ лѣкарей, которые могли бы тамъ утвердиться, чтобы въ російскомъ государствѣ операторами быть и другихъ обучать могли». Мысль эта была не новая и высказываема была еще Бидлоо, но Фишеръ усвоилъ ее и въ послѣдствіи весьма дѣятельно проводилъ ее. Но все это хорошо было для будущаго времени: а что было дѣлать въ настоящемъ? Фишеръ думалъ и придумалъ — обратить ботаника въ хирурга и оператора. Припомнивъ, что лейпцигскій профессоръ анатоміи Вальтеръ съ похвалою отзывался объ анатомическихъ познаніяхъ д-ра Гербера (что онъ «во анатоміи доброе искусство имѣетъ»), онъ обратился къ Герберу принять на себя преподаваніе анатоміи и должность оператора и учить госпитальныхъ учениковъ, съ добавочнымъ жалованьемъ, слѣдующимъ оператору, по 300 р., на время, пока другой присканъ будетъ (іюнь 1738). Герберъ принялъ и 10 мѣсяцѣвъ исполнялъ эти преподавательскія обязанности, пока явился и началъ исполнять ихъ операторъ госпиталя Льюисъ Кальдервудъ.

Въ послѣдствіи времени должность особаго доктора при аптекарскомъ огородѣ въ Москвѣ признана ненужною и докторъ Герберъ уволенъ отъ службы (21 февраля 1742).

Гергольдъ Николай (Niclas Berthold Franz Herhold) явился къ экзаммену въ медицинскую коллегію въ августѣ 1793 года, но не выдержалъ

экзамена. Вторично явился въ маѣ 1794 и опять изъ химіи, ботаники и матеріи медицины отвѣтствовалъ слабо (экзаминаторъ Тереховскій), изъ теории о внутренности довольно хорошо (Крутта), изъ теоретическаго и практическаго повивальнаго искусства слабо (Максимовичъ Амбодикъ), о горячкѣ и долговременной болѣзни хорошо, исключая нѣкоторыхъ, гдѣ недовольно твердо отвѣчалъ (Елизень), изъ хирургіи весьма посредственно (Ввлеріанъ). Послѣ этого просился въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь «для лучшаго натвержденія въ практыкѣ» и опредѣленъ туда 31 іюля 1794 безъ жалованья, съ допущеніемъ къ пользованію больныхъ подъ надзоромъ Тихорскаго, впредь до открытія подлѣкарской вахансіи. Въ маѣ 1795 Тихорскій хорошо аттестовалъ его прилежаніе и ему положено 120 р. въ годъ жалованья, а 25 октября 1795 года признанъ докторомъ съ правомъ практики. Послѣ того состоялъ въ Фридрихштатскомъ уѣздѣ, но остался за штатомъ, а 5 ноября 1797 г. утверждень уѣзднымъ въ Зельбургскомъ обергаунтманствѣ съ жалованьемъ по 250 р. въ годъ.

Гердингъ, старшій докторъ кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя, уволенъ отъ службы въ 1737 году.

Герике Іоаннъ (Johann Valentin Gericke) по экзамену въ коллегіи получилъ право практики (28 октября 1787) и опредѣленъ былъ въ Пермское намѣстничество съ двойнымъ жалованьемъ по отдаленности мѣста (именно по 600 р.) и съ выдачею (на основаніи указовъ 3 марта 1765 и 18 ноября 1782 годовъ) третнаго жалованья впередъ на путевыя издержки; но туда не поѣхалъ, а просился въ армію и опредѣленъ въ Георгіевскій госпиталь, съ жалованьемъ по 600 р. 10 раціоновъ и 2 денщика (2 декабря 1787). Оттуда переведень въ Украинскую дивизію (16 мая 1793).

Гернетъ Іоакимъ (Joachim Heinrich Gerneti) принятъ былъ въ русскую службу, въ должность дивизионнаго доктора, при началѣ семилѣтней войны и немедленно отправленъ въ заграничную армію. По окончаніи этой войны, 14 января 1762, вызванъ въ Петербургъ для опредѣленія, по слабости здоровья, на другое, болѣе покойное мѣсто. Это мѣсто было—Ревельскій полевой госпиталь, куда онъ и опредѣленъ старшимъ докторомъ (13 іюля 1762), съ жалованьемъ по 600 рубл. Въ 1768 году Гернетъ переведень въ Ревельскій адмиралтейскій госпиталь, на мѣсто умершаго доктора Кноблоха, съ тѣмъ же жалованьемъ. Уволенъ отъ службы по прошенію въ 1789 году.

Гизекенъ Людвигъ (Louis Auguste Theodor Giesecken), изъ Пирмонта, принятъ въ русскую службу по контракту съ Циммерманомъ 24 апрѣля 1786, съ тѣмъ что будетъ состоять въ чинѣ коллежскаго ассесора, т. е. въ 8 классѣ, равномъ армейскому майору. Жалованья по 700 р. въ годъ и 500 р. на проѣздъ. Право оставить службу когда угодно и на возвратный путь 4 мѣсячное жалованье. По выслугѣ 6 лѣтъ годовое жалованье не въ зачетъ, а въ случаѣ его смерти тоже будетъ выдано вдовѣ его. По прослуженіи

20 лѣтъ получить полжалованья въ пенсію, а въ случаѣ его смерти—вдова его. Въ случаѣ смерти его и жены, дѣтямъ единовременно будетъ выдано 700 р. и сыновья приняты будутъ въ русскую службу по ихъ способностямъ и «on aura soin de les favoriser autant que cela sera compatible avec les regles du service». Въ дальнѣйшемъ производствѣ въ чины и во всѣхъ выгодахъ службы наравнѣ съ русскими подданными. Пенсіонъ послѣ службы получать будетъ гдѣ ему угодно. Служилъ сперва въ Полоцкомъ намѣстничествѣ, а потомъ въ Вѣлорусской губерніи и уволенъ отъ службы 28 октября 1798 года.

Гильдебрандтъ Іоганнъ, штабъ-лѣкарь 2 дивизіи, подъ командою генераль-фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, ничѣмъ не былъ извѣстенъ до назначенія его операторомъ въ московскій генеральный госпиталь. А назначеніе это произошло слѣдующимъ образомъ. Едва госпитальный операторъ Энгель закрылъ глаза (умеръ 11 февраля 1785), какъ контора московскаго госпиталя написала штабъ-лѣкарю Іоганну Гильдебрандту въ Кіевъ, что она избираетъ его для замѣщенія этой вакансіи, и въ тоже время донесла медицинской коллегіи объ этомъ, прибавивъ что она поспѣшила избраніемъ, «дабы не упустить чрезъ продолженіе времени ученія и по извѣстному искусству Гильдебрандта, находившагося въ тѣ поры безъ мѣста». Коллегія утвердила избраніе немедленно (28 февраля). Напрасно умѣрялъ эту торопливость членъ коллегіи Ѳ. Тихорскій, ссылаясь на то, что коллегіи вовсе неизвѣстенъ рекомендуемый кандидатъ и что выборъ долженъ бы производиться съ большею осмотрительностію. Съ своей стороны онъ предлагалъ въ операторы штабъ-лѣкаря Панковскаго, который уже извѣстенъ коллегіи, потому что во время предсмертной болѣзни Энгеля онъ исправлялъ операторскую должность. Нѣмецкіе члены коллегіи не хотѣли и слышать объ этомъ сопоставленіи русскаго кандидата съ нѣмецкимъ. Тогда членъ Тихорскій предлагалъ потребовать отъ Гильдебрандта по крайней мѣрѣ препарата, какъ это требовалось въ Петербургѣ отъ Карпинскаго, прежде чѣмъ опредѣляли его «лекціоннымъ докторомъ». На это коллегія согласилась, но только для формы: предложили чтобъ Гильдебрандтъ приготовилъ препаратъ и демонстрировалъ его какъ захочетъ, въ присутствіи членовъ московской медицинской конторы и госпитальныхъ чиновъ. Онъ показалъ «глазные нервы и мускулы съ ихъ толкованіемъ (17 іюня 1785 года) на латинскомъ діалектѣ добропорядочно», какъ доносилъ докторъ Тимковскій, московскій штатдѣ-физикъ. И такъ это было не исканіе лучшаго преподавателя для русской школы, а продвиганіе нѣнца надъ русскими головами. Спустя годъ, по штату 15 іюля 1786 года, преподаватели въ медицинскихъ училищахъ получили названіе „профессоровъ“, въ томъ числѣ и Іоганнъ Гильдебрандтъ сталъ называться профессоромъ анатоміи и фізіологіи. 5 августа 1791 года онъ отказался отъ должности оператора, но съ сохраненіемъ тогоже жалованья по 1000 р. и

казенною квартирою, а на операторскую вакансію назначень былъ прозекторъ Василій Григоровичъ, но съ прозекторскимъ жалованьемъ и съ обязанностью исправлять и прозекторскую должность, съ прибавкою за то по 100 р. къ жалованью. Затѣмъ, по приказанію барона Фитингофа, профессоръ Юг. Гильдебрандтъ, «по извѣстному отличному его знанію въ медицинѣ и по разнымъ полученнымъ отъ него observaціямъ», произведенъ (13 февраля 1791) въ «докторы медицины безъ экзамена». 22 октября 1797 признанъ почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. 18 апрѣля 1799 года профессоръ Иванъ Гильдебрандтъ представлялъ коллегіи, что ему нуженъ адъюнктъ при кафедрѣ анатоміи и физиологіи и для этого просилъ перечислить къ нему бывшаго при кафедрѣ химіи и ботаники Федора Гильдебрандта, роднаго его племянника, «поелику онъ въ сихъ наукахъ (анатоміи и физиологіи) гораздо лучшіе успѣхи, какъ въ прежнихъ оказалъ». Въ то же время профессоръ химіи и ботаники Фридрихъ Стефанъ писалъ, что онъ одобряетъ представленіе Гильдебрандта, „ибо я вижу, говорилъ онъ, что переименованіе адъюнкта Федора Гильдебрандта въ адъюнктъ-профессоры анатоміи и физиологіи весьма для академіи полезно быть должно, по той причинѣ, что онъ, находясь въ домѣ профессора Гильдебрандта, можетъ безпрестанно пользоваться упражненіемъ въ анатомо-физиологической библіотекѣ“. *) На это коллегія отвѣчала, что къ кафедрѣ анатоміи предназначенъ уже въ адъюнкты (14 февраля 1799) лѣкарь Иванъ Книгинъ, котораго медицинской конторѣ и предписано уже испытать. А конторѣ предписала исполнить то, что ей предложено на счетъ испытанія Книгина. Теперь же предписала она испытать по этимъ предметамъ адъюнкта Федора Гильдебрандта и объ обояхъ испытаніяхъ доставить коллегіи свой отзывъ. Въ маѣ 1799 года лѣкарь И. Книгинъ пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и просилъ въ коллегіи экзамена на званіе адъюнкта. Онъ читалъ анатомо-физиологическую пробную лекцію въ морскомъ с.-петербургскомъ госпиталѣ (15 іюля) *De organo auditus*, выдержалъ письменный и словесный экзаменъ и единогласно удостоень этого званія, съ оговоркою, что у него слабъ голосъ, хотя можетъ быть это зависѣло и отъ робости. По этому экзамену коллегія опредѣлила его адъюнктъ-профессоромъ (4 августа 1799) въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію къ анатоміи и физиологіи, съ жалованьемъ по 350 р. (при Загорскомъ), а черезъ десять мѣсяцовъ съ прибавкою еще 100 рублей. (24 апрѣля 1800). Для испытанія Фридр. Гильдебрандта по вопросу можетъ ли онъ читать лекціи порусски, ему назначили пробную лекцію *O dylatione* и

*) Предсказаніе профессора Стефана оправдалось. Фридрихъ Гильдебрандтъ или Федоръ Ивановичъ Гильдебрандтъ въ послѣдствіи сдѣлался знаменитымъ въ Москвѣ профессоромъ хирургіи и операторомъ.

произведеніи животной теплоты, которая читана по латыни и признана удовлетворительною. Медицинская коллегія очень интересовалась этимъ вопросомъ и настойчиво требовала отвѣта на него (11 августа 1799). Отвѣтъ былъ такой, что «адъюнктъ-профессоръ Ф. Гильдебрандтъ, сколько изъ обхожденія съ нимъ извѣстно, на російскомъ языкѣ говоритъ довольно хорошо, и какъ онъ въ немъ основательно упражняется, то уповательно, что и самыя лекціи по російски преподавать и вразумительно объяснять въ состояніи». Медицинская контора прибавила къ этому отъ себя, что на данный Гильдебрандту профессорами аттестатъ согласна, «потому болѣе, что Гильдебрандтъ къ изученію російскаго языка, который ему хотя и свѣдомъ, но ко основательному онаго познанію прилагаетъ всепрілежнѣйшее стараніе» (18 января 1800). На это коллегія написала, что такъ какъ изъ этого донесенія не видно ничего обстоятельнаго, то предписала медицинской конторѣ назначить ему пробную лекцію на русскомъ языкѣ. Онъ читалъ ее: *О слуховомъ орудіи тѣла человеческого* и профессора (адъюнкты Гавр. Поповъ, профессора Пав. Шумлянскій, Фридр. Стефанъ и Матв. Пеккенъ) донесли (19 марта 1800), что „онъ говоритъ яснымъ и совершенно внятнымъ образомъ и нарочито чистымъ слогомъ, и по мнѣнію нашему способенъ къ преподаванію врачебнаго ученія на языкѣ російскомъ, паче же когда онъ и впредь будетъ имѣть равномѣрное, какъ и нынѣ, стараніе о приобрѣтеніи совершеннаго познанія въ оноу языкѣ“. Коллегія утвердила его адъюнктомъ анатоміи и физиологіи (8 мая 1800), съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ,

Гильдебрандтъ Андрей (Justus Friedrich Jacob Hildebrandt), племянникъ и ученикъ профессора анатоміи и физиологіи московской медико-хирургической школы Юганна Гильдебрандта, первоначально учился фармаціи и естественной исторіи (съ 13 февраля 1772 по 9 ноября 1777 года), а потомъ уволенъ отъ службы (16 октября 1781) и отказался отъ занятій фармаціею. Въмѣсто того онъ поступилъ волонтеромъ въ московскую медико-хирургическую школу (18 іюля 1784 года), прилежно занимался медицинскими науками и наконецъ по экзамену произведенъ лѣкаремъ. Жилъ онъ у дяди— профессора Гильдебрандта и пробовалъ заниматься частною практикою въ Москвѣ, а также и естественными науками. Дядя желалъ пристроить племянника и рекомендовалъ его сослуживцу своему профессору Фридр. Стефану, а этотъ послѣдній написалъ медицинской коллегіи, что избралъ себѣ адъюнктомъ молодаго лѣкаря Андрея Гильдебрандта. Коллегія приказала назначить ему пробную лекцію въ московскомъ госпиталѣ и вотъ что донесла потомъ московская медицинская контора: «Андрей Гильдебрандтъ, по сдѣланномъ нами ему особливомъ испытаніи во врачебной наукѣ, а паче всего въ химіи и ботаникѣ, въ которыхъ наукахъ онъ съ весьма хорошимъ успѣхомъ упражнялся, говорилъ сего ноября 10 дня, въ присутствіи нашемъ и гг. членовъ медицинской и госпитальныхъ конторъ и обучающагося въ здѣшнемъ

училищъ юношества рѣчь, сочиненную имъ по данному отъ насъ предписанію на латинскомъ языкѣ: *О устройствѣ, сложеньи, питаніи, произрожденіи и раздѣленіи травъ и растений*, а потомъ изъ химіи *О воздухѣ*, съ принадлежащими къ тому опытами, о познаніи качествъ и чистоты онаго, правильнымъ, порядочнымъ и основательнымъ расположеніемъ мыслей, также и яснымъ и точнымъ выраженіемъ оныхъ удовлетворялъ онъ общему желанію нашему и адъюнктомъ при профессорѣ химіи и ботаники опредѣленъ быть можетъ». Ноября 19 дня 1795 года. Подписали: «Ив. Гильдебрандтъ, Фр. Стефанъ и Мат. Пеккенъ». По этому аттестату медицинская коллегія назначила его исправляющимъ должность адъюнкта при профессорѣ химіи и ботаники Стефанѣ, съ жалованьемъ по 300 р., а 18 сентября 1796 года утвердила настоящимъ адъюнктомъ, но съ обязательствомъ исправлять должность врача въ больничныхъ палатахъ московскаго госпиталя, только съ освобожденіемъ отъ дежурствъ. Около пяти лѣтъ прослужилъ Федоръ Гильдебрандтъ въ должности адъюнкта химіи и ботаники при профессорѣ Стефанѣ и убѣдился, что онъ ошибся въ своемъ призваніи. Онъ любилъ анатомію и хирургію, охотно и искусно помогаль дядѣ при производствѣ хирургическихъ операцій и очень мало заботился о химіи. Дядя Иванъ Гильдебрандтъ и тутъ явился ему на помощь. Онъ представилъ медицинской коллегіи, что ему нуженъ адъюнктъ при кафедрѣ анатоміи и физиологіи и для этого просилъ перечислить къ нему состоявшаго при кафедрѣ химіи и ботаники адъюнкта Федора Гильдебрандта, «послѣку въ сихъ наукахъ (въ анатоміи а физиологіи) гораздо лучше успѣхи, чѣмъ въ прежнихъ оказалъ» (18 апрѣля 1799). Въ то же время профессоръ Стефанъ писалъ, что онъ предложеніе Гильдебрандта одобряетъ, «ибо я вижу, что переименованіе адъюнкта Федора Гильдебрандта въ адъюнкты-профессоры анатоміи и физиологіи весьма для академіи полезно быть должно по той причинѣ, что онъ, находясь въ домѣ профессора Ив. Гильдебрандта, можетъ безпрестанно пользоваться упражненіемъ въ анатомо-физиологической библиотекѣ». Коллегія приказала московской медицинской конторѣ назначить испытаніе Ф. Гильдебрандту, можетъ ли онъ читать лекціи на русскомъ языкѣ. Пробная лекція назначена была ему *О дыханіи и произведеніи животной теплоты* и читана на латинскомъ языкѣ. Лекція признана удовлетворительною. Но оставался тотъ же вопросъ: можетъ ли онъ читать лекціи анатоміи и физиологіи свободно на русскомъ языкѣ? И на него данъ отвѣтъ, что адъюнктъ Ф. Гильдебрандтъ, сколько изъ обхожденія съ нимъ извѣстно, на российскомъ языкѣ говоритъ довольно хорошо и какъ онъ въ немъ основательно упражняется, то уповательно, что и самыя лекціи по российски преподавать и вразумительно объяснять въ состояніи». Медицинская контора прибавила къ этому отъ себя, что она на данный профессорами аттестатъ согласна, «потому болѣе, что Гильдебрандтъ къ изученію россий-

*

сваго языка, который хотя ему и свѣдомъ, но къ освѣтительному онаго познанію прилагаетъ всеприлежнѣйшее стараніе» (18 января 1800). Коллегія однакоже не удовлетворилась этимъ отвѣтомъ. Ей необходимо былъ обстоятельный и точный отвѣтъ, а не уклончивый и неопредѣленный. Поэтому коллегія предписала конторѣ дать Ф. Гильтебрандту еще одну лекцію на русскомъ языкѣ *О слуховомъ орудіи тѣла человеческого*. По обсужденіи ея профессора одонесли (19 марта 1800), что «онъ говоритъ яснымъ и совершенно внятнымъ образомъ и нарочито чистымъ слогомъ и по мнѣнію нашему способенъ къ преподаванію врачебнаго ученія на языкѣ российскомъ, паче же когда онъ и впредь будетъ имѣть равномѣрное, какъ и нынѣ, стараніе о приобрѣтеніи совершеннаго званія въ ономъ языкѣ». Коллегія послѣ того утвердила Ф. Гильдебрандта адъюнктомъ анатоміи и фізіологіи (8 мая 1800), съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. Это былъ тотъ самый знаменитый профессоръ и хирургъ, который пользовался огромною популярностью въ Москвѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Гинчъ фонъ Гейнчъ, полякъ австріецъ, учился медицинѣ въ Вѣнѣ и Эрфуртѣ и въ послѣднемъ получалъ докторскій дипломъ 10 октября 1780, а потомъ вступилъ въ польскую службу (6 марта 1784 года) и былъ главнымъ инспекторомъ карантинныхъ на турецкой границѣ, и во время присоединенія Польши находился въ Званецкомъ карантинѣ. Экзаминованъ былъ докторомъ Миндереромъ 21 июня 1794 и опредѣленъ докторомъ въ Житомирскій уѣздъ, а коллегією утвержденъ докторомъ 14 марта 1795 и 12 апрѣля 1798 утвержденъ на должности въ Житомирѣ.

Гирціусъ Вильгельмъ Готлибъ (Wilhelm Gottlieb Hirtzius) принятъ въ службу и состоялъ сверхъ штата при Рижскомъ полевомъ госпиталѣ (24 іюля 1791 года). Оттуда переведенъ (14 іюня 1793 года) въ Георгіевскій госпиталь съ жалованьемъ по 600 рублей и довольствіями по регламенту. 4-го марта 1798 года опредѣленъ инспекторомъ въ Астраханскую врачебную управу. Отсюда командированъ былъ въ Тифлисъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ: Царевичъ Грузинскій Маріанъ писалъ къ императору Павлу изъ Екатериноградской крѣпости (27 ноября 1797 года) о томъ, что мать его, царица Грузинская, чрезъ нарочнаго курьера прислала просить о сысканіи искуснаго доктора для пользованія отца его, царя Грузинскаго Ираклія Темуразовича, уже 4 мѣсяца страдавшаго болѣзнію. Вмѣстѣ съ этимъ онъ писалъ императору, что уже 14 лѣтъ не видалъ отца и просилъ позволенія съѣздить къ нему и получить послѣднее его благословеніе. Императоръ далъ отпускъ царевичу и приказавъ барону Васильеву найти искуснаго доктора и послать его въ Грузію, а онъ передалъ коллегіи, которая и назначила туда находившагося въ Георгіевскѣ доктора Гирціуса (21 декабря 1797), съ получаемымъ имъ жалованьемъ и выдачею прогоновъ до Тифлиса. А какъ до свѣдѣнія коллегіи дошло, что царь Ираклій страдаетъ водяноюю,

то она приказала Гирціусу взять съ собою нѣкоторыя лѣкарства и что взято будетъ—донести. Указъ Гирціусу приказано представить государю, который послалъ его съ нарочнымъ фельдъегеремъ къ командовавшему на кавказской линіи графу Ивану Васильевичу Гудовичу, съ посылкою Гирціусу 1000 р. на дорогу. Изъ Моздока отправился онъ 25 января и прибылъ въ Телавъ 16 февраля, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ царевичемъ Мираномъ, жалясь на трудности путешествія въ кавказскихъ каменныхъ и снѣговыхъ горахъ отъ хищниковъ и моровой язвы, которая въ Тифлисѣ была «въ немаломъ градѣ». Въ Тифлисѣ прибылъ 17 февраля.

Возвратившись изъ этой командировки, Гирціусъ опять вступилъ въ должность инспектора Астраханской врачебной управы и исполнялъ ее почти два года. Послѣ того, по докладу медицинской коллегіи, высочайше утвержденному 16 іюня 1799 года, учреждена была Черноморская врачебная управа и Гирціусъ переведенъ туда въ должность инспектора. Товарищемъ же ему назначенъ состоявшій при Таганрогскомъ портѣ штабъ-лѣваръ и. с. Иванъ Искусъ.

Гиршъ Оттоъ (Otto Joachim Hirsch) изъ Праги, учился въ Франкфуртѣ и Галле всего 7 лѣтъ, и въ Галле получилъ дипломъ, 9 іюля 1776 года, напечатавъ диссертацию *De opii modo operandi in mitigandis doloribus*. Получивъ право практики 1 августа 1784 года, практиковалъ сперва въ Дипабургѣ, а потомъ въ Рождественскомъ уѣздѣ петербургской губерніи и въ октябрѣ 1784 года уволенъ отъ службы. Черезъ нѣсколько лѣтъ просилъ о назначеніи его дивизионнымъ докторомъ въ 3 дивизию, съ жалованьемъ по 600 р., что и исполнено (29 марта 1789). Въ 1796 году онъ доносилъ съ острова Фанагоріи, что тамъ явилась между войсками моровая язва.

Глазеръ Іоганнъ (Gotthard Johann Glaser) изъ Риги, учился въ Іенѣ и Берлинѣ три года и получилъ дипломъ въ Іенѣ. Получилъ право практики въ декабрѣ 1784 и практиковалъ въ Ригѣ.

Глиссингъ Іоганнъ (Johann Melchior Glissing), родомъ изъ саксонскаго гор. Альтенбурга, учился въ Утрехтѣ и, напечатавъ диссертацию *De dysenteria*, получилъ докторскій дипломъ. Принятъ былъ въ русскую службу 20 іюня 1702 года съ жалованьемъ по 500 р. и выдачею 200 талеровъ на путевыя издержки. Служилъ въ войскахъ подъ командою Шереметева. Уволенъ отъ службы для отъѣзда на родину за полученіемъ наслѣдства. В. Рихтеръ полагаетъ, что Глиссингъ былъ не докторъ, а скорѣе ученый аптекаръ, случайно пріобрѣтшій докторскій дипломъ.

Гмелинъ Іог. Георгъ (Gmelin Joh.) родился въ Тюбингенѣ (12 августа 1709 года), гдѣ отецъ его былъ ученымъ аптекаремъ. Медицинское образованіе получилъ въ Тюбингенскомъ университетѣ и въ 1725 году получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De glandularum mesenterii*

actione in chylum retardativa. Прибыль въ Петербургъ 30 августа 1727 года и принятъ на службу въ академію наукъ, на мѣсто Бюргера.

Хотя, по смерти Бюргера, кафедра химіи въ спб. академіи наукъ осталась незанятою, однако къ чему служила бы химія безъ лабораторіи; а къ учрежденію ея небыло никакой надежды. Въѣсто того Гмелинь оказывалъ услуги по натуральной исторіи, въ которой приобрѣлъ хорошія знанія въ Тюбингенѣ. Гмелинь привелъ въ порядокъ императорскую кунсткамеру и натуральный кабинетъ. Есть свѣдѣнія, что въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ онъ присутствовалъ также при анатомированіи академикомъ Дювернуа слона и занимался при анатомическомъ вскрытіи человѣческихъ труповъ, присылавшихся тогда полиціею.

При снаряженіи въ 1732 году камчатской экспедиціи, академія наукъ назначила туда Гмелина, въ качествѣ натуралиста, и зимою 1733 года онъ уже началъ было готовиться къ поѣздѣ, какъ вдругъ захворалъ. Однакоже выздоровѣлъ и вмѣстѣ съ другими двумя академиками (Миллеромъ и Делиемъ Делякройеромъ и студентомъ Крашенинниковымъ) отправился въ Сибирь. Изъѣздивъ всю Сибирь, Гмелинь возвратился въ Петербургъ въ февралѣ 1743 года. Плодомъ этого ученаго путешествія была *Flora sibirica* (5 томовъ), считающаяся до нынѣ классическою.

Выѣхалъ изъ Россіи на родину въ 1747 году и умеръ въ Тюбингенѣ въ 1755 году.

Гябдичъ Петръ Петровичъ, уроженецъ изъ Полтавы, учился 8 лѣтъ въ Лейпцигскомъ и Вѣнскомъ университетахъ, а потомъ въ Берлинѣ и получилъ дипломъ въ Лейпцигѣ 9 апрѣля 1780. Экзаминованъ Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и получилъ право практики 6 мая 1782 года.

Гольцъ Юганнь (Johann Christoph Holtz) состоялъ нѣкоторое время въ Ревельскомъ морскомъ госпиталѣ и уволенъ изъ него 18 августа 1791 и 25 сентября тогоже года переведенъ въ Воронежское намѣстничество.

Готлибсонъ Юганнь, пруссакъ, учился въ Кенигсбергѣ и въ Берлинскомъ госпиталѣ шесть лѣтъ, при докторахъ Котениусѣ и Шмукерѣ. Въ 1782 году вызванъ въ польскую службу при турецкой границѣ и для предохраненія отъ чумы; затѣмъ былъ въ кievскомъ воеводствѣ въ Овручскомъ повѣтѣ. По экзамену д-рами Шенфогелемъ и Килевейномъ признанъ докторомъ 22 января 1793 года и опредѣленъ въ Минскую губернію въ Бобруйскій уѣздъ, съ жалованьемъ по 400 руб., гдѣ и утвержденъ 2 октября 1797 года.

Горголи Савва Деметъевичъ (Sawa Gorgolius) родился въ Нѣжинѣ, сынъ тамошняго греческаго вупца Деметія Ивановича Горголи. Въ 1755 году отецъ отправилъ его въ Галле, въ университетъ, учиться медицинѣ. Оттуда онъ ѣздилъ въ Австрію и Италію, и возвратившись въ Галле и напечатавъ диссертацию *De generali recidivarum pathologia et praxi*, 1763, получилъ докторскій дипломъ. Въ медицинской канцеляріи экзаминованъ Да-

лемъ, Янишемъ, Маттеи и Лерке и получилъ право практики 21 июля 1763 года.

Въ 1764 году утвержденъ былъ медицинскій штатъ Новороссійской губернии и докторомъ опредѣленъ туда, 15 июля 1766 года, С. Д. Горголи, съ жалованьемъ по 400 р. ежегодно деньгами и по 240 десятигъ земли единовременно. Жилъ онъ въ Кременчугѣ. Прослуживъ тутъ ровно десять лѣтъ, С. Д. Горголи переведенъ (11 февраля 1776) въ морской кадетскій корпусъ, съ жалованьемъ по 700 р. 120 р. квартирныхъ и двумя денщиками, т. е. по 2½ р. въ годъ. Въ февралѣ 1778 года, на мѣсто умершаго доктора Энса, Горголи назначенъ на его мѣсто «для призрѣнiя и пользованiя одержимыхъ оспою, корью и лопухю и другими подобными сыщями въ С.-Петербургѣ или гдѣ Е. И. В. присутствовать впредь будетъ». Ослепшему доктору назначалось жалованья 600 р. и на квартиру и экипажъ 200 р. Двумъ лѣкарямъ, помощникамъ его, жалованья полагалось по 240 р. и на квартиру и экипажъ по 60 р. Служба эта была очень тягостна. При Горголи состояли два штаб-лѣкаря на лѣкарскихъ вакансiяхъ, Ремеръ и Гриневскiй. Гриневскiй жаловался (20 января 1780), что онъ въ отчаянiи отъ заботъ, работъ и горя. Потерялъ 4 лѣтяго сына отъ оспы. лѣчить котораго было нѣкому. Должно было ежедневно ѣздить въ Воспитательный Домъ лѣчить больныхъ оспою, а извозчики дороги. Захворалъ другой сынъ полтора года, а лѣчить нечѣмъ. Денегъ нѣтъ, жить нечѣмъ, а другая практика запрещена. За положенныя квартирные деньги нельзя нанять порядочной квартиры, да и обыватели не охотно отдають имъ хорошия квартиры, боясь ихъ профессiи. Гриневскiй просилъ другой службѣ, и медицинская коллегiя назначила его для пользованiя чпновъ ея и для инструментальнаго департамента (февраль 1780). Другой штаб-лѣкаръ Ремеръ (4 марта 1780) умеръ и на его мѣсто опредѣленъ къ оспѣ Карлъ Кизеръ. Онъ сталъ искать квартиры и не нашель: всѣ обыватели отказывались принять его. Это его измучило. Онъ захворалъ кровехарканьемъ и подалъ въ отставку, или къ прежнему мѣсту въ сиб. генеральный адмиралтейскiй госпиталь и возвращенъ туда, а къ оспѣ на его мѣсто переведенъ изъ этого госпиталя Кузьма Сидоровичъ. Онъ нанялъ было квартиру у купца на петербургской сторонѣ: но какъ скоро хозяинъ узналъ профессiю жильца—отказалъ ему. Потомъ, не подалеку отсюда, нанялъ было у отставнаго секретаря Ивана Кирикова: но она оказалась угарна. Затѣмъ взялъ у Введенской церкви у поручика Ильина: но вскорѣ и эту должень былъ оставить и взялъ у содержателя невскихъ мостовъ на набережной Исаи Абрамова Тучкова.

Всѣ эти неудобства, безъ сомнѣнiя, раздѣляя въ нѣкоторой степени и докторъ Горголи и потому желалъ переимѣнить родъ службѣ. Желанiе его скоро было исполнено: 13 января 1780 года онъ переведенъ былъ докторомъ къ инженерному и артиллерiйскому корпусу, съ жалованьемъ по 800 р. 10 рад.

и 2 денщиками, а на его мѣсто къ сыпьямъ назначенъ практиковавшій въ Москвѣ докторъ Францъ Карль Мельцеръ. 12 августа 1781 года С. Д. Горголи указомъ сената назначенъ членомъ медицинской коллегіи, а десять лѣтъ спустя, указомъ же сената 21 октября 1791 года, по прошенію, «за болѣзненными припадками», уволенъ отъ должности въ медицинской коллегіи, «съ правомъ ожидать награжденія чиномъ вмѣстѣ съ прочими».

Горголи Иванъ Дементьевичъ, грекъ изъ Нѣжина, братъ предыдущаго, учился съ 1759 года въ Галле, Страсбургѣ и Берлинѣ и въ Галле, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio inauguralis, qua proposita a claris. Mackbride putredinis theoria examini subjicitur*, получилъ докторскій дипломъ (10 августа 1768 года). Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Кронштадтъ для экзамена, но захворалъ и уѣхалъ въ Нѣжинъ не экзаминовавшись. Затѣмъ чума и карантинъ помѣшали ему ѣхать на экзаменъ. Наконецъ въ сентябрѣ 1784 года, во уваженіе медицинской его дѣятельности въ Нѣжинѣ во время чумы, получилъ право практики безъ экзамена въ медицинской коллегіи.

Горнборгъ Иванъ (Johann Hognborg), родомъ изъ Выборга, учился въ Геттингенѣ и въ Або три года, въ Упсалѣ 7 лѣтъ и въ этомъ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ (24 сентября 1774). Между прочими документами онъ представилъ собственноручный латинскій аттестатъ Линнея, написанный въ Упсалѣ 5 ноября 1774 года. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи (31 января 1775) Тихорскимъ, Раушертомъ и Линдеманомъ и не выдержалъ экзамена. Вторично экзаминованъ (8 октября 1776 года) Ашемъ, Пекеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики въ Россіи.

Горнъ Вильямъ не имѣлъ повидимому докторской ученой степени, но принятъ былъ въ русскую службу Петромъ I въ 1717 году «для показанія лѣкарямъ операцій бандажей (малой хирургіи), а временемъ и въ анатоміи». Онъ принятъ былъ по контракту на одинъ годъ, съ жалованьемъ по 250 р. въ годъ. Въ 1719 году контрактъ съ нимъ возобновленъ и онъ названъ тутъ «первымъ надворнымъ лѣкаремъ», съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ.

Горнъ Юганъ, лѣкарь 1 Тобольскаго батальона, опредѣленъ былъ туда 29 апрѣля 1790, но не поѣхалъ по болѣзни и потребовалъ докторскаго экзамена. Ему дали тему *De tussi*, на которую онъ написалъ отвѣтъ и признанъ «докторомъ» (16 сентября 1790). Послѣ этого уже и не могъ ѣхать, такъ какъ мѣсто не соответствовало званію его.

Гороховскій Маркъ Ивановичъ, родомъ изъ Кіева, учился первоначально въ Кіевской академіи, откуда въ 1785 году поступилъ въ Московскій университетъ. Кончивъ тамъ теоретическій курсъ, онъ долженъ бы былъ получить докторскій дипломъ, но желалъ ѣхать за границу для усовершенствованія. Поѣздка однакожь не удалась. Тогда онъ экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи (22 декабря 1792) и не выдержалъ экзамена. Вторичный

экзаменъ кончился тоже неудачно, 21 сентября 1793. Послѣ того опредѣленъ былъ подлѣкаремъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь. Въ началѣ декабря 1795 года онъ, чрезъ доктора Тихорскаго, представилъ въ коллегію «обсервацию» на латинскомъ языкѣ. Она была одобрена и 29 декабря 1795 онъ защищалъ ее въ коллегіи, 2 января 1796 г. онъ былъ опять экзаменованъ и признанъ докторомъ съ правомъ практики и съ оставленіемъ въ томъ же госпиталѣ на подлѣкарской вакансіи. Но онъ не хотѣлъ этого, 19 февраля 1796 года просился въ Кавказское наместничество и опредѣленъ туда. Кажется, однакожь, онъ не поѣхалъ на Кавказъ или пробылъ тамъ не долго, потому что 7 августа 1797 года онъ опредѣленъ былъ докторомъ Воронежской губерніи съ жалованьемъ по 400 р. Наконецъ 18 декабря 1800 года опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, главнымъ докторомъ Балтійскихъ флотовъ, на мѣсто уволеннаго отъ службы доктора Бахерахта. Черезъ годъ послѣ этого онъ просился въ другое мѣсто, и просился по странной причинѣ, а именно потому, какъ онъ самъ говоритъ, что «при отправленіи моей столь обширной должности чувствую не малое затрудненіе удовлетворять всѣ безъ изыятія требованія, отъ разныхъ командъ мнѣ чинимыя касательно дѣланія свидѣтельствующей флотскимъ и адмиралтейскимъ чиновникамъ, отсылающимися большими, и пользованіе такихъ даже чиновниковъ, кои, не призывая къ себѣ для леченія въ ихъ болѣзняхъ, желаютъ, дабы я самъ собою узнавалъ, что они находятся большы и ихъ бы посѣщалъ. А потому опасаясь подпасть невинно со стороны начальства дальнѣйшимъ нареканіямъ, нахожусь принужденнымъ медицинскую коллегію покорнѣйше просить уволить меня отъ флота и опредѣлить въ другое какое либо мѣсто, соответственное нынѣ мною занимаемому, гдѣ я, отправляя по возможности своихъ силъ должность, могъ бы оказать мое къ службѣ усердіе» (26 ноября 1801). Онъ по этой просьбѣ переведенъ былъ инспекторомъ Слободско Украинской врачебной управы (9 января 1802) съ жалованьемъ по 700 р. А на его мѣсто, для управленія по флотамъ медицинскими дѣлами назначенъ оспенный докторъ Христіанъ Цуберъ, съ жалованьемъ по 1000 руб. въ годъ.

Гортеръ Іоганнъ (Hermann K. Voerhaave de Gorter) родился 19 февраля 1689 года въ городѣ Энкюзенѣ, въ Остѣ-Фрисландіи, и учился медицинѣ въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ и получалъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De obstructione*, въ 1712 году. Въ 1726 году онъ былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ въ Гардервикскій университетъ. Отсюда-то, по именному указу императрицы Елисаветы Петровны, данному правительствующему сенату 8 сентября 1754 года, приняты въ русскую службу, приглашенные посланникомъ нашимъ въ Голландію графомъ Головкинымъ, по контракту на 4 года, архіатеръ и профессоръ медицины Іоганнъ Гортеръ и сынъ его, докторъ медицины и профессоръ ботаники и медицины Давидъ Гортеръ, первый вторымъ лейбъ-медикомъ съ жало-

ваньемъ по 5000 р. или 12500 голландскихъ гульденовъ, а послѣдній третьимъ лейбъ-медикомъ, съ жалованьемъ по 4000 р. или 10000 голландскихъ гульденовъ въ годъ. Условія, на которыхъ они согласились вступить въ русскую службу, такъ притязательны и показываютъ такое корыстолюбіе и надменность, что кажутся нынѣ едва вѣроятными: однакоже графъ Головкинъ подписалъ ихъ въ Петѣ 9 іюля 1754 года. Такъ въ контрактѣ съ Гортеромъ отцомъ сказано: что 1) онъ будетъ получать жалованья по 5000 р. или 12500 гол. гульденовъ въ годъ, а еслибъ онъ умеръ въ русской службѣ (ему тогда было около 65 лѣтъ), то женѣ его будетъ выдаваема пожизненная пенсія по 1200 руб. или по 3000 гол. гульденовъ въ годъ — все равно, останется ли она жить въ Россіи или возвратится въ Голландію. 2) Также пенсія будетъ выдаваема женѣ его и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ умеръ въ дорогѣ, не доѣхавъ до Россіи. 3) Если бы русскій воздухъ оказался ему вреденъ и онъ останется въ Россіи не захотѣлъ, то ему вольно возвратиться домой или въ иное выѣхать мѣсто, и въ такомъ случаѣ ему давана будетъ пожизненная пенсія по 2500 рубл. или 6250 гол. гульденовъ. 4) Онъ будетъ безошлинно выписывать нужные ему припасы изъ чужихъ краевъ до 1000 гульденовъ или же ему будетъ ежегодно выдаваема эта сумма для платежа самому пошлинь. 5) На проѣздъ въ Россію ему дано будетъ единовременно 600 червонцовъ, а равно и на обратный путь, еслибъ онъ не захотѣлъ остаться въ Россіи. 6) Ему дозволена будетъ свобода вѣронсповѣданія. 7) Каждый день ему будетъ присылаема изъ дворцовой конюшни карета съ парой лошадей, а когда поѣдетъ съ дворомъ въ какой либо увеселительный домъ, то давать карету съ шестью лошадьми, смотря на разстояніе одного мѣста отъ другаго, и въ такомъ случаѣ давать пристойную квартиру и столъ при дворѣ; а что до стола и квартиры въ городѣ, то дозволить ему такія же выгоды, какъ и прочимъ лейбъ-медикамъ 8) Ему можно будетъ обучать и содержать коллегію въ наукахъ своихъ, такожъ и пользоваться людей въ городѣ, ибо въ томъ никогда запрещенія не бывало.

Гортеръ Давидъ (J. Voerhaave David de Gorter), сынъ предыдущаго, родился въ Эйхузенѣ и учился медицинѣ въ Лейденѣ и Гардервикѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ. Получилъ докторскій дипломъ въ Гардервикскомъ университетѣ въ 1734 году, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Expositio magni Hippocratis aphorismi XI, sect. I.* Въ послѣдствіи былъ профессоромъ медицины и ботаники въ Гардервикѣ и вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Іоганномъ де-Гортеромъ приглашенъ былъ русскимъ посланникомъ графомъ Головкинымъ въ русскую службу третьимъ лейбъ-медикомъ, по контракту на четыре года. Контрактъ его, заключенный съ русскимъ посланникомъ, былъ такой же, какой заключенъ былъ отцомъ его, съ тою разницею, что жалованья назначалось 4000 р. или 10000 гол. гуль-

деновъ; еслиже онъ захочетъ выѣхать изъ Россіи, то пожизненная пенсія въ 2000 р. или 3000 гульденовъ, а въ случаѣ его смерти въ русской службѣ вдовѣ его пожизненная пенсія въ 1000 р. или 1500 гульденовъ.

По прїѣздѣ ихъ, отца и сына Гортеровъ, въ Петербургъ, первое затрудненіе было въ присягѣ: они не знали нѣмецкаго языка и потому отказались присягать по нѣмецкимъ присяжнымъ листамъ. Тогда въ юстицъ-коллегіи отысканы были два латинскихъ листа, на которыхъ они и присягнули въ своей квартирѣ (22 октября 1754 года), вычеркнувъ при подпискѣ ихъ въ началѣ слова: *ejusque sanctum evangelium*, а въ концѣ листа слова: *ita verbum Dei per Jesum Christum enunciatum te sospitat*, на томъ основаніи, что реформатское исповѣданіе не допускаетъ этихъ фразъ. Когда присяжные листы съ помянутыми представлены были въ медицинскую канцелярію, то директоръ ея П. З. Кондонди не призналъ ихъ законными, а равно не призналъ и присяги, произведенной въ своей квартирѣ (реформатская церковь была тогда закрыта временно по какому-то судебному дѣлу). Гортеры заупрямились было: но Кондонди пригласилъ ихъ къ себѣ и объявилъ, что если не желаютъ присягнуть какъ присягаютъ всѣ христіане, и притомъ въ медицинской канцеляріи, то принуждать никто не будетъ; но только отказъ ихъ будетъ сочтенъ равносильнымъ уничтоженію заключеннаго съ ними контракта. Этотъ аргументъ подѣйствовалъ и они присягнули во второй разъ въ медицинской канцеляріи (31 октября) по нѣмецкому присяжному листу безъ всякихъ помянутыхъ его.

Другое затрудненіе состояло въ пріобрѣтеніи права медицинской практики въ Россіи посредствомъ предписаннаго для иностранцевъ экзамена въ медицинской канцеляріи. Гортеръ отецъ былъ освобожденъ отъ него, какъ архіятеръ и профессоръ Гардервикской академіи; но Гортеръ сынъ не имѣлъ этихъ правъ и потому подлежалъ общему закону. Ему однакожь не хотѣлось экзаменоваться, такъ что онъ предпочиталъ даже возвратиться на родину, чѣмъ подвергаться превратностямъ экзамена. Въ этихъ-то обстоятельствахъ данъ былъ медицинской канцеляріи слѣдующій именной указъ: «Всемилютевѣйше указали мы нашего второго лейбъ-медика Юганна де Гортера сыну, медицины доктору Герману Бургааве де Гортеру, позволить по наукѣ и желанію своему имѣть свободную практику медицинскую, увольняя притомъ подлежащаго отъ оной канцеляріи докторскаго экзамена, въ разсужденіи что отецъ его, означенный нашъ второй лейбъ-медикъ, ему Герману собственно учителемъ и въ чинѣ докторскій въ Гардервикской академіи производителемъ былъ; прочимъ же, безъ выписыванія прибывающимъ въ имперію нашу изъ чужихъ краевъ докторамъ, сіе не въ примѣръ, но всякій желающій имѣть въ государствѣ нашемъ вольную практику или и принятіе службы нашей, въ силу прежнихъ указовъ неизъемлемо отъ канцеляріи медицинской въ искуствѣ ихъ по регуламъ экзаминованы да будутъ, а безъ такого экзамена, какъ

позволенія вольной практики, такъ и принятія въ службу нашу не чинить, и повелѣваемъ нашей медицинской канцеляріи учинить по сему нашему указу.

Елисаветъ.

Марта 7 дня 1755 года.

Впослѣдствіи указъ этотъ имѣлъ весьма важное значеніе. Всѣ иностранцы, которые, бывъ *приглашены* въ Россію, имѣли докторскій дипломъ, были освобождаемы отъ экзамена на право медицинской практики въ Россіи, хотя бы *выписываемы* были и не для медицинскихъ наукъ.

Лейбъ-медикъ Іоганнъ де Гортеръ, пробывъ въ Россіи четыре года и лишившись тамъ жены, рѣшился возвратиться на родину (1758) и получилъ лестный аттестатъ отъ императрицы и пенсію по 2500 р. въ годъ.

Умеръ на 74 году жизни, 11 сентября 1762 года, въ мѣстечкѣ Вибби Дуртскъ близъ Утрехта. Сынъ его Давидъ Гортеръ, немедленно по прибытіи въ Петербургъ, опредѣленъ на службу ко двору и 15 ноября 1754 года назначенъ къ пользованію фрейлинь и пажей при дворѣ и пробылъ тамъ до 1761 года. Умеръ 1783 года.

Биографія Гортеровъ напечатана въ *Исторіи медицины* Рахтера, III, ст. 469 гдѣ исчислены сочиненія ихъ.

Гофманъ Петръ (Peter Friedrich Hoffmann), сынъ петербургскаго архитектора, учился въ Геттингенѣ и Галле и напечатавъ диссертацию *De uteri morbis a vita sedentaria respectu menstruorum*, получилъ докторскій дипломъ (15 ноября 1777 года). Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Пеккеномъ и получилъ право практики въ Россіи (19 мая 1778). Немедленно послѣ того назначенъ былъ въ Тобольскую губернію докторомъ (18 іюня 1778), но не успѣлъ туда уѣхать, какъ командированъ въ 1 армию (20 іюля). 16 марта 1783 года переведенъ былъ въ Воронежскую 8 дивизію, а оттуда профессоромъ въ с.-петербургское медико-хирургическое училище (28 января 1787 года), на кафедру патологіи и *praxis medicae*, съ жалованьемъ по 1000 руб., а потомъ преподавалъ тѣже науки въ Калининскомъ хирургическомъ институтѣ. Онъ рѣдко читалъ лекціи и посѣщалъ госпиталь, ссылаясь на то, что готовится къ печати описаніе растений. Отставленъ по высочайшему повелѣнію (27 апрѣля 1800) съ производствомъ въ пенсію половиннаго жалованья и съ высылкою за границу.

Гофманъ Вильгельмъ (Wilhelm Ludwig Hoffmann), родился въ Дармштадтскомъ городѣ Умштадтѣ, учился въ Геттингенѣ и въ Гейдельбергѣ и въ этомъ послѣднемъ университетѣ, напечатавъ диссертацию: *Dissertatio constitutionem epidemicam Heidelbergensem a septembri anni 1781 ad finem iunii 1782 catharrhique hujus anni epidemici enarrationem exhibens*, получилъ докторскій дипломъ (28 августа 1782). По взаимному [въ медицинской коллегіи получилъ право практики (2 ноября 1782)

и назначенъ въ Курское намѣстничество (1782, а оттуда въ Херсонскій карантинъ съ 16 ноября 1783). Уволенъ по прошенію отъ службы (сентябрь 1784) не поладивъ съ генералъ-поручикомъ Гудовичемъ изъ за доктора коллежскаго ассесора Самойловича, котораго вн. Потемкинъ назначилъ смотрѣть за безопасностью Новороссійскаго края отъ чумы.

Гофманъ Карлъ (Carl Ferdinand Hoffmann) изъ Бреславля въ Шлезіи, учился въ Франкфуртѣ, Лейпцигѣ и Галле и въ послѣднемъ получилъ дипломъ. По экзамену въ коллегіи получилъ право практики 5 сентября 1784 года. Преподавалъ нѣкоторое время *materiam medicam* въ Калининскомъ хирургическомъ институтѣ (1799).

Гофманъ Тома (Thomas Hoffmann) изъ Гамбурга, учился въ Базелѣ и получилъ дипломъ 11 іюня 1771. Экзаминованъ въ коллегіи и не выдержалъ экзамена (15 іюля 1784); вторично экзаминованъ и получилъ право практики (12 августа 1784), и опредѣленъ въ Полоцкое намѣстничество а оттуда во 2 дивизію, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рап. и 2 денщикамъ, (7 декабря 1787). Онъ отправился въ заграничный походъ, подъ командою барона Эльмита, и дойдя въ Польшу умеръ, 13 мая 1788 года, въ мѣстечкѣ Красномъ.

Графъ Иванъ (Johann Friedrich Grahl) первоначально учился въ с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ при с.-петербургскихъ госпиталяхъ вольнослушателемъ и произведенъ въ дѣкаря 12 іюля 1789. Потомъ поѣхалъ въ Іену, гдѣ и получилъ дипломъ. Возвратившись экзаминованъ и 3 мая 1791 года получилъ право практики въ Россіи и опредѣленъ въ Пермское намѣстничество. Онъ состоялъ тамъ на вакансіяхъ въ Ирбити, въ Алапаевскѣ, но жилъ постоянно въ Перми и наконецъ по просьбѣ пермскаго губернскаго правленія зачисленъ городовымъ докторомъ въ Пермь (6 іюля 1797), съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ.

Грегори Иванъ (Johann Gottfrid Gregory), родомъ изъ Москвы, учился медицинѣ въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ дипломъ, напечатать диссертацию: *De parte medicinae consultatoria, 1740*. Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, и вѣроятно по экзамену въ медицинской канцеляріи, опредѣленъ старшимъ докторомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь (22 іюня 1742 года), на мѣсто уволеннаго д-ра Сигезбека, съ жалованьемъ по 400 р., «впредь до усмотрѣнія прилежности его и искусства», и весьма скоро (въ сентябрѣ того же года) получилъ прибавку 100 р. 1 іюля 1746 переведенъ дивизионнымъ докторомъ въ Московскую дивизію— и по весьма странному поводу—чтобы приготовить мѣсто ожидавшемуся въ то время изъ Голландіи глухому Абраму Кау Бургааву. Въ Москвѣ ему не посчастливилось: онъ захворалъ (говорять—бѣлою горячкою) и уволенъ отъ службы (27 февраля 1750 года); но черезъ годъ опять просился на службу и 23 сентября 1751 опредѣленъ по прежнему докторомъ при урянскаихъ

армейских полкахъ. Грегори долго не ѣхалъ изъ Москвы и указомъ медицинской канцеляріи приказано (29 января 1752) непременно выслать его отсюда въ три дни. Въ 1754 году Грегори назначенъ старшимъ докторомъ въ Астраханскій госпиталь, на мѣсто А. Севасто, и тутъ умеръ въ началѣ 1756 года.

Гривъ Джемсъ (James Grieve), англичанинъ, принявъ въ русскую службу 19 мая 1734 года къ канцеляріи главнаго правленія сибирскихъ и казанскихъ заводовъ и оставался тамъ до 1737 года. Оттуда перешелъ къ Оренбургской пограничной комисіи, по контракту, съ жалованьемъ сперва по 600 р. а потомъ по 800 р. (съ 3 іюня 1742 по 1744). Послѣ того состоялъ докторомъ при с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, съ жалованьемъ по 650 р., и далѣе при с.-петербургской дивизіи или какъ тогда называли—при полкахъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ расположенныхъ. 12 октября 1747 оцъ опредѣленъ штатдгъ-физикомъ въ С.-Петербургъ и по распоряженію архієтера Вургава назначенъ помощникомъ ему въ управленіи медицинской канцеляріею (10 января 1750), (*medicus consiliarius*), а черезъ годъ послѣ того переведенъ штатдгъ-физикомъ же въ Москву съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ. Прослуживъ въ Россіи почти 23 года, онъ сталъ просить отставки «за старостью и домашними обстоятельствами», уволенъ отъ службы 17 апрѣля 1757 года и уѣхалъ на родину съ женою Елисаветою и сыномъ Яковомъ.

Гривъ Иванъ Яковлевичъ, (John Grieve), сынъ доктора русской службы Джемса Грива; родомъ изъ Эдинбурга, учился въ университетѣ 6 лѣтъ и получилъ дипломъ (2 октября 1777 года). Экзаминованъ въ коллегіи, получилъ право практики въ Россіи (14 іюня 1778), и опредѣленъ на службу въ Воронежскую дивизію, гдѣ оставался до марта 1783 года. Въ послѣдствіи времени былъ лейбъ-медикомъ императора Павла, жилъ въ Гатчинѣ, и пользовался общимъ уваженіемъ. Это доказывается слѣдующимъ рескриптомъ на имя с.-петербургскаго генераль-губернатора графа Палена: «Господинъ генераль отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ. Состоящій въ казенномъ вѣдомствѣ въ 1 адмиралтейской части, подъ н^о 54, бывший нажескій домъ всемилостивѣйше пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе лейбъ-медику коллежскому совѣтнику Гриву, со всѣми принадлежащими оному дому мѣстамъ и строениямъ, въ слѣдствіе чего имѣете вы сдѣлать по сему предмету должное распоряженіе. Пребываетъ къ вамъ благосклонны. *Павелъ*».

С.-Петербургъ, декабря 30 день 1799 года.

Почти въ тоже время лейбъ-медикъ Гривъ, «отличавшійся знаніемъ по учености», признанъ медицинской коллегіею почетнымъ ея членомъ (22 марта 1800). Родная сестра этого лейбъ-медика Грива была замужемъ за лейбъ-медикомъ императора Петра III и архієтеромъ Я. Монзесемъ.

Грумбахъ Карль (Carl Ferdinand Grumbach), саксонецъ, учился въ Лейпцигѣ и Виттенбергѣ, а наконецъ въ Эрфуртѣ, всего 6 лѣтъ, и получилъ дипломъ въ Эрфуртѣ. Получилъ право практики въ декабрѣ 1784 и практиковалъ въ Вольмарѣ лифляндской губерніи.

Груммертъ Карль (Carl Michael Grummert), родился въ Москвѣ и первоначально учился въ московской госпитальной школѣ на своемъ содержаніи. Потомъ учился въ Берлинѣ и Геттингенѣ 4 года и напечаталъ диссертацию *De structura uteri sana ejusque proclivitate ad morbos*, получилъ дипломъ. Экзаменованъ въ 1787 году, получилъ право практики и поселился въ горъ Спасскѣ Рязанской губерніи. Въ 1795 году просился преподавать акушерство, но получилъ отвѣтъ, что на это мѣсто опредѣленъ уже профессоръ докторъ Борнъ.

Грюнъ (Johann Gottfried Grün) учился въ Іенѣ пять лѣтъ и получилъ дипломъ. Экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи, но не выдержалъ экзамена (1795); экзаменованъ вторично и получилъ право практики (26 января 1797).

Фанъ-деръ-Гульстъ Захаръ Захаровичъ (Zacharias Van der Gulst) родился въ Москвѣ, гдѣ отецъ его (того же имени и фамиліи) состоялъ докторомъ при аптекарскомъ приказѣ и въ придворной службѣ. Сынъ его ѣздилъ за границу для ученія медицинѣ (въ 1705 году), выдержалъ докторскій экзаменъ въ Лейденѣ (1713) и по возвращеніи былъ старшимъ докторомъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя и вмѣстѣ учителемъ для подлѣварей и учениковъ этого госпиталя. Потомъ жилъ въ Москвѣ и когда учреждено было «Докторское Собраніе», вмѣсто аркіатерства, онъ находился (1730) въ числѣ пяти докторовъ—членовъ этого учрежденія.

Гукенбергеръ Іоакимъ (Joachim Guckenberger) принятъ по рекомендаціи Циммермана и 23 мая 1788 года опредѣленъ въ с.-петербургскій генеральный адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 800 р. 19 августа 1790 перемѣщенъ въ коллегію въ помощь штатдѣ-физику Крутта, по старости его. Уволенъ отъ службы 29 марта 1792.

Гушъ Оттонъ (Otto Huhn), изъ Митавы, учился въ Геттингенѣ 4 года и получилъ дипломъ (14 февраля 1788). Получилъ право практики 25 іюня 1789, и по приказанію Фитингофа опредѣленъ въ Рижскій госпиталь, въ помощь д-ру Борнеману, съ жалованьемъ по 400 рублей.

Гутри Матвѣй (Matthew Guthrie). Первоначально былъ лѣваремъ и получилъ право лѣварской практики 17 сентября 1769 года. За тѣмъ уѣхалъ въ Шотландію, учился въ университетѣ Св. Андрея и получилъ тамъ докторскій дипломъ (16 апрѣля 1770). Экзаменованъ Ашемъ и Пеккеномъ и получилъ право практики (22 марта 1778 года). Онъ состоялъ болѣе 20 лѣтъ въ русской службѣ и особымъ именнымъ указомъ сенату императора Павла Петровича, 31 декабря 1798 года, повелѣно: «коллегскаго совѣтника»

и доктора Гутри за усердную и долговременную службу всемилостивѣйше жалуетъ въ наши штатскіе совѣтники, повелѣваемъ ему производить, сверхъ получаемаго имъ по должности жалованья, по 500 р. въ годъ по смерти.

«Павель».

Гутслевъ (Johann Gutsleff) родился въ Лифляндіи, близъ Пернова, въ пасторатѣ св. Іоанна; учился въ Галле и въ 1760 году получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию: *De martiali terra foliata niri ejusque liquore*, Halle 1760. Затѣмъ пробылъ нѣсколько времени въ Кьль и 6 сентября 1761 года прибылъ въ Петербургъ. Экзаминованъ въ медицинской канцеляріи Энсомъ, Пюнгюсси и Далемъ, «ex cujus responsionibus apparuit ipsum non mediocrem in arte medica addiscenda diligentiam adhibuisse» и получилъ право практики (24 сентября 1761, а 30 ноября назначенъ докторомъ въ Вишофвердерскій госпиталь (при началѣ семилѣтней войны), съ жалованьемъ по 300 р. и 6 раціонами. Но едва пріѣхалъ туда, захворалъ горячкою и 10 іюля 1762 года умеръ.

Губнеръ Людвигъ (Ludwig, Heinrich Rudolff Hübner) изъ Франкфурта, учился въ Лейпцигѣ и въ Тюбингенѣ, и въ послѣднемъ, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio de se ipso, olim varioloso et morbillosa*, получилъ дипломъ 24 апрѣля 1778 года. Получилъ право практики 25 февраля 1781 года.

Гюйонгюсси а Петени Павель (Paulus Guyongyossi a Petteny), голландецъ. Когда докторъ Абрамъ Кау Бургавъ (глухой) оставилъ госпитальную службу и перешелъ въ спб. академію наукъ, онъ вызвалъ изъ Голландіи въ Петербургъ доктора Лейденскаго университета Павла Гюйонгюсси а Петени, «по особливому въ медицинѣ и во всѣхъ принадлежащихъ до оной науки частяхъ искусству» и опредѣлилъ его (черезъ брата своего) старшимъ докторомъ спб. генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя, по контракту на пять лѣтъ (съ 1 іюля 1753), съ жалованьемъ по 600 р. и обѣщаніемъ прибавки, а на проѣздъ особо 100 р. Былъ онъ повидимому образованный человекъ. Судить объ этомъ можно потому, что во первыхъ послѣ него осталось 9 томовъ собственноручныхъ записокъ. Записки эти состояли изъ филологическихъ выписокъ и замѣчаній о восточныхъ языкахъ—еврейскомъ, арабскомъ, сирійскомъ и другихъ. Манускрипты эти очень любопытны и ориенталисты хвалили ихъ. По приказанію императрицы они переданы въ бібліотеку спб. академіи наукъ. Во вторыхъ, когда въ госпитальныхъ училищахъ начинало расширяться преподаваніе, онъ предложилъ свои услуги (25 іюля 1758) преподавать подлѣбарамъ и ученикамъ обоимъ спб. госпиталей афоризмы Бургава, матерію медику, фізіологію на препаратахъ по методу Албинуса и патологию по книгѣ Гаубія, наравнѣ съ доцентами и съ тѣмъ чтобы въ одинъ годъ окончить всѣ эти науки. Медицинская канцелярія одобрила это и 12 сентября 1758 года положила

прибавить ему 100 р. въ жалованью. Отсюда д-ръ Гюйонгюйоси переведенъ былъ въ морской шляхетный кадетскій корпусъ; а потомъ состоялся слѣдующій высочайшій указъ медицинской коллегіи: «Находящагося при морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ всемилостивѣйше пожаловали мы въ наши придворные доктора, повелѣвая жалованье производить ему противъ прочихъ нашихъ придворныхъ докторовъ, изъ оной коллегіи, до сочиненія штата при дворнаго». Умеръ въ Москвѣ 31 мая 1763 года. «Екатерина».

12 сентября 1766 г. С.-Петербургъ

Гюйонъ Иванъ (Johann Guyon), стат. совѣтникъ, получилъ докторскій дипломъ въ Килѣ (2 февраля 1758 года), и предъявивъ его, признанъ медицинскою коллегіею, по приказанію архіатера Я. Монзея, докторомъ медицины безъ экзамена (7 февраля 1762), а чрезъ недѣлю послѣ того (14 февраля) назначенъ, по повелѣнію Петра III, лейбъ-медикомъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ жалованьемъ по 4000 рублей.

Гюльденштедтъ Антонъ (Anthon Johann Glüdenstaedt), родомъ изъ Риги, учился въ разныхъ университетахъ и въ 1761 году получалъ дипломъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ, напечатавъ диссертацию: *Theoria virium corporis humani primitivarum* (31 декабря 1767). Бывъ въ Берлинѣ, онъ вызванъ былъ въ спб. академію наукъ адъюнктомъ по естественной исторіи, экономіи и медицинѣ. Съ высочайшаго соизволенія путешествовалъ по Россіи съ 1768 по 1775 годъ, изслѣдывая воды на Терекѣ. Въ 1771 произведенъ изъ адъюнктовъ въ профессора естественной исторіи. Получилъ право медицинской практики въ Россіи безъ экзамена 19 іюня 1777 года.

Гюнтеръ Давидъ (David Günther), изъ Помераніи, учился въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ шесть лѣтъ и въ Кенигсбергѣ получалъ дипломъ. По экзамену получилъ право практики 21 сентября 1789. 14 января 1790 опредѣленъ въ Курское намѣстничество. Оттуда поступилъ въ военную службу при войскаѣ въ Виленской губерніи и переведенъ главнокомандовавшимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ въ отрядъ содержащій кордонъ на границѣ съ Польшею (9 марта 1794). Затѣмъ дивизионнымъ докторомъ при корпусѣ войскъ генералъ-маіора Моркова въ Польшѣ (сентябрь 1795).

Даль Иванъ Матвѣевичъ (Johann Christian Dahl), родомъ датчанинъ изъ Данцига, учился въ Іенѣ и въ Эрлангенѣ по три года и получилъ дипломъ, Пріѣхавъ въ Россію черезъ Ригу и по экзамену въ коллегіи получилъ право практики 8 марта 1792 года, а 6 ноября тогоже года поступилъ въ Гатчинскую Наслѣдника Цесаревича волость для пользованія жителей и крестьянъ. По прошенію уволенъ отсюда 15 февраля 1796 и назначенъ въ Олонецкое намѣстничество, въ гор. Петрозаводскѣ (10 апрѣля 1796), на мѣсто уволеннаго штабъ-лѣвара Ратча.

Даль Кондратій (Conrad Dahl), родомъ изъ Пернова въ Лифляндіи, учил. ся съ Галле и получилъ тамъ докторскій дипломъ въ іюль 1752 года, напечатавъ диссертацию: *De incongruo diaphoreticorum usu frequenti affectuum exanthematicorum causa*. Halae 1751. По экзамену въ медицин. ской канцеляріи получилъ право практики 25 октября 1753, принявъ присягу на вѣрность службы. Въ то же время опредѣленъ лекціоннымъ докторомъ или младшимъ докторомъ въ спб. генеральный адмиралтейскій госпиталь (18 февраля 1754), на основаніи сенатскаго указа 5 февраля 1754 года объ учрежденіи доцентуры въ учебныхъ госпиталяхъ. Онъ читалъ лекціи въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ. Въ 1769 году 13 декабря назначенъ старшимъ докторомъ московскаго генеральнаго госпиталя. Даль былъ въ это время въ отпуску, въ Лифляндіи, и до его приѣзда госпиталемъ управлялъ докторъ Эразмусъ. При укомплектованіи арміи передъ турецкою войною, д-ръ К. Даль назначенъ былъ генеральнымъ штабъ-докторомъ 2 арміи подъ командою графа П. И. Панина, а его мѣсто въ московскомъ госпиталѣ отдано было д-ру Шафонскому.

Дебу Лука Лукичъ (Louis Debout), итальянецъ изъ Ливорно, принятъ въ русскую службу вице-адмираломъ Борисовымъ, лѣкаремъ во флотъ, 1780, съ жалованьемъ по 300 р. По прибытіи въ Россію опредѣленъ къ адмиралтейству для осмотра больныхъ служителей не исключительно изъ флота“ (26 августа 1781) а въ 1785 году произведенъ въ штабъ-лѣкари на лѣкарской вакансіи и причисленъ къ 1 дивизіи корабельнаго флота, съ жалованьемъ по 360 р. Еще бывши въ Италіи онъ издалъ два сочиненія 1) *Disertazione sopra le peripneumonie biliose che regnarano nel 1780* и 2) *Disertazione sur l'effetto della musica nelle malatie neurose*, 1780, и представивъ ихъ получилъ докторскій дипломъ отъ Тосканскаго университета въ 1781 году. Представивъ все это медицинской коллегіи, онъ признанъ «по извѣстнымъ коллегіи въ наукахъ его знаніямъ», докторомъ безъ экзамена, 20 января 1791 года. Въ это же время, по рекомендаціи доктора Бахерахта, ему, Дебу, во врачебной наукѣ весьма знающему и въ должностяхъ своихъ рачительному и прилежному, къ вѣщшему поощренію, адмиралтейскою коллегіею прибавлено 240 р. къ жалованью, и даже дана рекомендація на мѣсто старшаго доктора въ Кронштадтскій морской госпиталь (23 октября 1794 года): но опредѣленъ онъ былъ не въ госпиталь, а управляющимъ медицинскими дѣлами морскаго корабельнаго флота.

Наконецъ, по опредѣленію медицинской коллегіи, докторъ Л. Дебу «по извѣстнымъ въ свѣтъ изданнымъ его многимъ сочиненіямъ, за кои уже и признанъ сочленомъ разныхъ ученыхъ собраній и академій и по присланнымъ въ коллегію многимъ рукописнымъ, особеннаго уваженія заслуживающимъ observations, такъ какъ и разнымъ чертежамъ новозобрѣтенныхъ имъ хирургическихкихъ полезныхъ орудій» принятъ коллегіею въ почетные члены ея (4 сен-

тября 1794 года). Къ сожалѣнiю, ни сочиненiя, ни изобрѣтенiя хирургическихъ орудiй Дебу не сохранились. Но сохранилось извѣстiе о какомъ-то неудовольствiи его съ медицинскою коллегiею. Онъ три раза приглашаежъ былъ въ коллегiю по какому то дѣлу и не явился. За то оставленъ на службѣ при адмиралтействѣ на вакансiи старшаго лѣкаря съ жалованьемъ по 600 р. вмѣсто прежнихъ 750 р., которые онъ получалъ управляя медицинскими дѣлами балтiйскаго флота, для которыхъ назначенъ былъ штабъ-лѣбарь кол. сов. Иванъ Шаумбургъ (13 марта 1800). Онъ состоялъ на вакансiи штабъ-лѣкаря при временныхъ адмиралтейскихъ лазаретахъ въ С.-Петербургѣ и пользовался особымъ расположенiемъ адмирала генералъ-интенданта Балле и морскаго генералъ-кригсъ-комисара Кушелева (1862), въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Дейтрихъ Карлъ принятъ въ русскую службу, по высочайшему повелѣнiю на имя генералъ-поручика Михаила Никитича Кречетникова (13 iюля 1786), по контракту, въ Тульское намѣстничество, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

Деларивьеръ Жанъ (Jean, Nicolas Estienne De la Riviere), французъ изъ Литтики, учился въ Монпелье четыре года и получилъ дипломъ. Экзаминованъ въ медицинскою коллегiю и получилъ право практики (20 августа 1789) и тотчасъ же принятъ на службу и опредѣленъ на три года въ спб. генеральный адмиралтейскiй госпиталь съ жалованьемъ по 400 р.

Дениньонъ Антонъ (Derignon Anton) принятъ въ русскую службу, по высочайшему повелѣнiю, въ карантинамъ Таврической губернiи (7 октября 1793), съ званiемъ доктора и съ чиномъ надворнаго совѣтника, съ жалованьемъ по штату и съ прибавкой по 450 р. изъ мѣстныхъ доходовъ, а чрезъ нѣсколько времени переведенъ былъ въ Ахтiарскiй карантинъ.

Де-Тейльсъ Антонъ (De Theyls Antony) родился въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его, Вильгельмъ Детейльсъ, служилъ переводчикомъ при русскомъ посланникѣ баронѣ П. Н. Шафировѣ. Учился медицину въ Падубѣ, гдѣ и получилъ дипломъ доктора медицины и философи. Возвратившись оттуда въ Константинополь, опредѣленъ былъ Шафировымъ врачомъ при посольствѣ, а потомъ уволенъ (въ 1714) отъ службы для отъѣзда въ Москву. Когда онъ уѣзжалъ изъ Константинополя, посланникъ далъ ему рекомендательное письмо къ русскому канцлеру графу Г. И. Головкину, въ которомъ хвалилъ его и просилъ опредѣлить въ государственную службу за многолѣтнюю службу отца его ¹⁾. Приѣхавъ въ Москву А. Детейльсъ немедленно опредѣленъ былъ въ московскую главную аптеку, т. е. «къ физическимъ дѣламъ» (1714), съ жалованьемъ по 500 р., и пробылъ на этомъ мѣстѣ около двѣнадцати лѣтъ.

¹⁾ В. Рихтеръ, *Исторiя медицины въ Россiи*, В. III, 145.

Затѣмъ онъ назначенъ былъ докторомъ въ Низовый корпусъ (22 декабря 1726 года), съ жалованьемъ по 600 р.; но кажется не успѣлъ и дойти туда, какъ уволенъ былъ отъ службы (11 августа 1727 года). Въ 1727 году 13 марта онъ опять просился на службу и опредѣленъ на прежнее мѣсто съ жалованьемъ по 600 рублей. Живя въ Москвѣ и занимая довольно важный постъ, Детейльсъ не имѣлъ никакихъ отношеній къ московскому госпиталю и къ находившейся тамъ хирургической школѣ. Директоръ этой школы, докторъ Бидлоо, никогда и ни по какому случаю не пускалъ его ни въ какія распоряженія и это раздражало его и возбуждало почти ненависть и къ госпиталю, и къ школѣ его, и къ ея директору. Онъ возбуждалъ раздоры между госпитальными и посторонними лѣкарскими учениками и иногда такъ досаждал этимъ Бидлоо, что тотъ принужденъ былъ жаловаться Петру Великому и даже просился на другое мѣсто. За то, когда Бидлоо умеръ и архіатеръ Фишеръ назначилъ Детейльса старшимъ докторомъ московскаго генеральнаго госпиталя (1 мая 1735 года) съ жалованьемъ по 800 р., то онъ повелъ дѣла такъ неосторожно, что перессорилъ архіатера съ св. синодомъ и возбудилъ общее неудовольствіе. Въ результатѣ вышло то, что архіатеръ Фишеръ ясно увидѣлъ неспособность его какъ къ учебнымъ, такъ и къ административнымъ дѣламъ, пересталъ поддерживать его и сталъ искать такого ученаго доктора, который бы умѣлъ продолжать школьное дѣло Бидлоо. Детейльсъ уже не управлялъ госпиталемъ, а почти непрерывно находился въ командировкахъ. Такъ при отправленіи русскихъ полномочныхъ пословъ для заключенія мира съ турками, Детейльсъ получилъ приказаніе (19 марта 1737 года), какъ знающій турецкій языкъ, съ сопровожденіемъ дать ихъ съ лѣкарствами и съ однимъ лѣкаремъ и подлѣкаремъ. Затѣмъ, едва прибылъ въ Москву, опять командированъ въ Немировъ для прекращенія и леченія чумы въ войскахъ и на Украинѣ (1738 г.). И пока онъ путешествовалъ по этимъ поводамъ, управленіе московскимъ госпиталемъ и его школою передано было Л. Влюментросту, святѣйшій синодъ сталъ серьезно думать о передачѣ московскаго госпиталя со школою въ вѣдѣніе генераль-кригсъ-комисаріата или военной коллегіи, такъ что въ 1740 году вторично уволенъ былъ отъ службы. Но и прежде этого, равно какъ и послѣ, Детейльсъ жилъ въ Москвѣ и выжидалъ случаевъ. Должность московскаго штатдтъ-физика открылась съ отставкою доктора Ваени и на его мѣсто опять опредѣленъ къ исправленію ея Детейльсъ (1748). Но въ 1750 году опять уволенъ отъ службы съ пенсією одной трети жалованья, по 266 р. Московскимъ штатдтъ-физикомъ былъ тогда Гривъ, опредѣленный туда 13 августа 1751 года, и когда онъ уволенъ былъ по прошенію, за старостію и домашними обстоятельствами, 17 апрѣля 1757 года, то Детейльсъ уже безъ прошенія опять назначенъ московскимъ штатдтъ-физикомъ. Но наконецъ онъ утомился службою и просилъ увольненія, говоря что ему уже 72 года и силъ нѣтъ для занятій. И 30 іюня 1761 года окончателно уволенъ отъ службы, съ прежнею пенсією.

Детейльсъ Иванъ Антоновичъ, сынъ предыдущаго, московскій уроженецъ, получилъ медицинское образованіе въ Лейденскомъ университетѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ. Возвратился въ Россію и по экзамену опредѣленъ на службу (1 іюня 1746 года) младшимъ докторомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь, на мѣсто умершаго Эзелунда, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Онъ правильно и хорошо писалъ и говорилъ порусски и потому могъ быть хорошимъ учителемъ въ госпитальной школѣ: но служебныя требованія поставили его иначе. Въ это время вызванъ былъ изъ Голландіи докторъ Абрагамъ Кау Бургаавъ (глухой) и для него очищена вакансія старшаго доктора спб. адмиралтейскаго госпиталя; но пока онъ пріѣдетъ, исправленіе его должности въ этомъ госпиталѣ поручено было И. Детейльсу. Впрочемъ это продолжалось недолго и Детейльсъ опять возвратился въ своей должности, которую и исполнялъ ровно три года. Отсюда онъ назначенъ докторомъ ландмилиціоннаго корпуса (на мѣсто умершаго доктора Цуппе), въ команду генерала фонъ-Бисмарка (3 іюня 1749 года). Затѣмъ онъ долго служилъ въ войскахъ и участвовалъ въ походахъ въ турецкую войну. Въ 1772 году опредѣленъ былъ старшимъ докторомъ въ Киевскій полевой госпиталь (на мѣсто умершаго отъ чумы доктора С. Митрофанова). Изъ украинской дивизіи переведенъ былъ по собственной просьбѣ и за старостію въ Новороссійскую губернію (августъ 1777), съ жалованьемъ по 600 р. и 240 десятинъ земли, а потомъ служилъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ (съ 1781 года). Умеръ въ Кременчугѣ 21 августа 1796 года, оставивъ вдову Анисью Матвѣевну, одного сына и двухъ дочерей.

Дефлорисъ Жозефъ (Josephus Defloris), изъ города Циттарда въ Галиціи, учился въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Экзаменованъ былъ Ашемъ и Тихорскимъ и получилъ право практики 21 сентября 1780 года.

Дизе Францискъ (Francis Dease), ирландецъ, принятъ въ русскую службу 11 марта 1738 года въ армію Миника, по капиуляціи на два года, съ жалованьемъ «противъ напольныхъ докторовъ», по 600 р., и умеръ въ Россіи въ 1741 году (по словамъ В. Рихтера).

Димахи Георгъ, родомъ грекъ изъ Константинополя, гдѣ отецъ его былъ купцомъ, учился медицинѣ въ итальянскихъ университетахъ тринадцать лѣтъ и въ 1709 году получилъ докторскій дипломъ. Принятъ въ русскую службу въ 1710 году: но родъ службы его неизвѣстенъ. Біографія его напечатана у В. Рихтера, въ т. III, стр. 134 его *Исторіи*.

Діобольдъ Иванъ (Johann Michael Diobold), родомъ изъ Страсбурга, гдѣ учился и получилъ докторскій дипломъ. Экзаменованъ Ашемъ и Тихорскимъ и получилъ право практики 20 іюля 1780. Послѣ этого принятъ на службу въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, „для обученія на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ подлѣбарей и учениковъ обонихъ петер-

бургскихъ госпиталей анатомическихъ, фізіологическихъ и хирургическихъ операций съ бандажами», съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ отъ медицинской коллегіи (11 января 1781 года). Діобольдъ былъ самолюбивъ и заносчивъ и эти качества удалили его отъ преподавательскаго дѣла еще прежде, чѣмъ онъ началъ его. Прежде чѣмъ начать преподаваніе, Діобольдъ выпросилъ себѣ въ коллегіи двухъ подлѣкарей для прозекторской должности—Ивана Лагера (Johann Lager) изъ сухопутнаго и Адама Влюмнера (Adam Blümner) изъ морскаго госпиталей (29 апрѣля 1781). Разъ подлѣкарь Лагеръ назначенъ былъ (5 сентября) на дежурство по госпиталю, но не пошелъ. Въ наказаніе за это его посадили въ контору подъ арестъ; но онъ ушелъ изъ подъ ареста и отправился на домъ къ Діобольду. На другой день Лагера позвали въ контору, но вмѣсто него пришелъ самъ Діобольдъ и въ гнѣвъ сталъ неучтиво дѣлать выговоръ старшему доктору Тихорскому, за чѣмъ онъ трогаетъ прозектора, къ которому не имѣетъ никакого отношенія и который долженъ состоять въ его только, Діобольда, командѣ, почему онъ и заказалъ ему какъ слушаться распоряженій штабъ-лѣкаря, такъ и не держать дежурства, не ходить въ контору по призыву старшаго доктора. Однимъ словомъ Діобольдъ обвиненъ былъ въ томъ, что возмущаетъ подчиненныхъ главнаго доктора, въ противность государственнымъ постановленіямъ, и спросили у него отвѣта. Онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно сдѣлалъ все то, въ чемъ обвиняютъ его, но сдѣлалъ потому, что обиженъ былъ не столько старшимъ докторомъ, сколько штабъ-лѣкаремъ Гриневскимъ. Все это были однакоже только отговорки: обиженъ онъ былъ тѣмъ, что Тихорскій считалъ его «младшимъ докторомъ» госпиталя, а не «лекціоннымъ докторомъ» (первый подчиненъ старшему доктору, а второй—коллегіи); по Тихорскій былъ членъ коллегіи и Діобольдъ не смѣлъ говорить противъ него много дурнаго. Однакоже отвѣтъ его былъ длиненъ и неучтивъ, и коллегія (куда перенесено было дѣло возвратила его съ замѣчаніемъ быть учтивѣе. Въ слѣдствіе этого коллегія приказала ему извиниться передъ Тихорскимъ тамъ гдѣ нагрубилъ, т. е. въ госпитальной конторѣ, а Лагера разжаловала на мѣсяцъ въ ученики и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣнила съ прозекторской должности, предоставивъ Діобольду избрать себѣ другихъ помощниковъ. Но Діобольдъ не извинился. Его опять призвали въ коллегію и посоветовали исполнить приказъ: но онъ опять не исполнилъ. Тогда ему снова предписали немедленно извиниться (декабрь 1781), а за послушаніе вычли мѣсячное жалованье. 28 декабря онъ написалъ, что извинился бы и исполнилъ бы приказъ коллегіи, но никогда не застаетъ Тихорскаго въ конторѣ. Затѣмъ, въ тотъ же день онъ пришелъ въ контору и сказалъ: *Accipi a Collegio medico mandatum, veni ad illud exequendum. Si offensus es veniam peto*—вернулся и ушелъ, не дожидаясь отвѣта. Въ отвѣтъ на это медицинская коллегія перевела Діобольда (24 февраля 1782) въ Казанское намѣстничество, съ жало-

ваншемъ по 300 р. по штату и по 300 р. отъ присутственныхъ мѣстъ, а всего 600 р., съ прибавкою въ скоромъ времени еще 150 р.

Оттуда вскорѣ онъ переведенъ былъ въ Сибирскій корпусъ; но и тамъ тоже не обошлось безъ приключеній. Въ 1784 году лѣчилъ онъ тамъ (въ Омскѣ) генераль-поручика Огарева, который велѣлъ ему написать исторію своей болѣзни и лѣченія и послалъ въ медицинскую коллегію съ вопросомъ, такъ ли онъ лѣчилъ его, какъ слѣдуетъ. Коллегія отвѣтила утвердительно, прибавивъ только, что не надо такъ часто пускать кровь, какъ въ исторіи изложено, и вмѣсто безпрерывныхъ ножныхъ ваннъ лучше бы были общія ванны и пьявки *ad anum* (у него были геморроидальныя головныя боли). Затѣмъ назначенъ былъ докторомъ Кизлярской карантинной конторы (5 октября 1800 года).

Дижоль Игнатій (Jgnace Erançois Dijols) изъ Монпелье, гдѣ учился и получилъ дипломъ. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики 30 сентября 1786. Въ августѣ 1787 года, по представленію генераль-губернатора графа Антона Богдановича Дебальмена, опредѣленъ въ Курское намѣстничество, въ гор. Суджу.

Дицъ Венцель (Wentzel Dietz) принять по высочайшему повелѣнію 11 июля 1772, но не выдержалъ экзамена и помѣщенъ при с. петербургскомъ генеральномъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, чтобы учился практиковать подъ надзоромъ старшаго доктора, пока практика самому будетъ позволена. 6 марта 1773 года приказано отвести ему казенную квартиру при госпиталѣ противъ прочихъ докторовъ, гдѣ онъ и жилъ, пока квартира не понадобится Амбодику. Тогда Дицу дано право практикн, чтобы выжить его изъ госпиталя.

Дольетъ Иванъ (Johann August DoIst), родомъ изъ Дрездена, учился въ Іенѣ и, пославъ туда какую-то статью, получилъ дипломъ доктора медицины (28 июня 1784 года). Экзаминованъ не былъ въ коллегіи, но « по извѣстному объ немъ коллегіи его достоинству и искуству » признанъ докторомъ медицины и хирургіи (январь 1785). Въ послѣдствіи былъ членомъ медицинской коллегіи.

Доминичиусъ Варфоломей (Bartholomaeus Dominicis), учился въ Салернскомъ университетѣ, гдѣ и признанъ лѣбаремъ. Принять въ службу (24 августа 1784 года). Приѣхавъ въ Екатеринославль, онъ, по приказанію Потемкина экзаминованъ былъ докторами Стае, Беромъ и Тиманомъ, признанъ докторомъ 22 марта 1788 года и вслѣдъ затѣмъ (11 мая 1788) утвержденъ дивизионнымъ докторомъ при Екатериниславской арміи. Когда при Елисаветградскомъ госпиталѣ учреждено было княземъ Потемкинымъ медицинское училище, то управление имъ поручено дивизионному доктору Доминичиусу. По смерти Потемкина въ 1793 училище это упразднено и Доминичиусъ, по просьбѣ вице-адмирала Николая Семеновича Мордвинова, переведенъ (23 сен-

тября 1793) въ гребной черноморской флотъ на вакансію по штату его. Затѣмъ по собственному прошенію переведенъ (9 ноября 1797 года) въ Николаевскій морской госпиталь старшимъ докторомъ, съ жалованьемъ по 800 р. и съ содержаніемъ по регламенту. Затѣмъ назначенъ былъ инспекторомъ Вятской врачебной управы, а оттуда—докторомъ Одесской карантинной конторы, но 28 декабря 1800 года умеръ, не доѣхавъ туда.

Довель Іоганнъ (Johann Justin Dohnell), родомъ изъ Саксенъ-Готы, учился въ Лейденѣ и напечаталъ диссертацию *De paralyysi*, получилъ докторскій дипломъ (1695 года). Опредѣлился на службу въ Нарву штатдт-физикомъ и, при взятіи этого города русскими взятъ ими въ плѣнъ. При этомъ Петръ I принялъ его подъ свою защиту и назначилъ въ лейбъ-медики къ себѣ. Умеръ въ Познани отъ каменной болѣзни.

Доппельмайръ Иванъ (Johann Gabriel Gottfried Doppelmaier), родомъ изъ Аншпахъ, учился въ Іенѣ три года, а потомъ въ Тюбингенѣ получилъ дипломъ. Экзаменованъ былъ Ашемъ, Линдеманомъ и Тихорскимъ и получилъ право практики 25 февраля 1781.

Доппельмайръ Иванъ (Johann, Georg, Gottfried Doppelmaier), иногда подписывался и Doppelmaier), изъ гор. Гофа въ Ландграфствѣ Аншпахскомъ, учился въ Іенѣ и Эрлангенѣ, гдѣ и получилъ дипломъ, напечаталъ диссертацию: *Dissertatio inauguralis quae de difficili in observationes anatomicas epicrisi commentationem sistit*, 28 февраля 1776. Получилъ право практики въ августѣ 1783.

Дусеикъ Тома былъ сперва лѣкаремъ австрійской службы, откуда уволенъ (1782) и переехалъ въ Полоцкое намѣстничество Городнецкій уѣздъ, а потомъ въ Рязанское намѣстничество. Получилъ право лѣкарской практики 23 іюля 1784 и находился при генералъ-фельдмаршалѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ. Въ мартѣ 1785 изъявилъ желаніе держать экзаменъ на степень доктора, экзаменованъ былъ и 26 мая 1785 года получилъ докторскій дипломъ изъ медицинскон коллегіи.

Дурсенъ Иванъ (Johann Heinrich Dyrsen), изъ Риги, учился въ Берлинѣ и въ Геттингенѣ и въ послѣднемъ университетѣ получилъ дипломъ. По экзамену въ коллегіи получилъ право практики 23 мая 1793 года.

Дювернуа Іоганнъ Георгъ (Duvernoy Joh.) родился въ Монпельярѣ въ 1691 году, учился медицинѣ въ Тюбингенѣ и тамъ получилъ докторскій дипломъ, напечаталъ диссертацию *De colenda cito, tuto et jucunde Lucina in puerperio*, Tübing. 1716. Въ концѣ 1725 года приглашенъ былъ въ с.-петербургскую академію наукъ на кафедру анатоміи и физиологіи.

По отзыву академика Мюллера, Дювернуа былъ способный и прилежный анатомъ, чему доказательствомъ служатъ статьи его, напечатанныя въ академическихъ комментаріяхъ. Президентъ академіи Блюментростъ заботился, чтобы изъ полиціи въ академію доставлялись попадавшіеся на улицахъ трупы

людей, погибших от угара, опьянения и вообще всѣхъ скоропостижно умершихъ. Поэтому въ анатомической камерѣ никогда не было недостатка въ человѣческихъ трупахъ. Полиція же имѣла ту выгоду, что академія извѣщала ее о причинахъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Кромя того, Дювернуа почастливилось тѣмъ, что ему удалось анатомировать въ Петербургѣ умиравшихъ въ то время разныхъ рѣдкихъ звѣрей, которыхъ содержали насчетъ двора: слона, льва, леопарда, рысь, виверу и др. Онъ сравнивалъ внутреннее сложеніе всѣхъ этихъ животныхъ, а также нерѣдкихъ въ Петербургѣ тюленей, съ человѣческими трупами и вывелъ изъ того заключенія, достойнаго внимательнаго естествоиспытателя. Въ первые годы существованія академіи, изъ Сибири въ Петербургъ перевезли почти цѣлый островъ одного изъ такъ называемыхъ мамонтовъ, которыхъ до тѣхъ поръ считали за словокъ. Дювернуа чрезъ сравненіе костей и въ особенности головы (изъ слона онъ также сдѣлалъ скелетъ), возвелъ эту догадку въ неподлежащій сомнѣнію фактъ.

Дювернуа возвратился изъ Петербурга въ Тюбингенъ въ 1741 году. Умеръ въ 1759 году, въ виртембергскомъ городѣ Амштаттѣ, гдѣ занимался частною медицинскою практикою.

Дюпаркъ (Du Rasq M.), учившійся въ Англии, по именному высочайшему повелѣнію экзамированъ (18 августа 1798 года) въ медицинской коллегіи и «на заданные ему словесные и письменные вопросы отвѣчалъ слабо, а по части хирургической и повивальнаго искусства, поколику сихъ послѣднихъ частей не обучался, и вовсе отказался отвѣтствовать». Коллегія такъ и доносила барону Васильеву. Спустя немного времени (въ мартѣ 1800 года) онъ вторично явился къ экзамену, ссылаясь въ первой неудачѣ на обыкновенную тогдашнюю отговорку — робость, и 23 марта того-же года снова экзамированъ и „изъ всѣхъ частей до врачебной науки принадлежащихъ на словесные вопросы отвѣчалъ хорошо, а на письменные посредственно“. Послѣ того баронъ Васильевъ объявилъ высочайшее повелѣніе (14 апрѣля 1799), чтобы Дюпаркъ опредѣленъ былъ въ госпиталь для усовершенствованія, и его опредѣляли въ спб. адмиралтейскій госпиталь съ жалованьемъ по 200 рублей (11 августа 1799). Присягалъ онъ на вѣрность службы на латинскомъ языкѣ. Нѣсколько времени послѣ того, по аттестациі доктора Валеріана, Дюпаркъ признанъ коллегією докторомъ медицины, съ правомъ практики въ Россіи (14 мая 1800 года).

Квронусъ Яковъ (Jacob Wilhelm Eurpaeus), сынъ пастора въ мѣст. Нейкирхе Выборгской губерніи, первоначальное образованіе получилъ ученикомъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ съ 16 марта 1761 года, гдѣ и произведенъ въ подлѣкари въ армію, а потомъ лѣбарежъ и штаб-лѣбарежъ. Послѣ военной службы назначенъ былъ въ Пензенское на-мѣстничество, въ гор. Мокшанъ. Тамъ онъ написалъ диссертацию *De scor-*

bulo и отправилъ ее въ Іенскій университетъ, за что и получилъ оттуда докторскій дипломъ. 15 декабря 1795 онъ представлялъ ее въ медицинскую коллегію, которая поручила рассмотретьъ ее ученому секретарю Віену. Потомъ самъ пріѣхалъ въ Москву и 23 февраля 1796 защищалъ въ московской медицинской конторѣ свою диссертацию въ присутствіи профессоровъ госпитальной школы и по отзыву ихъ—«хотя въ отвѣтахъ своихъ и не совсѣмъ могъ насъ удовлетворить, однакоже знаніе свое оказалъ изрядное»—признанъ былъ 17 марта 1796 года «докторомъ», съ назначеніемъ опять въ Пензенское намѣстничество. При учрежденіи врачебныхъ управъ опредѣленъ операторомъ Саратовской врачебной управы.

Еллизень Егоръ Егоровичъ (Georg E. Nisen), изъ Ганновера, принятъ въ русскую службу по именному высочайшему повелѣнію, данному на имя фельд-маршала графа П. И. Румянцева, 19 іюля 1786, съ назначеніемъ докторомъ въ Кіевское намѣстничество, съ жалованьемъ отъ кабинета по 800 р. Тамъ онъ устроилъ, между прочимъ, больницу для прививанія оспы (1788). 18 марта 1792 года, по приказанію барона Фитингофа, переведенъ къ медицинской коллегіи, въ помощь штатдѣ-физику, съ прежнимъ жалованьемъ. Этотъ штатдѣ-физикъ былъ старый Крутта, вскорѣ потомъ уволенный отъ службы за старостію съ пенсіею. На его мѣсто опредѣленъ (9 марта 1794 года) штатдѣ-физикомъ д-ръ Егоръ Еллизень, съ тѣмъ же жалованьемъ, но уже отъ коллегіи, а не отъ кабинета.

Ержемскій Эрнестъ Фридрихъ (Ershemsky Ernst) служилъ уѣзднымъ докторомъ въ лифляндской губерніи, въ Нарвѣ (1795), откуда переведенъ въ гор. Софію с.-петербургской губерніи (съ жалов. по 300 р.) и наконецъ въ с.-петербургскій уѣздъ, съ жалованьемъ по 400 р. (10 сентября 1797). Умеръ въ апрѣлѣ 1799 года.

У него остался сынъ Иванъ Ержемскій, просившійся въ с.-петербургское медико-хирургическое училище для ученія медицинѣ; но его не приняли и вотъ почему. Указомъ сената 4 сентября 1758 предписано оставшихся послѣ умершихъ докторовъ, штабъ-лѣкарей, лѣкарей и другихъ вѣдомства медицинской коллегіи чиновъ сыновей опредѣлять въ службу не въ другія команды, но въ вѣдомство медицинской канцеляріи; но 5 октября 1799 года состоялось высочайшее повелѣніе: «отнынѣ повелѣваемъ никого изъ дворянскихъ дѣтей не служащихъ и вступить въ службу желающихъ по статской части, никуда не записывать и не опредѣлять сенату нашему, не войдя прежде о томъ къ намъ докладомъ для утвержденія нашего». Поэтому медицинская коллегія затруднилась принять въ школу Ержемскаго не испросивъ высочайшаго повелѣнія и представила о томъ барону Васильеву, который доложилъ Павлу и на это послѣдовалъ «Указъ нашей медицинской коллегіи: Дѣтей медицинскаго званія, хотя бы отцы ихъ и гражданскіе чины имѣли, кто пожелаетъ,

дозволяемъ принимать во врачевныя училища и готовить къ разнымъ степенямъ по службѣ, званію сему предоставленнымъ. *«Паселъ»*

Въ Спб. марта 3 дня 1800.

Ершовъ Федоръ Петровичъ, учился въ московскомъ университетѣ студентомъ съ 19 августа 1783 года, и по окончаніи курса, представивъ диссертацию на латинскомъ языкѣ, признанъ докторомъ медицины 19 июня 1791 года и въ тотъ же день получилъ право практики въ медицинскои коллегіи и опредѣленъ (7 іюля) на службу въ Смоленское намѣстничество, въ городъ Красный. Оттуда переведенъ въ Вознесенскую губернію (5 іюля 1795 года). Умеръ въ Еленскомъ уѣздѣ Подольской губерніи 2 августа 1797 года.

Жакмень Людвигъ (Ludwig Jaquemín) прибылъ изъ Берлина 14 мая 1735 года. Учился въ Галле и получилъ дипломъ, напечатавъ диссертацию *De cura per expectationem*, 1718, затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ ко двору гофъ-медикомъ по контракту на 3 года, съ жалованьемъ по 1500 р. въ годъ изъ суммъ медицинскои канцеляріи. Потомъ возобновилъ каритуляцию по 14 мая 1741 года. Во время военныхъ дѣйствій 1738 года гофъ-медикъ Жакмень состоялъ въ арміи Миниха при особѣ принца Вольфенбютельскаго.

Жилли (Carl Gilly) получилъ право практики 26 октября 1797 года и опредѣленъ въ службу въ Новоградволинскъ, съ жалованьемъ по 300 рублей, а оттуда переведенъ въ Дубно (8 іюля 1798).

Загорскій Петръ Андреевичъ, сынъ священника изъ мѣст. Понорницы Новгородѣверскаго намѣстничества и уѣзда, первоначально учился въ Черниговскои коллегіи (съ 1776 по 1782), а потомъ уволенъ изъ нея и служилъ ратманомъ при Понорницкои ратушѣ (съ 11 іюля 1782 по 11 ноября 1783). Въ это время созрѣла у него мысль ѣхать въ Петербургъ и вступить на медицинскую карьеру. Онъ спѣшилъ и черезъ два мѣсяца поступилъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (19 января 1784), а черезъ полтора года произведенъ въ подлѣкари (30 іюня 1785) съ оставленіемъ при томъ же госпиталѣ „въ помощь профессору анатоміи“. Это послѣднее поясненіе коллежскаго опредѣленія показываетъ, что Загорскій прилежно учился и обладалъ большими познаніями въ анатоміи. Вскорѣ это и подтвердилось. На генеральномъ экзаменѣ въ госпитальномъ училищѣ, 12 сентября 1786 года, подлѣкарю Петру Загорскому предложены были *demonstratio cordis, operatio cataractae et fistula lacrymalis*. Всѣ эти задачи рѣшилъ онъ хорошо, какъ донесъ (28 сентября) лекціонный докторъ Н. Карпинскій, и произведенъ (2 ноября) въ лѣкари, но на подлѣкарское жалованье, за неизмѣненіемъ лѣкарскои вакансіи, и въ должность прозектора, а черезъ два мѣсяца утвержденъ прозекторомъ анатоміи при с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ, съ жалованьемъ по штату 15 іюля

1786 года, т. е. по 250 рублей. Этимъ повидимому опредѣлилось положеніе П. А. Загорскаго, какъ профессора анатоміи; но не безъ колебаній, Молодой анатомъ много работалъ, но работа его недостаточно вознаграждалась, и онъ не прочь былъ поискать болѣе выгоднаго мѣста. Содѣйствовали этому и обстоятельства. 13 іюня 1790 года произведенъ былъ онъ въ штабъ-лѣкари при томъ же госпиталѣ, а 19 августа 1790 сталъ проситься и уволенъ отъ госпитальной и учебной службы, „для поправленія здоровья“, для опредѣленія въ намѣстничества, съ абшитою. Что побуждало его повернуть такъ круто свое призваніе—до сихъ поръ неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но тотчасъ по увольненіи изъ госпиталя онъ опредѣлился (29 октября 1790) въ шлиссельбургскій уѣздъ с.-петербургской губерніи на докторскую вакансію, а оттуда переведенъ, по собственной просьбѣ, (14 февраля 1793) въ Орденскій кирасирскій полкъ на лѣкарскую вакансію (съ жалованьемъ по 180 руб. 3 раціон. и 1 денщика), квартировавшій тогда въ гор. Жоролѣ Кіевской губерніи. Съ этимъ полкомъ участвовалъ онъ въ польской войнѣ 1794 и 1795 годовъ. Въ октябрѣ 1796 года просился на спокойное мѣсто и волынской губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Мигашевскій, знавшій П. А. Загорскаго по Орденскому полку, просилъ медицинскую коллегію опредѣлить его инспекторомъ, а если эта вакансія занята, то хоть акушеромъ волынской врачебной управы: но медицинская коллегія отвѣтила, что обѣ указанныя вакансіи заняты (инспекторская д-ромъ Леріусомъ, а акушерская Фробиномъ), а въ замѣнъ того Загорскій назначенъ адъюнктомъ анатоміи въ московское медико-хирургическое училище (8 января 1797).

Загорскій стоялъ съ полкомъ своимъ въ Гольдингенѣ, когда получилъ указъ коллегіи о переводѣ его въ Москву; но полкъ не отпустилъ его безъ разрѣшенія военнаго начальства и не позволилъ ему сдать казенныя вещи уѣздному доктору Шварцу, а написалъ о разрѣшеніи къ инспектору кавалеріи Лифляндской дивизіи генералъ-лейтенанту Нумсену. Загорскій хотѣлъ схитрить и сталъ проситься въ отпускъ въ Петербургъ на 15 дней: но и въ отпускъ было ему отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что Шварцъ долженъ заботиться о цѣломъ уѣздѣ, а о полковыхъ больныхъ некому будетъ позаботиться. Загорскій усиленно просился въ отпускъ въ Петербургъ и медицинская коллегія писала военной коллегіи (21 августа 1797), чтобъ его отпустили изъ полка, а его увѣдомила, что дозволяетъ ѣхать въ отпускъ въ Петербургъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и уже навсегда остался тамъ.

П. А. Загорскій не хотѣлъ службы въ Москвѣ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, положительно отказался отъ мѣста адъюнктъ-профессора въ московскомъ медико-хирургическомъ училищѣ подъ начальствомъ И. Гильдебрандта. Профессоромъ анатоміи въ с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ былъ Н. Кардинскій, давно знавшій и цѣнившій П. А. Загорскаго. У него

былъ адъюнктомъ штабъ-лѣкаръ Андрей Федоровскій, переведенный въ кронштадтскую школу на должность профессора. Открывшаяся чрезъ это вакансія адъюнктъ-профессора предложена была Карпинскимъ Загорскому и онъ принялъ ее и переведенъ былъ (12 октября 1797 года) адъюнктомъ изъ Москвы въ Петербургъ «къ анатоміи и физиологіи», съ жалованьемъ по 400 р. и 60 р. квартирн. На прозекторскую же вакансію при томъ же госпиталѣ зачисленъ подлѣкаръ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Иванъ Энгель, съ производствомъ въ лѣкари и съ жалованьемъ по 250 р. въ годъ. Въ то же время открылась въ с.-петербургскомъ генеральномъ адмиралтейскомъ госпиталѣ вакансія оператора, чрезъ выходъ въ отставку оператора и кол. асс. Дм. Моренцова ¹⁾, и эта должность поручена также П. А. Загорскому, съ прибавкою жалованья по 160 рублей.

По штату 12 февраля 1799 года произошли большія перемены какъ въ личномъ составѣ медицинской коллегіи, такъ и въ распредѣленіи должностей въ подвѣдомыхъ ей учрежденіяхъ. Вместе съ тѣмъ изданъ законъ, чтобы никто изъ чиновъ медицинской коллегіи не принималъ на себя двухъ должностей. На основаніи этого закона профессора Карпинскій и Саполовичъ вышли изъ учрежденной этимъ штатомъ медико-хирургической академіи и остались членами коллегіи, а преподавательскія ихъ обязанности переданы адъюнктамъ ихъ. Загорскій занялъ мѣсто Карпинскаго и велъ преподаваніе анатоміи и физиологіи такъ успѣшно, что медицинская коллегія издала слѣдующее постановленіе (26 апрѣля 1799): «хотя по вновь высочайше конфирмованному штату медицинской коллегіи адъюнктъ-профессоръ анатоміи и физиологіи Загорскій и состоитъ въ званіи адъюнктъ-профессора, положеннаго въ 8 классѣ, однакожъ послѣду онъ уже имѣть чинъ коллежскаго ассессора и съ полученіемъ званія адъюнктъ-профессора не будетъ имѣть въ виду никакого повышенія и должнаго за труды свои и ревность вознагражденія: то чтобы и онъ могъ также воспользоваться соразмѣрнымъ противъ другихъ адъюнктовъ воздаяніемъ, медицинская коллегія чрезъ ученаго секретаря кол. сов. Базилевича опредѣляетъ объявить ему, что онъ по окончаніи изъ анатоміи и физиологіи пробныхъ лекцій, на основаніи предварительнаго о медико-хирургическихъ академіяхъ постановленія, произведенъ будетъ экстраординарнымъ анатоміи и физиологіи профессоромъ».

¹⁾ Объ увольненіи Моренцова отъ службы послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ: «Г. Тайный Совѣтникъ и государственный казначей баронъ Васильевъ. Оператора и коллежскаго ассессора Моренцова, увольняя по его прошенію за болѣзнію отъ службы, повелѣваемъ обратитъ получаемое имъ жалованье (по 420 р. въ годъ) въ пансіонъ, производа оное изъ пансіонной суммы, для медицинскіихъ чиновъ положенной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благодарны. Въ Гатчинѣ, октября 24 дня 1797 года. *Царель*».

Государственная медицинская коллегія, получивъ отъ 30 минувшаго марта изъ правительствующаго сената указъ, утверждающій профессоровъ Карпинскаго и Саполовича членами, а Базилевича ученымъ секретаремъ ея, назначила для заступленія ихъ мѣсть въ отправленіи профессорской должности, на основаніи правилъ предварительнаго о медико-хирургическихъ академіяхъ постановленія, адъюнктамъ ихъ штабъ-лѣкарямъ кол. ассес. Загорскому, Ивану Смѣловскому и Логинову пробныя лекціи, первому анатомико-физиологическую, второму патологико-практическую, а послѣднему изъ хирургіи теоретическую и практическую, каковыя пробныя лекціи и преподаваны ими были въ физиологическомъ театрѣ, въ назначенные каждому дни, въ присутствіи медицинской коллегіи дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и другихъ отличныхъ врачей, и по окончаніи изясненія пазначенныхъ предметовъ, при личномъ г. главному надъ сею коллегіею директору присутствіи, медицинская коллегія признавая единогласно съ присутствовавшими при лекціяхъ адъюнктовъ оныхъ достойными и способными быть паставниками обучающемуся въ медико-хирургической академіи юношеству и оставляя еще въ виду средства для дальнѣйшаго ихъ испытанія въ отправленіи препоручаемой имъ должности, сего 1799 года іюня 20 дня полагаетъ: « Загорскаго, который и прежде бывши просекторомъ упражнялся въ своихъ предметахъ съ великою похвалою, признавъ *экстраординарнымъ профессоромъ*, а Смѣловскаго и Логинова произвестъ адъюнкты-профессорами и номѣсти ихъ каждого по различію ихъ упражненій и знаній къ классамъ для обученія юношества, для дальнѣйшаго впредъ въ ихъ успѣхахъ усмотрѣнія, произвестъ изъ нихъ первымъ двумъ, яко старшимъ и болѣе трудившимся по 900 р. а послѣднему по 800 р. жалованья въ годъ, съ тѣмъ, что какъ они занимаются отправленіемъ должности со времени поступившихъ въ другія должности профессоровъ, то въ уваженіе ихъ трудовъ производить имъ оное съ 1 минувшаго мая, о чемъ и представить на благоусмотрѣніе г. главному надъ медицинскою коллегіею директору съ такимъ донесеніемъ, что медицинская коллегія, входя въ надлежащее разсмотрѣніе выбора профессоровъ, отъ коего зависитъ цвѣтущее благосостояніе медико-хирургическихъ академій и отъ того предполагаемая польза для государства, нужнымъ находить постановить подробнѣйшія правила, по которымъ должно поступать при выборѣ въ такое важное званіе достойныхъ, какъ изъ адъюнкты-профессоровъ здѣшнихъ академій, такъ и изъ постороннихъ, ежели сіи надобны будутъ, а по учиненіи такового постановленія также представить оное ему г. главному директору на благоусмотрѣніе ». Баронъ Васильевъ утвердилъ это постановленіе коллегіи 7 іюля 1799 года. Произведенъ въ ординарные профессора 18 іюля 1800 года, съ жалованьемъ по 1200 рубл.

Занденъ Христіанъ (Friedrich Christian Sanden), пруссакъ изъ Ризенбурга, учился въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Франкфуртѣ на Одерѣ и въ пос-

лѣднемъ получилъ докторскій дипломъ, 25 октября 1775. Прїѣхавъ въ Россію экзаминовать Ашмъ, Пеккеномъ и Линдеманомъ и 10 октября 1776 года получилъ право практики. Въ службу однакоже не принятъ по неимѣнію вакансій и поѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ и опредѣлился физикомъ по контракту на одинъ годъ за 300 р. Потомъ, 19 октября 1777 г., опредѣленъ въ Оренбургскій губернской госпиталь, съ жалованьемъ по 674 р. отъ Оренбургской губернской канцеляріи, а въ 1784 году переведенъ былъ въ Оренбургскій корпусъ. Затѣмъ, ссылаясь на указъ сената 5 іюня 1762 года, которымъ предписывалось смѣнять медици. чиновъ въ отдаленныхъ мѣстахъ черезъ шесть лѣтъ, «чтобы охотнѣе туда ѣхали», онъ сталъ проситься внутрь Россіи и назначенъ 22 мая 1794 года штатгъ-физикомъ въ Москву, съ жалованьемъ по 800 р., на мѣсто д-ра Альфонса Франціа, переведеннаго въ кронштадтскій госпиталь докторомъ.

Звѣрака Евстафій Федоровичъ, сынъ священника въ Переволочнѣ Полтавскаго полка, принятъ былъ ученикомъ въ слб. генерал. сухопут. госпиталь 31 августа 1770 года, на своемъ содержаніи; 10 января 1771 года произведенъ подлѣкаремъ и 2 февраля 1773 лѣкаремъ во 2 легкую полевую команду. Затѣмъ 21 марта 1776 года уволенъ за границу для усовершенствованія въ медицинѣ, учился въ разныхъ университетахъ и наконецъ въ шотландскомъ университетѣ св. Авдрея, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (24 мая 1779. По возвращеніи въ Россію экзаминованъ былъ въ медиц. коллегіи Ашмъ, Тихорскимъ и Горголи и получилъ право практики (15 февраля 1782 года). Послѣ того опредѣленъ на службу въ Екатеринославское намѣстничество, въ гор. Бериславъ. Прослуживъ тамъ около десяти лѣтъ, онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и по прошенію уволенъ отъ службъ. Между тѣмъ Елисаветградская госпитальная школа вуждалась въ преподавателей. Состояній при ней дивизионный докторъ Кёрнеръ плохо исполнялъ свои обязанности и Суворовъ былъ не доволенъ имъ и жаловался, что онъ непрерывно рапортуется больнымъ. Поэтому Кернеръ переведенъ былъ въ другое мѣсто, а на его мѣсто приглашенъ д-ръ Звѣрака (22 мая 1794) съ обязательствомъ преподавать химію и практическую медицину, съ жалованьемъ по 600 рубл. Когда же Елисаветградская школа была закрыта, то Звѣрака назначенъ былъ въ инспекторы Минской врачебной управы, а потому это назначеніе отлѣнено и Звѣрака оставленъ при Елисаветград. госпиталѣ, «но прежнему у пользованія больнымъ», съ жалованьемъ по 700 рубл. (10 августа 1797). Однакоже вскорѣ послѣ того онъ назначенъ докторомъ въ Николаевскій госпиталь (15 апрѣля 1798, а потомъ переведенъ въ Дубосарскую таможенную контору (15 октября 1800).

Зыбелинъ Семень Герасимовичъ получилъ первоначальное образованіе въ московской духовной академіи, а оттуда поступилъ въ московскій университетъ студентомъ, когда медицинскій факультетъ его еще не былъ открытъ (въ

1756 году). Окончивъ здѣсь курсъ, С. Зыбелинъ, вмѣстѣ съ П. Веніаминъ-вымъ, по ходатайству москов. университета, отправлены въ чужіе края для изученія медицинскіхъ наукъ (въ 1759 году). Они учились тамъ сперва въ кенигсбергскомъ, а потомъ въ лейденскомъ университетахъ. Въ лейденскомъ университетѣ Зыбелинъ защищалъ диссертацию: *Dissertatio inauguralis de saponibus medicis nativis ex triplice regno naturae petitis*, 1764, и получилъ докторскій дипломъ. По возвращеніи въ Москву Зыбелинъ экзаминованъ былъ профессорами университета и признанъ «достойнымъ обучать медицинѣ и оную отправлять въ практикѣ». Послѣ того ему назначена была пробная лекція и признана удовлетворительною, а потому и конференція университета опредѣлила поручить ему экстраординарную кафедру теоретической медицины. Но онъ не имѣлъ еще права медицинской практики и кураторъ Херасковъ обратился къ медиц. коллегіи, чтобы дано ему было это право (30 января 1766); но коллегія отвѣчался, что онъ для полученія этого права долженъ подвергнуться установленному въ ней экзамену, на основаніи ея инструкціи. Его экзаминовали въ Москвѣ Риндеръ и Погорецкій и затѣмъ (19 апрѣля 1767 года) ему дано право практики. 17 мая 1768 году получая онъ званіе ординарнаго профессора. Умеръ 26 апрѣля 1802.

Ивановъ Дмитрій, докторъ Пензенскаго намѣстничества, получилъ теоретическое медицинское образованіе въ московскомъ университетѣ и окончивъ тамъ курсъ, долженъ былъ получить назначеніе чрезъ медицинскую коллегію. Коллегія экзаминовала его и нашла неспособнымъ еще имѣть самостоятельную практику, а потому и опредѣленъ былъ подлѣкаремъ въ московскій генеральный госпиталь съ подлѣкарскимъ жалованьемъ (25 октября 1774). Но 3 мая 1775 высочайше повелѣно отправить его въ чужіе края для окончанія науки, производя по 400 р. жалованья изъ штатсъ-конторы. Ивановъ и три товарища его посланы въ Страсбургъ съ особою инструкціею отъ медицинской коллегіи.

Пріовъ Іосифъ (Joseph Friedrich Irion), родомъ изъ Штутгардта въ Виртембергѣ, учился четыре года въ Тюбингенѣ и напечатавъ диссертацию: *Examen rationum sectionem ossium pubis oppugnantium et limitantium*, получилъ дипломъ (17 іюля 1780). Приѣхавъ въ Россію получилъ право практики (въ сентябрѣ 1783 года) и опредѣлился на службу въ Смоленское намѣстничество по контракту. Въ сентябрѣ 1791 года онъ просилъ себѣ чина надворнаго совѣтника, основываясь на томъ, что долго прожилъ на одномъ мѣстѣ, а также и на высочайшемъ указѣ 16 декабря 1790 года. При учрежденіи врачебныхъ управъ назначенъ инспекторомъ Вятской врачебной управы, а отсюда переведенъ въ Смоленскую управу акушеромъ (1 іюня 1797).

Камеицкій Осипъ Кириловичъ, сынъ мѣщанина въ мѣстечкѣ Симеоновѣ Стародубскаго полка, первоначально учился въ Черниговской коллегіи сту-

дентомъ, а потомъ принять ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь (8 марта 1778 года). Онъ учился на своемъ конитѣ и, окончивъ курсъ и получивъ званіе лѣкаря, остался въ томъ же госпиталѣ, безъ содержанія до вакансіи. Тутъ же произведенъ въ штабъ-лѣкари и бол. асс. и наконецъ зачисленъ на вакансію лѣкарскую, на мѣсто уволеннаго изъ госпитальной службы члена медицинской коллегии шт. л. Степана Андреевскаго. При учрежденіи врачебныхъ управъ О. К. Каменецкій назначенъ къ спб. физикату, на должность инспектора его (28 октября 1798), съ жалованьемъ по 800 рублей, на мѣсто отказавшагося отъ этой должности д-ра барона Беллингегаузена.

О. К. Каменецкій напечаталъ лѣчебникъ, пользовавшійся общемою извѣстностью въ Россіи, подъ заглавіемъ: *Краткое наставленіе о лѣченіи простыми средствами болъзней, отъ разныхъ ядовъ случающихся, для сельскихъ жителей, и для нѣтъ врачей.* Сочиненіе Осипа Каменецкаго. Москва, 1806, 8^о.

Но еще болѣе памятна исторія его тѣмъ, что онъ первый изъ русскихъ удостоенъ званія лейбъ-медика при дворѣ императора Александра I.

Кантъ Карлъ (Karl Kant), докторъ польской службы, надворный совѣтникъ, родился въ гор. Лейбахѣ въ Карніоліи, учился въ Вѣнѣ и практиковалъ въ мѣстечкѣ Корць Изяславской губерніи. Признанъ докторомъ 31 іюля 1795 года.

Канпель Антонъ (Anton Friedrich Cappel) изъ Дерпта, учился въ Іенѣ шесть лѣтъ и получилъ дипломъ 8 сентября 1784. Экзаменованъ въ коллегіи Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и не выдержалъ экзамена (3 мая 1785). Вторично экзаменованъ и получилъ право практики (въ августѣ 1785).

Канпель Юганъ (Johann Friedrich Cappel) изъ Брауншвейга, принятъ въ русскую службу по контракту съ Циммерманомъ и по именному указу на имя генералъ-аншефа Ивана Петровича Салтыкова отъ 15 сентября 1786 г.

Карацено Мануиль Юрьевичъ (Emanuel Caraceno), грекъ, турецкій подданный, родомъ изъ Константинополя, получилъ 30 марта 1759 года правъ лѣкарской практики въ Россіи, а чрезъ десять лѣтъ, въ августѣ 1769 года, поѣхалъ въ Лейденъ, выдержалъ тамъ докторскій экзаменъ и напечаталъ, въ видѣ диссертациі, theses: *Quaedam de peste*, получилъ докторскій дипломъ, 2 августа 1770 года. Возвратившись съ дипломомъ, онъ былъ экзаменованъ Ломаномъ, Синопеусомъ и Линдеманомъ и получилъ право практики (2 декабря 1770) въ Россіи. Въ слѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ для частныхъ надобностей въ Черниговъ; но доѣхавъ до Москвы, раздумалъ ѣхать далѣе и донесъ оттуда, что желаетъ остаться и практиковать въ Москвѣ. Въ это время (11 апрѣля 1771 года) военная коллегія требовала доктора въ Донское войско, на мѣсто переведеннаго оттуда доктора Мира. Туда посланъ былъ изъ полеваго госпиталя въ брѣвности св. Дмитрія д-ръ Иванъ Янеке, а на его мѣ-

кансію опредѣленъ въ крѣпостной госпиталь св. Дмитрія Эмануель Карацено, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщиковъ. Но когда это опредѣленіе дошло до Москвы, Карацено тамъ уже не было: онъ уѣхалъ въ Нѣжинъ (7 февр. 1771) съ намѣреніемъ поселиться тамъ. Объ этомъ сообщено въ главный крѣпостной комисариатъ, съ просьбою выслать его на службу въ крѣпость св. Дмитрія. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ должность только въ іюль 1771 года.

Карбонарій Григорій Мартыновичъ (Gregorius Carbonarius von Bisenegg) прибылъ въ Москву въ февраль 1689 и поднесъ обоимъ царямъ рекомендательное письмо отъ нѣмецкаго императора Леопольда. Въ этомъ письмѣ съ большою похвалою говорится объ его учености и прилежаніи. Какъ врачъ, приглашенный въ царскую службу, онъ при вступленіи въ службу получилъ много подарковъ и по обыкновенному порядку путевыя деньги и жалованье. Карбонарій служилъ въ полкахъ, участвовалъ въ азовскомъ походѣ и наконецъ подъ Нарвою попался въ плѣнъ къ шведамъ и отосланъ въ Ревель. Послѣ того, чрезъ посредство римскаго императора, доктору возвращена была свобода (1704). Возвратившись въ Москву, онъ опять вступилъ въ русскую службу, но въ 1714 году сталъ просить увольненія отъ оной для отъѣзда въ Германію, гдѣ и умеръ въ 1723 году. Біографія его напечатана у В. Рихтера, II, 305.

Карпинскій Никонъ Карповичъ, сынъ казака въ селѣ Денисовкѣ Лубенскаго полка, первоначально учился въ Харьковской коллегіи студентомъ, а потомъ принятъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь (28 августа 1773 года). Черезъ годъ произведенъ онъ былъ въ подлѣкари (31 іюля 1774 года) и такъ прилежно учился анатоміи, что обратилъ на себя особенное вниманіе оператора Я. фонъ-Меллена, преподавателя анатоміи. Я. фонъ-Мелленъ просилъ въ помощь себѣ при чтеніи анатоміи подлѣкаря Карпинскаго, «который къ тому и способность имѣеть». Медицинская коллегія исполнила эту просьбу (4 сентября 1774), но не назначила Карпинскому никакого вознагражденія за это. Карпинскій работалъ старательно; но операторъ Я. фонъ Мелленъ донесъ коллегіи, что Карпинскому грозитъ чахотка и анатомическія занятія вредны, а потому и просилъ уволить его отъ прозекторской должности и поручить ее ученику Ив. Каминскому, начавшему уже повторять лекціи съ младшими учениками. Коллегія утвердила это распоряженіе (21 сентября 1775 года). Профессоромъ анатоміи былъ Тереховскій, преподававшій въ тоже время и фармакологию (*materia medica*). 28 іюля 1776 года произведенъ лѣкаремъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь. Здѣсь прослужилъ онъ три года и затѣмъ уволенъ въ чужіе края (10 марта 1778 года) для усовершенствованія въ наукахъ, учился въ разныхъ университетахъ и наконецъ пробылъ два съ половиною года въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Возвратившись въ Россію экзаминованъ былъ въ коллегіи

Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и тотчасъ же получилъ право практики (11 сентября 1781 года). Въ мартѣ 1784 года Карпинскій опредѣленъ младшимъ докторомъ въ слб. адмиралтейскій госпиталь съ жалованьемъ по 300 р. и казенною квартирою, но черезъ полгода переведенъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь лекціоннымъ докторомъ анатоміи, на мѣсто Тереховскаго, съ жалованьемъ по 600 р. и казенною квартирою. Вскорѣ послѣ того проф. Тереховскій командированъ былъ за границу по дѣлу объ устройствѣ или преобразованіи школъ (1 марта 1785) и передалъ Карпинскому преподаваніе и фармакологию ¹⁾. По штату 15 іюля 1786 года Карпинскій получилъ званіе профессора анатоміи и физиологіи и избралъ себѣ адъюнктомъ прозектора слб. медико-хирургическаго училища ш. л. Андрея Федоровскаго (13 февраля 1796), скоро замѣненнымъ П. А. Загорскимъ. При учрежденіи медико-хирургической академіи, на основаніи закона, по которому одно лицо не должно занимать двухъ должностей, Н. К. Карпинскій остался членомъ медицинской коллегіи и отказался отъ должности профессора академіи.

Карпъ Иванъ (Johann Fridrich Carp), уроженецъ изъ гор. Веттера въ графствѣ Маркскомъ, человекъ весьма образованный. Онъ былъ сперва пасторомъ въ реформатской церкви въ Петербургѣ, а потомъ уѣхалъ въ Лейденъ (31 іюля 1757) учиться медицинѣ. Тамъ два года поучившись и напечатавъ диссертацию *De temperamentis*, получилъ дипломъ (20 іюля 1759). Возвратившись въ Петербургъ, онъ былъ экзамированъ въ медицинской канцеляріи (23 октября 1759), получилъ право практики и черезъ мѣсяцъ (27 ноября тогоже года) принятъ на службу и причисленъ къ медицинской канцеляріи, съ жалованьемъ по 300 р. Ему поручено было: 1) имѣть палату больныхъ въ госпиталѣ и потому даны въ помощь 1 поддѣваръ и 1 ученикъ; 2) быть при осмотровѣ инвалидовъ и при экзаменахъ лѣкарей, поддѣварей и учениковъ въ медицинской канцеляріи, «единственно для того, чтобы привыкнуть къ тому»; 3) дѣлать приказныхъ и служителей медицинской канцеляріи съ совѣта д-ра Лерхе, стараться учиться порусски и исполнять все что прикажутъ въ медицинской канцеляріи. Проведя около двухъ лѣтъ въ этой приготовительной службѣ, Карпъ сталъ проситься въ кронштадтскій госпиталь младшимъ докторомъ, съ жалованьемъ по 400 р. и получилъ это мѣсто (17 мая 1761 года). Тутъ была госпитальная школа, тутъ много было больныхъ и потому много работы: но работа не тяготила его. Онъ былъ прилежный преподаватель и почти одинъ преподавалъ всѣ науки госпитальной школьной программы. Заслуги его цѣнялись медицинскою коллегіею и наградою за нихъ было повышеніе его въ званіе старшаго доктора госпиталя. Умеръ 12 декабря 1776 года въ Кронштадтѣ.

¹⁾ Карпинскій освобожденъ былъ отъ преподаванія фармаколгіи только черезъ десять лѣтъ, именно въ 1795 году.

Квятковскій Несторъ Григорьевичъ, родомъ изъ села Стодола Кіевской губерніи, учился четыре года въ Кенигсбергѣ и получилъ дипломъ (1784). Возвратившись въ Петербургъ былъ экзаминованъ, но не выдержалъ экзамена, „и для лучшаго утверженія“ опредѣленъ былъ въ спб. генеральный адмиралтейскій госпиталь (сентябрь 1784), на вакансію младшаго доктора, съ жалованьемъ по 300 р. Вторично экзаменованъ (19 декабря 1784), получилъ право практики и опредѣленъ въ Курское намѣстничество (въ февралѣ 1785), а потомъ переведенъ въ гор. Ливны Орловской губерніи (1791).

Кёбеке Августъ (August Koebecke), уроженецъ изъ польскаго города Паузена, учился въ Берлинѣ и въ мекленбургскомъ гор. Вицовѣ (въ academia Friedericiana Buetzoviensis), гдѣ, напечатавъ диссертацию *De arsenico*, получилъ дипломъ (6 мая 1777). Экзаминованъ въ мед. коллегіи Ашемъ и Пекенонъ и получилъ право практики въ Россіи (28 сентября 1777), а вслѣдъ за тѣмъ опредѣленъ докторомъ въ Могилевскую губернію, а оттуда переведенъ дивизионнымъ докторомъ въ Вѣлорусскую дивизию (въ февралѣ 1778 года). Тутъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и назначенъ былъ въ 3 дивизию Кубанскаго корпуса (въ крѣпость св. Димитрія), откуда, по слабости здоровья, переведенъ въ Кіевскій полевой госпиталь (15 января 1789 года). Но оставался тутъ не долго и назначенъ въ ревельскій полевой госпиталь, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рап. и 2 донц.

Кейли Джоржъ (Georg Cayley), англичанинъ, учился въ Эдинбургѣ и Лондонѣ шесть лѣтъ и получилъ въ Эдинбургѣ докторскій дипломъ. Экзаминовался въ медицинской коллегіи и получилъ право практики въ Россіи (6 сентября 1789), а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ на службу въ Выборгскій полевой госпиталь, съ жалованьемъ по 400 р. Черезъ годъ получилъ прибавку жалованья по 600 р., оставаясь во второй части Финляндской арміи.

Кеппенъ Иванъ (Johann Koerren) учился въ Марбургѣ и былъ вызванъ въ Россію, вмѣстѣ съ другими, а за скорымъ отъѣздомъ не успѣлъ получить докторскаго диплома. Приѣхавъ опредѣленъ былъ въ Харьковъ губернскимъ лѣкаремъ (въ 1786 году). Въ 1792 году ему прислали дипломъ изъ Марбурга и онъ просилъ докторскихъ правъ, но за дальностію отказывался ѣхать на экзамень въ Петербургъ. Медицинская коллегія (7 октября 1792) пригласила его приѣхать для этого въ Москву, но онъ отказался и туда ѣхать, отзываясь тѣмъ, что «такъ какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ всегда много больныхъ изъ гг. членовъ дворянъ и другаго званія людей, такожъ и ихъ фамилій, кои имѣютъ ко мнѣ много довѣренности, а по таковымъ обстоятельствамъ и здѣшній г. губернаторъ приглашаетъ меня оставить поѣздку». По этому онъ просилъ дать ему тему заочно, на которую онъ доставитъ доводы съ покорностію (14 марта 1793). Медицинская коллегія отписала, что она съ удовольствіемъ приметъ тѣ прищѣпанія о болѣзняхъ, которыя въ Харьковской губерніи лѣ-

чить ему случалось. Онъ вѣроятно представилъ «нѣкоторыя притѣчанія» и въ апрѣлѣ 1793 признанъ докторомъ медицины безъ экзамена.

Керберъ Петръ (Peter Friedrich Koerber), лифляндецъ, учился въ Галле, Йенѣ и Эрфуртѣ, гдѣ и получилъ дипломъ (3 мая 1756 года). Послѣ того практиковалъ въ Эстляндіи, писалъ популярныя книги для эстляндскихъ крестьянъ и былъ членомъ Столгольмской академіи наукъ. Достигнувъ 52 лѣтъ, онъ пожелалъ поступить въ государственную службу, былъ экзаменованъ въ медиц. коллегіи и получилъ право практики въ Россіи (23 іюня 1783 года).

Керберъ Іоганъ (Johann Friedrich Koerber), родомъ изъ Ревеля, учился въ Геттингенѣ и тамъ получилъ дипломъ (7 іюля 1787). Экзаменованъ въ коллегіи, получилъ право практики (13 іюля 1788) и немедленно опредѣленъ въ формирующуюся тогда финляндскую армію.

Керестури Францъ (Ferencz Beresztury), родомъ венгерецъ изъ гор. Мотока, первоначально учился въ московской госпитальной школѣ съ 10 сентября 1762 года и произведенъ въ подлѣбари (13 іюня 1763), а потомъ въ лѣбари (11 іюня 1764 года). Черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ назначенъ на службу въ Бахмутъ, къ карантинному дому и пограничной таможенѣ (30 іюня 1764), съ жалованьемъ по 180 р. въ годъ. Но онъ имѣлъ въ виду поступить въ московскій медицинскій факультетъ прозекторомъ и просилъ объ этомъ куратора В. Е. Ададурова, который написалъ объ этомъ письмо къ барону Черкасову 24 августа 1764). Баронъ Черкасовъ отвѣчалъ, что Керестури не можетъ быть опредѣленъ въ университетъ иначе какъ получивъ увольненіе отъ медицинской службы. т. е. подавъ просьбу объ увольненіи. Керестури подалъ просьбу объ увольненіи по болѣзни. Его приказано свидѣтельствовать и докторъ Петръ Апшъ и штабъ-лѣбаръ Хр. Минау дали свидѣтельство, что онъ «одержимъ обструкціею внутреннею, отъ чего у него часто имѣется желчь и пражестокая колика, отъ которыхъ болѣзней нынѣ одержимъ былъ и знаки въ лицѣ имѣеть, также корпусомъ въ слабости признавается». По этому свидѣтельству онъ уволенъ (15 ноября 1764) изъ вѣдомства медицинск. коллегіи и тотчасъ же опредѣленъ въ университетъ, прозекторомъ при профессорѣ Еразмусѣ Прошло 12 лѣтъ послѣ этого и московскій университетъ сталъ просить медиц. коллегію о производствѣ его въ штабъ-лѣбари слѣдующею промеморіею (18 августа 1776 года):

«Находящійся при университетѣ прозекторъ Францъ Керестури, по званію своему, занимаетъ должность при анатомическомъ театрѣ съ 1765, а потомъ при обученіи находящихся въ университетѣ медицинскаго факультета студентовъ анатоміи и хирургіи, на мѣсто доктора и профессора Зыбеллина, а сверхъ того и при пользованіи въ университетскомъ лазаретѣ больныхъ студентовъ и учениковъ, вмѣсто уволеннаго отъ университета доктора Татарянова, исправляеть и нынѣ исправляеть съ желаемымъ успѣхомъ и прилежностію, притомъ пос-

тупи имѣть честные и добропорядочные; по сему, а паче что онъ нынѣ, какъ выше явствуетъ, должность доктора и профессора анатоміи отправляетъ, заслуживаетъ награжденія чина: того ради императорскій московскій университетъ государственной медиц. коллегіи рекомендуя онаго прозектора Керестури просить, дабы соблаговолено было за долговременную его и безпорочную службу и отправленіе должности профессора анатоміи при университетѣ, въ поощреніе къ дальнѣйшей ревности и усердію, произвестъ его, Керестури, въ штабъ-лѣкари и о томъ въ университетъ увѣдомленіемъ не оставить. Августа 18 дня 1776. Михайла Приклонскій». По этому ходатайству медицинская коллегія произвела Керестури въ штабъ-лѣкари (5 сентября 1776 года).

Наконецъ прошло еще восемь лѣтъ и Керестури, уже ординарный профессоръ, вошелъ въ медицинскую коллегію (въ февралѣ 1784) съ слѣдующимъ прошеніемъ: «Имѣю я быть при московскомъ В. И. В. университетѣ ординарнымъ анатоміи и хирургіи профессоромъ; такожъ и по удостоенію римской императорской академіи ея натуральной исторіи членомъ¹⁾; дошедъ уже я въ носящихъ сихъ чинахъ радѣтельно къ обществу должностію моею и къ полученію докторскаго экзамена, о которомъ и просить сіе правительство напелъ я благонадежнымъ. Дабы высочайшимъ В. И. В. указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе государств. медиц. коллегіи принять и удостоить допущеніемъ меня до докторскаго экзамена въ Москвѣ». По этому прошенію мед. коллегія тотчасъ же постановила: экзаминовать его въ московской медицинской конторѣ штадтъ-физику д-ру І. Тимковскому, обще съ докторами старшимъ московскаго генерал. госпиталя н. с. І. Раушертомъ, лекціоннымъ докторомъ Фризомъ и находящимся при бабичьемъ искусствѣ И. Рудкиемъ. Они экзаминовали его и выдали (21 марта 1787) слѣдующій аттестатъ: *Attestatum. Nos infra subscripti doctores medicinae examinavimus collegiorum assessorem et universitatis moscoviensis anatomiae et chirurgiae professorem, d-num Keresturi atque illum privilegiis doctoralibus dignum esse, subscriptis nominibus nostris testamur. Doctor Helias Rutzky, Henrichus Frese, Ioachimus Rauschert, Iosephus Timkowsky. Mensis martii die 21-го anni 1784*».

Въ отвѣтъ на это представленіе медицинская коллегія написала въ москов. медицинскую контору (въ апрѣлѣ 1784), что «получа изъ медиц. конторы рапортъ и аттестаты о экзаминованіи его въ медицинѣ, ожидаетъ получить какое ни есть сочиненіе изъ медической или хирургической части, какъ то всюду обрядъ таковъ наблюдается, дабы коллегія могла дальнее разсмотрѣніе учинить».

¹⁾ Это Imperialis Leopoldino-Carolina Academia naturae curiosorum, въ которую онъ былъ принять членомъ 21 мая 1781 г. cum cognomine *Callisthenis*.

На это Керестури прислалъ экземпляръ латинской своей рѣчи, читанной въ университетѣ 28 іюня 1783 года, въ день восшествія Екатерины II на престолъ, подъ заглавіемъ «Solemnitatem annuam XXVIII iunii recurrentem, quod augustissima ac potentissima omnium Rossiarum Imperatrix et Autocrator Catharina II, clementissima patriae mater, thronum rossicum conscenderit. Indicit Franciscus Keresturi, collegiorum assessor, anatomiae et chirurgiae p. p. o., academiae imperialis naturae curiosorum collega. Qui disserit *De cognoscenda vita, ut intima corporis humani indoles clarius elucescat.* Anno 1783 die XXVIII junii». Рѣчь эта напечатана была на 6 страницъ in 4°, кромѣ заглавнаго листа.

Послѣ этого медицинская коллегія, въ маѣ 1784, постановила: «означеннаго кол. ассессора, анатоміи и хирургіи профессора Франца Керестури, по достоинству о немъ при экзаменѣ, произвестъ докторомъ медицины съ тѣмъ правомъ, какими подобныя доктора въ российской имперіи пользуются, и дать ему на то, по силѣ именнаго Е. И. В. указа отъ 9 іюня 1764 года, отъ сей коллегіи на пергаментѣ патентъ за рукою господина президента оной коллегіи съ приложеніемъ коллежской печати.

Умеръ въ Москвѣ 16 февраля 1811 года.

Кёрнеръ Іоаннъ Веніаминъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, предназначенъ былъ къ преподаванію наукъ въ Калининскомъ хирургическомъ институтѣ, но оказался неспособнымъ къ этому, по слабости груди. Нѣсколько разъ послѣ лекціи появлялось у него кровохарканіе и онъ долженъ былъ отказаться отъ преподавательской должности и занимался вольною практикою въ Петербургѣ. Между тѣмъ старшій докторъ кронштадтскаго морскаго госпиталя Валеріанъ сталъ жаловаться, что въ госпиталѣ его чрезмѣрно много больныхъ и нѣкоторая часть ихъ отдѣлена и помещена въ Ораніенбаумъ, такъ что ему одному трудно стало наблюдать и лѣчить больныхъ. По этому представленію медицинская коллегія послала въ помощь Валеріану доктора Кернера, сверхъ комплекта, но съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ (9 октября 1791). Здѣсь пребылъ онъ ровно годъ и переведенъ въ Екатеринославскую армію, на открывшуюся тамъ вакансію (21 октября 1792), съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщ. Пріѣхавъ въ Елисаветградъ, онъ явился къ генералъ-аншефу Суворову и тотъ приказалъ ему немедленно заняться преподаваніемъ анатоміи, физиологіи и хирургіи въ Елисаветградской госпитальной школѣ. Но Кернеръ тотчасъ же заявилъ, что готовъ исполнять всѣ медицинскія обязанности, кромѣ только преподавательской, потому что слабъ грудью и уже пробовалъ читать лекціи въ Петербургѣ, но долженъ былъ отказаться отъ нихъ, что извѣстно медицинской коллегіи. Дѣйствительно, послѣ лекцій у него показывалось кровохарканье и коллегія подтвердила это. Суворовъ былъ недоволенъ отказомъ Кернера и даже высказалъ, что ему больнымъ докторовъ не нужно и приказалъ поручить преподаваніе въ школѣ доктору Петру

Кольбе, уже и прежде занимавшемуся этимъ. Кернеръ сталъ не нуженъ и долженъ былъ искать другаго мѣста. Въ этомъ помогъ ему адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, по ходатайству котораго Кернеръ переведенъ въ Херсонскій морской госпиталь (11 декабря 1794 года), съ жалованьемъ по 800 рублей отъ Черноморскаго адмиралтейскаго правленія. Здѣсь Кернеръ и умеръ въ 1795 году.

Керстенсъ Иоганнъ (Johann Christian Kerstens), уроженецъ изъ Бремена, учился въ Галле, а потомъ въ Лейпцигѣ и напечаталъ диссертацию *De spissitudine sanguinis*, Halae, 1749, получилъ докторскій дипломъ. Въ Россію вызванъ изъ Лейпцига, какъ профессоръ химіи и металлургіи, для московскаго университета, и какъ докторъ медицины. По этому послѣднему званію онъ долженъ бы былъ подвергнуться экзамену въ медицинской канцеляріи; но кураторъ московскаго университета Е. И. Шуваловъ просилъ П. С. Кондоиди разрѣшить Керстенсу право медицинской практики безъ экзамена, ссылаясь на указъ императрицы Елисаветы 7 марта 1775 ¹⁾. Кондоиди исполнилъ просьбу Шувалова и Керстенсу данъ разрѣшительный указъ (27 января 1758 года) безъ экзамена.

Керстенсъ преподавалъ въ московскомъ университетѣ химію и минералогію, теоретическую и экспериментальную физику, врачебное веществословіе и химію съ натуральною исторіею простыхъ аптекарскихъ лѣкарствъ. Въ 1770 году Керстенсъ оставилъ университетскую службу и уѣхалъ за границу на свою родину.

Кизекенъ (Ludwig, August, Theodor Kiesecken) получилъ право практики безъ экзамена, 7 августа 1786, и принятъ въ службу по рекомендаціи ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана, и по именному указу императрицы Екатерины II, опредѣленъ былъ на службу въ Полоцкое наѣстничество, а потомъ въ Вѣлорусскую губернію. Уволенъ отъ службы 28 октября 1798.

Кланке Францъ Матвѣевичъ (Franciscus Klanke), московскій уроженецъ, сынъ главнаго лѣкаря московскаго госпиталя. Учился въ Голландіи

¹⁾ Указъ этотъ изданъ по поводу признанія докторомъ голландца Германа Де Гортера, сына втораго лейбъ-медика Елисаветы Иоганна Де Гортера, безъ экзамена. Разрѣшительный указъ данъ тогда на томъ основаніи, что Де Гортеры были выписаны и приглашены въ Россію, а не сами явились искать службы въ нашеѣ отечествѣ; «прочимъ же безъ выписыванія прибывающимъ въ имперію нашу изъ чужихъ краевъ докторамъ сіе не въ примѣръ, но всякъ желающій имѣть въ государствѣ нашеѣ вольную практикѣ или и принятія службы нашеѣ, въ силу прежнихъ указовъ неизъемлемо отъ канцеляріи медицинской въ искусствѣ ихъ по регуламъ экзаменованы да будутъ, а безъ такого экзамена какъ позволенія вольной практикѣ, такъ и принятія въ службу нашу не чинить».

(съ 1745 года) и напечатать диссертацию *De usu venarum*. Lugd. Bat. 1732, получилъ въ Лейденѣ дипломъ. Возвратился въ Москву въ 1754 году и былъ тамъ экзаменованъ А. Детейльсомъ (патологія), Гривомъ (физиологія) и Монзеємъ (анатомія и хирургія), въ присутствіи Кондонди, который давалъ самъ вопросы ex praxi medica. Экзаменъ прошолъ хорошо и Кланке получилъ право практики 21 марта 1754, а 22 августа 1756 года опредѣленъ къ московской медицинской конторѣ, къ физическимъ дѣламъ и для командировокъ, съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ. Но опредѣленіе это не состоялось. При постановленіи войскъ на военное положеніе, Кланке назначенъ былъ (12 декабря 1756 года) въ дивизію генералъ-аншефа Фермора, въ формировавшійся въ Москвѣ observationalный корпусъ, а тутъ захворалъ горячкою съ пятнами и умеръ отъ нея 29 апрѣля 1757 года. Отецъ его, жившій въ Москвѣ безъ службы, пережилъ сына и самъ донесъ медицинской канцеляріи объ его смерти.

Клейгильсъ Карлъ (Carl Clayhills), финляндецъ, принятъ былъ въ русскую службу (1788) лѣкаремъ въ корабельный флотъ. Черезъ два года послѣ того уѣхалъ за границу, учился въ Іенѣ два года и получилъ докторскій дипломъ (20 марта 1793 года). Былъ экзаменованъ въ коллегіи и «на чинимые вопросы отвѣтствовалъ изъ хирургіи и анатоміи слабо, а изъ павелогіи, химіи и врачебной практики исправно» и по этому аттестату получилъ право практики (30 июня 1793). Черезъ годъ послѣ того (2 марта 1794) опредѣленъ въ Смоленское наместничество, въ городъ Дорогобужъ, а оттуда по прошенію переѣзженъ въ Рославльскій уѣздъ, съ жалованьемъ по 400 рублей (24 августа 1797).

Клейнке Христіанъ, докторъ польской службы, учился въ Кенигсбергѣ четыре года и потомъ практиковалъ въ Бѣжи (1798).

Клеменсъ Иванъ (Johann Christian Clemens) учился въ Эрфуртѣ и получилъ дипломъ, напечатать диссертацию *De funiculo umbilicali foetus humani longiori prae brutis*, 1724. Состоялъ въ русской службѣ въ Кронштадтѣ; но по указу медицинской канцеляріи 6 марта 1738 года отправленъ былъ въ армию Минна, стоявшую по Днѣпру. Командировка эта вызвана появленіемъ чумы на южной границѣ.

Клинтъ Яковъ (Jacob Johann Klint), изъ Выборга, учился въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ съ 21 марта 1762 по 23 іюля 1767, когда произведенъ лѣкаремъ. Въ 1771 году командированъ съ генераломъ Шишовымъ въ Кіевъ для прекращенія чумы. 6 октября 1774 года поступилъ въ московскую полицію частнымъ врачомъ и 18 марта 1779 года произведенъ въ штабъ-лѣкари. Затѣмъ 19 іюня того же года уѣхалъ за границу, «для достиженія дальнѣйшаго въ медицинскій наукѣ знанія», учился въ Геттингенѣ и получалъ тамъ дипломъ (2 сентябра 1780 г.). Возвратившись

въ Россію, экзаминованъ Ашемъ и Тихорскимъ и получилъ право практики въ Россіи (26 октября 1780 г.)

Клиппштейнъ Іоганнъ (Johann Christian, Gottlob Klipstein), родомъ изъ Іены, сынъ садовника, и тамъ же пять лѣтъ учился медицинѣ. Получилъ дипломъ 11 октября 1784 года. Приѣхавъ въ Петербургъ экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи (4 декабря 1784), но не выдержалъ экзамена. Вторично экзаминованъ 11 декабря 1784 и получилъ право практики въ Россіи. Спустя нѣкоторое время онъ опредѣленъ былъ въ Украинскую армію и умеръ 14 ноября 1791 года.

Кнакстедтъ Христофъ (Christoph Elias Heinrich Knackstaedt) принятъ въ русскую службу по рекомендаціи великобританскаго лейбъ-медика Циммермана операторомъ и акушеромъ (1786) и 5 августа того же года, именнымъ указомъ на имя тайнаго совѣтника Петра Васильевича Заводовскаго, опредѣленъ профессоромъ анатоміи и хирургіи при Калининскомъ хирургическомъ институтѣ (каковую должность будто бы приватно исправлялъ въ Брауншвейгѣ съ 1764 года). Въ исходѣ 1786 просилъ допустить его къ экзамену въ коллегіи, особенно касательно болѣзней зубныхъ и киль» и былъ экзаминованъ, но... аттестата объ экзаменѣ не было составлено. Только приказано было (16 ноября 1786) напечатать въ газетахъ, что «лѣкарь Христофъ Кнакстедтъ умѣетъ дѣлать подвязки на грыжи и операціи, вырывать зубы и вставлятъ поддѣльные, въ чемъ и былъ экзаменованъ», а жительство имѣетъ у Синяго моста въ угловомъ домѣ. Спустя три года (въ февралѣ 1790) Кнакстедтъ опять обратился къ медицинской коллегіи съ просьбою позволенія называться «докторомъ» и представилъ рукопись: *Описание сухихъ костей тѣла человеческого* и 1 марта 1790 года признанъ докторомъ безъ экзамена.

Книперъ Павелъ (Paul Jacob Knieper), эстляндецъ, сынъ пастора, учился въ Іенѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ (1750 года). По экзамену въ медицинской канцеляріи получилъ право практики въ Россіи 7 іюня 1756 года. Въ маѣ 1784 года опредѣленъ былъ въ Ораніенбаумскій уѣздъ на докторскую вакансію.

Кноблохъ Михаилъ Людвиговъ (Michael Ludwich Knobloch) принятъ въ русскую службу передъ началомъ семилѣтней войны и опредѣленъ въ Ревельскій морской госпиталь, а оттуда переведенъ (12 октября 1747 года) къ полкамъ въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ его докторомъ, а потомъ къ полкамъ въ Эстляндіи расположеннымъ. 13 іюля 1753 года онъ уволенъ отъ службы за слабостью здоровья, съ правомъ практики въ Эстляндіи и съ обязанностію смотрѣть за гарнизонными лазаретами и лѣкарями, но безъ жалованья. Потомъ опять поступилъ на службу старшимъ докторомъ Ревельскаго госпиталя. Отсюда онъ жаловался медицинской канцеляріи (6 мая 1758) на комиссара своего госпиталя поручика Фукса, за то, что «онъ, Фуксъ, не отъ

пускаетъ нужныхъ вещей (ветоня, рубашекъ, портянокъ, простынь) и больные лежать въ грязи и умирають. Ордеровъ не принимаетъ и говоритъ, что доктору репортовать не станеть, ибо онъ патентный офицеръ, и хотя знаетъ, что по генеральному регламенту докторъ въ госпиталѣ надъ всѣми генеральную дирекцію имѣеть, однако здѣсь такого регламента (сверхъ адмиралтейскаго) не имѣется. Онъ имѣеть, говорить, одного командира — майора Иксуля — который защищаетъ его и не велитъ состоять въ докторскомъ распоряженіи, а если хочеть имѣть главную дирекцію въ госпиталѣ и чрезъ вступаніе не въ свое дѣло чинить такіа конфузїи и помѣшательства, которыя генеральному регламенту противны». При этомъ Knoblochъ проситъ уволить его отъ должности «за третнюю лихорадкою», «а больныхъ 900 человекъ, и все трудные, а комисаръ Фуксъ и майоръ Иксуль причиняють огорченїя лѣкарямъ и вредъ больнымъ». Обо всемъ этомъ Knoblochъ представлялъ ревельскому оберъ-коменданту, генералъ майору Фонъ-Поникъау, но не получилъ отвѣта.

Кондонди послалъ ему экземпляръ генеральнаго регламента, а въ помощь далъ младшимъ докторомъ изъ Москвы д-ра Рауршета (15 мая 1758) и въ тоже время написалъ объ этомъ въ военную коллегїю и въ комисарїатъ.

Knoblochъ умеръ въ Ревелѣ 14 января 1768 года.

Knoblochъ Егоръ (Georg Ludwig Knobloch), ревельскій уроженецъ, учился въ Парижѣ и Лондонѣ, а потомъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Стразбургѣ и получилъ дипломъ въ Лондонѣ, но не предъявилъ диссертациіи. Получилъ право практикы въ Россїи 10 іюня 1784 года, и въ тоже время опредѣленъ докторомъ въ Ревельскій приказъ общественнаго призрѣнїя, гдѣ и получилъ чинъ надворнаго совѣтника.

Коллинсонъ Жакъ (Jacques Guilhaume Collignon) высочайшимъ именнымъ указомъ Екатерины II опредѣленъ, 21 іюня 1794, въ Таврическое медико-хирургическое училище, съ жалованьемъ по 1800 р. въ годъ изъ остаточныхъ суммъ государственнаго казначейства и 2-го января 1797 года по прошенїю уволенъ. Въ медицинской коллегїи не было даже копїи съ указа объ его опредѣленїи, равно какъ не было ея и въ казенной палатѣ таврической области, гдѣ онъ получалъ жалованье.

Кольбе Петръ служилъ главнымъ докторомъ Елисаветградскаго генеральнаго госпиталя и преподавателемъ медицинскихъ наукъ въ тамошней госпитальной медицинской школѣ (1792). По упраздненїи этой школы (13 іюня 1797 года) переведенъ въ Черноморскій флотъ.

Кольдервудъ Льюисъ (Lewis Calderwood), англичанинъ, принятъ въ русскую службу, въ л. гв. Преображенскій полкъ (1728) лѣкаремъ, съ жалованьемъ по 350 р.; потомъ нѣкоторое время состоялъ при московскомъ госпиталѣ. 4 мая 1730 года назначенъ былъ ко двору первымъ гофъ-хируромъ съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ, а 1 декабря 1731

года приказано давать ему жалованья по 600 р. въ годъ и выдать жалованье за годъ впередъ и кромѣ того выдать ему на поѣздку изъ Москвы въ Петербургъ, на подъемъ, единовременно 100 рублей. Онъ исправлялъ эту должность до 1738 года. Когда же наступила нужда во врачахъ для прекращенія чумы въ войскахъ и всѣ московскіе доктора и лѣкаря разосланы были на югъ Россіи, такъ что преподаваніе въ московской госпитальной школѣ должно было прекратиться, Кольдервудъ назначенъ былъ главнымъ лѣкаремъ въ московскій госпиталь съ жалованьемъ по 500 р. и преподавателемъ анатоміи, хирургіи и ученія о повязкахъ ¹⁾). Живя въ Москвѣ, онъ скоро научился русскому языку и это облегчило ему какъ преподавательскія, такъ и «физическія» обязанности, т. е. свидѣтельствованіе живыхъ и мертвыхъ по разнымъ уголовнымъ и административнымъ требованіямъ. До сихъ поръ еще хранятся въ архивахъ его судебно-медицинскіе акты.

Л. Кольдервудъ не имѣлъ степени доктора медицины, но преподавательскія заслуги его такъ велики, что мы сочли справедливымъ помѣстить этого учителя московской госпитальной школы между докторами медицины. Умеръ въ 1755 году, въ Москвѣ.

Кондоиди Павелъ Захаровичъ (Panajota Condoidi), грекъ, родомъ съ острова Корфу, привезенъ въ Россію въ молодыхъ годахъ дядею его Афанасіемъ Кондоиди. Этотъ дядя получилъ отличное ученое образованіе въ Италіи и пріѣхалъ въ Россію въ царствованіе Петра I съ молдавскимъ княземъ Кантемиромъ, въ качествѣ домашняго учителя ²⁾). Въ послѣдствіи этотъ дядя Афанасій постригся въ монахи и былъ сперва архимандритомъ Спасо-Ярославскаго монастыря, а потомъ епископомъ Суздальскимъ ³⁾). При немъ находился племянникъ его Панаіота Кондоиди, которому онъ желалъ дать такое же образованіе, какое въ молодости самъ получилъ. Онъ этого и достигнулъ: племянникъ его одинаково свободно говорилъ и писалъ по гречески, по латыни, по итальянски, по русски, по французски, по нѣмецки и отчасти по англійски и по голландски. Дядя предназначалъ его къ медицинской профессіи и отправилъ на свой счетъ въ Лейденскій университетъ, славившійся тогда знаменитыми представителями медицинскіхъ наукъ и между ними европейскою извѣстностью Бургава. Тамъ онъ получилъ докторскій дипломъ и напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Historiae lateralis ad extrahendum calculum sectionis appendix, sive Cystotomia Cheseldiana, auctore Jacobo Douglasso, doctore medico in Anglia regio, quam anglice conscriptam Latio donavit. Panajota Condoidi Corcyreus. Lugd. Batav. 1733. 4. cum figuris.*

¹⁾ На мѣсто оператора Іог. Пагенкампа, переведеннаго ко двору гофъ-хирургомъ (3 іюня 1742).

²⁾ В. Рихтеръ, *Исторія медицины въ Россіи*, III, 453.

³⁾ Суздальскій епископъ Афанасій Кондоиди умеръ 10 октября 1737 года.

Тотчас послѣ того онъ возвратился въ Россію, явился въ медиц. канцелярію для сопоціиши и получилъ право практики, а затѣмъ опредѣленъ на службу въ Украинскій корпусъ, въ составъ арміи Миниха (1734). По отзыву медицинскій канцеляріи, П. З. Кондонди служилъ очень усердно, «во время службы его всякую вѣрность и осторожность въ диспозиціи медикаментовъ такоужъ добрый порядокъ въ правленіи лѣкарей имѣлъ и всегда Ея Император. Величества указомъ надлежащее исполненіе чинилъ». Въ это время въ арміи Миниха было 6 докторовъ, не считая гофъ-медика Жакиена, состоявшаго при особѣ принца Вольтенбугельскаго. Каждый докторъ могъ распоряжаться въ своемъ корпусѣ по собственному усмотрѣнію и отъ того выходило иногда разногласіе въ распоряженіяхъ ихъ. Для устраниенія этого, по представленію Миниха, кабинетъ предписалъ (4 іюля 1738 года) опредѣлить одного изъ имѣющихся при арміи докторовъ генеральнымъ штабъ-докторомъ, у котораго и должны были сосредоточиваться всѣ медицинскія дѣла цѣлой арміи. Генеральными штабъ-докторами назначили тѣхъ докторовъ, которые состояли при главнокомандующихъ. Такимъ образомъ при арміи Миниха назначенъ былъ д-ръ Апцарити ¹⁾ а при арміи Ласи—д-ръ Лерхе, съ жалованьемъ каждому по 800 р. 10 рац. и 2 денщика. Въ тоже время д-ръ Апцарити сѣбѣнень и на его мѣсто назначенъ генеральнымъ штабъ-докторомъ въ арміи Миниха докторъ П. З. Кондонди съ присвоеннымъ этой должности содержаніемъ.

Вступивъ въ должность, Кондонди обратилъ вниманіе на три обстоятельства, которыя относились одинаково и къ арміи Миниха и къ арміи Ласи. Первое изъ нихъ было то, что въ обѣихъ арміяхъ генеральными штабъ-докторами назначены молодые доктора, которыя неохотно подчинятся остальнымъ докторамъ, больше ихъ служившимъ и можетъ быть болѣе опытнымъ. Для избѣжанія столкновеній по службѣ Кондонди и Лерхе не нашли ничего лучшаго какъ составить инструкцію генеральнымъ штабъ-докторамъ, которая и была составлена П. З. Кондонди. Инструкція состояла изъ 18 пунктовъ, заключавшихъ всѣ обязанности и права ихъ и утверждена медиц. канцеляріею 16 марта 1739 года. Другое обстоятельство состояло въ томъ, что больные въ госпиталяхъ содержались плохо по причинѣ множества злоупотребленій комиссаріатскихъ чиновниковъ. И вотъ—«понеже отъ однихъ лѣкарствъ и едино отъ призрѣнія докторовъ и лѣкарей отнюдь уповать невозможно вызлѣченія больныхъ, ежели притомъ надлежащее попеченіе оwohl нихъ не будетъ въ нищѣ и питіи, повѣѣ и прочаго, что до выгоды больныхъ надлежитъ и отъ чего наипаче упо-

¹⁾ Онъ еще въ 1733 году состоялъ при Минихѣ въ званіи генераль-штабъ-доктора, потому что состоялъ при его собственномъ лицѣ.

²⁾ Подчиниться Кондонди должны были: Апцарити, Тейльсъ, Ничъ, Шиллингъ, Диве и гофъ-медикъ Жакиень, а подчиниться д-ру Лерхе должны были: Шрейберъ, Басній и Синпоусъ.

вать можно вытѣченія оныхъ»—и понеже отъ призрѣнія полковыхъ командировъ наипаче зависитъ желаемый успѣхъ въ пользованіи больныхъ, нежели отъ чрезмѣрнаго употребленія лѣкарствъ, отъ которыхъ кромѣ вреда иное уповать невозможно, а паче въ таковыхъ людѣхъ, которые принимать оныя не привыкли». — П. З. Кондоиди ходатайствуетъ объ установленіи должности инспекторовъ госпиталей, которая и устанавливается. Наконецъ третье обстоятельство, на которое обратилъ онъ вниманіе, это—разрозненность врачей и потеря всякихъ результатовъ ихъ опыта и наблюденія отъ невозможности научнаго общенія между ними. Избѣгнуть этого можно было только установленіемъ ученыхъ совѣщаній «объ имѣющихся въ арміи больныхъ и о наилучшихъ способахъ лѣченія ихъ». Журналы этихъ совѣщаній представлялись главнокомандующему для распоряженій въ случаѣ если какая либо мѣра не могла быть исполнена въ отдѣльныхъ командахъ. Въ этихъ распоряженіяхъ молодого генераль-штаб-доктора явно обнаружился административный талантъ, который въ послѣдствіи выказался во всемъ его объемѣ.

По окончаніи военныхъ дѣйствій и послѣ прекращеніи моровой язвы на югѣ. П. З. Кондоиди жилъ въ Переяславлѣ, сохраняя званіе генераль-штаб-доктора. Онъ состоялъ по прежнему при Украинскомъ корпусѣ. Тамъ застало его извѣстіе о вояженіи Елисаветы Петровны и вмѣстѣ съ тѣмъ точное предписаніе отъ новаго архіагера, графа Лестока, о немедленномъ прїѣздѣ въ Петербургъ для управленія дѣлами медицинскоя канцеляріи или конторы ¹⁾ Дѣло въ томъ, что гофъ-медикъ Лестокъ, сдѣлавшись архіагеромъ съ огромнымъ жалованьемъ, долженъ былъ сознаться, что онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ дѣлѣ, которое онъ взялъ на себя. Онъ и сознался. Немедленно по вступленіи въ должность, онъ послалъ указъ Кондоиди прїѣхать въ Петербургъ: объявленіе о назначеніи Лестока разослано 24 декабря 1741 года, а въ

1) Чтобы избѣгать сбивчивости въ словахъ «медицинская канцелярія», «медицинская контора» и въ значеніи временнаго обмѣна ролей ихъ слѣдуетъ припомнить слѣдующее: Архіагеры управляли дѣлами медицинскаго «факультета» лично, чрезъ посредство медиц. канцеляріи въ Петербургѣ и чрезъ медицин. контору въ Москвѣ. Посему гдѣ былъ архіагеръ, тамъ была и канцелярія его. Но такъ какъ большая часть архіагеровъ, начиная съ Бургаева, были и дѣйствительными лейбъ-медиками, обязанными безотлучно быть при особѣ императрицы и слѣдовательно обязаны были сопровождать дворъ въ поѣздкахъ его въ Москву и обратно и временно удаляться отъ своей канцеляріи, то медиц. канцелярія числилась тамъ, гдѣ была резиденція архіагера. Такъ напримѣръ когда Лестокъ переехалъ въ Москву для присутствія при коронаціи Елизаветы Петровны, то московская медицинская контора переименовалась «м. м. канцеляріею», а спб. м. канцелярія—«конторою». И наоборотъ: по возвращеніи Лестока въ Петербургъ и канцелярія и контора опять получили свои прежнія названія. Такой обмѣнъ названій могъ повториться нѣсколько разъ въ годъ.

концѣ января Кондонди былъ уже въ Петербургѣ—скорость по тогдашнимъ путямъ сообщенія очень большая. 21 февраля 1743 года Лестоку уѣзжалъ съ дворомъ въ Москву и поручилъ Кондонди формальное управление спб. медицинскою конторою, «а въ чемъ онъ рѣшенія произнести самъ не возмощетъ, о томъ представлялъ бы въ медицинскую канцелярію, въ Москву, и требовалъ резолюціи», о чемъ и сообщено сенату, адмиралтейской и военной коллегіямъ. Вслѣдъ за тѣмъ Лестоку стало предоставлять большую часть дѣлъ спб. медицин. конторѣ, предписывая не требовать всякій разъ особенныхъ указовъ.

Первымъ актомъ Лестокова управленія (справедливѣе можетъ быть сказать Кондондиева управленія) было распоряженіе составить полный списокъ служащихъ врачей съ указаніемъ мѣста службы каждаго и окладнаго жалованья ихъ. Списки этого рода ежегодно печатаются и до настоящаго времени. Затѣмъ начались заботы объ улучшеніи госпитальныхъ школъ: опредѣленіе д-ра Шрейбера въ Петербургъ профессоромъ анатоміи и хирургіи, опредѣленіе сроковъ ученія въ школахъ, установленіе правилъ экзаменовъ, учрежденіе четырехъ полевыхъ аптекъ съ новыми штатами (11 декабря 1744 года).

П. 3. Кондонди пробылъ въ Петербургѣ болѣе года и за всю эту службу получалъ по 1100 рублей изъ экстренныхъ суммъ медицинской канцеляріи. Но онъ все еще считался генеральнымъ штабъ-докторомъ Украинскаго корпуса и 3 мая 1743 года уѣхалъ въ Кіевъ, на старое жалованье и прежнюю службу (800 руб. 15 рац. и 4 денщиковъ). А въ управленію медицинскою конторою, на его мѣсто, призванъ былъ докторъ Як. Лерхе, въ должность московскаго штатдѣ физика. Но Лерхе не могъ быть помощникомъ Лестоку уже по тому, что жилъ въ Москвѣ. Поэтому Лестоку опять вспомнилъ о Кондонди и опять вызвалъ его въ Петербургъ, но уже не на случайный срокъ, а на постоянную службу въ медицинскую канцелярію. Требуя его себѣ въ помощники, Лестоку ссылался на штатъ медицинской канцеляріи 11 декабря 1744 года, по которому при директорѣ ея положено «докторъ, знающій канцелярскія дѣла, въ помощь главному ея директору», съ жалованьемъ по 1100 р. ¹⁾. Кондонди принялъ эту должность 30 марта 1745 года, но, для огражденія себя отъ самовластия Лестока, выпросилъ себѣ письменную инструкцію.

По этой *инструкціи*, генераль-штабъ-докторъ Кондонди долженъ былъ:

1. Наблюдать, дабы положенные медиц. канцеляріи и на содержаніе казенныхъ аптекъ и прочихъ учрежденій вѣдомства медиц. канцеляріи доходы и по отпускамъ изъ аптекъ деньги отъ всѣхъ командъ, отъ которыхъ требовать ихъ слѣдуетъ, были присылаемы и въ приходъ записываемы безъ упущенія, о чемъ и увѣдомлять приславшія ихъ мѣста.

¹⁾ Кроме того, на провздъ изъ Кіева въ Петербургъ ему выдава было одновременно 100 р.

2. Наличная денежная казна медицинской канцелярии должна быть хранима въ сундукахъ за печатью его и выдаваться на расходы въ его присутствіи.

3. Онъ можетъ самъ, своей властью, разрѣшать и выдавать деньги на мелочной расходъ до 100 рублей.

4. Смотрѣніе имѣть по купчинскимъ книгамъ купчинъ, опредѣленныхъ при с.-петербургскихъ аптекахъ, дабы въ покупкахъ для аптекъ поступали они по опредѣленію медицинской канцелярии 1 февраля 1733 года, свидѣтельствовать эти книги и постановлять опредѣленія о выдачѣ имъ денегъ изъ аптечныхъ доходовъ.

5. Постановлять опредѣленія о выдачѣ жалованья по третямъ аптечнымъ служителямъ и вольнымъ работникамъ въ аптекахъ и медицинскомъ огородѣ.

6. Наблюдать надъ отпускомъ медикаментовъ и инструментовъ въ поля и команды, изъ коихъ бывають денежныя вычеты на этотъ предметъ и разсматривать требовательные каталоги.

7. Разсматривать присылаемые о больныхъ репорты и объ опасныхъ явившихся гдѣ либо болѣзняхъ докладывать главному директору.

8. Требующіяся объ осмотрѣ больныхъ въ коллегіи, канцелярии и конторы и прочія мѣста сношенія, промеморіи и письменныя сношенія крѣпить.

9. Ежемѣсячно ѣздить въ госпитали, а въ медицинскій огородъ коль часто нужда потребуеть и смотрѣть вездѣ за порядкомъ.

10. Въ началѣ года свидѣтельствовать въ аптекахъ оставшіеся матеріалы, ихъ количество и докладывать о результатахъ главному директору.

11. Наблюдать, чтобы отпуски лѣкарствъ изъ аптекъ частнымъ лицамъ были дѣлаемы за деньги, свидѣтельствовать счеты по третямъ.

12. Опредѣленія, скрѣпленныя имъ, должны быть однакожь писаны отъ имени главнаго директора.

13. Поступать по этой инструкціи и чрезъ каждыя двѣ недѣли письменно доводить до свѣдѣнія главнаго директора о всѣхъ дѣлахъ, имъ рѣшенныхъ.

«Графъ Лестокъ».

20 октября 1747 года П. З. Кондоиди назначенъ гофъ-медикомъ, съ увольненіемъ отъ дѣлъ при медицинской канцелярии. Это «увольненіе отъ дѣлъ» вызвано было кореннымъ переворотомъ въ медицинскомъ управленіи. Лестокъ печально сошелъ со сцены и его мѣсто занялъ Г. К. Бургаавъ, избравшій себя помощниками двухъ штатдѣ-физиковъ—Грифа и Лерхе. Кондоиди призналъ себя лишнимъ и остался при одной дворцовой службѣ, гдѣ его цѣнили и уважали. Доказательствомъ этого было то, что по смерти Г. Бургаава *) онъ назначенъ (8 марта 1754) главнымъ директоромъ медицин. кан-

*) Германъ К. Бургаавъ умеръ скоропостижно въ Москвѣ, 7 октября 1753 года.

целярин и всего медицинскаго факультета и первымъ лейбъ-медикомъ высочайшаго двора, съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 5000 р.

Вступивъ въ должность П. З. Кондонди прежде всего и больше всего заботился объ успѣхѣхъ госпитальныхъ школъ. Давъ подробную инструкцію профессору Шрейберу, онъ установилъ точные сроки ученія и способы экзаменовъ въ школахъ. Ввелъ въ госпиталяхъ обязательныя патологическія вскрытія для опредѣленія причины смерти каждаго больнаго и для повѣрки распознаванія ея при жизни. Устроилъ медицинскую бібліотеку и составилъ инструкцію для пользованія ею. Издалъ инструкцію штатдт-физику Лерхе, опредѣленному въ помощь главному директору при медицинской канцелярин. Учредилъ доцентуры при госпитальныхъ школахъ и издалъ инструкцію для доцентовъ въ госпиталяхъ, утвержденную сенатомъ 5 февраля 1754. Преобразовалъ и точно опредѣлилъ ученіе и службу въ ботаническихъ садахъ. Издалъ инструкцію для дивизионныхъ докторовъ (1754); инструкцію объ осмотрахъ инвалидовъ или неспособныхъ къ службѣ. Устроилъ карантинны на югѣ и въ Астрахани. Издалъ инструкцію докторамъ и лѣкарямъ для пользованія больныхъ отъ оспы, кори, лопухи и тому подобныхъ сыпей. Учредилъ акушерскія школы въ Петербургѣ и въ Москвѣ, учредилъ званіе генераль-фельд-медиковъ въ арміи и издалъ инструкцію имъ (1756), копии которыхъ послалъ для свѣдѣнія фельдмаршаламъ Апраксину и Бутурлину (въ военно-походныя канцелярии ихъ). Организовалъ снабженіе госпиталей лѣкарствами, съ цѣлю удешевленія ихъ. Докладъ медиц. канцелярин, утвержденный сенатомъ 4 сентября 1758 о томъ, чтобы дѣти мальчики убитыхъ или умершихъ на службѣ докторовъ, лѣкарей и аптекарскихъ чиновъ, какъ жены и дѣти получаютъ пенсіи отъ медиц. канцелярин, поступали на службу не иначе какъ по бѣдомству медиц. канцелярин. Однимъ словомъ, не было ни одного вопроса, касавшагося русскаго «медицинскаго факультета», который не былъ бы поднятъ, пересмотрѣнъ, направлень и рѣшенъ П. З. Кондонди. Изъ рассмотрѣнія и рѣшенія этихъ вопросовъ составилось цѣлое законодательство, въ которомъ важно было не одно то, что каждое дѣло рѣшено и установлено по существу, но и то, что всѣ эти инструкціи и положенія написаны были собственною рукою Кондонди и прямо на русскомъ языкѣ. За то «медицинскій факультетъ» этого времени приобрѣлъ уваженіе, какинъ прежде не пользовался, уваженіе публично высказанное ему правительствомъ послѣ семилѣтней войны въ слѣдующей грамотѣ на имя медицинской канцелярин:

«Божіею милостію, мы, Елисаветъ и проч.
нашей медицинскою канцелярин.

Изъ реляціи нашей медицинской канцелярин отъ 23 сего мѣсяца мы усмотрѣли, koliko она канцелярия принимаетъ стараніе о удовольствіи нашей за границею находящейся арміи и учрежденныхъ для нея госпиталей достаточнымъ числомъ докторовъ, лѣкарей и подлѣкарей, и потому оставить не хотѣли объявить намъ

за то благоволеніе и апробацію. И такъ по представленію оной медицин. канцеляріи и въ разсужденіи употребляемыхъ трудовъ находящихся при нашей арміи медицинскихъ служителей и для большаго ихъ поощренія къ службѣ нашей, мы генералу графу Салтыкову повелѣли всѣмъ лѣкарямъ и подлѣкарямъ и прочимъ нижнимъ служителямъ, кои при арміи и обсерваціонномъ корпусѣ и на баталіяхъ при Пальцинѣ и при Франкфуртѣ были, выдать жалованье не въ зачетъ за полгода изъ той же суммы, изъ которой мы повелѣли всей нашей арміи равномѣрную дачу сдѣлать. Прочіе же медицинскіе служители, состоящіе въ штабскихъ чинахъ, потомуужъ забвенны не будутъ, но по заслугамъ должное воздаяніе тогда получить имѣютъ, когда прочіе нашей арміи штабъ и оберъ.офицеры монаршею нашею милостію награждены будутъ. Данъ въ Петергофѣ, сентября 3 дня 1759 года. *«Елисаветъ».*

Скрѣпили: князь Никита *Трубецкой*, графъ Михаилъ *Воронцовъ*, графъ А. *Шуваловъ*, графъ П. *Шуваловъ*, конференцъ секретарь *Волковъ*.

П. З. Кондонди умеръ въ 1760 году, оставивъ по себѣ память образованнаго, талантливаго и неутомимаго медицинскаго администратора.

Конопка Адольфъ, докторъ польской службы, учился въ Прагѣ четыре года и потомъ практиковалъ въ Слонимскомъ уѣздѣ (1798).

Конради Иванъ (Johannes Conradi), родомъ изъ Страсбурга, гдѣ и учился восемь лѣтъ, пока получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ и получилъ право практики въ Россіи (17 декабря 1787 г.), а съ тѣмъ вмѣстѣ причисленъ былъ къ хирургическому институту. Онъ просился въ профессора, но не было вакансіи. По этому главный директоръ медиц. коллегіи баронъ И. Ф. Фитингофъ приказалъ (1789) причислить Конради по контракту на четыре года къ сиб. генеральному сухопутному госпиталю для пользованія больныхъ, «и бытъ Конради при той должности до открытія профессорскаго мѣста», съ производствомъ жалованья по 700 р., да на квартиру, ежели не будетъ казенной, по 10 р. въ мѣсяць. Впрочемъ баронъ Фитингофъ никогда не затруднялся въ своемъ самоуправствѣ. Такъ и тутъ было. Предположивъ, что профессоръ сиб. училища Брандау слабъ здоровьемъ, онъ приказалъ перевести его въ московскій госпиталь (2 августа 1789), въ помощь старшему доктору, съ прежнимъ жалованьемъ (но съ лишеніемъ профессорскаго званія), а лекціи его поручить доктору И. Конради. Конради впрочемъ не охотно остался въ Петербургѣ и при первой возможности перепросился въ Москву. Между тѣмъ 5 марта 1793 года кончился срокъ его контракта и желая остаться на своемъ мѣстѣ, Конради написалъ въ коллегію чрезвычайно покорное письмо на латинскомъ языкѣ и просилъ оставить его при московскомъ госпиталѣ, съ контрактомъ или безъ контракта, и объявляя, что онъ далъ обѣтъ не возвращаться въ отечество свое и заниматься частною практикою, а всего себя посвятить преподаванію, помня незабвеннаго учителя своего страсбургскаго профессора Фриде. Коллегія оставила его (20

іюня 1793) при прежней должности и съ прежнимъ жалованьемъ, т. е. по 700 р. въ годъ. Преподавалъ онъ акушерство и медико-судную науку (1794).

Крессаръ Людвигъ (Louis Crossard), родомъ изъ Женевы, учился въ Берлинѣ и Кенигсбергѣ три года и въ послѣднемъ получилъ дипломъ. Получилъ право практики въ январѣ 1785 года и опредѣленъ докторомъ въ Дерптскій уѣздъ.

Котельницкій Василій Михайловичъ, студентъ, докторъ и профессоръ московскаго университета и медико-хирургической академіи. Дѣятельность его принадлежала XIX столѣтію, а потому здѣсь не описывается.

Краузе Эрнестъ (Ernst Johann Krause) изъ Митава, учился пять лѣтъ въ Берлинѣ и Геттингенѣ и въ послѣднемъ получилъ дипломъ. Получилъ право практикн въ февралѣ 1785 и практиковалъ въ Венденѣ.

Крокъ Иванъ (Johann Friedrich Krock) сперва учился волонтеромъ при спб. главной аптекѣ (25 января 1772), а потомъ въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (18 апрѣля 1773), гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ, но не былъ доволенъ своими успѣхами. За тѣмъ 2 мая 1776 года уволенъ изъ школы и уѣхалъ за границу. Тамъ учился, въ Страсбургѣ и Геттингенѣ, шесть съ половиною лѣтъ и въ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ (22 августа 1782). Вскорѣ послѣ этого, по просьбѣ пермскаго и тобольскаго генераль-губернатора генераль-поручика Евгенія Петровича Кашкина, и съ согласія самого Крока, назначенъ былъ докторомъ на Екатеринбургскіе заводы (22 мая 1783 года).

Крузе Карлъ Федоровичъ (Carl Friedrich Kruse), уроженецъ изъ Кіля въ Голстиніи и учился медицинѣ въ Лейденѣ, гдѣ, напечатавъ диссертацию: *De causis acidi in primis viis*. 1749, получилъ дипломъ. Приѣхавъ въ Россію, онъ принялъ въ службу въ спб. адмиралтейскій генер. госпиталѣ старшимъ докторомъ и профессоромъ, съ жалованьемъ по адмиралтейскому регламенту, по контракту на три года, и притомъ съ тѣмъ, чтобы безъ его согласія нигуда не командировали. Онъ имѣлъ въ госпиталѣ казенную квартиру, но не желалъ жить на ней и 9 февраля 1752 года просилъ позволенія выѣхать изъ нея, «для поправленія здоровья», и жить на литейной или на адмиралтейской сторонѣ. Очевидно, поправленіе здоровья было только предлогомъ, главная же причина—трудное сообщеніе между выборгскою и преображенскою сторонами, затруднявшее медицинскую практикѣ. Переселеніе это разрѣшено, но съ тѣмъ чтобы управленіе госпиталемъ поручено было главному лѣкарю Родѣ. За тѣмъ, именнымъ высочайшимъ указомъ онъ переведенъ въ полки лейбъ-гвардіи докторомъ, съ рангомъ капитана гвардіи, на мѣсто д-ра Шмидта, уѣхавшаго на родину (1 іюля 1753). Прослуживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, Крузе подалъ «челобитную въ полковые гвардейскіе чины» о томъ, что онъ съ 1750 года состоитъ на службѣ и всегда былъ прилеженъ, но нынѣ

*

по слабости здоровья не можетъ продолжать полковой службы, а желаетъ заняться единственно приведеніемъ въ порядокъ своихъ манускриптовъ, для изданія въ печать сочиненій славнаго въ свѣтъ Бургаава (притомъ же тестя его) и для того просить увольненія отъ службы съ награжденіемъ чиномъ. Гвардейскіе штабы составили объ этомъ докладъ императрицѣ (за подписью великаго князя Петра Федоровича, будущаго Петра III, графовъ А. и К. Разумовскихъ, А. Бутурлина и графа А. Шувалова), съ просьбою наградить его чиномъ коллежскаго совѣтника, ибо онъ имѣетъ уже рангъ гвардіи капитана. Императрица утвердила этотъ докладъ 23 апрѣля 1759 года. Но получивъ чинъ, Крузе не отказался отъ службы и 18 іюля 1761 года высочайше пожалованъ лейбъ-медикомъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ жалованьемъ по 4000 р. въ годъ. Это пожалованіе новаго лейбъ-медика состоялось за полгода до смерти императрицы Елизаветы. Но за то не прошло и года, какъ этотъ лейбъ-медикъ, по высочайшему повелѣнію Петра III, уволенъ отъ службы (19 апрѣля 1762 года) съ абшитою.

Лейбъ-медикъ Крузе имѣлъ въ Петербургѣ собственный домъ; но этотъ домъ заложенъ былъ въ банкѣ въ 63,000 рублей. Когда онъ умеръ, то наслѣдники его—зять полковникъ Албрехтъ и дочь покойнаго — предложили оставшіеся имъ по наслѣдству манускрипты славнаго Бургаава медицинской коллегіи, съ тѣмъ чтобы въ замѣнъ того въ банкѣ погашенъ былъ долгъ на домѣ Крузе. Манускрипты «поднесены были» императору Павлу и въ отплату за это поднесеніе состоялся слѣдующій рескриптъ:

«Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей, баронъ Васильевъ.

Подносимые намъ отъ наслѣдниковъ лейбъ-медика Круза, оставшіеся послѣ него, стараго Бургаава манускрипты съ рисунками и принадлежащею библиотекою, приеми съ благоволеніемъ, поручаемъ вамъ взять ихъ въ вѣдомство медицинской коллегіи, гдѣ они разобраны, сохранены и съ вѣдома нашего на общую пользу употреблены быть имѣютъ. Въ награжденіе же наслѣдниковъ Круза за такое на общую пользу ихъ приношеніе, повелѣваемъ, освободя ихъ отъ долгу, въ нашемъ вспомогательномъ государственномъ банкѣ на нихъ состоящемъ, въ шестидесяти трехъ тысячахъ рубляхъ, принять оной и перевести на счетъ медицинской коллегіи; въ чемъ и не оставите вы сдѣлать надлежащее распоряженіе и снестись съ главнымъ директоромъ вспомогательнаго банка. Прибываемъ вамъ благосклонны. *«Павелъ».*

«Декабрь 20 дня 1799 года. С.-Петербургъ».

Манускрипты и библиотеку принялъ отъ полковника Албрехта код. асс. Дмитрій Моренковъ и донесъ, что она состоитъ изъ 811 номеровъ и 1144 volumes въ 18 ящикахъ. Но многіе испорчены, подмочены и неполны. Кол-

легія пригласила въ разборъ этия манускрипты почетныхъ членовъ Батраха и Удена, которые нашли 146 манускриптовъ, въ томъ числѣ

«1) въ числѣ стараго Бургаава манускриптовъ находится весьма знатное количество писанныхъ другими врачами и его учениками въ тѣ времена, когда онъ, бывъ профессоромъ при Лейденскомъ университетѣ, преподавалъ врачебную науку;

«2) писанныхъ сего славнаго врача собственною рукою весьма мало обрѣтается и какъ явствуетъ по врачебной литературѣ, многіе изъ нихъ съ пополненіемъ и исправленіемъ нѣкоторыхъ артикуловъ самимъ Бургаавомъ въ ученый свѣтъ изданы.

«3) А нѣкоторые послѣ его смерти другими славными врачами, кои обучались у него врачебной наукѣ, съ пополненіемъ и присовокупленіемъ собственныхъ своихъ практическихъ примѣчаній и откровеній также изданы.

«4) Хотяжъ онаго славнаго врача въ числѣ вышепоказанныхъ и находится нѣкоторое количество манускриптовъ, писанныхъ имъ самимъ и другихъ врачей, кои служили ему къ сочиненію изданныхъ въ свѣтъ сочиненій, но и тѣ о таковыхъ врачебныхъ предметахъ, кои достаточнѣе описаны и новыми откровеніями отъ другихъ врачей пополнены.

«5) Принятыхъ же печатныхъ книгъ отъ г. полковника Албрехта поступило въ вѣдомство мед. коллегіи числомъ 811; но нѣкоторыя изъ оныхъ испорчены и замочены, а нѣкоторыя даже не полны. По сему мед. коллегія, не находя при разсматриваніи оныхъ манускриптовъ ничего таковаго, чтобы могло служить къ лучшему усовершенствованію и просвѣщенію врачебной науки, опредѣлила представить объ ономъ г. главному директору, приобщивъ онымъ манускриптамъ реестръ, съ показаніемъ писателей и замѣчаній (22 декабря 1799).»

Очевидно, вся бібліотека Крузе съ его манускриптами не только не стоила шестидесяти тысячъ рублей, но и ничего не стоила. Появилъ это и императоръ Павелъ, когда баронъ Васильевъ доложилъ ему (3 марта 1800) опредѣленіе мед. коллегіи: но чтоже было дѣлать, когда дѣло было сдѣлано и царская милость уже послѣдовала? Императоръ повелѣлъ, «чтобы всѣ тѣ манускрипты и книги хранились въ бібліотекѣ мед. коллегіи подъ именемъ манускриптовъ Бургаава», а потомъ они сданы въ бібліотеку сл. медико-хирургической академіи.

Крутенъ Матвѣй Самсоновичъ, родомъ изъ Чернягова, сынъ черниговскаго магистратскаго бурмистра, первоначально учился въ Киевской академіи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ сл. генеральный госпиталь (12 юля 1757 года). По третнему экзамену 27 января 1758 года произведенъ въ подлѣкари въ тотъ же госпиталь. По третнему экзамену 30 декабря 1759 года произведенъ въ лѣкари въ тотъ-же госпиталь, съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ, и «за прилежное и порядочное должности его отправление» получилъ прибавку

къ жалованью по 24 р. въ годъ (всего же 144), считая съ 1 января 1760. Вскорѣ послѣ того онъ командированъ былъ (28 іюля 1760) за границу для сопровожденія партіи рекрутъ къ Гданску, съ жалованьемъ по 180 рублей, съ переводомъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ лѣкаремъ. Весною 1761 года большое число русскихъ лѣкарей, и въ томъ числѣ М. Крутенъ, поѣхали, съ позволенія мед. канцеляріи, за границу, и именно въ Лейденъ, для пополненія образованія своего. Имъ дана подробная инструкція объ ученѣ и поведеніи. Черезъ пять лѣтъ ученія и защитивъ тезисы *De manducatione*, онъ получилъ дипломъ въ Лейденѣ (1765). Возвратился въ Россію 2 іюля 1767 г., но по болѣзни не могъ явиться въ мед. коллегію для экзамена. Явился только въ февралѣ 1768, экзаменованъ былъ Ашемъ, Пеккеномъ и Линдеманомъ и 7 фев. 1768 получилъ право практики, а скорѣ назначенъ докторъ въ первую дивизію генерала Петра Ивановича Олицы (30 декабря 1769); но заворалъ и умеръ (1770 года).

Крутта Доминикъ Ивановичъ (Dominicus Crutta), уроженецъ изъ Константинополя, учился медицинѣ въ Голландіи, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (24 марта 1740 года). Онъ просилъ императрицу Екатерину, чрезъ посла нашего князя Михаила Никитича Волконскаго, принять его въ русскую службу и по увѣдомленію графа Н. Панина (19 сентября 1769 г.) императрица изъявила на то свое согласіе. Тогда онъ подвергнутъ былъ экзамену въ коллегіи (собственно для формы), экзаминованъ Пеккеномъ и Линдеманомъ и 23 сентября 1769 получилъ право практики, а 25 сентября тогоже года данъ былъ слѣдующій:

«Указъ нашей медицинскои коллегіи. Доктора Крутта чрезъ сіе всемилостивѣйше жалуетъ стать-физикомъ въ С.-Петербургъ съ ежегоднымъ жалованьемъ по шестисотъ рублей.

«Екатерина».

С.-Петербургъ, 1769 года севтября 25 дня.»

Опредѣленъ онъ штадтъ-физикомъ въ С.-Петербургъ очевидно младшимъ, потому что старшимъ служилъ докторъ Я. Лерхе, и собственно для командировокъ во времена появленія эпидемій, какъ видно изъ данной ему (16 ноября 1769) особой инструкціи.

Инструкція стать-физику ч. доктору Крутта:

1. Въ случаѣ болѣзней повальныхъ и прилипчивыхъ, а наипаче всякаго рода горячекъ гнѣючихъ съ сыпью и безъ сыпи, должны вы пособлять всеѣмъ требующимъ отъ васъ вспоможенія, пользуя ихъ со всевозможнымъ раченіемъ, и для того если въ столицѣ какая нибудь злая зараза (отъ чего Боже сохрани) появится и когда за опасностію, чтобы не распространить заразы, невозможно будетъ безъ разбора дать всякому врачу позволенія таковыхъ больныхъ пользоваться, вамъ должно имѣть попеченіе объ оныхъ.

2. Въ семь послѣднемъ случаѣ, какъ скоро вы о томъ увѣдомитесь, стропортовавъ о томъ медицинской коллегіи, должны ожидать повелѣнія; но въ то время когда вамъ случится пользоваться подобныхъ больныхъ, отъ общества тѣхъ людей, кои по своимъ должностямъ какиенъ нибудь образомъ ко двору принадлежать, совсѣмъ удаляться имѣете, такожь и въ сумнительныхъ случаяхъ вамъ карантинъ, по силѣ ордеровъ, коиже вы въ подобномъ случаѣ ожидать должны, будете держать.

3. Еслибы такіа приличивыя болѣзни случились быть въ какомъ нибудь мѣстѣ за городомъ и медицинская коллегія заблагоразсудила бы туда послать врача, и вы для сего дѣла командированы будете потому, чтобы другимъ докторовъ отъ ихъ должностей не отлучать безъ крайней нужды.

4. Въ случаѣ болѣзни старшаго штадтъ-физика должно вамъ, по повелѣнію медицинской коллегіи, свидѣтельствовать по требованію присутственныхъ мѣстъ больныхъ, которые иногда, для избѣжанія отъ суда, болными притворяются и о томъ надлежащіе аттестаты давать.

5. Для вспоможенія въ вашей должности данъ вамъ будетъ одинъ лѣкарь, который отъ васъ зависѣть будетъ въ томъ, что касается до пользованія больныхъ, и который для сего дѣла при васъ будетъ въ дорогахъ и вездѣ, гдѣ въ васъ нужда будетъ.

6. Ежели къ той инструкціи впредь по усмотрѣнію что къ наилучшему успѣху отнѣнено или прибавлено будетъ, и потому, такожь и по насылаемымъ изъ оной коллегіи указамъ, имѣете чинить непрежѣнное исполненіе. Буде же что иногда въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности оное по вашей присягѣ должны содержать въ тайнѣ. Ноября 16 дня 1769 года. Федоръ Гарловъ и секретарь Иванъ Хоминскій.

Эта «инструкція» написана была, кажется, Пеккеномъ на нѣмецкомъ языкѣ и тотчасъ же переведена на французскій и русскій языки; но ни въ французскомъ, ни въ нѣмецкомъ переводахъ нѣтъ послѣдняго (6-го) пункта, хотя Крутта не зналъ ни русскаго, ни нѣмецкаго языковъ, а говорилъ и писалъ только по французски и можетъ быть немного полатыни.

Это было иногда очень затруднительно: но что же было дѣлать? Въ 1771 году, по требованію слободскоукраинской губернской канцеляріи, Крутта командированъ былъ въ Харьковъ, «для предосторожности отъ опаснаго болѣзней», когда въ Москвѣ свирѣпствовала чума. Онъ поѣхалъ въ Харьковъ; но пробывъ тамъ недѣлю отозвался, что онъ ни говорить, ни читать, ни писать не умѣетъ, а потому и бесполезенъ въ этой командировкѣ. Началась переписка, дошла до сената и кончилась тѣмъ, что сенатъ приказалъ, если другого доктора (знающаго русскій языкъ) нѣтъ и послать не откуда, то послать хоть хорошаго и опытнаго лѣкаря, а въ помощь ему дать подлѣкаря. Въ слѣдствіе этого Крутта возвращенъ въ Петербургъ, а на его мѣсто посланъ туда (17 февраля 1772) докторъ Юг. Янике и къ нему прикомандиро-

ванъ ученикъ с.-петербургскаго генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя Андрей Сафоновичъ съ производствомъ въ подлѣкари.

Крутта уволенъ отъ службы «за старостію» (9 марта 1797 года), съ пенсіею по 400 р. въ годъ, и умеръ въ Петербургѣ 12 января 1799 года.

Кукенбергеръ Акимъ (Joachim Kuckenberger) принятъ въ русскую службу чрезъ кабинетъ (13 марта 1788), т. е. по вызову изъ за границы и по рекомендаціи Циммермана, и опредѣленъ 23 мая въ с.-петербургскій генеральный адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по контракту, по 800 рублей. Оттуда переведенъ былъ въ финляндскую армію, но оставался тамъ недолго и опять назначенъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь, въ помощь старшему доктору Маттеи, сверхъ комплекта (23 сентября 1788). За тѣмъ, по приказанію барона Фитингофа, назначенъ къ физическимъ дѣламъ при медицинской Школеніи, въ помощь старику Крутта (19 августа 1790), съ госпитальнымъ жалованьемъ, но съ увольненіемъ отъ госпитальныхъ обязанностей. Уволенъ отъ службы 29 марта 1792 года.

Кулеманъ Иванъ (Johann Crisoph. Kuleman), уроженецъ изъ Вестфалии, изъ города Бильфельта, принятъ былъ въ русскую службу лѣваремъ въ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ. За тѣмъ уволенъ по прошенію отъ службы (1750) и уѣхалъ въ Германію для дополненія медицинскаго образованія, учился въ Геттингенѣ и, напечатавъ диссертацию: *De observationibus circa negotium generationis in ovibus*, получилъ дипломъ (1753). Возвратившись въ Петербургъ онъ опредѣленъ на службу (24 августа 1754) младшимъ докторомъ въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь, съ обязанностию подчиняться старшему д-ру Якову Миліусу и исполнять должность доцента въ кронштадтской госпитальной школѣ, по данной доцентамъ инструкціи, съ жалованьемъ по 300 р. Но преподавательская служба ему не понравилась и онъ переведенъ дивизионнымъ докторомъ въ С.-Петербургскую дивизию (1755 года). Здѣсь онъ сдѣлался извѣстенъ многимъ военнымъ командирамъ и между ними графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, отправляясь съ арміею за границу (въ семилѣтнюю войну), взялъ къ себѣ д-ра Кулемана генеральнымъ штабъ-докторомъ этой арміи. Въ 1760 году графъ Салтыковъ отозванъ былъ въ Польшу и уѣзжая взялъ съ собою и Кулемана, д-ромъ при своей особѣ, а преемникъ Салтыкова, генераль-фельдмаршалъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, привезъ съ собою доктора Георгія Аша, въ качествѣ генераль штабъ-доктора арміи, который и принялъ отъ Кулемана всѣ дѣла генераль штабъ-доктора арміи. Такимъ образомъ Кулеманъ остался безъ мѣста. Фельдмаршалъ Салтыковъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ и Кулеманъ просился ѣхать съ нимъ, но получилъ отказъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе ѣхать въ главную квартиру и принять на себя опять должность генеральнаго штабъ-доктора арміи, такъ какъ фельдмаршалъ Бутурлинъ еще раньше уѣхалъ изъ арміи въ Петербургъ и увезъ съ собою д-ра Аша. По

окончани семилѣтней войны Кулеманъ, именнымъ указомъ Екатерины II (16 сентября 1763 года), назначенъ въ дивизионныя доктора и опредѣленъ въ московскую дивизию, которую командовалъ графъ П. С. Салтыковъ, съ жалованьемъ по 1000 рублей (вмѣстѣ съ раціонами). Живя въ Москвѣ, Кулеманъ оставилъ военную службу и получилъ мѣсто старшаго доктора Московской Павловской больницы.

Докторъ Кулеманъ во время страшной эпидеміи 1771—1772 года жилъ въ Москвѣ и принадлежалъ къ числу тѣхъ близорукихъ врачей, которые не признавали сущности болѣзни до самой крайности и прикрывали свое упрямство и неопытность длинными и бесполезными разсужденіями.

Кунстъ Генрихъ (Heinrich August Kunst), родомъ изъ Бранденбурга въ княжествѣ Гильберштатѣ, учился въ Галле и напечаталъ тамъ диссертацию *De submersorum vita restituenda*, получилъ дипломъ (1767). Онъ былъ вызванъ магистратомъ гор. Нарвы на службу въ этотъ городъ и явившись въ Петербургъ экзаменованъ Линдеманомъ и Пеккеномъ, получилъ право практики въ Россіи 2 августа 1767 и тотчасъ же уѣхалъ въ Нарву.

Курица Федосѣй Константиновичъ первоначально учился въ московской госпитальной школѣ, съ октября 1774 года до августа 1775 года. Потомъ уволенъ изъ этой школы и поступилъ студентомъ въ московскій университетъ. По окончаніи университетскаго курса, увѣнчанномъ золотою медалью по медицинскому факультету, онъ посланъ въ Лейденъ (1779) для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ и получилъ тамъ докторскій дипломъ (19 сентября 1780). Оттуда поѣхалъ въ Парижъ и объѣхалъ другіе университетскіе города и наконецъ въ 1783 году возвращенъ въ Москву и опредѣленъ преподавателемъ естественной исторіи въ московскомъ университетѣ, въ званіи экстраординарнаго профессора. По возвращеніи въ Москву онъ экзаменованъ былъ въ московской медицинской конторѣ Тимковскимъ, Раушертомъ, Фрезе и Рудкинымъ и (въ декабрѣ 1784 года) получилъ право практики въ Россіи.

Умеръ въ 1785 году.

Курцигъ Давидъ (David Georg Kurtzweg) получилъ право практики въ Россіи 13 февраля 1789 года и черезъ полтора года опредѣленъ (1 августа 1790) въ Рижскій полевой госпиталь, съ жалованьемъ по 400 руб. 24 іюня 1791 года по прошенію уволенъ, для опредѣленія въ гор. Пернау городскимъ врачомъ. Наконецъ 23 ноября 1797 года опредѣленъ докторомъ въ Ригу, съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ.

Кюлевейнъ Яковъ (Jacob Heinrich Kühlewein) изъ Риги, учился четыре года въ Геттингенѣ и получилъ докторскій дипломъ (7 іюня 1786). По экзамену въ коллегіи получилъ право практики 20 августа 1786. Назначенъ былъ въ Саратовское намѣстничество, но захворалъ въ Новгородѣ и по прошенію оставленъ тамъ на службу (12 января 1792). Оттуда переведенъ док-

торомъ въ 6 дивизию, въ Смоленскъ, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рад. и 2 денщ. (26 мая 1793). Опъ былъ при новоучреждавшихся госпиталяхъ въ Польшѣ, подъ командою князя Николая Васильевича Репнина (1795) и наконецъ по прошенію переведенъ въ Вологодское намѣстничество.

Кюмбаумъ Мартынъ (Martin Kühnbaum), родомъ изъ Помераніи, изъ гор. Гарца, поступилъ въ русскую службу лѣкаремъ и пробывъ около пяти лѣтъ (съ 1749 до 1753) получилъ увольненіе и поѣхалъ въ Лейденъ. Пробывъ тамъ около года и напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Pausa circa respirationem istiusque usum experimenta*, опъ получилъ дипломъ. Возвратившись въ Россію, былъ экзаминованъ Ашемъ, Лерхе и Пекеномъ и 17 октября 1758 года получилъ право практики и назначенъ младшимъ докторомъ въ московскій госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. Но опъ просился на службу въ Петербургъ и былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Черезъ восемь мѣсяцовъ тутъ опъ и уморъ отъ чахотки (5 іюня 1759 года).

Кюрперъ Андрей (Georg Andreas Kürner), родомъ изъ Виртенберга, учился въ Тюбингенѣ, гдѣ, напечатавъ диссертацию *De lapsu pulprebrae superioris*, получилъ дипломъ (23 мая 1777). Въ медицинскій коллегіи экзаминованъ былъ Ашемъ, Пеккеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики въ Россіи (7 августа 1777 года).

Лавриновичъ Антопъ, докторъ польской службы, признанъ докторомъ 14 января 1799 года, по представленію Литовской врачебной управы.

Ладо (Christian Lado), родомъ изъ Выборга, учился 6 лѣтъ въ Упсалѣ и получалъ докторскій дипломъ. Потомъ поѣхалъ въ Парижъ и прожилъ тамъ три года. Пріѣхавъ въ Петербургъ, экзаминованъ Пеккеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики въ Россіи (13 сентября 1770 года).

Лакманъ Фердинандъ (Ferdinand Wilhelm Laackmann), родомъ изъ Риги, учился въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ волонтеромъ съ 9 августа 1772 по 9 января 1774 года и произведенъ лѣкаремъ въ Васильковскій карантинъ, а оттуда 22 апрѣля 1776 переведенъ въ 1 с.-петербургскій батальонъ. За тѣмъ 23 іюля 1776 года уволенъ для отъѣзда за границу, учился въ Базелѣ три года и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ экзаминованъ былъ Тихорскимъ и Ашемъ и (12 марта 1780 года), получилъ право практики въ Россіи и 29 іюля опредѣленъ въ с.-петербургскую губернію, 1 марта 1783 года опредѣленъ въ обсервационный корпусъ дивизионнымъ докторомъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задупайскаго и былъ съ нимъ въ польской Украинѣ. Возвратясь оттуда въ Кіевъ, 29 ноября 1784, назначенъ въ 3 дивизию, въ Херсонъ, изъ которой въ 1786 году переведенъ въ войска Таврической области, откуда по приказанію князя Потемкина опять возвра-

щенъ въ Херсонъ для возстановленія Херсонскаго генеральнаго госпиталя, при которомъ оставленъ главнымъ докторомъ.

4 ноября 1790 года назначенъ былъ въ 1 дивизию на рѣкѣ Днѣпѣ, а 27 февраля 1791 во 2 дивизию, въ Ригу. Въ 1792 году, по ордеру генераль-штабъ-доктора Лерхе, командированъ въ Динабургъ, откуда съ арміею послѣдовалъ въ Польшу, въ гор. Вильну, и пробылъ тамъ до 1793 года, когда генераломъ Игельстромомъ потребованъ въ Варшаву, въ должность генераль-штабъ-доктора, въ которой и утвержденъ коллегією 19 января 1794 года. Находясь въ Варшавѣ во время резолюціи, взятъ былъ въ плѣнъ, пользовалъ плѣнныхъ единовозмездъ, а по возвращеніи изъ плѣна поступилъ докторомъ въ корпусъ генераль-поручика графа Ферзена и уволенъ Суворовымъ въ отпускъ въ Петербургъ. Оттуда, по его просьбѣ, назначенъ коллегією въ кронштадтскій госпиталь, въ помощь старшему доктору Янике, съ жалованьемъ по 600 р. и кварт. 120 р. въ годъ. 22 мая 1797 года старшій докторъ кронштадтскаго морскаго госпиталя Янике отставленъ отъ службы и на его мѣсто опредѣленъ Лавманъ, съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ. Но и на этомъ, повидимому, спокойномъ мѣстѣ Лавманъ не избѣгъ командировокъ. Въ іюнѣ 1797 года адмиралу Крузе, отправлявшемуся въ морскую кампанію, высочайше разрѣшено было взять съ собою д-ра Лавмана, собственно для особы самого Крузе, а на время его отсутствія должность его поручена была штабъ-лѣкарю и главному лѣкарю сиб. генеральнаго сухоп. госпиталя Ивану Бьюрбергу; но кампанія эта была не продолжительна. По крайней мѣрѣ служба его не оставалась безъ вознагражденія. 18 января 1798 года, по опредѣленію медицинской коллегіи, «за рачительное исправленіе по кронштадтскому госпиталю должности» прибавлено ему къ жалованью по 100 руб. въ годъ; а 10 февраля того же года, по именному указу онъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

Лангъ Христианъ (Christian Karl Lang), иностранецъ изъ города Регельда, учился въ Іенѣ и получилъ дипломъ. Экзаминованъ и получилъ право практики 11 августа 1791 года и тотчасъ же выразилъ желаніе поступить на службу въ Тобольское намѣстничество. Но желаніе это не могло быть исполнено и онъ назначенъ въ Перское намѣстничество, по контракту; но проживъ тамъ годъ, сталъ проситься въ губерніи присоединенныя отъ Польши. Коллегія и этого не могла исполнить, потому что въ польскихъ губерніяхъ не было вакансій, а потому предоставила ему самому искать себѣ мѣста.

Лаутербургъ Вильгельмъ (Wilhelm, Friedrich von Lauterburg), богемецъ изъ Праги, гдѣ и получилъ образованіе. Здѣсь же учился медицинѣ и получилъ дипломъ доктора медицины и философіи (въ 1749 году). Окончивъ ученіе, Лаутербургъ поѣхалъ въ Вѣну, къ опекуну своему, тайному совѣтнику и оберъ-штабмейстеру Фонъ Траутмансдорфу, для раздѣла книгъ: но онъ принудилъ его поступить въ монахи и опредѣлилъ въ францисканскій монастырь

тырь въ Вѣнѣ клеркомъ, чтобы въ тоже время лѣчить монаховъ, да и по знанію многихъ языковъ. И онъ ѣздилъ монаховъ въ Польшу, а потомъ въ Римъ и другія мѣста Италіи. Но возвратившись оттуда (въ 1756 году), онъ не захотѣлъ оставаться монаховъ, «но по особенному любопытству намѣреніе предпринялъ посмотрѣть свѣтъ и придти въ знакомство въ другіихъ мѣстахъ съ учеными людьми, для чего оставилъ отечество, пріѣхалъ въ Россію и рѣшился вступить въ русскую службу». Кондоиди назначилъ ему экзамень. Но наканунѣ экзамена Лаутербургъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Вышній Волочекъ, къ содержателю шлязовъ Сердюкову, гдѣ нашелъ больнаго генерала Ефремова и проводилъ его до Черкаска, а оттуда привезъ рекомендательныя письма отъ него и отъ коменданта крѣности св. Анны бригадира Сомова. Тутъ онъ согласился экзаминоваться, экзаминованъ былъ Шрейберомъ, Полетикою и Лерхе, получилъ право практики (31 марта 1758) и опредѣленъ въ Донское войско докторомъ, Лаутербургъ пробылъ въ Донскомъ войскѣ болѣе двухъ лѣтъ, жилъ въ крѣности св. Анны и ежедневно ѣздилъ къ больному Ефремову. Но поссорившись съ старшиною Сидоровымъ, уѣхалъ оттуда (28 іюня 1760), просилъ себѣ другаго мѣста и переведенъ въ Астрахань губернскимъ докторомъ (4 августа 1760), «для главнаго надзора за опасными болѣзнями», на мѣсто умершаго доктора Грегори, съ жалованьемъ по 600 рублей.

Прошло около шести лѣтъ, Лаутербургу захотѣлось побывать въ Петербургѣ, но съ тѣмъ чтобы эта поѣздка не принесла ему лишнихъ расходовъ. Для этого онъ придумалъ написать медицинской коллегіи, что имѣетъ сообщить ей нѣчто очень важное, но можетъ сдѣлать это только на словахъ, а не на бумагѣ, и для того просилъ позволить ему пріѣхать на казенный счетъ. Коллегія сперва заинтересовалась этимъ сообщеніемъ, но потомъ вскорѣ узнала, что Лаутербургъ обратился къ губернатору Бекетову и тотъ далъ ему казенную подорожную и отпускъ на 29 дней. Пріѣхавъ въ Москву, онъ написалъ длинную записку (11 пунктовъ) о томъ, что въ Астрахани необходимо устроить большой госпиталь и медицинскую контору съ членами, а также складъ *vegetabilium* для аптекъ. Такимъ образомъ секретъ оказался не важнымъ и Лаутербурга отправили опять на прежнее мѣсто. Тамъ онъ и умеръ, 10 ноября 1772 года, отъ легочной чахотки.

Леберъ Фридрихъ (Friedrich Hugo Loeber), саксонецъ изъ города Гатцельна, учился въ Берлинѣ и Іенѣ три съ половиною года и въ послѣднемъ получилъ дипломъ. Экзаминованъ въ коллегіи 27 ноября 1786, но не выдержалъ экзамена. Вторично экзаминованъ 13 января 1787 и получилъ право практики.

Лейрицъ Христианъ (Christian Eugenius Layritz), саксонецъ изъ города Гарлица, учился въ Лейпцигѣ, Галле и Килѣ 5¹/₂ лѣтъ и въ послѣднемъ получилъ докторскій дипломъ (4 марта 1786). По экзамену въ колле-

гн получилъ право практики (11 іюня 1786) и опредѣленъ въ Гдовскій уѣздъ с.-петербургской губерніи. Вскорѣ потомъ назначенъ въ Украинскую армію, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщ.; но прослуживъ не болѣе года, уволенъ отъ службы.

Леонтовичъ Савва Алексѣевичъ, сынъ мѣщанина изъ села Максимовки миргородскаго полка, первоначально учился въ Кіевской академіи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь 23 іюня 1758 года, произведенъ педѣлкаремъ въ 1759 году и лѣкаремъ по экзамену 16 февраля 1761 года, съ опредѣленіемъ на службу въ с.-петербургскіе полки сверхъ комплекта, для командировокъ. Но еще не вступивъ въ службу онъ просилъ разрѣшенія отправиться за границу и получивъ его, по указу сената, поѣхалъ (13 іюля 1761) въ Страсбургъ, гдѣ и учился. Окончивъ тамъ полный курсъ медицины и наконецъ напечатавъ диссертацію *De partu praelaturali ex vitis trunci foetus orto*. Argent. 1766, получалъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ 2 іюля 1766 года, экзамированъ былъ Певкеномъ и Линдеманою и получилъ право практики въ Россіи 25 сентября 1767 года. По удовлетворительности экзамена, Леонтовичъ тотчасъ же опредѣленъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь на преподавательскую должность, съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ, съ 10 рац. и 2 денщиками (21 іюня 1768). Но эта служба ему не нравилась. Между тѣмъ въ южныхъ губерніяхъ (астраханской, саратовской) учреждено было опекунство иностранныхъ колонистовъ и въ докладѣ объ учрежденіи его (въ ноябрѣ 1763 года) сказано, что «при поселяющихся въ астраханской губерніи колонистахъ, по новости мѣстъ, предъ симъ много времени необитаемыхъ, въ предупрежденіе каковыхъ нечаянныхъ и заразительныхъ, равно же прочихъ болѣзней, имѣть одного доктора, аптекаря, лѣкаря и двухъ подлѣкарей съ подлежащимъ къ тому числу прочихъ служителей, которыми пока вновь поселяющіеся заводятся и въ состояніи быть могутъ таковыхъ довозствовать собственнымъ изживеніемъ принуждено первые два года содержать оныхъ на казенномъ, а потомъ ежели имѣть похотятъ, на счетъ всѣхъ колонистовъ съ возвратомъ издержанной на то суммы чрезъ 10 лѣтъ въ три равныя доли». Въ это опекунство и опредѣленъ былъ докторомъ С. Леонтовичъ и живя постоянно въ Саратовѣ, гдѣ учреждена была и аптека, обязанная снабжать лѣкарствами всѣхъ колонистовъ. Леонтовичу было мало работы и онъ доволенъ былъ своимъ положеніемъ. Но въ медицинскій коллегіи все еще помнили, что онъ хорошо выдержалъ экзаменъ; а потому, когда въ московской госпитальной школѣ открылась вакансія преподавателя физиологіи, терапіи и фармакологіи съ небольшимъ числомъ больныхъ въ госпиталѣ (по смерти д-ра Ягельскаго), то эта вакансія и предоставлена ему съ жалованьемъ по 600 рубл. (24 іюля 1775), съ казенною квартирою въ госпиталѣ (младшаго доктора) и двумя денщиками. Но онъ отказался отъ этого мѣста,

ссылаясь на слабость здоровья. Между прочимъ онъ жаловался на то, что измученъ былъ шайкою Пугачева, которой попался въ плѣнъ. Ночью, вождь дождевъ, въ лѣсу, они ограбили его и сняли даже фуфайку, и когда онъ, страдавъ ревматизмомъ, сталъ просить у одного изъ разбойниковъ хоть фуфайки, то тотъ отвѣчалъ: ты скоро будешь повѣшенъ, тогда тебѣ и безъ фуфайки жарко будетъ, и бросилъ его въ кибитку въ одной рубашкѣ. Послѣ этого у него остался постоянный кашель, тяжесть въ груди и онъ не можетъ переносить сидячей жизни. Далѣе онъ жаловался, что всѣ книги его и все имѣніе пропало, а безъ книгъ какъ онъ будетъ читать лекціи? и потому просилъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ. Коллегія была недовольна, однакоже исполнила его желаніе (5 ноября 1775). Прошло три года и въ 1778 году колонисты, по предоставленному имъ праву, отказались содержать медицинскія учрежденія на свой счетъ и Самойловичъ остался безъ мѣста. Теперь онъ самъ просилъ мѣста въ госпиталѣ, но не былъ уже принятъ туда и переведенъ д-ромъ въ Нижегородскую дивизию (27 августа 1778), а всѣ остальные медицинскіе чины распределены были по мѣстамъ.

Леріусъ Христіанъ (August Christian Benjamin Lehrius), уроженецъ изъ города Вухольца въ Саксоніи, учился въ Страсбургѣ пять лѣтъ и получилъ докторскій дипломъ 14 сентября 1784 года. Потомъ занимался въ Берлинѣ для практики. Приѣхавъ въ Россію, экзаминованъ былъ я, получивъ право практики 6 февраля 1785 года, въ мартѣ опредѣленъ докторомъ въ Новоладожскій уѣздъ. Отсюда онъ назначенъ (1 декабря 1788 года) дивизионнымъ докторомъ въ Украинскую армію, съ жалованьемъ по 600 р. 10 ратіон. 2 денщик. Въ 1792 году учрежденъ въ Кіевѣ полевой госпиталь и командовавшій войсками генераль-поручикъ Иванъ Васильевичъ Напокинъ назначилъ туда Леріуса, что и утвердила медицинская коллегія, 8 іюля 1792, съ оставленіемъ однакоже его при Украинской дивизіи, по его собственной просьбѣ. Въ августѣ 1795 года назначенъ онъ былъ въ корпусъ генераль-поручика Дунина, а 28 мая 1796 года, по приказанію Суворова, назначенъ исправлять въ его войскахъ должность генеральнаго штабъ-доктора (въ Тульчинѣ), что и утверждено медицинскою коллегіею.

Лерхе Яковъ (Jacob Johann Lerche), родомъ пруссакъ изъ Потсдама, учился въ Галле, гдѣ, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ *Oryctographia Halensis, sive fossilium et mineralium in agro Halensi descriptio*, Halae 1730, получилъ докторскій дипломъ. Приѣхавъ въ Россію немедленно принятъ въ службу (22 мая 1731), по капитуляціи на пять лѣтъ, и назначенъ въ Астраханскій корпусъ, назначенный къ дѣйствию въ Персіи, съ жалованьемъ по 600 р., при чемъ, по отдаленности мѣста, прибавлено къ его жалованью еще 100 рублей. Отсюда, на время войны съ Турціею, переведенъ въ армію генерала Ласи генеральнымъ штабъ-докторомъ, на мѣсто Шрейбера, просившаго себѣ болѣе покойнаго мѣста, и отправившаго

въ Азову. О возобновленіи капитуляціи, кажется, не было болѣе и рѣчи. Война продолжалась долго и Лерхе постоянно оставался при фельдмаршалѣ Ласи. По окончаніи ея, Лерхе командированъ былъ въ Донцу и въ Харьковъ для прекращенія появившейся тамъ «опасной болѣзни». Исполнивъ это порученіе, онъ отправленъ былъ (въ 1741 году) въ Петербургъ и, по увеличенію числа больныхъ, причисленъ къ с.-петербургскому генеральному сухопутному госпиталю. Въ слѣдующемъ 1742 году онъ опредѣленъ опять къ фельдмаршалу Ласи въ шведскую войну. Въ 1745 году онъ ѣздилъ въ Персію въ свѣтъ нашего посольства и по возвращеніи оттуда въ 1750 году занялъ вакансію штатдт-физика въ Москвѣ (послѣ увольненія отъ службы А. Де-Тейльса) и предсѣдателя московской медицинскон конторы, „съ обязанностію смотрѣніе имѣть надъ московскою главною аптекою и надъ медицинскимъ огородомъ и для того жить въ покояхъ въ медицинскомъ огородѣ (гдѣ жилъ огородникъ Кейзеръ), съ жалованьемъ по 700 р. и прибавочными 100 р., а огородника Кейзера уволить отъ службы“. Вскорѣ послѣ того, 13 августа 1751 года, оба штатдт-физика, Гривъ въ Москвѣ, а Лерхе въ Петербургѣ—назначены «медицинскими совѣтниками директора медицинской канцеляріи (*medici consiliiarii*)» Бургаава по управленію всеи медицинскими дѣлами. При этомъ они перемѣщены были одинъ на мѣсто другаго (Лерхе въ Петербургъ, а Гривъ въ Москву), съ обязанностію немедленно занять свои мѣста. Жалованье опредѣлено имъ по штату 1733 года, гдѣ штатдт-физикамъ назначено въ Петербургѣ по 800, а въ Москвѣ по 700 р. «по физической должности» и сверхъ того по 300 р. каждому изъ суммы (1200 р.) опредѣленной указомъ 11 декабря 1744 года на «доктора знающаго канцелярскія дѣла, въ помощь главному командиру». Съ этихъ поръ онъ сохранилъ званіе штатдт-физика до самой смерти и въ этомъ званіи произведенъ въ коллежскіе совѣтники (16 марта 1764) „за добрые поступки въ превращеніи оказавшейся въ Кюменегорской провинціи опасной болѣзни“.

Когда умеръ главный директоръ медицинской канцеляріи П. З. Кондонди, то правительствующій сенатъ далъ указъ (15 сентября 1760 года) «за немѣнѣемъ лейбъ-медикуса, дабы въ текущихъ дѣлахъ медицинской канцеляріи остановки не было, присутствіе въ оной имѣть по указу доктору Лерхе, который и при жизни тайнаго совѣтника и лейбъ-медикуса Кондонди въ правленіи по медицинской канцеляріи дѣлъ въ должности ему вспоможеніе чинилъ; и съ нимъ обще изъ обрѣтающихся здѣсь докторовъ Синоплеусу и Шиллингу, коншь и поступать по указамъ во всеи непремѣнно».

Умеръ въ Петербургѣ, въ мартѣ 1780 года.

Лерхе Христофоръ Яковлевичъ (Christoph. Casimir Lerche), сынъ с.-петербургскаго штатдт-физика, родился въ Петербургѣ, но не умѣлъ писать порусски. Учился въ Берлинѣ, Страсбургѣ и Геттингенѣ и въ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ, 18 октября 1777 года. По

возвращеніи въ Петербургъ экзаменованъ былъ Ашемъ и Пеккеномъ и 1 февраля 1778 года получилъ право практики въ Россіи и назначенъ докторомъ при с.-петербургской дивизіи (на мѣсто д-ра Г. Аша). Отсюда переведенъ былъ во вторую часть Финляндской арміи, съ званіемъ генеральнаго штабъ-лѣкаря. За тѣмъ, въ октябрѣ 1790 года, армія подъ командою графа Ивана Петровича Салтыкова расположена на Двинѣ на зимнія квартиры и къ ней назначены генеральнымъ штабъ-докторомъ (бывшій въ финляндской арміи) д-ръ Христоф. Лерхе и штабъ-лѣкаря кк. ас. Михаилъ Шиндлеръ и Осипъ Саргеръ. Лерхе утвержденъ былъ генералъ штабъ-докторомъ войскъ въ Финляндіи и Петербургѣ расположенныхъ подъ командою графа Николая Ивановича Салтыкова, 17 февраля 1795 года, съ жалованьемъ по 1200 р. 15 рац. и 4 денщ. При расформированіи этой арміи, д-ръ над. сов. Христ. Лерхе остался докторомъ с.-петербургской дивизіи и оттуда, по высочайшему повелѣнію 13 февраля 1797 года, причисленъ къ штату наслѣдника цесаревича Александра Павловича, съ увольненіемъ изъ вѣдомства медицинскои коллегіи.

Лестокъ Германъ, графъ римской имперіи, родился 20 апрѣля 1692 года въ Целле, гдѣ отецъ его былъ лейбъ-хирургомъ герцога Георга Вильгельма ¹⁾. Но гдѣ онъ учился—неизвѣстно. Можно однакожъ предполагать, что онъ вообще учился мало, такъ что не приобрѣлъ даже докторскаго диплома. Прибылъ въ Россію и принятъ въ русскую службу въ 1715 году и въ качествѣ врача сопровождалъ императрицу Екатерину I въ Голландію (1716). Но уже въ это путешествіе выказалъ нѣкоторыя свои дурныя наклонности, за которыя по возвращеніи въ Россію сосланъ былъ Петромъ I въ Казань (1719), гдѣ и оставался до смерти императора. Екатерина I возвратила его изъ этой ссылки и опредѣлила лейбъ-хирургомъ къ дочери своей, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Лестокъ былъ веселаго характера, остроумецъ, тщеславенъ, любилъ роскошь, разгульную жизнь и карточную игру, а потому непрерывно наживалъ долги съ невозможностью уплатить ихъ. Да и дѣйствительно не изъ чего было уплачивать ихъ. По сохранившимся счетнымъ спискамъ онъ получалъ очень малое жалованье, хотъ и не всегда одинаковое. Такъ напримѣръ въ 1717 году онъ получалъ по 144 р. въ годъ. Съ начала 1720 года ему давалось по 240 р., а съ 1726 года по 400 рублей. Наконецъ въ 1737 году онъ получалъ по 132 р. въ треть ¹⁾. Такимъ образомъ съ одной стороны недостатокъ матеріальныхъ средствъ жизни, а съ другой крайняя

¹⁾ Рихтера *Исторія медицины въ Россіи*, III, стр. 436.

¹⁾ Въ это время полковой лѣкарь получалъ 120 р., а штабъ-лѣкарь 180 р. въ годъ.

боязнь нѣмцовъ во все царствованіе Анны Ивановны и въ бирюзовщину дѣлали то, что онъ старался прятаться въ эту пору и возможно меньше выказываться при дворѣ. Только при воцареніи Елисаветы Петровны началась для него блистательная жизнь, указавшая новую черту въ его характерѣ, а именно любовь къ политической интригѣ и увлеченіе ею. На другой день послѣ восшествія императрицы Елисаветы на престолъ, именнымъ указомъ 26 ноября 1741 года, Германъ Лестоукъ, «за его особливныя оказанныя вѣрныя и давнія услуги и чрезвычайное искусство» пожалованъ первымъ лейбъ-медикомъ въ рангѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцелярією и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ, съ жалованьемъ по 7000 р. въ годъ, а 27 апрѣля 1744 года императоромъ Карломъ VII возведенъ въ графское достоинство священной римской имперіи. Можетъ быть личныя услуги этого человѣка императрицѣ были дѣйствительно велики, потому что два года служилъ онъ ей матери и четырнадцать лѣтъ ей самой лейбъ-хируромъ съ весьма скромнымъ жалованьемъ, и при императрицѣ Аннѣ за преданность пesarевнѣ всякій день рисковалъ прокатиться опять къ Казани, а можетъ быть и еще далѣе, ловко маскируясь необузданною вѣтренностію, картежною игрою и долгами: но возвышеніе его въ первые лейбъ-медики съ 7-тысячнымъ жалованьемъ и даже пожалуі въ графы было совершенно достаточно для вознагражденія заслугъ его; назначеніе же его „директоромъ всего медицинскаго факультета въ Россіи“ было большою ошибкою. Онъ былъ ловкій придворный, веселый собесѣдникъ, но едва ли знающій и искусный медикъ (сдѣлавшись первымъ лейбъ-медикомъ и графомъ онъ никогда уже не лѣчилъ императрицу) и вовсе не способный правитель, не имѣвшій понятія о своей новой должности. Получивъ эту должность въ награду, онъ и считалъ ее наградою, не заботясь о налагаемыхъ ею обязанностяхъ. Къ счастью судьба послала ему двухъ помощниковъ, которые и заслонили его. Дѣйствительнымъ лейбъ-медикомъ при Елисаветѣ былъ Германъ Кау Бургавъ, а настоящимъ администраторомъ «всего медицинскаго факультета» — докторъ Павелъ Захаровичъ Кондонди. Лестоукъ, кажется, и самъ понималъ административную свою неспособность и тотчасъ по вступленіи въ должность главнаго директора медицинскаго факультета, вызвалъ въ Петербургъ генеральнаго штабъ-доктора Украинскаго корпуса Кондонди и, уѣзжая въ Москву со дворомъ, официально поручилъ ему управленіе суб. медицинскою конторою, о чемъ и сообщилъ сенату, адмиралтейской и военной коллегіямъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ предоставилъ большую часть дѣлъ медицинской конторѣ, т. е. Кондонди, запретивъ требовать всякій разъ особливыхъ указовъ. Да и когда ему было думать о медицинскихъ дѣлахъ, когда все его время поглощено было непрерывными переездами изъ Петербурга въ Москву и обратно, заботами о сохраненіи своего положенія при дворѣ и запутываніемъ и распутываніемъ.

Линдеманъ Андрей (Andreas Lindemann), уроженецъ изъ Ревеля, учился въ Геттингенѣ, гдѣ напечаталъ диссертацию *De partu praeternaturali, quem sine matris aut foetus sectione absolvere non licet operatori*, получилъ докторскій дипломъ (1755). Оттуда онъ поѣхалъ въ Берлинъ и Страсбургъ, для усовершенствованія въ акушерствѣ, и въ концѣ 1756 года возвратился въ Россію и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу. По этому прошенію онъ экзамированъ былъ въ медиц. канцеляріи Шрейберомъ, Г. Ашемъ и Хр. Пеккеномъ и получилъ право практики въ Россіи (8 января 1757 года), но въ службу не опредѣленъ по неимѣнію вакансій, а потому и уѣхалъ опять въ Ревель. Вскорѣ однакоже (въ маѣ того-же года) Кондоиди велѣлъ написать ему, не желаетъ ли онъ быть опредѣленнымъ „въ бабичьему дѣлу“ въ Петербургѣ? Линдеманъ согласился и 7 августа 1757 года опредѣленъ туда, съ званіемъ доктора и профессора и съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

Успѣхи обученія «бабичьему дѣлу» были не очень быстры въ первые годы существованія его; но все-таки оно преподавалось, и медицинская канцелярія сдѣлала распоряженіе, чтобы изъ петербургскаго и московскаго госпиталей по 6 подлѣзкарей ходили къ докторамъ бабичьяго дѣла слушать «лекціоны» и учиться акушерскимъ операціямъ, а въ вознагражденіе этого добавочнаго труда профессоровъ назначила имъ прибавочное жалованье, Линдеману по 200, а Эразмусу по 100 руб. въ годъ (9 октября 1769 года), вѣннвъ или при этомъ въ обязанность читать бабкамъ «лекціоны» на русскомъ языкѣ и стараться о наборѣ большаго числа ученицъ, а подлѣзкарямъ, кромѣ акушерства, читать лекціоны о женскихъ и дѣтевыхъ болѣзняхъ, но уже не у себя на квартирахъ, а въ госпитальныхъ училищахъ. Всѣ эти распоряженія и надежды были однакоже мало исполнимы. Линдеманъ вовсе не зналъ порусски и не научился этому языку до самаго конца своей карьеры, продолжавшейся 24 года. Русскимъ репетиторомъ его служилъ штабъ-лѣвартъ Яковъ фонъ-Мелленъ, очень этикъ затруднявшійся, потому что и самъ плохо зналъ порусски. Дошло до того, что онъ началъ даже отказываться отъ мѣста, лишь бы уволили его отъ чтенія лекцій русскимъ бабкамъ на русскомъ языкѣ (9 сентября 1763): но управлявшій медицин. канцеляріею докторъ Леріе отвѣтилъ на эту просьбу, что такъ какъ г. Линдеманъ вовсе не знаетъ порусски, то онъ (фонъ-Мелленъ) затѣмъ и опредѣленъ, чтобы толковать его лекціи на русскомъ языкѣ безъ отговорокъ и съ крайнѣйшимъ радѣніемъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ трудно было ожидать усердія къ дѣлу и успѣха въ немъ. Но къ этому вскорѣ присоединилось и другое важное обстоятельство, послужившее поимѣю серьезнымъ школьнымъ занятіямъ Линдемана: при учрежденіи государственной медицинской коллегіи онъ представленъ былъ барономъ Черкасовымъ въ числѣ кандидатовъ въ члены ея и 27 ноября 1763 года императрица утвердила это представленіе, такъ что съ этихъ поръ Линдеманъ

сталъ еще меньше имѣть времени для занятій съ акушерками, но гораздо болѣе надежды на безконтрольность при всѣхъ учебныхъ съ своей стороны упущеніяхъ. Еще болѣе: какъ членъ коллегіи по акушерской части, онъ былъ единственнымъ экзаминаторомъ акушеровъ при поступленіи ихъ на службу и слѣдовательно простою поблажкою или личными видами могъ прикрывать всякое невѣжество и спасать свою преподавательскую несостоятельность. Это присутствіе Линдемана въ коллегіи прикрывало всѣ его вольности. Такъ напримѣръ, лѣтомъ 1778 года ему вздумалось ѣхать на годъ въ чужіе края гдѣчиться: онъ и поѣхалъ 3 августа, испросивъ высочайшее повелѣніе оставить за собою всѣ мѣста службы, а въ томъ числѣ и профессорское, съ сохраненіемъ всего содержанія. Но этого мало: поѣхавъ на годъ за границу, онъ пробылъ тамъ два года (возвратился только 16 октября 1780 года), вовсе не заботясь объ участи ввѣренной ему школы и получилъ даромъ двухгодовое полное жалованье. Вскорѣ по возвращеніи изъ за границы Линдеманъ произведенъ (3 апрѣля 1781 года) въ статскіе совѣтники, но съ увольненіемъ отъ прежнихъ должностей и съ опредѣленіемъ докторомъ къ оспенному дому на Петербургской сторонѣ (стоявшему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Александровскій лицей ¹⁾).

Линденбергъ Іоганъ (Johann Daniel Lindenberg), родомъ изъ Риги, учился въ Берлинѣ, Геттингенѣ и Страсбургѣ, а потомъ въ Гиссенѣ, всего 8 лѣтъ, и въ этомъ послѣднемъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ (11 апрѣля 1781). Приѣхавъ въ Россію, онъ былъ экзаминованъ въ мед. коллегіи, но оказался слабъ и не получилъ права практики. Черезъ полгода вторично экзаминовался и получилъ право практики (6 апрѣля 1783), а вслѣдъ затѣмъ, по собственному желанію, опредѣлился сперва въ Пермское, а потомъ въ Тобольское намѣстничества (30 іюня 1783) на двойное жалованье (въ города Тюмень и Туринскъ). Въ Тюмень опредѣленъ онъ былъ 10 сентября 1797 года, съ жалованьемъ по 300 р., не поѣхавъ туда и по прошенію уволенъ въ отставку (23 ноября 1797 года).

Листовіусъ Готлибъ (Gottlieb Wipert Lysthenius) учился въ Галле и тамъ напечаталъ докторскую диссертацию *De aneurismate*, Halae 1726. Потомъ состоялъ на службѣ при герцогскомъ Эйзенакскомъ дворѣ лейб-медикомъ и оттуда вызванъ въ русскую службу гофъ-медикомъ (въ августѣ 1736 года) по контракту на четыре года. На проѣздъ ему даны два векселя

¹⁾ Въ именномъ указѣ, данномъ сенату 3 апрѣля 1781 года, сказано: «всемилоостивѣйше пожаловали мы медицин. коллегіи члена и доктора Авдрея Линдемана въ статскіе совѣтники и повелѣваемъ ему быть при оспенномъ домѣ, на Петербургской сторонѣ заведенномъ подъ вѣдѣніемъ приказа общественаго призрѣнія адѣшней губерніи, отъ присутствія же въ медицинской коллегіи его увольняемъ».

по 500 р., а жалованья назначено до времени 1200 р. и съ 12 марта 1737 выдавалось по 1500 р. въ годъ. Уволенъ отъ службы 4 іюля 1739 года.

Лобенвейнъ Андрей (Johann Andreas Lobenwein), лѣкарь, назначенъ именнымъ указомъ 8 ноября 1733 года, объ учрежденіи Калининскаго хирургическаго училища, преподавателемъ анатоміи и хирургіи въ этомъ училищѣ. Прослуживъ тутъ годъ и три мѣсяца, онъ подалъ въ отставку и уволенъ съ аттестатомъ (28 марта 1735). Но онъ не былъ экзаминованъ и не имѣлъ права практики въ Россіи. Объ этомъ правѣ просилъ онъ медиц. коллегію уже по выходѣ изъ Калининскаго училища, ссылаясь на тотъ указъ императрицы, въ которомъ сказано, что медикъ, приглашенный въ русскую службу правительствомъ, можетъ быть принятъ безъ экзамена. Медицинская коллегія дала ему право медико-хирургической практики безъ экзамена, и именно на основаніи этого указа (май 1735). Послѣ отставки Лобенвейнъ жилъ въ Ригѣ, писалъ диссертацию и, пославъ ее въ Іену, получилъ докторскій дипломъ. Съ этимъ дипломомъ онъ явился къ экзамену въ коллегію 20 февраля 1737 года, а потомъ, 18 марта „говорилъ въ коллегіи рѣчь о матѣрѣ, съ фізіологическими и анатомическими объясненіями и съ принадлежащими къ тому операціями, который въ преподаванію оной науки при хирургическихъ школахъ оказался достойнымъ“ и признанъ докторомъ (18 марта 1737), а вслѣдъ затѣмъ (29 апрѣля) определенъ профессоромъ фізіологіи и повивальнаго искусства при спб. хирургической школѣ, съ жалованьемъ по 1000 рублей. Но Лобенвейнъ не тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ и 19 іюня написалъ, что считалъ ненужнымъ торопиться, частію потому что долго сдавалъ должность (рижскаго уѣзднаго доктора), частію потому, что вздумалъ жениться, а частію что теперь заникнулъ. Въ отвѣтъ на это коллегія предписала ѣхать немедленно, съ тѣмъ что ему и жалованье будетъ считаться со дня отъѣзда въ Петербургъ. Въ то же время она написала о томъ же въ рижское наѣстническое правленіе, которое и увѣдомило (9 августа), что Лобенвейнъ отказывается отъ мѣста. Коллегія уволила его 17 августа 1737 съ абшитою. Въ послѣдствіи Лобенвейнъ служилъ профессоромъ анатоміи въ медицинскомъ факультетѣ Виленскаго университета.

Логиновъ Петръ Романовичъ, сынъ священника въ селѣ Головкинѣ Александрійскаго уѣзда Екатеринбургскаго наѣстничества, первоначально учился въ Екатеринбургской семинаріи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ спб. медицинскую школу (25 ноября 1795 года). Окончивъ здѣсь курсъ и будучи признанъ лѣкаремъ, онъ избранъ былъ профессоромъ Я. Саполовичемъ въ адъюнкты къ себѣ при кафедрѣ хирургіи. По этому представленію Логиновъ приглашенъ былъ прочесть (27 октября 1795) пробную лекцію (*Объ операціи каменной болѣзни*) въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ, въ присутствіи президента медицинской коллегіи Василія Николаевича Зиновьева, членовъ ея и прочихъ медицинскихъ чиновъ, и въ аттестатѣ, подписанномъ чле-

нами коллегіи сказано, что «Логиновъ оказался весьма хорошаго знанія и способности въ изясненіи своихъ мыслей изустно», а потому утверждёнъ былъ адъюнктомъ въ спб. медицинской школѣ при кафедрѣ хирургіи (9 ноября 1795), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Въ послѣдствіи, по представленію профессора, „за усердіе и прилежность“, жалованье прибавлялось и въ 1798 году дошло до 500 руб. Въ 1799 году онъ произведенъ въ штабъ-лѣкарю и утверждёнъ адъюнктъ-профессоромъ хирургіи на мѣсто профессора Я. Саполовича. Но въ тоже время онъ обратился къ медицинской коллегіи, что слабъ сталъ зрѣніемъ и должности исправлять не можетъ, а потому просилъ опредѣлить его на какое либо другое мѣсто (17 сентября 1800 г.). Коллегія опредѣлила его инспекторомъ въ востромскую врачебную управу, съ жалованьемъ по 700 р. въ г., а на мѣсто его перевела изъ Калининскаго училища профессора хирургіи Ивана Федоровича Буша, съ жалованьемъ по 1200 р.

Лоловскій Феликсъ (Felix Laurentius Michael Lojowsky), полякъ изъ города Нежела, учился въ Краковѣ и Лембергѣ четыре года и получилъ дипломъ (1784 года). Экзаминованъ и получилъ право практики (9 іюля 1789 года). Принятъ на службу въ Нижегородское намѣстничество (5 іюля 1795 года), а потомъ опредѣленъ въ Нижній Новгородъ (11 іюня 1797), съ жалованьемъ по 400 р.

Ломанъ Владиміръ (Christian Woldemar Lohmann), лифляндецъ изъ Дерпта, учился въ Ростокѣ и напечаталъ диссертацію *De affectibus paralyticis eorumque ab aliis impotentiarum generibus differentia*, 1736, получилъ докторскій дипломъ. Приѣхавъ въ Петербургъ принять былъ въ службу по капитуляціи и назначенъ (15 августа 1741 года) докторомъ въ московскую дивизію. Когда окончился срокъ капитуляціи, онъ просилъ возобновить ее (1 іюля 1746 года), но съ тѣмъ, чтобы не оставаться больше въ московской дивизіи, а поступить на болѣе спокойное мѣсто. Медицинская канцелярія исполнила эту просьбу и опредѣлила его докторомъ въ Рижскую дивизію. Отсюда онъ переведенъ въ Васильковскій карантинъ, на мѣсто умершаго доктора Фабри (сентябрь 1750 года), съ званіемъ пограничнаго доктора (Grantz-Medicus). Приѣхавъ на мѣсто, Ломанъ нашелъ квартиру покойнаго доктора Фабри, нашелъ и карантинный домъ на польской границѣ, отдававшійся на откупъ отъ кievской губернской канцеляріи: но гдѣ же карантинъ, гдѣ осмотръ и очищеніе прѣзжающихъ—объ этомъ и помина не было. Ломанъ представилъ объ этомъ подробное донесеніе медицинской канцеляріи, по представленію которой и состоялся указъ сената 14-го октября 1751 года объ учрежденіи карантинна въ Васильковскомъ форпостѣ для осмотра и очищенія прѣзжающихъ изъ Волошской земли. Онъ вполне подчиненъ былъ доктору (Ломану), который и обязанъ былъ давать аттестаты о болѣзни всѣмъ прѣзжающимъ, безъ которыхъ изъ Кіева ихъ не пускали въ Россію, а возвращали обратно. Вся помощь карантину назна-

чалась отъ кievской губернской канцеляріи и Ломану предоставленъ кредитъ на постройку или починку карантиннаго дома и содержаніе его. Карантинщикъ находился въ полномъ распоряженіи доктора (Ломана), а военный командующій обязанъ былъ только исполнять докторскія приказанія. Карантинный домъ былъ на откупѣ у надворнаго совѣтника Юрія Томазина, съ мая 1750 года, на четыре года, съ платою откупной суммы по 700 р. въ годъ. Въ 1754 году, по публикаціи кievской губернской канцеляріи, никто не явился перенять этотъ откупъ и онъ опять остался за Томазинымъ еще на четыре года и за ту же сумму. Въ 1752 году Томазинъ жаловался на Ломана сенату (черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ), за излишнія отягощенія пріѣзжимъ чужестраннымъ купцамъ и сенатъ писалъ (12 августа 1754 года) медицинской канцеляріи, чтобы запрещено было Ломану притѣснять прѣѣзжихъ «съ озлобленіемъ и наглостію ради подарковъ и взятокъ», а такъ же позволялъ бы прикащикамъ Томазина ѣздить въ ближайшіе польскіе города за съѣстными припасами. Томазинъ настаивалъ, чтобы главная команда въ карантинѣ отнята была у доктора и передана военнымъ чинамъ. По порученію медицинской канцеляріи Ломанъ представилъ проектъ и планъ госпиталя при карантинѣ о четырехъ покояхъ: но кievская губернская канцелярія отказалась дать деньги и строить и написала сенату, что это совѣмъ не нужно, потому что и прежде никогда тамъ госпиталя не было. А кievскій генералъ-губернаторъ, преемникъ Леонтьева, жаловался притомъ сенату, что Ломанъ присвоиваетъ себѣ губернаторскія права, самъ допуская или не допуская въ карантинъ и назначая сроки карантина. По указу сената 27 октября 1754 года предполагалось еще устроить карантинъ (по усмотрѣнію вице-губернатора Костюрина и инженеръ-полковника де Воскета) въ Кievской губерніи, въ Смоленской губерніи и въ Новой Сербіи, а всего въ Кiev. губерніи 6, въ Новой Сербіи 1 и въ Смоленской губерніи 4. Соображая это, медицинская канцелярія донесла сенату (2 декабря 1754), что такъ какъ на всѣхъ этихъ трактахъ одинаковая будетъ опасность, то вездѣ слѣдуетъ имѣть «по одному настоящему лѣкарю, ибо на подлѣжарей егда совершенной чинъ мастерства по своему искуству еще не получили, въ толь важномъ дѣлѣ положиться не возможно». И того въ Кievской губерніи и въ Новой Сербіи 7 лѣкарей, всѣ подъ командою Васильковскаго доктора, и въ Смоленской губерніи 4 лѣкарей и 1 доктора, который будетъ командовать ими, а жалованье лѣкарямъ противъ напольныхъ лѣкарей по 170 р. 3 рац. и по 1 денщику, а доктору въ Смоленскѣ противъ Васильковскаго доктора по 600 р. 6 раціонъ и 2 денщ. Виѣстѣ съ тѣмъ она представила свое мнѣніе объ устройствѣ карантинныхъ домовъ (28 пунктовъ). Сенатъ утвердилъ это съ тѣмъ, чтобы жалованье отпускаемо было изъ сборовъ отъ винной продажи, назначаемыхъ на содержаніе таможенъ (22 февраля 1755). Такимъ образомъ Ломану принадлежала заступать жерваго рациональнаго устройства карантиновъ на южной границѣ Россіи.

Но устройство это принуждало къ непрерывной борьбѣ съ невѣжествомъ и корыстолюбіемъ, которая наконецъ надоѣла ему и онъ охотно принялъ предложеніе отъ старшаго доктора московскаго генеральнаго госпиталя Анастасія Ники помѣняться мѣстами службы. Докторъ Лерхе, отъ имени временной комисіи управлявшей медицинскою канцеляріею, тоже согласился на этотъ обмѣнъ и 8 февраля 1761 года утвердилъ его.

Но перебравшись въ Москву, докторъ Ломанъ не нашелъ желаннаго спокойствія. Если въ Васильковѣ мучился онъ отъ вляузъ кievской губернской канцеляріи и карантиннаго откупщика, то въ Москвѣ нашелъ не менѣе тягостныя вляузы военнаго инспектора госпиталя, генераль-майора Андрея Фаминцына, который цѣлый 1764 годъ почти ежедневно писалъ въ медиц. коллегію жалобы на госпиталь, вѣдшавшаяся въ медицинскія дѣла. На одномъ изъ его донесеній въ медиц. коллегію баронъ Черкесовъ написалъ: «отписать, что ежелибы онъ имѣлъ что ни есть именно о неурядкахъ показать, тобы конечно не преминулъ по склонности своей къ затрудненіямъ и завязкамъ великія стопы исписать: а какъ того не учинилъ, то вѣроятно что и писалъ для того что писать хотѣлъ, а не для того что имѣлъ причину писать». Фаминцынъ во все вѣдшавался, наприимѣръ, что лѣкари и подлѣкари не хорошо перевязки дѣлаютъ, уходятъ съ дежурства, что докторъ и главный лѣкарь по разу только въ день бываютъ въ госпиталѣ; что Виль приказалъ бить одного больнаго за то, что тотъ не позволилъ Ангелю вынуть кость изъ щеки; что больной съ ракомъ лежитъ вѣдствѣ съ другими больными; что сумасшедшему не всякій день прописывается лѣкарство, что его привязываютъ за руки и за ноги къ кровати, тогда какъ онъ совѣтовалъ укрѣпить въ стѣнѣ цѣпь съ ошейникомъ и на ней приковывать его; что не такія порціи прописываютъ, какія онъ совѣтовалъ; что два подлѣкаря (Рикманъ и Крумратъ), жившіе въ двухъ смежныхъ комнатахъ (изъ коихъ каждая имѣла длины 8 аршинъ и 6 вершковъ и ширины 6 аршинъ и 6 вершковъ), хотѣли соединить ихъ и жить вѣдствѣ; что въ госпиталѣ на Введенскихъ горахъ не такъ размѣщены больные, какъ онъ приказывалъ; что его не провозажоутъ при обходѣ госпиталя медицинскіе чины; что одинъ ученикъ писалъ воровскіе фальшивые рецепты и за то штрафованъ безъ его вѣдома. (Ему ябедничалъ комисаръ Алексѣй Кавтыревъ, а онъ о всѣхъ ябздахъ тотчасъ же писалъ медицин. коллегіи и генераль-кригсъ-комисару Александру Ивановичу Глѣбову). Наконецъ медиц. коллегіа выгнала Кавтырева изъ госпиталя и потомъ смѣнила главнаго писаря Артемьева «за плутовство и неурядочные поступки (онъ подсунулъ къ подписи Эразмуса, временно управлявшаго госпиталемъ, фальшивое опредѣленіе конторы, а главный лѣкарь Виль послѣ разодралъ его за фальшь).

Въ ноябрѣ 1763 года въ московскомъ госпиталѣ случился пожаръ, къ счастью не очень обширный, потому что ограниченъ каменнымъ госпиталемъ. При соображеніи о починкѣ и поправкѣ зданія послѣ пожара и о постройкѣ

новыѣ сараевѣ, докторъ Ломанъ высказалъ мысль, что госпиталь стоитъ на неудобномъ мѣстѣ и что безпрерывныя починки причиняютъ лишніе расходы и при этомъ высказалъ всѣ неудобства его (5 февраля 1764): «1) въ Яузѣ, на которой стоитъ госпиталь, моется госпитальное бѣлье, а въ прїѣзды государыни въ Москву, оттудаже берется вода во дворецъ на разныя потребности; 2) вода эта и для больныхъ не полезная, по болотистому мѣсту рѣки. 3) Больничныя палаты не въ одномъ мѣстѣ стоятъ: однѣ каменныя, а другія деревянныя на Введенскихъ горахъ ¹⁾, и послѣднія неудобныя, ибо въ нѣкоторыхъ палатахъ помѣщается по 150 и по 170 больныхъ, отчего при трудныхъ больныхъ и съ ранами легкіе больные отъ нихъ безпокойство имѣютъ, а по низости покоевъ воздухъ непомезный; а какъ для трудныхъ больныхъ нѣтъ особыхъ покоевъ, то и сдѣлать ничего невозможно. Деревянныя покои отстоятъ отъ каменныхъ чрезъ немалый ровъ, въ которомъ весною отъ разлитія водъ и лѣтомъ отъ дождей бываетъ въ переходѣ медицинскимъ чинамъ и даже работникамъ затрудненіе и невозможность, а равно и для больныхъ то вредительно, да и нынѣ дежурнымъ подлѣкарямъ и ученикамъ при переходѣ черезъ ровъ въ ночное время отъ непотребныхъ людей не безъ опасности, невоздержныхъ же нѣкоторыхъ учениковъ и работниковъ по дальности Введенскаго госпиталя (разстояніе въ оба конца версты полторы) нельзя надзирать, а въ томъ госпиталѣ нѣтъ покоевъ для медицинскихъ чиновъ и они живутъ въ Лефортовскомъ госпиталѣ. 4) Введенскій госпиталь далеко отъ жилья я отъ воды, которую надобно возить на гору на лошадахъ, а въ случаѣ пожара безъ воды бѣда, каковой случился въ ноябрѣ 1763 въ старомъ госпиталѣ каменномъ: еслибъ онъ случился въ деревянномъ, то всѣ бы погибли. 5) Всѣ жилые покои въ госпиталѣ крайне ветхи и требуютъ передѣлки и поправки». Поэтому онъ предлагалъ сыскать для госпиталя удобное мѣсто близъ Москвы рѣки и построить каменный госпиталь, чтобы не тратить денегъ на безпрерывныя починки деревяннаго, чтобы покои были не низкіе и чтобы не очень большіе, какъ теперь въ деревянномъ госпиталѣ, чтобы въ нихъ не помѣщались болѣе 50 человекъ, чтобы больныхъ размѣщать по бѣзнямъ ихъ и раздѣльно.

Медицинская коллегія представила это сенату, который поручилъ (3 января 1765) комиссаріату составить проектъ и смѣту для госпиталя на 1000 больныхъ, а подробности устройства анатомическаго театра и другихъ учебныхъ приспособленій предоставлены были медицинской коллегіи. Предполагалось даже перенести госпиталь на другое мѣсто и объ этомъ словесно доложено

¹⁾ Госпиталь на Введенскихъ горахъ состоялъ изъ четырехъ деревянныхъ связей и отдѣлялся отъ каменнаго госпиталя грязнымъ ровомъ. Это было лѣтнее отдѣленіе госпиталя или «полевые покои».

было барономъ Черкасовымъ императрицѣ: но комиссаріатъ ссылался на медицинскую коллегію, что она не доставляетъ плана анатомическаго театра, и ничего не дѣлала, а коллегія ссылалась на медленность комиссаріата и тоже ничего не дѣлала.

Наконецъ Ломану надоѣло распутывать кляузы генерала Фаминцина и онъ просилъ перевода въ другое мѣсто и переведенъ (13 декабря 1764 года) старшимъ докторомъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, на мѣсто доктора Паульсона, гдѣ и умеръ 30 марта 1776 года.

Люкасъ Иванъ (Joannes Lucas), грекъ изъ Константинополя, учился въ Лейденѣ и напечаталъ диссертацию *De nutritione*, получилъ дипломъ. Потомъ поѣхалъ на родину и взять былъ подаркомъ Гика въ Валакію, гдѣ съ войсками и подаркомъ взять въ плѣнъ въ Бухарестъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, экзамированъ фонъ-Мелленомъ, Линдеманомъ и Снопіусомъ и получилъ право практики въ Россіи (17 октября 1771 года).

Люки Иванъ (Johann Luku), родомъ грекъ, получилъ право практики въ Россіи 17 октября 1771 г. и занимался частною практикою въ Москвѣ. Онъ былъ своякъ вицеадмиралши Крузе, которая хлопотала въ 1782 году объ опредѣленіи его на службу. Ему предложили Персское или Иркутское намѣстничества, но онъ не согласился ѣхать въ такую даль, а желалъ жить въ Петербургѣ: но тамъ не было вакансій.

Люксъ Скиасси (Lux Skiassi) экзамированъ былъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики (13 ноября 1786), но безъ права опредѣленія въ службу.

Люпсъ (Johann Lups) родился въ Москвѣ въ 1725 году, гдѣ отецъ его былъ вунцовъ. Въ ранней молодости отправленъ былъ за границу (1739) для образованія. Учился медицинѣ въ Лейденѣ и напечаталъ диссертацию *De irritabilitate* получилъ тамъ докторскій дипломъ (1748). За тѣмъ провелъ годъ въ голландской службѣ и поѣхалъ въ Парижъ для изученія акушерства, гдѣ также пробылъ одинъ годъ. Въ русскую службу принятъ 19 мая 1752 года и опредѣленъ къ московской медицинской конторѣ для командировокъ, съ жалованьемъ по 300 р. изъ сверхштатныхъ суммъ. При военныхъ притовленіяхъ къ семилѣтней войнѣ назначенъ былъ дивизионнымъ докторомъ въ observationalный корпусъ (1754), но по болѣзни отказался идти въ походъ (2 мая 1760) и уволенъ отъ службы. Но въ апрѣлѣ 1761 года снова просился на службу, и именно въ московскій генеральный госпиталь читать лекціи, и 7 мая 1761 опредѣленъ младшимъ вторымъ докторомъ и преподавателемъ, съ жалованьемъ по 600 р. Онъ долженъ былъ читать по компендію Шрейбера, а препараты къ лекціямъ готовить оператору, равно какъ и дѣлать операции. Люпсъ однакоже не желалъ быть младшимъ докторомъ и подъ командою старшаго и считалъ это обиднымъ для себя, потому что много служилъ и даже въ чужихъ вѣяхъ служилъ докторомъ же;

по этому просил опредѣлить его на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ Шрейберъ служилъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, товарищемъ старшаго доктора, а не подъ командою его. Въ отвѣтъ на это Мерке, управлявшій медицинскою канцеляріею, написалъ, что если онъ не хочетъ принять должность, какъ ему прежде написано, то будетъ совсѣмъ уволенъ отъ службы. Люпсъ повиновался, но не вынесъ обиды и умеръ 10 декабря 1761 года.

Лянгшееръ преподавалъ теоретическую хирургию въ Виленскомъ университетѣ.

Маккаръ Людовикъ (Louis Maskart), изъ Реймса, учился въ Парижѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ. Пріѣхавъ въ Россію представилъ, вмѣстѣ диссертациі, *Manuel о качествахъ водъ* и получилъ право практики въ августѣ 1783 года.

Максимовичъ Амбодикъ Несторъ Максимовичъ (назвавшій себя *Ambo-dic, ambo dic*, отъ двукратнаго повторенія въ его имени слова «Максимовичъ»), сынъ священника въ Гадячскомъ полку, въ селѣ Веприкѣ. Сперва учился въ Кіевской академіи десять лѣтъ (съ 1757 по 1768) до класса богословія и затѣмъ принятъ ученикомъ-волонтеромъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (14 декабря 1769), но пробылъ въ немъ только одну зиму и 20 мая 1770 г. уволенъ по прошенію для отъѣзда за границу, на свой счетъ ¹⁾. Онъ прямо поѣхалъ въ Страсбургъ и пробывъ въ тамошнемъ университетѣ 4½ года, послѣ чего, напечатавъ и защитивъ диссертацию *De hepate humano*, получилъ докторскій дипломъ (26 сентября 1775 года) и чрезвычайпо лестный аттестатъ отъ декана Страсбургскаго университета, профессора Шпильмана (J. R. Spielmann). По дорогѣ изъ Страсбурга въ Россію онъ объѣхалъ всю Германію и возвратившись въ Петербургъ экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи Г. Ашемъ, Х. Пеккеномъ и А. Линдеманомъ, * получилъ право практики (19 сентября 1776) и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ спб.-адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. Онъ получилъ порученіе (19 декабря 1776) преподавать здѣсь лекціи «о женскомъ повоѣ» или акушерскую науку, но съ условіемъ преподавать эту науку въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ, для чего назначены были послѣобѣденные часы (отъ втораго до четвертаго) по средамъ и субботахъ. Такъ продолжалось около 2½ лѣтъ, когда умеръ докторъ Христофоръ фонъ-Мелленъ, преподававшій анатомію въ

¹⁾ Въ послѣдствіи однакоже ему назначена была стипендія изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго княгинею Екатериною Дмитріевною Голицыною, урожденною Кантемиръ. «для непрерывнаго природныхъ россіянъ акушерскому дѣлу обученія въ чужихъ краяхъ».

с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Для замѣщенія открывшейся чрезъ то вакансіи переведенъ изъ кронштадтскаго морскаго госпиталя докторъ М. М. Тереховскій (30 мая 1779), для чтенія анатоміи и хирургіи, а на его мѣсто въ Кронштадтѣ, къ кафедрѣ «матеріи медики, физиологіи и медико-хирургической практики» переведенъ Максимовичъ Амбодикъ, при чемъ обонимъ назначено по 600 р. въ годъ. Ему предписано было читать матерію медикѣ по вновь сочиненной тогда «Россійской фармакопее», физиологію по Галлеру, а медико-хирургическую практикѣ по Шрейберу. Черезъ полтора года Максимовичъ Амбодикъ сталъ проситься въ Петербургъ, ссылаясь на то, что всегда приготавливалъ себя въ акушерству, составляющему спеціальность его, между тѣмъ какъ въ Кронштадтѣ принужденъ заниматься разнородными предметами. Медицинская коллегія уважила эту просьбу, потому что дѣйствительно нуждалась въ немъ—послѣ отставки Линдемана рѣшительно некому было поручить преподаваніе акушерства—и 10 мая 1781 года перевела его въ Петербургъ, «къ повивальному дѣлу», съ тѣмъ однакоже, чтобы кромѣ обученія акушеровъ, онъ преподавалъ еще поддѣлывая и ученикамъ въ обонихъ петербургскихъ госпиталѣхъ повивальное искусство по три раза въ недѣлю, за что и положила ему 600 р. жалованья въ годъ. При самомъ вступленіи въ эту должность, онъ значительно видоизмѣнилъ и улучшилъ преподаваніе въ школахъ, введя не существовавшія до него демонстраціи на фантомѣ. Для этого, по собственнымъ моделямъ и рисункамъ, заказалъ онъ (19 сентября 1782) инструментальному мастеру Василию Коженкову, сдѣлать фантомъ женскаго таза съ деревяннымъ ребенкомъ, прямые и кривые стальные клещи (*forceps obstetricius*) съ деревянными ручками, серебряный катетеръ и проч., всего на 150 р. И ему первому принадлежить въ Петербургѣ введеніе въ обыденную практикѣ акушерскихъ щипцовъ. Медицинская коллегія оцѣнила его усердіе и въ октябрѣ 1782 года наименовала его *профессоромъ повивальнаго искусства*.

Черезъ два года послѣ перевода въ Петербургъ ему поручили (6 іюля 1783) еще читать въ госпиталѣхъ матерію-медикѣ по Бланквеллеву травнику, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, съ прибавкою за это 200 р. къ его жалованью; но въ этотъ разъ онъ преподавалъ матерію-медикѣ только одинъ годъ (до 19 апрѣля 1784), т. е. до назначенія его профессоромъ въ повивальный институтъ. Акушерскія лекціи его были публичныя и о каждомъ открытіи курса его объявлялось въ русскихъ и нѣмецкихъ «Спб. Вѣдомостяхъ». Такимъ образомъ ему дано было столько работы, что надобно удивляться, гдѣ онъ находилъ время для многочисленныхъ сочиненій и переводовъ и въ особенности для занятій ботаникою, которую онъ очень любилъ и хорошо зналъ. Впрочемъ продолжалось это недолго. Когда созрѣла мысль о преобразованіи повивальной школы въ Повивальный институтъ и Амбодикъ назначенъ туда преподавателемъ акушерства, состоялось высочайшее повелѣ-

ніе (объявленное графомъ А. Безбородко 31 декабря 1786) уволить его от преподаванія въ госпиталяхъ съ получаемымъ имъ содержаніемъ, чтобы онъ могъ посвятить все свое время акушерству и преподаванію этой науки въ повивальномъ институтѣ, что и исполнено 11 января 1787. Надобно прибавить къ этому, что акушерскіе курсы въ госпиталяхъ были въ это время сверхштатные: при составленіи генеральныхъ штатовъ большихъ госпиталей и при нихъ врачебныхъ училищъ, высочайше утвержденныхъ 1786 года, о кафедрѣ акушерства забыли и не внесли ея въ общее росписаніе госпитальныхъ школъ, такъ что предписаніе Амбодіку читать въ госпиталяхъ акушерскія лекціи возобновляемо было ежегодно и въ послѣдній разъ даю 12 ноября 1786. Только послѣ вышеприведеннаго увольненія его отъ госпитальной службы по высочайшему повелѣнію, медицинская коллегія принуждена была войти къ императрицѣ съ особымъ докладомъ (31 марта 1787) объ учрежденіи особой акушерской кафедры при госпитальныхъ училищахъ.

Н. М. Максимовичъ-Амбодикъ оставался профессоромъ акушерства при повивальномъ институтѣ до начала нынѣшняго столѣтія и умеръ въ 1812 году. Онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ врачей своего времени и издалъ много сочиненій.

Максимовичъ Иванъ Петровичъ, сынъ казака Миргородскаго полка изъ города Сорочинецъ, первоначально учился въ Кіевской академіи, а потомъ принять ученикомъ въ сиб. адмиралтейскій госпиталь (28 ноября 1757 года), окончилъ ученіе лѣкаремъ 1 іюня 1760 года и назначенъ (25 октября 1760) въ астраханскій драгунскій полкъ. Оттуда переведенъ въ Калмыцкіе улусы къ драгунской ротѣ (5 сентября 1765), а потомъ въ астраханскую губернію (28 января 1768). Прослуживъ тутъ четыре года, получилъ отпускъ за границу (16 февраля 1772), учился въ Кенигсбергѣ и получилъ докторскій дипломъ (11 апрѣля 1773). По возвращеніи въ Россію экзаминованъ Линдеманомъ, Тихорскимъ и Раушертомъ, получилъ право практики и опредѣленъ докторомъ въ Астраханскую губернію (25 іюля 1773). Указомъ сената 24 октября 1785 произведенъ въ надворные совѣтники, а черезъ годъ послѣ того, по представленію генераль-губернатора Кавказскаго намѣстничества генераль-поручика Павла Сергѣевича Потемкина, переведенъ въ это намѣстничество (17 августа 1786 года).

Мальте Готлибъ (Gottlieb Friedrich Malthe) родомъ изъ Данцига, сынъ водочнаго мастера въ Петербургѣ, первоначально учился медицинѣ волонтеромъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (съ 12 іюля 1775 по 19 марта 1780) и произведенъ лѣкаремъ въ корабельный флотъ. Прослуживъ тамъ около четырехъ лѣтъ, поѣхалъ въ Берлинъ, учился въ тамошнемъ университетѣ около шести лѣтъ и получилъ докторскій дипломъ (1789), а по возвращеніи получилъ право практики и опредѣленъ въ Псковское намѣстничество (29 мая 1789). Но черезъ годъ назначенъ былъ въ

корабельный флотъ, по собственному желанію (21 февраля 1790). Здѣсь состоялъ онъ при наследникѣ цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, по его званію генераль-адмирала. За тѣмъ переведенъ былъ (10 марта 1796) въ Тверскую губернію. Наконецъ изъявилъ желаніе ѣхать на родину, за границу и увеленъ отъ службы (9 марта 1797) съ абштомъ.

Маргграфъ Фридрихъ (Friedrich Nicolaus Marggraf), родомъ изъ Митавы, учившійся въ Лейденѣ, принятъ въ русскую службу 2 ноября 1751 года и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Принятъ онъ въ госпиталь именно для увеличенія преподавательскихъ силъ въ госпитальныхъ школахъ. Въ ряду такихъ учителей Маргграфу предложено преподавать клиническую медицину (praxis medica): но онъ обидѣлся этимъ предложеніемъ и жаловался, что «сдѣлали меня учителемъ наравнѣ съ молодыми, ниудѣ еще не служившими докторами». По этому просилъ или опредѣлить его въ дивизію докторомъ или уволить отъ службы. Кондоиди увелили его отъ службы (1 сентября 1754 года).

Маркусъ Антонъ принятъ въ русскую службу по высочайшему повелѣнію (21 апрѣля 1787), по рекомендаціи ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана, и опредѣленъ въ Курскую губернію лѣкаремъ, съ жалованьемъ по 500 р. Учился онъ въ Берлинѣ и по его увѣренію получилъ тамъ докторскій дипломъ: но онъ не представилъ диплома и не держалъ экзамена въ медицинской коллегіи, а потому и остался лѣкаремъ, какъ принятъ былъ въ службу. Прослуживъ въ Курскѣ около трехъ лѣтъ, онъ просился въ Москву и по высочайшему повелѣнію, словесно объявленному барономъ Фитингофомъ, (1 января 1791) переведенъ въ московскій генеральный госпиталь, «въ помощь старшему доктору Раушерту», съ тѣмъ же жалованьемъ. Но получивъ это мѣсто, онъ ничего не дѣлалъ и даже рѣдко являлся въ госпиталь, такъ что контора московскаго госпиталя вынуждена была донести 29 марта 1794 года, что докторъ Маркусъ, рапортовавшійся больнымъ 21 іюля 1793 года (т. е. восемь мѣсяцевъ назадъ) должности не исполняетъ, а между тѣмъ напечаталъ о себѣ объявленіе, въ особомъ прибавленіи къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» 22 марта 1794, что «докторъ Антонъ Маркусъ, покойникъ старшаго доктора при главномъ московскомъ госпиталѣ, выписанный и пансіонованный отъ кабинета Е. И. В. почтеннѣйшей публикѣ свои услуги во всякихъ хирургическихъ операціяхъ рекомендуетъ, а именно въ глазныхъ болѣзняхъ, въ ампутаціяхъ, трепанаціяхъ, въ поправленіи и лѣченіи вывихнутыхъ и сломанныхъ членовъ, киль и въ испаданіи матки; раны и чирья особливимъ способомъ въ краткомъ времени лѣчить знаетъ; а наипаче въ повивальномъ искусствѣ, и нѣсколько лѣтъ уже въ королевскихъ прусскихъ краяхъ какъ опробованный акушеръ практиковалъ. Впрочемъ до всякой операціи и лѣченія согласится, которую только самый обученный хирургъ знаетъ

долженъ и отправлять можетъ. Учился онъ въ Берлинѣ у наиславнѣйшихъ тамошнихъ учителей пользовался въ томъ искусствѣ. Убогихъ даромъ лѣчить будетъ. Живетъ въ 15 части въ 3 кварталѣ, за Сузаровою башнею, не доходя троицкой заставы, въ бывшемъ прежде Поздѣвовомъ дворѣ, возлѣ Пашкова двора». (Донесеніе 29 апрѣля 1794).

Медицинская коллегія приказала (29 мая 1794) спросить у него отвѣта на это донесеніе, а до полученія отвѣта задержать его жалованье. 20 іюня онъ написалъ въ отвѣтъ слѣдующій рапортъ въ коллегію: Прописавъ подробно какъ онъ принять былъ въ русскую службу, опредѣленъ въ Курскъ, а оттуда переведенъ въ московскій госпиталь, онъ продолжаетъ: До 21 числа іюля 1793 года исправляя я при томъ (московскомъ) госпиталѣ лѣкарскую должность, но съ того времени отягощенъ ломотною болѣзнию, имѣя даже и деннѣ одну ногу опухлюю. Но какъ я вышеописаннаго опредѣленнаго отъ кабинета жалованья пятую треть, равно квартиры и прочихъ казенныхъ выгодъ, отъ того гошпитали назначенныхъ, незнаемо почему не получаю, и имѣнія у себя доходу приносящаго никакого не имѣю; почувствовавъ же въ здоровьи моемъ нѣкоторое облегченіе, для прокормленія жены и дѣтей моихъ рѣшился рекомендовать московской публикѣ о услугахъ моихъ въ лѣченіи, съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобъ до совершеннаго моего выздоровленія приуготовить себѣ въ помянутомъ случаѣ знакомство и содѣлать себя гласнымъ, имѣя главнымъ себѣ предметомъ явиться напередъ къ должности въ главномъ гошпиталѣ имѣ, яко помощнику старшаго доктора опредѣленной». Въ слѣдъ за тѣмъ (5 іюня 1794) онъ явился на службу и въ подтвержденіе, что дѣйствительно былъ боленъ, представилъ свидѣтельство отъ доктора Іогана Френкеля, что онъ «въ іюлѣ 1793 года сталъ боленъ лихорадкою четыредневною и ломотою, отъ которой недавно получилъ облегченіе». Свидѣтельство выдано было 3 августа 1794 года.

Дѣла пошли по старому, пока самъ Маркусъ не почувствовалъ неловкость ихъ. 2 марта 1797 года онъ подалъ прошеніе въ московскую медицинскую контору, въ которой жаловался, что состоя помощникомъ старшаго доктора при московскомъ госпиталѣ, онъ не знаетъ въ чемъ состоитъ должность его, и когда обратился къ доктору А. Франціа (ни Раушерта, ни Фитингофа не было уже на свѣтѣ), то онъ поручилъ ему завѣдывать палатами. Но онъ (Маркусъ) жалуется, что эту подлѣкарскую должность и безъ того отправлялъ шесть лѣтъ, «но они только должность палаты отправлять приказали, которая должность непристойна моему званію». Коллегія отвѣчала на это (23 марта 1797), что если ему угодно, можетъ проситься въ какую либо губернію.

Мартини Николай, родомъ изъ Риги, учился въ Галле, гдѣ, напечатавъ диссертацию *De prudenti virium medicamenti exploratione*, получилъ докторскій дипломъ (1703). Возвратившись на родину, докторъ Мартини

практиковалъ въ Ригѣ и наконецъ служилъ тамъ штаттъ-физикомъ. Въ этой послѣдней должности имя его сдѣлалось извѣстно при дворѣ императрицы Анны и онъ пожалованъ былъ (21 октября 1735 года) въ гофъ-медики ея.

Мартинсень Карль (Carl Heinrich Martienssen) былъ въ русской службѣ сперва аптекарскимъ гезелемъ (съ 1777 авг. 21), а потомъ уволенъ отъ службы (25 июня 1780), уѣхалъ за границу, учился медицинѣ въ Страсбургѣ и въ Парижѣ и въ Страсбургскомъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ, а потомъ право практики (2 сентября 1784) и немедленно опредѣленъ д-ромъ въ Шлиссельбургскій уѣздъ (сентябрь 1784).

Масъ Мартинъ (Martin Mahs), петербургскій уроженецъ, учился въ Парижѣ, Лондонѣ и Страсбургѣ и въ послѣднемъ изъ этихъ университетовъ получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ былъ Тихорскимъ, фонъ-Мелленомъ и Линдеманомъ, 14 сентября 1775 получилъ право практики и вскорѣ опредѣленъ докторомъ въ Могилевскую губернію, съ жалованьемъ по 500 р. (на мѣсто Фрезе). Отсюда былъ онъ переведенъ въ Москву «къ бабичьему дѣлу» 6 июня 1777 года и умеръ въ Москвѣ 9 апрѣля 1782 г.

Маттеу Любимъ (Aimè Matthei), швейцарецъ, родившійся въ Москвѣ, учился въ Лейденѣ и, напечатавъ диссертацию *De nervis in genere*, получилъ докторскій дипломъ (1758) Затѣмъ побывалъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Копенгагенѣ. Возвратившись въ Россію экзаминованъ въ медиц. канцеляріи Унгебауеромъ, Лерхе, Паульсономъ и Синопеусомъ и получилъ право практики (22 августа 1761) и немедленно опредѣленъ на службу при медицинской канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы постоянно имѣлъ больныхъ въ сиб. генерал. сухопутномъ госпиталѣ и ѣздилъ туда не менѣе трехъ дней въ недѣлю, не касаясь администраціи госпиталя, съ жалованьемъ по 300 р. (а чрезъ полгода по 400 р.). При учрежденіи въ госпитальныхъ школахъ доцентуръ, онъ принялъ на себя преподаваніе въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ «физиологій и матерій медики» на русскомъ языкѣ (28 апрѣля 1764), при чемъ строжайше запрещено брать плату за лекціи. За это прибавлено Маттеу къ жалованью еще 200 р. (а всего 600 р.), и прибавлено преподаваніе «*praxis medicae*» на русскомъ языкѣ. Но онъ не долго исполнялъ эти обязанности и переведенъ былъ въ Ревельскій полевой госпиталь старшимъ докторомъ. Но и тутъ оставался не долго, потому что дѣйствительно нуженъ былъ госпитальнымъ школамъ: 5 мая 1776 года переведенъ старшимъ докторомъ въ сиб. адмиралтейскій генеральный госпиталь и по прежнему принималъ участіе въ госпитальномъ преподаваніи наукъ. Онъ былъ слабъ грудью и часто страдалъ кровотеченіемъ изъ легкихъ. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ гортаннаго кровотеченія онъ умеръ (13 января 1792 года).

Матусевичъ, докторъ польской службы, преподавалъ теоретическую хирургию въ медицинскомъ факультетѣ Виленскаго университета.

Маутъ Иванъ (Johann Friedrich Mautt), петербургскій уроженецъ, по-

лучилъ медицинское образованіе въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, поступивъ туда ученикомъ 1739; произведенъ въ подлѣкари во флотъ въ 1742 году. Прослуживъ тамъ около двѣнадцати лѣтъ, онъ уволенъ отъ службы (19 сентября 1754) съ правомъ хирургической практики. Въ 1758 уѣхалъ въ Лейденъ и пробывъ тамъ около года, и напечатавъ диссертацію *thesis de cortice peruviano*, получилъ докторскій дипломъ (1 декабря 1759). Экзаминованъ былъ въ медиц. канцеляріи Унгебауеромъ и Янишемъ и получилъ право практики (3 сентября 1761 года).

Мейеръ Федоръ (Friedrich August Meyer) принятъ въ русскую службу по контракту, заключенному въ Гамбургѣ (11 февраля 1786) нашимъ посланникомъ при Нижнесаксонскихъ дворахъ, д. тн. с. Фридрихомъ Гросомъ. Въ контрактѣ выговорено, что онъ, Мейеръ, назначается первымъ медикомъ или штаттъ-физикомъ въ Тавридѣ, съ чиномъ палворнаго совѣтника, который назначается чинъ подполковника, съ жалованьемъ по 1500 р. и съ дожомъ въ губерпскомъ городѣ того намѣстничества. На проѣздъ ему дапо будетъ 2000 р. Если бы онъ умеръ, то вдовѣ будетъ производиться половинная пенсія, а послѣ ея смерти дѣтямъ въ подарокъ дано будетъ 1500 р. Сыновья будутъ опредѣлены въ русскую службу по ихъ способностямъ и объ нихъ будутъ имѣть попеченіе. Можетъ онъ, Мейеръ, когда захочетъ, возвратиться въ свое отечество, и получаетъ на обратный проѣздъ годовое жалованье, а при отставкѣ прослуживъ 10 лѣтъ получить половинную пенсію. Въ Тавридѣ ему будутъ подчинены всѣ доктора медицины, лѣкари и подлѣкари во всемъ намѣстничествѣ, исключая армейскихъ, а самъ онъ подчиняется намѣстническому правленію и медицинской коллегіи. Подъ его смотрѣніемъ будутъ состоять ботаническіе сады, исключая отданныхъ по контрактамъ въ частныя руки.

По пріѣздѣ его въ Россію императрица Екатерина II дала слѣдующій рескриптъ на имя Черткова:

«Господинъ генераль-поручикъ Чертковъ. Доктора Фридриха Августа Мейера, находившагося въ Таврической области, повелѣваемъ опредѣлить въ Саратовъ на вакансію губернскаго доктора съ жалованьемъ по силѣ контракта, съ нимъ заключеннаго, при семъ для непрежѣннаго исполненія въ копіи прилагаемаго, по тысячѣ по пятисотъ рублей на годъ, начиная оное съ 1 сентября нынѣшняго года. А какъ сіе жалованье превосходитъ положенное по штатамъ нашимъ для губерпій, то потребныя къ тому въ прибавку деньги будутъ доставляемы изъ кабинета нашего по сношенію вашему или намѣстническаго правленія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Спб. октября 31 дня 1788 года.

«Екатерина».

Прошло за тѣмъ много лѣтъ и 6 іюня 1797 года Мейеръ прислалъ въ медицинскую коллегію слѣдующее прошеніе: «По силѣ заключеннаго съ высокой короной моего контракта, который при переведенія моемъ изъ Тавриды въ Саратовъ при именномъ блаженной памяти достойнѣйшей монархини

указъ для непремѣннаго исполненія въ здѣшнее намѣстническое правленіе препровождень, съ которыхъ жопи за скрѣпою при семь прилагаются, мѣсто перваго физика мнѣ предложено; вслѣдствіе чего и отправлялъ я въ Саратовъ девять лѣтъ должность перваго физика. Но по восстановленіи Саратовской губерніи повелѣно всѣхъ чиновниковъ упраздненной Пензенской губерніи въ оную перевести, почему здѣшняя врачебная управа, назначенными для Пензы чиновниками занята и они вступили въ должность, я же остался праздынь. Но какъ нынѣ извѣстился я, что опредѣленный въ помянутую управу въ инспекторы г. д-ръ Ивановъ, по прежде пребыванію его и обзаведенію доможъ въ Симбирскѣ, имѣеть желаніе возвратиться туда, о чемъ отъ него и прошеніе послано. Я же въ десятилѣтнее мое пребываніе здѣсь не только что въ городѣ имѣю свой доможъ, но наипаче на собственно мнѣ принадлежащемъ за городомъ мѣстѣ не малую развелъ плантацію всѣхъ родовъ иностранныхъ фруктовыхъ деревъ, дабы впредь въ сей странѣ спосѣшествовать лучшему фруктовому обзаведенію, въ разсужденіи чего и для меня не маловажно будетъ здѣшнее мое жителство оставить, но желаю при назначенной вышеупомянутымъ контрактомъ должности въ здѣшней губерніи остаться. Къ поддѣрженію же сего моего представленія прибавить осмѣливаюсь, что императорскою академіею наукъ сіе мое желаніе благосклонно апробовано будетъ, потому что я занимаюсь доставленіемъ ей метеорологическихъ замѣчаній въ здѣшней странѣ, о которыхъ я лѣтописи къ ней ежегодно посылаю. И для того В. И. В. пропу сіе мое прѣшеніе милостиво принять и меня, по переведеніи г. д-ра Иванова, на инспекторское мѣсто при Саратовской врачебной управѣ опредѣлить. Юня 6 дня 1797 года». По этому прошенію медицинская коллегія опредѣлила было Мейера докторомъ въ Саратовъ, съ жалованьемъ по 400 р., но потомъ отгѣнила это опредѣленіе и назначила его акушеромъ Саратовской врачебной управы, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ (27 августа 1797).

Мейннгаузенъ Эрнестъ (Ernst Meinshausen), принять въ русскую службу по рекомендаціи ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана, по контракту на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 р., и 23 мая 1789 года опредѣленъ въ слб. адмиралтейскій госпиталь лѣкаремъ. 16 мая 1790 года командированъ былъ въ Ораніенбаумскій госпиталь. Въ 1792, по экзамену въ коллегію и по приказанію барона Фитингофа, произведенъ докторомъ, съ оставленіемъ въ томъ же слб. адмиралтейскомъ госпиталѣ. Въ 1794 и 1795 годахъ назначенъ былъ на госпитальный корабль и возвратясь изъ этой командировки остался безъ мѣста и потому 19 ноября 1795 опредѣленъ былъ въ Херсонскій морской госпиталь, на мѣсто умершаго доктора Кернера, съ жалованьемъ по 800 р. отъ Черноморскаго адмиралтейскаго правленія.

Мелартъ Карлъ (Carl Christian Melart), изъ Выборга, сынъ ратмана, первоначально учился медицинѣ волонтеромъ въ слб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (съ 23 марта 1774 по 21 марта 1779 года), потомъ уволенъ

*

за границу и учился въ Геттингенскомъ университетѣ 4 года, гдѣ и получилъ (28 сентября 1782) докторскій дипломъ. Возвратившись экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи и, получивъ право практики (2 августа 1783 года), уѣхалъ на родину въ Выборгъ. Тамъ онъ служилъ Вильманстрандскимъ уѣзднымъ докторомъ, пока состоялся слѣдующій рескриптъ на имя барона А. И. Васильева:

«Павловскъ, 17 августа 1797 года. Господинъ государственный казначей баронъ Васильевъ, на мѣсто доктора Меларта опредѣлить Вильманстрандскимъ уѣзднымъ докторомъ бывшаго при Выборгскомъ гофспиталѣ штабъ-лѣкаря Варнандера. Пребываю вамъ благосклонный. *«Павель»*.

Здѣсь въ жизнь Меларта неожиданно вѣшалось какое то постороннее приключеніе, не только впрочемъ ему не повредившее, но напротивъ послужившее къ повышенію его по службѣ. Дѣло состояло, кажется, въ томъ, что въ выборгскій госпиталь зашелъ неожиданно молодой генераль-фельдмаршалъ графъ Каменскій, и потому ли, что былъ незнакомъ, или потому что ни докторъ Бюцовъ, ни штабъ-лѣкарь Вернандеръ, управлявшіе госпиталемъ, не находились въ госпиталѣ, но тамъ принятъ былъ не такъ торжественно, какъ бы слѣдовало по его высокому рангу. Свѣдѣніе объ этомъ дошло до императора Павла, разсердило его и онъ тотчасъ же приказалъ, особымъ рескриптомъ на имя барона Васильева, наказать виновныхъ, а именно отставить отъ службы. Вотъ этотъ рескриптъ:

«Павловскъ, іюля 30 дня 1797 года».

Господинъ государственный казначей баронъ Васильевъ. За пренебреженіе должности и оказанныя грубости генераль-фельдмаршалу графу Каменскому, находящимся при выборгскомъ генеральномъ гофшпиталѣ доктора Бюцова и штабъ-лѣкаря Вернандера отрѣши отъ мѣста, впредь никуда не опредѣлять. А на мѣсто ихъ послать немедленно другихъ, кои въ поставя предѣстниковъ ихъ въ примѣръ, предписать лучшее исправленіе ихъ должности. Пребываю вамъ благосклонный. *«Павель»*.

Но чрезъ нѣсколько дней дѣло разъяснилось и докторъ Бюцовъ съ штабъ-лѣкаремъ Вернандеромъ оказались вовсе невинными. Тогда императоръ написалъ другой рескриптъ отъ 17 августа, вышеизложенный, въ отнѣну перваго. Соотвѣтственно этому слѣдовали и распоряженія медицинской коллегіи. Бюцовъ смѣненъ изъ госпиталя и на его мѣсто назначенъ Мелартъ, а на мѣсто Вернандера назначенъ штабъ-лѣкаремъ заштатный штабъ-лѣкарь Фридрихъ Гуть. Наконецъ оставшійся безъ мѣста Бюцовъ опять принятъ въ службу и опредѣленъ инспекторомъ выборгской врачебной управы.

Мелленъ Андрей Яковлевичъ (Christoph Andreas von Mellen), сынъ оператора Якова фонъ-Меллена, родился въ Петербургѣ и для первоначальнаго образованія посланъ былъ отцомъ (1752) въ Кенигсбергъ и Берлинъ.

Возвратившись отсюда учился анатоміи у отца своего въ сиб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, а потомъ поѣхалъ въ Лейденъ и получилъ тамъ докторскій дипломъ. Возвратился отсюда въ 1761 году и по экзамену Синопеусомъ, Пеккеномъ и Янышемъ признанъ «in theoria bene versatum», а потому признанъ докторомъ и получилъ позволеніе практиковать въ сиб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (22 ноября 1761) и чрезъ нѣсколько времени назначенъ (20 апрѣля 1762) младшимъ докторомъ въ тотъ-же госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. и казенною квартирою. Преподавалъ онъ анатомію и хирургию на нѣмецкомъ языкѣ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 ч. утра до 1 ч. по полудни. Но съ 1765 ему приказано преподавать полатыни, а потомъ и порусски, такъ что одні лекціи читались имъ утромъ, а другія пополудни. За этотъ лишній трудъ ему положена прибавка жалованья (20 іюня 1765), всего до 650 р. Кромѣ того ему предписано держать одну палату больныхъ въ госпиталѣ. Назывался онъ доцентомъ и читалъ на трехъ языкахъ, какъ признавалось удобнѣе. У него всегда много было слушателей и читалъ онъ въ анатомическомъ театрѣ, въ которомъ по его просьбѣ повѣшено было большое панникадило о 15 свѣчахъ и 4 стѣнныхъ подсвѣчника съ салными вологодскими свѣчами. Прозекторскія обязанности при немъ исполнялъ подлѣбаръ Никонъ Карпинскій (1774), но безъ жалованья.

Докторъ фонъ-Мелленъ въ 1774 году читалъ частныя лекціи анатоміи и хирургіи волонтерамъ въ госпиталѣ и бралъ за это плату. Учившихся за деньги было 47 человекъ. Но по постановленію коллегіи 18 мая 1764 года непозволено брать деньги за ученіе медико-хирургіи подъ жестокимъ штрафомъ, «ибо оное тѣхъ, кои требующихся денегъ промыслить не могутъ, отъ ученія удерживаетъ, а отъ того со временемъ сдѣлаются незнающіе хирурги и медики. Сіе зло инымъ образомъ пресѣчь невозможно, какъ единственно чрезъ запрещеніе частнаго ученія, не запрещаясь притомъ если одинъ, а по высшей мѣрѣ два человека имѣются, кои добродотно у одного изъ учителей частно въ наукѣ своей утвердиться пожелаютъ; однакожъ оное тѣмъ учителямъ чинить въ квартирѣ своей». На этомъ основаніи фонъ-Мелленъ оштрафованъ лишеніемъ прибавленнаго ему жалованья (11 августа 1771 года), именно 150 р., а взятая отъ волонтеровъ деньги приказано возвратить имъ обратно.

Докторъ фонъ Мелленъ оправдывался тѣмъ, «что онъ, читая лекціи очень усердно, именно по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ, а по средамъ и субботамъ вскрывалъ трупы, въ томъ числѣ гнилыя или умершихъ отъ гнилыхъ горячекъ, и по вскрытіи мелкія части обнаживалъ вокругъ, чтобы всѣмъ показать, что ни въ какихъ академіяхъ не бываетъ. Я бралъ деньги съ волонтеровъ потому, что читалъ имъ дома у себя почѣмъ, такъ какъ порусски они не знаютъ, а всѣ лекціи читаются по-

русски. А какъ въ указахъ коллегіи сказано обучать подлѣкарей и учени-
жовъ безденежно, а о волонтерахъ ничего не сказано, то я и думалъ, что
ихъ не мѣшаетъ учить за деньги, такъ какъ они содержатся на своемъ
коштѣ».

Медицинская коллегія приняла оправданіе и, простивъ ему штрафъ, не ве-
лѣла вычитать жалованья, но съ подтвержденіемъ, чтобы онъ не давалъ
лекцій за деньги, а училъ бы за свое жалованье и для того прибавила ему
жалованья до 800 р. въ годъ (10 апрѣля 1774).

Докторъ Фонъ-Мелленъ умеръ въ Петербургѣ 17 сентября 1778 года, оставивъ жену и дочь.

Меллингъ Петръ (Peter Heinrich von Melling), изъ Гамбурга, учился въ Тюбингенѣ и Берлинѣ, а потомъ въ Гиссенѣ, гдѣ и получилъ дипломъ (19 января 1765), напечатавъ диссертацию *De insigni usu sulphuris aurati antimonii*. Получилъ право практики въ мартѣ 1784 года. Принятъ въ службу въ Гдовскій уѣздъ спб. губерніи, 20 декабря 1787 года, а оттуда переведенъ былъ 17 марта 1791 года въ Псковское намѣстничество.

Мельцеръ Францъ Францовичъ (Frantz Carl Meltzer), изъ Кронштадта, сынъ бывшаго тамъ госпитальнаго оператора, первоначальное образование получилъ въ родительскомъ домѣ, а потомъ 1762 года отправился въ Страсбургъ и тамъ получилъ (1769 года) докторскій дипломъ. Возвратившись въ Россію экзаминованъ былъ Пеккеномъ и Линдеманомъ и найденъ слабымъ (12 февраля 1770), такъ что только «sub inspectione senioris medici ei praxis concedi possit». По этому ему не дано права практики, а только позволено было (21 сентября 1770) состоять при московскомъ госпиталѣ сверхъ комплекта, «дабы имѣть случай видѣть порядокъ лѣченія больныхъ» безъ жалованья. Штадтъ-физикъ Риндеръ воспользовался этимъ и опубликовалъ въ аптекахъ, что по рецептамъ его отпускать можно. Но медицинская коллегія сдѣлала ему выговоръ за это (29 ноября 1770) и приказала взять подписку съ Мельцера, что онъ рецептовъ своихъ безъ подписи старшаго доктора въ аптеки посылать не будетъ. Черезъ три съ половиною года онъ былъ экзаминованъ (въ Москвѣ) Эразусомъ, Шафонскимъ, Ягельскимъ и Орреусомъ и 19 мая 1774 получилъ наконецъ право практики въ Россіи. Во время чумы въ Москвѣ онъ завѣдывалъ, по порученію князя Г. Г. Орлова, Покровскимъ чумнымъ госпиталемъ и получилъ за то благодарность отъ правительствующаго сената (1777). Въ 1780 году опредѣленъ былъ къ пользованію оспы и другихъ сыпей въ Петербургѣ, съ жалованьемъ по 600 р. и кварт. и экипаж. 200 р., а въ январѣ 1790 къ его жалованью прибавлено еще 200 р.

Умеръ въ Петербургѣ 5 августа 1797 года.

Мендель Левъ (Leon Mendel), изъ Кенигсберга, учился (съ 1770 года) въ Берлинѣ, Геттингенѣ и Страсбургѣ и защитивъ въ Страсбургѣ дис-

сертацию *De suffocatis*, получил докторскій дипломъ (1776). Экзаминованъ былъ Ашемъ и Лерхе и получивши право практики (16 ноября 1778) поѣхалъ въ Ярославль и опредѣлился тамъ губернскимъ докторомъ (январь 1779): но 10 октября 1779 переѣхалъ на мѣсто и просилъ объ опредѣленіи его младшимъ докторомъ въ московскій госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. и казенною квартирою. Въ іюнѣ 1780 года назначенъ былъ въ Сибирскій корпусъ, на мѣсто уволеннаго отъ службы Рейнг. Беренса, а оттуда переведенъ въ Оренбургскій пограничный корпусъ (24 мая 1783), съ жалованьемъ по 750 р. 10 рац. и 2 денщ. Прослуживъ тамъ два года, онъ просилъ и получилъ мѣсто доктора спб. губерніи (января 1785). Здѣсь онъ помѣнялся мѣстами съ докторомъ морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Христ. Цуберомъ (12 января 1786) и утвержденъ докторомъ въ этомъ кадетскомъ корпусѣ.

Мѣниниъ Игнатій (Ignatius Moennich), родомъ изъ Моравіи, изъ города Фульдика, учился въ Вѣнѣ и въ Львовѣ, служилъ лѣкаремъ при госпиталѣ, гдѣ отъ тамошняго университета и получилъ докторскій дипломъ. Оттуда переѣхалъ въ Менджибожь, въ имѣніе графа Веницкаго. Экзаминованъ былъ, въ числѣ прочихъ польскихъ врачей, особою комиссіею, учрежденною въ новоприсоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, для испытанія медицинскіихъ чиновъ въ искусствѣ ихъ ¹⁾ по высочайшему повелѣнію 6 мая 1793 и признанъ докторомъ 18 іюня 1795 г.

Меркъ Карлъ (Carl Heinrich Merck), изъ города Дармштадта, учился въ Іенѣ и Гиссенѣ пять лѣтъ и въ Гиссенскомъ университетѣ получилъ дипломъ, 10 декабря 1784 года. Экзаминованъ 28 августа 1785, получилъ право практики и опредѣленъ въ Иркутское намѣстничество съ жалованьемъ по 800 р. (1 сентября 1785). Но, едва пріѣхавъ на мѣсто, передалъ свою должность двумъ братьямъ докторамъ Федору Реслейну и Андрею Реслейну, съ такимъ же жалованьемъ, а самъ причисленъ былъ къ географической и астрономической сѣверовосточной морской секретной экспедиціи къ берегамъ Чукотскаго Носа, въ званіи профессора естественной исторіи, гдѣ и находился цѣлыя девять лѣтъ (съ 1786 года). По возвращеніи оттуда просилъ увольненія отъ службы на одинъ годъ, для отдыха, въ городѣ Гессендармштадтѣ и уволенъ (14 іюля 1796) ²⁾. Въ слѣдующемъ году произведенъ въ надворные совѣтники, какъ прослужившій 10 лѣтъ (5 ноября 1797).

Мертенсъ Карлъ, уроженецъ изъ Брюсселя, получилъ докторскій дип-

¹⁾ Комиссія состояла изъ докторовъ Галлея, Герике и штабъ-лѣкари Невианта, подъ предѣтельствомъ генеральнаго штабъ-доктора М. Миндереера.

²⁾ Въ этой экспедиціи находились, между прочимъ, штабъ-лѣкари Михаилъ Робекъ и Петръ Аллегретти и лѣкари Антоновъ Леммигъ и Василій Волошиновъ. Командовалъ ею капитанъ перваго ранга Валлингъ.

ломъ, напечатать диссертацию *De vulnere pectoris complicato cum vitinere diaphragmatis et arteriae mesentericae inferioris*, Argentor. 1758. Поступилъ въ русскую службу по вызову правительства и признанъ докторомъ безъ экзамена по слѣдующему именному указу:

«Указъ нашей медицинской коллегіи. Выписанному въ службу нашу и опредѣленному въ Воспитательный Домъ доктору медицины позволяемъ (хотя онъ въ оной коллегіи не экзаменованъ) пользоваться тѣми преимуществами, коими прочіе доктора здѣсь пользуются. «Екатерина».

2 августа 1767 года. Москва».

Мерцъ (Johann Jacob Balthasar Merz), родомъ изъ Гамельбурга, учился въ Іенѣ три года и получилъ дипломъ. Экзаменованъ въ коллегіи и 30 сентября 1793 года получилъ право практики въ Россіи.

Местакеръ Вильгельмъ. (Wilhelm Mestacker) припятъ въ русскую службу по высочайшему повелѣнію 26 сентября 1788 года, по контракту на три годъ, во флотъ, съ жалованьемъ по 2000 гульденовъ изъ кабинета. Повидимому не имѣлъ докторскаго диплома.

Метике (Johann Fridrich Meticke) припятъ въ русскую службу по рекомендаціи ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана, по контракту, съ рангомъ коллежскаго асессора, съ жалованьемъ по 700 р. и на проѣздъ 500 р. Прослуживъ 6 лѣтъ получаетъ въ награду годовую окладъ жалованья. Прослуживъ 20 лѣтъ получаетъ въ пенсію половину оклада. Экзамену не подвергался, какъ вызванный изъ за границы по высочайшему повелѣнію. Опредѣленъ на службу сверхъ штата во 2 дивизію (6 августа 1786), а черезъ полгода переведенъ въ комплектъ въ 8 дивизію (28 января 1787), съ жалованьемъ по 600 р. и съ раціонами и денщиками до 740 р. Въ ноябрѣ 1790 переведенъ въ 4 дивизію, съ жалованьемъ изъ воинской суммы по 740 р. 30 марта 1794 переведенъ въ Черноморскій флотъ на штатное жалованье. 3 августа 1797, по собственной просьбѣ, назначенъ инспекторомъ Нижегородской врачебной управы, съ жалованьемъ по 700 р., а на его мѣсто въ Черноморскій гребной флотъ опредѣленъ былъ д-ръ Колбе.

Миквицъ (Eberhard Christoph Mickwitz), родомъ изъ Ревеля, учился въ Берлинѣ и Іенѣ четыре года и въ Іенскомъ университетѣ получалъ докторскій дипломъ. Экзаменованъ въ коллегіи и получилъ право практики (4 мая 1797).

Муиусъ Яковъ (Friedrich Jacob Mylius) принятъ въ русскую службу 11 іюня 1725 года, по контракту, за 600 р. въ годъ, и вскорѣ опредѣленъ былъ въ Украинскому корпусу, гдѣ прослужилъ около 12 лѣтъ въ званіи фельдъ-медика. 7 іюня 1735 года, по его собственной просьбѣ, „за старостію и болѣзнями» назначенъ на спокойное мѣсто — штатдъ-физикомъ въ Москву, на мѣсто Детейлса, переведеннаго въ Московскій генеральный госпиталь,

Оттуда переведенъ (въ 1737 году) въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь старшимъ докторомъ, на мѣсто уволеннаго отъ службы доктора Гардинга. Въ 1747 году исправлялъ, кромѣ того, должность флотскаго доктора и кронштадтскаго штатъ-физика (когда Синопеусъ жель въ Петербургѣ для пользованія флагмановъ, а такъ же коллежскихъ и экспедиціонныхъ чиновъ). Когда Миліусъ прослужилъ уже болѣе двадцати лѣтъ, медицинская канцелярія просила адмиралтейскую коллегію прибавить сто руб. къ его жалованью (такъ чтобы было 812 р.). Адмиралтейская коллегія отвѣтила на это, что Миліусъ очень старъ и потому не лучше ли вовсе смѣнить его. Отвѣтъ этотъ огорчилъ Кондоиди и онъ спросилъ: какія же сдѣлалъ Миліусъ упущенія по службѣ, чтобы заслуживать смѣны, а безъ его вины какими же образомъ можно бы было смѣнить его? Виѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился и къ самому Миліусу, чтобы онъ объяснилъ: какія онъ сдѣлалъ упущенія, вызвавшія неудовольствіе своего начальства? Миліусъ отвѣтилъ, что единственная вина его состоитъ въ томъ, что онъ не поладилъ съ адмиралтейскою кронштадтскою конторою, требуя отъ нея посуды для госпиталя, а она пожаловалась контръ-адмиралу князю Мещерскому, какъ объ этомъ извѣстно генералъ-кригсъ-комиссару флота князю Борису Васильевичу Голицыну. Другая вина та, что князь Мещерскій приказалъ печь ржаной хлѣбъ булками, гдѣ много корокъ и трудные больные не могли его ѣсть, потому что онъ очень жестокъ, такъ что хлѣбныя булки были уничтожены. Кромѣ того князь Мещерскій требовалъ подробныхъ ежедневныхъ донесеній о больныхъ трудныхъ съ поносомъ, трудныхъ безъ поноса, среднихъ трудныхъ и легкыхъ; а между тѣмъ больныхъ было много и они часто мѣнялись и потому ежедневно писать подобныя вѣдомости было просто невозможно. Что же касается другихъ какихъ либо упущеній, то въ этомъ отношеніи Миліусъ сослался на князя Голицына, на адмирала Головина, контръ-адмирала Ларіонова, на весь госпиталь и на весь флотъ. Затѣмъ прибавка 100 р. къ жалованью его была назначена, но мѣз суммъ медицинской канцелярія.

Миліусъ Карлъ (Carl Gottlieb Mylius), родомъ изъ Нарвы, учился четыре года въ Іенѣ, получилъ право практики 4 марта 1790 года и опять уѣзжалъ въ Лифляндію. Черезъ два года послѣ того просилъ мѣста въ Симбирскомъ намѣстничествѣ и опредѣленъ туда (1 іюня 1793). Но какъ ему не дали прогоновъ до Симбирска, то онъ отказался отъ этого мѣста и просилъ переѣхать его въ Олонецкое намѣстничество, куда и зачисленъ (20 октября 1793). Приѣхавъ въ Петрозаводскъ, онъ остался при особѣ Олонецкаго губернатора Петра Петровича Бюновницына и управлялъ тамошней казенною аптекою, а послѣ его смерти переѣхалъ въ гор. Бѣмъ. 27 іюля 1797 года уволенъ для опредѣленія въ Александровскій пушечный заводъ.

Миллеръ Иванъ (Johann Friedrich Müller), сынъ портнаго въ Петербургѣ, сперва учился медицинѣ волонтеромъ въ слб. адмиралтейскомъ госпи-

талѣ (съ 13 ноября 1783 по 12 мая 1785), потомъ уволенъ за границу, учился въ Іенѣ чегыре года и получилъ докторскій дипломъ. Экзаминовать въ коллегіи и получилъ право практики 23 августа 1789 года.

Миндереръ Мартынъ (Johann Martin Minderer) родомъ изъ Ростока, учился въ Любекѣ у городского лѣкаря Фогеля три года и произведенъ въ гезели; потомъ былъ въ мекленбургской службѣ фельдшеромъ одинъ годъ и наконецъ 9 октября 1766 года принять подлѣкаремъ въ сиб. генеральный сухопутный госпиталь. Черезъ мѣсяцъ послѣ того Миндереръ командированъ (10 ноября 1766) въ Саратовъ съ иностранными колонистами отъ Опекунства иностранныхъ поселенцевъ. Тамъ Шафонскій поручилъ ему 20 колоній по рѣкѣ Иловлѣ съ обязанностію лѣчить больныхъ ихъ. Въ 1769 году возвратился въ Петербургъ и (по экзамену д-ра Лерхе и лѣкаря Карла Цыгенбейна) произведенъ въ лѣкари (5 июня 1769), съ назначеніемъ во второй канонирскій артиллерійскій полкъ, отправлявшійся въ 1 армию, и съ нимъ же былъ въ сраженіи подъ Кагуломъ (1770). Въ 1773 году произведенъ въ штабъ-лѣкари и по порученію генерала Рейзера завѣдывалъ въ Измаилѣ полевымъ госпиталемъ. Въ 1773 году, по приказанію генералъ-поручика Каменскаго, опять поступилъ въ дивизію и съ нею за Дунай, исправляя должность доктора. По заключеніи мира опять завѣдывалъ Измаилскимъ полевымъ госпиталемъ и транспортировалъ нѣсколько тысячъ больныхъ въ Польшу до мѣстечка Бѣлой Церкви, оттуда опять поѣхалъ въ Запорожскую сѣчь для прекращенія чумы, гдѣ и пробылъ весь 1775 годъ. Послѣ того переведенъ въ Бѣлорусскую дивизію, а изъ нея (1780) въ Лифляндскую дивизію, гдѣ и смѣнилъ д-ра Рейхарта въ рижскомъ госпиталѣ, уволеннаго отъ службы. Оттуда онъ переведенъ въ 6 дивизію во Владиміръ. Въ 1788 году, при вновь открывшейся войнѣ съ Турціею, онъ составилъ книжку о чумѣ для молодыхъ врачей, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ 1770, 1771 и 1772 годахъ и соображаясь съ современными лучшими писателями. Одинъ экземпляръ этого сочиненія (на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ) послалъ онъ въ медицинскую коллегію, а другой—въ Іенскій университетъ, откуда и получилъ докторскій дипломъ. Послѣ этого онъ напечаталъ эту книжку на обоихъ языкахъ. Въ 1789 году командированъ онъ былъ въ Кіевскій полевой госпиталь и тамъ медицинская коллегія признала его докторомъ безъ экзамена (15 июля 1789 года), съ оставленіемъ при томъ же госпиталѣ на штабъ-лѣкарской вакансіи. Въ 1792 году, по приказанію генерала М. Н. Кречетникова, поѣхалъ съ нимъ въ Польшу, въ должности генеральнаго штабъ-доктора, и устроилъ два госпиталя, въ Полоцкѣ и Вильнѣ, для больныхъ оставшихся отъ войскъ вступившихъ въ великое княжество Литовское. Но медицинская коллегія не утвердила Миндерера въ этой должности и послала въ эту должность доктора Лерхе, уже исполнявшаго ее при главнокомандовавшемъ графѣ И. П. Салтыковѣ на Двинѣ. Салтыковъ сдѣлалъ даже выговоръ ме-

дицинской коллегіи, что она распоряжается д-ромъ Лерхе безъ его вѣдома и оставилъ его при себѣ. Тогда Кречетниковъ самъ обратился въ медицинскую коллегію объ утвержденіи Миндерера и коллегія утвердила его «главнымъ докторомъ» (5 августа 1792). Въ декабрѣ 1792 года армія, стоявшая въ Польшѣ, раздѣлена была на двѣ части: одна часть подъ командою генерала-аншефа барона О. А. Игельстрома осталась въ Польшѣ, а другая, подъ командою генерала М. Н. Кречетникова, осталась вмѣстѣ съ войсками, расположенными въ малороссійскихъ губерніяхъ. При этомъ Кречетниковъ просилъ коллегію опредѣлить къ нему Миндерера генеральнымъ штабъ-докторомъ и 9 декабря 1792 года онъ утвержденъ былъ въ этомъ званіи, съ жалованьемъ по 1000 р. 15 рап. и 4 денщиками. Въ послѣдствіи онъ сохранилъ это званіе при войскахъ графа Румянцева (1796).

При учрежденіи врачебныхъ управъ Миндереръ назначенъ былъ инспекторомъ Слободуукраинской врачебной управы и потомъ почетнымъ членомъ медицинской коллегіи (22 октября 1797 года) и надворнымъ совѣтникомъ, со старшинствомъ съ 31 декабря 1797. Такой переходъ изъ генеральнаго штабъ-доктора въ инспекторы врачебной управы показался Миндереру невыгоднымъ и несправедливымъ, а въ особенности потому, что тамъ онъ получалъ по 1.000 р., а въ должности инспектора управы только 700 р., и онъ жаловался на коллегію на высочайшее имя (12 ноября 1797 года): но, кромѣ денежной награды въ 400 р., жалоба эта не принесла никакой пользы, кромѣ званія почетнаго члена коллегіи.

Исправляя должность инспектора врачебной управы Миндереръ составилъ *«Начертаніе уязвнымъ врачамъ касательно образа собиранія и распознаванія растеній для составленія губернскаго травника»* и коллегія одобрила его (7 октября 1798). Наконецъ, при открывшейся вакансіи старшаго доктора московскаго генеральнаго госпиталя, Миндереръ назначенъ на эту должность (19 января 1799), съ жалованьемъ по 800 рублей. Назначеніе это состоялось по личному предложенію генераль-лейтенанта Хомутова (военнаго инспектора госпиталя) барону Васильеву.

Минихъ Іоганнъ (Johann Heinrich Minch) принятъ въ русскую службу по высочайшему повелѣнію (14 іюля 1786 года), на имя Франца Николаевича Клички, для опредѣленія въ Орловское намѣстничество, съ жалованьемъ по 700 р., а 9 марта 1797 года опредѣленъ въ губ. городъ Орелъ, съ жалованьемъ по 400 р. изъ суммъ медицинской коллегіи.

Миниатъ Матвѣй (Matthias Mineat), родомъ грекъ, принятъ въ русскую службу въ 1707 году и опредѣленъ сперва къ войскамъ, а потомъ къ адмиралтейскому спб. госпиталю. Здѣсь главное занятіе его состояло «у физическихъ дѣлъ» при медицинской канцеляріи, т. е. въ свидѣтельствovanіи разныхъ лицъ по административнымъ и судебно-уголовнымъ вопросамъ, а также въ экзаменѣ иностранныхъ лѣкарей, просившихся въ русскую службу. Нако-

нець 21 сентября 1736 года онъ утверждёнъ штатдт-физикомъ въ Петербургѣ при медицинской канцеляріи и получилъ особую на то инструкцію. Миятѣ былъ уже очень старъ, когда въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Турціи, развилась большая чумная эпидемія (въ 1738 году), охватившая всю Украину и южную границу Россіи. Потребовались доктора и лѣкаря въ арміи Мияниха и Ласси и архіатеръ Фишеръ отослалъ туда всѣхъ наличныхъ врачей, не только состоявшихъ на службѣ, но и отставныхъ. Послалъ даже и такихъ стариковъ, которые едва могли двигаться на своихъ ногахъ. Въ этомъ числѣ послалъ онъ въ Бѣлгородскую губернію и петербургскаго штатдт-физика Миятѣ, давъ ему при томъ порученіе распространять амулеты въ войскахъ. Это распространеніе амулетовъ въ большихъ разбѣрахъ представляло одну изъ любопытнѣйшихъ мѣръ противъ распространенія чумной заразы. Архіатеръ Фишеръ, отправляя члена московской медицинской конторы и физиката въ Бѣлгородскую губернію (сперва въ Изюмъ, а потомъ въ Воронежъ) лѣкаря Георга Векмана, въ распоряженіе члена военной коллегіи и директора оберъ палатейстерской конторы д. с. с. Баскакова, далъ ему инструкцію, которая въ копияхъ сообщена была всѣмъ врачамъ, назначавшимся „въ опасныя мѣста“ на Украину. Въ пунктѣ 4 дополненія къ этой инструкціи сказано, что тѣмъ людямъ, которые еще не захворали, «чтобы попеченіе о храненіи ихъ наилучше видѣли, даны будутъ амулеты, которые на нихъ навѣшивать надлежитъ, ибо чрезъ то получаютъ они больше бодрости, понеже въ томъ многое зависитъ, ежели къ тому нѣкоторую надежду и вѣроятность имѣютъ, чего для не безъ пользы быть можетъ, ежели оныя амулеты имъ даваны будутъ изъ рукъ священника или командующаго ихъ. И оныхъ амулетовъ велѣтъ приготовить въ Спб. главной аптекѣ нынѣ одну тысячу и послать къ дѣйств. ст. совѣтнику Баскакову (26 августа 1738 года)». Въ предохранительныхъ мѣрахъ противъ эпидеміи исчислены опитность, трезвость, провѣтриваніе жилищъ, не приниманіе ни платья ни бѣлья послѣ умершихъ и наконецъ принятіе по утрамъ предохранительнаго лѣкарства, въ родѣ дягильнаго корня съ пивомъ или виномъ, какой либо спеціальной кашки или корешка, либо нѣсколькихъ капель нефти, а когда предохранительное лѣкарство принято, тогда пойти съ добрымъ помышленіемъ къ работѣ своей. На этомъ «добромъ помышленіи» основывались повидимому всѣ предохранительныя мѣры, принимавшіяся въ это время. Идти къ своему дѣлу „съ добрымъ помышленіемъ“ значило выкинуть изъ головы всякое дурное помышленіе (о себѣ самомъ), всякую мнительность, всякую боязнь за свое собственное здоровье. Всѣ безъ исключенія врачи, начиная отъ архіатера и оканчивая послѣднимъ подлѣкаремъ, только и думали, только и заботились о томъ, какъ бы сохранить и поддержать въ незахворавшихъ еще людяхъ «доброе о себѣ помышленіе», т. е. устраненіе даже и всякаго помышленія о существованіи самой болѣзни. Лѣкарь Эгиди высказалъ въ своемъ донесеніи именно ту самую мысль, какая была

у всѣхъ на умѣ, что «точію отъ того людямъ вредъ чинится, что они очень печалятся и думаютъ, когда лишь голова у нихъ заболитъ, то конечно умереть имѣютъ и что причина наиболѣ зависить отъ страха и ужастн. Всѣ видѣли, что страхъ и боязнь болѣзни равняются самой болѣзни. Мнительность неминуемо ведетъ къ упадку духа, а кто упалъ духомъ тотъ пропасть, потому что при повальности болѣзни непремѣнно захвораетъ. Необходимо было противодействовать этой мнительности, истребить ее и потомъ всякими мѣрами поддерживать бодрость духа, безбоязненность. У людей образованныхъ, у людей способныхъ думать и разнообразить свои мысли и впечатлѣнія, можно было достигнуть этого предохранительными лѣчебными средствами, а чѣмъ добиться этого у людей простыхъ, неразвитыхъ и лѣнливо шавелящихъ мыслями? Архіатеръ Фишеръ нашелъ чѣмъ — амулетами! *Non pu soît qui mal у pense!* Архіатеръ былъ весьма умный и образованный человекъ. И по образованію, и по характеру своему онъ стоялъ высоко между современниками. Ему и въ голову не приходило лѣчить больныхъ амулетами. Но онъ зналъ съ кѣмъ имѣть дѣло, зналъ и справедливо цѣнить силу народнаго суевѣрія и воспользовался имъ. Необходимо было ослабить мнительность простаго человека и замѣнить ее безбоязненностію; необходимо было такое средство, которое бы замѣнило напускную мнительность естественною беззаботностію, и онъ нашелъ его, адресуясь не къ разсудку крестьянина или солдата, который не развитъ, а къ суевѣрію, которое сильнѣе разсудка. Такъ именно понималъ самъ онъ, такъ понимали и сотрудники его, введеніе амулетовъ. И въ инструкціи своей доктору Миняту, спб. штатдт-физику, отправлявшемуся въ Изюмъ, онъ выразилъ это словами: «хотя обыкновеннымъ амулетамъ высокое дѣйствіе приписывать невозможно, однакоже употребленіе ихъ для бодрости и надежды, которую оныя люди къ тому имѣть будутъ, въ такомъ повѣтріи весьма имѣеть быть полезно». Количество амулетовъ, разосланныхъ въ армію и въ пограничные города было очень велико. Они разсылались тысячами и можетъ быть десятками тысячъ и раздавались бесплатно либо подлѣжарями, либо ротными командирами и полковыми священниками. Приготавливались амулеты сперва въ спб. и московскихъ аптекахъ, а потомъ рецептъ ихъ присланъ въ Лубны и въ Воронежъ, въ тамошнія аптеки.

Миняты возвратился въ Петербургъ 1 марта 1739 года, жалующься на нефритическія боли, и потомъ, по предписанію архіатера, написалъ подробную записку о видѣнной имъ чумной эпидеміи.

Матвѣй Миняты умеръ въ Петербургѣ 26 іюля 1746 года.

Мира Каetano (Cajetano Miga), уроженецъ изъ города Лукки въ Италіи, учился въ Падуанскомъ университетѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ (1748). Затѣмъ поѣхалъ во Флоренцію и служилъ тамъ два года въ госпиталѣ. Въ 1755 году поѣхалъ въ Германію, а именно въ Берлинъ, гдѣ украли у него дипломъ его. Пріѣхавъ въ Россію, экзаминованъ былъ въ медицинскою

канцеляріи, въ присутствіи Кондонди, Унгебауеромъ (въ патологіи), Ашець (анатомія и фізіологія), Генр. Бакерахтомъ (фармація и медицинская хирургія) и Кондонди (*praxis medica*), хорошо выдержалъ экзаменъ и получилъ право практики (13 августа 1756), а на другой день опредѣленъ въ службу, въ московскій госпиталь младшимъ докторомъ, съ жалованьемъ по 300 р. и казенною квартирою. Но не долго оставался здѣсь. По причинѣ военныхъ приготовленій (7-милѣтняя война) онъ командированъ былъ въ Ригу, въ госпиталь, а потомъ въ Митаву (13 февраля 1758), для пользованія больныѣ арміи генерала Фермора, возвращавшихся изъ Пруссіи. Но за границею нужда была въ докторахъ, для завѣдыванія многими открытыми въ Пруссіи русскими госпиталями. Для пополненія этой нужды Мира тоже посланъ былъ въ Пруссію и принялъ завѣдываніе Бишофъ-Вердерскимъ госпиталемъ. Возвратившись изъ за границы и живя въ Дерптѣ, въ должности дивизионнаго доктора Сѣвской дивизіи, онъ поссорился съ генераль-поручикомъ Олицемъ изъ за лѣкаря Ширванскаго пѣхотнаго полка Берянке, котораго Олицъ хотѣлъ держать при себѣ вмѣсто штабъ-лѣкаря, а Мира отсылалъ къ своему полку. Мира подалъ въ отставку и уволенъ былъ отъ службы (13 декабря 1762). Онъ уѣхалъ въ Москву, но недолго оставался тамъ; 3 октября 1763 года Григорій Тепловъ объявилъ медицинской канцеляріи высочайшее повелѣніе, чтобы докторъ Мира опредѣленъ былъ въ службу по ея усмотрѣнію, и 24 октября опредѣленъ къ Донскому войску докторомъ. Мира не желалъ ѣхать на Донъ и предпочелъ бы остаться дивизионнымъ докторомъ: но его послали насильно и отъ Москвы до Тулы провожали его два солдата. Приѣхавъ на Донъ, онъ командированъ былъ (13 апрѣля 1769) въ крѣпость св. Дмитрія Ростовскаго, къ полевому госпиталю, гдѣ принялъ греческую религію (а прежде былъ католикомъ). 28 сентября 1770 опять уволенъ отъ службы по прошенію и поселился въ гор. Острогужскѣ Слободоукраинской губерніи. Медицинская коллегія не совѣмъ была довольна службою Мира. Это неудовольствіе выразилось тогда, когда онъ въ третій разъ сталъ проситься на службу. Объ немъ писалъ медицинской коллегіи графъ Г. Потемкинъ и просилъ опредѣлить его къ донскому войску: но ему весьма подробно написано было о всѣхъ прежнихъ жалобахъ «на нерадивость Мира и непрілежное исполненіе должности» (31 іюля 1775), съ объявленіемъ «что онаго доктора Мира за показанными причинами въ службу принять неможно, а когда для пользованія войска донскаго необходимо потребенъ докторъ и кромѣ его, Мира, требованъ будетъ, то по разсмотрѣнію медицинской коллегіи достойный и опредѣленъ быть имѣеть». Графъ Г. Потемкинъ пастоялъ однакоже на своемъ и Мира зачисленъ былъ въ донское войско (20 іюня 1776): но едва успѣлъ пріѣхать въ Черкасскъ, какъ захворалъ тамъ и умеръ (24 декабря 1776 года).

Мировичъ Василій Емельяновичъ, изъ Полтавы, сынъ мѣщанина, первоначально учился въ Екатеринославской семинаріи и для обученія медицинѣ

поступилъ ученикомъ въ спб. госпитальную школу (10 октября 1790 года). Окончивъ здѣсь полный курсъ и получивъ званіе лѣкаря, онъ избранъ былъ московскимъ профессоромъ Павломъ Шумлянскимъ въ адъюнкты къ себѣ при кафедрѣ хирургіи и матеріи медики. По этому представленію, Мионовичу назначена была пробная лекція и онъ прочелъ ее въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ 27 октября 1795, въ присутствіи президента медицинской коллегіи В. Н. Зиновьева, членовъ ея и прочихъ медицинскихъ чиновъ. Лекція была повидимому удовлетворительна и въ аттестатѣ объ ней члены медицинской коллегіи отзывались, что Мионовичъ оказался «изрядной способности и надежнаго успѣха въ отправленіи вѣренныхъ ему адъюнкта должностей». Поэтому 9 ноября 1795 года утвержденъ адъюнктомъ хирургіи и матеріи медики въ московской медико-хирургической школѣ, съ жалованьемъ по 300 р.

Митрофановъ Сила Митрофановичъ, первоначально учился въ кievской академіи, откуда поступилъ ученикомъ въ московскій генеральный госпиталь 21 іюня 1756 года, произведенъ въ подлѣвари съ переводомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь 31 мая 1758 и въ лѣвари 30 декабря 1759, «за прилежность въ пользованіи больныхъ и хорошее искусство». Весномъ 1761 года онъ, вмѣстѣ съ другими девятью товарищами, съ разрѣшенія медицинской канцеляріи и на казенный счетъ отправился въ Лейденъ. Въ числѣ 10 молодыхъ лѣкарей были Іосифъ Тимковскій, Фома Тихорскій, Кассіанъ Ягельскій, Петръ Погорѣцкій, Сила Митрофановъ, Матвѣй Крутель, Алексѣй Сидоровичъ, Козьма Рожалинъ, Степанъ Фіалковскій, Иванъ Пешковскій и Иванъ Ласкевичъ. Имъ дана была инструкція съ обязательствомъ доносить черезъ каждыя пошода о своихъ занятіяхъ и о лекціяхъ, какія они слушаютъ. Слушали они физиологію у Альбина старшаго по препаратамъ, патологію и химію у Гаубія, матерію медику у фонъ Розна, экспериментальную физіку у Лалемана, и приватно геометрію и тригонометрію, и ботанику. Жалованье получали они по третью у полномочнаго министра тайнаго совѣтника Гросса, который и наблюдалъ за ними. Пробылъ Митрофановъ въ Лейденѣ болѣе пяти лѣтъ и напечатавъ диссертацію: *De spontaneo aeris introitu in pulmonem*, получилъ докторскій дипломъ и потомъ поѣхалъ въ Парижъ (1766) и въ Петербургъ. Возвратившись въ Россію экзаминованъ былъ Пеккеномъ и Линдеманомъ и получилъ (20 августа 1769 года) право практикы въ Россіи и тотчасъ же опредѣленъ на службу въ спб. адмиралтейскій госпиталь, а оттуда переведенъ въ только что открывшійся кievскій полевой госпиталь (1770). Пробывъ тамъ около года, онъ назначенъ былъ въ 1 армию, въ генеральный полевой госпиталь, въ Бухарестѣ, гдѣ и умеръ отъ чумы 27 іюня 1772 года.

Монсей Яковъ Фомичъ (James Mounsey), родомъ шотландецъ, принятъ въ русскую службу 19 іюля 1736 года по капитуляціи съ полномочнымъ министромъ кн. Кантемиромъ на три года и опредѣленъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь лѣкаремъ. Въ турецкую войну 1737 года, при раз-

вѣтн чумной эпидеміи на Украинѣ и въ войскахъ, онъ командированъ былъ, въ числѣ другихъ, въ армию Миниха стоявшую по Днѣпру (6 марта 1738). Но пробылъ онъ тамъ не долго. 18 ноября 1738 года генераль Кейтъ (James Keith) увѣдомилъ медицинскую канцелярію, что онъ съ высочайшаго соизволенія уволенъ въ Парижъ для лѣченія отъ болѣзни и по дальности пути не можетъ ѣхать безъ лѣкаря и медикаментовъ, а потому и просилъ послать съ нимъ соотечественника его Я. Монзея. Медицинская канцелярія исполнила просьбу генерала, но прекратила выдачу Монзею штатнаго жалованья. Въ іюль 1740 года онъ возвратился съ Кейтомъ изъ Парижа и уволенъ отъ службы, при чемъ ему всетаки не выдано жалованье за время поѣздки съ Кейтомъ. Монзей воспользовался этою свободою дѣйствій и поѣхалъ въ Реймсъ, гдѣ отъ тамошней академіи получилъ докторскій дипломъ. Съ дипломомъ въ рукахъ онъ возвратился въ Петербургъ, признанъ по экзамену въ медицинской канцеляріи докторомъ и опредѣленъ докторомъ въ ландмилиціонный корпусъ (7 августа 1741 года), съ жалованьемъ по 400 р. 6 раціон. и 2 денщ. ¹⁾. Между тѣмъ начались военныя дѣйствія въ Финляндіи и генераль Кейтъ, командовавшій тамъ войсками, переѣхалъ къ себѣ доктора Я. Монзея «лѣкаремъ полковъ въ Финляндіи расположенныхъ» (1742). По этой должности Монзей долженъ былъ жить въ Выборгѣ: но генераль Кейтъ удержалъ его при себѣ, въ Або, а въ Выборгъ помѣстилъ временнымъ помощникомъ его доктора кадетскаго корпуса Бруха изъ Петербурга. По окончаніи шведской войны назначенъ былъ въ лифляндскую дивизію, а потомъ въ корпусъ Репнина (1747), при чемъ Кейтъ отозвался о немъ съ большою похвалою и наконецъ въ первую московскую дивизію. По прошенію уволенъ отъ службы 17 сентября 1756 года, «съ объявленіемъ ему за добросовѣстное исполненіе его должности удовольствіе медицинской канцеляріи». Это благоволеніе медицинской канцеляріи вызвано тѣмъ, что уже послѣ подачи прошенія объ отставкѣ Монзей по высочайшему повелѣнію 1 сентября 1756 года отправленъ былъ въ командировку въ Ярославль для лѣченія жены бывшаго курляндскаго герцога Бирона, съ тѣмъ чтобы при отъѣздѣ оттуда далъ онъ наставленіе ярославскому городовому лѣкарю Говію для пользованія герцогини и репортовалъ объ ея болѣзни главному директору

¹⁾ При переводѣ на деньги 6 раціоновъ стоили 36 р. 40 коп., а 2 денщика 12 руб. въ годъ.

Въ одно время съ д-ромъ Я. Монзеемъ находился въ русской службѣ лѣкарь Михайль Монзей, гофъ-хирургъ, съ жалованьемъ по 600 р. и 120 р. квартир. Онъ былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари 23 марта 1742 и опредѣленъ въ Ригу къ герцогу Голштейнъ Готторпскому «для нѣкотораго дѣла», а потомъ назначенъ къ войскамъ генерала бирона Левендала въ Ревель, на мѣсто Гюжона, опредѣленнаго лейбъ-хирургомъ.

медицинской канцелярии. По смерти Кондонди, когда негѣтъ было замѣнить его, доктору Я. Монзею открылось обширное поприще. Именнымъ указомъ императрицы Елисаветы Петровны 29 сентября 1760 года, за подписью всѣхъ членовъ придворной конференціи даннымъ медицинской канцеляріи, онъ пожалованъ лейбъ-медикомъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ жалованьемъ по 4000 р. въ годъ. Черезъ годъ послѣ того императрица Елисавета умерла (25 декабря 1761 года) и вступившій на престолъ Петръ III, въ 26 день своего царствованія, пожаловалъ лейбъ-медика Я. Монзея архіатеромъ слѣдующею грамотою: «Во всевысочайшемъ уваженіи искусства, прилежанія и трудовъ, съ каковыми дѣйствительный статскій совѣтникъ лейбъ-медикусъ Яковъ Монсей, по его званію и искусству всеусердствую, службу оказывалъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государынѣ императрицѣ вселюбезнѣйшей Е. И. В. теткѣ Елисаветѣ Петровнѣ, всемилостивѣйше пожаловали мы его, Монсея, за ту его вѣрноусерднѣйшую и долговременную службу Е. И. В. архіатеромъ, первымъ лейбъ-медикусомъ и главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцелярією и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ во всей россійской имперіи, съ рангомъ тайнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 7000 рублей ежегодно, и притомъ онъ собственною своею персоною въ единственномъ Е. И. В. вѣдѣніи состоятъ и прямо отъ Е. И. В. повелѣніи зависѣть имѣтъ; о чемъ сенатъ имѣтъ вѣдать и буда надлежитъ послать указы».

«Петръ».

20 генваря 1762.

Петръ III царствовалъ только шесть мѣсяцовъ. Почти столькоже времени и Монсей оставался архіатеромъ. Но не смотря на короткій срокъ управленія, Монсей оставилъ по себѣ обширный и превосходный докладъ о медицинскомъ дѣлѣ въ Россіи и другой докладъ о рангахъ медицинскихъ чиновъ и наконецъ подробное «Наставленіе всѣмъ врачамъ объ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей», вошедшее въ опредѣленіе медицинской канцеляріи 30-го апрѣля 1762 года. И докладъ и планъ о рангахъ утверждены были 28 февраля 1762 и на основаніи ихъ, указомъ правительствующаго сената 28 марта 1762, всѣ медицинскіе чины, коихъ должности поименованы въ планѣ о рангахъ (всего 313 человекъ), утверждены въ своихъ рангахъ съ назначеніемъ положеннаго жалованья, приведены къ присягѣ и съ нихъ сдѣланъ указныи вычетъ за повышеніе чина (мѣсячное жалованье). Съ этого дня почти всѣ медицинскіе чины облеклись чинами.

Архіатеръ Я. Монзей уволенъ отъ службы именнымъ указомъ Екатерины II 22 іюля 1762 года «по слабости здоровья», съ пенсією по 1000 рублей. Абшитъ ему подписанъ Екатериною 9 августа 1762 года. Съ нимъ прекратилось архіатерство и единоличное управленіе «медицинскимъ факультетомъ» въ Россіи.

Морель Яковъ (Jacob Christoph Morell), родомъ изъ Виттенберга, изъ гор. Монбеллара, учился въ Страсбургѣ четыре года и получилъ докторскій дипломъ. Въ Россію пріѣхалъ въ октябрѣ 1791 года и жилъ въ Москвѣ. Право практики получилъ по экзамену 8 марта 1792 года.

Моренгеймъ Іосифъ (Joseph Mohrenheim) принятъ въ русскую службу по слѣдующему

„Указу Медицинской Коллегіи

Бывшаго въ римско-императорской службѣ оператора и лѣкаря Іосифа Моренгейма, по искусству его въ повивальномъ дѣлѣ и въ лѣченіи глазныхъ и другихъ болѣзней, принявъ въ службу нашу профессоромъ того дѣла и лѣкаремъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника и съ жалованьемъ по двѣ тысячи рублей на годъ, повелѣваемъ употребить его съ пользою какъ въ разсужденіи лѣченія, такъ и преподаванія лекцій, особливо же въ повивальномъ дѣлѣ.

„Екатерина“

Въ Царскомъ селѣ, сентября 1 дня 1783 года».

На основаніи этого указа медицинская коллегія опредѣлила (7 сентября), чтобъ онъ читалъ хирургическія лекціи въ здѣшнихъ госпиталѣхъ на латинскомъ языкѣ 4 раза въ недѣлю, а для незнающихъ латинскаго языка на нѣмецкомъ, и дѣлалъ хирургическія операціи въ госпиталѣхъ при всѣхъ медицинскихъ чинахъ, а въ частной практикѣ при тѣхъ подлѣкаряхъ и ученикахъ, кого самъ выберетъ, о чемъ опубликовано было въ газетахъ и донесено императрицѣ. Но онъ отказался отъ чтенія теоретическихъ лекцій слѣдующимъ письмомъ на имя президента коллегіи Ржевскаго:

«Comme j'ai eu l'honneur d'entretenir Votre Excellence en dernier lieu de differents moyens dont je me servirai pour etre utile au publique et pour remplir les ordres très gracieuses de la Souveraine par rapport à ma vocation, je prends la liberté de prier Votre Excellence d'insinuer au college de médecine que, ne puis pas m'occuper des à présent à donner des leçons sur les parties théorétiques de l'art, mais que je m'occuperai la pluspart avec la pratique ou l'exercice, d'autaut plus que Sa Majesté Impériale m'a donnée la permission de me servir de quelques appartements à l'hospital près de Kalinka, pour y faire les opérations de chirurgie et des maladies des yeux et à l'avenir on y établira ce qu'il faut pour l'accouchement. Je tacherai de contribuer à la perfection des élèves et des jeunes chirurgiens des hopitaux militaires autant que je pourrais, et je proposerai pour ce fin cet hiver encore mes idées à Votre Excellence et au college de médecine; mais jusqu'à ce que les choses ne sont pas encore tout à fait réglés à l'hospital de Kalinka, je ne puis etre utile aux élèves des hopitaux militaires, que en cas qu'il'aurait à faire des opéra-

tions de consequence dans l'hospital où ils sont. Et dans ce cas je suis prêt y aller aussi souvent qu'on m'avertira, qu'on a besoin de moi pour consulter dans un cas grave. Au reste je prie Votre Excellence d'insinuer partout où Elle le jugera à propos, que tous ceux, qui sont aveugles peuvent venir me consulter et si je trouverai les cas guerissables, je leur ferai l'operation à l'hospital de Kalinka, où ils seront entretenus aux frais de S. M. I. jusque à leur guérison.

En me recommandant aux bonnes graces de Votre Excellence, j'ai l'honneur d'être son très humble et très obeissant serviteur «Mohrenheim».

Судя по этому письму, Моренгеймъ былъ плохой операторъ и еще болѣе плохой докторъ, боявшійся свѣта и общественной спеціальной оцѣнки его знаній и искусства. Медицинская коллегія была возмущена этимъ и донесла сенату, чего можно ожидать отъ этого иностранца (31 октября 1783) и уволила Моренгейма отъ своей службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратила и выдачу ему жалованья отъ себя. Моренгеймъ оставался на службѣ въ Калининскомъ хирургическомъ училищѣ и большую часть своего времени употреблялъ на приготовленіе и изданіе книги о повивальномъ искусствѣ. Изданіе было великолѣпное и съ портретомъ императрицы Екатерины II на заглавномъ листѣ. Оно было напечатано въ числѣ 1500 экз. и обошлось казнѣ въ 10,899 рублей, такъ что каждый экземпляръ его стоилъ казнѣ 7 руб. 27 коп., а продавался по 15 рублей.

Въ январѣ 1797 года Моренгеймъ подалъ императору Павлу Петровичу прошеніе о томъ, что онъ 14 лѣтъ назадъ вызванъ былъ по условію, что ему будутъ давать жалованья 3000 р. и на дрова и квартиру по 1000 р., а давали только по 2000 р. и просилъ, чтобы ему додали неполученное имъ за всѣ годы. Но справкѣ однакоже претензія его оказалась несправедливою и въ просьбѣ его было отказано. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что лѣкарь Моренгеймъ признанъ, по приказанію барона Фитингофа, но безъ экзамена, докторомъ медицины.

Музало Осипъ Фомичъ (Giuseppe Musalo), изъ Венеціи, учился въ Падуѣ, Болоннѣ и Флоренціи и изъ венеціанскаго университета получилъ докторскій дипломъ (28 сентября 1765). Въ Россію пріѣхалъ изъ Константинополя съ русскимъ тамошнимъ министромъ Ал. Стахіевымъ. Экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и 30 марта 1783 получилъ право практики въ Россіи.

Мухинъ Ефремъ Осиповичъ, родился 28 января 1766 года въ Чугуевѣ и первоначальное образованіе получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Медицинское образованіе его началось въ Блгаветградской госпитальной школѣ, учрежденной по приказанію князя Потемкина, съ 1 октября 1787 года. Въ 1788 году откомандированъ онъ былъ въ армію, и именно въ

*

Очаковский военный госпиталь. По возвращении оттуда продолжалъ учение и 30 ноября 1789 года произведенъ подлѣкаремъ, съ исправленіемъ должности прозектора. Затѣмъ 11 января 1791 года произведенъ лѣкаремъ и по должности прозектора преподавалъ ученикамъ школы остеологию и десмургію. 17 января 1795 года онъ былъ уволенъ отъ госпиталя и поступилъ въ московскій университетъ для продолженія учения. При учрежденіи доцентуръ профессоръ М. Пеккенъ просилъ позволенія взять его къ себѣ въ адъюнкты, при чемъ профессора университета дали ему одобрительные аттестаты (22 сентября 1795), а именно профессоръ Семень Зыбелинъ по химіи и практической медицинѣ, Петръ Страховъ по опытной физикѣ, Керестури по анатоміи и судебной медицинѣ, Вильгельмъ Рихтеръ по акушерству, Михайлъ Скиаданъ по физиологіи и патологіи, Барсукъ Моисѣевъ по физиологіи и патологіи и Федоръ Политковскій по естественной исторіи. Мухому назначена была пробная лекція и онъ, послѣ предварительнаго испытанія въ патологіи и терапіи, 17 ноября 1795 года «публично въ присутствіи нашемъ и гг. членовъ медицинской и госпитальной конторъ и обучающагося въ здѣшнемъ училищѣ юношества сказалъ рѣчь, сочиненную имъ по данному отъ насъ предписанію, на латинскомъ языкѣ, *О важнѣйшихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи изобрѣтеніяхъ во всѣхъ частяхъ врачебной науки*, а потомъ на російскомъ языкѣ, *О преуспѣваніи врачебныхъ наукъ въ російскомъ государствѣ*, правильнымъ, порядочнымъ и основательнымъ расположеніемъ мыслей, также и яснымъ и точнымъ выраженіемъ оныхъ удовлетворилъ онъ общему желанію нашему и адъюнктомъ при профессорѣ павологіи и терапіи, по мнѣнію нашему, опредѣленъ быть можетъ. Ноября 19 дня 1795. Подписали Иванъ Гильдебрандтъ, Федоръ Стефанъ, Матвѣй Пеккенъ». Медицинская коллегія назначила его, 7 декабря 1795, исправляющимъ должность адъюнкта, а 18 сентября 1796 года утвердила адъюнктомъ при московскомъ медицинскомъ училищѣ, при кафедрѣ патологіи и терапіи. Въ послѣдствіи онъ былъ докторомъ медицины и хирургіи по экзамену, ординарнымъ профессоромъ и напечаталъ большое количество сочиненій, считавшихся въ свое время классическими: но вся эта дѣятельность его относилась уже къ XIX столѣтію.

Мюллеръ Фридрихъ (Friedrich Gustav Müller) изъ Риги, учился въ Франкфуртѣ на Одерѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ 21 юля 1772 года. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Пеккеномъ и не совсѣмъ хорошо выдержалъ экзамень («se magis practicis, quam theoreticis studiis operam navasse ostendit»), но всетаки получилъ право практики (27 февраля 1777) и принятъ на службу въ эстляндскую дивизію докторомъ, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рад. и 2 денщ. Оттуда переведенъ былъ въ лифляндскую, а по расформированіи ея (11 декабря 1785) въ 5 дивизію докторомъ. Уволенъ отъ службы 14 мая 1786, по болѣзни, съ абшитою.

Мюрке Андрей (Andreas Mürske), московскій уроженецъ, учился въ Лейпцигскомъ университетѣ шесть лѣтъ, въ Берлинскомъ полгода и въ Лейпцигѣ получилъ докторскій дипломъ (21 іюня 1772). Приѣхавъ на родину экзаминованъ былъ въ медицинскою коллегію Тихорскимъ, Линдеманомъ и Синопеусомъ и 31 августа 1772 получилъ право практики въ Россіи. Затѣмъ 16 мая 1773 года опредѣленъ былъ на службу въ только что за годъ присоединенную отъ Польши могилевскую губернію докторомъ, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. Умеръ 8 января 1774 года.

Натанъ Соломонъ, докторъ польской службы, практиковалъ въ Кобринскомъ уѣздѣ. Признанъ докторомъ по экзамену въ комисіи при Литовской врачебной управѣ въ 1798 году.

Фанъ-деръ-Неденъ Андрей (Andreas Van der Noeden), по словамъ В. Рихтера, въ патентѣ, подписанномъ 23 мая 1716 года Петромъ Великимъ сказано, что этотъ докторъ Андрей Фанъ-деръ-Неденъ представленъ былъ императору какъ ученый и достойный врачъ, почему Петръ I и опредѣлилъ его въ число своихъ надворныхъ медиковъ. О службѣ его въ Россіи не сохранилось свѣдѣній.

Нельнеръ Егоръ (Georg Ludwig Noellner), эльзасецъ изъ Бусковія, учился въ Страсбургѣ и получилъ дипломъ (15 апрѣля 1782). По прибытіи въ Россію экзаминованъ въ Москвѣ Фрезе, Раушертожъ и Рущимъ и не выдержалъ экзамена (7 ноября 1784). Потомъ уѣздалъ въ Петербургъ и снова экзаминованъ въ медицинскою коллегію и получилъ право практики (20 января 1785). Вскорѣ онъ получилъ мѣсто доктора въ Новгородскомъ наместничествѣ (20 апрѣля 1786), а черезъ годъ послѣ того уволенъ отъ службы (13 января 1787 года) и цѣлыя десять лѣтъ оставался вольнопрактикующимъ. 20 августа 1796 года, по собственной просьбѣ, опредѣленъ былъ въ заемному банку: но и тутъ не удержался и по указу сената 21 ноября 1796 года отчисленъ отъ банка и переведенъ на должность помощника городского акушера, на мѣсто доктора Сутгофа, съ жалованьемъ по 400 р.

Нибергъ Карлъ (Carl Johann Nyberg), родомъ изъ Ревеля, учился въ Іенскомъ университетѣ три съ половиною года и въ Страсбургѣ одинъ годъ. Получилъ дипломъ въ Іенскомъ университетѣ 18 августа 1783 года, а право практики въ Россіи въ октябрѣ 1783 г.

Ника Анастасій (Anastasius Nica), докторъ медицины и философъ, уроженецъ изъ города Панена въ Эпирѣ, учился въ Падуѣ и тамъ получилъ докторскій дипломъ, въ 1750 году, а потомъ служилъ въ госпиталѣ въ Болоннѣ три года. Приѣхавъ въ Петербургъ, экзаминованъ въ медицинскою канцелярію. Экзаминаторами были: Лерхе изъ патологіи и фармаціи, Синопеусъ изъ физиологіи и хирургіи, Унгебауеръ изъ анатоміи и Кондонди изъ акушерства и практической медицины. Утвержденъ докторомъ 14 марта 1755 года и 13 мая того же года опредѣленъ на службу старшимъ докторомъ въ

московскій генеральный сухопутный госпиталь (на мѣсто умершаго доктора Л. Влюментроста), съ обязательствомъ давать въ свободное время лекціоны подлѣкарямъ и ученикамъ анатомическаго и хирургическаго курсовъ на латинскомъ языкѣ и при пользованіи госпитальныхъ больныхъ обучать въ клинической практикѣ, съ жалованьемъ по 600 руб. впредь до усмотрѣнія и съ квартирою въ госпиталѣ. Ника такъ старательно велъ свое преподаваніе, что «за прилежные труды въ управленіи госпиталемъ и обученіи подлѣкарей и учениковъ» получилъ прибавку къ жалованью по 200 р. въ годъ (31 января 1758 года). Такъ продолжалась служба его до смерти Кондоиди. Въ январѣ 1761 года онъ сталъ просить прибавки жалованья и чина: но Лерхе, управлявшій медицинскою канцеляріею, отказалъ въ этой просьбѣ „по малой еще службѣ д-ра Ники“. Справедлива или несправедлива была претензія Ники—трудно судить; но докторъ Синопеевъ, участвовавшій въ управленіи медицинскою канцеляріею совмѣстно съ д-ромъ Лерхе, не согласился съ этимъ послѣднимъ относительно заслугъ и правъ Ники и 3 февраля 1761 подалъ отдѣльное мнѣніе и просилъ представить просьбу Ники въ сенатъ съ полною справкою на его усмотрѣніе.

Еще прежде этого д-ръ Ника просился въ отпускъ на 29 дней въ Петербургъ (въ ноябрѣ 1760), поручая управленіе госпиталемъ оператору Елачичу и главному лѣкарю Чубенскому: но Лерхе отказалъ ему въ отпускѣ. Черезъ мѣсяцъ онъ опять просился въ отпускъ и былъ уволенъ (20 декабря 1760). Тутъ онъ убѣдился, что Лерхе не расположенъ въ нему и навѣрное пережѣстятъ его въ какое либо другое мѣсто. Чтобы предупредить возможное невольное пережѣщеніе, онъ самъ вошелъ съ просьбою о назначеніи его, за слабостью здоровья, въ Васильевскій карантинъ, на мѣсто д-ра Ломана, просившагося о пережѣщеніи оттуда, и 8 февраля 1761 года пережѣщенъ туда.

Карантинная служба того времени была очень тяжела, потому что безпрерывно вводила докторовъ въ столкновеніе съ губернской канцеляріею. Доктора обвинялись въ самоуправствѣ, въ жорыстолобіи и тому подобныя проступкажъ. Доктора Нику нельзя было укорить во взяточничествѣ, а его обвинили въ другомъ: кievскій губернаторъ Николай Чичеринъ пожаловался мед. канцеляріи, что Ника, лѣчившій губернаторскаго товарища полковника Петра Тимофеевича Рагозина, по злобѣ пересталъ лѣчить его отъ болѣзни называемой *arosthema* и отобралъ у аптекаря Бунге рецептъ на декоктъ отъ этой болѣзни. Жалоба и обвиненіе были очень странны и нелѣпы: но онѣ огорчили Нику. А еще болѣе огорчали его безконечныя придирыя губернской канцеляріи. Раздосадованный ими, онъ подалъ въ отставку и уволенъ отъ службы 30 октября 1763 года, съ правомъ практики въ Россіи.

Николай Фридрихъ (Friedrich Ernest Nicolai), родомъ изъ Іены, сынъ тамошняго профессора, гдѣ учился четыре года и получилъ дипломъ 18 іюня 1785. Тотчасъ же послѣ этого пріѣхалъ въ Россію, по экзамену получилъ

право практики и назначенъ докторомъ въ Гдовскій уѣздъ спб. губерніи (3 сентября 1785), а черезъ годъ переведенъ въ 5 дивизію подъ командою генераль-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова, съ жалованьемъ по 600 р. (14 мая 1786). Участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Молдавіи и Польшѣ и 12 февраля 1797 года уволенъ по прошенію изъ службы.

Ничъ Абрамъ (Abraham Nitsch), уроженецъ изъ Данцига, учился въ Галле и напечаталъ диссертацию *De dolore et spasmo ex calculo felleo*, получилъ тамъ докторскій дипломъ (1731 года). Принятъ въ русскую службу 16 мая 1731 года по контракту на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 р. и опредѣленъ въ спб. дивизію. За тѣмъ переведенъ докторомъ Низоваго корпуса и жилъ въ крѣпости св. Анны. Тамъ онъ жаловался на недостатокъ лѣкарей, а которые есть, тѣ ни слова не понимаютъ по русски и потому едвали способны приносить какую либо пользу войскамъ. 5 декабря 1743 года назначенъ онъ былъ старшимъ докторомъ спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, съ жалованьемъ по 650 р. въ годъ. Умеръ 19 октября 1749 года. За два года до смерти онъ напечаталъ *Theoretische Abhandlung vom Schaarbock, wie er sich bey der Russischen Armee gezeigt hat*. Petersburg, 1747, 8.

Нижковскій Янъ (Johannes Friedrich Nizkowski), кандидатъ хирургіи, экзаминованъ былъ въ Виленскомъ университетѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ 22 мая (2 іюля) 1799 года. Медицинская коллегія, по рапорту инспектора Виленской врачебной управы Энегольма, утвердила его докторомъ съ правомъ практикы (13 сентября (1799)).

Нотбекъ Николай (Nicolaus Bernhard Nottbeck), родомъ изъ Ревеля, учился въ Іенѣ два года и въ Геттингенѣ два года, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Въ медицинской коллегіи экзаминованъ и получилъ право практики 11 сентября 1795, а 1 декабря того же года опредѣленъ въ корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ подъ командою генераль-поручика Левавидова, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщиками (на мѣсто д-ра Карла Стварта, переведеннаго по прошенію въ гор. Дубно городовымъ докторомъ, 19 ноября 1795).

Нудовъ Андрей (Heinrich Nudow) родомъ изъ Данцига, учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ напечаталъ диссертацию подъ заглавіемъ *Animadversiones de contagiis*, и получилъ дипломъ 19 мая 1776 года. Приѣхавши въ Россію экзаминованъ въ медицинской коллегіи д-рами Ашемъ и Лерхе и получилъ право практики въ Россіи 22 августа 1779 года и уѣхалъ Могилевъ искать мѣста въ тамошнемъ намѣстничествѣ, которое обѣщано ему было генераль-губернаторомъ Петромъ Богдановичемъ Пасекомъ. Опредѣленъ онъ былъ по контракту въ гор. Оршу (1782), а потомъ переведенъ уѣзднымъ докторомъ въ Могилевъ (1783). Однакоже тутъ ему не понравилось и въ тотъ же году онъ переѣхалъ въ Новгородсѣвер-

ское намістничество, въ гор. Мглинѣ, а оттуда, по приказанію барона Фитингофа, переведенъ въ Пензенское намістничество (23 октября 1791 года). Въ 1779 году онъ напечаталъ книгу *De l'éduccation physique*, Danzig, 1779 и посвятилъ ее польскому королю. Онъ поднесъ ему свою книгу въ 1785 году и получилъ чинъ польскаго надворнаго совѣтника. Доктору Нудову хотѣлось получить мѣсто преподавателя въ одной изъ госпитальныхъ школъ и баронъ Фитингофъ, всегда ему покровительствовавшій, помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. Онъ приказалъ медицинской коллегіи назначить Нудову пробную лекцію, которая и прочитана имъ на латинскомъ языкѣ («О точности патологическаго ученія») въ декабрѣ 1786 года, а вслѣдъ за тѣмъ (20 февраля 1787 года) признанъ профессоромъ и опредѣленъ въ медико-хирургическое училище (Калнинковскій институтъ), съ порученіемъ преподавать фізіологію, патологію и терапію. Но 14 января 1790 года онъ уволенъ отъ службы, а черезъ полтора года опять принятъ и опредѣленъ докторомъ въ городѣ Наровчатѣ Саратовской губерніи. Когда учреждены были врачебныя управы, Нудовъ просилъ себѣ мѣста инспектора врачебной управы въ Симбирскѣ, Нижнемъ Новгородѣ или въ Тамбовѣ, но ему отказано по той причинѣ, «что на таковыя мѣста, по инструкціи, во врачебной управы должны быть опредѣляемы по долговременной армейской службѣ и по искусству, а оный докторъ въ военной службѣ не служилъ». По представленію Саратовской врачебной управы утверждень докторомъ въ Керенскомъ уѣздѣ (3 августа 1797 года).

Огіевскій Дмитрій Максимовичъ, сынъ сотника въ Нѣжинскомъ полку, родился въ Кролевецѣ и учился въ Кіевской академіи. 17 лѣтъ принятъ былъ ученикомъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь 26 января 1777 года. Произведенъ подлѣкаремъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ 1 марта 1778 года и 24 декабря 1780 года лѣкаремъ и черезъ годъ назначень переводчикомъ при медицинской коллегіи. Прослуживъ тутъ недолго, сталъ проситься за границу для усовершенствованія въ медицинѣ на казенный счетъ, на основаніи сенатскаго указа 3 апрѣля 1761 года. Объ этомъ представлено было сенату и императрица соблаговолила 23 декабря 1782 года отправить его въ Страсбургъ, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ изъ государственнаго казначейства. Учился онъ сперва въ Страсбургѣ а потомъ въ Геттингенѣ и получилъ дипломъ. О дальнѣйшей его службѣ не сохранилось свѣдѣній.

Озерецковскій Николай Яковлевичъ, находился при слб. академіи наукъ съ 1767 года, а въ 1774 году отправлень былъ ею для дальнѣйшаго утвержденія въ медицинѣ въ чужіе края, учился въ Лейденѣ и Страсбургѣ и въ послѣднемъ изъ этихъ университетовъ получилъ докторскій дипломъ 14 іюня 1777 года, а потомъ дополнялъ образованіе путешествіями за границую. Возвратившись въ Россію экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Пеккеномъ и 3 іюня 1779 года получилъ право практики и поступилъ на службу въ академію наукъ. По постановленію медицинской коллегіи 22 ок-

тября 1797 года, «въ уваженіе дознанныхъ во врачебной наукѣ знаній», признанъ почетнымъ членомъ этой коллегіи.

О'Конноръ Джонъ, шотландецъ, учился въ Англіи и Франціи шесть лѣтъ и потомъ практиковалъ въ Слонимѣ. Въ послѣдствіи преподавалъ общую терапію въ Виленскомъ университетѣ.

Ольгренъ Іона (Jonas Lorentz) учился сперва фармаціи аптекарскимъ ученикомъ въ главной слб. аптекѣ (съ 4 мая 1780 до 17 августа 1783 г.), а потомъ перешелъ волонтеромъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь и 31 іюня 1785 произведенъ лѣкаремъ въ тотъ-же госпиталь, но безъ жалованья. Прослуживъ такимъ образомъ ровно годъ, онъ поѣхалъ за границу, учился въ Берлинѣ и Іенѣ три года и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ экзаминованъ былъ коллегіею и 1 декабря 1788 года получилъ право практики и опредѣленъ на службу въ Олонеккое намѣстничество. Прослуживъ тамъ полтора года онъ сталъ просить о переводѣ въ какое либо другое мѣсто, или объ увольненіи отъ службы, и былъ уволенъ за бо-лѣзнію (26 августа 1790). Но послѣ того опять поступилъ на службу, въ Пензенское намѣстничество (10 февраля 1791), и тотчасъ же назначенъ былъ дивизионнымъ докторомъ въ соединенную южную армію (24-го апрѣля 1791). Не хотѣлось ему ѣхать въ армію, не хотѣлось и разстаться съ гор. Троицкомъ Пензенской губ. Онъ сталъ искать протекціи и нашелъ ее въ губернаторѣ Иванчинѣ, по просьбѣ котораго и былъ оставленъ на своемъ мѣстѣ, а черезъ шесть лѣтъ опредѣленъ акушеромъ Саратовской врачебной управы (6 іюля 1797).

Орреусъ Густавъ Максимовичъ (Gustav Orroeus), финляндеръ, сынъ деревенскаго пастора въ Кюменегорскомъ уѣздѣ, и первоначально обучался въ Абовскомъ университетѣ, а оттуда поступилъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь вольнослушателемъ (26 мая 1755), съ тѣмъ чтобы потомъ ѣхать за границу для окончанія образованія, и 30 сентября 1755, по прежнему экзамену, произведенъ въ подлѣкари. Затѣмъ по экзамену произведенъ въ лѣкари (27 февраля 1757), въ штатъ тогоже госпиталя, а вскорѣ послѣ того отправленъ въ армію, при начавшейся 7-лѣтней войнѣ съ Пруссіею, и зачисленъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ. По окончаніи войны онъ причисленъ къ медицинской канцеляріи (21 іюня 1762), «въ помощь къ физическимъ дѣламъ», на мѣсто лѣкаря Рунге, а 13 марта 1763 года назначенъ операторомъ въ слб. генеральный адмиралтейскій госпиталь, т. е. преподавателемъ хирургіи и практической анатоміи при госпитальной школѣ, съ жалованьемъ по 300 рублей, съ обязательствомъ обучать подлѣкарей и учениковъ слб. адмиралтейскаго госпиталя «распознаванію травъ и корней въ официальныхъ» и въ свободное время ходить съ ними въ госпитальные огороды и ближнія поля, а временемъ и на аптекарскій островъ и въ аптекарскій садъ, изъ коего по его требованію, по временамъ, приказано давать нужныя травы и растенія въ

госпиталь, причемъ толковать не только ихъ названія, но и лѣкарственное употребленіе и дѣйствіе. За это 17 октября тогоже года Ореусу назначено 60 р. награжденія.

Итакъ Ореусъ былъ преподавателемъ въ петербургскихъ госпитальныхъ школахъ. Но онъ желалъ приобрести ученую степень доктора медицины, но приобрести не въ чужихъ странахъ, какъ дѣлали иностранные лѣкаря, а у себя дома.

Между тѣмъ объявленъ былъ именной указъ 9 юня 1764 года, по которому медицинской коллегіи предоставлено было «по собственнымъ ея экзаменамъ всѣхъ обучавшихся сей наукѣ производить въ докторы медицины и давать на то каждому патентъ на пергаментѣ, за рукою президента коллегіи, съ приложеніемъ нашей (государственной) печати». Ореусъ воспользовался этимъ указомъ и въ 1765 году подалъ въ коллегію прошеніе о допущеніи его, на основаніи указа 1764 года, къ докторскому экзамену, съ тѣмъ чтобы по выдержаніи его, данъ былъ ему докторскій дипломъ и соотвѣтственное мѣсто на службѣ. Коллегія опредѣлила допустить его къ экзамену, предписавъ внести передъ тѣмъ 40 р. съ тѣмъ, что если онъ не выдержитъ экзамена, то эти деньги останутся въ пользу казны, а если выдержитъ, то онѣ будутъ возвращены ему. Онъ внесъ деньги и 27 октября былъ экзаминованъ. Въ чемъ состоялъ этотъ экзамень—не сохранилось свѣдѣній, но извѣстно то, что Ореусъ выдержалъ его и получилъ назадъ внесенныя въ коллегію деньги. Затѣмъ оставалось получить только дипломъ; но тутъ то и случилась неожиданность. Коллегія отказала ему въ дипломѣ, или лучше сказать не со всѣмъ отказала, а начала откладывать выдачу его подъ разными предлогами. Какъ онъ ни хлопоталъ, какъ ни упрививалъ каждаго члена отдѣльно, но дипломъ все не давался въ руки. Наконецъ ему надоѣло хлопотать и по прошествіи около 40 мѣсяцовъ (въ августѣ 1766 года) онъ подалъ въ кабинетъ императрицы жалобу на коллегію, съ просьбою истребовать слѣдовавшій ему докторскій дипломъ. Управлявшій дѣлами кабинета, д. с. с. Иванъ Елагинъ, потребовалъ отъ коллегіи свѣдѣній о причинахъ, по которымъ не выдается Ореусу дипломъ, и когда этотъ запросъ былъ полученъ, то баронъ А. И. Черкасовъ поручилъ тремъ членамъ написать подробное объясненіе въ отвѣтъ на предложенныя изъ кабинета вопросы. Изъ этого объясненія оказалось, что коллегія отказывала Ореусу въ дипломѣ во первыхъ потому, что онъ посредственно отвѣчалъ на экзаминаторскіе вопросы, и во вторыхъ потому, что она не считала своимъ дѣломъ ни производства экзамена, ни выдачи диплома. Но первый предлогъ совершенно несправедливъ, потому что еслибъ Ореусъ не выдержалъ экзамена, то и не сталъ бы просить диплома, а коллегія не возвратила бы ему внесенныхъ 40 рублей. При этомъ ей и не нужно бы было входить ни въ какія объясненія, такъ какъ въ словахъ «не выдержалъ экзамена» все сказано. Второй предлогъ такъ же несправедливъ, потому что если не ея дѣло экзаминовать, то за чѣмъ же она допустила его къ экзамену и прика-

зала представить денежный залог. А если допустила, значить считала себя въ правѣ допустить. И такъ какъ сама же она говоритъ, что ей принадлежить право экзаминовать прїѣзжихъ докторовъ для дозволенія имъ свободной практики, то спрашивается: чѣмъ же разнился одинъ докторскій экзамень отъ другаго докторскаго экзамена? Если для перваго она считала себя компетентною и полноправною, то почему теряла эти качества въ послѣднемъ. Наконецъ collegiа сослалась на «инструкцію» свою, въ которой будтобы сказано, что объ экзаменахъ ей надобно сноситься съ московскимъ университетомъ. Но и это несправедливо. Въ «инструкціи» вотъ что сказано: «Таже collegiа должна изобрѣсти способы, черезъ сношеніе съ московскимъ университетомъ, чтобъ изъ подданныхъ російскихъ воспитывать и обучать какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ докторской. И сіе будетъ со временемъ сохраненіемъ излишнихъ денежныхъ расходовъ въ государствѣ, которые теперь издерживаются на тѣхъ, что посылаютъ на двойномъ и тройномъ коштѣ въ чужіе университеты, а притомъ и избѣжаніемъ, чтобы не принимать безъ разбору иностранцевъ достойныхъ и недостойныхъ, къ чему теперь нужда приводить». Кромѣ этого пункта, въ «инструкціи» нѣтъ ни слова объ университетѣ: какимъ же образомъ можно было сослаться на этотъ пунктъ въ вопросѣ объ экзаменахъ? И такъ изъ всего этого видно только, что collegiа за приведенными въ немъ предлогами отказа скрывала заднюю мысль, непрерывно пугавшую его. Ей все мерещилось, что вотъ за дипломами придутъ къ ней русскіе «кандидаты медицины» и получивъ ихъ сбросятъ съ себя чужеземное ярмо и выживутъ изъ Россіи иностранныхъ паразитовъ.

Орреусъ, видно, не зналъ этой тайной мысли нѣмцовъ или не относилъ ея къ себѣ и стало быть терпѣлъ напрасно. Потому что Елагинъ, получивъ объясненіе collegiи, возвратилъ ему прошеніе съ слѣдующею надписью: «Какъ справкою изъ медицинскій collegiи показано, что челобитчиковы о докторскомъ знаніи отвѣты были весьма посредственны, а изъ того и видно стало, что collegiа его къ произведенію въ докторы признаетъ на нынѣшній разъ неспособнымъ и потому возвратила взятыя отъ него сорокъ рублей, того ради и сія челобитная ему отдается, съ тѣмъ, дабы онъ на сей случай доволенъ былъ коллежскимъ опредѣленіемъ. Ноября 6 дня 1766 года. Иванъ Елагинъ».

Рѣшеніе было неутѣшительно, и Орреусъ не такой человекъ, чтобы удовольствоваться имъ. Онъ переговорилъ съ барономъ Черкасскимъ, побывалъ у Елагина и снова подалъ жалобу на имя императрицы, которая была уже предувѣдомлена объ его первой неудачѣ. Дѣло протянулось однакоже полтора года и кончилось тѣмъ, что императрица дала, 2 августа 1768 года, именной указъ признавать Орреуса докторомъ медицины и выдать ему пѣ collegiи дипломъ на это званіе. Это былъ первый докторскій дипломъ, выданный по экзамену въ Россіи, а послѣдствія показали, что этотъ дипломъ попалъ въ самыя достойныя руки.

Вскорѣ послѣ того докторъ Орреусъ назначенъ былъ штабъ-докторомъ сперва въ 2 армию, а потомъ въ первую армию графа П. А. Румянцева (25 декабря 1769), на военное время. Когда кончилась война, онъ подалъ прошение графу П. А. Румянцеву (24 февраля 1771 года) о переводѣ его изъ арміи на спокойное мѣсто. Отпуская его, графъ Румянцевъ послалъ слѣдующее отношеніе въ медицинскую коллегію: «Отправляя поданную ко мнѣ отъ доктора Густава Орреуса на всевысочайшее Е. И. В. имя челобитную и самаго его въ оную коллегію, убѣждаюсь справедливою засвидѣтельствовать, что онъ сначала при второй, а потомъ и при предводительствуемой мною нынѣ арміи съ опредѣленія его находясь безотлучно, при похвальномъ своемъ поведеніи, во врачеваніи одержимыхъ натуральными болѣзнями и раненыхъ военныхъ чиновъ крайнюю прилежность и усердіе оказывалъ; а между тѣмъ при самомъ сильнѣйшемъ распространеніи заразительной болѣзни въ Молдавіи, бывъ отъ меня опредѣленъ къ пользованію подверженныхъ ея свирѣпости разнаго состоянія людей и для постановленія мѣръ къ ея пресѣченію, презирая всѣ опасности, съ толикимъ радѣніемъ и неусыпностію въ томъ трудился, что какъ въ излѣченіи великаго множества зараженныхъ, такъ и въ принятіи имъ способовъ къ конечному отъ сего зла освобожденію, въ короткое время ощущено быть стало превосходное его искусство. Посему натурально имѣлъ бы я причину удержать его здѣсь, и онъ бы конечно по усердію своему не отрекся, если бы съ другой стороны извѣстные мнѣ труды его и безпокойства, понесенныя имъ столько, колико естество человѣческое перенести только можетъ, не ослабили его здоровья, силъ его очевидно не привели въ истощеніе и не причинили убытку. И хотя не имѣю ни малѣйшей причины усомниться, чтобъ медицинская коллегія не возрѣла на оказанныя имъ съ толикимъ небреженіемъ о собственной своей безопасности заслуги, но столькоже какъ въ воздаяніе ему, такъ и для поощренія другихъ, должностію себѣ поставляю препроводить купно съ нимъ и мою просьбу, чтобы онъ опредѣленъ былъ къ такому мѣсту, которое было бы достойною наградою искусства и трудолюбія. Графъ П. Румянцевъ. 25 февраля 1771 года. Городъ Яссы».

Баронъ Черкасовъ показалъ эту бумагу императрицѣ и она приказала (31 марта) опредѣлить Орреуса въ вѣдѣніе генералъ-полицеймейстера сенатора Чичерина впредь до указа, съ жалованьемъ противъ дивизионныхъ докторовъ, т. е. по 600 р. 10 рац. и 2 денщиковъ, а черезъ полтора года послѣ того (15 октября 1772 года), по именному высочайшему повелѣнію ⁴⁾ Орреусъ назначенъ былъ въ Москву штатдт-физикомъ (на открывшуюся послѣ смерти Рипдера) вакансію, съ жалованьемъ по 800 рублей. Вступивъ въ эту долж-

⁴⁾ Вотъ этотъ указъ: «Нашей медицинской коллегіи повелѣваемъ въ Москву на порозжес мѣсто въ штатдт-физики опредѣлить доктора Орреуса 15 октября 1772, С.-Петербургъ». *«Екатерина».*

ность, онъ опять встрѣтился (въ Москвѣ) съ страшною чумною эпидеміею, которую видѣлъ уже въ Молдавіи и въ послѣдствіи напечаталъ дѣльное описаніе ея. За особые труды его во время чумы въ Москвѣ онъ награжденъ былъ чиномъ коллежскаго совѣтника (10 іюля 1775). Но служба, очевидно, надоѣла ему и 18 іюля 1776 года, по прошенію, за слабостью здоровья, онъ уволенъ отъ службы съ абшитою и всю остальную жизнь свою посвятилъ сельскому хозяйству въ имѣніи своимъ въ 50 верстахъ отъ Петербурга. Умеръ 1 сентября 1811 года.

Орслевъ Янусъ (Janus Petrus Orsleff), изъ Копенгагена, гдѣ и учился и получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи и 24 іюля 1791 года получилъ право практики въ Россіи.

Оршаво-Чижевскій Семень Ивановичъ, сынъ отставнаго секундъ-маіора, первоначально учился въ московскомъ университетѣ, а потомъ, по ходатайству этого университета, отправленъ на казенный счетъ въ Лейденъ для усовершенствованія, и напечатавъ диссертацию получилъ докторскій дипломъ (11 ноября 1786 года). Но возвращаясь на родину, онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и при этомъ потерялъ и дипломъ и экземпляръ диссертациі. По экзамену въ медицинской коллегіи признанъ докторомъ медицины 9 іюля 1789 и опредѣленъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь для пользованія больныхъ на одинъ годъ, т. е. для усовершенствованія въ медицинской практикѣ, съ жалованьемъ по 400 рублей и казенною квартирою. Черезъ годъ послѣ того онъ назначенъ былъ въ Оренбургскій областной госпиталь (1790). Здѣсь прослужилъ онъ около семи лѣтъ и переведенъ въ тульскую врачебную управу акушеромъ (26 мая 1797 г.), а управленіе областнымъ госпиталемъ передалъ штабъ-лѣкарю Іоанну Альберту Кирхнеру.

Осбургъ Иванъ (Johann Jacob Osburg) изъ Эрфурта, учился въ тамошнемъ университетѣ, а потомъ въ Геттингенѣ четыре года и въ Эрфуртѣ получилъ дипломъ (2 января 1784 года). Приѣхавъ въ Россію экзаминованъ былъ въ коллегіи, получилъ право практики (21 января 1787 года) и затѣмъ принятъ въ службу и опредѣленъ (20 марта 1788) на госпитальные корабли, отправлявшіеся въ Средиземное море, съ жалованьемъ по 600 рублей.

Парисъ Осипъ (Adam Joseph Paris), австріецъ изъ Песля, учился семь лѣтъ въ Вѣнскомъ университетѣ и получилъ докторскій дипломъ 27 іюля 1781 года. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и получилъ право практики въ Россіи (19 октября 1782 года).

Паульсоу Павель (Paul Paulsohn), уроженецъ изъ Дерпта, учился въ Галле, гдѣ напечатавъ и защитивъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio methodum generaliore[m] morbos chronicos rite tractandi sistens. Halae Magdeburgicae, 1747.4^o*, получилъ докторскій дипломъ 17 мая 1747 года. Возвратившись въ Россію экзаминовался въ медицинской канцеляріи и получилъ право практики въ Россіи, 18 августа 1750 года. Гдѣ онъ жилъ

потомъ—неизвѣстно. Но 3 іюля 1755 года опредѣленъ въ финляндскую дивизію дивизионнымъ докторомъ подъ командою графа Александра Ивановича Шувалова, и ему даны инструкціи (о должности дивизионнаго доктора и объ осмотрахъ инвалидовъ или неспособныхъ къ службѣ). Между прочимъ ему дано было порученіе набирать въ Выборгѣ мальчиковъ, которые бы желали обучаться медицинѣ и хирургіи. Для исполненія этого порученія онъ совѣтовался съ думбстомъ Магнусомъ Алопеусомъ и ректоромъ мѣстной школы Саксбергомъ и нашелъ только двухъ учениковъ—двухъ братьевъ Валеріановъ—Ивана и Каспара, дѣтей шведа въ русской службѣ при выборгской портовой таможенѣ, старшаго 16, младшаго 15 лѣтъ. Въ послѣдствіи старшій изъ нихъ былъ знаменитымъ докторомъ и старшимъ д-ромъ сиб. генер. адмиралтейскаго госпиталя.

Паульсонъ много заботился о гигиенѣ солдатъ и писалъ медицинской канцеляріи, что солдаты Великолуцкаго и Кабардинскаго полковъ тѣсно помѣщены въ Вильманстрандѣ, равно какъ въ Кексгольдѣ и Выборгѣ, непрерывно исполняютъ утомительныя работы, а пищу получаютъ плохую и недостаточную, пьютъ соленую воду за нежеланіемъ вырыть колодцы или возить пресную воду издалека, отъ чего страдаютъ цынгою, много хвораютъ и умираютъ, о чемъ военные командиры вовсе не заботятся, сваливая вину въ этомъ на лѣкарей. Справедливость этой безпечности военныхъ командировъ подкрѣпилъ командиръ Владимірскаго полка баронъ фонъ Альбедиль (31 августа 1756).

По окончаніи семилѣтней войны, въ которой участвовалъ и Паульсонъ, онъ опредѣленъ старшимъ докторомъ сиб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя (27 октября 1760). Онъ вступилъ въ должность 7 апрѣля 1761, а 7 мая получилъ прибавку жалованья (къ 600 р. по штату 1733, по 200 руб. изъ госпитальной суммы). Но тутъ онъ пробылъ не долго и назначенъ (13 декабря 1764 года) къ малороссійской канцеляріи докторомъ (съ чиномъ надворнаго совѣтника), съ однимъ штабъ-лѣкаремъ и однимъ лѣкаремъ.

Пегеловъ Даниль (Daniel Gottfried Dietrich Pegelow), родомъ изъ Бранденбурга, принятъ въ русскую службу лѣкаремъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (25 іюня 1764) и оттуда переведенъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ лѣкаремъ. Затѣмъ, присмотрѣвшись къ ходу медицинской службы въ Россіи, вышелъ въ отставку для продолженія ученія 31 декабря 1769 и немедленно поѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, а затѣмъ побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Возвратившись въ Россію, онъ экзамированъ былъ въ московской медицинской конторѣ Шафонскимъ, Эразмусомъ и Ореусомъ и получилъ право практики въ Россіи.

Пеккенъ Христіанъ (Christian Pecken), венгерецъ изъ города Розенау, сперва училея математикѣ, а потомъ медицинѣ въ Виттенбергѣ и Галле и въ 1751 году получилъ докторскій дипломъ въ Виттенбергѣ, напечатавъ и

защитивъ диссертацию *De causis et effectis plethorae. d. 25 septembris 1751*. Возвратившись оттуда на родину, Пеккенъ былъ физикомъ въ графствѣ Геммеръ и въ 1754 году уволенъ отъ службы. Черезъ годъ послѣ того пріѣхалъ въ Петербургъ (1755) и принятъ въ службу дивизионнымъ докторомъ въ с.-петербургскую дивизию. Оттуда переведенъ былъ (31 декабря 1759 года) старшимъ докторомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, на мѣсто И. А. Полетныи, переведеннаго въ с.-петербургскую дивизию. Опредѣляя Пеккена на эту службу, Кондоиди рассчитывалъ найти въ немъ образованнаго преподавателя для госпитальной школы, на мѣсто умершаго Шрейбера, и для этого назначилъ ему на первыхъ же порахъ хорошее содержаніе (жалованье 800 р., а именно 600 р. изъ медицинской канцеляріи и 200 р. изъ главнаго комиссаріата, сверхъ того казенную квартиру съ прислугою). Ему предполагалось поручить въ обоихъ госпиталяхъ преподаваніе патологіи и медицинской практики. Но предположеніе это не исполнилось. Не прошло и года со времени занятія Пеккеномъ госпитальными обязанностями (а преподавательскими кажется и не началъ еще заниматься), какъ, по приказанію наследника Петра Федоровича, переведенъ былъ (30 сентября 1760) старшимъ докторомъ въ мѣсячный кадетскій корпусъ ¹⁾, съ тѣмъ чтобы онъ уволенъ былъ отъ госпитальныхъ должностей, которыя и переданы были доктору Паулю Паульсону. При учрежденіи государственной медицинской коллегіи Пеккенъ назначенъ былъ членомъ ея, а потомъ ученымъ секретаремъ (12 ноября 1763), съ оставленіемъ въ должности при кадетскомъ корпусѣ.

Лѣтомъ 1770 года Пеккенъ посланъ былъ въ Смоленскъ для осмотра карантинныхъ и по соглашенію съ губернаторомъ Тимофеемъ Петровичемъ Телутьевымъ составилъ планъ карантиннаго дома на форпостѣ, который и прислалъ въ коллегію на утверженіе, а Коллегія представила его въ сенатъ. Пробылъ онъ въ Смоленскѣ болѣе года, до прекращенія чумы въ Москвѣ ²⁾, 21 мая 1779, по высочайшему повелѣнію, произведенъ въ статскіе совѣтники и умеръ въ Петербургѣ 24 августа тогоже года.

¹⁾ На мѣсто д-ра Шиллинга, взятаго въ тотъ же день ко двору лейбъ-медикомъ.

²⁾ При возвращеніи его изъ этой командировки возникла любопытная переписка о размѣрахъ его жалованья. Въ командировкѣ получалъ онъ полное содержаніе (1500 р., а именно 800 за прежнюю службу въ госпиталь и кадетскомъ корпусѣ, 300 р. какъ члену коллегіи и 400 р. за ученое секретарство въ ней). По возвращеніи изъ командировки онъ продолжалъ получать прежнее жалованье, хотя нигдѣ уже, кромѣ коллегіи, не состоялъ на службѣ. Для разрѣшенія вопроса спросили сенатъ и докладъ его, высочайше утвержденный 29 декабря 1775 года, рѣшилъ вопросъ утвердительно, основываясь на томъ, «что разъ высочайше даровано, то уже не отнимается».

Въ это время (1777) составлена была коллегією и рассмотрѣна первая «Pharmacopoea Rossica». Разсматривалась она въ коллегіи всѣми петербургскими докторами и аптекарями и напечатана въ 1778 году, въ числѣ 1800 экземплярахъ. Надзоръ за печатаніемъ и корректурую ея порученъ былъ Пеккену ¹⁾.

Докторъ Хр. Пеккенъ издалъ *Домашній Лѣчебникъ или простой способъ лѣченія больней*, соч. Х. Пеккена, перев. съ нѣмецкаго Алексѣевоу Протасову. Спб. 1765, 8°. Было много изданій этого «Лѣчебника» въ Петербургѣ и одно въ Москвѣ. Потомъ напечатано исправленное и дополненное изданіе его сына, М. Пеккена, въ двухъ частяхъ. Москва, 1797, 8°.

Пеккенъ Матвѣй Христіановичъ, сынъ предыдущаго, родился въ Петербургѣ и учился въ Геттингенѣ 4 года, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ экзаменованъ былъ въ медицинскую коллегію Ашемъ и Лерхе и получилъ право практики въ Россіи 3 сентября 1779 года, т. е. за десять дней до смерти отца. Въ слѣдъ затѣмъ (въ ноябрѣ тогоже года) опредѣленъ на службу младшимъ докторомъ въ с.-петербургскій генеральный адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. и казенною квартирою. Онъ предложилъ читать лекціи акушерства въ обонхъ петербургскихъ госпиталяхъ и медицинская коллегія приняла это предложеніе и постановила прибавить ему 150 р. къ прежнему жалованью (въ мартѣ 1781). Но въ маѣ 1781 онъ переведенъ въ кронштадтскій генеральный адмиралтейскій госпиталь лекціоннымъ докторомъ, на мѣсто д-ра Максимовича Амбодика, переведеннаго въ Петербургъ къ повивальному дѣлу (10 мая 1781). Пробывъ тутъ два съ половиною года, Пеккенъ получилъ званіе профессора (6 декабря 1783) и занимался преподаваніемъ разныхъ предметовъ. Затѣмъ лѣтъ черезъ десять онъ сталъ проситься въ какой либо изъ столичныхъ госпиталей, а вмѣсто того назначенъ старшимъ докторомъ рижскаго полеваго госпиталя. Но онъ не согласился ѣхать въ Ригу подалъ въ отставку и былъ уволенъ отъ службы (24 марта 1793) съ абшигомъ. Тотчасъ по увольненіи онъ переѣхалъ въ Москву и основался тамъ на постоянное жительство, увѣряя, что московскій климатъ такъ для него хорошъ, что онъ намѣренъ всю жизнь прожить въ Москвѣ. А чтобы не оставаться безъ дѣла, онъ снова просился на преподавательскую службу и опредѣленъ въ московскій госпиталь, къ преподаванію лекцій патологій и медицинской практики, съ жалованьемъ по 1000 р., на мѣсто профессора Александра Шумлянскаго,

1) Передъ этимъ издана была въ 1765 году *Pharmacopoea Gustrensis, continens tibules et descriptiones medicamentorum in cistis chirurgorum, qui in exercitu Imperiali Rossico stipendia faciunt asservandorum. Auctoritate Collegii Imperialis Medici. Petropoli 1765. Typis Academiae scientiarum.* 8°.

переведеннаго въ повивальному дѣлу (11 ноября 1793). Вскорѣ оба эти профессора, « по своимъ талантамъ, трудолюбію, учености и нѣкоторыми сочиненіями прославившіеся », признаны почетными членами медицинской коллегіи (16 октября 1794). Когда госпитальныя школы въ столицѣ преобразованы и профессорамъ предоставлено избрать себѣ адъюнктовъ, то профессоръ М. Пеккенъ избралъ себѣ въ адъюнкты состоявшаго при московскомъ университетѣ лѣкаря Ефрема Мухина, который и утвержденъ адъюнктомъ (30 сентября 1795). Запасшись этими учебными силами Пеккенъ, по указу медицинской коллегіи 29 января 1797 года, учредилъ въ московскомъ госпиталѣ « постоянную клиническую палату », снабженную нужными принадлежностями, которая и была открыта 10 февраля 1797, подъ управленіемъ Пеккена. На первый разъ профессоръ взялъ себѣ только 10 больныя, и это была первая терапевтическая клиника въ Россіи, организованная по европейскому образцу.

Профессоръ М. Пеккенъ издалъ нѣсколько переводныхъ учебниковъ и популярныхъ лѣчебниковъ, а именно: *Начальныя основанія врачебной науки*. Ч. I. *О лихорадкѣ*. Спб. 1790. *Домашняя аптека*. М. 1801, 8°. *Начальныя основанія хирургіи* Рихтера, Москва, 1811. *О сохраненіи здравія и жизни*. Москва, 3 т. 1812, 8°.

Пелярино Яковъ Дмитріевичъ (Jacob Pelagino) въ одно время съ докторомъ Карбонаріемъ приглашенъ былъ въ русскую службу и повидимому предназначался въ придворные врачи. Въ это время умеръ отецъ его въ Кефалоніи и Пелярино поѣхалъ на родную, откуда не могъ пріѣхать въ Москву до 1690 года. Онъ былъ родомъ грекъ изъ Кефалоніи, родился 9 января 1659 года, учился медициной въ Падуѣ и, получивъ тамъ дипломъ, отправился въ Калдію, а оттуда въ Константинополь, гдѣ и находился шесть лѣтъ въ службѣ. Потомъ поступилъ на службу къ господарю Валахіи князю Сербану Кантакузену въ Буларестѣ и пробывъ тамъ четыре года, наконецъ по приглашенію царей пріѣхалъ въ Россію. Но онъ только два года прожилъ въ Москвѣ и отпущенъ въ Венецію, куда и отправился въ 1692 году, вмѣстѣ съ русскимъ дворяниномъ, а въ послѣдствіи докторомъ П. В. Посниковымъ. Получивъ увольненіе изъ русской службы, Пелярино поѣхалъ въ Левантъ и сдѣлался венеціанскимъ консуломъ въ Смирнѣ и Египтѣ. Остатокъ жизни провелъ онъ въ Венеціи и умеръ въ Падуѣ 18 июня 1718 года. Онъ замѣчательнъ тѣмъ, что старался сдѣлать извѣстною европейцамъ прививную оспу и напечаталъ брошюру объ этомъ подъ заглавіемъ: *Nova et tuta variolas excitandi per transplantationem methodus*. Биографія его у Рихтера, II, 308.

Петалъ а Бриль Демьянъ Дмитріевичъ (Diamantes s. Damianus Demetrii Petala a Bruil), уроженецъ съ острова Фессаліи, учился въ Галле, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Лѣтомъ 1754 года онъ пріѣхалъ съ

братомъ своимъ, тоже галльскаго университета, Иваномъ Петаля а Бриль (Joannes Demetrii Petala a Bryll) и вмѣстѣ экзаминованы были въ медицинской канцеляріи на латинскомъ языкѣ (въ сентябрѣ 1754), въ присутствіи Кондонди, Шрейберомъ, Энсомъ, Лерхе, Унгебауеромъ и Гійонгіосси, причемъ оказались слабы въ анатоміи и въ читаніи Инократовыхъ, Сведенгамовыхъ и Бургавовыхъ книгъ. Однакожъ Діамантъ Петаля 1 октября 1754 года принятъ былъ въ службу и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ генеральный сухопутный спб. госпиталь, а братъ его, за неизвѣніемъ вакансіи, прикомандированъ къ тому же госпиталю, безъ жалованья, но съ позволеніемъ жить съ старшимъ братомъ въ госпиталѣ на казенной квартирѣ и имѣть въ госпиталѣ не болѣе шести больныхъ для лѣченія. Черезъ годъ Демьянъ Петаля переведенъ изъ госпиталя (18 ноября 1755) къ медицинской канцеляріи и назначенъ къ физическимъ дѣламъ, помощникомъ штадт-физику Лерхе. Отсюда онъ скоро назначенъ былъ докторомъ въ морской шляхетный кадетскій корпусъ и умеръ тамъ 10 ноября 1757 года. Онъ оставилъ послѣ себя хорошую сибліотеку, которая по распоряженію Кондонди куплена была для медицинской канцеляріи, всего цѣною на 46 р. 20 коп.

Чтоже касается доктора Ивана Петаля а Бриль, то проведя годъ въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, онъ назначенъ былъ младшимъ докторомъ въ Московскій генеральный госпиталь, но, едва приѣхавъ въ Москву, захворалъ горячкою и умеръ (17 сентября 1755 года).

Петцольдъ (Joh. Ernst August Petzold) изъ Ганновера, учился въ Геттингенѣ три года, гдѣ и получилъ дипломъ, 30 мая 1783 года.

Петцольдъ Дидрихъ Юганпъ, вейзенбергскій уѣздный врачъ, опредѣленъ 23 мая 1797 года и утвержденъ въ этой должности, на мѣсто умершаго 19 апрѣля доктора Шрейера.

Ивсчковъ Данило Яковлевичъ, сынъ священника въ слободѣ Королевой Новоскольскаго вѣдомства, первоначально учился въ Харьковской коллегіи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ московскій госпиталь (16 января 1775 года) и окончилъ курсъ лѣкаремъ (19 сентября 1779 года) съ назначеніемъ въ Воронежское намѣстничество. Вскорѣ послѣ этого поѣхалъ за границу и учился въ Лондонѣ два года, въ Единбургѣ одинъ годъ и нѣсколько времени въ Абердинѣ, гдѣ и получилъ дипломъ (2 августа 1784 года). По возвращеніи на родину экзаминованъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики (1 августа 1785 года), а вмѣстѣ съ тѣмъ, по высочайшему повелѣнію, произведенъ въ титулярные совѣтники и опредѣленъ въ помощь директору домоводства въ спб. губерніи. Но 26 іюля 1790 года уволенъ за болѣзнію отъ службы съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго ассесора. Въ это время онъ перевелъ съ англійскаго «Карманный лѣчебникъ» и получилъ позволеніе напечатать его (15 февраля 1790). Поправившись здоровьемъ, онъ снова поступилъ на службу 23 февраля 1792 и опредѣленъ въ

Смоленское намѣстничество докторомъ. При учрежденіи врачебныхъ управъ назначенъ былъ акушеромъ новороссійской врачебной управы (1 іюня 1797). Состоя въ этой службѣ онъ составилъ *Наставленіе въ пользу поселянъ болѣзнующуюхъ цынотною болѣзнію, оказавшеюся въ разныхъ селеніяхъ Тираспольскаго и Ольвіопольскаго уѣздовъ Новороссійской губерніи* и получилъ благодарность медицинской коллегіи (10 іюня 1798), а мѣстное губернское правленіе разослало экземпляры этого «Наставленія» земскимъ судамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ служба его опять перемѣнилась: по высочайшему повелѣнію онъ вытребованъ былъ въ учрежденную при экспедиціи государственнаго хозяйства опекунства иностранныхъ и сельскаго доводства практическую школу (въ іюнь 1798) и по прошенію уволенъ отъ службы 22 декабря 1793 г. опредѣленъ инспекторомъ Казанской врачебной управы.

Питцерь Іосифъ (Joseph Pitzer), венгерець изъ Кизмартена, учился въ Вѣнѣ и Геттингенѣ шесть лѣтъ и получилъ свидѣтельство объ ученіи, но не дипломъ. Экзаминованъ былъ въ коллегіи (27 іюня 1793 года) и «на задаваемые вопросы изъ хирургіи о глазныхъ болѣзняхъ отвѣтствовалъ частію съ замѣшательствомъ, частію исправно, самой же операціи, въ катарактѣ употребляемой, объяснить не могъ, а способъ внутренняго лѣченія и самыя лѣкарства, въ глазныхъ болѣзняхъ употребляемыя, объяснялъ исправно; изъ анатоміи, физиологіи и повивальнаго искусства твердо и основательно; изъ семіотики нѣсколько мѣшался, а большею частью на важнѣйшіе вопросы отвѣчалъ хорошо; изъ врачебной практики въ наименованіи болѣзни замѣшался сначала, потомъ о причинахъ, прижѣтахъ и способахъ врачеванія отвѣчалъ довольно порядочно и основательно (Ашъ, Тихорскій, Карпинскій и Бюрбергъ). Изъ хирургіи на вопросы отвѣчалъ весьма слабо, да и самъ добровольно признался, что въ оной хирургической части имѣлъ онъ малое упражненіе, то вслѣдствіе сего, доколѣ онъ, Питцерь, не достигнетъ надлежащаго и совершеннаго въ оной части знанія, отправлять въ Россійской имперіи медицинко-хирургическую практикѣу позволить не можно (Я. Саполовичъ)». Но 11 августа 1793 ему дано было докторское званіе съ правомъ практики. Не смотря на то, что Саполовичъ протестовалъ противъ этого особымъ мнѣніемъ, поданнымъ въ тоже засѣданіе.

Планта Іоганнъ Максимиліанъ (Plinta Johann Maximilian) принятъ въ русскую службу 2 декабря 1792 года въ Казанское намѣстничество, откуда переведенъ въ Смоленское намѣстничество (1 марта 1793) и уволенъ для отъѣзда за границу, въ гор. Тешень (1 іюля 1794). Но въ февралѣ 1796 возвратился изъ этого отпуска и по собственному прошенію опредѣленъ на службу въ Архангельскую губернію (11 іюля 1797), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Онъ жилъ въ гор. Пинегѣ и оттуда переведенъ въ архангельскій морской госпиталь (12 іюня 1798) съ жалованьемъ по 306 р. 30 коп. въ годъ.

Плосицкій Іосифъ, докторъ польской службы, по представленію Литовской врачебной управы получилъ право практики въ Россіи 14 января 1799 года.

Поассонье (Poissonnier) именнымъ указомъ 1 іюня 1759 года опредѣленъ лейбъ-медикомъ ко двору съ жалованьемъ 5000 р., которое и выдано ему со времени вступленія въ службу (съ 1 октября 1758 года) изъ соляной конторы, такъ какъ въ статсконторѣ по военнымъ обстоятельствамъ не было лишнихъ денегъ, съ оговоркою однакоже, что со временемъ статсъ-контора возвратитъ эти деньги соляной конторѣ. Вступилъ въ исправленіе должности въ Петергофѣ 4 іюня 1759 года. О дальнѣйшей его службѣ не сохранилось свѣдѣній.

Погорецкій Петръ Ивановичъ, сынъ священника съ польской границы Хвостовскаго повѣта села Черногородка, учился съ 1749 года въ кievской академіи латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и философіи. Оттуда поступилъ ученикомъ въ слб. адмиралтейскій госпиталь (30 сентября 1757 года), черезъ годъ произведенъ по экзамену въ подлѣкари въ тотъ же госпиталь (22 мая 1758), и наконецъ произведенъ лѣкаремъ съ переводомъ въ слб. генеральный госпиталь (13 іюня 1760 года). Весною слѣдующаго года, онъ вмѣстѣ съ другими девятью русскими лѣкарями, съ разрѣшенія медицинской коллегіи, поѣхалъ въ Лейденъ для дальнѣйшаго медицинскаго образованія и съ двойнымъ жалованьемъ изъ штатсъ-конторы (т. е. 360 р. въ годъ), съ данною ему инструкціею, и съ обязательствомъ доносить коллегіи по полугоду о своихъ занятіяхъ и о томъ, какія онъ слушаетъ лекціи. Онъ слушалъ тамъ физиологію у Альбина старшаго по препаратамъ, патологию и химию у Гаубія, матерію медику у фонъ-Розна, экспериментальную физику у Лалемана и приватно геометрію, съ тригонометріею и ботанику. Наблюдалъ за ними русскій полномочный министръ тайный совѣтникъ Гроссъ. Возвратился въ Петербургъ въ сентябрѣ 1765 года и по экзамену въ коллегію получилъ право практики, принять въ службу и опредѣленъ въ Московскій генеральный госпиталь (въ октябрѣ 1765) для обученія подлѣкарей и учениковъ, съ жалованьемъ по 400 р. и квартирными деньгами по 100 р. въ годъ.

Прибывъ въ Москву и ознакомившись съ учебными порядками въ госпиталѣ, Погорецкій послалъ въ медицинскую коллегію слѣдующій репортъ отъ 5 декабря 1765 года о московскомъ госпиталѣ:

«По прибытіи моемъ въ Москву, въ какомъ состояніи нашель я ученія и учащихся въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ и какія мѣры приняль къ споспѣшествованію общей пользы, о томъ слѣдующими пунктами представляю:

1. Подлѣкари и лѣкарскіе ученики изъ русскихъ всѣ, а изъ нѣмцевъ шесть изрядно знаютъ латыни и желаютъ слушать лекціи на латинскомъ языкѣ; нѣсколько же человекъ изъ прочихъ учениковъ и подлѣкарей нѣмцовъ не токъмо по латыни, нлже порусски довольно разумѣютъ.

2. И для того г. штабъ-лѣкаръ Энгель анатомическія и хирургическія свои лекціи какъ прежде преподавалъ, однимъ на латинскомъ, а другимъ на нѣмецкомъ языкахъ въ одно время, такъ и нынѣ продолжать желаетъ.

3. Медицинской практикѣ ихъ, подлѣварей и учениковъ, до нынѣ никто не обучалъ. Ежели медицинской коллегіи покажется угодно, я сію часть только вать принимаю на себя и слѣдовать стану по руководству г. Шрейбера, а именно для знающихъ латинскій языкъ по собственному его латинскому переводу съ прибавленіемъ новаго его же «сочиненія о болѣзняхъ женскихъ и дѣтскихъ», а для незнающихъ онаго языка потребно будетъ роздать того же автора изданіе нѣмецкое, дабы, когда латинскую лекцію повторять буду на діалектѣ русскомъ, что ни есть могли профитовать и сіи послѣдніи. Помянутаго прибавленія манускриптъ нѣмецкій находится у г. главнаго доктора Даля и въ пользу охотникамъ обѣщанъ.

4. Сверхъ того, буде государственная медицинская коллегія за нужное и полезное признаетъ, желательнo еще присовокупить къ практикѣ и матерію медико-хирургическую, систематическимъ образомъ преподаваемую, краткую и не гораздо дорогую; токмо къ изъясненію оной требуются *specimina*, такъ *simplicia*, какъ и *composita pharmaceutica*, такожь для случающихся притомъ экспериментовъ *menstrua chemica* и проч. Всѣ сіи вещи по послѣдующей отъ меня росписи отуискать откуда оная коллегія повелитъ. Къ достиженію моего предмета авторъ мнѣ будетъ г. фанъ-Рознь въ своемъ манускриптѣ, или г. Кранцъ, ежели медицинская коллегія пожелаетъ выписать довольно число экземпляровъ. Въ лѣтнее же и вакаціальное время къ показанію ботаники оффиціальной главный докторъ обѣщалъ въ госпитальномъ огородѣ мѣсто, а г. аптекаръ Рунге сѣмена и свое къ ихъ разсаживанію стараніе.

5. Ученіе физиологіи и патологіи предается на разсужденіе оной медицинской коллегіи.

6. Для облегченія трудовъ оператору Энгелю въ препарацияхъ его на публичную демонстрацію и для всегдашняго въ сумнѣльствахъ указанія желающимъ упражняться во анатоміи подлѣварямъ и ученикамъ самоперсонально, надобно бы изъ тѣхъ учениковъ либо подлѣварей одного или двухъ выбрать въ прозекторы и ихъ заблаговременно наставить, съ тѣмъ однако, чтобъ такихъ людей нѣкоторымъ увольненіемъ отъ госпитальныхъ должностей равному доктору и штабъ-лѣкарю, а медицинской коллегіи оуж командированья увѣрить. А какая польза изъ того вослѣдовать имѣеть—медицинской коллегіи не безызвѣстно.

7. Лѣкарскаго полковаго ящика инструментовъ для училищнаго мѣста, каково здѣсь, весьма недовольно, и справедливо кажется, чтобъ гдѣ намѣре-

ніе есть воспитывать юношество въ обстоятельныхъ и твердыхъ того искусства основаніяхъ, тамъ содержать полное *argumentarium chirurgicum* или если того сдѣлать невозможно, такъ по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ удовъ хирургіи по набору инструментовъ разнаго фасона и разному методу приличныхъ, особливо же новаго изобрѣтенія, либо и стараго, да поправленнаго, имѣть нужно. И такимъ способомъ не токмо учащійся о своихъ орудіяхъ и ихъ употребленія хорошее понятіе получить, но и въ случаѣ стариннымъ передъ новозобрѣтенными и новозобрѣтеннымъ или поправленнымъ передъ старинными преимущество отдать въ состояніи будетъ.

8. Число учениковъ русскихъ, въ разсужденіи числа учениковъ нѣмцовъ, весьма малое; чего ради оной коллегіи съ почтеніемъ моимъ смѣю припомнить, дабы состоящіе нынѣ дѣйствительно въ томъ госпиталѣ многія порожнія ученическія мѣста благоволила укомплектовать людьми, которымъ бы въ госпитальномъ латинскомъ мастерѣ больше уже никакой не было нужды.

9. Между прочимъ примѣчено мною, что у учениковъ и подлѣкарей потребныхъ къ ихъ званію книгъ, кромѣ бургавовыхъ афоризмовъ и матеріи медицинской, другихъ почти никакихъ не находится. Медицинская контора, которая прежде запасаема была экземплярами разныхъ книгъ для раздачи охотникамъ (вычитая за оныя деньги у каждаго по третямъ года), нынѣ не имѣетъ и самую пужайшю изъ нихъ книгу, каковы Гейстеровы хирургическія наставленія, а заведенная г. д-ромъ Щепинымъ бібліотека для общаго употребленія тѣхъ людей хотя и возвращена будетъ помянутою медицинскою конторою по прежнему въ госпиталь, только ученики, а паче подлѣкари овою такъ долго пользоваться могутъ, покажѣтъ останутся при госпиталѣ, а какъ скоро ихъ опредѣлятъ въ другое мѣсто, то они, отдавъ обратно забранныя изъ той бібліотеки книги, выѣзжаютъ изъ госпиталя часто не имѣя при себѣ никакой: того ради медицинскою коллегіи сямъ покорнѣйше представляю, не соблаговолятъ ли, для удовольствованія ихъ и для избѣжанія имъ чрезъ то дальней въ практикѣ нужды, выписать по нѣсколько экземпляровъ изъ слѣдующихъ обозначаемыхъ здѣсь книгъ •.

Баронъ А. И. Черкасовъ поручилъ члену коллегіи Пеккену разсмотрѣть это донесеніе и дать объ немъ свое мнѣніе, который и далъ его по пунктамъ на нѣмецкомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ (21 декабря 1765 года).

Прижъняясь къ этому мнѣнію Пеккена, медицинская коллегія постановила увѣдомить Погорецкаго (однакоже по неизвѣстной причинѣ не увѣдомила), что

1. онъ долженъ обучать въ московскомъ госпиталѣ медицинской практикѣ (*praxis medica*) на латинскомъ языкѣ и къ сему «*Compendium*» надворнаго совѣтника Шрейбера взять за основаніе. Медицинская коллегія будетъ стараться, чтобы изготовленный г. Шрейберомъ на латинскомъ языкѣ пере-

воду былъ напечатанъ, ежели только докторъ Погорецкій пришлетъ четко и исправно переписанный экземпляръ.

2. Чтобы г. д-ръ Погорецкій *materiam medicam* читалъ по Бранцову сокращенію, а нужныя для показанія простыя и сложныя лѣкарства отпускаемы быть имѣютъ по его требованію изъ московской главной аптеки, о чемъ распоряженіе сдѣлано

3. О наставленіи въ фізіологіи и патологіи медицинская коллегія учинить впредь распоряженіе.

4. Что касается до прозектора, то сіе уже учинено: лѣкаръ Михайловскій помѣщаетъ прозекторовъ.

5. Коллегія стараться будетъ, чтобы заведенъ былъ *agamentarium chirurgicum* и г. д-ру Погорецкому довольно число учениковъ изъ малороссійскихъ прислано будетъ; а чтобы нѣмецкіе ученики, находящіеся нынѣ при госпиталѣ, не были праздно, то поручить доктору Вишофу, чтобы читалъ имъ практику и *materiam medicam* на нѣмецкомъ языкѣ по Бургааву.

6. Въ разсужденіе требуемыхъ книгъ медицинская коллегія требуетъ, чтобы докторъ Погорецкій объяснилъ обстоятельнѣе, къ чему оныя ему потребны, для библіотеки ль, или для продажи подлѣкарямъ и ученикамъ.

И такъ ни мнѣніе д-ра Пеккена, ни основанное на немъ постановленіе коллегіи не было объявлено Погорецкому и онъ очень опечаленъ былъ безучастіемъ коллегіи къ его представленіямъ. Только замѣтно было нерасположеніе къ нему коллегіи. Въ то же время ему дѣлали непріятности госпитальныя его сослуживцы и вообще госпитальное начальство. Онъ затронулъ нѣмцовъ и это не прошло ему даромъ. На рапорты его не отвѣчали. Старшій докторъ К. Даль и операторъ Энгель мѣшали его учебнымъ занятіямъ, разылая учениковъ по госпитальнымъ должностямъ, когда онъ хотѣлъ показывать имъ растенія. А всего больше огорчало его неимѣніе печатныхъ учебниковъ. Онъ писалъ объ этомъ коллегіи, но не получилъ никакого отвѣта. Онъ просилъ позволенія напечатать учебникъ Шрейбера, но не получилъ его и потому напечаталъ безъ позволенія, а въ предисловіи сказалъ нѣсколько не очень лестныхъ словъ о высшихъ госпитальныхъ чинахъ, не называя впрочемъ ихъ по именамъ. Это разсердило медицинскую коллегію и она сдѣлала распоряженіе отобрать у автора всѣ экземпляры предисловія и подвергнуть уничтоженію: но распоряженіе это опоздало и не могло быть исполнено. Тогда коллегія, чтобы наказать Погорецкаго, перечислила его въ Сибирскій корпусъ на службу. Но Погорецкій отказался ѣхать въ Сибирь, отвѣчая, что не для того онъ учился, чтобы жить въ Сибири, а потому и желаетъ остаться учителемъ въ госпитальной школѣ, хотя бы и не давали ему казеннаго жалованья. Это послушаніе еще болѣе раздражило медицинскую коллегію и она вызвала его въ Петербургъ съ цѣлью предать его суду, арестованнымъ. При такомъ оборотѣ дѣла онъ соглашался уже ѣхать въ Сибирь.

скій корпусъ, но коллегія не приняла его оправданій и когда онъ, послѣ того, подалъ въ отставку, то она не выпускала его изъ своихъ рукъ до тѣхъ поръ, пока послѣдовалъ именной указъ объ увольненіи его отъ службы съ выдачею ему жалованья, которое онъ получалъ, по самый день отставки (4 іюня 1769 года).

Полетика Иванъ Андреевичъ, надворный совѣтникъ, родился въ Ромнахъ, въ Малороссіи, и первоначально 9 лѣтъ учился humaniora, а также греческому и латинскому языкамъ въ Кіевской академіи. Оттуда онъ поѣхалъ въ чужіе края учиться медицинѣ, какъ это видно изъ того, что въ ноябрѣ 1750 года онъ подалъ въ С.-Петербургъ прошеніе въ медицинскую канцелярію, въ которомъ говоритъ, что онъ былъ въ Голштиніи, въ горъ Киль, 4 года учился медицинѣ въ тамошней академіи, въ чемъ и представилъ подлинное свидѣтельство), «но означенною наукою недоволенъ и для большаго утвержденія въ той наукѣ проситъ принять его въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь слушать медицинскіе лекціоны на своемъ коштѣ, но на казенной квартирѣ». Просьба его была уважена и 31 декабря 1750 года онъ принятъ въ госпиталь подлѣкаремъ. Однакожъ здѣшнимъ ученіемъ онъ еще меньше былъ доволенъ, чѣмъ кильскимъ, и потому не прошло года, какъ онъ опять уѣхалъ за границу и началъ учиться сперва въ кильскомъ, а потомъ въ лейденскомъ университетахъ. На этотъ разъ ученіе шло хорошо и въ 1754 году 27 іюня онъ получилъ въ Лейденѣ докторскій дипломъ, напечатать и защитивъ публично диссертацию *De morbis haereditariis*. Но получивъ дипломъ, онъ не тотчасъ возвратился въ Россію, можетъ быть потому, что не зналъ еще о смерти стоявшаго при его отъѣздѣ во главѣ медицинскаго управленія въ Россіи Г. К. Бургаава, вообще не любившаго русскихъ, а еще менѣе любившаго русскихъ образованныхъ и ученыхъ. Раздумывая о своемъ положеніи, онъ отправился изъ Лейдена въ Киль и тамъ удостоился чести, какой вѣроятно и не предвидѣлъ: въ томъ же 1754 году Кильская медицинская академія избрала его въ свои профессора и это избраніе утверждено было герцогомъ шлезвигъ-голштейнскимъ и наследникомъ русскаго престола великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ (который въ послѣдствіи назывался императоромъ Петромъ III). И такъ И. А. Полетикѣ досталась честь первому изъ русскихъ быть профессоромъ въ иностранномъ университетѣ. Два года занималъ онъ тамъ профессорскую кафедру, но потомъ, соскучившись по родинѣ, началъ просить объ увольненіи для возвращенія въ Россію и получилъ его, причемъ данъ ему абшитъ, подписанный 8 іюня 1756 года самимъ герцогомъ Петромъ и скрѣпленный фонъ-Пехлиномъ¹⁾. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ не былъ подвергнутъ экзамену на

¹⁾ Копія этой бумаги на нѣмецкомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ нахо-

право практики, потому что хотя прїѣхалъ и не по вызову (сказано въ указѣ медицинской канцеляріи 12 августа 1756 года), но какъ природный русскій, а не чужестранецъ, при чемъ къ славѣ отечества, по прилежанію въ наукахъ сверхъ докторской степени удостоился и произошелъ въ чинъ профессора, которымъ, какъ въ данномъ ему отъ Е. И. В. благовѣрнаго государя великаго князя Петра Теодоровича абшитѣ точно объявлено «въ Голштиніи при академіи Кильской дѣйствительно назодился». Однакоже такъ какъ экзамень установленъ былъ закономъ, котораго обойдти нельзя, то Кондонди придумалъ сдѣлать въ медицинской канцеляріи съ прїѣзжшм профессоромъ и докторомъ ученый разговоръ о медицинѣ и ея частяхъ. Разговоръ должны были вести съ нимъ профессоръ Шрейберъ и докторъ морскаго флота Синопеусъ въ присутствіи самого Кондонди. Онъ происходилъ 11 сентября 1756 г., послѣ чего тотчасъ же подписанъ одобрителный аттестатъ и Полетикѣ дано право практики въ имперіи, съ назначеніемъ младшимъ докторомъ въ генеральный сухопутный с.-петербургскій госпиталь, причемъ въ указѣ онъ названъ, какъ и съ самаго прїѣзда всегда назывался, «докторомъ и профессоромъ», а черезъ три недѣли послѣ того назначенъ старшимъ докторомъ того же госпиталя, съ жалов. 600 р., казенною квартирою и 4 денщиками, на мѣсто Унгебауера. Онъ первый изъ природныхъ русскихъ получилъ въ управленіе большой госпиталь ¹⁾).

Докторъ И. А. Полетика ²⁾ управлялъ госпиталемъ по „Регламенту“, т. е. совѣщалъ въ себѣ все управленіе госпиталя; что и соответствовало его личному характеру. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это поддерживало и питало дурныя стороны характера. Онъ былъ крайне самолюбивъ, заносчивъ, вспыльчивъ и упрямъ, а въ слѣдствіе этого и неуживчивъ. Эти черты характера поссорили его на первыхъ же порахъ съ военнымъ инспекторомъ госпиталя, генераль-лей-

дится въ дѣлахъ медицинской канцеляріи. Тамъ же находятся и всѣ приведенныя здѣсь подробности о Полетикѣ.

¹⁾ Въ генеральномъ с.-петербургскомъ сухопутномъ (нынѣ клиническомъ военномъ) госпиталѣ до настоящаго времени существуютъ два памятника заботливости Полетика объ этомъ госпиталѣ, а именно по его старанію построены были 7 деревянныхъ барачныхъ корпусовъ во 2 отдѣленіи госпиталя, занятые въ концѣ 1759 года, и большой ботанической садъ вокругъ госпиталя съ большимъ прудомъ и аллеями, насаженный (1758) по его заботливости. Садъ этотъ существуетъ и нынѣ между медико-хирургическою академіею, клиническимъ госпиталемъ и Вильевскою больницею.

²⁾ Въ медицинской службѣ того времени былъ еще другой Полетика, Тимофей Ивановичъ, сынъ значковаго товарища малороссійскаго Лубенскаго полка, родившійся въ Ромнахъ и учившійся до реторики въ семинаріи Троицко-Сергіевской лавры: но онъ только 18 октября 1757 года вступилъ въ с.-петербургскій генеральный госпиталь лѣкарскимъ ученикомъ.

тенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ, и вызвали неприятную переписку двухъ коллегій (военной и медицинской). Положимъ, генераль былъ неправъ: но мирное и спокойное разъясненіе взаимныхъ отношеній ихъ было бы лучше открытой и заносчивой ссоры ¹⁾. Впрочемъ Полетика трудно уживался и съ ближайшими своими сослуживцами. Помощникомъ ему въ управленіи госпиталемъ служилъ главный лѣкарь Степанъ Венечанскій, съ которымъ онъ также безпрестанно ссорился. Полетика былъ заносчивъ съ нимъ, а Венечанскій упрямъ, какъ настоящій малороссъ, и крайне непокорень въ правотѣ своей. Ссоры были чуть не ежедневныя, горячія и явно нарушали спокойный ходъ дѣлъ въ госпиталѣ. Онѣ доходили до директора медицинской канцеляріи и Кондовиди не разъ мирили ихъ, но напоследѣдокъ усилія его тратились по напрасну и онъ убѣдился, что эти два лица не могутъ ни жить ни уживаться въ одномъ мѣстѣ Кондовиди жалѣлъ Полетику, какъ ученаго и способнаго профессора въ госпитальной школѣ; но и непрерывныя ссоры главныхъ госпитальныхъ администраторовъ не могли быть терпимы. По этому, постановленіемъ 31 декабря 1759 года, Полетика переведенъ дивизионнымъ докторомъ въ С.-Петербургскую дивизию генераль-аншефа графа Ал. Ив. Шувалова, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщ.; а на его мѣсто въ госпиталь—дивизионный докторъ сиб. дивизіи Христіанъ Пеккенъ, съ жалованьемъ по 600 р. да изъ воинскихъ суммъ по 200 рублей (по указу 29 марта 1755 года). Главный лѣкарь Венечанскій оставленъ на его мѣстѣ, по съ подтвержденіемъ, «чтобы онъ былъ почтителенъ къ Пеккену, какъ главному своему начальнику».

Полетикѣ не нравилась служба въ дивизіи и онъ сталъ проситься въ Васильковскій карантинъ. Съ другой стороны докторъ Лерхе, ненавидѣвшій всѣхъ русскихъ и Полетику въ особенности, какъ русскаго, ученаго и правдиваго чловѣка, чрезвычайно обрадовался средству удалить его изъ Петербурга, куда нибудь подальше, и немедленно перевелъ его карантиннымъ докторомъ (октября 1763) на мѣсто доктора Ломана. Уѣзжая туда (въ ноябрѣ 1763), Полетика подалъ прошеніе о прибавкѣ жалованья, ссылаясь на трудности новой своей службы, къ которой вѣроятно и мало охотниковъ найдется. Лерхе представилъ дѣло серьезно правительствующему сенату, который и разрѣшилъ прибавку 200 рублей къ жалованью, изъ неокладныхъ доходовъ статсъ-конторы.

Едва прошелъ годъ со времени прибытія Полетики въ Васильковъ, какъ на него послѣдовалъ доносъ. Въ октябрѣ 1764 года барону А. И. Черкасову, президенту медицинской коллегіи, показано было партикулярное письмо изъ

¹⁾ См. мои «Очерки изъ исторіи медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія 1850». *Госпитальный споръ въ 1757 году*, стр. 220.

Кіева, въ которомъ находились слѣдующія строки: «Всѣ ли души такъ порчены и лакомство въ нихъ такъ застарѣло и вкоренилось, что весьма трудно истребить: каждый по великости своего чина и должности пользуется, даже и медицинскаго факультета сочлены того здѣсь не оставляють. Въ Васильковѣ присланный для карантина докторъ г. Полетика, получающій 700 р жалованья. съ каждого проѣзжающаго съ возомъ по 3 коп. по сіе время собиралъ. А какъ нынѣ его превосходительству, Ивану Федоровичу Глѣбову, о томъ сказано было, то бѣдный сей медикъ къ великому своему неудовольствію лишился сей акциденціи, и болѣе еще всего, къ вящему стыду и горести, по ордеру его превосходительства, принужденъ былъ и собранный свой оброкъ тѣмъ мужичкамъ отдать назадъ».

Баронъ Черкасовъ написалъ объ этомъ кіевскому генераль-губернатору генераль-аншефу И. Ф. Глѣбову (15 октября 1764), прося прислать копію съ дѣла объ этомъ предметѣ и съ его собственнаго по нему ордера, а въ тоже время потребовалъ отчета и отъ Полетики.

Отъ нихъ получено слѣдующее увѣдомленіе:

«24 іюня тогоже года чрезъ таможенію проѣхало нѣсколько крестьянъ изъ польскаго села Харлѣвки съ 37 воловыми подводами съ солью и съ нихъ усиленъ въ карантинѣ взято карантинщикомъ Зафиромъ Афінасьевымъ денегъ 3 р., да соли по 20 ступокъ съ каждаго воза; караульнымъ солдатомъ съ товарищами взято соли съ каждаго воза по 3 ступки, да въ Васильковѣ докторомъ съ каждаго воза соли по 15 ступокъ, да деньгами по 12 копѣекъ. Объ этомъ дошло до кіевской губернской канцеляріи и губернаторъ Глѣбовъ, на томъ основаніи, что въ высочайше утвержденномъ Наставленіи губернаторамъ» 21 апрѣля 1764, въ 4 пунктѣ сказано, что губернаторъ обязанъ смотрѣть не дремлющимъ окомъ, «чтобы правосудіе и истина во всѣхъ судебныхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ обитали и чтобы ни знакомство вельможъ, ни сила богатыхъ совѣсти и правды помрачать, а бѣдность вдовъ и сиротъ, тщетно проливая слезы, въ дѣлахъ справедливыхъ утѣснена не была»; а въ 5 пунктѣ: «хотя о душевредномъ лихоимствѣ и гнусныхъ взяткахъ многими строжайшими указами обнародовано и Е. И. В. особливо пшиѣ надѣется, что всѣ Е. И. В. вѣрноподанные, чувствуя материнское опредѣленіемъ достаточнаго имъ жалованья милосердіе, не прикоснутся къ столь мерзкому лакомству, пріятному только для однихъ подлыхъ и неасытныхъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ; однако еслибы въ которой губерніи паче чаянія таковой врагъ отечества и явился, то по прямомъ изобличеніи въ маломъ ли или въ великомъ лихоимствѣ, можетъ его губернаторъ не только немедленно лишить мѣста, но и при своемъ доношеніи отослать къ должному сужденію въ юстицію». И такъ, на этомъ основаніи, Глѣбовъ велѣлъ дѣло розыскать и взятую соль и деньги мужичкамъ возвратить, что и исполнено. При слѣдствіи оказалось, что Полетики не было дома, когда взята эта взятка, и взялъ ее писарь

его Михайло Усковъ. Когда Полетика узналъ о томъ, возвратившись домой, онъ велѣлъ Ускову тотчасъ возвратить мужикамъ и соль и деньги, но они будтобы не взяли, сказавъ, что за честь себѣ считаютъ, что писарь взялъ это отъ нихъ. Только Полетика соль у него оставилъ ¹⁾, а на деньги (4 р. 4 ¹ коп.) велѣлъ купить для канцеляріи бумаги, сургуча и перьевъ.

При слѣдствіи всѣ сознались, что они взяли все какъ показано, и у всѣхъ у нихъ отобрано все. Кромя того съ карантинщика Зафира Афанасьева взяли штрафу въ казну вдвое противъ его взятки, а писаря Ускова разжаловали въ солдаты и предъ цѣлой командой наказали батогами. Усковъ оправдывался тѣмъ, что съ проѣзжихъ всегда брали что нибудь; такъ уже было заведено; и даже разрѣшено указомъ кievской губернской канцеляріи 24 апрѣля 1753 г. брать съ проѣзжающихъ на богомолье всякаго званія людей на бумагу для аттестатовъ; а потомъ былъ другой указъ 17 мая 1764 года, запрещавшій брать съ проѣзжающихъ изъ Польши, и особенно съ возовъ съ хлѣбомъ и съ богомольцевъ, проходящихъ для богомолья въ Кіевъ ²⁾; онъ такъ и понималъ, что съ возовъ съ хлѣбомъ брать нельзя, а съ возовъ съ солью можно. Полетика въ донесеніи своемъ написалъ почти тоже самое, а именно, что онъ вступилъ въ должность при карантинѣ только въ мартѣ 1764 года и увидѣлъ, что по введенному здѣсь предмѣстниками моими, докторами Ломаномъ и Никою, обычаю, собираемо было на канцелярскіе расходы, т. е. на покупку пасчей бумаги, сургуча, чернилъ и въ зимнее время дровъ на топленіе того покоя, гдѣ канцелярскія дѣла отправляются, съ каждаго проѣзжающаго воза по 3 коп., подобно какъ и въ другихъ командахъ чинилось, о чемъ было почти всякому извѣстно • и что онъ прекратилъ это въ исполненіе указа 17 мая 1764 года; только писаря, какъ видно, вдругъ отучить было невозможно. Въ заключеніе онъ просилъ отпускать какую либо сумму на канцелярскіе расходы, безъ которыхъ обойтись невозможно.

Полетика зналъ, что въ Петербургѣ у него больше враговъ, чѣмъ друзей и потому, бросивъ все, пріѣхалъ въ Петербургъ (26 января 1766) и явился въ медицинскую коллегію. Тутъ онъ объяснилъ, какъ велась дѣла въ карантинѣ, чтобы выказать свою невиновность во взяточничествѣ (потому что баронъ Черкасовъ считалъ его виновнымъ, хотя и не имѣлъ на то положительныхъ доказательствъ). Ему дали три вопроса, на которые онъ и отвѣтилъ:

Вопросъ первый. Упомянется объ указѣ 24 апрѣля 1753 года, кото-

¹⁾ Соль считалась тогда по Васильковскимъ цѣнамъ по 5 ступокъ на копейку, итого на 1 р. 11 коп.

²⁾ По карантинному контракту содержатель карантиннаго дома долженъ былъ брать съ каждаго челоуѣка по копейкѣ въ сутки, а съ лошади или вола по деньгѣ въ сутки.

рымъ позволено брать деньги съ поступающихъ въ карантинъ, но не сказано по скольку, а говорятъ будто позволено брать по 3 коп., между тѣмъ какъ Усковъ взялъ по 12 коп.

Отвѣтъ. Въ указѣ не сказано точно, поскольку брать съ воза и съ какими товарами и продуктами съ возовъ брать; а по заведенному съ давнихъ лѣтъ отъ докторовъ обыкновенію собираемо было отъ разныхъ провозимыхъ товаровъ и продуктовъ различно, а именно отъ проѣзжающихъ съ хлѣбомъ по 3 коп., съ солью по 12 коп. и по 15 ступокъ соли, съ брусемъ и дегтемъ по 7 коп. съ воза, а съ ившихъ по копейкѣ; что такимъ-же образомъ и отъ другихъ стоящихъ на форпостахъ чиновъ, какъ-то отъ штабъ-офицеровъ и подчиненныхъ ихъ и отъ таможенныхъ служителей больше или меньше собираемо было. А если говорятъ, что обыкновенно по 3 коп. берутъ съ воза, то это развѣ потому, что возы съ хлѣбомъ чаще бываютъ, чѣмъ съ другими товарами.

Всего ему было предложено три вопроса. Послѣдніе два касались подробностей дѣла; напримѣръ почему онъ — зналъ что Усковъ взялъ — и не донесъ, а велѣлъ ему купить бумаги на взятые деньги, а потомъ — значить по требованію губернатора — заплатилъ свои: отъ чего прямо не отправилъ ихъ въ губернскую канцелярію?

Объясненіе это прочитано было въ медицинской коллегіи, которая и постановила, что оно совершенно оправдываетъ Полетику. Но чтобы удостовѣриться въ справедливости показаній его и не противорѣчать ли они тѣмъ показаніямъ, которыя сдѣланы въ Кіевѣ при производствѣ дѣла, послать копію съ нихъ генералу Глѣбову и просить его свѣрить нынѣшнія показанія Полетика съ его-же показаніями находящимися при дѣлѣ, а также дать и свое мнѣніе.

Президентъ медицинской коллегіи баронъ Черкасовъ на это не согласился. Онъ говорилъ, что Полетика очевидно виноватъ, но вывертывается, а потому никакія справки ненужны и Полетику просто надобно удалить отъ этого мѣста и за штрафъ назначить докторомъ въ Сибирскій корпусъ, на мѣсто переведеннаго оттуда Рейхарта, а на его мѣсто назначить въ Васильевскому карантину доктора Генриха Людольфа Гармеса. Такъ и составлено было коллежское постановленіе: но члены коллегіи не подписали его. Полетика также подалъ прошеніе, чтобы его не переводили, потому что онъ и такъ уже пострадалъ отъ частыхъ переводовъ съ мѣста на мѣсто, а главное чтобы не переводили его въ видѣ штрафа, котораго онъ не заслуживаетъ. Прошеніе это не принесло однакоже никакой пользы и не улучшило дѣла.

Споръ общалъ сдѣлаться нескончаемымъ, Баронъ Черкасовъ стоялъ на своемъ, а коллегія не хотѣла согласиться съ нимъ. Полетика между тѣмъ жилъ и проживался въ Петербургѣ, не получая жалованья. Наконецъ тяготясь своимъ положеніемъ, онъ рѣшился на отчаянную мѣру и подалъ прошеніе въ кабинетъ императрицы, чрезъ члена кабинета д. с. с. Ивана Пер-

фильевича Елагина, и затѣмъ пришелъ въ коллегію и публично высказалъ протестъ противъ президента коллегіи, обвиняя его въ пристрастіи и прося вовсе отстранить его отъ сужденія по этому дѣлу. Вотъ этотъ любопытный протестъ: «1766 года октября 26 дня докторъ Иванъ Полетика въ собраніи государственной медицинской коллегіи объявилъ, что по производящемуся въ оной коллегіи объ немъ, Полетикѣ, дѣлу въ учиненныхъ якобы имъ, Полетикою, взяткахъ, имѣеть на Е. И. В. дѣйствительнаго камергера и той же коллегіи президента, барона Александра Ивановича Черкасова, подозрѣніе и что о чинимыхъ отъ его превосходительства, г. президента, ему притѣсненіяхъ подалъ Е. И. В. чрезъ его превосходительство, г. д. с. с. Ивана Перфильевича Елагина, минувшаго іюля 26 числа сего года онъ Полетика прошеніе; тогобы для оному г. президенту барону А. И. Черкасову, въ медицинской коллегіи при собраніи гг. оной коллегіи членовъ, по означенному дѣлу не имѣть никакого голоса. Къ сему докторъ Иванъ Полетика руку приложилъ». Выслушавъ этотъ протестъ, коллегія послала къ Елагину формальный вопросъ: дѣйствительноли Полетика подалъ чрезъ него прошеніе императрицѣ, и тотъ отвѣчалъ, что это дѣйствительно такъ; тогда президентъ устранилъ себя отъ сужденія по дѣлу, и объявилъ, что другаго средства не остается, какъ представить императрицѣ экстрактъ изъ дѣла и предоставить на ея благоусмотрѣніе, что онъ и сдѣлаеть съ приложеніемъ своего мнѣнія. Тоже сдѣлала и коллегія, представивъ императрицѣ свой экстрактъ изъ дѣла и съ своимъ мнѣніемъ. Императрица приняла оба экстракта и на томъ, который представленъ былъ членами коллегіи, написала собственноручно: *«Когда дѣло идетъ о чести человека обвиняемаго, тогда ничего пропускать не надобно къ изысканію правды и для того быть по мнѣнію коллежскому».*

«Екатерина» Октября 16 дня 1766 года.

По этой резолюціи и посланъ былъ въ Кіевъ запросъ, на которомъ настаивала коллегія.

Изъ Кіева между тѣмъ пришло извѣстіе, что показанія Полетики совершенно одинаковы съ тѣми, какія онъ дѣлалъ на мѣстѣ и въ доказательство присланъ цѣлый экстрактъ изъ военносуднаго дѣла. Кіевскій оберъ-комендантъ Яковъ Ельчапниковъ прибавлялъ къ этому, что наряженною въ Кіевъ военносудною комиссіею Полетика совершенно былъ оправданъ, а Усковъ обвиненъ и что этого дѣла снова и поднимать не стоитъ. Въ слѣдствіе этого медицинская коллегія постановила, 25 января 1767 года, чтобы д-ръ Гармесь ѣхалъ въ Сибирь, докторомъ Сибирскаго корпуса, а Полетика возвратился на свое мѣсто къ карантину, и въ то же время поднесла докладъ императрицѣ объ его оправданіи.

Но Полетикѣ этого было мало. Ему пужпо еще было выхлопотать невыданное за все время проволочки дѣла жалованье, за 13 мѣсяцевъ, а для этого необходимо было ѣхать въ Москву (гдѣ былъ дворъ) и ожидать рѣшенія им-

ператрицы по его прошенію. Онъ уже не боялся отказа въ билетѣ, потому что по нуждѣ уѣхалъ бы и безъ билета. Однакоже онъ поступилъ правильно и открыто и написалъ медицинскій коллегіи, что «имѣеть надобность ѣхать въ Москву для испрошенія резолюціи Е. И. В. по поданному на президента коллегіи прошенію» и паспортъ тотчасъ же былъ выданъ. Туда же поѣхалъ и баронъ Черкасовъ. Обстоятельства были впрочемъ такъ благоприятны, что Полетикѣ нечего было бояться отказа. И дѣйствительно черезъ три мѣсяца состоялся слѣдующій именной указъ:

«Въ Медицинскую Коллегію.

На поднесенный намъ докладъ отъ членовъ коллегіи о докторѣ Полетикѣ, повелѣваемъ онаго доктора Полетика, яко оказавшагося по учиненному надъ нимъ слѣдствію во взяткахъ невиннымъ, по прежнему докторомъ карантиннымъ при Васильковскомъ форпостѣ опредѣлить и удержанное у него за тринадцать мѣсяцевъ выдать сполна изъ суммы коллегіи медицинскій, а президентъ имѣеть подать намъ свой отвѣтъ о томъ. Что же касается секретарямъ и прочимъ служителямъ коллегіи отъ президента ли одного или отъ всей коллегіи зависѣть и одинъ ли президентъ долженъ имѣть власть безъ согласія членовъ наказывать медицинскихъ и другихъ коллегіи принадлежащихъ служителей, о томъ довольно изъяснено въ Регламентѣ Генеральномъ, въ 25 и 54 главахъ, въ согласіе котораго и въ инструкціи коллежской въ 4 пунктѣ отъ насъ дано коллегіи знать. Апрѣля 23 дня 1767 года.

Екатерина».

И такъ Полетика получилъ полное удовлетвореніе. Съ своей стороны и баронъ Черкасовъ представилъ императрицѣ свои объясненія, но какія — неизвестно. Объ нихъ можно только догадываться, судя по выше приведенному указу. Очевидно, что президентъ коллегіи требовалъ себѣ безусловной административной власти надъ всѣми членами коллегіи и надъ всею коллегіею, но императрица не согласилась на это, и даже потребовала лично отъ него отвѣта по дѣлу Полетика. Баронъ Черкасовъ общѣлся такимъ исходомъ дѣла и потому, едва прошло три дня какъ, состоялся другой указъ слѣдующаго содержанія:

«Въ Медицинскую Коллегію.

По принесенному намъ всеподданнѣйшему изъясненію отъ президента коллегіи барона Черкасова о дѣлѣ доктора Полетика мы нашли, что онъ, баронъ Черкасовъ, не подлежитъ никакому отвѣту и для того въ томъ нашемъ отъ 23 сего мѣсяца указѣ рѣчь о подачѣ намъ отвѣта уничтожаемъ. *А въ прочемъ указу прежнему быть во всей силѣ*¹⁾. Апрѣля 26 дня 1767 года, въ Москвѣ.

Екатерина».

¹⁾ Въ подлинникѣ подчеркнутые слова приписаны собственною рукою императрицы.

И. А. Полетика умеръ въ Васильковѣ, 22 апрѣля 1783 года.

Политковскій Федоръ Герасимовичъ, сынъ протоіерея Черниговскаго полка, первоначально учился въ черниговской коллегіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ (четыре года) и на счетъ этого университета отправленъ былъ въ Голландію и Францію для докончанія медицинскаго образованія, пробылъ два года въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De pyogenia s. formatione puris* (13 іюня 1781 года). Послѣ того два года занимался въ Парижѣ и возвратился оттуда въ концѣ 1783 года. По возвращеніи въ Россію экзаменованъ былъ въ медицинскую коллегію Ашемъ и Горголи и получилъ право практики (9 декабря 1783 года), а въ слѣдъ затѣмъ (17 апрѣля 1784) опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ естественной исторіи въ московскомъ университетѣ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ (22 января 1788) практической медицины. Имъ напечатано нѣсколько рѣчей о медицинскихъ предметахъ, а именно: а) *Слово о происхожденіи и пользѣ исторіи натуральной* (1785 года); б) *Слово о связи натуральной съ физикою, химією и врачебнымъ искусствомъ* (1796). в) *Наука сохранять свое здоровье, или руководство къ гигиенѣ, сочиненная Писсиномъ, бывшимъ профессоромъ химіи въ центральной школѣ верхнеуарскаго департамента* (1806).

Умеръ въ Москвѣ 13 іюля 1809 года.

Полоніусъ Самуилъ, докторъ польской службы въ Литвѣ, учился три года въ Лейденѣ и (1798 года) получивъ право практики въ Россіи, занимался частною практикою въ Смургонякъ.

Монырка Денисъ Васильевичъ, изъ села Полошки Глуховскаго повѣта, сынъ казака, учился сперва въ Кіевской академіи, а потомъ поступилъ ученикомъ въ Московскій госпиталь (18 мая 1766). Окончивъ тутъ курсъ и признанный лѣкаремъ (1771), онъ опредѣленъ былъ на службу въ Вятскую провинцію. «По пріѣздѣ туда, писалъ онъ въ медицинскую коллегію (9 апрѣля 1772 года), я усмотрѣлъ, что во всей тамошней провинціи дворянъ никого нѣтъ, купечество жъ лѣчиться непривычно, да и нареканіе имѣеть, что губернская канцелярія безъ согласія магистратскаго требовала лѣкаря; присутствующіе и къ нимъ принадлежащіе многіе, для которыхъ случалось издерживать медикаменты, заплаты за оныя не дѣлають, слѣдственно почитаютъ за долгъ (т. е. за долгъ лѣкаря лѣчить ихъ даромъ); просить (т. е. жаловаться) на оныхъ не отваживаюсь, потому что и прежде бывший лѣкарь Родзевичъ за то самое ими гонимъ, утѣсняемъ и поруганъ былъ. По симъ причинамъ я до такого состоянія дошелъ, что не только долговъ уплатить или медикаментовъ купить, но едва себя содержать могу. Для того медицинскую коллегію нижайше прошу, дабы благоволено было опредѣлить меня въ Москвѣ хоть на нѣкоторое время, гдѣ я чаю сыскать такихъ пріятелей,

которые бѣ долгамъ своимъ и состоянію не отреклись спомоществовать» (А долги происходили отъ того, что онъ бѣжалъ въ Вятку на свой счетъ, не получая еще жалованья, и на свой счетъ купилъ тогда медикamentовъ). Медицинская коллегія перевела его въ Москву къ медицинской конторѣ лѣкаремъ (на мѣсто умершаго 19 іюля 1771 года лѣкаря Карла Тимана), съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ. При переводѣ Понырки выписка изъ его рапорта сообщена была Вятской провинціальной канцеляріи, которая старалась оправдать себя слѣдующими аргументами: «Присутствующій воевода Щербачевъ и воеводскій товарищъ Протасевъ отъ того лѣкаря никакoвымъ медикamentовъ, кромя слабительныхъ приемовъ, и то съ заплатою за оныя харчевыми приисаами и съ превосходствомъ по цѣнѣ тѣхъ приемовъ, не получали, то и представлять ему было не съ чего; господинъ же прокуроръ, когда и изъ тѣхъ медикamentовъ каковыя получалъ, то и за оныя потомъ же оному лѣкарю плату чинилъ, отъ коего и требованія за оныя никакoва не бывало» (27 іюля 1772). Проживъ въ Москвѣ года три, Понырка пресился въ отпускъ за границу для усовершенствованія въ наукѣхъ на своемъ содержаніи и медицинская коллегія уволила его и отъ должности и вовсе отъ службы (28 августа 1774) ¹⁾. Получивъ отставку, Понырка немедленно отправился въ Страсбургъ и тамъ соединился съ двумя медицинскими студентами, посланными тудаже отъ московскаго университета ²⁾. Сперва онъ жилъ за границею на свой счетъ, но вскорѣ потомъ сталъ получать жалованье отъ медицинской коллегіи, по 400 р. въ годъ.

Возвратившись изъ за границы, Понырка экзаменованъ въ медицинской коллегіи и 26 августа 1781 года получилъ право практики въ Россіи и опредѣленъ на службу младшимъ докторомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь (30 іюня 1782), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ и казенною квартирою. Но эта служба повидному не нравилась ему и черезъ годъ онъ просилъ отпуска для поправленія здоровья, поѣхалъ въ Малороссію и по прошенію оттуда опредѣленъ былъ докторомъ въ Васильковскій карантинъ (въ іюнѣ 1783), на мѣсто Полетикн. Уволенъ отъ службы по прошенію, за болѣзнію (3 мая 1789 года), съ чиномъ надворнаго совѣтника.

Поновъ Гавріилъ Петровичъ, сынъ священника въ селѣ Красномъ Денецкаго уѣзда Полтавской губерніи, первоначально учился въ Екатерино-

¹⁾ На его мѣсто, въ медицинской московской конторѣ, переведенъ городской лѣкарь Бѣлозерской провинціи Дмитрій Павловскій, исполнявшій эту должность до конца прошлаго столѣтія.

²⁾ Отъ московскаго университета посланы были четверо: Василій Ключаревъ, Иванъ Орловъ, Дмитрій Ивановъ и Петръ Аятовъ; но двое изъ нихъ умерли въ дорогѣ, а остальные двое приняли въ свое товарищество Понырку.

славской семинаріи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ московскую медицинскую школу (30 іюня 1791 года). Окончилъ курсъ и признанъ лѣбаремъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь 21 декабря 1794 года, а въ февралѣ 1796 года просился въ адъюнкты въ московскую медицинскую школу, къ кафедрѣ акушерства. Медицинская коллегія предписала ему прочесть пробную лекцію въ госпиталѣ, въ присутствіи членовъ ея и госпитальныхъ чиновъ. Онъ это исполнилъ (28 февраля 1796) и «оказался одареннымъ способностію объясненія и ясностію слова, а потому и къ должности ему определенной достойнымъ быть признается». По этому аттестату Поповъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта (12 марта 1796) акушерства, а 3 ноября того же года утвержденъ адъюнктомъ, съ обязательствомъ исправлять въ московскомъ госпиталѣ обязанности палатнаго врача, но съ увольненіемъ отъ дежурства. Профессоръ Борнъ не желалъ Попова себѣ въ помощники и предложилъ было вольвопрактиковавшаго лѣкаря Ивана Цемша: но опоздалъ съ представленіемъ и получилъ отказъ. По смерти профессора Борна (послѣдовавшей въ Москвѣ 8 апрѣля 1798 года), «адъюнктъ его Гавр. Поповъ» по донесенію предсѣдателя медицинской конторы Абрама Степановича Волкова, „оказываетъ важное прилежаніе и неуспынные труды въ отправленіи своей должности безъ всякаго упущенія, притомъ преподаетъ слушателямъ лекціи, по причинѣ крайней болѣзни Борна, съ 1797 года съ должнымъ основаніемъ, твердостью и справедливостью, чрезъ что учащіеся получаютъ вышшіе и дарованія въ своимъ разнообразные успѣхи». По этой рекомендаціи медицинская коллегія поручила Попову профессорскую должность (29 апрѣля 1798 года), съ званіемъ адъюнкта-профессора, причемъ, вмѣстѣ съ акушерствомъ, преподавалась имъ и „судная наука“. Кроме того, уже по открытіи московской медико-хирургической академіи, Поповъ, кроме своихъ лекцій, два года училъ еще учениковъ латинскому языку бесплатно и успѣшно, за что и получилъ въ награду 100 руб. (24 сентября 1800).

Постоловскій Яковъ, уроженецъ изъ города Винницы Бреславской губерніи, учился въ тамошнемъ народномъ училищѣ, а потомъ въ Краковскомъ университетѣ, гдѣ въ 1792 году получилъ докторскій дипломъ. Въ слѣдующемъ 1793 году вступилъ онъ по контракту въ службу къ княгинѣ Радзивиль, съ которою былъ за границею. Въ послѣдствіи времени практиковалъ въ Винницѣ.

Пургольдъ Федоръ (Theodor Puhhold) получилъ право практики въ Россіи въ ноябрѣ 1791 и определенъ на службу въ Калужское наместничество (25 іюля 1792). Оттуда онъ переведенъ былъ, по собственному желанію, въ Астрахань городовымъ врачомъ. Здѣсь случилось съ нимъ непріятное дѣло, которое однакоже послужило ему въ пользу. Дѣло было вотъ въ чемъ. Докторъ Пургольдъ лѣчилъ (въ 1797 году) отъ горячки астраханскаго вице-гу-

бернатора Лаптева, который и умеръ отъ этой болѣзни. Акушеръ тамошней врачебной управы, штабъ-лѣкарь Пётръ Симонтовскій, призналъ лѣчение его неправильнымъ, основываясь на томъ, что за четыре часа до смерти Пургольда далъ больному своему рвотное. Приписывая этому рвотному худой исходъ болѣзни, онъ написалъ въ этомъ смыслѣ о смерти Лаптева астраганскому губернатору Николаю Яковлевичу Аршеневскому и медицинской коллегіи. Назначено было формальное слѣдствіе, при которомъ вся врачебная управа заступилась за Пургольда: его оправдали и медицинская коллегія прислала ему успокоительный и очень ласковый указъ, а Симонтовскому приказала сдѣлать публичный строгій выговоръ и чтобы больше наказать его, перевела его акушеромъ же въ Симбирскую врачебную управу, а Пургольда опредѣлила на его мѣсто (8 марта 1798 года).

Поеллеръ Филиппъ (Pfoehler Philipp Friedrich) родомъ изъ Страсбурга, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Приѣхавъ въ Россію, по экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики въ Россіи 8 августа 1784 года. Принятъ въ службу и опредѣленъ въ Пензенское намѣстничество (18 января 1787), въ гор. Саранскъ. Уволенъ отъ службы по болѣзни (8 января 1789 года). Опять принятъ въ службу 30 января 1791 года и опредѣленъ въ Московскій госпиталь, безъ жалованья, до вакансін, младшимъ докторомъ. Онъ исправлялъ должность за штабъ-лѣкаря П. Штелина», поелику сей послѣдній находился въ престарѣлыхъ лѣтахъ и въ слабости здоровья». Жалованье ему назначено съ 15 іюля 1791, по 300 рублей и съ казенною квартирою. Но госпитальная служба почему то ему не нравилась и ровно черезъ годъ, по его собственной просьбѣ, переведенъ былъ (2 августа 1792) въ Вятское намѣстничество ¹⁾. Но и тутъ пробылъ онъ не долго и 27 сентября 1795, находясь въ Москвѣ, предложилъ себя въ преподаватели математики и физики въ московской медицинской школѣ. По этому предложенію, медицинская коллегія предписала московской медицинской конторѣ (11 октября 1795) сдѣлать ему испытаніе въ этихъ наукахъ. Контора назначила ему пробную лекцію имѣвшую предметомъ: 1) доказать извлеченіе куба геометрически и алгебраически; 2) доказать теорію тѣлъ относительно въ нихъ состоянію твердому, жидкому и воздушному; 3) истолковать теорію рычага съ обращеніемъ на врачебное искусство. Въ аттестатѣ объ этой лекціи, подписанномъ профессорами Ив. Гильдебрантомъ, Фридр. Стефаномъ и Мат. Пеккеномъ сказано, что «истолкованіе снѣтъ тремъ предложеніямъ,

¹⁾ Въ это же время онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Стефаномъ, купили у аптекаря Вольфа двѣ аптеки; одну у каменнаго моста, а другую на Пречистенкѣ. Главный надзоръ за ними предоставленъ былъ пров. Стефану, равно какъ и вся отвѣтственность.

которыя выше реченный докторъ далъ намъ, было очень достаточно, сколько хорошимъ объясненіемъ, столькожъ отличною точностію и ясностію его рѣчи». На основаніи этого аттестата Пфеллеръ опредѣленъ (22 ноября 1795 года) профессоромъ математики и физики въ московскую школу, съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ.

Ранне Егоръ Федоровичъ принятъ въ русскую службу лѣкаремъ въ первую армию и поступилъ въ Бранловскій госпиталь, а оттуда (28 іюня 1774 г.) переведенъ въ гренадерскіе батальоны за Дунаемъ и за тѣмъ въ Сибирскій карабинерный полкъ (17 марта 1775 года). Съ этого времени онъ уволенъ (15 февраля 1776) отъ полковой службы въ армию и опредѣленъ въ гор. Сенно Могилевской губерніи. Служа въ армию, онъ понялъ разницу между лѣкарскою и докторскою учеными степенями и задумалъ улучшить свое положеніе. Онъ поѣхалъ въ Кенигсбергъ, посѣщалъ тамъ профессорскія университетскія лекціи и вскорѣ получилъ тамъ докторскій дипломъ (3 марта 1781 года). Возвратившись въ Россію онъ былъ экзаминованъ въ медицинской коллегіи и получилъ право докторской практики (8 августа 1782 года), а вслѣдъ затѣмъ опредѣленъ докторомъ въ Украинскую дивизію (20 декабря 1782) и оттуда переведенъ (6 февраля 1783) въ Кавказскій корпусъ, подъ команду генераловъ Текелли, а потомъ Бибикова и графа Гудовича 2-го. Служба была не легка и онъ выдержалъ ее. Не удивительно по этому, что при учрежденіи врачебныхъ управъ онъ сталъ просить спокойнаго мѣста и, какъ знатокъ тѣхъ мѣстностей, опредѣленъ былъ инспекторомъ Астраханской врачебной управы. Но открылась управа не скоро, потому что Ранне пѣлый годъ не могъ оставить армию, по множеству больныхъ въ войскахъ Персидскаго корпуса, и жилъ въ Георгіевскѣ. Открывъ Астраханскую управу, онъ однакоже не предполагалъ долго оставаться въ Астрахани и въ маѣ 1797 года прислалъ на имя императора Павла Петровича двѣ рукописи своего сочиненія: одно подъ заглавіемъ: «Физическое и топографическое медицинское описаніе, касающееся до причинъ и свойства болѣзней на Кавказской линіи примѣчаемыхъ, и особливо надъ военно-служителями, также о родѣ ихъ лѣченія и о средствахъ отъ оныхъ предохраняющихъ», и другое на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «*Nonnullae physiologico.—pathologicae animadversiones ex methaphysica hauritae*» Въ первой рукописи 25 параграфовъ, а во второй 23 параграфа. Последняя съ эпиграфомъ: *Qui domino vivit, sibi vivit* ¹⁾). Поводомъ къ присылкѣ «Топографіи» было извѣстіе о неимоверной щедрости императора Павла. Въ концѣ прошенія Ранне говоритъ: «А какъ ваше императорское величество изливаете отеческія щедрыя милосердія на всѣхъ вѣрно-

¹⁾ Рукописи эти напечатаны въ моихъ *Очеркахъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII столѣтія*, въ статьѣ *Кизляръ и его медицинская топографія за 100 лѣтъ назадъ*.

подданныхъ, то и я осмѣливаюсь надѣяться, что и на меня излится монаршеская вашего величества милость (18 мая 1797). Наградою Раппе былъ чинъ надворнаго совѣтника (26 июня 1797), со старшинствомъ съ 31 декабря 1796 и переводъ его на покойное мѣсто, инспекторомъ въ Калужскую врачебную управу.

Раушерть Акимъ (Joachim Rauschert), уроженецъ изъ Риги, учился шесть лѣтъ въ Тюбингенѣ (съ 1744 по 1751), отсюда поѣхалъ въ Лейденъ и учился до 1755 года, потомъ переѣхалъ въ Берлинъ и опять возвратился въ Лейденъ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De carie ossium* (1 ноября 1756). Въ медицинской канцеляріи экзаменованъ былъ Шрейберомъ, Ашемъ и Пеккепомъ и они написали въ аттестатѣ, между прочимъ: «Ejus responsiones attente exserimus, ex quibus apparuit nobis, eum in chirurgia et scientia medica non mediocres fecisse progressus, indigere tamen majori et meliori rerum anatomicarum notitia, atque in legendis Hippocratis, Sydenhami et Boerhavi scriptis studio. Judicamus proinde, illum posse admitti in nosocomium exercitio praxeos ut incunbat senioris medici sub tutela, ubi etiam et anatomicis et chirurgicis operam dare poterit nec dubitamus, quin acquirat in exercitato medico requisita adminicula» (7 мая 1757). По этому аттестату Раушерть принятъ былъ въ службу (22 мая 1757) въ московскій генеральный госпиталь младшимъ докторомъ, съ жалованьемъ по 300 р., казенной квартирою и денщикомъ, на мѣсто Гаetano Мира, переведеннаго въ Рижскій полевой госпиталь. Черезъ годъ послѣ того докторъ Ревельскаго госпиталя Кноблохъ жаловался, что у него 900 человекъ больныхъ и ему съ ними не управиться, и Кондоиди послалъ къ нему на помощь доктора Раушерта (15 мая 1758). При наступленіи 7-лѣтней войны Раушерть отправился съ войсками за границу, завѣдывалъ Кенигсбергскимъ госпиталемъ, а потомъ зачисленъ дивизионнымъ докторомъ заграничной арміи въ Силезіи и Помераніи. Въ іюль 1762 года, при возвращеніи войскъ, большое число больныхъ и раненыхъ должны были отправиться моремъ на корабляхъ въ Ригу и Раушерть командированъ сопровождать ихъ на корабляхъ, а когда эта перевозка окончена, то онъ переѣхалъ изъ Риги въ Балтійскій портъ, куда все еще привозили больныхъ изъ Пруссіи. Для этихъ больныхъ предполагалось устроить большой госпиталь въ Рогервикѣ (нынѣшнемъ Балтійскомъ портѣ) и докторомъ туда, по просьбѣ фельдмаршала графа Миннига, назначенъ былъ докторъ Раушерть (27 августа 1762), съ жалованьемъ по 600 р., 10 раб. и 1 денщ. Присылаемые сюда больные помѣщались въ лазаретахъ двухъ батальоновъ изъ Ревельскаго гарнизона эстляндской дивизіи. Но всѣхъ помѣстить было нельзя и приходилось посылать большую часть больныхъ въ Ревельскій госпиталь, что однакожь было очень трудно, какъ по отдаленности, такъ и по дурнымъ дорогамъ. Съ другой стороны мѣстность Рогервика очень

правилась Раушерту и онъ вошелъ съ представленіемъ къ генераль-поручику Резанову (24 іюня 1764) о постройкѣ госпиталя на 200 больныхъ въ Балтійскомъ портѣ: но представленіе это не имѣло послѣдствій. Тогда Раушертъ написалъ о томъ же медицинскій коллегіи (2 мая 1765), а она передала военной коллегіи и главному комисариату, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ фельдмаршалу Миппиху ⁴⁾. Это одновременное заинтересованіе дѣломъ чуть-чуть было не подняло его впередъ: военная коллегія и графъ Минихъ поручили докторамъ Гернету (доктору Ревельскаго госпиталя) и доктору Раушерту избрать мѣсто для постройки госпиталя и выбрали его въ верстѣ отъ Балтійскаго порта противъ верстоваго столба ревельской дороги, мѣсто довольно возвышенное и сухое, гдѣ удобно и колодези для воды вырыть, а равно пруды и каналы расположить. Но постройка отложена военною коллегіею до предбудущаго общаго о госпиталяхъ разсмотрѣнія, а больныхъ повелѣно пользоваться по прежнему въ лазаретахъ.

По уменьшеніи числа больныхъ въ Балтійскомъ портѣ присутствіе Раушера въ баталіонныхъ лазаретахъ оказалось пенужнымъ и онъ назначенъ (27 сент. 1766 года) старшимъ докторомъ въ спб. генеральный адмиралтейскій госпиталь. Но еще до вступленія въ эту должность онъ исполнилъ много командировокъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, для прекращенія горячки, вспыхивавшей то тамъ, то сямъ и называвшейся чумою (въ Каргополѣ, въ Твери, въ Старой Руссѣ, въ Великихъ Лукахъ и въ Холмскомъ уѣздахъ). Наконецъ назначенъ въ Московскій генер. госпиталь старшимъ докторомъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника и жалованьемъ по 800 р. (17 іюля 1776 года). Здѣсь принималъ онъ весьма дѣятельное участіе въ госпитальномъ училищѣ и очень заботился о расширеніи преподаванія въ немъ, равно какъ и объ успѣхахъ ученія. Умеръ въ Москвѣ, 23 февраля 1796 года, отъ регіонеупіа.

Регіусъ Яковъ (Jacob Friedrich Regius), родомъ курляндецъ изъ мѣстечка Нидеръ-Бартенау, написалъ въ августѣ 1759 въ медицинскую канцелярію, что онъ учился въ Іенскомъ университетѣ, но по скудости не могъ получить публичнаго докторскаго диплома. Потомъ, возвратившись на родину, практиковалъ и набравъ немного денегъ писалъ къ пріятелю, нельзя ли получить дипломъ заочно за 50 талеровъ, на что тотъ отвѣчалъ, что, по словамъ профессора Кальтшмита, можно получить дипломъ. Онъ послалъ 50 талеровъ и получилъ дипломъ. Прочитавъ это прошеніе, Кондоиди отказалъ Регіусу въ экзаменѣ 21 августа 1759 и въ правѣ практики въ Россіи. Тогда Регіусъ обратился въ Кенигсбергъ и напечаталъ тамъ диссертацию подъ заглавіемъ *Spre-*

⁴⁾ Графъ Минихъ титуловался въ этой бумагѣ главнымъ директоромъ портовъ Балтійскаго, Ревельскаго и Нарвскаго, каналовъ Кронштадскаго и Ладожскаго и Волховскихъ пороговъ, генераль-фельдмаршalomъ, обоимъ російскіихъ ордевомъ (св. Андрея и св. Анны) и Бѣлаго орла кавалеромъ и пр.

cimen inaugurale medicum de podagra, посвятилъ ее П. З. Кондоиди. За эту диссертацию въ Кенигсбергѣ дали ему докторскій дипломъ (20 декабря 1759 года). По представленію Литовской врачебной управы получили право докторской практики (1798) и затѣмъ практиковали въ Завилейскомъ уѣздѣ Литовской губерніи.

Резенъ Іоганнъ (Joh. Friedrich Rhesen), уроженецъ изъ Ганновера, изъ города Эйзбека, учился въ Страсбургѣ, а потомъ въ Тюбингенѣ, гдѣ и получилъ дипломъ, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio inauguralis sistens bronchoceles Botii sanationem singulari casu illustratum* (4 октября 1780). Экзамнированъ въ коллегіи Ашемъ и Линдеманомъ и получилъ право практики 11 декабря 1780.

Рейнегсъ Яковъ (Jacob Reinegs) вызванъ былъ въ русскую службу и опредѣленъ въ Астраханскую губернію докторомъ на счетъ кабинета, съ жалованьемъ по 700 рублей (по высочайшему повелѣнію 10 февраля 1783 года). Три года спустя состоялся именной указъ слѣдующаго содержанія: «Указъ медицинской коллегіи. Доктору Рейнегсу, по знанію его, всемілостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ медицинской коллегіи и притомъ заступить должность ученаго секретаря съ жалованьемъ по тому мѣсту.

Екатерина».

С.-Петербургъ, 2 марта 1786.

Онъ считался коллежскимъ совѣтникомъ за урядъ и 12 марта потребовалъ себѣ жалованья за секретарство по 1500 р. въ годъ, а за членство особо 300 рублей. Но коллегія затруднилась такимъ денежнымъ распоряженіемъ. Во первыхъ въ медицинской коллегіи всѣ штатныя мѣста были заняты и Рейнегсъ долженъ былъ считаться заштатнымъ членомъ. Во вторыхъ по штату коллегіи не положено было особаго облада на должность ученаго секретаря. Въ третьихъ онъ получалъ уже жалованье по особому высочайшему повелѣнію, которое еще не отиѣнено, а теперь послѣдовало второе высочайшее повелѣніе 28 марта 1786 года. Дѣло передано было въ экспедицію государственныхъ доходовъ, которая и рѣшила, что такъ какъ Рейнегсъ получалъ въ Астраханской губерніи по высочайшему повелѣнію по 700 р., а теперь, по другому, повелѣно давать ему по 1800 р., то первую сумму прекратить, и давать послѣднюю изъ с.-петербургскаго казначейства. Но сколько Рейнегсъ любилъ русскія деньги, столько же не любилъ онъ служебныхъ занятій. Онъ манипуловалъ службою и медицинская коллегія постановила (въ іюнѣ 1786) напомнить ему, что, по инструкціи, онъ обязанъ бывать въ засѣданіяхъ коллегіи и принять въ свое вѣдѣніе состоящую при коллегіи бібліотеку и два кабинета: либеръиновскій анатомическій и естественно историческій *herbarium naturalium* и предписать ему слѣдить за чтеніемъ лекцій

въ петербургскихъ госпиталяхъ ¹⁾. Не смотря однакоже на это формальное замѣчаніе, Рейнегсъ не сталъ дѣятельнѣе, пользуясь особымъ къ нему расположеніемъ барона Фитингофа. Эти два лица тѣсно связаны были межъ собою и незнаніемъ дѣла и презрительнымъ отношеніемъ къ русскимъ и ко всему русскому. Рейнегсъ вовсе не обращалъ вниманія ни на кабинеты, ни на библиотеку коллегіи, такъ что признано необходимымъ опредѣлить къ нему помощника, въ каковую должность и опредѣлены были сперва Индебету, а потомъ Циншъ. Чтоже касается посѣщенія госпитальныхъ лекцій, то Рейнегсъ разъ только посѣтилъ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, поговорилъ грубостей старику Тихорскому и затѣмъ на всю жизнь остался злѣйшимъ врагомъ его. Умеръ онъ въ 1793 году.

Рейсингъ Эрнестъ (Ernest Wilhelm Reinsing) принятъ въ русскую службу и назначался въ Выборгскій полевой госпиталь, 21 июня 1789, но еще не успѣвъ отправиться туда изъ Петербурга, какъ перечисленъ былъ, по приказанію барона Фитингофа, въ Псковское намѣстничество (5 іюля 1789). Уволенъ отъ службы 1 сентября 1798. Потомъ опять принятъ по прошенію и назначенъ въ Орловское намѣстничество (30 января 1794), оттуда переведенъ въ Новгородъ и въ Кострому (15 августа 1797). Изъѣздивъ такимъ образомъ половину Россіи, онъ просилъ утвердить его инспекторомъ врачебной управы, но получилъ отказъ, потому что недолго еще состоялъ на службѣ. Тогда онъ сталъ проситься хоть въ акушеры Нижегородской управы и допущенъ къ экзамену: но вмѣсто того утвержденъ уѣзднымъ докторомъ въ городъ Кологривъ, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Наконецъ назначенъ акушеромъ въ Казанскую врачебную управу (18 февраля 1798), съ жалованьемъ по 500 руб.

Рейхартъ Готгардъ (Gotthard Wilhelm Reichart), рижскій уроженецъ, учился въ Галле и въ 1753 году получилъ тамъ докторскій дипломъ, съ которымъ и практиковалъ въ Лифляндіи. Потомъ экзамированъ былъ въ медицинскій канцеляріи Линдеманоу и Маттеи и получилъ право практики въ Россіи 5 декабря 1761 года, а въ слѣдъ затѣмъ назначенъ младшимъ докторомъ въ Рижскій полевой госпиталь (15 января 1762). Не долго прослуживъ на этомъ мѣстѣ, онъ назначенъ былъ въ Сибирскій корпусъ (27 августа 1764 года), но отказался ѣхать какъ по отдаленности, такъ и по слабости здоровья. Медицинская коллегія, принявъ въ соображеніе, что онъ въ службѣ недавно, по собственному желанію, командированъ никуда не былъ и постоянно жилъ въ Ригѣ и никогда на болѣзненные припадки не

¹⁾ По постановленію коллегіи 15 октября 1786 года всѣмъ членамъ коллегіи вмѣнено въ обязанность по часту посѣщать спб. госпитали для надзора и наблюденія.

жаловался, постановила «подтвердить ему ѣхать въ Сибирь съ повѣщеніемъ, безъ всякихъ отговорокъ». (15 октября 1764). Дѣлать было нечего—надобно было повиноваться и Рейхартъ поѣхалъ въ Tobольскъ, побывалъ въ Омскѣ и подалъ въ отставку за слабостью здоровья и оставленъ за штатомъ безъ жалованья. Остановился онъ послѣ этого въ Балтійскомъ портѣ и ждалъ, не откроется ли вакансія въ которомъ либо изъ остзейскихъ госпиталей. Вакансія дѣйствительно открылась и Рейхартъ опредѣленъ (8 мая 1767) по прежнему въ Рижскій госпиталь. Такииъ образомъ цѣль была достигнута. Оставалось только пользоваться своимъ положеніемъ. Онъ и пользовался—но какъ и для чего? Между подчиненными его служилъ въ госпиталь лѣкаръ Афанасій Михайловичъ Самойловичъ. Это былъ человекъ семейный, скромный и обязательный. Всѣ знавшіе его отзывались объ немъ съ уваженіемъ. Рейхартъ зналъ это, но ненавидѣлъ Самойловича, больше всего за то что онъ былъ русскій, а отчасти можетъ быть и за то, что всѣ жившіе въ Ригѣ русскіе, и особенно военные офицеры, чаще обращались съ болѣзнями своими къ Самойловичу, чѣмъ къ Рейхарту. Какъ бы ни было, но Рейхартъ рѣшился выгнать его изъ своего госпиталя, а можетъ быть и изъ самаго города. Придумалъ онъ для этого доносъ, что Самойловичъ дурной человекъ, пьяница и гуляка, не исполняетъ своихъ обязанностей, разъ чуть не сжегъ госпиталя, пуская у себя въ казенной квартирѣ потѣшныя огни и что не разъ стрѣлялъ въ своей квартирѣ въ жену свою изъ пистолета, однимъ словомъ нагромоздилъ столько уголовныхъ преступленій на бѣднаго русскаго лѣкаря, что необходимо стало произвести формальное слѣдствіе, а потомъ и уголовный судъ. Слѣдствіе было произведено очень строго, въ присутствіи одного изъ нѣмецкихъ членовъ медицинскои коллегіи и рижскаго коменданта, и показало, что всѣ извѣты Рейхерта были не что иное, какъ ложный доносъ, ничѣмъ не оправдавшійся и совершенно очевидный. Дошло дѣло до сената и, по его распоряженію, доктору Рейхарту предоставлено право оправдать свой дурной поступокъ: но онъ упрямо стоялъ на своихъ прежнихъ извѣтахъ. Тогда сенатъ, указомъ своимъ 25 октября 1781 года, постановилъ отрѣшить Рейхарта отъ службы за ложный доносъ на лѣкаря Аф. Самойловича и за упрямое подтвержденіе этого ложнаго доноса приказалъ никакимъ его свидѣтельствамъ и представленіямъ никогда не давать вѣры и ихъ не принимать. Членъ медицинскои коллегіи баронъ Г. Ашъ, при разборѣ этого слѣдственнаго дѣла старался оправдать Рейхарта, не смотря на очевидность ложнаго доноса, и сенатъ приказалъ сдѣлать ему, Ашу, въ коллегіи публичный выговоръ, за сознательное потворство лжи и клеветѣ, и возвратитъ поданное имъ мнѣніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ лѣкаръ Самойловичъ переведенъ на службу въ Москву. Прошелъ годъ. Въ октябрѣ 1782 Рейхартъ обратился къ лифляндскому генералъ-губернатору графу Броуну съ просьбою о подведеніи его по этому дѣлу подѣ

манифестъ 7 августа 1782 года и о прощеніи. Къ этому присоединена была и просьба медицинской коллегіи, и сенатъ согласился на прощеніе Рейхарта, но, не смотря на это, его долго не принимали на службу. Только 15 января 1783 года онъ опять принятъ въ службу въ тотъ же Рижскій госпиталь и даже произведенъ въ надворные совѣтники (4 декабря 1786). Но 22 мая 1789 года онъ отчисленъ отъ Рижскаго госпиталя и назначенъ въ 3 дивизію (въ крѣпость св. Дмитрія) съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщ. Это назначеніе произошло повидимому противъ его воли и принято имъ съ неудовольствіемъ. Замѣтно это было въ томъ, что Рейхартъ не сдалъ госпиталя своему преемнику, доктору Борнеману, и тотъ пожаловался медицинской коллегіи. Докторъ Рейхартъ, писалъ Борнеману 16 июня 1789, не сдалъ ему госпиталя и письменныхъ дѣлъ, подъ предлогомъ будто оберъ-комендантъ не приказалъ сдавать (хоть это по справкѣ оказалось несправедливымъ) и такъ уѣхалъ. Въ наказаніе за это баронъ Фитингофъ далъ медицинской коллегіи (25 июня 1789) слѣдующее предписаніе: «Усматривая изъ присланнаго отъ опредѣленнаго въ Рижскій госпиталь д-ра Борнемана рапорта, препровождаемаго при семъ въ оригиналѣ, каковъ поступокъ учинилъ предмѣстникъ его докторъ Рейхартъ, не учиня ни сдачи, не давъ знать о существѣ госпиталя, ни даже ничего, что требуетъ порядокъ, отлучился и такъ довольный о себѣ подаль знакъ, что не можетъ быть далѣе по службѣ употребляемъ съ желаемымъ успѣхомъ; то вмѣсто того, что дано ему было мѣсто при дивизіи, предлагаю медицинской коллегіи о исключеніи его совсѣмъ отъ службы Е. И. В. и куда надлежитъ сообщить. За такую несоотвѣтственность законному порядку и ослушность главной команды, въ предписаніи ему доктору сдѣланномъ въ указѣ надлежалобъ съ нимъ поступить еще по законамъ, но оставляется по старости его лѣтъ и прежней службѣ. I. Фитингофъ».

Реслейнъ Иванъ Федоровичъ (Johann Roeslein), сынъ штабъ-лѣкаря, служившаго въ Москвѣ при конюшенномъ дворѣ, родился въ Россіи, а учился въ Лейденѣ четыре года и, напечатавъ диссертацию: *De sibi appetentia naturali*, получилъ докторскій дипломъ 15 августа 1772 года. Экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи Тихорскимъ и Раушертомъ и получилъ (1 декабря 1774) право практики въ Россіи, а черезъ годъ послѣ того принятъ въ службу и назначенъ (30 ноября 1775 года) въ Оренбургскій корпусъ, съ жалованьемъ по 750 р. 10 рац. и 2 денщ. Оттуда переведенъ (15 мая 1783 года) въ Иркутскъ «для пограничныхъ надобностей», съ чиномъ надворнаго совѣтника, а 13 июня 1794 возвращенъ въ Оренбургскій корпусъ. Онъ извѣздялъ всю Сибирь съ разными намѣстниками и губернаторами (Якоби, Пилемъ, барономъ Вестфаленомъ) до Амура, Кяхты и Петропавловской крѣпости, и наконецъ назначенъ инспекторомъ Калужской врачебной управы (23 февраля 1797 года); но не успѣвъ доѣхать до мѣста новаго назначенія

уволень по прошенію отъ службы 24 сентабря 1797, съ пенсією половиннаго жалованья (по 350 рублей).

Реслейнъ Александръ Федоровичъ, второй братъ предыдущаго и сынъ штабъ-лѣкаря въ Москвѣ, учился въ Страсбургѣ восемь лѣтъ и въ Геттингенѣ одинъ годъ, гдѣ и получилъ дипломъ (23 іюня 1779 года). Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Ашеми и Пеккеномъ и получилъ право практики 1 августа 1779 года. Немного спустя, по представленію Курскаго и Орловскаго генераль-губернатора князя Александра Александровича Прозоровскаго, опредѣленъ докторомъ въ курское намѣстничество, съ жалованьемъ по 300 р. по штату и по 300 р. отъ намѣстничества (въ января 1782 года).

Реслейнъ Федоръ Федоровичъ и Реслейнъ Андрей Федоровичъ, третій и четвертый братья предыдущаго, дѣти штабъ-лѣкаря при дворцовой конюшенной канцеляріи, приняты были учениками въ сиб. генеральный сухопутный госпиталь (20 февраля 1777 года) и недолго поучившись тамъ, просили отпуска въ чужіе края для изученія медицины (18 мая 1778 года). Поѣхали они вмѣстѣ и учились вмѣстѣ сперва въ Кенигсбертѣ полтора года, а потомъ въ Страсбургѣ четыре года, гдѣ и получили дипломы (14 сентабря 1784 г.). Возвратившись въ Россію, они вмѣстѣ экзаминовались и получили право практики (6 февраля 1785 года). Въ ноябрѣ тогоже 1785 года, они, опять таки вмѣстѣ, приняты на службу и опредѣлены докторами въ Иркутское намѣстничество, съ жалованьемъ по 800 р. каждому. Отсюда Ф. Реслейнъ переведенъ былъ въ Оренбургскій корпусъ (1794), гдѣ жилъ старшій братъ его И. Ф. Реслейнъ. Чтоже касается Андрея Реслейна, то онъ здѣсь долженъ былъ разстаться съ братомъ. Произошло это такимъ образомъ. По ходатайству командира Сибирской дивизіи генераль-лейтенанта Штрандмана казенная аптека изъ Тобольска переведена была въ Омскую крѣпость, гдѣ и предложено построить для нея каменный трехъэтажнй домъ (по смѣтѣ въ 20,932 р. 12 коп.), но доктора тамъ не было. Поэтому туда и назначенъ изъ Иркутска докторъ Андрей Реслейнъ на должность дивизионнаго доктора Сибирской дивизіи (января 1798), съ подчиненіемъ его Тобольскѣй врачебной управѣ. Разлука его съ братомъ была для него гибельна. По донесенію командовавшаго дивизією генераль-лейтенанта князя Горчакова (отъ 13 ноября 1798) онъ постоянно въ Омскѣ пьянствовалъ и даже, какъ доносилъ омскій комендантъ полковникъ баронъ Врангель, похѣшался въ разумѣ и наконецъ умеръ (1798 года).

Рейхенау Іоганнъ (Joh. Volrath Reichenau), пруссакъ изъ Берлина, учился въ Галле и тамъ получилъ дипломъ. 13 сентабря 1751 года подалъ прошеніе о принятіи его въ службу докторомъ, а если бы не было вакансіи, то по крайней мѣрѣ о дозволеніи ему права практики въ Россіи. Архіатеръ Бургаавъ приказалъ назначить ему анатомическую селцію въ сиб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, въ присутствіи проф. Шрейбера и докторовъ

Крузе, Унгебауера, Меллена и Лерхе, и довести о результатахъ. Въ донесеніи сказано, что онъ «отчасти чинилъ секцію» и это признано доказательствомъ его знаній и искусства въ анатоміи и впредь надлежащій успѣхъ въ обученіи лѣкарскихъ учениковъ уповать отъ него надлежитъ, и потому онъ 2 ноября 1751 года опредѣленъ младшимъ докторомъ при московскомъ госпиталѣ ¹⁾, «для показанія лѣкарскимъ ученикамъ анатоміи и присмотра въ пользованіи больныхъ по приказаніямъ д. с. с. доктора Блюментроста», съ тѣмъ чтобы онъ нѣкоторое время остался еще въ Петербургѣ и надъ кадаверами секціи и демонстраціи чинилъ, съ жалованьемъ по 300 р. на счетъ статсъ-канторы, изъ суммы опредѣленной указомъ сената 20 іюня 1751 для сверхштатныхъ докторовъ (изъ 2000 р.). Пробылъ онъ въ Петербургѣ только четыре мѣсяца и затѣмъ отправленъ (2 марта 1752) въ московскій госпиталь, съ указомъ объ отведеніи ему тамъ казенной квартиры съ отопленіемъ и прислугою. Но и здѣсь прослужилъ онъ не долго и 18 февраля 1754 переведенъ былъ въ кронштадскій госпиталь младшимъ же докторомъ и съ тѣмъ же жалованьемъ.

Ремгильдъ Отто (Remhild) принятъ въ русскую службу по контракту съ Цинжерманомъ, съ чиномъ коллежскаго ассессора, генераль-аншефомъ Михаиломъ Никитичемъ Кречетниковымъ (13 іюля 1786 года) въ Калужскую губернію и 10 сентября 1797 опредѣленъ акушеромъ въ Калужскую врачебную управу, съ жалованьемъ по 500 р.

Рѣймеръ Андрей (Andreas, August Roemer), саксонецъ изъ Эйслебена, учился въ Берлинѣ и Эрфуртѣ и въ послѣднемъ изъ университетовъ получилъ дипломъ 7 ноября 1783. При экзаменѣ въ коллегіи, 12 сентября 1784, онъ не могъ сказать ни одного слова по латыни и объяснилъ это тѣмъ, что долго жилъ въ деревняхъ и забылъ латинскій языкъ. Его экзаминовали въ другой разъ понѣмецки и дали право практики (23 сентября 1784 года).

Ренгольмъ Эрикъ (Erick Johann Roehnholm), родомъ изъ Фридрихсгамскаго уѣзда Выборгскаго намѣстничества, купеческій сынъ, учился въ Калининскомъ хирургическомъ институтѣ полтора года, потомъ въ Іенѣ два года и въ Геттингенѣ одинъ годъ, гдѣ и получилъ дипломъ (28 іюля 1796). По экзамену въ медицинскій коллегіи получалъ право практики (27 ноября 1796), и немного спустя принятъ въ службу къ карантинному дому на островѣ Сескарѣ, съ жалованьемъ по 450 р. отъ адмиралтействъ коллегіи (26 марта 1797). Но на этомъ островѣ такъ мало было жителей, что докторъ Ренгольмъ боялся умереть съ голода и просился куда либо на другое мѣсто, и переведенъ въ гор. Керенскъ Саратовской губерніи (мартъ 1798), съ жалованьемъ по 400 р., а на его мѣсто назначенъ къ сескарскому карантину находившійся въ суб. адмиралтейскомъ госпиталѣ на лѣкарской вакансіи штабъ-лѣкаръ

¹⁾ Тамъ не было въ это время ни младшаго доктора, ни оператора.

Иоганн Цеттелеръ, съ жалованьемъ по 450 р. (8 марта 1798). Но Ренгольмъ не былъ доволенъ и этимъ мѣстомъ и сталъ просить объ отставкѣ. Тогда опредѣленъ былъ акушеромъ въ Нижегородскую врачебную управу (15 октября 1798).

Рѣрихъ Карлъ (Carl Wilhelm Roehrich), родомъ изъ Риги, учился въ Кенигсбергѣ и Іенѣ шесть лѣтъ, но не получилъ докторскаго диплома, а въ данныхъ ему аттестатахъ названъ studiosus medicinae. По прошенію экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи и признанъ докторомъ 27 сентября 1791 года).

Ригеръ Иоганъ (Johann Christoff Rieger), родомъ изъ Пруссіи, при самомъ воцареніи императрицы Анны Павловны приглашенъ былъ графомъ Остерманомъ въ лейбъ-медику къ ея особѣ, на основаніи слѣдующихъ условий: 1) Докторъ Ригеръ обязуется находиться лейбъ-медикомъ при императрицѣ два года, начиная съ 1730 года. 2) По прошествіи этого времени ему позволено будетъ возвратиться въ свое отечество. 3) Онъ не долженъ непосредственно ни отъ кого зависѣть, кромѣ императрицы. 4) Жалованья полагается ему по 4000 рублей въ годъ, сверхъ того отъ двора услуга, квартира, столъ, дрова и экипажи съ лошадьми. Условия эти утверждены были императрицею 20 февраля 1730 года. Вступивъ въ эту должность и не довольствуясь приписанными ею выгодами, онъ далъ себѣ задачу вытѣснить архіатера Иогана Деодата Блюментроста изъ управленія и занять его мѣсто. Для этого онъ составилъ донесъ на Блюментроста о безпорядкахъ въ придворныхъ аптекахъ. Вслѣдствіе этого Блюментростъ, и безъ того нелюбимый императрицею, именнымъ указомъ 14 сентября 1730 года смѣненъ и управляетъ медицинскою частію повелѣнно «Докторскому собранію» (изъ шести докторовъ), „а замѣченные непорядки въ верхней аптекѣ разсмотрѣть и что худое явится исправить». Докторское собраніе подробно осмотрѣло аптеки и не нашло въ нихъ никакихъ важныхъ безпорядковъ, хотя въ послѣднемъ пунктѣ донесенія своего прибавило, что все, что лейбъ-медикъ Ригеръ представлялъ о несправностяхъ аптекъ, то правильно (декабрь 1730). Между тѣмъ контрактные два года прошая, Блюментростъ устраненъ и именнымъ указомъ 6 января 1732 года лейбъ-медикъ Ригеръ назначенъ архіатеромъ, съ тѣмъ (какъ сказано въ указѣ), чтобы онъ во всемъ управлялъ медицинскою канцеляріею какъ управлялъ ею бывший архіатеръ Иванъ Блюментростъ. (А «Докторское собраніе» стало быть само собою исчезло).

Нѣтъ сомнѣнія, что Ригеръ поднялся высоко не безъ содѣйствія Бирона, и въ современныхъ дѣлахъ есть не мало указаній на близкія ихъ отношенія безъ посредства императрицы Анны. Биронъ рассчитывалъ попользоваться доходами медицинскою канцеляріи безъ какого либо посторонняго контроля ихъ. Медицинская канцелярія при Блюментростѣ и при Докторскомъ собраніи до 1732 года состояла въ вѣдомствѣ сената; теперь же, именнымъ указомъ 13 фев-

рала 1732, передана въ вѣдомство кабинета Е. И. В. (подобно соляной конторѣ) «съ тѣмъ, чтобы въ оную ни откуда повелительныхъ указовъ не посылать и никакихъ рапортовъ не требовать». Съ другой стороны Виронъ надѣялся имѣть въ Ригерѣ молчаливаго и вѣрнаго шіона, какъ видно изъ слѣдующаго именнаго указа императрицы Анны: „Повелѣваемъ симъ, обще всѣмъ персонамъ, которыя до медицинской канцеляріи принадлежатъ, нашему лейб-медикусу доктору Ригеру, когда что онъ спрашивать и вѣдать похочетъ, словесно и на письмѣ, или потребуеть какой книги и прочаго, дабы въ истину и чисто обо всемъ обстоятельно какъ письменно вѣдомость, такъ и словесный отвѣтъ или смотрѣніе чего безо всякаго замедленія ему выдано и показано было. Данъ въ Москвѣ, декабря 14 дня 1731 года. Анна». Наконецъ нельзя не указать еще на одинъ фактъ, не повторявшійся ни прежде, ни послѣ бюрововскаго управленія, а именно исполненіе самыхъ злыхъ и деспотическихъ распоряженій архіатера Ригера посредствомъ «словесныхъ указовъ» императрицы.

Кажется, однакоже, что путь, на которомъ Ригеръ старался укрѣпиться въ безопасности, не долго продержалъ его. Замѣтивъ его колебанія и зная безпощадность Вирона, онъ не нашель другаго средства кромѣ бѣгства. 18 февраля 1734 года, когда послѣбно дѣлались правительствомъ приготовленія къ турецкой войнѣ, архіатеръ Ригеръ скрытно уѣхалъ за границу, въ Маріенвердеръ, подъ предлогомъ необходимости лѣчиться. Управленіе дѣлами медицинской канцеляріи поручилъ онъ секретарю канцеляріи Семену Львову и далъ ему приказаніе призывать для свидѣтельствванія больныхъ докторовъ Ацарити и Нича, штабъ-лѣкаря Вюргера и лѣкаря фонъ Гальтерна. Этими подѣльными распоряженіями замаскировалось на время бѣгство Ригера и только 29 іюня 1734 года прислалъ онъ просьбу объ отставкѣ, которая и дана ему (въ началѣ 1735 года).

Избавившись отъ опасности, быть можетъ воображаемой, и не стыдяся малодушнаго своего поведенія и нахальства, Ригеръ прислалъ (10 декабря 1736) просьбу къ императрицѣ Аннѣ о денежномъ пособіи, а потомъ, спустя девять лѣтъ, другую такую же просьбу къ вице-канцлеру (4 октября 1746) исходатайствовать ему 3000 р. на уплату долговъ и опредѣленія о принятіи его въ почетные члены спб. академіи наукъ съ жалованьемъ по уставу ¹⁾).

Ригеръ напечаталъ нѣсколько сочиненій, и всѣ послѣ выѣзда его изъ Россіи, а именно: 1) *Dissertatio de aëre* (переведено на русскій языкъ Кирикомъ Кондратовичемъ (1744) и напечатано въ Петербургѣ 1767 года подъ заглавіемъ: *О воздухѣ*). 2) *Hippocratis Aphorismi, notationibus variorum illustrati, digessit et indices addidit Joh. Christoph Rieger.*

¹⁾ В. Рихтеръ, *Исторія медицины въ Россіи*, III, стр. 243.

Hagae Comit. 1767. 3) *Jutroductio in notitiam rerum naturalium et arte factarum, quarum in medicina usus est.* 2 vol. Hagae Comit. 1743. Здѣсь авторъ открываетъ переданную ему Шумахеромъ ройшеву тайну приготовления анатомическихъ препаратовъ и приводитъ бломентростово изслѣдованіе Олонецкихъ минеральныхъ водъ.

Ридель Эмануэль (Emanuel Riedel) изъ Эрфурта, гдѣ и учился первоначально, а потомъ въ Іенѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, всего шесть лѣтъ, и въ Эрфуртѣ получилъ дипломъ 20 іюня 1780 года. Получилъ право практики въ Россіи въ октябрѣ 1783 года.

Рингебройгъ Карлъ (Johann Christian Ringebroig¹), изъ Вестфалии учился въ Геттингенѣ и получилъ дипломъ 7 ноября 1780 года; потомъ написалъ двѣ книги объ оспѣ и кори и о моровой язвѣ. Приѣхавъ въ Россію, получилъ по экзамену право практики въ Россіи (въ августѣ 1783 года), и поступилъ на службу въ Выборгское намѣстничество. Затѣмъ, когда состоялось преобразование госпитальныхъ училищъ по штату 15 іюля 1786 года и явилась необходимость приискать профессоровъ для школъ, Рингебройгъ единогласно всѣми членами медицинской коллегіи признанъ достойнымъ профессорскаго званія, для преподаванія ботаники, матеріи медики и химіи въ кронштадтскомъ хирургическомъ училищѣ (13 января 1787), съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ. Но когда кронштадтское училище было упразднено, то Рингебройгъ остался за штатомъ. Медицинская коллегія рѣшила однакоже сохранить въ немъ хорошаго преподавателя и поступила такимъ образомъ. Въ новоучрежденной слб. медико-хирургической академіи должны были преподавать Соболевскій *materiam medicam* и Конради судебную медицину; но какъ оба они были люди хворые, то коллегія вызвала изъ Кронштадта д-ра профессора Карла Рингебройга (22 августа 1799 года), съ тѣмъ чтобы онъ преподавалъ оба эти предмета въ слб. медико-хирургической академіи съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ, и квартирными деньгами по 250 р. въ годъ (1 февраля 1800 года). Когда открылись засѣданія конференціи, то медицинская коллегія назначила его (21 сентября 1800) по старшинству службы предсѣдательствующимъ въ конференціи слб. медико-хирургической академіи и постановила (27 сентября 1800) дать ему въ той академіи квартиру, а въ случаѣ неимѣнія ея, нанять пристойную по близости, получаемыя же имъ отъ коллегіи квартирныя деньги впредь не выдавать.

Риндербъ Андрей Андреевичъ учился въ Альтдорфѣ, гдѣ и получилъ дипломъ, напечатавъ диссертацию *De usu musculorum abdominis*, въ 1733 году. Принятъ въ русскую службу въ 1733 году 12 февраля и опредѣленъ докторомъ въ Оренбургской комисіи (переименованной въ послѣдствіи въ губернію). Прослуживъ тамъ болѣе 25 лѣтъ, онъ просилъ переимѣнить его куда нибудь внутрь Россіи, а всего лучше въ Москву или Петербургъ на по-

койное мѣсто. По этой просьбѣ опредѣленъ былъ (21 марта 1765) московскимъ штаттъ-физикомъ, куда и прибылъ въ августѣ того же года.

Имя Риндера невольно связано съ московскою чумою 1770—1771 года: Риндеръ, какъ штаттъ-физикъ, не призналъ эпидеміи въ началѣ ея появленія и тѣмъ можетъ быть далѣе поводомъ къ чрезмѣрному и скорому ея развитію. Умеръ въ Москвѣ въ 1770 году.

Риндеръ Яковъ Андреевичъ, сынъ предыдущаго, родился въ Оренбургѣ и учился десять лѣтъ въ Страсбургѣ, гдѣ и получалъ дипломъ 5 іюня 1778. Экзаминованъ въ медицинскую коллегію и получилъ право практикы 30 іюня 1785 г. Затѣмъ опредѣленъ въ московскую медико-хирургическую школу профессоромъ анатоміи, физиологіи и хирургіи (21 января 1787). Но онъ былъ слабъ здоровьемъ и 14 мая 1789 года уволенъ отъ службы по болѣзни, а на его мѣсто преподавателемъ анатоміи, хирургіи и физиологіи назначенъ операторъ того же госпиталя Іоаннъ Гильдебрантъ. Отдохнувъ немного, онъ поступилъ на службу въ тверскую губернію (23 іюля 1790) и 13 февраля 1797 назначенъ акушеромъ тверской врачебной управы, съ чиномъ надворнаго советника. Уволенъ отъ службы 20 января 1799 года.

Рихардъ Генрихъ (Heinrich Richard), голландецъ изъ Утрехта, учился въ тамошнемъ университетѣ и получилъ докторскій дипломъ въ 1765 году. Онъ приглашенъ барономъ Борегардомъ въ русскую службу, въ колонію иностранныхъ поселенцевъ докторомъ, экзаминованъ въ медицинскую коллегію Линдеманомъ, Пеккеномъ и Ашемъ и 14 августа 1766 года получилъ право практикы въ Россіи.

Рихтеръ Вильгельмъ Михайловичъ (Wilhelm Michael Richter), родился въ Москвѣ 28 ноября 1767 года, сынъ пастора и воспитывался въ Ревельской гимназіи. Въ 1782 году поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ и по окончаніи курса отправленъ, въ началѣ 1786 года, въ Германію, Францію, Голландію и Англію для усовершенствованія себя въ медицинѣ и въ особенности въ акушерствѣ, и напечаталъ въ Эрлангенѣ докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio inauguralis medica, sistens experimenta et cogitata circa bilis naturam, inprimis ejus principium salinum, die 19 aprilis Erlangae defensa. 1788.* Возвратившись въ Россію опредѣленъ (26 іюня 1790 года) экстраординарнымъ профессоромъ акушерства при Московскомъ университетѣ. Кромѣ того, по порученію медицинской коллегіи, по смерти профессора Александра Шумяцкаго, исправлялъ должности профессора въ акушерской школѣ и московскаго городского акушера. Съ 1801 года по 1807 годъ состоялъ директоромъ Повивальнаго института при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Въ 1818 году пожалованъ лейбъ-медикомъ высочайшаго двора.

Въ началѣ 1800 года онъ прислалъ изъ Москвы барону Васильеву проектъ устройства «Практическаго Акушерскаго института въ Москвѣ». Проектъ Ин-

института не сохранился; но изъ разбора его коллегіею можно догадываться, что Институтъ предназначался для преподаванія акушерства какъ медицинскимъ студентамъ, тамъ и повивальнымъ бабкамъ. При разсмотрѣніи этого проекта коллегія «нашла, что предметъ его намѣренія хотя съ одной стороны почтенъ быть можетъ полезнымъ, но распоряженіе и устройство такового дома совсѣмъ оному противно: 1) потому, что заведеніе такового акушерскаго института, по желанію г. Рихтера, должно принять видъ главнаго училища, отдѣленнаго отъ медико-хирургической академіи, то и теряетъ существенную часть предполагаемой цѣли въ разсужденіи выгодъ для академическихъ воспитанниковъ, отъ которыхъ они удалены быть должны; и 2) какъ учрежденіе подобнаго ему института предполагается при академіяхъ, то и издержки требуемыя на созиданіе новаго акушерскаго дома сколько велики, столько и бесполезны; при томъ изъ внутренняго распоряженія г. Рихтера, беременнымъ, родильницамъ, и по необходимости еще кормилицамъ, нянькамъ и прачкамъ, также студентамъ и ученицамъ житьельствовать подъ одною кровлею совокупно, хотя и въ отдѣльныхъ комнатахъ, нѣчто найдется предосудительно, ненадежно и соблазнительно; а особливо не будетъ соответствовать похвальному намѣренію сочинителя, что жены беременныя, узнавъ каковы должны быть непременно для практики акушерской въ повивальномъ перстномъ осязаніи частыя упражненія болѣе по одному любопытству, нежели по необходимости производимыя, ни въ какомъ случаѣ не согласятся входить туда добровольно» (12 іюля 1880).

Замѣчанія медицинской коллегіи не остались безплодны и докторъ В. М. Рихтеръ сократилъ свои требованія, исключивъ изъ нихъ все, что могло потребовать сближенія половъ. Императрица Марія Федоровна, какъ учредительница Повивальнаго Института, тоже не настаивала на прежнемъ проектѣ Рихтера и потому осенью тогоже года объявлено медицинской коллегіи слѣдующее повелѣніе императрицы:

«Милостивый государь, баронъ Алексѣй Ивановичъ,

Ея Величество, желая учредить при Московскомъ Воспитательномъ домѣ училища для обученія нѣсколькихъ воспитанницъ повивальному искусству на иждивеніи Ея Величества, высочайше указать мнѣ изволила отписать къ вашему высокопревосходительству, дабы вы, милостивый государь, благоволили предложить медицинской коллегіи, чтобы находящагося акушера Рихтера утвердить при ономъ институтѣ директоромъ; о чемъ сообщая, ниѣю честь быть.. М. Полетика. Спб. ноября 7 дня 1800 года». Такимъ образомъ возникъ въ Москвѣ Повивальный институтъ, открытый въ 1801 году и существующій до нынѣ.

Рихтеръ Зигмундъ (Georg Siegmund) изъ Кенигсберга, учился тамъ же и въ Страсбургѣ, всего пять лѣтъ, и получилъ дипломъ 24 сентября 1784. Потомъ былъ въ Парижѣ и Касселѣ для обученія повивальному искусству. По-

лучивъ право практикн, онъ практиковалъ въ Москвѣ, а потомъ (15 юля 1786) поступилъ на службу въ Кольванское намѣстничество на двойной окладъ, по отдаленности мѣста. При учрежденіи врачебныхъ управъ опредѣленъ былъ инспекторомъ Саратовской врачебной управы (1797).

Роджерсонъ Джонъ (Johannes Rogerson), шотландецъ изъ Эдинбурга, учился и получилъ дипломъ въ университетѣ этого города въ 1765 году. Въ медицинской коллегіи экзаминовать Ашемъ, Пеккеномъ и Линдеманомъ и получилъ (5 сентября 1766 года) право практикн въ Россіи. За тѣмъ именнымъ указомъ императрицы Екатерины II пожалованъ (18 февраля 1769 года) придворнымъ докторомъ съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ изъ суммъ медицинской коллегіи, до сочиненія придворныхъ штатовъ.

Рожалинъ Козьма Федоровичъ, сынъ казака Дубенскаго полка Константиновской сотни, первоначально учился въ Киевской академіи и оттуда принятъ ученикомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь 23 юня 1758 года. Произведенъ по экзамену подлѣкаремъ въ 1759 году и лѣбаремъ въ 1760 году, съ назначеніемъ въ Фридрихсгамскій гарнизонный полкъ. Пріѣхавъ въ отпускъ на 29 дней въ Петербургъ, онъ просилъ отпуска за границу для усовершенствованія и отпущенъ въ 1761 г. Прежде всего учился въ Лейденѣ, потомъ въ Берлинѣ и наконецъ опять въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию *De scorbuto*, 1765. Возвратившись въ Петербургъ, экзаминованъ и по отзыву экзаменаторовъ—«in examine habito se talem praestatisse, ut eum in scientiis ad medicinam spectantibus satis bene versatum comperimus»—въ медицинской коллегіи получилъ право практикн въ Россіи (1 февраля 1767) и скорѣ назначенъ преподавать materiam medicam въ обихъ спб. госпиталяхъ (19 сентября 1767). Откуда онъ опредѣленъ дивизионнымъ докторомъ въ Сѣвскую дивизию. Но какъ полки Сѣвской дивизиі, по высочайшему повелѣнію 3 декабря 1775 года, присоединены къ Украинской дивизиі, подъ одно общее названіе Украинской дивизиі, подъ начальство генераль-фельдмаршала графа П. А. Румянцева—Задунайскаго, то Рожалинъ, опредѣленный сперва въ Новороссійскую губернію, на мѣсто Горголи, переведенъ былъ въ Украинскую дивизию (16 мая 1776), съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщ. Здѣсь Рожалинъ, исполняя обязанности дивизионнаго доктора, въ тоже время имѣлъ главный надзоръ за Елисаветградскимъ госпиталемъ. Но спустя годъ, Рожалинъ, по освидѣтельствуванію состоявшаго при графѣ Румянцевѣ д-ра А. Франція и по донесенію генерала Текелли, оказался неспособнымъ къ службѣ и устранинъ отъ нея, потому что оказался больнымъ. Такъ и донесено было медицинской коллегіи, которая (17 декабря 1778) отстранила его отъ должности, «какъ безразсуднаго и больного человека ¹⁾». Тутъ онъ совсѣмъ сошелъ съ ума и докторъ Ганль,

¹⁾ Всего болѣе, кажется, сводилъ его съ ума смотритель Елисаветградскаго

заступившій его мѣсто (по ордеру Румянцева), написалъ въ медицинскую контору, что Рожалина слѣдовало бы перевести въ Москву для лѣченія, а его жена и трое дѣтей не безопасны при немъ (27 февраля 1779). Наконецъ и сама жена Рожалина писала медицинской коллегіи, что она беременна и мужъ въ безумствѣ бьетъ ее, а потому просила удалить его. Медицинская коллегія приказала перевести Рожалина въ Московскій госпиталь для лѣченія, въ производствѣ $\frac{1}{4}$ жалованья на пропитаніе его (по 200 р. въ годъ), но выдавать это жалованье старшему доктору госпиталя. Женѣ ничего не дали, кромѣ остатковъ жалованья, которое онъ не успѣлъ получить по день увольненія отъ службы. Въ октябрѣ 1786 года Рожалинъ пережѣщенъ въ Сьумашедній домъ подъ вѣдомствомъ Московскаго приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ и умеръ.

У него былъ сынъ Матвѣй Кузьмичъ Рожалинъ, учившійся въ дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ и потомъ принятый ученикомъ въ московскую медико-хирургическую школу (2 декабря 1792 г.).

Рудольфъ Іоганнъ (Johann Heinrich, Rudolph) родомъ изъ Іены, учился въ тамошнемъ университетѣ и получилъ докторскій дипломъ 1 февраля 1782 года. По его словамъ, онъ вызванъ былъ въ Петербургъ слѣб. академію наукъ для участія въ ученой экспедиціи на Кавказъ, въ качествѣ естествоиспытателя, какъ спеціальнаго ботаника, но по болѣзни не могъ скоро пріѣхать. Но эта причина замедленія едвали справедлива. Если приглашеніе сдѣлано въ 1782 году, то Рудольфъ въ томъ же году еще только оканчивалъ свои учебныя занятія, а въ началѣ этого года не имѣлъ еще докторскаго диплома. Какъ бы то ни было, но Рудольфъ опоздалъ на вызовъ и вмѣсто него назначенъ въ экспедицію Зуевъ. Узнавъ онъ объ этомъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ (1783). Чтобы пристроить его здѣсь, академія наукъ предложила ему у себя должность адъюнкта: но онъ не принялъ ее по незначительности жалованья. Чтo же было дѣлать? Ему посоветовали явиться въ медицинскую коллегію и потомъ принять какое либо служебное мѣсто, въ надеждѣ дождаться чего либо лучшаго. Онъ такъ и сдѣлалъ: получилъ по экзамену право практики (21 октября 1784) и немедленно опредѣленъ въ Рождественскій уѣздъ докторомъ. Но мѣсто это было еще хуже адъюнктскаго и потому Рудольфъ, даже едвали побывавъ въ Рождественѣ, отказался отъ него «по домашнимъ обстоятельствамъ» (іюнь 1785 года). Между тѣмъ въ Петербургѣ открылся Калининскій хирургическій институтъ и Рудольфъ поступилъ туда профессоромъ хирургіи, клиники и повивальнаго искусства (1785—1787). Въ то время, какъ состоялись всѣ эти опредѣленія, Рудольфъ еще разъ ласкалъ

госпиталя, подполковникъ Ростовскаго карабинернаго полка Межаковъ, вышшавшійся во всѣ медицинскія дѣла въ госпиталѣ.

себя надеждою попасть въ ученую экспедицію. А именно знаменитый Палласъ представилъ его адмиралтейской коллегіи, какъ перваго естествоиспытателя въ экспедицію „въ западный архипелагъ для открытій», по условію съ жалованьемъ за три года 6000 р., да сверхъ того на инструменты и книги 2000 р., а потомъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, по окончаніи путешествія, 2000 р. единовременной награды и пожизненную пенсію по 1000 р., повышение чина и орденъ И онъ сталъ приготовляться: но экспедиція не состоялась и Рудольфъ не получилъ ничего изъ тѣхъ богатствъ, которыя сулила ему фортуна. Онъ остался профессоромъ Калининскаго института и занималъ эту должность до 1791 года, когда, по собственному прошенію, уволенъ былъ отъ службы. На что нужна ему была эта отставка — неизвѣстно; но черезъ два года онъ опять поступилъ на службу (1 августа 1793 года). Здѣсь произведенъ онъ въ надворные совѣтники 27 сентября 1799 года, со старшинствомъ съ 24 октября 1794, т. е. съ того времени, какъ минуло 10 лѣтъ службы въ докторскомъ званіи. По увольненіи отъ службы профессора Петра Фридр. Гофмана (30 апрѣля 1800), преподававшаго патологию и терапію въ калинковскомъ институтѣ и завѣдывавшаго петербургскимъ ботаническимъ садомъ, лекціи его, до прискаванія другаго, поручены Рудольфу, съ профессорскимъ жалованьемъ по этой кафедрѣ. Такимъ же образомъ, когда проф. Федоръ Карповичъ Удѣнъ, замѣстившій Гофмана, имѣлъ надобность отлучиться на одинъ мѣсяць, то Рудольфъ за него читалъ лекціи, а потомъ потребовалъ за нихъ третное жалованье и получилъ изъ суммъ медицинской коллегіи (1800).

Руска Францъ (Frantz Ruska), изъ города Люгана въ Швейцаріи, учился въ Пармскомъ и Павіанскомъ университетахъ восемь лѣтъ и въ первомъ изъ нихъ получилъ дипломъ (5 іюля 1781). Въ слѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ и по экзамену въ медицинской коллегіи получалъ право практикн въ Россіи (11 іюля 1782 года).

Рускій Илья Васильевичъ, уроженецъ изъ Кіевскаго налѣстничества, получилъ первоначальное образованіе въ Кіевской академіи, откуда 15 ноября 1761 года поступилъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь и прошелъ полный (по тогдашнему) курсъ ученія: 20 ноября 1762 года произведенъ въ подлѣкари и 15 мая 1766 года въ лѣкари. Бывши подлѣкаремъ, онъ слушалъ акушерскія лекціи доктора Линдемана. По окончаніи курса онъ оставилъ службу и 28 декабря 1778 года отправился въ Страсбургъ для окончательнаго образованія и спеціальнаго изученія акушерства, гдѣ черезъ два года получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Россію, экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи 28 августа 1781 года и получилъ право практикн, просился въ Курскъ, пока гдѣ нибудь откроется докторская вакансія. Но коллегія не отпустила его, а опредѣлила (въ октябрѣ 1781) младшимъ докторомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, а черезъ шесть мѣсяцовъ назначила профессоромъ въ москов-

скую акушерскую школу, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ. Умеръ въ Москвѣ въ октябрѣ 1786 года.

Рюль Федоръ (Friedrich Ludwig Rühl), родомъ изъ Мариенбурга, учился въ Берлинѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Послѣ того пріѣхалъ въ Курляндію и былъ тамъ при дворѣ гофъ-хиругомъ и практиковалъ 22 года. Пріѣхавъ въ Петербургъ экзаминованъ былъ и получилъ право практики (20 іюля 1784 года). Состоялъ на службѣ сперва въ Валкскомъ, а потомъ въ Верровскомъ уѣздахъ въ Лифляндіи. Доживъ до 57 лѣтъ, Рюль сталъ просить себѣ чина надворнаго совѣтника; но медицинская коллегія отказала въ чинѣ, на томъ основаніи, что онъ не прослужилъ еще 10 лѣтъ со времени получения права практики въ Россіи, какъ того требовалъ указъ сената 16 декабря 1790 года (13 октября 1793 года). Чинъ 6 класса данъ ему 9 ноября 1800, когда онъ былъ уже гофъ-хиругомъ.

Рюквардтъ Христофоръ (Rückwardt), операторъ Лифляндской врачебной управы, подиѣнилъ въ аптекѣ Готцена двойной ящикъ инструментовъ, принадлежавшихъ Динаминдскому госпиталю, одиначнымъ и уличенъ въ этомъ; потомъ поссорился съ инспекторомъ Бурманомъ и акушеромъ Зомеромъ и зато (21 сентября 1797 года) устраненъ отъ присутствованія въ управѣ. Переведенъ былъ въ Черноморскій флотъ штабъ лѣкаремъ, но не могъ туда отправиться по болѣзни. Коллегія приказала освидѣтельствовать его и оказалось, что онъ былъ боленъ чахоткою, но не въ такой степени чтобы не могъ служить. Тогда коллегія назначила его операторомъ Курляндской врачебной управы, на мѣсто доктора Христиана Эжгофа (1798).

Рюнингъ Алексѣй (Alexius Friedrich Rüning), лифляндецъ изъ Дерпта, сынъ доктора, учился въ Ленѣ четыре года и въ Эрфуртѣ одинъ годъ и въ послѣднемъ получилъ дипломъ. Экзаминованъ въ коллегіи и не выдержалъ экзамена, но по прошенію опредѣленъ, «для лучшаго утвержденія въ знаніи», въ спб. адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 200 р. и 60 р. на квартиру (31 августа 1798).

Саблеръ Фридрихъ (Thomas Friedrich Sabler), находившійся на госпитальномъ кораблѣ, переведенъ былъ 25 января 1795 года въ ревельскій адмиралтейскій госпиталь, въ помощь доктору Вальтеру, съ жалованьемъ по 400 р. Оттуда переведенъ былъ акушеромъ въ Ревельскую врачебную управу, съ увольненіемъ отъ прежней должности (12 марта 1797).

Сави Устиніанъ Ивановичъ (Justinianus Savy), лѣкарь польской службы, надворный совѣтникъ, припавшій русское подданство. Учился въ Парижѣ въ Hotel Dieu два года (съ 6 марта 1771 по 15 февраля 1773). Потомъ былъ лѣкаремъ при королѣ Станиславѣ польскомъ (30 января 1755) и пожалованъ отъ него надворнымъ совѣтникомъ (2 марта 1731). Вызванъ въ Россію графомъ Захаромъ Чернышевымъ чрезъ Литовскаго великаго гетмана Огинскаго и опредѣленъ въ гор. Кошицъ меклѣвскаго намѣстничества на докторскую

вакансію, а оттуда перемѣщенъ въ гор. Никитскъ Московской губерніи (1782) и оттуда въ Казанское намѣстничество. Прослуживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ явился къ экзамену въ медицинскую коллегію и хотя выдержалъ его, но по неимѣнію иностраннаго докторскаго диплома, получилъ званіе лѣкаря. Затѣмъ опять экзаминованъ въ Москвѣ и признанъ докторомъ медицины (8 января 1792) съ правомъ практики въ Россіи, и съ назначеніемъ на службу сперва въ Симбирское, а потомъ въ Казанское намѣстничество (1 іюля 1793 года). Въ то время раздавались земли для колонизаціи Таврической области и докторъ Сави обратился къ генералу Жегулину, правителю Таврической области, съ просьбою дать ему тамъ землю «для заселенія людьми и къ производству хлѣбопашества». Генералъ Жегулинъ сдѣлалъ представленіе объ этомъ графу Платону Зубову и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее письмо: «Высокородный и превосходительный г. генералъ-майоръ, правитель Таврической области и кавалеръ, милостивый государь мой. На представленіе вашего превосходительства былъ я согласенъ принятому въ Таврическую область доктору польской службы надворному совѣтнику Устиніану Сави дать землю къ заселенію людьми и къ производству хлѣбопашества, по сему и предписываю вамъ приказать отвезти ему, Сави, изъ числа состоящихъ въ Тавридѣ порожнихъ земель 500 десятинъ и для вѣчнаго и потомственнаго онаго владѣнія выдать на законномъ основаніи планъ и межевую книгу.

Пребываю съ почтеніемъ *графъ Платонъ Зубовъ*.
«въ С.-Петербургѣ, марта 10 дня 1794 года».

А какъ условіемъ выдачи земли было заселеніе и хлѣбопашество въ Тавридѣ, т. е. пребываніе на мѣстѣ и обработка земли, то докторъ Сави опредѣленъ былъ въ Таврическую область докторомъ (23 марта 1794 года), въ Днѣпровскій и Мелитопольскій уѣзды. Успѣлъ ли онъ вступить во владѣніе пожалованною землею—не извѣстно; но по смерти императрицы Екатерины II всѣ присутственныя мѣста и должности въ Таврической губерніи упразднены были и докторъ Сави остался за штатомъ. Онъ не желалъ однакоже оставлять службы и просился въ операторы Новороссійской губерніи: но инспекторъ этой врачебной управы, штабъ-лѣкарь к. а. Карлъ Августъ Роде, не желалъ принять его на просимое мѣсто, по незнанію будто бы русскаго языка. Тогда медицинская коллегія предложила ему выдержать экзаменъ на званіе оператора, отъ чего онъ самъ отказался. Не зная куда дѣться, Сави просился къ Севастопольскому карантину и опредѣленъ туда (11 января 1798 года⁶⁾, а затѣмъ уволенъ въ отставку (10 ноября 1799 года) съ паспортомъ.

⁶⁾ Докторъ Сави поступилъ къ Севастопольскому карантину на мѣсто лѣкаря Афанасія Вучарова, который отданъ былъ подъ судъ за то, что вызвалъ карантиннаго пристава майора Кирилла Лобова собственноручною запискою на дуэль.

Сальховъ (Ulrich Christophor Salchow) учился въ Галле, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ въ 1746 году. Въ Петербургъ вызванъ спб. академію наукъ на кафедру химіи экстраординарнымъ профессоромъ и по просьбѣ академіи наукъ получилъ отъ медицинской канцеляріи право практики въ Россіи безъ экзамена (26 мая 1756 года), съ обязательствомъ исполнять всѣ правила и постановленія медицинской канцеляріи касательно практикующихъ врачей.

Самойловичъ Данило Самойловичъ принятъ ученикомъ въ спб. адмиралтейскій генеральный госпиталь 27 ноября 1761 года, произведенъ подлѣкаремъ 1767 и лѣкаремъ въ томъ же году. По высочайшему повелѣнію 21 октября 1771 года произведенъ въ штабъ-лѣкари и 10 июня 1775 года произведенъ въ коллежскіе ассессоры, съ назначеніемъ на службу при московскихъ департаментахъ правительствующаго сената. 12 іюля 1776 года уволенъ отъ службы, по собственному желанію, для отъѣзда въ чужіе края усовершенствоваться въ медицинѣ, на основаніи указовъ сената 7 марта и 3 апрѣля 1761 года ¹⁾. Опираясь на эти указы, по представленію медицинской коллегіи, сенатъ приказалъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія 1 мая 1778 года, объявленнаго генераль-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ сенату, выдавать двойное жалованье во все время ученія его за границу. Помогли ему въ этомъ дѣлѣ князь Гр. Гр. Орловъ и президентъ коллегіи Ал. Ал. Ржевскій. Поѣхавъ въ отпускъ, Самойловичъ прямо направился въ Лейденъ, учился тамъ четыре года и напечаталъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio medico-chirurgica inauguralis, sistens comparationem inter sectionem symphyseos ossium pubis et sectionem caesaream etc.*, получилъ докторскій дипломъ (26 октября 1780). Затѣмъ, въ дополненіе своего ученія, онъ отправился въ Парижъ и учился въ Страсбургѣ специально акушерству и женскимъ болѣзнямъ. Возвратившись

а тотъ представилъ эту записку, по начальству, къ новороссійскому губернатору генераль лейтенанту Николаю Михайловичу Бердяеву, и тотъ переслалъ ее медицинской коллегіи. Но Вучарова оправдали въ Новороссійскомъ губернскомъ правленіи и снова приняты на службу въ Черноморскій флотъ (31 мая 1799).

¹⁾ Въ указахъ этихъ сказано: 1) Если кто изъ русскихъ медицинѣ обучаться похочетъ и желатели явятся, таковымъ не токмо вслѣдствіе ихъ надлежащія тому къ предводительству дѣлать и обучать совершенно, но стараться таковымъ надлежащимъ порядкомъ призывать и добрымъ содержаніемъ обнадеживать и попеченіе объ нихъ имѣть, чтобы и русскіе въ медицинѣ до вышнихъ градусовъ науки достигли. 2) Определеннымъ въ отпускъ въ чужія государства лѣкарямъ жалованье производить по окладамъ двойное, отпускная оное какъ имъ, такъ и впредь, буде кто изъ такихъ русскихъ пожелаетъ для оныхъ наукъ за море ѣхать для перевода къ нимъ изъ статсъ-конторы.

на родину, онъ опредѣленъ на службу въ Екатеринославль, подъ команду князя Потемкина, который очень любилъ его и часто рекомендовалъ медицинской коллегіи. Въ 1792 году докторъ Самойловичъ состоялъ докторомъ въ московскомъ госпиталѣ и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. Въ 1798 году онъ находился при Новороссійскихъ карантиннахъ, въ чинѣ статскаго совѣтника. Еще находясь въ Екатеринославлѣ, въ мартѣ 1783 года, онъ прислалъ на имя императрицы три записки на французскомъ языкѣ о чумѣ, въ которыхъ авторъ предлагалъ—въ одной прививаніе болѣзни, въ другой употребленіе курительныхъ порошковъ и въ третьей обтираніе тѣла льдомъ. Десять лѣтъ спустя, въ 1792 году, онъ прислалъ еще записку на русскомъ и французскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: *Описаніе микроскопическіахъ изслѣдованій о существѣ яда язвеннаго* (3 сентября 1792).

Умеръ въ Москвѣ въ 1811 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Санхеъ Антонъ (Antonio Ribeiro Sanchez), родомъ изъ Португаліи, учился въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Вызванъ былъ изъ Голландіи въ русскую службу по капитуляціи, засвидѣтельствованной въ Амстердажѣ у нотариуса Schabaelie 5 іюня 1731 года и написанной на французскомъ языкѣ. Онъ вызванъ былъ докторомъ Н. Билло, по порученію Докторскаго Собранія въ Москвѣ, срокомъ на 5 лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ, чрезъ амстердамскаго купца Альберта Себа, ѣздившаго въ Россію, отъ котораго и получилъ на проѣздъ 100 рублей. Первоначально, по прибытіи въ Россію, опредѣленъ былъ къ медицинской канцеляріи, къ физическимъ дѣламъ, въ помощь спб. штатдт физіку Миняту; или для особыхъ временныхъ порученій, какъ напримѣръ командировка его (2 сентября 1735 года) въ Крымскую армію въ Воронежъ, особенно въ крѣпость св. Анны съ лѣкарями К. Паульсеномъ и К. Пашпельбаумомъ. По возвращеніи изъ этой командировки онъ переведенъ въ Петербургъ докторомъ въ шляхетный кадетскій корпусъ (12 апрѣля 1737 года), съ прибавкою 50 р. къ прежнему жалованью. Прослуживъ здѣсь около четырехъ лѣтъ онъ опредѣленъ (3 марта 1740 года) гофъ-медикомъ съ жалованьемъ по 2000 р. (въ томъ числѣ на квартиру, дрова, столъ, коляску и проч. по 500 р.). Виѣстѣ съ тѣмъ ему предписано смотрѣть и за больными въ корпусѣ до опредѣленія другаго доктора. Черезъ годъ послѣ того, по повелѣнію императрицы Елисаветы, онъ пожалованъ вторымъ лейбъ-медикомъ при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны ²⁾, съ жалованьемъ по 3000 руб. (5 ноября 1741 года) и съ отчисленіемъ отъ кадетскаго корпуса. Не смотря на заслуженный авторитетъ Сан-

²⁾ Первымъ лейбъ-медикомъ былъ графъ Германъ Лестокъ, съ жалованьемъ по 7000 р.

хеса по всѣмъ отраслямъ медицинской его дѣятельности (и какъ терапевта и какъ судебнаго врача), онъ не долго оставался на предоставленной ему блестящей карьерѣ и по собственному прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ службы (11 сентября 1747 года) и немедленно выѣхалъ изъ Россіи, получивъ на выѣздъ 100 рублей, условленные кашитуляціею. Онъ поселился въ Парижѣ и оттуда переписывался иногда съ императрицею Екатериною II.

Библіотека Санхеса куплена у него медицинскою канцеляріею, при его отъѣздѣ.

Докторъ Санхесъ познакомилъ иностранныхъ врачей съ лѣчебнымъ употребленіемъ русской паровой бани, въ сочиненіи *De cura variolarum variorum ore apud Russos omni memoria antiquioris usu recepti*, переведенномъ по русски подъ заглавіемъ *О парныхъ россійскихъ баняхъ*, и съ внутреннимъ употребленіемъ сулемы при лѣченіи сифилитическихъ болѣзней въ Россіи. Извѣстно также его *Dissertation sur l'origine de la maladie vénérienne, Lisbonae, 1750, 1752 et 1762*.

Саполовичъ Яковъ Осиповичъ, сынъ посполитаго Серебрянской сотни Прилукскаго полка, учился первоначально въ Кіевской академіи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ Кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь 12 іюня 1778 года. Но ему не хотѣлось оставаться въ этой школѣ и онъ сталъ проситься и переведенъ въ сиб. генеральный сухопутный госпиталь (22 апрѣля 1779 года). Онъ прилежно занимался анатоміею и, получивъ званіе подлѣкаря, по представленію профессора Тереховскаго назначенъ прозекторомъ (августъ 1783) въ томъ же госпиталѣ, съ производствомъ въ лѣкаря и съ жалованьемъ по 84 р. въ годъ. Занимаясь анатоміею, Саполовичъ не оставлялъ хирургіи и въ февралѣ 1785 сдѣлалъ литотомию у 13-лѣтняго мальчика, вынувъ камень вѣсомъ въ 8 золотниковъ. Операциа удалась. Потомъ сдѣлалъ еще двѣ операциа—одну у мальчика 7 лѣтъ и другую у солдата 35 лѣтъ, обѣ съ успѣхомъ. Вѣсъ камня у перваго 8, а у солдата въ 10 золотниковъ. За эти операциа, по ходатайству старшаго доктора Тихорскаго, Саполовичъ сдѣланъ операторомъ при томъ же госпиталѣ (16 марта 1786 года), а вслѣдъ затѣмъ перечисленъ на вакансію въ сиб. адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 350 р. въ годъ. Прослуживъ въ этой должности около пяти лѣтъ, онъ «за добропорядочную службу», по предложенію барона Фитингофа, произведенъ въ профессора хирургіи въ обоихъ сиб. госпиталяхъ, съ оставленіемъ въ должности оператора въ сиб. адмиралтейскомъ госпиталѣ и съ прибавкою жалованья по 150 р. (а всего по 470 р. въ годъ, 6 мая 1790). Но тутъ случилась странность, которой нельзя объяснить ни чѣмъ другимъ, какъ ненавистью нѣмцовъ къ русскому человѣку. Дѣло въ томъ что Саполовичъ преподавалъ хирургію съ званіемъ профессора, но въ тоже самое время лишены были права экзаменовать своихъ же учениковъ: медицинская коллегія формальнымъ своимъ постановленіемъ (20 марта 1791) «запретила профессору

Саполовичу входитъ въ экзамены съ прочими профессорами (Карпинскимъ и Гофшаномъ)», подъ тѣмъ мелочнымъ предлогомъ, что онъ «считается операторомъ и операторское получаетъ жалованье, хотя и называется профессоромъ». Преподавалъ онъ теоретическую и оперативную хирургию (1 июня 1794), и въ тоже время назначенъ былъ членомъ медицинской коллегіи за урядъ (съ 1 сентября 1795 года, съ жалованьемъ сперва по 1000 р., а потомъ по 1520 р. въ годъ¹⁾). Къ этому прибавилась ему еще очень важная должность, а именно завѣдываніе спб. хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ (1796). При учрежденіи спб. медико-хирургической академіи, по штату 12 февраля 1799 года, профессоръ Саполовичъ отказался отъ преподаванія и остался членомъ медицинской коллегіи, и должность его поручена адъютанту его Петру Логинову.

Свенске Арвидъ (Arvid Theodor Svenske), финляндецъ, получилъ первоначальное медицинское образованіе въ школѣ спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя волонтеромъ (съ 10 октября 1776 по январь 1778), потомъ уволенъ былъ (30 мая 1779) въ чужіе края для усовершенствованія и учился въ Берлинѣ и Геттингенѣ по два года и въ послѣднемъ получилъ докторскій дипломъ (10 июня 1783 года). По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики въ Россіи (августъ 1783) и опредѣленъ на службу сперва въ Гдовскій, а потомъ въ Софійскій уѣздъ Петербургской губерніи, съ жалованьемъ по 400 рублей. Оттуда переведенъ былъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь младшимъ докторомъ; но по собственной надобности уволенъ былъ въ Москву на одинъ годъ (въ октябрѣ 1786) безъ исключенія изъ службы. Годъ прошелъ и докторъ А. Свенске сталъ просить отсрочки отпуска еще на годъ. Въмѣсто отпуска ему предстояло увольненіе отъ службы: но по ходатайству брата его Якоба Готтліба Свенске, жившаго въ Петербургѣ при комисіи проекта новаго уложенія, медицинская коллегія уволила Свенске еще на одинъ годъ (30 сентября 1787 года). По возвращеніи изъ отпуска онъ назначенъ былъ дивизионнымъ докторомъ въ соединенную южную армию Потемкина. Но эта служба ему не нравилась и онъ сталъ проситься въ Петербургъ, въ армию Салтыкова на Двинѣ (мартъ 1791), или въ какое либо другое мѣсто. По этой просьбѣ онъ назначенъ былъ въ спб. академію наукъ, «для пользованія академическихъ воспитанниковъ и разныхъ служащихъ чиновъ» (увѣдомленіе княгини Дашковой 7 апрѣля 1791 года).

Севасто Антонъ Филипповичъ (Sevasto Antonius), родомъ грекъ изъ Венеціи, получившій медицинское образованіе и докторскій дипломъ въ Падуѣ, пріѣхалъ въ Москву 6 октября 1708 года по приглашенію русскаго послан-

¹⁾ А именно за операторство по 300 р., за членство 200 р. и за преподаваніе хирургіи 1000 р. наравнѣ съ другими профессорами.

ника въ Польшѣ князя Григорія Федоровича Долгорукова. Онъ управлялъ петербургскимъ сухопутнымъ госпиталемъ, но не долго. Выйдя въ отставку, онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и опредѣленъ былъ въ число членовъ „Докторскаго Собранія“, учрежденнаго послѣ отставки архіатера Блюментроста и временнаго упраздненія архіатерства (14 сентября 1730). Получалъ ли онъ за это назначеніе какое либо жалованье—не осталось свѣдѣній. Тогда впрочемъ былъ обычай, по недостатку врачей, давать служебныя порученія и командировки не только служащимъ, но и отставнымъ докторамъ, по съ известнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Такимъ образомъ при появленіи чумы на Украинѣ, въ 1738 году, и старіеъ Севасто, въ числѣ другихъ отставныхъ докторовъ, посланъ былъ на Украину къ войскамъ и пробылъ тамъ болѣе полугода. Умеръ 20 августа 1754 года, въ Москвѣ. У него были два сына, Антонъ и Андрей, и дочь Анна. Старшій изъ сыновей, Антонъ, не былъ медикомъ и объ немъ не имѣется свѣдѣній. Дочь Анна вышла за мужъ въ Москвѣ за секретаря Булгаова.

Севасто Андрей Антоновичъ, второй сынъ Антона Филипповича Севасто, родился въ Москвѣ, но получилъ образованіе за границею. Получивъ тамъ докторскій дипломъ, онъ возвратился въ Россію и опредѣленъ на службу докторомъ въ Астраханскій морской госпиталь и въ то же время исполнялъ обязанности карантиннаго врача «для предосторожности и смотрѣнія надъ гарнизонными лѣкарами» (13 декабря 1749 года). Прослуживъ въ Астрахани нѣсколько лѣтъ, онъ женился на дочери секретаря Астрахан. солянаго комисарства Настасьѣ Алексѣевнѣ Богдановой и сталъ думать о переѣздѣ мѣста службы. Къ этому представился и случай: онъ командированъ былъ (30 марта 1753 года) для пользованія намѣстника Калмыцкаго ханства Дундукъ-Даши отъ каменной болѣзни и кочевалъ съ нимъ по степямъ. Находясь въ этой командировкѣ, онъ отчисленъ былъ отъ астраханскаго госпиталя и переведенъ былъ въ ландмилиціонный Украинскій корпусъ (22 февраля 1753), въ Бѣлевскую крѣпость, подъ командою генераль-апшефа и дѣйствительнаго камергера графа Петра Семеновича Салтыкова. Очевидно, что эта служба для семейнаго человѣка еще труднѣе была, чѣмъ госпитальная или степная. Украинская линія простиралась на 360 верстъ, которыя надобно было часто объѣзжать для осмотровъ. Поэтому Севасто началъ проситься въ Москву, по трудности службы, и переведенъ въ Москву, въ губернскую канцелярію и бо всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ (30 июня 1761 года), на мѣсто Гевита, съ жалованьемъ по 600 р. и съ довольствіемъ противъ армейскихъ докторовъ. Умеръ онъ въ Москвѣ 17 іюля 1765 года, оставивъ вдову и дочь.

Сибирскій Иванъ Андреевичъ учился за границею, и получивъ тамъ докторскій дипломъ, опредѣленъ былъ 23 января 1773 года экстраординарнымъ профессоромъ химіи въ Московскій университетъ, гдѣ и умеръ (1773 года).

Сигезбекъ Юг. Георгъ (Joh. Georg Siegesbeck) родился въ Виттенбергѣ

около 1685 года. Докторскій дипломъ получилъ въ Галле, (1716 года) напечатавъ диссертацию *De borella* и потомъ занимался медицинскою практикою въ Зегаузенѣ, а потомъ въ Гельмштадтѣ. Въ Россію прибылъ лѣтомъ 1735 года по вызову архіатера Фишера, которому онъ былъ рекомендованъ Гейстеромъ. Поступилъ медикомъ въ спб. морскому госпиталю и въ тоже время директоромъ ботаническаго сада на Аптекарскомъ островѣ. Въ первый же годъ по прибытіи въ Россію, Сигезбекъ заявилъ себя тѣмъ, что представилъ въ академію наукъ свои *Dubia contra systema Copernicanum*. Кромѣ того имъ изданы въ бытность при ботаническомъ садѣ четыре брошюры ботаническаго содержанія.

Въ 1742 году Зигизбекъ подалъ въ академическую канцелярію прошеніе объ опредѣленіи его въ академію членомъ по кафедрѣ ботаники и единственно на этомъ основаніи Шумахеръ (управлявшій изъ подъ руки президентомъ академіи) подписалъ постановленіе 5 апрѣля 1742 объ опредѣленіи Сигезбека академикомъ ботаники и натуральной исторіи, на мѣсто умершаго Алемана, съ обязательствомъ заниматься этими науками, какъ должно члену академіи наукъ и содержать въ порядкѣ ботаническій садъ, за что ему назначено 800 р. въ годъ жалованья съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Этотъ благосклонный пріемъ, оказанный Сигезбеку Шумахеромъ, объясняется тѣмъ, что въ то время Лестоку былъ всемогущимъ лицомъ при дворѣ и просто велѣлъ Шумахеру дать мѣсто Сигезбеку, признанному не пужнымъ для службы въ вѣдомствѣ медицинской канцеляріи. Но въ 1745 тотъ же Шумахеръ предложилъ Сигезбеку отставку и настоялъ на томъ, что 1 мая 1747 Сигезбекъ отрѣшенъ отъ службы при академіи и уѣхалъ за границу. Умеръ онъ въ Зегаузенѣ въ 1755 году.

Сидоровичъ Алексѣй, сынъ мѣщанина изъ города Конотопа, учился въ кіевской академіи и достигнувъ класса философін поступилъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь 23 іюня 1758 года. Черезъ годъ произведенъ по экзамену въ подлѣкари (14 мая 1759 года), а въ 1761 году 16 февраля въ лѣкари. Весною этого года, съ дозволенія медицинскои коллегіи, въ числѣ 10 молодыхъ лѣкарей, Сидоровичъ отправленъ былъ въ Лейденъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго ученія. Учился сперва въ Лейденѣ, потомъ въ Страсбургѣ и въ Парижѣ, при чемъ обязанъ былъ доносить, гдѣ именно и чему учились эти молодые люди.

Симсонъ Робертъ, англичанинъ, принятъ въ русскую службу командиромъ русской эскадры вице-адмираломъ Грейгомъ на фрегатѣ «Наталю» лѣкаремъ (1 февраля 1774 года). Съ этой эскадрою онъ плавалъ въ Архипелагѣ и въ Константинополѣ. Когда эскадра возвратилась въ Кронштадтъ, Симсонъ явился въ медицинскую коллегію для экзамена, получилъ право практики (9 февраля 1777 года) и опредѣленъ на службу въ корабельный флотъ лѣкаремъ; но уволень по прошенію отъ службы. Въ 1787 году онъ опять принятъ въ

службу и опредѣленъ въ корабельный флотъ на корабль «Ростиславъ», подъ командою адмирала Грейга и по рекомендаціи этого адмирала (1 февраля 1787). Но, кажется, на этотъ разъ плаваніе его не состоялось, потому что баронъ Фитингофъ словесно приказалъ перевести его въ кронштадтскій госпиталь для лѣченія больныхъ, въ отдѣльный флигель, въ помощь старшему доктору Валеріану (іюнь 1789). Тамъ оставался онъ до мая 1791 года, когда, по высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ сопровождать вице-президента адмиралтейской коллегіи графа Ив. Григор. Чернышева въ Вѣну. По возвращеніи оттуда опредѣленъ (9 февраля 1792) старшимъ докторомъ Кронштадтскаго морскаго госпиталя. Уволенъ отъ службы по прошенію 15 мая 1794 года.

Синопеусъ Демьянъ Петровичъ (Damianus Synopaeus) принятъ въ русскую службу 26 февраля 1730 года, по контракту на 4 года, подписанному архіатеромъ Блюментростомъ, докторомъ во флотъ съ жалованьемъ по 500 р. Къ концу контрактнаго срока онъ напечаталъ по русски : *Описаніе болъзней моряковъ*, видѣнныхъ имъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, и за то получилъ прибавку жалованья по 100 руб. въ годъ. Обязанность его состояла въ лѣченіи флагмановъ, чиновъ адмиралтейской коллегіи и въ исправленіи должности кронштадтскаго штатдт-физика и потому онъ жилъ частію въ Петербургѣ, а частію въ Кронштадтѣ. Въ 1736 году опредѣленъ къ московской медицинской канторѣ и штатдт-физикомъ въ Москву. Здѣсь онъ успѣшно занимался медицинскою практикою и черезъ два года имѣлъ уже собственный домъ въ Москвѣ. Но эта спокойная жизнь продолжалась не долго. Началась война съ Турціею и въ арміяхъ появилась чума. Понадобилось много врачей на Украину (1788 года) и на мѣсто бѣдствія посланы были изъ столицы всѣ доктора и лѣбъаря, какъ служившіе, такъ я отставные, лишь бы могли доѣхать до мѣста. Посланъ былъ и Синопеусъ, а мѣсто его въ Москвѣ занялъ докторъ и профессоръ Шрейберъ, съ обязательствомъ принять на себя заботу о домѣ Синопеуса. Онъ посланъ былъ въ Украинскій корпусъ, подъ команду фельдмаршала Ласи, и исполнялъ всѣ обязанности корпуснаго доктора. По окончаніи войны и прекращеніи чумы Синопеусъ опредѣленъ къ полкамъ, расположеннымъ около Москвы (10 мая 1740), а оттуда (3 іюля тогоже года) въ морской корабельный флотъ къ адмиралтейской коллегіи, съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ. По смерти П. З. Кондонди не было ни архіатера, ни директора медицинской канцеляріи, ни лейбъ-медьбуса; но дабы въ текущихъ дѣлахъ медицинской канцеляріи остановки не было, указомъ сената 15 сентября 1760 года, положено присутствіе въ оной имѣть, до указа, доктору Лерке, который и при жизни тайнаго совѣтника и лейбъ-медика Кондонди, въ правленіи по медицинской канцеляріи дѣлъ, въ должности ему вспомошествованіе чинилъ; а съ нимъ обще изъ обрѣтающихся здѣсь докторовъ Синопеусу и Шидлингу, комъ и поступать по указамъ во

всемъ непремѣнно». Но Шиллингъ въ присутствіи только считался, а въ дѣйствительности не участвовалъ, по званію лейбъ-медика, и настоящей властью пользовались только Лерхе и Синопеусъ до самаго учрежденія медицинской коллегіи. Умеръ Д. П. Синопеусъ въ Петербургѣ 14 апрѣля 1776 года.

Скіада (или Скіаданъ) Михаилъ Ивановичъ, родомъ грекъ изъ Кефалоніи, сынъ профессора славяно-греко-латинской академіи, учился въ Лейденѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию: *De solidis artis salutaris fundamentis, in natura hominis duoad ejus fieri poterit profundius cogitata et proximiori relatione ejusdem ad caeteras quasvis res, a quibus ille physice vel moraliter paulo insignius affici potest quaerendis* Lurd. Bat. 1771 сентября 21. Пріѣхавъ въ Россію, экзаменованъ былъ Синопеусомъ, Линдеманомъ и Мелленомъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики 16 февраля 1772 года. Служилъ профессоромъ физиологіи и патологіи въ московскомъ университетѣ съ 1776 года. Умеръ 5 сентября 1802 года.

Скіада (или Скіаданъ) Егоръ Афанасьевичъ, сынъ преподавателя классическихъ языковъ въ московской греколатинской академіи, принятъ въ русскую службу въ ноябрѣ 1747 года и опредѣленъ въ спб. генеральный госпиталь сверхъ штата. Черезъ нѣсколько лѣтъ назначень (9 марта 1754 года) къ медицинской канцеляріи, въ помощь штатдѣ-физику Лерхе, для занятій «у физическимъ дѣломъ», т. е. для освидѣтельствованія разныхъ лицъ по разнымъ вопросамъ. Но онъ не понравился спб. штатдѣ-физику Лерхе и былъ отправленъ имъ въ московскую медицинскую контору, на томъ будто бы основаніи, что Гривъ и Моисей призваны были въ Петербургъ и въ Москвѣ не осталось докторовъ, такъ что на случай и командировать не кого, «да и въ городѣ по осеннему времени въ докторахъ не безъ нужды», съ жалованьемъ по 300 р. Оставался въ Москвѣ одинъ только Де-Тейльсъ, который и взялъ его къ себѣ въ помощники. И такъ жалованье было скудное, а работа трудная. Не мудрено по этому было, что Скіада искалъ лучшаго мѣста и дѣйствительно нашелъ его, а именно въ московскомъ магистратѣ. Дѣло вотъ было въ чемъ. Директоръ медицинской канцеляріи П. З. Кондоиди вошелъ съ представленіемъ въ сенатъ объ открытіи въ Москвѣ вакансіи губернскаго доктора съ лѣваремъ, и доктора при магистратѣ для разныхъ освидѣтельствowań живыхъ и мертвыхъ людей и для лѣченія губернскаго дворянства и обывателей, а магистратскому для купечества (потому что вообще мало докторовъ по многолюдству Москвы). Сенатъ утвердилъ это представленіе 9 апрѣля 1756 года и опредѣлены были: губернскими докторъ В. Гевитъ (600 р.) и лѣварь Федоръ Смирной (180 р.), а при магистратѣ—докторъ Егоръ Скіада (съ жалованьемъ по 500 р.) съ 1 іюня 1756 года. Затѣмъ (5 іюня 1761 года) поручено ему исправленіе должности московскаго губернскаго доктора, и наконецъ 1 марта 1764 уволенъ отъ службы, по прошенію съ абшитою. Прося увольненія отъ

службы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ награжденія чиномъ: но баронъ Черкасовъ, именемъ императрицы, отказалъ ему въ этой послѣдней просьбѣ (7 января 1765).

Соколовъ Никита Петровичъ, первоначально учился при слб. академіи наукъ (съ 1767 по 1774) и отправленъ былъ ею въ чужіе края для усовершенствованія въ медицинѣ. Учился въ Лейденѣ и Страсбургѣ и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ онъ подалъ прошеніе въ медицинскую коллегію (22 марта 1781 года) о допущеніи его къ экзамену на право докторской практики, подобно тому какъ допускаются всѣ иностранные доктора, желающіе служить или практиковать въ Россіи. Но медицинская коллегія положила резолюцію, что надобно съестись съ слб. академіею наукъ, желаетъ ли она чтобы Соколовъ былъ экзаминованъ, а академія отвѣтила, что онъ посланъ ею учиться не для практики и въ экзаменѣ не имѣетъ надобности. По этому медицинская коллегія не допустила его къ экзамену. Тогда онъ обратился къ директору ея А. А. Ржевскому, который и написалъ коллегіи слѣдующее письмо:

«На прошеніи медицины доктора Соколова положена резолюція совѣтъ въ противность именной Е. И. В. инструкціи, данной медицинской коллегіи, и того ради покорно прошу почтенныхъ г-дъ членовъ медицинской коллегіи оную резолюцію отиѣнить и доктору Соколову дать экзаменъ, не требуя на то позволенія отъ академіи. Медицинская коллегія не состоитъ подъ академіею; слѣдовательно излишне будетъ и дожидаться ей въ своихъ дѣлахъ воли академіи. Докторъ Соколовъ не въ службу просить медицинскую коллегію, а только экзамена, который не что иное какъ засвидѣтельствованіе, что онъ подлинно докторъ и достоинъ своего званія. А въ именной инструкціи коллегіи сказано, что никто въ російской имперіи безъ дозволенія медицинской коллегіи практики имѣть не можетъ; слѣдовательно сему Соколову или подобному не можно безъ того и для себя что либо выписать изъ аптеки. Но такъ какъ онъ докторъ, то сего права ему ни какъ запретить не можно и онъ, прося экзамена не иное что просить, какъ пользоваться правомъ своимъ, котораго признать и утвердить, кромѣ медицинской коллегіи, никто и никакое мѣсто не можетъ. И такъ у доктора, ежели онъ достоинъ своего званія, права его по справедливости отнять не можно. Утвердить же его, т. е. позволить ему практику, кромѣ медицинской коллегіи никто не долженъ. А медицинская коллегія имѣетъ свои законы, безъ зависимости академіи, и не имѣетъ нужды никакой испрашивать по своей должности позволенія отъ академіи. А инструкціею ей повелѣно экзаминовать всякаго просящаго экзамена; слѣдовательно ни какъ не можно отказать въ экзаменѣ и доктору Соколову. А сверхъ того и прежде никогда не требовано было ни отъ кого, чтобы желающіе доктора имѣть экзаменъ предъявляли на то позволеніе отъ академіи; безъ сего позволенія были экзаминованы доктора Палласъ, Гиндель-

штеть, Озерецковскій и всѣмъ имъ позволена практика. Того ради нониннюю резолюцію докторъ Соколовъ не иначе какъ за притѣненіе себѣ отъ коллегіи почестъ долженъ. И такъ я покорно прошу, переимѣня оную резолюцію, дать ему экзамень безъ всѣхъ затрудненій. Алексѣй Ржевскій».

Но это письмо опоздало. Академія прислала уже свой отказъ и въ экзаменѣ отказано. Тогда Соколовъ подалъ прошеніе на имя императрицы, на которое и послѣдовалъ слѣдующій указъ сената: „Указъ Е. И. В. изъ правительствующаго сената медицинской коллегіи. По именному Е. И. В. указу, объявленному г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ генералъ прокуроромъ сего сентября въ 1 день, коимъ Е. В., по поданному отъ доктора Никиты Соколова прошенію, высочайше повелѣтъ соизволила: „дать знать академіи наукъ о непрепятствіи помянутому Соколову просить экзамена въ медицинской коллегіи и если она найдетъ его знающимъ отправлять медицинскую практику, а впрочемъ буде онъ болѣе при академіи быть не желаетъ, Е. В. повелѣваетъ его отпустить и по знанію и способности, сходно собственному его желанію, опредѣлить на докторское мѣсто въ здѣшнемъ губернскомъ штатѣ или иномъ департаментѣ, гдѣ есть вакансія. При чемъ угодно Е. В., чтобы примѣтить академіи, что Е. В. не приемлетъ за благо подобное принужденіе человѣку, каковое описано въ просьбѣ означеннаго Соколова“. Правительствующій Сенатъ приказалъ: о непремѣнномъ исполненіи по сему высочайшему Е. И. В. указу съ приложеніемъ копии съ поданнаго Е. И. В. отъ доктора Никиты Соколова прошенія въ комисію академіи наукъ послать указъ, а для равномѣрнаго же исполненія по сему высочайшему указу дать знать означенной коллегіи, предписавъ оной, чтобы она въ опредѣленіи російскихъ докторовъ обучившихся какъ здѣсь, такъ и въ чужестранныхъ земляхъ и достигшихъ докторскаго званія, соразмѣрно каждому успѣхамъ и искусству въ медицинскихъ наукахъ преимущественно предъ выѣзжающими чужестранными поступала на основаніи данной ей въ 1763 году инструкціи. Сентября 7 дня 1781 года».

Соколовъ послѣ этого допущенъ былъ къ экзамену, экзаминованъ Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и 16 сентября 1781 г. получилъ право практики.

Спира Левинъ (Levin Spira), австріецъ изъ Франкфурта, учился въ Берлинѣ и Бюцовѣ шесть лѣтъ и въ Бюцовскомъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ медицинскою коллегіею и получилъ право практики въ Россіи 8 мая 1785 года. Занимался медицинскою практикою въ Полоцкѣ.

Смѣловскій Тимофей Андреевичъ, родомъ изъ Малороссіи, первоначально учился въ Харьковской семинаріи и оттуда поступилъ ученикомъ въ спб. медико-хирургическую школу. По окончаніи тамъ курса произведенъ лѣкаремъ, съ оставленіемъ въ томъ же госпиталѣ, и утвержденъ адъюнктомъ при кафедрѣ химіи и ботаники (1796). Въ 1797 году, по представленію профессора В. М. Севергина „о примѣрной прилежности и усердіи къ своей долж-

ности⁴, награжденъ прибавкою 100 р. къ жалованью (т. е. къ 300 р.). За представленную имъ observaцію произведенъ въ штабъ-лѣкари (15 января 1799 года), съ жалованьемъ по 500 р., а затѣмъ въ адъюнктъ-профессоры (2 ноября 1799 года). При открытіи медико-хирургической академіи профессоръ Севергинъ рѣдко бывалъ въ засѣданіяхъ конференціи, а потому конференція предложила присутствовать на его мѣстѣ адъюнктъ-профессору Т. А. Смѣловскому (27 мая 1802 года), а по выходѣ Севергина изъ академіи и совсѣмъ занялъ его мѣсто, съ званіемъ экстраординарнаго профессора. Умеръ скоропостижно 20 октября 1815 года, въ С.-Петербургѣ.

Онъ издалъ слѣдующія сочиненія:

- 1) *Философія ботаники*, пер. Тимофея Смѣловскаго, Спб. 1800.
- 2) *Краткое разсмотрѣніе Линнеевой системы*. Пер. Тимофея Смѣловскаго. Спб. 1808.
- 3) *Наставленіе о собираніи испанскихъ мухъ*. Там. Смѣловскаго. Спб. 1808.

Смѣловскій Иванъ Андреевичъ, родомъ изъ Малороссіи, учился въ спб. генеральномъ адмиралтейскомъ госпиталѣ и по окончаніи курса произведенъ лѣкаремъ въ Олоонецкое намѣстничество, откуда, по собственной просьбѣ, возвращенъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь. Здѣсь профессоръ Базилевичъ избралъ его адъюнктомъ къ себѣ по кафедрѣ «*praxis medica*» (кляники). Медицинская коллегія назначила ему пробную лекцію: *О болъзненныхъ причинахъ вообще и о чахоткѣ* (5 апрѣля 1796), «гдѣ оказалъ достаточное свѣдѣніе о сихъ частяхъ и имѣеть въ объясненіи мыслей хорошую способность», почему 8 мая 1796 утвержденъ адъюнктомъ при кафедрѣ патологии и терапіи, съ жалованьемъ по 300 р. При учрежденіи медико-хирургической академіи профессоръ и ученый секретарь медицинской коллегіи Базилевичъ, чтобы не занимать двухъ должностей, отказался отъ профессуры и остался при должности ученаго секретаря, а на свое профессорское мѣсто рекомендовалъ адъюнкта своего Ивана Смѣловскаго. Медицинская коллегія назначила ему публичную пробную лекцію «патолого-практическую» (*О болъзняхъ пасочныхъ сосудовъ*) и по выслушаніи и обсужденіи ея признала его адъюнктъ-профессоромъ (20 іюня 1799 года) съ жалованьемъ по 900 р. въ годъ. Смѣловскій преподавалъ около четырехъ лѣтъ патологию и терапію съ усердіемъ и желаемымъ успѣхомъ и поставленіемъ медицинской коллегіи произведенъ въ экстраординарные профессоры (22 февраля 1801 года). Репетиторомъ лекцій своихъ патологии и терапіи избралъ онъ студента 4 курса Данила Велланскаго и этотъ выборъ утвержденъ былъ медицинскою коллегію (17 октября 1801).

Соболевскій Григорій Федоровичъ, изъ Глухова, сынъ значковаго товарища, первоначально былъ придворнымъ пѣвчимъ (съ 1749 по 1753 годъ), а потомъ поступилъ ученикомъ въ семинарію Троице-Сергіевской лавры и

учился до пятницы. Оттуда приехалъ въ Петербургъ, принявъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (31 іюля 1757) и учился до 29 апрѣля 1761 года. Но ученіе это не удовлетворяло его и потому, получивъ увольненіе изъ училища, уѣхалъ въ чужіе края для дальнѣйшаго ученія. Поѣхалъ онъ сперва въ Парижъ, а потомъ въ Лейденъ, и продолжалъ ученіе болѣе десяти лѣтъ. Затѣмъ по экзамену въ Лейденѣ и напечатавъ диссертацию: *De potiore ductu naturae ad medicinam rationalem, sive qua desquiritur, an medicos naturae potius ad rationalem, quam ad empiricam ducat praxim*, и защитивъ ее (17 февраля 1775) получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ экзаменовалъ былъ въ медицинской коллегіи Тихорскимъ, Раушертонъ и Линдеманомъ и получилъ право практики (9 іюля 1775) и опредѣленъ немедленно на службу доцентомъ при обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ, для преподаванія *maternae medicae et botanices* поддѣкарямъ и ученикамъ и для обученія ботаникѣ аптекарскимъ учениковъ въ ботаническомъ саду «систематическимъ порядкомъ», для чего и дана ему квартира въ этомъ саду и поручено завѣдываніе ботаническимъ садомъ (1779). Впрочемъ онъ не отказывался отъ медицинской практики, имѣлъ больныхъ въ госпиталяхъ и пользовался славою хорошаго практика. Профессоръ Гаубіусъ въ Лейденѣ писалъ о немъ императрицѣ Екатеринѣ II, чрезъ русскаго посланника князя Голицына, письмо съ большими похвалами. Онъ много работалъ въ ботаническомъ саду (съ 1775 по 1779 годъ) и представилъ медицинской коллегіи (31 октября 1779 года) «Appendix ad Floram Ingricam s. Catalogus plantarum circa Petropolim crescentium, a doctore Gr Sobolewsky, nuper detectarum et secundum III. Linnaei systema naturae definitarum, quae in Flora Ingrica non reperiuntur», за что медицинская коллегія дала ему (въ ноябрѣ 1779 года) званіе *профессора ботаники* и по ея представленію сенатъ наградилъ его чиномъ надворнаго совѣтника (2 апрѣля 1780). Кроме того коллегія прибавила ему 100 р. къ ежегодному жалованью (а получилъ всего 900 р.).

Впрочемъ еще годъ назадъ, по плану о рангахъ Петра III, онъ состоялъ въ чинѣ секундъ-маіора, что и утверждено было коллегіею 28 февраля 1779 года ¹⁾. Императрица тоже не оставила Соболевскаго особенною наградою. Когда умеръ докторъ гвардейскихъ полковъ Баллюли, то, по ея приказанію,

¹⁾ Это утвержденіе въ чинѣ вызвано было особымъ и по нынѣшнему очень страннымъ обстоятельствомъ. Докторъ Соболевскій купилъ себя крѣпостнаго человека но юстицъ-коллегія не дозволила было ему заключить купчую крѣпость, на томъ основаніи, что покупатель не имѣетъ чина. Ему и дали чинъ, чтобы устранить это затрудненіе, и котораго онъ впрочемъ законно заслуживалъ.

медицинская коллегія представила ей пятерыхъ кандидатовъ на его мѣсто. Это были доктора Ашь, Бахерахтъ, Маттеи, Горголи и Соболевскій и она выбрала Соболевскаго (15 марта 1782 года). Но высшею ему наградою была готовность коллегіи дать ему средства напечатать составленные имъ каталоги растений, что и исполнено. Какъ высоко цѣнились они—видно изъ того, что гербарій его, содержавшій 2200 растений, купленъ былъ коллегіею для кабинета с.-петербургскаго училища за 1600 р. (22 мая 1795).

По смерти профессора Тереховскаго на его мѣсто назначенъ былъ Г. Ф. Соболевскій, съ прибавкою жалованья по 500 р. (23 іюня 1796 года) и въ это именно время начато имъ изданіе каталоговъ. Г. Ф. Соболевскій по прошенію уволенъ отъ службы по болѣзни, 15 мая 1797 года, съ половиною пенсіею (по 1004 рубля въ годъ).

Спедикати Доминикъ (Dominico Spedicati), итальянецъ, принятъ въ русскую службу 22 апрѣля 1770 года въ Ливорно, капитаномъ (въ послѣдствіи вице-адмираломъ) Козляниновымъ, на бывшую тамъ эскадру подлѣбаремъ. По прибытіи въ Россію экзамированъ былъ въ медицинской коллегіи и произведенъ лѣкаремъ (4 іюля 1779). Уволенъ отъ службы на флотѣ 12 іюня 1788 года. Но когда и гдѣ получилъ онъ докторскій дипломъ—неизвѣстно. Въ 1794 году онъ опять былъ на службѣ и даже назначенъ былъ старшимъ докторомъ въ Кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь. Адмиралтейская коллегія не желала видѣть его на этомъ мѣстѣ и рекомендовала своего кандидата, Луи Дебу. Медицинская коллегія стояла на своемъ и началась переписка. Медицинская коллегія отвѣтила адмиралтейской, что д-ръ Спедикати назначенъ не безъ основанія, а въ уваженіе того, что онъ все время своей службы находился во флотѣ и отличилъ себя разными сочиненіями, тѣмъ паче, что онъ и старше Дебу. Спору не предвидѣлось конца, пока самъ Спедикати сталъ просить, письмомъ на имя барона Васильева 20 декабря 1794, для избѣжанія неудовольствій отъ адмиралтейской коллегіи, уволить его отъ этого мѣста, «такъ какъ по извѣстнымъ в. пр.—ству обстоятельствамъ мѣста сего принять мнѣ невозможно». Тогда медицинская коллегія порѣшила дѣло тѣмъ, что Спедикати назначила старшимъ докторомъ ревельскаго полеваго госпиталя, съ жалованьемъ по 600 р., а въ кронштадтскій госпиталь назначила д-ра Ивана Янике, съ жалованьемъ по 800 р. (1 января 1795).

Стаѣ Августинъ (Augustin Staë), родомъ изъ Венеціи, учился въ Болоньѣ четыре года, а потомъ въ Парижѣ и получилъ докторскій дипломъ. Экзамированъ былъ въ медицинской коллегіи, и, получивъ право практиковать (9 сентября 1787), принятъ былъ на службу и опредѣленъ докторомъ въ Крковскій генеральный госпиталь, съ жалованьемъ по 600 рублей 10 рац. и 2

денщик. ¹⁾, а отсюда переведенъ въ Елисаветградскій госпиталь. Но и тутъ оставался недолго, по всей вѣроятности за неспособностью къ преподавательской должности, и уволенъ отъ службы (12 февраля 1789). Вскорѣ впрочемъ опять, по приказанію князя Потемкина, принятъ въ службу въ Екатеринбургскую армию (25 сентября 1790) дивизионнымъ докторомъ. При учрежденіи врачебныхъ управъ онъ назначенъ былъ акушеромъ Новороссійской врачебной управы, но по собственной просьбѣ уволенъ отъ службы (1 іюня 1797 года).

Стефанъ Фридрихъ Христіановичъ (Friedrich Stephan), саксонецъ изъ Лейпцига, учился въ Лейденѣ, и Лейпцигѣ и въ лейпцигскомъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ (25 августа 1782 года). Приѣхавъ въ Петербургъ, экзаминованъ былъ въ медицинскую коллегію и получилъ право практики въ Россіи (19 декабря 1782). Принятъ въ службу дивизионнымъ докторомъ во 2 дивизию, а оттуда въ пограничную дивизию; но по штату медицинской коллегіи 15 іюля 1786 года переведенъ въ московскую медицинскую школу (27 декабря 1787) профессоромъ ботаники, матеріи медики и химіи, съ жалованьемъ по 1000 р. Адъюнктомъ къ себѣ избралъ онъ лѣкаря Андрея Гильдебрандта (съ жалованьемъ по 300 р.), который и утвержденъ коллегіею (7 декабря 1795 года). Профессоръ Стефанъ издалъ *Enumeratio plantarum mosquensium* въ 1795 году. Въ московской школѣ въ это время не было ботаническаго сада для ученія медиковъ и аптекарей. Правда, въ Москвѣ за Сухаревою заставою существовалъ Аптекарскій садъ: но онъ такъ былъ запущенъ, что не приносилъ никакой пользы. Поэтому профессоръ Стефанъ, бывъ въ Петербургѣ, представилъ барону Васильеву предложение (7 января 1796 года) устроить садъ за Сухаревою башнею для разведенія медицинскихъ растений, т. е. возстановить его на прежнемъ основаніи и поручить ему надзоръ за нимъ, подобно тому какъ прежде исполнялъ это докторъ Герберъ. Для этого онъ требовалъ, чтобы въ саду поправлены были домъ и оранжерея, исчисляя на это 600 р. одновременно, и чтобы ему данъ былъ подмастерье и работники (а садовника — говорилъ — не нужно). Вмѣстѣ онъ предлагалъ завести въ саду *музей естественной исторіи*, въ осно-

¹⁾ Крюковскій генеральный госпиталь учрежденъ княземъ Потемкинымъ 28 августа 1787 по случаю движенія войскъ къ турецкимъ границамъ, въ мѣстечкѣ Крюковѣ, подъ вѣдѣніемъ Кременчугской оберъ-штеркригсъ-коммисаріатской комисіи. Въ этотъ госпиталь опредѣлены были по штату 1 докторъ, 1 штабъ-лѣкарь, 6 лѣкарей и соразмѣрное число другихъ медицинскихъ чиновъ. Штабъ-лѣкаремъ назначенъ изъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя Павелъ Максимовичъ, аптекаремъ изъ Лубенской аптеки провизоръ Іоаннъ Іоachimъ Штромъ, а гезелями изъ московской главной аптеки Іог. Фрид. Гауколь и волонтеры Венед. Христ. Брандеръ и Людв. Ратте-

ваніе коего подарилъ гербарій съ 800 растений и собраніе минераловъ и насѣкомыхъ. Предлагалъ также читать лекціи зоологій и минералогій за известное жалованье и разводить въ саду травы, нужныя для аптекъ. Баронъ Васильевъ передалъ это дѣло коллегіи, которая 14 февраля 1796 и передала садъ съ лабораторіею въ ней въ полное распоряженіе Стефана, подъ надзоромъ медицинской конторы, и велѣла выдать ему 600 р. на передѣлку дома и оранжереи, гдѣ онъ и жить долженъ былъ. Прослуживъ болѣе 13 лѣтъ въ должности профессора, профессоръ Стефанъ просилъ прибавки жалованья, на основаніи доклада объ учрежденіи медико-хирургическихъ академій (12 февраля 1799, пунктъ 5) и получилъ 200 р. прибавки, считая съ 1799 года. Онъ уже тогда былъ почетнымъ членомъ коллегіи и коллежскимъ совѣтникомъ.

Стиксъ Мартынъ (Martin Ernest Stux), родомъ изъ Риги, учился въ Іенѣ и напечаталъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Anatomia nervi cruralis et obturatorii*, получилъ докторскій дипломъ (1 іюля 1782 года). По возвращеніи въ Россію экзаменованъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики въ Россіи (17 сентября 1783 года) и принятъ въ службу въ гор. Гдовъ и уѣздъ его докторомъ, съ жалованьемъ по штату (400 руб.). Отсюда переведенъ былъ въ Оренбургскій областной госпиталь (въ январѣ 1785 года) и прослужилъ тамъ до 1790 года.

Стьюартъ Чарльзъ (Charles Stewart), англичанинъ, учился пять лѣтъ въ Эдинбургѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ. Экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи и получилъ право практики въ Россіи (23 августа 1789). Вкорѣ послѣ того назначенъ на службу въ Олонецкое намѣстничество, но пробылъ тамъ недолго и по представленію графа Салтыкова опредѣленъ (въ мартѣ 1794 года) дивизионнымъ докторомъ въ войска, расположенныя въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ и въ Малороссіи, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщ. По окончаніи войны и при учрежденіи врачебныхъ управъ назначенъ былъ докторомъ въ гор. Дубно Волынской губерніи (20 августа 1797), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Уволенъ отъ службы за болѣзнію 26 апрѣля 1798 года.

Сандуль-Стурдза Яковъ Тимофеевичъ, сынъ священника въ селѣ Казацкомъ Переяславскаго уѣзда, учился въ Черниговской коллегіи и отсюда опредѣлился на службу канцеляристомъ въ Переяславской полковой канцеляріи (1767), а оттуда принятъ ученикомъ въ московскій генеральный сухопутный госпиталь (4 декабря 1777 г.). Окончивъ курсъ ученія (1777—1783) опредѣленъ былъ лѣкаремъ сперва въ Елизаветградскій третій батальонъ, а потомъ въ Тверской карабинерный полкъ. Въ 1786 году 26 марта произведенъ въ штабъ-лѣкари и переведенъ въ с.-петербургскій генеральный госпиталь для сожительства съ братомъ, лѣкаремъ Константиномъ (12 апрѣля 1787), безъ жалованья. Отсюда перешелъ на службу въ главное

управленіе почтовыхъ дѣлъ, гдѣ произведенъ докторомъ (11 ноября 1792) и коллежскимъ ассессоромъ. Въ 1793 году уволенъ отъ медицинской службы и перешелъ въ комиссію россійскихъ законовъ, а оттуда въ Вознесенскую губернію совѣтникомъ казенной палаты (1795). Но когда эта губернія упразднена, то онъ остался за штатомъ (1797) и просилъ мѣста инспектора Слободско-украинской врачебной управы; но медицинская коллегія усомнилась опредѣлить его, такъ какъ онъ съ 1792 бросилъ медицинскую службу, и представила вопросъ на разрѣшеніе барону Васильеву, который разрѣшилъ опредѣлить его туда, что и исполнено (9 августа 1799). Между прочимъ сохранилось свѣдѣніе объ одной изъ его служебныхъ командировокъ. Это было 27 іюня 1801 года. Инспекторъ врачебной управы С. Стурдза получилъ предписаніе Харьковскаго вицегубернатора немедленно ѣхать въ Ахтіарскій уѣздъ и принять мѣры къ истребленію саранчи, такъ какъ тамошній исправникъ не знаетъ что съ нею дѣлать. Онъ поѣхалъ и конечно не истребилъ саранчи. Но медицинская коллегія донесла сенату, что истребленіе саранчи— не медицинское дѣло и просила его распоряженія, чтобы мѣстные губернаторы не отвлекали медицинскихъ чиновъ отъ медицинскихъ обязанностей къ полицейскимъ.

Сутгофъ Николай (Nicolaus Joachim Suthoff) принятъ въ службу по экзамену въ медицинскую коллегію 8 іюля 1787 и опредѣленъ докторомъ въ Костромское намѣстничество (27 сентября 1787).

Сузаревъ Григорій Ивановичъ, сынъ священника изъ Харькова, первоначальное образованіе получилъ въ Харьковской семинаріи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ с.-петербургское медико-хирургическое училище (22 ноября 1792 года). По окончаніи курса оставленъ при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ лѣкаремъ на подлѣкарской вакансіи и здѣсь же предложенъ профессоромъ Конради въ адъюнкты при немъ, при кафедрѣ акушерства (ноябрь 1795). Коллегія потребовала отъ него пробной лекціи, которая и была прочитана (31 января 1796). Члены коллегіи, слушавшіе ее, донесли, что лѣкаръ Сузаревъ по части акушерства заявилъ себя весьма хорошо и впрочемъ имѣетъ онъ достаточный даръ слова къ изъясненію своихъ мыслей». По этому аттестату онъ утвержденъ былъ адъюнктомъ (13 февраля 1796), съ жалованьемъ по 300 р., а черезъ полтора года послѣ того, по засвидѣтельствованію профессора, «о примѣрной прилежности и усердіи къ своей должности», получилъ 100 р. въ прибавку къ жалованью (1797); а еще черезъ два года произведенъ въ штабъ лѣкари и утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ акушерства и судной науки въ московской медико-хирургической академіи (2 ноября 1799). Вскорѣ послѣ этого профессоръ Конради умеръ (14 декабря 1799) и кафедра его вполнѣ передана адъюнктъ-профессору Сузареву (2 января 1800).

Танненбергъ Богданъ (Gotthelf Wilhelm Tannenberg), московскій уро-

женецъ, учился медицинѣ въ Берлинѣ и Геттингенѣ шесть лѣтъ и въ Геттингенѣ получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ въ медицинскоѣ коллегіи 5 августа 1791 года и немедленно опредѣленъ въ московскій госпиталь «по надобности», съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ. Уволенъ отъ службы 1 июня 1793 года.

Татариновъ Андреянъ Ивановичъ, московскій уроженецъ, поступилъ ученикомъ въ Московскій генеральный госпиталь въ 1745 году, въ 1748 произведенъ въ подлѣбари и 27 марта 1753 года признанъ лѣбаремъ, съ правомъ хирургической практики въ Москвѣ. Въ 1755 году опредѣленъ лѣбаремъ въ московскій университетъ, съ жалованьемъ по 150 р. 29 апрѣля 1763, по представленію куратора московскаго университета Федора Павловича Веселовскаго, произведенъ въ штабъ-лѣбари съ рангомъ по «плану». Въ 1768 году онъ послалъ диссертацию въ Геттингенскій университетъ подъ заглавіемъ *Dissertatio inauguralis de pleuritide vera, singulari casu illustrata a Adriano Tatarinow mosquensi*. Въ ней описана pleuritis, которую былъ боленъ князь Сергѣй Ивановичъ Кольцовъ-Мосальскій, 1766, и получилъ за нее докторскій дипломъ, который представилъ медицинскоѣ коллегіи, прося признать его докторомъ. Но коллегія отказала признать его безъ экзамена. Тогда Татариновъ написалъ президенту коллегіи А. А. Ржевскому письмо и тотъ предложилъ коллегіи признать его *докторомъ*, что и исполнено (7 декабря 1776). Въ послѣдствіи Татариновъ опредѣленъ въ помощь директору по экономической канцеляріи медицинскоѣ коллегіи (1776). 30 мая 1779, по высочайшему повелѣнію, произведенъ въ надворные совѣтники и утвержденъ директоромъ экономической канцеляріи при медицинскоѣ коллегіи. Въ молодости онъ пользовался особымъ покровительствомъ Л. Л. Блюментроста, отъ котораго и получилъ всю его бібліотеку, а на старости имѣлъ (въ 1782 году) 1298 душъ крестьянъ. У него было 7 сыновей изъ коихъ 5 были въ военной службѣ, а остальные 2 при отцѣ.

Тѣппель Генрихъ (Heinrich Gotthelf Toerpel), саксонецъ изъ Штрелга, учился въ Эрлангенѣ полтора года и получилъ дипломъ, 19 июня 1778 года. Приѣхавъ въ Россію, экзаминованъ въ коллегіи Ашемъ и Тихорскимъ и получилъ право практики 12 октября 1780 года. Опредѣленъ былъ на службу въ Вѣльскій уѣздъ Смоленскаго намѣстничества.

Тереховскій Мартынъ Матвѣевичъ, сынъ священника въ Гадячскомъ полку, студентъ кіевской академіи, принятъ ученикомъ въ Сиб. генеральный сухопутный госпиталь 22 октября 1763 года и по экзамену въ госпитальной школѣ произведенъ въ лѣбари (23 сентября 1765 года) въ тотъ же госпиталь. Въ 1767 году онъ прикомандированъ былъ къ Ботаническому саду, считаясь въ штатѣ сиб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Въ 1770 году онъ просилъ позволенія ѣхать на собственномъ содержаніи въ чужіе края «для обученія медицинскимъ наукамъ, чтобъ чрезъ то снискать совершеннѣй-

шее въ оныхъ знаніе и потому большую отечеству приносятъ пользу» и былъ уволенъ отъ службы (17 мая 1770 года) съ абшитою. Онъ учился въ Страсбургѣ четыре года съ половиною и получилъ дипломъ 26 сентября 1775 года. По возвращеніи изъ за границы экзаминованъ въ коллегіи Ашемъ и Пеккеномъ, «ubi se medicum eruditum et probe doctum praestitit» и 29 мая 1777 получилъ право практики и опредѣленъ въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь для обученія подлѣкарей и учениковъ (съ жалованьемъ по 600 р.), гдѣ, по донесенію доктора Валеріана, «со смерти доктора Карпа преподавались только анатомія и хирургія, но вовсе не читаются матерія медика, патологія и *praxis medica*» (3 мая 1777). Но по смерти въ Петербургѣ доктора Хр. фонъ Меллена, Тереховскій переведенъ изъ Кронштадта на его мѣсто (30 мая 1779), для преподаванія анатоміи въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, съ жалованьемъ по 700 р. На это мѣсто считывалъ докторъ Діобольдъ, служившій младшимъ или лекціоннымъ докторомъ въ спб. госпиталяхъ, но почему-то былъ обойденъ и возненавидѣлъ Тереховскаго. Подъ вліяніемъ этой ненависти онъ сталъ интриговать между подлѣкарями, исполнявшими должность прозекторовъ. Тереховскій замѣчалъ эти интриги, долго переносилъ разныя непріятности, но наконецъ потерялъ терпѣніе и подалъ въ отставку (14 декабря 1780), ссылаясь на ослабленіе здоровья и на желаніе отдохнуть безъ казеннаго содержанія, съ тѣмъ, что когда поправится, то опять готовъ поступить на службу, а если не поправится, то будетъ просить абшита. Его уволили (11 января 1781) отъ должности и на его мѣсто опредѣлили доктора Діобольда. Получивъ увольненіе отъ службы Тереховскій поѣхалъ въ Малороссію; но доѣхавъ до Москвы сталъ проситься на службу въ московскій госпиталь, для преподаванія ботаники и акушерства на имѣющіяся вакансіи. Въ это время раскрылись интриги Діобольда и онъ переведенъ былъ сперва въ Казанское намѣстничество, а потомъ въ Сибирскій корпусъ. На его мѣсто опять помѣщенъ Тереховскій, съ жалованьемъ по 700 р. и казенною квартирою (24 февраля 1782), и черезъ годъ получилъ званіе профессора (февраль 1783) и чинъ надворнаго совѣтника (17 ноября 1783 года), а прозекторомъ у него былъ, по его собственному выбору, лѣкарь Я. О. Саполовичъ. Онъ часто хворалъ отъ анатомическихъ занятій и чтобы избавиться отъ нихъ, просилъ себѣ помѣщенія въ ботаническомъ саду, для преподаванія ботаники и *materiae medicae*, съ жалованьемъ по 800 р. Когда возникла мысль объ учрежденіи высшаго медицинскаго училища (медико-хирургической академіи), два профессора, М. Тереховскій и А. Шумляевскій, по высочайшему повелѣнію, объявленному гн. с. П. Завадовскимъ, командированы были въ чужіе края для собранія свѣдѣній о лучшемъ устройствѣ высшей хирургической школы, съ тѣмъ чтобы Тереховскому «сохранено было занимаемое имъ мѣсто. при спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и съ полученіемъ за него жалованьемъ безъ удержанія» (1 марта 1785). Уѣзжая

за границу, онъ передалъ преподаваніе лекцій своихъ доктору Н. Карпинскому, а завѣдываніе ботаническимъ садомъ садовнику Іоганну Гиршу. Тереховскій возвратился изъ этой поѣздки 20 октября 1786 и вступилъ въ прежнюю должность (въ январѣ 1787).

Вскорѣ послѣ этого ему поручено преподавать химію (по Фогелю) и матерію меду (по Кранцу), причѣмъ лаборантомъ химіи назначенъ въ нему лѣкарь Левъ Максимовичъ Амбодикъ, прослушавшій прежде курсъ фармаціи. Онъ преподавалъ химію по четыре дня въ недѣлю, вмѣстѣ съ матерію медикою и дѣлая нужные опыты, а въ другіе два дня работалъ въ ботаническомъ саду и сверхъ того упражнялся въ печатаніи новоизобрѣтенныхъ способовъ гербарія и въ поправкѣ сочиненной имъ химіи на латинскомъ и русскомъ языкахъ, какъ онъ доносилъ (3 января 1793). Онъ былъ почетнымъ членомъ медицинской коллегіи и до старости былъ крайне прилеженъ, не пользовался отпусками и никогда не имѣлъ каникулъ. 24 марта 1795 просилъ уволить его отъ химическихъ работъ въ ботаническомъ саду и эта должность поручена была состоявшему тамъ аптекарю к. а. Іоганну Веделю. Умеръ въ іюнѣ 1796 года въ С.-Петербурѣ.

Тиль Карль (Carl Johann Siegmund Thiel), петербургскій уроженецъ, учился въ Геттингенѣ и защитивъ диссертацию *De singultu*, получилъ докторскій дипломъ (1 сентября 1761 года). Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Гюйонгіоси, Далемъ и Паульсономъ и получилъ право практики въ Россіи (22 февраля 1762), а 24 октября 1763 опредѣленъ въ Сибирскій корпусъ, съ жалованьемъ, по дальности мѣста, по 750 р. 10 рац. и 2 денщ. Но пробывъ тамъ около пяти лѣтъ, онъ пріѣхалъ въ Ревель и 15 апрѣля 1769 года уволенъ отъ службы съ абшитою по собственной просьбѣ.

Тиманъ Иванъ Карловичъ (Johann Gottlieb Thiemann), московскій уроженецъ, сынъ лѣкаря Карла Тимана, состоявшаго при московской медицинской конторѣ и умершаго тамъ 19 іюля 1771 года ¹⁾. Первоначально учился въ московскомъ университетѣ, а потомъ въ московскомъ госпиталѣ и 5 іюня 1775 года уволенъ за границу, въ Саксонію, и въ Витебургскомъ университетѣ прослушалъ медицинскіе курсы и получилъ докторскій дипломъ (6 іюня 1781 года). Возвратившись въ Россію, экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи Тихорскимъ и Горголи и получилъ право практики, 23 декабря 1781 года, а въ мартѣ 1782 года опредѣленъ докторомъ въ гор. Софію сиб. губерніи, а оттуда переведенъ въ сиб. уѣздъ, но самъ просился въ армейскую службу и въ мартѣ 1784 года переведенъ дивизионнымъ докторомъ въ пограничную

¹⁾ Другой сынъ его, Іоганнъ Тиманъ, поступилъ-было въ московскій университетъ, но уволенъ оттуда и затѣмъ перешелъ волонтеромъ въ московскую госпитальную школу 8 августа 1775 года и отсюда уволенъ за несклонностію въ наука.

дивизию (въ Крыму), на мѣсто д-ра Фридриха Стефана, назначеннаго въ Кронштадтъ лекціоннымъ докторомъ. Оттуда переведенъ былъ (1715 года) въ 3 дивизию при корпусѣ въ Таврической губерніи (въ Елисаветградѣ) и 21 февраля 1788 года уволенъ отъ службы „за болѣзнію“ съ абшитою. Скоро однакоже опять поступилъ на службу и назначенъ генеральнымъ штабъ-докторомъ Екатеринославской арміи съ чиномъ кол. совѣтника (1790) и безотлучно находился при князѣ Г. А. Потемкинѣ въ Яссахъ, гдѣ своею властью произвелъ 11 подлѣкарей въ лѣкари и нѣсколько цирюльниковъ въ подлѣкари. Отсюда, по высочайшему повелѣнію (12 февраля 1792 года), назначенъ былъ придворнымъ докторомъ, съ жалованьемъ по 2000 р. По смерти Екатерины II назначеніе Тимана подтверждено Павломъ I, именнымъ указомъ 20 февраля 1797 года ²⁾).

Тимковскій Іосифъ Тимофеевичъ, сынъ казака Миргородскаго полка хорольской сотни деревни Кіязной, студентъ Кіевской академіи, принятъ ученикомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь въ 1756 году. Условіями приѣма было знаніе грамматики, реторики и латинскаго языка. Въ январѣ 1758 года произведенъ въ подлѣкари и назначенъ во флотъ, во время прусской войны. По истеченіи лѣта возвратился въ тотъ же госпиталь и въ маѣ 1759 произведенъ въ лѣкари. Окончивши такимъ образомъ курсъ госпитальной школы, Тимковскій, вмѣстѣ съ другими товарищами, отправился, съ разрѣшенія медицинской канцеляріи, весною 1761 года, въ Лейденъ съ особою данною имъ инструкціею, а оттуда въ Страсбургъ. Возвратился онъ 27 января 1766 года съ дипломомъ и диссертациею *De peripneumonia notha*. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Линдеманомъ, Ашемъ и Пеккеномъ 14 февраля 1766 и получилъ право практики и въ то же время опредѣленъ на службу дивизионнымъ докторомъ въ Смоленскую дивизию, съ которою пошелъ въ Польшу, гдѣ и оставался до марта 1769 года, а потомъ переведенъ въ составъ первой арміи, во время турецкой войны, видѣлъ чуму и по возвращеніи изъ турецкаго похода (1775 года) переведенъ сперва въ Смоленскую, а потомъ въ московскую дивизию. Отсюда переведенъ (22 декабря 1781 года) въ Москву штадтъ-физикомъ. Прошло за тѣмъ нѣсколько лѣтъ и баронъ Фитингофъ все чаще и чаще сталъ выказывать д-ру Тимковскому свое недовольство имъ. Онъ упрекалъ его въ нерадѣніи по службѣ, приписывая это нерадѣніе старости и неспособности къ порученному дѣлу. И наконецъ, приказалъ коллегіи переименовать его, въ видѣ ссылки, въ ревельскій полевой госпиталь (11 октября 1789).

²⁾ «Указъ нашей медицинской коллегіи. Статскому совѣтнику и придворному доктору Ивану Тиману повелѣваемо бытъ при командѣ нашей въ должности лейбъ-медика. Въ С.-Петербургѣ, 20 февраля 1797 года.

Павель».

Тимковскій Иванъ Осиповичъ, сынъ доктора Юсіфа Тимковскаго, учился сперва въ московской университетской гимназіи (съ 28 августа 1781 года), а потомъ въ московскомъ университетѣ до 28 ноября 1791 г. и съ удовлетворительнымъ аттестатомъ отъ него пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ докторскаго экзамена. Его экзаминовали 22 декабря 1791 и медицинская коллегія приказала написать диссертацию на латинскомъ языкѣ, но онъ захворалъ и цѣлые полтора года былъ боленъ. Только 16 ноября 1793 года представилъ онъ рукописную диссертацию подъ заглавіемъ: *Specimen anatomico-physiologicum de structura ventriculi eiusque functione*. Ее разсматривали и одобрили Н. Карпинскій и С. Андреевскій и коллегія признала его докторомъ медицины (19 декабря 1793), а «для лучшаго надтвержденія въ практикѣ» опредѣлила его въ московскій госпиталь съ жалованьемъ по 300 рублей, но сверхъ комплекта. Пробывъ тутъ года полтора, онъ опредѣленъ былъ, по требованію сибирскаго губернатора Ивана Алферьевича Пила, въ Иркутское намѣстничество съ двойнымъ жалованьемъ (по дальности мѣста) по 800 р., куда и прібылъ 15 іюня 1795 года. Соскучившись въ этой дали, онъ просился въ Москву, для совмѣстнаго житія тамъ съ двумя сестрами, тѣмъ болѣе что въ Иркутскій уѣздъ переведенъ изъ Нерчинска докторъ Реслейнъ. Тимковскій просилъ перевода хоть бы сверхъ штата и безъ жалованья, и переведенъ въ московскій госпиталь (7 сентября 1797) безъ жалованья. Прожилъ онъ въ Москвѣ четыре года и по собственной просьбѣ переведенъ въ с.-петербургскій физикатъ (10 февраля 1800) по тоже безъ жалованья, и только 18 марта 1802 года, по высочайшему повелѣнію, назначено ему жалованье по 1200 р. въ годъ, начиная съ 1 января 1802 года.

Вотъ это высочайшее повелѣніе на имя графа А. И. Васильева: «Графъ Алексій Ивановичъ, находящемуся въ медицинской коллегіи при физикатѣ доктору надворному совѣтнику Ивану Тимковскому повелѣваю производить съ 1 января нынѣшняго года жалованья по тысячѣ двѣсти рублей на годъ изъ экономическихъ суммъ медицинской коллегіи. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный
Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, марта 18 дня 1802 года.

Тимченко Григорій Павловичъ, студентъ Кіевской академіи, первоначально учился медицинѣ въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ съ 6 сентября 1772 по 29 апрѣля 1773 года, но, неудовлетворившись этимъ ученіемъ, уволенъ въ чужіе края и учился сперва въ Килѣ пять съ половиною лѣтъ, а потомъ въ Копенгагенѣ полтора года и въ Килѣ получилъ докторскій дипломъ (7 октября 1780 года). Возвратившись въ Россію экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи Ашемъ, Линдеманомъ и Тихорскимъ и 11 января 1781 года получилъ право практикн. Въ слѣдъ за тѣмъ (1 февраля

1781) опредѣленъ на службу въ городъ Симбирскъ, съ жалованьемъ по штату 300 р. и отъ намѣстника князя Платона Мещерскаго еще 300 р. Вскорѣ потомъ онъ переведенъ былъ дивизионнымъ докторомъ 3 дивизіи, а въ ноябрѣ 1786 года опредѣленъ профессоромъ повивальнаго искусства въ Москву, гдѣ и умеръ 21 сентября 1793 года.

Тиффенбахъ Карлъ, докторъ польской службы, послѣ присоединенія Польши обязанъ былъ подвергнуться экзамену въ комисіи, составленной въ Вильнѣ изъ штабъ-доктора Шенфогеля и инспектора врачебной управы Энегольма. При этомъ вмѣнено въ обязанность производить докторскій экзаменъ и защищать диссертациі на латинскомъ языкѣ. Тиффенбахъ выдержалъ экзаменъ и поступилъ на службу въ Тельшевскій уѣздъ, а оттуда въ Гродно (7 іюня 1799 года).

Тихорскій Ѳома Трофимовичъ, сынъ казака Переяславскаго полка Домантоновской сотни, студентъ Кіевской академіи, принятъ ученикомъ въ с.-петербургскій генеральный адмиралтейскій госпиталь въ 1756 году. По окончаніи курса госпитальной школы, Ѳ. Тихорскій, вмѣстѣ съ другими молодыми лѣкарями, отправился, съ разрѣшенія медицинской канцеляріи, въ Лейденъ, а оттуда въ Страсбургъ, съ особою отъ нея инструкцію (весною 1761). Возвратившись изъ за границы съ докторскимъ дипломомъ былъ экзаминованъ въ медицинской коллегіи, получилъ право практики и немедленно принятъ въ службу и получилъ приказаніе (19 января 1766 года) преподавать въ обонхъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ *materiam medicam* на русскомъ языкѣ, не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю. Но 9 августа 1767 года онъ донесъ коллегіи, что «болѣе имѣеть склонности къ практикѣ медической, которая теперь никакимъ докторомъ въ госпиталѣ не показывается». По этому представленію медицинская коллегія (19 октября 1767) постановила, чтобы въ обонхъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ преподавали *praxim medicam* Ѳома Тихорскій, а *materiam medicam* Козьма Рожалинъ. Жалованья Тихорскій получалъ 500 р. и имѣлъ казенную квартиру (съ 1770 года) въ с.-петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Оттуда (5 мая 1776 года) переведенъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь старшимъ докторомъ, съ оставленіемъ въ должности преподавателя практической медицины и съ жалованьемъ по 1300 р. въ годъ ¹⁾. Спустя десять лѣтъ Ѳ. Тихорскій, по прошенію, уволенъ отъ преподаванія лекцій патологіи и медицинской практики (25 января 1787 года). Въ это время онъ былъ уже членомъ медицинской коллегіи.

Тодѣ Христіанъ (Christian Matthias Thode), русскій уроженецъ, перво-

¹⁾ А именно по штату 1733 года 650 р. отъ медицинской коллегіи и по указу сената 29 марта 1755 г. и по плану о рангахъ 28 февраля 1762 года отъ комиссаріата по 350 р. и наконецъ за преподаваніе лекцій 300 р.

начально учился въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, а именно съ 1753 г. подлѣкаремъ, лѣкаремъ 12 іюля 1756 года, штабъ-лѣкаремъ 9 августа 1762 года и 13 іюля 1770 года опредѣленъ на службу при петербургскихъ департаментахъ сената, гдѣ (21 іюня 1775 года) произведенъ въ надворные совѣтники. Прослуживши такъ долго, онъ пересталъ удовлетворяться своимъ положеніемъ и сталъ просить отпуска за границу для усовершенствованія въ наукахъ, и указомъ сената 15 іюля 1776 года уволенъ въ чужіе края и отправился въ Лейденъ. Тамъ прослушалъ медицинскій курсъ и получилъ докторскій дипломъ (30 іюня 1777 года). По возвращеніи въ Петербургъ экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Певкеномъ и получилъ право практики 2 ноября 1777 года. Въ какой службѣ находился онъ—неизвѣстно; но онъ имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и по высочайшему повелѣнію уволенъ отъ службы 12 сентября 1788 года съ пожизненною пенсіею по 300 р. въ годъ.

Трейторранъ Жанъ (Jean Philipp de raytorrens), швейцарецъ изъ города Ивердена, учился медициной въ Базельскомъ университетѣ и напечаталъ диссертацию *De sanguificatione*, получилъ докторскій дипломъ (въ 1761 году). Приѣхавъ въ Россію былъ экзаменованъ Линдеманомъ, Янишемъ и Лерхе и получилъ право практики 14 мая 1762 года и тотчасъ уѣхалъ въ Москву, но въ службу не опредѣленъ по неизвѣстнѣйшій ваканціи.

Уденъ Федоръ (Friedrich Uden) родомъ, пруссакъ, учился въ Берлинской медико-хирургической коллегіи и въ Гальскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ 2 сентября 1776 года. Въ то же время онъ учился горному дѣлу и патентомъ герцога Саксенъ-Веймарскаго 28 февраля 1783 года пожалованъ чиномъ горнаго совѣтника. Принятъ въ русскую службу чрезъ Ганноверскаго лейбъ-медика Циммермана, по высочайшему повелѣнію 13 іюля 1786 года на имя графа П. А. Румянцева Задунайскаго, и опредѣленъ въ Черниговское намѣстничество съ жалованьемъ изъ кабинета по 800 р. въ годъ. По какой-то причинѣ онъ пользовался особымъ расположеніемъ барона Фитингофа и по приказанію его (15 марта 1792 года) вызванъ былъ изъ Чернигова на профессорское мѣсто въ императорскій хирургическій институтъ, только что открывшійся. Фитингофъ обѣщалъ ему при этомъ назначеніи прибавку 400 р. жалованья изъ коллегіи къ 800 р. жалованья отъ кабинета. Но Фитингофъ не успѣлъ утвердить этого распоряженія и умеръ. Тогда Уденъ приѣхалъ въ Петербургъ, и, не вступивъ еще въ службу въ институтъ, потребовалъ прибавки жалованья. Потребовалъ онъ ея высокомѣрно и заносчиво, такъ что, по самому тону требованія, коллегія вынуждена была къ отказу. Тогда онъ сталъ проситься въ отставку: но коллегія отказала и въ этой просьбѣ, сославшись на то, что онъ не состоитъ въ ея вѣдомствѣ и ей нѣтъ до него ни какого дѣла. Однако же по новой просьбѣ, менѣе заносчивой, онъ опредѣленъ былъ (14 іюля 1793 года) въ сиб. школу для преподаванія математики и

физики, съ поясненіемъ, „что хотя сіи науки въ медицинскомъ штатѣ и н положены, но какъ въ именномъ указѣ при изданіи этого штата сказано: доводить въ докторскую степень природныхъ россиянь, а для достиженія сего достоинства математика и физика необходимо нужны“. Преподаваніе должно было производиться на латинскомъ или русскомъ языкахъ по 4 раза въ недѣлю, съ жалованьемъ отъ кабинета (т. е. по 800 р.) и съ прибавкою отъ коллегіи по 300 р. на квартиру. Но и тутъ легкомысліе и заносчивость Удена опять привели его къ неприятностямъ. Онъ не исполнялъ возложенной на него преподавательской должности и потому коллегія постановила слѣдующее опредѣленіе: «такъ какъ онъ, докторъ Уденъ, по силѣ указа сей коллегіи, отъ почетнаго члена оной надворнаго совѣтника профессора Мартына Тереховскаго не принялъ по реестру физическихъ инструментовъ, а зачѣмъ именно—коллегіи не рапортовалъ, и что для преподаванія физическихъ лекцій велѣно ему по рецептамъ требовать изъ здѣшней главной аптеки нужные матеріалы, но оныя имъ принимаемы ли были знать не дано, а равно что имъ 1793 года въ декабрѣ и сего года въ январѣ мѣсяцахъ преподаваемо не было физическихъ лекцій; хотя онъ въ рапортѣ своемъ отвѣтствовалъ, что одержимъ былъ весьма сильною болѣзнію, но объ ономъ ни коллегіи, ни госпитальной конторѣ знать не далъ: то посему, да и что имъ въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ тожъ ученія преподаваемо не было, чрезъ что учащіеся утратили время безвозвратно (какъ рапортомъ, полученнымъ сего марта въ 4 день здѣшняго генеральнаго сухопутнаго госпиталя изъ конторы показано) отъ преподаванія физическихъ лекцій, въ сходствіе его желанія, въ рапортѣ его, полученномъ минувшаго февраля въ 27 день объявлено было, уволить, дабы получаемое имъ жалованье не терялось напрасно, и опредѣлить по прежнему въ Черниговское намѣстничество; жалованья же по силѣ именнаго Я. И. В. указа съ числа сего опредѣленія производить по 800 р. въ годъ отъ кабинета Е. И. В.» (23 марта 1794 года). Но Уденъ не хотѣлъ ѣхать въ Черниговъ и сталъ проситься въ московскую школу профессоромъ «судебнаго искусства и благочинія», но коллегія отказала. Тогда онъ сталъ проситься въ отставку, съ тѣмъ чтобы ему по контракту, заключенному имъ въ Ганноверѣ съ Циммерманомъ 25 марта 1786 года, выдано было изъ кабинета $\frac{1}{3}$ контрактнаго жалованья, кромѣ обыкновеннаго, и 1 іюня 1794 года уволенъ отъ службы. Въ 1800 году Уденъ, находясь давно въ отставкѣ, началъ проситься объ опредѣленіи его профессоромъ патологій и терапій въ императорскій хирургическій институтъ, на мѣсто уволеннаго отъ службы профессора Гофмана и получилъ это мѣсто (18 сентября 1800), съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ, и въ то же время произведенъ въ надворные совѣтники. Онъ слылъ тогда знающимъ и опытнымъ врачомъ и имѣлъ очень авторитетный голосъ въ терапевтической практикѣ. Доказательствомъ этого былъ слѣдующій случай. 29 ноября 1800 года въ медицинскую коллегію

прислано было описаніе болѣзни царя Грузинскаго, чтобы сдѣланъ былъ консилиумъ и посланъ былъ въ Тифлисъ искуснѣйшій профессоръ медицины для лѣченія его. Коллегія избрала для этого профессора Удена и отправила его въ эту командировку, выдавъ на проѣздъ 2000 руб. Уѣхалъ онъ туда 5 декабря 1800, а возвратился 10 февраля 1801 года. Между прочимъ онъ привезъ оттуда кувшинъ Черногорской кислой воды, почерпнутой изъ колодезя близъ Константиновской крѣпости. Вода эта передана была въ слб. адмиралтейскую аптеку, аптекарямъ Ловицу и Цаму, совмѣстно съ Уденомъ для изслѣдованія.

При учрежденіи конференціи въ слб. медико-хирургической академіи, когда ученый секретарь, профессоръ Г. И. Базилевичъ, уволенъ за болѣзнію отъ службы, то на его мѣсто избранъ былъ ученымъ секретаремъ Уденъ, 8 апрѣля 1801 года, и утвержденъ въ этой должности 24 марта 1802 года.

Профессоръ Уденъ принялъ русское подданство въ ноябрѣ 1796 года и 12 мая 1799 года избранъ въ почетные члены медицинскій коллегіи. Въ благодарность за это избраніе онъ прислалъ коллегіи по экземпляру сочиненій своихъ (большую частію относившихся къ медицинскій полиціи) и одно рукописное сочиненіе, написанное имъ по приказанію медицинскій коллегіи: *О заразительныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ, сколько они касаются до должностей опредѣленныхъ по губерніямъ и по уѣздамъ медицинскихъ чиновъ.*

Наконецъ профессору Удену принадлежала первая попытка изданія русскаго медицинскаго періодическаго изданія. А именно 5 іюля 1792 года онъ просилъ позволенія медицинскій коллегіи издавать еженедѣльный журналъ подъ заглавіемъ *Бесѣдующіе врачи или общепользная врачебная переписка*, и представилъ первый листъ его, составленный имъ самимъ. Но коллегія запретила этотъ листъ (не позволила напечатать), такъ какъ «по разсмотрѣніи коллегіею примѣчено нѣкоторое во ономъ отношеніе до вѣры и церковныхъ обрядовъ». «Это отношеніе до церковныхъ обрядовъ» состояло кажется въ томъ, что больнымъ людямъ считалось позволеннымъ ѣсть скоромное въ постные дни.

Унгебауеръ Іоганнъ (Johann Andreas Ungebauer), родомъ изъ Лейпцига, гдѣ учился медициной и по защищеніи диссертациі *De pulsu inaequali ad mentem Galeni de causis pulsuum libr. II.* 1741, получилъ докторскій дипломъ. Принятъ въ русскую службу по капитуляціи на три года (1 іюля 1741 года) и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь (doctor legens). Вскорѣ послѣ того Унгебауеръ переведенъ въ Украинскій корпусъ (1744). Когда же Абраамъ Кау Бургавъ перечисленъ былъ въ слб. академію наукъ, то на его мѣсто въ слб. адмиралтейскій госпиталь назначенъ Унгебауеръ (7 ноября 1747 года). 30 іюня 1750 года онъ опредѣленъ старшимъ докторомъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь (съ жалованьемъ 800 р.) и оттуда, при началѣ 7-лѣтней

войны, переведенъ генеральнымъ докторомъ арміи (1756 года) съ жалованьемъ по 1000 р. Произведенъ въ надворные совѣтники 14 февраля 1758 года. По окончаніи семилѣтней войны Унгебауеръ опредѣленъ (11 января 1760) докторомъ при полкахъ лейбъ-гвардіи, на мѣсто уволеннаго отъ этой должности д-ра К. Крузе. Затѣмъ 19 апрѣля 1762 года назначенъ ко двору гофъ-медикомъ, съ жалованьемъ по 1500 р. и съ квартирными и экипажными деньгами по 500 р. отъ статсъ-конторы и съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники. Умеръ 16 декабря 1781 года.

Фабри Іоганнъ (Johann Fabri), родомъ венгерець, учился въ Галле и получилъ докторскій дипломъ. Въ 1742 году, по донесенію русскаго министра въ Константинополь Влшнякова, появилась тамъ чума (повѣтренная заразительная болѣзнь) и, чтобы предотвратить вторженіе ея въ Россію, указомъ сената 30 сентября 1743 года положено опредѣлить въ Украину и на Донъ одного доктора и двухъ лѣкарей. Докторомъ на Украину, въ Кіевъ, для предосторожности отъ повѣтривающей болѣзни, опредѣленъ докторъ Іог. Фабри (20 декабря 1742), а въ помощь ему даны полковые лѣкаря ландмилиціонныхъ полковъ, Елецкаго Келлингъ и Тамбовскаго Томасъ Энгель. При опредѣленіи эти лица названы докторъ — «пограничнымъ докторомъ, *Gräntz-Medicus*», а лѣкаря — «пограничными лѣкарями, *Gräntz-Chirurgi*». Имъ дана была инструкція изъ медицинской канцеляріи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Подчинены они были кіевскому генераль-губернатору Михаилу Ивановичу Леонтьеву, а жалованье положено доктору, наравнѣ съ дивизионными докторамъ, по 600 р. 10 рац. и 2 денц., а лѣкарямъ по 180 р. 3 рац. и 1 денц. Въ Астрахани въ такой же должности былъ тогда штабъ-лѣкарь Н. В. Pundt, а въ помощь ему, для посылки въ Гиліанъ къ консулу Бавунину, лѣкарь Гольтманъ, и имъ дана также инструкція. Докторъ Фабри умеръ 9 сентября 1750, а лѣкарь Энгель 13 июня 1749 года и на ихъ мѣста назначены докторъ изъ арміи Владиміръ Ломанъ и лѣкарь Іоганнъ Генрихъ Рѣпкенъ.

Федоровскій Андрей Ивановичъ, сынъ священника слободы Нижней Сыроватки миропольскаго вѣдомства Бѣлгородской губерніи, первоначально учился въ Харьковской коллегіи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ Кронштадтскій госпиталь (19 августа 1787 года). Но онъ скоро переѣзженъ оттуда въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, гдѣ и окончилъ полный курсъ ученія, съ производствомъ въ лѣкари въ тотъ же госпиталь, съ назначеніемъ прозекторомъ при тамошней школѣ, съ производствомъ въ штабъ-лѣкари. За тѣмъ, по представленію профессора Н. Карпинскаго, онъ избранъ былъ адъюнктомъ при кафедрѣ анатоміи и физиологіи с.-петербургской школы (1 ноября 1795 года). Между тѣмъ, два года спустя, открылась вакансія въ Кронштадтѣ. А именно въ Калининскомъ институтѣ уволенъ отъ службы профессоръ физиологіи Іог. Генрихъ Шлейснеръ (17 сентября

1797) и на его мѣсто переведенъ изъ Кронштадта операторъ тамошняго госпиталя И. Ф. Бушъ, для преподаванія анатоміи и фізіологіи (съ жалованьемъ по 800 р.), а на его мѣсто въ Кронштадтъ назначель въ должность профессора адъюнктъ, штабъ-лѣбяръ и прозекторъ А. Федоровскій, съ жалованьемъ по штату оператора, да за преподаваніе по 300 р. и содержаніе по регламенту (1791; а черезъ годъ, 1 ноября 1798, въ 620 рубл., которые получалъ онъ, прибавлено еще 100 р.). За тѣмъ 6 сентября 1799 произведенъ коллегіею въ адъюнктъ-профессоры анатоміи.

Фѣлеръ Іоганнъ (Johann Gottfried Faeler), родомъ изъ Страсбурга, гдѣ и учился восемь лѣтъ и получилъ докторскій дипломъ, защитивъ диссертацию, *qua mortem ex corporis natura sequi probatur*, 26 сентября 1775 года.

Фелькнеръ Августъ (August Friedrich Felckner), докторъ въ Красноуфимскѣ (27 августа 1797) съ жалованьемъ по 300 р. Въ тоже время указомъ сената 5 ноября 1797 года произведенъ въ надворные совѣтники, какъ прослужившій болѣе десяти лѣтъ въ настоящемъ чинѣ.

Фіалковскій Степанъ, получилъ первоначальное медицинское образованіе въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и получивъ званіе лѣкаря въ 1761 году, по указу сената отпущенъ былъ, вмѣстѣ съ другими, учиться медицинѣ въ Лейденъ, а потомъ въ Страсбургъ. Фіалковскій уѣхалъ 4 октября 1761, а возвратился 27 января 1766 года. Предъ возвращеніемъ его изъ Голландіи, русскій посланникъ въ Гагѣ графъ Александръ Воронцовъ далъ ему одобрительное письмо на имя барона Черкасова, что по отзыву профессоровъ онъ учился прилежно и оказалъ очень хорошіе успѣхи. По окончаніи ученія и защитивъ диссертацию *De actione ventriculi in ingesta*, Фіалковскій получилъ докторскій дипломъ. Въ медицинской коллегіи экзаминованъ былъ Линдеманомъ, Ашемъ и Пеккеномъ и 14 февраля получилъ право практики и вслѣдъ за тѣмъ (22 февраля 1766) назначенъ на службу дивизионнымъ докторомъ въ Сѣвскъ, на мѣсто Гармеса, переведеннаго къ карантинному дому въ Васильковъ, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац и 2 денщик.

Фикъ Христіанъ (Christian Heinrich Fick) изъ Ревеля, сперва учился два года въ Калининскомъ хирургическомъ институтѣ, потомъ четыре въ Іенѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, 29 августа 1794 года. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики 19 ноября 1795 года и принятъ на службу дивизионнымъ докторомъ въ Гродно, съ жалованьемъ по 600 р. 10 рац. и 2 денщ., на мѣсто уволеннаго доктора Швейцера. Прослуживъ около четырехъ лѣтъ въ полевой службѣ, опредѣленъ акушеромъ въ Псковскую врачебную управу (1799 года).

Фишеръ Іоганнъ (Johann Bernhard von Fischer), сынъ рижскаго доктора Веніамина Фишера, родился въ Любекѣ въ 1685 году, учился ме-

дицинѣ въ Галле, Іенѣ и Лейденѣ, гдѣ, защитивъ диссертацию: *Dissertatio inauguralis sistens varias ex singulis partibus medicinae desumptas positiones*, 1705, получилъ докторскій дипломъ и возвратился въ Ригу, гдѣ жилъ отецъ его. Онъ занимался тамъ медицинскою практикою и исправлялъ должность штатдт-физика. Отсюда, послѣ бѣгства архіатера Ригера, Іоганнъ Фишеръ вызванъ былъ въ Петербургъ и опредѣленъ первымъ лейбъ-медикомъ при дворѣ и архіатеромъ надъ всѣмъ русскимъ медицинскимъ факультетомъ (1 февраля 1735 года), съ жалованьемъ по 7000 р. и съ квартирою и экипажемъ отъ двора. Съ этого времени началась общественная дѣятельность Фишера. Дѣятельность эта была не столько ученая, сколько административная. Онъ призванъ былъ устроить русскій медицинскій факультетъ, организовать его управленіе, создать чего еще не было и правильно поставить что уже было. И опъ оказался разумнымъ и энергическимъ администраторомъ. Сознательно и крѣпко взялъ онъ въ руки власть почти безграничную и никогда не употребилъ ея для своихъ личныхъ видовъ. Ни изъ чего не видно, чтобы онъ подлаживался къ хищной бироновщинѣ, какъ дѣлалъ предѣстникъ его Ригеръ; а между тѣмъ ни одна мѣра, признанная Фишеромъ полезною, не осталась безъ исполненія. Упомянемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, наиболѣе выдававшихся и оставившихъ слѣды на будущее время.

Едва вступивъ въ управленіе „медицинскою канцеляріею и медицинскимъ факультетомъ“, Фишеръ увидѣлъ недостатокъ врачей въ Россіи и убѣдился въ необходимости увеличить число ихъ, т. е. расширить существовавшія госпитальныя школы и преподаваніе въ нихъ. Началъ онъ съ московской школы, находившейся въ завѣдываніи св. синода, а черезъ полгода по вступленіи въ управленіе медицинскою канцеляріею представилъ императрицѣ Аннѣ докладъ (въ августѣ 1735 года) объ улучшеніи этой школы и о снабженіи ея недостававшими учебными пособиями, начиная съ увеличенія числа больныхъ въ московскомъ госпиталѣ и оканчивая расширеніемъ въ немъ власти медицинскіихъ чиновъ. Мѣра была трудная, потому что требовала увеличенія расходовъ, а расходы на нее должны были испрашиваться отъ св. синода. Но онъ провелъ ее простымъ разъясненіемъ разумности и необходимости ея.

Затѣмъ, по образцу московской госпитальной школы, учреждены были еще три школы, изъ нихъ одна въ с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и двѣ другія въ с.-петербургскомъ и кронштадтскомъ адмиралтейскихъ госпиталяхъ. Штаты ихъ утверждены были 9 января 1733 года, но содержаніе предназначено отъ разныхъ мѣстъ—для с.-петербургскаго сухопутнаго отъ военной коллегіи (генераль-кригъ-комисаріата), а для обоихъ адмиралтейскихъ—отъ адмиралтейской коллегіи. При такой разрозненности генеральныхъ госпиталей трудно было управленіе ихъ и въ облегченіе этого составленъ былъ «Генеральный Регламентъ о госпиталяхъ», подготовленный архіа-

теромъ Блюментростомъ и утвержденный императрицею Анною 24 декабря 1735 года.

Забывая о госпитальныхъ школахъ, архіатеръ Фишеръ искалъ необходимыхъ и достойныхъ преподавателей для этихъ школъ, но крайне затруднялся въ присканіи ихъ. Для устранения этого затрудненія онъ возвратился къ той же мысли, какая была и у Бидлоо въ первые годы его московской школы, а именно посылать ежегодно за границу четырехъ русскихъ молодыхъ людей для обученія ихъ, съ тѣмъ чтобы, по возвращеніи изъ за границы, сами они дѣлались учителями. «Такъ какъ предполагается по регламенту, писалъ Фишеръ сенату 22 апрѣля 1738 года, медико-хирургическія школы въ четырехъ госпиталяхъ (въ петербургскомъ двѣ, а въ московскомъ и кронштадтскомъ по одному), въ которыхъ должно содержать лѣкарей учителей или операторовъ, каковые и были содержаны въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ Кронштадтѣ добыть было и изъ чужихъ краевъ невозможно, то и просить дозволенія послать въ Парижъ 6 человекъ лѣкарей, по выбору медицинской канцеляріи на годъ, съ годовымъ ихъ содержаніемъ по 300 р. въ годъ каждому, чтобы тамъ въ анатоміи и хирургіи такъ утвердились, дабы при выше означенныхъ 4 главныхъ госпиталяхъ въ российскомъ государствѣ для обученія подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ могли употреблены быть, изъ здѣшнихъ уроженцевъ искусныхъ молодыхъ лѣкарей или подлѣкарей, отъ которыхъ надѣяніе имѣть можно, что исправно обучатся и прочіе обучать будутъ. А между тѣмъ пока оныя 6 лѣкарей въ Парижѣ выучатся, отъ оной канцеляріи стараніе приложено будетъ, какъ наилучше возможно здѣшнихъ хирургическихъ школъ содержать, а изъ оныхъ лѣкарей дабы двухъ для опредѣленія въ сухопутный госпиталь отъ доходовъ медицинской канцеляріи и двухъ для опредѣленія въ С.-Петербургъ и Кронштадтъ, въ адмиралтейскіе госпитали отъ адмиралтейской коллегіи, а двухъ же отъ коллегіи экономическаго синодальнаго правленія содержать и колкое число денегъ потребно на содержаніе тѣхъ лѣкарей въ Парижѣ отъ тѣхъ коллегіевъ въ медицинскую канцелярію прислано бѣ было повсягодно».

На донесеніи Фишера поставлена была резолюція кабинета: «По сему доношенію справиться: какіе лѣкари, иноземцы или русскіе въ Парижъ посылаются; и буде иноземцы такіе, которые здѣсь въ Россіи породились и фамиліи имѣютъ, таковыхъ яко природныхъ русскихъ посылать потребно, однакожь взявъ отъ отцовъ ихъ или отъ сродниковъ надлежащіе съ подписками реверсы: что по окончаніи наукъ имѣютъ они накіи въ Россію возвратиться, дабы издержанныхъ на нихъ денегъ напрасно не потерять. 31 августа 1738. *Андрей Остерманъ, Артемій Волинскій*». Однакожь эта посылка 6 лѣкарей въ Парижъ не состоялась: сперва помѣшала чума, которой ждали въ Москвѣ, послѣ того какъ она опустошила Украйну, а потомъ удаленіе отъ дѣлъ архіатера Фишера и занятіе мѣста его беззаботнымъ Лестокомъ.

*

Снабжая школы учебнымъ персоналомъ, архіатеръ Фишеръ очень заботился объ изданіи учебниковъ (компендіи) анатоміи и ботаники, и приказалъ рисовальнымъ мастерамъ при госпиталѣхъ заготовить для нихъ рисунки. Семинаристы Новгородской семинаріи прислали ботаническіе рисунки, которые однимъ изъ нихъ, рисовальнымъ мастеромъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Трофимомъ Ульяновымъ, были награвированы на 20 мѣдныхъ доскахъ. Онъ же, Ульяновъ, сдѣлалъ 30 таблицъ къ анатомическому «компендію», который приготавлилъ къ изданію имъ самимъ приготовленнаго матеріала. Текстъ къ анатомическимъ таблицамъ составлялся операторомъ Іоанномъ Балтазаромъ Гаригартомъ, а послѣ его смерти ¹⁾ операторомъ Я. Фонъ-Мелленомъ. Печатаніе анатомическаго компендія началось въ типографіи академіи наукъ 18 февраля 1741 и назначено напечатать 1000 экземпляровъ мелкимъ прифтомъ, въ томъ числѣ 200 экземпляровъ на александрійской, а 800 экземпляровъ на комментарной бумагѣ. Корректуру читалъ Я. фонъ-Мелленъ. Печатаніе рисунковъ поручено было самому Ульянову, при госпиталѣ, но онъ, отпечатавъ 500 экземпляровъ (11 июня 1742), отказался продолжать печатаніе, ссылаясь на недосугъ и прося передать печатаніе въ типографію академіи наукъ, гдѣ оно пойдетъ скорѣе и лучше: но медицинская канцелярія приказала печатать ему самому. Титулъ и предисловіе къ компендію сочинилъ проф. Шрейберъ въ началѣ 1744 года. Типографія взяла за напечатаніе текста въ 1000 экз. 300 руб., считая вѣсть бумагу, наборъ и печатаніе по 30 к. за экземпляръ. Ульяновъ изтратилъ на напечатаніе рисунковъ 614 р. 36 к. съ бумагою, такъ что каждый экземпляръ обходился въ 61¹/₂ коп. Медицинская канцелярія взывала съ учениковъ по 30 коп., а въ 1745 году уже по 1 р., а на александрійской бумагѣ по 1 р. 20 к. Всѣ ученики школы, производившіеся въ подлѣкари или лѣкаря, обязаны были брать ихъ съ вычетомъ изъ жалованья. Въ московской школѣ онъ тоже былъ обязателенъ.

По штату медицинской канцеляріи 9 января 1733 положено имѣть при ней 1 штатдѣ-физика, 1 лѣкаря у физическихъ дѣлъ, а въ послѣдствіи еще 1 оператора. Но обязанности физиката исполнялись и раньше этого. Штатдѣ-физикомъ былъ д-ръ Мвнать, лѣкаремъ и операторомъ Як. фонъ Гальтернъ и лѣкаремъ Эргардъ Эгиди. Надлежащая же инструкція физикату дана только 20 ноября 1739 года, архіатеромъ Фишеромъ.

Имѣя въ виду расширеніе преподаванія въ госпитальныхъ школахъ, архіатеръ Фишеръ предисалъ установить правильное преподаваніе ботаники въ московскомъ аптекарскомъ огородѣ *et cursum pharmaceuticis-chemicum* (1737 года). Преподаваніе поручено было аптекарскому гезелю Томасу

¹⁾ Умеръ 17 ноября 1739 года *ex febre miliari*.

Валлузу и должно было повторяться два или три раза въ годъ; но оно не исполнялось по раскомандированію чиновъ медицинскаго московскаго огорода по причинѣ чумы на Украйнѣ. Съ другой стороны, подобно тому какъ Петръ Великій заботился о собираніи уродовъ и присылѣ ихъ въ медицинскую канцелярію, архіатеръ Фишеръ испросилъ кабинетскій указъ (16 ноября 1736 года) о всѣхъ рудахъ и минералахъ изъ Сибири, Оренбурга, съ Медвѣжья острова и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ горные заводы имѣются и впредь заведены быть имѣютъ, по некоему числу въ оную медицинскую канцелярію присылать велѣно. Изъ собранія этихъ минераловъ составилаь со временемъ обширная минералогическая коллекція, хранившаяся въ медицинской канцеляріи, а въ послѣдствіи положившая начало минералогическаго кабинета въ медико-хирургической академіи.

Почти все время архіатерства Фишера велась Россією войны то съ Польшею, то съ Турціею, и медицинская канцелярія должна была много заботиться о полевыхъ аптекахъ. Содержались и управлялись онѣ по штату утвержденному 3 сентября 1733 года. Но весьма скоро штатъ этотъ оказался недостаточнымъ и по представленію Фишера, именнымъ указомъ 28 марта 1736 года, распубликованъ былъ «Регламентъ о полевыхъ аптекахъ» въ мирное и военное время. Этимъ регламентомъ учреждены четыре полевые аптеки на мирное время: въ С.-Петербургѣ (или въ Выборгѣ), въ Москвѣ, въ Ригѣ (или Смоленскѣ), въ Лубнахъ и въ Астрахани, а въ военное время быть имъ при арміи, а гарнизоны довольствовать медикаментами изъ медицинской канцеляріи, т. е. изъ столичныхъ аптекъ. На содержаніе аптекъ въ мирное время полагалось по новому штату 2967 р., а въ военное время 3915 р.

Какъ самъ хорошій практикъ, Фишеръ не могъ не сожалѣть о дороговизнѣ аптечнаго лѣченія. Дороговизна происходила частію отъ того, что всѣ лѣкарственные матеріалы выписывались изъ чужихъ краевъ, а частію отъ того, что многія аптечныя средства очень дороги, но совершенно бесполезны и держатся въ рецептахъ только по рутиннымъ обычаямъ. Такъ, напримѣръ, въ аптекахъ содержалось около десяти видовъ сала отъ различныхъ животныхъ: сало псовое, дикихъ котовъ, волчье, лисье, язвцовое, свиное, медвѣжье, говяжье, козлинное и змѣиное. Архіатеръ Фишеръ сдѣлалъ выговоръ полевымъ аптекарямъ 26 апрѣля 1738 года, что они все выписываютъ изъ за моря, тогда какъ нѣкоторые аптечныя припасы могутъ быть добыты купчинами (цолрадчиками) въ своемъ государствѣ малыми средствами. Напримѣръ всякое сало отъ рыбы, птицъ и звѣрей (*axungiae piscium, avium et bestiarum*), шучьи зубы (*mandibulae lucii piscis*), зерна ерша рыбы (*lapides percarum*), верровые и волчьи зубы (*dentes apri et lupi*), кровь и сало козлиныя, *sanguis et sebum urcinum*, рога оленій (*cornu alcis*), лодыжки заячьи (*tali leporis*), агарикъ (*agaricus albus*), мускусъ (*moschus orientalis*), можжевеловыя ягоды (*baccae juniperi*), нефть (*oleum petrae*) и тому подобныя

вещи, которыя иногда для того не приготавлиются (дома), что нѣкотораго труда и старанія требуютъ». Вслѣдствіе чего онъ далъ указъ купчинамъ въ С.-Петербургѣ Рылееву и Иванову, а въ Москвѣ Агентову, обязавъ ихъ въ тоже время чинить сборъ потребныхъ для аптекъ веществъ «способнымъ и разумнымъ образомъ. Напримѣръ ежели требовано будетъ заячье сало, лодыжки заячьи, волчьи, щучьи зубы и проч., а оныхъ вещей въ привозѣ или въ продажѣ не имѣется, то имъ, купчинамъ, о томъ освѣдомиться въ ближнихъ помѣстьяхъ и господскихъ домахъ, или въ монастыряхъ, а не такъ, чтобы для того звѣрей самимъ покупать или оное удовольствованіе чинить какимъ непристойнымъ образомъ». Совершенно противно этому поступилъ главный аптекаръ московскій Либгольдъ. Посылая 10 января 1740 года каталогъ медикаментовъ, которые нужно выписать изъ за границы, онъ писалъ изъ Москвы, что «хотя заячьи лодыжекъ въ Москвѣ достать можно, но здѣшніе купцы ниже 10 руб. за фунтъ не продаютъ; такожь хотя и камней рыбы ерша достать можно, но цѣна онымъ гораздо дороже, а вѣсъ ниже; за сало лисье требуютъ по 2 руб. за фунтъ, а оттого и не куплено». То есть куплено, но не такъ какъ предписывалъ архіатеръ Фишеръ. Цѣны устанавливали въ Петербургѣ матеріалистъ Іоганнъ Людольфъ Домъ (Dohm) и въ Гамбургѣ Іоганнъ Юргенъ Бердесъ, и оба набивали карманы, да не забывали и аптекаря Либгольда. Взякая въ этотъ простой способъ обходить бережливаго архіатера, нельзя не видѣть, что этотъ архіатеръ былъ медицинскій практикъ, остававшійся вѣрнымъ стариннымъ лѣчебнымъ преданіямъ. Онъ горевалъ о дороговизнѣ лѣкарствъ, искалъ средства удешевить ихъ, но ему въ голову не приходило спросить себя: да нужны ли въ практикѣ эти чудныя, а отъ того и дорогія лѣкарства? Додумался до этого преемникъ его по управленію русскимъ медицинскимъ факультетомъ П. З. Кондонди и сразу исключилъ ихъ изъ фармакопеи, безъ малѣйшаго ущерба лѣчебной практикѣ.

Какъ правитель и администраторъ, архіатеръ Фишеръ былъ крайне справедливъ и въ величайшую заслугу ему надобно припомнить, что, едва вступивъ въ управленіе; онъ исходатайствовалъ указъ 14 іюля 1735 года «о неприниманіи и не признаваніи словесныхъ именныхъ указовъ, если они не подписаны всѣми тремя кабинетъ-министрами», указовъ, которыми злоупотреблялъ архіатеръ Ригеръ. Ученыя и административныя заслуги его высоко цѣнимы были современниками. Императрица Анна, въ первый же годъ архіатерства (1735), подарила ему домъ въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, принадлежавшій прежде сестрѣ ея, вдовствовавшей герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской, а римскій императоръ Карлъ VI возвелъ его въ дворянское достоинство. Затѣмъ правительница Анна, въ 1740 году, опредѣлила его первымъ лейбъ-медикомъ въ малолѣтнему сыну своему Іоганну. Уволенъ отъ службы 17 февраля 1742 и поселился въ помѣстьѣ своемъ Гинтербергенѣ, близъ Риги, гдѣ и умеръ 8 іюня 1772 года, на 86 году отъ рожденія.

Фишеръ Иоганнъ (Johann Benjamin von Fischer), сынъ предыдущаго, родился въ Ригѣ въ 1750 году. Переѣхавъ съ отцомъ въ Петербургъ, онъ воспитывался вмѣстѣ съ курляндскими принцами. Учился медицинѣ сперва въ Галле, потомъ въ Страсбургѣ, Парижѣ и Лейденѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ, написавъ и защитивъ диссертацию *De modo quo ossa se vicinis accomodant partibus*, 1733. Но вскорѣ отказался отъ медицины и занялся правовѣденіемъ. Въ 1746 году служилъ онъ секретаремъ при гофгерихтѣ, получилъ чинъ коллежскаго ассессора и умеръ въ 1759 году отъ грудной болѣзни ¹⁾).

Вогель Самуилъ (Samuel Vogel), швейцарецъ изъ Мюльгаузена, племянникъ пастора бывшаго при матери Маріи Федоровны, учился въ Базелѣ и Геттингенѣ, но не получилъ диплома. Экзаминованъ въ медицинскои коллегіи, написалъ задачу *De metastasi lactis* и признанъ докторомъ (5 декабря 1790 года) и «по надобности» опредѣленъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 300 рубл. Но онъ не принялъ этого мѣста и по прошенію уволенъ отъ службы съ абшитою (13 января 1791 года), и уѣхалъ на родину. Но въ февралѣ 1794 года возвратился въ Россію и просился въ Рижскій госпиталь, но получилъ отказъ. Вмѣсто того ему предложили службу въ какомъ либо намѣстничествѣ и 20 апрѣля 1794 года опредѣленъ въ калужское намѣстничество. Оттуда онъ переѣхалъ въ Воронежъ и пожаловался барону Васильеву (30 декабря 1796 года), просьбою на высочайшее имя, на коллегію и президента ея Василія Николаевича Зинovieва, за то, что не сдѣлали его профессоромъ. Но онъ не имѣлъ ни знаній, ни дара слова, что доказано было данною ему пробною лекціею, которая вся буквально выписана изъ Галлера, прочитана была по тетради и лекторъ не умѣлъ дать ни одного объясненія, когда профессоръ Карпинскій нарочно дѣлалъ ему неправильныя возраженія.

Фоккельманъ Иванъ, врачъ польской службы, находившійся въ гарнизонныхъ войскахъ въ Каменцѣ Подольскомъ, по присоединеніи польскихъ областей экзаминованъ былъ на мѣстѣ комиссіею, составленною изъ докторовъ генеральнаго штабъ-доктора Миндерера и докторовъ Галова и Герике, признанъ былъ докторомъ 11 іюля 1794 и оставленъ на службѣ при тѣхъ же войскахъ, съ жалованьемъ дивизионнаго доктора, т. е. по 600 р. 10 рад. и 2 денщ.

Фолькмеръ Георгъ (Georg Philipp Volckmer) изъ Ганновера, учился въ Страсбургѣ и Гиссенѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Экзаминовался 30 декабря 1784 и не выдержалъ экзамена. При вторичномъ экзаменѣ полу-

¹⁾ См. *Исторію медицины* В. Рихтера, III, 279.

чилъ право практики (20 января 1785 года). Практиковалъ въ Арнсбургѣ на островѣ Эзелѣ, съ жалованьемъ по 300 р.

Фонтанье Дезагаренъ (Fontanier de Lagagenne), французъ изъ Лиона, учился три года въ Монпелье, но вышелъ безъ диплома, а только съ аттестатомъ. Экзаминованъ въ медицинскоѣ коллегіи, отвѣчалъ порядочно и (21 августа 1796 года) признанъ докторомъ съ правомъ практики.

Форштейнъ Иванъ Ивановичъ (Johann Forstein), уроженецъ изъ Або, сынъ пастора, принятъ былъ ученикомъ 23 іюня 1758 года. Когда онъ кончилъ здѣсь курсъ и признанъ лѣкаремъ (6 іюня 1760), опредѣленъ былъ въ полковую службу, въ Архангелогородскій полкъ, и прослуживъ тамъ около четырехъ лѣтъ, сталъ проситься на спокойное мѣсто за слабостью здоровья. Между тѣмъ открылась вакансія оператора въ кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, за переводомъ тамошняго штабъ-лѣкаря и оператора Генр. Энгеля въ московскій госпиталь, и временное исполненіе операторской должности, т. е. преподаваніе анатоміи и хирургіи въ госпитальныхъ школахъ, поручено было Форштейну (21 декабря 1762 года). Вакансія Энгеля замѣщена была Хр. Людов. Блокъ: но и Блокъ переведенъ былъ въ л-гв. Семеновскій полкъ, а операторская должность опять поручена Форштейну (19 августа 1763), съ жалованьемъ по 306 р., «впредь до усмотрѣнія трудовъ его и способности». При учрежденіи Калининскаго хирургическаго института Форштейнъ переведенъ туда профессоромъ анатоміи и хирургіи и управлявшимъ учебною его частью, съ жалованьемъ по 1000 р., а 1 мая 1799 опредѣленъ штатдѣ-физикомъ въ С.-Петербургѣ, съ оставленіемъ во всѣхъ прежнихъ должностяхъ ⁴⁾.

Форштейнъ не имѣлъ ни университетскаго образованія, ни докторскаго диплома. Даже ученіе его было коротко и недостаточно: но это не помѣшало ему сдѣлаться профессоромъ анатоміи въ Калининскомъ хирургическомъ институтѣ.

Франкъ Илья (Elias Jacob Frank), берлинецъ, учился въ Берлинѣ два года и въ Вильнѣ четыре года, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ въ медицинскоѣ коллегіи и отвѣчалъ: изъ практики и патологіи хорошо и основательно, а изъ анатоміи, хирургіи и химіи слабо (Валлеріанъ, Гр. Соболевскій, Дебу, Карпинскій, Андреевскій, Бьюрбергъ), а по словамъ

⁴⁾ Опредѣленіе это очень странно и очевидно показываетъ, что иностранцамъ и въ особенности нѣмцамъ въ Россіи «законъ не писанъ». Только что объявленъ былъ законъ 12 февраля 1799 года, что никто изъ служащихъ въ вѣдомствѣ медицинскоѣ коллегіи не долженъ занимать двухъ должностей или получать жалованье по двумъ должностямъ, какъ является (1 мая 1799) опредѣленіе Форштейнъ не только въ двѣ, но даже въ три должности, съ тремя содержаніями.

Аша изъ натологін, практики и химіи отвѣчалъ хорошо и основательно, исключая новую французскую номенклатуру въ химіи Лавоазьера, а изъ анатоміи, хирургіи, фізіологіи посредственно (Аштъ). И такъ экзаменъ былъ не совсѣмъ удаченъ. Но полтора мѣсяца спустя, при общемъ разсужденіи въ коллегіи, подъ предсѣдательствомъ барона Васильева, положили дать Франку право практики, которое и дано ему (21 декабря 1794 года).

Франція Альфонсъ (Alphonsus Francía), шведъ родомъ изъ Стокгольма, католикъ, учился въ Боннѣ съ 1761 по 1767 и получилъ докторскій дипломъ. Приѣхавъ въ Петербургъ экзаменованъ былъ въ медицинскои коллегіи Пеккеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики въ Россіи, 28 февраля 1769 года, а въ ноябрѣ этого же года принять въ службу и командированъ въ Харьковъ къ графу Петру Ивановичу Панину, командовавшему 2-ю армію, отъ котораго и опредѣленъ къ войскамъ генераль-поручика барона Ивана Карповича фонъ Эльмита и былъ подъ Бендерами. 19 октября 1770 командированъ былъ въ дивизію генераль-поручика Рейнвельампфа, а потомъ въ Перекопъ для управленія лазаретомъ во время Крымской войны и занятія Крыма и въ городѣ Кефу (для прекращенія чумы) и при крымскихъ госпиталяхъ. Въ 1774 году, по заключеніи мира съ турками, опредѣленъ къ Александровскому полевому госпиталю и 10 марта 1775, по смерти д-ра Дала, исправлялъ его должность генеральнаго штабъ-доктора. Послѣ того назначенъ былъ дивизионнымъ докторомъ въ Нижегородную дивизію. Откуда 20 іюля 1778 года переведенъ въ армію графа П. А. Румянцова-Задубайскаго главнымъ докторомъ войскъ его, а съ 20 мая 1779 года, по его приказанію, находился въ Крыму для пользованія Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, до выздоровленія послѣдняго (сентябрь 1779), а оттуда назначенъ въ Украинскую дивизію и состоялъ при ней до 1783 года. А въ этомъ году командированъ въ пограничную дивизію (тоже въ Крыму) подъ команду князя Гр. Ал. Потемкина Таврическаго главнымъ же докторомъ, но вскорѣ опять возвращенъ къ Румянцеву генеральнымъ штабъ-докторомъ, но на вакансіи дивизионнаго доктора во 2 дивизіи, и 7 декабря 1787 назначенъ генеральнымъ штабъ-докторомъ украинскои арміи за границею подъ командою генераль-аншефа барона Эльмита съ жалованьемъ по 1200 р. 5 рац. и 4 денщ. Этотъ походъ его былъ повидному послѣдній. Походъ еще не кончился, какъ Франція обратился къ барону Фитингофу съ просьбою освободить его отъ полевой службы, такъ какъ онъ прослужилъ въ ней 19 лѣтъ и нынѣ страдаетъ геморроидальными припадками. По этой просьбѣ баронъ Фитингофъ приказалъ «предписать ему (7 октября 1789) указомъ, чтобы онъ, какъ войска далѣе походомъ остановятся и вступятъ на зимовья квартиры, то бы препоручилъ должность свою изъ старшихъ по себѣ извѣстныхъ докторовъ и отправился бы въ такомъ случаѣ въ Москву, гдѣ онъ поступить присутствующимъ и городовымъ физикомъ». Приѣхавъ зимою въ Москву, Франція назначенъ былъ

20 мая 1790 штатдт-физикомъ въ Москву, съ жалованьемъ по 800 руб. Въ этой должности прослужилъ онъ ровно четыре года и переведенъ (22 мая 1794 года) старшимъ докторомъ въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь съ тѣмъ же жалованьемъ. Но не принявъ этого мѣста и оставался въ Москвѣ, гдѣ, по смерти Раушерта, опредѣленъ старшимъ докторомъ московскаго генеральнаго госпиталя (17 марта 1796 года), съ тѣмъ же жалованьемъ. Въ Москвѣ онъ и умеръ 8 января 1799 года.

Фрезе Генрихъ (Heinrich Frese) изъ Ревеля, учился въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ, Лондонѣ и наконецъ въ Лейденѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (26 июня 1772 года), защитивъ *Theses de capite in partu praeternaturali excutiendo*. Экзаминованъ въ медицинской коллегіи Раушертомъ, Тихорскимъ и Линдеманомъ, получилъ право практики 26 февраля 1774 и опредѣленъ на службу въ Могилевскую губернію (6 марта 1774 года). Оттуда назначенъ былъ въ Финляндскую дивизию докторомъ и затѣмъ (28 декабря 1775 года) переведенъ лекціоннымъ докторомъ въ московскій генеральный госпиталь, съ жалованьемъ по 600 р. Въ Москву онъ явился только 24 февраля 1776 года. Преподавалъ тамъ физиологію, патологию, терапію и матерію медуу. Въ іюлѣ 1783 года онъ прислалъ въ медицинскую коллегію двѣ обсерваціи: 1) *De tumore cystico notabilis magnitudinis cum successu extirpato* и 2) *De maxillae inferioris fractura alia, quam a plerisque chirurgiae scriptoribus commendatur methodo sanata* и просилъ званія профессора, а въ августѣ тогоже года получилъ отъ коллегіи званіе *professora*. Въ іюлѣ 1797 года прислалъ онъ барону Васильеву проектъ *Института для точнѣйшаго пересмотрѣнія сказокъ о новорожденныхъ и умершихъ въ столичномъ городѣ Москвѣ* (статистическій институтъ), съ тѣмъ что если проектъ его будетъ одобренъ, то онъ безъ жалованья будетъ составлять предлагаемыя таблицы. Васильевъ передалъ проектъ на разсмотрѣніе медицинской коллегіи, которая его одобрила и признала полезнымъ, а доктора Фрезе избрала 20 августа 1797 въ свои почетные члены.

При учрежденіи врачебныхъ управъ, первымъ инспекторомъ Вологодской врачебной управы назначенъ былъ, по высочайшему повелѣнію, штабъ-лѣкаръ корабельнаго флота, состоявшій при инвалидномъ домѣ на Каменномъ островѣ (въ Петербургѣ) коллежскій ассесоръ Яковъ Фрезе, братъ предыдущаго. Онъ также занимался медицинскою статистикою и за сочиненія его признанъ (съ 22 октября 1797 года) почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. Въ ноябрѣ 1799 года онъ прислалъ въ медицинскую коллегію *физико-врачебныя наблюденія и перечень вѣдомостей изъ епархіальныхъ консисторій* и она одобрила ихъ (10 ноября 1799). Въ началѣ 1800 года представилъ онъ *Таблицу движенія народонаселенія въ Вологодской губерніи за 1800 годъ*, съ указаніемъ средней температуры

уѣздовъ, времени вскрытія рѣкъ, средней смертности, рожденій и продолжительности жизни и опредѣленіе квадратной плоскости губерніи. По его исчисленію губернія занимала 335,546 кв. верстъ и на каждую версту приходилось населенія $1\frac{1}{2}$ душа мужскаго пола (всѣхъ мужскаго пола жителей 294589, а на каждыя 100 мужчинъ среднимъ числомъ приходилось $108\frac{3}{4}$ женщинъ). 1 бракъ на 97 жителей, 1 смерть на 50 жизней, 1 новорожденный на 27 жителей и на 10 умершихъ $16\frac{1}{2}$ новорожденныхъ. Рѣки вскрываются среднимъ числомъ 13 апрѣля, а замерзаютъ 7 ноября. Количество хлѣбнаго сбора противъ посѣва $3\frac{1}{4}$. Медицинская коллегія благодарила автора (31 іюля 1800) и разслала копій таблицъ его во всѣ врачевныя управы для примѣра. Наконецъ въ сентябрѣ того же года Фрезе прислалъ въ медицинскую коллегію *Медико-физическую карту Вологодской губерніи* и тоже получилъ благодарность коллегіи (28 сентября 1800).

Фрейгангъ Іоганнь (Johann Freygang), докторъ при гимназій для чужестранныхъ одновѣрцовъ, учрежденной по штату 1775 года при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ корпусѣ (1782 года). По высочайшему повелѣнію 13 января 1783 назначенъ «придворнымъ докторомъ».

Френкель Іоганнь (Johann Casper Froenckel) изъ Франковъ, изъ города Фирта, учился въ Базелѣ и получилъ докторскій дипломъ. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики (11 іюня 1778) и назначенъ на службу въ Нижегородскую дивизію, а оттуда въ Перекопскій госпиталь. 19 августа 1779 опредѣленъ сперва въ Казанскую, а потомъ въ Смоленскую дивизію. Зналъ русскій, французскій, нѣмецкій, латинскій, греческій, халдейскій и еврейскій языки. 23 сентября 1782 года уволенъ отъ службы.

Фромманъ Стефанъ Ивановичъ (Stephan Samuel Benon Fromman), саксонецъ изъ Кобурга, учился въ Іенскомъ университетѣ два съ половиною года и 29 ноября 1779 получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи Ашемъ и Тихорскимъ и получилъ право практики 12 октября 1780 года. Привякъ въ службу въ гор. Духовщину Смоленской губерніи 17 августа 1797 года, съ жалованьемъ по 300 р., а по упраздненіи этого города остался за штатомъ и переведенъ (9 февраля 1800) въ гор. Порѣчье той же губерніи.

Цадихъ Абрамъ, въ Ригѣ, экзаминованъ штатдт-физикомъ Штофрегономъ и докторомъ Рижскаго госпиталя Борнеманомъ и получилъ право практики въ Россіи (25 февраля 1790 года).

Цейсъ Балтазаръ (Balthasarus Laurentius Zeis) изъ Раугенберга въ Гессенскомъ герцогствѣ, учился въ Геттингенѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (24 ноября 1736 г). Послѣ того полгода былъ въ Страсбургѣ для усовершенствованія въ акушерскомъ искусствѣ, потомъ полгода въ Лейденѣ и затѣмъ въ Копенгагенскомъ госпиталѣ. Экзаминованъ въ медицинской

канцеляріи Лерхе, Пеккеномъ и Ашемъ и получилъ право практики 8 октября 1758 года.

Циммерманъ Іоганнъ (Johann Gabriel Zimmermann) первоначально учился въ московскомъ госпиталѣ волонтеромъ, съ 11 декабря 1768 по 15 мая 1774 года, и получивъ званіе лѣкаря, нагодился въ Москвѣ во время чумы при Лафертовскомъ карантинѣ. Въ 1775 году уѣхалъ въ чужіе края, учился въ Гейдельбергѣ, гдѣ защитивъ диссертацию *De scarlatina in annis 1775 et 1776 epidemica*, получилъ дипломъ (7 декабря 1779 г.). Черезъ два года опредѣленъ на службу въ Орловское намѣстничество (9 декабря 1781 года). Здѣсь онъ захворалъ и увезенъ братомъ его, маіоромъ Егоромъ Циммерманомъ, въ Херсонъ лѣчиться (1794 года), а по выздоровленіи опять опредѣленъ на службу въ Вознесенское намѣстничество (26 июня 1796 года). Умеръ въ Тирасполѣ въ 1799 году, гдѣ былъ уѣзднымъ докторомъ.

Цимъ Фридрихъ (Friedrich Ziehm), изъ города Цербста, учился въ Берлинѣ три года и получилъ дипломъ въ Эрфуртѣ. Экзаминованъ въ медицинскій факультетъ и получалъ право практики 21 августа 1794 года.

Цуберъ Христіанъ, сынъ штаб-лѣкаря, состоявшаго на службѣ при кабинетѣ Е. И. В., родился въ Москвѣ и первоначально учился при с.-петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ съ 13 сентября 1762, гдѣ и признанъ лѣкаремъ. Затѣмъ учился за границею и возвратившись принятъ въ русскую службу (1772 года) докторомъ въ Вѣлорусскую дивизію, откуда переведенъ въ морской шляхетный кадетскій корпусъ (1778 года). Но эта служба почему-то не нравилась ему и онъ сталъ просить о переводѣ докторомъ въ с.-петербургскую губернію (помѣняться мѣстами съ д-ромъ Менделемъ), что и исполнено (12 января 1786 года). Не очень былъ онъ доволенъ и этимъ мѣстомъ и просился докторомъ къ оснѣ, кори и скарлатинѣ, съ жалованьемъ по 600 р. и 200 р. квартирныхъ, куда и опредѣленъ 10 августа 1797 года. Въ послѣдствіи былъ главнымъ докторомъ флота (1801 декабря 5) съ жалованьемъ по 1000 р.

Цумпе Іоганнъ (Johann Georg Zumppe), лѣкарь иностранецъ, сперва былъ учителемъ латинскаго языка (*studiosus*) въ с. петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, съ жалованьемъ по 150 руб. и между прочимъ командированъ былъ въ Олонецъ для изслѣдованія марціальныхъ водъ. Затѣмъ поѣхалъ въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ, учился въ Копенгагенѣ и получилъ тамъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Centuria thesium miscelanearum quae dubia vexata ex omnibus partibus medicinae proponunt auctore Joh. Georg Zumppe. Hafniae, 1738*. Возвратившись въ Петербургъ, экзаминованъ былъ въ медицинскій факультетъ, признанъ докторомъ и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ тотъ же госпиталь (31 декабря 1739 года). Въ

это время строился Ладожскій каналъ и въ Шлиссельбургѣ собрано было много рабочихъ подъ главнымъ управленіемъ фельдмаршала Миника, для лѣченія которыхъ и приглашенъ былъ Цумпе; но пробывъ тамъ недолго, онъ захворалъ и по болѣзни возвращенъ въ Петербургъ (30 января 1741 года). Умеръ въ 1749 году).

Червинскій Михаилъ (Michael Czerwiensky), изъ гор. Губена въ Лузаци, учился сперва въ Кенигсбергѣ, а потомъ въ Галле, гдѣ и получилъ дипломъ въ 1759 году. Послѣ этого жилъ въ разныхъ мѣстахъ Саксоніи до 1769 года и наконецъ отправился въ Данцигъ, а оттуда въ Россію. Экзаминованъ въ медицинскій коллегіи Ашемъ, Тихорскимъ и въ іюнѣ 1780 года получилъ право практики въ Россіи и поѣхалъ въ Могилевъ искать службы.

Шафонскій Афанасій Филимоновичъ, сынъ малороссійскаго сотника Черниговскаго полка, родился въ городѣ Сосницѣ и, когда подросъ, отправленъ былъ отцомъ въ Галле учиться медицинѣ (1736 года), откуда переѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ и получилъ дипломъ, защитивъ диссертацию *De gravidarum, parturientium et puerperarum convulsionibus*. Argentorati, XUI iunii 1763. Возвратившись въ Петербургъ (13 августа 1763) экзаминованъ былъ Лпндсманомъ, Лерхе и Маттеи и 24 сентября 1763 года получилъ право практики. Затѣмъ онъ опредѣленъ на службу слѣдующимъ образомъ. По именному указу 5 декабря 1763 года повелѣно при поселявшихся въ Астраханской губерніи иностранныхъ колонистахъ имѣть доктора, съ жалованьемъ 600 р., лѣкаря и аптекаря съ жалованьемъ по 220 р., двухъ подлѣкарей по 100 р. каждому, двухъ аптекарскихъ учениковъ по 60 р. и четырехъ цырюльниковъ по 36 р. каждому, и сверхъ того по пропорціи надобности придать имъ земли на поселеніе и сады и подчинить ихъ опекунству иностранныхъ поселенцевъ. По этому штату докторомъ назначенъ туда А. Ф. Шафонскій (10 декабря 1763), лѣкаремъ изъ московскаго госпиталя Иванъ Штелинь, аптекаремъ гезель изъ московской главной аптеки Иванъ Аменде, подлѣкарями Матвѣй Соколовскій и Данило Атаназевичъ, аптекарскіе ученики изъ московской главной аптеки и медицинскаго огорода.

Шафонскій бралъ это мѣсто повидимому съ условіемъ, что года черезъ три или четыре смѣненъ будетъ. И дѣйствительно не желалъ оставаться тамъ очень долго, по дальности мѣста, «гдѣ при молодыхъ моихъ лѣтахъ обхожденія съ учеными и особливо въ медицинѣ довольно практикованными людьми и всякаго почти происхожденія въ ученомъ свѣтѣ себя лишены вижу, чрезъ что не токмо приращенія въ наукахъ не могу приобрѣсть, но и всякое ободреніе къ дальней службѣ принужденъ потерять», писалъ онъ въ коллегію 4 іюня 1767 г. Въ отвѣтъ на это онъ назначенъ былъ главнымъ полевымъ докторомъ въ армию—на должность учрежденную указомъ 28 февраля

1762 года. Но онъ недолго исправлялъ ее и переимѣненъ былъ въ московскій генеральный госпиталь старшимъ докторомъ (27 іюля 1769 года), на мѣсто Конради Даля, назначеннаго генеральнымъ штабъ-докторомъ во 2 армию графа Панина. Здѣсь встрѣтился онъ съ чумою, первый распозналъ ее и долженъ былъ бороться не съ одною эпидеміею, но и съ пагубнымъ недоумѣемъ къ ней многихъ московскихъ врачей. По окончаніи эпидеміи онъ оставилъ подробное описаніе ея ¹⁾. Въ то же время улучшилъ положеніе госпиталя во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ этого, 18 іюля 1776 года, назначенъ штатъ-физикомъ въ Москву и управляющимъ медицинскою конторою. Это была послѣдняя медицинская его служба. Шафонскій имѣлъ какое-то судебное дѣло въ третьемъ департаментѣ сената и чтобы освѣδοжиться о ходѣ его онъ просилъ отъпуска въ Петербургъ и уволенъ на 29 дней (въ іюль 1781 года). Но отсюда онъ уже не возвратился къ своему мѣсту службы и 8 октября того же 1781 года опредѣленъ сенатомъ совѣтникомъ уголовнаго суда въ новоучрежденномъ Черниговскомъ намѣстничествѣ, о чемъ и увѣдомлена была медицинская коллегія.

Въ 1798 году А. Ф. Шафонскій былъ уже дѣйствительный статскій совѣтникъ и жилъ въ своемъ имѣніи въ Черниговской губерніи въ Сосницкомъ поветѣ въ деревнѣ Якличахъ (Гаповка тожь).

Шварцъ Самуиль (Samuel Schwartz), венгерець изъ города Ленчавы, учился три года въ Вѣнѣ, а потомъ въ Эрлангенѣ, гдѣ, защитавъ диссертацию *De nonnullis ad malum hypochondriacum spectantibus*, 23 іюля 1757 года, получилъ докторскій дипломъ. Приѣхавъ въ Петербургъ, экзаменованъ Ашешъ и Лерхе и получилъ право практики въ Россіи (24 сентября 1779) и въ тотъ же день уѣхалъ въ Могилевъ для отысканія службы.

Шварцъ Густавъ, изъ Риги, учился семь лѣтъ въ Іенѣ и получилъ дипломъ. По экзамену въ коллегіи получилъ право практики (25 августа 1791 года).

Шварцъ Іоганнъ (Johan. Sebastian Schwartz), изъ Франкенгаузена, учился въ Берлинѣ четыре года, но получилъ не дипломъ, а аттестатъ. Былъ экзаменованъ въ коллегіи Карпинскимъ и Бьюрбергомъ, но отвѣчалъ плохо. Послѣ этого поѣхалъ въ Іену и получилъ тамъ докторскій дипломъ, а возвратившись просилъ объ опредѣленіи его въ с.-петербургское училище для усовершенствованія и опредѣленъ (12 ноября 1797) въ с.-петербургскій

¹⁾ *Описаніе моровой язвы, бывшей въ столицномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ, съ приложеніемъ всѣхъ для прекращенія оной тогда установленныхъ учрежденій.* По всевысочайшему повелѣнію напечатано 1773 года въ Москвѣ при императорскомъ университетѣ. 4°. 652. Посвящено императрицѣ Екатеринѣ II.

генеральный сухопутный госпиталь, на годъ, на подлѣкарское жалованье, съ обязательствомъ экзаменоваться послѣ того публично со всѣми другими при училищѣ и если не выдержитъ экзамена по своему званію, то останется еще на годъ при госпиталѣ, съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ и казенною квартирою.

Швейцеръ Виталисъ (Witalis Theodor Schweitzer), изъ австрійскихъ дворянъ, въ службѣ съ 31 іюля 1789 года въ войскахъ на Кубани. 13 декабря 1792 г. переведенъ къ войскамъ вступившимъ въ Польшу и въ Литву потомъ состоявшимъ. Въ сентябрѣ 1795 просилъ отставки, не желая ни оставаться въ Россіи, ни принимать подданство Россіи и 8 октября 1795 года уволенъ съ абшитою.

Шейдіусъ Фридрихъ (Friedrich Alb. Scheidius) учился въ Лейденѣ и принятъ въ русскую службу въ Гагѣ, русскимъ посланникомъ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ, по контракту, съ жалованьемъ по 600 р. и съ 1000 флор. на проѣздъ. Вызванъ онъ на службу по высочайшему повелѣнію и по тому экзамену въ коллегіи не подвергался: но оказался ничего незнающимъ и ни къ чему не способнымъ. Такихъ вызвано было три: Шейдіусъ, Вензель и Дицъ. О приѣмѣ ихъ данъ медицинской коллегіи слѣдующій указъ:

«Принятыхъ въ службу нашу докторовъ медицины Вензеля, Дица и Шейдіуса повелѣваемъ опредѣлять при нашихъ госпиталяхъ подъ смотрѣніемъ находящихся при оныхъ старшихъ докторовъ, пока они сами собою практику начать въ состояніи усмотрѣны будутъ, производя жалованье изъ штатсконтофры каждому по шестисотъ рублей на годъ, со дня принятія ихъ въ нашу службу.

Екатерина».

11 іюля 1772 года, Петергофъ».

Они распределены были по госпиталямъ, въ томъ числѣ Шейдіусъ помещенъ въ московскій госпиталь (16 іюля 1772), подъ надзоръ старшаго доктора и съ обязанностію послѣдняго доносить объ успѣхахъ Шейдіуса чрезъ каждые два мѣсяца. Въ московскомъ госпиталѣ былъ уже другой такой же «поднадзорный» докторъ, а именно д-ръ Мельцеръ: но старшій докторъ Шафонскій доносилъ (8 октября 1772), что онъ не ходитъ въ госпиталь подъ предлогомъ что «занятъ другими дѣлами». Да и Шейдіусъ никакой должности не несетъ и въ госпиталь не являлся. (Первый разъ явился въ госпиталь 25 марта 1773 года, такъ что не знали гдѣ найти его для выдачи жалованья). А между тѣмъ баронъ Черкасовъ получилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«Александръ Ивановичъ, сообщите кому надлежитъ, чтобы принятымъ въ службу нашу докторамъ Вензелю, Дицу и Шейдіусу удержанное у нихъ жалованье выдано было, и чтобъ имъ при тѣхъ госпиталяхъ, гдѣ они опредѣлены, отведены были квартиры противъ прочихъ докторовъ; когда же они

отъ старшихъ докторовъ принесть въ знаніи практики аттестаты, тогда позволете имъ производить оную и въ публикѣ, если сверхъ того медицинскою коллегіею къ тому достойными найдены будутъ. *Екатерина*

6 марта 1773, С.-Петербургъ.

Шеллеръ Христіанъ (Christian Philipp Scheller) изъ города Кобургсена въ Саксоніи, учился въ Лейпцигѣ, Іенѣ и Берлинѣ шесть лѣтъ и получилъ дипломъ въ Эрфуртскомъ университетѣ 12 августа 1785 года. По экзамену въ медицинскою коллегію получилъ право практики и опредѣленъ на службу въ Иркутское намѣстничество, съ жалованьемъ по 800 рублей.

Шенкбехеръ Іогапнъ (Joh. Georg Schenckbecher), изъ Страсбурга, гдѣ и учился и получилъ дипломъ, защитивъ диссертацию *De feбри stomachica intestinali*, 1760. Экзаминовалъ въ медицинскою канцелярію Бахерахтомъ, Линдеманомъ, Лерхе и Синопеусомъ и получилъ право практиковать (22 августа 1761 года) и опредѣленъ на службу въ Рязскій полевой госпиталь. Въ 1768 году предписано учредить госпиталь въ Кіевѣ на 1500 больныхъ, по военному времени, и докторомъ туда назначенъ Георгъ Шенкбехеръ. Приѣхавъ въ Кіевъ и осмотрѣвъ мѣстность, онъ нашелъ возможность помѣстить въ готовыхъ уже здаціяхъ до 800 человекъ, для остальныхъ же 700 человекъ необходимо было построить новыя помѣщенія. Но военная коллегія отменила прежнее предположеніе и назначила учредить госпиталь «для Азовской и Таганрогской экспедиціи» въ крѣпости св. Дмитрія, а въ Кіевѣ не дѣлать новыхъ построекъ.

Шенкъ Федоръ (Friedrich Schenck) находился докторомъ при Колывановоскресенскихъ заводахъ въ 1797 году.

Шёнфогель Карль (Carl Fromhold Schönvogel), изъ Курляндіи, сынъ супер-интендента, учился въ Франкфуртѣ и получивъ дипломъ, принятъ польскимъ надворнымъ совѣтникомъ. Просилъ генераль-поручика Романуса принять его докторомъ въ польскій корпусъ безъ экзамена, и тотъ согласился и просилъ за него; но медицинская коллегія отказала принять его безъ экзамена (7 августа 1774). Между тѣмъ генераль-фельдмаршалъ и бѣлорусскій генераль губернаторъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ пригласилъ его къ себѣ, къ своему дому, въ Москву. А какъ практиковать въ Москвѣ безъ экзамена было невозможно, то Шёнфогель явился въ московскую медицинскую контору и былъ экзаминовать Эразмусомъ и Орреусомъ и 12 марта 1775 года получилъ право практики. Послѣ того онъ опять поѣхалъ въ Варшаву и принятъ генераль-поручикомъ Романусомъ въ польскій корпусъ сверхъ штата. Оттуда назначенъ былъ докторомъ въ 4 дивизию и по прошенію уволенъ отъ службы (2 іюня 1785 года), «за главною болѣзнію». Потомъ опять принятъ въ службу въ Кіевскій полевой госпиталь (29 ноября 1787), только что открытый.

Здѣсь онъ произведенъ въ надворные совѣтники со старшинствомъ съ 31 декабря 1791 года. Оттуда переведенъ, 6 мая 1790, во 2 дивизию и исправлялъ должность генераль штабъ-доктора по требованію генераль-маіора барона Мейендорфа, съ жалов. по 600 р. 10 рац. и 2 денщ. Шенфогель имѣлъ въ Лифляндіи имѣніе и принялъ лифляндское подданство, а потому просилъ объ оставленіи его на всегда въ Ригѣ при 2 дивизіи, чтобы не ѣздить ни въ какія командировки, и медицинская коллегія утвердила это (16 сентября 1793). При учрежденіи врачебныхъ управъ К. Шенфогель назначенъ былъ инспекторомъ Курляндской врачебной управы.

Шефферъ Фридрихъ (Friedrich Theophil Scheffer), явившись къ экзамену въ московскую медицинскую контору, не выдержалъ его и назначенъ въ московскій госпиталь на четыре мѣсяца (14 декабря 1798) съ обязательствомъ экзаминоваться вторично. На вторичномъ экзаменѣ ему поручено сдѣлать *operationem fistulae lacrymalis cum theoria et demonstrationem segeti* и сдѣлалъ ихъ (16 января 1800) въ присутствіи профессоровъ и членовъ медицинской конторы хорошо. Поэтому коллегія признала его докторомъ и дала право практики. Въ январѣ 1800 года, бывши въ Петербургѣ въ отпуску, онъ вошелъ съ просьбою объ опредѣленіи его профессоромъ въ московскую медико хирургическую академію. Ему назначена пробная лекція изъ физики, а потомъ двѣ физическія задачи для рѣшенія, одной на русскомъ, а другой на латинскомъ языкахъ, въ присутствіи членовъ коллегіи, и за тѣмъ онъ опредѣленъ (13 марта 1800 года) экстраординарнымъ профессоромъ математики и физики, съ жалованьемъ по 800 р., при московской медико-хирургической академіи.

Шиллингъ Юганъ (Johann Schilling) принять въ русскую службу въ мартѣ 1735 года, опредѣленъ въ слб. генеральный сухопутный госпиталь и въ томъ же году командированъ въ армію въ ландмилиціонный корпусъ, съ жалованьемъ по 400 р., 6 раціон. (оцѣннвавшіеся въ 36 р. 40 к.) и 2 денщикъ. (12 р.). Въ 1738 году посланъ былъ въ Очаковъ, а оттуда ѣздилъ по Днѣпру и въ Запорожскую съчъ для прекращенія «опасной болѣзни». Въ 1740 году оставленъ для наблюденія опасности во всѣхъ днѣпровскихъ пестяхъ, а отсюда отпущенъ въ Украину. Послѣ того находился при полкахъ на Дову и Донцу, а также въ Слободскихъ полкахъ. Въ 1742 году находился при князѣ Репнинѣ и ѣздилъ въ Кіеву и къ украинскимъ полкамъ. Въ апрѣлѣ 1743 года переведенъ въ Выборгъ и находился при полкахъ въ Швеціи, подъ командою фельдмаршала графа Леси (1745 года), а въ 1748 году состоялъ при походномъ корпусѣ въ помощь морскимъ державамъ и по возвращеніи оттуда опредѣленъ въ Лифляндскую дивизию графа Петра Ивановича Шувалова. Послѣ такого большого числа походовъ и передвиженій сталъ просить болѣе покойной службы и опредѣленъ (3 февраля 1754 года) въ шляхетный кадетскій корпусъ докторомъ, съ жалованьемъ по 600 руб., гдѣ и произведе-

денъ въ надворные совѣтники. Именнымъ указомъ Елисаветы Петровны, даннымъ медицинской канцеляріи 29 сентября 1760 года, пожалованъ лейбъ-медикомъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ жалованьемъ по 4000 руб., а за двѣ недѣли до этого, указомъ сената (15 сентября 1760), по смерти П. З. Кондоиди, назначенъ присутствовать въ медицинской канцеляріи, вмѣстѣ съ докторами Лерхе и Синопеусомъ).

Шлегель Фридрихъ (Friedrich, Justus August Schlegel), саксонецъ изъ Іены, гдѣ учился четыре года и получилъ докторскій дипломъ. Экзаминованъ былъ Ашехъ, Рейнегсомъ, Ст. Андреевскимъ, Вьюрбергомъ и Я. Саполовичемъ и получилъ аттестатъ, что на вопросы изъ хирургіи отвѣчалъ слабо, изъ анатоміи и физиологіи посредственно, а изъ патологіи, о болѣзненныхъ причинахъ и изъ семіотики и распознаваніи болѣзней и болѣзненныхъ пережбанъ въ отвѣтахъ оказался несовершенно свѣдущимъ». Не смотря на это разногласіе экзаминаторовъ, медицинская коллегія все таки признала его докторомъ и опредѣлила на службу въ Могилевское намѣстничество въ гор. Бабиновичи (25 января 1793) и оставался тамъ до упраздненія этого города. Тогда онъ опредѣлился въ Шкловскій кадетскій корпусъ докторомъ; но 5 марта 1799 года оставилъ эту службу и переѣхалъ въ Москву для вольной практики.

Шлейснеръ Іоганнъ (Johann Heinrich Schleussner) принятъ въ русскую службу въ 1787 году и опредѣленъ профессоромъ для преподаванія анатоміи и физиологіи въ хирургическомъ калинковскомъ институтѣ и уволенъ отъ службы по прошенію 17 сентября 1797 года.

Шлессингеръ Соломонъ учился въ Франкфуртѣ, Берлинѣ и Кенигсбергѣ шесть лѣтъ и потомъ практиковалъ въ Ковно (1798).

Шмидтъ Генрихъ (Heinrich Schmidt) принятъ былъ въ русскую службу 5 іюля 1731 года, по контракту на 5 лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 р. и опредѣленъ въ московскую дивизію докторомъ, а оттуда переведенъ (14 мая 1735 года къ четыремъ лейбъ-гвардіи полкамъ, съ жалованьемъ по 1000 р. и въ то же время, по особому указу императрицы Анны Ивановны (21 августа 1735), утвержденъ въ рангѣ капитана гвардіи, съ назначеніемъ рационовъ и денщикомъ противъ гвардіи капитана.

Шмидтъ Самуиль, докторъ польской службы, экзаминованъ докторскою комиссіею въ Вильнѣ (Шейнфогелемъ и Энегольмомъ) и получилъ право практики въ Россіи (21 января 1798 г.).

Шмидтъ Іоганнъ (Josua August Schmidt) принятъ былъ въ русскую службу 4 августа 1771 года въ первую армію, въ корпусъ генераль-майора Веймарна дивизионнымъ докторомъ, а оттуда, по окончаніи войны, переведенъ въ корпусъ генераль-поручика Текелія. Умеръ въ Лубнахъ 6 мая 1776 года.

Шмидтъ Іоганнъ (Johann Schmidt) первоначально учился медицинѣ въ

Бютовскомъ университетѣ въ Мекленбургѣ три года и прїѣхавъ въ Петербургъ признанъ лѣкаремъ и принятъ въ русскую службу въ спб. генеральный сухопутный госпиталь лѣкаремъ (1767 года), а черезъ годъ (1768 года) командированъ былъ въ Казанскій пѣхотный полкъ и при Польскомъ корпусѣ устроилъ госпиталь, въ которомъ замѣнялъ мѣсто штабъ-лѣкаря и доктора. Въ 1772 году опредѣленъ къ военной коллегіи, гдѣ и получилъ званіе штабъ-лѣкаря (1776). Затѣмъ 14 февраля 1780 года произведенъ сенаторомъ въ коллежскіе ассессоры, а въ 1786 году въ надворные совѣтники. Въ 1783 году переведенъ въ штатъ придворной конюшенной конторы. Въ 1784 году, пославъ диссертацию въ Бютовскій университетъ, *De actione salis cornu cervi volatilis*, получивъ оттуда докторскій дипломъ и по приказанію барона Фитингофа медицинская коллегія утвердила его безъ экзамена докторомъ медицины 4 октября 1789 года.

Шоберъ Готтлибъ (Gottlob Schober) родился въ Лейпцигѣ въ 1670 году и тамъ же учился медицинѣ. Потомъ отправился въ Голландію и въ Утрехтѣ получилъ докторскій дипломъ въ 1696 году, напечатавъ диссертацию *De cholera*. Trajecti ad Rhen. 1696. Въ послѣдствіи состоялъ въ шведской службѣ и посѣщалъ Нарву, гдѣ и познакомился съ докторомъ Донелемъ (бывшимъ лейбъ-медикомъ Петра I), потомъ опять уѣхалъ на родину. Затѣмъ, услышавъ о смерти доктора Донеля, онъ написалъ письмо къ русскому канцлеру графу Головкину (15 декабря 1711 года) съ просьбою принять его въ русскую службу на мѣсто умершаго доктора Донеля. Во время путешествія Петра I въ Карлсбадъ (въ 1712 году) принятъ былъ лейбъ-медикомъ и назначенъ врачомъ къ сестрѣ императора Натальѣ Алексѣевнѣ, а потомъ опредѣленъ къ московской главной аптекѣ и въ должность московскаго штатдъ-физика при московской медицинскій конторѣ. Въ 1717 году онъ командированъ былъ на Терекъ для изслѣдованія тамошнихъ *теплыхъ водъ* и нашелъ ихъ очень полезными. Во время персидскаго похода, въ 1722 году, Петръ I самъ посѣтилъ эти воды. На возвратномъ пути оттуда Шоберъ нашелъ у Сергѣевского пригорода *сѣрную яму*, гдѣ по повелѣнію Петра устроенъ былъ заводъ для добыванія сѣры. По возвращеніи изъ путешествія Шоберъ опять занялъ прежнее мѣсто московскаго штатдъ-физика и отказался отъ этой должности тогда только, когда архіатеромъ опредѣленъ былъ докторъ Ригеръ (1732 года) и чрезъ посредство канцлера Головкина помѣщенъ былъ въ придворный штатъ царя Грузинскаго, съ тѣмъ же жалованьемъ, какое получалъ при московской медицинскій конторѣ, и жилъ постоянно въ Москвѣ, гдѣ и умеръ, 3 ноября 1739 года. Подробная біографія его напечатана у В. Рихтера ¹⁾.

¹⁾ *Исторія медицины въ Россіи*, III, 138.

Шрейберъ *Иоганнъ* (*Joh. Friedrich Schreiber*), пруссакъ, принятъ въ русскую службу 1 мая 1731 года по контракту на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 р., и немедленно назначенъ дивизионнымъ докторомъ въ лфляндскій корпусъ, а оттуда переведенъ въ армию фельдмаршала Ласи сперва дивизионнымъ, а потомъ генеральнымъ штабъ-докторомъ и былъ съ нимъ въ пяти компаніяхъ ¹⁾. Естественно, что непрерывная полевая служба надоевъ ему, тѣмъ болѣе что и срокъ капитуляціи его давно кончился. По этому онъ обратился въ архіатеру Фишеру съ просьбою или уволить его отъ дальнѣйшихъ походовъ, или дать ему абшитъ, исполнявъ условія, какія выговорены были въ его пользу въ первой капитуляціи, а именно дать ему подводы до границы и 100 рублей на проѣздъ. Основаніемъ просьбы Шрейберъ ставилъ то, что находясь въ походахъ, онъ «обращался въ немалыхъ трудахъ и противъ прочихъ моей братьи, кои въ тѣхъ кампаніяхъ не были, убыткахъ». Архіатеръ Фишеръ не желалъ упустить изъ русской службы такого ученаго доктора, какъ Шрейберъ, и отвѣчалъ, что въ настоящее военное время уволить его отъ службы невозможно, но онъ дастъ ему спокойное мѣсто по капитуляціи на два года, а именно дастъ ему мѣсто штатдѣ-физика въ Москвѣ, съ жалованьемъ по 600 рубл. Шрейберъ согласился на это условіе и даже пріѣхалъ-было въ Москву, но не на долго. Изъ Украинскаго корпуса получено извѣстіе о появленіи чумы въ арміи и въ Украинѣ, и Шрейберъ припужденъ былъ опять поѣхать въ армию и пребыть тамъ до прекращенія моровой язвы, т. е. до начала 1739 года. Возвратившись въ Москву и вступивъ въ должность штатдѣ-физика, онъ получилъ инструкцію, данную штатдѣ-физикамъ (20 ноября 1739 года). Ему было тутъ много дѣла, потому что боялись вторженія чумы въ Москву. Наконецъ слухи о чумѣ замолкли и всѣ раскомандированные доктора возвращены на свои мѣста. Измѣнилось и управленіе медицинской канцеляріи. Лестокъ, тотчасъ по вступленіи въ должность архіатера, далъ указъ о назначеніи Шрейбера профессоромъ къ петербургскимъ госпитальнымъ школамъ (1742). Шрейберъ пріѣхалъ въ Петербургъ 7 апрѣля 1742 года и ему тотчасъ же нанята была квартира (по указу медицинской канцеляріи (10 апрѣля 1742) на петербургскомъ острову въ каменномъ домѣ генераль-маіора и сибирскаго губернатора Шипова, а для переѣзда чрезъ Неву къ должности предназначалась шлюбка отъ госпиталей съ гребцами. Дѣло въ томъ, что въ то время въ петербургскихъ госпиталяхъ не было квартиръ даже для главныхъ докторовъ и нанятый военною коллегіею домъ Шипова назначенъ былъ собственно для больныхъ, на случай если имъ не достало бы мѣста въ госпиталяхъ, и потому въ отдачѣ въ немъ квартиры для

¹⁾ а именно: въ 1733 году въ Польшѣ, въ 1734—тоже въ Польшѣ и недѣ Данцигомъ, въ 1735 въ Цесаріи при Рейнѣ, въ 1735 при Азовѣ и въ 1737 въ Крымскомъ походѣ.

Шрейбера военная коллегія отказала. Но при первомъ же взглядѣ на нанятую ему квартиру, у Шрейбера явилась новая мысль. Онъ сталъ просить, чтобы его назначили въ медицинскому огороду, съ жалованьемъ, какое получалъ д-ръ Сигезбекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался, что въ назначенной ему квартирѣ нѣтъ ледника, безъ котораго на Петербургской сторонѣ, по дальности отъ города и необходимости запастись провизіею, обойтись невозможно и потому онъ не хочетъ брать ея ¹⁾. Лестоку благосклонно принявъ эту просьбу и приказавъ дать ему квартиру въ Аптекарскомъ саду, гдѣ жилъ докторъ Сигезбекъ, съ дровами и свѣчами, съ огородомъ для посѣва хозяйственныхъ овощей и съ лугомъ для сѣнокоса (14 мая 1742) ²⁾. Объ этомъ посланъ былъ ему запечатанный указъ, но Шрейберъ не принявъ его, потому что на конвертѣ написано было «доктору», тогда какъ онъ опредѣленъ и слѣдовательно долженъ титуловаться „профессоромъ хирургіи“. Это доведено было до Лестока и онъ приказавъ (7 іюля 1742) титуловать его „докторомъ и профессоромъ“, общая въ послѣдствіи дать ему инструкцію ³⁾, и притомъ позволено Шрейберу давать поддѣкарямъ а ученикамъ частныя уроки (съ увольненіемъ послѣднихъ на эти часы отъ госпитальныхъ обязанностей). Прошелъ годъ и Шрейберъ соскучился на казенной квартирѣ. Онъ написалъ медицинской канцеляріи (1 іюля 1743 года), что не можетъ болѣе жить на Аптекарскомъ островѣ, потому что не хороша квартира его, Лестоку приказавъ выдать ему 120 р. на наемъ квартиры и позволить ему нанять гдѣ онъ пожелаетъ (16 іюля 1743), а сверхъ того дать ему одного человѣка въ прислугу, для русскаго языка. Но 11 августа онъ опять выразилъ желаніе остаться по прежнему на казенной квартирѣ съ тѣмъ, чтобы въ ней починили печи, окончины и заборы. Лестоку и на это согласился и велѣлъ черезъ купчину Гернера починить ему квартиру (14 сентября 1743). Кажется, теперь все сдѣлано, что было желательно и Шрейберъ успокоится. А нѣтъ! Онъ успокоился только на одинъ годъ, а потомъ опять сталъ проситься на вольную квартиру (29 октября 1744 года), съ тѣмъ чтобы ему дали 120 р. квартирныхъ денегъ и къ нимъ дрова и свѣчи съ прислугою. Но Лестоку наконецъ надоѣли капризы Шрейбера и онъ уже въ послѣдній разъ приказавъ (1 марта 1745) давать ему 200 рубл. на наемъ квартиры и въ томъ числѣ на отопленіе и освѣщеніе, а квартиру въ Аптекарскомъ саду передать садовнику Христ. Нейманну (Christoph Neumann). Черезъ годъ Шрейберъ просилъ прибавки жалованья и 11 іюня 1746 ему

1) Онъ повидимому не зналъ еще, что военная коллегія въ тоже время и безъ его просьбы отказала дать ему эту квартиру, 15 мая 1742.

2) Докторъ Сигезбекъ былъ почти насильно выгнанъ изъ своей квартиры

3) Инструкція дана ему была 5 октября 1742 и подписана въ Москвѣ.

прибавлено 100 р. къ 800 р. получавшимся прежде, не считая квартирныхъ денегъ.

Впрочемъ профессоръ Шрейберъ выставлялъ себя привередливымъ и капризнымъ не въ однихъ только личныхъ дѣлахъ ¹⁾. Часто самыя благородныя его мысли высказывались въ видѣ капризовъ. Такъ наприимѣръ съ негодованіемъ высказывался онъ о тѣлесномъ наказаніи учениковъ госпитальныхъ школъ. Онъ жаловался, что «важныя науки принуждены ребятамъ читать, которыхъ лѣкари къ нему яко слушателей присылаютъ, а за день ихъ лозаги съѣли, ибо состояніе ученія его, которое слѣдуетъ къ произведенію основательныхъ и искусныхъ лѣкарей, съ такимъ ребячьимъ и колодскимъ наказаніемъ общество не имѣеть, которое у молодыхъ людей отымаеть любовь къ чести, что ему непристойно и въ самомъ томъ времени, когда онъ обучалъ съ такимъ наказаніемъ поступлено въ обоихъ госпиталяхъ». «Онъ бы и не говорилъ о такихъ не порядкахъ въ госпиталяхъ, еслибы то его ученію не чинило остановку» (30 сентября 1742) ²⁾. Дѣло довели до свѣдѣнія Лестока и онъ приказалъ: 1) Принимать въ госпитали хорошо знающихъ латинскій и нѣмецкій языки и со свидѣтельствомъ физика (о возрастѣ, а 2) Непорядки въ госпиталѣ исправить и препятствій къ слушанію лекцій Шрейбера не дѣлать.

Въ это время (1756) Шрейберъ напечаталъ въ Лейпцигѣ книгу свою: *О распознаваніи и лечении главнѣйшихъ болѣзней*, на нѣмецкомъ языкѣ, по которой и преподавалъ въ петербургскихъ госпиталяхъ. Въ послѣдствіи эта книга издана была докторомъ Погорѣцкимъ въ Москвѣ на латинскомъ языкѣ и считалась хорошимъ учебникомъ.

Онъ умеръ 28 января 1760 года въ Петербургѣ, оставивъ вдову Шарлотту Элеонору.

Шрейдеръ Іоганнъ (Johann Georg Schreider) принятъ въ русскую

¹⁾ Наприимѣръ онъ требовалъ, чтобы жалованье приносили къ нему на квартиру съ книгою для росписки и главный директоръ Кондоиди разрѣшилъ это (10 сентября 1742 года).

²⁾ Задорная бумага Шрейбера и необходимость такъ или иначе отвѣчать на нее заставили медицинскую канцелярію разузнать: въ чемъ дѣло и о чемъ идетъ рѣчь? А дознание показало слѣдующее: состоявшій при госпиталѣ подлѣкаръ Ростовскаго пѣхотнаго полка Бремеръ «пойманъ былъ», гдѣ-то въ госпиталѣ, съ б. .ю и посаженъ подъ караулъ (10 сентября 1742), а потомъ «чинена была ему регриманда отъ доктора Грива, а б. . штрафована батогами». Эта-то госпитальная дисциплинарная расправа дошла до Шрейбера и вызвала его негодованіе. Такая расправа случалась въ госпиталяхъ чуть не каждый день и никого не озабочивала. Но въ настоящемъ дѣлѣ Шрейберъ притворно жалуется, что принужденъ читать лекціи «ребятамъ», а ему притворно же отвѣчаютъ, что будутъ присылать къ нему не ребятъ, а хорошо подготовленныхъ учениковъ, а не порядки будутъ исправлять такъ, чтобы ему не слышно было.

службу въ 1789 году, сверхъ штата, въ Рижскій полевой госпиталь (по указу 14 февраля 1789 года).

Шрейеръ Каспаръ (Caspar Schreyer), изъ Эрфурта, учился въ Вѣнѣ и въ Эрфуртѣ и въ послѣднемъ получилъ докторскій дипломъ 29 іюля 1779. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики въ Россіи 25 октября 1783 года и опредѣленъ былъ въ Вейсенбергскій уѣздъ, докторомъ, гдѣ и умеръ 19 апрѣля 1797 года.

Штевенъ Петръ (Petrus Stewen), докторъ Псковскаго намѣстничества (декабрь 1785 года).

Штегеманъ Карлъ (Carl Otto Stegemann) изъ Дерпта, учился въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ, а наконецъ въ Галле, гдѣ и получилъ дипломъ, защитивъ диссертацию *De morbi ac symptomatis notione vera*, 14 іюля 1769 года. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики въ Россіи 12 августа 1784 года.

Штеллеръ Георгъ Вильгельмъ (Georg StoeHer или Steller) родился 10 марта 1709 года въ Винценгеймѣ въ Франконіи. Учился сперва въ гимназій роднаго города, а потомъ въ Виттенбергѣ слушалъ богословіе и упражнялся въ произнесеніи проповѣдей, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался анатоміею, ботаникою и естественными науками. По окончаніи курса ѣздилъ въ Лейпцигъ, Іену и Галле и въ Галле продолжалъ заниматься медициною и давалъ уроки ботаники и другихъ наукъ. Въ 1734 году, по совѣту тайнаго совѣтника Гофмана, Штеллеръ держалъ экзаменъ изъ ботаники у доктора и профессора Людольфа, который и выдалъ ему одобрительное свидѣтельство. Вскорѣ за тѣмъ отправился къ Данцигу, гдѣ стояла тогда русская армія и отсюда графъ Ласси отправилъ его, по его просьбѣ, на кораблѣ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ больными и ранеными солдатами. По словямъ Гмелина, Штеллеръ по прибытіи въ Петербургъ представленъ былъ архіепископу новгородскому Феофану Прокоповичу, который, ради веселаго его нрава, взялъ его въ домъ свой и назначилъ ему годовое жалованье. Феофанъ написалъ къ нему слѣдующіе латинскіе стихи: *In moram Stelleri medici.*

Dum bonus aegroti quaerit medicamina Steller,
Lenta morte animam squalidus aeger agit.
Ducitur et funus, lacrimae et siccantur amicis,
Riteque legatae distribuuntur opes.
Omnis Stellerum condemnat turba moratam,
Haerens, cur equidem, nescio sulus amat.
Tum redit et medicus, faciesque irascit ipsis,
Praevertit reditum quod fera purca suum.

По другимъ сѣздѣніямъ онъ вовсе не былъ посылаемъ Ласси изъ подъ Данцига въ Петербургъ съ больными и ранеными солдатами, а пріѣхалъ самъ

въ Петербургъ искать счастья, съ немногими копейками въ карманѣ, и тотчасъ же отправился въ ботанической садъ. Здѣсь ему встрѣтился нѣмецъ-садовникъ, который, узнавъ объ его бѣдственномъ положеніи, принялъ въ немъ участіе и тотчасъ рекомендовалъ его Теофану Прокоповичу, а тотъ взялъ его къ себѣ въ домъ.

Теофанъ Прокоповичъ былъ представителемъ Штеллера предъ с.-петербургскою академіею наукъ, и когда этотъ послѣдній выразилъ желаніе присоединиться къ Камчатской экспедиціи, въ качествѣ ботаника, то Теофанъ далъ ему письмо къ президенту академіи барону Корфу и Корфъ отвѣчалъ, что если на это мѣсто не выпишанъ кто другой, то онъ будетъ принятъ во вниманіе рекомендаціи архіепископа. Впрочемъ контрактъ съ Штеллеромъ заключенъ былъ только 7 февраля 1737 года: онъ принятъ былъ въ службу въ с.-петербургскую академію наукъ адъюнктомъ натуральной исторіи при Камчатской экспедиціи съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ. Изъ приложеннаго къ контракту свидѣтельства академика Амхона видно, что Штеллеръ не только хорошо зналъ основанія ботаники и другихъ отдѣловъ натуральной исторіи, но и выказалъ необыкновенное прилежаніе въ изслѣдованіи растеній и другихъ предметовъ изъ естественной исторіи, встрѣчавшихся ему въ окрестностяхъ Петербурга. Въ концѣ 1737 года отправился онъ изъ Петербурга въ Москву, по дорогѣ въ Сибирь, вмѣстѣ съ присланными къ нему живописцомъ Иваномъ Корнильевымъ Декерномъ, состоявшимъ прежде «живописныхъ дѣлъ мастеромъ» при инженерномъ корпусѣ. По словамъ Гмелина, Штеллеръ принадлежалъ къ числу людей не увывающихъ и не теряющихъ веселости ни при какихъ затрудненіяхъ въ жизни. Умеръ на возвратномъ пути въ Петербургъ, въ гор. Тюмени, отъ горячки (12 ноября 1746 года) при дѣварѣ Теодорѣ Дау.

Штейнъ Эрнестъ (Ernst Leopold Stein), родомъ голштинецъ изъ Ольденбургъ, принятъ въ русскую службу по рекомендаціи лейбъ-медика Циммермана, по именному повелѣнію 13 іюля 1786, по контракту съ чиномъ коллежскаго ассессора, съ жалованьемъ по 800 р. и на проѣздъ 600 рублей, и опредѣленъ на службу во 2 дивизію, сверхъ комплекта. Но Штейнъ не поѣхалъ въ армію, какъ его ни посылали, и наконецъ 26 октября 1787 года состоялось высочайшее повелѣніе оставить его въ Петербургѣ, а на его мѣсто во 2 дивизію послать доктора изъ города Вязьмы Фил. Гельдера. Штейнъ умеръ въ Петербургѣ, 30 марта 1790 года.

Штелинь Иванъ Явонлевичъ (Johann Staehlin), уроженецъ изъ города Меминга въ Цесаріи, сынъ ратсгера, обучался съ 1741 года въ слб. акаде-

— Биографія его у П. Пекарскаго, I, 588.

мін наукъ анатоміи, ботаникѣ и физикѣ, а въ 1747 году отправился докончить образованіе въ Тюбингенѣ, Страсбургѣ и Лейденѣ, гдѣ, напечатавъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Dissertatio inauguralis sistens partium cum haemorrhagia uteri conjunctum* и защитивъ ее 20 апрѣля 1753 года, получилъ докторскій дипломъ. Братъ его былъ придворнымъ совѣтникомъ, чрезъ котораго Бургаавъ и выписалъ его въ 1753 году въ Петербургъ. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ экзаминованъ былъ въ медицинскій канцеляріи и получилъ слѣдующій аттестатъ 12 января 1754 года: «Nos, qui nomina nostra infra inscripsimus, medici, dominum doctorem Jo. Staehlin die 7-mo hujus mensis circa morbos nonnullos theoretice et practice examinavimus atque ex ipsius responsionibus cognovimus, ipsum in re medica satis bene quidem versatum esse, sed etiam in nonnullis nobis non omnino satis fecisse, id quod tamen eximiae ejus timiditati potius tribuimus, quam inscitiae. Quare judicamus ipsum in numerum medicorum hic recipi posse. Die 12-ma Januarii 1754 anni. Paulus Gyongyossi a Petteny, m. d., North Vigor, m. d., J. C. Schreiber, Jo. Jac. Lerche». Полтора года послѣ того (11 августа 1755) онъ опредѣленъ былъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь безъ жалованья, но съ казенною квартирою до вакансіи, а 30 октября того же года назначенъ на вакансію въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь младшимъ докторомъ, съ жалованьемъ по 240 р. въ годъ, а оттуда переведенъ въ Рижскій полевой госпиталь (22 мая 1757 года) младшимъ же докторомъ, гдѣ старшимъ докторомъ былъ Граафъ. Во время семилѣтней войны рижскіе госпитали были сборными пунктами, чрезъ которые проходили всѣ медицинскія пособія и всѣ врачи въ Пруссію и въ тамошніе полевые госпитали. Въ числѣ другихъ такимъ образомъ отправленъ былъ и докторъ Штелинь и по распоряженію графа Фермора и барона Н. А. Корфа назначенъ былъ главнымъ докторомъ надъ Мемельскимъ, Пребульскимъ и Тильзитскимъ русскими полевыми госпиталями (4 мая 1759 года). По окончаніи 7-лѣтней войны онъ возвратился изъ Кенигсберга и назначенъ (15 ноября 1763 года) дивизионнымъ докторомъ спб. дивизіи, а потомъ лифляндской дивизіи (24 февраля 1764). Но пробывъ тамъ недолго, переведенъ (4 марта 1765) старшимъ докторомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь. Затѣмъ 27 сентября 1766 года переведенъ докторомъ въ морской шляхетный кадетскій корпусъ. Прослуживъ тутъ десять лѣтъ, онъ подалъ въ отставку и уволенъ 11 февраля 1776 года съ абшитою. Уже по выходѣ въ отставку И. Штелинь, по представленію медицинскій коллегіи, награжденъ (былъ сенаторъ чиномъ коллежскаго ассессора «за добропорядочную безпорочную службу и понесенные во время прусской войны труды» (18 марта 1778 года). Но онъ недоволенъ былъ этою наградою и написалъ въ коллегію (29 апрѣля 1779 года), что въ наградѣ этой не нуждался, «такъ какъ и безъ того прослужилъ тринад-

цать лѣтъ въ рангѣ армейскаго премьерь-маіора, и что нынѣшняя награда ему не награда, а поруганіе и обида»¹⁾).

Штелицъ Мартинъ (Martin Staehlin), родомъ изъ Рига, учился въ Іенскомъ университетѣ и получилъ докторскій дипломъ 2 августа 1758 года. Въ медицинскоі канцеляріи экзамированъ Ашемъ, Пеккенемъ и Кондонди и 10 декабря 1758 года получилъ право практики въ Россіи и уѣхалъ въ Ригу.

Штельбергъ Георгъ (Georg Stolberg), шведъ изъ Брадештата, учился въ Або, Уисалѣ, Кенигсбергѣ, Эрфуртѣ, Лейденѣ, Монпелье и Пизѣ и получилъ докторскій дипломъ. Но онъ потерялъ его въ морской переѣздъ и при крушеніи корабля изъ Вестиндіи въ Англію. Потомъ пятнадцать лѣтъ прослужилъ въ англійской службѣ. Приѣхавъ въ Петербургъ экзаменованъ былъ въ медицинскоі коллегіи и получилъ право практики въ Россіи 11 апрѣля 1785 года и вскорѣ послѣ того опредѣленъ въ службу въ Вологодское наѣстничество (21 августа 1785). Оттуда писалъ оны, что въ Вятской губерніи много шарлатановъ, занимаются лѣченіемъ и что у тамошнихъ женщинъ чрезмѣрно часты кровстеченія изъ матки (такъ напримѣръ менструація продолжается 8—12 дней, даже у беременных¹⁾), такъ что можно принять эти кровстеченія за народную болѣзнь. Причинами ихъ считалъ оны

¹⁾ Въ одно время съ докторомъ И. Я. Штелинымъ находился въ русской медицинскоі службѣ другой *Иванъ Штелинъ* (Joh. Staelin), но не имѣвшій докторскаго диплома. Родомъ былъ онъ также изъ Цесаріи и принятъ въ службу подлѣкаремъ въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (1741) и немного погодя командированъ, послѣ Вильмансградскаго сраженія, въ Выборгскій полевой госпиталь, вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ Паризіусомъ 1742, а затѣмъ произведенъ лѣкаремъ (1743) съ назначеніемъ въ с.-петербургскій гарнизонный полкъ. Въ 1748 году командированъ былъ по высочайшему повелѣнію съ полковникомъ Вульфомъ въ Камчатку при секретной комисіи, съ жалованьемъ по 360 р., и доѣхавъ до Кяхтинскаго форпоста (1752) остался тамъ и опредѣленъ на годъ при якутскомъ пѣхотномъ полку. Въ 1753 году сталъ проситься въ Петербургъ и прикомандированъ къ медицинскоі канцеляріи для лѣченія состоявшихъ при ней служителей, куда и поѣхалъ на свой счетъ; но доѣхавъ до Москвы командированъ (1754) въ Кронштадтскій госпиталь на одинъ годъ, а по минованіи его переведенъ въ Московскій госпиталь (1755). Въ 1762 году ѣздилъ съ генераломъ Кислицкимъ въ Калугу для свидѣтельствванія и лѣченія польскихъ бѣглыхъ и отправленія ихъ въ Казань на судахъ съ полковыми цирюльниками, которыхъ и снабдилъ необходимыми наставленіями. Въ 1770 году по причинѣ появленія чумы въ Москвѣ, командированъ былъ съ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ П. Сем. Салтыковымъ и поручникомъ гвардіи Булгаковымъ въ гор. Боровскъ, гдѣ и пробылъ полтора года. Въ это время исполнилось 39 лѣтъ его службы и онъ произведенъ въ штабъ-лѣкари (5 марта 1780 года) и въ іюнь того же года назначенъ тѣмъ же званіемъ въ московскій генеральный госпиталь.

холодный климатъ и чрезмѣрную сонливость (любовь ко сну) въ слѣдствіе цынготнаго расположенія, такъ что и сонливость должна считаться своего рода народною болѣзнию. Часты также цынга и чесотка, послѣдняя даже у грудныхъ дѣтей.

Шторхъ Іоганнъ (Johann Storch), служившій прежде при княжескомъ Эйзенахскомъ дворѣ докторомъ, приглашенъ былъ въ русскую службу, съ выдачею на проѣздъ 1000 р., а по прибытіи въ Петербургъ назначенъ былъ гофъ-медикомъ (16 марта 1735 года). Онъ привезъ съ собою рукопись подъ заглавіемъ *Tractat von Soldatenkrankheiten*, которую купилъ у него архіатеръ Фишеръ и первые два листа изъ нея (объ ревенѣ) послалъ въ штабъ фельдмаршала Миниха, а остальные оставилъ въ медицинской канцеляріи. Въ послѣдствіи состоялъ при слб. академіи наукъ.

Штофрегенъ Конрадъ (Conrad Christian Stoffregen) изъ гор. Эймбака, четыре года учился въ Геттингенѣ и получилъ дипломъ. По экзамену въ медицинской коллегіи получилъ право практики 13 іюля 1768 года. Определенъ на службу въ Рязскій уѣздъ (22 іюня 1797). Уволенъ отъ службы по болѣзни 5 ноября 1797 года. Въ послѣдствіи опять поступилъ на службу и былъ лейбъ-медикомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Штранцъ Фридрихъ (Friedrich Strantz), изъ Бамберга, учился въ Геттингенѣ, Страсбургѣ, Лейденѣ и Майнцѣ и пріѣхалъ въ Россію кандидатомъ медицины. По экзамену въ медицинской коллегіи признанъ докторомъ (23 ноября 1788 года) и определенъ на службу въ Олонекское намѣстничество.

Штренге Андрей (Andreas Christian Strengen), изъ прусской Помераніи, города Зимбо, учился въ Кенигсбергскомъ университетѣ и получилъ дипломъ кандидата медицины (25 сентября 1752 года). Пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1763 году, а въ 1768 году графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ принять къ оспенному дому и отсюда послалъ диссертацию въ Эрфуртскій университетъ, откуда и присланъ былъ ему докторскій дипломъ (5 ноября 1768). Потомъ былъ экзаминованъ въ медицинской коллегіи Тихорскимъ, Линдеманомъ и Лерхе и получилъ право практики въ Россіи (30 іюля 1772 года).

Штребель Іоганнъ (Johann Christian Strebel), саксонецъ изъ Вертегейма, учился три года въ Эрлангенѣ и получилъ докторскій дипломъ 8 мая 1779 года. Выдержавъ экзамень въ медицинской коллегіи, определенъ на службу уѣзднымъ докторомъ въ гор. Дорогобужъ, 30 октября 1780, гдѣ и состоялъ до 20 октября 1782 года, когда уволенъ по болѣзни. Затѣмъ 17 іюня 1783 опять поступилъ на службу въ пограничную дивизію докторомъ, въ Крымъ, но на пути туда оставленъ генералъ-поручикомъ гернегомъ Вильгельмомъ Виртембергскимъ въ Херсонѣ и назначенъ въ Херсонскій пограничный карантинъ, а черезъ годъ (въ ноябрѣ 1784) уволенъ отъ службы по болѣзни.

Штувцъ Іоганнъ (Johann Friedrich August Stuntz), изъ Ганновера, три года учился въ Геттингенѣ и получилъ лѣкарскій аттестатъ, по которому и опредѣленъ лѣкаремъ въ Полоцкъ. Потомъ экзаменованъ въ медицинскую коллегію (17 августа 1789 года) представилъ письменное рѣшеніе данной коллегіею задачи и признанъ докторомъ, 10 сентября 1789, и опредѣленъ докторомъ въ Полоцкое намѣстничество.

Шумлянскій Александръ Млхайловичъ, сынъ значковаго товарища въ селѣ Малыхъ Будипахъ Полтавскаго полка, первоначально учился въ Кіевской академіи, а оттуда поступилъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь волонтеромъ (12 марта 1773 года). Окончивъ здѣсь полный курсъ, произведенъ лѣкаремъ (5 сентября 1776) въ тотъ же госпиталь и 21 августа 1777 года уѣхалъ въ Страсбургъ для окончательнаго образованія и въ особенности для изученія акушерства, на счетъ стипендіи княгини Е. Д. Голицыной, и проживъ тамъ около шести лѣтъ, напечаталъ диссертацию *De structura renium, Argentorati, 1782, 4°* и признанъ докторомъ медицины (27 августа 1783). Въ медицинской коллегіи экзаменованъ Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и 6 іюня 1784 получилъ право практики въ Россіи и опредѣленъ профессоромъ въ императорскій хирургическій институтъ (Калинковскій).

Въ это время поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи госпитальныхъ врачей училищъ и объ учрежденіи новой медико-хирургической школы, въ которой бы преподавались медицинскія науки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ нынѣшнихъ школахъ, и не такъ односторонне, какъ въ недавно заведенномъ хирургическомъ (Калинковскомъ) институтѣ. А. М. Шумлянскій былъ дѣятельнымъ участникомъ въ разработкѣ этого вопроса и даже написалъ объ немъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: *Мнѣніе одного истиннолюбца о поправленіи наиболее полезнейшей для людей науки, Спб. 1785, 8°*. Для составленія проекта и плана новой врачебной школы предполагалось принять за образецъ иностранныя медицинскія факультеты и для этого посланы были за границу собрать нужныя свѣдѣнія о заграничныхъ университетахъ два петербургскіе профессора, М. М. Тереховскій и А. М. Шумлянскій, на казенный счетъ. Последнему при этомъ обѣщано, что по возвращеніи онъ займетъ кафедру физиологій и повивальнаго искусства при хирургическомъ институтѣ или при петербургской медико-хирургической школѣ ¹⁾. Возвратились они осенью 1786 года и профессоръ Тере-

¹⁾ Объ этой командировкѣ профессоромъ объявлено было медицинской коллегіи главнымъ директоромъ хирургическаго института, тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ П. В. Завадовскимъ, слѣдующею запискою:

«Е. И. В. высочайше упозать мнѣ соизволила отправить въ чужіе края по дѣламъ основываемой здѣсь школы хирургической докторовъ Мартына Тереховскаго и Александра Шумлянскаго, повелѣвая при томъ, дабы первому изъ

ховскій представилъ медицинской коллегіи *Описаніе парижской хирургической школы, съ рисунками Гондоана*, и въ вознагражденіе за покупку его получилъ 35 рублей. Не за долго до ихъ возвращенія (15 іюля 1786 года) утверждены были генеральные штаты госпиталей съ состоявшими при нихъ врачебными училищами; но въ этихъ штатахъ пропущены были кафедры повивальнаго искусства, почему медицинская коллегія, по настоянію Шумлянскаго, принуждена была представить императрицѣ особый докладъ (31 марта 1787 года).

А. И. Шумлянскій, по возвращеніи изъ путешествія, не получилъ однакоже обѣщанной ему кафедры въ спб. хирургическомъ институтѣ, потому что коллегія отдала это мѣсто (29 апрѣля 1787 года) доктору Ивану Лобенвейну, изъ Риги, который впрочемъ не взялъ его и былъ замѣненъ докторомъ Томасомъ Гофманомъ, изъ Полоцкаго намѣстничества (30 сентября 1781). Такимъ образомъ, по недоброжелательству медицинской коллегіи, Шумлянскій долженъ былъ бы остаться вовсе безъ мѣста, если бы въ это время (29 апрѣля 1787) докторъ Генрихъ Фрезе, въ Москвѣ, не отказался по болѣзни отъ занимаемой имъ кафедры патологіи и терапіи въ московскомъ врачебномъ училищѣ: на его то мѣсто и былъ опредѣленъ А. Шумлянскій, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ. Но А. М. Шумлянскій спеціально приготовлялъ себя къ преподаванію акушерства и потому надѣялся получить должность профессора акушерства при московской акушерской школѣ, а вмѣсто того его назначили къ преподаванію патологіи и терапіи въ госпитальной школѣ, и онъ принялъ эту должность, чтобы совѣмъ не остаться безъ мѣста. Только чрезъ шесть лѣтъ, когда мѣсто его потребовалось для бывшего профессора М. Пеккена и умеръ профессоръ Г. П. Тимченко, медицинская коллегія перевела Шумлянскаго въ московскую акушерскую школу съ жалованьемъ по 600 р. (11 ноября 1793), а на его мѣсто въ госпиталь опредѣлила къ преподаванію «патологіи и клиники» Пеккена, съ жалованьемъ 1000 руб.

А. М. Шумлянскій обладалъ всѣми качествами хорошаго профессора: обширнымъ образованіемъ, любовью къ своему предмету и способностью яснаго изложенія предмета. При этомъ онъ былъ счастливымъ и опытнымъ практикомъ акушеромъ, такъ что воспоминаніе о немъ сохранилось въ Москвѣ до настоящаго времени. Медицинская коллегія также не могла не признать достоинствъ его и 16 октября 1794 года, «за таланты его, трудолюбіе и уче-

нихъ сохранено было до возвращенія его занимаемое имъ при здѣшнемъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ мѣсто и съ получаемымъ за оное жалованьемъ безъ удержанія. О чемъ государственной медицинской коллегіи чрезъ еіе и сообщено. Тайный совѣтникъ, сенаторъ Петръ Завадовскій. 1 марта 1785 года».

ность и нѣкоторыя прославившіяся сочиненія избрала его въ свои почетные члены. Умеръ онъ въ Москвѣ 25 іюня 1795 года.

Шумляскій Павелъ Михайловичъ, братъ предыдущаго, первоначально учился въ Кіевской академіи и оттуда поступилъ ученикомъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь (22 апрѣля 1773 года) и пробывъ шесть лѣтъ, окончилъ полный курсъ и признанъ лѣкаремъ (24 января 1779 года), съ назначеніемъ на службу въ 9 артиллерійскій канонирскій полкъ. Здѣсь прослужилъ онъ пять лѣтъ и по прошенію уволенъ (14 мая 1784 для отъѣзда въ чужіе края для окончанія образованія. Поѣхалъ онъ въ Страсбургъ и учился тамъ пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ получилъ докторскій дипломъ. По возвращеніи изъ за границы и по выдержаніи экзамена въ медицинскій коллегіи получилъ право практики и опредѣленъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь младшимъ докторомъ сверхъ комплекта (1790). Отсюда переведенъ на вакансію въ Кронштадтскій госпиталь профессоромъ анатоміи и хирургіи (14 января 1793 года) на мѣсто уволеннаго профессора Карла Борна, съ жалованьемъ по 1000 р. Но и здѣсь оставался не долго и перемѣщенъ въ Московское медико-хирургическое училище на кафедру фармакологіи и хирургіи, съ жалованьемъ по 1200 рублей. При учрежденіи медико-хирургической академіи онъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ хирургіи и получилъ назначеніе участвовать въ разсужденіяхъ о наилучшей выдѣлкѣ хирургическихъ инструментовъ на московскомъ хирургическомъ инструментальномъ заводѣ (27 сентября 1800 года). Мастеромъ тамъ былъ въ это время Яковъ Кетчеръ. Наконецъ 26 мая 1802 избранъ въ почетные члены медицинскій коллегіи, представивъ *Объясненіе испытаннаго дѣйствія воды на тѣло огнемъ охваченное и другія стужею пораженныя*.

Щепинъ Константинъ Ивановичъ родился въ 1728 году въ городѣ Котельничѣ Вятской губерніи и происходилъ изъ духовнаго званія. Первоначальное образованіе получилъ сперва въ вятской семинаріи, а потомъ въ кіевской академіи и оттуда поступилъ въ училище при спб. академіи наукъ въ званіи переводчика, съ жалованьемъ по 350 р., и для изученія естественныхъ наукъ, которыя онъ очень любилъ. Замѣтивши его талантливость, спб. академія наукъ послала его въ чужіе края для усовершенствованія въ ботаникѣ и вообще въ естественныхъ наукахъ (1753 года), и прежде всего направила его въ Голландію (въ Лейденъ и Упсалу). Но пробывъ тамъ около полутора года и присмотрѣвшись къ движенію медицинскіхъ наукъ въ Голландіи и въ особенности въ Лейденѣ, молодой Щепинъ до того пристрастился къ медицинѣ, что рѣшился спеціально посвятить всю свою дѣятельность этимъ послѣднимъ и даже обратился съ просьбою къ П. З. Кондонди принять его въ медицинское вѣдомство, съ отчисленіемъ отъ академіи наукъ и отъ званія переводчика ея. Кондонди не рѣшился исполнить это своей властью, и снесся съ академіею наукъ (1 іюля 1756): можетъ ли Щепинъ быть уволенъ изъ ея вѣдомства для

службы въ вѣдомствѣ медицинской канцеляріи. Академія наукъ отвѣчала на это, что если возвращены ей будутъ всѣ издержки, употребленныя на посылку его въ чужіе края для ученія и путешествія, а именно 1060 рублей, то она передастъ его медицинской канцеляріи. Но у медицинской канцеляріи не было средствъ уплатить эту сумму. По этому Кондондт обратился въ сенатъ и, изложивъ все дѣло, закончилъ тѣмъ, что „въ разсужденіи представленныхъ резоновъ и добраго медицинской канцеляріи намѣренія, за недостаткомъ въ оной канцеляріи денежной казны на заплату какъ въ академію наукъ вышенаписаннаго числа денегъ, такъ и на содержаніе Щепина при Лейденской академіи еще два года для совершенія наукъ“ просилъ сенатъ учинить медицинской канцеляріи вспоможеніе и отпустить до 2000 р. безвозвратно. Сенатъ приказалъ (27 августа 1756 года) выдать просимыя деньги изъ штатскъ конторы, съ отпускомъ изъ доходовъ Рижской полевой аптеки, а медицинская канцелярія отослала въ академію наукъ слѣдовавшія за содержаніе Щепина деньги, которая его отъ себя и выключила. Такимъ образомъ Щепинъ выкупленъ былъ отъ академіи наукъ и увѣдомляя о томъ, медицинская канцелярія дала ему указъ (28 сентября 1756) и рекомендовала «стараться получить совершенство въ медицинѣ по всѣмъ частямъ ея и особенно въ ботаникѣ, химіи, естественной исторіи вообще и въ аптекарскомъ искусствѣ, дабы докторскій градусъ принять могъ, какъ скоро того удостоенъ будетъ». Выѣстъ съ тѣмъ ему предложено отъ время до времени извѣщать медицинскую канцелярію объ успѣхахъ своихъ. Наконецъ докторскій градусъ принялъ онъ въ лейденскомъ университетѣ, защитивъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Schediasma chemico-medicum inaugurale de acido vegetabili cum annexis innovationibus botanicis*, 19 мая 1758. Диссертацию свою посвятилъ онъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Какъ скоро получены были свѣдѣнія о полученіи диплома, Щепину предписано (27 февраля 1758 года) ѣхать въ Парижъ и стараться прибыть туда къ концу апрѣля по новому стилю, „ибо обыкновенно тамъ всѣ годовыя операціи отъ каменной, отъ глазныхъ и прочихъ болѣзней чинятся въ маѣ и въ сентябрѣ мѣсяцахъ, которыя ему видѣть и примѣчанія чинить тщатися, а между тѣмъ и о обрядахъ и порядкахъ тамошнихъ госпиталей, аптекъ, ботаническихъ садовъ и всего что касаться пожелеть до медицинскаго дѣла, все прилежное и попечительное имѣть стараніе навѣдаться и учиться и тѣмъ свое приумножить знаніе и присовокупить искусство; такожъ съ тамошними въ медицинѣ и ея частяхъ, въ физикѣ и вообще въ исторіи натуральной славными и учеными людьми учинить знакомство и съ ними имѣть бесѣды въ свою пользу; еще объ обрядахъ и порядкахъ тамошнихъ въ рудоконномъ дѣлѣ стараться получить возможное извѣстіе, и для того всего остаться ему во Франціи по исходъ сентября 1758 гола, и тогда, ежели будетъ возможно и безопасно, изъ какой либо ближней французской гавани на нейтральномъ кораблѣ переѣхать въ Лондонъ, то потому и пере-

ѣхать, буде же то учинить будетъ нельзя, то пакы возвратиться въ Голландію и обыкновенною дорогою переѣхать въ Лондонъ, гдѣ и пробыть всю зиму для совокупленія равномѣрныхъ успѣховъ въ Англіи, какъ выше о Франціи сказано; особливо же въ Англіи о тамошнихъ обрядахъ и порядкахъ въ рудокопномъ дѣлѣ всячески стараться вѣрныя получить извѣстія, а весною 1759 года отправиться на первоидущихъ корабляхъ въ С.-Петербургъ». Щепинъ исполнилъ все это. Но поѣхавъ въ послѣдній разъ изъ Франціи въ Голландію, чтобы оттуда ѣхать въ Петербургъ, онъ застигнутъ былъ бурей и прибылъ въ Копенгагенъ, гдѣ корабль и бросилъ его. Поэтому, взявъ паспортъ отъ посланника, поѣхалъ въ Ельсеніоръ и не найдя тамъ корабля, который шелъ бы въ Россію, поѣхалъ въ Христіанштатъ и Стокгольмъ сухимъ путемъ и оттуда поѣхалъ на кораблѣ въ Ревель, куда и прибылъ 3 августа, а оттуда въ Петербургъ 10 августа 1759 года. Въ эту послѣднюю поѣздку Щепинъ познакомился съ архіатеромъ Линнеемъ и такъ ласково былъ принятъ имъ, что жаль было разставаться. На прощанье Линней подарилъ ему нѣсколько сочиненій своихъ. Приѣхавъ въ Петербургъ, Щепинъ явился въ медицинскую коллегію и представилъ ей «благодарственный рапортъ за принятое объ успѣхахъ его стараніе и милостивое призрѣніе». Ему назначенъ былъ день экзамена и онъ экзаменованъ былъ Пеккеномъ, Синоуеусомъ и Лерке, въ присутствіи Кондоиди, которые написали въ аттестатѣ, что онъ «*responsionibus suis disertis ad propositas questiones palam fecit, ipsum in arte medica addiscenda singularem diligentiam adhibuisse et solida conditione instructum esse. Ideoque unanimiter dignissimum judicavimus doctissimum d-num doctorem Scepin, qui facultati nostrae medicae adscribatur et cui in imperio rossico praxin medicam exercere commendatur*». По этому аттестату онъ получилъ право практики (22 сентября 1759) и опредѣленъ состоять при медицинской канцеляріи, съ жалованьемъ изъ суммы, назначенной въ 1733 году для доктора «для сысканія *naturalium*» по 600 р., «а какое онъ будетъ исполнять дѣло о томъ учинено будетъ особое опредѣленіе». Затѣмъ 9 октября 1759 состоялось слѣдующее постановленіе медицинской канцеляріи: 1) дать Щепину въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ одну палату съ разными больными, которыхъ и лѣчить ему, живя въ согласіи со старшимъ докторомъ и въ трудныхъ случаяхъ совѣтоваться съ нимъ, и ѣздить туда по меньшей мѣрѣ трижды въ недѣлю, а когда нужда потребуетъ и чаще, какъ для пользованія больныхъ, примѣчанія болѣзней и дѣйствія лѣкарствъ, о чемъ по часту репортовать главному директору медицинской канцеляріи. О выздоровѣвшихъ и умершихъ доносить старшему доктору и съ его позволенія анатомить единственно когда уповается найти что полезно къ познанію или изъясненію вины болѣзни и смерти или дѣйствія употребленныхъ способовъ лѣченія и оное записывать обстоятельно». 2) Для помощи ему дать 1 подлѣкаря и нужное число учениковъ, которыхъ

безъ вѣдома его ничего не чинить, а при анатоміи ему вспомошествовать, а во всемъ прочемъ оставаться въ послушаніи госпитальнаго доктора и главнаго лѣкаря, а потому въ отсутствіи Щепина къ нимъ обращаться касательно больныхъ, еслибъ что съ ними случилось. 3) Присутствовать при экзаменахъ въ медицинской канцеляріи лѣкарей, подлѣкарей и учениковъ, а равно аптекарей, гезелей и учениковъ аптекарскихъ и подписывать аттестаты ихъ. 4) Время отъ времени о приводѣ въ порядокъ описаніи имѣющихся въ медицинской канцеляріи «naturalium» имѣть попечительное стараніе. 5) Самоприлежно стараться совокупить ему основательное знаніе государственныхъ правъ и приказнаго дѣла, наипаче поколику принадлежитъ къ медицинской канцеляріи».

Все это были приготовленія къ преподавательской дѣятельности Щепина. Онъ какъ будто старался накопить свѣдѣній и въ тоже время старался о томъ, чтобы свѣдѣнія эти не были односторонними. Но оставалась еще сторона медицинской дѣятельности, съ которою онъ не былъ знакомъ, это именно военная медицина. Онъ не видалъ и не знаетъ военного быта, между тѣмъ какъ большая часть учениковъ его должны поступить въ военно-медицинскую службу. Поэтому онъ обратился къ медицинской канцеляріи съ просьбою опредѣлить его въ армию хоть на одну кампанію, для знакомства съ военно-сухопутною службою. А къ этому представился и случай. Въ Москвѣ находился дивизіонный докторъ Іоганъ Люпсъ. Онъ состоялъ при observationalномъ корпусѣ, который долженъ былъ отправиться за границу въ походъ; но онъ отказался идти въ походъ по болѣзни, и на его мѣсто назначенъ былъ (8 іюня 1760) дивизіоннымъ докторомъ К. Щепинъ, съ порученіемъ осмотрѣть по дорогѣ въ заграничную армию всѣ госпитали. Жалованья ему назначено 600 р. Щепинъ поѣхалъ въ Пруссію и посвятилъ всю свою дѣятельность лѣченію больныхъ и раненныхъ, и между прочимъ завѣдывалъ большимъ Вишофъ-Вердерскимъ госпиталемъ. Но когда окончилась семилѣтняя война, Щепинъ сталъ свучать однообразною госпитальною практикою и написалъ медицинской канцеляріи (30 сентября 1761), что онъ въ арміи болѣе не нуженъ и что онъ не для того и учился, особенно естественной исторіи, такъ какъ докторомъ, т. е. лѣчить больныхъ, можетъ всякій, а онъ долженъ быть преподавателемъ и поѣхалъ въ армию только для узнанія порядковъ службы, и потому просилъ отозвать его изъ арміи и дать преподавательское мѣсто. Медицинская канцелярія не отвергла этой просьбы и предписала (30 ноября 1761) сдать должность дивизіоннаго доктора доктору Гаэтано Мира, а должность главнаго доктора Вишофъ-Вердерскаго госпиталя предоставила передать кому либо изъ наличныхъ штабъ-лѣкарей. Щепинъ сдалъ дѣла штабъ-лѣкарю Фризе и уѣхалъ въ Петербургъ (6 февраля 1762), гдѣ опредѣленъ былъ (8 марта 1762) докторомъ преподавателемъ въ Московскій генеральный госпиталь для преподаванія анатоміи, фізіологіи, хирургіи, а въ свободное время ма-

терію медицину и ботанику по методу бургавьянскому, съ тѣмъ чтобы о распредѣленіи лекцій представилъ въ медицинскую канцелярію программу (съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ и съ квартирою въ госпиталѣ).

Ровно черезъ мѣсяцъ по возвращеніи изъ арміи (8 апрѣля 1762) Щепинъ представилъ слѣдующую, составленную имъ, программу преподаванія наукъ въ московскомъ госпиталѣ: „Въ разсужденіи того, что повелѣно мнѣ обучать моихъ слушателей не въ хирургіи только, но и въ медико-хирургіи, должно будетъ мнѣ предпринять весь курсъ медической и окончить его въ два года. А какъ хирургія составляетъ главное дѣло моихъ учениковъ, то и участіе въ ней удвоить противъ прочихъ частей медицины слѣдующимъ порядкомъ:

«Въ первый годъ»:

«Съ 15 апрѣля до 15 сентября обучать анатомію сухую, т. е. остеологию въ натурѣ, а прочія части на фигурахъ, а когда есть — на препаратахъ, съ употребленіемъ частей (cum usu partium), что составляетъ физиологію, пафологию и прочія части «Наставленій бургавовыхъ» «*Institutionum medicarum Boerhaavii*», и на сіе употребить неотмѣнно 3 дня въ недѣлю. Въ другіе 2 дня обучать матерію медици, а въ 6-й день видѣть, что во всю недѣлю произошло».

«Съ 15 сентября по 1 января обучать анатомію въ натурѣ, а съ 1 января до 15 апрѣля держать курсъ хирургическихъ операцій».

«Въ другой годъ».

«Толковать Афоризмы» бургавовы также 3 дня въ недѣлю, а другіе 2 дня употребить на наставленіе учащихся въ «Началахъ фармаціи» (*Principia pharmaciae*), ибо мнѣ довольно извѣстно, какой въ этомъ случаѣ въ полкахъ находится недостатокъ. 6-й день употребить такъ, какъ и выше показано. Анатомія и хирургическія операція имѣютъ продолжаться въ назначенное время какъ и въ первомъ году, тѣмъ же порядкомъ».

«Все сіе, понеже не новое, производить безъ диктатовъ, а употреблять къ истолкованію вещей извѣстныхъ авторовъ. Ежели же послѣ временъ помянутыхъ авторовъ воспослѣдовало что новое, то при толкованіи ихъ въ надлежашемъ мѣстѣ приказать написать примѣчаніе. Въ Москвѣ, апрѣля 8 дня 1762». Медицинская канцелярія утвердила этотъ «мееодъ» 24 апрѣля 1762.

5 іюня конченъ былъ курсъ остеологіи по «*Compendium anatomicum*» Гейстера и минеральная часть матеріи-медики, и показано все большею частію въ натурѣ. За тѣмъ пошло преподаваніе ботаники. Къ 1 января прочитаны были «саланхнологія» по Гейстеру, а съ ноября начать курсъ на кадаверахъ при администраціи оператора Елачича, который однакоже послѣ первой лек-

ціи взятъ въ иностранную коллегію для посылки въ Китай, почему Щепинъ самъ для себя все препаровалъ, не желая остановить преподаванія, и до Рождества Христова окончилъ полный курсъ, будучи самъ профессоромъ, операторомъ и прозекторомъ, трудясь почти всякій день съ утра до вечера надъ кадаверами и дозволяя всѣмъ ученикамъ быть при секціяхъ, отчего и произошло, что многіе подлѣзчики и старые ученики, которые прежде сего многихъ частей въ натурѣ не знали, кромѣ имени ихъ, нынѣ не только ихъ въ натурѣ знаютъ, но и сами администровать въ состояніи.

Съ начала слѣдующаго 1763 года Щепинъ намѣренъ былъ держать курсъ операций на трупахъ; но слышавъ, что въ московскій госпиталь назначается операторъ ¹⁾, отмѣнилъ свое намѣреніе до его прибытія и началъ читать «Institutiones» Бургава, т. е. физиологію. «Materiam medicam» читалъ онъ по Бухнеру ²⁾.

Лекціи читались въ Московскомъ госпиталѣ въ 1762 году въ залѣ назначенной для рисованья, по причинѣ ветхости анатомическаго театра. Щепинъ читалъ не въ одно время съ Энгелемъ, операторомъ, преподававшимъ анатомію, чтобы не препятствовать ученикамъ слушать его. Щепинъ старался привести преподаваніе и ученіе въ госпиталѣ въ возможно цвѣтущее состояніе и даже давалъ лекціи повечерамъ, дабы не мѣшать другимъ дѣламъ учащихся. Онъ заботился о приведеніи въ порядокъ аптекъ и вмѣстѣ съ матеріею медикою первый ввелъ преподаваніе о естественныхъ минеральныхъ водахъ (1762), ³⁾ а также вмѣстѣ съ патологіею преподавалъ «клиническія лекціи». Еще въ программѣ Щепина постановлено было по субботахъ повторять все что пройдено въ теченіе прошлыхъ шести дней недѣли. Въ послѣдствіи, по соглашенію съ госпитальнымъ докторомъ Ломаномъ и штабт-физикомъ Гевиттомъ введены были мѣсячные экзамены собственно для повторенія всего пройденнаго. Заботясь о фармацевтическомъ образованіи лѣкарей, Щепинъ еще въ 1762 году писалъ медицинской канцеляріи о двухъ обычаяхъ, сохранявшихся въ госпиталѣ, а именно первый тотъ, что каждый мѣсяць два госпитальныхъ ученика исполняли въ аптекѣ всѣ аптечныя работы по рецептурѣ, и Щепинъ считалъ его полезнымъ и заслуживающимъ одобренія; другой же обычай состоялъ въ томъ, что госпитальныхъ учениковъ посылали въ окрестныя мѣста для сбора травъ и кореньевъ, и иногда очень далеко, и они прогуливали лекціи совершенно напрасно. Щепинъ просилъ отмѣнить его; если же онъ

¹⁾ Операторомъ назначенъ туда штабт-лѣкарь и операторъ Энгель, прежде служившій въ этомъ званіи въ Кронштадтѣ

²⁾ *Fundamenta materiae medicae*, auctore Andrea Elia Buchner. Halae Magdeburgicae 1754.

³⁾ Для чего давали ему по бутылкѣ каждой воды для лекцій на казенный счетъ.

необходимъ, и найдутся охотники собирать травы, то ихъ слѣдуетъ сдѣлать аптекарскими учениками и это будетъ уже другая линія. Въ тоже время онъ просилъ позволенія брать изъ главной аптеки препараты для показанія на лекціяхъ и необходимое количество простой писчей бумаги. Медицинская канцелярія отмѣнила обычай собиранія травъ и предписала снабжать Щепина необходимыми препаратами и матеріалами изъ главной аптеки.

Эта непрерывная и энергическая учительская дѣятельность Щепина не могла не быть замѣчена и оцѣнена медицинскою канцеляріею. «И за прилежное его ученіе и истолкованіе анатоміи самымъ дѣломъ», ему прибавлено (5 мая 1763 года) къ жалованью его въ 600 р. еще 200 руб., изъ особенной госпитальной суммы на учебное дѣло. Но этотъ высоко образованный умъ озабоченъ былъ не однимъ ученіемъ, но и воспитаніемъ учениковъ своихъ. Такъ, 30 апрѣля 1764 года онъ писалъ медицинскою коллегіи, что «ученики московскаго госпиталя, къ его прискорбію, ваказываются за шалости иной стуломъ съ цѣпью, другой лозами, а иной палками, одинаково съ прочими подлаго состоянія людьми», и просилъ объ отмѣнѣ такихъ наказаній, «а приказать учредить карцеръ для содержанія ихъ тамъ за вины на хлѣбъ и водѣ, но давать имъ туда книгу, чтобъ не теряли времени втунѣ, а на лекціи выпускать и изъ карцера, а потомъ опять туда запираеть». Коллегія отвѣтила, что теперь сдѣлать ничего не можетъ, пока составлено будетъ общее медицинское учрежденіе и надо подождать ничего не отмѣняя (17 мая 1764).

Но этотъ свѣтлый умъ вскорѣ началъ тускнѣть. Эта повидимому несокрушительная энергія стала ослабѣвать отъ болѣзни, противъ которой не найдено еще аптечнаго лѣкарства. Припадки этой болѣзни начали повторяться пменно около 1764 года. Товарищи и сослуживцы его ясно видѣли ихъ, но не знали что дѣлать. Наконецъ придумали средство: перевести больного въ другое мѣсто, авось тамъ, съ перемѣною мѣста и обстановки, ослабѣетъ и болѣзнь. Перемѣщеніе исполнено. Указомъ медицинскою коллегіи (18 іюня 1764) докторъ Щепинъ вытребованъ въ Петербургъ «для опредѣленія къ спб. госпиталѣмъ». Приѣхавъ въ Петербургъ какъ разъ въ то время, когда тамошніе доценты составили формальное соглашеніе касательно распредѣленія между ними предметовъ преподаванія въ госпитальныхъ школахъ. Къ этому соглашенію немедленно примкнулъ и Щепинъ. Преподаваніе должно было происходить на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а именно:

Докторъ Хр. фонъ-Мелленъ анатомія и хирургія на нѣмецкомъ языкѣ.

К. Щепинъ — анатомія и хирургія на русскомъ языкѣ.

Янишъ—collegium practicum (клиника) на нѣмецкомъ языкѣ.

Маттеи—collegium practicum на русскомъ языкѣ.

Ореусъ—ботаника на русскомъ языкѣ.

„ Маттеи—матерія мѣдика и фізіологія на русскомъ языкѣ.

К. И. Щепинъ началъ преподаваніе въ первыхъ числахъ октября 1764

года и представил весьма подробныя программы общей анатоміи и остеологіи, сохранившіяся и до нынѣ. Лекціи его были очень точны, но за то и затрудняли его необходимостью создавать новую терминологию. Увѣдомля медицинскую коллегію (16 ноября 1764), что онъ уже 7 дней какъ началъ преподаваніе, по три раза въ недѣлю, онъ прибавляетъ между прочимъ, что преподавать порусски дѣло весьма трудное, «ибо я на латинскомъ языкѣ десять коллегій прочитаю лучше, нежели на русскомъ одну». А преподавать на латинскомъ языкѣ было невозможно, потому что въ петербургской школѣ большая часть нѣмецкихъ учениковъ не знали латинскаго языка.

Прошло повидному около года послѣ переѣзда Щепина изъ Москвы въ Петербургъ. Преподаваніе его шло удовлетворительно и о прежней болѣзни почти не упоминалось. Но вдругъ припадки ея опять возобновились. Что-же эта была за болѣзнь? Тяжело и назвать ее. Это былъ периодическій запой, перемежки котораго становились все чаще и чаще и наконецъ сдѣлали нашего ученаго доцента ни къ чему неспособнымъ. Изъ уваженія къ талантамъ его медицинская коллегія долго прикрывала его нравственное паденіе, но наконецъ это сдѣлалось невозможнымъ и опредѣленіемъ медицинской коллегіи 10 апрѣля 1766 года д-ръ Щепинъ «за непрерывное пьянство» исключенъ изъ службы съ лишеніемъ права практики въ Россіи. Ударъ былъ тяжелый, тѣмъ болѣе что съ исключеніемъ изъ службы онъ не только лишился казеннаго содержанія ¹⁾, но и лишился средствъ къ заработыванію насущнаго хлѣба. Опомнившись послѣ перваго нанесеннаго ему удара, онъ просилъ отпустить его въ чужіе края, чтобы тамъ продолжать свое медицинское дѣло и быть до тѣхъ поръ, пока отечеству потребенъ явится». Медицинская коллегія не взяла на себя отвѣтственности за заграничный отпускъ Щепина и сообщивъ иностранной коллегіи, куда была послана просьба его, за что онъ отрѣшенъ отъ службы, прибавила, что она теперь до него не имѣетъ никакого дѣла. Иностранная коллегія тоже не хотѣла взять на себя отвѣтственности и не пустила его за границу. Однакоже черезъ нѣсколько времени онъ опять просился туда, былъ отпущенъ и пробылъ тамъ около года. Возвратившись оттуда въ маѣ 1767 года, онъ подалъ прошеніе въ медицинскую коллегію, въ которомъ говоритъ, что онъ въ концѣ іюня прошлаго 1766 года, по увольненіи отъ службы, поѣхалъ въ иностранныя государства для поправленія здоровья, «а нынѣ средствомъ многотруднаго путешествія, учиненнаго мною чрезъ толь многія государства и перемѣны объектовъ пришелъ я въ настоящее и твердое здоровья моего состояніе, возвратился въ отечество и прибылъ въ Москву сего апрѣля 10 дня, съ искреннимъ желаніемъ вступить паки въ службу В. Ц. В. и имѣть свободную въ имперіи медицинскую практику, а къ

¹⁾ Передъ этимъ получалъ 800 р. жалованья и 150 руб. на квартиру.

какому я мѣсту съ пользою опредѣленъ быть могу, о томъ государственной медицинской коллегіи не безызвѣстно». По этой просьбѣ (2 іюля 1767 года) ему разрѣшено право практики и въ то же время предписано московскому штатдт-физику Риндеру «присматривать за нимъ въ его состояніи и поведеніяхъ и репортовать президенту медицинской коллегіи», а Щепину объявить, чтобы онъ являлся въ московскую медицинскую контору каждую недѣлю. При этомъ соблюдена была только та деликатность, что въ дозволенныхъ указахъ и ордерахъ коллегія не упоминала, за что онъ лишенъ былъ права практики, хотя въ опредѣленіи коллегіи все было прописано. Долго ли послѣ того оставался въ Москвѣ К. И. Щепинъ—неизвѣстно; но по словамъ В. Рихтера скончался въ Кіевѣ въ 1800 году.

Эйлеръ (Euler), придворный докторъ, по именному указу 27 іюля 1766 года получалъ жалованья по 1000 рубл. въ годъ изъ суммъ медицинской коллегіи «до сочиненія придворнаго штата».

Экгофъ Христіанъ, докторъ Курляндской губерніи. По представленію правителя Курляндіи д. с. с. Матвѣя Ивановича Ламсдорфа, за описаніе Балдонскихъ минеральныхъ водъ, опредѣленъ операторомъ Курляндской врачебной управы, съ жалованьемъ по 500 р. (26 іюня 1797).

Экелундъ Иванъ (Johann Eskelund), воспитанникъ Абосской академіи, принятъ въ службу по рекомендаціи генерала Балтазара Кампенгаузена, по капитуляціи на пять лѣтъ (1 марта 1745), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ и казенною квартирою, и съ порученіемъ смотрѣть еще за медицинскимъ огородомъ и лѣтомъ читать ботаническія лекціи молодымъ лѣкарямъ по дважды въ недѣлю, и съ обѣщаніемъ прибавки жалованья, если окажется достойнымъ.

Эли Станиславъ (Stanislaus Pinas Ely), богемецъ изъ гор. Коллина, учился въ Берлинѣ и Франкфуртѣ на Одерѣ и въ послѣднемъ получилъ дипломъ, напечатавъ диссертацию *De opobalsamo et oleo balanino* (14 декабря 1770). Экзаминованъ Ашемъ и Пеккеномъ и получилъ право практики въ Россіи (2 октября 1778). Онъ первый описалъ найденный имъ въ Шьловѣ могилевской губерніи сѣрно-железистый минеральный ключъ (іюня 1778 г.) и прислалъ воды въ медицинскую коллегію для изслѣдованія: но изслѣдованіе произведено д-ромъ Лерхе и аптекаремъ Экбаумомъ очень поверхностно: только нашла сѣрной печенью. По штату 1786 года Эли назначенъ директоромъ экономической канцеляріи при медицинской коллегіи.

Эллертъ Федоръ (Friedrich Christophor Ellert), сынъ штабъ-лѣкаря Астраханскаго морскаго госпиталя Христофора Эллерта, родился въ Петербургѣ и учился въ московской генеральной школѣ на собственномъ содержаніи съ 1763 года. Въ 1766 году отправился въ Ганноверъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ 22 марта 1769 года получилъ докторскій дипломъ. По возвращеніи въ Петербургъ экзаминованъ былъ въ медицинской коллегіи

Пеккеномъ и Линдеманомъ и получилъ право практики 5 іюня 1769 года.¹ При начавшейся турецкой войнѣ опредѣленъ, по распоряженію графа Румянцева, въ 3 дивизію генераль-поручика Петра Григорьевича Племянникова (9 марта 1770)¹).

Эльрихъ Бернгардтъ (Ehrlrich Bernhard), докторъ польской службы въ Литовской губерніи (1798).

Эммерихъ Карль (Carl Christian Emmerich), не извѣстно гдѣ учился. Явившись въ медицинскую коллегію для экзамена, не выдержалъ его и опредѣленъ въ спб. генеральный сухопутный госпиталь (9 марта 1788) для большаго натверженія, на своемъ содержаніи. Вторично экзаменовался и 1 декабря 1788 получилъ право практики и назначенъ на службу въ Тамбовское намѣстничество, въ городъ Лебедянь. По прошенію уволенъ отъ службы съ абшитою, 17 декабря 1795 года.

Энгелертъ Николай Фридрихъ (Nicolaus Friedrich Engellert) родился въ Россіи, но учился въ Галле и выдержавъ тамъ экзаменъ и защитивъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Observationes luculentae medicae, Halae, 1713*, получилъ докторскій дипломъ. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Россію и принятъ въ службу докторомъ въ Низовый корпусъ, предназначившійся къ войнѣ съ Персією, съ жалованьемъ по 400 рублей. Главною квартирою этого корпуса была Астрахань и тамъ, по указу Петра I, Энгелертъ устроилъ госпиталь, аптеку и ботаническій садъ²). Медицинскій составъ въ этомъ корпусѣ заключалъ въ себѣ 1 доктора, 1 штабъ-лѣкаря и 15 полковыхъ лѣкарей. Забѣчательно, что всѣ первые воспитанники школы Бидлоо выпускаемы были въ этотъ Низовый корпусъ. Въ 1724 году этотъ корпусомъ командовалъ генераль поручикъ Матюшкинъ и съ его разрѣшенія Энгелертъ уволенъ былъ, за болѣзнію, въ Москву, а оттуда поѣхалъ въ

¹) Отецъ его, Христофоръ Theodor Ellert, принятъ въ русскую службу въ 1733 году лѣкаремъ въ войска. Въ 1748 году переведенъ въ Астрахань главнымъ лѣкаремъ, въ помощь доктору Грегори, «для предосторожности», т. е. въ городской «визитатъ съ аптекою и карантиннымъ домомъ, для пріятія предосторожностей противъ вторженія чумы изъ Персіи и для смотрѣнія надъ гарнизонными лѣкарями. Этотъ «визитатъ «для предосторожностей» итълъ по штату своего доктора и своего главнаго лѣкаря, совершенно отдѣльно отъ Астраханскаго морскаго госпиталя, гдѣ были свои докторъ и главный лѣкарь. Послѣ д-ра Грегори назначенъ былъ туда д-ръ Севасто, но скоро переведенъ въ ландмилиціонные полки. Эллертъ переведенъ былъ въ Астраханскій госпиталь (1753) и остался одинъ для цѣлаго госпиталя, гдѣ и произведенъ въ штабъ-лѣкаря (9 марта 1758) съ рангомъ капитанъ-поручика и съ прибавкою жалованья по 50 р въ годъ.

²) Аптека заведена была по указу 13 апрѣля 1720 года, а госпиталь по сенатскому указу 7 іюня 1725 года.

Петербургъ ¹⁾ и уже не возвращался въ Астрахань, а опредѣленъ былъ старшимъ докторомъ сиб. военно-сухопутнаго госпиталя. Занимая эту должность, Энгеллертъ повидимому пользовался извѣстностью. Доказательствомъ этого служить то, что 13 февраля 1731 года онъ посланъ былъ въ Москву для пользованія царевны Параскевіи Ивановны, сдавъ госпиталь доктору Ваенію. Но оставался въ Москвѣ недолго и возвращенъ (2 іюля 1731) къ прежнему его дѣлу, «и быть у того дѣла двоимъ докторамъ». Посылки этого рода случались повидимому нерѣдко и вознаграждались денежными прибавками къ жалованью, какъ напримѣръ Энгеллерту пожаловано 23 апрѣля 1735 года «за долговременную службу и въ оной приложенные труды и вѣрность» 800 рублей ²⁾ особенно послѣ смерти д-ра Захарія фанъ-деръ Гульста (19 января 1731), лейбъ-медика обѣихъ принцессъ Екатерины Ивановны и Параскевіи Ивановны. Управлялъ онъ госпиталемъ до половины 1742 года. 3 іюня этого года онъ уволенъ отъ службы за старостью, съ пенсією по штату медицинской канцеляріи 9 января 1733 года, т. е. одной трети полного его жалованья, и поселился было съ женой своей въ Москвѣ, но потомъ возвратился въ Петербургъ и умеръ 15 ноября 1753 года.

Энгель Генрихъ (Heinrich Gottlieb Engel) получилъ медицинское образованіе въ сиб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (съ 1741 года) и произведенъ лѣкаремъ въ 1743 году въ драгунскій Астраханскій полкъ, а въ 1753 году переведенъ въ кронштадтскій морской госпиталь лѣкаремъ же. Госпиталь этотъ былъ учебный и съ поступленія въ него Энгель получилъ порученіе, сверхъ лѣкарской должности, обучать учениковъ латинскому языку (12 іюля 1754). Потомъ онъ обучалъ анатоміи и хирургіи и произведенъ былъ (6 мая 1758 года) въ операторы того-же госпиталя. Въ этомъ же госпиталѣ произведенъ былъ въ штабъ-лѣкари и въ коллежскіе ассесоры, и затѣмъ переведенъ былъ тѣмъ же званіемъ въ Московскій генеральный госпиталь. Наконецъ прослуживъ около 40 лѣтъ, онъ обратился къ медицинской коллегіи съ слѣдующимъ представленіемъ (12 іюля 1781 года): «Въ изслѣдованіи сложенія человѣческаго тѣла и его наружныхъ и внутреннихъ частей упражненіе подало мнѣ случай приобрѣсти разныя въ томъ примѣчанія и увидѣть на тѣлахъ человѣческихъ такія чрезвычайныя вещи, которыя весьма рѣдко или, сколько мнѣ извѣстно, еще и вовсе не были примѣчены. Изъ числа такихъ рѣдкостей есть та, что я при открытіи одного женскаго тѣла нашелъ, что у него ни наружныхъ ни внутреннихъ къ плодородію нужныхъ частей не было. Такой неслыханный недостатокъ нашего тѣла я почелъ за

¹⁾ Штабъ-лѣкаремъ въ Астрахани былъ въ это время Бриль, а аптекаремъ мѣстной аптеки провизоръ Гаасъ.

²⁾ Постепенно получалъ онъ жалованья—съ 1714 года 400 р., съ 1725—500 р., съ 1726—600 р. и съ 1735 года 800 р.

нужное всему свѣту особымъ печатнымъ сочиненіемъ сообщить, за которое королевскій Кенигсбергскій университетъ достоинствомъ медицины доктора меня наградила». Пославъ свой дипломъ въ медицинскую коллегію, Энгель просилъ позволенія писаться «докторомъ» и оставаться при прежнемъ мѣстѣ. Медицинская коллегія поручила Шафонскому имѣть съ нимъ разговоръ о предметахъ принадлежащихъ до знанія доктора медицины и въ сентябрѣ 1781 г. позволила ему «называться докторомъ». Умеръ Энгель 11 февраля 1785 года, въ Москвѣ.

Энегольмъ Илья (Elias Gustav Eneholm), шведъ изъ гор. Нордшпинга, учился въ Упсалѣ 5 лѣтъ и уволенъ съ аттестатомъ. Экзаменованъ былъ въ коллегіи Карпинскимъ и Иваномъ Бьурбергомъ и 8 января 1786 признанъ лѣкаремъ, съ правомъ лѣкарской практики въ Россіи. Затѣмъ 13 ноября 1788 опредѣленъ въ финляндскую армію, въ сформировавшійся въ Выборгѣ походный госпиталь, а оттуда пореведенъ въ Выборгскій и въ Сердобольскій уѣзды. 19 мая 1789 года поѣхалъ доучиваться въ Калпиковскій хирургическій институтъ и черезъ годъ (февраль 1790) потребовалъ докторскаго экзамена, былъ экзаминованъ въ медицинскои коллегіи и получилъ слѣдующій аттестатъ: 1790 года марта 1 дня въ государственной медицинскои коллегіи лѣкаръ Эліасъ Густавъ Энегольмъ въ медицинскои наукѣ, до знанія докторскаго принадлежащей, экзаминованъ, который на всѣ вопросы отвѣтствовалъ исправно и на данную ему задачу *De morbis aetatum* диссертацию представилъ, почему въ произведенію докторомъ, къ отправленію въ Россіи свободной практики и къ принятію въ службу признанъ достойнымъ. 11 марта 1790 года Подписалп: Баронъ Георгъ Ашъ, Фема Тихорскій, Иванъ Дольстъ и Петръ Вастингъ». Въ слѣдствіе этого онъ 14 марта признанъ докторомъ съ правомъ практики, а 15 апрѣля опредѣленъ на службу въ финляндскую армію, съ тѣмъ чтобы по надобности оставался въ Нейшлотскомъ ретраншаментѣ, съ жалованьемъ по 600 р. 10 раціон. и 2 денщиковъ. При учрежденіи врачебныхъ управъ Энегольмъ назначенъ былъ инспекторомъ Литовской (Виленской) врачебной управы и открылъ ее единолично, потому что другихъ членовъ управы еще не было. Вступивъ въ эту должность, онъ поставилъ себѣ задачей организовать врачебную часть въ Литовской (Виленской) губерніи, недавно присоединенной отъ Польши, и исполнилъ ее блистательнымъ образомъ. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ студентовъ слб. медико-хирургической академіи и умеръ въ С.-Петербургѣ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Эисъ Абрамъ Абрамовичъ, сынъ штабъ-лѣкаря л.-гв. Семеновскаго полка ¹⁾, родился въ Россіи, а учился за границею и въ Утрехтѣ получилъ док-

¹⁾ Отецъ этого Эиса, штабъ-лѣкаръ Абрамъ Эисъ, поступилъ въ русскую службу въ 1696 году, а въ 1752 такъ былъ старъ, что не могъ идти съ ба-

торскій дипломъ. Возвратившись въ Россію, поступилъ въ службу (7 ноября 1747) докторомъ при Украинскихъ полкахъ, потомъ служилъ при финляндскомъ корпусѣ (23 сентября 1751), при полкахъ въ Украинѣ и Малороссіи (6 марта 1755), при с.-петербургской дивизіи (10 февраля 1754), а съ 20 марта 1755 состоялъ при пользованіи оспы и сыпей. Въ 1745 году Энсъ напечаталъ въ Кенигсбергѣ книгу подъ заглавіемъ: *Disquisitio anatomico-pathologica de morbo boum ostervicensium pro peste non habendo, cum 2 tabul, aeneis*. Въ 1764 году она вышла третьимъ уже изданіемъ. Умеръ въ августѣ 1770 года.

Эразмусъ Иванъ (Johann Heinrich Erasmus), уроженецъ изъ Страсбурга, учился въ Страсбургскомъ университетѣ, а потомъ въ Іенскомъ и получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацию: *De partu difficili ex capite infantis praevio*, 1747. Послѣ того онъ выписанъ былъ въ Перновъ, въ Лифляндію (1750) и экзаминованъ въ Ригѣ, причѣмъ дали ему аттестатъ за подписью штатдт-физика рижскаго Гимзеля (J. Gebhard Himsel). Не смотря на это, явившись въ Петербургъ, онъ былъ экзаминованъ въ медицинской коллегіи Шрейберомъ, Ашемъ и Синописомъ и въ аттестатѣ они выразились: «judicamus dominum dr-em Erasmus dignissimum, qui Facultati nostrae medicae adscribatur» и 22 августа 1756 ему позволена практика. Когда онъ получилъ право практики, не было ни одной свободной вакансіи, на которую можно-бы было помѣстить его и онъ поэтому уѣхалъ въ Перновъ ¹⁾. Оттуда онъ былъ вызванъ (25 февраля 1757) въ Петербургъ для опредѣленія докторомъ къ бабичьему дѣлу въ Москву и немедленно опредѣленъ профессоромъ и докторомъ акушерской школы въ Москвѣ, «для утвержденія повивальныхъ бабокъ и обученія ученицъ». Въ помощь ему опредѣленъ въ ту же школу лѣкаремъ-акушеромъ жившій въ Москвѣ отставной гофъ-хирургъ Иванъ Пагенкампфъ, учившійся въ Парижѣ и бывший нѣсколько лѣтъ операторомъ въ Московскомъ госпиталѣ, «всѣ анатомическіе препараты, употребляемые въ родинахъ дѣлать и по наставленію и требованію доктора подлежація при лекціонахъ инструментальныя дѣйствія повивальнымъ бабкамъ и ихъ ученицамъ съ лучшимъ успѣхомъ показывать; по знанію же руссійскаго языка русскимъ бабкамъ и ученицамъ тѣ докторскіе лекціоны на руссійскомъ діалектѣ истолковать можетъ». Жалованья положено Эразмусу 600 р., а Пагенкампфу 400 р. Эразмусъ обязанъ былъ время отъ времени по приѣздѣ въ Москву представлять медицинской коллегіи свое мнѣніе о лучшемъ учрежденіи бабичьяго дѣла,

тальонами въ Москву, сопровождавшими императрицу, и исправленіе его должности возложено было на штабъ лѣкаря Измайловскаго полка Вица (Witz).

.) Тамъ онъ женился и потому считалъ Перновъ полуроднымъ своимъ городомъ.

«По прибытіи въ Москву оному доктору явиться въ медицинскую конторѣ и отъ оной конторы назнача день, призвать опредѣленныхъ отъ медицинской канцеляріи въ Москвѣ присяжныхъ повивальныхъ бабокъ съ ихъ ученицами, по опредѣленію его имъ объявить съ такимъ подтвержденіемъ, дабы оныя бабки въ силѣ данной имъ инструкціи, для лучшаго въ ихъ дѣлѣ утвержденія, такожъ и ученицы ихъ для обученія къ тому доктору въ назначенные отъ него дни и часы явились подъ опасеніемъ положенной по той инструкціи за каждую безъ законной причины отлучку штрафа; особливо-же онымъ бабкамъ наискрѣпчайше подтвердить, чтобъ въ нужныхъ случаяхъ и трудныхъ рожаницамъ припадкахъ оному доктору безъ всякаго времени продолженія заблаговременно объявляли и къ тѣмъ рожаницамъ его или по его приказу опредѣленнаго при немъ ашушера для совѣту и вспоможенія неотмѣнно призывали; и для того, лучшаго порядка ради, какъ вышеобъявленному ашушеру, такъ и бабкамъ съ ихъ ученицами состоять въ командѣ и вѣдомствѣ онаго доктора и сколько у кого рожаницъ имѣлось и отъ родовъ освободились, мѣсячные или недѣльные рапорты подавать имъ оному доктору, а ему присылать оныя въ медицинскую контору помѣсячножъ, или по третямъ года. Оному-жъ доктору и по приказанію его лѣкарю Пагенкампфу онымъ бабкамъ во всякомъ случаѣ, до дѣла и должности ихъ касающейся, добрымъ и искуснымъ совѣтомъ вспомоществовать, отырая имъ всѣ поныѣ изобрѣтенныя и имъ извѣстныя способы къ полнѣйшему и исправнѣйшему ихъ дѣла и должности исполненію, и для того по усмотрѣнію нужды и по призыванію къ таковымъ рожаницамъ ѣздить имъ безъ отрицанія и всякаго чина и достоинства персонамъ, какъ знатнымъ, такъ и неимущимъ и убогимъ по надобности всякое полезное вспоможеніе чинить, за что отъ знатныхъ и имущихъ получить имѣютъ награжденіе, а убогимъ и неимущимъ онѣ тое вспоможеніе чинить должны безъ платы. Сверхъ же сего какъ оному доктору, такъ и акушеру чинимыя въ медицинской конторѣ вновь являющимися повивальнымъ бабкамъ взамены, въ присутствіи той конторы штатдт-физика производить, также по требованію надобности, случающейся при разныхъ командахъ надъ содержащимися подъ арестомъ женщинами и ежели по медицинской конторѣ отъ нихъ въ сумнительныхъ случаяхъ разсужденіе потребуется съ опредѣленными къ тому присяжными бабками и смотры чинить и аттестаты подписывать, и въ томъ, какъ и въ прочемъ поступать по инструкціи, какова имъ о томъ изъ медицинской канцеляріи дана будетъ (1 мая 1757)».

Прошелъ годъ. Эразмусъ назначилъ у себя лекціи по вторникамъ и пятницамъ послѣ обѣда въ третьемъ часу; но въ апрѣлѣ 1758 года онъ пожаловался, что къ нему мало ходятъ и нѣкоторыя (числомъ 4) по 8 разъ не были. При изслѣдованіи оказалось, что нѣкоторыя бабки больны были и онъ самъ же лѣчилъ ихъ; а другія приходили, по онъ отсылалъ ихъ безъ лекцій подѣ предложень, что ихъ немного и читать лекціи не стоитъ; наконецъ нѣкоторыя

такъ были стары, что хотъ и слушали лекціи, но едвали это пошло имъ въ прокъ ¹⁾).

14 февраля 1763 года медицинская канцелярія распорядилась, чтобы изъ генеральныхъ госпиталей, спб. и московскаго, по шести подлѣкарей ходили къ докторамъ бабичьяго дѣла «слушать лекціоны и учиться акушерскимъ операціямъ». Лекціи акушерства читались по учебнику Редера: *Raeders Elementa artis obstetriciae*. Эразмусъ и Линдеманъ потребовали за это прибавки жалованья, потому что это лишній трудъ, въ инструкціи ихъ необозначенный, и Лерхе (9 октября) прибавилъ имъ—Линдеману 200, а Эразмусу 100 руб., причемъ вѣшено имъ въ обязанность читать бабкамъ лекціоны на російскомъ языкѣ и стараться о наборѣ большаго числа ученицъ, а подлѣкарямъ, кромѣ акушерства, читать лекціоны «о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ». Кажется, однакоже, что эти послѣдніе «лекціоны» никогда не читались, по крайней мѣрѣ Эразмусомъ.

Эразмусъ былъ непомѣрно самолюбивъ, заносчивъ и своенравенъ. Эти личные качества вносилъ онъ и въ общественную свою дѣятельность. Всего болѣе выразилось это при избраніи его профессоромъ въ московскій университетъ. Дѣло въ томъ, что когда университетъ или лучше сказать кураторъ университета Ададуровъ предложилъ ему кафедру анатоміи, хирургіи и бабичьяго искусства, онъ принялъ предложеніе не сказавъ ни слова медицинской коллегіи. Только черезъ три дня послѣ избранія его, Эразмусъ увѣдомилъ коллегію о совершившемся фактѣ, какъ будто ни согласіе, ни позволеніе коллегіи вовсе и не требовалось. »Яже не могъ обойтись высоко учрежденной медицинской коллегіи сямъ донести, писалъ онъ между прочимъ 16 августа 1764 года, что я предоставленную мнѣ предъ давнимъ временемъ отъ здѣшняго университета должность профессора анатоміи, хирургіи и бабичьяго искусства на себя принялъ третьяго дни; которую должность на себя принять тѣмъ меньше усумнился, что разсудилъ, что мнѣ можно ее весьма сносно отправлять и съ прежнею моею должностію: ибо назначенные къ лекціямъ часы не токмо разные, но сіе профессорское мѣсто мнѣ подастъ случай учинить больше мое знаніе въ бабичьемъ искусствѣ анатомическимъ разобраніемъ большаго числа тѣлъ и случаевъ даваемыхъ студентамъ въ бабичьемъ искусствѣ наставленіемъ, да употребленіемъ находящихся въ университетской бібліотекѣ изрядныхъ книгъ; и тѣмъ могу себя учинить больше и больше удобнымъ къ тому, что касается къ славѣ высокоучрежденной медицинской коллегіи и къ моей собственной и къ оказыванію послѣднихъ услугъ всему російскому государству. И такъ я нахожусь въ томъ упованіи, что сіе мое принятіе повой

¹⁾ См. моя *Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII столѣтія*, ст. *Первыя акушерскія школы въ Россіи*, стр. 128.

должности высокоучрежденной медицинской коллегіи столь же не противно будетъ, сколь и его превосходительству, университета г-ну куратору, непротивно, что останусь при своей прежней должности».

Можетъ быть, что баронъ Черкасовъ въ мысляхъ своихъ и согласенъ былъ съ этою аргументаціею: но онъ не могъ принять благосклонно то, что подчиненный ему профессоръ принимаетъ новую должность и въ другомъ вѣдомствѣ, не испросивъ на это особаго разрѣшенія. Поэтому коллегія ничего не отвѣтила на Эразмусово сообщеніе. Тогда началась переписка между бар. Черкасовымъ и кураторомъ Ададуровымъ. А какъ кураторъ принялъ Эразмуса въ университетскую службу тоже не спросивъ заблаговременно согласія медицинской коллегіи, то баронъ Черкасовъ не отвѣчалъ и на кураторскія письма. Такъ прошло три съ половиною мѣсяца. Кураторъ университета написалъ барону Черкасову четыре длинныя письма и ни на одно изъ нихъ не получилъ никакого отвѣта. Это лично оскорбляло его. Но молчаніе Черкасова неприятно было и потому еще, что въ университетѣ начались публичныя лекціи и необходимо было напечатать для публики росписаніе или конспектъ лекцій по всѣмъ факультетамъ и въ особенности по медицинскому, до сихъ поръ еще не открытому: а какъ же было напечатать лекціи Эразмуса, когда Эразмусъ неутвержденъ еще въ должности университетскаго профессора? Кураторъ откровенно высказалъ барону Черкасову свое затрудненіе касательно печатанія конспекта лекцій въ университетѣ и откровенно просилъ объяснить, будетъ ли дозволено Эразмусу принять кафедру въ университетѣ. При этомъ давался косвенный намекъ на то, что Эразмусъ можетъ быть и не принять въ университетъ, лишь бы закончить затрудненіе относительно печатанія конспекта университетскихъ лекцій. Убѣдившись ли этимъ послѣднимъ письмомъ Ададурова, или наскучивъ безплодною и раздражительною перепискою, только баронъ Черкасовъ рѣшился покончить дѣло и прекратить переговоры объ Эразмусѣ. Онъ отвѣтилъ на послѣднее письмо Ададурова, но въ такой брагичивой и раздражительной формѣ, что всякій другой, кромя Эразмуса, созналъ бы свою ошибку и постарался исправить ее. Баронъ Черкасовъ сначала привелъ пѣбликомъ на нѣмецкомъ языкѣ рапортъ Эразмуса отъ 16 августа, на имя медицинской коллегіи, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ, что уже три дня назадъ принялъ должность профессора въ университетѣ, и потомъ продолжаетъ: «Изъ сего ваше превосходительство изволите видѣть, что онъ на третій день по принятіи предложеннаго ему отъ университета профессорства анатоміи, хирургіи и повивальнаго дѣла о томъ токмо коллегію уже увѣдомлялъ, а не просилъ отъ оной позволенія; когда же онъ думалъ, что можетъ въ другой командѣ службою обязаться не спросясь съ тѣмъ мѣстомъ, отъ котораго зависить, то не вижу чтобы медицинской коллегіи нужно было не токмо ему теперь позволить на то, что уже и безъ ея позволенія сдѣлалъ, но ниже о томъ знать. Я буду радоваться, ежели ваше превосходительство будете довольны исправностію его въ пору-

ченномъ ему отъ университета дѣлѣ, а притомъ постараюсь, чтобы онъ не упустительно исправлялъ должность, порученную ему отъ медицинской коллегіи, за что онъ и не малое жалованье получаетъ. Опасаюсь однако, чтобы ему не быть въ случаѣ собаки, за многими зайцами вдругъ гонящейся, не смотря на сходство профессій, упоминаемое въ письмѣ вашего превосходительства отъ 11 дня октября. Простите мнѣ, что давно о семъ вашему превосходительству не писалъ: о непріятной матеріи и писать не охотно».

Кураторъ Ададуровъ принялъ это письмо за согласіе медицинской коллегіи разрѣшить Эразмусу принять профессуру въ московскомъ университетѣ и потому обратился къ ней слѣдующею формальною промеморіею: «Въ апробованномъ отъ Е. И. В. блаженной и вѣчной славы достойной памяти г-ни императрицы Елисаветы Петровны о университетѣ штатѣ между прочимъ положено въ медицинскомъ факультетѣ быть профессору и доктору анатоміи и во исполненіе онаго тотъ факультетъ нынѣ при университетѣ и учреждается, къ чему за способнаго и знающаго университетъ признаваетъ состоящаго подъ вѣдомствомъ медицинской коллегіи д-ра г-на Эразмуса, который и самъ при университетѣ къ исправленію этой должности желаніе свое объявилъ, съ тѣмъ чтобы онъ и подъ вѣдѣніемъ медицинской коллегіи, при повивальномъ искусствѣ докторскомъ мѣстѣ остался, о чемъ де онъ, г-нъ докторъ, и самъ отъ медицинской коллегіи того повелѣнія уже требовалъ; и по указу Е. И. В. въ канцеляріи Императорскаго Московскаго университета опредѣленно: Въ Государственную Медицинскую Коллегію послать промеморію и требовать, чтобы оная коллегія о опредѣленіи онаго доктора Эразмуса въ университетъ профессоромъ анатоміи и хирургіи, со удержаніемъ имъ притомъ подъ вѣдѣніемъ медицинской коллегіи при повивальномъ искусствѣ докторскаго мѣста соблаговолила объявить свое согласіе». Медицинская Коллегія на это опредѣлила (24 февраля 1765 года) д-ру Эразмусу въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ должность профессора анатоміи исправлять позволить, но съ тѣмъ чтобы по должности его при повивальномъ дѣлѣ и прочемъ, что коллегія за благоразсудитъ ему приказать ни малѣйшаго въ чемъ упущенія не было и въ томъ отъ медицинской конторы ниѣтъ должное за нимъ смотрѣніе». Эразмусу данъ былъ для свѣдѣнія ордеръ объ этомъ.

Высокоуміе и самоуміе Эразмуса, повидимому, никогда не оставляли его и причиняли ему много непріятностей, но все-таки не исправляли его. Въ дѣлѣ объ университетской профессурѣ онъ выставилъ себя наивнымъ ребенкомъ, для котораго будто бы не обязательно знаніе общественныхъ отношеній. Кураторъ Ададуровъ подивился наивности ученаго и старался прикрыть и оправдать его передъ медицинской коллегіею. За это Эразмусу слѣдовало бы относиться къ куратору съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ онъ относился къ медицинской коллегіи. И однакожь этого не было и онъ также не уважительно относился къ Ададурову, какъ и къ Черкасову. И вотъ одно изъ до-

казательствъ. Въ юнѣ 1766 году Эразмусъ попросился въ отпускъ въ С.-Петербургъ и медицинская коллегія отпустила его на 29 дней. Онъ и поѣхалъ, забывъ при этомъ что служить въ двухъ вѣдомствахъ и что кромя коллегіи слѣдовало просить отпуска и въ университетѣ. Но этого не забылъ В. Е. Ададуровъ и въ одно время съ прїѣздомъ Эразмуса въ Петербургъ пришла туда жалоба на него сенату за самовольную отлучку изъ университета. Сенатъ приказалъ выслать его изъ Петербурга и оштрафовать въ Москвѣ. На бѣду, онъ и выѣхать не могъ: тайный совѣтникъ сенаторъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ приказалъ ему, по высочайшему будто бы повелѣнію, остаться на вѣкоторое время въ Петербургѣ, и онъ, донеся о семъ медицинской коллегіи, остался. Коллегія донесла и объ этомъ сенату: но сенатъ все-таки не отменилъ своего постановленія и приказалъ сдѣлать ему выговоръ въ университетѣ за отѣздъ безъ дозволенія куратора университета, однакоже жалованья за его просрочку не вычли.

Эразмусъ умеръ въ Москвѣ 1 июня 1777 года отъ апоплексическаго удара.

Эрдманъ Августъ (August Christian Erdmann) изъ Готы, учился въ Лейпцигѣ, а потомъ въ Іенѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Получилъ право практики въ Россіи 23 сентября 1784 г.

Эрлихъ Бернтъ, докторъ польской службы, экзаминованъ былъ въ Литовской (кой врачебной управѣ и по ея представленію получилъ право практики 1798). Практиковалъ въ Вилькомирскомъ уѣздѣ.

Эрнестъ Францъ (Frantz Wilhelm) изъ Вестфальскаго города Кольберга, учился въ Гейдельбергѣ пять лѣтъ и напечаталъ диссертацию: *De debilitate febrili*, получилъ дипломъ (1 июня 1781). Экзаминованъ Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи и получилъ право практики въ Россіи (21 марта 1782).

Эрскинъ Робертъ Карловичъ (Robert Areskine), уроженецъ изъ Шотландіи, принятъ въ русскую службу въ 1706 году. Получилъ образованіе въ Оксфордскомъ университетѣ и, получивъ тамъ дипломъ доктора философіи и медицины, принятъ въ число членовъ Британскаго Королевскаго Общества. По прибытіи въ Россію, былъ сперва врачомъ въ домѣ князя А. Д. Меншикова, который и рекомендовалъ его Петру I. Современники, знавшіе его лично, называли его человѣкомъ благоразумнымъ, обходительнымъ, прямодушнымъ и благовоспитаннымъ. Полюбилъ его и Петръ I и по смерти доктора Донеля (1713) назначилъ его своимъ лейбъ-медикомъ ¹⁾. Наконецъ въ 1716 году

¹⁾ По смерти доктора Донеля Петръ I поручилъ Эрскину написать къ Лейбницу и просить его указать такого доктора, который могъ бы быть приглашенъ въ русскую службу и замѣнить Донеля. Лейбницъ отвѣтилъ на эту просьбу письмомъ (14/26 октября 1713, изъ Вѣны), въ которомъ рекомендовалъ двухъ братьевъ Шехперовъ изъ Цюриха, какъ людей весьма ученыхъ и искусныхъ и оказавшихъ согласіе ѣхать въ Россію, первый докторомъ

возвелъ его въ званіе архіатера и президента всего медицинскаго факультета въ Россіи, на что и далъ ему грамоту на латинскомъ языкѣ, подписанную въ Данцигѣ 30 апрѣля 1716 года. Въ званіи лейбъ-медика докторъ Эрскинъ сопровождалъ Петра I въ путешествіи по Германіи, Голландіи и Франціи (1717). Во время пребыванія въ Парижѣ на него возложено было лестное порученіе предложить императора въ члены Парижской академіи наукъ и такъ-же исполнилъ другое порученіе, доставившее государю удовольствіе быть свидѣтелемъ операціи, посредствомъ коей возвращено зрѣніе 65-лѣтнему солдату, имѣвшему катаракты на обѣихъ глазахъ. Операція предпринята по желанію Петра, съ успѣхомъ произведена профессоромъ Дюверне въ самой квартирѣ его и первый предметъ, который увидѣлъ прозрѣвшій французскій инвалидъ, была благодѣтельная рука русскаго императора. Уважая ученость Эрскина, Петръ I назначилъ его начальникомъ кунсткамеры и смотрителемъ тамошней бібліотеки. Бывъ осыпанъ милостями государя, Эрскинъ не избѣгъ козней зависти и притомъ со стороны своихъ-же соотечественниковъ. Они взвели на него обвиненіе, выдуманное барономъ Герцомъ, будто онъ, какъ врагъ царствующей въ Англіи Брауншвейгской династіи, старается склонить русскаго императора въ пользу Стюартовъ и претендента и ведетъ по сему предмету тайную переписку съ родственникомъ своимъ графомъ Марромъ, главою шотландскихъ инсургентовъ. Эрскину удалось однакоже оправдаться, доказавъ несправедливость обвиненія.

Архіатеръ Эрскинъ умеръ въ Олонцѣ въ декабрѣ 1718, пріѣхавъ туда для леченія Кончезерскими марціальными водами. Незадолго до своей смерти (29 ноября 1718) онъ пригласилъ къ себѣ олонецкаго коменданта полковника артиллеріи Георга Вильгельма Гевинга и въ его присутствіи составилъ и под-

къ особѣ Е. И. В., а другой искуснымъ въ физикѣ и математикѣ. Вотъ отрывокъ изъ письма Лейбница на имя Петра I: «Вѣдая, что ваше царское величество охотно присоединяетъ ученыхъ и искусства особы, писалъ я по требованію Г. Арескина, перваго дохтура в. в., къ славному дохтуру и къ превосходительному физику въ Цюрихѣ въ Швейцарію, къ именуемому господину Шехцеру, призывая его въ дохтуры вашего вел. особы, на мѣсто умершаго Г. Донеля, и онъ предъявилъ себя на то къ пріѣзду съ своимъ братомъ, который такъ-же зѣло искуснымъ есть въ физикѣ и математикѣ. Тѣмъ видомъ ваше величество не только искуснаго дохтура получилъ, на мѣсто умершаго, но имѣлъ бы двѣ особы зѣло способныя къ успѣху славныхъ намѣреній вашего величества къ произведенію въ процвѣтаніе наукъ отъ времени больше, между вашими подданными. И мнѣ трудно изобрѣсть нѣмны особы, къ тому пятнѣйшія. Милости, которыя бѣ ваше величество имъ учинило, подвигли бѣ къ пріѣзду нѣмны особы крѣпкаго и безпорочнаго цѣломудрія». Петръ I получилъ это письмо. Но не распозная вмѣсто одного доктора пригласилъ двухъ математиковъ, онъ отклонилъ Лейбниново предложеніе и на мѣсто покойнаго Донеля опредѣлилъ Эрскина своимъ лейбъ-медикомъ.

писалъ духовное свое завѣщаніе. Духовное это завѣщаніе весьма любопытно тѣмъ, что показываетъ, какъ близко стоялъ докторъ Эрскинъ къ Петру I и къ супругѣ его Екатеринѣ I. По этому приводилъ его вполне, въ точномъ спискѣ съ шодлинника.

Петръ I уважалъ и любилъ Эрскина. Лучшимъ доказательствомъ этого служило торжественное и церемоніальное погребеніе его въ Петербургѣ, въ Александро-Невскомъ монастырѣ, 4 января 1719 года. Петръ I со всѣмъ дворомъ проводилъ гробъ, держа въ рукѣ зажегшую восковую свѣчу, между тѣмъ какъ по всему пути шалерами стояли войска. Могила ему вырыта была рядомъ съ могилою принцессы Натальи, что въ то время считалось знакомъ великаго уваженія къ покойнику.

Эспенбергъ Карлъ изъ Ревеля, учился въ Галле 3¹/₂ года и въ Іенѣ 3 года, гдѣ и получилъ дипломъ. Получилъ право практики 4 мая 1797.

Янишъ Іоганнъ (Johann Heinrich Jaenisch) родился въ Выборгѣ, по медицинское образованіе получилъ въ Германіи (съ 1752 года) и въ особенности въ Іенскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ (1755). Потомъ путешествовалъ по Германіи, Голландіи и Англіи и въ іюнѣ 1758 года пріѣхалъ въ Петербургъ. Экзаменованъ былъ въ медицинской канцеляріи Лерхе, Шрейберожъ и Синопеусомъ и получилъ право практики 4 іюля 1758 года и по прошенію опредѣленъ младшимъ докторомъ при спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ (на мѣсто К. Даля), съ жалованьемъ по 300 р., къ которому въ слѣдующемъ году прибавлено еще 100 р. (1759). Читалъ онъ въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ анатомію, препарованіе и употребленіе бандажей (при прозекторѣ фонъ-Мелленѣ и помощникѣ прозектора А. Пфедерѣ). Потомъ преподавалъ (1762) теоретическую хирургию на нѣмецкомъ языкѣ и *praxis medicam*, такъ что когда составилось соглашеніе доцентовъ въ 1764 году, то на долю Яниша пало, по собственному его выбору, преподаваніе *praxis medicae* на нѣмецкомъ языкѣ. Въ послѣдствіи онъ сталъ тяготиться преподаваніемъ и наконецъ просилъ совсѣмъ уволить отъ него, что и исполнено 31 мая 1770 ¹⁾. При увольненіи его оказалось, что онъ не читалъ лекцій съ 17 февраля 1770 года, т. е. 61 разъ (читалъ только 35 разъ вмѣсто 96), а жалованье забралъ впередъ по 1 мая 1770 года. Посему опредѣленіемъ медицинской коллегіи 25 ноября 1770 года съ него вычи за 61 разъ 125 рублей (за вычетомъ на госпиталь по копейкѣ съ рубля), а за излишне забранныя — за 2 мѣсяца и 3 дня—34 руб. 65 коп., а всего 160 р. 46 коп. Вычеты эти сдѣланы изъ жалованья, которое получалъ Янишъ за службу въ Смольномъ монастырѣ.

¹⁾ Чтеніе его передано было старшему доктору спб. адмиралтейскаго госпиталя Раушерту, съ производствомъ прибавочнаго жалованья по 200 р. (т. е. сколько получалъ Янишъ).

Яеницъ Христианъ (Christian Rudolff Jaenisch) получилъ право практики 24 июля 1796 года и занимался медицинскою практикою въ Петербургѣ, а потомъ принять въ службу (23 марта 1797 года), командированъ въ Фридрихсгамскій полевой госпиталь и по представленію Выборгской врачебной управы опредѣленъ въ гор. Выборгъ, съ жалованьемъ по 300 рублей (21 сентября 1798 года).

Яеницкій Осипъ, докторъ польской службы, по представленію Литовской врачебной управы признанъ докторомъ 14 января 1799 года

Ягельскій Касьянъ Осиповичъ, родомъ изъ Малороссіи и первоначально учился въ Киевской академіи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ с.-петербург. генеральный госпиталь. Произведенъ по экзаменамъ въ подлѣкари 14 мая 1759 и въ лѣкари 16 февраля 1761, съ назначеніемъ въ Валдайскій лазаретъ. Но весною тогоже года отправленъ (вмѣстѣ съ другими девятью лѣкарями) въ чужіе края на казенный коштъ для усовершенствованія, съ особою инструкціею. Учился въ Лейденѣ шесть лѣтъ и напечаталъ диссертацию: *De passione hysterica*, признанъ докторомъ 1765 года. Возвратившись черезъ Ригу въ Москву (1 декабря 1766 года), экзамированъ былъ и получилъ право практики (1 февраля 1767 года), а въ слѣдъ затѣмъ опредѣленъ младшимъ докторомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь сверхъ штата. Преподавалъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ *rudimenta physiologiae, pathologiae*, а также *materia medicam et practicam*, съ жалованьемъ по 400 р. и казенною квартирою. Затѣмъ переведенъ былъ (25 июля 1768) въ Московскій госпиталь и преподавалъ тѣже предметы. Во время страшной московской чумы 1770 года онъ первый распозналъ характеръ эпидеміи и много содѣйствовалъ прекращенію ея. Умеръ въ Москвѣ 21 декабря 1774 года.

Янеке Юганъ (Johann Gottfried Jaenecke) родомъ изъ Франкфурта на Майнѣ, учился сперва фармаціи 8 лѣтъ и произведенъ въ аптекарскіе гезели (съ 6 июня 1748 по 1 мая 1756). Затѣмъ 25 мая 1767 года уволенъ въ чужіе края, учился медицинѣ три года въ Геттингенскомъ университетѣ и получилъ дипломъ 19 мая 1770 года и назначенъ на службу въ полевой госпиталь въ крѣпость св. Дмитрія (28 сентября 1770), гдѣ по окрестностямъ проявлялось моровое повѣтріе, а оттуда въ Черкасскъ, въ войско Донское, съ жалованьемъ по 600 р. и казенною квартирою, а на случай командировокъ и посылокъ по три подводы съ проводниками (ибо раціоновъ ему не полагалось). Но когда Янеке явился въ войско Донское, то атаманъ Ефремовъ объявилъ ему, что докторъ ему не нуженъ, и не принялъ его. Не помогла и переписка двухъ коллегій (медицинской и военной): Ефремовъ просто отвѣтилъ, что не желаетъ имѣть его у себя докторомъ (14 декабря 1771). Тогда Янеке назначенъ былъ въ Харьковъ, по требованію мѣстной губернской канцеляріи, и на мѣсто доктора Крута (17 февраля 1772). Отсюда переведенъ былъ въ полевой Азовскій госпиталь; а когда этотъ госпиталь упраздненъ былъ (4 но-

ября 1781), то Янке назначенъ въ Рижскій полевой госпиталь, на мѣсто Рейхарта, отрѣшеннаго сенатомъ отъ службы. Недолго однакоже оставался онъ на этомъ мѣстѣ и (февраля 1783) переведенъ въ Смоленскъ, дивизионнымъ докторомъ 6 дивизіи. Онъ имѣлъ уже чинъ надворнаго совѣтника, стало быть состоялъ болѣе десяти лѣтъ на службѣ, и по собственной просьбѣ определенъ былъ опять въ Рижскій полевой госпиталь (26 мая 1793 года), но цѣлый годъ не прибылъ туда по болѣзни (arthritis rheumatica). Коллегія долго ждала его, и наконецъ послала въ Смоленскъ освидѣтельствовать его (30 іюня 1794), но отвѣта не получено. Тогда на его мѣсто въ Рижскій госпиталь, по рекомендаціи графа Остермана, переведенъ изъ Украинской арміи докторъ баронъ Петръ фонъ-Беллинггаузенъ, съ жалованьемъ по 600 рублей (9 ноября 1794 года). Тогда Янке самъ явился въ Ригу, но уже вакансія занята была. Впрочемъ онъ не долго ждалъ другой и лучшей вакансіи, открылась она въ Кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, на которую онъ и определенъ (1 января 1795 года), съ жалованьемъ по 800 руб. Недолго впрочемъ управлялъ онъ этимъ госпиталемъ. Да и старъ уже былъ: 72 года отъ роду и 48 лѣтъ службы. Отъ недосмотра ли, отъ другой ли причины, но въ Кронштадтѣ возникло большое дѣло о злоупотребленіяхъ въ госпиталѣ и коллегія приказала ему подать въ отставку и изъ снисхожденія къ его старости уволила его отъ службы съ пенсіономъ. (25 августа 1797 года). Въ послѣдствіи времени, уже состоя въ отставкѣ, Янке просилъ объ опредѣленіи его къ обіенному дому въ Петербургѣ и былъ определенъ, 9 декабря 1801 года, съ жалованьемъ по 600 р. и на квартиру и экипажъ по 210 р., кромя 500 р. пенсіи.

Янке Іоганнъ (Joh. Gottfried Jancke), родомъ изъ Лейпцига, гдѣ учился медицинѣ и получилъ дипломъ (13 апрѣля 1787 года). По экзамену въ медицинскую коллегію получилъ право практики, 13 іюля 1788, и определенъ на службу въ казанское намѣстничество.

Янинъ Николай Андреевичъ (Niclas Andreas Jaenisch), родомъ изъ Выборгскаго намѣстничества и уѣзда, учился медицинѣ три съ половиною года въ Геттингенѣ и получилъ дипломъ. Приѣхавъ въ Петербургъ экзаменованъ былъ въ медицинской коллегіи Тереховскимъ, Валеріаномъ Максимовичемъ Амбодикомъ, Крута и Элизеномъ и 28 апрѣля 1794 года получилъ право практики въ Россіи и уѣхалъ въ Выборгъ. При учрежденіи врачебныхъ управъ Янинъ назначенъ былъ инспекторомъ Тульской врачебной управы, а оттуда назначенъ былъ докторомъ въ итальянскую армію генералиссимуса князя Суворова и сдѣлалъ съ нею всю итальянскую кампанію и обратный походъ черезъ Сенотардъ. Онъ велъ точный счетъ больныхъ и раненыхъ, находившихся въ русскихъ войскахъ, а также иногда нетолько умершихъ, но и убитыхъ и доставлялъ эти счеты въ медицинскую коллегію. По возвращеніи войскъ изъ за границы высочайше повелѣно 22 декабря 1799 откомандиро-

ванныхъ врачей возвратить къ своимъ мѣстамъ, а именно изъ корпуса Дерфельдена возвращень бывший инспекторъ Тульской врачебной управы Н. Янишь, награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника и назначень инспекторомъ студентовъ с.-петербургской медико-хирургической академіи, съ обязанностью смотрѣть за строеніемъ зданій ея по плану архитектора Порто. Но какъ строеніе академіи было уже окончено и при открытіи ея долженъ былъ присутствовать и инспекторъ (Янишь), а онъ не могъ скоро возвратиться въ Петербургъ, то мѣсто его занялъ находившійся при ревенной комисіи въ Иркутской губерніи штатный лѣкаръ кол. ас. Ризенко. Когда же пріѣхалъ Янишь и мѣсто его оказалось занятымъ, то онъ просился на должность инспектора Выборгской врачебной управы. Но такъ какъ вакансіи такой не было, а умеръ старшій докторъ Выборгскаго военно-полевого госпиталя Мелартъ, то Янишу предложена была эта вакансія и онъ на время занялъ ее (1802).

ПРИЛОЖЕНІЕ XI.

**Грамота Петра I на пожалованіе доктора Эрескина архіате-
ромъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.**

Divina favente clementia, Nos, Petrus primus, Czaar et totius Ros-
siae Autocrator, etc. etc. etc.

Notum sit omnibus et singulis, quorum interest, cum Nos annorum aliquot abhinc generosum, fidelem Nobis et dilectum Robertum Areskin, philosophiae medicinae que doctorem, Regiae Societatis Magnae Britanniae socium, ob eximia ipsius merita multis que documentis in personam nostram testatam fidelitatem et summam in re medica experientiam in medicum nostrum primum receperimus illumque *Archiatrum et praesidem totius per integrum imperium nostrum medicae facultatis* constituerimus, illud ipsum ipsum non solum hisce palam testari ipsumque in utroque illo, quo fungitur apud Nos munere, confirmare, verum etiam in testimonium singularis nostrae, quo ipsum prosequimur gratiae fidelissime aequae ac felicissime Nobis ob reddita servitia munere et caractere *actualis consilarii* Nostri insignire dignati sumus. Quemadmodum vigore harum praenominatum Robertum Areskin medicum nostrum primum, reique medicae per imperium Nostrum praesidem, in actualeм consiliarium nostrum designamus et constituimus utque pro tali ab unoquoque agnoscatur et honoretur, Nostris clementissime mandamus, ceteris vero benevole desideramus et requirimus. In quorum fidem propria nostra manu has notatas et imperii nostri sigillo corroborare mandavimus.

Gedani, aprilis XXX anni MDCCXVI.

Petrus.

Современный русскій переводъ этой грамоты:

Божіею посіѣшествующею милостію, Мы, Петръ I и проч.

Объявляемъ всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что мы предъ нѣсколькими годами благороднаго и намъ вѣрно любезнаго Роберта Арескина, философін и медицины доктора, королевской великобританской соціетѣ члена, за доброе его дѣйство и чрезъ многіе опыты показанную вѣрность къ нашей персонѣ, также и за великое въ медицинѣ искусство, въ докторы наши первенственные принять и онаго архіатеромъ и президентомъ канцелярїи нашей надворной медицинскоѣ всего медицинскаго факультета въ нашемъ имперїи учредить благоволили; того ради мы не токмо симъ то явно засвидѣтельствовать и его въ помянутомъ чинѣ подтвердить, но еще во свидѣтельство особливо нашей къ нему имѣющейся милости, за вѣрные его и усердные къ намъ учиненныя заслуги, чиною и характеромъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника нашего пожаловать соизволили; якоже силою сего вышеназваннаго Роберта Арескина, собственнаго медика нашего первенственнаго и медицинскоѣ надворной канцелярїи нашей и всего медицинскаго факультета въ нашемъ имперїи президента, въ совѣтники наши опредѣляемъ и учреждаемъ, и дабы оныя за то отъ всѣхъ признанъ и почтенъ былъ нашимъ всемилостивѣйше повелѣваемъ, отъ прочихъ же благовоптельно желаемъ и просимъ; во увѣреніе чего сіе, за подписаніемъ собственной нашей руки, государственною печатью утвердить повелѣли.

Дано въ Гданскѣ, 1716 году сентября въ 9 день.

ПРИЛОЖЕНИЕ XII.

Царскому Величеству, Петру I, доношеніе архіатера Р. Эрскина.

По всемилостивѣйшему Вашего Величества указу, будучи въ прошедшемъ походѣ въ Парижѣ, поставленъ контрактъ съ господиномъ Делаброа. По контракту надлежитъ ему за анатомическія вещи, сдѣланныя изъ воска, заплатить изъ кабинета 9000 французскихъ ливровъ, которыхъ считается по 4 ливера на русской рубль, итого 2250 рублей. Да за сферу, которой указали Ваше Величество купить, надлежитъ заплатить 6000 ливръ, итого русскихъ денегъ 1500 рублей, всего 3550 руб. Да въ С.-Петербургѣ господину Матернову, за дѣло модели новой бібліотеки, заплатилъ я своихъ 46 рубл. 4 алтына. Да раритеты натуральныя, которые содержатся въ бібліотекѣ Вашего Величества въ крѣпкомъ винномъ духу, на которые нынѣ надлежитъ вина простаго 250 ведеръ, которое надобно перетронть. Понеже нынѣ то время пришло, чтобы тотъ спиртусъ, въ которомъ нынѣ состоятъ, пережѣнить и оныя оскотрѣть.

И о выше писанной заплатѣ денегъ и объ отпускѣ вина ожидаю Вашего Величества милостивѣйшаго указа.

Вашего Величества низжайшій рабъ R. Areskine.

юля 4 дня 1718 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIII.

Духовное завѣщаніе перваго русскаго архієтера и лейбъ-медика Р. В. Эрекина ¹⁾).

Во имя Святыя Троицы. Аминь.

Понеже, соизволеніемъ всемогущаго Бога, тяжкою тѣлесною слабостію посѣщенъ есмь, которая такъ привилася, что повидимому животъ мой скончаю и сіе временное житіе въ вѣчное премѣню, къ чему Всемогущій своею милостію мнѣ да поможетъ.

И понеже по обыкновенію христіанскому и для очищенія совѣсти, я свои пожитки движимыя и недвижимыя правдивымъ наслѣдникамъ еще при добромъ разумѣ, добровольно и безъ принужденія опредѣлить намѣренъ, дабы ежели, Богу извольшу, отъ сего свѣта отойду, между наслѣдниками никакія ссоры и вражды не было, и того для имѣть по семъ описанное свято содержано быть, и тотъ, который противу сей духовной и моей послѣдней воли чинить будетъ, весьма и всего по мнѣ оставшагося лишень быть имѣть.

И дабы сія моя послѣдняя воля вѣрна и налутчѣе подтверждена была, того ради просилъ я благородныхъ господъ Георга Вильгельма Гекинга, его *Быть такъ* царскаго величества полковника отъ артиллеріи, и коменданта Олонецкаго съ ниже помянутыми и подписавшимися свидѣтелями, дабы при семъ моемъ учиненномъ тестаментѣ и послѣдней моей воли присутствовали, чтобъ все правдиво безъ лукавства и безъ обману учиниться могло.

Опредѣляю и отказываю какъ слѣдуетъ: деньги и все наличное въ Англии госпожѣ матери моей, а ежели она умерла, то ближайшимъ наслѣдникамъ; *быть.*
деньги которыя въ С.-Петербургѣ и ювели, золото и серебро, фамиліямъ, *быть.*
которыя иногда въ нужду впадутъ, дабы имъ тѣмъ паки вспоможи;

Всемилоствѣйшей Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ неупотребленныя полотна п кружева, которыя еще въ цѣлости и не изрѣзаны и всю *быть.*
порцелянную посуду;

камердинеру моему Ягану Кроннингу всякій уборъ, что я употреблялъ, яко *быть.*
платъе, и постелю, и бѣлье;

всю поваренную посуду, яко оловянную, мѣдную и желѣзную, также и

¹⁾ Надписи на поляхъ, напечатанныя здѣсь курсивомъ, сдѣланы собственно ручю Петромъ Великимъ.

лошади мои, коляска, сани съ принадлежащею сбруею продать и отдать господину аптекарю Беру, господину Равенелю, секретарю Шумахеру и камердинеру Кроннингу, за имѣвшіеся ихъ труды и вѣрныя ихъ услуги; *Заплатить деньги по оцѣнкѣ.*

библиотеку мою продать и деньги за оную полученныя отдать ближнимъ наследникамъ моимъ;

всѣ курьозныя вещи и медали, и всѣ другіе инструменты никому бромъ Царскаго Величества, моего Всемилостивѣйшаго Государя, не представлять, соизволить ли онъ всемилостиво оныя себѣ купить, которыя деньги раздать въ сиротскіе дома, госпитали и богадѣльни въ Шотландіи;

домъ мой въ С.-Петербургѣ, со всѣми уборами, яко стулы, шеафы, столы, кровати, зеркала, часы и живопись продать, а деньги отдать матери моей, или по смерти ея ближнимъ наследникамъ; *быть II.*

Маенность Гаштель (нынѣшнія Гостилицы) предаю я во всемилостивѣйшее соизволеніе Его Царскаго Величества, изволить ли онъ оную отдать ея высочеству, старшей принцессѣ.

Еще послѣдняя моя воля есть маенность Пакола доктору Блюментросту меньшему.

Еже учинено на Петровскихъ заводахъ, въ домѣ Его Царскаго Величества, 29 ноября 1718 года. *быть.*

ПРИЛОЖЕНІЕ XIV.

Указъ Петра I о присылкѣ уродовъ и рѣдкостей, 13 февраля 1718 года.

Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣрской и птичьей случается, что родится монстръ, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для предъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобы такіе приносили, обѣщая заплатить за оныя, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно два младенца, каждой о двухъ головахъ, два которые срослись тѣлами. Однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть и невѣжды, чая что такіе уроды родятся отъ дѣйства діавольскаго чрезъ вѣдомство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не діаволь, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ и отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матернаго во время бремени, какъ тому многіе есть примѣры, чего ислужается мать, такіе знаки на дитяти бывають, также когда ушибется или больна будетъ и проч. Того ради сей указъ и обновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ и скотскіе, и звѣриныя, и птичьи уроды приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, а имъ за то будетъ

давана плата, а именно: за человѣческую по десяти рублевъ, за скотскую и звѣриную по пяти, а за птичью по три рубли за мертвыхъ, а за живыхъ человѣческую по сту рублевъ и за звѣриную по пятнадцати рублевъ, за птичью по семи рублевъ, а ежели гораздо чудное, то дадутъ и болѣе, будеже съ малою отиѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается, что ежели у нарочитыхъ родится и для стыда не захотятъ принести, на то какой способъ, чтобы тѣ неповинны были сказывать, кто принесеть, а коменданты неповинны ихъ спрашивать чье, но принявъ, тотчасъ деньги давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего указу будетъ таить, на такихъ возвѣщать, а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ.

Также ежели кто найдетъ въ землѣ или въ водѣ какія старыя вещи, а именно каменья необыкновенныя, кости человѣческія или скотскія, рыбы или птичьи, не такіе, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики, или малы передъ обыкновеннымъ; также какія старыя надписи на камняхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое и нынѣ необыкновенное ружье, посуду и проч., все что зѣло старо и необыкновенно, такоужбы припосили, за что давано будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже не выдавъ нельзя положить цѣны. Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ класть въ спирты, будеже того пѣтъ, то въ двойное, а по пуждѣ въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось, за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо.

Поправки. На страницѣ 81 въ строкѣ 22 испечатано *25 марта 1835 года* (день смерти доктора Н. Бидлоо), между тѣмъ какъ слѣдовало напечатать *25 марта 1735 года*, и на страницѣ 63 въ строкѣ 3 связу напечатано *подобно*, а слѣдовало напечатать *«надобно»*.

